

Халет Чудинов
В тени Рюджина

Продолжение походов Орочимару Рюся.

---

9 июня 45 года от начала Эпохи Какурезато

Взгляд Микото был устремлен вверх. Сама она лежала на непривычно мягкой кровати и, по правде говоря, не видела в бледно-зеленом потолке над собой ничего интересного. Впрочем, что, вообще, может быть интересного в больничной палате? Их Учиха успела навидаться за свою не такую длинную жизнь в достатке. И когда умирала ее мать, и когда сама оправлялась от ран.

Эта палата не отличалась от иных практически ничем. Разве что запах медикаментов и дезинфицирующих веществ не так навязчив. Но стены тех же зеленых оттенков — учитель говорил, что этот цвет действует успокаивающе. Раздвижные окна, открытые по случаю летней жары — девятый день шестого месяца все-таки, начало лета. Слегка трепещущие на теплом ветру кремовые занавески. Разве что цветы в вазе на подоконнике были необычны, но на них девушка уже насмотрелась. Ей вообще сейчас была безразлична окружающая обстановка: девушка ушла глубоко в свои мысли, и вернуть ее к реальности мог только...

Недовольное ворчание под боком мгновенно вернуло Микото к реальности.

— Тихо, тихо, малыш, — ласково пропела она, торопливо подхватив на руки увесистый сверток. — Ну, чего ты? Жарко? Кушать хочешь? Животик болит?

Ребенок, что характерно, отвечать не стал, но, оказавшись на руках, успокоился. Кушать ему было еще рано, поэтому Микото использовала шаринган, чтобы проверить здоровье младенца. И вновь подивившись четкой и наполненной Системе Циркуляции Чакры своего дитя, убедилась, что с ним все в порядке. Просто испугался шума в коридоре.

Учиха слишком эмоциональные и возбудимые. Со временем чувства берутся под контроль, пока вовсе не оказываются спрятаны за маской отрешенности, но в младенчестве ни о каком контроле речи и быть не может.

— Значит, все хорошо, — успокоенно выдохнула Микото. — Зачем ты маму пугаешь, проказник маленький?

Отвечать ребенок снова не стал, только завороченно смотрел в лицо матери черными глазами. Учитель говорил, что у новорожденных детей зрение не сформировано, но у этого карапуза с глазами явно все было в порядке.

— Настоящий Учиха, не правда ли? — радостно произнесла Микото, проводя пальцем перед лицом малыша и довольно наблюдая, как тот следит за движением.

Казалось бы, мелочь, но говорит о многом. Этот ребенок станет сильным. И у него будет шаринган! Или... Или кецурияган?

— Признавайся, проказник, чьи у тебя глаза? — подозрительно сощурившись, спросила Микото.

При первом взгляде ясно видно, что у ребенка глаза мамины. Антрацитово-черные. Ни намек на желтизну, но кто знает, что кроется за этой тьмой? В какой багрянец они окрасятся? Вообще, что в нем есть от отца? Нос? Губы? Форма лица? Нет, подбородок точно мамин. Губы? Тоже нет. Возможно, только брови. Слишком мало...

Дверь в палату тихо отъехала в сторону. Ее шелест встревожил ребенка, но плакать он не начал. Уже хорошо.

В открывшемся проеме появилась любопытная белоглазая мордашка.

— Не помешаю? — весело поинтересовались у Микото.

— Проходи, Нами.

Хьюга влетела в палату, не забыв закрыть за собой двери. Все такая же жизнерадостная и активная, как и в детстве. Явилась подруга в ярком кимоно лазурных оттенков, украшенное узором в морской тематике. Аккуратно переставив поближе к кровати стул, девушка плюхнулась на него и с живым интересом уставилась на Учиха. Немного поиграв в гляделки, Нами покачала головой. Непонятно, то ли укоризненно, то ли восхищенно.

— Ч-чего? — запнувшись от такого напора, неуверенно спросила Микото.

— Рада за тебя, дуреха, — искренне улыбнувшись, ответила Хьюга. — И завидую немного. Ну, как оно? Каково быть молодой матерью?

— Пока не уверена, меньше дня в новом статусе, — честно призналась Микото, — но, вроде, нравится.

— Это хорошо. Это правильно, — покивала Нами в ответ. — А дашь поддержать?

С удивлением посмотрев на состроившую умоляющую гримасу подругу, Микото аккуратно передала ей ребенка.

— Ух, какие у нас глазищи! — первым делом восхищенно прошептала Нами, осторожно баюкая в руках младенца. — А какие мы тяжелые! Ох и намучилась с тобой мамка, наверно!

— А вот и нет, — немного возмущенно ответила Микото. — Он никогда не заставил бы меня мучиться!

— Но... Он же такой большой, — удивленно заметила Нами. — Больно не было?

— Больно было, когда я училась, — фыркнув, ответила Микото. — А сейчас мне всего-то нужно было использовать Нан но Кайзо.

— Мягкая Модификация Тела... Может, мне тоже ей научиться? — задумчиво глядя на младенца в руках, поинтересовалась Хьюга.

— Не советую. Классический метод не поможет, и после хирургического вмешательства с суставами проблемы бывают. А если использовать методику учителя, то это слишком мучительно.

— Ну, не знаю, не знаю... — все еще сомневаясь, произнесла Нами. — Говорят, роды — это сущее мучение.

— У нас отличные ирьенины, если боишься, то они просто разрежут и потом все зашьют — как новенькая будешь, — ворчливо ответила Микото.

— Как скажешь, мамаша, — улыбнувшись, согласилась Нами и вернула ребенка Микото. — И как же ты мальчика назвала?

Учиха замаялась с ответом. Имени до сих пор не было. Столько времени было придумать, но она не решалась. Ждала, что, может, у отца будут пожелания, но... Он так и не показался. Ждать больше нет смысла. Нужно наречь ребенка самой. Как? Может, что-то связанное с ветром? Сенсей был выдающимся пользователем Стихии Воздуха, его метод дыхания преподают в Академии, Шичи Тенкохо тоже его техника.

— Ласки ведь охотятся на змей, Нами? — спросила Микото, глядя в черные глаза своего сына.

— Ну... Вроде бы, но редко, — неуверенно ответила Хьюга.

— Итачи. Познакомься, это Итачи.

— Очень приятно, Итачи-кун. А я Нами. Будем знакомы, — серьезно сказала Хьюга, после чего уже у Микото спросила: — А при чем тут охота на змей? Ты же, вроде... ну, как бы... Простила Орочимару-сенсея. И доказательство на лицо, прямо скажем.

При этом Нами выразительно покосилась на Итачи, засыпающего в руках матери.

— Просто... С ним не просто, Нами, — призналась Учиха, отвернувшись к окну и вазе с цветами. — Я ждала, что он придет, что навестит. А его не было все девять месяцев.

— Ну, сенсея объявили нукенином, появиться в Конохе ему сложновато.

— И ты, и я прекрасно знаем, что подобные мелочи не смогли бы остановить Орочимару-сенсея, — не сдержавшись, рассерженно бросила Микото и тут же принялась успокаивать встревожившегося Итачи.

— Ну да, понимаю, — негромко произнесла Нами и тут же попыталась перевести тему. — А что за букетик у тебя? Поклонник подарил? Что за бесстыдник подкатывает к молодой мамаше?

Поднявшись, Нами подошла к окну и хотела было прикоснуться к пурпурным цветам, но ее поспешила остановить Микото.

— Лучше не трогай эти цветы, — посоветовала Учиха. — Это аконит синеустный. Вообще, вряд ли ты отравишься от одного прикосновения, но лучше не рисковать. В Лесу Смерти даже цветы опасны.

— Они ядовиты?! — возмутилась Нами. — Кто додумался ставить в палате кормящей матери ядовитые цветы?!

— Только не кричи, ребенка испугаешь, — улыбнувшись такой заботе, сказала Микото. — Да и не бойся, мне многие яды не опасны. Тем более такие безобидные. И Итачи тоже, по крайней мере, первые дни и пока он получает с молоком мои антитела. Яд этих цветов был первым, к которому я выработала иммунитет. И это первые цветы, которые мне подарил Орочимару-сенсей еще во время моего обучения. Они... появились здесь, пока я спала.

Выписали Микото быстро. Роды прошли без осложнений. С техникой Нан но Кайзо, Микото вообще не испытала никаких трудностей ни во время родов, ни после. Сложно было только контролировать чакру, в остальном же никаких проблем. Так что и палату занимать смысла не было. Собственно, вовремя пришедшая Нами тут же и проводила Учиха домой, где помогла с ребенком и обустройством.

Только вечером, искренне поблагодарив Хьюга за помощь, Микото осталась одна. Жила она в родительском доме, ставшем теперь ее. Он хоть и не большой, но все же отдельный, Тэссэн был сильным шиноби и мог себе это позволить. После гибели всех близких родственников оставаться в нем одной было неуютно, однако теперь все поменяется.

Взяв на руки спящего младенца, Микото тихо подошла к алтарю с тремя именными табличками. Помимо них рядом стояли фотографии знакомых и родных девушке лиц. Тэссэн, Саёри, Дайсен.

— Отец, матушка, — поклонилась она сначала родителям, — познакомьтесь, это ваш внук, Итачи. Брат, — поклонилась она вновь, — познакомься, это твой племянник, Итачи. Он хороший мальчик. Наверняка вырастет очень сильным. И... У меня теперь тоже все хорошо. Я больше не одна.

***

Раздраженно отбросив очередной отчет, Хирузен решительно настроился на перерыв. Дела деревни были не столь радужными, как хотелось бы. Во время Второй Мировой войны Коноха понесла, наверно, самые внушительные потери среди других деревень. Потери Кумо и Кири незначительны, хотя Водоворот поглотил Мечников Тумана и несколько сотен сильных шиноби. Суна хоть и не отличалась большой численностью армии, но эти их марионетки были почти бесконечны. Даже Ива могла прямо сейчас выставить тысячу

пиноби! Взрослых, прошедших горнило войны, опытных пиноби. Ооноки никогда не чурался использовать наемников и грамотно с ними управлялся, наверно, этим и сберег своих ниндзя.

Тем временем Коноха за пятнадцать лет получила только три тысячи генинов, из которых джонинами стала хорошо если десятая часть. А потери? Погибло очень много пиноби. И сильных среди них хватает. Нужно восполнять потери, но как и откуда? Как-то повысить производительность Академии? Сокращать программу? Увеличить набор? Непонятно.

Есть и еще проблемы. Разрушенная Узушиогакуре и пропавшие пиноби деревни. Узумаки были не только военной силой, они являлись прекрасными мастерами фуиндзюцу. Без них поставки Взрывных Печатей резко сократились и их стоимость возросла в разы. И в целом цены выросли, что тоже не слишком хорошо сказывается на боеспособности деревни. Теперь пора задуматься о развитии собственных мастерских, но это дело не быстрое.

Есть, конечно, и приятные моменты. Едва не провалившаяся миссия Хатаке Сакумо спасла несколько джонинов и принесла выгоду стране и деревне. Среди нового поколения пиноби есть подающие надежды гении, те же Ичигеки, Микото, Минато, например. И Кушина, джинчурики Конохи, в самом расцвете сил, может принимать участие в боях. Хотя ее сила далека от возможностей Мито... Но это поправимо. Тем более, Цунаде взялась ее обучать. И сама Сендзю, хоть в очередной раз разругалась с Хирузеном и советниками из-за обучения ирьенинов, но не пустилась странствовать, как грозила сделать. Выбила только разрешение самостоятельно набрать себе учеников. Джирайя опять же остается. Но Орочимару...

Он ушел и перед уходом сильно проредил состав пиноби Анбу. Пусть это были Данзо и его вояки, ориентированные на свои задачи, но они были частью силы Конохи. Сам Рюсей скрылся в Стране Звукa, откуда его не так просто выкурить. Недавно Коноха сама оберегала эту страну, пользуясь поставками продовольствия. Теперь же, когда Отогакуре поставляет вакцины от эпидемии, дайме Великих стран сами взяли над этой местностью патронаж, фактически запретив пиноби Пяти деревень там появляться. По крайней мере, пока не будет побеждена зараза.

Медленно набив трубку, новую, выточенную из привозного бриара, Хирузен поджёт ее, пропустив через табак чакру Стихии Огня. Крепкая смесь слегка отрезвила и привела мысли в порядок, успокоив нервы.

Скоро начнется новая война, а деревня к ней не готова. Он ошибся. Совершил много ошибок. Недопустимо много. Ему уже пятьдесят лет. Старость пока не берет тело и разум, но годы все же сказываются. Разум окаменел, опыт, который спасал ранее, в новых условиях начинает мешать. А замену себе Хирузен приготовить так и не сумел. Возможно, Цунаде? Но ей нужны советники, которых она сможет выслушать и к которым прислушается. А найти таких посложнее будет, чем нового Хокаге.

Нет. Перед войной придется вновь остаться на посту. Сарутоби горько скривился. Он уже слишком многое упустил, отдавать сейчас пост Хокаге кому-то — просто погубить неопытного сменщика. Во время войны придется принимать сложные решения. Нехватка солдат никуда не пропала. И ее придется восполнять срочно. Человеческие ресурсы Конохи таковы, что в битвы придется бросать подростков. Пусть лучше это бремя ляжет на его плечи. Но Цунаде можно сделать советницей, если она согласится. Это может оказаться полезным.

Жаркий ветер пустыни давно остался позади, за кирпичной стеной города, однако его заменила тяжелая атмосфера густонаселенного поселения. Роуран — один из первых городов этого мира, который имел полноценные водопровод и канализацию, но это не спасало от стойкого запаха невымытых тел, конского пота и навоза, который стоял на нижних уровнях. Использование тягловых животных, жаркий климат и огромное количество приезжих — ничего с этим не поделать.

Торговые караваны, рабочие, наемники — они приходили сюда со всего мира. Семь лет назад открытый Университет Роурана также привлекал немало народа, ученых и студентов. Роуран все больше напоминал термитник. Собственно, многочисленные башни по своей структуре старались повторить как раз термитники: естественная вентиляция создавала в них приятный и совсем отличный от пустынного микроклимат. В этих башнях проживало не менее миллиона жителей — один из крупнейших на континенте городов. И в то же время, это практически единственное поселение Страны Песка, если не считать за таковые мелкие шахтерские деревеньки, где работают вахтовики.

Я осматривал город с одного из мостов, перекинутых между башнями. Шевелящаяся внизу толпа была почти монолитной. Улочки заполнены людьми, в воздухе стоит гомон многоголосой толпы. Деревья, фонтаны и парки были редкими островками спокойствия в гигантском муравейнике. Такая же кипучая жизнь была и в башнях.

Неодобрительно покачав головой, я отвернулся и двинулся дальше, сопровождаемый тремя шиноби. Они не были охраной, скорее почетным конвоем. Все же не пристало лидерам Скрытых деревень ходить без эскорта. Статус не позволяет, и секретари нужны.

— Яги, при случае напомним Ринха, что в Роуране неплохо было бы открыть частную клинику, — попросил я следующего за мной Ибури, который координировал всю деятельность Отогакуре в Стране Песка. — Или, лучше, пусть отправят кого-нибудь из своих в университет, на отделение клинической медицины. С таким населением и транзитом здесь будет масса практического материала в области инфектологии.

— Понял, Рюджин-сама.

Яги — человек исполнительный и мозги у него варят, не зря Мицуко его выделила. Так что я почти сразу забыл об отданном указании — выполнит. Пока я результатами его работы доволен, по крайней мере, с Коме-дза он работает результативнее меня. У каждого свои таланты.

В общем, десять лет я о Роуране старательно не вспоминал и планирую следующие десять лет провести в том же духе. Проектов у меня здесь много, но личные чувства, будь они не ладны, мешают. Дошли до меня слухи, что у местной королевы наследница родилась после моего отбытия из города. Учитывая, что она стала совсем не посторонней мне женщиной, и что в моменты моей с ней близости я не давал волю своему генному материалу, то видеть мне Сераму и ее дочь было бы непросто. Человек я далеко не черствый, и лицезреть перед собой дорогую сердцу девушку, которая нагуляла на стороне ребенка мне неприятно.

Ясно, конечно, что сам я кобель тот еще: Микото там родила на днях, Мицуко пристает постоянно. И идиот я, если уж на то пошло, порядочный, мог бы и не городить драму на пустом месте, расставаясь с Сераму. Однако быть вместе с королевой Роурана у меня вряд ли бы получилось. Город ее замечателен по многим статьям: источник чакры имеется, шиноби здесь немного. Но и минусы у него существенные — Роуран в такой дали от основных

театров военных действий, что мне банально в нем неудобно жить было бы.

Страна Огня — вот хартленд мира Шиноби. На ее периферии вся движуха. И там мне нужно быть.

Ну, и если возвращаться к ситуации с Сераму, то любила она совсем не меня, а Тацуму Гото, которым я тогда был. И любила она его только из-за взбесившегося в результате планомерных отравлений гормонального фона. А я сам ее вылечил, чем в итоге порушил всю романтику. Ну, в конце-концов, могу признать, что последующее бегство имело смысл.

Влюбленность королевы — это приятно, но она испарилась бы вместе с зашкаливающими в ее крови гормонами. А я бы остался, а вместе со мной и мои проблемы. Сомневаюсь, что без клана Ринха в Роуране я мог бы обеспечить себе неприкосновенность от всех Пяти стран также, как и в Стране Звука.

Роуран и так имеет все шансы быть уничтоженным: Страна Ветра точит зуб после отделения Страны Песка, Страна Земли по-прежнему жаждет получить территорию и ресурсы Роурана, и обе они недовольны растущим влиянием Сераму. Уверен, что королеве абсолютно не нужны проблемы еще и со Страной Огня из-за укрывательства их нукенина. И со Странами Воды и Молнии из-за помощи Водовороту. Воплощение моих планов на этот мир волей неволей привлекут ненужное ко мне внимание. За себя я более-менее уверен, моей силы достаточно, чтоб обеспечить себе защиту и независимость от сильных мира сего. Однако, если эти самые сильные узнают, что у меня есть такая слабость, как Сераму, могут возникнуть проблемы.

Наверно, своим нынешним визитом в Роуран я уже могу поставить под угрозу Сераму, но с другой стороны, я могу и помочь. Ставка достаточно высока, чтобы рискнуть. А вот с Микото, конечно, вообще глупо получается. С тех пор, как ушел из Листа, так и с ней ни разу не поговорил. После гибели родных и пробуждения Мангекье Шарингана ее поведение просчитать стало сложно, я вообще не был уверен, что она в один не самый прекрасный момент не решит сбежать вслед за мной. И опять же не принять я ее не смог бы, а иметь такую слабость как новорожденный ребенок мне пока не нужно. К тому же Хирузен и еще несколько мутных личностей очень пристально за Микото следят. Приходилось поддерживать ее очень опосредовано. И напомнить о себе получалось очень редко. Надеюсь, она правильно поняла мои знаки внимания в виде букетов и других маленьких подарков.

С появившимся у Микото Мангекье и связанными с его пробуждением неминуемыми психическими девиациями мне остается только надеяться и верить в лучшее.

Окончательно испортив себе настроение, я поплелся к дворцу Сераму.

Встретиться с ней мне было необходимо. Все сроки давно прошли. Гости из будущего должны были объявиться, но пока мои агенты ни о ком подозрительном не сообщали. Им я, конечно, доверяю, но нужно проверить самому. Дело немаловажное, и так пустил его на самотек. Пора исправляться. Если ни Анрокузан, ни его преследователи не явились, то это хоть и немного разочаровывает, но тоже неплохо и даже логично. Значит, в будущем Рюмьяку окажется достаточно защищен, чтобы не допустить к нему посторонних. А это, в свою очередь, с высокой долей вероятности говорит о том, что у Сераму и ее дочери все будет в порядке.

В этот раз для разнообразия я проник во дворец Роурана как белый человек: через главный вход, по приглашению и не скрываясь под чужими масками. Это было не так интересно, как в облике мелкой змейки, которой открылись некоторые тайны королевства, но зато более приятно, нежели проникновение в качестве преступника и через тюрьму. Хотя

встреча с самой королевой не могла не вызвать у меня чувства легкой ностальгии, потому что принимала меня Сераму в знакомой оранжерее.

Здесь произошла первая наша встреча, здесь мы частенько засиживались, разговаривая на разные темы, а вон за тем кустиком мы даже... Но это личное.

— Добрый вечер, ваше величество, — с радушной улыбкой поклонился я вставшей мне на встречу королеве.

— Рада видеть вас, Орочимару-сан, в своем доме, — ответила мне королева, так же улыбаясь. — Легким ли был ваш путь?

Сераму ни капли не изменилась с момента нашего расставания. И это даже не удивительно — мой бизнес по продаже эликсиров бессмертия растет и развивается. Он оказался не только крайне прибыльным, но и очень эффективным, когда нужно добиться каких-то преференций от дайме и аристократов. Захотел, чтоб лишние шиноби не ползали по моей территории — пожалуйста, Орочимару-доно, такая мелочь не стоит даже внимания, ваши вакцины так всем нужны, что никто не посмеет отказать!

— Путь занял много времени, но проблем не было, — отрицательно качнул я головой. — Времена относительно спокойные сейчас.

Хотя иметь здесь кого-нибудь со своим джуиндзюцу, и не относящегося к клану Ибури, было бы очень неплохо. Не то чтобы я горел желанием появляться здесь часто, но на всякий случай возможность мгновенно переместиться к Сераму нужна. Нужно было на Кавакихиме печать поставить. Эта паршивка наверняка до сих пор где-то здесь.

— Хорошо, — кивнула в ответ Сераму. — Давайте присядем, Орочимару-сан, разговор у нас будет долгим.

Вот от этого счастья я бы тоже хотел бы отказаться. Долгих разговоров мне не нужно, достаточно более внимательно осмотреть королеву на предмет отравлений. Ее кейракукей я осмотрел еще издали, не заметив в нем никаких отклонений, но один раз уже на нее воздействовали так, что на чакре это слабо отражалось. Если Анрокузан все же появился, то он мог банально навешать лапши на уши, без использования гендзюцу или иных подручных средств.

Хотя шансы на то, что какой-то излишне хитрый и амбициозный шиноби сможет к ней втереться в доверие, стремятся к нулю. Королева в последнее время стала еще более подозрительно относиться к ниндзя, даже от создания в своей стране собственной Скрытой деревни отказалась, решив пойти по стопам Страны Железа. Здесь правили бал самураи, даже была организована специализированная школа. Впрочем, так даже лучше.

Отсутствие шиноби в чем-то, думаю, даже полезно. Например, в Роуранском университете впервые во всем мире начато изучение чакры не как средства умерщвления себе подобных. Это, можно сказать, комплекс научных институтов, где изучают направления использования чакры на благо обществу. Попутно университет выпускает квалифицированных врачей, инженеров разных мастей и прочих специалистов, владеющих чакрой, но не желающих иметь ничего общего с войной.

Страна Звука стала первой площадкой для подобных опытов, но Роуран банально имел Рюмякю, что существенно облегчало все опыты с чакрой.

Поговорить со мной королева как раз желала насчет наших общих проектов. Финансирование, договора с соседними странами, изменение торговых маршрутов, контакты с Амегакуре и Юкигакуре, которые имеют большие наработки в технологиях. Не обошли стороной дальнейшие пути разграбления остатков былого величия Страны Неба. Да,

я согласен, что нужно налаживать контакты с Ханзо Саламандрой, пока он относительно адекватен. И монополию Страны Льда на собирающие чакру приборы нужно разрушать. И о скорой войне в курсе... Но, вообще, об этом королева вполне спокойно могла поговорить с Яги, а не со мной.

Где-то на середине разговора нас на секунду прервали. В оранжерею явилась девочка. Лет двенадцати-четырнадцати, красноволосая и с чудными глазами фиалкового цвета. Судя по атласному одеянию алых тонов и диадеме — принцесса.

— Это моя дочь, Сара, — познакомила меня с ней Сераму.

— Очень приятно, — и я уж догадался.

Красные волосы, значит. Кто-то из Узумаки? В принципе, это неудивительно. Их полно по всему континенту. Но, на самом деле, здесь и в Стране Ветра тоже встречаются рыжие. Тот же Сасори и отец его, Гаара. Вполне возможно, что в их родословной затесались Узумаки. Всю свою долгую историю они ж не сидели безвылазно на своем острове. С Сенджу браки заключали, клан Шиин родственниками их считает, Акимичи тоже вниманием обделены не были, в Кири и Кумо имеется несколько семей, у которых красные волосы встречаются. Наверняка, их потомков по миру полно.

И это закономерно, учитывая безудержную жизненную энергию Сенджу и Узумаки. На себе испытал и точно знаю, что с таким уровнем Ян плодиться и размножаться просто-таки милое дело.

Интересно, кстати, возможно, Нагато-то и не среди Узумаки сейчас находится. Я же его так и не нашел, да и никто не говорил, что он именно Узумаки. Вполне мог унаследовать их ген от родителей, которые с Узу уже тысячу лет как связаны не были. Однако это знание никак мне жизнь не упрощает. В Амегакуре и его окрестностях Нагато тоже не обнаружен. Подозреваю, что он где-то в Стране Деревьев или в Стране Земли, потому что где-то там убежище Мадары, которое я, кстати, тоже не нашел.

Но возвращаясь к Саре. Помимо яркого и богатого облачения, девчонка имела при себе пару мечей. Не украшенные камнями игрушки, а настоящее оружие. Катана и вакидзаси в черных лакированных ножнах. Оба клинка мне были знакомы, потому что ими когда-то владел я под личиной Тацумы Гото. И если катана была хоть и великолепным, но обычным оружием, то вакидзаси — совершенно иное дело. Под моим взором Кавакихиме постаралась сдвинуться за поясом Сары, скрывшись за ее спиной.

— Я удивлен, — произнес я, через силу оторвав взгляд от девчонки и ее оружия. — Ваша дочь обучается кендзюцу?

— Она очень сильная, — с нотками гордости в голосе ответила Сераму, — и проходит полное обучение у самураев. Ее отец сам был выдающимся самураем, и она многое от него получила. В искусстве баттодзюцу ей нет равных. Скорость и реакция у Сары на высоте, как и у ее отца.

— Главное, что я от него получила, это оружие, — серьезно заявила Сара. — Иногда кажется, что Кавакихиме учит меня большему, чем учителя.

Получила оружие от отца? Так это же мое оружие... Гм, отца, значит. Отца... Я уже десяток лет, как отец?! Вот идиот... Стоп! Но как? Я же использовал техники. Они, что, не сработали? Нет, по внешнему виду можно предположить, что Сара моя дочь, в конце концов, от Узумаки во мне немало.

Да черт с ним! Чего гадать? Кавакихиме, ну-ка признавайся!

— Ну еще бы, это же Кавакихиме, — тем временем с улыбкой подержала дочь

Сераму. — Ладно, оставь свои клинки Сара, сейчас мы должны обсудить дела с нашим гостем... Орочимару-сан, о чем задумались?

Голос Сераму вывел меня из прострации.

— Об оружии, — быстро нашелся я. — Вакидзаси вашей дочери очень необычен.

— Да, у вас острый глаз, Орочимару-сан. Тацума говорил, что он проклят.

— Проклят? — изобразил удивление я. — Возможно, он не знал всего об этом мече.

Или не хотел говорить многого. Но Кавакихиме, как вы ее называете, не просто оружие, а нечто большее. Если есть желание, могу научить, как пользоваться кое-какими ее секретами.

Простите, Сераму и Сара, плохой я отец, но хотя бы попытаюсь исправиться.

Глава 1. Дочь самурая

12 июня 45 года от начала Эпохи Какурезато

— Ваше высочество, желаете воспользоваться экипажем?

Услышав вопрос своего телохранителя, Сара удивленно вскинула брови, но быстро опомнилась. Все ее слуги прекрасно знали, что принцесса Роурана предпочитает передвигаться на своих двоих, однако все также были в курсе, что она иногда делает исключения. Например, если выходит на прогулку с матерью или благородными представителями иных стран.

Сегодня Сара сопровождала личность с высоким статусом. Только статус этот был весьма уникальным.

— Гм, — принцесса не торопилась с ответом и для начала вежливо уточнила: — Рюсей... доно предпочитает пешие прогулки или желает преодолеть путь до полигона с комфортом?

Небольшое затруднение у Сары вызвало обращение к гостю своей матери. Сераму была заочно знакома с восточным партнером и легко звала его по имени и с суффиксом «сан». Однако статус Орочимару Рюсея был, пожалуй, слишком уникален, чтобы принцесса могла позволить себе столь же вольное общение с ним.

— Я не против пройти пешком, — слегка махнув рукой, словно отменяя лишние варианты, ответил Рюсей.

Онна-бугейша, одна из телохранительниц Сары, кивнула, показав, что услышала и приняла ответ, и более не отвлекала принцессу и ее спутника.

— Дорогой гость, простите за невежество, но хочу сразу разрешить возможные недоразумения. Как к вам можно обращаться? — Сара решила прямо задать интересующий вопрос, чтобы в будущем не попасть впросак.

Все происходило на одной из открытых галерей нового дворца. Сара и Орочимару со всем их конвоем неспешно двигались по коридору к лифту, любясь открывающимися через широкие окна панорамами оживленного города. Услышав вопрос, спутник принцессы оторвался от любования Роураном и с любопытством взглянул на девушку.

— Можете обойтись без лишних формальностей, берите пример с матери, Сара-сан, — с тонкой улыбкой ответил Орочимару.

— Благодарю, — обозначив кивок, отозвалась принцесса, мимолетно отметив, что человеку с такой улыбкой в обычных обстоятельствах она доверять бы не стала.

Возможно, дело даже не в самой улыбке, а в глазах. Желтая радужка и вертикальный зрачок были слишком необычными. Кроме того, темные тени с легким пурпурным оттенком делали глаза этого шиноби излишне привлекающими взгляд. Чтобы ровно общаться с этим партнером королевства, нужна привычка. Саре еще многому нужно научиться у матери, которая ни жестом, ни тоном не показала замешательства или недовольства во время переговоров с Рюсеем.

Вообще, этот Орочимару выглядит очень... своеобразно. Глаза — это лишь то, что сразу привлекает внимание, но если присмотреться, то и его кожа выглядит как-то не так. Бледная и слегка сероватая. Особенно это заметно на фоне длинных черных волос. Лицо светится бледным пятном. Вкупе с глазами это немного жутковато.

И вот его называют богом? Интересные вкусы на восточном побережье. Хотя шиноби

часто на людей похожи лишь отдаленно.

— Неожиданно, что вы заинтересовались университетом, Рюсей-сан, — почувствовав некоторую неловкость из-за затянувшегося молчания, сказала Сара. — Насколько я знаю, вы являетесь одним из спонсоров этого начинания моей матери.

— Мне понравилась идея мирного использования чакры и доступного для гражданских образования, — кивнув, отчего качнулись массивные нефритовые серьги в ушах, ответил Орочимару. — Возможно, это поможет изменить мир к лучшему. Славно, что существуют такие прогрессивные правители, как Сераму.

— Благодарю за похвалу, — признательно сказала Сара, — но справедливости ради должна сказать, что если бы не отец, то мать вряд ли бы пошла на многие проводимые ею сейчас реформы.

— Ваш отец был самураем, — словно припоминая что-то, вымолвил Орочимару. — Тацума Гото, верно? Долгое время он провел в Стране Рисовых Полей, был и на службе нынешнего дайме Страны Звука, Кейдзана. Насколько я помню, он не отличался широкими взглядами и был движим только мстью. Похоже, за внешней ширмой скрывалась куда более интересная личность, чем могло показаться на первый взгляд.

— Мать говорит, что он много путешествовал, — с нотками гордости в голосе поведала Сара. — Его рассказы о странствиях, об удивительных открытиях на западном континенте дали ей пищу для размышлений о будущем Роурана.

— Диалог — путь к пониманию, да? — с улыбкой произнес Рюсей. — Иногда даже зная пути решения задач, нам нужно, чтобы на них указал кто-то другой.

Принцесса удивленно взглянула на своего спутника, стараясь понять, к чему он высказал такое философское замечание. В этот момент их компания как раз подошла к нужному лифту.

— Рюсей-сан, мы случайно в университет идем не для того, чтоб поучаствовать в дебатах кафедры риторики? — пошутила Сара на входе в кабину подъемника.

Коротко рассмеявшись, Орочимару покачал головой.

— Нет, не думаю, что кто-то из сотрудников этой кафедры сможет противиться моему ораторскому искусству.

— А вы высокого о себе мнения, Рюсей-сан, — скептически заметила Сара, которая, как наследница королевы Роурана, проводила достаточно много времени на той самой кафедре риторики.

— Я просто уверен в своих способностях, — ровным тоном ответил Орочимару. — Клан Шиин в Отогакуре специализируется на гендзюцу, накладываемых с помощью звуков музыкальных инструментов, в основном флейт. Но ведь речь — это тоже звук.

— Насколько я знаю, клан Шиин изготавливает специальные инструменты для своих техник, — Сара и в самом деле смутно припоминала, что учителя говорили о клане Шиин во время уроков по противодействию гендзюцу.

— Если правильно сконцентрировать чакру на голосовых связках, языке, губах, гортани, то можно обойтись и голосом. Маген: Коваку но Канген сложен в освоении, но очень эффективен. Ведь правильно подобранные слова и без гендзюцу имеют силу над человеческим разумом.

— Ваша правда, Рюсей-сан, — задумавшись, согласилась Сара. — Очарование лестью. Хорошее название для техники. И если вы ею владеете, то с вами нужно быть настороже.

Орочимару в ответ на такое заявление принцессы тонко улыбнулся.

— Предупрежден — значит, вооружен, — пожав плечами, сказал Рюсей. — Я обещал вам показать секреты Кавакихиме, но могу заодно научить распознавать признаки звуковых гендзюцу.

К этому времени лифт достиг нужного этажа. Сара и Орочимару в сопровождении четырех онна-бугейша вышли на мост, перекинутый между башней дворца и комплексом зданий Университета Королевы. Людей здесь было немного — во дворце и соединенных с ним постройках вообще введен строгий пропускной режим. Это создавало лишнюю нагрузку на гвардию, вынужденную контролировать несколько зон с разным уровнем допуска, но после нападения на Сераму незадолго до рождения Сары любые меры безопасности не казались излишними.

Если бы не отец, то королева погибла бы. Отец был силен, он смог, хоть и ценой своей жизни, победить четырех сильнейших йохей-ниндзя, обладающих улучшенными геномами. Саре было еще далеко до него. Но чтобы защитить мать и королевство, принцесса поставила перед собой цель стать сильнее.

Однако совмещать обучение принцессы и самурая оказалось сложно. Четверка онна-бугейша, охраняющая Сару, была на пять-семь лет старше ее самой. Дочери переселившихся в Роуран по просьбе Накамуры Сюя самураев уже были мастерами нагинатадзюцу и баттодзюцу, превосходя по силе и мастерству некоторых джонинов. Самой принцессе такие успехи пока и не снились. Но это не значит, что она когда-нибудь не превзойдет их. Просто потребуется больше времени. Хотя с хорошим учителем процесс можно ускорить.

Когда-то Сара слышала от матери, что ученица Орочимару стала чунином до десяти лет, а джонином до пятнадцати. И она известна своим мастерством в кендзюцу.

Скользнув взглядом по своему спутнику, принцесса только с сожалением призналась самой себе, что вряд ли ей удастся повторить подвиг этой неизвестной ей ученицы, даже если по какому-то удачному стечению обстоятельств Рюсей решил дать ей пару уроков. И пока он, кстати, вместо того, чтоб рассказать секреты использования Кавакихиме, решил заняться какими-то другими делами.

Неглубоко вздохнув, Сара подавила легкое недовольство. Нужно помнить, что она не простая тринадцатилетняя девчонка, а принцесса Роурана. Нужно уметь проявлять терпение и расставлять приоритеты. Кендзюцу и боевые искусства — это хобби, к которому Сара имеет предрасположенность и которым она занимается с попустительства матери. Максимум его можно считать элементом духовного развития. Но для дочери Сераму — королевы, добившейся расцвета Роурана и его независимости — должно быть важно укрепление связей со стратегическим союзником, а не желание добиться от него уроков.

— Если вас интересует не кафедра риторики, то зачем же мы идем в университет? — полюбопытствовала Сара, нежно погладив переплетенную алым шелковым шнуром рукоять Кавакихиме, ища в ней поддержки.

— Обсерватория, — указав на купол самой высокой башни университета, ответил Орочимару. — Я попросил Сераму организовать работу группы астрономов и математиков над необходимым для меня проектом. И раз уж я прибыл в Роуран, то хочу лично узнать результаты работ.

— И для этого вам потребовалась помощь Университета Королевы? — удивленно посмотрела на собеседника принцесса. — В Стране Звука ведь есть свой университет. Гражданская академия Дайгакурё. И, насколько мне известно, вы являетесь ее ректором — Дайгаку-но-ками. Зачем было просить помощи у моей матери?

Это и в самом деле удивительно. Потому что академия в столице Страны Звука, Отомуре, если и уступала открытому ранее Университету Королевы, то не во многом.

— На то было много причин, — решил объяснить Орочимару. — Во-первых, похожую задачу я поставил и в Дайгакурё, но если две группы ученых независимо будут работать над одним проектом, то их результатам у меня будет больше доверия. Во-вторых, Роуран гораздо более удачно расположен для астрономических наблюдений. Над Страной Звука часто бывает облачно, а здесь ясных дней в году гораздо больше.

— У вас обстоятельный подход к делам, — уважительно произнесла Сара и, не выдержав, все же полюбопытствовала: — И что же вы хотите узнать?

— Гм... Да, если честно, многое, — неопределенно ответил Рюсей, взглянув в небеса. — Просто не так давно я понял, что выполнил часть своих задач, и у меня появилось свободное время, чтобы осмотреться по сторонам. Удивительно, но всю эту жизнь я либо воевал, либо готовился к войне. Этим я и сейчас занимаюсь, но теперь я не один, и это дает больше свободы. Вот вы, Сара-сан, замечали когда-нибудь, что две деревни, Такигакуре в Стране Водопада и Такигава в Стране Рек, находятся почти на одном меридиане?

Недоуменно посмотрев на Орочимару, принцесса Роурана постаралась вспомнить карту континента и расположение на ней названных деревень. Вроде бы, это даже получилось сделать.

— Если и замечала, то не обращала на это внимания, — честно ответила Сара.

— И то верно, — кивнул Орочимару. — Этот факт, в общем-то, не особо важный на первый взгляд, но для моих задач в этом мире небезынтересный. Но два этих селения мне интересны не только тем, что они расположены на одной долготе, но и тем, что было точно известно расстояние между ними. Более того, иногда в Танигакуре солнце находится прямо над головой, и у столбов пропадают тени. А в Такигакуре в то же время тени имеются. Это оказалось слишком очевидным намеком, чтобы я не воспользовался случаем, и не узнал длину окружности земного шара.

Сара все с большим удивлением смотрела на Орочимару, постепенно теряя суть его умозаключений. При чем здесь окружность земного шара и тени или их отсутствие?

— Не понимаешь? — живо поинтересовался Рюсей, словно прочтя мысли девушки.

— Я...

— Сейчас объясню, — не дав и слова сказать Саре, с готовностью вызвался Орочимару. — Смотри.

Хлопнув в ладоши... То есть сложив ручную печать, Рюсей стянул всю пыль и песок на мосту между дворцом и университетом себе под ноги. Разровняв получившуюся кучку, Орочимару движением пальца расчертил на ней с помощью потоков воздуха схему. Глазам девушки предстал ровный круг с двумя отметками на окружности в виде знаков Такигакуре и Танигакуре.

— Это Земля в профиль, — уверенно заявил Орочимару, указав на круг. — Это две деревни, а здесь у нас Солнце.

Солнце оказалось маленькой точкой на самом краю нанесенного песка. Орочимару потребовалось меньше минуты, чтобы доходчиво объяснить суть его наблюдений за тенями в двух деревнях шиноби. Саре только и оставалось, что кивать в такт рассуждениям Рюсея.

— ... а это значит, что расстояние между Такигакуре отстоит по окружности Земли от Танигакуре на восемь градусов, — увлеченно завершал свое объяснение Орочимару. — А раз Земля у нас в форме шара, то вся ее окружность равняется триста шестидесяти градусам.

— О... О!!! — восторженно воскликнула Сара, наконец, поняв суть рассказа Рюсея. — Это значит, что окружность Земли — это расстояние от Танигакуре до Такигакуре, умноженное в сорок пять раз!

— Ага! И это около сорока тысяч километров. Это значит, что диаметр Земли около двенадцати тысяч семисот километров. И именно это число мне необходимо было узнать для другого измерения, — Орочимару вновь поднял взгляд к небу. Пока мужчина смотрел в небеса, оживленность, с которой он объяснял процесс вычисления размеров Земли, постепенно сошла на нет. Наконец, он, нахмурившись, предложил: — Давай продолжим путь.

Сара удивленно посмотрела на Рюсея и, проследив за направлением его взгляда, тоже подняла взор к небесам. Единственное, за что там мог зацепиться глаз — это бледный огрызок еле видимого над горизонтом полумесяца.

— Давайте продолжим, — согласилась Сара, первая шагнув в сторону университета. — Знаете, Рюсей-сан, странно, что раньше никто не измерил Землю так же, как вы. Это же кажется, очевидно.

— Я не уверен, что никто не занимался этим ранее, — заложив руки за спину, рассудительно произнес Орочимару. — Просто большинство таких знаний, бесполезных при убийстве себе подобных, люди утратили. Сенгоку Джидай завершилась всего лишь сорок пять лет назад. За это время на континенте прошли две крупные войны. В такие времена важно выжить, а не заниматься ерундой, вроде геометрии. Даже простым образованием никто особо не утруждается. В больших Какурезато академии ниндзя появились менее сорока лет назад. У аристократов и самостоятельных кланов шиноби обучение домашнее. Простолюдинам же остается либо идти в храмы, если есть хоть капля таланта в управлении чакрой, либо учиться считать и писать у странствующих монахов. Исключением до недавнего времени была только Страна Луны, которой войны почти не коснулись. Теперь есть еще Роуран и Страна Звука. Но этого маловато для нормального развития, не находишь?

Сара была вынуждена молча кивнуть в ответ. Обычно у стран не было финансовых возможностей для создания и поддержания образовательных институтов. Поддержание обороноспособности было жизненно необходимо, на все прочее деньги выделялись по остаточному принципу. Сераму говорила дочери, что вложение в образование — это инвестиция в будущее, но чтоб получить прибыль от нее, нужно до этого будущего дожить.

Также мать тревожилась, что скоро возможна очередная война, а ее главный союзник и немаловажный источник дохода — Страна Звука — расположена на другом конце континента. Вторая мировая война показала, насколько уязвим торговый путь между Роураном и Отомурой. Кроме того, шиноби все больше учатся пользоваться своими джинчурики, и Рюмьяку становится уже не такой надежной защитой.

Рука Сары вновь невольно легла на рукоять Кавакихиме. Это движение становится, пожалуй, вредной привычкой, но касание меча успокаивало принцессу.

В университете Сара повела гостя королевства сразу к обсерватории, рядом с которой расположились и астрономы. Здесь Орочимару не стал задерживаться. Получил свиток с вычислениями, прочел его, уточнил несколько деталей и поблагодарил за работу. Из любопытства прислушавшаяся к разговору Сара поняла немного: что-то про параллакс, снова про углы и их вычисления.

— Ну, теперь можно и выполнить свое обещание, — сказал Орочимару, после того как они покинули обсерваторию. — Где у вас тренировочный полигон?

— Следуйте за мной! — с готовностью ответила Сара, мгновенно забыв, о чем говорил Орочимару с астрономами.

Спустя минут пятнадцать, оперативно преодолев четверть города, принцесса привела Рюсея в додзе, построенное для самураев в нескольких кварталах от дворца, в промышленном районе. Основной полигон находился за городской стеной, но и здесь можно было тренироваться, если не использовать высокоранговые техники.

Орочимару придирчиво осмотрел каменное здание изнутри, после чего удовлетворенно кивнул. Больше всего оно походило на складское помещение. Вкладывать деньги в постройку здания, которое может быть разрушено неосторожным взмахом меча, Сераму сочла невыгодным. Единственное, что здесь было ценного, это отлитый из чакропроводящей бронзы фуин на полу.

— Я так понимаю, что кто-то должен поддерживать барьер вокруг ринга? — уточнил Рюсей у Сары.

— Да, если понадобится, то этим займутся мои телохранители.

— Хорошо. Позволь взять Кавакихиме.

Сара неохотно вытащила вакидзаси из-за пояса и передала его Рюсею. Редко она позволяла кому-то брать свой клинок, но чтобы стать сильнее, можно пойти на маленькие жертвы.

Орочимару аккуратно взял Кавакихиме за черные лакированные ножны, не сводя взгляда с оплетенной алым шнуром рукояти. Сара скорее почувствовала, чем увидела, как напряглись онна-бугейша, и торопливо подняла руку, предупреждая их не делать глупостей. Если бы Орочимару захотел, то давно бы убил принцессу Роурана. Демоны с его божественным титулом и прочей ересью, выдуманной в Стране Звука, но Рюсей остается одним из тройки саннинов.

— Сара-сан, должно быть ты очень стараешься, чтобы преуспеть в боевом искусстве самураев и продолжать соответствовать статусу наследницы Роурана? — негромко спросил Орочимару, проведя ладонью в нескольких сантиметрах над рукоятью Кавакихиме и словно прислушиваясь к чему-то.

— Это сложно, но я справляюсь, — упрямо сжав губы, заявила Сара.

Ей уже порядком надоели намеки на то, что пора бы бросить детскую придурь и не гнаться за двумя зайцами сразу.

— Шиноби всегда стоит перед выбором: либо мирская власть и богатство, либо самосовершенствование и личное развитие, — услышала Сара ожидаемые слова. — Не думаю, что самураи отличаются в этом от ниндзя.

— Рюсей-сан!..

— Не волнуйся, я не собираюсь тебя поучать, — с хитрой улыбкой прервал готовую разразиться раздраженной тирадой девушку Орочимару. — Я хочу поделиться опытом. Не так давно я сам стал правителем... Точнее, духовным лидером страны. Я не занимаю никаких официальных постов, я просто есть, и этого Стране Звука достаточно. Все мое управление государством заключается в том, что я высказываю свое видение дел дайме и главе Отогакуре, а они уже воплощают его в меру своих сил. Система далеко не идеальная, но приходится чем-то жертвовать в угоду собственному развитию. Потому что моя сила — один из гарантов безопасности признавших меня людей.

Орочимару прикрыл глаза и провел ладонью по рукояти Кавакихиме, тонкие бледные пальцы скользили по алому шелку обмотки и бронзовым мэнуки в виде парящих драконов.

— Тебе могут показаться странными мои слова, но все же прислушайся. Если хочешь воплотить свою мечту и стать сильной, лучше тебе сейчас отвлечься от усиленных тренировок. Сила королей Роурана всегда была в преданных им людях. Оглянись вокруг, начни искать друзей, на которых ты сможешь положиться в будущем, — Рюсей скривил губы в улыбке и открыл глаза. Саре показалось, что они на мгновение сверкнули багрянцем: — Кавакихиме жалуется, что ты слишком много тренируешься и не умеешь развлекаться.

— А? — удивленно распахнула рот принцесса. — Чего?

— Держи, — Орочимару протянул вакидзаси Саре рукоятью вперед. — Она сама все расскажет.

Недоуменно переводя взгляд с меча на шиноби, девушка все же решительно взяла меч в руки. Секунду ничего не происходило, а потом... Поток радости, примчавшийся от Кавакихиме, на мгновение ошеломил принцессу. Сара едва не выронила от неожиданности меч. В уши ударил неразборчивый счастливый лепет. Кавакихиме была рада появившейся, наконец, возможности ответить своей владелице если не словами, то хотя бы эмоциями. Одновременно она лучилась злостью и негодованием в адрес Орочимару.

— Вот, значит, как вас нужно приручать, — тонко ухмыляясь, пробормотал Рюсей, теребя нефритовую серьгу в виде томое, висящую в его левом ухе.

— Она... Она же живая! — пораженно воскликнула Сара, широко распахнутыми глазами уставившись на Орочимару и по-прежнему держа Кавакихиме на вытянутых руках.

— Это и есть ее секрет, — широко и холодно улыбаясь, поведал Рюсей. — Кавакихиме — это самонадеянная, нарциссичная, эгоистичная змеиная принцесса, которую за ее характер превратили в меч. Теперь, если она будет хорошо служить тебе, у нее есть шанс вернуть свой истинный облик.

Словно в ответ на слова Орочимару, от вакидзаси в руке Сара ощутила поток едва ли не щенячьей преданности, смешанной с восторгом от возможности поделиться с кем-нибудь своими чувствами и переживаниями. Пораженная внезапным потоком чужих эмоций, Сара осторожно погладила рукоять вакидзаси. Даже привычная ребристость шелкового шнура под рукой ощущалась сейчас как-то не так. Меч отца... живой!

Сара медленно обняла Кавакихиме, прижимая ножны с клинком к себе. В груди неожиданно возникло ноющее чувство, словно открылась старая рана на душе. Отец, которого девушка никогда не видела, но которого всегда хотела встретить, с которым жаждала поговорить, словно только что отправил ей весточку из прошлого!

От Кавакихиме пришла теплая волна сочувствия, смешанная с негодованием, адресованным Орочимару.

— Ничего, Кавакихиме, — опомнилась Сара, погладив меч. — Не нужно злиться. Он не виноват, что я так расчувствовалась.

Поток негодования от вакидзаси только усилился. Кажется, Кавакихиме была готова лопнуть от злости. Сара только улыбнулась, поглаживая меч, словно успокаивая.

— Когда-нибудь она снова сможет говорить и превращаться, — услышала девушка спокойный голос. — Если будет хорошо себя вести, конечно.

— Ах, — вскинулась Сара, вспомнив, что не одна сейчас в додзе. — Спасибо, Рюсей-сан. Вы... Это словно возможность стать ближе к отцу. Это очень много для меня значит. Спасибо!

Девушка поклонилась, украдкой смахивая слезы со щек.

— Не нужно благодарностей, — смущенно кашлянув, Орочимару отвел взгляд. — Лучше

поговорим о твоём развитии. Кавакихиме сказала мне, что твой организм вырабатывает мало чакры, и ты не можешь высвободить ее.

— А... Это особенность королевского рода. За возможность управления Рюмьяку приходится платить свою цену, — неловко потупившись, ответила Сара. — Невозможность использовать собственную чакру — не такая большая плата. Ведь у меня есть другой источник.

Орочимару задумчиво кивнул в ответ, соглашаясь.

— Может, медиум? Проводник для чужой чакры. Гм... — едва слышно пробормотал шиноби, пронзая Сару холодным взглядом своих змеиных глаз.

— Рюсей-сан?.. — настороженно позвала Орочимару Сара, на всякий случай отступив от него на шаг.

Под его взглядом принцесса почувствовала холодок, а по спине забегали мурашки.

— А? — возвратился к реальности Орочимару. — Да, у тебя есть Рюмьяку в качестве источника чакры, но также у тебя есть Кавакихиме, которая владеет собственной чакрой. Некоторые призванные животные могут превращаться в оружие. Я знаю два таких призыва. И оба они умеют менять свои физические параметры — изменять массу или линейные размеры. Потренируйся с Кавакихиме, она наверняка может увеличиваться в длину, становиться легче, чтобы гасить инерцию, или, наоборот, увеличивать массу клинка, чтобы усилить удар.

От клинка в руках Сара почувствовала поток надменности. Кавакихиме явно считала, что она способна на гораздо большее.

— Кроме того, хоть ты и обладаешь небольшими объемами чакры, но я бы сказал, что проблема не в недостатке физической или духовной энергии. Проблема в неспособности организма генерировать и поддерживать большой объем чакры, — задумчиво теребя серьгу в правом ухе, высказался Орочимару. — Однако твоя жизненная сила и выносливость сравнима с Узумаки. Я знаю женщину, физическая сила которой превосходит десять человек. Ты, наверное, сравнима с ней. Тебе стоило бы сосредоточиться на развитии тайдзюцу.

— Тайдзюцу? — с сомнением произнесла Сара.

Кендзюцу и йайдо самураев неминуемо включают в себя и тайдзюцу, но сосредотачиваться именно на рукопашном бое? Зачем?

— Похоже, ты не совсем правильно меня поняла, — проницательно заметил Орочимару. — Под тайдзюцу я имею в виду не приемы рукопашного боя, а методику использования физической силы. Обычно тайдзюцу неизменно включает в себя использование чакры, но иногда она только мешает. Мне потребовалось приложить очень много усилий, чтобы освоить этот метод. Если ты позволишь, то я могу показать пример использования тайдзюцу. Нужно только создать барьер, чтобы презентация была убедительней.

Сара, все еще с сомнением рассматривая Орочимару, все же кивнула своим телохранительницам. Четверка онна-бугейша быстро разместилась на необходимых местах вплавленного в пол додзе фуина. Самураи не используют ручных печатей и вообще иначе смотрят на чакру, но направить ее поток в уже готовую печать способны.

Из пола додзе ударили потоки призрачного белого света, быстро соединившиеся в четырехугольный барьер, отделивший Орочимару от Сары и четверки телохранительниц, стоящих по углам кеккайдзюцу.

— Какая-то вариация *Гофу Кеккай*? — с любопытством рассматривая окружившую его технику, спросил сам себя Рюсей. — Хорошо, его силы должно хватить. Итак, то, что я сейчас покажу, не имеет никакого отношения к высвобождению чакры. Хотя для использования этого приема она все же нужна, но только для внутреннего укрепления и усиления тела. Для достижения лучшего результата нужно уметь снимать ограничения тела либо открытием тенкецу *Хачимон*, либо иными способами. Но вообще, это не принципиально. Тайдзюцу — это техники тела. Это методика использования духовной и физической энергии напрямую.

Орочимару в барьере на мгновение замер. Его тело обволокло янтарное сияние. Словно языки пламени, оно лизало одежду и кожу, трепало волосы, заставляя их развеваться, будто на ветру.

— Чтобы показать, на что способно тайдзюцу, я покажу тебе *Бьякко*!

Рюсей резко свел ладони, словно желал составить ручную печать. Резкий хлопок воздуха громом ударил о стены барьера и, ослабнув, покатился дальше, достигнув Сары. Низкий звук пронзил тело девушки, заставив ее невольно затрепетать. В то же время прямо на ее глазах воздух вокруг Орочимару пришел в движение. Уплотнившиеся потоки ветра взвились, сплетаясь в призрачную фигуру, состоящую из дрожащего марева.

Словно пустынный мираж, вокруг Рюсея проявилось призрачное изображение белого тигра, издавшего оглушительный рев и с невероятной силой врезавшегося в одну из граней барьера. Сияющая белым светом стенка техники прогнулась под ударом. Несколько секунд она яростно сияла, прежде чем с треском лопнуть и разлететься на куски. Поддерживающих барьер она-бугейша отбросило в стороны, а призрачный тигр растаял в воздухе так же стремительно, как и появился.

— Прошу прощения. Немного не рассчитал сил, — повинился Рюсей, уже перестав пылать янтарным пламенем.

Сложив ручную печать, он призвал четырех клонов, которые побежали помогать ошеломленным телохранительницам.

Сара была поражена техникой Орочимару не менее ее воительниц. Принцесса не была сенсором в прямом смысле этого слова, но чакру чувствовала хорошо. И она прекрасно понимала, что в показанной Рюсеем технике той самой чакры не было!

— Я думаю, ты способна когда-нибудь достичь нужного уровня силы, чтоб вызвать *Коноха Рюджи* или *Судзаку*. Или даже повторить *Бьякко*, — вывел Сару из прострации голос Орочимару. — Если хочешь, я могу тебе помочь с этим.

Глава 2. Узумаки в Отогакуре

14 июня 45 года от начала Эпохи Какурезато

Устало смахнув пот со лба, Котоширо Узумаки со стоном потянулся. Прищурившись, парень посмотрел на запад, где солнце скатилось к горизонту и сейчас заходило за заснеженные пики Страны Гор. Розоватый свет заливал широкие зеленые террасы на северной стороне вытянутой горной долины, старательно избегал поросшей лесом, окутанной туманом южной стороны и расчерчивал длинными темными тенями уместившуюся между склонами деревню. С высоты пятиэтажного дома, расположенного у самого лесистого склона, поселение было видно как на ладони.

Деревня пестрила разноцветными черепичными крышами и удивляла прямыми широкими улицами. Трех-пяти этажные дома построены были разными как по материалам, так и по методу постройки, но преобладали многоквартирные типовые коробочки, возведенные с помощью Дотона. На их фоне выделялся комплекс массивных построек, включающих в себя Академию и административные здания, на восточной стороне долины и промышленный район на западе, где разместились мастерские.

Отогакуре расположилась в лощине, в низине вытянутой долины, напоминающей чашу. На северо-западе от нее находились видимые невооруженным глазом пики Страны Гор. Оттуда же приходила река, прорезающая горы севернее деревни, где сейчас разлилось глубокое озеро из-за установленной плотины и электростанции. От получившегося водохранилища по системе каналов поступала как питьевая вода, так и вода для полива террас. Котоширо не знал, природой ли созданы такие удобные ущелья для деревни и водохранилища, или кто-то из шиноби подкорректировал ландшафт, но местность для поселения здесь была удачная.

В целом эта деревня на типичное скрытое поселение ниндзя походила очень отдаленно. Изначально она какурезато и не была, просто однажды обитателям Кумотори понадобилось расширить сельскохозяйственные угодья, для чего и была использована эта долина, которая находилась прямо под северным склоном священной горы. Решение основать здесь общую деревню появилось только после объединения Страны Рисовых Полей и переименования ее в Страну Звука.

Кланы шиноби отстроили здесь себе жилые кварталы, мастерские. Вслед за ниндзя подросли гражданские, после чего в Отогакуре пооткрывались всякие лавочки, рестораны, мельницы, пекарни, расширилась построенная еще жителями Кумотори ферма. Вот чего здесь не появилось, так это привычных для какурезато стен или иных видимых барьеров, вроде отвесных скал. Не считать же за таковые пологие склоны? Единственным видимым намеком на милитаризованность деревни были дозорные вышки на высотах по периметру Отогакуре. Зато невидимая часть оборонительных сооружений деревни впечатлила даже Узумаки, которые сами поднаторели в устройстве разных барьеров и печатей.

Беженцы с острова Водоворота прибыли в деревню, когда она уже приняла свой нынешний вид, так что момента ее зарождения не застали и причин отказа от видимых барьеров не знали. Да это было и не важно. Главное, у них появилось безопасное убежище, в котором можно было восстановить силы и избежать внимания со стороны Кири и Кумо. Подобных условий не могла бы предоставить даже Коноха.

Девять лет никто за пределами Отогакуре так и не знает, что клан Узумаки продолжает

свое существование. Хотя это осложнило получение заказов, но позволило в безопасности восстановить силы клана. Бежавшие с острова Водоворота дети к этому времени стали полноценными шиноби. Вот только все меньше становится ушедших из Узушио вместе с детьми наставников и старейшин.

— Ко-кун! — отвлек Котоширо от тяжелых дум женский голос, раздавшийся далеко внизу. — Ты закончил?

Осматривал деревню Котоширо с крыши только что отстроенного дома. Это не мешало ему почувствовать и узнать чакру Акичи, это он сделал еще десять минут назад, но чтобы увидеть собственными глазами окликнувшую его девушку, парню пришлось наклониться над краем черепичной крыши. Снизу его высматривала Узумаки примерно двадцати лет отроду. С высоты пятиэтажного дома можно было рассмотреть яркий факел собранных в хвост алых волос, светло-зеленое кимоно и свободную длинную синюю юбку с глубокими складками.

— Да, Узуме-сан! — ответил девушке Котоширо.

Парень напоследок критически осмотрел выровненную площадку и возведенные пустые коробки домов из спеченного песка и глины. Всего три будущих многоквартирных здания в пять этажей, но они заняли у группы шиноби, в которую входил и Котоширо, целую неделю труда.

Да, у клана Узумаки мало заказов вне деревни, но зато его членам всегда находят работу в самой Отогакуре. И Котоширо затруднялся ответить, что сложнее: миссия ранга А или застройка очередного жилого района. При возведении каждого здания приходилось учитывать введенные в Стране Звука нормы и правила, что значительно усложняло процесс. Строительство оказалось более сложным процессом, чем раскалывание земли или метание булыжников. Но зато работа без угрозы для жизни и с относительно хорошей оплатой. Хотя такого большого заказа в ближайшее время, наверное, не будет.

Не так давно Рюджин-сама поручил освободить площадь под резерв для расширения клановых районов. Так что в центре Отогакуре часть домов, в основном одноэтажных и построенных еще тринадцать лет назад, попали под снос, вместо них временно планировалось разбить сады и парки. А жителям тех домов предстояло переселиться в возводимые с помощью Дотона многоквартирные здания, последние из которых сегодня были почти закончены. Осталась только отделка, но это уже не для Узумаки работа.

— Хорошо поработал, молодец! — широко улыбаясь, похвалила Котоширо Узуме, когда парень, спрыгнув с крыши, приземлился рядом с ней. — И сколько можно говорить, чтобы ты звал меня Акичи! Можешь даже Аки, если уж не нравится мое полное имя.

— Ты теперь глава клана, мне же нужно проявлять уважение, — шутливо воспротивился парень. — Могу, как все, обращаться к тебе Узумаки-сан.

— Да ты и сам Узумаки! Пусть мы и покинули Узушиогакуре, но называть друг друга по фамилии все равно очень неудобно, знаешь ли! О, ками с тобой, — расстроено пробубнила Акичи. — Вообще, нас Микан-сан хотела видеть. Пошли.

— Микан-сан, да?.. — удивленно переспросил Котоширо. — Я не думал, что она нас... Ну, того... Позовет.

— Балбес, — гневно сверкнув зелеными глазами, раздраженно прокомментировала невнятное высказывание парня Акичи, дав ему еще и подзатыльник для прочищения мозгов. — Уж точно она позвала нас не за тем, чтобы сообщить о нашей помолвке. Мы из разных септ, и у тебя нет ни капли таланта Каннаги. Пойдем уже.

И первая прыгнула на крышу ближайшего дома, чтобы скорее добраться до кланового

квартала Узумаки.

— Ну да, ну да... — вздохнув, согласился Котоширо, последовав за Акичи.

Микан-сан была старейшиной клана, родившейся более ста десяти лет назад. Она входила в тот же септ Оками, что и сам Котоширо. Члены септа Оками, помимо чрезвычайно высокого уровня жизненной силы и развитого третьего глаза, отличались особо продолжительной жизнью, выделяясь даже на фоне других Узумаки. Так же старейшины септа Оками составляли Совет родословной, который занимался устройением браков.

На данный момент Совет родословной состоял из одной только Микан Узумаки, которая продолжала устраивать браки, распределяя женихов и невест согласно установленным в клане тысячи лет назад правилам. Котоширо с этими правилами был знаком отдаленно, но понимал, что вряд ли когда-то сможет рассчитывать на брак, например, с Акичи или с кем-то еще из септа Узуме — главной семьи клана. Особенно сейчас, когда Узумаки не восстановили свою довоенную численность.

Во время быстрой пробежки по деревне времени и возможности перекинуться хоть парой слов не было, поэтому путь до кланового района был преодолен в молчании. Задумавшись об обязанностях Микан-сан, Котоширо невольно вспомнил, что и ему скоро наверняка будет назначена невеста. Это знание не вызывало какого-то возмущения, но сейчас, когда клан оказался в окружении других, не ассимилированных семей, появилась возможность сравнить свои традиции с чужими.

Например, не похоже, чтобы Шиин сильно заботились распределением браков. И Кагуя, которых почти не осталось после войны за объединение Страны Звука, кажется, не ограничивали себя договорными или вообще какими-либо другими браками. А ведь им так же, как и Узумаки, нужно восстанавливать численность клана и вместе с тем пытаться сохранить свой кеккей генкай. Пока же они только численностью и озабочены — половина женщин уже имеет по двое детей, при этом непонятно от кого. Хотя Кагуя — это все же исключительный случай. Их осталось менее сотни человек, и все находились под опекой Отохиме, которая кланом и руководила по своему усмотрению.

Про обстановку в других кланах Котоширо не знал, так как дела родословной — это тема интимная, и распространяться о ней не принято.

— Интересно, другие кланы так же строго относятся к бракам? — закинув руки за голову и уставившись в темнеющее небо, с ленивым интересом спросил Котоширо, когда он и Акичи уже поднимались по ступенькам к дому Микан-сан.

Дома в квартале Узумаки были построены еще до прихода клана. Эти здания тоже возводились с помощью чакры, но Дотон использовался только для возведения цоколя и изготовления черепицы, основным же конструктивным материалом было дерево. Этим фактом, как и наличием высоких, раскидистых деревьев в окружающих дома садах, можно было гордиться, так как все прямо говорило об использовании при строительстве квартала Стихии Дерева. А это значит, что Отохиме-сама лично позаботилась об обустройстве Узумаки, что в Стране Звука значило очень много.

— Любой клан с кеккей генкай имеет свои правила ведения родословной, — нахмурившись, уверенно ответила Акичи. — Иначе у клана не было бы кеккей генкай. Разве что в Стране Воды все стараются избавиться от «позорного» клейма и разбавляют кровь.

— Тела шиноби — это их оружие, — неожиданно раздавшийся за спиной женский голос заставил Котоширо невольно дернуться. — Совершенствование тела столь же естественно, как и совершенствование оружия. Тренировки можно приравнять к заточке

клинка. Но из меча, изготовленного из неподходящего металла, хорошего оружия не выйдет, как его ни точи.

Быстро обернувшись на голос, Котоширо увидел юную девушку. Миниатюрная и утонченная, она была облачена в белую рубаху и ярко-алые хакама. Проскользнувшие сквозь листву деревьев лучи закатного солнца играли на безмятежном лице, сияли в ресницах и мерцали на блесках, которые покрывали прикрывшие глаза веки. Длинные, до пят, каштановые волосы плащом ниспадали на плечи и спину девушки и тянулись сияющими паутинками к широкому стволу растущего во дворе дома Микан-сан дерева павлонии.

— Отохиме-сама! — пораженный на секунду неожиданным явлением красивой молодой девушки, Котоширо быстро упал на одно колено и склонил голову, приветствуя гостью квартала Узумаки.

Немногим раньше него точно так же преклонила колено Акичи. Тем временем мягкий голос Отохиме продолжал растекаться в воздухе патокой:

— Чтобы выковать меч, нужно сварить хорошую сталь. Чтобы получить по-настоящему сильного шиноби, нужно подобрать сильных родителей. Клан Узумаки — это клан шиноби. И ваши еще не рожденные дети — уже шиноби, они будущее клана. Они — оружие, которое должно быть не менее совершенным, чем вы сами. Такова судьба ниндзя: становиться сильнее от поколения к поколению, если они хотят жить, сохраняя свои идеалы. Если они хотят жизни своим потомкам.

Вперив взгляд в пол, Котоширо слышал, как приближается обладательница мягкого спокойного голоса, но, как и всегда, не чувствовал ее чакры. Звук ее речи терялся в шелесте листьев. Легкая поступь привлекала не больше внимания, чем трение ветвей деревьев друг о друга. Эта девушка была словно не от этого мира. Такого стирания своего присутствия не мог добиться даже сам Котоширо, используя способность Глаза Кагуры к сокрытию чакры пользователя техники. Несмотря на наличие осязаемого тела, Отохиме больше походила на мираж, с которого все время соскальзывал взгляд. Она была иллюзией даже более призрачной, чем служащие ей бесплотные духи на горе Кумотори.

— Встаньте, — попросила Отохиме.

Котоширо краем глаза заметил, как маленькая ладошка девушки легла на плечо Акичи. Отохиме помогла подняться на ноги главе клана Узумаки и несколько секунд словно разглядывала ее сквозь прикрытые веки. Живая богиня Страны Звуча выгледела лет на двадцать и была невысокого роста, на ладонь ниже Акичи, но при взгляде на двух стоящих рядом девушек сразу было понятно, кто из них старше. Безмятежное лицо Отохиме при взгляде на Акичи озарилось нежной материнской улыбкой, в то время как Узумаки смущенно покраснела. Пунцовые щеки напарницы Котоширо сравнялись по яркости с ее красными волосами.

— Ты вновь вспоминаешь бегство с Узу, — негромко сказала Отохиме, опустив свою ладонь с плеча Акичи на ее локоть. — И боишься проклятия Хашихиме, которое неминуемо приходит вслед за обращением к ней без должной подготовки.

— Отохиме-сама... — Акичи смущенно попробовала перебить собеседницу и отстраниться от нее, но безуспешно.

— Каждый раз, когда Узумаки Микан-сан зовет тебя, ты надеешься, но всякий раз надежды разбиваются в прах, и ты остаешься одна, — ласково приобняв Акичи, сказала Отохиме, — но причина этого не в проклятии. Однажды и ты обретешь спутника жизни. Единственное, что отобрала Хашихиме у тебя во время бегства с Узу — это родина. У тебя и

всего клана. Эта цена в полной мере покрывает все твои долги перед Хашихиме.

— Отохиме-сама... Спасибо! — поблагодарила покрасневшая от смущения Акичи, не забывая раздраженно сверкать зелеными глазами в сторону Котоширо.

Сам парень старательно делал вид, что всецело занят созерцанием сада, а все остальное для него сейчас — несуществующий тлен бренного бытия. Хотя, на самом деле, подавить улыбку было сложно. За все годы с момента бегства с Узу, с тех пор как Акичи стала главой клана, он стал забывать, что она все еще молодая девушка со всеми присущими юному возрасту переживаниями. Но эта сторона всегда тщательно скрывалась, бывшая напарница Котоширо по отряду старалась выглядеть согласно своему статусу.

— Что привело вас к нам, Отохиме-сама? Я не знала, что вы сегодня навестите нас, иначе устроила бы более подходящую встречу, — знакомая Котоширо с детства Акичи вновь надела маску главы клана, став Узумаки-сан, принимающей почтенного гостя.

— Микан-сан просила о встрече, — пожав плечами, ответила Отохиме. — Она намеревалась прибыть ко мне в храм, но сейчас ее здоровье не способствует длительным прогулкам, поэтому я решила навестить ее сама. Тем более мне необходимо было встретиться с тобой, Акичи-сан.

— Со мной? — удивилась Акичи, ведя под руку Отохиме в дом Микан. — Зачем я могла понадобиться вам? Есть какой-то заказ для клана Узумаки?

— Возможно, заказ есть. Все зависит от твоего решения, — уклончиво ответила Отохиме. — Глава деревни отбыла в Страну Железа, поэтому пока я исполняю ее обязанности. И я хотела видеть тебя как представитель Отогакуре, а не как Рюджин-но Каннуши.

— Я слушаю, Отохиме-сама, — подобралась и приготовилась к серьезному разговору Акичи.

Молча шагающий за двумя девушками Котоширо тоже наострил уши. Наверняка беседа между главой деревни и главой клана коснется всех Узумаки и его самого в числе прочих.

— Давай сначала выслушаем, что нам хотела сообщить Микан, — с легкой улыбкой разочаровала двух Узумаки Отохиме. — Ее время на исходе, и негоже заставлять ее ждать, решая наши суетные вопросы.

— Вы правы, Отохиме-сама, — склонила голову в знак согласия Акичи.

В доме гостей встретила внучка Микан, Тахири. Эта девушка была на год старше Котоширо, но из-за коротко, до плеч, стриженных волос или еще по какой-то причине выглядела значительно моложе. Сейчас она по случаю ранней летней жары оделась в белую юкату, украшенную красными, под цвет ее глаз, цветами гвоздики. В такой одежде Тахири пришлось приветствовать Отохиме, преклонив оба колена, что для шиноби нехарактерно.

Сама же хозяйка дома, Узумаки Микан, встретить гостей не могла, так как после обеда накотившая слабость приковала ее к постели. Чтобы помочь старушке нормально общаться с почтенной гостьей, Котоширо и Тахири пришлось вместе передать ей свою чакру и жизненную силу, позволив Микан укунить себя. Около секунды после передачи сил парню пришлось бороться с головокружением из-за мгновенно накотившего истощения. Энергии старейшина получила от него немало, но старость таким образом не исцелить, поэтому лечение, способное мгновенно излечить смертельные раны, принесло ей лишь временное облегчение.

— Приветствую, Отохиме-сама, — склонилась в поклоне Микан.

Встать с кровати гостя ей не позволила, поэтому поклонилась Микан, сидя на краю

своего ложа. Для Отохиме, Акичи и Котоширо внучка старейшины принесла стулья, сама предпочтя остаться стоять подле Микан на случай необходимости ей с чем-нибудь помочь.

— Редко старость добирается до шиноби, — невесело пошутила Микан, трясущимися руками разглаживая складки своей белой юкаты. — Хотя до меня она шла долго. Похоже, я последняя из старейшин, которые покинули Узушио девять лет назад.

Микан замолчала на секунду, слепо разглядывая игру теней и закатного света, падающего в ее комнату сквозь раскрытые окна, устремленные на запад.

— Тогда мы утратили не только дом, но и немалую часть того, что делает из нас Узумаки, — скрипящим голосом продолжила говорить она. — Нам удалось унести большую часть архивов, но они хранят лишь сухие слова. Дух прошлого и традиции должны передаваться изустно. От отца к сыну, от матери к дочери. Нападение Кумо и Кири оборвало цикл.

Котоширо заметил, как сжались пальцы сложенных на коленях рук Акичи. И вспомнил слова Отохиме. Хашихиме отобрала у Узумаки родину? Возможно, это и в самом деле так. Это было бы в духе Киджо.

— Но во благо клана я должна сделать все, чтобы некоторые традиции сохранились, — твердо заявила Микан, переведя взгляд со стен на Отохиме. — Моя внучка не оправдала надежд. И я не думаю, что Котоширо или Акичи смогут понять всю суть дела, которое мне нужно им передать.

Стоящая возле старушки Тахири на этих словах упрямо сжала губы и отвернулась. Котоширо лишь удивленно вскинул брови.

— Но вы, Отохиме-сама, управляете кланом Кагуя, и показали, что способны понять большую значимость ведения родословной. За четырнадцать лет вы увеличили численность членов клана с сорока человек до более двух сотен. При этом ни у кого я не заметила негативных мутаций, а частота проявления кеккей генкай как минимум вдвое больше, чем мы наблюдали у Кагуя ранее.

— Микан-сан! Вы хотите передать ведение родословной в чужие руки?! — изумленно вскрикнула Акичи, подскочив со стула. — Это... Это невозможно!

— Успокойся, — строго попросила главу клана Микан. — У нас не так много вариантов, и просьба о помощи у Отохиме-сама — это лучший из возможных. Узумаки осталось слишком мало. А таких бесполезных, как я, и вовсе более нет.

— Бабушка, ты совсем не бесполезная, — ворчливо вставила свое слово Тахири.

— Я уже не гожусь в шиноби, — небрежно отмахнулась старейшина. — Единственное, что мне оставалось — это вести родословные книги и устраивать браки. И кто этим будет заниматься, когда я умру? Я не могу отдать будущее клана невеждам! Для устройства браков нужно знать генеалогию будущих супругов и нужно изучить их чакру. Выучить генеалогию по родословным книгам — не проблема, но техникой Кагура Шинган для опознания чакры владеют лишь некоторые из септа Оками. И все они будут необходимы деревне в качестве шиноби-сенсоров, у которых времени на ведение родословной не будет. Ведь я права, Отохиме-сама?

— Отогакуре имеет слишком мало сенсоров, — кивнув, ответила длинноволосая гостья. — Каждый шиноби с таким талантом необходим деревне. Во время войны Узумаки, владеющие Духовным глазом, не раз спасали нас от неожиданных гостей. Скоро будет еще одна война, и высока вероятность, что фронт между великими государствами проляжет по территории Страны Звука. Не хотелось бы слепнуть в такой ответственный момент.

Котоширо невольно кивнул, соглашаясь со словами Отохиме. До бегства с Узумакими он плохо владел своей способностью. Техника Кагура Шинган давалась с трудом, но упорством своим он все же смог ее развить. Когда-то во время экзамена на чунина он проиграл пареньку из клана Хьюга, так как не мог точно видеть каналы чакры, но зато сейчас сенсорные возможности были развиты настолько, что наверняка превосходили бьякуган. Во время недавней войны Котоширо уже приходилось нести дозор на важных направлениях и замечать Хьюга раньше, чем они его.

Выслушав аргументы Микан и комментарии Отохиме, Акичи опустила обратно на стул и недовольно попеняла старейшине:

— В любом случае столь важный вопрос нужно было решить сначала со мной.

— Если бы я сначала обратилась к тебе, то наш спор завершился бы только с моей смертью. И мы не пришли бы ни к какому решению. Ты упряма, как и все Узумакими в молодости, — недовольно ответила Микан на упрек Акичи. — Хорошо, что хоть присутствие Отохиме-сама или Рюджина-сама придает тебе больше терпимости.

Акичи в возмущении надулась, но Микан просто проигнорировала ее, предпочтя прояснить некоторые моменты своей работы в клане в качестве старейшины по ведению родословной.

Микан настояла на том, что ее лекцию должны выслушать все присутствующие, даже несмотря на то, что многим большая ее часть была знакома. Котоширо прекрасно знал, что его клан делится на четыре септа. Септ Узумакими — самый малочисленный из всех, главная семья, члены которой всегда управляли всеми Узумакими. Они специализировались на технике Призыва и только они становились Каннаги, хранителями Храма Масок. Септ Мизучи и септ Оками, к которому принадлежал сам Котоширо, были более многочисленными. Первый специализировался на фуиндзюцу, а конкретно — на Цепях Чакры. Остальные Узумакими так же славились запечатывающими техниками и могли призвать несколько цепей, но в гораздо меньшем количестве, и они не были настолько мощными. Помимо этого, Мизучи способны были запечатывать в себе демонов и биджу с помощью Бьякуго.

Члены септа Оками обладали повышенным количеством жизненной силы и объемом чакры, что давало им возможность использовать технику Чи но Чию. Лечебная чакра сама по себе концентрировалась в их крови и могла исцелить даже смертельные раны за считанные мгновения. Также некоторые Оками могли развить третий, духовный глаз и научиться видеть чакру.

Последний и самый многочисленный септ Иночи не выделялся какими-то способностями, наоборот, его члены были относительно слабы, из-за особенностей чакры их контроль над ней был низок, но Иночи были основой клана. Ремесленники, мастера по производству Кибакфууда, Хикаридама, Кемуридама и прочих гранат, а также свитков с запечатанными техниками.

Были еще рода, вроде Шафин, которые примкнули к Узумакими не так давно и в родословную входили лишь условно. Однако Микан рассказала и кое-что, о чем Котоширо не знал. Например, что есть еще несколько ставших независимыми родами ветвей клана Узумакими, которые до сих пор входили в общий план родословной. Такими были, например, род Ямори — жрицы Страны Демонов, хранящие душу Морьё, и род Йоймура, жрецы из Страны Огня, охраняющие печать на проникшей в мир частице Рейки Моома.

— На сегодня вы рассказали достаточно много, Микан-сан, — с мягкой улыбкой сказала Отохиме, когда старейшина клана Узумакими была вынуждена прервать свой рассказ

из-за пересохшего горла. — Я уверена, что Рюджин-сама заинтересуется вашим занятием и лично пожелает выслушать вас. Ему претит заниматься евгеникой, но запретный плод сладок, и она всегда его притягивала.

Котоширо не совсем понял последнюю фразу Отохиме, но переспрашивать не стал. К этому моменту Микан-сан успела отпить из принесенной ее внучкой чашки овощного сока и с сожалением высказалась:

— Старость приходит ко мне слишком быстро. Боюсь, у меня мало шансов вновь встретиться с Орочимару.

— Не стоит переживать. Смерть никогда не останавливала Рюджина-сама, — звонко рассмеявшись, сказала Отохиме. — Лучше оставьте заботы и отдохните. У вас еще много времени, чтобы насладиться жизнью и провести его в кругу близких и родных, а не общаясь на рабочие темы. Мне же нужно еще обсудить будущее с главой клана Узумаки.

Из дома Микан выходили в молчании. Отохиме выглядела задумчивой, похоже, переваривая полученную информацию. Тишину нарушила Акичи, когда они оказались на пороге дома:

— Ведение родословной отнимает много времени, — неловко сказала она. — Вообще, передавать это дело в чужие руки — это... нонсенс. Но как глава клана я прошу позаботиться об Узумаки. Надеюсь, это не сильно затруднит вас.

— О, ничего сложного. После возвращения Рюджина мне особо нечем заняться. К тому же, если включить Узумаки в электронную базу Кагуя и Чиноике, то процесс селекции упростится. И ваши родословные книги наверняка помогут процессу расшифровки геномов, — отрешенно вымолвила Отохиме. — Впрочем, это не то, зачем я хотела с вами встретиться.

Богиня Страны Звука остановилась на ступенях к дому Микан и подняла невидящий взор прикрытых веками глаз к темному ночному небу, на котором тускло сиял тонкий серп месяца.

— Рюджин считает, что настало время Узумаки выйти из затворничества. Скоро от Деревни начнут поступать заказы, которые будут требовать вашего участия. Мир опять на пороге войны. Нужно научить кланы кооперации друг с другом. Все кланы Отогакуре, включая Узумаки и Кагуя, — Отохиме вновь обратила лицо к Акичи и Котоширо. — Рюджин пришел в этот мир, и у него большие планы на него. Эти планы не обойдутся без Узумаки. Пора вам вспомнить, что вы шиноби, а не строители.

Глава 3. Деревня скрытая в листве

24 июня 45 года от начала Эпохи Какурезато

Встряхнув верхнее кимоно над ванной, Кизаши скептически осмотрел этот элемент своей одежды. Кажется, на темно-зеленой шелковой ткани не осталось больше никаких пятен, помимо положенного белого круга на спине — камона клана Харуно. Искусство ирьенина и хороший контроль чакры помогает не только людей лечить, но и избавляться от физиологических жидкостей на одежде.

— Хотя под водой ткань почистить стоит, хотя бы чтоб совесть очистить, — кивнув сам себе, Кизаши приступил к делу.

Дом Микото был подключен к центральному водоснабжению Конохи и к тому же имел резервуар для сбора воды на крыше. Так что в ванной комнате имелись все сантехнические удобства, и из крана даже текла горячая вода, нагретая жарким летним солнцем в баке.

Промочив кимоно под напором воды, Харуно быстро вытянул влагу из ткани с помощью Суйтона. Еще раз проверил одежду, уже на себе и покрутившись перед зеркалом. Следов срыгнутого младенцем молока больше не наблюдалось. Придя к этому утешительному выводу, Кизаши уверенно кивнул своему отражению и направился обратно в гостиную, где его уже ждала сама хозяйка дома и ее подруга детства, Хьюга Нами.

Обе девушки склонились над манежем для детей, изготовленным из натянутой на сплетенный из ивы каркас мелкой сетки.

— Вот каков ирьенина удел, — расстроено и нарочито громко пробубнил Кизаши, возмущенный отсутствием внимания к своему возвращению. — Ребенка осмотрел и оказался не у дел.

— Тише ты! — сердито зашипела на него Нами и радостно добавила: — Они уснули!

— Ну так правильно, — удивился той радости, с которой Хьюга сообщила о сне детей, Кизаши. — Если поели, то что еще остается делать?

— Но они такие милашки! — шепотом воскликнула Нами, развернувшись к Харуно лицом. — Ты сам посмотри!

— И когда дети спят, в доме тишина, — холодно добавила Микото, тоже обернувшись к своему бывшему напарнику по команде. — И если Итаци проснется, то укладывать спать его будешь ты!

— Твои слова прозвучали так, словно это была угроза, — почесав в затылке, неуверенно сказал Кизаши.

На всякий случай он все же предпочел тоже перейти на шепот.

— Пойдем на кухню, — предложила Микото, убедившись, что Харуно внял ее предупреждению. — Расскажешь все.

Кухня в доме Микото была отделена от гостиной лишь барной стойкой, так что Кизаши не видел особого смысла в смене дислокации для разговора. Все равно манеж с детьми будет в нескольких метрах, и младенцы могут слышать голоса. Но перечить хозяйке дома Харуно благодарно не стал. Только сразу предупредил:

— Никакого чая, я какигори чаю.

— А больше ничего ты не чаешь? — нехорошо прищурившись, посмотрела на Кизаши Микото.

— Дынный сироп, — охотно высказался Харуно. — Можно клубничный, но какигори я

больше люблю с дынным сиропом.

Естественно ни дынного, ни даже клубничного сиропа у Микото в доме не водилось, но в достатке было сладкой бобовой пасты. Так что примерно через пять минут хозяйка дома и ее гости расселись вокруг стола на кухне. Учиха и Хьюга пили чай, а Кизаши уныло ковырялся в строганом льду, сдобренном нелюбимым им десертом. Впрочем, в такую жару и такой какигори хорош. Тем более у Микото в доме, несмотря на раскрытые окна, даже сквозняка нет, чтоб охладиться.

— Рассказывай, — требовательно напомнила Учиха.

— Да что рассказывать? Все с твоим чадом хорошо. Хотя Итачи, конечно, акселерат, но для шиноби это нормально.

— Акселерат? Это что такое? — удивилась Нами.

— Слишком развит для своего возраста, — пояснил Харуно. — Вот твоей Хибакари уже около двух месяцев, а Итачи нет даже одного, но выглядят они, как будто родились в один день. Вообще, многое, начиная от слюнных желез и венозного протока, заканчивая эмоциональным спектром, у сына Микото развито больше, чем должно бы быть. Но главное — это глаза. Он уже отлично видит, умеет сосредотачивать внимание, и его глазные мышцы активно работают.

— Он Учиха, — словно это все объясняло, веско сказала молодая мать.

— Ага, ага. Ну, по весу он все же явно уступает Хибакари, иначе я б решил, что ты, Микото, родила еще в апреле. Но в целом малыш здоров. А срыгивания и колики — это от заглатывания воздуха. Ты правильно его держишь при кормлении и не перекармливаешь, просто он слишком возбудимый. Сейчас, когда у него стало вырабатываться больше слюны, станет лучше. Но я б тебе все же посоветовал как-нибудь успокаивать его.

— Как? — в короткий вопросе оказалось вложено столько эмоций, в основном безнадежности и безысходности, сколько Кизаши не видел у Микото уже несколько месяцев.

— Ну, ты с ребенком воркуешь, это хорошо, но для его спокойствия мало, — наставительно произнес Кизаши, покручивая ложкой в воздухе. — Ты же сама сказала, что он Учиха. Зрение у него более чем отличное. Ему нужен визуальный контакт и отклик. В моей памяти еще смутно витают образы времен нашего обучения в Академии. Кажется, ты тогда чаще улыбалась и не носила на лице эту твою безэмоциональную маску. Улыбайся, гримасничай, играй с ребенком — это его успокоит. И не забывай про массаж после купания. Иногда это все же лечение, а не развлечение. Еще можешь играть на своем пылесборнике. Тихая музыка поможет заставить его напрячь свои мозги и отвлечься от раздражителей.

— Играть на кото, да? — подперев подбородок ладонью, Микото посмотрела в угол гостиной, где стоял прислоненный к стене музыкальный инструмент. — Ты не знаешь, где бы мне научиться играть на нем?

— Так ты не умеешь? А зачем тогда держишь? — удивился Кизаши.

— Это... — Микото помедлила с ответом, обдумывая слова. — Этот кото я нашла в доме сенсея.

— А... Ха-ха! Понятно. Ну, тогда пусть лежит, где лежит, наверное. Струны не трава, да и ты не коза. Зачем их щипать, если душа к этому не лежит, — неловко рассмеявшись, брякнул Кизаши, мучительно соображая, как бы перевести разговор в другое русло.

— Пусть сама разбирается, коза она или нет, — сердито буркнула молчавшая до сих пор и внимательно слушающая разговор Нами. — Ты скажи лучше, как Хибакари?

— На первый взгляд она физически здорова, — с готовностью ответил Кизаши, радуясь возможности сменить тему. — Хотя есть некоторые аномалии в структуре костной и хрящевой ткани, но я бы не сказал, что это критично.

— Но она больна! — встревоженно подскочила на стуле Нами. — Ты же сам видел!

— Да, ее симптомы... Отсутствие реакции на уколы пальцев, судороги, светобоязнь, спазм век, гортани и стенок сосудов, — монотонно пробубнил Кизаши, навалившись локтями на стол и глядя в пустоту. — Явные проблемы с нервной и нервно-мышечной системами. Но повреждений никаких я не заметил. Гм... Причина, проблема в нейромедиаторах? Нет! Это я бы заметил. Проблема глубже. Наверно... Нарушение ионного обмена? Да. Да!

— Кизаши, — осторожно похлопала по плечу парня Микото, привлекая его внимание и возвращая к реальности. — Мы еще здесь, вообще-то.

— А? Да, да! — отмахнулся Харуно. — В общем, мы недавно изучали похожее состояние. У девочки наверняка нарушен электролитный состав плазмы крови. Нехватка кальция может иметь именно такие симптомы.

Кизаши удовлетворенно покивал самому себе. Да, нужно еще взять кровь на анализ, чтобы подтвердить диагноз, но он должен быть верен. Не так давно Харуно вошел в состав сформированного Цунаде Ирье Бутай. Это новое подразделение шиноби Конохи состояло исключительно из медиков, которые формировали полноценные команды, возглавляемые капитанами.

Сам ученик Орочимару считался отличным ирьенином и был назначен одним из капитанов. Эта должность дала ему не только команду из нескольких человек, но и возможность обмениваться опытом с самой Цунаде. Если бы не последний факт, то вряд ли бы Кизаши смог диагностировать болезнь Хибакари. Только вот понять, чем вызваны симптомы болезни — это одно. Неплохо бы узнать, чем именно она болеет и как ее вылечить.

— Микото, выходи!!! — истошный крик донесся с улицы и ворвался в дом сквозь распахнутые окна, сбив Харуно с мысли.

— Это кто там разорался?! — возмущенно воскликнула Нами, подскочив со стула.

Хьюга, видно, собиралась метнуться на улицу и как следует проучить неизвестных крикунов, но ее остановила Микото.

— Постой, — схватив за руку подругу, попросила Учиха. — Полиция сейчас разберется с ними.

— Да сколько эту полицию можно ждать? Они же детей раньше перебудят! — справедливо возмутилась Нами.

— Мы в квартале Учиха, здесь полиция всегда рядом, — поморщившись, сказала Микото, отпустив подругу.

— Рядом-то рядом, — все еще раздраженно сказала Хьюга, тем не менее сев обратно, — но не настолько же, чтоб...

— Анко, валим! — снова раздался с улицы крик, но голос уже был другим. — Хинэ повылазили!

— Хинэ? — снова зашипела от злости Нами, услышав сленговое название полицейских. — Это что за шпана у тебя под окнами бегают?

— Брось, — отмахнулась Микото, которая больше интересовалась детьми в доме, чем криками на улице. — Хорошо, что не разбудили в этот раз.

— В этот раз?! — пуще прежнего взвилась Хьюга. — Значит, они не впервые тут под окнами горланят? Ох, попади они мне только в руки...

— Это дети из приюта, — вздохнув, пояснила Учиха. — Кажется, они когда-то видели Орочимару и теперь хотят, чтобы я, его ученица, их научила чему-нибудь.

— Вот как, — постепенно остыв, произнесла Хьюга и даже рассмеялась тихонько. — Звучит очень знакомо.

— Я не кричала у него под окнами, — надулась Микото, поняв, к чему клонит Нами. — Это и в самом деле шпана, ты правильно сказала. Невоспитанные дети. Я в свои пять лет была поумней, чем эти в семь.

— Но ты и не в приюте воспитывалась, — резонно заметил Кизаши.

— Да-да, защищай их, — фыркнув, обиженно заявила Микото. — Вот скажу им в следующий раз, что ты тоже у Орочимару учился, и посмотрю, как ты запоешь.

— Ладно, полиция и в самом деле появилась быстро, — тихо хлопнув в ладоши, завершая тему, сказала Нами. — На чем мы остановились?

— На нехватке кальция, — напомнила Микото.

— Ага. Да, — кивнув, подтвердил Кизаши, — у Хибакари нарушен электролитный состав плазмы крови, мне кажется, что ей не хватает кальция, потому что он идет на укрепление костей. Это странно. Даже не знаю, почему такое может происходить. Да и вряд ли кто-то в Конохе знает, потому что у девочки — особенное наследие.

Кизаши покосился в сторону манежа, где сейчас спали спеленатые младенцы. Мальчик с жиденькими черными волосами был сыном Микото, а вот девочка с почти прозрачной мягкой щетиной на головке принадлежала клану Нами. Впрочем, сама Хибакари пока Хьюга не была, но имела все шансы ею стать.

Историю девочки Нами обрисовала лишь в общих чертах, но Кизаши этого было достаточно, чтоб выстроить общую картину. Та, кого Нами назвала Хибакари, была найдена где-то на границе Страны Огня отрядом Хьюга. По всей видимости, там они нашли остатки клана Кагуя. По итогам этой встречи у Хьюга появилась Хибакари, а клан Кагуя лишился еще нескольких членов.

Вообще, белоглазые вряд ли бы проявили такую заботу, начиная процедуру принятия найденшца в клан, если бы не два «но». Во-первых, кажется, Хибакари владела шикоцумьяку. Это Хьюга поняли по начавшей оформляться Системе Циркуляции Чакры девочки, а сам Кизаши невольно убедился, увидев особенности ее строения. Во-вторых же, у Хибакари были необычные глаза. Светлая радужка была почти не видна и лишь на ярком свете отливала легким фиолетовым оттенком.

Встретить бьякуган у шиноби, не принадлежащих Конохе, почти нереально. Очень редко он пробуждается у потомков клана Хьюга, которые и думать забыли о родстве с белоглазыми. Но вряд ли Хибакари относилась к подобным наследникам додзюцу. Ее бьякуган был слишком чист. Как минимум мать или отец должны быть Хьюга.

Кагуя всегда отличались дикостью и нравы до сих пор сохраняли, словно жили в прошлой эпохе. Насколько знал Харуно, они старательно поддерживали свой кеккей генкай. У них было несколько ветвей клана, живущих на восточном побережье и в Стране Воды, и между ними постоянно происходил обмен невестами. Иногда в род приливалась свежая кровь — подходящих девушек просто брали силой.

Кизаши не знал, что именно Кагуя не поделили с Орочимару, но факт остается фактом: сейчас численность членов древнего клана резко пошла на убыль. И, видимо, это толкает

Кагуя на отчаянные меры. Вообще, мысль выкрасть Хьюга для получения потомства не нова, но раньше это было бесперспективным занятием — джуиндзюцу прекрасно справлялось с сохранением кеккей генкай, запечатывая глаза и убивая носителя. А сейчас медицина развилась достаточно, чтобы смерть мозга уже не была препятствием для получения детей. Из мужчины после смерти можно получить семя, да даже женский организм можно поддерживать в вегетативном состоянии достаточно долго, чтоб успеть сделать все дела. Процедура на любителя, но это возможно. Тем более результат стоил неудобств.

Потомок Хьюга и Кагуя, унаследовавший бьякуган и шикоцумьяку... Это должен быть непобедимый демон тайдзюцу. Если сможет дожить хотя бы до подросткового возраста.

— Один я не смогу помочь, — хмуро резюмировал результаты осмотра Хибакари Кизаши. — Я могу облегчить симптомы с помощью ирьениндзюцу, но проблемы это не решит. Наверное, это какая-то особенность владельцев кеккей генкай Кагуя. Нужно в ней разбираться. Я простой практик-ирьенин, а тут нужен кто-то вроде Цунаде. Или Орочимару.

— Примерно то же самое сказали наши клановые целители, — печально вздохнув, сказала Нами. — Жаль.

— Раз так, то стоило сразу идти к Цунаде, а не ждать, пока меня Микото позовет, — пожав плечами, высказался Кизаши. — Кстати, я не твой личный лечащий врач! Хватит звать меня всегда, как у Итачи случится отрывка! У вас в клане есть медики, способные исцелить за раз от всех зараз!

— Не ворчи, я же знаю, что ты рад мне помочь, — слабо улыбнулась Микото в ответ.

— Я не ворчу, — раздраженно поправил подругу Харуно. — И все-таки, Нами, почему сразу не обратилась к Цунаде?

— Ну, — замялась Хьюга. — Сначала старейшины клана восприняли появление Хибакари с воодушевлением, но потом поняли, что она больна, и болезнь, скорее всего, какая-то генетическая. Поэтому желание принимать ее в клан у них пропало.

Кизаши задумчиво кивнул. В решении старейшин свой резон есть. Одно дело перспективный член клана, который может вырасти сильным шиноби, дать новую кровь роду, может быть, развить кеккей кенкай, а другое — больная девчонка, которая не факт, что доживет до подросткового возраста. Они надеялись на члена клана, который принесет прибыль, а получили того, кто скорее станет иждивенцем. Дети — это все-таки не груши на дереве, их растить — занятие дорогое. Иногда и на родных денег не хватает, а тут чужой ребенок, да еще и больной.

— Я хотела сначала точно узнать, насколько серьезна болезнь у Хибакари. Если бы я сразу пошла к Цунаде, а она начала лечение, и нам потом пришлось бы его оплачивать, то это не понравилось бы старейшинам. И... саннин могла задавать ненужные вопросы, а отказывать в ответах Цунаде Сендзю было бы сложнее, чем вам, — надувшись, завершила объяснять Нами.

— Угу, хорошо, — признавая и право на секреты Хьюга, и то, что характер Цунаде достаточно решительный, чтоб ставить свое мнение выше чужого, сказал Кизаши. — А теперь, когда ты выслушала мое мнение, что будешь делать?

— Убивать Хибакари старейшины не станут, значит, у меня еще будет возможность ей помочь, — уверенно ответила Нами. — Клан в любом случае возьмет ее под опеку из-за бьякугана. Жаль только, удочерить мне ее не разрешат, раз я жена главы клана.

— Ого, а ты решительно настроена, — удивленно посмотрела на подругу Микото.

— Ты видела, какая она миленькая? И еще удивляешься? — нахмурила брови Нами. —

И они посмели отнестись к ней, как к отработанному материалу! Ничего, они еще поймут, как сильно ошибались. Когда-то и меня старейшины считали ни на что негодной девкой, способной только детей рожать и не достойной главной ветви клана. Но Орочимару показал этим хмырям, что к людям нужно присматриваться тщательнее! И кто я теперь — жена главы клана! И старейшины, и весь клан у меня вот где! — Нами демонстративно сжала свой кулачок. — И Хибакари еще им всем покажет.

Кизаши с нарастающим удивлением выслушал произнесенный яростным шепотом спич Хьюга. С первого взгляда Нами показалась ему более спокойной особой. Можно даже сказать, милой и кроткой. Кто бы знал, что за этой маской скрывается столь эмоциональная женщина. Правда, не совсем понятно, как, по ее мнению, сочетается то, что она держит весь клан в кулаке, и необходимость учитывать мнение старейшин при лечении найденьша. Впрочем, внутриклановые отношения — это дело темное и стороннему наблюдателю непонятное.

— Если этих сморчков старых не устраивает лечение от Цунаде, то я обращаюсь к другому специалисту! — пламенно заявила Нами под конец своей речи.

— О, нет...

— Да, Микото! И ты мне поможешь!

— Нет! — решительно мотнула головой Учиха. — Нет-нет-нет! Я с грудным ребенком даже из деревни не выйду! И на миссии меня не отправят. Тем более в Страну Звука.

— Страну Звука? — удивленно спросил Кизаши. — При чем здесь Страна... Ты хочешь спросить совета у учителя?

— Ты ведь сам сказал, что только он может помочь.

— Ну... Я еще Цунаде упоминал. И она как бы все-таки ближе, — неуверенно почесал затылок Харуно. — Да и проблем с Конохой у нее чутка поменьше, чем у учителя.

— Ох, Кизаши, — расстроено покачала головой Нами. — Мы же все прекрасно понимаем, что Цунаде замечательный, превосходный ирьенин. В полевой медицине ей нет равных, но лечить болезни — это не ее профиль. А тебе, Микото, все равно нужно будет выходить на задания. Или ты скажешь, что у тебя много накоплений? Или, может, клан тебя поддерживает после того, как ты понесла ребенка на стороне в обход планов старейшин? Ты в любом случае скоро станешь наставницей в Академии, как минимум.

Подскочив как ужаленная, Микото ткнула пальцем в лоб Нами, с угрозой прошипев:

— Не лезь не в свое дело! У меня достаточно денег, чтобы воспитывать своего ребенка! Я могу несколько лет обойтись без заданий, и уж тем более мне не нужны подачки клана!

Громкий удар ладонью по столешнице заставил двух женщин замолчать и возмущенно посмотреть на невольного свидетеля их перепалки.

— Хьюга-сан, Учиха-сан, настоятельно рекомендую вам удалиться в соседнюю комнату, — стойко выдержав два испепеляющих взгляда, строго произнес Кизаши. — Вы беспокоите детей.

Обе девушки одновременно испуганно обернулись к манежу, где обеспокоено ворочались младенцы. И, похоже, они уже были готовы начать хныкать.

— Я присмотрю за ними, а вы пока разберитесь между собой, — уже более спокойно посоветовал Харуно.

— Спасибо, — коротко бросила Микото, резко развернувшись к лестнице на второй этаж.

Хьюга и Учиха быстро скрылись в верхних комнатах дома, откуда до гостиной

доносились лишь приглушенные возгласы. Разобрать, о чем там девушки так жарко спорили, было невозможно. Да Харуно и не горел желанием ничего узнавать.

Уронив лицо на ладони, он благодарил судьбу за то, что его возлюбленная не принадлежала к клановым шиноби. Пусть у нее характер бывает не сахар, но с ней гораздо проще, чем с этими двумя. А он-то еще восхищался кротостью Нами! Она оказалась столь же двулична, как и подруга. Помнится, в Академии Микото тоже ему показалась милой девчонкой, а оказалась откровенной стервой. И со временем она, кажется, ничуть не исправилась.

Харуно вздохнул поглубже, успокаивая нервы, и встал из-за стола. Так и не доеденный и растаявший какигори пришлось смыть в раковину. Повозившись с посудой, Кизаши, как и обещал, уделил время детям.

— А я надеялся, что они разберутся там раньше, чем я закончу мыть посуду, — уныло посетовал Харуно, рассеянно глядя на два ворочающихся создания. — И что с вами делать-то?

Почесав затылок для стимуляции умственной деятельности, Кизаши не придумал ничего лучше, чем прибегнуть к своим способностям ирьенина. У детей пока не сформирована Система Циркуляции Чакры, поэтому нужно было действовать осторожнее — даже медицинские дзюцу могут нанести вред. Но Харуно не зря считался одним из лучших медиков Конохи: целебная чакра мягко обволокла тела младенцев, даже не проскользнув внутрь их. Нужно было всего лишь немного повлиять на духовную энергию, чтобы успокоить разум новорожденных и вернуть их к прерванному сну.

Облегченно выдохнув, Кизаши с самодовольной улыбкой вытер выступившие на лбу капли пота.

— Ну и мамашки у вас, — негромко проговорил он, склонившись над манежем. — Примите мои соболезнования.

Дети, что характерно, ему не ответили, чему Кизаши даже был рад. Сейчас ему хотелось побыть в тишине и спокойствии. И доносящиеся со второго этажа несвязные звуки совсем не входили в список его желаний. Чтобы избавиться себя от участи невольно подслушать чужую ссору, Харуно предпочел выйти на улицу.

Дом Микото был построен в современном стиле. У него не было длинной энгавы, но зато имелась лоджия на первом этаже, в которую можно было выйти через раздвижные двери, сейчас по случаю жары распахнутые настежь. С самой лоджии открывался вид на сад. Точнее, на небольшой огрызок земли, отгороженный от улицы высоким забором, на котором умещалось несколько камней и лужа, гордо именуемая Микото прудом.

Вот на этот пруд с края лоджии и решил полюбоваться Кизаши для успокоения нервов. Хотя похоже, что садом никто давно не занимался и пруд не помешало бы почистить после зимы, но зато на водной глади плавало три белых цветка кувшинок. Когда-то мать Микото старалась создать для своей семьи красивый уголок для летнего отдыха.

Кизаши вдохнул полной грудью теплый летний воздух, к которому примешивался едва заметный запах тины и аромат цветов.

Тишина. Красота.

Но благоденствие продлилось недолго.

— Давай быстрее! — раздался приглушенный и сдавленный голос. — А то сейчас снова хинэ понабегут!

— А это точно ее забор? — встревоженно спросил другой голос.

— Точно-точно, мы же вместе считали.

— Когда мы бежали от той ненормальной тетки, я чего-то сбился со счета...

— Не дрейфь! И лезь уже быстрее, мелкий!

Через пару секунд в траву под оградой упал ребенок. Паренек лет пяти с черными, длинными, подвязанными полоской белой ткани волосами. Одет в потрепанную и бесформенную тренировочную одежду шиноби. Черный доги явно был с чужого плеча, но старательно подогнан под нового хозяина. Пока Кизаши рассматривал незваного гостя Микото, мальчишка флегматично отряхивался и заметил Харуно не сразу. Заметив же, на мгновение замер, после чего медленно выпрямился, широко расставил ноги и... поднял руки вверх.

— Простите, дяденька, я тут просто мимо проходил. Не надо меня убивать, ладно? — полным безнадежности голосом произнес он.

Еще через секунду рядом с пареньком по стенке сполз еще один ребенок. Одет он был в почти такой же поношенный доги, только размером поменьше и светло-коричневого цвета. Второй незванный гость оказался девчонкой на пару лет старше паренька. Кареглазая мелочь имела немного фиолетовый оттенок волос, что говорило о том, что в ее предках водились какие-то представители кланов шиноби. Либо о том, что она красится, но это маловероятно.

И ее реакция на Кизаши совершенно отличалась от таковой ее напарника.

— О, мы что, все-таки промахнулись? — расстроено сказала она, осматриваясь по сторонам. — Как так-то?!

Нарочно громко прочистив горло, Кизаши привлек внимание вертящей головой девчонки.

— Так, мелочь. Давайте я отсыплю вам мелочь, и вы отсюда потихоньку уйдете.

— Эй, мы не попрошайки! — возмутилась девчонка.

— И не воры, — счел нужным уточнить мальчишка.

— Мы шиноби! — гордо задрал носик, заявила его напарница.

— Почти, — скромно добавил паренек.

Озадаченно смерив парочку взглядом, Кизаши невольно потянулся к затылку, но вовремя остановил руку. Перед детьми лучше показать себя уверенным взрослым человеком, а чесание затылка не добавит образу достоверности.

Кстати, голоса парочки что-то уж больно знакомы.

— Так это вы, значит, в ученики Микото набиваетесь? — поинтересовался Кизаши.

— Не, — ответила девчонка таким тоном, как будто Харуно сказал какую-то глупость. — Нам бы просто парочку уроков от мастера получить. Мы ж еще Академию не закончили. Вот когда закончим, тогда можно и учениками стать.

— Ну, тогда облом вам. Сегодня у мастера неприятный день, — хмыкнув, сказал детям Кизаши.

— Как?! — выпучила глаза оторва. — У Микото-сан бывают приемные дни?! Почему я не знаю?! О, боги! Я говорила тебе, что нужно было вчера приходиться! А если приемный день был вчера! Это мог быть шанс всей моей жизни!

— Сегодня мы мешаем Учиха Микото-сан? — вежливо уточнил паренек, так и продолжая держать руки на виду и игнорируя свою напарницу.

— Я б сказал, что вы ей в любой день мешаете, — поскребя подбородок, честно ответил Харуно.

— Но сегодня особенно? — настаивал мальчишка.

Прислушавшись к приглушенным голосам на втором этаже, которые до сих пор не сбавили тональности, Харуно вынужден был признать:

— Сегодня особенно, шкет. Думаю, не сама Микото, так ее подруга способна вас если не прибить, то в больницу отправить.

— О, так мы не ошиблись домом?! — девчонка услышала в словах Харуно лишь то, что хотела.

— Ага. Но сегодня я б не советовал вам ее отвлекать.

— Да? — подозрительно спросила девчонка. — А когда можно?

— Это нужно уточнять заранее...

— А как? А вы ее секретарь? Можно через вас, да? Когда у нее ближайший приемный день? — завалила Кизаши вопросами девочка.

— Так, я не секретарь, а ее друг. Единственное, что я могу сделать, это поговорить о вас с ней. Но для начала... Вы, вообще, кто такие?

— Я Анко! Анко Митараша! — гордо заявила девчонка и уточнила: — Шиноби.

— Охеми, — просто представился мальчишка, изобразив поклон.

— Хорошо. А я Харуно Кизаши. И, Охеми, опусти ты уже руки. Так, вы, значит, хотите чему-то научиться у Микото?

— Ага!

— Чему?

— Всему, что пожелает мастер!

Кизаши еще раз осмотрел незваных гостей. Жизнерадостная и активная девчонка прямо-таки лучилась нетерпением, а вот парень мрачно осматривался по сторонам и желал поскорее убраться подальше. И хоть девочка была старше, с первого взгляда было понятно, кто из этого дуэта является более благоразумным индивидуумом.

— Ладно. Более-менее понятно, — нахмутив брови, произнес Харуно. — Вы хотите учиться. Это похвально. Но бесплатного обучения у такого мастера, как Микото, получить невозможно, вы же понимаете?

— Ага, — немного приуныла Анко, но быстро пришла в себя, заявив: — Когда я стану джонином, я оплачу все усилия Микото-сан в тройном размере!

— А ты настойчивая, — недовольно пробормотал Кизаши.

Он-то надеялся, что она бросит эту глупую затею. Потому что ну какие деньги у этих двоих? Если они попали в приют, значит, у них нет прямых родственников. Скорее всего, вообще родственников нет. И единственные их деньги — это пособие от деревни и зарплата за подработки, которые им все равно не выдадут, пока они не выпустятся из детского дома. Хотя, если они уже учатся в Академии, значит, из приюта эти двое уже выпустились, и деревня выделила им жилье, а получают они стипендию. Которая поболее пособия и выдается на руки, но слишком уж она мизерная. У какурезато не так много денег, чтобы ставить всех сирот на щедрое довольствие.

Обычно, если у ребенка оставалось в Конохе наследство от родителей, то его распродавали и выручку откладывали для обеспечения сироты. На него же потом, после выпуска из приюта, покупали или арендовали жилье и выплачивали увеличенное пособие. И, похоже, эти двое как раз из таких. Иначе так рано их из приюта не выпустили бы. Но так или иначе, денег у них в принципе много быть не может.

— Не подходит, да? — расстроено спросила Анко.

— Понимаешь, Микото — молодая мать, — постарался объяснить Кизаши, — у нее

ребенку меньше месяца. Как она может вас чему-то учить, если все время уделяет ребенку?

— О! Так это же хорошо! — обрадованно воскликнула Митараша. — Мы можем помочь! Я несколько лет в приюте за детьми ухаживала! Если надо, я могу отплатить, поработав нянкой! Могу дома убираться, пеленки стирать. Что угодно! И время освободится у Микото-сан. А Охеми готовит хорошо. Он у меня живет, я точно знаю. Пальчики оближешь!

— Ты сейчас серьезно? — удивленно посмотрел на девчонку Кизаши.

— Ага!

— Да-а... Нужно поговорить на этот счет с Микото, — неуверенно произнес Харуно, мечтая поскорее уже отделаться от детей. — Так-то, кажется, у нее проблем с уборкой и готовкой нет. Вот если б вы на кото играть умели, тогда другое дело.

— Ну... Я как бы умею, — неуверенно произнес Охеми.

— Правда? — скептически спросил Харуно. — Вроде, маловат ты для такого, пацан.

— Я не так давно потерял родителей. Они были из мелкой аристократии на северо-восточной границе страны, — мрачно и неохотно поведал парнишка. — После того, как у нас построили святилище Инари, они посчитали, что я должен научиться играть на кото, потому что богине, вроде как, нравится этот инструмент.

— Н-да, — рассматривая странную парочку, произнес Кизаши. — В любом случае я сначала поговорю насчет вас с Микото. А сейчас вам лучше пока свалить.

— Да? А вы нас потом как найдете, когда она согласится? — без капли сомнения в голосе спросила Анко.

— В Академии узнаю твой адрес.

— Хорошо! Договорились! Если что, я и о вас там узнаю, Харуно Кизаши-сан! — легкомысленно произнесла девчонка, примериваясь, как бы половчее взобраться на стену.

— Харуно-сан, а можно выйти через парадный вход? — схватив за руку уже готовую карабкаться на ограду напарницу, спросил Охеми.

— Ага, — махнул рукой в сторону выхода Кизаши. — Идите.

— Спасибо, — глубоко поклонился мальчишка.

Дети направились к выходу, а Кизаши продолжил задумчиво смотреть на пруд и наслаждаться ароматом кувшинок.

Мирная жизнь, оказывается, может быть такой беспокойной, что военное время и в подметки не годится ей. Но это прекрасно.

— Харуно-сан, — отвлек от философских мыслей прозвучавший в стороне голос Охеми. — А мелочь, про которую вы говорили... Можно немного? А то кушать хочется.

Глава 4. Реформы и планирование

30 июня 45 года от начала Эпохи Какурезато

— Любопытно, любопытно... Значит, так не пойдет. Ладно. Хорошо, Малис, отличная работа.

— Благодарю, Рюджин-сама, — склонилась в неглубоком поклоне Ринха.

Я секунду-две молча наблюдал за ней, размышляя над ее отношением ко мне. Рюджин-сама, да? А вот способность Отохиме к чтению мыслей, основанному на считывании электрической активности головного мозга, ясно дает понять, что я для Малис Ринха уважаемый и сильный шиноби, но не бог. То есть она сознательно признает мой статус, но с чисто прагматической точки зрения. Ей самой более выгодно служить Рюджину, а не Орочимару Рюсею.

Любопытный она человек. Полезный специалист, квалифицированный и обучаемый ирьенин. Которого я посвятил в слишком многие свои тайны еще в те годы, когда мне нужен был клон Мицуко в Конохе, созданный с помощью кеккей генкай клана Ринха. Малис тогда стала основным моим связным с матерью нынешнего тела. И тогда она была зависима от меня, только я мог спасти ее сына. Но сейчас ее Юто уже ничего не угрожает, а слепой веры в меня она не испытывает. Стоит придумать, как бы добиться ее полной преданности, чтобы избежать неприятных неожиданностей.

Вновь переведя взгляд к пузатому монитору ЭВМ, я по привычке погладил висящую в моем левом ухе в виде серьги Тагицухиме.

— Итак, значит, совмещение кеккей генкай всех известных нам комбинированных Сейшицухенка невозможно, — задумчиво пробормотал я, снова бегло просматривая отчет Малис.

— Это данные, полученные по имеющимся в Отогакуре исследованиям. Точная локализация улучшенных геномов в ДНК пока нам не всегда доступна.

Я молча покивал, вчитываясь в строки на мониторе. Работа по расшифровке генотипа в принципе крайне сложная. И имеющаяся у меня база данных геномов из прошлого мира процесс ускоряла, но ненамного. В этом мире отбор шел достаточно жестко, да еще и чакра имеет мутагенные свойства, поэтому базу приходится набирать чуть ли не с нуля.

С кеккей генкай ситуация еще усложняется тем, что специфические способности дает не сам генотип, а особенности организма, которые им обусловлены. Геном лишь кодирует белки, которые уже делают дела. Суть в том, что, например, сейчас мне известно, что за образование Стихии Пара отвечает комплекс разных органов и ферментов. Но, кроме улучшенной Сейшицухенка, эти ферменты влияют, к примеру, на цикл трикарбоновых кислот. И если в человеке совместить Стихию Пара и Стихию Взрыва, то жить он будет плохо и недолго. А если добавить еще и Стихию Скорости, то человека и вовсе не получится. Летальная мутация.

Это одна из проблем. Вторая заключается во взаимоисключаемости некоторых кеккей генкай. Например, Шикоцумьяку и мой геном Белого змея банально несовместимы, так как условно кодируются одинаковыми участками ДНК. Грубо говоря, для первого улучшенного генома необходимы твердые кости, а для второго — гибкие.

Совместить все в одном получится, наверное, используя только метод химеризма. Либо по принципу, разработанному Хируко — вбирая в себя души и чакру людей, либо по пути

Кабуто — выращивая на себе едва ли не полноценные тела с нужными геномами. Что ж, отчет Малис подтвердил мои догадки. Значит, работа по созданию автономных клонов была не напрасна.

— Малис, сегодня мы начнем подготовку к созданию еще пары клонов, — закрыв отчет, сказал я женщине. — Один будет иметь кеккей генкай Стихий Шторма, Стали, Магнетизма и Лавы.

— Это... — Малис замаялась, подбирая слова. — Это будет очень психически неустойчивый организм.

— Мозги ему будут не нужны, — усмехнувшись, заметил я. — Это будет мой клон, и думать за него буду я.

— Как скажете, Рюджин-сама.

— Еще один клон нужен с кеккей генкай образцов Они-32, Йоки-14 и Цучи-1, — продолжил я. — И... Пожалуй, нужен еще один клон с улучшенными Сейшицухенка. Стихии Пыли, Льда, Пара, Тайфуна и Жара. На этом пока все. Можешь приступать к подготовке реагентов.

— К вечеру все будет готово, Рюджин-сама.

Малис вновь согнулась в поклоне и неспешно направилась к выходу из моего кабинета. Провожая ее затянутую в белый лабораторный халат фигуру, я невольно поглаживал висящую на моем правом ухе Тагорихиме.

Автономные клоны. Это была хорошая идея, но у нее такие же минусы, как и у техники Теневого Клонирования, пусть и специфичные. Мои автономные клоны — это выращенные с помощью доработанной техники *Икеру Тенсей* полноценные живые организмы, но сознания в них нет. Либо я вселяюсь в них, как делал это с Отохиме, либо расщепляю свой разум по методу Теневого Клонирования. Жизненную энергию клоны вырабатывать способны, но духовную все равно потребляют, и это сказывается на силе основного тела. И изрядно выматывает разум.

У меня сейчас и так, помимо основного тела, есть уже два автономных клона. Добавление еще трех, пожалуй, это предел, который я могу себе позволить без серьезного ущерба для собственного могущества. После активации новой партии клонов можно будет оценить возможности для дальнейшего расширения. Но не следует забывать, что перед войной Стране Звуча нужны сильные шиноби, и уменьшать свою мощь, плодя клонов, невыгодно. Хотя мои клоны абсолютно на меня не похожи, поэтому из них выходят неплохие шпионы. Так что выгода от них тоже есть.

Тем более что в перспективе они могли повысить мою силу. И в какой-то мере ради их создания мне пришлось играть роль приманки для сильных шиноби. После ухода из Конохи меня, естественно, внесли в Книги розыска Листа. Но из-за временной политической неприкосновенности, шиноби Страны Огня пока не могли получить кругленькую сумму за мою голову. Как я и рассчитывал, это кому-то в деревне не понравилось, и мое имя также оказалось в Книге розыска черного рынка, и многие отчаянные или самоуверенные ниндзя-наемники и даже нукенины со всего мира решили попытаться счастья и получить сразу кучу денег. Но в итоге оказывались в моих лабораториях, вносили посильный вклад в мировую науку, так сказать.

Учитывая, что кроме охотников за моей головой в Стране Звуча имелось немало народу, которые добровольно помогали мне в сборе генетического материала, сейчас у меня появилось гораздо больше данных о местной генетике и теорий о происхождении разных

народов. Что более важно, у меня появился шанс проследить экспрессию генов во время развития плода. В прошлом мире это считалось бы негуманным, да и чакры там не было. Здесь все необходимые опыты удалось провести без лишних смертей и воплей правозащитников. Замечательно! Оставлять новые знания, в том числе и о кеккей генкай, без практического их применения было бы глупо.

Со стоном потянувшись, я встал с рабочего кресла и подошел к окну. Из моего кабинета, расположенного в здании недалеко от Академии, открывался отличный вид на деревню. В кои-то веки я смог позволить себе выбраться из подземелий!

Прислонившись к раме окна, я рассматривал утопающее в зелени поселение. Тройное остекление имело превосходную звукоизоляцию, так что звуков улицы слышно не было, лишь тихое потрескивание примитивной ЭВМ нарушало тишину. Только это все равно не значит, что меня здесь не могут подслушать.

Гм. Вот чем хорош Роуран, так это малым количеством деревьев. Никогда бы не подумал, что это может пойти в плюс какому-то городу.

За спиной едва ощутимо колыхнулся воздух, потревоженный открывшейся дверью.

— Привет, Мицуко, — не оборачиваясь, поздоровался я. — Твоя миссия в Стране Железа, наконец, завершилась.

— Ты отозвал нас раньше, чем планировалось, — подойдя сзади, обняла меня женщина.

Мать этого тела все так же выглядела подростком шестнадцати-восемнадцати лет, но при этом являлась главой Деревни Звука. Это многих сбивало с толку. Некоторые смели недооценивать ее, что для них стало фатальной ошибкой.

— Сводный батальон не выполнил все намеченные учения. А к побочному заданию мы даже не успели приступить, — коротко отчиталась Мицуко, прижимаясь к моей спине.

— Я не учел возможностей затаившегося в лесах Страны Железа шиноби, — поморщившись, говорю женщине. — Даже с помощью Чиноике ты вряд ли смогла бы незаметно обнаружить цель. Похоже, противник успел обзавестись шпионами. Недавно Отохиме заметила, что кто-то пользуется ее древесными путями.

— Пользователи Мокутона? — напряглась Мицуко. — Только им доступна техника *Кагеро*. Они принадлежат тому шиноби, логово которого мы должны были обнаружить? Как ему удалось расплодить таких уникальных приспешников?!

Я задумчиво покругил обвившую запястье Ичикишимахиме, прежде чем дать ответ. Вообще, я не видел проблем в том, чтобы поделиться с Мицуко своими знаниями о Мадаре и всей этой истории с потомками Кагуи. Я прекрасно понимаю, что далеко не настолько гениален, как думают некоторые мои последователи. Так что помощь местного жителя в планировании решений проблем лишней не стала бы. В итоге я рассказал моей условной матери многое из того, что знаю сам. Не как истину в последней инстанции, а как некие обтекаемые догадки и возможные явления. Все-таки в моей прошлой жизни разные источники об истории этого мира частенько расходились в данных, и сам я, пожив здесь достаточно, убедился, что не все так однозначно.

— У него была такая возможность, — качнув головой, уклончиво ответил я. — Хотя я не могу сказать, как именно он получил этих пешек.

Несмотря на свое доверие к Мицуко, про Черного и Белых Зецу и их истинную природу я говорить не стал, так же как и об их планах на возрождение Кагуи. Мицуко бесконечно мне преданна, что подтверждается и наблюдениями Отохиме, но ее специфичная психика и чрезмерная материнская забота иногда порождают странные явления. Мне потребовалось

много времени, чтобы убедить ее не начинать операцию по немедленному пресечению Плана Глаза Луны. Она искренне считала замысел Мадары опасным для меня, для своих вероятных невесток и вполне реальных внуков. Опасения эти вполне оправданны, вот только я не согласен с тем, что нужно мешать Мадаре. Пожалуй, я склонен, наоборот, всецело ему помочь, чтобы извлечь из происходящего максимальную выгоду. План Глаза Луны может быть полезен хотя бы тем, что он мне известен, а также мне известна роль в нем Черного Зецу. Лучше примерно знать, что планирует и что делает этот тип, чем теряться в догадках.

Спойлеры в реальной жизни не так уж плохи. Только доказать это Мицуко было непросто. И пока я не готов к очередной словесной баталии, уже на тему опасности Кагуи. Особенно, когда вокруг шляются Белые Зецу, а местонахождение Черного и вовсе неизвестно.

— Но могу сказать, что в Конохе я тоже заметил следы использования *Кагери*, — вернулся к теме я.

— Ты заметил? — подозрительно посмотрела на меня Мицуко, правильно уловив акцент в моих словах. — То есть ты отправил в Коноху своего нового клона с кеккей генкай Хаширамы? Это плохо. Клоны отнимают силы. Я сама несколько лет жила на две деревни и по себе знаю, насколько это сложно.

— Мой запас чакры велик, я должен справиться, — отмахнулся я, про себя заметив, что объемы чакры нужно все же увеличить. — Но отправка клона в Коноху оказалась своевременной. Тот, кто прячется в Стране Железа, ищет себе пешку среди Учиха. За ними нужно приглядывать.

Было бы неприятно, если бы мой сын или Микото привлекли внимание Мадары. И как долго он вообще следит за Учиха с помощью Зецу?

— Снова печешься о своей Учиха, — прижав меня к себе сильнее прежнего, с долей ревности спросила Мицуко.

— Женская интуиция иногда удивляет больше божественной проницательности, — рассмеявшись и повернувшись к Мицуко лицом, пошутил я, нежно погладив девушку по голове. — Я виноват перед Микото. И она милая девочка, которой не повезло влюбиться в меня и получить взаимность.

— Тогда плюнул бы на все и привел ее и моего внука в дом, — решительно высказалась Мицуко. — Уверена, она побежит за тобой, только помани. Если так беспокоишься о ее безопасности, то защитить ее тебе в Отогакуре проще, чем в Конохе.

— Обречь Микото на участь нукенина? — с сомнением уточнил я. — Не лучший подарок, который можно сделать. И я не уверен в том, что Ото намного безопаснее Конохи. И кроме этого есть один момент. Хируко, какой бы сволочью он ни был, наглядно показал, как нужно воспитывать Учиха. В наши смутные времена, мой сын должен быть сильным. Проклятие Ненависти — это, наверно, самый щадящий способ добиться максимального роста силы в кратчайшие сроки.

— Щадящий? — Мицуко открыто рассмеялась. — Редко у тебя бывают такие удачные шутки.

— Я не шучу, — хмуро говорю девушке. — Мои опыты с Учиха не дали тех результатов, которые я ожидал. Исследование Юко и других подопытных не обнадеживают.

— Что не так с Юко?

— Ее нужно лечить, — поджав губы, признаюсь я. — Психотерапия идет туго. Эмоциональный шок дал моментальную эволюцию шарингана, но со временем проявилась

масса проблем: расстройство сна, депрессия, шизофрения, целый перечень различных расстройств личности. Сейчас она проходит терапию под моим наблюдением. Разговоры по душам — это еще ничего, но мне бы не хотелось накачивать своего сына наркотиками, знаешь ли.

— Я не уверена, что традиционный способ пробуждения шарингана скажется на психическом здоровье моего внука лучше.

— Отличие «традиционного способа» от моего в экспозиции эмоционального давления, — наставительно произнес я. — Юко и другие подопытные испытали мощный, искусственно вызванный шок при эволюции шарингана. Обычно же стресс накапливается длительное время, прежде чем проходит очередная стадия развития додзюцу. Кажется, это Учиха переносят попроще.

— Допустим, — покладисто согласилась Мицуко. — Значит, ты решил провести Итаци через эмоциональный прессинг. И даже сам в нем поучаствовать.

— Если у Учиха есть объект ненависти, это дает ему большую целеустремленность, — скривил я губы в ухмылке. — Ему не повезло родиться в такое время, когда родительская забота заключается не в утирании соплей, а в жестком воспитании.

— Как скажешь, Орочи, — после короткой паузы негромко сказала Мицуко. — Но я должна тебя предупредить. Твой отец... Даже если бы все, что он творил, оказалось во благо мне, даже если бы я знала тогда, что его действия приведут к тому, что я в итоге рожу прекрасного ребенка, стану главой какурезато и получу возможность по-настоящему полюбить... Даже если бы я это знала, то это не дало бы ему ни единого лишнего мгновения жизни. И не лишило его ни единой секунды тех мук, которые он пережил перед смертью.

В ответ на подобное жесткое откровение я лишь погладил Мицуко по медового цвета волосам. Девушка еще сильнее обняла меня, словно утопающая, которая хватается за последнюю соломинку, удерживающую ее от смерти. Вполне возможно, что сравнение даже слишком прямолинейно. Надо бы и с Мицуко по душам поговорить. Вспомнить кое-что из практик незабвенной моей бывшей женушки из старого мира.

Однако планы на воспитание Итаци я, пожалуй, менять не буду. Да, жестоко. Но эффективно, и, что важнее, укладывается в другие мои начинания. В конце концов, беречь своего сыночка и в то же время отправлять сотни чужих на возможную смерть — как-то неправильно. Кризисные времена требуют решительных мер, а сопли жевать будем потом.

Жизнью своей быть примером. Неплохое кредо, на мой взгляд, если желаешь править умами людей.

Хотя процесс взросления сына я все же проконтролирую, чтобы в случае критической ситуации вмешаться.

— Ладно, давай отложим личные разговоры на потом. Сейчас мне нужен отчет об основной твоей миссии, — отстранив от себя Мицуко, потребовал я.

— Результаты неутешительны, — недовольно скривив губы, коротко ответила девушка. — Хотя мы не провели полный перечень запланированных учений, но то, что успели, не соответствует ожиданиям. Качество управления большими соединениями войск по-прежнему неудовлетворительное. Нужно увеличить количество учений. И доработать системы связи.

Чего и следовало ожидать. Электроника этого мира была пока топорной и примитивной. Технологии вообще только начинали внедряться в армейскую жизнь, и их ждет еще долгий путь совершенствования. Впрочем, всю отрасль в моей стране еще

развивать и развивать. Сейчас-то производство электроники в самом зачаточном виде, а собственных разработок практически нет, в основном производятся копии трофейных аппаратов. Печально, но в прошлом мире я как-то не разбирался в работе компьютеров, и сейчас ничем не могу помочь самому себе. Единственное, что я смог реализовать — это телеграф, но это совсем не тот уровень, который мне нужен. В остальном же я просто вкачиваю в сферу разработок электроники побольше финансов и жду чуда.

— Давай по порядку, — попросил я. — И отдельно по каждому пункту.

— По пунктам, так по пунктам, — легко согласилась Мицуко. — Тогда начну с иерархии. Еще раз убедилась, что она прижилась. Было верным решением не выдумывать новых званий и рангов, с нынешней численностью шиноби в деревне хватает того, что есть. С разбивкой на отряды тоже ничего нового, две войны за плечами у многих, так что все понимают, что такое взвод, а что — батальон и дивизия.

Я только молча кивнул в ответ. В этом мы убедились в более мелких учениях, так что ничего удивительного. Развернутая мной реформа вооруженных сил Страны Звука началась с малого — с увеличения количества рангов. Сейчас шиноби Отогакуре делились на восемь рангов или, если говорить понятным языком, званий: глава деревни или Каге, шинобигашира или попросту гашира, джонин ханчо, джонин, токубецу-джонин или токуджо, чунин, генин и ученик. И такая градация была не велением левой пятки, а предвестником изменений в структуре воинских формирований и, вообще, всем быте шиноби.

Ниндзя условно считаются регулярной армией страны, но по факту на нее тянут слабо. В мирное время шиноби не формируют больших воинских соединений, максимум — это небольшой мобильный отряд для выполнения конкретных задач. Например, Ирье Бутай или Кеккай Бутай. Причина подобного поведения довольно проста — у какурезато и у государств нет денег, чтобы содержать настоящую регулярную армию. Поэтому шиноби поддерживают квалификацию и зарабатывают себе на жизнь, примеряя на себя роль либо жандармерии, либо охранной компании, либо вообще непонятно чего, лишь бы денег давали. Я до сих пор помню, как меня отправляли травить крыс и ловить котов.

В своей стране я эту порочную традицию решил прервать.

Сама реформа армии началась недавно и велась поэтапно, но если подумать, то подготовка к ней идет уже более десяти лет. Потому что армии нужно самое главное — деньги. Их накопление шло давно и не без проблем, потому что деньги у Страны Звука и так есть куда тратить. К счастью, мои проекты с продажей удобрений, риса и энергоресурсов приносят хорошие прибыли. Особенно под управлением нормальных экономистов и финансистов, а не меня. И не стоит забывать о начатой добыче алюминия и его экспорте. Пока Большая Пятерка наперегонки потрошила военную отрасль совместно покоренной Страны Неба, я в свое время смог урвать никому особо не нужную технологию промышленной добычи алюминия. И уже лет пять Страна Звука монополизировала мировые продажи не только гремучего газа и удобрений, но и алюминия. Хотя электрификация пока идет неспешно, но провода все равно нужны всем.

Вот только, чувствуя, мои экономические достижения мало кому нравятся за рубежом, а эпидемия тифа, вакцины от которой поставлял только клан Ринха, уже подходит к концу. Так что к ближайшей войне очень желательно конвертировать деньги в военную мощь. Поэтому я решил, что шиноби должны быть солдатами и заниматься только войной, либо готовиться к ней.

— Работа штаба разочаровывает, — тем временем продолжала доклад Мицуко. — От

начала и до конца. В принципе, если получится добиться устойчивого канала связи между всеми подразделениями, то станет лучше. Но пока мне нечему радоваться. Обмен информацией и ее обработка происходят слишком медленно. Почти ни одна операция не укладывается в установленные временные нормативы. Разведка местности проводилась долго, но зато к топографии нареканий у меня нет. В новой системе координат люди разобрались, координация сенсоров и топографической разведки в норме. Все объекты были выявлены и точно занесены в карты...

Мицуко еще около часа в кратком изложении пересказывала весь процесс учений и свою оценку деятельности шиноби. Справедливости ради скажу, что это не ниндзя лопухи, раз в нормативы не вписываются, это требования к ним мы выставили завышенные. И прокальвались они в основном из-за несовершенства техники. Кое-что просто физически было невозможно сделать, вписавшись в норматив, имея из подручных средств только карандаш, линейку и листы бумаги, а из средств связи — нарочных.

Нужны были продвинутые средства связи, и неважно, на чем — на передаче чакры или радиоволн — они будут работать. Неплохо было бы иметь портативные ЭВМ для автоматизации работы полевого штаба. И вообще замечательно, если б у нас была спутниковая система навигации, но это мечты на грани фантастики. Хотя Страна Неба уже давно распускала слухи о своей космической программе и первом искусственном спутнике этой Земли, но где та Страна Неба сейчас? Ее технологии урвали большие государства, но воспользоваться ими пока не смогли. А мне б онигодились, но нужно радоваться, что хоть алюминий добыть смог.

Кроме отрицательных отзывов, Мицуко все же нашла, за что похвалить наш учебный батальон. Взводы и роты, то есть мелкие подразделения, показали отличную слаженность. Вообще, в каждом взводе было человек по двадцать, из которых один командир, один его заместитель, один связист, один полевой медик и четверо специалистов по барьерам. Остальные были бойцами разных направлений. Но обязательным умением, которым они должны были владеть, была передача чакры. В случае большой амбы это позволяло взводу, объединив силы, противостоять какой-нибудь большой шишке. Хотя бы барьер поддерживать до прихода подкрепления смогут подольше. А там уж специализированные отряды, вроде групп Узумаки с Цепями Чакры, Шиин с их гендзюцу или Кагуя с их Шикоцумьяку, будут разбираться с проблемами.

На учениях такой подход к составу малых воинских формирований показал себя неплохо. Но реальную оценку можно будет дать только на поле боя. Я не большой специалист в военном деле, спрогнозировать ничего не берусь, но местные, вроде, смотрят в будущее с оптимизмом.

Вообще, в этом мире военное искусство развивалось очень своеобразно, так что вряд ли их оптимизм чем-то подкреплен, кроме надежды на лучшее. Наличие чакры, отсутствие углеводородов и отсталая экономика из-за постоянных войн оставили свой отпечаток на всех аспектах жизни. Вот шиноби — это высокомобильные боевые единицы, обладающие широкими боевыми возможностями. Благодаря запечатавающим техникам у них мало проблем с тыловым обеспечением и высокая автономность отрядов. В таких условиях логичным было бы вести маневренные войны малыми группами, но нет. Без привычного мне уровня высокой информатизации большие объединения войск, похоже, даже для шиноби становятся незаменимы.

— Вот так. К опытным испытаниям марионеток приступить не успели, — завершила

свой рассказ Мицуко.

— Хорошо. В любом случае марионеток нужно еще в лабораторных условиях испытывать. Печати клана Рьюдоин оказались слишком примитивными и не подходят для полноценной замены Нитей Чакры, — с досадой в голосе поделился я своими мыслями с Мицуко. — Тогда пока масштабные общевойсковые учения мы свернем. Сосредоточимся на командно-штабных. Имеющиеся средства связи на подготовленных позициях работают без нареканий. Значит, будем готовиться к оборонительной войне.

— Оборонительной? — удивилась Мицуко. — Мы не планировали только обороняться.

— Наш приоритет — это сохранение того, что мы успели приобрести, — хмуро ответил я на замечание женщины. — Прирастать будем по возможности.

— Если мы промедлим со Страной Гор, то она уйдет конкурентам, — недовольно сказала Мицуко.

— Ты говоришь очевидные вещи. Если мы промедлим, то во время всеобщей суматохи в период очередной мировой войны территории Страны Гор, вероятно, поглотит Страна Железа или Огня, — высказал я свое предположение, разглядывая в окно край виднеющихся в дали горных пиков. — Ворота торговых путей на запад и юг нужны и мне, и самураям, и западным соседям. А после уничтожения Листом и Водопадом деревни Кагеро, Страна Гор практически беззащитна. Ее аннексия станет даже не актом агрессии, а милосердия. Вот только сил у Отогакуре не много. А наши успехи многим не дают покоя. Боюсь, у Страны Звука есть все шансы стать второй Страной Дождя, которую раздирает вся Большая Пятерка. Поэтому я планирую поспособствовать началу войны. Если уж ее не миновать, то пусть она начинается на выгодных для нас условиях.

— Хочешь, чтобы фронты между Великими странами прошли в стороне от Звука? — подумав, предположила Мицуко.

— Думаю, наибольшую опасность для нас представляют возможные бои Кумо с Конохой и Ивой. Поэтому, чтобы снизить экспансию Страны Молнии на запад, мне кажется логичным перенаправить ее сферу интересов на юг — на Страну Воды. И на северо-запад, на Страну Земли в обход Морозного перешейка, если такое вообще возможно.

— В прошлую войну Кири и Кумо были союзниками, — заметила Мицуко. — И я не знаю, насколько сейчас крепки старые договоренности между ними.

— Если постараться, то любых союзников можно рассорить, только нужно знать, как это сделать. Одного из своих автономных клонов я постараюсь внедрить в Кумо, думаю, именно эта деревня сейчас для нас наиболее опасна.

— Еще один постоянно действующий клон снизит твою мощь, — недовольно произнесла Мицуко. — У Ринха и так есть несколько марионеток в Кумо.

— Мой клон все равно может оказаться полезным, — решил не вникать предупреждениям я. — А про наших шпионов я не забыл. А еще я помню, что у нас есть мечи Тумана, некоторыми из которых можно пожертвовать, чтобы подставить Кири.

— Про то, что мечи у нас, никто не знает, но зато многим известно, что Мечники Тумана давно себя не проявляют. Так что мечи в этом плане не такой значимый козырь, как кажется.

С этим замечанием я вынужден был согласиться. Тогда, наверное, придется раскрыть информацию о Стране Болота и больших залежах бокситов в ней. Я почти уверен, что обе восточные к нам великие страны захотят за столбить за собой залежи алюминиевых руд, в надежде в будущем начать их промышленную разработку. Или, может, мне снова заключить

делку с Комер-дза и другими гильдиями торговцев хлебом, чтобы увеличить негласную квоту на поставки продовольствия в Страну Земли, а Странам Молнии и Воды пайки урезать? Естественно, цены на хлеб упадут, значит, сделка мне эта дорого обойдется, но тогда бы я сразу двух зайцев поймал.

Не сказать, что у Стран Земли, Молнии и Воды проблемы с продовольственной безопасностью, но я бы и не сказал, что они шикают. У них и климат к сельскому хозяйству не располагает, и в первых двух странах в ландшафте горы преобладают, а третья и вовсе на архипелаге расположена, где земли в принципе сильно ограниченное количество. В общем, от увеличенных поставок риса, да еще и по сниженным из-за избытка предложения ценам, наш северный сосед не откажется. А обоим восточным придется больше налегать на морские биоресурсы, которые велики, но не бесконечны. Помнится, перед Первой мировой, когда международная торговля хлебом была абсолютно никакой, а в Странах Ветра и Огня полыхали голодные бунты, у Молнии с Водой тоже конфликт был из-за дележки районов промысла рыбы и охоты на китов. Хотя сейчас ворвань отходит на второй план, и киты уже не так важны...

— Есть еще несколько идей, — вслух сказал я, не став расписывать свои мысли, — но перед тем, как их воплощать, нужно посоветоваться с гражданским правительством и проконсультироваться с экономистами, чтобы просчитать возможные риски. Да и заодно сразу проверю, насколько страна к войне готова. Кажется, были проблемы с постройкой газовых хранилищ.

— Заодно решим, как отвлечь от Страны Звука другие страны, — согласилась Мицуко. — И не забудь про Роуран. Страна Песка в не меньшей опасности, чем мы. Необходимо сравнить Суну и Иву в Стране Камня, чтобы фронт прошел в стороне от города Сераму.

— Непременно, — согласился я. — Но еще я договорился с Сераму о переброске в ее страну отрядов Узумаки, чтоб они набрались боевого опыта в отдалении от Облака и Тумана. В случае необходимости, они помогут с защитой города.

— Узумаки, — со вздохом произнесла Мицуко. — В Роуране они хотя бы внешне своей не сильно выделяются, но знающие люди сразу распознают их техники и чакру. А если их ввести в боевые части Отогакуре, то после первого же боя все вокруг будут в курсе о сотнях выживших Узумаки. Надеюсь, ты осознаешь риски.

Да, Кумо и Кири явно попробуют раздавить остатки клана красноволосых. Просто ради самозащиты, так как все прекрасно понимают, что Узумаки попытаются за все свои обиды отплатить. Но я думаю, что если у Облака и Тумана появится еще одна причина уничтожить Отогакуре, то сильно хуже мне от этого не будет.

— Нужно дать Узумаки возможность получить боевой опыт до начала войны, — напомнил я Мицуко. — Мы и так станем мишенью для Кири и Кумо. И красноволосые станут серьезным подспорьем в борьбе с этими деревьями. Тем более, если мы сумеем их рассорить.

— Раньше, до твоих реформ, я бы была полностью уверена, что лучше сохранить наличие у нас Узумаки в тайне, чтоб их появление принесло максимум урона противнику за счет эффекта неожиданности, — недовольно произнесла Мицуко. — Но сейчас нам нужно включить красноволосых в общую систему вооруженных сил с самого начала их основания, чтобы отработать тактику их применения в общих учениях, а не пытаться импровизировать в ходе боевых действий. Значит, нам не обойтись без масштабных военных учений, которые в

границах деревни не провести, а за ее пределами мы не можем ограничить деятельность всех вражеских шпионов. Я это понимаю, но ввевшиеся инстинкты трубят, что мы что-то делаем неправильно.

— Успокой свои инстинкты тем, что об Узумаки и так уже кое-кто узнал с помощью своих пешек с Мокутоном, — невесело напомнил я. — Хранить секрет, о котором знают уже два независимых лица, глупо. Лучше использовать его по-максимуму до того, как это сделает противник.

Мицуко молча покивала головой, соглашаясь с моими словами. После чего, рассмеявшись, произнесла:

— Когда-то Хаширама и Мадара изменили мир, начав эпоху Какурезато. Но теперь в мир пришел Рюдзин, и он даст начало новой эпохе. Я помню испытания новых Кибакифуда. Если таких чудесных технологий станет больше, то новая эпоха станет временем Рюджина.

Новые взрывные печати, о которых говорит Мицуко, штука, конечно, хорошая, но я б не сказал, что она настолько восхищает. Вообще, проблема всех Кибакифуда в том, что на маленький листок не получается нанести большую печать, в которую поместится много энергии Катона для взрыва. Местные традиции сошлись на распространенном сейчас формате взрывных печатей. Если их делать больше, то это просто неудобно и не дает значительного прироста в могуществе заряда. Я же решил, что не нужно увеличивать саму печать, нужно увеличить их количество. Получилось этакое взрывное конфетти: облако мелких печатей, среди которых в равной мере перемешаны и стандартные Кибакифуда, и печати со Стихией Ветра.

Нужно учитывать, что фугасность обычной печати не особо велика, больше она наносит урон высокой температурой. А мой вариант напоминал настоящий термобарический заряд. Изначально я вообще думал запечатывать водород, чтоб взрывать его, но эффект почему-то был не особо лучше, чем у стандартных взрывных печатей.

— Да, взрывное конфетти получилось удачным, — признал я. — Только нужно поработать над методом его доставки к противнику. Если метать их с кунаем по старинке, то часто и самого метателя взрывом задевает. Нормально работающую систему залпового огня бы мне... Может, нам прибрать к рукам Страну Снега? Это решило бы многие наши проблемы.

— В комплекте с технологиями этой страны нам достанется большой нищий регион и море проблем с кредиторами, — поморщившись, прокомментировала мое предложение Мицуко. — Если бы в Стране Снега было что-то кроме снега и основанных на Хьетоне производств, то она давно бы стала частью Страны Молнии. А так гораздо проще покупать готовую продукцию и на основе их технологий развивать свои.

Молча покивал головой, невольно соглашаясь с женщиной. Сама по себе Страна Снега никому не интересна. Пустынная территория, где нет природных ресурсов. Единственное, что там есть — это какой-то тип техник, связанных со льдом и снегом и способных запасть чакру в материальных носителях. Причем эту энергию потом почти невозможно использовать вновь, только с помощью механизмов, что и используется при создании местной электроники.

— Нужно будет обсудить с гражданским правительством и вопрос со Страной Снега тоже, — решил я. — Сейчас брат нынешнего дайме готовит государственный переворот, и скоро у нас появится прекрасная возможность получить власть в стране без лишнего сопротивления со стороны местных жителей. Упускать такой шанс просто жаль.

Остановившись на таком решении, я решил немного пошутить:

— Кстати, Мицуко, кажется, раньше ты не выказывала такой заботы по отношению к нашему западному союзнику. По-моему, ты даже недолюбливала Сераму, а теперь сама напоминаешь мне, что Роуран нужно уберечь от участи оказаться в гуще сражений между Ивой и Суной.

— Раньше я не знала, что в Роуране живет моя внучка, — проворчала Мицуко.

— Гм. Знаешь, такие слова звучат странно из уст девчонки шестнадцати лет.

— И чья это вина, скажи-ка мне, что я выгляжу, как подросток?

— А ты не довольна?

Ответ последовал не сразу.

— Мне кажется... что мое тело... выглядит недостаточно зрело... для тебя, — через силу выдавила Мицуко. — Ты обещал мне... Обещал мне, что у меня будет дочь.

— О, да будет тебе дочка, как только сможешь произнести что-то подобное без запинок и с лицом попроще, — немного неловко рассмеялся я. — Я давно изменил свой геном и по крови не являюсь твоим близким родственником.

— Да при чем тут это?! Думаешь, мне так просто спокойно говорить о подобном?! Ками... Орочи, ты идиот, каких поискать! И никогда не был настоящей девочкой! Ты даже не умеешь понимать женщин. Как все эти девки вообще в тебя влюбляются, не пойму, — мгновенно вспылила Мицуко. — Я хочу дочь... Боже, самую нормальную дочь, которая не превратится в сына, который мне уже даже и не сын!

Оборвав себя и глубоко вздохнув, Мицуко расстроено покачала головой. Поняв, что буря миновала, не успев начаться, я обнял девушку. В ответ она крепко сжала меня в объятьях.

— Не везет тебе в любви, Мицуко.

— Если еще раз испортишь такой романтичный момент, я тебе что-нибудь сломаю.

— Кстати, отличная идея, — вдруг вспомнил я важную вещь. — Давай-ка проведем совместную тренировку. С этой политикой, реформами и экономикой даже начинаю чувствовать, как чакра едва ли не улетучивается из кейракукей.

Глава 5. Охеми

3 июля 45 года от начала Эпохи Какурезато

Жара. Распахнутые окна аудитории, кажется, стали источником техник Стихии Жара и выплескивали на меня раскаленный воздух с улицы. Хорошо, что они выходят на восток, и прямые солнечные лучи уже давно не попадают в класс. Зато под утро я чуть не спекся.

Когда там уже закончится этот бесполезный урок? Кто, вообще, додумался поставить теоретическое занятие на обеденное время? Да еще и историю! Это же политпросвет, а не история! Я ее и в главном теле никогда особо не слушал и старался по возможности не посещать.

— Это что за хмырь тут решил поспать на моих уроках? — прозвучал насмешливый голос над моим ухом.

— Я не сплю, Нода-сенсей, — монотонно пробубнил я в ответ, даже не попытавшись оторвать голову от парты. — Я слушаю. Очень внимательно слушаю.

Дерьмо. Изображать из себя ученика Академии было сложно. В том плане, что с жарой я почти ничего поделывать не мог. Так как чакру я контролировать, вроде как, не должен уметь, значит, с помощью нее жизнь себе облегчить тоже не могу. Кроме того, в генотип этого тела не удалось включить мой родной кеккей генкай Широхеби но Чикара, который помимо прочего позволял контролировать метаболизм, поэтому даже физиологически адаптировать себя под неожиданно душное и жаркое лето я не мог.

Все в поту, голова ватная, шевелиться сил нет. И при всем при этом все кругом относятся, как к куску дерьма. Впервые я ощутил себя настоящей личинкой шиноби. Подобного чувства в детстве, проведенном от лица Орочимару, я не испытывал. Всякое бывало, конечно, и битым был, и за спиной гадости говорили, но хоть в лицо более или менее уважительно обращались. Хотя б не хмырем обзывали и уж тем более не тупорылой бестолочью.

— Слушаешь, да? Тогда ответь-ка на мой вопрос, бестолочь...

Ну, вот. Что и требовалось доказать. И ведь не с целью обидеть обзывает, просто это у него стандартное обращение к ученику. Добродушное, можно сказать. А я к нему еще и по фамилии в ответ. Надо, как все, по имени его звать. И без суффиксов, просто Дзюн. Опуститься до общего уровня, так сказать.

Вопросы Нода Дзюн мне позадавал, но подловить ни на чем не сумел. В общих чертах историю я знаю, и под взглядом сочувствующих, злорадных и удивленных взглядов одноклассников общими словами отбрехаться получилось. А потом как раз и урок закончился.

— О, наконец-то закончились занятия! — заложив руки за голову и вразвалочку вышагивая по коридору, радостно возопил Мизуки. — Дзюн-сенсей вообще совесть потерял. В такую погоду нас в классе держать! Лучше б полевые занятия на лесном полигоне. Там солнце не печет и ветерок.

Я проводил ленивым взглядом идущую впереди меня клику шпаны во главе с белобрысым парнем. Эта толпа шумных малолеток начала меня раздражать еще при первом знакомстве, но сегодня их предводитель озвучил очень дельную мысль. Аж удивительно. Наверное, пока они не пытаются втянуть меня в свои идиотские занятия, эти типчики не так уж плохи.

Хотя отсутствие манер все же не идет им в зачет.

Раньше я гением считался, мать у меня ирьенин хороший была, да и окружали меня либо клановые шиноби, либо отморозки Данзо, а это все погружает в совершенно иную культуру, в которой существует понятие о субординации и гранях дозволенного. А шпана, с которой сейчас приходится учиться, никого особо не уважает. И, что досадно, я сейчас не гениальный Орочимару, а прижитая бестолочь Охеми. Не то чтобы я какой-то брюзга и спесивец, но когда ко мне на «эй, ты, придурок», то становится немного обидно. Пусть и для местных это вполне нормальное обращение, они и с учителями на ты. А иногда и на «эй, ты». В местном языке все эти особенности хорошо выражены, со всем тщанием присущей азиатам многоуровневой вежливости.

— Охеми! — звонко прокричали у меня над ухом, попутно от души припечатав ладонью по плечу. — Пошли в баню!

А вот и моя новая мамочка объявилась.

— Какая еще баня в такую жару, Анко? — устало спросил я, оборачиваясь. — Я хочу домой и...

И я не успел договорить, потому что увидел саму Митарашу. Девчонка сейчас, хоть и старше физиологического возраста Охеми, была с моим клоном одного роста. Поэтому мой взгляд сразу же зацепился за отекий правый глаз Анко, ссадину на правой же скуле и распухшую щеку. Еще ее волосы цвета тусклой фуксии стали еще более блеклыми из-за пыли. Да и вся одежда, и так поношенная, явно нуждалась в стирке и ремонте.

— Ладно, пойдем в баню, — со вздохом согласился я, решив, что купаться в горячем бассейне вовсе не обязательно, а освежиться, облившись холодной водой из шайки пару-тройку раз, мне тоже не помешает.

— Ура! — просияла девчонка. — Скорее домой за мылом!

И чего ей одной не сходить, интересно?

Я невольно поймал на себе веселые взгляды близняшек Узуки, которые весело зашушукались, наблюдая за моим с Анко общением. Наверняка мои одноклассницы сейчас поделились друг с другом шуткой в духе «тили-тили-тесто». В плане юмора местные детишки не слишком оригинальны. Вон, кажется, и Ирука со своим корешем Угаем ржут промеж собой. Вот идиоты. У Ируки до сих пор лицо обмотано бинтами после неудачного практикума в сюрикендзюцу, а все лыбится.

А вот и фиг с вами. Я гордо выпятил грудь и пошел наравне с Анко. Если так хочется, пусть завидуют. А придурку Дзюну, незнамо каким чудом ставшему учителем, я это еще припомню. Именно он первым обозвал нас с Митарашу парочкой. Ну, живем мы вместе. Ну да, не родственники вообще ни разу. Ну, Анко таскает меня везде с собой. Что такого-то? У девочки потребность в семье, вообще-то, после смерти родителей. Только не мужа ей надо, а братишку или папку.

Вообще, когда я попал в детский дом Конохи, то думал, что задержусь в нем лет на пять, прежде чем смогу попасть в Академию. Обычно в нее сирот принимают после того, как те заработают хоть несколько тысяч рё на аренду общежития при школе шиноби. Да, приютские дети здесь работают на свое будущее в меру своих сил: помогают работникам детского дома и ирьенинам, убирают улицы, полигоны, ту же Академию и другие общественные учреждения. В общем, детский труд здесь широко распространен и вполне приветствуется. Однако Охеми удалось этой участи избежать.

Мне повезло встретить Анко, которая сама провела пару лет в приюте, прежде чем

поступила в Академию. Тогда за счет доставшегося наследства от родителей Конохой для нее была арендована квартира и назначена повышенная стипендия до окончания школы. Правда, халупа была немногим лучше общежития, даже квартирка Наруто в каноне поболее выглядела — там хоть кровать было куда поставить.

Ну, не мне, конечно, жаловаться. Я, вообще, просто втерся Митараша в доверие, внушив ей идею, что со мной жить ей будет лучше. А чухнувшие работники приюта меня поддержали — им меньше ртов кормить. Так вот мы теперь с ней и делим квартирку в десять квадратных метров. Отличное жилье, учитывая нынешние расценки на жилплощадь в Конохе. Есть пол, где поспать, есть кухня в прихожей, и есть ванная, которая и отличает квартиру от комнаты в общежитии. Еще из плюсов отсутствие коммунальных платежей, наличие холодильника в квартире и прачечной на первом этаже, а также входящие в арендную плату услуги уборщиц, то есть все просто замечательно. Похоже, родители Анко были весьма состоятельны, раз она сейчас может позволить себе так шиковать.

— Это ты сегодня так в тайдзюцу тренировалась? — неодобрительно пройдясь взглядом по грязной одежде, спросил я у Митараша. — Снова в паре с тем Акимичи.

— Ого! Как догадался?

— Он у вас там один левша в классе, — снова оценив степень помятости правой стороны лица Анко, ответил я. — Ты головой думать научишься? Или тебе все мозги уже отбили? Он в два раза тяжелее тебя и левша. Учись с теми, кто в одной весовой категории с тобой, дура.

— Ты сам говорил, что тяжело в учении — легко в бою, — надулась Анко.

— Еще раз полезешь к этому парню, я буду всю еду заливать табаско, — с угрозой произнес я.

Быстро оценив свои перспективы остаться, фактически, без ужинов и обедов, Митараша серьезно заявила:

— Простите эту глупую слугу, Охеми-сама, более она не совершит столь глупого поступка.

Шебутная она, конечно, но дрессируемая.

— Давай попробую подлечить тебя, — смилостивился я над болезной.

— Мои раны излечат только воды горячих источников, — убежденно сказала Анко.

— Угу, — я скептически посмотрел на медленно наливающийся синевой фингал под глазом Митараша. — Постой-ка.

Кажется, у меня в подсумке была какая-то дешевенькая гадость из Канпо Ияко. Не знаю и знать не хочу, из чего ее сделал тот похожий на постаревшего Чена хмырь, но, кажется, она должна помогать при ушибах и гематомах. Все равно на себе ее применять я не стану никогда в жизни, тем более в этом теле, но интереса ради проверить эффективность местной народной медицины можно. Я ее и покупал-то, чтобы при случае было чем оправдать неоправданно быстро заживающие на Охеми раны. Регулировать способность к регенерации Хаширамы не так-то просто, особенно когда нужно понизить ее эффективность.

Налепить компресс с помощью пластыря было делом нескольких секунд, так что вскоре Анко щеголяла неаккуратной повязкой на одном глазу.

— Ого, смотреть на мир одним глазом, оказывается, так необычно! — удивленно выдала Митараша, оглядываясь по сторонам.

Оставив это ее крайне ценное замечание без внимания, я сложил средства первой помощи обратно в подсумок и направился к выходу из Академии. Если уж мы собрались в

онсен, то лучше покончить с этим делом побыстрее. Надеюсь, по такой жаре будет не так много желающих повариться в горячих источниках.

Перед крыльцом, правда, пришлось мне все же перекинуться парой слов с Мизуки, Тессеном и Данго, которые хотели снова потащить меня на полигон. Не нравилось им, что какая-то приبلуда с севера умеет драться лучше них. После первого урока, когда я их повалил в пыли, все никак успокоиться не могут.

— Ха-ха! Неудачники! Вам все равно никогда не одолеть моего ученика! — радостно воскликнула Митараша, когда я отказал парням, сославшись на имеющиеся планы.

— Не позорься, чучело, — раздраженно одернул я девчонку. — С такой раскрашенной мордой тебе только бахвалиться. И с каких пор я твой ученик?!

— А ты хочешь сказать, что это я твоя ученица? — мгновенно набычилась Анко, попытавшись нависнуть надо мной. — Ты, шкет, еще не дорос, чтоб меня поучать!

— Слушай, Анко, я вот думаю, — произнес я, положив руку на голову девчонке и опуская вставшую на цыпочки, чтобы стать выше меня, Митараша к земле, — а что бы мне сегодня приготовить? Рамен или все-таки дзендзай? Лапша с перцем чили, чесноком и имбирем?

С каждой секундой осознания возможной грядущей катастрофы глаза Анко все больше округлялись. А губы начинали подозрительно дрожать.

— Или суп из адзуки с моти на ледяной стружке, — предложил я альтернативу, добив Анко ультимативным аргументом: — И приправленный арбузным сиропом?

Глаза девчонки помутнели за мечтательной поволокой, но она быстро опомнилась:

— Ха-ха! — наигранно рассмеялась Анко, похлопывая меня по плечу. — Охеми-сенсей, я никогда не сомневалась в твоём непобедимом тайдзюцу. Вот мне до тебя, как до небес! Хотя тайдзюцу — это вообще не мое. Призыв — вот что круто. Призыв! Скажи, звучит!

Что и требовалось доказать.

Хорошо, что Анко никогда не задумывается, откуда у нас берутся арбузный сироп, адзуки и прочие сладости. Вот, например, попади я под опеку какого-нибудь Яманака Санты, одноклассника Митараша, то наверняка бы прокололся на том, что иногда выращиваю с помощью Мокутона всякие продукты для десертов. Нет, Анко не тупая, просто мелкая и голову финансами нагружать не хочет. Пожив год впроголодь на одних данго, она с радостью приютила меня у себя, когда я пообещал ее кормить. А потом постепенно и все ее финансы оказались в моем распоряжении. Для нее оказалось удобным, когда деньги не испаряются в неизвестность из ее рук, а, даже в них не попадая, превращаются во всякие необходимые для жизни вещи.

Я бы даже сказал, что Анко как раз умна не по годам. Пусть и доверчивая слишком. Вот я в семь лет ни за что не отказался бы от шанса покупать себе в день, например, по мороженому, в обмен на возможность сходить в онсен, иметь чистую одежду и полную аптечку в доме. Пусть даже при этом меня бы периодически кормили чем-нибудь вкусным. А если бы меня к подобному и склонили хитрые взрослые, то все равно бунтовал бы по этому поводу постоянно.

В общем, если припомнить свои ранние годы в прошлом мире, именно так я и поступал. Даже стыдно перед местными детьми немного за свое светлое детство.

— Призыв, говоришь? — благосклонно кивнув доверительно заглядывающей мне в глаза Анко, спросил я. — Что такого в призыве? Хочешь, как Цунаде, на гигантском слизи покататься? Или, как Хокаге, обезьяну в палку превращать?

Разобравшись с иерархией в нашей ячейке общества, я с чистой совестью, наконец, вышел за пределы Академии. Здесь мне снова встретилась компания знакомых учеников, но с ними начинать разговор я уже не стал. Только смерил недовольным взглядом того самого левшу из клана Акимичи. Он тоже не горел желанием общаться со мной, ограничившись только виноватой улыбкой.

Собственно, на него мне плевать. Спарринг — это такое дело, без травм редко обходящееся. А глядел я на того Акимичи только потому, что рядом с ним Яманака Санта опивался. А я не люблю, когда Яманака поблизости от меня имеются. Это раньше, когда я ничего не умел, мне было удобно, что они, при попытке проникнуть в мой разум, умом могут тронуться. А сейчас, когда у меня есть сноровка в деле ментальной защиты, будет очень плохо, если кто-то случайно рехнется, попытавшись меня просканировать. Так привлекать к себе внимания я не хочу.

— Не... Слизни не интересно, — покачала головой Анко, отвечая на мой вопрос. — Думаешь, если бы мне нужны были слизни, мы с тобой тогда бегали бы за этой Микото, когда в деревне есть аж целая Цунаде?

— Что-то я не улавливаю твоей логики...

— Ну ты и дурень! — радостно известила меня девчонка. — Микото — ученица Орочимару. А Орочимару — это что? Это змеи!

Да они тут все, что ль, головой тронулись на почве этих змей?! Сначала Кушина, теперь вот Анко. Нет, я понимаю, что заключить контракт с животными из легендарных священных мест, где могут обучить сендзюцу, это круто. А из слизней, жаб и змей просто эстетически приятнее, наверно, с последними дело иметь. Но головой-то думать тоже не помешало бы! Змеи — опасные твари. Кацую и жабы, в сравнении с ними — добрейшие и милейшие существа. Особенно Кацую. С ней всегда можно было поговорить по-человечески.

Кстати, а можно ли в новом теле заключить еще один контракт Призыва? Раньше на Мьебоку и в Шиккоцурин меня не принимали из-за принятой между тремя зонами этики. Но Охеми же не заключал контракт ни с кем. Стоит попробовать.

— Видел бы ты тот день, когда Орочимару покидал деревню, — тем временем покровительственным тоном вещала Митараша. — Змеи были везде! И никто не мог его найти. А в сражении он разнес весь общественный парк!

— Фиговый повод, чтоб восхищаться им, — откровенно сказал я, про себя добавив, что технику Призыва я тогда и не использовал ни разу.

— Может, и так, — легко согласилась Анко. — А, может, все не так, как выглядит? Орочимару же в соседней стране живет — это всем известно. И никто его не трогает. Скажи, странно, да? Да ты же сам там рядом жил! Говорят, вы там вообще поклоняетесь ему, как богу? И после этого ты еще смеешь меня в чем-то упрекать?!

— Что я раньше знал о шиноби-то? — буркнул я в ответ. — Обычные люди вовсе про шиноби знать ничего не хотят, от вас проку почти нет, а проблем — куча. Зато с Инари у нас урожаи больше стали. И вообще, это не я хочу змеиному призыву обучиться. Я бы предпочел слизней Цунаде.

— Охеми... Ты же... Ты же не бросишь меня ради этой тетки? — потерянно спросила Анко.

— В смысле?

— Как же я без тебя с Микото знакомиться буду? Она же джонин! Мне страшно.

— А так и не скажешь... Со мной, значит, не страшно?

— Конечно, нет! Вдвоем — это же совсем другое дело! Вдвоем мы горы свернем.

— Ага. Понятно, — кивнул я. — Не волнуйся, я тебя не брошу.

В том числе ради Микото и был создан Охеми, в конце концов. Хотя Цунаде тоже представляет интерес. Точнее, наследие ее деда. Техники Мокутона Хаширамы. Я точно знаю, что свиток с техниками Первый потомкам оставил, но не уверен, у кого он находится. Скорее всего, у Хирузена где-нибудь. Но не исключаю, что и Цунаде имеет копию или хотя бы доступ к оригиналу.

Отохиме за несколько лет использования Стихии Дерева успела разработать простейшие техники Мокутона. И она же смогла повторить часть техник Хаширамы благодаря крупным сохранившейся духовной энергии в чакре, получаемой от клеток Первого Хокаге. Но все равно это лишь малая часть того, на что способен был сам Хаширама или даже не существующий в этом мире Ямато.

Чтобы развить потенциал Охеми, мне необходимо хотя бы наследие Первого. А то я пока вообще не знаю, что делать со вторым кеккей генкай, который имеет этот организм. Идея совместить в одном теле Сенджу и Учиха, конечно, была замечательной. Вот только я пока не придумал, как пробудить имеющийся у Охеми шаринган. Это же эмоциональная встряска нужна. А я даже искусственно ее вызвать на себе не могу. Во-первых, мое сознание перенесено в душу, из-за чего шоковая терапия, которая когда-то помогла Юко пробудить Мангекье Шаринган, на мне не сработала. Физиологическая основа эмоциональных процессов в организме происходит, как и положено, но психологический отклик они вызывают не всегда такой, какой должны бы. Во-вторых, я, пожалуй, слишком эмоционально устойчив. Чем ближе ко второй сотне лет, тем более заматеревшим становлюсь, что ли? Оказывается, это не всегда хорошо.

Да, для пробуждения додзюцу можно попробовать имплантировать уже готовый шаринган, но для начала неплохо было бы провести опыты. И делать это лучше не в Конохе. Да и вообще стоило бы Охеми попридержать в Отогакуре для исследований. Любопытно было бы на живом экземпляре пронаблюдать процесс развития потомка кланов Сенджу и Учиха. Я так и собирался поступить, но некстати активизировавшийся Мадара с его Белыми Зецу заставил меня изменить планы.

Теперь придется как-то поскорее выбиться хотя бы в генины, чтобы получить больше свободы. С новым рангом будет возможность активнее использовать чакру. Пока же мне приходится изображать немощного, но талантливого ученика, резкий рост способностей которого можно было бы объяснить начавшимся обучением, а не какой-нибудь реинкарнацией.

Забавно, но пока у меня проблема была не со скрыванием своих способностей, а с их раскрытием. Оказалось, что жизнь в новом теле решительно отличается от того, что я испытывал при смене тел ранее, и приспособиться к новизне не так просто.

Ранее, когда я только появился в этом мире, для меня сам факт наличия физического тела долгое время был в новинку, так как я от него успел порядком отвыкнуть, поэтому нетипичные для моего прошлого способности воспринимались не менее удивительно, чем возможность ходить и необходимость дышать. Потом, когда я сменил тело с помощью техники, то оно поменялось не так кардинально, чтоб отличия бросались в глаза. Теперь же...

Как только мое сознание оказалось в теле Охеми, мне сначала показалось, что я ослеп, оглох, потерял обоняние и еще уйму крайне полезных и необходимых для жизни вещей. Это

было ужасно! Привыкнув к острому змеиному обонянию и способности ощущать вибрации поверхностей, я, наверное, месяц дергался, когда ко мне в теле Охеми подходили со спины. А без термолокации, тапетума и приспособленных к восприятию ультрафиолета пигментов в глазах ночи, оказывается, действительно темные. Правда, также оказалось, что уши — это все же не бесполезные отростки на голове, а ими можно и нужно прислушиваться ко всему, что происходит вокруг, а не только к голосам собеседников.

В общем, в условиях привыкания к новому телу и, что более важно, к новым кеккей генкай в нем, мне вряд ли стоило рассчитывать на быстрый рост умений ниндзя. Сейчас я могу как-то отмахаться от шестилетнего одноклассника или вырастить из семечка арбузную бахчу на подоконнике, но чтобы научиться чему-то большему, придется приложить немало усилий. Так что отчасти из-за этого все мои автономные клоны были детьми.

У ребенка по имени Охеми был неизмеримый генетический потенциал, который можно было в полной мере и в краткие сроки реализовать только в Конохе. Вот только помимо прекрасных перспектив у Охеми в Деревне Листа не было больше ничего.

— И шампунь еще, — угрюмо попросил я у банщицы в раздевалке, отсчитывая еще пять рё к уже отданной полусотне и проклиная инфляцию.

До Первой мировой на один золотой рё можно было год в онсене жить безвылазно! Всего сорок лет прошло, а уже пятьдесят за двоих приходится отстегивать! Правда, с тех пор все страны уже перешли на бумажные деньги. И еще две войны прошло. Но все равно инфляция здесь бешеная. Растет, как волосы у Анко, на которые все больше уходит шампуня!

— Охеми, у меня плюс два сантиметра! — радостно оповестила меня Митараша, уже успевшая раздеться и воспользоваться ростомером.

— Держи шампунь и не ори в бане, — коротко сказал я ей, сам раздеваясь.

Да, мне приходилось пользоваться женской частью онсена. К счастью, возраст Охеми пока позволял, а то мыла и шампуня у нас с Анко по одному экземпляру на двоих, а передавать их через окошко в банной зоне очень неудобно. Слишком высоко, и Митараша уже один раз чуть не нагнулась, встав для удобства на тазик. Сейчас, в два часа по полудню, в бане, как я и думал, почти никого не было, что было и хорошо, и плохо. Хорошо в том плане, что я не испытывал легкого чувства дискомфорта, находясь в женской части онсена. Плохо, потому что, если бы народу было больше, то я мог бы с чистой совестью пойти в мужскую часть, а с передачей моющих средств было бы кому помочь.

Стоп! Анко сказала, что выросла? О, нет!!!

Теперь же еще и одежду ей покупать! Ладно еще, что есть старое тряпье для занятий и всяких сомнительных походов, но нормальную одежду ведь тоже нужно иметь.

— Анко, — серьезно обратился я к девчонке, увлеченно намыливающей себе спину полотенцем, — давай станем генинами как можно скорее. Сделаем все возможное и, наконец, получим настоящие задания.

И, естественно, оплату за них. Пусть это будет хоть травля крыс, хоть ловля котов, но по три-пять тысяч мы за них должны получить. На команду из трех человек, конечно, но все равно деньги.

Дерьмо! Сейчас я там, в теле Орочимару, планирую торговые операции на миллиарды рё, а здесь, в образе Охеми, считаю каждую монетку. Как так получается вообще?

— Конечно, Охеми! Мы станем генинами быстрее, чем кто-либо до нас! — не менее серьезно ответила мне Митараша, решительно опрокинув на себя тазик с водой, смывая мыльную пену. — Сегодня же вечером будем тренироваться в контроле чакры!

— Ага. Я буду. А ты повторишь географию, а то прошлый тест завалила.

— Ну, Охеми!.. — сразу же заныла девочка.

— А еще задачки по математике будешь решать.

— Бу! Ненавижу тебя!

С этими словами, опрокинув на меня ушат ледяной воды, Анко стремительно убежала в сторону купелей с горячей минеральной водой.

Я проводил ее меланхоличным взглядом и продолжил мыться. Ничего странного не произошло, просто Анко очень не любит теоретические уроки. Очень сильно не любит. А еще у меня недостаточно авторитета, чтоб принудить ее развиваться без вот таких сцен.

Может, поискать к ней другой подход? Вот любит она змей. Тогда стоит как-то с этим связать? Или бросить вообще математику и заняться с ней биологией? Но в любом случае интеллектуальное развитие для шиноби не менее важно, чем физическое.

Хотя с ребенком-то я как-нибудь разберусь, пусть Анко и не такая послушная, как Сора. Гораздо интереснее, что делать с этим телом? Вообще, у меня есть несколько шаринганов для имплантации. Теоретически наследие Хаширамы во мне должно помочь с адаптацией к шарингану даже без генома Учиха, но смогу ли я тогда пользоваться додзюцу как своим? Прецедентов пока не было, нужно проверять. А перед проверкой лучше развить кейракукей Охеми и увеличить объемы его сил, чтобы именно глаза в тело имплантировались, а не наоборот. А то у меня в запасе только несколько пар Мангекье Шаринганов, в которых сконцентрирована чакра предыдущих владельцев. И чакра эта очень сильная. Эдак Охеми станет возрожденным Учиха, а не я — владельцем шарингана.

Но если использовать те глаза, которые запечатаны в основном теле? За столько лет оригинальная чакра в них должна быть подавлена и перестроена под родственную мне.

Ох, насколько бы проще было, если бы я смог пробудить собственный шаринган!

От расстройства резко вылив на себя тазик холодной воды, я фыркнул, наслаждаясь прохладой. Нет, не шаринган сейчас моя главная проблема, а жара. Нужно хотя бы контроль чакры на нужный уровень вывести, чтобы на такие мелочи внимания не обращать.

Посидев в прохладе, несколько секунд я в тишине любовался красочной фреской на одной из стен, изображающей отважных шиноби Конохи, побеждающих жалких ниндзя из неизвестной страны. Что любопытно, на мужской части бани подобная фреска изображает полуобнаженных дев разных возрастов и типов телосложения. Причем реалистичность картины настолько высокая, что детям я бы ее показывать не рекомендовал.

Кстати, о детях. Где там Митараша-то? Надеюсь, она не поскользнулась на влажных камнях. Бегать в бане — это не самая умная идея. Надо бы проверить. И надеюсь, она там не свалилась в горячий источник, а то лечи ее потом, утопленницу недоваренную.

Сами каменные бассейны с горячей минеральной водой находились под открытым небом, попасть в них можно было через дверной проем, занавешенный шторой. Без кецурьюгана или бьякугана я сейчас понять, что там происходит, не мог. Но при приближении к купальням уши уловили веселый женский смех и приглушенные перегородкой слова:

— ... понравилась бы, — услышал я окончание чьей-то фразы. — Учителю нравились такие непоседы, хотя он никогда бы этого не признал. Он всегда говорил, что ненавидит Наваки, но заботился о нем так, словно тот был его младшим братом.

Через секунду я едва не врезался в девушку, выходящую из зоны горячих источников. И врезался бы, если бы ее ладонь не уперлась мне в лоб.

Реакция у Микото всегда была на высоте. Даже если она раскрасневшаяся и распаренная выходит из горячих источников с висящей на одной ее руке Митараша Анко, которая глядит на мир осоловевшим взглядом человека, получившего тепловой удар.

Оказывается, Учиха решила посетить онсен вместе с Нами, похоже, оставив детей под присмотром теневого клонов или Кизаши. Теперь понятно, почему Анко так долго заседала в горячих источниках — дорвалась до своего кумира. И, естественно, забыла о собственной безопасности. Что для джонина и жены главы клана — теплая приятная водичка, то для ученика Академии — едва переносимый кипяток.

И это кто там заботился о Наваки, как о младшем брате?! Такого-то ты мнения обо мне, Нами? Слухи распускаешь за спиной? Я это запомню.

— Учиха-сан, Хьюга-сан, надеюсь, моя подруга не доставила вам больших неудобств, — вслух произнес я, потупив взгляд.

— Какой воспитанный молодой человек, — насмешливо сказала Нами. Уперев руки в бедра, отчего обернутое вокруг ее тела влажное полотенце привлекательно натянулось. — А так и не скажешь, что ты способен назвать уважаемых членов полиции Конохи «хеми».

— Приношу глубочайшие извинения, — поклонился я, скрывая от взглядов девушек проскользнувшую на моих губах усмешку, — в критических ситуациях произносить «уважаемые сотрудники полиции Конохи» слишком долго, приходится подбирать короткие синонимы.

— Он издевается? — подозрительно спросила Нами у Микото.

— Точно издевается, — охотно подтвердила Учиха и, поправив сползающее с груди полотенце, сказала уже мне: — Держи свою подругу... Охеми. И приглядывай за ней получше.

— Спасибо за заботу, Учиха-сан, — поблагодарил я Микото, принимая Митараша.

Девчонка была горячей и красной от прилившей к коже крови. Но, вроде, ничего страшного произойти не успело. Однако, пока я, вместе с подросшей работницей бани, приводил Анко в порядок, Микото и Нами, к небольшому моему сожалению, успели одеться. И стоило Митараша только прийти в себя, как на нее тут же надела Нами, предельно строго начав отчитывать за неподобающее шиноби отсутствие способности оценивать собственные возможности.

Пока Анко пристыженно кивала в ответ на поучения Хьюга, сам я только успел натянуть чистые шорты и футболку, как краем глаза заметил нависший надо мной темный силуэт. Обернувшись к нему и задрав голову кверху, я встретился взглядом с Микото. И от этого холодного изучающего взгляда мне стало как-то не по себе.

Чакра Охеми ведь не похожа на чакру Орочимару. Черты лица схожие, но это не бросается в глаза. Или она заметила чакру Мокутона во мне? Или кровь Учиха?!

— Еще раз благодарю за заботу об Анко, Учиха-сан, — прилежно сказал я, опустив голову, чтобы скрыть чувства, которые могли проскользнуть на моем лице.

— Кизаши сказал мне, что ты умеешь играть на кото, — проигнорировав мои благодарности, сообщила Микото.

— Я учился играть... Мать всегда говорила, что у меня ловкие пальцы, поэтому у меня хорошо получалось, — подтвердил я.

— Ловкие пальцы? Для шиноби это полезное умение. У моего учителя были очень ловкие пальцы, — все так же холодно рассматривая меня, произнесла Учиха. — В мастерстве ручных печатей с моим учителем мог поспорить лишь Третий Хокаге. Мне

пришлось приложить немало усилий, чтобы достичь их уровня...

Девушка на секунду нахмурилась, видимо, поняв, что тема разговора не та, на которую рассчитывала сама Микото. Однако лицо Учиха быстро разгладилось, и она спокойно, без явных приказных ноток в голосе, но с намеком, что это не простая просьба, сказала:

— Научи меня играть на кото.

— А? — я изобразил озадаченность и недоверчиво посмотрел на собеседницу. — А что мне за это будет?

— Каждый урок игры на кото равняется одному моему уроку для тебя и Анко, — честно ответила Микото. — Сколько часов ты потратишь на мое обучение, столько же я потрачу на вас.

— Гм, — я подозрительно прищурился, заглядывая в черные глаза девушки. — Я чувствую подвох...

— Ты говоришь, что я вру? — с тихой угрозой поинтересовалась Учиха.

— Нет! — поспешно ответил я. — Никакого вранья. Просто... Просто лукавство, вот. Вам же с шаринганом нужно только посмотреть на то, как я играю, чтоб повторить.

Микото несколько секунд молча разглядывала меня, после чего, вздохнув, предложила:

— Одна мелодия на часовой урок?

Я тоже изобразил задумчивость и кивнул.

— Хорошо. Я уважаю вас, Учиха-сан, и понимаю, что у вас нет желания заниматься с нами, но ради Анко готов занять ваше время. Прошу прощения.

— Завтра ведь выходной в Академии? Значит, приходите завтра к обеду, — коротко сказала Микото, разворачиваясь к выходу. Где ее, оказывается, уже ждала Нами.

Я пожал плечами и продолжил одеваться. А ведь с Орочимару Микото никогда не была так холодна. Правда, чувства ее ко мне в том теле мечутся, как маятник — то в одну сторону, то в другую. Так даже и не скажешь, что лучше.

— Охеми! — раздался неподалеку от меня тихий писк.

Оглянувшись на звук, я увидел восхищенно глядящую на меня Митарашу.

— Спасибо, Охеми! — радостно поблагодарила меня девчонка.

Я хмыкнул, поражаясь тому, как мало нужно для счастья этому мелкому недоразумению. Сладости каждый день и уроки Микото.

— Одевайся, и пошли учить математику, — строго сказал я, решив пользоваться моментом.

Сейчас отказать мне Анко себе не позволит.

Глава 6. В гости к Микото

4 июля 45 года от начала Эпохи Какурезато

Красноволосая девушка, устало прислонившись к теплому шершавому стволу дерева, пыталась отдышаться. Редкие капельки пота текли по бровям и норовили попасть в глаза, но сил смахнуть их уже не оставалось.

Кушина сощурившись посмотрела в небеса, которые, кажется, выцвели и поблекли из-за жары. Судя по положению солнца, время близилось к обеду, а это значит, что тренировке подошел конец. К счастью. Тяжелые тренировки со временем становятся нормой для шиноби, но умеючи легко можно достичь очередного своего предела, который нужно преодолеть.

— На сегодня хватит, — спокойный голос напарника, который сейчас почему-то выступал в роли наставника, словно даровал второе дыхание.

— Ура! — на выдохе вяло воскликнула Узумаки, даже не попытавшись отлепиться от дерева.

— Сама ведь просила таких тренировок, — тепло улыбнувшись, прокомментировал воодушевление Кушины второй ее напарник.

— Сама, — упрямо поджав губы, согласилась девушка. — Но это не значит, что я рада этому своему решению!

В ответ на эти слова первый напарник довольно рассмеялся и одобрительно похлопал Кушину по плечу.

— Хорошо! Отличный подход, — похвалил он Узумаки.

Кушина слабо улыбнулась в ответ на похвалу от своего мучителя и, оттолкнувшись от ствола дерева, со стоном потянулась. Когда-то один человек сказал ей, что тяжело в учении — легко в бою. По собственному опыту Кушина ощутила, что это так. Пока пережитые ею бои были в разы проще тренировок. Хотя вряд ли тот шиноби имел в виду именно это.

В любом случае девушке жаловаться было не на что. Если она хочет достичь своих целей, ей нужно стать сильной. Ей нужно учиться. В первую очередь, учиться быть самой собой, быть джинчурики.

На этой мысли Кушина невольно смерила взглядом своих напарников и сердито фыркнула. Фугаку Учиха и Минато Намикадзе. Наверное, одни из лучших ниндзя Конохи. С такой команде можно только мечтать.

Фугаку опытный воин, который почти на десять лет старше самой Кушины. Кроме прекрасной физической формы и шарингана с тремя томое, он также обладает талантами в тактике и командовании. Минато же, хоть и одного возраста с Кушиной, тоже во многом ее превосходит. В первую очередь, конечно, в контроле чакры.

Треклятый контроль чакры!

— Зайдем куда-нибудь по пути или сразу по домам? — спросил Намикадзе, когда их группа засобиралась возвращаться в Коноху.

— Я хочу смыть с себя грязь и пот! И планирую сделать это как можно скорее, — безапелляционно заявила Кушина, но, подумав секунду, все же призналась: — Хотя я бы не отказалась чего-нибудь попить.

Захваченных с собой на тренировку напитков оказалось недостаточно в такую жару.

— Тогда, может, зайдем в Амагуриама? — предложил Фугаку. — Ячменный чай на

минеральной воде с чем-нибудь сладким сейчас придется как нельзя кстати.

— О чем и речь! — радостно сказал Минато. — Тогда идем?

— Только без лишнего энтузиазма, — кряхтя, попросила Кушина. — Торопиться незачем.

Перед тем как покинуть полигон, Узумаки еще раз потянулась, оглядывая недовольным взором место тренировок, на котором ее команда провела последние несколько часов. Дерево, на которое опиралась Кушина, стояло на краю большой воронки, цепляясь корнями за плотный песчаник. Дно кратера, оставленного ударом самой девушки, постепенно заполнялось грунтовыми водами. Несколько часов использования мощнейших техник превратили тренировочную площадку в изрытую ямами и разломами пустыню.

Подобного урона земля не получала даже во время сражений Второй мировой, когда на поле битв сталкивались армии, числом в сотни шиноби. А здесь это лишь последствия тренировочного боя трех ниндзя. Однако такой результат Кушину не устраивал.

Досадливо цокнув языком, она заковыляла следом за напарниками. Тело ныло, исчерпав свои ресурсы. Даже Узумаки потребуется около получаса, чтобы хотя бы немного прийти в себя после недавних нагрузок. И лучше еще хоть что-нибудь поесть.

Неспешно вышагивая по истоптанной тропинке, виляющей под кронами могучих деревьев, и автоматически перешагивая через толстые корни, упитанными змеями впившиеся в землю, Кушина размеренно сжимала и разжимала кулак. Хмуро разглядывая свою руку, она раздраженно косилась в сторону Минато.

— Откуда у сестренки Цунаде и этого типа такой контроль чакры? — сердито буркнула девушка.

Сама Кушина от природы обладала грубой чакрой, присущей септу Мизучи клана Узумаки. Эта чакра прекрасно подходила для запечатывания, для блокирования чужой чакры, но использовать ее для ниндзюцу — то еще испытание. Даже для простейших техник нужно складывать раза в два больше ручных печатей, чтобы направить поток чакры в нужном направлении. Да и грубая физическая сила, которая в молодости позволяла Кушине доминировать над одноклассниками, в сравнение с силой Цунаде никак не шла.

— Кушина, у меня волосы на затылке дыбом встают от твоей сакки, — пожаловался Минато. — Что я опять сделал?

— Ничего, ничего! — покраснев, Кушина смущенно отвела взгляд и сложила руки за спиной. — Это просто зависть, а не жажда убийства.

— Опять контроль чакры покоя не дает? — проницательно заметил Фугаку. — Со временем он увеличивается. Ты хорошо справляешься.

— Да-да, — уныло сказала девушка. — Мне скоро двадцать, а прогресса, кажется, нет. Бабуля Мито говорила, что я смогу сконцентрировать Бьякуго. Но Цунаде говорит, что у меня пока недостаточно контроля.

— Всему свое время, — философски ответил Учиха. — Твои запасы чакры слишком велики. Не стоит сравнивать себя с Минато.

— Но у него тоже много чакры! — обличающе указала на виновато улыбающегося светловолосого напарника Кушина.

Фугаку в ответ рассмеялся, весело заметив:

— Даже без биджу в сравнении с тобой и Джирайя — что ведро с водой рядом с озером.

Расстроено взглянув на развеселившегося Учиха, Кушина невольно потеряла живот. Печать, которая хранила в ней Кьюби, была прямо под ладонью, и, кажется, можно было

даже почувствовать идущее от нее тепло. Она была необычной. Бабуля Мито говорила, что эта печать поможет управлять чакрой биджу без Бьякуго. Частично так и было, вот только пользоваться новой печатью было сложно и опасно.

— Печать беспокоит? — заметив невольное движение Кушины, спросил Фугаку.

Девушка испуганно отдернула руку от живота.

— Немного, — неохотно ответила Узумаки. — Поток чакры от Девятихвостого увеличивается.

— Для этого мы и тренируемся, — вставил свое слово Минато. — Как и говорил Джирайя-сенсей, при истощении твоих собственных сил организм будет получать больше чакры от биджу. Сейчас ты уже можешь вызывать Покров демонического лиса и управлять им.

— Удовольствия в этом мало, — искренне сказала Кушина. — Чакра Кьюби слишком агрессивная и... тяжелая. И чем больше ее поступает через печать, тем больше она разрушает мое тело. Приходится отвлекаться на самоисцеление.

— Да, если бы у нас был ключ от печати, то можно было бы контролировать поток чакры, — произнес Минато, погружившись в раздумья.

— Ключ был у Орочимару, и он унес его с собой после убийства собственной дочери и больше десятка шиноби Конохи, — фыркнув, сказал Фугаку. — Желание получить ключ — пустая трата времени.

— Если изучить печать, то можно подобрать к ней ключ, — не согласился Намикадзе.

Кушина искренне посмеялась над его предположением:

— Это почти невозможно, Минато, — снисходительно сказала она. — Если ты разобрался в Хирайшин, не думай, что все печати Узумаки теперь для тебя на один зуб.

— Откуда тебе это знать, если мы и не пробовали? — недовольно спросил Намикадзе.

Благодаря способностям запечатанного в ней лиса, Кушина едва ли не физически ощутила исходящее от мужчины чувство легкой обиды и досады.

— Прости, прости, — легкомысленно отмахнулась девушка. — Но подобрать ключ к незнакомой печати гораздо сложнее, чем ее составить. Думаю, проблему можно решить по-другому.

Например, наполнить сосуд любовью. Такой совет перед смертью дала Кушине Мито. Да, сказать-то легко, но как это сделать? Особенно, когда Кьюби с такой охотой передает чужие чувства и эмоции. Страх, ненависть, злобу, недоверие, отчужденность — все это буквально окружает джинчурики каждый день.

Подобные мысли снова навяли тоску. Кушина, закинув руки за голову, посмотрела в небеса, открывшиеся при подходе к воротам в окружающей Коноху стене.

Орочимару ведь тоже говорил про любовь и очищение чакры, а бабуля Мито говорила, что ему можно верить. Жаль, он так и не успел ее почти ничему научить. Сначала война, а потом... А потом он убил свою приемную дочь и сбежал из Конохи.

— Интересно, как ты там, Сора? — пробормотала она, вглядываясь в опаленную солнцем синеву неба.

В этот момент случайно нащупав спрятанную под рукавом одежды маленькую змейку, обвившую ее руку, Кушина тревожно закусил губу. Наверное, носить ее после произошедшего десять месяцев назад в Конохе — не самая умная идея. Но Мито и в самом деле советовала верить Орочимару. И сама девушка никогда не чувствовала от него негативных эмоций, кроме того момента, когда видела Рюсея в последний раз. Тогда он шел

по Конохе, чтобы убить Данзо и немало членов Анбу.

История становления Орочимару нукенином слишком странная. По крайней мере, не зная всех деталей, судить о ней не стоит.

Люди меняются, но Кушина хотела надеяться на лучшее. А еще Кушина хотела, чтобы в случае опасности у нее был шанс спастись. Так же, как и в двенадцать лет.

— Кстати, Кушина, — вспомнил Фугаку, — Микото хотела с тобой встретиться...

— М? Какая Микото? — перебила девушка, не сразу сообразив, о ком идет речь.

— Учиха, — едва заметно поморщившись, пояснил мужчина. — Ученица Орочимару.

— А... А чего ей надо-то?

— Меньше перебивай — и все узнаешь, — от души посоветовал Фугаку. — Ее ребенку нужна помощь ирьенина. Если хочешь подзаработать, могу тебя проводить к ней.

— Ну уж точно не сегодня, — произнесла девушка, раздумывая, что можно потребовать у Микото за свою помощь. — Скажи мне, где она живет, может, зайду на днях. А она не говорила, что за болезнь-то? Зачем ей именно я?

— Чего не знаю, того не знаю, — пожав плечами, ответил Учиха и кивнул в знак приветствия стоящим у ворот членам Полиции Конохи.

Отряд Кушины как раз дошел до стены, отрезающей деревню от окружающих ее лесов. Возвращались они через юго-западные ворота, поэтому практически сразу же вынырнули из-под сени деревьев на разогретые и многолюдные улицы Конохи. Ветерок лениво кружил между высокими зданиями, почти не тревожа душный воздух. Кушине сразу же захотелось вернуться обратно на полигон. Искупаться можно было и в ею собственноручно созданном пруде.

— Может, ей нужна помощь не ирьенина, а мастера печатей, — предположил Минато, тоже прислушавшийся к разговору Фугаку и Кушины. — Мне в детстве запечатывали некоторые меридианы, чтобы меня собственная чакра не убила.

— О, так ты из-за этого так поздно в школу попал? — удивленно вскинула брови Кушина. — Клятый гений!

— Кто бы говорил, — не обидевшись, рассмеялся Минато в ответ. — Это же не со мной через знакомых ищут встречи, а с великой Кушиной Узумаки. Для детей все самое лучшее.

— Да ну, — не впечатлилась девушка. — Запечатать меридианы — это не сложно. Умения Узумаки для этого не нужны... Вот если нужно заблокировать кеккей генкай, разве что тогда я могла бы понадобиться. Но Микото же Учиха, значит, и отец у ее ребенка Учиха, а запечатывать шаринган, да еще и не пробудившийся, никому и в голову не придет.

— Гм... — сильно нахмурившись, выдал Фугаку, невидящим взором глядя перед собой.

— Я что-то не так сказала? — заметив реакцию напарника, удивленно спросила Кушина.

Ответил Фугаку не сразу.

— Если честно, никто не знает, кто отец Итаци, — после паузы, все так же хмурясь, медленно сказал Учиха.

— Вот как? — не меньше Кушины удивился Минато.

— Микото никому не говорит, кто отец, — без охоты ответил Фугаку. — Так что, может, она и в самом деле хочет запечатать кеккей генкай.

— О как... Ну ладно, это я смогу.

На этом тема как-то сама собой закрылась. Сама Кушина была бы не против развить ее, но с двумя мужчинами в качестве собеседников? Нет, не вариант. С этими можно только о

чем-нибудь нейтральном поговорить. О выборе меню, например. А то до Амагуриама и Чай-чай улицы еще топтать и топтать.

А ведь интересно! Чтоб клановая куноичи да понесла ребенка от кого-то со стороны? У Узумаки такого просто не могло бы произойти! Тут ведь наверняка замешана либо большая любовь, либо ужасная трагедия! И то, и другое в равной степени интересно.

Может, стоит пораньше заглянуть к этой Микото?

— А это что такое? — удивленно выдала Кушина, встав на месте как вкопанная и прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Что-то было не так. Но что?

Кушина заинтересованно заозиралась по сторонам.

Ее напарники неторопливо удалялись вперед по улице, увлеченно обсуждая что-то свое и даже не заметив, что Кушина от них отстала. Сама девушка остановилась посреди оживленной улицы. Несмотря на жаркий полдень, вокруг было полно народу. Ворота и стена остались далеко позади, сейчас Узумаки находилась на одной из окраинных улиц, по обе стороны которой полно лавок и магазинов. Наверху носились шиноби. Мимо, скрипя колесами, проехала тяжело груженная повозка с окрашенными в ярко-красный цвет и облепленными поглощающими огонь печатями баллонами с горючим газом. Вдалеке слышны крики рабочих, протягивающих провода вдоль улицы.

Вроде, ничего не обычного. Привычный будничным день Конохи.

Кушина уже собиралась нагнать своих напарников, когда ее взгляд зацепился за на мгновение мелькнувшую в толпе черноволосую макушку мелкого паренька лет пяти-семи. С виду это был обычный мальчик, которых полно на улицах Конохи. Однако зверь в ее душе реагировал на него как-то... странно. Именно от Кьюби пришли те ощущения, заставившие девушку остановиться.

Девятихвостый что-то почувствовал в этом мальчике. Что-то, что заставляло его... Заволноваться? Насторожиться? Непонятно. Но очень интересно!

Ноги едва ли не сами понесли девушку вслед за пареньком, который уже скрылся за спинами прохожих.

Кушина не имела способностей септа Оками, поэтому сенсором была посредственным. Так что пришлось волевым усилием заставить себя напрячься и запрыгнуть на ближайшую крышу, чтобы не потерять из виду мальчишку, иначе найти его будет почти невозможно. И даже так он почти ушел от нее. Только благодаря чувствам Кьюби удалось в последний миг заметить, как паренек скрывается в узком проулке возле мясной лавки.

За следующие пять-десять минут Кушина успела проклясть и свое неумное любопытство, и паршивого мальчишку, который, словно Минато, умудрялся телепортироваться с места на место, стоило только отвести от него взгляд. Паренек, как будто нарочно, попадался на глаза лишь в самый последний момент. То он появится возле поворота улицы, то мелькнет между полотнищами рекламных вывесок, то, словно издеваясь, будет стоять чуть ли не минуту возле магазинчика рисовых крекеров, а потом затеряется в нагрянувшей толпе детей. Положение усугубилось тем, что мальчишка в итоге забрел в клановый район Учиха, в котором свободно прыгать по крышам уже не получалось.

Под конец преследовала его Кушина уже из чистого упрямства. И, собравшись с силами, почти смогла нагнать мальчишку, когда тот бесследно пропал за очередным поворотом.

Узумаки остановилась, недоуменно осматривая пустынную улицу. Вокруг стояли однотипные высокие заборы, за которыми виднелись черепичные крыши домов. Наверняка

паренек скрылся в одном из них, но не идти же проверять каждый двор?

И как раз в тот момент, когда девушка растерянно озиралась по сторонам, ее окликнула одна из прохожих женщин:

— Узумаки? Узумаки Кушина, я ведь права?

Обернувшись на голос, Кушина увидела молодую женщину. На взгляд ей можно было дать около двадцати пяти лет. Одета в светлое сиреневое кимоно, легкий бамбуковый зонтик заботливо укрывает от солнца младенца в ее руках. Белые глаза и три нашитых на одежду камона в виде заключенного в круг языка пламени явно говорили о ее принадлежности к клану Хьюга. Отсутствие джуина на лбу намекало на принадлежность незнакомки к главной ветви клана.

— Добрый день. Да, вы правы, Хьюга-сан, — решила проявить нетипичную для себя вежливость Кушина, в надежде выяснить у женщины, не попался ли той на глаза неуловимый мальчишка.

— Хо-хо! — загорелись нездоровым блеском глаза незнакомки. — Как неожиданно и приятно, что ты так быстро откликнулась на просьбу Микото-тян! Зови меня Нами. Ты, наверно, заблудилась? Ничего страшного. Дом Микото тут недалеко, пошли!

— Постой, я... — договорить Кушина не смогла, так как Хьюга быстро и ловко перехватила зонтик, умудрившись даже не побеспокоить ребенка, и с неожиданной для своей комплекции силой дернула за руку Узумаки, ведя ту за собой.

Уже через несколько секунд они оказались перед ничем не примечательной калиткой, на заборе возле которой под изображением двухцветного веера красовалась короткая надпись.

Учиха Микото.

— Проходи, проходи! — весело тараторила Нами, едва ли не силком пропихивая Узумаки вперед. — Не стесняйся. Микото мы все равно не помешаем.

Не успела Кушина оглянуться, как оказалась на пороге дома, о котором буквально получасом ранее впервые услышала от Фугаку.

— О, сегодня же должны были прийти эти мелкие прохиндеи, — заметив две пары детской обуви в прихожей, сказала Нами. — Ладно, они нам не помешают. Микото! Я пришла! И Кушину с собой привела!

— Проходи, — получила Хьюга лаконичный ответ из глубин дома.

— Вот видишь, я же говорю, что мы не помешаем, — удовлетворенно сказала Нами. — Проходи, не стесняйся.

— Извините за вторжение, — рассеянно пробормотала Кушина, оглядываясь по сторонам.

С первого взгляда дом Микото производил впечатление уютного и ухоженного жилища: аккуратно развешанная одежда, чистые полы, заглушающий запахи новорожденного ребенка приятный цветочный аромат в воздухе, на стенах разнообразные картины. Но если приглядеться, то можно было заметить одну характерную и очень знакомую Кушине деталь. В этом доме не было мужчины.

Прожив с Цунаде несколько лет в большом поместье Сендзю, Кушина хорошо запомнила, во что превратился дом, пока у них подолгу не начал гостить Джирайя. Здесь случай не был таким запущенным, но все же заметным: покосилась дверь шкафа в прихожей, подпорчена влагой балка под потолком, затерты татами, разбухла от сырости оконная рама. Много не нуждалось в небольшом ремонте. Как раз таким, который был бы под силу одному

человеку, а не требовал бригады строителей.

Ну, раз уж и в их с Цунаде доме появился мужчина, то когда-нибудь и здесь появится. Узумаки была более чем уверена, что старейшины клана не позволят Микото долго оставаться без мужа. После внутриклановой борьбы и двух Мировых войн Учиха нуждались в новых бойцах или хотя бы в поддержании численности уже имеющихся, а как решаются вопросы пополнения рода в древних кланах, Кушина отлично знала.

И все же Кушине было интересно, что заставило Микото не просто зачать ребенка от неизвестного шиноби, но и родить его. Более того, принять и воспитывать. Может, здесь все-таки замешана любовь? Тем более сложно представить, что кто-то способен надругаться над джонином.

Твердо вознамерившись поделикатнее все разузнать, Кушина последовала за Нами Хьюга вглубь дома.

— Кстати, Нами-сан, — решив, что особой вежливости Хьюга не ждет, более фамильярно обратилась к женщине Узумаки, — а тут поблизости много черноволосых мальчишек живет в возрасте от пяти до десяти лет?

— Откуда же мне знать? Это же квартал Учиха, а не Хьюга, — удивленно посмотрела на Кушину Нами, после чего, повысив голос, спросила: — Микото, ты не знаешь, у соседей твоих мальчишки возрастом до десяти лет есть?

— Имеются, — снова раздался короткий ответ из гостиной.

— А среди них нет никого особенного? — спросила Кушина, заходя в гостиную вместе с Нами. — С необычной чакрой или еще какого-нибудь... странного.

Как раз на этом слове Узумаки вошла в просторную светлую комнату, где ее взгляд сразу упал на сгрудившихся возле пеленального столика людей. Маленькая девчонка с темными, слегка фиолетовыми волосами, мурлыкая под нос какую-то песенку, меняла пеленки слабо возмущающемуся малышу. За ее действиями пристально, не мигая, наблюдала сидящая на татами у окна женщина примерно того же возраста, что и Нами Хьюга. Слабый ветерок, проникая через колыхающиеся светлые занавески на окнах, легонько трепал ее черные волосы, мягкий теплый свет падал на нее, придавая странный контраст отчужденному и холодному выражению лица женщины и ее темным одеждам. Чем-то она напоминала Фугаку, но Кушина отметила это только краем сознания.

Все ее внимание почти сразу же привлек мальчишка, сидящий подле Микото и тоже наблюдающий за возящейся с ребенком девчонкой.

— Ты! — невольно вскрикнула Узумаки, увидев этого поганца. — Нашла!

В тот же момент четыре пары глаз уставились на Кушину. Под этим взглядом девушка смущенно кашлянула и опустила руку, которой, сама того не заметив, указывала на мальчишку.

— Охеми, только не говори, что те крекеры ты украл, — укоризненно пробормотала фиолетововолосая девочка.

— Ничего подобного, Анко! — запротивился мальчик. — Бабуля Уручи сама мне их отдала, когда я зашел в Сембей Ятеншу и сказал, что хочу чего-нибудь подарить Микото-сан, — и, обращаясь к Кушине, он обиженно заявил: — Что бы вы там ни видели, я ничего не крал.

— Да не в этом дело! — недовольно поморщилась Узумаки, мучительно соображая, как объяснить свой интерес к пареньку. — У тебя странная чакра. Мне любопытно, почему она у тебя такая, поэтому я хотела с тобой поговорить, а ты все время убегал.

— Да, вроде, я ни от кого не убежал, — растерянно ответил мальчишка, смущенно вперив взгляд в пол. — А что за странная чакра? Это плохо?

— Это нормально, — холодно бросила Микото. — Не отвлекайся. Потом будешь вопросы задавать, когда время урока подойдет.

— Хорошо, Микото-сан, — с наигранной готовностью отозвался Охеми. — А вообще, вам стоило сразу сказать, что у вас северный кото, тогда мне не пришлось бы бегать за струнами два раза.

— Ты думаешь, если бы я разбиралась в разновидностях кото, то мне нужна была бы твоя помощь? — насмешливо поинтересовалась Учиха.

— Простите, Микото-сан, — склонил голову мальчик. — Я настроил струны, теперь нужно подобрать плектры под вас. Позвольте вашу руку.

Слушая этот диалог, Кушина невольно хмыкнула. Редко можно встретить таких воспитанных детей шиноби, если это, конечно, не девчонка из старого клана.

— Проходи пока на кухню, — пригласила Узумаки Нами. — Сейчас я разберусь с Хибакари, и мы поговорим.

— Хорошо, — согласилась девушка.

Проследовав к обеденному столу на кухне, Кушина продолжила наблюдать за Охеми краем глаза. Мальчишка, оказывается, до недавнего времени возился с широким двадцати четырех струнным кото. Сейчас же он сосредоточенно обмерял пальцы Микото, подгоняя под них бамбуковые кольца с плоскими лепестками, напоминающие кончики боевых когтей.

— Умеет играть на кото? — удивленно пробормотала себе под нос Узумаки, присаживаясь за стол.

Редкое умение для шиноби. Хотя родственники Кушины из клана Шиин почти все умеют играть на музыкальных инструментах. Но этот паренек на выходца из клана Шиин не похож. Однако в Конохе у разных родов ниндзя или отдельных шиноби существуют свои, самые разнообразные увлечения: кто-то оленей разводит, другие цветочный магазин содержат, третьи пишат эротические романы. Так что игра на кото — не такая уж и диковинка, если сравнивать с пристрастиями некоторых иных личностей.

— Угощайся, — пригласила Нами, поставив на стол вазу с разнообразными рисовыми крекерами и горячий зеленый чай. — Этот вид десерта у Ятеншу-сана получается лучше всех во всей Стране Огня.

— Спасибо, — Кушина не стала отказываться от угощения и, на самом деле, была настолько голодна, что готова была заранее просить добавки. — А вы здесь, похоже, частенько бываете.

— Мы с Микото дружим с детства, — гордо заявила Нами, присев напротив Узумаки. — Естественно, я к ней часто захожу. Проведать, поговорить... Да и за Итачи приглядеть.

— Да, кстати. Мне передали, что Итачи нужна моя помощь, — решила Кушина перейти к делу, раз уж собеседница упомянула сына Микото. — Что с ним такое, что вам вдвоем приходится за ним приглядывать?

— С Итачи? С Итачи-то все прекрасно, — пригубив чай, ответила Нами, невидящим взором глядя в сторону. — Проблема у другого ребенка. Ты ведь слышала, какое имя у моей девочки? Наши ирьенины сказали, что она долго не проживет, поэтому ее назвали Хибакари, намекая, что проживет она не больше одного дня. Но она уже прожила дольше, и мне хотелось бы, чтоб так и продолжилось.

Кушина, проследив за взглядом Хьюга, увидела, что Анко, разобравшись с сыном Микото, занялась вторым ребенком. Интересно, она здесь за няньку? Вроде, для генина, которым частенько выпадают задания на уход за детьми, она маловата.

— А что с ней? Что бы вы там про ирьениндзюцу Узумаки ни слышали, но я в нем не специалист, — сразу предупредила Кушина.

— Мне нужен мастер печатей, — пояснила Нами.

— Значит, все-таки нужно запечатать кеккей генкай... — вздохнув, сказала Узумаки.

— Нет, — к ее удивлению, Хьюга отрицательно покачала головой. — Мы пробовали, запечатывание кеккей генкай не решает всех проблем.

— А... — удивленно раскрыла рот Кушина и через мгновение едва не подпрыгнула на стуле: — Вы встречались с Узумаки?! С кем?! Когда?!

— С Узумаки? — не поняла внезапной вспышки радости собеседницы Нами.

— Мы не встречались с твоей родней. Печать накладывала я, — негромко сказала Микото, успевшая неслышно подойти к столу.

— О! Метод запечатывания зла?.. Нет, конечно, нет! Печать внешнего пути Орочимару, да? — быстро догадалась Кушина и завистливо посмотрела на Микото.

О *Гедо но Ин* Кушина слышала от Цунаде и Джирайи, но так и не успела научиться этой технике у Орочимару. Так же, как и *Гогье Фуин*, и еще десятку-другому фуиндзюцу и джуиндзюцу. Печати Рюсея, как описывал их Жабий отшельник, были очень грубы и просты, но это как раз то, что нужно было Кушине.

— Понятно, — подавив вздох сожаления, сказала Кушина. — Тогда зачем вам мастер печатей?

Хлопок ладонью по столу заставил вздрогнуть Кушину. От неожиданности. А разбежавшиеся в стороны от ладони Учиха черные тонкие линии фуиндзюцу заставили Узумаки заинтересоваться. Рисунок печати необычный. Печать нечетная — нетипичная для Узумаки схема. Основа разнесена на пять символов. Имеет стихийное сродство. Элемент Воздуха? Ограничивающий тип. Странная печать. В общих чертах напоминает *Ишии Тоджин*, но построена по иным принципам. Она запечатывает звуки? Интересно!

— Нам нужно связаться с Орочимару, — вмешался в поток мыслей Кушины голос Микото. — Он наверняка знает, как вылечить Хибакари.

В наступившей на мгновение после этих слов тишине особенно четко и нудно загудела струна кото. Мальчишка, занятый приведением давно не использовавшегося инструмента в порядок и изготовлением плектров для Микото, случайно дернул струну, чем привлек к себе всеобщее внимание.

— Э... Я что-то не так сделал? — смущенно спросил Охеми, заметив, что все взоры оказались прикованы к нему.

— Занимайся, — отмахнулась от него Микото, но, судя по удивленному лицу паренька, он ее не услышал, хотя заметил движение губ.

Кушина же воспользовалась заминкой, чтобы переварить сказанное... Да что там переваривать?!

— Орочимару — нукенин же, ясно? И вы с ним разговаривать собрались?! — возмущенно прошипела Кушина, заставляя себя не повышать голос.

— Мы не собираемся ему как-то помогать или даже просто разговаривать с ним, — пренебрежительно отмахнулась Нами. — Одно письмо с просьбой. Мы выманиваем секреты у опасного преступника. Это благое дело.

— Я сама не в восторге от этой идеи. И поэтому о ней никто не узнает. Последнее, о чем я мечтаю в этой жизни — это самой стать нукенином, — веско добавила Микото. — Хотя напрямую мы не нарушаем правил, но все равно рисковать не стоит. А от тебя нам нужно, чтобы ты сняла эту печать.

Учиха осторожно растянула ворот платья, открывая ключицу и темнеющие на белоснежной коже черные капли трех томое. Очередная нечетная печать. Но на этот раз, похоже, проклятая, так как окружена уже более привычной, четной, печатью с восемью опорными точками. Распространенная модификация фуиндзюцу Узумаки, адаптированная для использования шиноби из других кланов — *Фуджа Хоин*. С помощью этой печати можно снимать или изолировать наложенные на человека джуиндзюцу, джудзюцу, яды, болезни и даже некоторые вредные проявления кеккей генкай.

Судя по тому, что джуиндзюцу лишь заблокировано, а не удалено полностью, проклятая печать очень сильна. Но какие у нее свойства? Пока не убережешь фуиндзюцу, понять невозможно.

— Это метка Орочимару, — пояснила Микото. — В ней есть его чакра. С помощью нее я смогу временно взять под контроль змею на твоей руке, отправить ее с посланием к настоящему хозяину, после чего вновь ее призвать и получить ответ.

— А потом нужно будет наложить новую печать на джуиндзюцу, — с обезоруживающей улыбкой добавила Нами. — Но уже с ключом, чтобы ее можно было на время снять и вернуть на место.

Кушина облокотилась на стол, пару секунд разглядывая печати на коже Учиха, а потом внимательно по очереди посмотрев в глаза Микото и Нами. Если они знают про змейку на ее руке, то пытаться заняться нравочениями на тему, что связываться с нукенинами не стоит — уже поздно. Гадать, откуда они вообще узнали про браслет, тоже бессмысленно — наверняка Хьюга с ее бьякуганом заметила. Но что делать с их просьбой-то?

— Ничего сложного не вижу, — наконец сказала Узумаки после полминуты раздумий. — Но! Распечатывать незнакомые джуиндзюцу опасно, знаете ли!

— Это джуиндзюцу не опасно, пока я сама не начинаю его использовать, — сказала Микото. — Она дает мне чакру, но управлять ею сложно. Поэтому мне пришлось метку запечатать.

— Сильно яснее не стало, — скривила губы Кушина, понимая, что большего-то она от Микото и не добьется. — В таком случае я предлагаю сразу заменить печать на новую, чтобы в случае чего ее можно было быстро закрыть с помощью ключа.

— Не возражаю, — безразлично ответила Микото.

Кушина удовлетворенно кивнула и, набрав воздуха в грудь, решительно выпалила:

— И за свою работу я хочу, чтобы ты меня научила печатям Орочимару, ясно?! — заметив удивленное выражение на лице Микото, услышавшей слова Узумаки, Кушина поспешно добавила: — Пожалуйста!

Учиха не спешила с ответом. Пока она молча разглядывала Кушину, в гостиной ее дома неожиданно для сидящих за столом женщин начала играть музыка. Звонкие звуки струн складывались в неспешную мелодию. Похоже, Охеми, закончив с настройкой кото, решил попробовать на нем что-то сыграть. Оглянувшись на звук, Узумаки увидела, как порхают руки мальчишки над струнами. Ловкие пальцы мелькали над инструментом, словно едва касаясь его.

— И в самом деле ловкие руки, — прокомментировала эту картину Учиха, после чего

обернулась к Кушине, холодно сказав ей: — Я научу тебя несколькими печатями Орочимару, которые Хокаге не заклеил как киндзюцу.

— Отлично! — обрадованно воскликнула Узумаки.

Девушка помнила рассказы Джирайи о том, как Орочимару использовал фуиндзюцу в бою. Метод Рюсея сильно отличался от привычного для Кушины, поэтому она давно нацелилась на его техники. И пусть когда-то она была вынуждена оставить свои мечты о змеином призыве, но в этот раз подобное не повторится!

На составление новой печати не ушло много времени. Используя готовые шаблоны, запечатать какое-то джуиндзюцу для Узумаки не составит проблем. Вот с ключом пришлось повозиться — его нужно записать вручную, чтоб им могла воспользоваться сама Микото. Но даже так уже через пару минут прикосновение Учиха оживило змею на плече Кушины. И заранее приготовленное Нами письмо было отправлено адресату.

— Через пятнадцать минут призову ее обратно, — сообщила Микото Кушине, нервно потирающей руку, на которой не чувствовалось ставшего привычным браслета. — Мы получим ответ.

— Вряд ли Орочимару, даже если он знает способ лечения Хибакари, напишет ответ за пятнадцать минут, — скептически заметила Кушина.

— Я попросила, чтобы он написал, может ли помочь в принципе, чтобы знать, есть ли смысл в нашей затее вообще, — объяснила Нами, нервно перебирая пальцами ворот своего кимоно.

— И больше ни слова о нем. Я снимаю печать, — добавила Микото, вставая из-за стола, и, повысив голос, обратилась к мальчишке: — Охеми, теперь-то у тебя все готово?

— Да, Микото-сан. Давайте, я вам сейчас все объясню...

Кушина с интересом наблюдала за тем, как мелкий парень пытается выглядеть посolidнее, объясняя Учиха, как играть на кото. Точнее, на *косо* — кото из Страны Земли, который отличается большим количеством струн и еще какими-то деталями, которые Узумаки просто пропустила мимо ушей. В это же время девчонка, Анко, продолжала бегать по дому, то подогревая молоко для малышей, то унося пеленки в стирку, то убаюкивая норовящего раскричаться малыша.

Странная картина. Если сравнивать с родным поместьем Сенджу, то этот дом более живой. Интересно, тут всегда так оживленно?

— Нами-сан, а я так и не узнала, что с вашей дочкой-то? — решила скрасить ожидание беседой Кушина.

— Хибакари не моя дочь, — с печальным вздохом ответила Нами. — Не родная уж точно. А что с ней, мы и сами не знаем...

Следующие пятнадцать минут Кушина провела, болтая с Хьюга. Оказалось, что выглядящая насквозь гражданской жительницей Конохи Нами тоже когда-то обучалась в Академии. Мало того, она училась лично у Орочимару и дружила с Наваки Сенджу. А потом своими талантами она привлекла внимание старейшин, которые и определили ее роль на всю оставшуюся жизнь — роль жены и матери. Правда, пока исполнять ее Нами могла не в полной мере, так как детей завести не получалось. Степень родства между ними вынуждала соблюдать осторожность. У супругов могли родиться как дети с величайшими глазами, которые бывают лишь раз в сотни лет, так и болезненные калеки.

Кушина в свою очередь успела посетовать на то, что ее собственные дети, скорее всего, будут Узумаки только по фамилии. Если она сама не сможет стать во главе Конохи, то ей

придется выйти за кого-то приближенного к будущему Четвертому Хокаге или за него самого. Хотя Хирузен всегда говорит, что Коноха не будет принуждать своего джинчурики ни к чему против ее воли, но опыт других деревень прямо намекает на судьбу Кушины. Только став Хокаге, она может рассчитывать на свободу выбора, но стать первой женщиной-Хокаге, да еще и родом из другой деревни, почти нереально. Особенно с ее нынешними силами и способностями.

— Поэтому я хочу обучиться фуиндзюцу у Микото, — доверительно сообщила Кушина своей собеседнице. — Я обучусь всему, чему только смогу! Я должна стать лучшим шиноби! Идеальным! Идеальнее даже этого белобрысого Минато! И садиста Фугаку.

— Фугаку не садист, — вмешалась в разговор Микото, — он просто слишком ответственный и беспокоится за товарищей.

— А по нему и не скажешь, — проворчала Кушина. — А что, пятнадцать минут уже прошли?

— Да, — коротко кивнула Учиха, надкусывая палец.

Кровь выступила небольшой каплей, руки Микото мелькнули в едва заметном жесте, и на столе, в облаке тумана, появилась знакомая Кушине с детства змейка. Во рту ее был зажат небольшой свиток.

— Так-так! — обрадованно накинулась на призванное животное Нами.

— Что там? — холодно спросила Микото у подруги, которая торопливо разворачивала свиток.

— Так... Передает приветствия и пожелания здоровья... — начала бегло читать письмо Хьюга. — О, здесь способ лечения Хибакари. М... Нужно будет зайти в Канпо Ияку. Странно... Учитель всегда брезговал ингредиентами из аптек.

— Дальше, Нами, — требовательно сказала Микото, стоя за спиной Хьюга и пустыми глазами глядя в окно на кухне.

— Дальше... Дальше снова лечение. Лечение. И еще лечение... Все, — растерянн сообщила Хьюга, осмотрев свиток с двух сторон. — Только слова прощания. Больше ничего.

— Больше ничего, — тихо повторила Микото, едва заметно сторбившись. — Понятно. Понятно... Охеми, давай продолжим!

Кушина заинтересованно наблюдала за Учиха и ее преобразованиями. Сначала казалось, что из нее словно стержень вынули, настолько она обмякла, узнав о содержимом письма. Потом вновь вернула свой холодный вид. Как-то это подозрительно!

— Ох-хо-хо, — тяжело вздохнула, глядя вслед подруге, Нами. — Как же с вами тяжело.

— А что с ними? — осторожно спросила Кушина, чуя какую-то грандиозную драму между Орочимару и Микото.

— Да... — махнула рукой Хьюга. — Когда-то мы с Микото очень хотели стать ученицами Орочимару. Мы его обожали и грезили своим будущим ученичеством. У меня не получилось, а вот Микото этой цели добилась. На свою голову. Обучение у Орочимару было очень суровым. Обожание сменилось ненавистью... В общем, у них все сложно.

— Понятно... — пробормотала Кушина.

Тем временем Микото уселась напротив Охеми.

— Вы точно сможете запомнить все движения с этого ракурса? — спросил он. — Может, мне сесть вам на колени, чтобы вы смотрели из-за моей спины?

— Не борзей, шкет, — фыркнув, окоротила парня Учиха. — И не недооценивай возможности шарингана. Начинай уже.

— Хорошо. Тогда начнем с... — Охеми начал фразу важно, словно пародируя учителя, но быстро смутился и нервно почесал затылок. — Начнем с того, что у меня получается, вот. Мелодия называется «Пепел любви».

— Ох, бестолочь... — расстроено покачав головой, сказала Нами.

А пальцы мальчишки вновь запорхали над кото, извлекая из струн печальную мелодию. Пальцы Охеми мелькали так быстро, что для Кушины они размывались в воздухе.

Если Микото сможет это повторить, то придется признать, что и сама Кушина недооценивала возможности шарингана.

Через пару минут струны кото начали замолкать, все еще дрожа в воздухе. Мелодия закончилась.

— Хорошо, О... Охеми, — с запинкой произнесла Микото. — У тебя и в самом деле ловкие пальцы. А на сегодня хватит. Сейчас можете идти с Анко домой. Завтра я вас чему-нибудь научу.

— Уже?! — недовольно воскликнула фиолетововолосая девчонка.

— Как скажете, Микото-сан, — покладисто ответил Охеми. — Пошли, Анко. Не все сразу.

— Ну... ладно, — с неохотой согласилась девочка.

— Эм... Я тоже пойду. Давно пора уже искупаться, — неловко произнесла Кушина.

Уже покидая гостиную, девушка еще раз скользнула взглядом по сторбленной спине Микото, сидящей возле давно замолкшего кото. Спина едва заметно подрагивала. Нет, отношение Микото к Орочимару не заканчивается ненавистью. Иначе зачем ей беззвучно рыдать после его письма?

И, будь он проклят, но эта шельма Охеми снова убежал!

Глава 7. Встреча в Санро

4 июля 45 года от начала Эпохи Какурезато

С негромким хлопком и в облаке легкой дымки крохотная изумрудная змейка на моей руке испарилась, унося свиток с методом лечения детей из клана Кагуя в Коноху. Небрежно стряхнув с рук едва ощутимую пыль, оставшуюся после техники Призыва, я обернулся к своей спутнице.

— Хорошо, что именно тебя я решил взять с собой, — удовлетворенно говорю я женщине. — Иначе с ответом пришлось бы тянуть не один день.

— Рада быть полезной, Рюджин-сама, — прикрыв глаза, кротко ответила Малис.

— Что ж, тогда мне только остается радоваться тому, что я смог обрадовать тебя, — с усмешкой отвечаю я женщине, искоса разглядывая ее.

Как такового секретаря у меня нет, но на переговоры у шиноби принято брать с собой пару сопровождающих, которые частично выполняют подобные функции. Совмещают в себе должность телохранителя, советника и доверенного лица, так сказать. Также, если речь идет о встрече лидеров деревень или кланов, то один из сопровождающих, как правило, самый вероятный их наследник или сменщик. Для меня логично было бы таким помощником избрать Мицуко, но оставлять Отогакуре без нее и себя сразу было бы неосмотрительно. Поэтому выбор как-то сам собой пал на Малис Ринха.

Кстати, я, пожалуй, впервые увидел эту молодую женщину не в ставшем привычным белом рабочем халате, а в гражданской одежде. И, к своему сожалению, вынужден признать, что львиная доля ее шарма с этими бежевыми бриджами, белой блузкой и коричневым кардиганом как-то теряется. Может, ей приказ выдать, чтобы она в моем присутствии ходила исключительно в медицинском халате? Если уж занял должность божественного правителя, то имею же я право на самодурство?

Хотя, на самом деле, напрасно я все время примеряю на нее медицинский халат. Так за выдуманным образом вечного лабораторного работника и бесценного помощника в медицинских опытах мне и самому легко забыть, что Малис на самом деле хитрая, умная, хладнокровная и сильная куноичи. Она самый вероятный наследник клана Ринха, способна к быстрому и верному анализу соперников, а также подкована в тактическом и оперативном искусстве. Клан ирьенинов в Стране Рисовых Полей всегда делал ставку на тактическое и оперативное превосходство, прекрасно осознавая свою слабость перед другими, более ориентированными на бой кланами шиноби.

Небольшое возмущение природной энергии заставило меня отвлечься от отстраненных мыслей и сконцентрироваться на реальности. Активировав кецурьюган, я глянул в сторону источника колебаний. Глаза зацепились за три мощных источника чакры. Тройка весьма сильных шиноби двигалась со стороны Янтарного залива.

— О, наши молниеносные друзья, кажется, тоже подросли вовремя, — расстроено прокомментировал увиденное я. — Жаль, я рассчитывал посетить местный онсен. Говорят, это очень живописное место. Теперь уже не успеем.

— Горячие источники вблизи Санро лучше посещать зимой, когда местность покрыта снегом, Рюджин-сама, — деликатно заметила Малис. — Сейчас они ничем не выделяются на фоне многих других.

— Ну почему же, здесь, на высоте около трех тысяч метров над землей, даже сейчас не

так жарко, как в большинстве иных онсенов, это выгодно отличает горячие источники Санро на фоне других, — не согласился я. — Хотя зимой я его посетить тоже не против. Особенно, если ты составишь мне компанию.

— Думаю, нам пора тоже выдвигаться, Рюджин-сама, — проигнорировала мое заявление Малис, решив перевести тему.

— Довольно тривиальный прием избегания ненужных тем, Ринха-сан, — раздосадованно заметил я, — но ты права. Идем, Котоширо нас скоро нагонит.

Мы с Малис остановились на одной из скал, окружающих Санро — трех гор, похожих на оскаленные волчьи пасти. Для временного привала было несколько причин. Начиная с той, что с этой скалы открывался замечательный вид с чисто эстетической точки зрения. А при наличии развитого бьякугана или кецурьюгана, отсюда так же можно было осмотреть всю самурайскую столицу и все возможные пути подхода к ней. Также мне и Малис просто нужно было время, чтобы привести себя в порядок. Бешеные скачки по пересеченной местности неблагоприятно сказываются на состоянии одежды. И поэтому дальше мы решили идти не спеша.

Формально территория между Такигакуре и Отогакуре была под юрисдикцией Страны Железа и самураев. Но на деле весь полуостров Железа был заповедником первобытной природы. Слишком много высоких гор и непроходимых лесов, в которых повышенная концентрация огромных, владеющих чакрой животных на квадратный километр площади. Именно здесь расположены такие замечательные места, как Кладбище гор и Долина суда. Так что путешествие от Отогакуре до Санро было тем еще приключением, потому что решили мы идти не проторенными тропами через Страну Гор, а напрямки.

Примерно так же поступили наши северо-восточные друзья, замеченные мною ранее.

— Третий Райкаге, кажется, не стал брать с собой своего сына, — сказал я Малис, спрыгнув на тропу, ведущую к резиденции самураев.

Справа, на крутом склоне росли редкие сосенки, вгрызающиеся в грунт корнями, слева зиял глубокий обрыв, дно которого терялось в облаках. Отличное себе место жительства выбрали самураи. Или им просто не предоставили выбора.

— Додай? — немногословно уточнила у меня Ринха, пристроившись справа и в шаге позади от меня.

— Его тоже нет, — отрицательно качнув головой, ответил я, всматриваясь в далекие огоньки чакры. — Кто-то со Стихией Магнетизма — наверняка Торои. И Стихия Шторма... Скорее всего старший Джей.

— Кажется, к нашему предложению в Кумогакуре отнеслись настороженно и не рассчитывают на большой успех, — быстро оценила состав делегации деревни Облака Малис. — Так же, как и в Ивагакуре.

Да, Цучикаге с собой на переговоры взял Гари, капитана отряда подрывников, и своего зятя, Кицучи. И, вопреки традициям, захватил еще и третьего сопровождающего, сына своего предшественника. Многого о потомке Второго Цучикаге мне известно не было, но я точно знаю, что он владеет отцовской техникой сокрытия — Муджин Мейсай. Если бы не кецурьюган, способный видеть жизненную энергию, а не чакру, то даже с Котоширо в команде я б этого невидимку не обнаружил. Довольно подлый поступок со стороны Оноки, брать подобного специалиста с собой на мирные переговоры, но иного от Третьего Цучикаге я и не ожидал.

— Собрав двух Каге, мы уже перевыполнили свой план, — тонко улыбнувшись и

деактивировав кецурыюган, заметил я.

— И на большее рассчитывать уже не стоит, — холодно произнесла Малис. — Договоренности с Каге не стоят и одного рё.

— Третий Эй известен, как человек чести, — лениво заметил я, разглядывая показавшиеся впереди форты самураев.

— Его честь распространяется только на свою деревню, — пренебрежительно сказала Ринха.

Я только согласно кивнул в ответ, не став больше травить свою спутницу попытками защитить доброе имя Каге. У клана Ринха к ним особый счет. Особенно к Райкаге. После Первой мировой именно Третий Эй вспомнил про клан Ринха, когда на границах Великих стран вспыхнула чума. Тогда ее остановили, получив антитела из тел детей Ринха. Ценой жизни многих из них. После Второй мировой сценарий едва не повторился, но мне удалось его немного подкорректировать, болезнь победили без принесения в жертву детей. Но осадочек, как говорится, остался.

Похищение Кушины, кстати, тоже Эй организовывал. И при нарушении договоров по ограничению военной мощи селений шиноби Кумогакуре при Третьем Райкаге была впереди планеты всей.

Что касается Оноки... То Оноки — это Оноки, славный продолжатель дела своего учителя, Му. Хитрая сволочь, которая ради своей деревни всегда готова предать временных союзников.

Заключать договора с такими личностями, конечно, занятие неблагодарное, но это не повод отказываться от дипломатии. Если есть возможность купить за разумную цену для себя пару месяцев спокойствия, то глупо таким шансом не воспользоваться. К тому же личная встреча с этими Каге позволит мне на них повлиять в нужную мне сторону, даже если мы не придем к соглашению.

— А здесь живет много людей, — заметил я, когда мы вышли с небольшой тропы на широкий серпантин, используемый торговцами и крестьянами.

— Торговля железом, — в двух словах объяснила Малис, когда мы влились в жиденский поток людей.

— Количество крестьян одним железом не объяснишь, — не согласился я. — Местность для сельского хозяйства не располагает. Хотя долины и склоны для овец-то подходят, но дикие земли по соседству опасны. Чтобы поселиться здесь, нужно иметь мужества побольше одной капли.

Малис, выслушав меня, только безразлично пожала плечами. Такие мелочи ее не интересовали. Да и вообще, шиноби не склонны размышлять над бытом крестьян, подчас не особо разделяя их и сельскохозяйственных животных.

К счастью, я до подобного пока не докатился. Неожиданно большая плотность населения в Стране Железа вызвала любопытство. Люди не станут добровольно переселяться на территории, где их могут сожрать недружелюбные лесные соседи. Зато они с охотой мигрируют туда, где меньше рисков напороться на острые железки ниндзя. Туда, где шиноби не жгут поля, а их фуражиры не отнимают последние пуды зерна.

Неплохо было бы создать подобные привлекательные условия и в Стране Звука. Сейчас человеческих ресурсов решительно не хватает. Плотность населения в Стране Рисовых Полей была низка, а мне нужно расширять сельскохозяйственные угодья, открыть вторую очередь алюминиевого завода, разрабатывать новые шахты после прошлогодней

геологоразведки, вводить в строй новые водорослевые фермы, запускать производство биогаза и разбить каучуковые плантации...

Естественным приростом населения нехватку трудовых ресурсов не решить. Нужно повышать привлекательность страны в глазах обычного народа. Причем экономика в этом деле помогает, но не является решающим фактором. Главное, дать людям надежду на светлое будущее.

Почувствовав обращенное на себя внимание и приближающийся сзади приглушенный очаг чакры, я, не оборачиваясь, негромко спросил:

— Как успехи, Котоширо?

— Приказание выполнил, Рюджин-сама, — коротко ответил Узумаки, поравнявшись с Малис.

— Райкаге прибыл только с двумя сопровождающими? — уточнил у него я.

— Больше никого не заметил.

— Эй не любит рисковать своими шиноби, всегда принимает удар на себя, — негромко сказала Ринха. — Вести лишних людей на территорию Страны Железа он не стал бы.

— Всегда лучше проверить, чем полагаться на предположения, — высказал я свою точку зрения.

К этому моменту мы уже миновали два форта южной линии обороны Санро. Расположились они на срезанных вершинах двух небольших гор, стоящих по обе стороны от дороги, ведущей в столицу Страны Железа, и назывались Ундзен и Индзан. От них до городской стены было всего около десяти минут хода, так что вскоре, преодолев сухой ров по подъемному мосту, мы вплотную подошли к городским воротам. Справа и слева высились массивными скалами угловатые бастионы, но ворота были открыты. И здесь нам впервые за все путешествие по Стране Железа встретились самураи.

Закованные в латы, чем напоминали стражников Роурана, воины останавливать меня не стали. Лишь поздоровались и напомнили, что на территории Страны Железа нужно соблюдать принятые правила. Я в ответ их только поблагодарил, направившись дальше. Из города нам еще предстояло добраться до замка, который был на горе, возвышающейся над поселением, поэтому на разговоры время тратить я нужным не счел. Лучше уж на самурайскую столицу посмотреть.

По архитектурному стилю она, кстати, не сильно отличалась от городов Страны Земли. Основным строительным материалом здесь так же был камень, так что ничего удивительного в этом нет. Но чем город в тени Санро удивлял, так это качеством планирования и обилием фортификационных сооружений. Форты вокруг поселения, мощная крепостная стена с бастионами по периметру. Улицы неширокие, извилистые, но не из-за хаотичной застройки, а для упрощения его обороны на случай прорыва других линий защиты. И венчает все укрепления замок дайме, дополнительно обнесенный еще несколькими стенами.

Из города была видна только внешняя крепостная стена на вершине горы, окруженной сухими рвами, траншеями, обрывистыми скалами, насыпями и валами. К ней вела единственная дорога, являющаяся помесью барбакана, захаба и куичигай-но когучи, которая за первой крепостной стеной превращалась в лабиринт. А сам замок дайме, насколько мне было известно, находился в центре еще восьми отдельных стен.

Выглядит мощно, но насколько практична подобная фортификация? Об этом я попросил высказать свое мнение спутников.

— Санро никогда не пытались взять штурмом, — ответила Малис. — У самураев Страны Железа был конфликт с шиноби во время Первой мировой войны, но дальше пограничных стычек дело не пошло. Как раз на приграничных крепостях отряды ниндзя и застряли.

— Крепости укреплены чакрой, — добавил Котоширо. — Хотя лучше было их делать не из настолько близкого к привычным Сешицухенка шиноби материала. Например, как замок Кикьё. Защищенное дерево выстояло до наших дней, хотя о находившемся там дворе дайме и самураев, уничтоженной Сенджу лет двести-триста назад, уже никто и не помнит.

— Если местные самураи настолько основательно подошли укреплению собственных поселений, то оптимизма в своем будущем они не ощущают, — с иронией заметил я.

— Стены помогут отбиться от вторжения армии, но не защитят от идей, — безразлично сказала Малис. — Самураев становится меньше. И не потому что они гибнут, а потому что отказываются от своего пути и становятся шиноби.

— Хотелось бы этого избежать... — пробормотал я себе под нос, осматриваясь по сторонам. — Ладно, давайте прибавим ходу. Некрасиво получится, если мы прибудем последними.

В целом оборона города впечатляла и отбивала всякое желание его брать. Несколько джинчурики или равных по силам шиноби штурм упростили бы, но все равно потери атакующие понесли бы значительные. Не то чтобы я планировал захватывать Страну Железа, но с соседями всегда нужно быть настороже. Даже если эти соседи самураи, сама цель существования которых — это достижение мира. Пожалуй, они реальное воплощение крылатого выражения «хочешь мира — готовься к войне».

Минут через десять мы все же достигли барбакана, еще примерно столько же времени понадобилось, чтоб его преодолеть. И только у третьих на нашем пути крепостных ворот у нас появился сопровождающий.

— Приветствую, Орочимару-доно, — слабо наметив поклон, поздоровался встречающий самурай. — Я — Шинген Сага, знаменосец главнокомандующего Страны Железа, Мифуне. Позвольте проводить вас в замок.

— Буду благодарен.

Шинген этот доспехов не носил, по внешнему виду тянул лет на пятьдесят, хотя выглядел бодрячком. Уверен, что он способен задать жару многим джонинам. И в компании этого самурая мы преодолели еще восемь стен, преграждающих путь к замку дайме. Они уже были менее внушительны, чем ранее встреченные оборонительные сооружения. Толщиной всего в полметра и высотой не более трех эти стены служили больше основой для барьерных техник и печатей, чем физической преградой.

И я уверен, что сами самураи никогда не преодолевают все восемь рубежей стен пешком, проходя через ворота. Наверняка есть подземные ходы, и нам их, естественно, не покажут, но могли хотя бы позволить пропрыгать поверху. А то форменное издевательство какое-то.

К счастью, все когда-нибудь заканчивается, и до замка мы все же добрались. Пирамидальная каменная конструкция, отдаленно напоминающая классические пагоды, встретила суровой тишиной и множеством молчаливых самураев. Мне кажется, количество караулов сегодня было увеличено.

По внутренним помещениям замка Шинген нас водить долго не стали. Похоже, встреча Каге проходит где-то недалеко от входа. Зал был погружен в сумрак, освещение только через

световые колодцы. Потолок вообще терялся во мраке, но мои чувствительные к свету глаза ясно различили галерею, на которой тоже маячили самураи. У них там, наверное, хороший обзор на все происходящее снизу. И обстрел тоже. Попасть под перекрестный огонь дальнобойных приемов самураев даже Санадайме Райкаге будет неприятно.

Должен признать, что осознание угрозы собственной жизни хоть и нервирует, но изрядно дисциплинирует.

— Молодежь нынче совсем бессовестная, — прозвучал в темном зале хрипловатый голос. — Позволять себе опаздывать мне в пору, но я прибыл первым.

Я обернулся на звук в сторону давно примеченного мною человека, сидящего за широким столом в форме подковы. Старик явно постарше моего провожатого Шингена. Да и статью совсем в сравнение не идет с самураем.

Оноки, Третий Цучикаге, никогда не отличался высоким ростом, но в молодости имел хотя бы побольше мышц. С возрастом же он слегка похудел и усох. На фоне своего зятя он и вовсе выглядел карликом — сто тридцать пять сантиметров роста против двухсот пятнадцати.

— Хо-хо, Цучикаге-доно, неужели вы спешите причислять себя к пожилым людям? — не обидевшись на ворчание Оноки, спросил я, шагая столу. — Чуть более полвека — это же возраст самого расцвета сил.

У стола стояло три кресла. И это, по центру подковы, похоже, предназначено мне. Именно на нем изображен иероглиф, обозначающий звук. Усевшись в него, я обвел еще раз рассеянным взглядом помещение и удовлетворенно кивнул самому себе.

Техника Муджин Мейсай Второго Цучикаге используется во всех видимых мне диапазонах, даже исходящего тепла не чувствуется. Так же скрываются запахи, звуки и чакра, но я прекрасно ощущаю идущие по полу вибрации от движений невидимого мне человека. Значит, все четыре шиноби Ивагакуре — в этом помещении: Оноки слева от меня за столом, тип с торчащими в стороны волосами — Гари, капитан отряда подрывников, у стены позади Цучикаге, и там же Кицучи. И этот невидимка ходит справа от меня, всего в нескольких метрах.

— К тому же я прибыл вовремя, — продолжил говорить я, уже глядя на Цучикаге. — И даже раньше назначенного времени на десять минут.

Сощурившись, Оноки недовольно покачал головой.

— Никакого уважения, — покровительственным тоном пожурил он меня. — С приходом Эпохи Деревень молодежь совсем перестала чтить старших.

В ответ я восхищенно посмотрел на старичка.

— Цучикаге-доно, с годами ваша мудрость растет, — уважительно произнес я. — Чуть больше сорока лет назад возле памятника ваш дед был для вас беспомощным стариком и скрягой, а сейчас вы говорите о почтительности к старшим. С возрастом пришло покаяние.

Несколько секунд мы с Цучикаге безмолвно переглядывались.

— Паршивец... — негромко проскрипел Оноки, нарушив молчание. — Как ты это делаешь?

— Я просто знаю, — безразлично ответил я. — Знаю, потому что я — это я.

— Ха-ха, — скривившись, сухо рассмеялся Оноки. — Достойный ответ. Для зазнавшегося пацана.

— Все мы были молоды, — отмахнулся я. — Молодость — это не порок. Молодость — это море возможностей в будущем. Главное, не «потерять себя», встретив на пути излишне

надменного старшего.

После своих слов я удовлетворенно наблюдал за реакцией Оноки. Цучикаге невольно сжал кулаки, а зрачки едва заметно расширились. Судя также по едва заметно покрасневшему лицу и увеличившемуся ритму дыхания, старичок заволновался. Значит, я подобрал правильные слова. Хотя бы часть дела на сегодня уже сделана.

Правда, его невидимка, заметив волнение начальника, тоже занервничал. И мне не понравилось, как он заходит ко мне со спины. Пришлось приложить дурочка тем, что местные называют Сакки. Неоформленный ментальный удар, содержащий исключительно духовную энергию я начал отрабатывать недавно в рамках тренировки по укреплению своей инь-составляющей для управления несколькими клонами. Для шиноби Сакки, как правило, это намерение убийства, сильное желание убийства. В общем, что-то завязанное на эмоции. У меня повторить в точности прием не выходило, но привести человека в смятение все же получалось.

— Райкаге скоро будет здесь, — лениво сказал я, глянув на Оноки. — Собрание начнется с минуты на минуту. Надеюсь, ваши спутники, Цучикаге-доно, все знают свое место?

Оноки, уже успев прийти в себя, снова просверлил меня взглядом, после чего, сделав едва уловимый жест рукой, сказал:

— Конечно.

Невидимка за моей спиной торопливо убрался к Гари и Кицучи. Я удовлетворенно кивнул, обозначив, что оценил любезность Цучикаге.

В этот момент со стуком распахнулись створки дверей в зал, и из сумрака коридоров самурайской цитадели в столб света вышел мощный смуглый гигант. Хотя по росту-то и весу он уступал скрывшемуся в сумраке за спиной Цучикаге Китцучи, но зятек у Оноки все же пока молод, так что немного уступающий ему в росте Третий Райкаге все равно затмевал своей мощью всех окружающих.

— Приветствую, — немногословно поздоровался Райкаге и направился к свободному креслу.

Для своего телосложения этот человек двигался с удивительной грацией. Так с первого взгляда и не скажешь, что он на нее способен. Немного иного ожидаешь от горы мышц, которые Райкаге и не особо скрывал, прикрыв торс одной лишь белой накидкой, выставив напоказ изломанный шрам на правой стороне груди и печать в виде иероглифа, обозначающего молнию, на правой же руке. К тому же, Третий Эй был уже в возрасте. Вот уж кто точно не перестает заниматься совершенствованием своих навыков.

На фоне появления Райкаге немного потерялись его спутники. Как я и предполагал, одним из них оказался Торой. Бледнолицый и черноволосый, что для Кумогакуре не самое типичное сочетание, шиноби помимо приметного апатичного выражения лица имел улучшенный геном Стихии Магнетизма. Этот тип улучшенного Сейшицухена тоже не распространен в Деревне Облака. Он вообще встречается исключительно на западе, в Стране Ветра и прилегающих странах. Там же, где много владеющих Стихией Ветра, которая сама по себе нечасто встречается, ниндзя.

Второй сопровождающий Райкаге уже был более типичным представителем Кумогакуре. Старший Джей — долговязый и сухопарый смуглый шиноби, он считался неплохим сенсором и имел широкий арсенал техник Стихии Шторма.

Когда Третий Райкаге занял свое место, в зале появились представители самураев. Три

человека, среди которых был уже виденный мной Шинген Сага и заочно знакомый Дайме Страны Железа.

— Приветствую, — встав за небольшую трибуну, которая располагалась напротив стола для гостей, поздоровался дайме. — Я главнокомандующий Страны Железа, Мифуне. Я буду посредником. Объявляю начало переговоров трех Какурезато.

А у них тут, похоже, регламент таких встреч уже давно разработан. Мифуне свою речь произнес с чувством и расстановкой, но чувствуется, что это не в первый раз, когда он ее произносит.

— Не желает ли кто-то из уважаемых Каге начать? — после небольшой паузы спросил я, не дав никому первым взять слово.

— Начинать? — вперил меня свой недовольный взгляд Эй. — Я пришел сюда только за ответами! И я хотел бы услышать их.

— Неужели, Райкаге-доно, вы считаете, что нам нечего обсудить? — насмешливо спросил Оноки. — Мне было бы очень интересно услышать ответы и на свои вопросы. Например, зачем Кумогакуре еще два батальона шиноби? Разве не вы подписали договор об ограничении силы Какурезато?

— Деревня потеряла двух джинчурики! — хлопнув по столу ладонью, Райкаге угрожающе наклонился в сторону Оноки. — И я восполняю утраченную боевую мощь своей деревни.

— Я сочувствую вам, Райкаге-доно. Но утрата джинчурики — это не потеря биджу, — проигнорировал напор собеседника Цучикаге. — Вскоре вырастут новые джинчурики, а батальоны останутся.

Два Каге, кажется, с охотой и даже каким-то извращенным удовольствием начали конфронтацию, в которую я пока не вмешивался. Хотя любопытно отношение разных стран к своим джинчурики. Для Цучикаге они не особо важны и большее значение он придает обычным шиноби. А в Кумогакуре упорно учатся использовать до сих пор не освоенную силу.

Наблюдать за спором Каге было, конечно, приятно, но пришлось их остановить.

— У любой из пяти великих деревень есть претензии друг к другу, — повысив голос, вмешался я в разговор Оноки и Эя. — Но иногда стоит их забыть, чтобы прийти к взаимной выгоде.

— О какой выгоде может говорить глава небольшой деревни? — с не особо скрываемой насмешкой спросил Эй.

— Эта деревня пока еще поставляет вам лекарства, — напомнил я.

— Которое мы получили бы в любом случае, — уверенно заявил Райкаге.

Я усмехнулся в ответ на такое наглое заявление и жестом приказал Малис за моей спиной успокоиться. Моя хладнокровная едва не прожигала взглядом дыры в прозванном Сильнейшим щитом шиноби, не ощутить вспышку ее ненависти было сложно. Конечно, вряд ли она сделает какой-то необдуманный поступок, но лучше перестраховаться.

— Если же Райкаге-доно не видит выгоды в мирном взаимодействии с Отогакуре, то не станет же он отрицать силу Ивагакуре? — спокойно произнес я.

— Хе. Этого Райкаге-доно точно не сделает, — насмешливо заявил Оноки. — Но чей-то отец совсем не обучил сына этикету, раз тот позволяет себе говорить от имени моей деревни.

— Благодаря моей матери, убитой вашими шиноби, Цучикаге-доно, я был лишен

сомнительного счастья быть знакомым с собственным отцом. Говорят, он был той еще мразью, — хмыкнув, заметил я. — И я не собирался говорить от лица чужих Какурезато. Я лишь говорю, что и Ивагакуре, и Кумогакуре могут сотрудничать к взаимной выгоде. Так вышло, что Отогакуре находится на пути между Ивой и Кумо. После того, как закончится эпидемия, мне не хотелось бы отвлекаться на чужие конфликты на своей территории. И не думаю, что Коноха мне даст на это время.

После этих слов я почти увидел огонек в глазах Каге. Как бы Оноки и Эй не отличались внешне, но в чем-то они очень похожи. Когда есть возможность приобрести что-то полезное для своей деревни, не прилагая для этого особых усилий, они это сделают.

— Война только недавно закончилась, а вы уже говорите о следующей? — ворчливо сказал Цучикаге. — Не торопите ли вы события, Орочимару-доно?

— Война закончилась, но проблемы остались, — ответил я ему. — Неужели вашим шиноби сейчас достаточно заказов?

— Заказы — дело хлопотное, — заявил Цучикаге, — а война — кровавое. Сейчас время мира и ни к чему мне провоцировать конфликты, когда селение нуждается в отдыхе.

— Заказы — это деньги, — возразил я. — А деньги нужны для восстановления боеспособности селения. Впрочем, можно увеличить количество заказов и на собственной территории, не обязательно искать их в соседних странах. В последнее время изоляция Страны Дождя усилилась, торговые караваны между Роураном и Отомурой приходится проводить по территории Страны Огня. Из-за моей репутации это довольно рискованно. Цучикаге-доно, не считаете ли вы, что маршруты по дорогам Страны Земли могли бы решить мою проблему? Если охраной караванов будут заниматься ваши шиноби.

— Речи, достойные купцов, а не шиноби, — неодобрительно высказался Райкаге, не дав Оноки сказать и слова. — Для таких переговоров есть дайме.

— Пока шиноби не научатся обходиться без пищи, как Сенджу Хаширама, нам придется говорить о деньгах. Или о продовольствии, — усмехаясь, сказал я Эю. — Вам ведь тоже не нужно забывать о еде. Особенно, если надумаете снова сражаться и со Страной огня, и со Страной Воды.

— С чего бы мне заниматься подобной глупостью? — насмешливо спросил Райкаге.

— Может, это и ни к чему. Но ваши джинчурики... Они же убиты Конохой и Кири.

Судя по тому, как полыхнула ярость в глазах Эя, он мне поверил. Собственно, часть улик я ему отправил еще раньше, иначе он мог просто проигнорировать приглашение в Страну Железа. Да и Цучикаге выглядит немного задумавшимся после моего предложения.

Может, переговорная часть моих планов на встречу с Каге и не была настолько бесперспективной, как казалось ранее.

Глава 8. Гром и молния

4 июля 45 года от начала Эпохи Какурезато

— Хм... Рюсей-доно, позвольте занять немного вашего времени.

— Конечно, Мифуне-доно. У вас есть вопросы ко мне?

Если честно, за сегодня все эти уважительные суффиксы мне порядком надоели, но...

Третье из пяти незыблемых правил Рюджинкьё — вежливость. А первая истина Учения Бога-Дракона — поступай так, как хочешь, чтобы поступали другие. Так как это учение мною и продвигается, то приходится соответствовать.

Поймал меня Мифуне недалеко от выхода из своего замка. Встреча с Каге к тому времени уже закончилась. Ни к каким определенным договоренностям мы прийти так и не смогли. Оноки внимательно выслушал мои предложения и тщательно потрепал нервы мне своими, но, похоже, решил взять время, чтобы все более тщательно обдумать. Райкаге же просто хотел получить от меня всю имеющуюся информацию об убийстве своих двоюродного брата и племянника и, получив ее, кажется, потерял ко мне всякий интерес.

Впрочем, для меня это не так уж и важно.

— Это впервые, когда мы говорим лично, — заметил Мифуне. — Для лидеров соседних стран это необычно.

— Я не дайме, — отвечаю, пожимая плечами. — Не пристало шиноби лезть в дела правителей. В Стране Звука правит Кейдзан, и он ведет переговоры с соседними странами.

— Однако в Стране Звука есть закон выше дайме. И это слово Рюджина. Ваше слово, Рюсей-доно, — хмуро поправил меня Мифуне.

— Если смотреть с этой стороны, то опять же скажу: не пристало ками лезть в дела правителей, — с усмешкой отвечаю я самураю. — Кесарю — кесарево, богу — богово.

— Возможно, это так, — даже бровью не дернул на мое провокационное заявление Мифуне, — но в Стране Звука вы активно вмешиваетесь в дела Кейдзана. И вольно или нет, однако влияете и на соседние страны. Последователи Рюджинкьё появляются в Стране Железа, строят святилища.

Я молча кивнул. Культурный обмен идет, это вполне нормально, если государство не проводит изоляционистскую политику, как Страна Дождя. Страна Звука экспортирует и импортирует огромное количество продуктов, торговые караваны несут с собой не только товары, но и культуру. Особенно бурно процесс идет как раз со Страной Железа. У самураев есть железо и есть деньги, и они в шаговой доступности, поэтому естественно, что торговля с ними только набирает темп.

— Обычно на подобное дайме не реагируют, — продолжил излагать свои мысли Мифуне. — Как вы правильно сказали, Рюсей-доно, богу — богово, кесарю — кесарево. Но Рюджинкьё провозглашает богом вас, личность вполне реальную. Не хочу, чтобы вы поняли неправильно — я не боюсь потерять часть своей власти. Но я желаю жителям своей страны спокойствия, которое так редко в этом мире. И хочу удостовериться, что ничто не навредит им.

— Вполне понятная настороженность, — согласился я, — но рождается она из незнания. Рюджинкьё появилось, чтобы принести мир. Я хочу помочь людям. А принося им раздор, это сделать сложно.

— Именно поэтому я считаю, что нам есть что обсудить, — сказал Мифуне. — Вне

зависимости от вашего желания новая идеология может принести раздор. Нам нужно взаимопонимание. Иначе из незнания может родиться конфликт. Например, до меня доходили слухи, что Рюджину якобы принадлежат все богатства земли. Это точно не понравится знати и феодалам.

— В Рюджинкьё и в самом деле есть несколько намеков на это, — вынужден был согласиться я, — но появились они благодаря давно существующим традициям, которые имеют больше абстрактное значение. Это тема долгого разговора, для которого сегодня уже нет времени.

Не говорить же Мифуне, что я сам не помню всех нюансов Рюджинкьё. Учение Бога Дракона родилось в синтезе местных религий и философских школ с тем, что мне было знакомо из прошлого мира. Получилась такая невероятная солянка, что разбираться в ней было попросту страшно. В общих чертах я, конечно, могу все пересказать. Что-то там про единую абстрактную сущность Рюджина, который, вроде и бог, но не создатель, и вообще больше пророк, который имеет несколько разных ипостасей, и одна из них — я. То есть я — Рюджин, но не весь. И не совсем...

Короче, я, наверное, никогда не пойму местные культурные особенности и то, что на их основе порождено. А религия на континенте и прилегающих территориях вообще представляет из себя довольно странную смесь буддизма, конфуцианства, синтоизма, анимизма, шаманизма, гаданий и откровенных суеверий. Причем каждая страна, каждое сословие и каста имеют свою версию оригинальной религии.

— В таком случае я надеюсь, что вскоре у вас найдется время для меня, Рюсей-доно, — понял мой намек на нехватку времени Мифуне. — И оно найдется достаточно скоро. Потому что некоторые вопросы, например, касающиеся отношения Рюджинкьё к сословиям, нуждаются в срочном урегулировании.

Я удивленно посмотрел на собеседника, услышав его слова.

— Гм... Я так понимаю, проблема не в сословиях, а в кастах? — предположил я.

— Вы правы. В Стране Звука отменены все касты и жители уравниены в правах, — хмуро почесывая подбородок, сказал Мифуне. — После того, как эта новость дошла до Страны Железа, среди низших сословий начало расти недовольство. Мне бы хотелось узнать, как в Стране Звука удалось переломить многовековые традиции и сравнять в правах неприкасаемых с другими сословиями без протестов последних.

Я задумчиво посмотрел на Малис и Котоширо, ожидающих меня чуть в стороне. Мне бы и самому интересно было узнать ответ на этот вопрос, вообще-то. На самом деле, я как-то над этим не задумывался, хотя проблема-то вполне реальная.

Как я уже говорил, в этом мире безумная смесь религий. И несмотря на явное влияние буддизма, здесь существуют вполне реальные касты, а конкретно — неприкасаемые. Вообще, и в привычных мне дальневосточных государствах имелись свои вариации неприкасаемых, как, например, ноби в Корее. А этот мир во многом повторял Японию. Местная религия, похоже, неся в себе наследие буддизма и ниншу, негативно относилась к умерщвлению живых существ. Но люди пожрать-то не дураки, и мяса им охота. Кому-то приходится скот забивать, а это дело «нечистое». Так родилась каста *эта*, в которую входили кожевенники, мясники, мусорщики и прочие представители профессий, связанных с кровью и грязью. Эта каста вообще в резервациях и гетто обитает. Но есть еще одни неприкасаемые — *хинин*. Этим можно жить в городе, но они считаются «нечистыми» уже по синтоистским соображениям: рытье могил и обращение с мертвецами — это, оказывается,

занятие хоть и общественно полезное, но «правильным» людям им заниматься нельзя. Еще есть *санка* и прочие низшие сословия, которые тоже за нормальных людей не считаются.

«Нормальные» люди — это сословия знати, крестьян, ремесленников и торговцев, и с неприкасаемыми контактировать они не должны. Такая сегрегация, естественно, вызывает социальное напряжение. Но и ее отмена тоже легко не дается, если вообще происходит.

Что забавно, шиноби тоже относятся к отдельной касте вроде *эта*, так как убийцы все поголовно. И хотя ниндзя открыто не презирают, однако все шиноби так же живут в своих отдельных поселениях. А вот самураи — это уже совсем иное сословие, им право на насилие даровано свыше, и неприкасаемыми они не являются.

Стоит отметить, что в Стране Железа много *эта* и *хинин* — здесь они надеются отвоевать землю у дикого леса и гор, стать нормальными крестьянами, но в основном в итоге занимаются овцеводством и охотой, то есть остаются все теми же неприкасаемыми по местным традициям. Для самураев волнения среди этих низших сословий стали бы ощутимой проблемой.

Однако мне сейчас совершенно нет дела до их проблем. Котоширо уже подает знак, что нам пора выдвигаться.

— Понимаю вашу озабоченность, Мифуне-доно, — вымолвил я, раздумывая, как деликатно и поскорее закруглить разговор. — Думаю, чтобы найти решение для таких устоявшихся проблем, одного разговора будет мало. Традиции и вера не меняются мановением руки правителя. Их нужно сломить чем-то глобальным, вроде новых традиции и веры. В Стране Звука появилось Рюджинкё, возможно, и вам стоит подумать над новым учением. Государство, как и человек, погибает тогда, когда погибает вера. Если же она гибнет, то нужно либо укрепить ее, либо найти новую. Сейчас же прошу простить меня, дела не ждут. Всего доброго. Провожать не нужно.

Обозначив поклон Мифуне, я махнул рукой, подзывая своих спутников, и уже вместе с ними покинул замок. Малис как обычно сохраняла спокойствие, а вот Узумаки казался настороженным.

— Что не так, Котоширо? — поинтересовался я у парня уже за пределами замковых стен.

— Группа Райкаге покинула территорию Санро. Они возвращаются не по тому пути, по которому пришли. Сейчас направляются в сторону Страны Звука, — негромко ответил Узумаки. — С их скоростью они выйдут из радиуса моей сенсорной техники примерно через полчаса.

— Понятно, — кивнул я в ответ, одновременно активируя кецурыюган.

Обнаружить Райкаге не составило труда. Как и сказал Котоширо, Эй решил возвращаться к своим кораблям в Янтарном заливе, сделав крюк в сторону Страны Звука. Неприятно, но пока терпимо.

— Не будем смущать хозяев излишне торопливым уходом, — решил я. — Не думаю, что Райкаге сможет устроить нам какой-нибудь сюрприз. Идем.

Не знаю, какие барьерные техники использовали самураи в своей крепости, и насколько они подняли уровень безопасности из-за встречи двух Каге и меня, поэтому рисковать не стоит. Хотя бы до выхода из крепости пройдемся в обычном темпе, а там уже можно будет использовать Шуншин и выйти из города по крышам. Сомневаюсь, что барьерные техники использовались в жилых кварталах. А вот городская стена должна быть защищена, так что ворот нам тоже не миновать, но в любом случае Райкаге не должен успеть скрыться.

— Рюджин-сама, позвольте мне задать вопрос, — после непродолжительного молчания нарушила тишину Малис, когда мы проходили через очередные ворота твердыни самураев.

— Про мой диалог с Цучикаге? — уточнил я, примерно догадываясь, что интересуется мою спутницу.

— Да. Оноки старый лис, и смутить его сложно, иначе он не дожил бы до своих лет, — пояснила Ринха. — Но вам это удалось сделать лишь парой фраз.

— А ты все не сдаешься, — покосившись на Малис, заметил я. — Всякий раз один и тот же вопрос, хоть и разные слова. Как я вижу прошлое и будущее, да? А вариант объяснения, что я — это я, тебя не устраивает?

— Не сомневаюсь в вашем могуществе, Рюджин-сама, — склонила голову Ринха, — но вы сами учитесь разбираться в сути вещей и проверять любые догмы.

— Ладно... Почему бы и в самом деле не сказать? — хмыкнув, спросил я сам себя. — Понимаешь ли, Ринха-сан, наш мир — не единственный существующий. И я говорю сейчас не о посмертных мирах и не о других измерениях, а о параллельных вселенных. Если заглянуть в них, то можно найти ответы о нашем прошлом и будущем. Узнать, как Оноки спорил со своим дедом во время чистки монумента в Ивагакуре. Или узнать, как схватка с Мадарой отразилась на Цучикаге. Фактически, он сам мне о себе рассказал. Сам Оноки только из иной вселенной.

Ну, почти сам. Только в пересказе от одного автора, но, наверное, не стоит углубляться в подробности.

— Кажется, в летописях клана есть заметки об этом, — неожиданно поддержал меня Котоширо. — У рода Ямори есть додзюцу *сенган*, позволяющее предвидеть будущее. Судя по описанию, оно действует по описанному Рюджин-самой принципу.

— Возможно, возможно, — не стал ничего отрицать я. — Кстати, Котоширо, сейчас ведь у рода Ямори глава Мироку? Наверное, она такая же упрямая, как и все Узумаки, но все же по-родственному попытайтесь предупредить ее, что отказ обучать ниндзюцу свою дочь — довольно глупая затея. Шион будет сильной, под стать главной ветви Узумаки. И до тех пор, пока она будет оставаться дочерью Мироку, обычной человеческой жизнью ей не жить. К тому же, ей не помешает немного дисциплины.

— Рюджин-сама... Насколько мне известно, у Мироку нет дочери, — осторожно напомнил Котоширо.

— Еще не родилась? — немного удивился я. — Мне почему-то казалось, что она постарше будет. Тогда как родится, так и нужно предупредить.

— Хорошо, Рюджин-сама, клан Шиин исполнит ваше желание, — после небольшой паузы услышал я ответ парня.

Ах да, Котоширо же у нас сейчас под прикрытием. Представляется членом клана Шиин, в котором из-за родства с Узумаки часто рождаются красноволосые шиноби с характерной чакрой.

— Не обязательно это делать клану Шиин, — намекнул я. — Можно отправить сообщение лично от Акичи. По-родственному.

— Понял, Рюджин-сама.

Вообще, с Ямори давно пора начать налаживать контакты. Этот Морьё, которого они держат запечатанным, кем бы он ни был, сильная сущность, которую можно попробовать использовать. Хотя стоит смотреть правде в лицо — я наверняка не единственный такой умный. Должна быть причина, почему Морьё в итоге оказался запечатан в храмах на другом

континенте, а не в теле очередного джинчурики. Можно предположить, что Морё запечатали до того, как это сделали с биджу, и раньше просто не было нужной технологии, но особых надежд на это возлагать не стоит.

Но об этом лучше подумать потом. Сейчас у меня есть более насущные проблемы.

— Встречаемся на месте нашей стоянки, — сказал я своим спутникам, когда мы оказались за воротами барбакана.

***

Рюджин-сама испарился без каких-либо побочных эффектов, вроде вспышек света или облака дыма. Его мастерство в Технике телесного мерцания позволяло исчезать из виду без привычных отвлекающих маневров. Котоширо только благодаря своей сенсорной технике мог отследить стремительное перемещение Орочимару, который сейчас уже спокойно выходил из города.

Без лишних слов Узумаки и Малис последовали за своим командиром. Сам Котоширо, хоть и считался одним из самых быстрых шиноби Отогакуре, так же одним рывком преодолеть расстояние до выхода из города не мог. Архитекторы Санро постарались, чтобы шиноби было очень неудобно быстро преодолеть жилые кварталы. Извилистые улицы и разные по высоте здания не позволяли делать длинные рывки с помощью Шуншина, если ниндзя не способен полноценно управлять своим перемещением во время Техники телесного мерцания, как Рюджин-сама.

Поэтому Котоширо решил подстроиться под темп Малис и достиг неприметной скалы, на которой их ожидал Орочимару-сама одновременно с ней.

— Ты готов, Котоширо? — спросил он, глядя горящими багрянцем глазами вдаль.

Узумаки благодаря *Кагура Шинган* догадался, за кем наблюдает Орочимару с помощью кецурьюгана. Райкаге по-прежнему двигался на юго-восток, примерно в направлении Страны Звука. И именно туда направлен взгляд багряных глаз.

— Скоро, Рюджин-сама, — сдержанно ответил Котоширо, сосредоточившись на своей сенсорной технике.

Прикрыв глаза, Узумаки ощутил множество огоньков вокруг себя. Чужая чакра искрами плавала в сером мире. За спиной, в городе, жались друг к другу мириады мерцающих звездочек. Редким потоком они текли по торговому тракту. Иногда огоньки чакры встречались в горах и лесах. Три из них далеко впереди — это Райкаге и его сопровождающие. В непосредственной близости от себя Котоширо тоже ощущал чужую чакру.

Малис ощущалась холодной и сосредоточенной, в ее энергии чувствовалась характерная для ирьенинов чакра, и мелькали искры Райтона и Дотона. Кажется, женщина была чем-то встревожена, хотя крепко держала себя в руках. В отличие от нее, чакра Орочимару казалась теплой и легкой, она парила в пустоте и текла рекой разноцветного огня. В ней не ощущалось настороженности, скорее легкая усталость и ленивое любопытство.

— Рюджин-сама, они приближаются к метке, — предупредил Котоширо.

— Хорошо, — качнув головой, ответил ему Орочимару.

Его чакра оставалась столь же спокойной. Ками ты или нет, но перед боем с Третьим Райкаге ты же должен хоть немного встревожиться, нет?

К этому времени огоньки чакры Эя и его спутников достигли условного места. Предварительно развеяв своего теневого клона в Отогакуре, подавая знак готовности

шпурмовой группе и узнавая, готова ли она к телепортации, Котоширо сосредоточился на полученной от Орочимару технике.

— Они на месте. Перемещаемся, Рюджин-сама, — напряженно сообщил Узумаки, и мир вокруг него озарило алое сияние.

Через мгновение город самураев оказался в десятках километров позади, а окружающий ландшафт претерпел кардинальные изменения. Вместо одинокой скалы Котоширо с Орочимару и Малис оказались на голой отмели недалеко от широкого ручья, текущего меж серых скал. На противоположном берегу высился поросший кривыми соснами каменистый склон, а на этом в полусотне метров от воды начинался густой бурелом. Галечная отмель, на которую переместился Котоширо, была единственной удобной тропой на несколько километров вокруг, именно поэтому сутками ранее Узумаки поставил здесь несколько *дзюцушики* для перемещения с помощью *Хирайшин*.

Несмотря на пророческие способности Орочимару, Котоширо пришлось порядком побегать по лесам, чтобы перекрыть все возможные пути возвращения Райкаге. И труды оказались не напрасны. Эй, Торой и Джей — вся тройка из Кумогакуре сейчас была в паре десятков метров перед ними.

— Что это значит, Орочимару? — грубо спросил Третий Райкаге, выступая вперед.

Котоширо же, наоборот, отступил назад, за спину Рюджина-самы, и, уже складывая ручные печати для следующей техники, почувствовал, как недобро сверкает чакра Третьего Райкаге. Энергия кипела внутри Эя, разрастаясь и подавляя своим могуществом. Сила этого монстра заставляла трепетать. И монстр этот был недоволен.

Сосредоточившись на своей задаче и стараясь не думать, что они сейчас собираются сделать, Котоширо завершил технику.

Хирайшин: Дорай!

Секундная слабость от извергнутой наружу чакры заставила Узумаки пошатнуться, но он быстро взял себя в руки и стремительно отпрыгнул назад, при приземлении ударив ладонями о гальку отмели. С приглушенным треском, напоминающим слабые раскаты грома, вокруг Орочимару и Райкаге начали мелькать алые вспышки, оставляя после себя шиноби Отогакуре. В тот же миг в воздухе раздался тяжелый звон металлических звеньев — десятки сияющих расплавленным золотом цепей взвились в воздух, образуя наиболее крепкий, из возможных для шиноби Отогакуре, барьеров. *Конго Фуса* клана Узумаки не могли создать кеккай ниндзюцу, сравнимое с *Шисеки Йоджин*, но он был мощнее *Шини Энджин*.

Помимо красноволосых Узумаки с цепями чакры, Котоширо перенес также и иных шиноби. Десяток из них не сводил с Райкаге горящих багрянцем глаз, точно таких же, как и у Орочимару. Еще пятеро, ощерившись белоснежными костями, хищно ухмылялись, наблюдая за шиноби Кумо.

Котоширо выпрямился, переводя дух. Дело сделано. Отступить уже, наверное, не получится.

— Узумаки, Чиноике, Кагуя... Что за парад недобитков? — презрительно процедил Эй, медленно обведя взглядом окруживших его шиноби.

— Недобитки? — с иронией переспросил Орочимару, сделав шаг навстречу Райкаге. — Третье из незыблемых правил Рюджинкьё — вежливость. Даже тот, кого ты считаешь врагом, достоин вежливого слова, Райкаге-доно.

— Оставь эту ересь своим выкорышам, Орочимару, — сжимая и разжимая кулаки,

произнес Эй. — Или Белый Змей и в самом деле возомнил себя драконом?

— Как часто ты встречал драконов, чтобы утверждать, что Белый Змей не является одним из них? — посмеиваясь, вопросом на вопрос ответил Рюсей. — Но ты спрашивал меня, что все это значит. Я тебе отвечу. Второе из незыблемых правил Рюджинкьё — справедливость. Из всех пяти незыблемых правил ты следовал пятому — верности. Ты был верен своей деревне и стране. Ты неправильно понял четвертое правило — мудрость или разумность. Ты счел мудростью возвысить свою деревню за счет уничтожения других. Теперь пришло время для справедливости.

— Я же сказал оставить ересь для своих выкормышей, — оскалился Райкаге в ответ на слова Орочимару. — О какой справедливости ты лопочешь, сосунок?! Не о той ли, которая позволяет нападать на Каге на территории Страны Железа после переговоров с ним? Так ты ценишь общие договоренности Пяти великих стран?

— Во-первых, мы не вели переговоров. Вы, Райкаге-доно, лишь пришли получить от меня то, что считали своим по праву. Информацию об убийцах своих родственников. Во-вторых, я ни на кого не нападаю. В-третьих, весь мир принадлежит Рюджину. И мы сейчас не в Стране Железа, а на моей земле. И здесь мои правила.

Секунду молча поразглядывав Орочимару, Райкаге раскатисто рассмеялся.

— Эх, парень... — сказал он, все еще скалясь. — Я сделаю большую милость, убив тебя сегодня. Сумасшедшие не должны править какурезато.

— Наверное, так же ты говорил, когда решил уничтожить Узушиогакуре? Что-то в духе: «Эти красноволосые дьяволы — угроза для всех Пяти стран, я сделаю милость, уничтожив их», — насмешливо произнес Орочимару. — Или, может, ты говорил, что Кагуя слишком дикие, нам нельзя позволить этим зверям построить свою деревню, я сделаю милость всем, если стравлю их с бесполезными кланами Страны Рисовых Полей? Возможно, и твои предки считали милостью для всего мира уничтожение Чиноике, когда дайме Страны Молнии выбрал женщину из их клана, а не твоего.

— И за это вы, малышня, решили напасть на меня? — сложив руки на груди, спросил Эй. — Так чего вы ждете? Нападайте!

— Я же говорил, что я ни на кого не собираюсь нападать, — поморщившись, заявил Рюсей. — Первая из пяти заповедей Рюджинкьё — не убивай.

— Сказал шиноби, руки которого по локоть в крови, — фыркнув, прокомментировал Райкаге.

— Война — это бедствие для человечества, так же, как и эпидемия, — лениво парировал Орочимару. — Смерть на ней — это несчастье, которое приносит не рука шиноби, а в лучшем случае воля правителей, если это не простая случайность.

— Что за тупые отговорки? — скривился Эй. — Раз придумал свои идиотские правила — соблюдай. В любом случае, зачем весь этот балаган, Орочимару?

— Мне показалось, что ты захочешь убить меня, — произнес Рюсей, глаза которого внезапно вспыхнули багряным огнем. — Все записи и приказы об убийстве твоего племянника Блу Би и двоюродного брата Акай Ши — они появились у меня, потому что исполнителем тех заказов назначили меня.

— Ха... Эта шутка станет последней в твоей жизни, — набычившись, хрипло произнес Эй.

Котоширо почувствовал, как бурлящая в Райкаге чакра заискрилась и загрохотала подобно грому, после чего рванула наружу. Поток Рай-чакры объял мощное тело Эя, отчего

тот начал казаться еще больше обычного. Узумаки нервно сглотнул, невольно подобравшись и приготовившись к бою. Давление мощной чакры и жажда убийства Райкаге пробирали до костей. Однако Орочимару лишь криво усмехнулся в ответ на эту демонстрацию мощи.

— Шутка? — насмехаясь, спросил он. — Шутка в том, Райкаге-доно, что мои действия можно считать милостью для вас. Ведь Би и Ши были настолько отвратительными джинчурики, что от них было больше проблем, чем пользы.

Произошедшее в следующее мгновение Котоширо уловил лишь чудом. Эй буквально телепортировался за спину Орочимару, а его рука насквозь пронзила тело главы Отогакуре. Однако в тот же миг пронзенное тело рассыпалось белыми хлопьями, и уже за спиной самого Эя появился Рюсей.

Нет, не Рюсей... Рюджин-сама. Иначе назвать его сейчас Котоширо не смог бы даже в мыслях. Потому что поток исходящей от Орочимару силы был совершенно не сравним с тем, как он ощущался обычно. Из-за активации *Шичи Тенкохо* и *Футона но Йорой* Рюджин сиял янтарным светом, а под действием природной энергии его тело преобразилось, приобретя драконьи черты. Плотная чакра Стихии Ветра вокруг Рюджина разрывала воздух, отчего каждое движение его сопровождалось раскатами грома.

Оказавшись за спиной Райкаге, Орочимару не стал бездействовать. Резкий удар смел Эя и впечатал его мощное тело в барьер *Конго Фуса*. Воздух сотрясся от оглушительного громopodobного рева, вода в ручье взметнулась в воздух мелкими каплями, а галька под ногами Рюджина разлетелась в стороны, обнажая серые скалы. С помощью *Кагура Шинган* Котоширо видел, как за миг до удара вокруг кисти Орочимару сконцентрировалась чакра Футона и образовала сжатые и чрезвычайно плотные разнонаправленные потоки ветра.

Хекиреки — ниндзюцу Стихии Ветра Орочимару, оно сочетало в себе сложное кетайхенка и сейшицухенка. Мощь сжатого смерча была способна подобно буру дырывать все, что попадет на пути, и попутно порождала оглушающий гром и настолько сильные перепады давления, что разрывала противника на куски. Правда, Райкаге не зря носил имя Сильнейший Щит. Его Техника *Райтон но Йорой* выдержала удар, несмотря на слабость к техникам Стихии Ветра. Но удар о Цепи Чакры все же заставил Райкаге немног замедлиться.

Опасаясь за своего Каге, Торой и Джей попытались вмешаться в битву, но против пятерых Кагуя и десятка Чиноике они не смогли ничего сделать. В считанные мгновения Шиноби Кумо оказались избиты и пойманы в гендзюцу. Такого Райкаге простить не мог, но его попытка отбить соратников не увенчалась успехом. На пути Эя появился Орочимару.

Столкновение стихий Молнии и Ветра породило мощнейший гром, разметавший в стороны не только гальку, но и людей. Ударная волна столкнулась с барьером и покатила обратно, едва не раздавив одного из Кагуя и Торои, которого тот тащил. Шиноби в последний момент удалось закрыться костяным панцирем. Техника шикоцумьяку спасла жизнь людям, но не уберегла от травм. Костяная броня растрескалась и опала на землю, а оба ниндзя потеряли сознание. Котоширо мог заметить, что чакра обоих хоть и угасла, но не потухла совсем. Скорее всего, отделались контузией, а с этим лекари справятся. Малис как раз вытащила обоих за пределы барьера и занялась лечением.

А вот Орочимару и Эй, похоже, не получили и царапины. Их только отбросило на несколько метров друг от друга.

— В твоих техниках чувствуется дух стиля Надешико, — хрипло произнес Райкаге. — Эти дурные бабы теперь к тебе примкнули?

— К сожалению, Хитоми не настолько глупа, чтобы выбирать себе в мужа и в правители деревни лидера чужой страны, — пренебрежительно ответил Орочимару. — Но к счастью она умна, поэтому у нас нашлись поводы для взаимовыгодного сотрудничества.

— Это тебе не поможет, — широко оскалился Райкаге. — Мне нравится, что ты не пускаешь против меня своих подчиненных, их смерть была бы быстрой и бесполезной. Никто из вас не в силах пробить Сильнейший Щит. Если ты рассчитывал победить меня с помощью своих техник Футона, то напрасно. Впрочем, чего еще ожидать от сумасшедшего.

— Посмотрим, чей щит прочнее, — все так же легкомысленно ответил Орочимару. — Сильнейшему Копью пока тоже не удалось меня даже поцарапать.

— Не зазнавайся, — коротко бросил Эй, быстро складывая ручные печати.

Техника была незнакома Котоширо, но по цвету чакры Райкаге он мог понять, что это что-то необычное. Вместо привычной лазури, характерной для Райтона, энергия Эя начала приобретать внутри себя черные мазки.

В реальности они воплотились в виде мощнейшего шквала черных молний, которые сотрясли барьер и заполнили все пространство внутри него. Из облака тьмы доносились только оглушающие раскаты грома и треск раскаляемой земли. Чтобы рассмотреть, что происходит за чернильной пеленой из молний, нужно было смотреть не обычными глазами. Но *Кагура Шинган* Котоширо тоже не сильно помогал. Скорость бойцов внутри барьера вышла на невероятный уровень, за которым он просто не успевал.

Лишь однажды сознание Узумаки смогло зацепиться за какую-то ужасающую технику Райтона, мелькнувшую в общей буре чакры. Распознать и проанализировать ее он так и не успел, но это было поистине невероятное ниндзюцу Райтона. И после его применения схватка завершилась.

Облако черных молний продержалось всего несколько секунд, и когда оно начало спадать, взору предстали расколотые скалы — огромные провалы в тверди гор, куда с шумом падала вода ручья. Кучи гальки валялись по окружности барьера, сила двух шиноби стерла все с лица земли на небольшом огороженном техникой Узумаки пятачке земли.

И оба они все еще были живы. Одежда на Орочимару была изорвана в клочья, и его чакра изрядно потускнела. Но Райкаге... Он стоял на коленях и был лишен руки!

— Как... ты узнал? — прерывисто спросил Эй в бессильных попытках остановить хлещущую из обрубка руки кровь.

Котоширо ясно видел, что оторванная рука не добавила здоровья Эю, но покров чакры Райтона по-прежнему обволакивал его тело. И запас сил у него еще оставался.

— Этот вопрос мне сегодня задавали слишком часто, — тяжело дыша ответил Орочимару. — Я просто знаю, что лучшее оружие против Сильнейшего Щита — это Сильнейшее Копье.

— Тебе повезло, щенок, — устало заявил Эй, какой-то техникой прижигая культю и медленно поднимаясь на ноги. — Посмотрим, что ты еще знаешь.

— Вы, Райкаге-доно, очень неудачно выбрали путь домой, — переводя дыхание, сказал Орочимару. — Возле Страны Звука сейчас слишком много шиноби чужих стран. Мне очень невыгодно затягивать схватку с вами. Поэтому вынужден ее завершить как можно скорее.

— Ха! Ну давай! — вокруг оставшейся целой руки Райкаге вновь начала концентрироваться Райчакра, формируя уже знакомую Котоширо ужасающую технику. — Посмотрим, кто отправится в Чистый мир сегодня первым!

Эй бросил свое тело вперед, вытянув вперед руку. Похоже, Райкаге собирался нанести

прямой удар, не заботясь о защите. У Котоширо возникло чувство, что на кончике единственного вытянутого пальца на его руке сосредоточилась почти вся чакра Эя.

И буквально за мгновение до того, как смертоносная техника Райкаге достигла бы Орочимару, последний резко свел руки, и мощнейший взрыв прокатился по пространству внутри барьера. Мгновенно была разбита в туман вода ручья, каменные скалы и галька осыпались песком, в котором тонули ноги Рюджина. *Конго Фуса* и поддерживаемый ими барьер стремительно покрылся сетью трещин и рассыпался, прежде чем пропустить сквозь себя приглушенные раскаты грома — слабые отголоски использованного Орочимару ниндзюцу Стихии Ветра.

Котоширо знал эту технику, хоть так и не понимал, как она работает несмотря на попытки Орочимару объяснить. *Хатагагами* — создавала узкий поток синхронных колебаний воздуха, фактически, звук, разгоняя его до такой степени, что воздух начинал гореть. Поток техники имел большую проникающую способность, а появляющаяся в качестве побочного эффекта мощнейшая ударная волна буквально превращала в пыль все, до чего могла дотянуться. Все, кроме Райкаге. Эй смог пережить и непосредственное попадание под *Хатагагами*, и ударную волну от техники, переотраженную барьером Узумаки. Он по-прежнему был жив, но покров чакры сползал с него, словно сдуваемый ветром туман. Из носа и ушей медленно текли струйки крови, а раскрытые глаза были покрыты сетью лопнувших капилляров.

— Малис! — прозвучал громкий оклик, когда замолкли раскаты грома.

Покров чакры Футона тоже спал с Орочимару, вызванные природной энергией изменения также сошли на нет, а пламя *Шичи Тенкохо* медленно угасало. Вся правая сторона его тела была изуродована мощнейшими электрическими ожогами, а рука и вовсе оторвана, но он стоял на ногах и мог отдавать приказы.

Ринха, понимая, что требуется Орочимару, метнулась в круг превращенного в пыль камня и, проскочив мимо Рюджина, оказалась возле поверженного Райкаге, сразу же закачивая в него лечебную чакру. К самому Рюсею уже спешили Узумаки из родного Котоширо септа Оками, но тот лишь отмахнулся от подставленных для укуса рук. Медленно доковыляв до Ринха, он спросил:

— Как его дела?

— Слегка задело, — сосредоточенно ответила Малис. — Небольшая контузия. Даже лечить такое не нужно.

— Да он живучее меня, — восхитился Орочимару, с которого начала осыпаться белыми хлопьями кожа, оставляя после себя неповрежденное тело, даже оторванная рука оказалась на месте. — Это удачно. Тогда не старайся залатать его — выкачивай чакру и создавай марионетку.

— Поняла, Рюджин-сама, — ответила Малис, выхватывая свиток из нагрудного кармана и вызывая запечатанную куклу.

Малис Ринха была лучшим пользователем кеккей генкай своего клана. Выкачав чужую чакру, она могла создать полностью идентичную марионетку, которая не только внешне и энергетически повторяла оригинального носителя чакры, но и имела его черты характера и некое подобие разума. Эдакий теневой клон, полностью подчиненный Малис.

Райкаге позволили очнуться, только когда собственная его чакра оказалась полностью перенесена в марионетку, а та вместе с поддельными Торой и Джейем отправилась дальше к Янтарному заливу.

Как раз их уход Эй и застал, когда открыл затаенные кровью глаза.

— Ты не хотел меня убивать, — такие были его первые слова.

— Первое неизблемое правило Рюджинкьё — милосердие, — произнес Орочимару, присев возле распластанного на земле и обессиленного Райкаге. — К тому же вы нам еще пригодитесь, Райкаге-доно. Марионетку нужно заправлять чакрой.

— И что дальше? Ты хочешь всех Каге заменить?

— Малис у меня одна, а вас пятеро, — с сожалением в голосе ответил Орочимару. — Не стоит рисковать. Даже подмена одного Каге — риск. И если бы вы были более склонны к дипломатии и соблюдению договоренностей, то я бы на него не пошел. Как видите, ваше стремление нарастить мощь Кумогакуре обернулось против вас. Это как *Джигокукузуки* и *Райтон но Йорой* — Сильнейшее Копье поразило Сильнейший щит. Беспринципное наращивание силы привело к тому, что теперь Кумогакуре будет более благосклонна к Отогакуре. Надеюсь, осознание этого факта приведет вас к покаянию, Райкаге-доно.

Глава 9. Девочка и кошка

11 июля 45 года от начала Эпохи Какурезато

— В заключение скажу, что когда-то Страна Горячих источников была опасным противником, но одержав сокрушительную победу над Узушиогауре, Сандайме предусмотрительно позволил Деревне Скрытого Тумана попытаться взять протекторат над этой территорией. Так как Страна Огня, потеряв союзника в виде Деревни Водоворота, старается сохранить свое влияние в Стране Горячих Источников, Коноха и Кири вынуждены тратить силы на операции друг против друга. Это замедляет восстановление Какурезато после Мировой войны. В то же время Кумогауре получила возможность укрепиться в Стране Мороза и сейчас активно наращивает ресурсы. Это яркий пример того, как иногда нужно поступиться малым, чтобы получить большее. Сандайме Райкаге — сильнейший шиноби в мире, но он понимает, когда нужно отступить. И вам должно такими быть, понятно?

— Да, Рашии-сенсей, — нестройным хором ответили несколько десятков детей в возрасте семи-шести лет.

Присоединилась к этому хору и усевшаяся в углу аудитории девочка. Она, как и ее соседка по парте, была из семьи Нии, потому обе они выделялись на фоне смуглых и черноволосых одноклассников светлыми кожей и волосами.

— Теперь перейдем к следующей стране, — продолжил лекцию Рашии. — Страна Звука. Ранее была Страной Рисовых Полей, но несколько лет назад разрозненные княжества объединились в одно государство. Скорее всего, это результат работы шиноби, известного как Белый Змей Конохи. Орочимару Рюсей — яркий пример внутренней слабости иных Какурезато больших стран. Нукенин на протяжении десятилетий готовил себе плацдарм в соседней стране, ясно понимая, что с родным селением он ничего общего иметь не хочет. Но это тема отдельной лекции. Сейчас нам интересна география и политическое устройство страны...

Соседка Югито тяжело вздохнула, уронив голову на парту.

— Это было третье «в заключение» от Рашии-сенсея за сегодня, которое продолжилось очередной нудной лекцией, — негромко пробормотала девочка. — Это совсем не круто.

— Осталось немного, Самуи, — почти не двигая губами, ответила Югито, глядя стеклянными глазами на учителя. — Потом пойдем к мелким.

— Одно другого лучше, — украдкой зевнув, заявила двоюродная сестра Югито. — Этих идиотов проще избить, чем чему-то научить.

— Будь терпелива.

— Я само терпение...

Оторвавшись от парты, Самуи подперла подбородок ладошкой и сфокусировала взгляд голубых глаз на учителе. Рашии тем временем успел сменить бумажные плакаты с географическими картами, повесив на доску вместо Страны Горячих Источников схематическое изображение территории Страны Звука. Отличались они, на взгляд Югито, только формой. Страна Горячих Источников напоминала вытянутую гантель, а эта походила на неровную трапецию. Рельеф двух стран был почти идентичен — невысокие горы, перемежаемые узкими долинами. Дорог почти нет, больших городов не больше пары штук. Что там запоминать-то?

— Столица страны, Отомура, активно развивается за счет торговли новыми ресурсами. Также выросли прибрежные поселения — Намито и Микаса, в них идет основная добыча горючего газа. Из иных экономически важных пунктов отмечу Такету, где сосредоточены литейные цеха, и Итако — центр добычи удобрений, — отмечая упомянутые места на карте, рассказывал Рошии. — Согласно договору Гокаге на время эпидемии территория Страны Звука недоступна для посещения шиноби других стран, поэтому многого о военной силе страны неизвестно. От купцов и торговцев нам поступает информация, что военная мощь государства слаба настолько, что дайме назначил воинскую повинность. Для поддержания порядка в городах и на торговых маршрутах привлекается ополчение. Эти люди обучены тайдзюцу и среди них есть самураи, но реальной опасности для шиноби они не представляют.

Югито серьезно постаралась представить, для кого вообще могут быть опасны крестьяне и горожане, наскоро обученные приемам рукопашного боя. У нее не получилось. Такие отряды, наверное, только обычных людей контролировать сойдут. Вроде городской стражи даймё, которая занимается преступлениями бандитских кланов. Эти группировки в основном состоят из неприкасаемых, среди которых владеющих чакрой людей мало, поэтому для их усмирения ниндзя обычно не нанимают.

— В последние годы Страна Звука находится в зоне влияния Страны Молнии. Во время Первой мировой войны ее территория была отличным плацдармом для сдерживания Страны Огня, а во Вторую мировую даймё Кейдзан поставлял нам провиант, — неспешно ведя рассказ, учитель узловатыми морщинистыми ладонями перебирал кипы плакатов, выискивая среди них нужные иллюстрации. — Однако сейчас в Стране Звука получила широкое распространение секта Рюджина, которая провозглашает богом Орочимару. Естественно, никакого доверия нукенину быть не может, тем более если он ранее был шиноби Конохи. Поэтому нам нужно знать, как быстро и эффективно принудить страну к сотрудничеству.

На этом моменте Самуи немного оживилась. Слушать лекции Рашии-сенсея по географии и политике сложно, но зато он показывает фотографии всех мест, о которых рассказывает. Ученики Академии за пределы Кумогакуре попадают редко, а посмотреть далекие страны интересно.

— Ранее побережье Страны Звука контролировалось кланом Кагуя и высадка на него была опасным делом, — сменив карты на доске изображениями береговой линии, объяснил Рашии, — но клана не стало. Побережье — наиболее исследованная часть Страны Звука. Здесь расположены большие промышленные комплексы по производству горючего газа. Это стратегические объекты, поэтому они защищены барьерными техниками.

Похоже, на фотографиях были изображены как раз те самые заводы, где производят горючий газ. Ничего интересного сами они из себя не представляли — видно было только огромные цистерны и баки. А вот моря вокруг них были покрыты полупрозрачными теплицами. Выглядело это необычно — огромные пузыри, плавающие по воде, словно гигантские валы пены.

После газодобывающих заводов Рашии показал несколько фотографий, на которых были запечатлены пограничные пункты пропуска на главных дорогах Страны Звука, несколько ключевых точек, через которые можно было бы контролировать все торговые маршруты. В общем, ничего интересного, помимо разве что Отомуры. Столица Страны звука была странной, у города не было видимых оборонительных сооружений, зато имелись мощные прямые улицы, многоэтажные здания, множество проводов и самоходной техники. Такого

пока Югито не видела.

— Как я уже говорил, в Стране Звука процветает новая секта — Рюджинкё. О культах мы, может, поговорим еще потом, а сейчас главное знать, что Рюджинкё имеет серьезное влияние на умы населения Страны Звука. Поэтому помимо дайте следует запомнить так же лицо этого человека, — Рашии снова достал из горы плакатов очередную фотографию, на этот раз с изображением юной длинноволосой девушки на фоне бесчисленных рядов торий. — Отохиме, один из лидеров культа. Учитывая, что Рюджинкё постепенно расходится и по соседним со Страной Звука территориям, эта личность может стать более важной, чем сейчас. Хотя ей приписывают какие-то чудеса, но она не шиноби, поэтому в случае необходимости управлять ей будет проще, чем, например, Орочимару...

Постепенно тема лекции Рашии снова скатилась к политике, и Югито пришлось прикладывать усилия, чтобы не заснуть.

— Говорят, Белый Змей заставил бежать джинчурики Однохвостого, — негромко пробормотала Самуи. — Страшно?

— А еще говорят, что он сам сбежал от Ханзо, — так же негромко ответила Югито. — Чего мне его бояться?

— Вроде, Ханзо он встретил намного раньше джинчурики, — неуверенно сказала Самуи, припоминая доходившие до нее слухи о сильных шиноби.

— Вот и я с ним встречусь не сейчас, а когда мне будет не меньше пятнадцати, — резонно заявила Югито. — К тому времени Орочимару будет уже как Рашии.

Самуи посмотрела на учителя. Рашии-сенсей родился за двадцать лет до основания Кумогакуре. Сейчас ему было пятьдесят девять. Для своего возраста он выглядел бодро, но до резвости престарелых Узумаки ему было далеко, все же годы брали свое.

— Рашии-сенсей опытный, — упрямо сказала после небольшой паузы Самуи. — Он знает много ниндзюцу.

— Поэтому он преподает в Академии, а не выполняет задания? — скептически спросила Югито.

— Он... — Самуи попыталась придумать какой-то довод в свою пользу, но было видно, насколько лень ей это делать, и в итоге она сдалась. — Скучная ты. Слишком правильная. Если пройдешь наречение, то наверняка станешь Цуметаи — холодной.

Югито в ответ смерила соседку насмешливым взглядом. Традиция наречения появилась в Кумогакуре почти с самого основания деревни, вместе с ранжированием. Почти всем шиноби присваивался ранг согласно их способностям или занимаемой должности. Но получалось так, что сейчас, например, Кумо имела двух Эев — Третьего и будущего Четвертого. Но с ними еще все понятно. А вот уже с Би и прочими было сложнее. Поэтому существовал Блу Би, теперь появился Киллер Би. А двоюродная сестра Югито была Самуи I — Недовольной И. И это имя ей подходило целиком и полностью, хотя сама она пока смириться с этим не смогла. Но чего еще ожидать от Самуи?

А ее угроза, скорее всего, останется пустой. Как говорил отец Югито, она вряд ли когда-то получит позывной, так как джинчурики Двуххвостого пока не вписывается в систему рангов Кумогакуре. Так что Нии была бы рада, даже если бы ее назвали Цуметаи. Ну, а прямо сейчас она была рада, что, завершив свой рассказ о Стране Звука, Рашии все же смилостивился над учениками и отпустил их на обед.

— Наконец-то закончилась лекция, — разминая плечи, порадовалась Самуи. — Нас ждет обед! А ну расступись, джинчурики идет!

Последняя фраза предназначалась для подорвавшихся с мест одноклассников, спешащих к выходам из аудитории. Это была типичная шутка, как раз в стиле Самуи. Однако, хоть подобные фразочки уже стали привычными, это не уберегло подругу Югито от дружеского пинка.

— Замолчи. Меня и так обходят стороной! — зашипела джинчурики.

— Тише, тише, киса, не шипи, — недовольно ответила Самуи. — Ну и что? Ты же сама говоришь, что обходят стороной. Что теперь, стараться всем понравиться, что ли? Ну их! Зато мы в очереди в столовой не стоим. Запомни, Югито, они разбегаются от уважения! Знай это, и жизнь станет проще.

— Реальность — это гендзюцу, по-твоему, что ли? — недовольно нахмурилась девочка. — Захотел и все исправилось. Так не бывает.

— Как знаешь, — отмахнулась Самуи. — Но ты же не станешь спорить, что у тебя есть я, твоя любимая сестренка? Это же круто.

— О чем речь? — неожиданно в разговор вмешалась третья ученица.

К идущим к выходу Югито и Самуи незаметно присоединилась одна из их одноклассниц. Такая же светловолосая, но ее кожа была гораздо более смуглой, типичной для жителей Кумо. А вот зеленые глаза все же говорили о родстве с семьей Нии. Что не удивительно, так как род Ичии был давним союзником Нии, фактически родственники.

— Югито такая холодная, — пожаловалась новой собеседнице Самуи. — Она не ценит свою сестренку!

— Не слушай ты ее, Мабуи, — недовольно надула губы юная джинчурики. — Она вечно всякие глупости говорит.

— Самуи просто шутит, — с улыбкой сказала Мабуи. — Мы прекрасно знаем, что ты нас любишь, Югито. И мы любим тебя.

— Спасибо, — немного покраснев, ответила Югито.

— Стоять в очереди в столовой в обед совсем не охота, знаешь ли, — все с той же улыбкой продолжила свою мысль Мабуи.

Это стало последней каплей. Покраснев теперь уже от злости, девочка решительно заявила:

— Да ну вас! Столовая и столовая! Никаких столовых сегодня! Не знаю, как вы, а я иду сразу на полигон!

— Югито! Одумайся! — серьезно попросила Самуи. — У нас час на обед, а потом занятия с мелкими.

— Все нормально, — непреклонно заявила девушка. — Я не голодна.

И, гордо выпрямившись, поторопилась к выходу из класса.

Эти шутницы, если им так хочется, пусть идут в столовую. И стоят в очередях!

Еще раз раздраженно фыркнув, Югито решительно зашагала вперед. Против потока учеников Академии, торопящихся на обед. Многие из них, узнав джинчурики, торопливо отступали с ее пути, толкая своих одноклассников. Поджав губы и чувствуя комок обиды в груди, девочка еще быстрее зашагала к выходу из лекционного корпуса.

Чувствуя на себе острые взгляды, Югито старалась не замечать их. В компании с Самуи это делать было легче, но и так уже привычно. Двуххвостый не так часто буянил в Кумо, как Восьмихвостый, но и его жители деревни помнили очень хорошо. Особенно последнее буйство, когда Хачиби и Ниби обрушились на деревню друг за другом.

Самуи сказала, что это не страх заставляет сторониться людей, а уважение, но Югито-

то знала, что все дело в ненависти.

— Ненависть всегда рождает лишь ответную ненависть, — раздался низкий и глубокий голос в голове Югито. — Отношения между биджу и людьми никогда не были простыми. Быстро это не исправить. И мелкие обиды не приблизят момент примирения.

— Мататаби, — удивленно воскликнула про себя девочка. — Я разбудила тебя?

— Ничего страшного, — в голосе биджу послышались снисходительные нотки. — Частично, я сама виновата в этом. Так что опять случилось?

— Ничего... — неловко ответила Югито. — Просто неудачная шутка.

В этот момент девочка как раз вышла из Академии и сразу же оказалась в объятиях облака, которое волной навалилось на здание. Плотный и холодный туман был частым явлением на верхних ярусах Кумогакуре, но Югито всякий раз зябко ежилась, оказавшись в нем.

— Слова ранят больнее ножа. Особенно, если произнесены другом, — понимающе ответила Мататаби. — Расскажи и тебе станет легче.

Немного подумав, Югито все же рассказала первопричину своей внезапно родившейся обиды, в процессе сама понимая, насколько глупой она была. Такие мелочи и в самом деле не стоят внимания.

— Это странно, — после того, как выговорилась, заметила Югито. — Мне говорили, что это я должна тебя успокаивать, а пока получается наоборот.

— Успокаивать? Меня? — в голосе Ниби послышалась насмешка. — Ребенок вроде тебя вряд ли справится с такой задачей. Дети всегда эгоистичны, а для того, чтобы кого-то успокоить, нужно его понять. Тебе пока это сложно сделать.

В ответ на губах Югито тоже прорезалась робкая улыбка. У Мататаби всегда получалось ее поддержать и ободрить. Это в самом деле странно. Все ненавидят биджу, и Нии могла понять, за что. Ей самой пришлось пройти суровые тренировки, прежде чем с Ниби удалось хотя бы поговорить. Зверь в ней — не безобидная кошечка, а матерый тигр, с которым пришлось побороться. К тому же он полон холодной злости, которая не имеет цели, но, кажется, становится частью самого естества биджу. Внутренний демон, который толкает зверя на страшные поступки.

Например, как бы Югито ни спрашивала, Мататаби так и не смогла ответить, в чем причина ее последнего буйства. Она не помнила, почему прошлый джинчурики утратил контроль, и не совсем понимала, почему, оказавшись на воле, начала крушить все подряд. Это было просто естественным поведением. Луна была слишком близко — это, пожалуй, единственное объяснение, которое смогла дать Ниби.

— И все-таки ты решила остаться без обеда, — заметила Мататаби. — Может, сходишь за данго, хотя бы?

— Да нормально, — отмахнулась девочка. — Лучше позанимаюсь.

Тем более до лавочек, торгующих уличной едой, нужно было идти и идти — они расположились внизу, на дне ущелья. А Югито находилась на верхних ярусах деревни, расположившихся на вершинах крутых скал. И девочка как раз добралась по мостам, перекинутым между административными корпусами Кумо, до одного из полигонов, на котором обычно тренировались начальные курсы Академии.

Полигон представлял собой арену, стены которой были выложены из грубо отесанного камня, а сам ринг засыпан песком. Это место предназначалось для практики тайдзюцу и простейших ниндзюцу, как раз тех предметов, которым по традиции начальные курсы

обучались у старших. И, несмотря на обеденное время, арена не была пуста.

Поднявшись на трибуны полигона, Югито заметила, что на арене уже кто-то есть. Какой-то незнакомый парнишка старательно отрабатывал приемы основного стиля тайдзюцу Кумогакуре. Черноволосый мальчишка был слишком светлокож, чтобы сойти за обычного шиноби Кумо. Так или иначе он выделялся бы на фоне остальных учеников Академии, но Югито не могла его вспомнить, хотя урок с младшими курсами у нее был не первый. Новенький?

Спустившись в чашу полигона, Нии смогла получше рассмотреть мальчишку. Одет он был в новенькую, еще не потрепанную в многочисленных спаррингах форму учеников Академии, и лицо незнакомое. Точно новенький первокурсник. Странно. Обычно в уже готовую группу новых учеников не вводят, а ждут начала следующего года.

Неужели это полумифически переведенный ученик из дружественной деревни Страны Молнии?

— О, кого я вижу, — вмешался в размышления девчонки грубоватый мужской голос. — Ты рановато, Югито.

— Ага, Джиккури-сенсей.

Югито всеми силами постаралась скрыть смущение, вызванное легким испугом. Увлечшись разглядыванием незнакомого парнишки, она совсем не заметила, что на краю арены в тени на выбитом каменном блоке стены уселся учитель младших курсов — Джиккури-сенсей. Не будь этот молодой мужчина из рода Ичии, то наверняка бы предпочел заметить невнимательность Югито и съязвить по этому поводу. А так он лишь неодобрительно покачал головой, чем только еще больше пристыдил девчонку.

Впрочем, смущение девочки продлилось недолго, его быстро перебороло любопытство.

— Джиккури-сенсей, а кто это? Новенький, да? — словно невзначай приблизившись к учителю, спросила Югито.

— Угу, новенький, — шурясь из-за ярко осветившего арену солнца, подтвердил Джиккури.

— А кто это?

— Да... — к удивлению и большому интересу Югито, учитель не сразу нашелся с ответом. — Бог его знает, кто это.

— Это как так?! — воскликнула от удивления Нии.

Появление в Кумогакуре посторонних незнакомых отдельным шиноби личностей не редкость. Нижние ярусы заселены торговцами и прочими гражданскими, которые хоть и проходят проверки личности и появляются в деревне только по рекомендациям доверенных людей, но там все равно слишком много людей, чтобы знать в лицо их всех. Однако на верхние ярусы они попасть никак не должны. И чтобы учитель не знал кого-то из детей, появившихся в районе корпусов Академии, это вообще невозможно.

— Если тебе так интересно, то это с недавних пор сын Торои, — посмеиваясь, произнес Джиккури. — А если очень интересно, то это найденыш из Страны Железа. Недавно корабль Райкаге-самы застрял в Янтарном заливе из-за шторма, тогда Джей нашел поблизости табор *санка*. Вот среди этих бродяг паренька Райкаге-сама и заметил. У него несколько стихийных кеккей генкай.

— О-о-о! — уважительно произнесла Югито.

Про *санка* она знала из уроков Рашии. Эти безродные бродяги кочевали по странам небольшими родовыми группами, живя за счет охоты, собирательства и продажи своих услуг

крестьянам. *Санка* могли контролировать чакру, но слишком неправильно. Ниндзюцу и гендзюцу им вообще не подвластны, но зато они умели немного контролировать погоду. Этим и зарабатывали себе на хлеб. Хотя чаще они попросту воровали все, что плохо лежит. И иногда оказывалось так, что плохо лежат чьи-то дети.

Говорят, из-за этого среди *санка* можно встретить самых разных людей. И еще у них встречаются самые разные улучшенные геномы. Такое бывает редко, но, например, Торои тоже нашли у бродяг.

— Кстати, я хотел, чтобы сегодня ты его подучила, — поделился еще одной неожиданной новостью Джиккури.

— Я?

— Ага. Этот оболтус попорчен *санка*. Его учили какому-то примитивному тайдзюцу. Основной стиль семьи Ичии для него сейчас осилить невозможно, переучиваться надо, — раздосадованно произнес учитель. — Ему нужно что-то более на ловкости основанное, а не силе, но не как девчонку ж его учить. Так что твой стиль ему подойдет для начала.

Слова Джиккури немного задела Югито, но та предпочла не обратить на это внимания. Сегодня и так она уже успела обидеться на подруг из-за мелочи, не стоит повторять печальный опыт.

Тем более что учитель не пытался ее обидеть, просто сказал, что ее стиль боя не такой, как у всех. Тайдзюцу, которому обучали в Кумогакуре с младых лет, основано на стиле рода Ичии, ярким представителем которого являлся Третий Райкаге. Этот стиль, сила и скорость которого настолько велики, что даже прямые удары, зачастую предугадываемые противником без всякого шарингана, не могут быть отбиты и всегда смертоносны.

Это эффективное и простое с виду тайдзюцу давалось далеко не всем, так как требовало хорошей физической подготовки, многие девочки просто не были способны ему обучиться. И Югито была в их числе, хотя больше не из-за нехватки силы, а из-за Маташиби. Обучаясь контролировать чакру Двухвостой, Нии переняла от нее слишком многое. В том числе и манеру боя, которая была слишком кошачья, совершенно не похожая на классическое тайдзюцу Ичии.

— Раз так рано пришла, может займешься им? — предложил Джиккури. — А то сил моих больше нет смотреть, как эта бестолочь мучается.

— Хорошо, — немного подумав, согласилась Югито.

Хотя она хотела поработать над своими техниками, но познакомиться с новеньким поближе тоже неплохо. Если она это сделает первой и побольше о нем узнает, Самуи и Мабуи потом обзавидуются!

— Кстати, его зовут Увабами, — напутствовал готовую уже идти к по-прежнему отрабатывающему удары мальчишке Югито.

— Увабами? — удивленно переспросила Нии, которая только что выслушала лекцию о Стране Звука и ее основателе. — Большой змей?

— Да нет, — рассмеялся учитель в ответ на предположение Югито. — Увабами — это не только большая змея, но и большой пьяница. Этот парень... А, сама все поймешь, иди давай.

В этот раз Нии только кивнула в ответ и направилась к мальчишке. Тот занимался почти на другой стороне арены, там, куда попадали лучи солнца. Наверное, хотел согреться после очередного наплыва холодных туч. Из-за мерзкого тумана у парнишки уже промокли и слиплись длинные, собранные в хвост волосы. Сама Нии тоже старалась выбрать себе место

потеплее во время тренировок.

— Увабами, — позвала мальчишку Югито.

Когда он обернулся на зов, Нии и в самом деле сразу поняла, почему его называли именно пьяницей. На его лице застыло странное, глуповато-удивленное выражение. Не понятно, то ли он хотел спать и никак не мог проснуться, то ли был под гендзюцу.

— Привет. Я Югито, — для начала представилась Нии. — Сегодня наша группа должна обучать младший курс. Ты ведь один из первокурсников, да, Увабами?

— Ну да, — полуприкрыв глаза, согласился мальчишка.

— Давай я тебе покажу, как лучше исполнять этот удар, — предложила Югито, краем сознания отметив, что глаза у Увабами странного фиолетового оттенка.

— Джиккури уже показывал, — уныло ответил мальчик. — Несколько раз. Но мне не нравится делать удар правильно. Кто вообще решил, что так правильно?

— Тайдзюцу рода Ичии укрепляет тело и подходит для тренировки выносливости. А удар правильным считается тогда, когда он похож на то, как его исполняет Райкаге-сама, — наставительно сказала Нии. — Но если не получается повторить его в точности, то можно схитрить. Смотри.

Сосредоточившись, Югито сконцентрировала чакру в мышцах. Тело на мгновение обожгло огнем силы Мататаби, после чего Нии разразилась серией резких ударов, вспоровших воздух невидимыми когтями.

— Нужно научиться укреплять тело чакрой, — сказала она, остановившись. — Но для начала нужно научиться вкладывать правильно в удары свою силу. Если не получаются прямые удары, то можно использовать приемы как у меня.

— Укреплять чакрой? Но это же ниндзюцу уже. Меня так не учили, — поджав губы, пожаловался Увабами. — А движения уже знакомые. Вот так, да?

Парнишка попытался повторить прием Югито. Естественно, сделал он это очень неловко и неаккуратно.

— Ты слишком открываешься. И удары слишком мягкие. Ты должен быть резче, напряженнее. Когда научишься концентрировать чакру в теле, то так ее будет проще удержать в себе. Смотри еще раз...

Увлеченная уроком, Нии не заметила, как к наблюдающему за ней и Увабами Джиккури подошел еще один взрослый шиноби.

— Паренок оказался талантливым, — негромко произнес новоприбывший.

— Он тупой как пробка, Джей, но повторять умеет, — посмеиваясь, прокомментировал способности нового ученика Джиккури.

— Владение несколькими кеккей генкай часто сказывается на интеллекте, — ответил учителю Джей. — Даже одного иногда достаточно, взять хотя бы Торои.

— И даже так, вот этого паренька все равно хотят поставить в пару джинчурики? — с сомнением спросил Джиккури.

— Райкаге-сама сказал присмотреться к нему, мальчишка слишком уникален, чтобы оставлять его среди рядовых.

— Присмотреться — это мы можем, почему нет. Рассмотрим этого Увабами со всех сторон и выжмем все, на что он способен.

Глава 10. Узелки паутины

11 июля 45 года от начала Эпохи Какурезато

Жаркий ветер ударил в лицо, неся с собой мелкую песчаную пыль. Я даже порадовался, что после неудачного эксперимента с новым телом вынужден носить тряпичную маску на пол лица. Хотя глаза, конечно, защитить тоже не помешало бы. Может, закрыть их и, активировав бьякуган этого тела, ориентироваться в пространстве с помощью додзюцу?

— Все-таки есть что-то замечательное в Роуране, — решил поделиться я внезапно пришедшей на ум мыслью. — Сейчас везде ненормально жаркая погода, а здесь она такая же, как и всегда.

— Невыносимо жаркая? — с иронией поинтересовалась моя спутница.

— Гм, по-моему, не все так плохо, — заметил я, обернувшись к говорившей. — К тому же, не тебе жаловаться, дочь.

Сора вопросительно подняла бровь, обмахивая себя веером и убедительно делая вид, что не замечает инея на вороте своего лазурного кимоно и кружащихся вокруг нее снежинок. Глядя в ее стального цвета глаза, лучащиеся невинностью, мне оставалось только вздохнуть от безнадежности. Сколько ни тверди этой девчонке, что чакру нужно экономить — все без толку. Очевидно же, что гораздо проще и эффективнее контролировать энергию внутри своего тела, управляя метаболизмом, чем пытаться охладить воздух вокруг себя.

Понятно, что она не шиноби и участвовать в боях будет только в крайнем случае, но осторожность ведь не повредит. Если этот «крайний случай» настанет, то лучше иметь больше чакры, чем меньше. К сожалению, похоже, я слишком плохой отец, раз не могу заставить дочь следовать самым элементарным правилам. Кажется, я вообще недостаточно времени уделял воспитанию Соры, да и Мицуко тоже все время занята была.

— Жаль, я раньше не додумался до автономных клонов, — посетовал я. — А то кто-то явно мало получал в детстве по попе.

— Отец, из уст шестирукого чудища речь о порке звучит особенно страшно, — естественно, не восприняла всерьез мои слова Сора. — Вообще, ты и в оригинальном теле жутковат, но в этом — и того лучше.

В ответ на провокационное заявление приемной дочери я только самодовольно улыбнулся. Пусть она называет это мое тело чудищем, но я потратил на него очень много времени. И был этому весьма рад. Составление генотипа этого клона было для меня отдыхом во время подготовки операции по захвату Райкаге.

Несколько месяцев у меня ушло на разработку новых ниндзюцу, обучение Котоширо *Хирайшину*. Я вообще почти не спал, чтобы воплотить план в жизнь. Эй в ближайшей перспективе мог доставить моей стране максимум проблем, и, судя по его первичному допросу, он так и планировал поступить. Кумогакуре никогда не гнушалось сомнительных методов достижения своих целей. Например, Облако планировало переворот в Стране Снега, так как нынешний дайме начал вести слишком самостоятельную политику. А Страну Звука в Кумо считали слегка задолжавшей за частичную протекцию во время Второй мировой и желали получить некоторые технологии или ресурсы в счет придуманных ими самими долгов. Как будто защита источника продовольствия для Страны Молнии была их альтруистичным подвигом.

В любом случае, может, планы Облака и были хороши, но я свои успел воплотить

первым, хоть и пришлось рвать жилы.

А работа над этим клоном под кодовым название Омушимару была отдыхом для ума. Пожалуй, впервые в этой жизни мне пришлось поломать голову над чем-то настолько привычным и понятным. Речь сейчас, естественно, не про кеккей генкай Ибури или Джуго, которыми наделено это тело, а про шестирукость. Простая физическая модификация, без всякой чакры.

Хотя, конечно, шесть рук — это не так уж удобно. Может, выполнение ниндзюцу с большим количеством рук и быстрее получается, но слишком сложные плечевой пояс и суставы без чакры и генома Джуго работали бы плохо и недолго. И лишние конечности в повседневной жизни банально мешаются.

— Сора-сама, Рюсей-доно, — с поклоном встретил нас у входа во дворец Ибури Яги, мой подручный в Роуране, поприветствовав в первую очередь мою дочь, так как о моей истинной личности он в курсе не был. — У Ее величества сейчас встреча с Казекаге, вам придется подождать.

— Похоже, нам стоило задержаться в академии, — расстроено пробормотал я.

Это посещение Роурана было неофициальным, и я его не планировал заранее, только сегодня утром предупредил королеву о прибытии Соры. Поэтому чтобы встретиться с Сераму, мне пришлось ждать, когда освободится ее график на сегодня. К этому обстоятельству отнесся с пониманием, все же сам виноват, что пришел незванным. И мы с дочерью уже несколько часов провели в академии, мне были интересны результаты заказанных мною исследований. Однако все, что нужно, я узнал, а королева так и не освободилась. Хотя время-то уже близится к вечеру.

А ведь моя королева даже на обед не прерывалась. Непорядок это.

— Не думаю, что переговоры с Казекаге затянутся до сумерек, — решил я. — Нам можно подождать в приемной.

Так как для всех я считался советником Соры, то открыто брать на себя лидирующую позицию в нашем тандеме я не стал, высказав свое решение в виде предложения.

— Омушимару прав, — согласилась дочь. — Мы ведь можем подождать во дворце?

— Я уже договорился об этом с администрацией Ее величества, Сора-сама, — снова поклонился Яги, — поэтому вам только нужно получить дворцовую печать.

— Тогда идем, — сказала Сора, первой шагнув к стражникам, охраняющим вход во дворец на мосту к академии.

Получение печати не заняло много времени, поэтому уже через минуту мы оказались в полных прохлады коридорах дворца, имея на шее по медному кулону на медной же цепи — дворцовой печати. Это был достаточно примитивный артефакт на основе фуиндзюцу. Чувствительная к чакре структура с шумом рассыпалась при активном использовании чакры носителем и с недавних пор была символом добрых намерений гостей королевы.

Амулет гарантировал, что гости не станут тайно использовать ниндзюцу, и предупреждал о вероятной опасности для королевы. Естественно, чакру он не блокировал, хотя уверен, что стражники предпочли бы клеймить всякого входящего во дворец соответствующим джуиндзюцу, вроде тюремной печати *Катон: Тенро* или моей *Гедо но Ин*.

— А здесь красиво, — заметила Сора, разглядывая украшенные фресками и мозаиками стены дворцовых коридоров. — Я буду жить здесь?

— Нет, неподалеку есть храм Рюджина, место его дочери там.

— Снова храм? — расстроилась Сора. — Я думала, что с переездом получится поменять

обстановку, а тут...

— Храм в Роуране сильно отличается от таких в Стране Звука, Сора-сама, и выполнен в виде кирпичной пагоды в сотню этажей высотой, — решил объяснить Яги. — При строительстве нам нужно было соблюсти наши традиции и соответствовать местным, чтобы не отпугнуть новых последователей учения вашего великого отца.

— А это уже звучит интересно, — кажется, удовлетворилась словами Ибури моя дочь. — Буду рада погостить у вас, Яги-сан.

— Сора-сама... — на секунду потерялся бедный Ибури, услышав слова девушки. — Храм — это ваш дом по праву. И мы безмерно рады, что вы почитаете нас своим присутствием.

— Ох, прошу прощения...

Слушая диалог Соры и Яги, я задумчиво провел ладонью по своей лысине, стараясь уловить мелькнувшую в голове мысль.

Храм Рюджина в Роуране на самом деле великоват, учитывая число последователей Рюджинкё в городе. Большая часть помещений храма отведена под посольство Страны Звука и жилье для шиноби Отогакуре. Те же Узумаки, которые переведены сюда по договору с Сераму, обитают именно в храме. Получается, как культовое сооружение он почти не используется.

Это кажется неразумным. Вообще, стоит больше уделять внимания Рюджинкё, раз уж оно было рождено. И дайме Страны Железа говорил, что учение начинает распространяться за пределы Звука. В основном, естественно, среди низших сословий, которые видят в новой религии способ изменить свою жизнь. Но если ее продвигать и среди других слоев населения, то она станет хорошим инструментом влияния. Только это наверняка вызовет недовольство у местных религиозных организаций.

Например, в Роуране распространен один со Страной Ветра культ, схожий с религией в Стране Огня. У него нет централизованного управления, но он культурно сближает страны, является внутренней скрепой народа и государства. И перейди, скажем, Сераму от большой ко мне любви в новую веру, то народ не поймет ее настолько, что и безграничная чакра Рюмьяку не поможет отбиться от разгневанной общественности.

— Яги, может, стоит провести в храме небольшое празднество по случаю прибытия Соры-сама? — вслух предложил я.

— О, это отличная идея, Рюсей-доно, — быстро обдумав сказанное, загорелся Ибури. — Возможно, получится согласовать проведение фестиваля с Ее величеством, тогда можно будет провести мероприятия во всем районе.

Ага, а еще нужно профинансировать незапланированное торжество. Хотя в этом деле можно не усердствовать, главное, отметить прибытие Соры, чтобы оно хоть немного отложилось в памяти народа.

— О... Гм... Омушимару, ты серьезно насчет праздника? — осторожно спросила Сора.

— Да. Так надо, — коротко отвечаю ей, размышляя, на чем можно будет сэкономить в случае необходимости.

В идеале, нужно как-то запечатлеть в памяти горожан появление Соры, чтобы потом они могли соотнести этот момент с постепенным озеленением пустыни. Собственно, для этого я дочь сюда и отправляю. План рекультивации пустынных территорий у нас с Сераму расписан на десятки лет, но так как дело это дорогое и не приносящее сиюминутной прибыли, приходилось его без конца откладывать.

В целом, главная проблема Страны Песка, столицей которого стал независимый Роуран, в крайне малом количестве привычных осадков. Территория государства расположена на уровне Северного тропика, растянута вдоль омываемого холодным течением побережья примерно на полторы тысячи километров и уходит вглубь континента километров на семьсот-девятьсот. И единственные осадки здесь — это туман, который добирается примерно на пятьдесят километров вглубь страны от моря, при этом принося с собой холодный воздух.

То есть на побережье Страны Песка температурный режим постоянный, и находится он в пределах от десяти до пятнадцати градусов. Там холодно, солоно и ничего кроме песка нет. А море покрыто туманами, и на нем часты шторма — что-то вроде Берега Скелетов этого мира. Судходство почти невозможно, рыболовство, соответственно, тоже. Один раз я в этом убедился, попытавшись добраться до Роурана морем с командой отчаянных контрабандистов на их утлом шлюпе, потом пару суток шел пешком до берега по волнам.

Там же, куда холодный морской воздух не добирался, дневная температура воздуха в Стране Песка летом была заметно выше тридцати градусов. И здесь минимум осадков, даже меньше, чем в Сунагакуре. Также здесь минимум почвы, в основном голый камень и ползучие пески. Если почвы и встречаются, то они сильно засолены.

Со всех сторон Страна Песка для сельского хозяйства была не приспособлена. И это должна была исправить Сора. Если ее труды будут по достоинству оценены народом, то это существенно повлияет на популярность Рюджинкё в Стране Песка и сопредельных государствах.

— Омушимару, ты будешь что-нибудь? — отвлек меня от мыслей о великом голос дочери.

Мы успели дойти до приемной — просторного сверкающего мозаиками из смальты зала, по периметру которого были расставлены мягкие диванчики, кресла и низенькие столики. Здесь, помимо самураев, охраняющих вход в кабинет королевы, имелось несколько служанок, предложивших нам напитки и закуски для более комфортного ожидания.

От них мне пришлось отказаться. С нынешним состоянием моего лица мне еще как минимум сутки придется воздержаться от приемов пищи. Бесы ж дернули меня попробовать сотворить паутину из слюны!

Пока Сора и Яги наслаждались кулинарными изысками королевских кухонь, я, чтобы не давиться слюной, решил сконцентрироваться на происходящем за стеной. Кабинет Сераму оказался неплохо защищен от прослушивания и большинства сенсоров, меня даже подмывало использовать бьякуган, чтобы проверить, сможет ли додзюцу пробиться сквозь местные печати. Остановил меня только амулет на груди. Активация бьякугана — это чакрозатратное действие и незамеченным не останется. Зато сенсорные способности на основе сендзюцу действуют в пассивном режиме.

Я смог ощутить присутствие вместе с королевой нескольких сильных источников чакры. Один из них — это Сара. Еще семь очень специфичных — наверняка самураи. И три уже принадлежали шиноби, Казекаге с двумя сопровождающими.

С Сандайме Казекаге Тенраем я уже встречался, когда наткнулся на джинчурики Однохвостного. Сам я непосредственно с нынешним главой Суны не сражался, был тогда занят биджу, но чакру запомнил. А вот его сопровождающие мне были незнакомы. Хотя один из них, по всей видимости, родственник Тенрая — чакра похожа. Должно быть Раса. Он сейчас самый вероятный преемник Казекаге в случае его кончины. Второй

сопровождающий имел специфичную чакру, но признать его я не сумел. Кто-то достаточно сильный, но молодой, раз я с ним не встречался на полях Второй мировой.

И в этот момент одна из ощущаемых мною чакр пришла в движение.

— Это плохо... — успел я пробормотать, прежде чем воздух сотряс гулкий звон.

Уже через мгновение самураи, изображающие неподвижные скульптуры по обе стороны от дверей в королевский кабинет, буквально протаранили створки своими телами, врываясь в соседний зал, а Яги, развлекающий беседой мою дочь, подскочил с места. На ходу сбрасывая с плеч кимоно, которое обвисло тряпкой на поясе, он активировал джуиндзюцу и встал перед Сорой, оберегая ее от возможных угроз. Хлынувшая в него энергия моей печати преобразила тело Ибури, отчего тот раздался в ширь, а его кожа покрылась мощными роговыми пластинами.

С еще одним гулким звоном разлетелся на осколки амулет, висящий на шее Яги. И, словно эхо, по залам прокатились еще две волны звука сработавших сигнальных печатей на шеях шиноби. Первым сработал амулет Соры, а потом и второго сопровождающего Казекаге.

— Спокойнее, — негромко попросил я, вставая с кресла. — Это пока всего лишь сигнализация. Не нужно рваться в бой раньше времени.

— Прошу прощения, Рюсей-доно, — покаялся Ибури, перекрывая поток чакры от джуиндзюцу и возвращая себе человеческий облик.

Хотя накидывать на плечи кимоно он пока не стал, готовый вновь принять боевую форму по первой необходимости. А вокруг настороженно оглядывающейся Соры начали мелькать снежинки.

— Давайте заглянем и посмотрим, нужна ли Ее величеству наша помощь, — неодобрительно посмотрев на дочь, предложил я, первым шагнув к кабинету.

Ворвавшиеся в кабинет самураи не озаботились тем, чтобы закрыть за собой двери, чем я и воспользовался. За створками же мне открылась любопытная картина. Трое шиноби были окружены семью объятymi пурпурной аурой Рюмьяку самураями. Раса, первый начавший использовать чакру, стоял, нервно перебирая пальцами воздух, в котором мелькали редкие золотые пылинки, и, похоже, судорожно пытался придумать, что ему делать в сложившейся ситуации. Он точно не имел сейчас на себе каких-либо пассивных защит, вроде *Суна но Йорой* и уже не успел бы их создать, учитывая, то самураи сейчас находились от него в трех метрах. Любое неосторожное движение, скорее всего, обернется его смертью. В таком же положении находился и второй сопровождающий Казекаге.

Им оказалась девушка примерно одного возраста с Сорой, обладательница очень нестандартного цвета волос. Темно зеленые локоны резко выцветали в сантиметрах пятнадцати от корня и становились пшеничного цвета. Это Пакура, насколько я понимаю. И едва уловимое марево перегретого воздуха вокруг нее, являющееся следствием высвобождения чакры Стихии Жара, только подтверждает мои догадки.

Впрочем, сейчас редкий кеккей генкай выжить бы не помог ни ей, ни Казекаге с Расой. Стихия Магнетизма Тенрая и Расы, в принципе, хороша против самураев, но только если они используют стальные латы и мечи. Однако сегодня они были готовы к встрече с неудобным противником и из металлов имели при себе, грубо говоря, только кальций в костях да железо в крови. Перед встречей с Казекаге им пришлось расстаться с доспехами, а привычные мечи заменить на специально созданные одноразовые керамические и стеклянные клинки.

В любом случае, в представшей моему взору картине чувствовалась физически ощутимая напряженность. Самураи с мечами наголо, пышущие чакрой шиноби.

Красноволосая моя дочка, Сара, напряженно сжимала рукоять Кавакихиме, стоя по правую руку от трона. Единственные люди, которые сейчас сохраняли внешнее спокойствие — это Сераму и Казекаге. Они сидели в креслах, сверля друг друга взглядом.

Белый плащ Тенрая скрывал под собой его темную одежду, волосы на непокрытой голове собраны в узел на затылке, но все равно непослушные локоны торчали в стороны. На лицо с нашей последней встречи Казекаге не изменился, только взгляд посуровел. В отличие от Тенрая, королева Роурана была облачена в яркую одежду, украшенную жемчугом, золотистые парчовые платья покрывала багряная мантия, ее волосы были укрыты под чалмой. Благодаря моим лекарствам, Сераму выглядела все так же молодо, ее тонкие брови были вопросительно приподняты, взгляд холодных глаз требователен и тверд, полные нежные губы строго поджаты...

Поймав себя на том, что бессовестно люблюсь красотой королевы и начинаю забывать обо всем, я поспешил отвести взгляд от манящих меня губ, и сосредоточил внимание на шиноби Суны.

— В чем бы ни была причина конфликта, его всегда можно решить мирно, — громко сказал я, нарушив напряженную тишину. — Давайте не будем делать глупостей, о которых можно пожалеть.

На несколько долгих секунд мои слова повисли в воздухе, присутствующие их словно проигнорировали.

— Интересные у вас гости, Сераму-доно, — наконец, вкрадчиво произнес Казекаге. — Клан Рюсей, если судить по гербам?

— У наших стран дружественные отношения, поэтому и мой род всегда рад гостям из клана Рюсей, — холодно ответила Сераму.

— Ваш гость говорит разумные слова. Раса, Пакура, успокойтесь. Не позорьте меня, — приказал своим сопровождающим Тенрай, после чего вновь обратился к Сераму: — Большие расстояния не стали проблемой для дружбы между Страной Песка и Страной Звука, почему же своего соседа, Страну Ветра, вы не удостаиваете столь же теплого приема.

— Со Страной Звука мы говорим на равных, — наблюдая, как успокаивается чакра Расы и Пакуры, ответила королева, жестом приказав своим телохранителям отступить. — Страна Ветра же воспринимает нас как младшего. И считает, что наша Страна Песка ей что-то должна. Мы же рассчитываем на добрососедские отношения. Вы, Тенрай-доно, вспоминали о союзническом договоре, заключенном моей матерью с Рето-самой, но забываете о его сути. Мы союзники, а не господин и его вассал. Этим все сказано.

— Я понял, — неспешно встав с кресла, веско сказал Казекаге. — В таком случае, нам стоит подумать о более выгодных предложениях. Всего доброго, Сераму-доно.

— И вам, Тенрай-доно.

Мне пришлось посторониться, пропуская группу Казекаге к выходу. И Соре с Яги тоже. Вот только если я и Сора проводили шиноби Суны просто заинтересованным взглядом, то Ибури — явно настороженным и недовольным, что, похоже, не понравилось Пакуре. Открыто агрессию она не показала, но, проходя мимо нас, высвободила свою чакру.

Возможно, Пакура ожидала, что ее чакра обдаст нас жаром, однако эффект от ее действия оказался довольно неожиданным. Энергия Шакутона столкнулась с Хьётоном, породив зыбкий, едва видимый туман и теплые порывы воздуха, всколыхнувшие наши одежды.

Раздраженно отмахнувшись от взбунтовавшегося белого шерстяного плаща, накинутого

на плечи, Казекаге резко обернулся, смерив раздраженным взглядом сначала Пакуру, затем удостоив вниманием и Сору.

— Рада была встретиться с вами, Тенрай-сан, — мило улыбнувшись и поправляя растрепавшиеся черные волосы, ответила на недовольный взгляд Казекаге моя дочь. — Надеюсь, следующая наша встреча будет более мирной.

Замерев на секунду, Казекаге в итоге только коротко бросил:

— Взаимно.

После этого шиноби Суны в сопровождении эскорта самураев уходили уже без остановок.

— А не слишком ли он заносчив для человека, который помрет от жала пригретого на груди скорпиона? — хмыкнув, пробормотал я, поворачиваясь к Сераму. — Прошу прощения, Ваше величество, кажется, наша попытка вмешательства была несвоевременной и неуместной.

— Вы поступили так, как должны были, — устало, как мне показалось, ответила Сераму, подавая знак рукой нашей дочери. — Сора и Омушимару Рюсей, я правильно понимаю?

— Все правильно, Ваше величество.

— Сара проводит вас в оранжерею, — распорядилась королева. — Я присоединюсь к вам позже.

Мне оставалось только с поклоном принять слова Сераму. В конце концов, я сам, от лица Орочимару, просил ее встретиться с Омушимару и Сорой без лишних ушей. Наверное, оранжерея у королевы — это самое безопасное помещение. На моей памяти почти все важные встречи Сераму проводила именно там.

— Похоже, ваши соседи доставляют вам некоторые проблемы, Сара-доно, — спросила у принцессы Сора после того, как за нами закрылись двери королевского кабинета.

— Имея силу, всегда есть соблазн ею воспользоваться тогда, когда это не нужно, — уклончиво ответила Сара, жестом приказывая поторопиться маячившим у входа в приемную слугам, принесшим новые сигнальные амулеты для моих спутников.

— Я впервые видела Казекаге и не могу судить о нем с полной уверенностью, но он показался мне не тем человеком, который способен на нечестные приемы, — заметила Сора. — Господин мой отец описывал Тенрая как гордого человека, который стремится к правильным поступкам.

— Казекаге может быть сколь угодно честным, но его власть не безгранична и часто он должен поступать так, как велит ему Совет Суны, — с долей досады ответила Сара. — Матушка часто говорит об этом. Шамон, Второй Казекаге, не обладал многими качествами Рето, и созданная Первым Казекаге система управления Скрытой Деревней при нем начала менять свой дух, сохраняя форму. Рето создавал Совет, чтобы сплотить роды и кланы Великой пустыни, это было место, где он мог договориться с ними. При Шамоне же Совет стал уздой для Казекаге. Тенрай пока не имеет достаточного авторитета, чтобы переломить сложившееся устройство деревни, и вынужден следовать правилам. Хотя моя матушка питает большие надежды на его правление. Но, например, его возможный преемник, Раса, как ей видится, окажется под большим влиянием Совета.

— А еще поставляемое им железо для Роурана более ценно, чем золото Расы, — с усмешкой добавил я.

— И это тоже, — не стала противиться правде Сара. — Все же Страна Железа слишком

далеко, и цены на ее металл излишне высоки. Железистый песок Генрая дешев, хотя и недостаточно чист.

— Лучший материал он наверняка оставляет для своей деревни, — заметил я. — Железо — не золото, шиноби оно не только для продажи необходимо.

Вообще, стоит отдать должное Казекаге и Расе, эти два шиноби с их кеккей генкай смогли после очень изнурительной в финансовом плане войны быстро поправить положение Сунагакуре, поставляя сатецу, железистый песок, и кинтецу, золотой песок, на продажу. Яркий пример того, как иногда пара шиноби способна вершить судьбы целых стран, не прибегая к насилию.

— Как бы ни был чист железистый песок Страны Песка, но главного экспортного продукта Страны Железа он не заменит, — с легкой снисходительностью сказала Сара. — Большие объемы алмазной стали все еще поставляют только самураи. Хотя все может поменяться в ближайшем будущем.

— Если вы, Ваше высочество, намекаете на новый литейный цех прибрежного комбината, то это пока лишь попытка опытного производства, — напомнил я Саре.

— Пока матушку устраивают результаты работ, — серьезно заявила принцесса.

И в целом я с ней соглашусь, хотя это странно. Идея с прямым восстановлением железа из магнетита с помощью водорода была мною придумана лишь на основе базовых знаний химии. Водород отлично связывается с кислородом в оксиде железа, позволяя получить чистый металл, для последующей выплавки из него стали. При этом отпадает необходимость производить чугуны путем доменной плавки, которая в этом мире очень затруднена ввиду полного отсутствия каменного угля.

Идею-то с прямым восстановлением железа я подал, но не предполагал, что местные ученые смогут ее реализовать в полупромышленных масштабах всего за пять лет. Думал, этому миру еще несколько десятков лет придется довольствоваться не самым современным способом выплавки чугуна и стали с помощью печей татара.

— Матушка упоминала, что вы, Сора-сан, Омущимару-сан, прибыли в Страну Песка как раз из-за планов расширения химических комбинатов на побережье. Значит, дело касалось металлургической части производства? — поинтересовалась Сара.

М-да... Я и металлургия — это понятия плохо совместимые. Все, чем я могу помочь, это знанием неорганической химии. И тот самый прибрежный комбинат, о котором так много говорит Сара, на самом деле продукт, рожденный в первую очередь благодаря нашим с Сераму деньгам и местным гениям, а уж никак не моим знаниям, хотя они тоже сыграли свою роль. И меня очень сильно расстраивает, что половина производств на нем лишь опытная.

— Нет, господин мой отец пытался научить меня многому, но мои таланты не сравнятся с его. И они лежат далеко от металлургии, — витиевато ответила Сора. — Мне поручено начать проект по озеленению пустынных земель. Стране Звука необходимы смазочные материалы, каучук, биогаз и прочие продукты переработки органического сырья, чтобы получить которое, потребуется засеять сельскохозяйственные угодья технологическими, не пригодными для питания культурами. Это может снова вызвать голод на восточной части континента. Либо можно попробовать выращивать их здесь.

— Мне бы понравилось, если бы в моей стране был не только песок, но и зацвели сады, — мечтательно заметила Сара. — Хотя не думаю, что это настолько выгодный проект. Тем более сейчас, когда начинает налаживаться выпуск смол и масел из песка. Стекольные

цеха давно научились не только выплавлять стекло, но и получать силиконы. И налаживают промышленный их выпуск.

— Это замечательно, но процесс производства силиконов связан с газами, взрывающимися на воздухе, это ограничивает производство больших объемов конечного продукта. И, кроме того, некоторые материалы можно получить только с помощью продуктов переработки органики, — сказала Сора. — Например, для выплавки стали нужен уголь. Так же господин и отец мой возлагает большие надежды на материал, получаемый спеканием песка с углем.

Пока мои дочери, приемная и родная, вели свой диалог, я только довольно кивал головой. Умные девочки. Даже гордость начинаю чувствовать, хотя к воспитанию Сары я и мизинца не приложил, но чувствуется, что моя дочь.

Ну, или мне просто хочется так думать.

— А вы, Омушимару-сан, значит, тот самый учитель тайдзюцу, о котором говорил Орочимару-сан? — решила не обделять меня вниманием Сара.

— Если на то будет разрешение вашей матушки, Ваше высочество, — не стал отрицать я. — Однако у меня есть и другие задачи. Мне необходимо исследовать северные земли, территории в глубине Западного нагорья.

— Гм... Это дикие, труднопроходимые и малонаселенные земли, — выудила из памяти информацию о северных территориях Сара. — И чем дальше на запад, тем меньше там знают о шиноби, и многие вообще ничего не ведают о чакре. После того, как две мировые войны разрушили большую часть путей и дорог севернее Роурана, люди живут там в бедности и изоляции. Что там может быть интересного для ниндзя?

— Во-первых, недалеко за Страной Птиц находится Корьюзан, до меня доходили слухи об аномальном фоне, препятствующем использованию чакры. Мне интересен этот эффект, — предельно честно ответил я. — Во-вторых, еще дальше должна находиться Страна Редаку. В летописях Узумаки она упоминается как государство, отмеченное вниманием Мудреца Шести Путей. Возможно, там есть что-то интересное для меня.

— Корьюзан? — задумавшись, переспросила Сара. — Недалеко от того места впервые столкнулись Страны Ветра и Земли. Это было перед самым началом Первой Мировой войны. Кажется, Сунагакуре и Ивагакуре искали там силы драконов. Но в итоге уничтожили все, до чего смогли дотянуться.

— Вполне типичное поведение для шиноби, — с долей презрения отметила Сора.

— А Редаку находится слишком далеко, о той стране я почти ничего не знаю. Хотя у матушки хранится череп дракона, который, как говорят, был доставлен как раз из Редаку еще во времена появления моей прабабушки.

— Череп дракона? — настала пора уже переспрашивать мне.

Мне пришлось напрячь мозги, чтоб попытаться вспомнить хоть что-нибудь, что напоминало бы череп дракона во дворце Сераму. Здесь в свое время я обжился довольно основательно и побывал почти везде, где только можно. И никаких черепов не видывал.

— А есть ли возможность на него взглянуть? — поинтересовался я.

— Он хранится как раз в оранжерее, — озадачила меня ответом Сара и смущенно добавила: — Хотя после пожара в Старом дворце около тридцати лет назад череп был поврежден. Сейчас в нем сложно опознать хоть что-то.

— Взглянуть на останки дракона в любом случае будет интересно.

— Потому что все, что связано с драконами, будет интересно Рюджину, — с сарказмом

заметила Сора.

До оранжереи от кабинета королевы путь был не долог, потому добрались мы до нее минут за десять. И могу сказать, что здесь не изменилось ровным счетом ничего. И никаких драконьих черепов, даже зная, что хотя бы один здесь точно хранится, я снова обнаружить не смог. Нашел я останки только тогда, когда Сара показала мне на груду обугленных камушков на пьедестале в одном из углов оранжереи, которые я всю жизнь принимал за произведение местного искусства.

— Вот, именно это когда-то и было головой дракона, — снова смущенно сказала Сара. — Как я и говорила, опознать, кому эти останки принадлежали на самом деле, очень сложно.

— Угу, — задумчиво согласился я, рассматривая обгоревшие костяшки.

При должной фантазии, вообще-то, можно было распознать осколки тонких глазных дуг и костей свода черепа... Или это была челюсть? Или вообще рога? Хотя кое-что все-таки сохранилось. При чем кое-что очень знакомое.

— Зубная батарея? — наклонившись над останками, пробормотал я, разглядывая обломок челюсти, на котором множество желтых зубов были настолько плотно прижаты друг к другу, что получалась одна сплошная зубная поверхность.

Такое строение очень специфично. У ныне живущих животных я подобного точно не наблюдал. Стороны зубной батареи похожи на терку, рабочие поверхности стертые, дифференциации не наблюдается. Дракон, да? Тогда это был травоядный дракон, который умел очень качественно перетирать грубую растительную пищу. И зубы у него точь-в-точь, как у утконосных динозавров.

Динозавров...

А ведь если присмотреться, то кость-то именно кость, а не камень. Эти останки основательно подгорели, на что окаменевшие останки не способны. То есть в этих костях еще есть органика, которая и горела во время пожара. Любопытно!

— Да, теперь мне точно стоит посетить Редаку, — высказался я, осмотрев экспонат.

— Эти кости и в самом деле принадлежали дракону? — скептически спросила Сара.

— Можно и так сказать, — неуверенно ответил я. — Но это любопытная находка. К сожалению, она сильно повреждена пожаром... Хотя зубы относительно целые. Из них можно попробовать изъять ДНК.

— Ох, стоило оставить вас на несколько минут, а вы уже положили глаз на мои семейные реликвии, Омущимару-сан? — неожиданно вмешался усталый голос королевы в мои радужные мечты.

Обернувшись на голос, я увидел, как в оранжерею быстрым шагом влетает Сераму. Длинные полы ее багряной мантии развевались при ходьбе, а шаг королевы был настолько плавным, что казалось, будто она и в самом деле парит над полом. Лучи света отражались от золотой парчи, создавая сияющую ауру вокруг лица женщины, чьи глаза сверкали весельем.

Я снова поторопился отвести взгляд от лица королевы, сфокусировавшись на золотых украшениях в ее чалме. Однако так же просто переключить обоняние не получалось, воздух донес до меня шлейф ароматов роз, миндаля и лилий, смешанный с запахом свежего хлеба, кофе и меда. Смесь ароматов цветов — это любимые духи Сераму, а вот хлеб, кофе и мед явно говорят о том, что королева успела по пути перекусить.

— Все во благо науки, Ваше величество, — снова заставив себя отвлечься от посторонних мыслей, честно ответил я, окинув взглядом осколки черепа динозавра-дракона.

Если на мгновение забыть о прекрасных женщинах, населяющих этот мир, то можно заметить, что он очень странный. На этой планете точно несколько миллиардов существовала какая-то микробная жизнь, хотя без луны, которая здесь появилась лишь тысячу-другую лет назад, она существовала как-то не так, как это было на знакомой мне Земле. Во-первых, приливы здесь до недавнего времени были лишь солнечными, то есть перемешивание океана шло не очень активно. Это только в последнюю тысячу лет, с появлением Луны ситуация изменилась. Следовательно, океанические течения если и были, то не сильные. Если совместить это с неустойчивой осью вращения, которая даже с появлением луны все еще чудит, то климат на планете должен был быть очень экстремальный, что развитию жизни не способствует. Во-вторых, даже если жизнь бы и развилась, то без Луны она бы точно не была настолько идентична земной. Банальное отсутствие яркого светильника на ночном небе изменило бы весь процесс эволюции, и ночные животные, которыми были когда-то предки млекопитающих, имели бы совершенно иные характеристики.

По моим наблюдениям первичная биота этой планеты была уничтожена новой, интродуцированной. И произошло это, наверное, несколько десятков тысяч лет назад. Потому что старая биота успела создать отложения карбонатных пород, золота из вод океана, сгенерировать кислородную атмосферу, но ее органическая масса не накапливалась в виде углеводородов. Это начало происходить только после появления привычной мне жизни, поэтому сейчас на планете есть сапропели и торфяники, но нет нефти, битумов и углей.

И с последним приходится как-то жить. Но это уже практические нюансы. Мне же, кроме всего прочего, интересно, как жизнь здесь развивалась. И откуда здесь настолько хорошо сохранившиеся останки динозавров? И есть ли здесь еще такие? И можно ли их клонировать? Разводить на мясо завроподов — это вообще-то моя детская мечта.

— Итак, зачем вы просили встречи со мной? — заняв свое место за небольшим столом и пригласив нас присоединиться к ней, спросила Сераму. — Не о старых костях поговорить ведь?

— Вы абсолютно правы, — согласился я, усевшись в кресло напротив королевы и удовлетворенно отметив, что размышления о эволюции жизни этого мира помогли отвлечься от красоты Сераму.

Сора скромно присела на кресло справа от меня, Яги же предпочел остаться стоять. Помимо меня и моих спутников, королевы и Сары, в оранжерее присутствовали те семь самураев из охраны королевы, и к ним присоединились четыре телохранительницы Сары. Не так много лишних ушей, но и от них лучше избавиться. Просить королеву удалить их из помещения глупо, пока Сора и Омушимару для нее люди незнакомые, рисковать она не станет.

В таком случае придется поступить проще.

— Для начала прошу, прочтите это письмо, — попросил я, передавая через столик королеве заранее приготовленное послание.

Покрутив в пальцах свернутый свиток, Сераму вопросительно посмотрела на меня, но, не дождавшись пояснений, все же развернула письмо. В нем не было никаких великих тайн, но все же информацию из него я распространять пока не хотел. Но о том, что Омушимару и Орочимару — это один человек пусть лучше пока знает только Сераму. Просто тайну наличия у меня автономных клонов лучше сохранить, пока есть такая возможность. Так мне

будет спокойнее работать в Конохе, Кумо и Кири. Если в этих деревнях безопасность поднимут до уровня Суны и Ивы, в которые я своих клонов даже внедрить не смог, то это усложнит мою жизнь. А мне лишние сложности не нужны, я их и так себе стабильно обеспечиваю.

— Вот как, значит, мы с вами уже встречались, — не изменившись в лице, произнесла после прочтения письма Сераму. — Очень интересно. Я бы никогда не догадалась об этом. Можно взглянуть на ваше лицо, Омушимару-сан?

— Конечно, Ваше величество, хотя сейчас оно в не лучшем состоянии, — предупредил я, стягивая с лица маску. — Неудачное исполнение техники немного ранило меня и повредило каналы чакры, из-за чего исцеление занимает дольше времени, чем я привык.

— Да, вижу, — рассматривая меня, сказала Сераму. — Нет, я бы вас точно не узнала.

— Мои навыки маскировки хороши, — без ложной скромности признал я. — Мы ведь с вами встречались и более десяти лет назад. Еще до рождения Ее высочества. И часто общались тогда. Как мне кажется, вы так ничего и не заподозрили.

— До рождения Сары? — скосив взгляд на дочь, переспросила Сераму. — Тогда был сложный период. Как в жизни страны, так и в моей личной. Я могла быть невнимательной. Если я получу несколько намеков, то, может, смогу вас вспомнить, Омушимару-сан?

— К сожалению, специфика моей прошлой работы не позволяет мне распространяться о том времени. Я избавился от печатей, которые не позволяют разглашать секретную информацию, но все равно всегда стараюсь выполнять данные устные клятвы. А я тогда поклялся молчать, — и вообще, думаю, нужно аккуратнее донести до королевы информацию о моем пребывании возле нее тринадцать лет назад. — Но замечу, что в те годы я имел право обращаться к вам по имени.

— Этим правом пользуются многие, — немного разочарованно ответила Сераму. — Но в любом случае верность данному слову делает вам честь.

— Благодарю, Ваше величество, — склонил я голову в ответ на похвалу. — И раз со мной разобрались, разрешите представить вам дочь Рюджина-самы, Сору-сама. Она будет заниматься проектом по озеленению пустыни.

— Рада знакомству, Ваше величество, — изобразила поклон Сора. — Господин и отец мой попросил помочь вам в освоении пустынных земель. Мои навыки владения чакрой помогут в первое время. Хьётоном можно опреснять морскую воду для полива, а с помощью Мокутона я могу ускорить рост деревьев, семена которых подарены господином и отцом моим.

— Мокутон? — немного удивилась Сераму, бросив на меня заинтересованный взгляд. — Это нам поможет. Но насколько я знаю Орочимару, он не любит, когда технологии завязаны на одном человеке, владеющем уникальными техниками. Значит, он решил ускорить процесс озеленения...

Королева, задумавшись, помассировала висок, после чего, внимательно посмотрев на меня, высказала свое предположение:

— Орочимару-сан желает в кратчайшие сроки начать производство древесного угля. Это связано с нашим прошлым разговором. Про сияющий песок.

— Вы правы, ваше величество. Недавно удалось уточнить информацию о силе Великих государств, и армия Страны Звука нуждается в усилении, — кивнув, подтвердил я. — Хотя Рюджину-сама требуется и прочный материал, получаемый из чистого песка Страны Пустыни и угля — карборунд, но в первую очередь сейчас необходимо наладить

производство сияющего песка.

— Это опасное оружие... Обладание им может обозлить врагов, заставить их объединиться.

— Не страшнее биджу, — уверенно ответил я.

При возможностях шиноби и их дисциплине белый фосфор, именно о нем идет речь, не так страшен. Хотя все же он значительно увеличит поражающий эффект взрывных печатей.

В ответ на мои слова Сераму задумчиво покивала, углубившись в свои мысли.

— Я слышала, что в Стране Звука начали привлекать обычных людей к воинской службе? — спросила она, глядя в пустоту.

— В тыловые части, — кивнув, согласился я. — Они никогда не окажутся на передовой, но помогут снабжением. К сожалению, любой генин может разрушить мост, но далеко не всякий джонин способен его построить. Этим должны заняться новые части, оснащенные строительной техникой.

— Гм... Это интересное решение. Орочимару-сан умеет думать нестандартно, — поразмыслив, признала Сераму. — Однако забавно следующее: с одной стороны есть Рюджинкё, которое утверждает, что Орочимару-сан пришел принести мир на эту землю, но в реальности же все обстоит иначе.

— Хочешь мира — готовься к войне, — разведя руками, озвучил я очевидную вещь. — Доброе слово, подкрепленное силой, действует на людей лучше, чем просто доброе слово.

Глава 11. Воссоединение

11 июля 45 года от начала Эпохи Какурезато

Внимательно осмотрев нетерпеливо переминающуюся с ноги на ногу девочку перед собой, я с сомнением кивнул. Сложно оценить достигнутые Сарой результаты после месячных тренировок, но будем считать, что они удовлетворительные.

— За месяц регулярные медитации должны были заложить основу понимания, как распространять свою жизненную энергию вовне своего тела, — сказал я, взвешивая в руке боккен. — Теперь настала пора применить умение на практике. Думаю, с мечом трюк повернуть будет проще. Самураи учат, что человек и меч едины. Попробуй направить силу в свой боккен. Не старайся получить какой-то определенный результат. Достаточно будет, если ты даже просто расколешь дерево тренировочного меча. Например, так.

Взяв свой боккен в две верхние руки, я сделал то, чему пытался научить свою дочь. Управлять жизненной энергией, не создавая из нее чакру, занятие своеобразное. Немалую роль в этом процессе играют воображение и вера в собственные силы. Окончательно методы тайдзюцу, которым я обучался у мастера Чена, мне дались только после обучения сендзюцу. Посмотрим, насколько талантлива окажется Сара.

Поток силы, промчавшийся от моей руки сквозь дерево боккена, деформировал палку, изогнув ее и превратив в нечто вроде кряжистой толстой трости или биты.

— Примерно так, — немного удивленно повертев в руках преобразившийся боккен, сказал я дочери. — Попробуй теперь сама. Помни, контроль пока не важен. Нужно просто научиться направлять энергию в предметы.

— Поняла, — коротко кивнув, ответила Сара.

— Раз так, то приступай.

Наблюдая за тем, как Сара медитирует с боккеном, я недовольно барабанил пальцами верхней правой руки по рукояти новоприобретенной трости. Естественно, что после одного урока, проведенного месяц назад, девочка ничему не научилась, но она и сейчас не может освоить основные принципы показанных мне Ченом техник использования внутренней энергии.

После непродолжительной беседы в оранжерее, когда встреча с королевой подошла к концу, я поддался на уговоры Сары и решил провести с ней урок. Раз обещал, то нужно учить. Тем более, это даже перепоручить некому: тайдзюцу по методичкам Чена в Отогакуре владею только я, они слишком сложны и специфичны для привыкших пользоваться чакрой шиноби. Да и, если уж говорить совсем откровенно, никому особо не нужны — классические ниндзюцу в обычной ситуации более удобны.

Принцессе Роурана из-за ее неспособности использовать ниндзюцу нестандартные техники тайдзюцу, может, и были полезны, но освоить она их сходу не могла. Для начала Саре нужно научиться вливать свою жизненную энергию в неодушевленные предметы, чтобы менять их физические свойства, управлять ими. Помнится, в прошлой жизни Кабуто изобрел похожую технику, назвав ее *Сенпо: Муки Тенсей*. Судя по названию, для ее использования ему нужна была природная энергия. Чен же обходился без режима отшельника, только, по моим наблюдениям, сендзюцу здорово упрощало процесс управления нематериальными предметами.

Стоит ли обучить Сару сендзюцу? Гм... Пожалуй, будущей королеве Роурана это

совершенно не нужно. И незачем подвергать свою дочь лишним опасностям.

— Хотя ваши глаза, Омушимару, не столь же выразительны, как у Орочимару, но бьякуган все равно выглядит слишком чуждо, — прозвучал мягкий голос с насмешливыми нотками у меня за спиной. — Если бы я знала о вас, Рюсей-сан, чуть меньше, то заподозрила бы, что у вас есть определенные планы на мою дочь и наследство, которое она получит от меня по праву рождения.

Обернувшись на голос, я встретился взглядом с королевой. Сераму сегодня решила уделить время своему чаду, понаблюдать за его обучением. Нынешняя тренировка Сары проходила в одном из залов дворца, который не подходил для полноценного использования ниндзюцу, но для отработки основ тайдзюцу вполне годился. Покрытые росписью стены, множество узких окон под потолком, пол застелен местным аналогом татами — здесь предполагалось заниматься традиционными для Страны Ветра видами борьбы.

Так как борьба считалась одним из самых интеллектуальных видов состязаний, то королевы Роурана, как и многие другие аристократы, стабильно ею занимались и имели в своем дворце специализированное помещение. Естественно, интенсивность тренировок Сераму была где-то на уровне между йогой и гимнастикой, но ее дочь уделяла физическим упражнениям гораздо больше времени. Мать же предпочитала, как и сейчас, лежа на тахте, наблюдать за борьбой со стороны.

— Несмотря на ваши слова о доверии ко мне, судя по вашему взгляду, Ваше величество, подозрений на мой счет вы не лишены, — заметил я.

Зеленые глаза Сераму и раньше привлекали меня тем, что отражали легкий расчетливый холодок. С возрастом взгляд королевы стал еще более колючим и пронизательным.

— Любой шиноби подозрителен, — резонно ответила Сераму на мои слова. — Моя бабушка погибла при попытке захвата Рюмьяку. Мою мать постигла та же участь. Я сама едва не лишилась жизни по той же причине. Драконьи жилы влекут к себе ниндзя, а королевский род мешает взять над ними полную власть. Излишнее доверие к шиноби вредно для здоровья.

— В таком случае даже странно, что у вас и Рюджина-самы настолько хорошие отношения, — с иронией отметил я.

— Страна Звука слишком далеко, — глядя мне в глаза, произнесла Сераму. — Раньше я верила, что Орочимару будет выгодно иметь в Роуране друга и он не станет пытаться взять контроль над Рюмьяку. Постоянно находиться в двух местах для шиноби проблематично. Контролировать Страну Звука и Страну Песка, находящиеся на разных концах континента и разделенные десятком других стран, одному человеку невозможно. Но теперь появились вы, Омушимару... И моя уверенность в собственной безопасности пошатнулась.

О... Не рассчитывал я, что появление автономных клонов может настолько смутить Сераму. Хотя об этом стоило бы догадаться заранее.

— Вряд ли я смогу развеять ваши опасения. Только в очередной раз заверю, что желаю вам лишь добра. И нахожусь здесь не для захвата власти, а для вашей защиты, в числе прочего, — бросив трость на стойку с боккенами и оценив расстояние до телохранителей королевы у входа в зал, сказал я. — И, несмотря на вашу подозрительность, меня радует, что вы признали меня... Ладно, думаю, здесь можно отбросить конспирацию. Рад, что вы признали во мне Орочимару. Первоначально я рассчитывал прибыть в Страну Песка в своем теле, чтобы представить вам это, но последствия конфликта с одним сильным шиноби пока

вынудили воздержаться от дальних поездок.

— Признать вас было не так сложно. Внешний облик разный, но одинаковый взгляд. Несмотря на внешние различия, вы похожи. А что касается остального... Эта безвозмездная и всесторонняя поддержка с вашей стороны меня настораживает, — вздохнув, призналась королева. — Такая благожелательность без очевидных меркантильных причин встречается очень редко. Однако отказываться от помощи глупо. И я очень надеюсь, что она не приведет меня в ловушку. Пока меня успокаивает лишь то, что в Стране Звука правит дайме Кейдзан, а не Рюджин.

— Людьми не всегда движет исключительно расчет и корысть. Ваша красота, Ваше величество, достаточный повод для меня, чтобы помогать вам. А Рюмьяку — лишь приятное дополнение к вам, — неловко усмехнувшись, сказал я. — Вы упоминали о возможных планах на вашу дочь и ваше наследство, однако неужели вы забыли о себе самой?

Сераму с ответом нашлась не скоро. Пару секунд она, вскинув от удивления брови, рассматривала меня, прежде чем вкрадчиво сказать:

— Такие слова — и в свете недавних новостей о пополнении клана Рюсей двумя вашими детьми? Это смелая шутка.

— Как быстро расходятся новости, — шутливо посетовал я. — О рождении Чоды и Дайки должны были объявить только пару дней назад.

— Соколы, когда им не мешают шиноби, летают быстро, — с нотками язвительности в голосе объяснила Сераму. — Значит, Чода и Дайки? Мои поздравления, Орочимару-сан. И кто же из них к какому клану ближе? Кажется, мать одного из Ринха, а другого — Шиин?

— Чода рожден от Ринха, а Дайки от Узумаки, — отстраненно поведал я полуофициальную версию появления двух новых членов клана Рюсей, больше размышляя над интересным для меня вопросом.

На самом деле, и Чода, и Дайки — это два моих последних автономных клона, которых предполагалось внедрить в Иву и Суну. Однако обе деревни не были склонны принимать сирот со стороны, предпочитая сплавлять их в союзные мелкие селения. Мне это было ни к чему, поэтому клонов я оставил себе, не вселив в них даже души. Они сейчас простые, мало что соображающие младенцы, которые еще могут пригодиться в будущем. Но интересно мне другое.

Если Сераму так резко отреагировала на наличие у Орочимару детей от двух наложниц, то как мне организовать в будущем знакомство матерей двух моих настоящих детей? И так понятно, что как минимум одна из них к многоженству не склонна. До Микото пока новости не дошли, поэтому Охеми ничего о ее реакции узнать не мог. Но не думаю, что она будет кардинально отличаться от таковой у Сераму. Разве что в худшую сторону.

Проблемно-то как...

Легко Мицуко с ее психическими деформациями! Иди, говорит, заberi Микото из Конохи. А она потом меня прибьет, став нукенином и узнав про саму Мицуко и про Сераму. И как-то я сомневаюсь, что женщины успокоятся, если каждая получит по моему клону. И ведь мне еще нужно каким-то образом реабилитироваться в глазах моей королевы.

Как раз в тот момент, когда я мучительно ломал голову над крайне животрепещущими вопросами налаживания своей личной жизни без ущерба собственному здоровью, двери зала тихонечко открылись, пропуская двух слуг: пожилого мужчину в синем, украшенном вышитыми золотой нитью цветами халате и женщину средних лет в белом платье со множеством юбок. Визитеры несли на руках пару массивных книг.

— Ваше величество, книги, которые вы просили, — с поклоном сказал мужчина, подойдя к королеве и остановившись в пяти шагах от нее.

— Оставьте их на столе, — указав на невысокий столик возле себя, приказала королева. — И, Самиру, подготовь также отчет к завтрашнему дню по запасам глины для марионеток и возможностям мобилизации ее добычи. Я не уверена, что в следующий раз смогу отказать Суне в ответ на ее настойчивые просьбы увеличенных поставок.

— Понял, Ваше величество, — с поклоном ответил мужчина.

— Можете идти, — отпустила слуг королева и, уже обращаясь ко мне, сообщила: — Вот летопись, о которой я говорила. Список Книги разрядов Роурана и ее перевод. Это, наверное, единственная книга моей библиотеки, в которой можно найти описания эпохи Мудреца Шести Путей.

— Благодарю, Ваше величество, — сказал я, подходя к столику с книгами.

Не так давно я поинтересовался, нет ли у Сераму каких-либо книг о Редаку, желательно, описывающих времена Хагоромо, смутно припоминая истории, рассказанные мне королевой еще в бытность мою Тацумой Гото. И, как результат, передо мной появились эти фолианты явно не первой свежести, написанные на высохшем пергаменте и пахнущие древностью.

По словам Сераму, королевский род Роурана мигрировал в пустыню с севера, из страны под названием Разак. Когда она мне говорила об этом, то никакие страны вне зоны влияния шиноби мне были не интересны. Информацию я просто отложил до лучших времен, и, если честно, даже когда вычитал в летописях Узумаки о Мудреце Шести Путей и стране Редаку, не сразу соотнес два не самых схожих названия. Хотя стоило бы догадаться, что загадочное «редаку» для местного языка не является родным и явно заимствовано из какого-то другого.

Среди Пяти великих стран и их сателлитов преобладает единый, схожий с японским по звучанию и по написанию, язык. Но со своими нюансами. Например, в Стране Молний распространены романские заимствования, которые, как я подозреваю, принесены мигрантами с соседнего континента. В Стране Земли, как мне кажется, диалект имеет большое влияние одного из тюркских наречий, в Стране Огня — санскрита, а в Стране Ветра — какого-то из семитских языков. Общаться жителям разных стран это не мешает, но нюансы свои вносит. Например, пришедшие из другого языка имена на местном общем превращаются в не пойми что. Чаще всего это бывает из-за путаницы со звуками «р» и «л». Тот же Самиру на самом деле Самиль, а одна из одноклассниц Охеми не Газеру, а Газель. А как из настоящего имени королевы Роурана получилось Сераму, я вообще до сих пор не понял.

Но суть в том, что Разак, из которого пришли в Роуран предки королевы, и есть та самая страна Редаку, или, если перевести название на понятный язык, Благословленная страна. Благословленная, надо понимать, самим Хагоромо.

— Иероглифы знакомые, но прочитать невозможно, — заметил я, осторожно взяв в руки один из фолиантов. — Это и есть оригинал?

— Список, — поправила меня Сераму. — Его переписали со старой Книги разрядов, используя вместо древней имперской письменности современные иероглифы.

— Имперская письменность? — удивленно взглянув на королеву, переспросил я. — М... Это та, которой раньше пользовались в Редаку?

— В том числе и там, — кивнув, согласилась Сераму. — Нокрская империя до своего уничтожения занимала большие территории, включая часть Стран Ветра и Земли. Разак была одной из провинций... Впрочем, все написано в Книге разрядов. В отличие от

большинства аналогов, она содержит не только имена, даты рождения и смерти, но и биографические сведения. Один из первых записанных в книгу людей — наместник Разака времен Нокрской империи. Хотя перевод некачественный, да и сам список не идеален, но это все, что известно мне о тех временах.

— Гм, — еще одной парой рук я тут же потянулся к переводу, оформленному гораздо проще списка Книги разрядов.

Никогда особо не увлекался историей, но тут что-то любопытство выиграло. Наверное, я привык жить в мире, где прошлое известно любому школьнику на тысячелетия назад. А тут и то, что сотню лет назад происходило, уже никто не вспомнит. Летописи ведутся кланами и родами, но широкой публике к ним доступа нет, а нарративные источники перевераны раз по сто.

— М... Нокрская империя здесь записана как Ниунен? Джужен? — пробежав глазами по первым строчкам книги, вопросительно взглянул я на королеву.

Как я уже говорил, при написании слов из других языков первоначальное чтение восстановить иногда почти нереально, так как каждый иероглиф мог читаться сразу несколькими способами.

— Наиболее правильным чтением будет старое — Роуран.

— Даже так? — невольно вскинул я брови.

— Название моего города происходит от названия Нокрской империи, — лениво пояснила Сераму, больше увлеченная разглядыванием своей дочери. — Роуран — так называли империю южные варвары. А здесь была ее южная граница. Правда, сейчас под старое звучание подобрали новые иероглифы.

— Любопытно... — заинтересованно пробормотал я, вновь возвращаясь к чтению.

Как и говорила Сераму, в одном из первых абзацев можно было найти сведения о наместнике провинции империи, имя которого я правильно прочесть в любом случае не смогу. В книге не было полноценного описания самой империи, но по косвенным фактам можно было составить общее представление. То, что Сераму назвала Нокрской империей, было огромным государством, занимающим когда-то всю северо-западную часть континента. Судя по всему, общество его населяло цивилизованное и развитое, но находящееся на стадии упадка. Правление наместника было отмечено восстаниями, массовыми убийствами непокорных, экономическими проблемами и энергетическим кризисом.

В какой-то момент до описываемых событий страна утратила некий ресурс, на котором базировалась вся ее жизнь, что кардинально перевернуло тогдашний мир. Впрочем, из-за этого же ресурса империя едва не погибла. Судя по всему, эта чудодейственная субстанция позволяла приобретать индивидуальное могущество и была чем-то большим, чем банальный энергоноситель. Она привела к сегрегации общества, расколу аристократии на несколько лагерей, бунтам и, как итог, гражданской войне. Источник процветания и краха государства, если верить переводу, назывался «сущность света». Или «небесный свет»? Тут переводчики, похоже, сами не определились. В списке же ресурс обозначался коротким словом «гереру». А с особенностями чтения в местном языке звука «р», то это слово может быть и «гелелу».

Гм... Гелел, значит. Или, судя по жалким попыткам переписчиков дополнительными знаками передать фонетику другого языка, все-таки читать это слово нужно как Герел. И оно должно означать свет, хотя так ли это я понять не смог, но зато знаю я одну штуку, которая в наше время называется так же. Камень Гелела. И однажды я даже держал его в руках, только

не понял, как использовать и обменял на мечи. А еще этот камень висит в кулоне Сераму.

Я невольно перевел свой взгляд с блеклых строк в пожелтевшей от старости книге на красный камень, загадочно сверкающий в золотой оправе на фоне белой кожи королевы. Автоматически одернув себя от желания зафиксировать взгляд ниже украшения, на груди Сераму, я все же еще раз рассмотрел кулон.

Оправа точно сделана недавно, а сам камень? Непонятно. Но раньше, в мое первое появление в Роуране, здесь еще обрабатывали камни Гелела. Что с ними делали потом, я так и не узнал, но сейчас интересно другое. Город Роуран основан бывшими жителями Нокрской империи на ее границе, в месте, где есть источник чакры Рюмьяку. И здесь же рядом есть загадочная местность Корьюзан, где сложно использовать чакру. Очень я сомневаюсь, что все эти чакро-энергетические аномалии случайно оказались на территории, ранее принадлежащей одной империи, использующей свои чудодейственные камни Гелела.

У меня буквально руки чесались сейчас же активировать бьякуган и прочесть книги одним взглядом! Здесь наверняка можно найти еще что-то интересное. Если та империя была на достаточном уровне развития, чтобы в войнах уничтожать сотни тысяч человек, то наверняка они имели и более полезные достижения. Устройства связи, например. Если найти на ее руинах артефакты, то, может, получится приспособить их под свои нужды? Пусть без Гелела, но на чакре. Кстати, а когда там эта империя существовала-то?

Даты в Книге разрядов были записаны, но они мне ни о чем не говорили. Такой-то год такой-то эпохи и все. А когда там та эпоха была, история утаивает. Нужно найти хотя бы один известный мне факт, чтобы уже от него отсчитывать хронологию.

— Уже нашли что-то о Мудреце, Орочимару-сан? — насмешливый женский голос вплелся в поток моих мыслей. — Насколько я помню, на первых страницах ничего о нем быть не должно. Или вы вычитали что-то новое? Или увлечены чем-то более интересным?

Выслушав полные язвительности слова Сераму, я к своему удивлению понял, что уже около минуты пялюсь на ее грудь. Точнее, на кулон королевы, конечно, но направление взгляда бьякугана из-за отсутствия ярко выраженных зрачков и радужки определить очень сложно, так что со стороны могло показаться, что пялюсь я совсем не на женские украшения. Ну, то есть не на ювелирные женские украшения. Хотя свойства бьякугана даже без активации позволяли пользователю иметь более широкое поле зрения, так что я в любом случае видел все и сразу.

— Да, пожалуй, любоваться вашей красотой — это занятие поинтереснее чтения старых летописей, — посмеявшись над собой, с улыбкой ответил я Сераму.

А по уму мне бы давно стоило избавиться от привычки уходить в глубокие раздумья. Как я с ней еще до своих лет дожил, непонятно.

— Ваше величество, эти даты можно перевести в современный формат? — развернув обе книги в сторону Сераму, я третьей парой рук указал на интересующие меня иероглифы.

В ответ на мой вопрос Сераму окинула меня странным взглядом и после паузы сказала:

— Иметь шесть рук, я смотрю, достаточно удобно...

Я удивленно посмотрел на королеву, не совсем понимая, к чему был этот ее комментарий. Только потом понял, что человек, держащий по книге в верхних двух парах рук и указывающий на строчки пальцами третьей пары, выглядит, мягко скажем, необычно.

— Иногда в лишних руках есть толк, — нетерпеливо сказал я. — Так что насчет дат?

— Я не знаю, — огорошила меня ответом Сераму. — В Книге разрядов не упоминается ни один человек, ни одно событие, которые можно было бы соотнести с известными

историческими фактами. Может, тысячу лет назад, может, пятьсот — не знаю.

— Тысячу лет? Это вряд ли, — хмуро вымолвил я, повернув книги к себе и аккуратно перелистывая страницы.

Чем хорош бьякуган, так это широким полем зрения и высоким восприятием даже без его активации. Фоторецепторы на сетчатке распределены равномерно, а не сконцентрированы в одной области, как у млекопитающих. Необязательно шевелить глазами, чтобы четко видеть все пространство перед собой, а глазные мышцы нужны в основном для стабилизации изображения. И кроме того, плотные ганглиозные клетки сетчатки фактически обрабатывают информацию и передают ее в мозг уже готовой к усвоению. Этакый эрзац-шаринган, не требующий затрат чакры.

С помощью бьякугана, без его активации, у меня получалось быстро просмотреть содержимое страниц перевода Книги разрядов, сравнивая его со списком. Анализировать информацию я не пытался, просто хотел найти что-то, от чего можно будет оттолкнуться при построении хронологии. В конце концов, я знаю о прошлом этого мира немного больше, чем большинство жителей мира шиноби.

Однако вместо желаемого перед моими глазами разворачивалась картина медленного упадка осколков империи. Помимо социальных проблем, хроника зафиксировала постепенное ухудшение климата или какие-то глобальные катастрофы, вроде этого. Снижение урожаев, голод, засухи, которые и подтолкнули предков Сераму покинуть родные края в поисках лучшей доли.

Подбираясь к концу, я так и не нашел ничего, что могло бы быть мне знакомым. Тут, кажется, даже Мудрец Шести Путей ни разу не упоминался! И только на последних страницах впервые мелькнуло кое-что интересное... Хотя нет, все же книга вся целиком была любопытна, но тут мой взгляд зацепился за одну странность.

— Пропало шесть месяцев, — задумчиво озвучил я свои мысли, перелистывая страницы книги обратно.

Может, это совпадение, но в последнюю зафиксированную в Книге разрядов эпоху пропало шесть из восемнадцати ранее существовавших месяцев. Может, на них просто не выпадало никаких событий, но это слишком маловероятно. Почему могут исчезнуть сотни лет существовавшие месяцы? Потому что появился новый календарь. Потому что появился новый природный объект, позволяющий отмерять время.

Например, Луна.

Логично, что без ночного светила ранее в этом мире использовался только солнечный календарь. Восемнадцать месяцев по двадцать дней и одна праздничная неделя длиной пять-шесть дней. Но с появлением Луны и упадком старой империи вместе со всеми ее достижениями, система изменилась. Появился лунно-солнечный календарь, схожий с китайским, имеющий двенадцать месяцев в году. Правда, для сельского хозяйства он не удобен из-за несоответствия месяцев природным сезонам, поэтому мир снова пришел к солнечному календарю, но уже современному, похожему на григорианский.

Теперь еще один вопрос. Может ли быть так, что Книга разрядов была написана до запечатывания Кагуи? Теоретически, этому ничто не препятствовало. Страна Редаку расположена далеко от места, где раньше произрастал Шинджу. Вряд ли Кагуя создавала окно в свое измерение на достаточной высоте, чтобы отраженное от находящейся там Луны Вечное Цукиеми охватило все полушарие. Из-за кривизны поверхности Земли гендзюцу наверняка охватило лишь ограниченную территорию. А это значит, что людям за ее

пределами ничто не мешало жить и писать свои летописи, как ни в чем не бывало.

— С вашего разрешения, Ваше величество, я пошлю людей, чтобы они переписали обе эти книги, — аккуратно закрыв фолианты, сообщил я Сераму.

— Нашли что-то стоящее внимания? — заинтересованно взглянув на меня, спросила королева.

— Кое-что любопытное заметил. Похоже, Книга разрядов описывает события до рождения Мудреца Шести Путей. Не могу сказать, что знание такой древности мне могут быть полезны, но они способствуют пониманию мира. И это неплохо.

— Вы смогли определить время описываемых событий? — удивилась Сераму. — Не поделитесь секретом, как вам это удалось?

— Почему бы и нет? — сам себя спросил я, и пересказал королеве свои домыслы.

— Луна создана Рикудо Сеннином... — задумчиво вымолвила Сераму, переваривая полученную информацию. — Похоже, он был по-настоящему сильным, был богом.

— Чтобы в этом мире назваться богом, многого не надо, — пренебрежительно сказал я, положив книги обратно на стол. — Но он был силен, с этим сложно спорить. Даже его потомки до сих пор выделяются неординарными талантами: Учиха, Сенджу, Узумаки, братья Кинкаку и Гинкаку — кто в нашем мире не знает о них.

— А вы многое знаете о Мудреце Шести Путей? Неужели имеющиеся у вас летописи настолько подробны? — поинтересовалась Сераму.

— Летописи здесь ни при чем. Просто и у меня есть уникальные таланты, — уклончиво ответил я и поспешил сменить тему. — Раз речь зашла о потомках, то не могу не похвалить вашу дочь. Ей повезло с генами. В ней очень много от Узумаки, но, главное, ей повезло получить выносливость красноволосых и их регенерацию. Это упрощает ее обучение.

Шиноби для развития нужно лишь две вещи — желание и своевременное лечение. Учитель не так уж важен — Мадара и Хаширама, например, большинству своих уникальных техник обучились сами. Хорошие гены хоть и желательны, но уже не так важны, если они, конечно, не улучшают способность организма восстанавливаться.

Тренировки всегда сопровождаются травмами, чаще всего это банальные ушибы и порезы. Но часты и порванные сухожилия и мышцы, переломы костей, повреждение каналов чакры и прочее. Даже такие безобидные на первый взгляд практические занятия по сюрикендзюцу часто заканчиваются выпавшими суставами, растяжениями и бурситами. При особенно интенсивных тренировках дети вообще изнашивают свои организмы на десятки лет вперед, например, остеопороз у учеников академии совсем не такое уж редкое явление.

Саре в самом деле повезло получить живучесть Узумаки, которая позволяет вкалывать без риска надорваться раньше времени.

— Я слышал о Тацуме Гото, и Сара не похожа на него. Он не говорил о своем родстве с красноволосыми? — вновь повернувшись к королеве, спросил я.

— Своих родителей он не знал, — как мне показалось, с долей грусти произнесла Сераму, — а дети от первой жены не выделялись цветом волос. Возможно, кровь Узумаки Сара получила от меня.

— Сомневаюсь, — заметил я. — Красные волосы — не единственный признак Узумаки. У них специфичная чакра, и, как правило, они не отличаются высоким ростом. Судя по чакре, в вас нет ни капли крови Узумаки, Ваше величество.

Хотя просто по внешним признакам определить принадлежность к какому-либо клану сложно. Люди здесь слишком одинаковы, что в пустыне, что в умеренных лесах. Хотя,

например, Сераму, хоть она и слишком светлокожа, физиологически все-таки адаптирована к пустынному климату и чрезмерной инсоляции. Низкое жиротложение, замедленный метаболизм, своеобразное строение венозных синусов мозговой оболочки — ее в свое время я исследовал досконально. Организм королевы более-менее приспособлен выдерживать припекающее пустынное солнышко, а вот Саре здесь приходится сложнее. Ее ускоренный метаболизм, характерный для Узумаки, хорош в бою, но выживать в пустыне с ними получается плохо.

— Ну, в таком случае, Узумаки все-таки были в предках Тацумы, — лениво заметила Сераму, сосредоточив взгляд на своей дочери. — Так ли это важно?

— В какой-то мере... — снова ускользнул я от прямого ответа. — На самом деле мое оригинальное тело тоже имеет немалую долю крови Узумаки, хотя по внешнему виду об этом и не скажешь. И мои дети могут быть Узумаки.

— Это вы узнали после их появления? — не иначе как из вежливости спросила Сераму.

Я же не сразу нашелся с ответом. Точнее, я несколько секунд раздумывал, как повести разговор дальше. Несколько долгих секунд я молча смотрел в сторону от Сераму, на Сару, пытающуюся управлять жизненной энергией. Солнечные лучи из узких бойниц падали на нее, сверкая в ярко-алых волосах. Благодаря кеккей генкай я чувствовал, как природная энергия словно рябит вокруг девочки, что прямо говорило об относительных успехах ее тренировки.

Несколько секунд я с некоторой апатией мысленно взвешивал варианты своих ответов. Рассказать все Сераму — соблазнительный вариант. Но как она отреагирует? На Страну Песка у меня завязаны многие экономические проекты, лишиться их было бы очень невыгодно. С другой стороны, королева тоже не так глупа, чтобы из-за личных чувств лишать страну перспектив развития. Однако, если наши личные отношения охладят, то ни к чему хорошему это тоже не приведет. Во-первых, меня даже по прошествии более десяти лет все еще влечет к Сераму. И треклятый избыток Ян в энергетике всех моих тел, без которого я уже не могу обойтись, только усугубляет положение. Во-вторых, Сераму очень ценный и полезный союзник. Она отличный политик, урожденная аристократка, которая правит с подросткового возраста. В то время, когда Данзо решил использовать Роуран, чтобы рассорить Страны Ветра и Земли, юная королева, несмотря на эмоциональную нестабильность, смогла изящно воспользоваться чужими планами, вывести свое государство из-под удара великих держав и выйти из состава одного из них, прихватив изрядный кусок земель. Это талант, которым не владеет, пожалуй, никто из моих доверенных лиц, но который нужен мне в будущем.

В итоге я просто махнул рукой на все. Когда не знаешь, как поступить — поступай по совести.

— Да, о том, что мои дети могут быть Узумаки, я узнал после их появления. Но это не связано с Дайки или Чодой, как вы могли подумать. Мой первый ребенок родился больше десяти лет назад, хотя про него я узнал не так давно, — медленно произнес я, подбирая слова. — Это нелепая история, и связана она с моим прошлым появлением в Роуране.

— Вот как? Было бы интересно ее послушать, — сама не понимая о чем просит, сказала королева.

— Если вам так угодно, — не стал противиться я. — Около тринадцати лет назад по воле начальства я вновь оказался в Роуране. Я действовал как одна из шестеренок большого плана и даже не знал, в чем он заключается. Мне было просто приказано защищать одну

девушку, что я и делал. Та девушка была важной региональной фигурой, смерти которой могли желать местные фракции, но Конохе было удобно видеть ее живой. Я стал ее телохранителем. И так получилось, что как раз в то время эту девушку возжелал заполучить один шиноби. Он использовал на ней специфичные яды, которые делали ее... — я запнулся, подбирая лучшее объяснение, — более страстной, доверчивой, желающей любви и нуждающейся в мужчине. Тот шиноби рассчитывал, что девушка влюбится в него, но она влюбилась в меня.

Я с улыбкой вспомнил те времена. Более десяти лет назад. Еще не было Второй мировой, только появился храм на Кумотори, а Микото была еще мелкой самоуверенной зазнайкой с относительно адекватной психикой. Хорошие времена.

— Она была красивой молодой особой, которая жаждала любви и была очень требовательна. Отказать ей было выше моих сил. Наверное, я слишком слаб к женским чарам, раз тоже полюбил ее, — с неловкостью признался я, отвернувшись в сторону от Сераму, которая за время моего рассказа успела сменить позу и теперь не расслабленно лежала на тахте, а напряженно сидела, пронзая меня взглядом своих зеленых глаз. — В итоге я спас девушку и вылечил ее от отравления, но вместе с этим должна была пропасть и ее искусственная влюбленность. Я для нее должен был стать чужим человеком, к которому она не испытывала никаких чувств. Поэтому, когда окончилась моя миссия, я покинул Роуран, но отслеживал новости о той девушке. И когда пришло сообщение, что она родила ребенка, я решил, что мои опасения оправдались. Обычно, без моего на то желания, у меня дети не появляются. А раз не от меня, да еще и так быстро, значит, она точно забыла меня и нашла другого. Тогда я постарался забыть о ней, хотя помогал всем, чем мог с другого конца континента. Однако я не учел одного факта — ее сильная чакра смогла подавить мою технику от нежелательной беременности. Об этом я узнал, только посетив Роуран снова месяц назад.

Я замолчал, переводя дух, и этой паузой воспользовалась Сераму, чтобы холодно и требовательно произнести:

— Как ее звали?

— Сальма, — коротко ответил я, прямо посмотрев в глаза королевы и увидев, как они опасно сузились и потемнели от сдерживаемого гнева. — Но по какой-то причине это красивое имя все произносят по-другому, и всем она известна как Сераму, королева Роурана.

Вот в самом деле, я так и не понял, как из имени Сальма или Салема можно было получить Сераму. Вот хоть убейте, но не пойму. Но это не главная моя проблема сейчас.

— Подойди ко мне, — все тем же не терпящим возражений тоном произнесла Сераму.

Мне нужно было сделать всего три шага, чтобы оказаться в полуметре от женщины. Опустившись на колени, как и в первую нашу встречу, я негромко произнес:

— Моя королева?

И снова я испытал то чувство, когда приходится сознательно подавлять рефлекс, чтобы не увернуться от летящей к лицу женской ладони. Хотя пощечина Сераму была гораздо более мягкой, если сравнивать ее с Цунаде. Но та просто зверь в девчачьем теле, так что сравнивать с ней никого не стоит. Но даже если Сераму не хватало силы Сенджу, мою голову мотнуло, а щеку обожгло резкой болью. Похоже, вскрылись так толком и не зажившие раны на лице, оставшиеся после попыток создания паутины. Чувство влаги на щеке и металлический вкус крови во рту подтвердили мои опасения. Хорошо, что маска пока впитывает кровь. Не хотелось бы замарать кимоно, второе такое с шестью рукавами я найти

быстро не смогу.

— Вам стоит быть аккуратнее, моя королева, — спокойно произнес я, снимая с шеи все еще болтающийся там сигнальный амулет. — Позвольте исцелить вашу руку.

Кулон не мешал до определенного момента использовать тайдзюцу, но ирьениндзюцу его точно бы активировало. Ломать попусту чужое имущество не стоит.

— Мама? — прозвучал позади меня голос девочки, в котором смешалось удивление и настороженность.

— Твоя тренировка на сегодня закончена, дочь, — мягко сказала Саре королева, хотя в ее голосе все еще проскальзывали нотки гнева. — Сейчас время учиться экономике, иди к Рейре, она давно ждет тебя.

— Да, матушка... — уже с долей неуверенности сказала Сара.

— И все покиньте зал, — повысив голос, приказала Сераму. — Нам с Омущимару-саном предстоит долгий и серьезный разговор.

Глава 12. Предложение

11 июля 45 года от начала Эпохи Какурезато

В борцовском зале установилась гробовая тишина. Давно захлопнулись створки за последним вышедшим самураем. Сейчас даже можно было расслышать отдаленный шум человеческих голосов на улице и приглушенный трубный рев тягловых и вьючных мамонтов. Похоже, как раз доставили очередную партию грузов на дворцовую кухню, иначе животных слышно не было бы.

Кстати, давно пора в Роурани организовать систему общественного транспорта. Здесь есть собственная специфичная энергосистема, основанная на чакре Рюмьяку, и также налажено производство машин, преобразующих энергию чакры в механическое движение. Но, главное, местные зодчие наловчились производить прочные армированные бетонные конструкции. Если уж они умудрились построить тысячи башен поверх старого города, то и несколько веток какого-нибудь монорельса по типу местных лифтов запустить для них не проблема. Надо бы подать идею Сераму... Сальме, наверняка она ее оценит.

Однако сделать это лучше тогда, когда она перестанет испепелять меня взглядом. Да и мне сейчас говорить немного неудобно. Вновь открывшиеся раны на лице начали отекать, и с этим что-то нужно делать.

— Отрадно, что ты мне поверила, — коротко сказал я, сняв с лица окровавленную маску и аккуратно ею же зажав раны.

Манипулируя чакрой, мне удалось заставить кровь поскорее свернуться. К несчастью, поврежденные каналы все еще не позволяли исцелиться быстро, но хотя бы кровью не истекаю. Как я и говорил, случайно заляпать свое уникальное кимоно было бы досадно. Но еще хуже, если я изгваздаю кровью парчовое платье королевы.

— Пока не поверила, — холодно бросила Сальма. — Мое настоящее имя знают единицы, но и его можно при большом желании узнать постороннему.

— Тогда за что же я получил пощечину? — с иронией спросил я, вытирая кровь с лица безнадежно испорченной маской.

— Пока только за наглую попытку присвоить себе имя Тацумы, — оценивающе разглядывая меня, произнесла королева. — Если же тебе удастся меня убедить в правдивости своих слов, то пощечиной тебе не отделаться.

Я с унынием вздохнул и, усевшись на пол, начал разглядывать королеву в ответ.

— И как же мне тебя убедить? — поинтересовался я. — Пересказать, как мы вылетели из рушащегося дворца и оказались в сторожевой башне? И подробности о произошедшем в ней тоже поведать? Или привести сюда Кавакихиме в ее истинном облике, чтобы она подтвердила мои слова?

— Последнего лучше пока избежать, — излишне торопливо ответила Сераму. — Лучше пока Кавакихиме оставаться безмолвным мечом.

— Не хочешь, чтобы наша дочь узнала лишнее?

— МОЯ дочь! — жестко поправила меня Сераму, наклонившись вперед и нависнув надо мной темной грозовой тучей. — Сара — моя дочь и дочь самурая. Хорошенько запомни это, Орочимару. Никакой шиноби не может быть ее отцом!

— Жестко, но справедливо, — кивнув, спокойно согласился я, испытующе глядя на женщину перед собой. — Справедливо не столько с морально-этической точки зрения,

сколько с военно-стратегической, не так ли? Сара воспитывалась на уважении к своему героическому отцу, это подвигло ее саму начать обучаться навыкам самураев. И так тебе удастся гораздо проще притягивать к себе ронинов и самураев из соседних стран и даже из Страны Железа.

Роды самураев, несмотря на полный упадок их культуры, все еще существуют в мелких странах, хотя шиноби их теснят повсеместно. Сара, как принцесса Роурана и дочь самурая, воспитываемая в традициях онна-бугейша, наверняка привлекает те самурайские роды, которые не желают ни исчезнуть, ни влиться в иерархию Страны Железа.

— Ты прав, но не нужно делать меня более черствой, чем я есть на самом деле, — пренебрежительно фыркнув, ответила королева. — Или ты думаешь, раз явился ко мне весь такой красивый спустя более десяти лет, то я теперь должна упасть прямоком к тебе в объятия? Признать отцом дочери? Нет!

— Что правда, то правда, — философски изрек я. — Но в чудеса я не особо верю, особенно в этом мире. Поэтому и не рассчитывал, что в тебе проснутся какие-нибудь чувства ко мне. С момента нападения Сабакушин на дворец мы с тобой были вместе всего недели две. И с тех пор прошло слишком много времени. Ты была под действием наркотиков и гормонов. Я был в облике Тацумы Гото, а сейчас и вовсе явился в теле шестирукого мутанта.

— Но ты все равно явился ко мне и выложил свои откровения, — зло процедила королева и, несколько секунд посверлив меня взглядом, без слез спрятала свое лицо в ладонях. — Зачем? — спросила она глухо. — Зачем тебе это было нужно? Ты хоть понимаешь? Понимаешь, что я сейчас чувствую?

— Я эгоистичная сволочь, — мягко сказал я, ласково погладив нижней парой рук лодыжки Сальмы, выглядывающие из-под подола платья. — А ты слишком красива, чтобы забыть о тебе. Ты влюблена в свои воспоминания, но я хочу, чтобы ты любила меня.

— Ты выбрал не лучший способ!

— Сначала я хотел все оставить в тайне, просто попытаться добиться взаимной любви от тебя, но если уж за десять лет не нашлось никого, кто смог бы заменить в твоём сердце поддельного Тацуму Гото, то и у меня шансы были не велики, — искренне ответил я и одновременно, почувствовав безнаказанность и сняв мягкие замшевые сандалии с королевы, в четыре руки начал нежно массировать ее ступни. — Чтобы создать новое, пришлось пошатнуть веру в старое.

— Какой же ты мерзавец...

Контролируя поток чакры, я мягко направлял его сквозь пальцы в тенкецу системы циркуляции чакры и в нервные узлы Сальмы. Не знаю, есть ли в стиле Мягкого Кулака техника ориентированного на использование возможностей бьякугана для массажа, это мне еще предстоит выяснить, но я подозреваю, что есть. Потому что глупо использовать возможности додзюцу только в бою, забывая о медицинском потенциале, который открывает возможность видеть тенкецу. Даже я, тот еще скептик в отношении местной медицины, все же после приобретения кецурьюгана оценил возможности рейки — местного аналога рефлексотерапии, чего-то вроде акупунктуры, но без игл.

— Мерзавец, — легко согласился я, массажем помогая телу королевы расслабиться. — Но ты сама сказала, что тебе нужен дракон для защиты. Путь от Белого Змея до Бога-Дракона вышел не быстрым, и здесь с тобой я бы его пройти, наверное, не смог.

— Это жалкое оправдание, — все так же не размыкая рук, сказала королева.

— В любом случае, прошлого уже не вернуть, — прижавшись лбом к коленям женщины,

вымолвил я. — Но будущее в наших руках, и мы не должны повторять старые ошибки. Я не должен. Поэтому я здесь.

Сухие ладони женщины опустились мне на голову и нежно провели по ежику белых, едва отросших волос. Но мою попытку снова поднять взор Сальма твердо пресекла.

— Не двигайся, — приказала королева. — Твои руки и касания напоминают о прошлом. Пока я не вижу лица. Поэтому... Поэтому просто сиди так.

— Когда-нибудь тебе придется привыкать к новому лицу, — предупредил я, исполнив пожелание Сальмы. — Хотя не к этому. Есть риск, что мне придется избавиться от клонов.

— А среди этих твоих клонов есть один хоть отдаленно похожий на Тацуму? — поинтересовалась королева.

— Наверное, Увабами, — неуверенно ответил я. — Я не ставил перед собой цели повторить облик Гото, но Увабами на него похож хотя бы черными волосами и чертами лица.

— И почему здесь Омушимару, а не Увабами? — требовательно спросила Сальма.

— Потому что он больше подошел для Кумогакуре.

Я не знаю, какие логические цепочки пронеслись в голове Сальмы в следующие мгновения, но ее следующий вопрос меня немного удивил.

— У тебя и там кто-то есть? — в голосе королевы явственно читались нотки подозрительности и ревности.

— А если так, то что? — ради интереса полюбопытствовал я.

Я уловил, как участилось дыхание Сальмы, а ее руки чувствительно сжались на моей голове. От тела королевы ударил мощный поток знакомой мне чакры Рюмьяку, который образовал полноценный покров вокруг тела женщины. И через мгновение эта чакра вторглась в мою систему циркуляции.

Острая боль на миг обожгла лицо, но уже вскоре сменилась зудящим онемением. Это тело имело интересное улучшение — при превышении определенного порога боли мозг переставал воспринимать сигналы от болевых рецепторов. Именно это сейчас и произошло. Поток энергии Рюмьяку, направляемый королевой, едва ли не заново прорезал в моем теле каналы чакры, заменив поврежденные мною при неудачном исполнении ниндзюцу. Процедура эта, должно быть, очень болезненная.

Поразмыслить над интересным способом исцеления, продемонстрированным королевой Роурана, мне не дала сама королева Роурана. Резко схватив меня за подбородок, она подняла мою голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Ты за кого меня держишь?! — яростно прошипела Сальма, вокруг которой запылало иллюзорное пламя из чакры цвета сакуры. — За девку из мерзких восточных красных кварталов? За послушную ручную собачку, готовую прыгать по первому слову? Или у тебя излишне высокое мнение о себе? Дети от двух женщин в Стране Звука. Женщина в Кумо. Что еще? Тайная жена в Конохе? Планы на гарем в будущем?! В какой эпохе ты, по-твоему, живешь?!

— Сальма, — серьезно произнес я, аккуратно обхватив ладони женщины своими, — во-первых, я живу в эпохе, которую создаю сам. Во-вторых... Любовь — это большое счастье, но она же приносит много страданий. Я уже принес тебе достаточно горя. Отныне, если ты мне не будешь мешать, я обещаю дарить тебе только радость.

— Верить обещаниям того, кто только сегодня утверждал, что не может раскрыть подробностей о своей миссии в Роуране из-за данных клятв, но выложил все не более

получаса назад? Я похожа на дуру? — презрительно фыркнув, выпалила королева. — И, по-твоему, указывая на твою блудную и скотскую природу, я мешаю себе быть счастливой?! Да ты тот еще наглец!

— Я считаю, что, назвав меня нукенином, Коноха также освободила меня от клятв, — усмехнувшись, ответил я. — Указывать на мои недостатки ты можешь, и это даже необходимо. Но противиться любви из-за наличия у меня других женщин глупо, ты просто родишь себе лишние страдания. Ты можешь ненавидеть меня сейчас, но ты не можешь перестать меня любить. Потому что я знаю тебя, знаю, что тебе нужно. Я подарю тебе то, о чем ты мечтаешь. Я сделаю тебя счастливой, даже если ты сейчас сама будешь отпираться от этого.

— Самовлюбленный мерзавец, — поджав губы, брезгливо охарактеризовала меня Сальма. — Может, ты считаешь, что твои слова должны покорить меня, но пока добиваешься лишь обратного результата. Ты мой дракон и защитник, говоришь? Мне кажется, что ты все тот же змей. Очень извращенный змей. Что там в Рюджинкё говорят на счет прелюбодеяния? Не напомнишь, Рюджин?

— А при чем тут прелюбодеяние? — широко улыбнувшись, невинно спросил я. — Отношения мужа и жены касаются лишь их самих. Чем бы они ни занимались, это не прелюбодеяние. И, кстати, насколько мне известно, в Редаку до сих пор сохранилась милая традиция.

Одной из рук я ловко вытянул из потайного кармана давно припрятанное кольцо, доставая его на свет. Скромное платиновое украшение не выделялось ничем, кроме небольшого ромбика, покрытого переливчатой бирюзовой эмалью.

Отпустив ладони королевы и встав на одно колено, я уверенно попросил:

— Сальма, стань моей женой.

По крайней мере постарался, чтобы мои слова прозвучали уверенно. Хоть я достаточно изучил психологию Сальмы, но все же в критических ситуациях человек склонен поступать не так, как делает это обычно. Терять этого клона раньше времени мне бы не хотелось.

Судя по на миг вскипевшему покрову чакры вокруг женщины, у меня были все шансы лишиться Омушимару, но в следующую секунду иллюзорное пламя начало постепенно опадать. Сама же Сальма, запрокинув голову, горько рассмеялась.

— Ты безумец! — отсмеявшись, безапелляционно заявила Сальма и, схватившись за голову, слабо прошептала: — И ты заражаешь своим безумием меня. Откуда этот камень?

— Камень Гелела? Или, правильнее, камень Герел? — посмотрев на загадочно переливающийся в лучах света ромбик на кольце, уточнил я. — Для тебя он так важен? Конкретно этот добыт в местной шахте. Но я знаю, что на севере должна быть еще одна. Там, где есть еще одна жила дракона.

— Если ты о ней знаешь, — медленно и с расстановкой произнесла королева, — то должен быть в курсе, что она запечатана.

— Запечатана, — согласился я, — но пока я ее не нашел, поэтому не могу сказать, насколько надежна печать. Посмотрим, что об этом скажут специалисты из клана Узумаки, не зря же я их сюда привел. Но если и они не справятся, то лет через пятнадцать-двадцать с Микталампу приплывет наследник старой империи, его кровью можно будет снять печать.

— Мигуй-талам, — отстраненно произнесла Сальма.

— Что? — не понял я.

— Не Микталампу, а Мигуй-Талам. Так назывался соседний континент до того, как

название извратили варвары. Страна Кошек, так можно перевести это название. Путешественник хотел обойти землю по морю и прибыть на противоположный край этого континента, в существовавшую тогда там Страну Кошек. Но открыл новый континент.

— Да, это, конечно, очень интересная история, — нетерпеливо сказал я. — Но не уходи от темы. Ты станешь моей женой?

— У тебя совсем нет совести? — опустил руки и неодобрительно покачав головой, спросила королева.

— Совесть, может, тоже нет, но сейчас в первую очередь нет времени, — проворчал я. — Нельзя давать тебе время на раздумья. Иначе ты себя еще больше накрутишь, и жениться на тебе станет еще сложнее.

— Спасибо за честность, — с едкой усмешкой поблагодарила Сальма, не отводя взгляда от кольца.

— И все-таки тебе интересен этот камень, — проследив за взглядом королевы, прокомментировал я. — Что в нем такого?

— Ты шутишь? — вскинув брови, взглянула на меня Сальма. — Спроси себя, что интересного в биджу, и ты получишь ответ на свой вопрос.

— Источник чакры — это хорошо, но нужно иметь возможность его защитить. Сколько раз твой род едва не утратил Роуран и Рюмьяку? Ты хочешь обрести еще больше проблем?

— Я до сих пор у власти, — упрямо поджав губы, заявила Сальма.

— И благодаря кому? — с иронией спросил я ее. — Ты же прекрасно понимаешь, что Страна Песка существует не только благодаря твоим политическим талантам. Почему биджу владеют только Великие державы и те, кому они разрешили ими владеть? Потому что, чтобы получить большую силу, нужно уже иметь огромную мощь, с которой нельзя не считаться. Роуран жил под защитой Страны Ветра, пока в ее составе не стал слишком большой угрозой для других стран, и ты благоразумно предпочла объявить о независимости. Но это было временным решением. Мы оба это понимаем.

— Пока во мне не разыграются великодержавные амбиции, как в правителе Страны Неба, мне волноваться не о чем, — безэмоционально ответила королева. — Здесь край мира, если не тревожить больших соседей, можно жить без опаски быть уничтоженной.

— И ты, как будто, сейчас именно так живешь? — не удержался я от сарказма. — Собираешь вокруг себя самураев. Нарращиваешь боевую мощь. И только за последний год моими людьми было предотвращено пять попыток твоего убийства. Это, по-твоему, спокойная жизнь?

— А какие предложения у тебя? — устало вздохнув, спросила Сальма. — Пока существуют Великие державы, жизнь малых стран спокойной не будет.

— Ты верно сказала, — довольно улыбнувшись, ответил я. — Пока существуют Великие державы.

В ответ на мои слова Сальма наградила меня долгим изучающим взглядом.

— Ты безумец, — заклемила она меня после нескольких секунд раздумий. — Но мне нравится ход твоих мыслей. Не поделишься ли ты ими со мной еще?

Поняв, что пока королева не собирается принимать мое предложение, я опустил руку с кольцом, остальными же поправил платье королевы, расправляя едва заметные складки на нем.

— Почему бы и нет? — ответил я Сальме. — Великие державы мешают не только твоей Стране Песка, но и моей Стране Звука. Думаю, многие малые страны не рады соседству с

крупными державами.

— Но военные силы этих малых держав никогда не сравняются по могуществу с Какурезато, вроде Конохи или Кумо, — перебила меня Сальма. — И твоя Отогакуре не исключение, даже если в нее сбежали все Узумаки из Узушиогакуре, что невозможно в принципе.

— Надеюсь, Отогакуре все же способна удивить соседние деревни шиноби, — нехорошо усмехнувшись, сказал я. — Но речь не о том. В нашу эпоху Какурезато политическая система сильно изменилась. Сейчас в большинстве стран фактически существуют две независимых власти — гражданская и военная. Хотя дайме владеют широкими полномочиями, и теоретически именно по их воле создаются альянсы и начинаются войны, но на деле взаимодействие между дайме и шиноби тоньше и изощреннее.

— От страны к стране оно различается, — поправила меня Сальма. — Есть государства, где шиноби полностью подчиняются дайме.

— А есть те, где дайме и вовсе не осталось, — встав с пола, заметил я и начал неспешно вышагивать перед королевой, менторским тоном выкладывая ей свои мысли. — Но это уже частные случаи. Нам интересно то, что Какурезато так или иначе зависят от гражданской власти. Шиноби получают финансирование из казны государства в обмен на военную защиту. И это очень существенные деньги. Из-за того, что Какурезато съедают ощутимую долю бюджета, дайме перестали содержать большое количество обычных военных отрядов. Да и незачем это. Однако есть один нюанс. Среди общих для всех шиноби правил существует и такое, которое запрещает влезать в политику. Не только запрещает ею заниматься, но и устранять дайме, аристократию или вообще свергать правительства. Любой, кого заподозрят в подобном, неминуемо станет нукенином.

— И ты тоже стал нукенином из-за этого? — шутливо поинтересовалась королева, провожая меня взглядом.

— У меня за душой были и другие нарушения, но и про вмешательство в жизнь Страны Рисовых Полей тоже никто в Конохе не забывает, — согласился я. — В общем, из-за этого правила и из-за отсутствия какой-либо иной значимой военной силы помимо шиноби, границы стран после двух больших войн существенно не поменялись. Если не считать появления твоей Страны Песка и исчезновения Страны Водоворота, конечно. Шиноби не нужны земли, они не ведут завоевательных войн, если об этом настоятельно не просит дайме. В основном ниндзя вытесняют своих конкурентов, которые могут отнять у них прибыльные заказы. Фактически они целенаправленно уничтожают друг друга. Даже попытка захвата восточного побережья Страны Горячих Источников для постройки фотолизных заводов по получению водорода в итоге вылилась в полное уничтожение Узушио. Кумо и Кири потратили на это много ресурсов, из-за чего уже не имели шансов укрепиться на самом побережье. Им повезло, что Деревня Скрытая в Горячих Источниках испугалась судьбы Водоворота и просто объявила о демилитаризации.

— Мне противно это признавать, но вынуждена процитировать тебя: это, конечно, интересная история, но переходи уже к делу, — хмуро попросила королева. — Как ты хочешь пошатнуть власть Великих держав? Надеешься, что во время очередной войны они окончательно уничтожат друг друга, не задев при этом Страну Звука? Это наивно. Все Мировые войны в первую очередь огнем проносились над малыми странами, а не над Великими державами.

— Однакои они не переносили их бесследно, — ответил я, сложив руки за спиной и

установившись на светлое пятно бойницы, сквозь которую виднелось далекое синее небо. — Я сам прошел две войны на стороне одной из Великих держав. И могу с уверенностью сказать, что шиноби Большой пятерки гибнут с тем же успехом, что и все прочие ниндзя. Но я не рассчитываю только на то, что какурезато в скорой войне взаимно ослабят друг друга. Хотя это неизбежно произойдет. Коноха вынуждена будет использовать детей в боях. Суна переживет восстание одного из сильнейших шиноби, и ее песок станет алым от крови. Также Кири окутается кровавым туманом. Кумо потеряет Третьего Райкаге, а, может, и что-то большее. А Ива понесет большие потери от молний...

— Я слышана о твоих пророческих талантах, Орочимару, — закусив губу, сказала Сальма. — И буду очень впечатлена, если все сказанное тобой сейчас сбудется. Но строить планы на основе таких пророчеств я бы никогда не стала.

— Я тоже, потому что многое уже поменялось и мои предсказания могут быть неточны, хотя они мне все равно помогают, — согласился я. — Однако бороться с Великими державами я собираюсь, не ориентируясь на предсказания и не надеясь на ослабление какурезато. Не так давно я посетил Страну Железа, и ее дайме навел меня на интересную мысль.

Повернувшись к королеве, я подошел к ней и сел рядом на тахту.

— Рюджинкё постепенно распространяется, — поведал я Сальме. — Мое учение подхватывают люди, они принимают его. Они принимают меня за мессию. Это уже приносит неудобства дайме Мифуне. И теперь я думаю, что нет необходимости побеждать шиноби, чтобы завоевать страну. Нужно покорить умы людей, и они сами преподнесут мне свое государство.

— И все-таки ты безумец, — расстроено покачала головой Сальма, выслушав меня. — Я не вижу в Рюджинкё потенциала, способного покорить целые страны.

— А это и не обязательно должно быть Рюджинкё, — поправил я королеву. — Главное для нас — это метод. Сейчас новости распространяются торговцами, монахами и немногочисленными странниками. Мы просто должны перехватить все информационные потоки. Мы должны формировать у простого народа представление о мире. Мы убедим их в том, что нужно нам: поднять восстание, сместить нынешнее правительство, перестать поддерживать шиноби. Обвиним во всех бедах народа зарвавшегося феодала, и его поднимут на вилы. Так же можно расшатать и население какурезато.

— Не скажу, что идея новая, — задумчиво вымолвила Сальма. — Она интересная, но только на словах. В реальности же появляется много трудностей. И скорее на вилы поднимут неудачливого сплетника, чем дайме.

— Так и будет, но только пока власть дайме крепка, а люди живут в достатке, — частично согласился я. — Но война все меняет. Главное, подобрать правильные слова и вложить их в уши.

И для этого мне тоже нужна связь. Обычное радио, которое было бы доступно всем и каждому, просто идеальный вариант. В целом многое для широкой сети вещания готово. Учитывая нелинейность местного технологического прогресса, уже сейчас, например, в Стране Звучающего строятся стратосферные дирижабли, из которых при желании можно сделать ретрансляторы. И вещать пропаганду на весь континент. Проблема только в том, что радио-то нет. Ни приемников, ни передатчиков. По крайней мере, у меня нет. В Анбу какой-нибудь Кумо, может, технологии и есть, но до них еще нужно добраться.

— Впрочем, в своем плане по снижению влияния Великих держав я делаю ставку не

только на перемену в умах ее жителей, но и на более или менее классические методы.

— Об этом я догадалась, еще когда ты заговорил о найме простых людей в строительные отряды, — не удивилась моему заявлению королева. — В обычной войне шиноби такие отряды были бы не очень полезны. Но во время нападения и вторжения в глубину территории противника они стали бы незаменимы. Чем больше расстояние, тем менее эффективно тыловое обеспечение обычных отрядов шиноби: генины быстро устают, свитки не могут вместить достаточное количество припасов. Поэтому нужны мосты и дороги для простых обозов, которые подвозили бы продовольствие и вооружение к фронту.

— При наступлении Страны Ветра мы часто разрушали инфраструктуру, чтобы остановить продвижение вражеских отрядов по своей территории, — согласился я с догадками Сальмы. — Как правило, шиноби на этом успокаиваются. Но не в моем случае. Когда есть цель построить империю, нужно менять привычную стратегию.

— Империю, значит? — заинтересованно переспросила королева.

— Империю от моря до моря, — твердо ответил я, снова показывая свету платиновое кольцо. — Империю, которой нужна достойная императрица.

Сальма несколько секунд молча смотрела на небольшой кусочек металла в моей руке, прежде чем сказать:

— А я уж на свое счастье забыла, с чего начался наш разговор, — пробормотала она. — Сложно не поверить человеку, предсказания которого так часто сбываются. Надеюсь, я об этом не пожалею.

Сальма медленно подняла свою руку, подставив мне ладонь. Не став медлить, я аккуратно надел кольцо на безымянный палец. Меньше чем через секунду идеально подошедшее украшение уже мерцало на руке королевы, которая задумчиво любовалась новым аксессуаром, стараясь не шевелить ладонью, словно держа в ней очень опасную вещь.

Чтобы прервать странное оцепенение женщины, мне пришлось мимолетно прикоснуться губами к тыльной стороне подставленной ручки.

— Я рад, что самая замечательная женщина на всем западном побережье этого континента стала моей женой, — радостно сообщил я Сальме, порывисто обняв ее. — Когда-нибудь я познакомлю тебя с самой замечательной женщиной Страны Огня. Надеюсь, вы с ней подружитесь.

Оказавшаяся в моих объятиях королева на миг одеревенела, после чего издала похожий на приглушенное рычание звук. Кажется, это была угроза раскатать меня в лепешку прямо здесь и сейчас. Вновь охватившее тело Сальмы сияние чакры только подтверждало мои предположения.

— Ну уж нет, — подхватив женщину на руки, решительно пресек я ее садистские намерения. — Сейчас настало время мириться!

— Мерзавец! — яростно прошипела Сальма, отчаянно колотя меня по спине и пытаюсь одновременно отдышаться после долгого поцелуя. — Куда поползли твои руки, животное?!

— Отношения между мужем и женой остаются лишь между ними, любимая моя жена!

Глава 13. Исцеление

1 сентября 45 года от начала Эпохи Какурезато

С холма, на котором расположился храм Рюджина, открывался отличный вид на Отомуру. Отличный в том плане, что можно было обозреть большую часть растущего города. А вот по содержанию отличного в нем, на мой взгляд, было немного.

Несмотря на мои пожелания, город так и не обзавелся нормальной застройкой. Понятно, что заставлять шиноби застраивать гражданское поселение никто бы не стал. Я и в Отогакуре на это пошел только из-за необходимости на время пристроить к делу Узумаки, которых старался скрыть от посторонних глаз. А так все, кто умеет контролировать чакру и имеет хоть сколько-то значимый ее резерв, заняты развитием боевых, медицинских или разведывательных навыков. Мы все-таки не в Стране Воды живем, где практически идет целенаправленное сокращение численности шиноби, у нас тут своя стратегия развития армии и политика, которые требуют наличия многочисленной армии.

В итоге Отомура строилась обычными людьми, но на нужды столицы и специалистов нужного профиля не хватало, и их компетенции, и даже банальных строительных материалов. Здесь все же не Роуран, который издревле располагался на торговом пути и, несмотря на климат, был многолюден. Здесь у нас совсем недавно был дремучий край, погрязший в войнах и нищете. Короче, здесь не было специалистов и не было достаточно мощной промышленности, способной произвести строительные материалы и технику. Столица получалась слишком разношерстной. Не таким мне виделся этот город в планах.

Еще раз оглядев город с балкона одного из зданий храма, я невольно криво улыбнулся. Тридцать лет назад, когда я только полноценно переродился в этом мире и осознал, куда попал, я и не думал, что все обернется так. Моей мечтой тогда было изучение окружающей меня действительности, в частности, живой ее части. Чакра и шиноби казались мне больше помехой на пути к моей цели. Что же пошло не так, что изменилось, раз теперь я из окна возведенного мне храма смотрю на столицу моего государства и строю планы на его расширение? Наверное, в какой-то момент я решил изменить этот мир, даже не заметив, что он уже изменил меня. С какой-то стороны, это печально. Но с другой же, все закономерно — новый мир и новые возможности. Сложно было остаться прежним.

— Рюджин-сама, — привлекла мое внимание бесшумно воплотившаяся за спиной мико. — Все готово к ритуалу.

— Тогда пойдем, — еще раз окинув город скептическим взглядом, ответил я.

Обернувшись, я увидел согнувшуюся в поклоне женщину из клана Ибури в красно-белом одеянии. Она была без нехарактерных для человека лисьих ушей и хвоста, которые обычно проявлялись при активации ставшей уже клановой печати Зверя. Видимо, к своим годам приоровилась использовать кеккей генкай в комбинации с природной энергией джуиндзюцу без ненужных эффектов. Молодые девочки, которые служат и учатся на Кумотори, как правило, так не умеют.

Клан Ибури, кстати, пополняется новыми членами не так быстро, как распространяется Рюджинкё и строятся новые святилища. Так что при этом храме уже появилась, так сказать, духовная семинария или медресе, в то время как на Кумотори получился полноценный дацан, монастырь-университет для пополнения стройных рядов мико и каннуши. То, что зарождалось как мистический культ почитания Рюджина, постепенно переродилось в

полноценную религию со всей присущей ей бюрократией и институтами. В конце концов, религия — это не только вера, мировоззрение и свод учений и моральных норм, она должна включать объединяющую людей организацию по определению.

В местной традиции, многое перенявшей от буддизма, религиозная община, объединяющая верующих целых стран, называлась сангха. Например, сангха Страны Огня. Если же перевести это слово на более понятный мне язык, то это будет церковь. Моя сангха по структуре не сильно отличалась от иных, только вместо монаха или дайме во главе имелся я и Отохиме, что, в принципе, одно и то же. Хорошо еще, что местная культура помимо буддистских традиций переняла немало и от синтоизма. Путь богов подразумевал, что любой человек может стать богом, отсюда и прозвище Хаширамы, например. Для меня это удобно тем, что моя божественность как бы есть, но она не настолько сверхъестественная, чтобы я не смог перенести фокус религиозного почитания с себя на более нематериальную и мистическую сущность. А то начинал чувствовать себя главой какой-то маргинальной секты, а это неприятно.

Кстати, если речь пошла об обожествляемых Каге.

Порывшись в потайных карманах на рукавах своего кимоно, я достал небольшой, размером с указательный палец, свиток, принесенный мне соколом не более десяти минут назад. Развернув его, можно было увидеть на первый взгляд хаотичный рисунок из линий и точек. Штрихкоды пока не получили широкого распространения в криптографическом деле шиноби ввиду малой распространенности считывающих изображения устройств и общей технологической отсталости мира, но я над этим работаю. А пока зашифрованные в виде штрихкода послания могу прочитать только я, пользуясь своей памятью и кецурьюганом. Написать их я тоже могу, но уже с помощью ниндзюцу. А вот другим приходится пользоваться единственной ЭВМ в Разведуправлении Отогакуре, на которой имеется ключ к коду.

Стандартного размера свиток для посыльных животных свободно вмещал вполне читаемый штрихкод до четырех с половиной тысяч иероглифов на страницу, которые обычным написанием на этот клочок бумаги впихнуть было бы нереально. И это было, наверное, для меня более важным фактором использования для посланий нового способа кодирования информации, чем просто желание сохранить переписку в тайне при возможном перехвате послания. Хотя если бы кто-то перехватил это письмо и смог его прочесть, то мне бы тогда сильно не поздоровилось.

Разведуправление послало отчет о свежих результатах допроса плененного Райкаге. Этот тип, к моему негодованию, после нашей схватки даже с почти полностью выкачанной чакрой оклемался быстрее меня. После того, как Эя еще в бессознательном состоянии подлатали, он быстро пришел в себя и едва не успел убиться. На этот раз сам по себе, используя имеющееся на себе джуиндзюцу. К счастью, Чиноике с их гендзюцу вовремя пресекли попытку самоликвидации. Только с проклятой печатью нужно было что-то делать.

Каге пока ни разу не попадали в плен, но, видимо, из здоровой предосторожности Эй решил наложить на себя джуиндзюцу, которое не позволяло ему раскрывать секретную информацию и могло его убить в случае необходимости. Мне же он нужен был живым и, желательно, способным говорить. Информацию можно получить и из марионетки Малис, но если при этом разговаривать и самого Райкаге, то процесс пойдет быстрее.

Сами по себе проклятые печати, как правило, подразумеваются неснимаемыми. Хотя есть способы их подавления, вроде *Фуджа Хоин*, но они не универсальны и в основном

базируются на желании самого шиноби избавиться от нежелательной печати. К счастью, в Отогакуре имелся богатый опыт снятия джуиндзюцу.

Когда я впервые увидел Юко Учиха, вернувшуюся к Отохиме, то поразился, сколько проклятых печатей можно поставить на человека. На ней была и стандартная для Анбу *Зекка Конзетсу но Ин*, запрещающая разглашение секретной информации и парализующая при попытке это совершить, была и более изощренная версия этой же печати, которая вместо паралича вызывала довольно сильный взрыв, уничтожающий носителя и окружающих его потенциальных вражеских шиноби. Также я заметил и разработанную Цунаде технику *Джиген Шики*, которая во многом повторяла взрывающееся джуиндзюцу Корня. Но помимо запрещающих совершать определенные поступки печатей, на Юко нашлись и более интересные, например, разработанная в Корне же *Кугуцу но Норой*, позволяющая контролировать человека и не заметная даже с помощью бьякугана или шарингана. И я, если честно, до сих пор не уверен, что обнаружил все закладки, оставленные Конохой на отпущенной на волю куноичи. Совсем не исключаю, что и от клана ей что-нибудь перепало. Например, запечатанная в глаза техника, которая активировалась бы при восстановлении зрения. Это вполне в духе Учиха.

Сам бы я от такого букета джуиндзюцу избавился Заменой Тела, но без моего генома этот метод невозможен. Пришлось воспользоваться более традиционными способами, имеющимися у разных кланов Отогакуре.

Так или иначе, но методики снятия джуиндзюцу у меня имеются, пусть и долговременные, и первые результаты от допроса самого Райкаге начали получать мы только сейчас, спустя два месяца. Естественно, чтобы получить информацию от пленника, нужно было знать, о чем спрашивать. Для начала шиноби разведуправления решили выяснить подробности создания некоторых ниндзюцу Кумо и, похоже, кое-что у них получилось.

Речь, конечно, не про коронные техники *Эя, Райтон но Йорой* или *Джигокузуки*, которые я смог вполне неплохо рассмотреть кецурьюганом во время боя, и даже не про черную молнию, хотя я не совсем понял принцип ее создания. Помня мои указания, отдел допросов сконцентрировался на получении информации о *Тенсо* — технике Райтона, позволяющей перемещать предметы с околосветовой скоростью. В рамках планеты это означало фактически мгновенное перемещение. Полезная штука даже при наличии в Ото нескольких обученных *Хирайшин* шиноби, причем Котоширо владеет им почти на уровне Минато. Все же техника перемещения Второго Хокаге имеет ряд минусов: телепортация возможна только к заранее поставленной метке, ее дальность ограничена сенсорными возможностями пользователя и, главное, я ей так толком и не овладел. У *Тенсо*, конечно, минусов не меньше, если не больше, но, думаю, я с ними как-нибудь совладаю.

Далее в послании сообщалось о некой системе беспроводной связи. Какой-то вид телетайпа у Кумо есть, что не удивительно, учитывая их электрическую направленность и некоторое технологическое превосходство. Однако пока технология не достигает нужного для моих планов уровня развития.

Стоит, наверное, с помощью подставного Райкаге ввести в нужные структуры еще шпионов, чтобы внедрить имеющиеся уже у Ото технологии в Кумо. Или чтобы совершить полноценный технологический шпионаж. Посмотрим, как пойдет. Для меня будет удобно, если источником распространения беспроводной связи станет Страна Молний, но нужно как-то ее к этому подтолкнуть. А то шиноби совсем не склонны делиться своими научными

достижениями. Для этого нужен весомый мотив.

И я его даже могу сходу придумать.

Например, для связи дайме. Для шиноби будет удобно, если гражданская власть получит быстрые и надежные каналы связи. Хотя бы по той причине, что в ведении феодалов находятся дипломатические вопросы. Вообще, политическое устройство местных стран очень своеобразно, взаимоотношения между шиноби и аристократией прописаны в контрактах и договорах, но имеют гораздо большую глубину, чем отражают сухие строки на бумаге. В частности, как правило, Каге договариваются о мире или создании альянса между деревнями, и они же могут спровоцировать войну, но именно дайме в итоге принимают окончательные решения. Особенно, когда дело касается альянса.

Феодалам не нравится, когда шиноби усиливаются. Объединение кланов в какурезато во многом создало нынешние великие державы, изрядно уменьшив количество более мелких стран, лишившихся своих кланов шиноби. Союз двух деревень является некоторым риском для дайме утратить свою власть. Или шансом увеличить ее вдвое.

Но возвращаясь к дипломатии. Радиосвязь могла бы серьезно помочь шиноби во время Второй мировой войны, когда на арену вышла Страна Неба. Чтобы объединиться против нее, странам потребовалось много времени, и то кооперация получилась паршивой. Да и после окончания войны на установление мира ушло слишком много времени.

В общем, над этим еще стоит подумать. Имея ручного Каге в какурезато можно добиться большого на нее влияния, чему пример — возможное будущее Киригакуре, но перегибать палку тоже не стоит. Чем разумнее будут выдуманные мною доводы в пользу выгодных для меня решений Райкаге, тем лучше.

Смяв листочек в кулаке, я выпустил немного преобразованной в огонь чакры. Из руки на пол посыпались только легкие мелкие хлопья пепла, быстро подхваченные внезапным порывом ветра и измельченные им в невидимую обычным глазом пыль. О Кумо и планах на будущее с ней можно подумать потом, пока же меня ждет иная, не менее интересная задача.

Вместе с мико мы успели подойти к хараидзё этого храма — заклинательным покоям. Находились они в отдельном здании, стилизованном под местную классику, и обычно здесь проводились обряды по снятию проклятий и изгнанию духов. И хоть на первый взгляд это кажется каким-то шарлатанством, в этом мире к экзорцизму относятся довольно серьезно. Им промышляют монахи других стран, и мико Рюджинкё тоже не стали исключением.

Дело в том, что хотя контролировать толком чакру может далеко не каждый, но имеют-то ее в той или иной степени все местные жители и даже животные. Даже растения и грибы. А с чакрой кривой взгляд или злое слово не всегда бывали безобидны и частенько имели вполне реальные последствия для цели негативных эмоций. Да и злонамеренно настроенные духи при наличии параллельных измерений были вполне реальной опасностью. Не пантеоном демонов Узумаки единым богат этот мир все-таки.

Помимо таких, можно сказать, бытовых проблем, иногда в хараидзё проводились и более серьезные операции. Как, например, сейчас.

Раскрыв тяжелую дубовую дверь, украшенную резьбой с растительным мотивом, я попал в чисто утилитарное помещение. Здесь не было какой-либо религиозной символики, если не считать изображения герба клана Рюсей во весь потолок. В свете солнечных лучей нарисованный черной краской дракон обвивал три сцепленных водоворота красного, синего и зеленого цветов, нависал над всем помещением. В остальном же здесь не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд: голые стены, покрытый татами пол, широкие окна. И лишь на

одной из стен в специальной нише висел широкий белый шелковый свиток, наклеенный на алую основу и окаймленный пурпурной каймой. Данный вид украшения назывался какэмоно и от аналогичного эмакимоно отличался тем, что первый располагался на стене вертикально, а второй — горизонтально.

Данный свиток был иероглифическим и содержал не слишком оригинальное высказывание: не ненависть побеждает зло, а любовь. На полу перед ним в позе сэйдза сидела женщина. Было ей на вид около тридцати, одета в непримечательное черное кимоно с белым поясом, не имеющее никаких гербов или отличительных знаков. При первом взгляде могло возникнуть впечатление, что посетительница заклинательной комнаты смотрит на какэмоно перед собой, но это было не так. Юко Учиха была слепа, поэтому точно не могла видеть композиции.

Нарочито громко ступая по татами, я подошел к женщине и опустился на пол возле нее. Извращаться и пытаться повторить позу сэйдза я не стал, усевшись поудобнее. Отвлекать Юко от раздумий тоже не стал, просто смотрел на нее в ожидании.

Если честно, то после всего, что эта женщина пережила по моей вине, мне как-то совестно перед ней. Хотя с другой стороны, кто знает, не вмешайся я в ее жизнь, не отправилась ли бы она сейчас покорять тернистый путь до Чистого Мира? Но в любом случае раз у меня есть такая возможность, то помочь ей я должен.

— Орочимару? — чуть повернув ко мне голову, спросила Юко.

— Да, это я.

Учиха медленно протянула в мою сторону руку, я в ответ крепко сжал ее. Небольшой ритуал моральной поддержки. Период восстановления Юко был долг, но сейчас она уже более или менее пришла в норму. По крайней мере, научилась снова называть меня Орочимару, а не господином и Рюджином. Помогло то, что мы вместе прошли через многие сражения Второй мировой. Хотя я бы не назвал ее психическое состояние стабильным, потому что в присутствии Отохиме у Юко все равно иногда сдавали нервы. Тем более в нынешних условиях, когда вероятно начало Третьей войны.

— С прошлой войны не прошло еще и пяти лет, — устало сказала Юко, сжимая мою ладонь в своей. — Страны Огня и Земли ведут переговоры о мире, но ты говоришь, что война начнется вновь. Почему так происходит?

— Во время прошлой войны ни одно государство не решило своих задач, — пожал плечами, ответил я. — Обычному горожанину или крестьянину, даже шиноби, это не кажется очевидным, но большие конфликты часто происходят не по желанию человека, не по прихоти одной конкретной личности. Над людьми всегда довлеет их культура, экономика и географическое положение. И если с первыми двумя факторами еще что-то можно сделать, то последний — это уже приговор. Кто бы ни стоял во главе Страны Огня, ему нужно влияние на соседние северо-восточные страны, чтобы контролировать торговые пути: экспорт стали из Страны Железа, золота, латуни, сурьмы из Страны Земли, мышьяка и олова из Страны Молнии. И ему нужно обезопасить себя от возможного нападения. Потому что Стране Земли необходимы все те же торговые пути — нужен деловой лес, хлопок и шелк с юга, безопасный выход к Черепашьему морю и союзные буферные государства на границе со Страной Огня. В Стране Ветра все так же нуждаются в воде, плодородной почве и продуктах. Страна Воды не смогла закрепиться на континентальном побережье, хотя давно мечтает превратить Страну Горячих Источников в свою колонию. Стране Молнии же нужно все и сразу, поэтому она и вовсе мечтает стать мировым гегемоном, подавив остальные

государства.

— О многом можно было договориться в рамках мирных договоров, — с грустью верно заметила Юко.

— Стороны конфликта не могут доверять друг другу. Слишком часто шиноби предавали друг друга, — озвучил я очевидный факт. — И, помимо прочего, у феодалов есть еще одна проблема. Слишком большое количество шиноби. При нынешнем состоянии экономики великие державы не могут позволить себе содержать свои какурэзато. Длительный мир может обернуться уже гражданской войной, когда главное селение шиноби начнет поглощать мелкие, ранее дружественные обособленные кланы и деревни.

За первые две войны был нанесен серьезный ущерб по основе местной экономики — сельскому хозяйству. Страна Неба выжигала поля на юге, фуражиры армий шиноби выгребали все запасы вблизи северного фронта. Поставки из Страны Звука сгладили ситуацию, но не решили ее. Крестьянство и богатые землевладельцы — основной источник дохода у рядовых шиноби — сейчас позволить себе лишние заказы не могут, а ведь ниндзя и войны-то сами в немалой степени начали для расширения своей клиентской базы.

В общем, ничего нового: хотели как лучше, а получилось как всегда.

— Третья мировая должна стать последней на десятки лет вперед войной между великими державами, — поведал я Учиха, — но ценой жизни тысяч шиноби.

Юко несколько секунд хранила молчание, переваривая мои слова, прежде чем устало сказать:

— Я не знаю, что мне делать, если ко мне вернется зрение, — с этими словами она опустила голову. — Мне нужно будет вернуться в Коноху. Я должна. Но не хочу.

— Когда ты пришла в Ото, никто еще не знал обо мне. Сейчас, когда в Конохе я нукенин, и там известно, где ты находилась, вернуться в Лист будет сложно, — заметил я. — Но делать это и не обязательно.

— Я должна, — вновь сжав мою ладонь, настойчиво произнесла Учиха.

Вот об этом я и говорил. Чувство долга в шиноби развито чрезмерно, и оно пришло в противоречие с желаниями самой женщины. Психической стабильности это ей не добавляло.

— А каков был бы твой долг, если бы Учиха восстали против Конохи? — полюбопытствовал я.

— Это невозможно, — убежденно сказала Юко, не ответив на мой вопрос.

— Не так невозможно, как ты думаешь. Но вопрос не в этом, а в том, как ты поступишь? Клан или деревня?

На этот раз женщина задумалась, прежде чем неуверенно ответить:

— Клан...

— Интересно. Хотя родилась ты после основания Конохи, но клановое воспитание в тебе сильно, — кивнув, произнес я. — Тогда вспомни период внутренних войн клана Учиха. Вы убивали друг друга, пока Наори и ее группа не остановила кровопролитие. Почему в выборе между кланом и деревней ты выбираешь чью-то сторону, а не середину, как Наори. Почему ты не ответила, что попыталась бы примирить стороны?

Юко без слов судорожно сжала мою ладонь в своей, повинно склонив голову. Мне оставалось только недовольно поджать губы, мысленно констатируя профнепригодность женщины как куноичи. В нынешнем состоянии ее никуда отпускать нельзя.

— Я не укоряю тебя. Просто говорю, что мы должны хранить то, что нам дорого. Но

иногда это требует принятия сложных решений, — похлопав по плечу собеседницу, сказал я. — Для тебя дороги клан Учиха и Коноха, но помочь им ты можешь и отсюда. Помочь не только клану и родной деревне, но и всем странам. Для тебя до сих пор близки только те, кого ты считаешь своим народом. Но помни, в этом мире у людей, какого бы народа они не были, нет чужаков. Потому что все вы чужаки во владениях Рюджина.

Сказал чужак, явившийся из другого мира. Иронично.

— Я поняла тебя, Орочимару, — со вздохом ответила Учиха, склонив голову. — Я готова к ритуалу.

— Хорошо.

Никогда бы не подумал, что мне придется уговаривать ослепшего Учиха вернуть ему Мангекье Шаринган. Однако вот же как повернулось.

Встав и потянув за собой по-прежнему держащую меня Учиха, я помог ей подняться и подвел к центру зала.

— Ложись на спину, — приказал я Юко.

Пришлось женщине в этом помочь, потому что без зрения она не могла улечься в центре помещения, как этого требовала подготовленная мною техника. Уложив на нужное место пациента, я хлопнул в ладони, позвав ожидающих нас медиков. В зал вежливо, не толпясь, вошли три члена клана Ринха — Илма, Малис и Минай, а так же одна Узумаки — Ояма. Это были лучшие ирьенины Отогакуре. Причем не просто самые искусные в контроле чакры, который обычно и необходим для ирьениндзюцу, но и имеющие большой запас чакры.

На самом деле, для исцеления проще было бы саму Юко перевести в какурезато, но я до сих пор опасался возможных имеющихся в ее глазах закладок. Сама она ничего о них сказать не могла, так как все джуиндзюцу были поставлены на Учиха без ее ведома. В принципе, как мне кажется, чтобы запечатать в чужие глаза технику, нужно иметь Мангекье Шаринган, который имелся сейчас по моим данным только у Микото, и то она о нем не распространяется. Но, может, там еще есть кто такой же скрытный? Фугаку тоже, когда пробудил финальную стадию шарингана, сохранил это в секрете.

Ладно, если там какое-нибудь Аматерасу запечатано, а если техника слежения? Это тогда получается, я зря столько усилий потратил на сокрытие данных о своей деревне? Ну уж нет! Конспирация и секретность съели достаточно моих нервов, чтобы сейчас все благополучно пустить коту под хвост. У какурезато слишком много способных шиноби, заточенных на разведку.

Клан Кедоин в Стране Огня с их техникой превращения, *Као Уцуши*, которая была надежнее использованной в свое время моей матерью *Каге Кагами Шинтен но Хо*. Еще есть человек-невидимка, сын второго Цучикаге, в Ивагакуре. Деревня Джоме вообще специализируется на добыче информации и техник, подходящих для разведки, у них выше крыши. Поэтому лучше сначала исцелить Юко, а потом уже вести ее в деревню.

Пока ирьенины готовились применить технику, я занялся пациентом. Для начала ввел Юко местное обезболивающее и остановил ток крови и чакры, после чего, сложив нужные печати, Скальпелем чакры аккуратно отсоединил глазодвигательные мышцы, сосуды и зрительный нерв. Даже при всем моем старании операция по извлечению глазных яблок совершенно точно не приносила никаких приятных ощущений, но от общего наркоза Учиха отказалась. Так как это не было принципиально, настаивать я тоже не стал.

Вскоре в моих руках оказались два глаза. Их некогда черная радужка была сейчас блеклой, едва не выцветшей, чем напоминала бьякуган. В бою с джинчурики и будущим

третьим Казекаге Юко до дна исчерпала силу своих глаз. Буквально. И дело не только в длительном использовании *Сусаноо* или других техник Мангекье Шарингана. Тогда Учиха, поняв, что теряет свою силу, чтобы выжить была вынуждена банально использовать *Изанаги*. Дважды. Хотя ей повезло, что она вообще помнила эту технику, в отличие от, например, Тэссэна, который в том сражении погиб.

Долго любоваться чужими органами и навеянными ими воспоминаниями об одной из самых паршивых в моей жизни битв я не стал, только убедился, что в целом сами глаза с биологической точки зрения практически не повреждены, после чего убрал их в принесенную Малис колбу с физраствором. Пока пусть хранятся здесь, но на будущее нужно их получше законсервировать. Как я убедился из собственных наблюдений, шаринган может храниться очень долго без каких-либо специальных условий, но я не уверен, что, лишенный чакры, он сохранит эти свои свойства.

Взамен родных глаз женщины, я поместил в глазницы Мангекье одного из неудачников, на которых я ставил опыты по получению финальной стадии шарингана. Естественно, тот Учиха, хоть и был дальним родственником Юко, но его глаза все равно не подходили для получения Вечного Мангекье Шарингана. Степень родства не та, чтобы имплантация прошла должным образом.

Вообще, мне известно несколько способов восстановить шаринган. Первый — это трансплантация новых глаз от близкого родственника, что нам продемонстрировали Мадара и Саске. При этом получается Вечный Мангекье, снова ослепить который можно только чем-то вроде *Изанаги* или *Изанами*. Второй способ — это применение клеток Хаширамы, чакра и регенеративная способность которых сохраняла шаринган. Тот же Обито пользовался своим Мангекье без каких-либо проблем на протяжении многих лет.

Однако для первого способа у меня не было близкого родственника Юко, а для второго она вряд ли была готова. Клетки Хаширамы — вещь опасная. Не знаю, что сделал с ними Мадара, чтобы Обито мог нормально существовать с половиной тела из них, но я рисковать не стал. Использование Мангекье Шарингана здорово истощает силы, а при низком уровне собственной чакры имеющаяся в организме чужеродная энергия начинает вести себя излишне буйно. Так было и с Данзо в битве с Саске, когда клетки Хаширамы вышли из-под контроля. Примерно то же самое случилось и в битве Саске против Итачи, когда канонный Ороchimару едва не захватил тело ослабшего Учиха.

В общем, для исцеления Юко я решил испробовать собственный способ.

— Мы готовы, — сообщила Илма.

Оглядевшись, я убедился, что помощники ничего не упустили. Они все первоклассные ирьенины, но техника для них все-таки новая. Ее автором является Цунаде. Пусть она и не с нуля ее придумала, но медики Страны Звукa с этим ритуалом все равно познакомились всего несколько лет назад. Хотя это я перестраховываюсь. После того, как Ринха и Узумаки доработали данное ирьениндзюцу, для Цунаде оно, наверное, теперь незнакомо, хотя кардинальных изменений внесено не было. Просто моя бывшая напарница не имела многовекового опыта Ринха, потому допустила несколько ошибок в изначальной технике. Это наглядный пример того, как закрытость технологий мешает нормальному развитию.

Пока я занимался заменой глаз Учиха, ирьенины расставили и зажгли по центру каждой из четырех стен по две ярко горящих лампы, активировав внешний барьер, который должен был облегчить создание групповой техники. Сами медики уже расселись по углам хараидзё, готовые применить технику.

Задумчиво погладив дремлющую и принявшую вид браслета на моей правой руке Ичикишимахите, я кивнул сам себе и приказал:

— Начинаем!

Наши руки зашевелились в унисон, складывая нужные печати, пока в зале не раздался синхронный хлопок. Чакра внутри меня взметнулась приливной волной, в тело хлынула природная энергия. Вкупе с активизировавшимся кецурьюганом, это сделало мир вокруг предельно четким и объемным, понятным и полным.

От ирьенинов к центру залы зазмеились линии техники, складываясь в сложнейшую печать, необходимую для *Чикацу Сайсей*. Черные змеи письмён ирьениндзюцу быстро добрались до Юко и набросились на ее тело, заставив женщину вздрогнуть. Не обратив на это внимания, я сосредоточенно направил технику к глазам Учиха. Мне предстояло заменить все клетки новых глаз, сделать их родными для моей последовательницы. Задача не невозможная, ирьенины в Конохе вообще из омертвевших и ороговевших клеток волос могут создать новую плоть. Но с чужой живой тканью все немного сложнее. Особенно, когда эта ткань находится в Мангекье Шарингане.

Глаза Учиха — вещь интересная, это известно всем и каждому. Но в нашем случае особенно интересно то, что при имплантации Мангекье какому-нибудь не-Учиха, глаза не теряют свойств, которыми владел их первоначальный владелец. Данзо и ворон Итачи владели Котоамацуками, Какаши — Камуи. Но при этом у Саске сохранились его Аматерасу и Кагуцучи, Цукиеми у него не появилось. Про Мадару ничего сказать не могу, но, судя по слухам, там была та же ситуация.

По моим наблюдениям сами глаза в Мангекье Шарингане, как и в обычном шарингане, собственно, важная, но лишь одна из частей додзюцу. Основа находится, скорее всего, в мозге. Но при этом при изъятии глаз в них запечатывается специфичная чакра, свойственная изначальному владельцу. И Учиха, имеющий свой Мангекье, способен эту чакру себе, условно скажем, подчинить. По крайней мере, это происходит, если оба Учиха были близкими родственниками.

Получится ли у Юко обрести Вечный Мангекье Шаринган, я не уверен. Заменить клетки в глазах на родные для нее я смогу, но что произойдет с чакрой в них, пока предсказать сложно. По идее, используя природную энергию, я должен преобразовать чужие ткани в родные для Юко полностью, так как в основе процесса лежит техника *Сайбо Кьюй*, которая позволяет регенерировать, поглощая чужую чакру и плоть. Но тогда не получится ли, что Учиха просто вернет себе свои глаза и однажды вновь ослепнет? Это мы узнаем потом. По крайней мере, лучше так, чем пытаться просто исцелить ее собственные глаза или вырастить новые из стволовых клеток. В них все равно нет чакры шарингана, поэтому я не знаю, не будут ли они вовсе простыми глазами без додзюцу.

На исцеление Юко ушло больше времени, чем в свое время на Тэссэна Учиха, сказывался отказ от использования стволовых клеток. Однако благодаря активному применению природной энергии ритуал все равно удалось сократить с нескольких часов до нескольких минут. Хотя из-за того, что пользоваться сендзюцу мог из всех присутствующих ирьенинов только я, основу процесса преобразования мне тоже пришлось взять на себя.

Сначала нужно было накопить чакру вокруг поврежденного места, матрицу изменений. На это ушли те самые несколько минут, после чего глаза в прикрытых веками глазницах Юко всколыхнулись, словно наполненные жидкостью мягкие резиновые шарики. Выглядело это жутковато, но продлилось всего несколько секунд. На этом исцеление почти

завершилось, оставалось восстановить течение крови и чакры, а также проверить качество сращивания зрительного нерва.

Убедившись, что видимых проблем нет, я разорвал совместное ирьениндзюцу. И, наклонившись над Юко, снял анестезию.

— Все готово, — сказал я Учиха.

Однако открывать глаза Юко не торопилась. Я бы решил, что она спит, если бы ее веки так сильно не дрожали. В итоге подняла женщина их только, когда ирьенины так же деликатно, как появились, не покинули хараидзё, а я не сжал руку Учиха, подбадривая ее.

— Не бойся, — уверенно сказал я ей. — Открой глаза.

Сжав мою руку в ответ, женщина все-таки последовала моему совету.

Робко приоткрыв глаза, она болезненно сощурилась от яркого света. Я же удовлетворенно отметил, что радужка глаз Юко черная, а не горит багрянцем. Чужой шаринган активен постоянно, значит, у нее как минимум не будет проблем с постоянным расходом чакры. Если у нее вообще есть шаринган.

Ответ на этот вопрос я узнал почти сразу же, как только Учиха проморгалась. Когда она, смахивая набежавшие слезы ресницами, отвела взгляд от герба на потолке и посмотрела на меня. Кецурыюган позволил моментально заметить зажегшийся в глубине глаз Учиха алый огонек и проявившиеся на радужке три черные капли томое, которые быстро начали деформироваться, преобразаясь в расчерчивающие багрянец шарингана линии Мангекье.

Я уж было приготовился экстренно создавать барьер и уходить с линии взгляда Юко, опасаясь начавшей активироваться запечатанной в глазах Учиха техники. Опасения мои были не напрасными, рисунок проявившегося Мангекье Шарингана был мне не знаком, а это характерный признак активации чужой техники. Однако вместо метнувшегося ко мне сгустка черного пламени Амаатерасу, Юко просто резко подскочила с пола и бухнулась на колени, склонившись передо мной в глубоком поклоне.

— Р-рюджин-сама... — тихо и благоговейно произнесла она.

Я же удивленно замер, уже сведя руки для составления ручных печатей. Неожиданное поведение Юко меня, честно, смутило. И понял я его, только когда потянулся рукой к Учиха. Только тогда я обратил внимание на отблески покрова чакры, окружавшие мое тело.

Я едва не припечатал ладонью себе по лбу. Я же до сих пор в режиме Мудреца! Мое тело все еще трансформировано под воздействием природной энергии. Вообще, сениника изменяет меня не сильно: кроме ауры цианового цвета, проявляются небольшие рожки на лбу и кожа покрывается мелкими перламутровыми чешуйками. В общем, на мой взгляд, я начинаю походить на какого-то клоуна — весь свечусь и переливаюсь, да еще и рогатый. Но местным нравится. То есть они находятся под впечатлением от этого образа.

Торопливо подавив природную энергию, я вернулся к своему привычному образу и настойчиво потянул Юко за руку, заставляя подняться.

— Мне все же больше нравится, когда ты зовешь меня Орочимару, — поморщившись, произнес я, снова всматриваясь в глаза Учиха.

Она все еще держала Мангекье активным, так что я смог его хорошо рассмотреть. Рисунок и в самом деле изменился, хотя напоминал старый. Неплохой признак. В остальном тоже все пока неплохо. Кецурыюган не выявил признаков отторжения или чрезмерного скопления чакры вокруг глаз, которая подавляла бы действие комплекса гистосовместимости. Хорошо.

— С возвращением, Юко Учиха, — улыбнувшись и слегка сжав плечо женщины, сказал

я.

Внимательно посмотрев мне в глаза, она перевела взгляд в сторону, посмотрев за окно. Потом ее заинтересовало изображение герба клана Рюсей на потолке, рисунок на моем кимоно, неровно подстриженные ногти на своих руках. На самом деле, было удивительно видеть, с каким детским восторгом Юко осматривается по сторонам. Что ни говори, но слепота для Учиха смерти подобна.

Наконец, вдоволь насмотревшись по сторонам, Юко прикрыла веки. Глубоко вздохнув, она снова открыла глаза, которые уже утратили алый блеск. Глядя на меня восторженным взором маленького ребенка, она облегченно на выдохе прошептала:

— Да, я вернулась...

Глава 14. Отомура

23 сентября 45 года от начала Эпохи Какурезато

В этом году жаркое лето никак не желало сдаваться, и даже в конце девятого месяца солнышко продолжало припекать. Хотя в Отомура, если сравнивать с Конохой, было неплохо. Из-за близости моря климат был мягче, почти как на Узушио.

Грустно вздохнув, Кушина едва не почувствовала знакомый с детства запах моря. Хотя она почти его и почувствовала. Глубокая миска с горячим приправленным рыбным соусом раменом стояла на столике прямо перед Узумаки и манила родным ароматом, от которого автоматически одновременно начинала течь слюна и наворачивались слезы ностальгии.

— И как ты это будешь есть? — с любопытством поинтересовался у девушки сидящий напротив нее парень.

— С большим аппетитом! — твердо ответила Кушина, берясь за палочки и игнорируя скептический взгляд собеседника.

Минато ее не понять. Он всю жизнь прожил в Конохе, которая многим хороша, но все же находится слишком далеко от побережья. И, естественно, лишена многих даров моря. Тамошний соленый рамен неплох, но до настоящего, приготовленного с рыбным соусом, он не дотягивает. Да и замена сушеных сардин при варке бульона на куриные и, тем более, свиные кости — это очень сомнительное, на взгляд уроженки острова Водоворота, решение.

— Ты смотри, здесь даже есть наруто! — с умилением произнесла Кушина, подхватив из блюда перед собой ломтик приготовленной на пару колбаски из рыбного пюре.

Минато с улыбкой посмотрел на сжатый в палочках круглый двухцветный кусочек, выполненный в виде красно-белого водоворота.

— Да, действительно здорово, — согласился мужчина. — Теперь я знаю, в честь чего учитель назвал героя своей книги.

— Вот! Это пища богов и она достойна быть увековечена в книгах! — довольно заявила Кушина, не замедлив тут же употребить рыбный деликатес.

И незаметно скосила взгляд на противоположную сторону улицы, где в другой забегаловке, подающей клиентам чай и закуски к нему, сидел третий участник их с Минато команды.

К Фугаку как раз подсел солидный, упитанный горожанин, и у них завязалась непринужденная беседа. Местный информатор, кроме некоторой дородности, не выделялся ничем, серая и неприметная личность. Впрочем, сейчас и Фугаку с Кушиной, и Минато от него не отличались. С помощью нехитрых приемов из арсенала куноичи, девушка избавила себя и Намиказе от излишне ярких и привлекающих взгляд волос, одежда на них тоже была не отличима от гражданской. На самой Узумаки, например, красовалось добротное платье нового стиля, бриджи под ним и комфортные сандалии — не так удобно, как полевая форма, но чтобы затеряться в толпе пойдет.

Привлекать к себе внимание в Стране Звука шиноби Конохи не хотели. В стране, где не совсем понятна ситуация с силой и возможностями национальной какурезато, лучше быть осторожными. Хотя больше настораживали не непосредственная опасность от потенциально недружелюбной деревни, а циркулирующие в последнее время слухи, что в Стране Гор и Стране Горячих Источников начали работать банды йохей-ниндзя. Наемники пришли, предположительно, из Страны Дождя и Травы после разрушения деревни Кагеро и

демилитаризации Югакуре. Да и несогласные с разоружением шиноби из селения Скрытого Горячего Источника тоже сейчас в непонятном статусе между нукенинами и наемниками. Но в любом случае и те, и другие не прочь заработать на головах пары-тройки неосторожных ниндзя Конохи.

Кушина точно знала, что находится не на последнем месте в Техайшо черного рынка. А среди охотников за головами очень часто попадаются слишком сильные шиноби, чтобы игнорировать факт своего присутствия в какой-либо Книге Розыска. Обычно наемники осторожны и не берутся за нападения на шиноби из больших какурезато или на их территории, но здесь Страна Звукa, владения Орочимару, который и так имеет проблемы с Конохой. Если здесь что-то произойдет с ниндзя из Листа, то хуже ему от этого не будет, просто дальше некуда уже. Об этом многим известно, что не может не развязать руки особо корыстным авантюристам.

Ожидать можно чего угодно.

— Хо-хо! Похоже, по душе пришелся вам мой рамен, барышня? — раздался сбоку от Кушины добродушный чуть хриплый мужской голос.

— О-очень вкусно, хозяин! — с готовностью ответила Узумаки, повернувшись на звук. — Давно не ела такой вкусный рамен.

— Спасибо, спасибо, — расплылся в щербатой улыбке мужчина, шумящему посудой за прилавком раменной и выглядящему уже далеко за сорок лет. — Всегда на душе тепло, когда мои старания ценят. Обычно гости с запада, заказав рыбный рамен, нос воротят, но вы порадовали.

— На западе ничего не смыслят в еде, — уверенно заявила Кушина, охотно поддержав беседу.

Замкнутые, не располагающие к себе люди всегда привлекают ненужное внимание. Это сейчас шиноби Конохи не нужно. Они и так выделяются, рассиживая в закуточных посередь рабочего дня. Сейчас они фактически единственные клиенты и в раменной, и чаёвне, из-за чего скучающий хозяин заведения и решил поговорить, поэтому лучше разговор поддержать.

— Я до десяти лет жила на побережье, — с гордостью сказала Кушина, — поэтому могу говорить уверенно. Море всегда вкусно накормит, а на западе только рис да соя.

— Без риса тоже не жизнь, — резонно заметил мужчина. — Иначе чего бы вам с побережья-то уходить? Иль за мужем вашим любовь увела?

— За мужем? — переспросила Кушина, с ехидной усмешкой посмотревшая на скрывшего лицо в своей миске рамена Минато. — Нет, он потом появился. И какие мужа в десять лет? Война нас согнала. Всю семью мою. И меня одну оставила.

Последняя фраза вырвалась из уст Кушины едва ли не против ее воли и была пропитана неожиданной для нее горечью, которую девушка поторопилась запить соленым бульоном.

— Война... — со вздохом, повторил за ней хозяин раменной. — Да, путешественники приносили слухи о ней. Говорят, тяжела она была.

— Тяжела, — согласился Минато, вставив и свое слово в разговор. — И она достала жену и у меня на родине. Иначе мы не подались бы сюда. Место, где о войне знают только по слухам, нам уже нравится.

— Эх, парень, — горько произнес раменщик, облокотившись на прилавок и глядя в пустоту перед собой тусклыми серыми глазами. — Эта страна очень хорошо помнит, что такое война. Я ведь родился и жил здесь еще до появления Рюджина-самы. Из семи братьев и сестер один остался. Жену и пятерых сыновей похоронил. Один с дочерью теперь. Когда

кланы воевали, жизнь здесь тяжела была. Война, может, и не кровавая, но постоянная. Что в ней хорошего? А ничего. Бывало по пять лет ничего, кроме риса и травы, не ели, дайме и клану все отдавая, лишь бы хоть как-то живыми быть, иначе кто еще от набега Кагуя уберезет?

Внимательно слушая раменщика, Кушина незаметно пнула Минато под столом. Вот ведь! Кто его за язык дернул? Или он в самом деле не в курсе был о том, что здесь происходило? Для Страны Огня этот край близок на бумаге карт, да и идти до Долины Завершения, которая недалеко от границы со Страной Звука, от Конохи недолго, команда Фугаку справилась без лишней спешки за два дня. Но дальше высились непроходимые горы, через которые можно пройти только перевалами Страны Гор, так что в реальности бывшая Страна Рисовых Полей оказалась для жителей Страны Огня дальше, чем для Узумаки, которые имели здесь свои интересы. И, кстати, здесь жил родственник им клан.

Кушина как-то хотела узнать судьбу Шиин, среди которых могли найтись ее кровные родственники, но так и не смогла найти никакой информации. История родов шиноби и до основания Страны Звука терялась в смуте междоусобицы, а потом была большая война коалиции кланов с Кагуя и их союзниками. И сейчас даже не факт, что Шиин вообще еще живы.

По данным от местных информаторов, если в этой стране и есть собственная какурезато, которая, как многие думают, существует лишь на словах Орочимару, то она очень малонаселенная. Собственные шиноби Отогакуре появляются крайне редко. С проблемами разбираются либо йохей-ниндзя, либо и вовсе обычные люди.

— Простите, что напомнил о прошлом, — почесав побитую ногу, извинился Минато.

— Прошлое есть прошлое, от него не убежать, — тускло улыбнувшись, ответил мужчина, снова принимаясь за работу. — Главное ведь, что оно прошлое. Настоящее и будущее у нас куда как лучше будет, не так ли? Не зря же вы пришли к нам. Даст боже, не пропадем. А дочь у меня в ратуше работает. Чем не диво, а? Сейчас больше за живых за горами переживать стоит. Сейчас весь континент — это одна большая Страна Рисовых Полей. Война да война. Все не перестают шиноби воевать с начала эпохи.

— Однажды они придут к миру, — уверенно заявил Минато, в глазах которого проскользнула непривычная для него твердость. — Им ведь тоже постоянно воевать не с руки. Им нужна не война, а прибыльные задания.

— Да кому война нужна? Дочь у меня умная. Она говорит, что война — это инструмент. Вот мне нужен сотейник, чтоб рамен сварить, а кому-то нужно тысячу-другую душ погубить, чтобы правитель соседней страны ему в ноги кланялся. Пока такие люди есть, не бывать миру, — пессимистично ответил на заявление Минато раменщик. — Хотя на все воля Рюджина-самы. Поможет — и в соседних странах люди образумятся, как здесь было. Все мы здесь чужаки на земле Рюджина, чего нам делить? Пока все не поймут этого, не бывать миру. Достойным Рюджина нужно быть. Будьте достойными.

Кушина машинально вытерла рот салфеткой, думая о словах раменщика. Похоже, люди в этой стране серьезно верят в Рюджинкё. Хотя не удивительно. Из самой темной бездны безнадежности и отчаяния их вывел именно Орочимару. Может, не сам, но его люди это точно сделали. Устранили Кагуя и лишних дайме, за последнее быть бы им всем нукенинами в обычной-то стране, но не здесь. Здесь они герои.

— Спасибо, хозяин, — с доброй улыбкой поблагодарил раменщика Минато. — И за вкусный обед и за беседу. Мы постараемся быть достойными. Хотя для начала нужно все же

добраться до побережья и обосноваться там. Уж больно жена любит море. Надеюсь, там будет нам работа.

— Работы сейчас много. Если руки не беречь, то им всегда дело найдется. Удачи вам, — напутствовал раскланивающихся шиноби мужчина. — Если не совсем без денег, задержитесь на Цукими. Сегодня вечером будет фестиваль. Отдохнете с дороги.

Уходили из раменной Кушина и Минато не спеша, Фугаку все еще общался с информатором, поэтому торопиться нужды не было. Но Учиха все же дал знак, что разговор подходит к концу и пора встретиться в гостинице, в которой остановились шиноби Конохи. Возможно, такие попытки сохранить секретность своей миссии были лишними, но многих усилий они не требовали, потому от них не стали отказываться.

— Как бы к Орочимару не относились в Стране Огня, но здесь его высоко почитают, — заметил Минато, когда раменная скрылась за ближайшим поворотом. — Совсем не каждого каге или дайме так признают.

Кушина кивнула в ответ, сосредоточенно осматриваясь по сторонам. Ей показалось, что зверь в ее теле почувствовал какие-то странные эмоции, но их источник пока Узумаки не могла найти. Впрочем, это было уже не в первый раз. Девушка заметила, что вообще часто привлекает к себе внимание, частенько и в Конохе чувства Девятихвостого заставляли ее дергаться. Но там это было понятно, к джинчурики отношение настороженное. Здесь же это было скорее любопытство, а не встревоженность. Скорее всего, причина в нетипичной для местных одежде. Судя по прохожим, мода в Стране Звuka отличалась от таковой в Стране Огня не сильно, но ткани использовались другие, и это было заметно невооруженным взглядом. Одежда местных жителей была более яркой, материал имел другую текстуру. Не то чтобы это бросалось в глаза, но все-таки было заметно.

Чужаку, не закупившись хотя бы местной одеждой, раствориться в толпе горожан было проблематично. Прохожие, которые встречались Кушине и Минато на тротуарах и улочках Отомуры не сверлили их взглядами, но все же внимание обращали. Это немного нервировало.

— Его и у нас многие признают, — вполголоса ответила девушка своему спутнику. — Иначе мы бы сейчас работали совершенно по-другому.

Даже в самой Конохе отношение к Орочимару не однозначное. С одной стороны, он нарушил много правил, занимался подпольными опытами, потоптавшись на честолюбии значимых кланов, есть подозрение, что он погубил свою приемную дочь, и совершенно точно, что он убил Данзо, после чего похитил несколько важных реликвий Конохи. Но с другой стороны, он один из трех легендарных ниндзя. Во время Второй мировой войны многие оказались обязаны ему жизнью. Кто-то был спасен на поле боя, другие были излечены самим Орочимару или разработанными им техниками.

Однако еще интереснее было настроение мирных жителей. На севере, еще до ухода Орочимару, вместе с товарами из Страны Звuka стремительно распространялись святилища Рюджина, и сейчас новая религия там серьезно укрепилась. Монахи Храма Огня, которые и должны были реагировать на такие культурные и идеологические вторжения сначала не восприняли Рюджинкё всерьез, не видя в нем большой угрозы. Теперь же быстро искоренить его без недовольства жителей северных провинций просто невозможно. Более того, это повлечет и экономические потери для всей Страны Огня, что отразится и на Конохе, и на Храме Огня.

Примерно на полпути до гостиницы Кушина заметила идущего за ними Фугаку. Но

чтобы поговорить с ним, пришлось все же сначала добраться до снятых вчера комнат. Еще несколько минут по тротуарам Отомуры среди циркулирующего по городу народа и повозок. И под взглядами всех прохожих. Под конец пути у Кушины даже кожа на затылке зудеть начала от мимолетного внимания встреченных людей.

С огромным удовольствием она вошла в гостиницу, где было гораздо меньше людей.

— Фух! — облегченно выдохнула девушка, оказавшись в своей комнате. — Такое чувство, будто за мною следили все встречные-поперечные.

— Я не заметил никого, чье внимание мы привлекли бы надолго, — заметил Минато, вошедший в комнату вслед за Узумаки.

— Как и вчера, — кивнув, ответила Кушина. — Просто Кьюби сейчас излишне активен.

— Что-то изменилось? — поинтересовался Намиказе.

— Нет, — упав на жесткую кровать и раскинув руки, ответила Узумаки. — Сквозь печать поступает больше чакры, чем раньше. Я об этом уже говорила. Поэтому ощущение эмоций стало сильнее.

Раньше, когда Кушина только стала джинчурики, чужих эмоций она вообще ощущать не могла. Но чем больше чакры Кьюби она получала и чем выше над ней был контроль, тем лучше проявлялась новая способность. В чем-то она была полезна, но иногда приносила только раздражение.

— Сейчас лучше быть осторожными, — пробормотал Минато, прикоснувшись ладонью к оштукатуренной стене комнаты.

Кушина скорее предположила, чем ощутила, что напарник использовал технику зондирования Второго Хокаге.

— Ну, как? — любопытствовала она, несколько секунд прождав реакции на сканирование местности от Минато.

На лице мужчины не мелькнуло ни тени тревоги, но оно оставалось сосредоточенным.

— Без изменений. Сильная чакра ощущается ближе к центру города. В храме, — ответил Минато, глядя сквозь окно на виднеющиеся над крышами домов Отомуры скаты черепичных крыш главного святилища города. — Несколько десятков шиноби. Может, уровня чунина. Есть несколько человек посильнее. Гораздо сильнее.

— Очень надеюсь, что наши переговоры будут мирными, — мрачновато простионала Кушина, потягиваясь на кровати. — Иначе без жертв не обойдется.

— Мы здесь не ради переговоров, — хмуро ответил ей Минато.

— И это мне не нравится, — скривив губы, заметила Узумаки. — Поэтому я надеюсь, что у нас все-таки получатся переговоры и они будут мирными.

— Это вряд ли, — с сомнением произнес мужчина. — Такое возможно, только если в Ото вообще нет какурезато, а Орочимару послушно выполнит наши условия. То есть, это невозможно.

Их разговор на этом моменте прервал деликатный стук в дверь. Гость, не став дожидаться ответа, сам вошел в комнату. Конечно же, это был Фугаку. О ком-то другом Минато бы предупредил заранее.

Учиха аккуратно затворил за собой дверь и тут же напоролся на два вопросительных взгляда от своих напарников.

— Орочимару здесь, — первым делом коротко сказал Фугаку, направившись к стулу у шкафов с одеждой. — Сегодня будет Праздник луны. Как мы и рассчитывали, Цукими в Стране Звука отмечается широко и совмещен с фестивалем, на котором желательно

присутствие ками.

— Присутствие оригинала или клона? — полушутя уточнил Минато.

— Для нас это не важно, — отмахнулся к шуткам не расположенный Учиха. — Если у нас будет клон, значит, не повезет одному из других отрядов. Только и всего.

— А Юко? — вмешалась в разговор Кушина. — Она в городе?

— Про нее точно не известно, — хмуро ответил Учиха. — Она пропала из вида полмесяца назад. Описанный в прошлом сообщении случай был последним, когда ее видели.

— Понятно, — ничуть не удивился подобному Минато. — Что дальше? Действуем, как планировали ранее?

— Ничего не поменялось, поэтому да, действуем по плану, — подтвердил Фугаку. — Отряды Анбу уже подтвердили готовность, отменять свою часть операции они не намерены.

Услышав это, Кушина только еще раз вздохнула и уже автоматически потерла руку в том месте, где обычно ютилась мелкая змейка. Оставлять ее при себе во время подготовки операции против Орочимару было глупо, потому делать этого Узумаки не стала. Но без этой змейки, браслетом обвивающей руку, было неуютно.

— Ты сегодня необычно молчалива, Кушина, — нарушил установившуюся на несколько секунд тишину Минато.

— Потому что мне все это очень не нравится, знаешь ли, — насмешливо ответила девушка. — Я живу с двумя Саннинами в одном доме, и, зная их, с третьим в личный конфликт входить совсем не охота.

— Так или иначе отношения у нас уже подпорчены, — хмыкнув, заметил Фугаку. — Коноха давала ему шанс решить дело миром, но Орочимару выбрал иной путь.

— Так о чем я и говорю, — покивав, уверенно заявила Узумаки. — Конфликтовать не охота, но раз уж Орочимару настаивает, то придется и третьему Саннину показать, что его время уже уходит.

— Вот за что ты мне нравишься, женушка, так это за то, что всегда выглядишь так, словно все под контролем и у тебя есть план, — довольно рассмеялся Минато.

— Ох, заткнись, муженек, — скривив губы, недовольно ответила Кушина. — Ненавижу миссии под прикрытием. Все время приходится притворяться семейной парой. А ведь я еще так молода, чтобы становиться домохозяйкой. Пусть даже фиктивной.

— Молода? Раньше в твои годы женщины имели уже по пять детей, — с улыбкой заметил Фугаку.

— На мое счастье, я живу сейчас, а не в те славные времена. И деревне нужен был джинчурики, а не свиноматка, — возмущенно фыркнув, ответила Кушина. — И вообще, вы, оба-два, идите-ка в свою комнату и не мешайте мне спать.

— Ты права, — посерьезнев, поддержал Кушину Фугаку. — Нужно поспать. Фестиваль начнется после захода солнца, у нас часа четыре на сон есть. Потом неизвестно, когда удастся спокойно отдохнуть.

Минато лишь молча кивнул в ответ и направился к выходу.

И, на самом деле, именно это больше всего говорило о серьезности операции. По идее, именно благодаря Намиказе группа Фугаку должна была уйти из Отомуры в случае совсем уж плохого исхода дел. И если даже шиноби, владеющий *Хирайшином*, согласен, что с побегом могут быть проблемы, значит, дело опасное. Может, это все излишняя осторожность, но о силе и возможностях Орочимару и его подчиненных неизвестно практически ничего.

В Конохе имелись только сведения о возможностях и силах кланов, которые ранее населяли Страну Рисовых Полей. Но помимо этого поступали сведения, что объединением страны занималась некая Мейро, причисляющая себя к Чиноике. Вполне законно, кстати, это делающая, так как у нее имелся кецурьюган. То есть, учитывая, что и сам Орочимару каким-то образом завладел этим додзюцу, на его стороне может оказаться и пропавший когда-то клан Чиноике. О его силе и нынешних возможностях судить вообще не возможно. Еще есть эти странные жрицы в храмах и Отохиме, владеющая Стихией Древа.

В общем, о шиноби в Стране Звука известно мало, и Коноху это не устраивало. А так как это государство находится на границе со Страной Огня, имеет уникальные технологии и неплохой экономический потенциал, то, естественно, его нужно было ввести в свою зону влияния. Оставалось только решить, как это сделать быстро и безболезненно для себя.

Изначально были выбраны более-менее мягкие стратегии, но они были проигнорированы Орочимару. А после того, как Хокаге достигло сообщение о встрече его бывшего ученика с Райкаге и Цучикаге, планы пришлось резко менять. Так в Стране Звука команда Фугаку и оказалась.

Формальным поводом для этого стало недавнее сообщение о Юко Учиха, которая, как показалось информатору, восстановила зрение. По мнению всех Учиха, после утраты силы шаринганом, восстановить его невозможно, но даже так, миссия все же была отправлена. Целью было вернуть Юко в Коноху, хотя на самом деле никто особо не верил в возможность ее исцеления после использования двух Изанаги подряд. Конохе просто попался удобный повод показать свою силу и власть. Попутно с возвращением Учиха предполагалось потребовать разрешения работать шиноби Листа на территории Страны Звука.

Если Орочимару покорно выдаст Юко и согласится на требования Конохи, то Страна Звука фактически окажется вассалом Страны Огня. Но, естественно, что Рюсей на это не пойдет. Учитывая ту тщательность, с которой он ограничивает доступ чужих шиноби на свою территорию, у него наверняка есть какие-то секреты, которые сохранить после открытия границ для Конохи не получится. И у него есть силы, которые позволяют эти секреты пока хранить.

То есть Страна Звука наверняка не так безобидна, как кажется со стороны. Здесь точно есть хотя бы несколько шиноби, которые вылавливают шпионов из других какурезато. Возможно, своя скрытая деревня Орочимару более сильна, чем желает показаться. И именно это, на самом деле, должна выяснить организованная Конохой миссия. Команда Фугаку должна спровоцировать Орочимару, чтобы выяснить силу и возможности полумифической Отогакуре.

Раз обычный шпионаж не помогает, то теперь ставка сделана на разведку боем.

Изначально Хокаге рассчитывал, что другие какурезато попробуют заставить Орочимару и его Отогакуре показать свою силу. Это было бы выгоднее для Конохи, не было бы риска настроить население страны против себя. Но после переговоров Рюсея с Эйем и Оноки в Санро надежд, что Кумо или Ива начнет полномасштабную операцию в Ото стали близки к нулю, а у Кири и Суны в Стране Звука интереса нет. Поэтому Хирузену все же пришлось самому сделать первый шаг.

А если точнее, не Хокаге лично, а подчиненным ему шиноби.

К вечеру улицы города стали еще более многолюдными, чем были днем. Хотя воздух был свеж и не располагал к длительным прогулкам, но горожанам и гостям столицы это сейчас, похоже, было только кстати. Отовсюду доносились звон струн или колокольчиков, трели

флейт и пение. Суэта, которая началась еще днем, подходила к своей кульминации, но сохраняла чинность.

Трем шиноби Конохи, которые к этому времени уже оставили свою маскировку, общее возбуждение было на руку. Несмотря на броский цвет волос Кушины и Минато, несмотря на протекторы Листа и форму шиноби, внимания на них обращали лишь чуть больше, чем на простых прохожих. Люди в основном были больше увлечены едой, музыкой и танцами. Правда, возникла проблема в центре города, где толпилось слишком много народа. Здесь пришлось попрыгать к храму по столбам уличных фонарей, но даже так никто, кажется, не обратил на них внимания.

Пока все шло даже слишком хорошо.

Фугаку остановил свою команду, запрыгнув на перекладину последних торий, вереницей выстроившихся вдоль пути к храму Инари, как его называли местные жители. Кушина встала слева от Учиха, быстро осмотрев площадь перед святилищем. Здесь тоже было много людей, но плотность толпы все же заметно уступала той, которая собралась у подножия храмового холма. Хотя часть людей терялась в поднявшемся от прудов и ручьев тумане, в сумерках, разгоняемых светом многочисленных фонарей и поднимающейся от горизонта луной, все же можно было рассмотреть пару десятков одетых в бело-красные одеяния жриц, несколько расхаживающих в латах самураев и еще с полсотни людей в гражданской одежде, определить род деятельности которых с ходу не получалось.

— Все они владеют чакрой, — предупредил, вставший справа от Фугаку Минато. — Чувствую много разреженной чакры вокруг.

— Туман, — коротко ответил Учиха, обозревая территорию храма шаринганом. — Об этом нас предупреждали. Вариация техники *Киригакуре*. Видимость шарингана в тумане из-за разлитой в воздухе чакры ограничена. В нем может скрываться противник. Кецурююгану, как и бьякугану, туман не помеха. Помните тренировки?

— Поняли.

Шиноби Конохи, как правило, не встречаются с пользователями додзюцу, если не считать дружеских схваток с Учиха и Хьюга. В данном случае Фугаку имел в виду именно их внутригрупповые тренировки, когда Кушина и Минато пытались справиться с гендзюцу шарингана. Иллюзии кецурююгана работали схожим образом, поэтому сегодня наработанные ранее приемы и тактики могут пригодиться.

Спрыгнув вниз, на покрытую каменными плитами дорожку к храму, шиноби, словно в воду, окунулись в туман. Серая масса слабо всколыхнулась, принимая в свои объятия трех ниндзя. Кушина заинтересованно провела ладонью по воздуху, с удивлением отмечая, что туман не особо-то холоден и на удивление сух.

— Словно и не туман вовсе, а дым, — тоже подметил странность Минато. — Но без запаха.

— Не похоже на Сокрытие в Тумане, — хмуро согласился Фугаку. — В нем не видно чакры Суйтона или других элементов. Но эффект тот же, что и у техники *Киригакуре*.

Кушина не имела шарингана, способного видеть чакру, и не владела сенсорными техниками, но все же почувствовать чужую чакру была в силах. Особенно, если она обволакивает все тело. В зыбкой дымке вокруг и в самом деле не чувствовалось преобразованной элементарной чакры, хотя, не зная тонкостей создания техники, судить о ней все же сложно.

— Дорогие гости, — внезапно раздавшийся за спиной женский голос едва не заставил

Кушину вздрогнуть, — Рюджин-сама ожидает вас. Прошу, следуйте за мной.

Несмотря на вежливые слова и обращение, слова незнакомки сочлились холодом и дружелюбия в них не было ни капли. Сжимая рукоять куная в ладони, Кушина обернулась на голос, постаравшись сделать это без лишней спешки. Если бы неожиданно появившаяся незнакомка хотела напасть — она бы это уже сделала. А показывать ей свой испуг не хотелось.

Позади себя Узумаки увидела мико. Женщине было на вид лет двадцать, ее одежда не отличалась от одеяний других жриц храма. Никакого оружия при ней не было, но с таким умением подкрадываться, ей оно и не особо-то нужно. Хотя, если бы она желала убить или просто испытывала негативные эмоции по отношению к Кушине, то так незаметно зайти за спину не смогла бы.

Поэтому, стрельнув взглядом в сторону Фугаку, Узумаки подала знак, что опасности пока нет. В ответ Учиха медленно кивнул, вежливо сказав:

— Позвольте вас побеспокоить.

Мико в ответ молча шагнула вперед, не смущаясь тем, что прямо на ее пути стояла Кушина. Куноичи сначала удивленно вскинула брови, а когда жрица и не подумала отступить в сторону, Узумаки и вовсе возмущенно набычилась, упрямо продолжая стоять на месте.

Кажется, Минато успел обреченно вздохнуть, когда мико наконец достигла Кушины и, не думая никуда сворачивать, просто сделала очередной шаг вперед. Приготовившись к возмущенной тираде на тему слепоты и завышенного самомнения местных служительниц храма, Узумаки попыталась остановить мико, вытянув вперед руку. Однако к удивлению куноичи ее ладонь просто прошла сквозь тело жрицы.

Белая ткань одежды мико просто всколыхнулась, подобно плотному дыму. Рука Кушины погрузилась в грудь женщины, не почувствовав сопротивления. А через мгновение жрица и вовсе врезалась в Узумаки, на доли секунды разбившись в туманное облако. Красноволосая куноичи замерла, удивленно переваривая случившееся. За спиной же раздавались неспешные шаги мико.

— Молодец, Кушина, ты правильно поняла нашу стратегию поведения в Отомуре, — серьезно произнес Минато, хотя на губах его играла легкая улыбка, — но пока рано. Дождись хотя бы встречи с Орочимару.

— Да это ни в какие ворота, знаете ли! — сердито и смущенно одновременно пробормотала Узумаки.

— Всего лишь дымовой клон, — прокомментировал произошедшее Фугаку, на миг сверкнув багрянцем шарингана и шагнув вслед за мико, — распространенная в Амегакуре техника.

Сердито фыркнув, Кушина последовала за Учиха, при этом сверля подозрительным взглядом спину жрицы, идущей впереди. Сердилась при этом девушка больше на себя. Перепутать дымовой клон, который почти ничем не лучше обычного нематериального клона — это ошибка достойная ученика академии, а не джонина.

Мико вела шиноби Конохи по выложенной каменными плитами тропе к залу для молящихся, а Кушина меж тем все с большим удивлением отмечала знакомые с детства элементы в архитектуре храма. В Конохе такое встречалось, наверно, только в Храме Масок и храме Нака у Учиха.

К сожалению Кушины, молчаливая экскурсия по территории храма продлилась недолго.

Жрица, несмотря на кажущуюся неспешность, быстро провела гостей сквозь собравшихся перед молитвенным залом людей. Узумаки чуть ли не кожей почувствовала, как по ней скользили колкие взгляды.

Несмотря на праздничную атмосферу, музыку и пение, люди здесь были более внимательными, и появление неожиданных гостей незамеченным не осталось. Впрочем, Кушина не осталась в долгу, с интересом рассматривая собравшийся народ в ответ. А люди здесь собрались точно не простые. Например, девушка точно заметила несколько знакомых по Книгам Розыска лиц. Возможно, таковых здесь было и больше, но заметить их Узумаки не успела, потому что мико привела их к хозяину этого места.

Орочимару восседал на деревянном кресле, практически троне, перед входом в здание храма. Лениво навалившись на подлокотник и подперев подбородок ладонью, он со скучающим видом наблюдал за приближающимися к нему шиноби.

— Рюджин-сама, — с поклоном обратилась к Орочимару мико, — ваши гости прибыли.

Саннин пренебрежительно отмахнулся от жрицы, не отводя взгляда от шиноби.

Узрев такую картину, Кушина едва сдержала пренебрежительное фырканье. И это один из легендарных шиноби? Рассиживает на троне в окружении слуг и каких-то подозрительных личностей, находящихся в розыске у какурезато? Просто смешно!

И хоть открыто фыркать, выражая свое недовольство, девушка не стала, но все же посмотрела на рассеявшегося в кресле Саннина с явным презрением. Но в ответ получила лишь мимолетный взгляд холодных желтых глаз с вертикальным зрачком. Внимания на нее Орочимару обратил чуть больше, чем на таракана у своих ног.

— И что же привело вас ко мне? — сорвались с тонких губ Саннина холодные слова. — Вряд ли вы пришли за советом, скорее, за какой-то глупостью. Но выслушать вас я обязан.

Глава 15. Не все идет по плану

23 сентября 45 года от начала Эпохи Какурезато

Рот Кушины быстро наполнялся пеной, солоноватый вкус которой девушка уже почти не ощущала. Ужасно хотелось кашлять, но тяжело было даже просто дышать. Каждый вдох отдавался резкой болью в сломанных ребрах, проколотое осколками правое легкое, похоже, спалось, и заполнившаяся воздухом плевральная полость начинала давить на второе легкое.

Хотя это были наименьшие проблемы девушки. Распластавшись на земле, она затуманенным сознанием отстранено подмечала, как по телу стремительно распространяется холод и онемение. Еще минуту назад Узумаки чувствовала боль в оторванных ногах и тепло бьющей из разорванных артерий крови, пропитывающей обрывки одежды. Но сейчас уже нижняя половина тела не ощущалась. Хваленая клановая живучесть не могла спасти ей жизнь, но продлевала агонию.

А вот что уже совсем не было ее проблемой, так это нарастающее чувство внутренней пустоты и все ярче сияющая алая чакра, пламенной завесой застилающая глаза. Тьма быстро заволокла взор девушки, не дав разглядеть облик оформившейся энергии с обжигающей ненавистью, но слух успел уловить сотрясший воздух рев, сравнимый с извержением вулкана.

Рев вырвавшегося на свободу Девятихвостого.

Прежде чем сознание окончательно угасло, в голове Кушины успела промелькнуть последняя мысль: все должно было быть по-другому. Еще совсем недавно все, казалось, шло по плану.

— И что же привело вас ко мне? — сорвались с тонких губ Саннина холодные слова. — Вряд ли вы пришли за советом, скорее, за какой-то глупостью. Но выслушать вас я обязан.

— Не знаю, как на счет тебя, Орочимару, но для меня забота о родственнике не является глупостью, — взял слово Фугаку. — Мы пришли проведать Юко Учиха.

— Вот как, — изобразил легкое удивление Змеиный отшельник. — Мне тоже не чужда забота о близких, поэтому мне кажется странным, что судьбой Юко в ее клане решили озаботиться только сейчас.

— Раньше главы Страны Звука не заключали договоров с каге Облака и Камня, — не изменившись в лице после завуалированной издевки, произнес Учиха и сам уже перешел к язвительным намекам. — Сейчас находиться в руках человека, способного на опыты над людьми, для Юко может быть опасно. Кто может убить своего товарища, тот может его и продать.

— Мне казалось, что мы с Хирузеном разрешили это недоразумение, — лениво ответил Орочимару. — Все материалы в мою лабораторию попадали уже мертвыми. Неужели для него оказалась так принципиальна разница, кто и кого вскрывает? Когда по приказам Данзо препарировали Учиха, у Третьего Хокаге, как и у Второго, это не вызывало никакого отторжения. Зато мои скромные попытки разобраться в способностях Хьюга — это уже совсем другое дело?

Кушина, молча слушающая диалог и внимательно следящая за окружением, встревоженно стрельнула взглядом в сторону Фугаку. К счастью, тот, кажется, отнесся к

словам Орочимару спокойно.

— Сейчас речь не о Данзо, с него уже не спросишь, — ровным тоном сказал Учиха. — И в отличие от тебя, он нукенином не становился.

— Наверное, не поступи я в день его смерти слегка опрометчиво, то и сам бы не стал нукенином, — с улыбкой произнес Орочимару в ответ. — Ведь я до сих пор не считаю Коноху чужой и готов действовать ей на благо.

— Так почему бы не начать с того, чтобы отпустить Юко с нами? — резонно поинтересовался Фугаку.

— Она свободна. Однако она сама не имеет желания даже встречаться с вами, — насмешливо сказал Саннин. — Я же не Хокаге, чтобы отдавать ей приказы. Раз не хочет, то неволить ее я не стану.

— В таком случае, ей самой грозит стать нукенином.

— Не вижу в этом ничего плохого, — развеселившись, произнес сидящий на троне шиноби.

— Орочимару-сан, — со вздохом сказал Фугаку, глядя собеседнику в глаза и переходя на более формальный стиль речи, — на что вы надеетесь, отказываясь от дружелюбия Конохи? Судьба малых стран всегда одна. Им суждено быть вассалами великих держав. Я не знаю подробностей ваших с Хокаге-самой переговоров, но сейчас он готов вам простить многое. Вам всего лишь нужно пойти на маленькие уступки. Во-первых, отпустить Юко. Во-вторых, передать ключ от печати джинчурики. В-третьих, заключить союзнический договор со Страной Огня.

— Ни одно из условий я принять не могу, так что, если на этом все, то можете уже не отнимать мое время, — сказал Орочимару скучающим тоном. — Юко желает остаться здесь. Ключ от печати вам пока совершенно ни к чему, скорее, даже навредит, чем принесет пользу, учитывая характер Кушины-тян. Союзнический договор... То, что вы под ним понимаете, мне не нравится.

— Что не так с моим характером?!

— Он может вам не нравиться, но он вам необходим.

Обе фразы Кушина и Фугаку произнесли одновременно, заставив Орочимару негромко рассмеяться.

— Твой характер, Кушина, не так плох, как может показаться со стороны, но ты совсем не совместима со своим биджу. Хотя с ним вообще мало кто сможет ужиться. Но ты даже до сих пор не знаешь его имени. Ключ от печати давать пока тебе рано, — внимательно просканировав взглядом девушку, ответил Змеиный отшельник, после чего обернулся снова к Учиха. — Союз с Конохой сделает Страну Звука мишенью для других великих держав. Так что нет, он мне не необходим.

— Шансов остаться независимым в любом случае нет, — уверенно заявил Фугаку. — В малых странах всегда были сильные шиноби, некоторые могли затмить даже каге. Но их страна все равно оставалась лишь сателлитом великой державы. А желание усидеть на нескольких стульях приводило только к очередному периоду разрухи.

На этот раз Орочимару ответил не сразу. Желтые змеиные глаза внимательно осмотрели каждого из шиноби. Кушина почувствовала, как по ее спине пробежался табун мурашек, хотя причину подобного она назвать не смогла бы. От Саннина не исходило негативных эмоций, гости в храме — эти да, от них ощущались и негодование, и откровенная ненависть, но не от Орочимару. Тем не менее, под его взглядом стало очень неудобно.

— Мне кажется, или в твоих словах, Фугаку, прозвучала завуалированная угроза? — медленно, с расстановкой спросил наконец Змеиный отшельник.

— Констатация факта, — ровно ответил Учиха. — У Страны Огня здесь есть свои интересы. Тебе придется это принять.

Еще раз одарив Фугаку долгим взглядом, Орочимару просто рассмеялся.

— Мне нравится ваш подход к дипломатии, — все еще улыбаясь, произнес Орочимару, — но в Конохе должны запомнить одну вещь. Чьи бы то ни было интересы в Стране Звука должны совпадать с моими.

В общем, на взгляд Кушины, переговоры были абсолютно бессмысленны. Фугаку не ставил перед собой целью чего-то добиться, скорее, указать с позиции более сильной стороны на уязвимость подвластных Орочимару территорий. Сам же Змеиный отшельник реагировал на все происходящее с ленивым интересом, ожидая, что еще может ему показать Учиха и его команда. Такое его поведение прогнозировалось: власть часто меняет характер людей в худшую сторону, и шиноби в этом плане ничуть не лучше обычного феодала. И хоть это шло на пользу планам Конохи, Кушина чувствовала разочарование.

Когда-то Орочимару был для нее примером, едва ли не кумиром. Она хотела быть похожей на него: сдержанной, способной, признанной всеми вопреки своему происхождению. Рюсей ведь был одним из основных кандидатов на пост Хокаге, хотя его семья присоединилась к деревне уже после ее основания. Да и его способности сильно напоминали об одном из кланов Страны Воды. Цунаде говорила, что он родился чужаком в Конохе, но едва ее не возглавил. Такой хотела стать и Кушина. Только без «едва».

Видеть Орочимару теперь и понимать, что идеализированное представление о нем плохо совпадает с реальностью, было разочаровывающе.

Чтобы не портить себе лишней раз настроение, девушка решила немного отвлечься от персоны Саннина. Продолжая прислушиваться к разговору Фугаку и Орочимару, она более внимательно осмотрелась по сторонам. Туман вокруг к этому времени постепенно рассеялся, поэтому обзору уже ничего не мешало. Зачем вообще нужно было применять технику Сокрытия в Тумане при встрече, не слишком понятно.

Вместе с дымкой в храме по стечению обстоятельств пропало и ощущение праздника. Круглый диск луны вошел над Отомурой, ее сияющее отражение колебалось на волнах в прудах и фонтанах, но люди сейчас были уже не настроены на любование ночным светилом. Гораздо больший интерес вызывал визит шиноби Конохи. Учитывая, что простых людей среди гостей храма не было, все они наверняка чувствовали напряжение. Или просто знали, что дело не может кончиться простыми переговорами.

Большинство из присутствующих, похоже, были самураями. Конечно, на них не было опознавательных знаков, но обычно всегда и везде по паре мечей носили именно самураи. Может, Орочимару решил сделать ставку на Страну Железа? Если он желает сохранить нейтральность, то сотрудничество со Страной Железа было бы логичным шагом. Но только вряд ли соседи в случае необходимости смогут помочь Стране Звука в военном плане. Самураев не много, и в последние десятилетия они сконцентрированы на обороне своего государства.

Хотя Страна Звука может быть полезна самим самураям в качестве союзника и в рамках их оборонительной стратегии. Буферное государство, на территории которого удобно вести боевые действия, чтобы минимизировать потери у себя.

Впрочем, Кушина не была уверена, что все эти самураи из Страны Железа. Просто

наиболее вероятный вариант. Хотя они могут быть и воинами на службе местного дайме или ронинами. У самураев нет традиции носить опознавательные знаки, символизирующие принадлежность к какой-либо стране или школе. По внешнему виду их можно было соотнести со странами, только ориентируясь на расовые признаки. Например, тот смуглый и мускулистый мужчина в небогатой, но добротной одежде наверняка родом из Страны Молний. А худощавый и низкорослый парень с вытянутым лицом родился, наверное, на островах Страны Воды.

Рассматривая неприкрыто разглядывающих ее людей, Кушина резко остановила взгляд на одном человеке из редкой толпы гостей храма. Высокий мужчина стоял, подпирая плечом колонну открытого павильона, в котором до сих пор играли на кото несколько мико. Фигура незнакомца пряталась в тени здания, но редкие блики пылающего в расположенных на территории храма каменных фонарях огня иногда выхватывали из сумрака детали его одежды. Кушина не могла разглядеть лицо мужчины, но ей показалось, что его волосы были красными. Хотя это, может быть, просто показалось из-за бликов огня. Или отсветом от алого кимоно. Но, может, его волосы и в самом деле красного цвета.

— Кушина, — напряженный голос Минато отвлек девушку от разглядывания прячущегося в тени незнакомца.

Встрепенувшись, Узумаки снова сосредоточилась на деле, мысленно обругав себя за несдержанность. Даже если здесь есть кто-то из ее клана, это не повод забывать о миссии. Которая, похоже, начинала принимать опасный оборот.

Орочимару, по-прежнему сидя на троне, сейчас уже не казался расслабленным. Выпрямившись, он сосредоточенно словно прислушивался к чему-то далекому.

— Аудиенция окончена, — наконец резко бросил он Фугаку, вставая.

— Это не тебе решать, — холодно остановил Змеинового отшельника Учиха. — Наш разговор не окончен.

— Пустая болтовня меня не интересует. Выметайтесь! — грубо огрызнулся Орочимару, резко развернувшись в сторону шиноби Конохи.

Кушина лишь краем взгляда успела заметить, как сверкнули багрянцем глаза Рюсея, и сразу же рефлекторно прикрыла веки — попасться в гендзюцу сейчас было бы очень некстати. Следующие действия девушка произвела так же машинально, почти на рефлекс. Этот прием их команда отрабатывала на тренировках десятки раз, доводя его до совершенства.

В один момент на кончиках пальцев рук Фугаку вспыхнуло темное багряное пламя. Хлопок ладоней Учиха по каменным плитам дорожки — и ночь озарилась ярким светом взметнувшегося к небу огненного столпа. Барьер Учиха Каенджин был не самым прочным, но создавался почти моментально и без применения ручных печатей. В кольцо пламени оказались заключены команда Конохи и Орочимару. Но это было только начало.

Барьерная техника Учиха давала лишь время для техники Минато. Намикадзе хоть и был быстрее ниндзя Конохи, но складывал пять ручных печатей он все же дольше, чем Фугаку вызывал барьер. Через мгновение после того, как ночь озарилась багрянцем пламени, на заключенных в кольцо огня шиноби рухнула парящая в воздухе сеть знаков печати.

Чтобы создать *Хирайшин: Дорай* Минато потребовалось лишь чуть больше времени, чем Фугаку на его технику, но этих мгновений могло хватить Орочимару, чтобы избежать попадания в пространственно-временной барьер Намикадзе. Около секунды Кушина испытывала неприятное головокружение и дезориентацию из-за телепортации, но это не

помешало ей использовать свою технику. Сонм цепей с тяжелым звоном вырвался на свободу из ее тела и устремился к Орочимару, целя в него заостренными клиньями на концах.

На комбинацию техник у группы по времени ушло не больше пары секунд. В идеале этого было достаточно, чтобы застать врасплох любого противника, однако с Орочимару что-то пошло не так.

На резкую смену обстановки он, кажется, и внимания не обратил. Храмовый дворик вокруг сменился заросшей высоким бурьяном поляной, окруженной с одной стороны зарослями можжевельника, с другой — каменистой осыпью, тянущейся к мелкому ручью. Но взгляд горящих алым глаз Орочимару был сфокусирован на чем-то далеком, невидимом за невысокими горами. Впрочем, это не помешало ему отразить метнувшиеся к нему Цепи Чакры.

Выскользнувший из рукава кимоно клинок сверкнул в свете луны, парируя вражескую атаку. Тяжелые на вид Цепи Чакры отшвырнуло в стороны так, что Кушина едва устояла на ногах. Хотя ей еще повезло. Вот по вспыхнувшему во тьме ночи белому танто удар пришелся гораздо сильнее. Все еще сияющий белым светом короткий клинок молнией взрезал воздух, потерявшись в зарослях, а державший его Сакумо вынужден был поспешно отступить, чтобы не попасть под следующий взмах Кусанаги в руках Орочимару.

Рюсей ему в этом даже помог, задействовав технику Стихии Ветра, отшвырнувшую от него и самого Хатаке, и еще трех его напарников, также попытавшихся напасть на Саннина.

Раздраженно цокнув языком, Орочимару наконец отвлекся от разглядывания чего-то далекого. Обведя взглядом настороженно глядящих на него шиноби Конохи, которых теперь было уже пятнадцать на него одного, он молча скривился, чтобы в следующее мгновение опасть на землю, исчезнув в траве.

— Его чакра пропала! — предупредил Минато.

Ниндзя Листа еще несколько долгих секунд стояли в напряженной тишине, ожидая нападения Орочимару, прежде чем Сакумо подошел к тому месту, где Рюсея видели в последний раз. Поморщившись от боли в отбитой руке, Хатаке осторожно поднял с примятой травы бесформенное нечто, напоминающее тряпку или мешок.

— Клон, — коротко прокомментировал Сакумо, отбросив в сторону то, что было в его руке. — От змея у нас только его сброшенная кожа.

— Значит, не повезло все-таки кому-то другому, — мрачно пробормотала Кушина, запрокинув голову и глядя в сторону Отомуры.

Небо в той стороне было темным. Тучи, которых не было всего несколько секунд назад, закрыли собой звезды. Свет луны очерчивал стремительно распространяющийся в стороны грозовой фронт. Вскоре ночь озарила первая яркая вспышка молнии, воздух сотрясся от близкого раската грома. Через миг молнии посыпались с небес на землю с неестественной частотой, целенаправленно ударяясь в одни и те же места.

— Нам лучше уйти к точке сбора, — с тревогой глядя на приближающиеся тучи, заметил Фугаку.

Сложив ручную печать Змеи, Сакумо призвал к себе свое танто, а в ответ на слова Учиха задумчиво кивнул, соглашаясь.

— Додзюцу Орочимару позволяло видеть как минимум отсюда до Отомуры. Это больше, чем мы рассчитывали, — заметил Хатаке, вкладывая медленно теряющий белое свечение клинок в ножны. — Точка сбора может быть в радиусе его обзора. Нужно

защититься от обнаружения.

— Кецурююган не имеет кругового обзора, — ответил Фугаку, — скрыться от этого додзюцу несложно. Эту засаду Орочимару не заметил, значит, предусмотренные нами предосторожности работают.

— Будем думать, что это так, — после короткой паузы согласился Сакумо. — Выдвигаемся к точке сбора.

Точка сбора находилась в паре десятков километров от Отомуры, на кратчайшем пути от столицы Страны Звука к Стране Горячих Источников. Там должны были встретиться группы шиноби Конохи при отходе с территории Орочимару. Логичнее было бы отступать в сторону Страны Гор, чтобы через нее быстро попасть в Страну Огня, но это слишком очевидный поступок. А с Минато в команде можно было уйти от Орочимару и другими, менее очевидными путями.

— Фугаку, гроза — это техника Облака? — оглянувшись на надвигающиеся тяжелые тучи, спросил во время бега к точке сбора Сакумо.

— По внешнему виду похоже, — ответил Учиха. — Но не увидев, как технику создают, я не могу сказать — она это или нет.

— Орочимару имел свои похожие ниндзюцу, — заметил один из шиноби в команде Сакумо, кто-то из Абураме. — Во время войны со Страной Неба все мы пытались создать техники, призывающие грозы.

— Если эту бурю создал один только Орочимару, то его силу впору сравнивать с биджу, — недовольно прокомментировал слова напарника Сакумо. — Это, скорее, совместное ниндзюцу. Может, Белый Змей и сам его придумал, но, может, и получил от Кумо. Если последнее верно, то мне интересно знать, за что он купил это ниндзюцу.

Кушина, услышав эти слова, расстроено нахмурилась. Хатаке явно намекал, что Орочимару мог начать делиться секретами Конохи. Учитывая прошлое положение Рюсея в деревне, он знал очень многое, и знания его были бы ценны для других какурезато. Однако обычно даже нукенины, отступившие от правил своего селения, не опускаются до того, чтобы раскрывать его тайны.

Тем временем гроза все набирала обороты. Ночное небо уже было затянуто тучами от горизонта до горизонта. Тяжелый покров облаков не пропускал ни крупицы света луны или звезд, но постоянные вспышки молний прекрасно освещали землю. От близких ударов грома начинали побаливать уши. Однако в целом отряд прибыл к точке сбора без происшествий.

Теперь оставалось только ждать прибытия других диверсионных групп. Команда Фугаку и весь взвод Сакумо в идеале должен был отвлечь от предстоявших событий Орочимару, но в случае неудачи на них возлагалась задача прикрытия отхода с территории противника. Раз им попался всего лишь клон Рюсея, значит, какой-то другой группе пришлось встретиться с оригиналом. По заранее оговоренным схемам действий прямо сейчас они должны были отступить к расположению засадного отряда. Если у них на хвосте сам Орочимару, то задачей взвода Сакумо будет вновь попытаться связать его боем для отвлечения от иных групп.

Это в одном из лучших вариантов развития. Но дело приняло иной оборот.

Взвод Сакумо успел прибыть в нужную местность. Это был участок покрытого бетонными плитами тракта, идущего вдоль горного хребта в сторону Страны Горячих Источников. Отсюда по прямой до Страны Огня было около тридцати километров, но граница была закрыта высокими горами. Для пространственно-временной техники Минато

почти предельное расстояние, но обычными способами горную гряду здесь преодолеть очень сложно. Чтобы оторваться от преследования, место в самый раз.

Кушина как раз расставила печати, ограничивающие сенсорные техники, которые недавно выучила у Микото, когда на пустынном ночном тракте появилась одинокая стремительная тень.

При ближайшем рассмотрении этой тенью оказался один из агентов Анбу. Маска на его лице была расколота, а само лицо залито кровью из рассеченной брови.

— Где Намикадзе? — с ходу спросил шиноби. — Нужна срочная переброска на ту сторону.

— Он здесь, — дождавшись кивка от одного из Инузука, подтвердившего личность новоприбывшего ниндзя, ответил Сакумо, жестом подозвав Минато к себе. — Как обстановка? Где остальные группы?

— Про других не знаю. Мы встретили сопротивление. Орочимару был там, — короткими фразами отвечал шиноби, стараясь перевести сбившееся дыхание. — Моя группа сейчас сдерживает его. Дает время мне выполнить задание.

— Готов к переброске? — приблизившись к шиноби, спросил Минато.

— Да.

Агент Анбу пропал в мгновение ока, не оставив после себя и следа. Но оставив некоторые вопросы.

— От него странно пахло, — заметил Инузука.

— Почему не сказал?

— Это точно Анбу Конохи, — потрепав по голове льнущего к ноге пса, задумчиво ответил Инузука. — Просто от него пахло еще чем-то. Другим человеком. Словно на нем была не его одежда или что-то вроде этого.

— У него был сверток с ребенком, — вставил свое слово Фугаку.

— Ребенком? Что за такие операции у Анбу? — недовольно спросил Минато.

— Нам лучше об этом не знать, — хмуро отрезал Хатаке. — А об увиденном лучше забыть. Нас это не касается.

Однако Сакумо был не совсем прав. Случившееся их касалось. Причем непосредственно. Потому что через несколько секунд после разговора пространство озарила особенно яркая вспышка молнии. Электрический разряд ударил ровно посреди тракта, раскрошив бетонные плиты. Мощнейший треск грома ударил по ушам и едва не выбил воздух из легких. Но обращать внимания на это не было времени. Едва проморгавшись после яркой вспышки, стараясь поскорее избавиться от плывущих перед глазами цветных пятен, Кушина шокировано замерла.

Прямо на месте удара молнии стоял человек. Белое кимоно опоясано пурпурным канатом. На бледном лице сияли алым глаза и не предвещали ничего хорошего.

— Вы украли моего... сына, — в наступившей после оглушительного грома мертвенной тишине хриплый голос Орочимару прозвучал поразительно громко. — Где он?

На этот короткий вопрос никто не ответил. И не смогли бы, даже если бы у кого-то из шиноби Конохи внезапно появилось такое желание. На их тела накатило внезапное онемение, а мысли заметались в хаосе.

Кушина не сразу поняла, что попала под давление *сакки*. Еще никогда она не испытывала такого сильного и необычного намерения убийства. Чужая холодная воля пронзила душу, тьма ночи вокруг начала терять четкость. Девушка сама не заметила, как все

ее тело пробил крупная дрожь. Из глубины разума начало расти ощущение отчаяния от неизбежной и скорой гибели. От иллюзорного ощущения дыхания Шинигами за спиной волосы на голове встали дыбом.

Когда Орочимару сошел со своего места, всего лишь поднял ногу, чтобы сделать шаг в сторону шиноби Конохи, тело Кушины словно начало холодеть. В стороне начал захлебываться в отчаянном лае пес Инузука, его хозяин и еще несколько других шиноби вторили животному, истерично подвывая. Сама Узумаки была в не лучшем положении. Мысли окончательно смешались, от животного страха и истерики она сама была готова взвыть. И взвыла бы, если бы что-то внутри нее не сломалось.

В какой-то момент из-за взметнувшегося в душе ужаса девушка не могла устоять на месте, она была готова сорваться и убежать подальше от Орочимару. Либо наброситься на него. Страх подмыл мысленную плотину, удерживающую чакру Девятихвостого, и она мощным потоком прорвалась в кейракукей Кушины, неся с собой неуправляемую мощь и ненависть.

Темно-красная чакра вырвалась из ее тела, обжигая болью. Поток энергии разметал землю под ногами джинчурики и расколол в щепки стоящие вблизи деревья и кусты. Пять хвостов взметнулись к небу, а вырвавшийся из уст Кушины рев почти перекрыл сотрясающий воздух непрерывный гром. Звериные инстинкты, пришедшие вместе с чакрой биджу, заставили опуститься девушку на четвереньки и галопом метнуться к врагу.

Сейчас она могла с трудом соображать, но ненависть биджу и его чакры хотя бы подавили *сакки* Орочимару, позволив Кушине сопротивляться навешанной им жути.

Зрение девушки затянула алая пелена. С каждым прыжком фигура Орочимару становилась все ближе. Подобравшись, сжавшись словно пружина, Кушина приготовилась к последнему рывку, приготовилась растерзать когтями противника. Она уже видела, как ее обьятая темно-красной чакрой ладонь касается незащищенного горла, и... В следующий миг мир перед глазами Узумаки закувыркался. Темные небеса, расчерченные ломанными линиями молний, быстро менялись черной во мраке ночи поверхностью земли.

Жесткий удар остановил мельтешение перед глазами. Тело Кушины врезалось в несколько деревьев, переломив парочку толстых стволов и пропахав в земле внушительную борозду. Пошатнувшись, она поднялась на ноги и ошалело мотнула головой. Жесткое приземление не сказалось на ее самочувствии — покров чакры уберег от такой мелочи. Но нижнюю челюсть прострелила внезапная боль, а во рту чувствовался металлический привкус крови.

— Кушина, ты как?

Голос оказавшегося рядом Фугаку заставил невольно дернуться. Инстинкты зверя велели убить его, но девушка жестко подавила их.

— В норме, — обуздывая чужую силу и ненависть, ответила Узумаки. — Что произошло?

Темно-красная чакра под контролем Кушины быстро выцветала, обретая более привычный вид полупрозрачного жидкого пламени, окутывающего фигуру девушки. Узумаки недоверчиво потрогала челюсть, подвигала ею, чувствуя слабеющую боль.

— Тебе отвесили оплеуху, — резко ответил Учиха. — Но ты молодец, отвлекла Орочимару. Без *сакки* с ним проще. Пошли!

Без давления жажды убийства противостоять Орочимару было и в самом деле проще. Но только тем, что в принципе стало возможным ему противостоять. В остальном сражение с

Саннином больше походило на попытки своры собак забороть медведя. Взвод Сакумо и команда Фугаку в его числе, три недели отрабатывала методы сражения против одного противника. Результатом тренировок стало то, что никто из шиноби Конохи не мешался друг другу, но это слабо помогало.

Процесс усложнялся тем, что Орочимару почти не использовал техники, которыми был известен в Конохе. Во взводе Сакумо было несколько ветеранов, включая самого Хатаке, которые немало повоевали вместе с Рюсеем и были знакомы с его методами ведения боя. К ним все и готовились, но Саннин, похоже, учел это. Пришлось отказаться от половины заранее продуманных схем и начать импровизировать, подстраиваясь под новый стиль боя.

Хотя кое-какие успехи взвод за время короткого полета Кушины успел получить. Отвлекаясь на атаку джинчурики, Орочимару ослабил давление *сакки* на отряд, члены которого оперативно пришли в себя и контратаковали. Начало схватки Узумаки благополучно пропустила, зарывшись носом в землю, и застала только ее промежуточные результаты. Сейчас Рюсей оказался в центре фуиндзюцу, ограничивающего его передвижения, и несколько шиноби пытались этим воспользоваться, засыпая противника ниндзюцу, которые пока не наносили Саннину какого-либо видимого ущерба. А вот техники Орочимару уже успели выбить из строя пару неосторожных ниндзя.

— Я здесь, Хатаке! — вернувшись к своим, сообщила Кушина.

— Принял, — коротко ответил ей командир взвода, после чего сразу же выкрикнул приказ: — Всем! Формация три! Приступай!

Сдерживающие на данный момент Орочимару шиноби мгновенно отступили, попытавшись заблокировать его на месте взметнувшейся земляной волной. Ниндзюцу Стихии Земли оказалось слишком медленным, чтобы остановить Рюсея, но тот был вынужден уйти из зоны его поражения. Правда, линии печати не позволили ему отступить далеко. И, улучив момент, пока его никто не отвлекает, Саннин, похоже, решил выбить удерживающих фуиндзюцу шиноби.

Кушина, уже начавшая движение в сторону Орочимару, на одних рефлексах успела упасть на землю. Она и сама не поняла, что ее заставило это сделать, потому что Рюсей даже не начал складывать никаких ручных печатей. Просто в какой-то миг он резко взмахнул руками и широко ударил по воздуху. А в следующее мгновение ночная тьма озарилась ярким пламенем, с громким пронзительным ревом метнувшимся вперед от Орочимару.

Упав на спину и распластавшись по земле, Кушина пропустила над собой пронзительно клекочущую птицу, сотканную из лоскутов пламени. Лицо обдало теплом даже сквозь Покров Демонического Лиса, несколько вырванных с корнем клочков травы, лежащих неподалеку от девушки, стремительно скукожились и затлели. Техника Стихии Огня врезалась в быстро сформированную позади Кушины водяную стену и разметала суйтондзюцу в клочья густого обжигающего пара, бесследно пропадая сама.

Подскочив с земли за миг до столкновения огненной птицы с техникой Стихии Воды, Узумаки успела прыгнуть к Орочимару. Взрыв техник за спиной придал ей небольшое ускорение. Спину только обдало горячим потоком пара, когда она уже оказалась возле Рюсея. Ложный замах Кушины отвлекает Змея от атаки Минато, правда, он вместо того, чтобы блокировать удар, сразу же контратаковал. Такого Кушина не ожидала, но успела принять вражескую атаку на блок из вырвавшихся из ее спины цепей.

Снова лететь и вспахивать собой землю ей не хотелось, а без хорошей защиты у нее на это были все шансы. Орочимару снова провернул какой-то трюк. Не складывая ручных

печатаей, он обернул кулак плотным коконом воздуха, который врезался в выставленный Барьер Цепей Чакры. Щит вздрогнул, сыпя искрами под мощным ударом, но выдержал. А в следующее мгновение за спиной Рюсея появился Минато, отвлекая Змея на себя.

Вдвоем с Намикадзе Кушине под прикрытием Фугаку с Сакумо удалось удержать Орочимару, втянув его в схватку. Намикадзе не уступал Рюсею в скорости, а сама Кушина с Покровом Лиса и Цепями была почти неуязвима. Это должно было дать остальным шиноби время подготовить совместную атаку.

Удар, прыжок в сторону от взметнувшегося пламени. Минато снова появляется за спиной Орочимару, но Змей, не глядя, едва не сносит голову Намикадзе ударом ноги с разворота, заставляя блондина вновь использовать *Хирайшин*, чтобы появиться уже над головой Рюсея.

Мощный сгусток чакры, новая техника Намикадзе, попала Орочимару почти по загривку, впечатывая в землю. Кажется, это была первая успешная атака. Но большего и не нужно было. Улучив момент, Кушина притянула себя Цепями Чакры обратно к Саннину, еще в прыжке складывая нужные ручные печати.

Используя инерцию полета, Узумаки едва ли не врезалась в поднимающегося Орочимару, припечатав ладони к груди. Вопреки законам физики тело Змея не отшвырнуло ударом. Вырвавшиеся из рук Кушины линии фуиндзюцу мгновенно впились в плоть Рюсея, обвивая его, спустя мгновение Орочимару оказался заключен еще и в кокон из Цепей Чакры.

— Он пойман! — крикнула Кушина, от напряжения у которой по вискам начал стекать пот. — Быстрее!

Мощный удар под несколькими слоями Цепей Чакры заставил их вздрогнуть. По мощным звеньям зазмеились разряды энергии. Еще один удар разорвал несколько Цепей. Их звенья просто оплыли, словно мягкий воск под пламенем свечи. В лицо девушки ударил мощный поток чакры, вырвавшийся из-под фуиндзюцу.

Орочимару оказался слишком силен. Но недостаточно, чтобы вырваться из ловушки. Вокруг Кушины и Рюсея взметнулось кольцо каменных стен. На их вершине уже показались темные фигурки шиноби Конохи, стремительно складывающие ручные печати.

— Они решили убить нас обоих? — этот вопрос, заданный любопытным тоном, застал Кушину, отвлекшуюся на действия соратников, врасплох.

Испуганно дернувшись, она взглянула на запечатанного Орочимару. Нет, он до сих пор был под фуиндзюцу, но Цепи Чакры, которые обматывали его голову, оказались разорваны. Теперь они не плавилась, а осыпались песком, медленно покрываясь тонкой сетью письмен.

Саннин использовал какое-то фуиндзюцу для противодействия печати Кушины. Запечатывал запечатывающую технику! Узумаки несколько мгновений поражено наблюдала за этой картиной, прежде чем ответить:

— Не знаю, как ты, но я сегодня умирать не намерена.

— Как ни странно, но смерть и в моих планах на ближайшую тысячу лет не намечена, — усмехнувшись, заметил Рюсей. — Только вот наши планы могут не совпадать с планами наших союзников. Ты уверена, что они не собираются уничтожить и меня, и тебя?

— Тебя-то уж точно попытаются, — уверенно ответила Кушина, напряженно наблюдая за тем, как рассыпаются Цепи Чакры и распадается созданная ею печать.

Глухо рыкнув, девушке пришлось зачерпнуть еще больше чакры Девятихвостого, чтобы усилить свою технику. Покров чакры вокруг нее взметнулся, призрачные хвосты заметались подобно языкам пламени. Распад Цепей Чакры замедлился, а Орочимару недовольно

поморщился, когда его кожи коснулись капли чакры Кьюби.

— Должен признать, что ты и в самом деле выросла красавицей, Гурен, — заметил Рюсей, — но твоим воспитанием Цунаде стоило заниматься больше. Не брызгай в меня этой чакрой, это больно вообще-то.

— Уж я-то об этом знаю, — зло процедила Кушина, которая прожила с чакрой Кьюби немалую часть жизни. — Но сейчас тебе будет еще больнее.

На краю каменной чаши, созданной техникой Дотона, собрался весь взвод Сакумо и даже несколько призванных зверей. Формация три предполагала поимку Орочимару в ловушку и попытку его уничтожения. Через несколько секунд каменная чаша должна быть залита огнем, но до этого момента Кушине нужно было удержать Рюсея на месте. Многим была известна изворотливость Змеиного отшельника и его живучесть. Он точно владел какой-то пространственно-временной техникой, позволяющей ему перемещаться на большие расстояния и преодолевать барьеры. Поэтому простая ловушка его бы не удержала. Пришлось Кушине запечатать Саннина самой и удерживать до самого последнего момента.

Естественно, учитывая, что Орочимару не успел потратить много чакры, сжечь сейчас его не получится. Кушина должна будет отступить, чтобы самой не попасть под комбинированную технику соратников, тогда Рюсей быстро высвободится из печатей, но наверняка успеет получить серьезные ранения. Исцеление которых затратит много чакры, а это уже даст шанс победить его по-настоящему.

Стоящие на кромке каменной чаши шиноби Конохи и несколько жаб, призванных Минато, к этому времени сложили необходимые печати. Черное небо над головой, озаряемое до этого только молниями, запылало от метнувшихся вниз потоков огня, раздуваемых ветром и питаемых жабым маслом.

— Это тебе за Сору, — с горечью успела произнести Кушина, прежде чем за ее спиной появился Минато.

Крепкая ладонь упала на ее плечо, и... В следующее мгновение чакра внутри Кушины всколыхнулась вопреки ее воле. Чужая ненависть излилась сквозь печать на ее теле и обожгла меридианы. Покров Чакры Демонического Лиса внезапно рванул в стороны, наливаясь тьмой.

Минато отшвырнуло в сторону за мгновение до активации *Хирайшина*, и исчез он в желтой вспышке техники, унося с собой только клочок обжигающей чакры Кьюби. А Кушина осталась на дне каменной чаши. Последнее, что успела сделать Кушина до того, как сверху на нее свалилось море огня — это испуганно посмотреть в глаза Орочимару. Но вместо лица Змеиного отшельника она увидела перед собой только деревянный плоский лик быстро обугливающейся марионетки.

В следующее мгновение мир утонул в пламени. А еще через долю секунды удерживаемая в печати марионетка взорвалась, разнося все вокруг в клочья.

Глава 16. Кьюби

24 сентября 45 года от начала Эпохи Какурезато

За попытками шиноби Конохи связать боем созданную Малис Ринха из моей чакры марионетку я наблюдал с почтительного расстояния. Потому что, несмотря на все предосторожности, кто-то из сенсоров мог почувствовать мою чакру и тогда весь спектакль пошел бы насмарку. Хотя он и так это сделал, но начиналось все неплохо.

К делу мои бывшие товарищи подошли с выдумкой. Наверное, не имей я своего аналога техники *Укодживизай*, то их нападение и в самом деле было бы неожиданным. Однако без собственного масштабного ниндзюцу зондирования мне бы не удавалось водить за нос несколько лет все крупные какурезато. Собственно, и Амегакуре поддерживает изоляцию от других стран, тоже основываясь на том же принципе. Только если в Стране Дождя специалистами поддерживается постоянный дождь, напитанный чакрой, чтобы обнаруживать попавших под него шиноби, то в Стране Звука я сделал ставку на ветер. Хотя суть от этого не меняется.

Площадь покрытия техники зондирования примерно совпадала с границами Страны Звука, поэтому все пользователи чакры так или иначе в нее попадались. Все диверсионные группы Конохи и в этот раз были под наблюдением с момента их проникновения на мою территорию. Хотя я и до этого примерно представлял их численность и состав, благодаря нескольким сохранившимся в Корне моим личным агентам, которые не были связаны с Хируко. Конечно, это были больше ученые и многое мне поведать не могли, но все же доступ к тайнам Конохи они имели побольше, чем я в образе Охеми.

В общем, к не самому дружескому визиту шиноби я готовился заранее. Учитывая, что задача у незваных гостей заключалась лишь в разведке, то это было не слишком сложно. Достаточно было передислоцировать некоторые отряды в пограничной зоне, временно законсервировать небольшое количество военных объектов или переквалифицировать их под места базирования фиктивных групп йохей-ниндзя, под видом которых работала часть шиноби Отогакуре.

Если вспомнить события, предшествовавшие Первой мировой войне, то тогда страны тоже активно изучали военные силы друг друга, и иногда они действовали так же, как сейчас Коноха. Учитывая, что подобную тактику использовали великие державы по отношению к малым странам, как заведомо более сильная сторона к слабой, я не питал иллюзий и ожидал, что когда-то кому-то надоест неизвестность и ко мне заявятся незваные и решительно настроенные гости. Пусть не совсем намеренно, но своей встречей с Райкаге и Цучикаге я спровоцировал этот визит.

Хотя он когда-нибудь произошел бы в любом случае.

Я все еще не уверен, кто именно встал во главе Корня после смерти Данзо. Анбу своих принципов работы не изменил: мои информаторы имели новые джуиндзюцу и много рассказать не могли в принципе. Но в чем я точно уверен, так это в личной ненависти нового главы Корня ко мне. И еще, этот человек точно имеет на Хирузена не меньшее влияние, чем когда-то Шимура. Не на прямую, скорее всего, через советников и нового главу Анбу, но это не важно. Важно то, что мои попытки разъяснить бывшему учителю ситуацию с моим уходом из Конохи не увенчались успехом. Ситуацию усугубляло еще и давление на Сарутоби со стороны Хьюга, Учиха, Яманака и Абураме. Первые три клана справедливо полагали, что

я проводил эксперименты с их кеккей генкай и хиденом, и подозревали, что ради этого я убил некоторых их членов. Абураме же выяснили, что я разрабатывал инсектициды. Этим я и в самом деле занимался, но для развития сельского хозяйства в Стране Звука, а не в целях противодействия живым рассадникам жуков.

По итогам как-то так вышло, что ко мне не очень дружелюбно относились три из четырех ныне существующих, Сенджу уже мало кто берет в расчет, благородных кланов Конохи и глава Корня. Это естественным образом вносило свою лепту в отношения Стран Огня и Звука. Хирузен, может, был бы и рад спустить мои проступки на тормозах, постепенно налаживая мирный диалог, но не получалось. Попытки какие-то были, но такие, что меня они не устраивали. В общем, одно за другим — и вот мы уже имеем, что имеем.

Однако нужно отдать должное, операция Конохи в Стране Звука хоть и была по сути разведкой боем, но все же не предусматривала серьезных столкновений. Насколько я понимаю, изначально предполагалось, что несколько групп ниндзя попытаются проникнуть в места наиболее вероятного расположения Отогакуре для оценки ее сил, пока один взвод отвлекал бы меня. Причем всё должно было обойтись, по возможности, без убийств. А то если окажется, что Деревня Звука все же сильнее, чем прогнозируется, Хирузену хотелось бы оставить себе возможность потом все решить миром.

В Конохе даже меня не хотели убивать, только задержать, чтобы не мешал разведке. Если бы кто-то желал моей смерти, то для этого было бы не нужно отправлять взвод шиноби. Для прямой ликвидации такого количества мало, для тайной много. Уж в Конохе-то точно знают, насколько я живуч.

В принципе, из-за того что в Листе осведомлены о моих способностях, им также пришлось взяться за выполнение миссии самим. Это банально проще, чем пытаться замаскировать нападение под атаку шиноби других деревень. Любой мертвец живенько бы сдал мне все подробности операции, для этого мне не понадобилось бы даже прибегать к *Эдо Тенсей*. Ну, или в крайнем случае, если бы все обошлось без жертв со стороны нападавших, то анализ ДНК, получить которую достаточно просто, все равно укажет на истинного агрессора. Так что попытка свалить вину на другого с большой долей вероятности была бы безрезультатной и потребовала бы только лишних усилий и средств.

Еще одним вариантом было бы нанять для миссии наемников, но из какурезато великих держав такими методами не брезгует только Ива да, частично, Суна. И далеко не факт, что йохей-ниндзя все равно не навели бы меня на заказчика. Более того, Коноха сейчас не в том положении, чтобы тратить деньги на наем посторонних шиноби.

Так или иначе, Коноха отправляла ко мне своих шиноби, которые не должны были нанести Стране Звука серьезный урон. Я к этому готовился, и все, казалось, шло своим чередом, когда начались первые неожиданности. Во-первых, я разрешил Малис создать из своей чакры марионетку, чтобы в случае необходимости отправить в бой ее и сохранить свои силы в резерве. Марионетку создать получилось, но сам я после этого на некоторое время выбыл из строя. Последствия боя с Райкаге, поддержка нескольких клонов и выкачивание всей чакры из оригинального тела лишили меня духовных сил и большей части физических, из-за чего пару дней я провалялся в больнице. В целом ничего критичного не произошло, но когда мне удалось восстановить силы и вновь вернуться к управлению, Кушина была уже в Стране Звука.

И именно эта девчонка, которую я когда-то назвал Гурен, Алым Лотосом, стала второй неожиданностью. Я не понял, зачем ее отправили на эту миссию, и времени разобраться уже

не оставалось. До меня доходили слухи, что Кушина успешно развивается как джинчурики, и сам я в этом частично убедился глазами Охеми, но все же... У меня ведь есть Ключ от ее печати, и Хирузену об этом известно. Пусть даже у меня мало шансов воспользоваться этим фуиндзюцу без добровольного на то желания джинчурики, но риск все-таки остается. А Сарубоби-сенсей не тот человек, который не учитывает риски.

Ясно, что отправка Кушины на эту миссию имеет какие-то скрытые цели, не зная которых связываться с последней официально живой Узумаки не стоило. Но с другой стороны, когда еще на моей территории появится джинчурики? Не скрою, у меня был интерес к биджу, и упускать шанс свой интерес удовлетворить было бы глупо. Поэтому пришлось срочно придумать повод задержать Кушину в Стране Звука, не вызвав при этом справедливого негодования в Конохе.

Не скажу, что способ я выбрал идеальный, но придумать что-то получше времени уже не оставалось. Я банально слил через якобы нанятых мною йохей-ниндзя, являющихся на деле отрядом из Отогакуре, информацию одному из известных мне агентов Конохи о местонахождении своего фиктивного сына. А потом оставалось лишь проконтролировать, чтобы мой клон с кодовым названием Дайки, имеющий кеккей генкай клана Ринха, был похищен наиболее реалистичным способом.

В том, что его попытаются похитить, сомневаться не приходилось. В нелюбви ко мне нынешнего главы Корня я уверен, и это делает его предсказуемым. Чем был опасен Данзо, так это умением держать свои эмоции в узде, его сменщику до этого еще далеко. Хотя не исключаю, что он мог бы пожелать просто убить моего сына, вместо его похищения, но это меня тоже устраивало. Да и вряд ли ненависть настолько ослепила нового Шимуру, что он отказался бы манипулировать мной, шантажируя жизнью сына. Наверняка в Корне известно, что причиной моего конфликта с Данзо стала смерть моей приемной дочери. В этом свете похищенный родной мой ребенок стал бы прекрасным инструментом манипуляции мною.

В итоге Дайки все же был похищен. Фиктивные наемники оказались перекуплены агентами Корня, Малис Ринха, исполняющая роль матери моего клона, инсценировала свою смерть, что с ее способностями было легче легкого, а мне оставалось лишь в порыве «праведного гнева» захватить Кушину. Но тут меня поджидала третья неожиданность.

Со своей обзорной точки мне было прекрасно видно, как чакра Кьюби в кейракукей Кушины пришла в хаос, вырываясь из-под ее контроля. Как я и говорил, юная Узумаки явно не сошлась характерами с Девятихвостым, наверняка вообще не контактировала с ним. Однако она продолжала активно пользоваться чакрой Курамы, который и воспользовался этим в самый подходящий для себя момент.

А мне вообще с самого начала не понравилась затея Кушины, решившей до последнего удерживать мою марионетку, позволяя напарникам нанести точный удар. Я, конечно, понимаю — доверие, товарищеский дух и все такое, но рисковать жизнью в не самой критичной ситуации, не имея в тылах запасного тела, в которое можно переместиться в случае смерти? Авантюрная затея.

Хотя о чем это я? Все как раз в духе Узумаки.

Когда Минато исчез в желтой вспышке *Хирайшина*, унося с собой лишь клочок чакры Девятихвостого и оставив Кушину наедине с моей деревянной копией и под ударом комбинированной техники, то я не успел даже слова сказать. Малис Ринха находилась рядом со мной и управляла марионеткой в ручном режиме, но остановить ее и прервать процесс самоуничтожения созданной с помощью кеккей генкай куклы я не смог. А потом произошла

еще одна, роковая, неожиданность.

Техника взрыва марионетки была основана на Катоне и несла в себе все остатки моей чакры, сохранившейся в кукле. Которой оказалось больше, чем в технике Стихии Огня, созданной шиноби Конохи. Когда два ниндзюцу столкнулись, произошел классический пример принципа противовеса. Одна техника поглотила чакру из другой с таким же стихийным элементом.

Помноженный на масло жаб и футондзюцу взрыв вышел превосходным. На мгновение вдали взметнулся пламенный шар, быстро скрывшийся за черным чадом. Через пару секунд до нас долетел приглушенный грохот.

— Не стоило делать марионетку из дерева, созданного Мокутоном, — недовольно поджав губы, прокомментировала произошедшее Малис.

Я проигнорировал ее без сомнения ценное замечание. Быстро вращая глазами, я пытался отследить все фигурки шиноби Конохи. Кецурияган позволял видеть далеко, но угол обзора у него был все же далек от такового у бьякугана, разбросанные взрывной волной ниндзя перемешались, пересчитать и примерно оценить состояние здоровья каждого оказалось затруднительно.

В целом, пострадали они не сильно — защитил возведенный ими земляной вал и суйтондзюцу, которым успел воспользоваться, скорее всего, Минато. Легко отделались, максимум парой переломов и контузией внутренних органов. Но, естественно, повезло не всем.

Кушину найти мне удалось далеко не сразу. Каким-то образом тело девушки вышвырнуло взрывной волной за пределы земляного вала. Ее собственная чакра в теле казалась тусклой и едва заметной, меридианы местами разорваны. Взрывом ей оторвало как минимум ноги, об остальных повреждениях судить пока было сложно, но жизнь буквально вытекала из нее. Использованный ею метод подавления боли пока удерживал Узумаки в сознании, но без посторонней помощи ей было не справиться. Но более важно то, что в отличие от чакры самой девушки энергия Кьюби разгоралась все с большей силой, неконтролируемо вырываясь из печати.

Из зияющей черной дыры на животе Кушины вырывалась кипящая красная чакра, стремящаяся разорвать последние сдерживающие ее путы. Я едва ли не слышал звон рвущихся цепей.

— Малис, — сжав руки в кулаки, выдавил я из себя. — За мной! Котоширо тоже. Остальным не приближаться к Кьюби. Следите за коноховцами, они не должны мне мешать. Акай — за старшего. Связной — штабу: подготовить седьмой полигон к приему биджу. Погнали!

Я сорвался с места, используя обычный шуншин. Котоширо не имел меток для *Хирайшина* возле Кушины, и он же мог не пережить *Тенсо*. Да и Малис, хоть и не умерла бы от использования техники перемещения Третьего Райкаге, но все ее силы после этого ушли бы на поддержание своей жизни. В то же время, я не уверен, что Ринха или Узумаки смогли бы найти Кушину. Поэтому пришлось вести своих напарников и спешить на помощь гибнущему джинчурики в не самом быстром темпе, на который я был способен.

В какой-то момент раздавшийся впереди рев биджу подстегнул меня. Через секунду, вырвавшись из редкого лесочка кривеньких сосенок на пробитую взрывом просеку, я имел сомнительное удовольствие лицезреть гигантскую оформившуюся лисью морду, состоящую из кипящей алой чакры и рвущуюся вверх. Помимо широкой рожи у биджу уже появились

лапы, которыми он остервенело рвал плавящиеся словно воск цепи и, упираясь в землю, как будто пытался вытянуть остальную часть тела из ямы.

Несколько мгновений оценивая ситуацию, я сорвался с места. Шуншином сдернув свое тело с места, я оказался подле распластанного на земле тела Кушины. Переломанная, израненная и обляпанная клочьями грязи она еще была жива. Несмотря на разрыв крупных сосудов и резкую кровопотерю, организм Узумаки смог компенсировать падение артериального давления. Благодаря чудовищной регенерации, культы девушки успели покрыться соединительной тканью, которая остановила острую кровопотерю. Так же она смогла худо-бедно справиться с многочисленными внутренними повреждениями, но на этом чакра начала подходить к концу.

Рвущийся наружу Кьюби рвал меридианы и вытягивал чакру своего джинчурики. Подобное мне уже приходилось видеть в момент высвобождения Восьмихвостого из Блю Би. Картина не критичная, если бы не физические травмы Кушины.

Вновь используя шуншин, я оказался возле девушки. очередной рев Кьюби ударил по ушам, натянутые Цепи Чакры надсадно скрипели и плавилась буквально на глазах. Обжигающая чакра биджу даже без непосредственного контакта щипала кожу. В таких условиях как-то помочь Кушине будет сложно.

Краем глаза замечаю стремительно мелькнувшую в ночной тьме гигантскую тень и рефлекторно ударяю в ее сторону кулаком. С громopodobным хлопком сорвавшаяся с моей руки ударная волна деформировала воздух, отбивая устремившуюся ко мне лапу Кьюби. Эта техника тайдзюцу напоминала сильно упрощенный вариант *Секизо Майто Гая*, и хотя ее уровень не дотягивал до того, чтобы нанести урон биджу, отразить удар лапой Курамы получилось.

Но отвлекаться на биджу мне сейчас некогда.

Сложив вместо пяти ручных печатей одну, я набрал в грудь побольше воздуха. Стремительный ток чакры на мгновение обжег меридианы холодом, преобразованная в Стихию Ветра энергия устремилась к тенкецу в груди и от него ко рту, чтобы вырваться на волю в виде мощного потока ветра. *Футон: Дайтоппа* — техника слишком низкого для противостояния биджу ранга, но достаточная, чтобы на время дезориентировать Кьюби, еще не успевшего полностью высвободиться из печати.

Под мощным порывом ветра Курама качнулся, закрываясь лапами. Этого было достаточно, чтобы я прыжком оказался над головой Кьюби. Еще одна ударная волна пронеслась по воздуху от моего кулака, врезаясь в темечко биджу и вызывая очередной яростный рев. От крика демонического лиса у меня едва не заложило уши, а все внутренности, кажется, завибрировали под напором оглушительного звука. Но это не помешало мне завершить атаку. Оттолкнувшись от уплотнившегося воздуха, я прыгнул к Кураме и ладонью плашмя приглубил его по заливку.

Уже приземлившись, я удовлетворенно наблюдал, как по телу биджу стремительно расползаются хаотичные линии джуиндзюцу. В идеале мой вариант *Джиго Джубаку но Ин* должен был парализовать противника и остановить в нем ток чакры, но Кураму, даже в его положении, подобная печать остановит максимум на пару минут.

— Малис, — не глядя, крикнул я своей спутнице, — не дай джинчурики умереть! Ичикишима — Ключ!

Ринха мгновенно оказалась возле Кушины, сразу же направляя в измученное тело лечебную чакру. Мне же в руку упал свиток, выплунутый Ичикишимахимае.

Резким рывком разворачиваю масштабное полотнище, покрытое черными письменами. Сложив необходимые ручные печати и припечатав вспыхнувшую призрачным пламенем чакры ладонь к свитку, я пытливым присмотрелся к ожившим письменам и реакции на них печати на теле Кушины.

Реакция и в самом деле была, но... Не та, на которую я рассчитывал.

Линии печати, сейчас покрывающие все тело Кушины, вспыхнули алым. Цепи Чакры, обвивающие Кураму взбесились и начали извиваться словно живые змеи. Через миг мне уже пришлось взмахом ладони разрубить первую цепь, метнувшуюся ко мне, а еще одну прижать ногой к земле.

Это стало ошибкой.

Цепь Чакры Кушины впечаталась в распластанный на земле свиток с Ключом. Письмена на бумаге вспыхнули и пришли в движение. А через мгновение я и глазом не успел моргнуть, как свиток просто испарился в быстро развеившемся облачке дыма.

Печать! Мой Ключ был запечатан!

Еще раз быстро просканировав тело Узумаки кецурьюганом, я успел заметить стремительно выцветающие линии фуиндзюцу на ее коже, которые прятались под печатью, сдерживающей Кьюби. Похоже, Кушина или кто-то еще в Конохе смогли придумать, как вернуть в деревню Ключ без моего на то разрешения. Просто спрятали на теле джинчурики фуиндзюцу, которое бы реагировало на активацию определенной техники и похищало ее.

Мои опасения насчет Кушины и ее отправки на эту миссию оправдались. Что ж, теперь одна загадка разгадана. Только вот что делать с биджу? Вопрос, конечно, интересный.

— Рюджин-сама... — услышал я за спиной осторожный голос.

Обернувшись, я увидел Котоширо. Парень был явно бледнее обычного и сейчас мог поспорить в белизне лица с Кушиной, потерявшей немало крови. Хотя он этого, скорее всего, и не замечал, потому что все внимание Узумаки было поглощено беснующимся биджу.

Беснующимся в непосредственной близости от нас.

Воспользовавшись тем, что часть Цепей Чакры Кушины атаковали меня, стремясь запечатать Ключ, Кьюби смог расплавить оставшиеся на нем путы Узумаки и сейчас его сдерживал только мой джуин, который стремительно терял силу. Большая часть линий на теле биджу уже выцвели до едва видимого состояния.

И что делать? Я не планировал сегодня ловить биджу, но теперь без этого не обойтись. Нужно собрать группу ловцов, нужно подготовить место и нужно туда переместить Кьюби. Седьмой полигон для поимки Курамы локация идеальная — граница со Страной Железа и дикими землями, на многие километры вокруг ни деревень, ни полей. Не то что здесь, в предместьях Отомуры. Но туда еще нужно переправить людей. Котоширо с парой таких же пользователей Хирайшина справятся с этим за несколько минут. Плюс время на сборы и подготовку.

Получается, около получаса надо чем-то занять Кьюби. Что-нибудь придумаем.

Разрушить остатки *Хакке но Фуин Шики*, уже почти не сдерживающие Кураму, не составило труда. Направив чакру к ладони, я зажег на кончиках пальцев моей правой руки призрачные огоньки. Поморщившись от боли, я осторожно ввел ладонь в поток чакры, вырывающийся из печати джинчурики, и, прикоснувшись к обнаженному животу Кушины, разрезал линии фуиндзюцу, одновременно отменяя собственный джуин на Кьюби.

В громогласном реве биджу, громада тела которого рванула вперед, полностью обрета

физическую оболочку, потерялся болезненный стон Кушины.

— Котоширо, забирай Малис и Кушину! — приказал я, перекрикивая грохот топчущегося по земле Курамы и треск сминаемых им деревьев. — Малис, Кушина должна быть живой и находиться на седьмом полигоне, когда будет пойман Кьюби! Поняли?!

— Да! — ответ я скорее прочитал по губам, чем услышал из-за беснующегося вблизи лиса.

— Так исполняйте!!! — прокричал я, переходя в режим отшельника и активируя *Шичи Тенкохо*.

Взбесившаяся в меридианах чакра на мгновение вскружила голову, чтобы принести с собой кристальную яркость. Поток воздуха ударил от меня в стороны, разнося легкие облачка пыли, оставшиеся после перемещения Котоширо. У меня под ногами осталась только обширная лужа крови, смешанная с грязью.

Быстро осмотревшись по сторонам, я убедился, что поблизости никого нет. Мой отряд, которым теперь командовал Акай, глава клана Куроба, успешно отеснил шиноби Конохи, которые после большого взрыва оказались разобщены. Похоже, Куроба смог этим воспользоваться. Может, и зря я приказал ему убрать отсюда взвод Сакумо, с ними можно было бы договориться. Вместе сдержать Кьюби было бы проще. С другой стороны, так я хоть точно никого не прибью по случайности.

Подняв голову к Девятихвостому, я встретился с ним взглядом. Огромный биджу продолжал хлестать хвостами по земле, круша камень и деревья. С оскаленных зубов капали крупные капли слюны, ощерившаяся морда, кажется, излучала физически ощутимую ненависть. Однако зверь не нападал. Припав на задние лапы, он словно готовился к прыжку и изучал меня своими огромными глазами.

— Такой большой, а меня боишься, Курама? — насмешливо крикнул я лису, одновременно давя внутри себя дрожь.

Даже зная, что в случае опасности я могу сменить тело, все равно стоять напротив воплощенной ненависти и ярости размером с гору нервирует. К тому же я помню свою схватку с джинчурики Однохвостого и помню, насколько сложной она была. Тогда я был слабее, но со мной была Юко. Сейчас она еще не полностью вернула свои силы, так что ей пока лучше отдыхать. Придется справляться так.

Не знаю, зачем это было нужно Кьюби, но он все-таки атаковал меня. Может, считал слишком большой угрозой, может, понимал, что в покое я его не оставлю. Так или иначе, но он начал действовать.

Задние лапы лиса пропахали огромные рвы в земле, вырывая и разбрасывая дорожные плиты и валуны, попавшиеся на пути. Гигантское тело сорвалось с места, стремясь смять меня своей мощью. Для своей комплекции биджу был быстр, но все же до меня или Минато ему было далеко. Кьюби не успел преодолеть и половину разделяющих нас полторы сотни метров, когда в моей правой ладони образовался сгусток плотной энергии. Аккуратно соединив стремительно вращающуюся чакру Футона и природную энергию, я сжал руку. Из-под пальцев вырвались хлесткие порывы ветра, обвившие мою руку.

На выдохе ударив пространство перед собой, я раскрыл кулак, выпуская накопленную энергию. Воздух сотрясся от резкого грома. Устремившийся вперед поток сверхзвуковой чакры Стихии Ветра разрывал атмосферу, вызывая сильнейшие звуковые колебания. От грохота снова заложило уши, по телу прошлась волна отраженного звука, болезненно сотрясая внутренности. Но это была мелочь по сравнению с тем, что должна была ощутить

жертва.

Под давлением *Хататагами* снова крошился в пыль камень и разлетались в щепки поваленные Кьюби деревья. В нос ударил резкий запах древесного сока и влажной пыли. Оставляя за собой полосу клубящегося в воздухе марева, разлетающиеся в стороны обломки деревьев и измельченную в пыль почву и камень техника врезалась в Кураму, сшибая его в полете и волоча по чувствительно содрогающейся земле.

А я, не давая противнику прийти в себя, готовился к следующей технике.

Ударная волна от *Хататагами* только долетела до туч, вытряхивая из них первые капли дождя, когда серия ручных печатей была завершена. Чакра Стихии Молнии едва заметным проблеском устремилась в небеса, и они ответили ярким заревом молний и громом. Повинуясь моей воле электрические разряды меж собранных заранее облаков начали сплетаться, образуя мощное тело, покрытое бирюзовой чешуей. С многоголосым ревом, смешивающим и раскаты грома, и злой треск близких молний, *Кири*н устремился вниз, озаряя ярким светом ночь и обгоняя капли дождя. Длинное, сплетенное из электричества тело мелькнуло в воздухе, отпечатавшись на сетчатке глаза, и врезалось в Кьюби.

Очередная волна оглушающего грома пронеслась сквозь меня, отдаваясь звоном в груди. Мощь *Кирина* раскрошила землю и выжгла все живое в десятках метров. В ночи ярко полыхали подхваченные ветром горящие листья и обуглившиеся стволы деревьев, но обрушившийся с небес дождь быстро потушил пламя. Запах смятых растений сменился вонью озона и гарью. Девятихвостый же в эпицентре взрыва, хоть его шерсть и выглядела слегка подпаленной и вздыбленной, большого вреда не получил. Прижавшись брюхом к земле он раздраженно отмахивался хвостами от продолжающих жалить его мелких молний, оставшихся после использования моей техники. Хотя если смотреть на чакру в Кураме, а не на его внешний вид, то он все-таки ощутимо пострадал от удара молниями, однако травмы быстро восстанавливались.

К сожалению, после моей атаки Кьюби быстро пришел в себя. Раскрыв клыкастую пасть, он начал концентрировать чакру. Еще до появления первых капелек багряной и синей чакры, с помощью дождю мне было видно, как течет энергия в теле биджу. Не дожидаясь выстрела Бомбы Хвостатого, я метнул себя вперед. Мое тело врезалось в атмосферу, лицо обожгли легкой болью висащие в воздухе капельки дождя, с надсадным треском лопнула ткань кимоно, не выдержав удара о воздух. Пришлось выжать из третьей активации *Шичи Тенкохо* все, чтобы успеть сократить дистанцию с монстром.

За считанные мгновения я оказался возле Кьюби, плечом врезался в его грудь, гася инерцию. Мое тело вмялось во влажную шерсть и кожу биджу, укрепленные чакрой внутренние органы перетряхнуло, и не будь я Белым Змеем, то расшибся бы в мясную котлету. Но мой организм крепче, чем кажется.

Сам Курама даже не заметил, что в него врезалась какая-то мелочь, или не успел этого сообразить, но он продолжал концентрировать чакру. Извернувшись и оттолкнувшись от тела биджу, еще в падении развожу руки и с резким выдохом свожу их. Мышцы на руках вздулись от напряжения, было чувство, будто поднимаю гору, и это частично было так. Ухватившись за природную энергию в пространстве и исторгнув из тела жизненную, я подхватил огромную массу воздуха и, резко сведя ладони, направил ее вверх, к голове Кьюби.

Очередной оглушительный грохот сотряс пространство, предельно сжатые потоки воздуха сплелись, образуя полупрозрачный силуэт, устремившийся вверх. В ночных сумерках

одинокая молния успела осветить фигуру огромного призрачного тигра. *Бякко* засиял в бледном свете, окутанный облаком разбитых в мелкую водяную пыль капель дождя, и врезался в морду *Кьюби*, подбрасывая голову *биджу* вверх.

Не до конца сформированная *Биджудама* сорвалась в небеса, пробив прореху в покрове туч и скрывшись в ночном небе. А я, едва коснувшись земли, снова оставляя за собой туманный шлейф, промчался сквозь дождь. Гигантским прыжком оказался на лапе *Кьюби*, с нее — дальше вверх. Еще в полете сложив печать *Змеи* и применив технику *Дотон: Чо Каджуган*, чувствую, как увеличивается собственный вес. Гравитация неумолимо потянула вниз, ровнехонько на холку *Кураме*.

За секунду до столкновения успеваю использовать свое новое тайдзюцу. Жизненная энергия взметнулась внутри меня, выходя наружу, сплетаясь с брызгами воды и потом, которые сплелись вокруг меня в черепаший панцирь. *Гэмбу* должно было смягчить удар, сыграв роль брони и амортизации, но все равно, врезавшись в тело *биджу*, я едва не застонал от прострелившей ноги боли. Ступни врезались в остистые отростки на загривке *Кьюби*, кости которого хоть и состояли из чакры, но были плотнее камня. Однако самому *Девятихвостому* столкновение принесло больше проблем. Глухо взыв, лис присел на подкосившихся лапах, грудью вспахивая землю.

Не отменяя техники *Дотона*, увеличивающей мой вес, мчусь вдоль позвоночника *Кьюби* к его голове. Тело стонало от напряжения, сердце стучало как бешеное, быстро перебирать ногами, которые сейчас начали весить как валуны массой в тонну, было чудовищно сложно, но каждый мой шаг заставлял *Девятихвостого* сотрясаться всем телом, вбивал его глубже в землю.

Наконец, от души приложив пяткой по затылку лису, я вернул себе свой вес. Ноги словно сами унесли меня вверх, к небесам. Ставшее легким, словно перышко, тело взрезало пелену дождя, пришлось раскинуть руки и ноги в стороны и уплотнить воздух перед собой, чтобы остановить полет. И, зависнув на мгновение в воздухе, вновь распространил вокруг себя физическую энергию, подхватывая воздушные потоки, уплотняя их. Резкий взмах ногой в сторону *Кьюби* внизу ударным давлением разогревает атмосферу. Было чувство, словно я пытаюсь сдвинуть ударом гору, уже сказывалась небольшая усталость, но тайдзюцу сработало безотказно, воспламенив газовую смесь. И вниз, в *Кураму*, мгновенно испаряя капли дождя, помчалось ревущее пламя в форме птицы, объятая сейчас плотными клубами горячего пара.

Огонь *Судзаку* врезался в *Кьюби*, объяв его обширными пламенеющими крыльями и опаливая шерсть, обдавая *биджу* жгучим паром и заставляя его взреветь. Хотя большого урона тайдзюцу нанести в дождливую погоду не могло, но главное для меня сейчас было перекрыть *Кураме* на некоторое время обзор, окутав всю округу паром. И это получилось. Упав на землю, я словно нырнул в молочный кисель.

Плотное облако испарившейся воды поднималось вверх, и обдало меня приятным теплом. Не будь у меня *кецурьюгана*, то сейчас пришлось бы ориентироваться только на звук. Но у меня было додзюцу, а у *Курамы* нет. Это дало несколько секунд на создание следующей техники.

Использование мощных техник уже потрепало меня самого больше, чем моего противника, а следующее ниндзюцу будет еще более затратным и болезненным в первую очередь для меня. Сейчас мне нужно было показать максимум своих способностей в контроле чакры, чтобы сохранить как можно больше сил для продолжения битвы.

Я почти успел завершить серию ручных печатей, когда мощный порыв ветра едва не снес меня с ног. Кьюби продемонстрировал что-то похожее на мое тайдзюцу. Я заметил, как его лапа пронеслась в нескольких метрах надо мной, подхватывая огромные массы воздуха и сметая ими все на своем пути. Пар, дождь, камни и деревья — смело все. Мне пришлось увернуться от летящего в меня облака подхваченного ударной волной мусора и дополнительно снова прикрыться водяным панцирем.

Маскировка продержалась недолго, но когда Кьюби снова заметил меня, мои руки уже сложили последнюю печать.

В следующее мгновение тело пронзила боль от исторгнутого наружу огромного объема чакры. А еще через мгновение пришла уже реальная физическая боль.

Слепящая вспышка длилась меньше доли секунд, а потом мне показалось, что я оглох, настолько резко пропали звуки грома и дождя. Но вместе со звуками пропали и тучи над головой, исчезли изрытая лапами Кьюби земля и разрушенная дорога. Я оказался в воздухе под чистым звездным небом над освещенным ярким лунным светом лесом. Все тело ныло от боли, меня скрутило от резкого приступа кашля, рот наполнился кровью. Перемещение с околосветовой скоростью я переносил гораздо хуже, чем Третий Райкаге и даже моя деревянная копия, созданная Малис. Однако я все еще был жив и относительно здоров.

А вот на Кьюби *Тенсо* сказалоь гораздо серьезнее. Я и не старался перенести его бережно. Сбрызнувший с небес на землю в нескольких сотнях метров от меня Лис подмял брюхом деревья и распластался на земле. Правда, он сразу же попытался подняться, но лапы явно подрагивали. По всему телу были видны рваные раны, сочащиеся кровью. Рыжий мех быстро покрывался алыми пятнами. А местами и вовсе текла не кровь, а кипящая алая чакра — сильные повреждения заставили биджу частично утратить материальность.

Утерев кровь с губ и стремительно несясь к земле, я криво усмехнулся, глядя на ползающего внизу Кьюби.

— Ну, теперь-то можно полноценно сравнивать весовые категории, — негромко проговорил я самому себе.

С хлопком сведя ладони вместе и сложив ручную печать Дракона, я сжал зубы, почувствовав, как взбесилась чакра внутри меня. Физическая боль быстро отступала, раны мгновенно заживали, но это был лишь побочный эффект от ниндзюцу.

Лесной покров седьмого полигона Отогакуре стремительно приближался, но врезалось в него уже не мое человеческое тело, а быстро растущий шар плоти, покрытой белоснежной чешуей. Ломая ветки и стволы деревьев, он влетел в лес. А через секунду над кронами начали быстро расти восемь могучих змеиных шей, увенчанных зубастыми драконьими головами, чьи багряные глаза зловеще сияли на фоне ночного неба, восемь мощных хвостов сминали старые деревья, неся массивное тело вперед.

Под действием техники Восьми Ветвей я не мог двигаться так же быстро, как и в человеческом теле, да и был слишком крупным, чтобы остаться незамеченным Кьюби. Поднявшись на ноги, биджу издал оглушительный рев, вызвавший ударную волну, помчавшуюся в мою сторону. Но взметнувшаяся вверх земля накрыла вызванный Курамой ураган и обрушилась на него, гася на корню. Но пока отвлекался на Дотондзюцу, Девятихвостый начал вновь собирать чакру для Бомбы Хвостатого.

Я никак не успевал его остановить, а затягивать бой отступлениями и попытками увернуться было нельзя. Моя чакра не бесконечна, и с биджу мне не сравниться. *Тенсо* исчерпала большую часть моих сил. Сейчас мне нужно было максимально быстро добраться

до противника.

Все восемь шей взметнулись вверх, головы образовали круг и испустили темную энергию к центру кольца. Мы собрали энергию для техники почти одновременно. Биджудама полетела в меня, когда шар из сверкающих, скрученных пурпурных молний был завершен. Моя техника во многом копировала Бомбу хвостатого и, наверное, напоминала рассенган, хотя создал я ее после боя с джинчурики Однохвостого, взяв за основу его *Футон: Ренкудан* и заменив элемент Ветра на Молнию.

Два наполненных смертоносной чакрой шара встретились в воздухе на полпути ко мне. Взрыв превзошел все мои ожидания. Поток разрушительной энергии из Биджудама метнулся в стороны. Шар ослепительного света поглотил все вокруг, породив мощнейшую ударную волну, подхватившую и деревья, и землю. Моя техника, кажется, сплелась с Бомбой Хвостатого, испепеляя материю и разогревая воздух. Столп из молний ударил в небеса, поднимаясь над облаком пыли и дыма.

Чтобы сбежать от ударной волны, мне пришлось нырнуть в землю, используя *Дотон: Могурагакуре*. Ставшая мягкой и рассыпчатой земля вокруг меня приняла в себя гигантское восьмиглавое тело, словно вода. Не тратя времени, я под поверхностью почвы пополз в сторону Кьюби. Курама из-за взрыва не видел, куда я пропал, и сейчас явно пребывал в недоумении. Настороженно оглядываясь по сторонам, он пытался найти меня.

Аккуратно продвигаясь в толще земли, я чувствовал каждое движение Девятихвостого. Вибрации передавались по земле. Я видел его кецурьюганом. И, оказавшись ровно под Кьюби, рванул на поверхность.

Он почти успел сбежать. Лапы Кьюби уже были готовы оттолкнуться от земли и отбросить тело в сторону, но просто провалились в мягкую из-за моего дотондзюцу почву. Одна из пастей быстро вцепилась в загривок биджу, остальные обхватили тело, быстро закручиваясь вокруг туловища и лап, восемь хвостов перевилились с девятью. За считанные секунды Кьюби оказался обездвижен и обвит змеиным телом. Он еще пытался вырваться, пытался порвать меня своими лапами, укусить или обжечь чакрой, но с каждым движением змеиные кольца на его теле сжимались только сильнее. Техника *Чакра Кьюин* позволяла потихоньку выкачивать чакру из Девятихвостого, она обжигала и причиняла боль, но это было терпимо. Главное сейчас — не отпускать лиса, иначе снова его поймать у меня может и не хватить сил.

Постепенно я смог начать блокировать чакру в Кьюби, лишая его сил. Его тело обмякло, из-за сжатой грудной клетки он уже не мог ни дышать, ни рычать. Я позволил себе расслабить челюсти на шее Девятихвостого, вместо этого обвив его одной из восьми ветвей. Освободив все восемь голов, я поднял их к морде Курамы. Он все еще был жив и в сознании, дыхание, похоже, не особо-то и нужно этому монстру. Он смотрел на меня горящими ненавистью глазами, будь возможность — и рычал бы еще.

Мои восемь голов остановились перед взором Кьюби. Во внезапно сгустившейся темноте восемь пар багряных глаз засияли еще ярче. Зрачки Курамы, который физически не мог отвести взгляда от моих глаз, постепенно замерли. Его радужка потеряла цвет, а по ее краю слабо сверкнуло кольцо алого цвета. Ощерившаяся в яростном оскале морда Девятихвостого медленно разгладилась, острые клыки скрылись под губами, глаза почти скрылись под веками.

Кагачи — сильнейшее гендзюцу, имеющееся в моем распоряжении, фактически это усиленное в восемь раз обычное гендзюцу кецурьюгана. И на биджу оно сработало не хуже

максимально развитого шарингана. Так что теперь можно немного расслабиться и ждать прибытия моих шиноби.

Глава 17. Принуждение к диалогу

24 сентября 45 года от начала Эпохи Какурезато

Мне пришлось пролежать в обнимку с демоном около десяти минут, ожидая, пока мои подчиненные доберутся до места схватки и завершат все приготовления, прежде чем далеко снизу донесся крик:

— Рюджин-сама! У нас все готово!

Опустив одну из голов к кричащему, я увидел Акичи. Глава клана Узумаки была в непривычной для нее полевой форме. Обычно ее держат вдали от боев и опасностей, так как она одна из немногих, кто умеет пользоваться клановыми секретами и может их передать потомкам.

Под моим взглядом девушка сильно нервничала, что и не удивительно: одна моя голова больше нее раза в три. Отвернувшись от Акичи и осмотревшись по сторонам, я убедился, что группа захвата Кьюби собрана в полном составе и расставлена по своим местам. Хотя сегодня мы и не планировали захватывать биджу, но я готовился к этому. Лишними такие тренировки не были. Здесь же нашлись и Ринха, включая Малис. Вместе с ними была Кушина, которую успели здорово подлатать. Ноги уже на месте, цвет лица здоровый, но в сознание она еще не пришла и вообще, похоже, была сильно далека от этого, учитывая степень повреждений ее системы циркуляции чакры.

Удовлетворившись увиденным, я снова повернулся к Акичи и, распахнув рот, начал отменять технику *Ямата*. В змеиной пасти быстро выросло мое человеческое тело. Одежда, помимо трех нахлебниц в виде браслета и двух серег, не пережила жизненных перипетий, потому пришлось создавать временную замену из чакры. На время пойдет и так.

— Заковывайте его в цепи, — приказал я, выступив из пасти змея, которая начала стремительно облетать под порывами слабого ночного ветра, рассыпаясь в быстро исчезающий без следа белый песок. — Не забудьте вернуть половину Кушине, иначе ее лечение займет слишком много времени.

— Хорошо, господин, — как мне показалось, радостно ответила Акичи.

Неужели она все еще сомневалась, что я оставляю ее родственницу калекой после извлечения биджу? Думала, что просто так приказал приволочь сюда полумертвую джинчурики? Эти Узумаки все-таки слишком подвержены эмоциям, и иногда они мешают им думать.

Дальше процесс запечатывания должен был пройти без моего участия. Группа Узумаки из септа Мизучи быстро опутали цепями безвольное тело Курамы. У них за спинами еще один отряд шиноби из Отогакуре деловито готовил сосуд для запечатывания биджу. А Акичи, стоящая возле меня, достала из-за пазухи маску. Одну из тех, которые удалось забрать из Узушио. Девушка с сомнением посмотрела на артефакт в своих руках, не решаясь его надеть.

Насколько мне известно, она уже использовала эту маску. Как раз во время бегства с острова Водоворота. И с тех пор Акичи все время ждала каких-то неприятностей. По преданиям Узумаки Хашихиме, киджо разделения, любит портить судьбы призвавших ее и даже маска не всегда спасает от этого.

— Я с тобой, — негромко подбодрил я Акичи. — Действуй, не бойся ничего.

Может, я и не всеильный Рюджин и реальная помощь в случае проблем с призванным

демоном с моей стороны ограничена, но я точно знаю, что использование Хашихиме всяко безопаснее призыва Шинигами. По крайней мере, ни в одном изученном мною архиве Узумаки не сообщалось о реальных проблемах с судьбой после ее призыва. Если вызвать ее без использования маски, то проблемы могут появиться, но они вполне ощутимы и материальны: разделение пополам тела, отделение от него души, разрыв каналов системы циркуляции чакры или кровеносных сосудов. В общем, ничего непоправимого при наличии бригады медиков под рукой. Тем более наличие маски сводит риски к нулю.

В любом случае, выбора все равно не было. Иных способов разделить биджу надвое я пока не придумал. Можно, по идее, повторить технику Рикудо, с помощью которой тот хвостатых и создал, но я даже близко пока не представляю, как это сделать.

Как ни странно, мои слова поддержки подействовали, Узумаки заметно приободрилась.

— Да, Рюджин-сама, — коротко сказала она, решительно надевая изображающую лик демона маску.

Раньше мне не приходилось наблюдать за процессом, называемым красноволосыми камигакари. Акичи и ее ученики решались только на неполные техники, без полноценного призыва. Ритуал считался опасным, а опытных специалистов по нему после падения Водоворота не осталось, поэтому без серьезного повода к нему прибегать не стоило. Однако сегодня ситуация сложилась так, что без призыва не обойтись.

Мне нужно было максимально быстро привести в более-менее вменяемое состояние Кушину и вернуть ее вместе с биджу обратно Конохе. Желательно уже через пару часов сообщить Хокаге о поимке его джинчурики и желании вести переговоры об обмене пленными. Мой фиктивный сын всего лишь тело без души и без даже самого примитивного сознания. Фактически он в вегетативном состоянии. Частицы моей чакры в нем позволят изобразить живого ребенка, но без медикаментозной поддержки он со временем начнет выходить из строя.

В моих интересах до подобного ситуацию не доводить. Кроме того, хоть в этом клоне и не собраны какие-то особо ценные кеккей генкай, но допускать даже их попадания в руки Корня не стоит. Конечно, коновалы в Листе могут прямо сейчас набирать образцы ДНК, но при наличии живого клона избавиться от набранных ими улик я смогу без проблем. Узумаки сражались с последователями Джашина достаточно долго, чтобы разработать технику *Гёкецу*, которая уничтожала находящиеся вне тела биологические материалы. Поэтому нужно быстро разделить Кьюби поровну, вернуть Кушину Конохе, клона себе. Надеюсь, за неделю переговорный процесс удастся завершить.

Для начала же нужно хотя бы суметь разделить Кьюби.

Я стоял в паре шагов от Акичи и прекрасно мог ощутить забурлившую в ней чакру. Когда девушка завершила короткую серию ручных печатей, поток энергии на мгновение даже стал виден невооруженным взглядом, образуя синеватую ауру. Тело Узумаки задрожало, содрогнулось в судорогах. Пару секунд она дергалась в конвульсиях, не падая и словно подвешенная в воздухе. Волосы Акичи быстро выбились из прически, поток чакры разметал их, образуя алый ореол вокруг головы девушки. Похоже, это и был тот самый танец одержимости.

Тело Акичи замерло, раскинув руки в стороны и балансируя на цыпочках, прежде чем безвольно рухнуть на колени. Вскоре девушка дергано, словно марионетка в чужих руках, вновь поднялась на ноги. Сквозь прорези на маске я заметил, что сейчас ее глаза мерцали металлическим блеском, как будто глазницы были наполнены ртутью.

Призыв удался. По идее, сейчас за спиной Узумаки должна находиться призрачная фигура самой Хашихиме. И кроме самой Акичи, никто ее не в состоянии увидеть. По крайней мере, так считается. Но я все же попытался. Пока находящаяся в состоянии медиума девушка сделала несколько шагов вперед, я активировал кецурьюган, с любопытством рассматривая пространство позади нее. И расстроено цокнул языком от увиденного.

Мое додзюцу все-таки киджо рассмотреть не позволяло. Единственное, что уловил кецурьюган, это нетипичные колебания чакры Акичи, аморфное образование напоминающее тень за ее спиной и все. Немного жаль. Хотя ничего удивительного нет: кецурьюган больше на физической энергии специализирован. А сущности Шинигами и Хашихиме состоят в основном из духовной энергии. Даже если у них есть физическая оболочка, то на призыв является только душа, которой, чтобы влиять на этот мир, нужен медиум с собственной физической энергией. И чем ее больше, тем лучше. Еще один вполне вероятный фактор отбора, благодаря которому Узумаки приобрели свою нечеловеческую выносливость. Все их предки, которые не имели выдающихся запасов физической энергии, быстро кончались, не оставив потомков.

Если здесь есть только душа киджо, то смотреть на нее нужно не кецурьюганом, то есть фактически чакры в ней нет. Не уверен даже, что и риннеган тут поможет, хотя не знаю, насколько схожи в энергетическом плане тени Лимба и души. Тем более что я пока так и не разобрался, что из себя представляет Лимб в этом мире. Да и в природе ками Узумаки не на все сто процентов уверен, если не брать во внимание Хакудза Сеннина в Рьючидо. Пока единственное существо, с которым я имел сомнительное счастье контактировать лично и которое, по словам Мито, можно поставить в один ряд с тем же Шинигами — это Нулехвостый. Но того я мог видеть без каких-либо проблем, что вообще-то не показатель.

Гораздо интереснее то, что Рейби не мог меня схватить. Анализируя штурм Анкор Вантиана, я пришел к выводу, что атаки Нулехвостого основывались на особой чакре, состоящей почти полностью из духовной энергии. По сути, как я потом выяснил, Рейби напоминал призываемых некоторыми членами клана Шиин демонов — Доки. И вот их, в отличие от того же Нулехвостого, который остался в Стране Огня, я навидался достаточно, чтобы провести определенные эксперименты.

Доки — призыв, который Шиин получили от Узумаки. Эти демоны, по всей видимости, приходят из того же мира, где обитает Шинигами и прочая компания. То есть по своей природе с большой долей вероятности они должны быть хотя бы похожи. И, к моему счастью, Доки мне почти ничего не могут сделать. Их тела и оружие просто распадаются в ключья тумана при прикосновении ко мне. Насколько я понял, данный эффект происходит из-за нестандартных параметров моей души. Чтобы пережить реинкарнацию, сохранив все свои знания, мне пришлось изрядно себя изменить. Сложно описать все техники и методики, перепробованные мной, и тем более результат, к которому они привели. Может, они и вовсе были бесполезными, и моя душа просто имела какие-то от природы данные мутации.

Так или иначе, но некоторые призванные демонические существа не могли нанести мне серьезного вреда. Часть из них точно, о том же Шинигами не могу судить и опыты с ним ставить тоже желанием не горю. Но могу ли я их увидеть? Если, например, отделить душу от тела. Даже не всю, а лишь глаза.

— Гм, — выдал я задумчивое, пока мои руки складывали печати.

Эту технику я украл во время наблюдений за Като Даном и доработал, используя архивы

Конохи с записками Тобирамы и знания Яманака. Если первый мог частично материализовать свою душу и отделить ее от тела, а второй знал, как передать таким образом энергию, то я немного скорректировал ниндзюцу. Багровеющие из-за активированного кецурьюгана глаза быстро потухли, когда оживившаяся чакра в них начала расслаиваться. Обычно живые тела в этом мире всегда вырабатывают чакру, физическая и духовная энергии смешиваются в меридианах, и немногие стремятся к тому, чтобы их друг от друга отделить. Но иногда тело просто мешается.

Рейка но Дзюцу!

Не скажу, что мир вокруг преобразился, но он претерпел существенные изменения. В сознание поступало сразу два изображения: от физических глаз и от их духовной копии. Привыкнуть к смешанной картинке сходу получалось с трудом, но то, что меня интересовало, я все-таки увидел.

Большая, в полтора человеческих роста, фигура за спиной Акичи, казалось, была соткана из теней. Во мраке ночи, разгоняемом холодным светом электрических фонарей, я мог прекрасно рассмотреть ее, Хашихиме. При внимательном взгляде она напоминала изможденную голодом женщину, облаченную в серое кимоно. Копна черных волос походила на обрывки ночи, локоны терялись в темноте, но кожа, кажется, наоборот, сияла во тьме бледной серостью. Лицо киджо в чем-то напоминало ее маску: некое подобие диадемы на голове сжимает волосы, из-под нее выглядывают острые рога, на искаженном горечью лице отчетливо видны черные дорожки слез, губы раздвинуты в жутковатом оскале и обнажают внушительные на вид клыки. Тот, кто делал маску, точно знал, как выглядит оригинал. Но на одном изображении лица нельзя было запечатлеть главный отличительный признак Хашихиме — горящие синеватым призрачным пламенем ладони и ступни.

Впечатляющая дамочка.

И сила у нее соответствовала образу. Я успел увидеть, как Акичи и тень за ее спиной синхронно взмахнули рукой, разрубая пространство перед собой. Волна призрачного пламени сорвалась с ладони киджо, устремляясь вперед, растягиваясь в тонкую нить, обрушившуюся на Кьюби и опутавшие его цепи.

Тонкая, едва заметная линия, причудливо извиваясь, расчертила ночь, и Цепи Чакры с бессильным звоном начали осыпаться с Курамы. Техника Узумаки тоже попала под удар, но они к этому были готовы, мгновенно оплетая остатками цепей то, во что превратился биджу, на которого примененная Акичи техника подействовала куда пагубнее, чем на ниндзюцу. Какое-то мгновение Кьюби выглядел целым, прежде чем его тело поплыло, преображаясь в еле оформленный сгусток кипящей алой чакры. Пару секунд она бурлила в воздухе, извиваясь в тисках Цепей чакры, прежде чем некая сила не разорвала то, что осталось от Кьюби, надвое.

Не знаю, насколько долго две части биджу могли бы просуществовать отдельно, не исключая, что уже через несколько минут соединились бы обратно, если бы не были мгновенно пойманы Узумаки.

Несмотря на молодость шиноби, они смогли оперативно и слаженно сработать. Одна часть Кьюби была запечатана обратно в Кушину, печать использовали все ту же и с прежним Ключом, чтобы не вызывать лишних подозрений. Вторая же половинка Курамы временно перекочевала в заранее подготовленный сосуд, по внешнему виду напоминающий обычный деревянный горшок, только изготовлен он был с помощью Мокутона. Операция прошла настолько обыденно и гладко, что даже немного удивительно.

А вот у Акичи дела шли не настолько хорошо. Я не сразу заметил, что она уже попыталась завершить ритуал, но просто не смогла этого сделать. Стоящая за ее спиной тень стремительно выкачивала силы из тела девушки, и та стояла уже только поддерживаемая самой киджо. Хотя, может, гостья из иного мира еще что-то делала, так как призрачный огонь с ладоней демона начал подозрительно обволакивать тело Узумаки.

Нет, я понимаю, что любой труд должен быть оплачен, но совесть-то нужно иметь!

Киджо находилась всего в шаге от меня, дотянуться до нее было легко. Правда, с ее ростом, чтобы отдернуть руки демона от Акичи, я смог только схватить ее за локоть, отчего моя ладонь опасно приблизилась к огню на ладонях Хашихиме. Было странное ощущение, будто ладонь одновременно пытается сжать пустоту и в то же время легла на холодную и жесткую ткань потусторонней одежды. Просто физически мое тело и не могло прикоснуться к киджо, в то время как отделенная от тела душа — вполне.

— Не стоит этого делать, — эти слова я постарался произнести как можно более ровным и уверенным тоном, и, надеюсь, у меня получилось.

Раз уж совершил безумный поступок, то нужно хотя бы показать вероятному противнику, что все идет по плану.

На мое прикосновение Хашихиме отреагировала на удивление резко. Ее сотканное из теней тело взвилось в воздухе, метнувшись в сторону от меня. Блестящие холодным металлом глаза уставились на меня. Наверное, секунд пять мне пришлось играть в гляделки с демоном, решая, как бы от него теперь избавиться, прежде чем он сам решил проблему.

Хашихиме и одержимая ею Акичи просто склонились в поклоне, после чего тень киджо растаяла в воздухе без следа. Белая маска в тот же миг упала с лица Узумаки, а ее глаза вернули привычный вид. Правда, исчезла и поддерживающая девушку сила, из-за чего она едва не свалилась на землю. Поймал я ее в последний момент, все еще настороженно оглядываясь по сторонам и не веря, что Хашихиме так просто ушла.

— Медика сюда! — убедившись, что угроза миновала, позвал я.

Кажется, Хашихиме и в самом деле ушла. Вокруг не ощущалось ее присутствия, хотя смотреть на мир, скажем так, духовными глазами еще было непривычно и не все понятно. Вот только пропасть-то киджо пропала, но что это было-то в конце?!

Рассеянно отменив технику Одухотворения, раздраженно потер глаза, энергии в которых вновь слились вместе, отчего появилось неприятное зудящее чувство.

— Рюджин-сама, — обратился ко мне один из Узумаки, занимавшийся захватом Кьюби, поднося мне метровой ширины свиток, — биджу запечатан. Какие следующие приказы?

Приближение Узумаки Оямы я почувствовал сразу, но вот выражение лица его смог рассмотреть, только разобравшись с зудом в глазах. А посмотреть было на что. Такого восторженного взгляда, обращенного на себя, я не видел, пожалуй, с тех времен, как Нами Хьюга закончила обучение в Академии. Девочка, как мне кажется, в ту пору искренне меня боготворила за мои уроки кендзюцу. Но этот Ояма-то давно должен был расстаться с детскими восторгами, будь он хоть трижды Узумаки. Троюродный или еще какой там брат Кушины был на четыре года ее старше, и чтоб вызвать такую бурю восторгов, пусть и молчаливых, в шиноби — это нужно постараться.

Хотя я понимаю, что для Узумаки раскланивающиеся Kami наверняка были в диковинку. Вот бы расспросить их сейчас на тему, что именно произошло и почему Хашихиме повела себя так странно. Ну, или мне показалось, что странно. В поведении демонов не разбираюсь. Но, думаю, лишние вопросы сейчас могут быть неправильно

восприняты Оямой. Пока он под впечатлением от произошедшего, лучше не портить неожиданно удачно поднявшую мой престиж ситуацию. Можно потом расспросить Акичи, она в призывах больше разбирается. А пока у меня и так есть дела.

— Кушину оставьте, — приказал я, принимая свиток с Ключом, который быстро спрятала в себе Ичикишимахима, — а вторую половину Кьюби пока перенесите в Отогакуре. С ним разберемся позже.

Девушку бы тоже не помешало отправить в селение, на поправку здоровья. Но Конохе желательно ее все-таки показать, чтобы стимулировать Хокаге к быстрым действиям. Раз уж так получилось, что Кьюби вырвался сам и мне не пришлось долго и муторно его вытаскивать, стараясь не причинить вреда джинчурики, то можно попытаться форсировать обмен пленными. Своих целей я добился быстрее, чем планировал.

— Подготовленное нами вместилище для Кьюби не надежно, — решил предупредить меня Ояма. — Это не одно из сокровищ Рикудо Сеннина, оно не сможет надолго удержать биджу. Лучше запечатать зверя в человеке.

— Недавно Юко подала мне идею поинтереснее, — отрицательно покачал я головой, глянув на объемную деревянную кадку, которую со всеми предосторожностями готовили к транспортировке. — Пару дней Девятихвостый на месте посидит, если что, вы укрепите печати. При первой же возможности, я посмотрю на его поведение и решу судьбу.

— Понял, Рюджин-сама, — склонившись в полупоклоне, ответил Узумаки.

Оставив Узумаки разбираться с биджу, я направился к Кушине. Нужно было лично проверить ее состояние перед очередной транспортировкой и в случае необходимости подправить ей здоровье. В идеале использовать бы на ней технику вроде той, которой Чиё воскрешала Гаару. И у меня подобная даже есть: члены клана Чиноике благодаря кецурьюгану были способны распределять свою чакру в воздухе и направлять ее в систему циркуляции других людей, иногда едва ли не возвращая умирающих с того света. Но при нынешнем состоянии кейракукей джинчурики Кьюби, ей требовалось что-то более деликатное, чем простая накачка чакрой.

К счастью, ничего критичного, как я и предполагал, не было. Малис и еще около десяти ирьенинов, конечно, остались без чакры, однако спасти Кушину удалось без исцеления кровью Узумаки. Техника *Чи но Чию*, безусловно, хороша, но лучше ее использовать только в крайнем случае. Малис свою чакру восстановит быстро, а вот члены септа Оками свою жизнь сократят безвозвратно.

Для самой Кушины пережитые потрясения этой ночи тоже не пройдут бесследно. Биджу ей возвращен, с оставшимися травмами ее организм теперь справится сам, но чтобы выжить, он затратил много ресурсов. Вряд ли Гурен сможет в будущем похвастаться присущей ее клану продолжительной молодостью. Хотя, если она договорится с Кьюби, то может полностью восстановиться, наверное.

Проверяя качество вновь наложенной печати, я заметил небольшое фуиндзюцу, запечатанное знакомой мне чакрой. От этих дзюцушики и в самом деле сложно избавиться, оказывается. Я насильно разрушил все попавшиеся под руку печати на теле Кушины, вложив немало своей чакры, а эта метка *Хирайшина* Минато целехонька. Наверное, от нее можно избавиться вместе с плотью, как и от джуиндзюцу. Хорошо, что Котоширо вовремя заметил чужую дзюцушики и запечатал ее.

Кстати, этот парень сегодня хорошо поработал и потратил много чакры. Видно, что Котоширо вымотался. Только вот он в Отогакуре лучше всех освоил Хирайшин, и мне снова

понадобятся его умения.

— Котоширо, как самочувствие? — удовлетворившись осмотром, поинтересовался я у маячившего неподалеку Узумаки. — Нужно отправиться в штаб, а оттуда на переговоры с Конохой. Справишься?

— Да, Рюджин-сама, — подумав, ответил Узумаки, но быстро добавил: — Если в штабе мы задержимся больше, чем на полчаса.

— Хорошо.

В итоге с небольшой группой сопровождающих я уже через минут пять оказался в Отогакуре. Здесь Кушину временно поместили в лазарет, запечатанного Кьюби перенесли на территорию полигонов в квартале Узумаки, а я направился в административные корпуса, где находился центр военного управления Страны Звука.

Мне нужно было узнать оперативную обстановку. Уже скоро рассвет, я пропустил половину всей ночи с этим Кьюби, который своей выходкой поломал все планы. Мне пришлось бросить все и вмешаться в битву, ввести в бой свой отряд, чтобы оттеснить от места сражения взвод Сакумо Хатаке. Остальные группы шиноби Конохи наверняка заметили шумиху, вызванную биджу, и многие могли видеть вырвавшегося Кьюби, такую громадину сложно не заметить.

Спрогнозировать, какие последствия это вызовет, сложно. Да заранее я к подобному и не готовился даже. Может, сейчас через перевалы Страны Гор в сторону моих границ уже движется сотня-другая шиноби Конохи, горящие жаждой отмщения, а я ни сном ни духом?

Центр военного управления в Отогакуре представлял из себя на первый взгляд обычное здание в пять этажей. Оно выделялось только тем, что к нему шло значительно больше проводов, чем к другим постройкам, что и не удивительно: здесь сходились линии связи со всей страны и располагалось большое количество прожорливого в плане электричества оборудования. Помимо этого, именно здесь находилась команда шиноби, поддерживающая технику зондирования над территорией страны.

Мне же нужно было попасть в комнату, где расположился непосредственно руководящий состав Отогакуре. Это помещение лично мне напоминало актовый зал по размерам и содержанию. Только вместо сцены — огромные экраны под кинескопные видеопроекторы, а ряды для зрителей состоят из столов с нагроможденными на них пузатыми мониторами, средствами связи и прочим оборудованием. Центр управления космическими полетами какой-то, а не штаб. И стоило все здесь просто космических цен. Но эффективность все же окупала вложенные средства.

Например, на экране, на который проецировалось изображение Страны Звука и части прилегающих территорий, можно было приблизительно отследить информацию о расположении наших войск и сил противника. Разрешение, конечно, низковато, но ориентироваться можно. Досадно только, что из-за несовершенства технологий актуальность отображаемой информации не всегда соответствовала нуждам оперативного управления. Иногда она обновлялась с задержкой на несколько часов: пока сенсоры передадут координаты обнаруженных сигнатур чакры, пока разведчики их опознают, пока информация от них вернется обратно. Просто в некоторых звеньях цепочки иногда связь осуществлялась посыльными, а это не самый быстрый способ передачи данных.

Но даже так контроль за вражескими отрядами и руководство собственными силами осуществлять было гораздо проще, если сравнивать с системой Конохи. Здесь мне удалось быстро выяснить, что Куроба не стал задерживаться на месте. Мой отряд он вывел из боя

сразу же, как мою и Кьюби чакру перестали ощущать сенсоры. К счастью, небольшая стычка обошлась без жертв, обе стороны быстро разошлись и занялись своими делами. Похоже, что взвод Сакумо провел поиски Кушины или Кьюби, но, естественно, никого не нашел, после чего в очередной раз сменил позицию, продолжив принимать отступающие группы Листа, которые заканчивали свою деятельность — большая часть из них уже направлялась либо к Сакумо, либо к Стране Гор и Стране Горячих Источников. Пока сложно судить, насколько эффективно удалось избежать разведывательных рейдов Листа. Похоже, они смогли обнаружить пару баз снабжения, еще несколько раз пришлось спугнуть их от стратегически важных объектов вроде генерирующих водород фабрик. В общем, на первый взгляд ничего критичного.

Убедившись, что срочного вмешательства сложившаяся обстановка не требует, я предпочел отдохнуть пару часов и с рассветом выдвинуться к Сакумо, если он еще будет в Стране Звука. Если же нет, придется искать другой способ отправить послание Хокаге.

Через два часа взвод Хатаке все так же находился на моей территории. Судя по их передвижениям и нескольким еще задержавшимся в Стране Звука отрядам, состоящим из сенсоров, могу предположить, что они надеялись найти Кушину. А точнее, Кьюби. Биджу — тварь мощная, монстр чакры, и найти его гораздо проще, чем даже самого сильного шиноби. Джинчурики обнаружить сложнее, но если с его чакрой хорошо знакомы, то и дело упрощается.

Коноховцы успели побывать на седьмом полигоне и еще в нескольких местах, где я их совсем не планировал видеть. В общем, в поисках Девятихвостого они проявляли гораздо большую настойчивость, чем в изначальных попытках раскрыть Отогакуре. Это становилось опасным. Эдак они случайно и свою первоначальную миссию могут выполнить. Пришлось растолкать успевшего уснуть Котоширо и отправляться к Сакумо.

Естественно, переговоров с ним никаких вести я не стал, нет у него таких полномочий. Но показал ему все еще находящуюся в бессознательном состоянии Кушину и потребовал вернуть мне моего ребенка. Убедившись, что своего джинчурики шиноби Листа опознали и признали его настоящим, я поскорее убрался обратно, назначив перед этим место и время предполагаемого обмена пленными. После этого коноховцы постепенно из моей страны начали уходить.

На этом, можно сказать, эта бессонная ночь завершилась. И я ей в целом даже доволен. Если не брать в расчет всякие неожиданности вроде Кьюби, то все прошло удачно. Секретность соблюли, хотя, естественно, Коноха все равно узнала многое. Пусть не сейчас, но проанализировав все произошедшее, они все равно смогут сделать определенные выводы. Например, наверняка догадаются, что у меня есть масштабная техника зондирования. Но все равно никакой конкретики.

Может, это было и лишним. Слишком затратная вышла сегодняшняя операция и хлопотная. Может, я вообще выбрал неправильную стратегию, решив скрыть реальные силы Страны Звука, но сейчас уже поздно что-то менять. Будущее покажет, насколько верными были мои поступки. Но можно сказать с уверенностью, что эта ночь прошла не без пользы. И дело даже не в захваченном Кьюби, а в полноценных учениях армии. Второго такого шанса проверить в реальных условиях систему управления войсками могло и не представиться. Этот день позволит выявить недочеты в разведке, в связи, в оборудовании, которые были упущены во время учений и которые просто неизбежны во всем новом. Лучше исправить все сейчас, а не рвать волосы во время настоящей войны.

До переговоров и возможного обмена пленными у меня осталось еще несколько часов, которые были относительно свободны. Часть времени пришлось уделить управлению своим селением, после чего я планировал просто вздремнуть по примеру Котоширо и Малис. Ринха вообще свалилась с ног, кажется, сразу по прибытии в Отогакуре, я нашел ее спящей в одной из палат больницы, когда забирал Кушину. Сегодня многие вымотались, сейчас им требовался плотный завтрак и крепкий сон. Я же, наевшись чакры Кьюби и получив подпитку энергией от Чинойке, чувствовал себя неплохо, потому решил заняться более полезным делом.

Хотелось бы расспросить Акичи о странном поведении Хашихиме, но глава Узумаки была в том же состоянии, что и Малис. Добиться от нее ответов на вопросы сейчас сложно. Пришлось идти к тем, кто никогда не страдает от нехватки чакры, даже лишившись половины всего своего запаса.

Чтобы добраться до полигона Узумаки, мне понадобилась пара минут не особо быстрого бега. Он находился на окраине деревни, на одном из склонов гор, которые еще недавно были покрыты непролазными зарослями. Эта была небольшая площадка, огороженная по периметру несколькими барьерами. На востоке только-только показалось солнце, от реки внизу по склону поднималось облако тумана. В зыбких лучах рассвета, рассеянных мелкими водяными каплями, можно было рассмотреть дрожащие в воздухе границы кеккай ниндзюцу.

Сейчас здесь дежурила уже вторая смена Узумаки, которую возглавлял Инага.

— Рюджин-сама, — уважительно поклонился мне командир группы. — Дежурство без происшествий. Вероятно, зверь все еще под гендзюцу.

— Хорошо, — кивнул я в ответ, внимательно разглядывая деревянную кадку в центре полигона.

Ее окружили несколькими рядами фуиндзюцу на случай прорыва биджу, но пока и в самом деле никакой активности Кьюби не заметно. Обведя взглядом полигон, я заметил так же сидевшую на аккуратно расстеленной циновке Отохиме, охраняемую четверьмя Ибури — две девушки стояли позади моей аватары и еще пара мужчин витали в воздухе дымными шлейфами.

Отохиме не участвовала в захвате биджу, так как ее способности в разведке и быстром перемещении по корневым системам деревьев были необходимы штабу. Но сейчас, когда активная фаза вторжения Конохи завершилась, Мокутон мог пригодиться для сдерживания биджу.

Почувствовав на себе взгляд, Отохиме повернулась в мою сторону, словно могла что-то рассмотреть. Восходящее солнце на миг осветило яркую улыбку на губах девушки. Она протянула руку, одна из Ибури помогла ей встать. Через джуиндзюцу на Отохиме я чувствовал ее эмоции и мог читать ее мысли. Вообще, довольно странное чувство. Вроде, и не клон, не марионетка, живое существо со своей душой, но в какой-то мере часть меня. Примерно так же ощущалась Юко во время действия ее додзюцу, связывающего разумы.

— Господин, — подойдя и обозначив поклон, поприветствовала меня Отохиме, Ибури за ее спиной поклонились гораздо глубже.

— Инага, — обратился я к командиру запечатывающего отряда, когда Отохиме встала справа от меня. — Подготовьте барьер Цепей Чакры. Мы выпустим биджу.

Узумаки мгновение удивленно смотрел на меня, но быстро пришел в себя. Без лишних вопросов, он кивнул и приступил к делу. Его группа оперативно выстроилась кольцом вокруг

кадки с Кьюби, чакра в их телах пришла в движение. Когда Инага сообщил о готовности, я вытянувшейся рукой сорвал печать с сосуда и открыл тяжелую деревянную крышку.

В кадке какое-то мгновение в тишине плескалась непроглядная тьма печати, прежде чем из нее вырвался ревущий поток чакры, быстро врезающийся в преграду из взметнувшихся вверх цепей, создавших купол над нами. А в следующее мгновение из земли вырвались мощные стволы деревьев, оплетающие не успевшее даже оформиться тело Кьюби, прижимая его вниз.

Несколько секунд Девятихвостый пытался сопротивляться, но Мокутон и запечатывающие техники Узумаки сковали его, прижав к земле. Огромная морда находилась всего в метре от меня. И снова горящие ненавистью глаза прожигали меня насквозь. Похоже, от гендзюцу биджу уже избавился.

— Здравствуй, Курама, — усмехнувшись, произнес я, игнорируя чужую злость. — Мне кажется, теперь ты готов к диалогу.

Глава 18. Вербовка

24 сентября 45 года от начала Эпохи Какурезато

Я не эксперт в мимике животных, но, кажется, на морде Кьюби мелькнуло удивление, когда я обратился к нему по имени. Вряд ли многие интересовались истинным именем этого монстра, а если когда-то и знали его, то постарались забыть. Для человеческих обществ характерно табуировать имена опасных зверей. Одного только медведя в разных языках переименовывали несколько раз так, что одно табуированное имя сменялось другим, а первоначальное название и вовсе потерялось в веках. С Хвостатыми, похоже, произошло нечто подобное. Даже сам термин «биджу» часто заменяют на «демон» или «монстр из чакры».

Хотя теперь биджу рассматриваются уже не как сверхъестественная страшилка, а как вполне себе осязаемый бесконечный источник чакры, пусть и опасный. Но имена батарейкам в этом мире тоже не принято давать.

— Я смотрю, ты не привык, когда к тебе обращается по имени кто-то, помимо других биджу, — заметил я, глядя в глаза Кьюби. — Хотя имя-то у тебя неплохое, если не знать, как оно пишется. Девять лам, серьезно? В чем смысл? Признайся, Рикудо назвал тебя в честь какого-то своего знакомого, но решил соригинальничать при написании? Когда нужно придумать девять имен сразу, фантазия может породить самые неожиданные варианты.

Курама, не сводя с меня взгляда, шумно вдохнул, чтобы спросить:

— Как ты узнал?

Короткая фраза прозвучала громко и раскатисто. Я пока не представляю, как Кьюби воспроизводит звуки, но должен сказать, что голос у него все же под стать размерам тела.

— Этот вопрос я слышу так часто, что отвечать на него каждому уже начинает надоедать, — честно признался я, начав неспешно расхаживать перед носом Кьюби. — Поэтому отвечу максимально просто: я Рюджин. Я не обычный человек, поэтому мне известно кое-что из прошлого. И будущего. Я знаю, как один маленький, размером всего лишь с одноэтажную крестьянскую лачугу, лисенок пускал слезу, расставаясь со своим создателем. И я знаю, что с этим лисенком может произойти в будущем. И уж тем более мне ведомо его имя.

Я остановился, снова взглянув в глаза Кьюби.

— Наслушавшись жабы, Хагоромо предрек вам, что вы, Хвостатые, всегда будете вместе, даже будучи разъединены. И что однажды опять станете едины, но уже с собственными именами и в собственных телах, порожденных из единого целого, — изучающе разглядывая биджу, произнес я. — Он наверняка догадывался, как это произойдет, но вам, естественно, не сказал. Хотя речь сейчас не о том. Готов ли ты поговорить со мной, Курама?

Изучая взглядом небогатую на мимику морду лиса, я надеялся, что смог заинтересовать его. Насколько я понимаю, у Кьюби даже в сравнении с прочими биджу очень сложный, если не скверный, характер. Я мог бы распинаться перед ним, расписывая горы золотые, но без таланта нарутотерапии все было бы без толку. Мне нужно, чтобы Девятихвостый меня не просто слушал, я хочу быть услышан им.

— Как будто ты оставил мне выбор, — в громоподобном голосе Курамы проскользнула ярость, мышцы под коротким рыжим мехом разбухли, а сдерживающие биджу путы

затрещали от натуги.

— Выбор есть всегда, — не согласился я, переждав вспышку ярости Кьюби, — особенно у почти бессмертного существа. Ты можешь проигнорировать меня и продолжить существование в чьей-нибудь печати, служа в качестве источника чакры и выжидая удобного момента, чтобы вырваться. Либо ты можешь выслушать меня и найти себе место среди людей.

Подойдя вплотную к Кураме, я положил ладонь на его нос, для чего мне пришлось поднять руку выше своей головы.

— Не скрою, мне нужна твоя сила, — с этими словами я активировал свое додзюцу.

Кецурыюган на мгновение породил ощущение легкого зуда в глазах и голове из-за активного движения чакры. Зрение обрело уже привычную ясность и объемность, но это быстро прошло. Под давлением моей чакры мир вокруг за мгновения преобразился, Узумаки и созданные ими фуиндзюцу пропали. Все Отогакуре растворилось в нахлынувшем кровавом тумане.

Когда пелена спала с глаз, мы с Кьюби остались одни, стоя на глянцевой поверхности бескрайнего алого океана. Низкие небеса над головой озаряли безмолвные багряные вспышки. Все вокруг, кроме меня и Курамы, словно состояло из крови. Гендзюцу кецурыюгана в основе своей имеет именно такой вид.

— Чтобы получить твою силу, мне в любом случае придется договариваться с тобой, — продолжил я говорить уже без лишних свидетелей. — Даже если прибегнуть к методу Узумаки и использовать Печать Силы Сотни, как поступила Мито, мы, не придя к какому-то компромиссу, нужного результата все равно не добьемся. Но если мне в любом случае нужно договариваться с тобой, то зачем нам посредник в виде джинчурики? И я не говорю о том, что мое тело должно стать для тебя очередной тюрьмой. Нет. Я хочу, чтобы ты, Курама, стал частью Отогакуре, частью Страны Звука. Именно ты сам стал жителем моей страны и обрел здесь дом. Я открою тебе мир людей и позволю стать полноценной его частью. Не в качестве зверя, — повинувшись моей воле образ распластанного передо мной гигантского лиса стал таять, стекая в бескрайний океан крови, — а в качестве человека.

В гендзюцу было легко изменить образ Курамы, поместив его сознание в человеческое тело. Для простоты его восприятия я выбрал привычный ему облик, поэтому сейчас моя рука лежала на макушке красноволосой женщины. В Мито Кьюби провел долгие десятки лет и наверняка был хоть как-то привычен к ее телу, что усилило бы правдоподобность ощущений от иллюзии.

Убрав ладонь с головы стоящего передо мной образа молодой Мито Узумаки, я отступил на шаг, ожидая реакции Кьюби. Даже в созданном мною гендзюцу, которое во многом походило на сон с его законами и условностями, мгновенно оказаться в совершенно непривычном организме — это для сознания большое испытание. Я сам подобное испытываю, используя технику *Ямата*. Совершенно иные габариты тела, его масса и морфология сбивают с толку.

Хотя реакция Курамы все же разочаровала. Осторожно подняв руки и поднеся их к глазам, он внимательно осмотрел ладони. После чего несколько секунд ощупывал лицо и алые волосы. И даже не попытался сойти с места, что особенно обидно. Наверное, понимал, что это ему, скорее всего, не удастся. Стоять-то уже проблема в человеческом теле, закутанном в требующее сноровки при ношении женское кимоно.

Вместо того, чтобы попытаться ходить, Кьюби поднял взгляд на меня. Очень недобрый

взгляд. Крайне необычно было видеть искаженное в злобной гримасе лицо Мито и горящие ненавистью алые глаза с вертикальными зрачками на нем.

— Стать человеком? Что в этом хорошего?!

Голос Курамы в женском теле потерял внушающую трепет громогласность и силу. В вопросе Кьюби проскользнули, как мне показалось, нотки возмущения, а не чистой и бесцельной злости. Может, я обманываюсь измененным образом и просто неправильно понимаю смысл интонаций, но так общаться с биджу все-таки комфортнее.

— Хотя бы то, что тебя не пытаются поработить и запечатать, — на мой взгляд резонно ответил я.

Однако Кураме этот довод не показался столь уж веским.

— Я знаю людей. К нам вы относитесь всегда одинаково. Даже если мы были в джинчурики. Ваша ненависть обращалась на них. Ничто не изменится.

— Какой пессимистичный взгляд на жизнь, — удивленно прокомментировал я. — Однако мы с тобой все же сейчас говорим. Полагаю, ты не считаешь меня тем, кого смог бы сам склонить к нужным тебе действиям, как твоего возможного будущего джинчурики, например. И если бы ты был категорично настроен против каких-либо договоренностей, то предпочел бы молчать, как с Кушиной.

— Ты... — сказал Курама медленно, подбирая слова. — Не обычен. Я не чувствую в тебе злобы.

— Знаешь, это не показатель, — скептически заметил я. — Уверен, за свою долгую жизнь ты успел повстречаться с психами, которые не испытывали ненависти. Вообще не испытывали эмоций. Наверняка они были пострашнее многих других.

— Были такие, — не стал отрицать Курама. — Ты не похож на них. И ты знаешь то, что не мог бы узнать, не поговорив с другими биджу. Если другие рассказали тебе о прошлом, то я готов... послушать, что ты хочешь мне сказать.

— Не знаю, хорошо это или плохо, но ты второй биджу, с которым я встретился, и ты лишь первый, с которым я разговариваю, — признался я. — Да ты сам можешь прекрасно это узнать. Вы же, биджу, кажется, способны всегда собраться в своем мире, в глубинах души, раз уж изначально были одним целым. Или ты, Курама, так всех достал заносчивым хвостомерством, что уже никто с тобой не разговаривает?

Мои слова Кьюби никак не прокомментировал, молча и подозрительно рассматривая меня. Да и я не стал отвлекаться на посторонние темы. Мы с Курамой не друзья-товарищи, и у него наверняка имеются вполне понятные проблемы с социализацией ввиду крайне узкого круга общения. Короче, раз уж хоть какой-то контакт налажен, то можно переходить к делу.

— Садись, в ногах правды нет, — посоветовал я, сам опускаясь на глянцевою поверхность бескрайнего океана крови. — В заднице ее тоже нет, но на ней хотя бы сидеть удобно.

Кьюби последовал моему совету и все же сел, хотя для этого ему пришлось повозиться с непривычной одеждой. Впрочем, как повозиться? Не долго думая, он просто порвал ткань, чтобы та не сковывала движений.

— И все же, как ты смотришь на то, чтобы стать псевдо-джинчурики самого себя? — поинтересовался я у Курамы. — У меня есть идеи, как создать подходящее тело и передать его в твое пользование. Конечно, придется модифицировать стандартные печати, но это не сложная задача.

— Ты сказал, что нуждаешься в моей силе, — не сводя с меня взора немигающих глаз с

алой радужкой и вертикальным зрачком, произнес биджу, — значит, ты не предлагаешь мне свободу. Ты предлагаешь мне сменить клетку на поводок.

— Никто не свободен под солнцем, — справедливо заметил я. — Да, свобода воли — это единственное, что у всякого разумного существа на самом деле имеется. Разные техники или технологии дают иллюзию, что можно повелевать силами природы. Но это обман. Даже собственное тело существует по своим правилам. Люди не выбирают, кого любить, кого встретить на своем пути, чего ждать завтра. В конце концов, никто не определяет, сколько ему жить, но каждый волен выбирать, как свою жизнь прожить. Единственное, что всякому разумному подвластно — это его свобода. И это самое большее, чем по-настоящему можно поступиться ради своих целей. Это единственное, что можно принести в жертву для достижения своих желаний. Поэтому кого ни возьми — каждый от кого-то или чего-то зависит. И это нормально. Посмотри на меня.

Для наглядности я раскинул руки в стороны, демонстрируя себя.

— Я создал свою страну, меня почитают в ней как бога, мне подчиняются и знать, и шиноби. Я силен достаточно, чтобы захватить тебя. Но я не свободен. Я связан обязанностями перед людьми, которыми управляю. Ожиданиями людей, которые верят в меня. Долгом, который пришел ко мне вместе с властью и силой. Скажу честно, я до последнего старался избежать такой ситуации. Остаться в Конохе никому не известным главой Корня было бы гораздо предпочтительнее. Однако в этой жизни у меня есть цели, и ради их достижения мне нужна сила подчиненных мне сейчас людей. А им нужна моя сила. Поэтому я стал тем, кто я есть. Поводок, о котором ты говоришь, имеет два конца: все мы связаны и зависим друг от друга.

— Ты можешь говорить, что угодно, но всегда есть тот, у кого поводок в руках, и есть тот, у кого он на шее, — уверенно заявил Курама в ответ, скорчив пренебрежительную гримасу.

Я неодобрительно посмотрел на, похоже, начавшего адаптироваться к непривычному облику Кьюби. Этот тип ожидаемо упрям и, судя по его поведению, имеет серьезные опасения к людям. Заключение сказалось на нем не лучшим образом, и вряд ли он легко пойдет хоть на какие-то попытки ущемления своей свободы.

— Метафора с поводком не слишком удачная, — поспешил я отойти от нежелательной темы. — Человеческие взаимоотношения в обществе слишком сложны, чтоб их описать парой слов. А я предлагаю тебе стать частью общества, но оно всегда ограничивает свободу. Вспомни Коноху хотя бы. Каге имеет в своем распоряжении всю военную мощь Страны Огня и может легко смести дайме и его двор. Но дайме управляет экономикой, а деньги имеют большую власть над шиноби. Если кто-то один переступит рамки дозволенного, то для него это может обернуться большими проблемами. Наиболее известный прецедент из последних — это клан Чиноике. Они попытались управлять дайме Страны Молний, но в итоге были уничтожены нанятыми Учиха из Страны Огня. Люди существуют не в вакууме. Под давлением внешних сил им нужно объединяться, поступаться малой частью своей свободы, чтоб сохранить большую.

Кьюби пока молчал. Не знаю, насколько он усваивал мои слова, но по крайней мере взгляда не сводил. Может, поймет.

— Ты, Курама, волен сам выбирать, как поступить. Но в современном мире выбор у тебя не велик. Для биджу, какими они были ранее, в эпоху Какурезато места больше нет. Шиноби сплотились в достаточно могущественные группировки, чтобы Хвостатые уже не были

неодолимой силой. Вам нужно вписываться в новый мир. Помнится, когда Хагоромо расселил вас по храмам, ты оказался в Стране Огня и решил искоренять зло силой. Чувствуя, где концентрируется людская ненависть, ты приходил и уничтожал очаг. Радикальное решение, но не очень разумное. Похоже, у тебя только тело и выросло, а разум где-то на уровне подростка остался. И не кривись! Сам видишь, к чему все твои действия привели.

Поддержание гендзюцу уже начало немного утомлять, что не добавило мне хорошего настроения. Хотелось поскорее его развеять, но с Курамой все же лучше сначала договорить.

— В общем, если хочешь что-то изменить в людях, то совсем не обязательно их при этом убивать. Научись их понимать. А для этого неплохо было бы самому стать человеком. Поэтому мое предложение выгодно для тебя не в меньшей степени, чем для меня. Я предлагаю тебе стать человеком. Жителем моей Отогакуре. На равных условиях с остальными шиноби. Мы заключим такой же договор, как я заключал с остальными кланами Ото. У нас будут взаимные обязанности. Если простыми словами, то ты служишь мне, а я предоставляю тебе все условия для жизни, ты защищаешь Ото — Ото защищает тебя. Сам понимаешь, что с силой биджу твое мнение всегда будет учитываться, если тебе, например, не понравится какое-то задание. Однако при нарушении договора ты так же, как и другие шиноби, станешь нукенином. И тогда я лично найду тебя и скормлю Шинигами обе твои половины.

— А если его нарушишь ты? — вмешался в мой монолог Курама.

— Можешь действовать на свое усмотрение, — с усмешкой ответил я. — Мне, например, в подобной ситуации, когда руководство Конохи нарушило наши договоренности, пришлось бежать из деревни в Ото.

С этими словами я, наконец, развеял гендзюцу. Взметнувшийся вверх от глянцевої глади бескрайнего кровавого океана алый туман на мгновение заволок взгляд, чтобы открыть уже реальный мир. В котором ничего особо и не изменилось. Все тот же полигон, огромный биджу в плену печатей и древесных техник, Узумаки вокруг и Отохиме неподалеку.

— Я не прошу ответа у тебя прямо сейчас, — сказал я, отступив от лежащей передо мной головы Кьюби. — Если откажешься, то я придумаю, как отпустить тебя на все четыре стороны с максимальной выгодой для себя. А пока советую тебе не выходить из барьера. Если соседние страны узнают, что в Кушине осталась только половина Девятихвостого, то у многих появится желание заполучить десятого джинчурики. Страна Молний всегда не прочь нарастить свой военный потенциал, а Райкаге монстр не хуже меня: Восьмихвостого он запечатывал в одиночку.

После этих слов я секунду ждал ответа от Курамы, но тот решил промолчать. Поэтому пожав плечами, я на всякий случай мобилизовал чакру и приказал Узумаки:

— Отпустите Кьюби. Нам же нужно начинать доверять друг другу.

Запечатывающий отряд повиновался не сразу. Правда, они только и успели недоуменно переглянуться, как Отохиме уже отменила технику Мокутона. Древесные пути быстро скрылись под землей, отпуская зверя. Так что Инаге и его подчиненным не оставалось ничего иного, как последовать примеру. С глухим звоном Цепи Чакры так же начали постепенно отступать от Кьюби, втягиваясь в тела шиноби.

Пару секунд Курама продолжал лежать, не шевелясь и словно не веря в свободу. Его хвосты нервно подрагивали, а сам он не сводил с меня настороженного взгляда. И все так же наблюдая за мной, он осторожно приподнялся на лапах. Узумаки и Ибури невольно

заволновались, у кое-кого даже руки непроизвольно дернулись, чтобы сложить печати, но окрик Инаги излишне ретивых личностей остановил. Неуверенно потоптавшись на месте и медленно осмотревшись по сторонам, Курама снова посмотрел на меня. Замерев на мгновение, он просто опустился на землю, вытянувшись на полигоне Узумаки. Поджав под себя хвосты и сложив голову на передние лапы, Кьюби еще раз посмотрел на меня и отвел глаза. Так, прищурившись от яркого света, он и остался лежать, наблюдая за медленно поднимающимся к зениту солнцем.

Надо понимать, что он решил пока подумать. Ладно, не будем ему мешать. А если надумает сбежать, то здесь у него ничего не выйдет.

— Инага, — позвал я замороженно наблюдающего за биджу Узумаки, — на время, дней на пять-семь, вам придется найти себе другой полигон. Пока организуйте заграждение, чтобы здесь никто без разрешения не шлялся. А ты, Курама, если что-нибудь захочешь или появятся у тебя вопросы, обращай к Отохиме, она останется здесь. И, хоть полнолуние было только вчера, постарайся не буянить. Не хочу в тебе разочаровываться.

Ушел я не прощаясь и, если честно, ожидая удара в спину от Курамы. Но тот как лежал, так и продолжил лежать. Что же, уже неплохо. Надеюсь, что к своим годам лис все-таки не остался подростком и хоть чему-то научился в жизни. В его положении мое предложение очень выгодно, хотя и не без нюансов. Есть моменты, которые еще нужно будет обсудить. От чисто практических, вроде места Кьюби в иерархии шиноби, до таких фундаментальных, как уровень взаимного доверия. Ему сложно довериться мне, а я, на самом-то деле, не сильно верю, что смогу добиться верности Курамы.

Эту проблему нужно будет решить как можно быстрее, несмотря ни на какие трудности. Иначе весь смысл затеи, предложенной Юко, теряется. Она даже становится опасной. Если в один не самый прекрасный момент Кьюби решит меня предать, то воплотить свои угрозы о скармливании его Шинигами я могу уже и не сумею. В этот раз мне удалось его победить больше за счет того, что я примерно представлял способности Курамы, а он мои нет. Умение пользоваться всеми пятью природными преобразованиями и накопленные мною техники позволяют мне использовать самые разные тактики, которые для противника становятся фатальными. Есть, конечно, шиноби, которые могут прекрасно прожить всю жизнь и добиться успехов, оттачивая какое-нибудь одно ниндзюцу, но это не мой путь. И он позволил мне победить Девятихвостого, который был объективно сильнее. Однако если он узнает все мои приемы, то результат нашей схватки уже может быть не в мою пользу. Биджу может банально победить меня за счет бесконечной чакры, дождавшись, пока я не истрочу все свои силы.

Ладно, будем надеяться на лучшее. Посмотрим уже в процессе, как получится сработаться с Курамой, если он все-таки согласится. В конце концов, если уж Учиха и Сенджу смогли договориться, то уж нам с Девятихвостым, вроде, тоже ничто не должно помешать.

— Рюджин-сама! — позвал меня появившийся неподалеку в облаке пыли и сорванных травинок шиноби. — Вы приказали сообщить вам, когда очнется джинчурики Кьюби.

— Девчонка уже очнулась? — удивленно произнес я.

— Да, Рюджин-сама!

Быстро она, однако. Даже для Узумаки быстро. Или ей повезло с генами, или ирьенины слишком серьезно подошли к работе. Я просил их, конечно, постараться подлатать Кушину побыстрее, но не нужно было ради этого рвать жилы.

Хорошо. У меня еще есть время, можно и с ней поговорить. Сейчас чакра Кушины заблокирована, но кто ее знает, что она сможет учудить? Я, например, даже не догадывался, что можно создать то фуиндзюцу, которое похитило Ключ от печати Кьюби. Лучше довести до нее информацию о положении дел и ее собственном актуальном статусе, чтобы она не терзалась в неизвестности. И лучше, чтобы это сделал я, как знакомый ей человек. Пусть у нас и есть кое-какие недопонимания, но я все-таки вызову больше доверия, чем незнакомые люди.

— А потом мне еще идти на переговоры с Конохой, — вслух посетовал я, уже переместившись к госпиталю и поднимаясь по ступеням ко входу в него. — Ну и денек.

Больница встретила приятным запахом дезинфицирующих веществ, ионизированного воздуха и спокойствием. И это хорошо, хотя для этого мира можно сказать, что необычно. После двух войн я привык, что в госпиталях после масштабных миссий почти всегда стоит плотный дух свежей и не очень крови, подвергшихся некрозу тканей и гноя. И бесконечный кипишь, когда ирьенины работают даже без перерывов.

Вспомнив про ирьенинов, сначала я все-таки зашел не к Кушине, а проведаль Малис. Но женщина, успевшая во время моего отсутствия проснуться и перекусить, снова уснула. И, похоже, мне теперь ясно, благодаря кому Кушина так быстро пришла в себя. Ладно еще, что у нас не оказалось большого количества раненых после этой ночи, а то я бы высказал этой Ринха пару ласковых, если бы она растратила всю силу на джинчурики Листа и потому не смогла бы спасти кого-то из Ото.

После Ринха мне встретился Акай Куроба, который умудрился получить ранение во время стычки со взводом Сакумо. По понятной, вообще-то, причине. Можно сказать, я в его ранении и виноват. Куроба — клан мечников Страны Звука, их техники чем-то напоминают тайдзюцу Майто или Третьего Райкаге и кендзюцу самураев. Концентрация чакры в теле, выпускают они ее лишь, чтобы создать легкий защитный покров или в меч. Нинкендзюцу, имеющее большое количество стилей. Это были, наверное, лучшие мечники в моей деревне, у которых я сам многому научился. Не удивительно, что пять комплектов мечей из Тумана оказались переданы им. Я б им и Кабутовари, и Самехаду отдал, но после разделения первого оружия — починить его не удалось, а второе — слишком капризно и в руки дается не всем.

В общем, я к тому, что Акай Куроба уже несколько лет пользовался Кубикирибочо, и сегодня ему пришлось сменить ставшее привычным оружие на ничем не примечательный меч. Я посчитал, что пока рано кому-то, и в первую очередь Киригакуре, знать, что артефакты Семерки Мечников у меня. Из-за чего Акай и получил ранение. Травма не серьезная, но все равно нехорошо получилось. В качестве извинений подлатал его, и только потом очередь дошла до цели моего посещения больницы.

Кушину поместили в отделение интенсивной терапии, и сделали это даже не из-за ее состояния здоровья, а из-за имеющихся здесь усиленных стен и защитных барьеров. Иногда реанимация тяжелых больных требовала значительных усилий и трат чакры, которые могли привести к незапланированным разрушениям, так что помещения под их лечение строились основательно. И использовать одно из них в качестве места заключения потенциально недоброжелательно настроенного шиноби было просто удобнее. Здесь и Райкаге когда-то лежал.

Кивком поприветствовав пару шиноби, караулящих опасную пациентку, я аккуратно откатил крепкую бронзовую дверь в ее палату в сторону. За створкой мне открылся типовой

больничный покой: ровное электрическое освещение, покрытые зеленой плиткой стены и пол, несколько готовых печатей, кое-какое не особо ценное медицинское оборудование и кровать.

Несмотря на то, что тяжелая металлическая створка благодаря подшипникам открылась почти бесшумно, лежащая на этой кровати девушка мгновенно повернула в ее сторону голову. Может, она и раньше глаз с дверей не сводила. В палате просто больше нечем любоваться. Мы сейчас находились под землей, никаких окон здесь не было в принципе, и посмотреть особо не на что. Из любопытного здесь только женщина-ирьенин, сидящая в углу помещения. И то на первый взгляд могло показаться, что она дремала. Вряд ли Кушина смогла с ней хотя бы поговорить. Правда, при моем появлении медик быстренько очнулась, подскочив со стула и склонившись в поклоне.

Жестом я попросил ее оставить меня с джинчурики наедине.

— Доброе утро, Гурен, — когда с тихим щелчком за вышедшим ирьенином закрылась дверь, я постарался поприветствовать девушку с дружелюбной улыбкой, но, кажется, вышло не очень. — Как самочувствие?

— Утро сейчас или нет, я не знаю, но что бы то ни было, оно явно не доброе, знаешь ли, — недовольно ответила Кушина, без сил откинувшись на подушку.

Узумаки давно переделали в медицинскую робу, лишив всего снаряжения. Из пленницы не стали насильно выкачивать чакру, как из Третьего Райкаге, но все равно обезопасили ее максимально возможным способом. При ней остались только Шишо Фуин и дзюцушики Минато. И то, и другое запечатано, плюс сама чакра Кушины была заблокирована для использования с помощью джуиндзюцу. Конечно, все было сделано ради собственной безопасности больной, но вряд ли она оценила усилия медиков.

— Цунаде не научила тебя вежливости — это ладно, это на нее похоже. Но думать рационально она должна была тебя научить, — подхватив освободившийся стул, высказался я, подходя к кровати болезной и присаживаясь возле нее. — Вопреки всем твоим стараниям ты жива и почти здорова, а это большой повод для радости. И благодарности.

— У Цунаде сейчас нет времени на меня, — фыркнув, заявила девушка и, подумав, негромко добавила: — Спасибо.

— Сейчас ты уже вышла из того возраста, когда воспитание имело бы смысл, — не удержался я от подколки. — Столь великовозрастных детей нужно не воспитывать, а дрессировать.

— Этим ты и займешься? — полуобреченно спросила Кушина, разглядывая белый потолок.

Я удивленно посмотрел на нее, не сразу поняв вопрос. Других людей вообще иногда сложно понять, а уж женщин мужчине и подавно. Техника, позволяющая считывать и интерпретировать мозговую активность, в данном случае вообще не панацея. Иногда получается понять четкие и оформленные мысли, прочесть намерения и определить желания, но вот разобраться в разуме Кушины в данный момент было сложновато. Сейчас она была сильно истощена морально и физически, это накладывалось на взрывной характер, что выливалось в раздраженность. Разобраться в том, что творится в голове Гурен, помогли бы техники Яманака, но Кьюби от них хорошо защищает.

— Дрессировкой тебя? — на всякий случай уточнил я. — Мне это ни к чему. Я, конечно, обещал Мито позаботиться о тебе, но брать ответственность за твоё воспитание? Нет уж. Вы, Узумаки, слишком проблемные, а польза от тебя не превысит вложенных

усилий.

От моих слов Кушина оказалась не в восторге.

— Да ты!.. Да я!.. — постаралась она выразить свое возмущение, но никак не могла обличить его в подходящую словесную форму, пока наконец не разродилась короткой фразой: — Да!.. Не тебе вообще судить об Узумаки, знаешь ли!!!

— О, поверь, если уж кому судить, так это мне, — со вздохом признался я.

И после своих слов задумчиво посмотрел на Кушину. А не покривил ли я душой, сказав, что польза от нее не превысит вложенных усилий? Она все-таки джинчурики и в любом случае будет как-то связана со следующим Хокаге, кто бы им ни стал. Помимо Ивагакуре все остальные какурезато стараются держать своих носителей биджу под прямым и постоянным контролем — на поводке, если вспомнить метафору Курамы. И поводок все так же имеет два конца. Даже если Кушине достанется ошейник, она может дернуть руку, ее держащую, в нужную мне сторону. А для меня это лишним не будет.

Обещать Сальме возвести ее на императорский трон — это одно, но создать империю на деле — это другое. Даже если у меня получится военным путем захватить чужие территории и соединить земли Роурана и Страны Звука, то шансы на их долговременное удержание практически нулевые. Необходимо создать местные администрации, насытить их лояльными людьми: наместниками, чиновниками и прочими государственными служащими. При мобилизации всех возможных ресурсов за пару десятков лет мне не удастся произвести на свет столько квалифицированных кандидатов на эти должности. Да и с местными жителями у них будут проблемы, недопонимания и неизбежные конфликты. Так или иначе придется действовать с имеющейся уже на сопредельных территориях живой силой.

С гражданской властью несколько проще. Людей, желающих присосаться к экономическим потокам, всегда в достатке. Среди знати можно найти фракцию, готовую продать свою лояльность за возможность приложить руки к государственному бюджету. Естественно, в долгосрочной перспективе от них проку никакого. Сначала новая власть будет перераспределять блага, что снизит эффективность управления, но сделает более предсказуемыми и контролируемыми. Но когда она сможет договориться сама с собой и укрепится, то перестанет нуждаться в поддержке Страны Звука и всеми силами будет стараться избавиться от протектората империи, приобрести максимум самостоятельности, потому что делиться никто не хочет. Когда-нибудь гражданскую власть все равно придется полностью заменить на лояльную и новую, но этот процесс можно растянуть на десятилетия.

А вот с шиноби сложнее. Часть из них потерять не жалко. Например, самых обычных вояк всегда в достатке, и особой квалификации они не имеют. А вот специализированные отряды, вроде Команды пыток и допросов Конохи, Отдела шифрования разведанных Кири, Группы разведки Суны и прочих, нужно постараться сохранить и переманить. В них входят ниндзя со специфичными знаниями и умениями, которых никогда не бывает много. И их знания как раз очень помогут молодой империи просуществовать дольше десяти лет. Люди в таких отрядах, часто, преданные своим идеям, и при правильном подходе их можно относительно просто перевербовать, подменив старые идеи новыми, похожими и более привлекательными. Проблема только в том, что такие подразделения, как правило, еще и преданы своему лидеру. То есть, нужно съедать их с головы, с Каге. И Кушина мне в этом может помочь.

— Об Узумаки я знаю очень многое, — медленно сказал я, мысленно подбирая

комбинацию печатей.

Список техник, заставляющих людей хранить чужие тайны, очень велик. Самые распространенные ограничивают возможность человека как-либо передавать запрещенную информацию, парализуя тело. Примером тому *Зекка Конзетсу но Ин*, джуиндзюцу Корня, чья манифестация выглядит в виде татуировки на языке. Хотя на самом деле проклятая печать в обычных условиях охватывает все тело и в первую очередь мозг. Печать Проклятого Языка — штука тонкая и всегда индивидуальная. Чтобы ее правильно наложить, нужно уметь четко разграничить тайные знания от тех, которые можно и озвучить. Чем-то это напоминало некоторые техники Яманака.

Сама *Зекка Конзетсу но Ин* панацеей не является, я сам придумал несколько способов ее обхода. Но если ее дополнить моим джуиндзюцу, замаскированным под чужой печатью, то можно эффект усилить. Нужно только наложить сразу две печати на Кушину так, чтобы она этого не поняла. То есть лучше это сделать сейчас, когда ее чakra заблокирована. Неизвестно только, как Кьюби отнесется к присутствию в теле своего джинчурики частички моей чакры.

Сложив нужные ручные печати, я молниеносным движением коснулся указательным пальцем губ Кушины, накладывая на нее Печать Проклятого Языка, а второй рукой незаметно надавив на заключенную в фуиндзюцу *дзюцуушики* Минато. Метка Хирайшина была достаточно велика, чтобы под ней замаскировать три тонких линии Проклятой печати Земли.

Кажется, Кушина и понять-то ничего не успела, когда обе печати уже были на ней: с заблокированной чакрой рефлексы многих шиноби скатываются до уровня самых обычных людей. Еще долгую секунду девушка удивленно хлопала глазами, недоуменно разглядывая мою самодовольно ухмыляющуюся физиономию, прежде, чем среагировать. Резко прикрыв рот рукой, Узумаки неверяще ощупала губы. Она, все еще ощущая воздействие чужой чакры на своем языке, наверное, была бы рада и его ощупать, но не решилась, побоявшись выглядеть уж слишком глупо.

— Пошли, Гурен, прогуляемся, — пригласил я девушку, вставая со стула.

— Куда? — не вспыхнула энтузиазмом Кушина, подозрительно поглядывая на меня.

— Прогуляемся по деревне. Тебе ведь, наверно, надоело тут сидеть?

Времени у меня на девушку было немного, через пару часов уже нужно будет бежать на встречу с Конохой, поэтому пришлось Кушину поторопить и помочь ей встать с койки. Скептически осмотрев больничную робу, я секунду поразмышлял, стоит ли ее в таком виде водить по деревне. Пожалуй, ей нужна хотя бы обувь нормальная. А где обувь, там и все остальное. Ладно.

Снова воспользовавшись ручными печатями, я создал новую одежду. Техника по сути была похожа на ту, с помощью которой Хаширама строил дома. Первый Хокаге управлял Стихией Древа, собирая жильё, я же заставлял собственные клетки производить белковые нити, сплетая их в ткань. Техника специфичная и требует большой концентрации, но я наловчился в ее использовании. За время жизни в этом мире мое тело столько раз рвали на куски, столько раз мне приходилось пользоваться техникой его замены, когда новый организм вырастал буквально из ничего, что навык создания одежды нарабатался сам по себе. Иначе мне приходилось бы всякий раз бегать с голым задом.

— Держи, — бросил я Кушине выросшую на моих руках одежду. — Твоих размеров не знаю, подтяни там что-нибудь, если будет велико.

Девушка растерянно подхватила одежду, правда, под моим требовательным взглядом быстро опомнилась, развернула пойманный сверток ткани, осматривая подарок. Ничего сверхъестественного там не было: простенький белый сарафан и такие же белые сандалии. Я не стал мудрить с расцветкой вещей, синтезировав самый простой шелк для платья и кератин для обуви. Не красоты ради все это делается, в конце концов.

— И долго ты еще рассматривать его будешь? — недовольно спросил я не торопящуюся переодеваться Кушину.

— А долго ты будешь меня рассматривать? — мгновенно среагировала девушка, аж покраснев от возмущения и смущения. — Отвернуться стоило бы тебе, знаешь ли!

— Да брось, неужели, живя в одной деревне с Хьюга, ты еще можешь смущаться таких вещей? — не став признавать своей ошибки, проворчал я, отворачиваясь. — К твоему сведению, кецурьюган и даже шаринган позволяют рассмотреть тело под одеждой тоже.

— А можно помолчать? — раздраженно буркнула у меня за спиной Кушина.

— Лучше я вообще выйду.

Все равно нужно предупредить караульных, что около часа их подопечная будет под моим наблюдением. Это много времени не заняло, Кушина переодевалась дольше. Толстая дверь звуки сильно приглушала, но судя по вибрациям пола, Узумаки почти не двигалась с места, сначала возясь с завязками больничной одежды, а потом разбираясь в новой одежде.

— Все, — наконец крикнула она неуверенно.

— А я уж думал, это никогда не кончится, — входя обратно в палату, произнес я и едва не рассмеялся, когда увидел переодетую Кушину.

Нет, платью ей пришлось почти впору. И выглядело даже вполне прилично. Просто шелковая ткань сама по себе получается тонкой, а нижнее белье я девушке создавать не стал. Конечно, я постарался сделать ткань потолще в нужных местах, но грудь у Кушины оказалась больше, чем я ожидал. Девушка еще и подвязала сарафан так, что на груди он натянут получился...

— Ладно, — сдержав улыбку, решил я, подходя ближе к Кушине. — Меня соблазнять я тебе разрешаю, но на улицу в таком виде все-таки не пушу.

Приобняв девушку за талию, поправил ее платью так, чтобы ничего сквозь него уже не просвечивало. При этом лицо Кушины оказалось всего в десятке сантиметров от меня. Судя по ярко пылающим румянцем щекам, у Узумаки явно было что мне сказать, но она просто не могла подобрать слова, чтобы выразить весь спектр переполняющих ее эмоций.

— Теперь пойдём, — сказал я, не дав Кушине высказаться.

Естественно, вести пленницу по коридорам госпиталя и улицам деревни без хотя бы мешка на голове я не стал. Джуиндзюцу не позволит ей рассказать лишнего, но оно не запретит ей использовать информацию против меня. Поэтому я решил переместиться к нужному мне месту напрямик. Технику перемещения Райкаге Кушина не пережила бы, так что пришлось пользоваться более традиционным способом.

Чтобы Узумаки в пути не потерялась, я прижал ее к себе, а в следующую секунду пол под нами расступился. Мы ухнули в него, как в воду, Кушина только и успела испугано вскрикнуть. К счастью, палата Кушины находилась на самом нижнем этаже. Ниже только подземные коммуникации, обойти которые было несложно. Используя ту же технику Дотона, что и в бою с Курамой, мне удалось быстро преодолеть несколько сотен метров. Прошло чуть больше минуты, когда земля чуть ли не выплюнула нас из себя.

Яркий солнечный свет ударил по глазам, плиты мощеной дороги ударили по стопам,

когда я приземлился на них. Поддержав пошатнувшуюся было Кушину, я отступил от нее, дожидаясь, пока она придет в себя от непривычного способа перемещения.

— Мог бы предупредить, знаешь ли, — недовольно сказала она, делая вид, будто отряхивается.

На самом деле, после использования техники на ней не осталось и пылинки, но я не стал ей мешать.

— Где это мы? — спросила Кушина, оглядываясь по сторонам.

Мы оказались на тротуаре возле перекрестка, за нашими спинами влево и вправо уходила узкая, мощенная камнем улица, по обе стороны которой теснились жилые здания и лавочки, теряющиеся в едва начинающей желтеть листве мощных деревьев. А прямо перед нами стояли одиночные, окрашенные в алый цвет тории, украшенные знаками клана Узумаки. Над этими воротами как раз сияло солнце, слепя нас и освещая короткую аллею, примыкающую к главной улице и ведущую на территорию квартала красноволосых.

Людей здесь было немного: стайка молодых мамочек в сквере возле чайной, принимающие товар продавцы продуктового магазина, несколько случайных прохожих, возвращающиеся с дежурств шиноби, освобожденная от занятий по случаю Цукими детвора. Отогакуре, вообще, закрытое поселение, населенное исключительно шиноби, их родственниками и немногочисленными сторонними гражданскими. Население в деревне на единицу площади небольшое, поэтому, в отличие от той же Конохи, пустынные улицы в жилых районах никого не удивляют. Особенно сегодня, когда после ночных бдений, связанных либо с праздником, либо с операцией Конохи, многие просто отсыпаются.

— Это место, которое могло быть твоим домом, — ответил я на вопрос Кушины, шагнув под тории. — Сейчас нас здесь не ждут, но не думаю, что мы кому-то помешаем, поэтому не стой на месте. А то можешь об этом пожалеть.

— Орочимару, не опускайся до таких примитивных угроз, — следуя за мной, недовольно сказала Кушина.

— Это не угроза, а предостережение. О тебе ведь забочусь, — сказал я, с усмешкой покосившись на настороженно оглядывающуюся по сторонам девушку.

В этот момент выскочившие из-за деревьев дети лет восьми-девяти едва не врезались в меня. Не знаю, во что они там играли, может, в салки, но сквозь кусты ломились стайей молодых кабанчиков, сходство с которыми добавляли издаваемые детворой счастливые повизгивания. Один мальчишка, зацепившись штаниной за ветку, намеревался, похоже, врезаться в меня. Всего на полметра промахнулся, судя по траектории, но пришлось ему помочь, ловить его в полете. Иначе еще б расшибся о брусчатку.

— Парень, поаккуратней будь, — встряхнув в воздухе для лучшего усвоения материала ошалело глядящего на меня мальчишку, сказал я. — А то в следующий раз ловить не стану, чтобы поумнел, понятно?

— Да! Рюджин-сама! — сдавленным голосом пропищал он.

— Вот и хорошо, — опустив ребенка на землю, говорю ему. — Беги дальше.

— А... Ага... — все еще глядя на меня со смесью восторга и страха, ответил он, даже не подумав тронуться с места.

— Ладно, — с досадой покачав головой, решил я, — пойдём Кушина... Кушина?

Девушка сейчас, если честно, не сильно отличалась по виду от пойманного мной мальчишки. Такой же ошалелый взгляд и от удивления раскрытый рот. Эти Узумаки — что в девять лет, что в девятнадцать — одинаковые.

— Пойдем, — настойчиво произнес я, подхватив девушку под руку и потянув за собой.

— Он же... Они же... — все еще не сводя взгляда с провожающих меня глазами детей, с трудом пыталась выразить свои мысли словами Кушина. — У них же у всех красные волосы.

— Да, — подтвердил я очевидную вещь.

— Но... — попыталась что-то сказать девушка, оборачиваясь ко мне, но в этот момент мы вышли с аллеи на очередную улицу, уже находящуюся на территории клана Узумаки, и здесь взгляд Кушины зацепился за дремлющего в кресле на крыльце своего дома старика.

— Это же старик Курадо! — удивленно возопила Кушина, некультурно тыча пальцем в спящего человека.

— Наверное, — не стал спорить я, продолжая вести за собой Кушину.

— Подожди, Орочимару! — попыталась вырваться из моих рук девушка. — Дай мне поговорить с ним! Он же пережил падение Узушио! Я хочу знать... Я хочу знать...

Что она хотела знать, Кушина так и не смогла сказать, потому что уже ее саму заметили.

— Кушина! — отвлекло девушку удивленное восклицание.

Обернувшись на голос, Гурен увидела девушку примерно ее возраста. Звали ее Каяно, и принадлежала она к тому же септу Мизучи, из которого выходила и сама Кушина. Насколько я знал, раньше две девушки бы дружны. Каяно сейчас работала в Академии шиноби Отогакуре, натаскивая юных генинов в мастерстве фуиндзюцу, так как к полевой службе не тяготела и месяцев через пять собиралась стать матерью. И встретила она нам не совсем случайно, к ее дому свою спутницу я и вел.

— Каяно! — радостно выкрикнула Кушина, признав свою подругу детства и без долгих раздумий срываясь с места ей на встречу.

Следующий час моей жизни был наполнен слезами, восторгами и болтовней. К счастью, я сам был не участником происходящего, а невольным наблюдателем. В разговор я старался не вмешиваться, по возможности занимаясь медитацией и восстановлением сил.

Расстались подружки неохотно, хотя больше всего возмущалась, конечно, Кушина. Каяно-то против моего слова все-таки идти не позволила бы себе. Я же заверил Гурен, что ей нужно продолжать лечение, и что к ней начнут пускать некоторых посетителей.

Вернулись в палату мы с Кушиной тем же путем, каким и покинули ее. И уже сидя на своей койке, закрыв все еще красные от слез глаза руками, Кушина негромко сказала:

— Спасибо, Орочимару... Спасибо!

— Я сделал то небольшое, что мог, для Узумаки. Не благодари.

— Ты сделал гораздо больше, чем кто-либо в этом мире! — с жаром заявила Кушина, открыв глаза и твердо посмотрев на меня. — Больше, чем я! Больше, чем вся Коноха!

— Не у всех была возможность помочь, Гурен, — ответил я ей. — У тебя не было силы, чтобы изменить положение родины. У Конохи же были свои проблемы. В выборе между союзником и собственной деревней, Хокаге сделал тот выбор, который должен был. Не хороший и не плохой, а единственный, который ему оставили, который он сам себе оставил.

— Я не понимаю, — устало покачала головой Кушина, забираясь на койку с ногами и прижав колени к груди. — Я хочу стать Хокаге, но не хочу понимать того, что ты мне говоришь.

— Это тоже неплохо, — заметил я. — С шапкой Каге приходит большая ответственность, но она дает небольшую возможность изменить этот мир к лучшему. Ты можешь стать неплохим Хокаге. Как Хаширама, например.

Кушина в ответ молча кивнула, закрыв глаза.

— И, кстати, — решив не нагружать больше сегодня девушку, сменил я тему, — с Сорой тебе, похоже, встретиться не удастся. Эта девчонка сейчас далеко на западе и не сможет вернуться сюда. Тем более она, кажется, втюрилась там в какого-то идиота и совсем потеряла голову.

— Сора жива?! — вскинула голову и недоверчиво посмотрела на меня Кушина.

— Хочешь верь, хочешь нет, но да, — пожав плечами ответил я. — И однажды ты с ней точно встретишься. Если сама не помрешь случайно. Чтобы спасти тебя в этот раз, пришлось очень сильно постараться, знаешь ли.

— Прости, — смущенно опустила голову Кушина. — И спасибо тебе. Спасибо за все.

Глава 19. Инфильтрация

30 сентября 45 года от начала Эпохи Какурезато

Аккуратно опустив на расчерченную линиями доску небольшую линзу из черного стекла, Кизаши скептически осмотрел получившуюся комбинацию и, признав ее сносной, с чувством выполненного долга потянулся к чашке чая. Правила игры го Харуно выучил еще в академии, но по-настоящему научился играть только под наставничеством Орочимару. Змеиный саннин считал полезным развивать с помощью этой игры у своих учеников ум, способности к стратегическому и тактическому мышлению и умение концентрировать внимание.

Наверное, го — это то немногое, что Кизаши мог вспоминать со времен своего обучения без содрогания. Поэтому с удовольствием согласился сыграть партию с Микото, ожидая, пока она закончит с тренировкой Охеми. Этому шкету предстояло завершить еще с пару десятков упражнений на физическое укрепление тела, если он, конечно, не сможет сбросить с себя гендзюцу шарингана.

Так как справиться с гендзюцу парню было не реально, ему предстояло еще минут двадцать-тридцать заниматься на улице. Где, несмотря на близкий обед, все еще было довольно прохладно, между прочим. В этом году зима в Коноху, похоже, придет пораньше.

Несколько секунд понаблюдав через широкое панорамное окно, как мальчишка остервенело повторяет упражнения во внутреннем дворе дома, Кизаши перевел взгляд на сидящую перед ним Микото. Женщина почти не обращала внимания на го, больше с любопытством наблюдая за пыхтящим от усталости Охеми.

Пока ее навязавшийся ученик вкалывал до седьмого пота, Учиха расслабленно сидела за котацу, кутаясь в белое хаори и баюкая на руках своего сына. Похоже, она даже не пыталась сделать вид, что занимается со своим учеником. Он, конечно, приبلуда и та еще заноза в заднице, которой Микото вообще ничего не должна, но Кизаши все равно возмущало такое отношение. На его взгляд наставнику можно было бы хотя бы выйти на улицу, чтобы в случае необходимости быстро помочь своему подопечному, а не сидеть в тепле. Да еще и с этим дурацким венком из крупных синих цветов на голове!

— Я не против, что ты смотришь на нашу игру только краем глаза, — наконец не выдержал Харуно, недовольно выговорив бывшей напарнице, — но когда ты начинаешь думать краем мозга — это уже выводит меня из себя.

— Смысл стараться? Ты все равно выиграешь, — безразлично отмахнулась Микото. — У тебя странный талант — быть идиотом по жизни, но постоянно выигрывать в го и ежесекундно выдумывать каламбуры.

— Да при чем тут го? — пропустив привычную колкость подруги мимо ушей, сердито сказал Харуно. — Я про Охеми! Мы с тобой, Микото, вместе учились у Орочимару. Ты помнишь, каково это. Ты знаешь все не на словах, а на личном примере. Так зачем ты теперь сама ведешь себя с этим мальчишкой, как Орочимару с нами?!

Харуно был ирренином и прекрасно понимал, что при нынешней интенсивности тренировок жизнь Охеми должна походить на бесконечную пытку. Кизаши сам знал, каково это, когда от перенапряжения крошатся кости и рвутся связки и мышцы. Знал, как обжигают болью яды. На собственном опыте чувствовал, как смерть дышит в спину, когда ты сознательно выжимаешь из собственного тела последние капли чакры. И теперь он видел,

как через все то же самое проходит кто-то другой. И ведь кто неформальный наставник Охеми? Микото!

— Не кричи, Кизаши, — хмуро и с обидой попросила Учиха, снимая венок с головы и аккуратно положив его на стол, возле чаши с белыми камнями для го. — Если бы он сам не попросил меня об этом, я бы никогда так не поступила. Посмотри на Анко — над ней же я не издеваюсь.

— Не думаю, что он просил тебя мучать его, — снова глотнув горячий чай, недовольно буркнул Кизаши. — И вообще мало ли, что там попросил этот дурень малолетний. Для того наставники и нужны, чтобы из идиотов людей делать, а не монстров выращивать. Ты ему помогай человеком стать, а не обрести могучую стать.

— Одно другого не исключает, — недовольно ответила Микото. — И не суди о нем по себе. И об Анко тоже. Они оба сильные. Сильнее, чем я или даже ты в их возрасте.

— Даже я? — удивился такой формулировке Кизаши. — Тебя послушать, так обычно все было наоборот.

— Я говорю не о чакре или боевом потенциале, — переведя взгляд с тренирующегося мальчишки на венок из синих цветов на столе, уточнила Учиха. — Они сильны духом. Ты понимаешь, что должен был пережить не имеющий никакого отношения к шиноби ребенок, потеряв на войне родителей? Он выжил, преодолел половину Страны Огня и оказался здесь. А Митараша? Ты ведь помнишь ее родителей? Мы сражались вместе на северном фронте. И они оба погибли от рук нукенинов, наших же дезертиров. И она знает об этом, но не обозлилась. Они сироты, дети войны. Будь они слабыми, то давно бы погибли уже.

— Говоришь, жизнь их закалила? — задумчиво уточнил Харуно. — Я бы сказал, что она их надломила. Хорошенько пожевала и выплюнула.

— Пусть так, — легко согласилась Учиха. — Может, они с рождения были ей не по зубам. В любом случае, Анко... и Охеми, конечно, тоже уже знают то, что мне давно нужно было усвоить из уроков учителя. Не техники, не метод дыхания, а просто запомнить то, что он говорил: чувства позволяют преодолеть свой предел и взрастить силу, но поддавшись им, ты уже побежден. Они готовы пострадать ради достижения своих целей.

— Кажется, Орочимару просто говорил, что нам бы стоило чаще думать головой, а не седалищем, — неодобрительно посмотрев на собеседницу, прокомментировал ее слова Кизаши. — И еще мне кажется, что ты в этих детях видишь только то, что сама хочешь. Не перегибай палку. Охеми повезло с генами, но не повезло с судьбой. Если уж жизнь на нем оторвалась, как ты говоришь, то лучше успокойся и перестань его пытаться. С его наследственностью он станет хорошим шиноби в любом случае. Или хотя бы будь с ним помягче, как с Анко.

— Обязательно так поступлю, если он об этом попросит, — кивнув, согласилась Микото.

— Вспомни себя в прошлом, — устало покачав головой, посоветовал Харуно. — Амбиции и желание силы, тщеславие и чужая зависть связали нам языки. Напомни, смогла ли ты сказать «нет» Орочимару? Будь умнее.

— Да прекрати ты мне читать нотации, — поморщилась Микото. — Ну, пришлось нам пострадать, а что в итоге? Посмотри на себя, Кизаши Харуно. Кем бы ты стал, не будь ты учеником Орочимару? Вечным генином. А сейчас один из лучших ирьенинов Конохи, джонин, глядишь, повезет если, и Хокаге станешь.

— О, да! Уж не знаю, стоили ли мои мучения того, чтобы променять тихую и

спокойную жизнь на то, что я имею сейчас, — язвительно ответил Учиха Кизаши. — Но я ладно, а ты? Мать-одиночка. Сильно ли тебе помогли в жизни наставления Орочимару?

— Будь я поумнее, помогли бы больше, — на удивление спокойно ответила Микото, подхватив венки со стола и снова надев его на голову. — И, если думать головой, а не седалищем, как ты сказал, то и отца Итачи можно понять. Мне бы, может, и хотелось быть рядом с ним, но он задал себе слишком высокую планку и все лезет к ней. Но чем выше лезть, тем больнее падать. Одна ошибка — и его сметут все пять держав. Может, сам он и выживет, но я с Итачи лучше пережду этот период в Конохе.

Посмотрев на довольно ухмыляющуюся женщину, Кизаши удручено покачал головой и начал неторопливо собирать камни с доски для го. Игра сегодня явно не задалась, Микото и раньше была ненормальной, а теперь и вовсе головой тронулась. Ей сейчас не в го играть надо, а, наоборот, мозги расслабить. Может, все из-за рождения ребенка. Если так, то очень не хотелось бы, чтобы собственная избранница Харуно так же головой повредилась в будущем.

— Знаешь, — складывая камни, начал говорить проникновенную речь Кизаши, — я б посоветовал тебе...

Но ничего посоветовать Харуно не успел, потому что в дом ввалился Охеми. Именно ввалился, потому что ноги его уже не держали. После пережитых им тренировок с утяжелителями он наверняка повредил не только мышцы, но и суставы, если не кости. Потому, дыша, как загнанный конь, мальчишка просто вполз в теплое помещение, дрожа всем телом.

Бросив так до конца и не собранные камни, Кизаши подскочил с места, торопясь на помощь Охеми. Мальчишка для своего возраста был крепким, за три месяца, как его начала натаскивать Микото и подкармливать Нами, он успел здорово прибавить в весе, но все же оставался ребенком — затащить его в комнату для Харуно было делом пары секунд.

Уже укладывая парнишку на татами, Кизаши по привычке провел его диагностику с помощью ирьениндзюцу и невольно поморщился. Микото все-таки зверь. Охеми она загоняла до того, что у него не только мышцы и связки рвались, от напряжения его сухожилия отрывались с мест прикрепления к скелету, вырывая кусочки костей. Такое Харуно видеть приходилось редко.

— Да не напрягайся ты так, — тем временем спокойно посоветовала Микото. — У него еще хватает чакры, чтобы исцелиться.

На самом деле, это Кизаши и так прекрасно видел. Повреждения на теле мальчишки уже исчезали, за считанные секунды рассасывались кровоподтеки и срастались разорванные ткани. Чудовищная регенерация! Тут только учитель и Цунаде могли бы этого шкета переплюнуть. Вот только Охеми не было еще и десяти.

— Всякий раз, когда вижу это, удивляюсь, — заинтересованно изучая процесс восстановления, произнес Кизаши. — Сила Хаширамы в каком-то никому неизвестном мальчишке.

— Что в этом удивительного? — пренебрежительно спросила Микото. — Даже кеккей генкай Хьюга появляется вне деревни, а Сендзу никогда не старались сохранить свои родовые способности в рамках клана с тем же рвением, что и белоглазые.

— У Сендзу Мокутон появлялся настолько редко, что стараться ограничить его распространение было бесполезно — он сам по себе не распространялся.

— Значит, мальчишке повезло, что у него была красивая бабка и что от неизвестного

деда ему передались нужные гены. И я бы не сказала, что он владеет Стихией Дерева. Скорее «Стихией Травы». Ничего лучше цветов или арбуза он вырастить не может.

Неодобрительно покосившись на Микото, Кизаши снова обратил внимание на венки на ее голове. Живые цветы аконита в преддверии осени достать проблематично. Цветочные магазины ядовитыми растениями не промышляют, оружейные продают только готовые концентраты, а в Лесу смерти в это время уже все отцвело.

— Ни один другой шиноби в Конохе не может вырастить даже травинку, — заметил Кизаши, отвернувшись от Учиха и помогая ошалело глядящему по сторонам Охеми сесть.

Судя по хриплому дыханию, парню сейчас не помешает промочить горло. Чай в чашке Кизаши как раз успел остыть, так что, не долго думая, он ее отдал Охеми. Мальчишка до сих пор не мог отдышаться, но к чашке с питьем присосался, едва не захлебнувшись.

— Ну как, жив? — поинтересовался у парнишки Кизаши, когда Охеми оторвался от чая.

— Да... вроде, — с трудом ответил мальчик. — Кизаши-сан? А вы тут чего делаете-то?

— За тобой пришел, шкет, — возвращаясь за стол к Микото, ответил Харуно. — Переоденься или обсохни, нас с тобой Цунаде ждет.

— Цунаде?! — удивленно воскликнул Охеми. — О! А чего это? Это из-за моей регенерации, да?

— И из-за нее тоже. Собирайся давай. Цунаде сейчас нервная, может тебя похлеще Микото оттренировать.

Немного задумавшись, Охеми вяло заворочался на полу, пытаясь подняться на ноги, и выдал:

— Не, я сейчас... Не надо меня оттренировывать.

Еле встав, мальчишка пошатываясь направился в прихожую, чтобы сменить промокший от пота костюм на нормальную одежду.

— Я же говорила, что все нормально с ним, — гордо заявила Микото, когда мальчишка скрылся за углом. — Ни слезинки, ни стонов — сжал зубы и идет вперед.

— Иногда выжать из себя пару капелек влаги полезно не только в туалете, — фыркнув, заявил в ответ Кизаши. — Сама попробуй, если еще получается.

— Да иди-ка ты... — возмущенно начала было говорить Микото, но заворочавшийся в ее руках малыш остановил готовые сорваться с уст слова, поэтому она только коротко посоветовала: — К Цунаде иди!

— Да-да, пора уже, — довольный тем, что собеседница не смогла ему достойно ответить, сказал Харуно, поднимаясь. — Мир этому дому, пойду к другому.

Правда прежде, чем уйти, Кизаши пришлось все-таки еще подождать, пока переоденется Охеми, поэтому дом покинул он только через минуту, напоследок еще раз обменявшись привычными колкостями с Микото и получив от нее на дорогу пару горячих тайяки.

— Ты вообще как, способен сейчас хоть на что-то, кроме как сладости уминать? — поинтересовался Харуно у торопливо поглощающего тоже перепавшее ему от Микото печенье в виде рыбок Охеми.

Быстро прожевав тесто и слизав с губ сладкую бобовую пасту, мальчишка с любопытством посмотрел на Кизаши.

— А чего делать-то надо? — спросил он и, подумав, добавил: — И что мне за это будет?

— Ну, ты, шкет, даешь! — смеясь, восхитился пронырливостью парня Кизаши. — Да я не знаю, что именно от тебя Цунаде надо будет. Наверное, расспросить тебя о предках хочет.

— Понятно. Ну, я расскажу, что знаю, — согласился Охеми, словно Цунаде могло интересоваться его желание или не желание говорить о родне. — Только я ничего странного и не знаю о них. Не было шиноби у меня в роду. Или мне про них не говорили.

Да, уж навряд ли его бабушка горела желанием признаваться в измене. Или трубить на каждом шагу о насилии над собой, что тоже не исключено. Но, может, что-то о возможном источнике своих способностей Охеми все-таки может поведать, сам того не подозревая.

— А что, мой этот... Ну, геном, да? Он такой важный? — умяв уже второй тайяки, поинтересовался Охеми, не сводя при этом взгляда с рыбок в руках Кизаши.

— Кеккей генкай, — поправил мальчишку Харуно, поделившись с ним печеньем. — Да, Мокутон важен. Слышал про Первого Хокаге?

— В Академии рассказывали, — кивнул Охеми. — Великий шиноби, Стихия Древа победил всех биджу, основал деревню, пропал без вести.

— Не много вам там рассказали, — с сомнением заметил Кизаши.

— Не, говорили про историю очень много, — отмахнулся Охеми. — Но там такая нудятина. Я запомнил только то, что на тестах должно было быть.

— Ну уж про Бога Шиноби-то ты должен знать побольше и без Академии.

— Так он же Бог Шиноби, а я еще не шиноби. И даже не планировал им быть еще пару лет назад, — честно ответил Охеми и, загибая пальцы, начал перечислять: — Раньше меня учили арифметике, чтению, письму, географии, игре на кото и логике. А про шиноби так, больше слухи знаю. Единственное, отец велел научиться быть вежливым с ниндзя и выучить все знаки деревень и кланов, чтобы знать, кому на кого заказы выдавать. Еще нужно было запомнить лица из Книг розыска, а там мертвецов быстро вычеркивают. Так что из всех богов я знаю только Рикудо но Шинсен и О-Инари, больше мне и не надо было.

— Все с тобой понятно, — поморщившись, заключил Кизаши.

Эти крестьяне-поселяне всегда одинаковы. Про шиноби им нужно знать только то, как их выгоднее использовать, и как от них избавиться с помощью других шиноби. Ну и Книги розыска выучить, чтоб самых опасных типов в лицо знать и с кем дел лучше вообще не иметь, тоже важно. А вот людей, которые за них умирают, которые начали новую эпоху, прекратив бесконечные войны, знать уже не важно.

— Сенджу Хаширама — сильнейший шиноби своего времени, — назидательно произнес Кизаши. — И сейчас нет никого, кто бы с ним мог сравниться. И вряд ли скоро кто-то родится такой. И, похоже, как раз благодаря Мокутону он был таким сильным. Например, Стихия Древа позволяла подавлять силу биджу и джинчурики. Пусть сейчас Монстры Чакры уже не такая большая проблема, как всего пятьдесят лет назад, но все равно это очень важная способность. Еще Первый Хокаге мог изменять ландшафт на огромной площади. С помощью Мокутона он, говорят, вырастил Лес смерти, и его чакра до сих пор там живет.

— Похоже, Первый тогда был сильно не в духе, когда этот лес выращивал, — проворчал Охеми, и Кизаши готов был с ним согласиться.

— Как Инузука по следам, хворь находит после дам, — философски заметил Харуно. — Не знаю, правда это или нет, но есть легенда, что тогда он сильно повздорил с Мито Узумаки.

— Похоже, Узумаки все такие — довести могут, — со смесью уважения и насмешки сказал Охеми. — Я тут из них только Кушину знаю, но она надоедливее сотни обычных девчонок.

— Она первая почувствовала в тебе чакру Стихии Дерева, вот и приставала к тебе.

— Да мне от этого не легче, — со вздохом признался Охеми. — Я ее давно не видел, кстати? Она на миссии?

— Уже нет, — коротко ответил Кизаши. — Скоро снова сможешь с ней увидеться.

— Уж лучше не стоит, — торопливо ответил Охеми. — Пусть лучше снова поработает где-нибудь подальше от деревни. И так редко ее на миссии отправляют. А то она с Цунаде-сан живет, а мне с ней, похоже, теперь придется часто видеться.

— Радуйся, что с Цунаде, — невесело улыбнулся Кизаши.

— В смысле?

— Да ничего, ерунда.

Про Корень Харуно знал не много, фактически только то, что он существует. Благодаря своему положению он еще знал, что в этом отделении Анбу занимаются не самыми чистыми делами, о которых Хокаге не желает распространяться. Раньше Корнем управлял Данзо, и из-за внутренней деятельности организации у него случился конфликт с Орочимару, результат которого видела вся деревня. Сейчас там новый руководитель, но деятельность у них все та же, работники все те же и методы не изменились.

Из того немногого, что знал о Корне Кизаши, там очень интересовались Мокутоном. И если бы о способностях Охеми там узнали раньше, чем, например, Микото и Цунаде, то парень мог просто тихонько исчезнуть. Никому неизвестный приبلуда, без родственников и связей — это просто идеальный кандидат, чтобы на добровольно-принудительной основе стать частью Корня. И даже Хокаге бы не была известна его судьба, потому что она ему не была бы интересна от слова совсем. Только результат.

Работая с Цунаде, Кизаши знал побольше прочих. Сенджу частенько расходилась во мнениях со своим учителем, и Корень был одной из спорных тем. На взгляд внучки Первого, Корень давно пора распустить, тем более повод хороший появился — Данзо больше нет. Но для Третьего эта организация по-прежнему полезна, и Кизаши сильно сомневался, что Хирузен от нее откажется. Не сейчас уж точно, когда в мире так беспокойно и у Конохи нет подавляющего преимущества перед противниками.

Пусть сейчас Кизаши, как часть отряда ирьенинов, во многом поддерживал свое руководство, то есть Цунаде, но он все-таки был учеником Орочимару. Как правильно сказала Микото, учитель не раз в разных вариациях напоминал своим ученикам, что слушать нужно сердце, но думать все же головой. И Харуно, как бы ему самому ни были неприятны известные факты о Корне, понимал необходимость в нем.

Обстановка в Конохе сейчас далека от стабильной, она понесла слишком большие потери в последней войне. Узушиогакуре пало, Югакуре перестало быть деревней шиноби — большая территория открылась для заказов других поселений. Но в нынешних условиях Коноха просто не в силах конкурировать там с Кири, Кумо и даже Ото. Да и Страны Деревьев и Водопада могут выйти из зоны влияния Листа. Кизаши не знал, как относятся к текущему процессу передела мира дайме, но конкретно для Конохи, как это ни парадоксально, новая мировая война была бы выгодна. Несмотря на понесенные ранее потери именно при активных военных действиях, а не в условиях медленной и мирной экспансии, Лист имеет больше шансов сохранить свое влияние и силу. Естественно, решение своих проблем с помощью очередной войны потребует от Конохи соответствующих жертв, и, чтобы их свести к минимуму, нужно, во-первых, начать ее на своих условиях, во-вторых, любыми способами снизить ущерб для самой деревни. Абсолютно любыми. Это задачи как

раз для Корня.

Поэтому Корень сейчас необходим, что бы ни думала об этом Цунаде. Пусть погиб Данзо, пусть его люди не всегда и не во всем подчиняются Хокаге, но их просто нечем заменить. Специалисты такого рода требуют особого воспитания и мировоззрения, даже при всем желании с нуля их за пару месяцев не взрастить и всех имеющихся не перевербовать. Проще использовать их в нынешнем виде, после чего при случае избавиться под благовидным предлогом.

Впрочем, Харуно не был Хокаге и никогда не метил на этот пост, так что не мог быть уверен в правильности своих размышлений. И не был знаком с деятельностью Корня так же, как и Цунаде. Возможно, знай он об организации, которой управлял Данзо, больше, то предпочел бы послушать сердце, отключив голову.

— Всякому беспределу должен быть свой предел, — пробормотал в ответ на свои мысли Харуно.

— Что? О чем это вы? — услышал он в ответ.

Задумавшись на непростые темы, Кизаши позабыл о мальчишке да и вообще не заметил, как они успели дойти до госпиталя, где сейчас должна быть Цунаде.

— Да просто мысли вслух, Охеми. Пошли, нечего стоять на пороге.

— Так пошли, — согласился мальчишка. — А почему в больницу? Цунаде-сан и сейчас работает, что ли?

— Это же Цунаде, — ответил Харуно, отворяя двери госпиталя Конохи и входя в пропахшее насквозь медицинскими препаратами здание, — больше, чем ирьениндзюцу, она любит только азартные игры. Но лечить у нее получается лучше, а нервничать ей сейчас нельзя, так что здесь она отдыхает. Ну... Что-то вроде того. А еще недавно сюда попала Кушина, так что точно Цунаде должна быть здесь.

— О... — понятиво покивав головой, протянул Охеми. — Значит, миссия этой Узумаки не задалась. Надеюсь, с ней все хорошо? Она хоть и ненормальная, но все-таки веселая девчонка. Жалко будет, если помрет.

— Ты этого только при Цунаде не ляпни, — хмыкнув, посоветовал Харуно.

— Хорошо, — прилежно согласился парнишка, — не буду. Я еще хочу ирьенином стать, поэтому лучше с ней ругаться не стану.

— Ты? Ирьенином? — удивлено посмотрел на мальчишку Кизаши.

— А что? Думаете, не подхожу? — набычился тот.

— Не знаю, не знаю... Сейчас еще рано судить. Микото вымуштровала тебя так, что за три месяца ты достиг отличных результатов, но все-таки поздновато ты начал заниматься. Пока контроль чакры — так себе. Она даже сама по себе еще плохо циркулирует, из-за чего и регенерация твоя хоть и быстрая, но не такая, какую Первому Хокаге приписывают, — высказал свою оценку Харуно и, подумав, добавил: — Учти, убийственные методы Микото позволяют быстро увеличить выносливость, выработать рефлекс и укрепить тело, но с контролем такая методика не пройдет. Тут нужен талант и кропотливые тренировки.

— А у меня ручные печати хорошо получается складывать, это разве не контроль? — удивленно спросил Охеми.

— Н-да... — скептически посмотрел на паренька Кизаши. — Может, тело у тебя и окрепло, но умишком ты так и не блещешь. Знаниями профильными уж точно. Ручные печати помогают контролировать чакру, но сами по себе они ей не управляют. Ты сейчас даже по воде толком ходить не умеешь, а из элементарных преобразований лишь Суйтоном и

Дотоном благодаря геному овладел. И то так себе, раз только цветочки выращивать умеешь.

— А Микото говорит, что я сильный, — уныло промямлил Охеми, опустив взгляд к полу.

— Для ученика Академии — да, хоть и знаний не хватает теоретических о чакре. Может, и генином готов стать, раз уж Микото тебя поднатаскала, и в детстве родители позаботились об обучении. Но, чтобы стать ирьенином, этого мало. Хотя само желание похвально, немногие хотят быть ирьенинами. Сложно это, смотри, сам не передумай.

— Не передумаю, — не слишком-то уверенно заявил Охеми. — Инари Оками учит, что убивать нельзя, так что мне лучше всего ирьенином стать.

— Ха? — от удивления вскинув брови, посмотрел на мальчишку Кизаши. — Инари Оками, значит? А чего ты тогда в шиноби-то подался?

— Так выбора не было, вроде как, — развел руками Охеми. — Если я хочу уметь защитить себя, то мне нужно стать шиноби.

— Гм... Ну-ну, — еще посверлив взглядом мальчишку, неопределенно пробормотал Кизаши.

— А как думаете, Цунаде научит меня своему призыву? — тем временем спросил Охеми. — Говорят, он для ирьенинов полезен. Или, может, вы умеете слизней призывать, Кизаши-сан?

— Не умею, — отмахнулся Харуно, не став признаваться, что с его резервом чакры техника Призыва не слишком эффективна. — Ты, парень, подожди пока здесь. Я поищу Цунаде.

Оставив Охеми на лавочке в коридоре, Кизаши направился по коридору госпиталя к палате, где разместили Кушину. Наверняка Цунаде сейчас там.

Но этот парень с его Инари Оками... Может, это всего лишь следование вдолбленным в детстве правилам, но не обращать на это внимания нельзя. Культ Инари на севере Страны Огня тесно связан с Орочимару, лучше бы будущего шиноби Конохи от него отучить. Куда вообще эти ниндзя-монахи смотрят? Эдак перспективный шиноби и в самом деле будет обречен ирьенином стать, так как до боевых миссий его банально не допустят из-за идеологической неблагонадежности.

Цунаде нашлась не в палате, куда должны были перевести Кушину, а в коридоре перед ней. Сенджу было видно и слышно издали, так что ее и искать-то не пришлось. Экспрессивно размахивая руками и быстро расхаживая поперек коридора, она распугивала ирьенинов своим злым видом и недобрым взглядом.

— ... и мать его сына! — успел уловить краем уха обрывок брошенной Цунаде фразы Кизаши. — Как они вообще додумались до этого?! И они еще затянули переговоры на пять дней!

— Спокойнее, Цуна, — сдержанно попросил женщину сидящий здесь же на скамье Джирайя. — Все обошлось, не стоит нервничать.

— Обошлось?! — наоборот еще больше взвилась Сенджу. — Я повторяю: они похитили сына Орочимару, при этом убив мать ребенка! Мы с тобой оба знаем его хорошо. И ты должен понимать, что он этого так не оставит. Эти никчемные ублюдки не смогли даже спланировать нормально операцию. Не окончив разведку, не узнав ничего о возможностях Звука, они просто обделались на ровном месте! И этот дегенерат еще посмел обвинить Кушину в провале их недомииссии!!!

— Просто отводил гнев Хокаге в сторону от себя, — все еще спокойно ответил

Джирайя. — Учитель не глуп и тоже это поймет.

— Не глуп? Вот уж в чем я начинаю сильно сомневаться. Он на пять дней затянул переговоры по обмену! И он-то знает, как Орочимару относится к своим детям. Даже приемным, не то что родным. Ему было мало того, что была убита мать этого ребенка? Уж не знаю, кем она была для Орочимару, но зачем его лишней раз злить?

— Пока ребенок был у нас, он бы ничего не сделал.

— Пока ребенок был здесь, Кушина была ТАМ! — зло прошипела Сенджу. — В неизвестном состоянии! Она попала в эпицентр взрыва, была почти мертва, раз заметили вырвавшегося Кьюби...

— Орочимару не позволил бы ей погибнуть на своей земле, — уверенно и твердо заявил Джирайя. — И не позволил. Перезапечатал в нее биджу и даже вернул Ключ.

— Зато поставил джуиндзюцу, — недовольно буркнула Цунаде. — А что, если бы там был не Орочимару? Корень нужно расформировать. Мы не должны были ссориться со Звуком. А теперь я уверена, что одного потенциального союзника на востоке мы точно лишились.

Лично Кизаши с этими словами Цунаде мог бы поспорить, так как вряд ли из Орочимару даже в лучшем из возможных вариантов мог бы получиться союзник Конохи. Но в остальном, несмотря на предвзятость, Сенджу права. Насколько Харуно было известно все от той же Цунаде, затянув переговоры, Третий вынудил Орочимару пойти на обмен пленными почти без всяких условий и компенсаций. Наверное, тоже знал своего ученика и не сомневался, что Кушине в Звуке ничего не грозит, а сына своего Рюсей попытается вернуть как можно скорее. Хотя, может, ему что-то и выдали в обмен. Головы непосредственных похитителей, например, или еще каких-нибудь подарков дали, о которых Хокаге просто не хочет распространяться, чтобы не повредить собственной репутации. Об этом Кизаши не знал.

Зато он точно знал, что всю операцию в Ото Хирузен постарается предавать минимальной огласке. Вышла она неказистой. Наверное, стратеги Конохи рассчитывали, что более сотни Инузука, Учиха, Хьюга, Абураме и прочих сенсоров смогут на месте провести комплексную разведку, оценив силы нового соседа Страны Огня, но вышло все совсем не так, как планировалось.

— Цунаде, — решил все же вмешаться в разговор двух саннинов Кизаши, видя, что Джирайе все с большим трудом удается подавлять гнев женщины, — не мне же тебе объяснять, что девушкам в твоем положении нужно воздержаться от нервотрепки.

Через миг Харуно почувствовал себя не в своей тарелке под пристальным взглядом двух устремленных к нему взглядов. К счастью, мечущая молнии Цунаде быстро успокоилась и не начала рвать подвернувшегося под руку ирьенина в клочья. Кажется, она только сейчас вспомнила, что вообще-то находится на восьмом месяце беременности.

Видя, что Сенджу быстро остыла, Джирайя одобрительно поднял большой палец вверх, а в его взгляде едва скрываемая обреченность быстро сменилась облегчением. Как ни странно, сам он напомнить Цунаде о ее положении не мог, так как это вызвало бы с ее стороны только новый виток гнева. Уже проверено, что в таких случаях Цунаде начинает ставить Жабьему отшельнику в вину это самое ее положение, в котором он был всецело виноват и за что должен был беспрерывно платить и каяться.

Женщины поистине удивительные создания, что тут еще скажешь.

— Я привел Охеми, Цунаде-сан, — напомнил Кизаши, так как Сенджу могла и забыть и

своем состоянии о собственной просьбе.

— А! Парнишка со Стихией Дерева! — запустив руку в и без того потрепанную прическу, женщина несколько секунд массировала голову, видимо, раздумывая, как поступить. — Ладно, давай посмотрим на него. Генетический анализ готов?

— Да, я положил тебе его на стол еще вчера.

— Прости, не заметила. Тогда приведи его в кабинет, я пока посмотрю, что там у него с родством.

— Хорошо.

Цунаде, еще раз бросив взгляд на дверь, за которой находилась палата Кушины, уверенно зашагала по коридору в сторону своего рабочего кабинета в больнице.

— Давай-ка я с тобой прогуляюсь, — не последовав за Сенджу, сказал Джирайя. — Хоть ты, может, наконец, расскажешь, что с Кушиной такого случилось, что Цуна готова загрызть с потрохами Анбу. Цуна только сказала что-то о темной медицине, даже не подумав объяснить, что это вообще такое.

— Я сам не много знаю об этом искусстве, только то, что рассказал мне учитель, а тому — его мать. Темная медицина распространена на восточном континенте, в Стране Болот, — отправившись обратно к Охеми, пояснил Кизаши, вспоминая то, чему когда-то учил его Орочимару. — Ее техники от обычных ирьенинедзюцу отличаются тем, что в процессе операций сплетается физическое тело и духовная основа человека. Обычно чакра и душа заключены в теле, энергия выходит наружу только через тенкецу с помощью кейракукей. Хотя есть места, обычно вдоль Хачимон, в которых внутренняя чакра сливается с плотью, порождая стабильные аномалии, место, которое можно назвать внутренним миром, естественным фуиндзюцу в теле. Когда змеи Орочимару проглатывают его Кусанаги, то они помещают клинок именно в это пространство.

— Да-да, жабы так же могут. Некоторые из них гораздо больше внутри, чем снаружи, — поддакнул Джирайя. — Только к чему ты это говоришь-то?

— В темной медицине используется этот эффект, когда чакра смешивается с плотью, — почесав затылок, попытался объяснить Харуно. — Иренины восточного континента как бы повторяют в обратном порядке биджу. Хвостатые состоят из чакры, их тела — это чакра, обращенная в плоть. Медики делают наоборот, плоть превращают в чакру. Такого можно вскрыть по белой линии живота и увидеть не потроха под кожей и мышечным прессом, а чистую чакру. Так они могут и исцелить тяжелые раны — превратить в чакру участок тела, а потом собрать его неповрежденным.

— Так это же... Здорово, нет? — неуверенно поскреб гладко выбритый подбородок Жабий отшельник.

— Для тела — да, отлично просто. Но ничто не берется из ничего. Излечивая телесные травмы, медики наносят ущерб душе. Ну, той штуке, которую выпускал из своего тела с помощью ниндзюцу Като Дан.

— О как. И это опасно?

— Наверняка, — пожав плечами ответил Харуно. — Говорят, что после такого лечения снижается продолжительность жизни, с чакрой бывают проблемы, но точно я сказать не могу. Тут Цунаде все-таки больше меня должна знать.

— Она-то знает, только говорить не хочет, — с досадой произнес Джирайя.

— А Кушине повезло, — заметил Кизаши. — Похоже, те шиноби, которые гоняли взвод Сакумо, позаботились, чтобы собрать нашего джинчурики по частям. Иначе не уверен,

смогли бы даже Орочимару и Цунаде вместе исцелить ее полностью, после тех травм, о которых докладывали участвовавшие в миссии Хьюга.

— Да уж. Повезло, — кривовато усмехнувшись, произнес Джирайя, явно готовый поспорить с этим утверждением, но решивший этого не делать, так как кое-кого увидел. — О, а это и есть Охеми?

За время разговора мужчины успели вернуться к той лавке, на которой Кизаши оставил мальчишку.

— Он самый, — кивнув, подтвердил Кизаши. — Охеми! Пошли, у принцессы нашлось на тебя время!

До этого спокойно сидя на скамейке и болтая ногами в воздухе, парнишка посмотрел на Харуно недовольным взглядом. Спрыгнув со скамейки, он с неохотой поплелся к старшим шиноби.

— Ну, пойдём... — буркнул Охеми, подойдя.

— Ты чего? — удивленно спросил Кизаши, отметив странную реакцию парнишки.

— Да ничего, — все так же недовольно сказал Охеми. — Просто все так расписывали этот мой геном раньше, а теперь мне ждать приходится в коридоре, а потом еще и принять могли не соизволить. Как будто это мне надо!

— Поверь, парень, это именно тебе и нужно, — рассмеявшись и уперев руки в бока, заявил Жабий отшельник, не дав и слова вставить Кизаши.

— Знакомься, это Джирайя, — махнув рукой в сторону спутника, представил его Харуно.

— Эй! — возмущенно воскликнул Джирайя. — Святой отшельник с горы Мьебоку, великий сеннин Страны Жаб и никак иначе!

— Ну... Я так и сказал.

— Нет, ты сказал... А, не важно. Ты, Охеми, на Цунаде не обижайся, она дама занятая. А ценность человека не в геноме, а в том, что здесь, в сердце, — Джирайя, наклонившись, постучал пальцем по груди мальчишки, после чего ткнул его этим же пальцем в лоб, — и здесь, в голове. В Конохе ценен каждый шиноби. Ты же для Цунаде важен не тем, что у тебя уникальный кеккей генкай, а тем, что он такой же, как и у ее дедушки.

— Тем более можно было бы сразу меня встретить, — уже не так уверенно ответил Охеми.

— Наверное, ты не поймешь, но память — она не всегда несет с собой что-то хорошее. Тем более память Цунаде о родственниках, — с небольшой тоской заметил Жабий мудрец. — Только ты ей об этом не говори, ладно?

Удивленно посмотрев на Джирайю, мальчишка через секунду опустил голову.

— Я понимаю... — негромко произнес он и, поклонившись, сдержанно попросил: — Простите, Джирайя-сан.

— Ничего, парень! — похлопав по плечу Охеми, сказал Джирайя с теплотой в голосе. — Пойдем уж, раз ты ждать устал, то чего мы еще на месте стоим?

Глава 20. Потемки души

1 октября 45 года от начала Эпохи Какурезато

Сложив особую ручную печать призыва, я привел в движение чакру, которая начала расплескиваться в пространстве, порождая горящие белым пламенем письмена, висящие прямо в окружающей меня пустоте. Сделав несколько шагов вперед, чувствуя сопротивление незримой субстанции, я прорвался сквозь линии фуиндзюцу и почувствовал под ногами мягкую плоть. Еще шаг, под ногами уже была твердая поверхность, а тьма пустоты сменилась сумраком подземной лаборатории.

С удовольствием вдохнув безвкусный очищенный воздух полной грудью, я расслабленно рухнул на каменный пол. За спиной медленно растворялась во взметнувшемся вверх пурпурном пламени голова потустороннего гиганта, изо рта которого я только что и вышел.

Не так давно меня заинтересовало поведение призванной Акичи Хашихиме, отвесившей мне поклон. Естественно, сама призвавшая ее Узумаки прояснить поведение киджо не смогла. Не принимать же за объяснение ее искреннюю убежденность, что пантеон демонов так и должен вести себя перед Рюджином. В общем, тогда у меня и появилась идея попытаться поподробнее узнать об отношении ко мне ками Узумаки непосредственно от них самих. А точнее, у той части, которая в этом мире, как мне кажется, не обитает. С Хакуджа Сеннином, который для Узумаки был известен как Нурэуба, встретиться проще, чем, к примеру, с Шинигами, но получить от этой древней змеи ответы — та еще задачка. По-хорошему говорить она со мной не желает, того же почтения, что и Хашихиме, не проявляет, а давить и ссориться с самой главной змеей мне пока не с руки. Рьючидо — это не просто таинственные пещеры, это еще и довольно могущественное поселение, можно сказать, полноценная змеиная страна. О которой, к слову, даже я знаю не многое. Так что с ней лучше сохранять мирные отношения. Мне и так хватает проблем.

В общем, призывать демонов — тоже не лучший вариант: так можно и Акичи потерять ненароком, поэтому я решил сам сходить в их мир. Тем более, что он мне и сам по себе был интересен. Правда, для этого все равно понадобилось призвать одного из ками Узумаки — Хитокучи. Этот демон, как отмечают хроники красноволосых, умом не блещет, с ним самим поговорить не удастся, но от его огромного рта есть куда большая польза — это фактически прямой путь в загробный мир.

Само по себе путешествие в него для меня не должно было быть чем-то новым, умирать-то мне уже приходилось, однако местное посмертие, как оказалось, все-таки может сильно отличаться от того, что пережил я. Как я понял, загробный мир для шиноби был именно миром — своеобразным, непривычным, но все-таки миром. Пока я не стал углубляться в изучение потустороннего, просто прошелся по краешку. И я даже описать-то не смогу толком, куда именно попал. Там не было как такового пространства в привычном понимании, не было материи помимо меня самого. Пустота, которая приобретала форму только под давлением духовной энергии. И не обязательно моей, между прочим. Меня угораздило несколько раз попасть в зыбкие островки реальности, напоминающие бессвязные сны или миражи, которые были оформлены чужими душами. Как я подозреваю, это были задержавшиеся на грани души умерших.

Своеобразное местечко, к нахождению в котором нужно привыкнуть. Возможно, стоит посещать его без физического тела.

Резкая боль, прострелившая правое запястье, заставила меня вернуться к реальности, оторвавшись от размышлений. Внезапно оживший браслет на моей руке обернулся живой змеей, выскользнувшей из рукава кимоно на пол. Искаженное порывом чакры пространство породило клубы моментально развеявшегося дыма, оставившего после себя вместо мелкой змейки облаченную в белую юкату женщину, голова которой была увенчана тонкой золотой диадемой, удерживающей черные волосы. Упертые в бока руки и искаженное гримасой гнева лицо не предвещало мне ничего хорошего.

— Орочимару! — злоеце прошелестел холодный голос Ичкикишимахиме. — Ты тупоголовый мальчишка! Ты хоть понимаешь, куда ты нас завел?!

Нахлебница из Рьючидо, прилепившаяся ко мне пиявкой после моего обучения у Хакуджа Сеннина, сейчас напоминала призрак своим белым халатом и лицом, сквозь которое проглядывали животные черты. Наверное, это могло бы кого-нибудь испугать, вот только не меня. Будь передо мной сама Нурэуба, может, я бы еще поостерегся, но эта девчонка до своей бабули еще не доросла.

Поморщившись от внезапно начавшейся мигрени, я легонько щелкнул по болтающимся на моих ушах серьгам — еще две нахлебницы, которые проявляли недовольство по-своему. Получив отрезвляющие щелкуны, они успокоились, а головная боль пропала так же внезапно, как и началась.

— Милая моя Химе-чан, — елейным голосом сказал я, вытянувшейся рукой обхватив нависшую надо мной женщину за талию, — если ты знаешь, куда я вас завел, то ты могла бы мне рассказать об этом месте, когда я просил тебя об этом, и не пришлось бы его тогда посещать.

Потянув Ичкикишимахиме и уронив ее к себе на колени, я более жестким тоном прошептал ей на ухо:

— Но ты и твои подружки-бездельницы предпочли высокомерно промолчать, посоветовав мне не совать свой нос, куда не следует.

Направив чакру к ладони, я сформировал простенькое фуиндзюцу, нарушив контроль чакры Ичкикишимахиме. С тихим хлопком и взметнув очередное облачко тумана, техника превращения змеи распалась, заставив ее принять более близкий к настоящему облик.

— Уверяю, что я ни за что не дал бы вас в обиду там, — поглаживая холодную кожу на клиновидной голове оказавшегося на моих коленях питона, заявил я. — Но вам ничего не стоило уговорить меня оставить вас здесь. Не так ли?

Ичкикишимахиме ничего в ответ не сказала, умудряясь даже в животном облике метать громы и молнии взглядом. Поразительная способность, если честно, учитывая нулевую выразительность змеиной мимики, но сейчас у меня не было времени восхищаться столь бесполезными умениями своих постоянных спутниц. Продолжая медленно поглаживать голову змеи, собравшуюся в кольца на моих коленях, я поднял взгляд к молчаливо ожидающим меня шиноби, которые должны были мне помогать в исследовании загробного мира.

— Как долго меня не было?

— Тридцать семь минут, господин, — получил я ответ.

— Хорошо.

Мне казалось, что прошло гораздо больше времени. Уже начал опасаться, что опоздаю на запланированное совещание. Похоже, там время течет не так, как здесь, или просто воспринимается иначе.

— Так как насчет того, чтобы рассказать о том месте хотя бы теперь? — повернув змеиную голову к себе, спросил я.

На морде Ичикишимахиме не проскользнуло ни единой эмоции и несколько секунд она молчала, холодно глядя на меня желтыми глазами.

— Прости ее резкие слова, Орочимару, — раздался в правом ухе голос Тагицухиме. — Мир, в котором ты побывал, это не место для живых. А мы пока живы и умирать не торопимся.

— Потому и многого о том месте тоже не знаем, — все же смилостивилась до ответа Ичикишимахиме. — Ты оказался на пути в Чистый Мир. В самом его начале, и путь этот много больше, чем сам Чистый Мир. Хакудза Сеннин знает об этом больше, мы же знаем только то, что нам там делать нечего.

— Там обитают души, которые не могут отпустить этот мир, — добавила Тагорихиме. — Они существуют, терзаемые самими собой. Многие из них совсем не прочь вновь вернуться к жизни.

— Об этом мне Узумаки говорили, — немного раздраженно заметил я. — Некоторые из их предков возвращались с той стороны уже не самими собой. Похоже, от ваших рассказов пользы не больше, чем от летописей Узумаки.

— Дураку и от знаний всей вселенной пользы не будет, — обиженно проворчала Тагорихиме.

— Дурак или нет, но мне там ничего не грозило. Если бы мое тело захватил какой-то дух, то у меня был бы лишь еще один повод создать новое, — равнодушно ответил я.

— А мы?! — возмущенно возопили все три змеи разом.

— А вы вернулись бы с моим телом в этот мир. Или человеческие души и вашими змеиными телами не побрезгуют? Тогда призвал бы ваши души обратно в тела, не велика беда, — ответил я, после чего легонько щелкнул по носу Ичикишимахиме. — Зато был бы вам урок, что не следует говорить со мной загадками. Если чего-то не знаете, говорите прямо. Я уже смирился, что вы всего лишь нахлебницы.

Разлегшаяся на моих коленях змея обиженно отвернулась. Эти три девицы, похоже, до сих пор не могут смириться с тем, что я теперь сильнее них, и как раньше задавить меня авторитетом не получается. Поэтому они иногда пытаются вернуть свой статус в моих глазах. Правда, делают это не самым удачным способом. Например, недавно сначала намекнули, что знают о местном загробном мире больше всех ныне живущих, но когда я начал готовиться к путешествию туда, ничего мне рассказать не захотели. Это не удивительно, учитывая, что толком-то они ничего никогда и не знали, но рассердить они меня смогли.

— Найти там кого-то конкретного почти нереально, — все еще с нотками обиды в голосе сказала Ичикишимахиме, — но те, кто нужен тебе, имеют сильную духовную энергию и создают вокруг себя не маленькие островки реальности, а огромные оформленные пространства. Если наткнешься на такое, значит, ты близок к цели.

— Вот, уже дельный совет, — довольно заметил я, снова погладив голову змеи.

В ответ я получил только высокомерное молчание, но снова превращаться в браслет Ичикишимахиме не спешила, а когда я перестал ее гладить, недовольно ткнула головой в руку. Вроде, и не кошка, а ведет себя очень похоже. Хуже одной особы, умеющей в кошку превращаться почти по-настоящему. Точнее Югито научится этому, если ей и мне никто мешать не будет, но пока Увабами в Облаке живется гораздо спокойнее, чем тому же Охеми

в Листе.

В облике Охеми мне пришлось пережить не самые приятные дни. Мало того, что приходится рвать жилы, чтобы в кратчайшие сроки довести тело до нужной кондиции, так еще и Анбу взяли в оборот. Но это все-таки лучше, чем попасть в лапы Корню. Со способностями организма, сочетающего в себе кеккей генкай Учиха и Сенджу, я бы в любом случае когда-нибудь привлек к себе ненужное внимание. Поэтому я счел более приемлемым частично раскрыть часть секретов Охеми сейчас, тем более Кушина и так ненароком уже меня рассекретить успела, когда Кьюби заметил во мне необычную чакру.

Так как Охеми в Конохе был никем, то первое, о чем я позаботился, это покровительство Цунаде и Джирайи. Через них можно уже и к Хирузену пробиваться. Моих напарников сложно назвать наивными, но все-таки они излишне добросердечны для шиноби. По крайней мере, они не позволят мне оказаться в Корне, специалисты которого вполне могут посчитать, что нового Хашираму гораздо выгоднее использовать, не сохраняя ему жизнь.

Лучше потерпеть проверку Анбу. Пару суток без сна, которого Охеми лишили под благовидным предлогом, это ерунда. Ну, еще словно случайно все стулья, на которых мне приходилось сидеть в эти дни были шаткими и неустойчивыми. Лампочки опять же начали ломаться и мигать... В общем, команда пыток и допросов испробовала на Охеми все виды мягких видов пыток и допросов, которые заставили бы любого, пусть и подготовленного, ребенка выдать все, что он знает и не знает. В этом мире давно существует практика использования детей для диверсий и разведки, моя мать тому яркий пример. Однако так же давно существуют методы, как этих кротов выявлять без риска свести с ума подозреваемого, который может быть и невиновным.

Сложнее было подменить генетические пробы, чтобы во мне Учиха не распознали, и запудрить мозги Яманака. А так я, вроде, нигде лишнего не сболтнул. А Мокутон — это, в конце концов, всего лишь геном, его наличие у кого-то может удивлять, но не является чем-то за гранью возможного. Тот же Джирайя мог и риннегану не особо-то поразиться, если б встретил носителя этого додзюцу. По крайней мере, пока не похоже, что Охеми в чем-то подозревают.

Хотя я уж начал волноваться. Двое суток бодрствования — это двое суток без синхронизации, которая происходит как раз во время сна, с клоном. Я только пару часов назад, наконец, получил от него информацию.

Кстати, любопытная вещь...

Моя рука непроизвольно замерла на холодной чешуе Ичикишимахима, которая тут же почувствовала изменение в моем настроении и посмотрела на меня.

Только что, побывав в загробном мире, я еще раз убедился, что местная жизнь хоть и во многом схожа с привычной мне, но так же и имеет серьезные отличия. Не только в биологическом плане, но и духовном. Я изменил свою душу так, чтобы она вбирала в себя мой жизненный опыт, чтобы с утратой физического тела я не переставал быть собой. Но сейчас у меня имеются автономные клоны, и информацию от них я получаю только во время их сна, а не постоянно. Да и с теньвыми клонами так же было, и это нормально для обычного шиноби, но с моей душой все ведь должно быть иначе.

Несмотря на то, что моя духовная энергия разделена на части, сама душа все еще едина. Но, получается, она привязана только к одному телу. Или сознанию? Или чему-то еще?

Когда речь идет о душе, стоит забыть о привычной картине мира. Опираясь на обычную

науку, познать ее сложно, но все равно то, что происходит со мной и моими клонами, странно. Они — это я в других телах, это часть меня, это мое сознание, моя духовная энергия, но не моя душа. Однако клоны так же могут использовать киндзюцу отделения души Второго Хокаге и созданную на его основе технику Като Дана. То есть они отделяют от тела душу, но это не то, что я обычно понимаю под душой. Но это то, на что больше всего похожи видимые мною на пути в Чистый Мир призраки.

Похоже, духовная энергия происходит не от одного источника. Физическая энергия тоже не просто химическая энергия запасенная биологическим телом, не АТФ, не АДФ, не глюкоза и не жир, это еще что-то, что привычными мне методами измерять сложно. Но, по моим наблюдениям, физическая энергия имеет прямую корреляцию со способностью организма к регенерации, его либидо и прочими особенностями, присущими живому организму.

Духовная энергия, по представлениям шиноби, связана с ментальными способностями, с интеллектом. Это и понятно. У ниндзя цель — увеличить свою силу, а этого можно добиться, развивая свой ум и тело. Чем сильнее физически шиноби — тем больше его физическая энергия, чем умнее — тем больше духовная. Все просто, и думать не надо. Но, если обобщить все, что я знаю о духовной энергии, то получается — у нее есть несколько источников.

Во-первых, это разум — то, чем оперируют Яманака с помощью ниндзюцу, и для обозначения чего используют иероглиф с чтением «шин». Во-вторых, тело чакры — то, на основе чего создаются клоны. Бесплотная оболочка, бессознательно созданная проекция собственного тела. Фактически призрак, которому придали форму с помощью Интона. Эту часть можно обозначить иероглифом с чтением «рэй» по названию техники Дана. В-третьих, есть еще настоящая бессмертная душа в привычном мне понимании этого слова. Ну, и в четвертых, наверное, должно быть еще что-то, что подвержено реинкарнации, как у Индры и Асуры, но с этим я не уверен. Хотя можно предположить, что это как-то связано с эмоциями и бессознательными желаниями, то есть даже не совсем духовное, а частично что-то телесное. Это нечто я направляю в трупы при их оживлении некоторыми ниндзюцу и обычно обозначаю иероглифом с чтением «кон».

Вроде, все просто, но не понятно, почему в Чистый Мир отправляются призраки чакры. Точнее, почему они вообще не исчезают после смерти? И почему существует загробный мир? Может ли моя душа сразу после смерти возродиться в другом мире, или придется несколько сотен лет в местном Чистом Мире проторчать?

Вопросы, конечно, интересные, но у меня сейчас нет ни времени, чтобы на них ответить, ни лишних людей, чтобы уже они этим занялись. Нехватка кадров, вообще, главная моя проблема. Идеи есть. Денег их воплотить можно и побольше, но все-таки они есть. Необходимость в воплощении этих идей есть и еще какая. Но адекватных и квалифицированных людей очень мало. Не могу же я везде использовать своих клонов.

— Ты вернулся.

Прозвучавшие в тишине слова были наполнены странной смесью чувств. Мейро злится на меня за то, что я решился на этот эксперимент. Она была рада, что я вернулся. Взволнована, не зная моего состояния. Раздражена тем, что я не сообщил ей о своем возвращении незамедлительно. Все эти эмоции я смог прочесть, еще когда мать только приближалась, даже не видя ее, ощущая одну только ее чакру и отголоски мыслей.

— Вернулся, — жестом приказав Ичикишимахима занять свое место на моей руке,

ответил я. — Ничего не произошло, пока меня не было?

— Ничего, что требовало бы твоего внимания, — отрицательно качнула головой Мейро, сев на пол напротив меня. — Кроме одной мелочи.

— Курама?

Наличие Кьюби в деревне меня напрягало, пусть даже он пока вел себя спокойно. Просто время, которое я отвел Девятихвостому на размышления, подходило к концу, а он так и не принял никакого решения, продолжая лежать на полигоне Узумаки.

— Он по-прежнему, — с коротким вздохом ответила Мейро. — Отохиме и Хиро считают, что он боится дать тебе ответ.

— Боится? — не верится мне в это как-то.

— Он в неопределенном положении. Понимает, что ты способен воплотить в жизнь многие свои обещания. Хочет изменить свою жизнь, но не верит тебе. Но больше всего он ненавидит людей и гордится своим обликом, менять который на человеческий не хочет, — Мейро с сомнением побарабанила тонкими пальчиками по коленке. — Не очень логично, но Хиро и Отохиме именно так поняли его.

Выслушав Мейро, я раздраженно дернул плотно обхватившую мое запястье Ичикишимахиме. У меня нет повода не доверять выводам Хиро и Отохиме, они несколько дней пытались разговорить Кьюби, чтобы наладить с ним контакт и понять, можно ли с ним вообще работать или моя затея бесперспективна. Хотя Хиро сам змей из Рьючидо, но никогда, в отличие от трех сестричек, обитающих на мне в виде бижутерии, или тех же Кавакихиме и Нурэуба, не использовал бы Хенге, чтобы изменить свой облик. Он им гордится, и собственные представления мог перенести на Кьюби. Правда, я и сам припоминаю, что Девятихвостый питает особые чувства к своему внешнему виду, дарованному ему самим Рикудо.

— Проклятье, — потеряв переносицу, беззлобно выругался я. — Меня окружают инфантильные личности, которым далеко за полтысячи лет, их тела выросли до гигантских размеров, но умишко, похоже, сильно подотстал в развитии.

Сначала три змеюки строят из себя невесть что, теперь еще и Кьюби туда же. И пусть последний в речи использует характерные для местного языка местоимения, используемые пожилыми людьми, но ведет он себя не соответственно возрасту. Кажется, он так и не понял, что не мир должен под биджу подстраиваться, а они под него. Бестолочь! Тысячу лет прожил, но так и не научился элементарным техникам шиноби, в частности, Хенге! Мог бы давно затеряться среди людей и не сидеть в печати. Наверное, тоже гордость помешала или ненависть. Хотя мог, конечно, просто не ожидать внезапных перемен в своей жизни. Жил себе, жил, зло искоренял в меру своего скудного умишки. А потом пришли Хаширама с Мито, и времени меняться уже не осталось.

В любом случае, сейчас это его не оправдывает.

Этот тупой лис даже не понимает, как сложно создать для него тело, которым он мог бы пользоваться как своим, и при необходимости применять Режим Хвостатого, как и джинчурики. Я тоже хорош, решил дать ему шанс реабилитироваться, влиться в общество на равных правах. Проще нашинковать его на несколько тысяч кусочков и сделать себе армию псевдоджинчурики. Посмотрим, как бы он тогда личность свою сохранил.

Ну, в долгосрочной перспективе, это все равно не выгодно для меня. Проблему с биджу надо как-то решать. Их нужно либо социализировать, либо избавиться окончательно. Последний вариант не так уж плох, как мне теперь кажется, но всему свое время. Тем более

сейчас, когда я придумал методику создания тела для Кьюби, было бы жаль затраченных на это усилий.

Биджу так устроены, что при захвате контроля над своим джинчурики непроизвольно превращают его в себя. Тот же Блю Би перед смертью стал не одержим своим Хвостатим, а банально превратился в него. Мне же нужно было создать сосуд для Курамы, который позволил бы ему органично существовать и управлять своей чакрой, не теряя человеческого облика.

— Гм, а, может, это не так уж и плохо, — недобро усмехнувшись, пробормотал я.

— Что не плохо? — не поняла Мейро.

— Отношение Кьюби к человеческому телу. Он примет мое предложение, никуда не денется. Я с ним сегодня поговорю еще. Но если уж такой нерешительный, то тело у него будет соответствующее.

И раз Кураме все люди одинаково противны, то мне же проще запихнуть его в женское тело. Оно от рождения приспособлено содержать в себе при беременности чужую чакру. Пусть у плода этой чакры кот наплакал, но все равно природные механизмы защиты имеются. И не надо усложнять фуиндзюцу, чтобы позволить Кьюби существовать в мужском теле, как я первоначально планировал.

— Мелочные обиды не стоят того, чтобы Кьюби затаил на нас злобу, — не до конца поняв мои намерения, но уловив их суть, предостерегла Мейро.

— Ему пора бы вырасти из подштанников и смотреть на мир не глазами обиженного ребенка, — недовольно ответил я. — В любом случае с Курамой еще будет много проблем. Одной меньше или больше — без разницы. Тем более, пусть он и говорит о себе в мужском роде, но по факту-то он бесполой. Поверь моему опыту, попасть в мужской организм для него будет не меньшим стрессом, чем в женский. Может, так будет даже лучше. Пока не проверим, не узнаем.

Смерив меня трудно читаемым взглядом, Мейро задумчиво кивнула.

— Да, в вопросе смены тел и полов ты разбираешься получше многих, — ровным тоном произнесла женщина, излучая при этом смешанные чувства грусти и недоумения. — Но когда я говорила о мелочи, требующей твоего внимания, я имела в виду не Кураму.

— Да?

— Ты просил сообщать тебе, если в Страну Звука забредут сильные и уникальные нукенины, — ответила Мейро. — Мне сообщили, что один такой недавно пересек границу. Какузу, нукенин из...

— Я знаю, кто такой Какузу.

— Хорошо, — кивнула Мейро.

— Он, наверное, охотится за головой какого-нибудь шиноби из Книг розыска?

— По нашим данным, так оно и есть.

Какузу, значит. Нужен ли он мне? Я просил сообщать о нукенинах, потому что мне интересны уникальные геномы и техники. У Какузу нет кеккей генкай, но он знает любопытное киндзюцу. Сильно я сомневаюсь, что он по доброй воле раскроет секреты своей запретной техники. Насильно вытянуть из него знания будет проблематично, не настолько она мне нужна. Но встретиться с ним все-таки будет интересно. Может, получится купить сведения о Водопаде. Да и просто вышвырнуть его из страны тоже не помешает. С его силой он охотится только на тех, за кого много платят. А в Стране Звука такие люди так или иначе работают на меня.

— Разберусь с ним после совещания, — решил я. — На которое нам пора бы уже и пойти.

На сегодня я запланировал собрание государственного совета. К следующему году необходимо разработать третий уже по счету пятилетний план развития Страны Звука. Естественно, в первую очередь экономического развития, и в этом мире совсем нехарактерно, что в решении подобных вопросов участвуют шиноби. Но я уже приучил хотя бы верхушку своей армии, что им необходим багаж знаний и умений, выходящий далеко за рамки типичных вояк.

Шиноби должны понимать, сколько и чего им нужно, при этом ориентируясь на возможности внутреннего производства и импорта. Причем лекарственные и ядовитые субстанции, например, имеют строго определенный срок годности, так что нужно иметь только необходимый их запас, чтобы не потратить средства впустую.

Впрочем, гражданским тоже необходимо ориентироваться на военные нужды. В ближайшее время может начаться война, и пусть не все верят, что она будет большой, но страны готовятся к боям. И те же лекарственные субстанции сейчас закупить за границей просто нереально ни за какие деньги. А одни только стимуляторы во время активных боевых действий уходят центнерами в день. То есть нужна постоянная поставка ингредиентов, чтобы потом не оказаться в положении Великих стран к концу Второй мировой, когда у них просто уже нечем было воевать. Сейчас в Стране Звука сельское хозяйство жестко контролируется государством, может, это не очень выгодно с экономической точки зрения, но зато есть возможность резко сократить посевы продуктовых культур, нарастив производство лекарственных. Все равно международная торговля с войной накроется, нужно будет покрывать только внутренние потребности и немного оставить еще на гуманитарную помощь соседям. Хотя в качестве последней могут стодиться отработанные водоросли с водородных фабрик. Вкусовые качества у них не очень, и не сказал бы я, что они очень полезные, но все же лучше ивовой коры.

— Кстати, ты подобрала какого-нибудь способного куратора для советника по сельскому хозяйству? — поинтересовался я у Мицуко, раз уж вспомнил об этом.

Последний чиновник, занимавшийся сельским хозяйством, природными угодьями страны и промыслом на всей ее территории был отличным специалистом, во внешней торговле и стимулировании крестьян мужик разбирается. Да он и сейчас есть, работает просто на отлично в условиях кадрового голода. Вот только любит себя ничуть не меньше, чем государство, и обделенным себя чувствовать не хочет. Обогащается за казенный счет, в общем. В мирное-то время это было терпимо, но сейчас казну нужно наполнять и в преддверии войны сократить все ненужные расходы.

Этого чиновника бы давно сменить, но новое, идеологически подкованное, поколение подрастает только сейчас, толковые среди них наверняка есть, но тут ведь еще угадать надо. Вот я и решил, что раз пока внешняя торговля грозит прекратиться, а аграрную промышленность предстоит добровольно-принудительно перепрофилировать на фармакологические нужды, можно одного зарвавшегося и не очень нужного в нынешних условиях чиновника арестовать. А на его место поставить кого-нибудь молодого и подающего надежды для проверки, но при этом, чтобы не рисковать, поставить куратора из шиноби. Заодно и другим уроком будет.

— Да, — кивнув, ответила на мой вопрос о кураторе Мицуко, — я решила, что Илма Ринха подойдет.

— Саму Ильюму? — главу клана шиноби переводить на по сути гражданскую должность немного странно.

— Она не самый способный медик клана и уже не годна для участия в войне, зато очень опытна и предельно лояльна. Пусть хоть так принесет пользу на пенсии.

— Молода она для негодности и пенсии, — все еще сомневаясь, заметил я.

— Пятьдесят лет это не запредельно много, — согласилась Мейро, — но Илма имеет серьезные травмы после применения темной медицины. И моральные, полученные до объединения страны. Поверь, ей нужно отдохнуть от жизни шиноби.

— Понятно.

Илма так Илма, она и в самом деле одна из самых опытных куноичи Отогакуре, с ее умом войти в непривычную работу будет достаточно просто. Я бы предпочел, чтобы она продолжила работать в какурэзато и армии, но если у нее есть психические травмы, то лучше человека лишней раз не напрягать. Тем более у Илмы есть прекрасный преемник — Малис Ринха.

Встреча государственного совета проходила в Отомуре. Пока мы добрались до столицы из Отогакуре, пока длилось само совещание, пока решались попутные вопросы, время подошло к вечеру. Как бы я ни старался максимально эффективно распределить власть, но все равно приходилось участвовать в процессе управления страной. Если бы только сейчас со мной была Сальма, то ей можно было бы делегировать гораздо больше своих полномочий...

В итоге к Кураме я сегодня уже не успевал. Зато Какузу все же навестил. Правда, без особого успеха.

— С интуицией у него все в порядке, — с легкой долей досады произнес я, сжимая кулак.

С жалобным хрустом под пальцами сломались осколки маски. Станный материал, из которого она была сделана, напоминал смесь зубной эмали, кости и кератина. Есть подозрения, что когда-то все это было частями живого человека, шиноби, специализирующегося на Суйтоне.

С сомнением посмотрев на кусочки белого материала в своей руке, я все-таки потоком чакры измельчил их в пыль. Порыв ветра развеял прах над изрытым техниками побережьем Янтарного залива.

Наверное, не стоило сразу, как переговоры с Какузу не задались, нацеливаться на его «сердца». Этот шиноби не глуп и мгновенно смекнул, что я знаю секрет его бессмертия, и предпочел тактическое отступление. Хотя я первым делом выбил как раз Маску Воды, чтобы снизить шансы противника на отступление по морю, он все-таки умудрился скрыться в воде. Досадно.

— У него было... странное строение тела, — подбирая слова, произнесла Мейро.

Женщина решила сопровождать меня в процессе поимки нукенина и смогла оценить его способности.

— *Джионгу*, так называется техника, благодаря которой он выглядит так, — пояснил я, глядя на темные морские просторы.

Солнце скрылось за горами на западе, а убывающая Луна только поднималась по небу. Темные воды поглотили Какузу, он сбежал с такой скоростью, что его теперь даже кецурьюганом не видно. Везучий тип. Ему уже посчастливилось встретиться с тремя шиноби, которых именуют богами: Хаширамой, Хирузеном и мной, а он все еще жив. И если

будет везти так же дальше, то переживет и двух Хокаге, и еще одного бога, в битве с которым выживет — Пейна.

— Страх Гнева Земли — это киндзюцу Скрытого Водопада, которое Какузу похитил во время бегства из своей деревни, — повернувшись к Мицуко, сказал я. — Если в будущем тебе потребуется его убить, сначала уничтожь четыре маски на его спине. Каждая из них — сердце, похищенное у сильных шиноби, и каждая дает Какузу способность управлять одним из элементов: Суйтоном, Катонем, Футоном и Райтоном. Сам он владеет Дотоном. Каждая маска может отделиться от тела и действовать автономно. Разрушив маску, он может спастись от смерти. Считай, у него пять жизней.

— Все это ты смог узнать за время битвы? Впечатляет, — уважительно произнесла Мейро, и я не стал упоминать, что многое знал о Какузу еще до встречи с ним. — Понятно, почему его часто называют бессмертным.

— Сомнительное бессмертие. Хотя я уверен, что многие бы не отказались и от него.

— Наверняка, — тяжело согласилась Мейро, встав справа от меня и нежно обхватив мою ладонь своей. — Никто не любит умирать.

Слегка наклонившись, чтобы посмотреть на прижавшуюся ко мне женщину, выглядящую, как шестнадцатилетняя девчонка, я с сомнением произнес:

— Не нравится мне твой настрой.

Чувства подсказывали мне, что сейчас мою спутницу одолевают не самые светлые эмоции.

— Ты побывал в том мире, — после долгой паузы, наполненной шумом разбивающихся о мелкую гальку берега волн, нарушила молчание Мицуко. — Как там?

— Пусто и серо. Хотя я побывал только в начале пути.

— Путь к Чистому миру долог, — негромко прошептала женщина. — Не будь так, может быть, я бы уже ступила на него сама...

— Мицуко...

— Чи-тян. Ты еще помнишь, что я когда-то называла тебя так? А я была Рейко. Я помню. Это было... — Мицуко запнулась, судорожно вздохнув и крепко сжав мою руку, — было прекрасное время, я не хочу его забывать. Я хочу помнить большую часть тех сорока пяти лет, которые я прожила. Но, как ты правильно говоришь, одна ложка дегтя может испортить бочку меда. Тринадцать первых лет моей жизни все портят, всю мою жизнь.

Мейро замолчала. Я ждал, пока она договорит, не мешая ей собраться с мыслями.

— Многие ждут бессмертия, Чи-тян, а я боюсь даже умереть, не то что жить! — горько произнесла, наконец, женщина. — Я знаю, что там я останусь самой собой! Смерть не изменит прошлого! Чи-тян, когда я буду не нужна тебе, позволь мне призвать Моому. Узумаки утверждают, что этот демон стирает всю память. Это то, чего я хочу.

Удрученно покачав головой, я нежно прикоснулся к лицу Мицуко и стер блестящие в зыбком лунном свете дорожки злых слез.

— Давай присядем, — создав кусок плотной ткани и постелив его на землю, предложил я.

Мейро повиновалась автоматически, все так же стараясь не смотреть на меня, но не отпуская моей руки. Не уверен, но похоже, что в нынешнем состоянии Мейро невольно виновата Илма. Не знаю, о чем две женщины говорили, но Ринха своей историей смогла разбередить застарелые раны в душе Мицуко. И теперь мне нужно что-то срочно придумать, чтобы успокоить ее.

— Я не в праве распоряжаться твоей жизнью, — продолжил говорить я, опустившись на покрывало. — Твоя жизнь лишь твоя. Но совет все-таки я дать тебе могу. Помнишь, когда мы создавали основы Рюджинкё, я настоял на том, что Бог-Дракон — это не высшее существо, есть Бог выше него. Этот Бог существует везде, но главное, и в твоей душе тоже он есть. У человека нет никого ближе, чем Бог. Однажды ты оставишь позади этот мир, и Чистый Мир тоже, и останешься наедине сама с собой и Богом. Твоя оголенная душа забудет весь тлен мирской, но все, что ты прожила, останется с тобой, твоя душа будет отражать все пережитое тобой. Можешь назвать это кармой. Забыв прошлое, ты не решишь проблему, только отложишь ее на потом, не сможешь обмануть себя и Бога в себе. И следующая жизнь снова принесет боль. Ад, Мицуко, не на пути к Чистому Миру. Ад вокруг нас. Ад и путь к спасению одновременно. Храбр не тот, кто бесстрашен, а тот, кто победил страх. И праведен не тот, кто сторонится зла, а тот, кто борется с ним.

Приманив к себе с помощью Дотона примеченный ранее кецурьюганом камешек, я поймал его свободной рукой. Этот кусочек желтой застывшей смолы почти затерялся в серой гальке, но таких здесь было много. Янтарный залив не зря получил свое название, хотя янтаря здесь не было, зато было в достатке похожего на него материала — копала.

— Ты, как этот камень, — показал я Мейро найденный окатыш. — Душа твоя полна запечатанных в ней соринки и пузырьков — тех воспоминаний, от которых ты хочешь избавиться, но которые навсегда отпечатаны в тебе. Чтобы очиститься, нужно победить себя.

Под давлением моей чакры застывшая смола размягчилась, заключенные в ней пузырьки воздуха ринулись наружу, соринки посыпались вниз. Спустя секунду в моей руке остался идеально ровный и чистый шарик копала.

— Если хочешь по-настоящему избавиться от прошлого, ты должна изменить себя, в своем настоящем исправить огрехи в себе.

Осторожно взяв из моей руки желтый шарик, Мицуко посмотрела сквозь него на Луну, словно оценивая его чистоту.

— Никто, кроме тебя, не способен сделать это. Я могу лишь помочь. Но выбор за тобой.

Мицуко так и ничего не ответила в тот вечер. Прижавшись ко мне, она так и уснула. Обняв тихо посапывающую женщину, я некоторое время молча смотрел на неполный диск Луны в небесах.

— Может, план Мадары не так уж и плох для этого мира?

Глава 21. Насущные проблемы

2 октября 45 года от начала Эпохи Какурезато

Давно со мной такого не было, но... Кажется, у меня начинает болеть голова. При чем состояние тела в норме, и болеть-то ничего не должно, но неприятное ощущение имеется, и оно похоже на то, что раньше, еще в прошлой жизни, воспринималось мною, как головная боль. Понятно, что ее этиология не физического характера. Мое тело очень своеобразное, в молодости оно доставляло немало проблем, когда я не мог сформировать достаточное количество физической энергии для чакры. С тех пор эту проблему удалось сгладить, но ее причина сохранилась, потому что она в самом моем кеккей генкай, в силе Белого Змея.

Этот геном делал тело носителя пластичным, подверженным изменениям. То, что раньше, в первые годы появления в этом мире и этом теле, мне казалось естественным, сейчас, после длительного и тщательного наблюдения и изучения, уже выглядит крайне поразительным. Тело Белого Змея имеет психосоматическую пластичность, оно может меняться под давлением разума в широких границах. Именно так у меня получалось с раннего детства синтезировать самые разнообразные вещества, изменяя секрет слюнных желез. И, основываясь на том же методе, канонный Орочимару мог использовать свою технику реинкарнации, поглощая чужие тела и присваивая в процессе чужие способности.

Правда, помимо всяких полезных свойств, эта сила имела и странные побочные эффекты. Вот, например, сейчас, несмотря на полное физическое здоровье, я испытываю фантомные боли, от которых не могу избавиться, даже синтезировав в теле анестетики. Похоже, физический мой организм имеет сильную обратную связь с телом чакры, и фантомные боли приходят именно от него. Проблемы я замечал еще раньше, когда создавал большое количество теневых клонов и заставлял их много думать, но боли тогда не было. Сейчас же либо сказывается постоянное разделение на несколько клонов и недостаток сна, либо мое недавнее путешествие в загробный мир, либо то, что я вынужден заниматься не самым приятным для себя делом. Хотя, скорее всего, виноваты все и сразу, как это обычно и бывает.

Бесконечные собрания, совещания, планирование. Как бы я ни старался дистанцироваться от управления страной и делегировать свою власть доверенным лицам, но их работу все-таки нужно постоянно координировать и направлять. Пусть они лучше меня разбираются в своей сфере деятельности, но все они, в отличие от меня, люди серьезные и мангу не читали. Хотя у них и возможности такой не было, иначе даже в таком виде никто бы, наверное, не отказался узнать свое будущее.

Возвращаясь к теме неприятных забот. Очередное совещание, уже с представителями Отогакуре, то есть армии Страны Звука, завершилось только что. Нужно было скорректировать планы с учетом принятых вчера экономических решений. А после обеда мне нужно встретиться с кланом Ибури и управлением разведки. Не тем, которое занято военной разведкой и на местный лад называется Секко Кёку, и штаб которой находится в Отогакуре, а гражданской ее версией, Тантей Кёку, в которой было больше обычных людей, чем шиноби, и которая специализировалась на внутренней безопасности, шпионаже и подрывной деятельности на территории вероятного противника.

Как и в любом нормальном человеческом обществе, конфликты в этом мире решались не только грубой силой, не всегда нужны были шпионы. Политических целей можно

добиться, используя финансовые и информационные методы воздействия: подкуп, подстрекательство, пропаганда и прочее. В более или менее привычном мне виде это управление заработает, когда получится ввести средства быстрого распространения информации, но и сейчас без него уже не обойтись. Причем не только для нападения, но и для защиты. Не я один такой умный, дайме великих стран тоже не прочь воспользоваться доступными непосредственно им средствами воздействия на соседей.

В последнее время, например, мои люди начали фиксировать, что иностранные торговцы и прочие деятели начали вести не только разведывательную деятельность, но и устанавливают контакты с учениками университета. Дайгакурё — одно из двух на континенте крупных учебных заведений, выпускающих квалифицированных специалистов в самых разных областях. Учреждение это дорогое в содержании, каждый выпускник его дорого обходится казне. И очень обидно, когда некоторые из них, получив пропуск в жизнь, предпочитают начать работать в другой стране. Утечка мозгов — это, фактически, утечка инвестированных в людей огромных сумм денег.

Впрочем, пока я соблазвившихся чужими посулами юных специалистов не останавливаю. Мои люди стараются их своевременно перехватить и различными способами принудить к сотрудничеству, иногда даже не осознанному. Вскоре, когда получится увеличить штат преподавателей в Дайгакуре, думаю, можно будет официально открыть набор студентов из-за границы, на платной основе, конечно. Пусть дайме и прочие феодалы отправляют своих людей и за свой счет обучают будущих агентов моего влияния. Даже если не всех, но пару-тройку из них тайно завербовать получится.

Пока общество не перенасыщено образованными инженерами, экономистами и прочими юристами, с их знаниями выпускники университета становятся пусть не всегда заметными, но имеющими определенное влияние людьми. Кто знает, когда и как они мне могут пригодиться.

— Рюдзин-сама? — гулко позвал меня человек, обладающий глубоким, слегка осипшим голосом.

Акай Куроба, массивный на вид, но на удивление пластичный и ловкий в бою шиноби с громоздким мечом за спиной. Нынешний владелец Кубикирибочо получил в новой системе рангов Отогакуре звание Шинобигашира и входил в состав военного командования, а именно генерального штаба или, если на местный лад, то в Хомбутагэ. Мицуко-Мейро, несмотря на множество положительных качеств, была не самым лучшим полководцем и оперативным управленцем. Она хорошо справлялась с должностью военного министра, или в местных реалиях точно ее должность можно перевести как начальник Главной ставки или Военного министерства, называлось это образование Рюэй.

Если последний орган больше взаимодействовал с гражданской властью и занимался административным управлением армией: выработкой военной политики, социальным обеспечением армии, ее устройством и поддержанием боевой готовности, то Хомбутагэ больше было оперативным управлением. Шиноби в нем занимались координацией деятельности разных отрядов и управлений, стратегическим планированием применения войск, организацией их развертывания.

В общем, не знаю, как там в другом знакомом мне мире, но в этом как-то само собой получилось такое разделение полномочий. С введением новой полноценной армии увеличилось количество разных, можно сказать, родов войск, появились специализированные отряды, полностью исчез привычный по Конохе тип организации

военной структуры шиноби, берущий начало еще в клановой системе. Теоретически это должно было улучшить боевую эффективность армии, но, чтобы управлять ею, пришлось увеличить управленческий состав, также введя в систему новые структуры. С нынешним уровнем технологического развития при увеличении сложности какой-то структурированной общности людей так или иначе появляется и разрастается бюрократический аппарат. Похоже, это неизбежно.

— Говори, Куроба, — разрешил я шиноби.

— Я насчет самураев, — сев в кресло справа от меня, начал Акай, — Страны Гор.

Подошел ко мне Куроба сразу после окончания совещания, потому находились мы там же, где оно проходило — в одном из помещений административного корпуса Отогакуре, небольшом зале с овальным столом. Акай навалился грузным телом на черную деревянную столешницу и старался говорить негромко, явно сам еще не уверен в целесообразности своего предложения.

— Я понимаю, что контроль над перевалами нужен нам, — рассудительно произнес Куроба, — но Утау тоже прав, что пути через горы нужны не только нам. Скрытый Водопад уже вторгнулся на территорию Страны Гор, а после покушения на Хашираму, где Водопад — там и Лист. Коноха уже заглядывала к нам и обязательно повторит визит, если мы сунемся в горы. А если в Стране Гор появится Коноха, то и Ива тоже. О чем бы ни получилось договориться с Оноки во время вашей встречи в Санро, Оноки сможет нарушить соглашения, не потеряв лицо.

Задумчиво поскребя щетину, Куроба несколько секунд размышлял над следующими словами, чему я не мешал. Акай, вообще, человек спокойный и основательный, если нет реальной угрозы жизни. Учитывая, что в клане Куроба много людей типологически похожих на род Райкаге, известный буйным характером, особенно интересно наблюдать настолько спокойного здоровяка.

— Мой клан давно сотрудничает с самураями, и у нас есть кое-какой вес в Бакуфу Санро, — произнес наконец Акай, прямо посмотрев на меня. — Дайме Мифуне сам воин. Правительство Страны Железа — правительство воинов. С ними можно и нужно говорить не только Кейдзану. Я предлагаю вести переговоры с ними моему клану вместе с людьми дайме. Самураям так же нужна Страна Гор, но у них не достаточно сил, чтобы в случае конфликта ее защищать. Зато у них меньше шансов попасть в такой конфликт. Страна Железа известна своим нейтралитетом, и во время войны для шиноби, скорее всего, будет нецелесообразно нападать на самураев, если они возьмут под защиту новые земли. Однако Мифуне можно убедить, что ему будет не лишней наша помощь, если на них все-таки нападут.

— Предлагаешь отдать Страну Гор самураям на условиях беспрепятственного доступа туда сил Отогакуре и льгот для торговцев? — примерно догадался я, к чему клонит Куроба.

— Мифуне — не обычный феодал, ему можно доверять. Главное, чтобы он сам счел нас достойными своего доверия. Простите, Рюджин-сама, если моим слова покажутся вам обидными.

— Извинения тут лишние. В чем-то ты прав.

Хотя у меня большого доверия к Стране Железа все-таки нет, в отличие от Акая, но должен признать, что правительство самураев отличается от дайме в лучшую сторону. Конечно же, не настолько, чтобы я согласился отдать им важный транспортный узел в виде Страны Гор. Для меня, может, и не проблема мобилизовать сотню шиноби и пробить

туннель в горах, но толку от этого не так много. По крайней мере, пока не появится что-то вроде железнодорожного транспорта и всей инфраструктуры к нему.

Страна Гор хороша не только ущельями, но и готовой транспортной инфраструктурой, деревнями и городами вдоль торговых путей. Но самое главное, что в Стране Гор начинаются три реки: Бандзе, Хокка и Акаю. Все они так или иначе судоходные, пусть и не сразу от гор. По рекам транспортировать товары пока гораздо быстрее и выгоднее, чем по дорогам. Для меня самое важное — это пути на запад континента. И почти все они так или иначе проходят через Страну Гор. Даже если пускать товары через Страну Земли, по их речным системам, то все равно нужно будет сначала отправлять караваны к Стране Гор, оттуда по рекам Страны Водопада в море, и уже потом по рекам, а затем по трактам через Страны Птиц и Овощей в Роуран и дальше на юг. Этот маршрут хоть и длинноват, но зато проходит по более спокойным регионам, им во время Второй мировой пользовались для сообщения с Роураном, только в конце товары пускали через Страну Тишины.

И, казалось бы, для него гораздо проще сразу грузить товары в портах Страны Звука, но торговцы в них заходят крайне неохотно из-за красочного побережья Страны Мороза, где в будущем может появиться Седьмой Фронт во время Четвертой мировой войны. Ядовитые испарения от розовой глины, которая покрывает те берега, часто смешиваются с туманом и идут в море. Чтобы их пройти, нужно нанимать дополнительных людей, способных управлять чакрой. Такие издержки выходят более накладными, чем крюк по суше через Страну Гор.

В общем, Страна Гор — самая приоритетная цель для захвата и ассимиляции. И единственной альтернативой ей являются порты на восточном побережье Страны Горячих Источников, но там Страна Воды и ее каперы. Этот путь тоже используется, но очень ограниченно. Когда-то их все-таки придется развивать, нужно расширять водородные заводы, а то нынешние мощности скоро уже перестанут справляться с покрытием потребности. Но сначала нужно разобраться с Молнией и Водой, которые сами пытаются сейчас там производить водород. Без особого успеха, конечно, так как в регионе после демилитаризации Югакуре тот еще хаос.

— В твоих словах есть рациональное зерно, Акай, — тем временем ответил я молчаливо ожидающему Куробе, — но отдавать целиком Страну Гор самураям я не готов. Регион особый и с падением Кагеро он неизбежно стал бы местом раздора. Мне кажется, участие в переговорах с самураями о судьбе территории Страны Гор нужно включить представителей шиноби, тут ты прав полностью. Раз предлагаешь свой клан, то я не против. Но задача у вас будет следующая: необходимо создать на месте Страны Гор совладение Стран Железа и Звука.

На несколько секунд я замолчал, давая время Куробе переварить услышанное, а себе — оформить свою идею.

— Пока мне видится это так. Управление хозяйственной деятельностью на территории можно оставить представителям нынешней власти Страны Гор, как нейтральной стороне. Пусть они будут подотчетны Кейдзану и Бакуфу Санро, если нас что-то не устроит, найдем кого-то более сговорчивого. Военное же управление оформить следующим образом: организовать два, например, сводных полка из шиноби Отогакуре и самураев. Командовать одним полком будет кто-нибудь из наших с заместителем от Мифуне, вторым — наоборот. Вчерне, примерно так. Обсуди это с Мейро и прочими из ставки, насколько вообще возможно нечто подобное с их точки зрения. Готовый проект потом предоставишь мне.

— Понял, Рюджин-сама, — немного ошарашенно ответил Акай, не ожидавший, что из его идеи может получиться нечто столь странное.

Хотя, на самом деле, ничего странного нет. Для воплощения моей идеи Страна Железа, как самостоятельный субъект политики, под боком у Страны Звука мне не нужна. Но и от ее разрушения я ничего не выиграю. Мирное поглощение стало бы идеальным решением, но оно почти невозможно. По крайней мере, на данный момент. Нужно, чтобы самураи, вольно или невольно, сами не видели альтернативы глубокому союзу и интеграции двух стран. И на этом пути совладение над территорией Страны Гор может стать первым шагом. А промежуточной целью я, пожалуй, поставлю создание теократической унии Стран Звука и Железа с собой во главе. Это минимально необходимый уровень сотрудничества государств для меня, чтобы самураи не стали потенциальной угрозой моим планам, а сама Страна Железа не утратила полностью своих выгод от нейтрального положения.

— Акай, ты будешь ответственным за организацию совладения над Страной Гор, — обрадовал я шиноби новостью. — Даю неделю, чтобы оформить план действий. Я попрошу Мейро найти тебе людей в помощь. Можешь обращаться ко мне в любое время, если будут вопросы. И не бойся признавать ошибки, если они будут, дело для всех нас новое, поэтому за просчеты наказывать не буду, зато исправлять их нужно будет вовремя. Если справишься, то считай, что выполнил две миссии высшего ранга.

— Я понял, Рюджин-сама, — серьезно ответил Куроба, поднимаясь со стула. — Тогда мне пора за работу.

— Иди.

Проводив взглядом направившегося к выходу Акаю, я только тяжело вздохнул. Вот и от такой работы у меня тоже голова побаливает. Думать приходится слишком о многом, учитывать множество важных факторов: от политики до потустороннего мира. И это только в основном теле, а ведь есть еще Омушимару, ведущий поиски Корьюзана и путей в Редаку, есть Охеми в Конохе, Увабами в Кумо, Кёда в Кири, которые тоже не без дела сидят. Я дал поручение Кейдзану начать постепенно вводить нормированные рабочие день и неделю, чтобы прийти постепенно к привычным мне восьмичасовому рабочему дню и сорокачасовой рабочей неделе. И, похоже, мне самому пора бы укладываться в эти нормы. Отдых — важная часть продуктивной работы.

И на самом деле, это не меня одного касается, но и многих шиноби. Хотя им тут всем, несмотря на идеологическую накачку, нужна в каком-либо виде психологическая помощь, а не просто отдых. Когда я был простым ниндзя, то свободного от миссий времени было достаточно. Но в прошлой жизни, хоть об этом не принято было говорить, но ветераны боевых действий часто имеют проблемы с психикой, о которых они просто не могут рассказать другим, снять тяжесть с души. Просто потому что собеседник, не причастный к боевому братству, не поймет. Как результат, например, в одной из развитых стран, являющихся стратегическим противником моей родины в том мире, каждый день заканчивали жизнь самоубийством около двадцати ветеранов. Что им, что местным шиноби простой отдых, пожалуй, уже не поможет.

В Отогакуре роль психологической помощи играет Рюджинке и жрицы. В Кумо есть отдельные комиссары, занятые психологическим здоровьем бойцов, в Кири и Конохе помимо духовных практик стресс снять помогают бордели и проститутки с гейшами. Но, например, Мейро вряд ли может помочь что-то из выше перечисленного. И ее вчерашняя просьба — это моя отдельная головная боль, которую нужно решать. На этом фоне всякие

детские претензии со стороны змей и Курамы бесят даже меня.

Кстати, о Кураме.

— Мне, пожалуй, тоже пора за работу, — с неохотой пробормотал я, поднимаясь с кресла.

Так как сейчас я находился в Отогакуре, то добраться до полигона содержания Курамы было просто и быстро. Всего несколько рывков с помощью Шуншина, и я уже возле барьера, скрывающего Кьюби.

— Приветствуем, Рюджина-сама! — почти синхронно поприветствовали меня шиноби, охраняющие местность.

— Дейтан? Сегодня твой взвод сюда направили, — увидев знакомое лицо, заметил я. — Не дали, значит, отдохнуть после ротации.

— Все в порядке, Рюджин-сама! — благодушно ответил шиноби средних лет с коротким ежиком черных волос на голове, явно довольный, что я его помню. — Дежурство здесь не сравнить с побережьем. Гораздо спокойнее и дом рядом.

— Ты, главное, не расслабляйся, — хмыкнув, посоветовал я ниндзя. — Твоя команда прекрасно справляется с обслуживанием барьеров, но это не повод работать спустя рукава. Даже если барьер в границах деревни.

— Так точно, Рюджин-сама!

— Ладно, не мне тебя учить. Твой клан Ямала со мной дольше, чем многие другие. Сомневаться в вас у меня никогда повода не было.

— Благодарю, Рюджин-сама!

Кивнув, почтительно поклонившемуся шиноби, я больше не стал задерживаться и прошел за туманную пелену барьера.

Все-таки с дисциплиной у меня в деревне все гораздо лучше, чем в Конохе. Хотя там я всего лишь генин, а здесь аж цельный бог, но все равно вымуштрованы местные шиноби в основной их массе качественнее. И вот в эту общность мне нужно ввести Кураму.

Как раз на этой мысли я преодолел границу барьера и в полной мере оценил размеры грядущих забот. Неимоверно гигантская прорва чакры, сжатая до размеров внушительных объемов холмика, и ее предстоит запихнуть в пределы человеческого тела. Настолько сконцентрированная мощь, связанная с мало контролируемой ненавистью, оказавшись в человеческом теле со всеми его биохимическими механизмами регулирования поведения, может принести немало проблем.

Даже если Кьюби будет всецело готов к сотрудничеству, всем своим сердцем будет стараться быть мирным лисом, то все еще нельзя забывать об аномальном влиянии Луны на биджу. Пообщавшись с Югито, я смог узнать, что Мататаби не понимает причин своего буйства. Некие сезонные обострения латентной психопатии, которые проявляются обычно в сентябре, во время Цукими. В Кумо и Суне об этом знают, так как там похуже запечатывающие техники и способности джинчурики, а вот в Конохе Мито и Кушина слишком хорошо сдерживали Кьюби. Поэтому его внезапная атака на Узумаки изнутри нее самой в самый неподходящий момент была неожиданностью. Иначе б Кушину в такое время держали в изоляторе, как и Бунпуку в свое время.

А моя идея социализации Курамы предполагает влияние на него человеческого тела, чтобы биджу сам мог в полной мере понять человеческие чувства. И тут есть опасность, что Кьюби начнет не любовью и чувством товарищества наполняться, а поддастся типично человеческой агрессии. Или еще каким нежелательным страстям. Я прекрасно помню свое

состояние при первой смене тела в этом мире, когда душа интегрировалась в новый носитель и разум в полной мере ощутил гормональный удар. Последствия этого инцидента были очень неоднозначными, повторения чего-то подобного с Курамой очень не хотелось бы.

Признаюсь, никогда прежде передо мной не стояло задачи адаптации разумных бестелесных существ к привычному для людей биологическому существованию. Я могу только предполагать, какие изменения будет он переживать, или будут ли они вообще. Особенно интересно, насколько гормональная регуляция будет сказываться на поведении биджу? Как будут взаимодействовать сознание Кьюби в чакре с мозгом в биологическом теле? Как повлияют на это взаимодействие искусственно собранные мною в мозге нейронные связи, отвечающие за моторные, сенсорные и некоторые другие функции. В нейрофизиологии я разбираюсь не слишком хорошо, поэтому большую часть нейронных сетей просто копировал с себя в процессе создания клона и мог напортачить. Если бы это тело использовал я сам, тогда проблем бы не было, но у нас иная ситуация. И все-таки мы не призванную душу в моделирующее оригинальное тело ниндзюцу впахиваем, как при Эдо Тенсей, случай Курамы — это уникальный, но опасный опыт. Главное, не говорить самому Кураме, что он сейчас в моих глазах не Демон-Лис, а лабораторная мышь. Как есть обидится.

Зато теперь, при тщательном размышлении, мое импульсивное решение запихнуть Кьюби в женское тело приобрело логичную основу. Человеческие самцы и самки по природе своей одинаково часто проявляют агрессию, но делают это по-разному. Мужчины склонны к прямой физической агрессии, а женщины — к косвенной. В большей мере это обосновано культурным фоном и психологией, но на характер агонистического поведения влияет и биохимия, в частности чувствительность рецепторов гормонов-андрогенов и количество этих самых гормонов.

Я примерно представляю, как на генетическом уровне снизить склонность к агрессии, но полностью устранять ее в теле для Кьюби пока не счел нужным: опыт будет слишком ненатуральным и рафинированным. Но если есть шанс снизить вред от способов высвобождения гнева и злобы Кьюби, то почему бы им не воспользоваться? Мне будет спокойнее, если Курама будет не в драку рваться, а вербально с кем-нибудь делиться своим негодованием. Это тоже небезопасно, но не настолько, как буйство биджу. И вместо того, чтобы создавать некое андрогинное недоразумение в качестве тела для Девятихвостого, эксперимента ради его пока лучше запихнуть в почти полноценную женщину, а дальше уж как пойдет.

При интеграции ядра печати с биджу в кейракукей на то место, где обычно чакра матери соприкасается с чакрой плода, получится даже избавиться от перепадов настроения, к которому бывают склонны женщины из-за месячных циклов.

В конце концов, если проводить аналогию с одеждой, то для Кьюби тело было лишь кимоно. Изгвазданным в нечистотах тряпьем, если быть точным. Поэтому самому Кураме было абсолютно без разницы, как именно это тряпье выглядит.

Несмотря на то, что я не смог вчера поговорить с Кьюби лично, зато сделал это через Отохиме. Все-таки лис согласился на эксперимент с человеческим телом, выставив несколько дополнительных условий: никаких джуиндзюцу на нем, никаких ниндзюцу, фуиндзюцу тоже в минимально необходимом количестве. Еще он хотел иметь возможность в любой момент по собственному желанию избавиться от человеческого тела.

Против этих условий я не возражал, и, так как содержать биджу в этом барьере становилось слишком трудозатратно, откладывать ритуал вселения не стал. К моему приходу мико из храма Кумотори как раз успели доставить и подготовить к имплантации чакры тело. Занимались этим именно они, потому что умели управлять природной энергией с помощью моих печатей и могли без лишнего оборудования поддерживать бездушный организм в вегетативном состоянии. Да и потом именно на Кумотори первое время будет находиться Курама: под наблюдением Отохиме, Узумаки и мико, а так же под прикрытием лучших маскирующих барьеров в Стране Звука. Пусть Кьюби и будет похож на человека, но пока он научится управлять своей чакрой в новом теле и как-то ее подавлять, чтобы не быть раскрытым первым же ниндзя, пройдет некоторое время. На адаптацию тела к чакре тоже время понадобится. Да и вообще нужно будет последить за его поведением, прежде чем выпускать к шиноби, сможет ли он нормально себя вести среди людей. Потому что есть все основания полагать, что с этим у него могут быть проблемы.

Вот, например, сейчас мне не очень понравился взгляд, которым Курама сверлил безвольно лежащее на отрезе грубой ткани тело женщины в типичных одеяниях мико. Ничего особо примечательного в нем не было: никаких выдающихся форм, неброское лицо, волосы только необычного характерно лисьего цвета.

— Тебе оно не нравится? — спросил я у Кьюби, жестом приказав встрепенувшимся при виде меня шиноби и мико заниматься своими делами и не отвлекаться. — По-моему, тело для тебя получилось вырастить вполне неплохое. Если уж выбирать, то что-то миленькое.

Переведя тяжелый взгляд с девушки на мою персону, Курама посмотрел на меня как на идиота.

— Не понимаю, что милого можно увидеть в этом куске мяса, и чем один кусок мяса может быть милее другого, — вибрирующим низким голосом брезгливо ответил мне Кьюби. — Хотя это убогое недоразумение выглядит даже более отвратительным, чем многие другие люди. Ты не мог создать что-то, выглядящее не как травоядная тщедушная тварь?

Еще раз окинув взглядом созданное мною тело молодой женщины, обладающей, к слову, достаточно крепким телосложением для местных, страдающих почти вечным недокормом жителей, я с сомнением покосился на Кьюби. Похоже, для него все люди, что для нас шимпанзе. Становится ему обезьяной неприятно, но при этом больше нравятся приматы помассивнее. Но помассивнее — это, считай, агрессивнее. А это уже не нравится мне. Да и вообще никому в этом мире не понравится, всем хватает и обычной ненависти биджу ко всему человечеству в общем и шиноби в частности.

— Ты так на любого человека смотришь? И Хагоромо с его семьей для тебя тоже были кусками мяса? — решил полюбопытствовать я, и мой интерес вызвал справедливую негативную реакцию со стороны Кьюби.

Ощерившаяся гигантская пасть и вздыбившая шерсть на огромном звере слегка нервировала, но, к моему удивлению, Курама быстро успокоился. По крайней мере, бросаться он на меня не стал. Зато, все еще сверкая глазами, Кьюби негромко процедил:

— А когда ты смотрел на свою мать, ты видел кусок мяса?

— Ох, прости, похоже, я неправильно тебя понял, — примирительно сказал я. — И до сих пор не понимаю, если честно. Что тогда такого неприятного в том, чтобы занять человеческое тело? Ты ведь останешься самим собой, нет?

— Люди мелкие, слабые, презренные существа. Старик сотворил меня таким, какой я есть, и становиться таким ничтожеством... Гр! — в голосе Кьюби проскользнул слабо

подавляемый гнев.

— Презренность людей своим презрением к ним ты не исправишь, — заметил я, — потому что эти слабые ничтожества сначала взяли тебя под контроль, а потом и запечатали, присвоив твою силу. Я не судья, я не могу рассудить, кто был виноват во вражде между биджу и людьми. Как всегда, наверное, обе стороны не без греха. Но обоюдная ненависть будет рождать лишь новую ненависть, порочный круг нужно разорвать.

— Ты предлагаешь мне простить их?! — словно не веря в то, что произносит эти слова сам, прохрипел Кьюби. — Может, моя память не слишком хороша, но то, как я жил в джинчурики, я помню очень хорошо! Даже сейчас я чувствую ту боль, которой меня связывает печать в Кушине! И она наложена тобой!

Нахмурившись, я наблюдал, как огромные глаза Курамы передо мной засверкали бешенством. Недовольно цокнув языком, раздраженный больше на себя, чем на Кураму, я выпустил сакки, сконцентрировав максимально возможное духовное давление на Кьюби. Этот прием требовал от меня особого ментального настроя, не обычной для шиноби кровожадности и жажды убийства, а осознания неотвратимости небытия для всего, что окружает меня. Я словно возвращался к той форме своего существования за гранью жизни, с высоты которой обычное человеческое существование было уже обреченным на тлен мгновением.

И даже бессмертный, казалось бы, биджу, на самом деле, был крупинкой под жерновами мироздания, которое в какой-то момент неизбежно перемелет и его.

— Успокойся, Курама, — спокойно попросил я застывшего биджу, гримаса на морде которого как-то мимолетно начала отражать не ярость, а, скорее, страх. — И прости, я не думал, что печать может доставлять тебе неприятные ощущения. Надо подумать, как можно это решить.

Мелкая дрожь прошла по телу Девятихвостого, который словно пытался стряхнуть с себя липкие прикосновения. Ему удалось быстро справиться с моим сакки, но оно все-таки смогло его вразумить и заставило остыть. Поерзав на месте, будто устраиваясь поудобнее, он разлегся на животе и опустил массивную голову на лапы, чтобы снова вперить меня подозрительный взгляд.

Постепенно снизив до минимума давление сакки на Кьюби, я позволил ему прийти в себя, внимательно следя за его поведением.

— Как это решить? — после паузы произнес Курама, словно ничего и не произошло. — Зачем вообще нужно было делить мою силу?

— На то было много причин. Во-первых, Кушина была при смерти, при выходе из нее ты разрушил многие меридианы. Чтобы спасти ее, пришлось вернуть хотя бы часть твоей чакры. Во-вторых, мне не выгодно, чтобы кто-то знал, что в Отогакуре есть биджу. В-третьих, мне не выгодно портить отношения с Конохой еще сильнее, чем сейчас. В четвертых... — я задумчиво посмотрел в алые глаза биджу. — В четвертых, есть еще несколько малозначимых причин, вроде необходимости мне лояльного джинчурики в Конохе. А что касается боли от печати, то, может, попробуешь поговорить с Кушиной, чтобы она ослабила печать? Позволь ей пользоваться частью твоей силы в обмен на большую свободу.

— Договариваться с пленителем хуже, чем сдаться победителю!

— Тебе-то сейчас какая разница? В Кушине только половина тебя, но в твоих интересах, чтобы все считали, что ты в ней весь. Ты здесь и ты в Кушине связаны. Пока ты живешь в

Стране Звука и можешь жить не хуже ничтожных людей, так ли уж важно, в заточении ли твоя вторая половина? Главное, избавиться от главных неудобств. Да и стоит смотреть на проблему шире. Тебе нужна спокойная жизнь, но ее не добиться, просто ожидая момента, чтобы вырваться на свободу. Люди помнят буйства биджу и причиненные вами смерти — ты помнишь боль и унижение, причиненные ими. Круг ненависти не разорвать, не научившись прощать. Простить нельзя, не начав говорить. Хотя у тебя есть еще вариант — попытаться убить всех людей, но даже с учетом твоего бессмертия, шансов у тебя не много.

— Люди могут и сами уничтожить себя, — презрительно фыркнув, прокомментировал Кьюби.

— Ждать, пока мимо проплывет труп врага — тоже стратегия, — не стал спорить я, — но ты же не Чомей, чтобы на полном серьезе верить в такую свою удачу? Выгоднее из врага сделать если не друга, то союзника. Люди слабы и ничтожны, но они компенсируют слабость умом, хитростью и подлостью. Чтобы не проиграть им, не обязательно перенимать все их черты, но их нужно знать. Хотя, может, ты и так все знаешь, вроде, сам не дурак и умеешь оценивать силу. Ты не бросился на меня при первом взгляде, когда вырвался из Кушины. И ты не ринулся сломя голову в бой, как это сделал бы любой другой биджу, при встрече с Мадарой, когда он пришел, чтобы захватить тебя. Почему?

Ответил Курама не сразу, несколько секунд он молчал, все так же подозрительно рассматривая меня и прижав длинные уши к голове.

— Мадара был таким же слабаком и ничтожеством, как прочие люди, но он был опасен, — наконец, нехотя признал он. — Чакра в его глазах мне не понравилась сразу. Твоя чакра тоже опасна, напоминает Хашираму. Но эмоции напоминают Мадару. Вы оба были слишком уверены в том, что не проиграете.

Я с любопытством посмотрел на Кьюби, который немного подобрался и нервно подергивал хвостами. Кажется, мои слова его немного обеспокоили, но готовности нападать в нем не видно. Поэтому я решил, что можно полюбопытствовать еще.

— Я надеялся, что ты понял, что несмотря на осознание своей слабости перед биджу, и я, и Мадара, и Хаширама имели шансы на победу, так как знали твои слабости и могли победить не силой, а хитростью, — негромко, так, чтобы слышал только Кьюби, уточнил я. — Но раз уж ты упомянул чакру, то мне стало интересно. Мадара и Хаширама. Их чакра похожа на ту, что имели Индра и Ашура?

В этот раз Девятихвостый молчал дольше, и хвосты его подрагивали гораздо интенсивнее.

— Теперь, когда ты сказал об этом, я припоминаю, что они могли чем-то напоминать друг друга, Мадара и Индра, — наконец, медленно ответил лис. — Хаширама и Асура... Не уверен. Но ты спросил не просто так, значит, должны быть похожи? Ты слишком много знаешь. Про старика и про его детей. Даже про меня.

— Заглянул в прошлое, что в этом такого необычного? — с легкой досадой отмахнулся я.

А ведь я уже думал, что теперь найти Ашуру будет легче легкого. Он ведь может и среди кучи Узумаки в Отогакуре родиться. Выявить такого уникама заранее было бы, по-моему, бесполезно. С другой стороны, схожесть чакр Индры и Мадары уже хоть что-то.

— Ладно, это не так уж и важно, — все еще с чувством сожаления произнес я. — Мы вообще говорили не о том. Так вот, еще со времен нахождения в Ашуре, ты должен был бы догадаться, что даже заведомо более слабый способен победить сильного. И, в отличие от

Мадары, Ашура использовал не хитрость. У младшего брата не было шансов победить старшего, если бы не ты, если бы не поддержка его сторонников и отца. Несколько шиноби способны победить тебя и любого другого биджу. Поэтому стоит подружиться хотя бы с частью шиноби. Начни с Кушины и Отогакуре. Пойми их и дай понять себя, докажи самому себе и своему старику, что ты не просто сгусток чакры, что ты сильнее и выше людей и можешь преодолеть самого себя, подавив ненависть первым.

Молча выслушав мою тираду, Курама шумно вздохнул, прикрыв глаза. И только спустя минуту, вновь открыл их, несколько секунд посмотрев сначала на безмятежно медитирующую Отохиме в окружении мико, затем на ожидающее его тело, он с открытой неприязнью и нехотя все же произнес:

— Хорошо. Я готов.

— Отлично, — даже с некоторым облегчением ответил я.

Все-таки, несмотря на то, что я уже некоторое время общаюсь с Курамой через Отохиме, но все равно не могу полностью понять, что творится в его душе, и что он может учудить. С людьми такое тоже часто происходит, но у них хотя бы мысли можно прочесть, да и сам я, вроде, человек и могу прогнозировать поступки других людей. С биджу все сложнее. Они созданы человеком, но не рождены людьми, у них свое внутреннее устройство, полностью основанное на чакре, которое я не знаю как работает. Что они чувствуют, как думают, почему они вообще могут это делать? Хвостатые, конечно, воспитаны людьми и ведут себя более или менее по-человечески, но это совсем не значит, что они и думают, как люди.

Люди воспринимают мир на основе своего опыта и видят не сам мир, а свое представление о нем, выстроенную в сознании единую гипотезу о том, что их окружает. И человека в детстве долгое время учат выделять из этой целостной картины отдельные предметы: форму предметов, цвета, вкусы, запахи и прочее. Но опыт состоит не только из научения и получения прочей внешней информации, но и из внутренних переживаний. Даже из экспрессии определенных генов при развитии плода и биохимических процессов внутри нейронов.

И если биджу вообще имеют сознание, значит, в них есть некий аналог мозга, в котором существует аналог нейронных сетей со своими механизмами возбуждения. Они получают некий опыт в результате научения, и его можно понять, так как сами Хвостатые воспитывались в человеческой культуре. Но у них нет миллионов лет эволюции за спиной, в их мозгах нет таких же генетически обусловленных, образованных вследствие биохимических закономерностей нейронных групп, считай, инстинктов, которые уже и усложняются научением. У них есть свое основание для интеллекта и сознания, которое вообще непонятно как устроено и, скорее всего, получено от Десятихвостого. Или выстроено самим Хагоромо, но тогда он гений из гениев, и я готов при личной встрече расцеловать его в десны.

Вот только что ж он, зараза, инструкции по эксплуатации своих боевых машин с искусственным интеллектом не оставил, вместо этого понаписав всякую ахинею, которую без риннегана или хотя бы Мангеке шарингана и прочесть-то нельзя толком?

Тем временем процесс помещения Кьюби в новое тело не занял много времени. Без сопротивления биджу потребовалось лишь направить чакру в заранее подготовленную печать, и раскрывшаяся на животе девушки черная бездна, заключенная в кольцо слабо разборчивых писем, поглотила превратившегося в чакру Кураму.

Еще через несколько секунд тело сделало первый вдох, и прикрытые веками глаза распахнулись, засияв алым огнем.

— Ну, — протянув руку к пытающемуся отдышаться и приспособляющемуся к новым ощущениям Кураме, произнес я, — со вторым днем рождения, что ли, Курама.

Посмотрев на протянутую руку, Кьюби довольно уверенно схватил ее своей. Похоже, с моторными функциями у него все в порядке. Неплохо.

— Время для первой прогулки по нашей деревне, — сказал я, помогая новому, надеюсь, жителю Страны Звука.

Глава 22. Большое начинается с малого

28 октября 45 года от начала Эпохи Какурезато

Врезавшись в волну, доски обшивки и сам деревянный каркас джонки жалобно скрипнули. Облако соленых брызг взмыло в воздух, вода хлынула на палубу «Уранами», некоторые капли долетели даже до стоящего на юте Забузы. Мрачно смахнув со лба норовящие попасть в глаза брызги, Момочи вновь что есть сил вцепился в отполированную древесину румпеля.

— Лево на борт!!! — разнесся над палубой джонки сиплый рев капитана «Уранами».

— Есть, лево на борт! — таким же охрипшим голосом гаркнул в ответ Забуза, наваливаясь на румпель.

Несмотря на то, что корабль врезался в высокую волну и немного погасил скорость, он все равно двигался слишком быстро, руль поворачивался с трудом и скрипом. Жилы на руках Момочи вздулись, но, пыхтя от натуги, он все же вывернул рулевое перо до левого крайнего положения.

— Руль лево на борту! — сдавленно крикнул Забуза, докладывая капитану.

— На фалах! Паруса поднять! — раздался очередной приказ.

— Есть, паруса поднять! — почти синхронно отозвались Кисаме и Хакамадаре.

Два самых физически сильных шиноби в группе сноровисто потянули размокшие тяжелые джутовые канаты, поднимая паруса, сшитые из нескольких соединенных бамбуковыми латами полотнищ темно-синей ткани. Кисаме стоял недалеко от Забузы и тянул фал грот-мачты. Самый большой парус их небольшой джонки намок от влаги и даже нечеловечески сильному Хошигаки поднимать его было непросто, однако, так же прилипнув с помощью чакры к палубе, как и Момочи, Кисаме, тяжело дыша, тянул фал. Возле него осторожно травил тянущиеся к латам паруса шкоты Кёда, тревожно следя за тем, чтобы парус не скрутило ветром при повороте. На косой фок-мачте тем же занимались, работая в паре, Хакамадаре и Ороши.

Ложась на новый курс, с угрожающим треском «Уранами» под ногами кирининов накренился влево, разрезая воду. Со скрипом такелажа хлопнул мокрый парус, подхватив дующий с берега утренний бриз и ударившись латами о мачту. Скорость корабля резко упала, наполнивший паруса легкий ветерок с трудом справлялся с приливной волной, которая в устье одной из крупнейших рек Страны Горячих Источников выросла до метрового бора.

— Отводить! — поступил очередной приказ от капитана.

— Есть, отводить! — отозвался Забуза, постепенно выравнивая румпель, пока не получил следующий приказ:

— Прямо руль!

— Есть, прямо руль! Руль прямо!

К этому моменту джонка вышла на бакштаг, двигаясь под углом к дующему с берега ветру на северо-восток, в сторону от устья и начавшейся там битвы. Еще с десятков кораблей Кири с разным успехом повторили маневр «Уранами», ложась на новый курс и стремясь уйти из ловушки, в которой уже сгнуло несколько джонок небольшой флотилии Кири.

Пока капитан Мугецу активно обменивался сообщениями с командирами других кораблей, планируя дальнейшие действия, у Забузы с кормы «Уранами» открывался хороший

вид на тот капкан, из которого они только что выбрались. Хотя низкие облака, обложившие все небо до горизонта, изливали вниз бесконечный поток мороси, но в утренних сумерках пока еще можно было разглядеть берег.

Устье Косакавы раздалось в ширь, вода затопила крохотный поселок на берегу. Утлые лачуги на сваях, не выдержав напора стихий, рухнули, и их обломки теперь смыло в море. Поднятый приливом бор встретился с волной, вызванной появившимся в реке гигантским телом Треххвостого, вызвав локальный катаклизм. И это было только начало: было сложно оценить силы противника за пеленой дождя, количество цепей молний и смутных мошек, окруживших виднеющийся сквозь серую хмарь темный силуэт Санби, было слишком велико.

— Кумо! — мрачно процедил Кисама, тоже оглянувшись назад. — Бесчестные ублюдки!

— Кто-то с «Бакуона» успел крикнуть, что там лично Райкаге, — вставил Кёда, нервно перебирая пальцами. И словно в ответ на его слова над ночным морем прогремел треск грома. — Какого демона он здесь забыл?

Забуза и сам успел заметить блеск черных молний, поэтому не сомневался, что несчастный с «Бакуона» был прав. Райкаге и правда был здесь, но зачем — пока никто не мог бы быть сказать. Да и ответ на этот вопрос, как и на многие другие, можно будет искать потом. Сейчас есть проблемы поважнее. И нужно хотя бы узнать, что делать дальше.

Забуза скривил губы, оценивающе разглядывая гигантскую тень Треххвостого в нескольких сотнях метров позади. При всей уверенности в своих силах, Момочи точно мог сказать, что не выживет в мясорубке, в которую вовлечен биджу и кто-то из Каге. И там еще не меньше полусотни джонинов с обеих сторон. Пусть Забуза всего месяц назад без особого труда вырезал несколько десятков одногодок, но девяти-восемилетние бестолочи ни в какое сравнение с настоящими шиноби не идут.

И на кораблях, силуэты которых виднеются сквозь мглу на южной оконечности пролива Ключей, скорее всего, тоже не генины находятся. Это Забузу, конечно, никогда не остановило бы, если бы понадобилось их атаковать, но он прекрасно осознавал, что там у него шансов выжить не многим больше, чем под стопами биджу.

— Курс на востоко-северо-восток! — тем временем громогласно приказал капитан.

— Есть, курс востоко-северо-восток! — незамедлительно ответил Забуза, навалившись на румпель, отводя руль чуть влево.

Скрипнул такелаж, паруса джонки сами выровнялись по ветру, когда корабль лег на новый курс. Выпрямив перо руля, Момочи прислушался к ощущениям: кажется румпель тянуло вправо. Что-то не так было с центровкой корабля, но сказать об этом Забуза не успел: Кёда стравил шкоты и перетянул паруса чуть в сторону слаблинем — тянуть руль, вроде, почти перестало.

— Мы уходим? — поинтересовался у капитана оинин в белой маске с синим треугольником на подбородке.

Несмотря на то, что Мугецу и шиноби из Анбу Кири стояли на носу корабля под фок-мачтой, Забуза смог расслышать их. Хотя грохот молний и рев биджу за спиной немного мешали, но они постепенно отдалялись.

— Пролив Ключей перекрыт вражеской эскадрой, наверняка и в Черепашьем море есть корабли Кумо, — хрипло ответил Мугецу. — Они хотят переловить нас всех, чтобы некому было передать сообщение о нападении в Кири. Нужно выйти из окружения и прибыть на острова.

— Легко бежать от боя, когда на корабле твоя дочь, да? — с насмешкой спросил оинин.

— На моем корабле только два джонина, один чунин, а все остальные — это вчерашние ублюдки, пара желторотых генинов и ребенок, два года назад поступивший в Академию, — зло выговорил оинину Хозуки Мугецу. — Может, ты и мнишь себя пупом земли, но моя команда там может только бесславно сдохнуть.

— А пройти через окружение, значит, мы сможем? — вкрадчиво поинтересовался шиноби в маске. — На севере кораблей не видно, но они могут ждать и в проливе Генбу. Сейчас вообще Черепашье море, считай, внутреннее для Страны Молний, пройти через него незаметно и быстро нереально.

— С нами будет еще две джонки, — мрачно ответил капитан, — попробуем прорваться. Кумо вышли на торговых шхунах и галеонах. Они быстрее, и у них лучшая мореходность, но очень низкая осадка. И сложное парусное вооружение, у них никогда не хватит шиноби, чтобы управиться с ним, даже если они будут тратить всю чакру на клонов. На полных курсах им нас не догнать.

— Полных курсов в Черепашьем море сейчас даже с зимним муссоном мы не найдем, — засомневался оинин. — Пятый сезон только начался, шторма возвращаются. Ветер шквалистый, с нашим парусным вооружением мы проиграем в лавировании торговым лоханкам. Сколько человек у нас в команде могут направлять ветер?

— Двое, — с горечью ответил капитан, — Ороши и Кёда.

— Они не вытянут и часа на парусах. А нам только неделю острова Ключей и Замков обходить.

— Этого не понадобится. Будем прорываться к Скважине, пройдем севернее Страны Ключей по отмелям. С нашей осадкой пройти получится, с их — нет.

— Даже с нашей нужен прилив, а он скоро закончится. Другого можем не дожидаться.

— Значит, создадим прилив сами! — с уверенной усмешкой заявил Хозуки. — Если повезет, мы вообще не встретимся с кораблями Кумо.

За время разговора капитана с оинином второй старший шиноби на корабле не переставал обмениваться трелями с соседними кораблями, с помощью свистка отправляя сообщения. Часть отступившей было флотилии начала разворот, взяв курс на юг, навстречу видимым в проливе Ключей кораблям Кумо. Еще две небольшие джонки присоединились к «Уранами» и легли на тот же курс. Судя по размерам корпусов, там тоже были команды в основном из генинов.

Паруса джонки не закрывали обзор с кормы, где располагался румпель, поэтому Забузе было видно с его позиции почти все пространство впереди. Там в самом деле не было видно никаких кораблей, но это совсем не значило, что их там нет. Из-за мороси видимость была всего несколько сотен метров, и всем трем джонкам достаточно было напороться всего на один галеон Кумо с пятью-десятью джонинами на борту, чтоб отправиться ко дну.

Мрачно вздохнув и зажав румпель подмышкой, Забуза попытался сорвать пропитавшуюся водой маску на лице. Свежий утренний воздух обдувал лицо, и промокшая тряпка сейчас холодила кожу и противно липла к ней.

— Тебя сменить? — заметив, что Момочи почти повис на румпеле, спросил маячивший поблизости Кёда.

— Нет, — отмахнулся Забуза, наконец, сорвав маску. — Я в норме. Сам отдохни лучше.

Если придется внезапно ускориться, то от сил Кёды и Ороши и их Стихии Ветра зависела жизнь всей команды. Можно было и потоки воды под кораблем направить, чтобы ускориться, но это не так эффективно: парус начинает тормозить и мешать, его нужно

спускать, и в целом больше сил потратится, которые еще наверняка пригодятся при проходе по отмелям.

Кивнув в ответ на предложение Момочи, Кёда уселся прямо на юте. Его примеру последовал Кисама. Джонка была невелика — всего двадцать семь метров в длину, половина какого-нибудь небольшого галеона — так что с высоты кормы всю палубу, даже сквозь завесу мелкого дождя, осмотреть было несложно. Забузе было отлично видно, как на баке развалились Ороши и Хакамадаре, Мугецу стоял на носу, ухватившись за фок-мачту одной рукой и вглядываясь вдаль. Его помощник, Икада, следил за двумя кораблями, которые шли вместе с «Уранами», ожидая от них возможных сигналов. Оинин, которого звали Кушимару, вовсе взлетел на грот-мачту, с вершины которой наблюдал за всей округой разом.

Корабль постепенно погрузился в напряженную тишину. Плескались волны, разбиваясь о борта, скрипел такелаж и размокшая древесина, посвистывал ветер в парусах и снастях, а позади, все отдаляясь, разносились над морской гладью грохот и треск молний, рев биджу. Крики шиноби уже были едва слышны даже для чутких ушей Забузы, но сквозь мглу виднелось алое зарево. Наверное, горели корабли.

Негромко ступая по дереву настила, на палубу поднялись еще три члена команды: Мей, Китеки и Сангецу. Последняя была дочерью капитана Хозуки Магецу, ей было всего шесть лет. А вот первые двое были одного с Забузой и Кёдой возраста, только на полгода примерно старше, благодаря чему они все сейчас и были на корабле. Если бы кто-то из родившихся в том же году, что и Момочи, проходил выпускной экзамен из Академии вместе с ним, то вместе собраться на одной джонке у них бы уж точно не получилось.

И, глядя правде в глаза, Забуза не был уверен, что смог бы победить Теруми Мей, Чимаки Китеки или Юки Кёду. Эти трое имели кеккей генкай, с такими Момочи до экзамена не встречался и мог проиграть просто из-за незнания особенностей техник улучшенного генома.

Коротко доложив о чем-то Магецу, наверное, о том, что течей в корпусе после рискованного маневра в устье реки нет, группа разделилась: Китеки остался на баке, Мей же направилась к юте. Перекинувшись парой слов с отцом, за ней побежала еще и Сангецу. Устало сев на доски возле Кёды, Мей обняла колени, стеклянными глазами буравя пространство перед собой.

— Что там? До берега доберемся? — поинтересовался у девчонки Забуза.

— Да. Если шторма не будет опять, — без эмоций ответила Мей. — Заплата пока держится.

Пятый сезон и в самом деле был уже близок, шторма были пока редки, но флотилии Кири не повезло в один такой попасть во время пути к Стране Горячих Источников. Джонку генинов потрепало и едва не размазало о рифы возле Узушио. Тогда решили, что с заплаткой на борту получится добраться до Таке и там уже заняться починкой, но не срослось.

— Мы налепили еще больше смолы на заплатку, — деловито поделилась с генинами Сангецу. — А сестренка Мей сделала еще больше резины. Они ее с Китеки тоже налепили. Воняло жутко! У даже слезы побежали.

От слов Сангецу и самого Забузу передернуло. Теруми Мей — незаменимый на корабле человек, с ее двумя кеккей генкай она могла мгновенно создать раскаленную слизь, при охлаждении превращающуюся в прочную резину, идеально закупоривающую все течи в корабле. Именно благодаря этой технике «Уранами» вышел из шторма почти без проблем, а оставленную рифами пробоину Мей заделала почти мгновенно. Но у этой девчонки нет ни

одной нормальной техники! Чтобы она ни создавала — все было едким, ядовитым и удушающим. От запаха создаваемой ею резины и сам Забуза чуть концы не отдал, девчонке еще повезло отделаться только слезами.

— Наверное, много резины налипло на обшивке, — обратилась к Момочи Мей, вспомнив, видимо, процесс конопачения пробоин, — это могло на ходе сказаться.

— И сказалось, — подтвердил Забуза, вспомнив, как тянуло недавно румпель. — Сейчас уже нормально.

— Хорошо.

Корабль уже достаточно удалился от берега, шум битвы полностью скрыл за собой дождь. Мелкая взвесь, летящая с неба, напоминала туман, она не только уменьшала обзор, но и приглушала звуки. А вскоре «Уранами» и вовсе вышел из залива, в который выходило устье Косакавы, и оно скрылось за мысом. И вместе с этим поменялся ветер. Как и предсказывал оинин, Черепашье море сейчас было не самым удобным местом для мореходства. Ветер стал беспокойным, переменчивым — хоть шторма не предвещалось, уже ладно.

В целом пока у трех малых джонок Киригакуре дела шли неплохо. Никаких кораблей противника сенсоры не ощущали. Ветер, хоть и не самый удачный, но в это время мог быть и хуже. Единственное, потребовалось сменить курс на полный восток, так как ветер и течение пролива сносили корабль на север, и был риск промахнуться мимо Скვაжины.

Улучив спокойные минутки, измотанные долгим переходом генины отдохали, их командиры бдели, а капитанская дочка бегала от юта к баку и обратно, болтая с недавно выпустившимися шиноби. Из всех генинов только Забуза был занят работой, но это его не огорчало. Под парусом ему приходилось ходить почти с тех же лет, как он вообще встал на ноги. Для него этот поход был проще, чем даже для более старших и выносливых Кисаме и Хакамадаре.

Хотя и у Момочи были некоторые проблемы в этом путешествии. Стоя у руля, он со смешанными чувствами косился на привалившегося к борту Кёду и прикорнувшую на его плече Мей. Эта картина вызывала в Забузе раздражение, удивление, злость, зависть и отчаяние. Как эти двое... Нет, даже трое! Китеки ведь тоже из их выпуска. Футо тоже в их компанию липнет, но он старше. Может, они все на курс старше? Тогда как они все выжили и смогли сохранить дружбу?! Они должны были выпуститься из Академии раньше Забузы, они должны были убить друг друга! Почему они смогли выжить все вчетвером, а он только и смог, что сохранить свою жизнь и выместить злобу на однокурсниках, убив всех?

У всех генинов не было времени поговорить друг с другом, они встретились все вместе только перед самым отбытием в Страну Горячих источников, а в походе было слишком много работы, чтобы успеть познакомиться поближе. Да и тема экзамена... Если ее поднимет Забуза, то он наверняка получит не только ответы, но и вопросы к себе. Отвечать на них у него не было желания. Никакого.

— Чего волком смотришь по сторонам, Забуза? — лениво поинтересовался развалившийся у противоположного борта Кёде, возле кофель-нагеля и висящей на нем бухты фала.

— Ветер меняется, — мрачно пробормотал Момочи, объясняя свое плохое настроение.

И не слишком покривил душой. Направление ветра его тоже волновало. «Уранами» уже некоторое время шел крутым бакштагом правого борта, но уже минут десять как курс сменился на галфвинд — ветер почти строго перпендикулярный движению корабля. Если все так и дальше пойдет, то он унесет джонки дальше Скვაжины — в остров Замка. Значит,

придется идти в бейдевинд, то есть почти против ветра. А это лавирование, существенное удлинение пути и повышение шансов встретиться с кораблями Кумо, если они здесь вообще есть.

— Слушай, Забуза, ты за рулем, как влитой, — с нотками благодушия заметил Кисаме. — Обычно люди, которые проходят последний экзамен в Академии, не умеют ничего, кроме как убивать. Не ожидал такого от тебя. Тем более от тебя.

— Так получилось, — пожал плечами Момочи.

— У всех бы так получалось, — хищно оскалившись, сказал Хошигаки, но быстро поправился: — Хотя нет, так лучше не надо. Всех-то зачем было убивать? Парочки особо доставучих хватило бы.

— Это было весело, — растянул губы в кривой улыбке Забуза.

Это была не совсем та тема, о которой он хотел говорить. Он хотел говорить не о своем экзамене.

— Убивать совсем не весело, — мрачно кутаясь в прорезиненную холстину от дождя и укрывая ею же Мей, вставил свое слово Кёда.

— Ха! Чего это?! — с вызовом спросил Забуза, свирепо глянув на Юки. — Как ты вообще здесь оказался тогда, а не на экзамене сдох?

— Если я умру, то лучше от этого не станет, — хмыкнув, ответил парень.

— Слышь, Кёда, ты, кстати, когда экзамен проходил? — задал мучающий его давно вопрос Момочи. — Да я вообще не помню тебя в Академии. И Мей твою тоже с Китеки, хотя мы одного возраста.

Странно посмотрев на Забузу, шиноби из клана Юки, тихо фыркнув, пренебрежительно ответил:

— Мы вообще не учились в Академии.

— В смысле? — даже Кисаме удивился такому ответу.

— Юки, Теруми, Чимаки и Футо — думаешь мы с такими фамилиями могли попасть туда? — снисходительно поинтересовался Кёда. — Мы не Хозуки из касты Основателей, не Момочи из Принятых, и даже не Бива из Покоренных. Мы из семей с кеккей генкай. Это сейчас вы этому не удивляетесь, а в Кири нас еще года два назад убили бы или поймали и продали организаторам боев. Хотя Юки пытались как-то выжить в низшей касте, но проще оказалось сбежать.

— Хе, резонно, — с усмешкой согласился Кисаме. — И как, в самом-то деле, вы здесь оказались тогда?

— Мизукаге и дайме объявили амнистию, и начался набор шиноби с улучшенными геномами в Киригакуре, — ровным тоном поведал Кёда. — Чтобы стать киринином, всего-то нужно было пройти испытание. Что-то вроде вашего экзамена или гладиаторских боев. Из около сотни желающих в живых осталось не больше десятка. Тех, кто был на что-то способен, кого обучали родители в тайне, или кто смог сбежать от организаторов боев раньше.

— Бежали от одних боев, чтоб попасть в другие, — иронично прокомментировал Кисаме, закинув руки за голову и подняв лицо к хмурому небу, — такой себе обмен.

— Шанс стать шиноби для многих стоил того, — безразлично сказал Кёда. — А для тех, кто раньше жил как крыса, боялся даже чакру свою показать и вообще мечтал забыть о причастности к шиноби, это была единственная возможность стать хоть кем-то в Кири. Никто из Юки не пожелал возвращаться в Кири, чтобы стать снова Покоренными. Уж лучше

умереть.

— Значит, ты свой шанс не пропустил, — с улыбкой на лице заметил Кисаме. — А вот других Юки я в деревне не припоминаю.

— Их и нет уже.

— Понятно...

На какое-то время разговоры на юте заглохли. Сангецу, которая могла бы разрядить обстановку, была на баке, а на корме генины предпочли пока подумать о своем в тишине. Вот только продлилась она недолго.

— Корабль справа по курсу! — крикнул с верхушки грот-мачты оинин.

Через мгновение со следующей за «Уранами» пары кораблей раздались короткие свистки, а затем оттуда продублировали флажками предупреждение Кушимару.

— Кого нелегкая принесла? — раздраженно и напряженно рявкнул капитан, оборачиваясь в указанную сторону.

Похоже, его сенсорные техники были не так хороши, как у оинина. Скорее всего, Кушимару обнаружил чакру, а Хозуки использовал другие методы. Все-таки первый всю жизнь занимался поиском живых и не очень жертв, а второму чаще приходилось обнаруживать рифы во время непогоды.

— Несколько групп шиноби. Сильная, — сосредоточенно ответил Курираре, сложив несколько ручных печатей и прислушиваясь к своим ощущениям. — Они идут бейдевиндом, лавируют, но приближаются к нам.

— Чтоб их ёкаи сожрали! — от души выругался Хозуки. — Может совпадение... На парусах! Ветер! Икада, дублируй другим. Попробуем оторваться!

— Сомневаюсь я, что их сенсоры хуже наших, — мрачно прокомментировал Кошимару, спрыгнув на палубу.

Как раз вовремя, чтобы не попасть под порыв ветра, направленного в паруса Кёдой. Естественно, у генина не было достаточно чакры, чтобы создать технику Футона, способную увести корабль. Но у Кёды Юки был кеккей генкай, дающий ему лучший контроль над Стихиями Ветра и Воды. Ладони парня задвигались, складывая ручные печати, пока не остановились на Птице. Из его тела вырвался совсем небольшой поток силы, легкое дуновение воздуха распространилось в стороны, быстро сливаясь с уже дующими порывами ветра природного происхождения и меняя их направление. В одно мгновение движение в галфвинд сменилось на фордевинд, подхватив попутный ветер, «Уранами» пошел гораздо резвее.

— Да пусть сенсоры у них лучше, но нам главное до Скვაжины раньше них добраться! Лево руля! Курс востоко-юго-восток!

— Есть лево руля!

Но не успела джонка пройти по новому курсу и пары минут, как Курираре встревоженно предупредил:

— На траверзе левого борта еще группа шиноби! Километра три! Идут на сближение! И на юго-востоке!.. Три группы! В пяти километрах! Идут встречными курсами!

— Как?! — не веря словам оинина, воскликнул Хозуки. — У них не может быть настолько хороших сенсоров, чтобы нас засекли сразу все эти корабли и взяли в окружение!

— Значит, не повезло, — флегматично ответил Кушимару, проверяя, насколько легко выходит меч из ножен, — или у них есть связь. Неважно!

— Неважно, — уже спокойно согласился Мугецу и начал выпытывать у оинина

подробности о численности вражеских шиноби, скорости их судов, характеру движения.

Выходило, что в каждой группе было от пяти до десяти шиноби, шли они по-разному: часть прямыми курсами, часть лавируя. Вряд ли у Кумо есть специалисты, способные направить ветер в паруса, такому не учат нигде, кроме Кири, значит, кто-то идет на пароходе. Последнее и плохо, и хорошо одновременно. Пароходу ветер не нужен, но движется он на дорогом древесном угле или торфяном коксе, запас хода может быть ограничен. А может и увеличен, если котел будет нагревать шиноби. Но в любом случае на судне должен быть экипаж, помимо шиноби, с которым расправиться можно будет быстро.

Все это Забуза подслушал, пока капитаны перекрикивались на сблизившихся джонках, планируя свои действия дальше. Они занимались этим минут десять, пытаясь понять, как поступят шиноби из Кумо, и продумывая свои маневры. Спустя это время корабли вновь перестроились, но уже не в походный ордер, а клином. Кёде и прочим было приказано прекратить направлять ветер и экономить чакру.

— Значит, боя не избежать, — тихо подытожил Забуза, когда «Уранами» снова погрузился в напряженную тишину.

Мугецу, похоже, и в самом деле решил, что уйти от Кумо не получится. Максимум, чего он хотел добиться своими маневрами — это оторваться от преследующих и движущихся параллельно кораблей, чтобы не столкнуться сразу с пятью группами шиноби Облака. И это у него получилось. Когда сквозь серую дымку дождя проступили силуэты двух пузатых галеонов и приплюснутого пароходофрегата, другие два корабля Облака группу джонок Кири догнать еще не успели.

— На фалах! — как только впереди начали проявляться вражеские суда, закричал капитан под аккомпанемент трелей боцманского свистка. — Паруса долой! Ороши! Ураган по площади!

Пронзительный звук свистка и рев капитана подстегнули команду. Когда нервно переминающиеся у нагелей Кисаме и Хакамадаре поспешно начали травить фалы, убирая паруса, джонки продолжали двигаться по инерции, разрезая носом небольшие волны. Забуза сосредоточенно наблюдал за вражескими кораблями, ожидая их приближения. Мысли бешено бились в голове Момочи, в душе росло чувство липкого страха. Ноги мальчишки пружинисто стояли на палубе, готовые унести его с траектории возможной атаки. Держа одну руку на румпеле, Забуза нервно покручивал в другой кунай, не зная, что может потребоваться раньше: рулить или убивать.

Или умирать?!

Нет!!! Точно не умирать! Зло оскалив острые зубы, Момочи с ненавистью сжал рукоять куная. Страх подавила взметнувшаяся в душе ярость и жажда убийства. Разум мальчишки на мгновение помутился под напором эмоций, по телу пробежала томительная дрожь. И он уже готов был сам брать на абордаж корабля противника!

К счастью, у капитана были иные планы. Встав поустойчивее и прислонившись спиной к грот-мачте, Футо Ороши глубоко вздохнул и решительно сплел пальцы в нужные печати. Как и у Кёды ранее, ладони Ороши остановились, сформировав печать Тори. Но в этот раз от тела Футо во все стороны излился осязаемый даже для генина поток чакры.

Ветер вокруг кораблей замер на мгновение. Мелкие капли мороси застывали в воздухе, словно попадая в невидимую паутину, чтобы через секунду заметаться в панике. Полный штиль рухнул на пространство диаметром около километра, «Уранами» тихо скользил по выровнявшейся глади моря, постепенно заворачивая влево. Забуза чертыхнулся, выравнивая

курс и послав про себя проклятия Мей и Китеки, нарастившие на корпусе джонки под водой совершенно ненужный бугор из резины.

В наступившем штиле Забузе показалось, что он даже успел увидеть спрыгнувшие с кораблей Кумо на воду фигурки шиноби. Очень редко ниндзя доводят морские сражения до abordжа, обычно битвы проходят по наземным тактикам, корабли лишь средства доставки живой силы в нужную точку моря. Очень хрупкие средства доставки, которые стоит беречь от случайных ниндзюцу.

Спрыгнувшие на воду шиноби Облака уже были готовы шуншином преодолеть разделяющее их корабли и джонки Кири расстояние, но внезапно замершее море их насторожило и остановило. И, скорее всего, зря, потому что мгновения штиля быстро сменились бурей.

Сначала замершие пылинки влаги начали панически метаться в воздухе, влекомые резко усиливающимся ветром, а затем он взялся и за воду. Широкий вихрь начал расширяться от тела Ороши, стремительно расходясь в стороны и набирая мощь. Мощнейший шквал поднял высокие волны, взметнув в и так перенасыщенный водой воздух соленые брызги. Всего секунда потребовалась урагану, чтобы достичь кораблей Кумо и с неистовством врезаться в деревянные борта. Тихие завывания потоков ветра в снастях за мгновение сменились ревом урагана!

И почти с той же силой взревел Мугецу, отдавая команды генинам. Стремительно начали подниматься паруса, в которые тут же ударили направленные Кёдой потоки ветра. «Уранами», словно боясь отстать от фронта неистового шквала, набирал ход. Нос джонки врезался в поднятые резкими порывами ветра волны. Палуба под ногами Забузы взметнулась вверх, чтобы в следующий миг чуть не уйти из-под ног. Джонки Кири шли за шквалом, где ветер уже успокаивался, но паруса все же тревожно хлопали и стучали по мачтам латами. Однако, рискуя повредить ткань, капитаны отказывались брать рифы.

Волны бушевали и перехлестывали через борт. Китеки едва успел подхватить начавшего сползать по мачте Ороши, исчерпавшего все свои силы. Для генина техника *Тайтон: Кьёфу Ренна* была слишком изматывающая, слишком масштабная даже для Стихии Тайфуна. Еще немного и Футо смыло бы за борт. Чимаки вместе с мелкой Хозуки быстро потащили ослабшего генина в каюты, по пути задраив люки.

Забуза в это время, сжав зубы и обхватив румпель двумя руками, пытался удержаться на месте. В какой-то момент волны захлестнули даже корму, едва не вырвав из рук Момочи румпель. Фыркая и отплевываясь от соленой воды, он пытался вычленить из грохота воды и рева ветра голос капитана. В этот момент он проклинал и Ороши с его Тайтоном, и Кумо, и самого себя за неудачливость, пытаясь удержать корабль на нужном курсе. Руль иногда едва не вырывался из рук, волны и ветер метали корабль, как щепку.

Момочи удалось с огромным трудом и едва ли не по чистой случайности провести джонку мимо завалившегося на бок галеона. Торговой посудине ветром разорвало такелаж и сломало фок-мачту, команда на борту панически носилась по палубе, пытаясь выровнять свое судно и не пойти ко дну. Так как небольшая группа шиноби не смогла бы справиться с управлением таким большим кораблем, то экипаж состоял из обычных людей, потеря судна для них сейчас — верная смерть.

А вот шиноби были гораздо более живучими. Несмотря на то, что некоторые кумовцы успели сойти на воду и их с головами накрыло волнами, не все они погибли или были унесены водой. Забуза был сосредоточен на том, чтобы удержать курс корабля, но он все

равно был начеку. И даже так он едва не пропустил появление на палубе противника. На его счастье, первоочередной целью шиноби Облака были не генины.

Смазанное пятно появилось в воздухе за спиной Мугецу, и едва сознание Момочи распознало в нем запрыгнувшего на «Уранами» противника, меч шиноби тихо рассекал пополам фигуру Хозуки. Предупреждающий окрик Забузы прозвучал в тот момент, когда уже было поздно — клинок, пройдя тело капитана, замер на излете удара. Кровь брызнула на мокрые доски и мгновенно была смыта брызгами воды. Напавший на Мугецу шиноби медленно упал на колени и ничком повалился на палубу, содрогаясь в агонии и пытаясь зажать огромную рану в груди.

Фигура капитана на носу корабля распалась облаком брызг, а сам Хозуки проявился из тумана на фок-мачте. Незадачливый шиноби Кумо поразил лишь клона из тумана, в то время как Мугецу использовал Сокрытие в Дожде. Снаряд Водяного Пистолета разворотил грудную клетку одного противника, но он был на «Уранами» не последним. С громовым треском встретились клинки Кушимару и еще одного джонина Кумо. Последний был в два раза больше тщедушного Курираре и просто своей массой едва не сбил оинина за борт. Еще пара врагов появились на баке и почти сразу попали под град водяных снарядов Хозуки и столкнулись с отравленными сенбонами Хакамадаре.

Хуже было то, что еще пара кумовцев появилась и на юте, где не было Мугецу.

Быстро пробежав взглядом по палубе, Забуза попытался найти Икаду. И нашел. Его труп запутался ногами в шкотах и болтался на борте. Когда убили Кориगाши, Момочи даже не заметил. И точно так же может не заметить, как убьют его самого.

Кунай вылетел из рук Момочи, устремившись к одному из ближайших противников, но лишь бессильно звякнул, отпарированный катаной. Однако Забуза выиграл мгновение для Кисамы, налетевшего на кумовца и успевшего провести неплохую атаку, увидев которую Момочи решил перевести взгляд на другого противника. Тот не смотрел в сторону руля, поэтому был расценен как меньшая угроза, поэтому Момочи не сразу заметил, что второй шиноби Облака уже был рядом с направляющим ветер Кёдой, который, кажется, даже не успевал среагировать.

«Что за идиот!» — про себя завопил Забуза.

Если Кёда сдохнет, то шансов уйти от преследователей у «Уранами» будет мало. А этот тормоз даже не успевает среагировать на атаку кумовца!

Забуза посылал в полет второй кунай, но уже понимал, что не сможет спасти Юки. Ниндзя из Кумо готовился нанести удар, который успел бы достигнуть цели раньше, чем запущенный Момочи снаряд. Однако все пошло немного иначе. Словно выскочив из тени Юки, из-под его сложенных в печать Птицы рук, появилась Мей. Ее ладони были сложены в форме печати Ума, а губы смешно надуты. Но ее противнику было не до смеха, потому что из маленького ротика девочки в его лицо вырвалась струя плотного тумана. Как и все техники Теруми, эта была чудовищно едкой. Липкие лоскуты тумана обвили голову шиноби. Кожа кумовца мгновенно начала покрываться язвами, он завопил, отбросив оружие и схватившись за лицо, а через миг запущенный Забузой кунай достиг цели.

С тихим звуком кусок металла вонзился в шею шиноби, и вопли сменились булькающими криками. Он был побежден так быстро, что Момочи даже не сразу поверил, ожидая, что содрогаящееся в конвульсиях тело на палубе сейчас исчезнет, оказавшись клоном, но этого не произошло. Приняв это как факт, Забуза быстро переключился на другого противника, но увидел только лежащего в луже крови Хошигаке и труп шиноби

Кумо с пробитой головой.

Обведя взглядом всю палубу, Забуза вообще не заметил больше живых врагов. Два трупа на юте, два на баке. Кушимару и его противник исчезли. Икада мертв. Кисама ранен в руку, пробита артерия, Мей уже кинулась к нему лечить. Хакамадаре сжался в полуобморочном состоянии у борта, с ним возился Китеки. Капитан Мугецу, истекая водой, с отвращением вытаскивал из своего тела две катаны кумовцев, не получив серьезных ранений.

Момочи еще раз, не веря глазам, осмотрелся. Неужто выжили? Неужели так быстро все кончилось? Джонка снова мчалась в серую мглу, уже только на одном гроте, так как фок-мачта пропала и на ее месте болтались только перебитые канаты. Два других корабля Кири шли параллельно «Уранами» и тоже были повреждены. Что с командой на них, пока не понятно. Но позади постепенно успокаивалось море, и терялись в мороси жалкие силуэты двух галеонов и пароходофрегат. Мимолетный ураган потрепал суда, паруса порваны, гребные колеса сломаны, сейчас только пароход может начать преследование, если пойдет на парусах, которые были спущены на нем во время действия техники Ороши. Но вряд ли он успеет догнать «Уранами» до того, как он войдет в Скважину.

Переведя дух, Забуза сжал пальцы на румпеле, чтобы унять ненужную дрожь.

Кеккей генкай оказался не такой плохой штукой, когда его владельцы на твоей стороне.

Глава 23. Остров

29 октября 45 года от начала Эпохи Какурезато

Прекрасное сегодня выдалось утро. Впервые, наверное, за все это треклятое путешествие из Кири в Таке. Спокойный ветер, ясное небо, солнышко светит и даже тепло становится под ним. Зато все время до этого — то шторм, то дождь с шиноби Кумо, то снова шторм.

Хотя, ладно, в шторма попасть сейчас в Восточном океане дело не хитрое, сезон такой. Но вот попасть в собою же спланированную атаку Кумо на Кири — это нужно иметь особую удачу! Я сам через клона Райкаге спланировал операцию по выдавливанию Тумана из Страны Горячих Источников и бывших владений Водоворота, но я не предполагал, что уже мой клон в Киригакуре окажется под ударом. Все-таки Кёда Юки пока существо подневольное, ему без особой на то необходимости начальство не сообщает о том, куда и зачем его отправляют.

Забавно будет, если в начинающейся войне вообще Увабами, в составе Райунтай, придется сражаться с Кёдой, который был кандидатом в новое формирование Кири на замену семерки мечников. Это мне самому себе придется оплеух надавать? Ладно, хоть в этот раз без подобного обошлось — и так проблем хватало.

«Уранами» после стычки с шиноби Кумо смог удачно дойти до Скვაжины — отмелей между островами Ключей и Замка, которые во время отливов превращались в болото и соединяли два острова в один. Естественно, прибыли мы туда не во время прилива, а оставшиеся на ходу корабли Облака нас уже нагоняли. Так как Ороши у нас был фактически одноразовый — после использования своего кеккей генкай он приходил в себя сутки как минимум — то нужно было как-то уходить от преследователей. Еще одно сражение мы бы не выдержали: Икада помер, Куриараре вынес с борта своего противника и не вернулся — туда ему и дорога, Хакамадаре и Кисаме были серьезно ранены. Нас и в первый-то раз спасло только то, что противник не ожидал наличия Хозуки Мугецу на джонке.

В общем, во второй раз он нас тоже спас. Создав искусственную приливную волну, капитан провел свой и пару других кораблей по отмелям, оставив преследователей с носом. У них еще был шанс нагнать нас на своих двоих, но не рискнули. Может, и зря, потому что к моменту прохода Скვაжины Мугецу был в том же состоянии, что и Ороши после использования *Кьёфу Ренна*, то есть потерял сознание от перенапряжения. И вот надо же было именно спустя час нам угодить в шторм! А время-то было уже ночное.

Так как без Мугецу и Ороши некому было смягчить силу бури, наша посудина почти сразу же снова дала течь, а потом у нас и вовсе руль отвалился. На джонках Кири это вообще частая проблема, рули здесь хоть и делались из самого прочного дерева из доступных, но были крупными, так как во многом заменяли кили. Починить его было несложно, запасные части на этот случай на борту были, но сделать это во время шторма проблематично. Перо руля нужно было бы по уму поднять на время бури, как это сделали во время прохода по Скважине, но как-то не сложилось — пытались не нарваться на очередные рифы и не уйти с курса.

Как итог всей этой эпопеи, «Уранами» унесло в неизвестные нам дали, капитан все еще не пришел в сознание и был сильно плох, а нас прибило к какому-то острову. Мы были, скорее всего, уже на территории Страны Воды, но точно сказать никто не мог. Забуза

пытался определить наше географическое положение с помощью астро-компаса, но это было сложно. Как я уже говорил, ось этой планеты неустойчива, и это сказывается не только на климате, но и усложняет навигацию. Солнце могло быть на разной высоте относительно горизонта в одни и те же дни разных лет, и с помощью секстанта, например, определить широту было затруднительно, а глобальной системы геопозиционирования здесь пока не изобрели.

Забуза у нас в команде был единственным, кто был в сознании, знал какие-то закономерности изменения прецессии планеты и мог попытаться определить хотя бы широту, на которой мы находимся. Однако пока он выдавал не координаты, а отборные матюги. Нахвтался, видать, не только и не столько морских премудростей от моряков, а характерного жаргона.

— Мы где-то здесь, — наконец указал Момочи на карту, определив координаты.

Сделал он это, судя по всему, не очень точно, потому что очерчивал пальцем значительный участок на карте.

— Нужно найти ориентиры на острове помимо этих двух сопок, чтобы определить точно его название, но и так ясно, что здесь мало заселенных островов. Идти до них далеко, а еще один шторм — и нам конец.

— Значит, начинаем ремонт, — хрипло подытожил Хошигаки.

Этот парень потерял много крови, но остался жив. Кровотечение остановили, однако толку от Кисаме сейчас немного, и он еще нескоро придет в норму. Из ирьенинов у нас на борту только Хакамадаре был, но тот сейчас в таком же состоянии, что и Кисаме. Даже хуже. Если б не улучшенный геном, уверен, что Хебиичиго уже отдал бы концы.

— Рулем можно заняться хоть сейчас, — согласился Забуза. — А пробоину лучше залатать, хотя бы сделав вид, что мы пытались, а не просто залепить смолой и палками.

— С деревом здесь будут проблемы, — выглянув за борт джонки и поморщившись от боли, заметил Хошигаки.

Остров нам попался не самый большой, заросший густыми кустами и корявыми деревцами. Ветер, климат в целом и выходы скальных пород не позволяли здесь развиваться флоре. Вот почему здесь с фауной беда — птиц совсем не видно — не понятно. Может, остров все-таки обитаемый, и птиц всех просто подъели?

— Мы обобщем остров, — решила Мей. — Найдем ориентиры и древесину. А лучше жителей, если они здесь есть. Забуза и Китеки могут заняться рулем и подготовкой пробоины к заделке. Я и Кёда поищем подходящие деревья. Рана Кисаме в разведке тоже не помешает. И Сангецу может пригодиться.

— Четверо на разведку этого островка? — скривился Момочи. — Лучше мне с кораблем помогите! Как мы, по-твоему, отирать будем эту твою резину без тебя?

Встретив такое неповиновение, Теруми нахмурилась и собиралась отстаивать свое решение. Пришлось вмешаться:

— Забуза прав, остров мы обобщем втроем, не так он велик. А здесь еще раненым помочь надо будет, может.

— Ладно, я останусь, — недовольно согласилась Мей, — но вы найдите еще еду. Мы собирались пополнить запасы в Таке и теперь можем на голодном пайке остаться.

На том и порешили. И хорошо, что обошлись при этом без драк. У нашей группы пока есть проблема — отсутствие явного лидера.

Насколько я понял, флотилия Киригакуре прибыла в Страну Горячих Источников,

чтобы усилить постепенно обживающийся после демилитаризации Югакуре контингент Тумана в этих местах. А у генинов с «Уранами» здесь должны были пройти задания перед их окончательным объединением в одну команду. С Теруми, Футо и Чимаки я встретился еще во время того турнира, в котором отбирали решивших реабилитироваться шиноби с кеккей генкай. А вот Момочи, Хошигаки и Хакамадаре присоединились только перед самой отправкой. И если первую тройку мне уже удалось как-то исподволь сплотить, то новая тройка пока в уже сформированную команду не вписывалась.

Да и с первыми тремя тоже не все проблемы решены. Джонины Кири пока не предполагали оставлять одно из своих новых формирований, которые создавали вместо Мечников, без внимания и непосредственного руководства, коим конкретно у нас был Куриараре Кушимару. Но эта гнида отправилась за борт и, надеюсь, там благополучно сдохла. Из альтернативных начальников оставались Икада, но он тоже погиб, и Мугецу, лежащий без сознания. И проблемы лидерства начались уже чуть ли не с первых часов.

По уму командовать должен был бы Кисаме, как самый старший и уже почти чунин, но у этого типа не тот менталитет, он больше одиночка. Хакамадаре и Футо тоже старше, но они пока недееспособны. Я лично впрягаться командиром не намерен, Китеки придерживался тех же планов, зато у Забузы с Теруми, чувствую, будут некоторые проблемы друг с другом.

Ладно, со временем я их постараюсь решить. Посмотрим, как Момочи себя покажет.

— Пойдем, Сангецу, — позвал я дочку капитана.

Свою джонку мы смогли во время прилива вывести на покрытый галькой пологий берег, стараясь при этом не наделать в ней новых дырок. Очень надеюсь, что получилось. Заодно и старую пробоину сможем на суше как следует заделать. Сиганув через борт, я оказался на влажных и окатанных волнами камнях. С высоты «Уранами» на них мелкой девчонке лучше не прыгать, расшибется еще.

— Прыгай, Сангецу, я поймаю, — посмотрев вверх на испуганно глядящую на меня мелкую, крикнул я.

— Точно поймаешь? — не слишком уверенно уточнила Хозуки.

— Раз сказал, значит, поймает, — зубасто ухмыляясь, подтвердил Кисаме, поднимая девчонку за шкуру и сбрасывая мне.

Пока я ловил отчаянно пищащую Сангецу, Кисаме и сам последовал за ней, неловко из-за слабости после кровопотери приземлившись на камни.

— Разделяться нам не стоит, — морщась от боли и придерживая раненную руку, произнес он.

— Тоже так думаю, — кивнув, согласился я с ним, поставив Сангецу на землю. — Пойдем по берегу? Поищем плавник, ручьи и поселки.

— Ага. Продираться сквозь заросли неохота.

Распределив, кто что ищет и на чем концентрируется, мы двинулись в путь. Не слишком быстро, чтобы Сангецу не отставала. Да и я не хотел торопиться, потому что отсутствие живности на острове немного напрягает. Обычно даже люди не могут выесть все живое вокруг, хотя бы чайки какие-нибудь остаться должны были. Тем более кряжистые кустарники, пусть и поломанные ветрами и почти оголившиеся к зиме, были прекрасным укрытием от охотников.

В этом мире я повидал слишком много мистики, чтобы игнорировать такие мелочи. Хотя, может, я просто излишне бдительный, и птицы улетели на юга перед зимой.

— Людей мы здесь, походу, не найдем, — разглядывая девственные заросли сбросивших листву к зиме ольхи и падуба с редкими зелеными пятнышками тиса, пришел я к неутешительному выводу. — Остров небольшой, скоро холода, а хворост никто даже не думает заготовить.

— Если не везет, то не везет до конца, — поморщившись, прокомментировал Кисаме. — С плавником тоже беда. Зато на костры дров полно.

— Угу, не замерзнем. Было бы еще кого на этих кострах поджарить.

Я никогда не отличался привередливостью, но миссии шиноби на земле и на воде имеют серьезные отличия в плане рациона. На суше всегда можно чем-то разнообразить диету, а на корабле мы уже несколько суток на сухарях, вяленых кальмарах и рыбе сидим, из всего разнообразия только сашими иногда. «Уранами» не предназначался для долгих путешествий, камбуза на нем как такового нет. Это самый распространенный тип джонок у каперов Кири, и теперь я понимаю, почему они такие злые были во время наших с Джи и Цунной охранных миссий на торговых судах.

— Повезет, так будет нерпа на ужин, — сказал Кисаме, наклонившись и достав из гальки желтоватый череп, покрытый зеленоватой пленочкой водорослей, — если найдем такую живую.

— О, а разве ее можно есть? — грустно спросила Сангецу. — Нерпы же... милые.

— Ага, милые. И вкусные! Жирненькие, — мечтательно произнес Хошигаки.

— Фу! Есть нерп — это все равно, что есть собак и кошек!

— Не, собаки и кошки слишком много болячек на помойках нахватать могут. Их только прибить, чтоб не мучились, но есть не стоит. Они ж, как люди, какого только дерьма в себе не носят.

Скептически посмотрев на Кисаме, увлеченно подначивающего мелкую девчонку, я только едва заметно покачал головой. Вот так взглянешь на этого синекожего амбала — вроде нормальный парень. А как он рот откроет, так обязательно что-нибудь выдаст эдакое. Очень надеюсь, он людей не жрет не только потому, что заразиться чем-нибудь боится.

Хотя от этих отморожков из Кири чего угодно можно ожидать. Может, друг друга они и не едят, но устройство социальное у них точно людоедское. И сами они выглядят странновато с этими заостренными зубами и всякими геномами нестандартными, из-за которых даже мое оригинальное тело на их фоне выглядит вполне нормально. Хакамадаре из клана Хебиичиго так вообще очень на меня похож — родственник все же по отцу. Без теней под глазами, но с характерными вертикальными зрачками, желтой радужкой и бледной кожей. Даже чешуя местами есть, вроде бы.

Нет, у них тут на островах реально своя атмосфера. Шарахаются от шиноби из клана Теруми, которые выглядят как нормальные люди, но принимают всяких Хозуки, Хошигаки и Хебиичиго, как будто у этих кланов нет кеккей генкай. Хотя Хозуки хитрецы те еще, они свой улучшенный геном называли хиденом. Может, отчасти это и так. Гидратация может быть и ниндзюцу пока. У Ибури способность в дым превращаться тоже когда-то была секретной техникой. На самом деле, и у Ибури, и у Хозуки, и еще у некоторых других кланов — все их уникальные способности произошли от одного генома, позволяющего манипулировать собственными телами чуть ли не на молекулярном уровне. У Ибури этот геном просто мутировал, Хозуки могут стимулировать его с помощью техники, а некоторые могут сливаться вместе, как Сакон и Укон.

По крайней мере, такая у меня гипотеза, которую пока исследования подтверждают.

Надо бы как раз еще у Хозуки генетический материал собрать, а то они редко мне попадают.

— Не надо меня есть! — испуганный писк Сангецу прозвучал как раз тогда, когда я придумывал схему передачи образцов в Ото. — От тебя я такого, Кёда, не ожидала!

— Да даже не думал я тебя есть! — сплюнув от досады, заверил я. — Хватит чушь всякую нести, Кисаме. Она ж верит.

— Пусть верит, — довольно рассмеялся Хошигаки. — Ее для этого с собой Мугецу и взял же.

— Не знаю я, зачем капитану приспичило с собой дочь брать, — проворчал я. — И как раз хотел узнать.

— Да чего тут гадать? — удивился было Хошигаки, но сам себе все быстро объяснил: — А, ты ж Юки. Вы, Покоренные, в Академии через одно место учитесь же... Мугецу хотел ее подучить людей резать, чтоб экзамен прошла без проблем. В Таке это можно под присмотром сделать и с пользой для дела. Сейчас с этой реабилитацией больше всяких Юки в подворотнях подрезать безнаказанно не всегда получается.

— Мне кажется, или ты нарываешься? — прищурившись, посмотрел я на этого остряка.

— Акулы едят своих братьев и сестер еще в утробе матери. Потому часто с самого рождения для них все вокруг — добыча. Мы теперь, вроде как, в одной команде. Так что берегись... меня, — посмеиваясь, со странным хищным добродушием ответил Хошигаки.

Где-то я эту его присказку уже слышал. Похоже, она ему по наследству от родителей передалась, вместо основных моральных норм. Может, она от рода Хошигаки и на все Киригакуре распространилась, потому что шиноби Тумана живут согласно схожим принципам. И хоть я прожил в Кири не так много времени, но его жители, мягко говоря, смогли меня неприятно удивить. Представлять жизнь на островах по слухам и рассказам — это одно, но окунуться в нее самому оказалось мерзко. Настолько, что я решил, что Туману не повредит серьезная встряска.

Я хоть и считаюсь некоторыми людьми богом, но сам стараюсь возвеличиванию самого себя не поддаваться. И обычно не считаю, что имею какое-то моральное право насильственно менять чью-то жизнь по своему усмотрению, однако в случае с Кири я все-таки удержаться не смог.

Когда я впервые решил разослать своих клонов по скрытым деревням, то узнал от шпионов в Стране Воды о планах Мизукаге создать новое подразделение из шиноби с кеккей генкай. Для этого он амнистировал всех людей с улучшенными геномами, запретив их дискриминацию по самому факту своего рождения, и объявил среди них набор в новый отряд. Причем к набору допускали практически всех людей подходящего возраста, не особо тщательно исследуя прошлое кандидатов. Имея в приемных дочерях бывшую Юки, мне представлялось несложным самому представиться членом этого клана и влиться в систему Кири.

Юным шиноби, дерзнувшим попытать судьбу и примкнуть к селению Тумана обещали не только амнистию и вступление в касту Покоренных, но и возможность подняться по социальной лестнице Кири и со временем даже стать вровень с такими небожителями, как Хозуки и Каратачи. Вот только после набора начался отбор. Мест в новообразованном отряде было семь, а набрали кандидатов в него больше сотни... И мне пришлось убивать детей. Даже несмотря на то, что в итоге сформировали несколько групп, и из сотни детей и подростков в живых осталось больше семи, но мне все равно по прихоти кирининов

пришлось лишить жизни многих.

Пришлось — это, конечно, сильно сказано. Я имел возможность проиграть, терял-то я при этом не жизнь, а всего лишь одного из клонов. Однако утрата мною клона не спасла бы жизни других детей, а я бы потерял возможность внедриться в Кири. Я мог бы взбунтоваться и попытаться перебить экзаменаторов, но это привело бы только к смерти вообще всех детей и новому витку страха перед «мутантами» в Кири.

Я оказался в паршивой ситуации, сильно меня возмущившей. Уйти и забыть о случившемся — слишком лицемерно и по-ханжески. Уйти, чтобы вернуться и всех принудить к правильному типу поведения — нерационально, логичнее и проще действовать изнутри, у Ото пока просто мизерные шансы противостоять Кири один на один. Остаться — поступиться своими принципами. Пусть дети шиноби в Стране Воды частенько являются просто моральными выродками, в них возвращается жестокость и приятие насилия, но такая деформация психики детей меня возмущала тоже. У нее ведь есть причины, устранить которые мне сильно захотелось.

— На этом острове мы и в самом деле станем поедаящими друг друга акулятами, — мрачно высказался Кисаме, в сердцах пнув подвернувшуюся под ногу гальку.

— Всегда можно наловить морских ежей и моллюсков. Их здесь должно быть много, — присев на гладкий гранитный валун и изображая усталость, заметил я.

— Здесь и нерпы должны быть! — недовольно буркнул Хошигаки. — А от них только кости. Хоть их вари.

— Нельзя кушать нерп! — снова пискнула Сангецу. — Здесь есть брусника. Вкусная!

— Если нет морских тварей, то водоросли точно есть, — кивнув на море, поверхность которого была устлана мясистыми стеблями зеленовато-бурого цвета. — И брусника, конечно, тоже есть.

— Травоядные! — презрительно процедил в ответ Кисаме.

Ну, его можно понять. Неделью питаться солониной и сухарями, далеко не самыми изысканными блюдами, а теперь иметь все шансы лишиться и этого сомнительного счастья — даже мне становится грустно. Перетертые в пюре водоросли типа ламинарии в Стране Воды блюдо местами национальное, но питаются ими бедняки и отнюдь не из-за выдающихся вкусовых качеств данного деликатеса. Несколько горстей брусники с такими перспективами по диете совсем слабое утешение. Тем более, чтобы до нее добраться, нужно будет продираться сквозь заросли ольховника и папоротника.

Мы прошли уже больше половины острова по побережью, и почти везде нам встречались заросли кустарника. Куда не кинь взгляд, ни одного нормального деревца. Пейзаж сменился только сейчас, когда мы вышли на северную оконечность острова. Здесь нам встретилось ровное побережье и на несколько сотен метров уходящую вглубь острова по пологому скату сопки пустошь. Похоже, очередным цунами здесь просто смело всю растительность и сейчас имелись только поросшие разнотравьем луга. Или сель с сопки сошел во время сезона дождей?

Хотя не так уж это принципиально. Главное, здесь не было ни деревьев, ни еды. Даже с водой проблемы, пока ни одного ручья нам не встретилось. Может, в глубине острова есть озерца с дождевой водой, но поди их найди. Проще морскую воду опреснять, силы на это пока есть.

И все-таки странный этот остров.

— Мы же близко к Пути Молчания? — припомнив карту, спросил я у Кисаме. —

Может, Забуза ошибся и мы севернее — почти на нем?

— Да не, тогда здесь бы и растений не было, — хмуро отверг мое предположение Хошигаки.

— Жаль, хорошее объяснение было бы.

— Хорошее? — расхохотался Кисаме. — Ничерта в нем хорошего нет! Если мы попадем на Путь Молчания и не войдем в течение, то нам конец. И ничего хорошего в этом нет.

Я не был бы так категоричен, но в чем-то Хошигаки прав. Этот Путь Молчания — странная и непонятная мне аномалия в море южнее Страны Молний, проходит по границе Страны Воды. Это, собственно, и есть ее естественная граница. Участок океана, протяженный архипелаг севернее основных островов Страны Воды, где находится какая-то чакро-магнитная аномалия, из-за которой всякая живность отказывается там селиться и напрочь отсутствуют воздушные потоки и морские течения, кроме одного, по которому и ходят корабли. Ни за что не поверил бы в существование этого места, если бы не пришлось несколько раз по нему пройти во время миссий по охране торговых судов.

По моим ощущениям, мы были далековато от той аномалии, но, может, здесь тоже что-то вроде нее имеется? Но нерпа, хотя бы одна, череп которой мы нашли недавно, здесь все-таки водилась. В остальном же, остров оказался на диво пустынен. Насекомые, мелкие только, несмотря на прохладу, здесь есть.

Хотя...

Я еще раз окинул взглядом каменистый берег, на котором мы сейчас оказались. Раньше мы шли по галечному пляжу, а здесь он сменился развалами мощных булыжников. Не понятно, с сопки их смело селевым потоком или из моря цунами принесло? Или здесь что-то строили? В принципе, бухточка-то удобная. Закрыта с одной стороны мысом, а с другой стороны — как раз каменный завал. Очень похоже на мол, искусственную насыпь, закрывающую пристань от волн. Правда, пристани не наблюдается, но зато там, где ее можно было бы расположить, видно еще одну грудку камней. И на покрытой пожухлой травой пустоши виднеются подозрительные овраги и едва видимый огрызок ровной поверхности как раз недалеко от возможного причала.

Очень это подозрительно!

— Что, возвращаемся с пустыми руками? — взглянув на Кисаме, кисло оглядывающего голый склон сопки, спросил я.

— Зачем с пустыми? Пройдем по тому берегу, забредем в заросли и попробуем набрать этой вашей брусники. Все какое-то разнообразие.

— Ура! — всецело поддержала его Сангецу.

— Значит, идем, — вставая с холодного валуна, тяжело подытожил я.

У нас были очень насыщенные сутки вчера, но сегодняшней день предвещал быть не лучше. Юные киринины, не стовариваясь и без подсказок начальства, сразу же сошлись во мнении, что им необходимо скорее передать сообщение Мизукаге о вероломном нападении Кумо, поэтому никто не собирался задерживаться на острове надолго. Неизвестно, есть ли выжившие после битвы при Косакаве, и удалось ли пережить шторм двум джонкам, сопровождавшим «Уранами». Если их команда — единственные, кто может предупредить о нарушении союзнических соглашений со стороны Облака, то нужно сделать это как можно скорее. Кири никогда в полной мере не доверяло Кумо, но даже так шиноби Страны Молнии имели больше возможностей для неожиданных атак. Чтобы не дать им воспользоваться этим преимуществом, нужно спешить.

Я тоже был не против этого, так как в моих планах пока не стояло уничтожение Киригакуре. Ослабление правящих кланов, чтобы увеличить шансы для внутреннего переустройства — это было бы идеально. Но победы Облака над Туманом мне не надо. Марионетка вместо Райкаге удобна, но всегда есть риск ее лишиться, и тогда вся мощь Кумо может обернуться против меня. Это и так неприятно, а если Кумо подомнет под себя ресурсы Страны Воды, то неприятности возрастут многократно.

Пока Ото не обретет силу, способную возвести ее на уровень абсолютного гегемона этого мира, нужно постараться сохранить баланс сил между большой пятеркой. У Страны Неба тоже были большие амбиции, и где они теперь? Ну уж нет, вряд ли моя страна в обозримом будущем сможет превзойти все пять Великих держав. Одну — еще куда не шло, но все разом — точно нет. Поэтому я приложу все усилия, чтобы сохранить их, чтобы они ослабляли друг друга для меня.

День на острове пролетел быстро. Добыча еды, ремонт корабля, попытки привести в чувство капитана — все это занимало много времени, учитывая, что рабочих рук у нас было всего четыре пары. Ну и Сангецу с Кисаме тоже можно считать за рабочую силу, но пока они были способны больше портить жизнь друг другу, чем помочь с бытовыми делами.

Зато они меньше остальных устали за прошлую ночь и в эту были вынуждены занять первые ночные дежурства, во время которых я незаметно вновь покинул наш лагерь. Несмотря на то, что мною была запечатана часть сил этого тела, «Кёда» все равно был выносливее генинов Кири. Моих сил еще хватало для того, чтобы удовлетворить небольшое любопытство, поэтому, оставив вместо себя в лагере клона, я направился к примеченной утром бухте.

Ночь была темной, небо снова затянули плотные тучи, закрыв луну и звезды. Во тьме угадывались лишь смутные силуэты кустов и камней. Взволнованно завывал ветер меж веток ольховника, шелестел пожухлыми листьями папоротник и с шумом бились о камни крупные волны. Холодный воздух нес в себе соленый запах моря и водорослей, в который примешивался тухлый душок от гальки. Этот легкий аромат гнили естественен для большинства побережий: в гальке и песке тухнут водоросли и принесенная прибоем органика. Но здесь, мне кажется, он был чересчур навязчивым.

Запрыгнув на ближайший гранитный валун, я хмуро осмотрелся по сторонам. В ночном мраке и без чудесных глаз основного тела я немного мог рассмотреть. Пришлось пойти на хитрости. Сложив три ручные печати, мои ладони замерли на Ину. Холодная чакра в теле заструилась по меридианам, упорядоченно вырываясь наружу и образуя в воздухе гладкие пленочки льда. Одна из вариаций *Макё Хьёшо* — десятки небольших зеркал из льда разлетелись в стороны, отражая вместо тьмы мои глаза. Уже через секунду я мог рассмотреть всю бухту со всех возможных сторон и ракурсов. Поправив структуру созданного Хьетоном льда, можно было при должном контроле техники рассмотреть мир в более широком, чем доступно обычному шиноби, спектре. Непростая техника, не столько затратная в плане чакры, сколько требующая умственного напряжения и высокого контроля чакры.

Не скажу, что видно мне было как днем, зато обзор был очень широкий, и была возможность рассмотреть все интересные детали со всех возможных ракурсов. И благодаря этому я пришел к выводу, что в примеченной мною ранее бухте все-таки когда-то располагалась гавань. Создана она была с помощью Дотона и разрушена им же. Да, разрушали ее целенаправленно, но я бы не сказал, что здесь имелись следы битвы. Такое

чувство, будто разрушили постройки сами строители.

Может, здесь стояла обычная перевалочная база кирининов, но остров не очень для этого подходит. Учитывая его не самое удачное для мореходства расположение и проглядывающие вокруг овраги, я больше склоняюсь к тому, что здесь была когда-то секретная база. И не обязательно Кири, у меня у самого в Стране Воды и на близлежащих островах есть парочка замаскированных укреплений, откуда происходит оперативное управление резидентурой и где проводятся некоторые опыты. Они расположены примерно на таких же никому не нужных клочках земли, только более основательно устроены. Здесь же, похоже, были какие-то временные бункеры, которые быстро возвели и от которых так же быстро избавились. Овраги на пустоши — явно следы обвалившихся подземных ходов, значит, они были не глубокими. Хотя не факт, что в ближайшей сопке нет еще тридцати-сорока скрытых этажей, и здесь вообще раньше могло находиться селение одного из кланов Кири.

Не покопаешь — не узнаешь. А так как на раскопки и прочую археологию времени у меня нет, то можно поступить попроще.

Ледяные зеркала с едва слышным хрустом осыпались на землю, неестественно быстро начав таять, когда я перестал поддерживать технику слежения. Вновь сложив ручные печати, заставляя чакру внутри себя преобразиться под новую стихию. Сначала быстро окружил себя слоем воздушного барьера, очищающего воздух. А затем снова пришлось ювелирно контролировать потоки энергии, чтобы ограничить действие следующей техники небольшой площадью, иначе был риск переполошить своими действиями лагерь. Мугецу уже начал приходить в себя и, несмотря на то, что он еще не восстановился полностью, Ороши и Хакамадаре все еще плохи, а Теруми и Кисаме умудрились слечь с лихорадкой, раскрыть меня в случае неосторожности с моей стороны они могли.

Дотон: Кайдо Шокутсу!

Этот клон был слабо расположен к Стихии Земли и вообще не имел связанных с нею геномов, но все-таки наработанные мною в основном теле навыки никуда не делись. Легкая дрожь пробежала по земле под моими глазами, с тихим шуршанием в паре метров от меня земля начала извергать из себя камни, гальку, почву и мелкий мусор, образуя подобие вулканчика. Техника транспортировала различные погребенные под поверхностью почвы предметы вверх. Может, что-то из подхваченного ею подскажет мне, что здесь находилось?

Но из земли начало показываться то, чего я совсем не ожидал.

Первая кость была воспринята мною спокойно — люди умирают и оказываются похоронены везде. Куда ни ткни — везде есть чей-то труп. Но здесь их оказалось слишком много! За первой бедренной костью на землю посыпались остальные части скелета, затем на почву вывалился сразу десяток черепов. Когда груды костей передо мной начала доходить мне до пояса, я был вынужден отменить технику.

Я что, на кладбище чье-то нарвался? Или могильник?

Мертвецы были еще относительно свежие по внешнему виду. Запаха я не чувствовал, заранее оградившись от пыли, которой непременно сопровождается техника *Кайдо Шокутсу*: техника очистки и сепарации газовой смеси, придуманная мною еще для Шичи Тенкохо, прекрасно работала и в качестве противогаса. Но отсутствие запаха не мешало мне визуально оценить состояние останков. На них уже не было плоти, но сохранились обрывки кожи и сухожилий с хрящами. В таком состоянии трупы вряд ли уже источали гнилостный запах. Пролежали они под землей, наверное, срок от года до лет пяти. И умерли примерно в

одно время, не имея, по всей видимости, при себе ни оружия, ни хоть какой-нибудь одежды, так как лоскуты таки мне не попадались. Это как-то подозрительно.

— Темная ночь, кладбище, опустевший остров... Замечательно просто, — мрачно пробормотал я, хмуро оглядывая мрачный холмик перед собой.

Подумав секунду, я нехотя сложил печать клонирования, создав еще одного теневого клона. Появившаяся возле меня копия «Кёды» недовольно посмотрела на меня, но со страдальческим видом все же двинулась к костям. Лично трогать их я как-то побрезговал.

Не скажу, что я хороший патологоанатом, или тем более криминалист, но хоть что-то все-таки смогу по останкам понять. Например, на костях не было видно повреждений, которые могли бы свидетельствовать об их насильственной смерти. Сросшиеся переломы имеются, свидетельства пережитых сильных нагрузок тоже есть, но все старые. Хотя на нескольких детских скелетах травмы относительно свежие, похоже, они занимались тяжелым физическим трудом с ранних лет. И почти все взрослые — и мужчины, и женщины — имели следы прижизненных травм, нанесенных режущими предметами. Судя по местам крепления мышц, все они были физически крепкие и тренированные люди. Явно шиноби.

И хоть ни у кого не наблюдалось травм, нанесенных оружием, которые могли бы привести к их смерти, я заметил кое-что другое на костях. Хотя для начала стоит отметить, что и на остатках кожи имелись странные повреждения, но она плохо сохранилась. А вот кости... Странная картина. У одной из куноичи имелись очаги остита с характерной чрезмерной минерализацией ткани на берцовых костях и на черепе, были воспалены крупные суставы. По всей видимости, она страдала последней стадией сифилиса. А вот у одного из мужчин в костях, наоборот, были очаги деминерализации — это скорее признак костного туберкулеза. А поражения на черепе еще у одного могут быть как следствием того же туберкулеза, так и микоза.

Реально могильник какой-то! Увиденное вызывало все больше вопросов. Почему все эти ниндзя оказались захоронены в одном месте? Почему они погибли одновременно? Почему здесь так много больных? Ирьенины, конечно, в большой массе своей не очень умело исцеляют инфекционные болезни, но при наличии времени вполне способны спасти от туберкулеза или сифилиса. Тем более, чтобы болезнь отразилась на костях, больные должны были болеть долго и упорно, их должны были как-то поддерживать и лечить.

— Проклятье!

Теруми и Кисаме с лихорадкой! Возбудитель туберкулеза в благоприятных условиях может существовать до семи лет. Вряд ли мои спутники могли заразиться именно этой болезнью, но мало ли что тут еще могло быть? Споры сибирской язвы? Ботулизма? Что за чумной остров, демоны б его побрали!

Рассыпаться проклятиями мне не дали. Чувство опасности и чужую жажду убийства я почувствовал слишком поздно. Это тело имеет прекрасный перечень кеккей генкай, но у него прискорбно низкие сенсорные возможности. Я дернулся, уже когда холодная сталь вонзилась мне в правое предплечье. Боль на мгновение затмила разум, когда лезвие скользнуло вдоль лучевой кости, соскабливая с нее надкостницу и разрезая мышцы. Ушел я от атаки, если это можно так сказать, только когда клинок уже почти достиг запястья.

Отпрыгнув в сторону и сдирая руку с чужого меча, я от души пропустил чакру Хьетена в поврежденную руку, замораживая кровь и притупляя боль. Один рывок в шуншине позволил мне оказаться в десятке метрах от атакующего. Скрипя зубами, я пытался подавить боль и лихорадочно всматривался во тьму ночи.

— Кушимару?! — невольно сорвалось с моих уст, когда я смог рассмотреть сквозь мрак бледное пятно маски оинина.

— Какой прыткий зайчик, — недовольно проворчал Куриараре, отступая обратно во тьму.

— Так ты все-таки жив, — раздраженно повел я головой, потеряв из виду противника.

— А ты надеялся, что какой-то никчемный придурок из Облака сможет меня убить? — прозвучали во тьме слова справа от меня.

— Очень на это рассчитывал.

Куриараре Кушимару. Несостоявшийся Мечник Тумана, возможный обладатель Нуибари, хоть и был лишен мною артефактного клинка, но все еще оставался сильным и опасным шиноби. Пусть он и не вошел в состав Мечников, однако только ввиду отсутствия у Тумана семи мечей. Он по-прежнему был мастером кендзюцу, пусть и владеет обычной катаной и все так же великолепно использует технику бесшумного убийства. Я даже не заметил его приближения! И сейчас не могу отследить его передвижения, пусть и знаю, что он где-то рядом.

— Неужели у вас с самого начала был такой план? — сказал я в пустоту. — Собрать нас вместе и дать иллюзию свободы, чтобы посмотреть на поведение? Вылавливаете шпионов среди детей?

— А ты умен, — недобро ответили мне из тьмы. — Я всегда думал, что истинным бунтарем на отборочных испытаниях была эта паршивка из клана Теруми. Оказывается, настоящий крот прятался в ее тени. Откуда ты? Казахана из Страны Снега? Или ублюдок из Юки, бежавших в Страну Волн? Или тебя в тайне вырастили в Стране Ключей?

— Если я отвечу, ты мне поверишь? — с насмешкой спросил я, пытаюсь пошевелить раненой рукой.

Кушимару мог убить это тело одним ударом, но предпочел ранить, лишив возможности складывать печати. Значит, хотел захватить живым. Хорошо еще, что не отсек мне кисть целиком. Хотя все-таки он меня недооценил.

— Нет, не поверю, — хищно ответил Кушимару.

Всплеск сакки заставил пробежать по хребту стадо мурашек. Кушимару готовится нападать. Очевидно, что не с той стороны, откуда прозвучал голос, но он в любом случае будет приближаться. Значит, мне можно действовать!

— Постой, — мягко произнес я.

Одно короткое слово, но я влил в него достаточно чакры, чтобы оно подействовало. Для гендзюцу *Коваку но Канген*, как правило, требуется произнести длинную речь, чтобы захватить разум противника во власть демонической иллюзии. Но заставить его остановиться, если это очень нужно, можно и одним словом, добавив к нему волну собственного сакки.

Естественно, это не остановило бы Кушимару надолго, поэтому мне пришлось быстро складывать печати целой рукой. С тусклой вспышкой надо мной засиял блеклый шар. Несмотря на малую интенсивность испускаемого им видимого света, для привыкших к темноте глаз его было достаточно. Пустошь вокруг меня озарилась трепещущим красным заревом, а промозглый влажный воздух с моря мгновенно высох под волнами идущего сверху жара.

Я успел заметить Кушимару прежде, чем он высвободился из-под действия гендзюцу. И уже через мгновение пальцы моей левой руки сложили новую печать, жар в кейракукей

стремительно сменился холодом, а позади Куриараре выросла блестящая ледяная стена. Мне оставалось сделать шаг назад, чтобы погрузиться в ледяное зеркало позади себя и выскользнуть из такого же зеркала за спиной Кушимару.

И все равно мне удалось лишь кончиками пальцев скользнуть по едва не успевшему скрыться в шуншине противнику. Но я смог! Куриараре, так и не успев завершить технику перемещения, покатился по земле, отчаянно вопя сквозь сжатые судорогой зубы.

Гедо но Ин. Печать внешнего пути не только запечатывала способности жертвы, но и вызывала жуткую боль при попытке использовать чакру.

Я еще успел взглянуть на корчащегося на земле Кушимару, прежде чем сам едва не свалился с ног от прокатившейся по телу боли. Чакра в каналах взбунтовалась, едва не разрывая их! Я знал, что так будет, но пришлось чем-то жертвовать, чтобы победить Куриараре быстро и без лишних трат времени. Использование едва ли не одновременно сразу двух кеккей генкай, Стихии Холода и Жара, имело свои последствия. Особенно с одновременным созданием запечатывающей техники и поврежденной рукой.

Сжав зубы, я покачулся, но смог удержаться на ногах. Замороженные было раны на руке снова открылись, и на землю вновь брызнула кровь. С трудом выдохнув сквозь стиснутые зубы, я все-таки смог заставить себя снова запустить в движение чакру. Рана на правой руке засияла во вновь опустившейся на побережье тьме бирюзовым сиянием медицинской техники.

Проклятье! До чего же эти живые клоны ущербные! Куча геномов, Шинигами бы их побрал, куча новых интересных и, может, даже полезных возможностей, но в моем родном теле так... Комфортно, что ли. Боль всегда можно подавить. Раны — мгновенно исцелить. Противника — заметить за версту. И размазать этого Кушимару по всему острову меньше чем за секунду! Пусть он гребаный Мечник гребаного Тумана, но он еще слишком молод и даже не вышел на пик своей силы.

Ладно, так или иначе, дело сделано.

Не без труда преодолев болезненную слабость в организме, я подошел к Кушимару. Присев возле него, я потянулся было к маске на лице оинина, но, подумав, отказался от идеи посмотреть в глаза этой твари. Не так это важно. Да, Куриараре Кушимару был глубоко неприятен мне. Отморозок, лишенный всякой жалости садист, получающий удовольствие от убийств. Но все же вряд ли в этом много его вины. Сама система обучения шиноби в Кири нацелена на создание именно таких психически деформированных личностей. Так что пусть уж он останется для меня просто безликим исполнителем, принимавшим непосредственное участие в отборе кандидатов в новый отряд и заставившим меня принимать в этом шабаше участие.

Лучше убедиться, что передо мной настоящий Куриараре, а не клон. Кушимару, вроде, не особо умелый в искусстве создания Водяных, или тем более Теневых Клонов, но мало ли. Без додзюцу в этом убедиться достаточно затруднительно, поэтому я предпочел запечатать способности киринина, а не убивать его. Если бы он оказался клоном, то в своем не самом лучшем состоянии мне бы пришлось иметь дело еще и с оригиналом, когда к нему пришли бы воспоминания от техники.

И мне все-таки попался сам Куриараре, а не его копия из чакры. Удачно.

— Кто... ты... мать твою?! — с трудом прохрипел Кушимару, пока я проверял его.

Помедлив с ответом, я все же сказал:

— Люди даже после смерти бывают слишком разговорчивы. Поэтому я для тебя просто

Кёда из клана покоренных и никчемных ублюдков.

— Мертвые всегда молчат...

Коротким ударом отправив Куриараре в забвение, я ответил уже не слышащему меня шиноби:

— В моих руках заговорят и мертвые.

Несмотря на неприятные последствия использования двух кеккей генкай, я все же имел еще силы. Хотя стоит подождать, пока восстановится подвижность правой руки. Складывание печатей одной левой все-таки негативно сказывается на контроле чакры, иначе я бы так не страдал от Хьетона и Шакутона.

Чтобы разобраться с раной, пришлось прибегнуть к темной медицине. Минут двадцать попотеть над сшиванием разрезанных мышц, связок и нервов — и готово. При попытке шевелить пальцами боль все равно чудовищная, но ее можно приглушить уже стандартными ирьениндзюцу, поэтому больше медлить я не стал. Тяжко вздохнув, поднялся и направился ко все еще лежащей на земле куче костей. Хотел выбрать из них ту, которая вероятнее всего принесла бы больше пользы, но плюнул на это дело — сейчас не поймешь, кто тут в этой куче самый информированный. Взял кость наугад.

Дальше подготовка к ритуалу не заняла много времени. Линии печати расчерчены на земле одним хлопком ладони, жертва и генетический материал призыва расположены в нужных местах. Дело за малым.

Мои руки последовательно сложились в печати Тигра, Змеи, Собаки, Дракона. Серия печатей завершилась хлопком в ладоши. Вырвавшаяся из тела чакра словно растворилась в пространстве, ушла в никуда. В спину ударил неприятный липкий ветерок со стороны моря, всколыхнувший жухлую траву и засвистевший в костях. В ответ на этот звук в воздухе раздался пронзительный низкий вой, а тело Куриараре начало растворяться в ночной тьме, поглощаемое поднимающимися из земли лепестками праха.

Кучиёсе: Эдо Тенсей.

Темная ночь, я на могильнике занимаюсь некромантией. Замечательно просто! Всю жизнь мечтал. Я точно еще в том же мире или переродился опять уже?

Тем временем прах вокруг тела Кушимару начал принимать окончательную форму, а само тело жертвы поднималось, словно марионетка на нитях кукловода.

Это был мужчина. Среднего возраста и в легкой броне с протектором Сунагауре на лбу. Наверняка перед смертью он был не в столь хорошей форме, но техника воскрешения вернула ему наиболее боеспособное состояние. Оставалось наложить печать контроля и начинать допрос.

В лагерь я вернулся только под утро, заменив как раз стоящего на дежурстве своего клона. К этому времени, кажется, уже все на «Уранами» кроме Сангецу имели признаки болезни, пусть и сами пока не знали того.

Да, наш поход определенно не задался. Шторма, сражения, и до кучи попали прямо на остров, где располагалась бактериологическая лаборатория клана Хебиичиго в частности и всей Киригауре в целом. Опыты над живыми людьми, заражение их опасными болезнями, хладнокровное наблюдение, фиксация поражения плода у беременных женщин... Замечательно! Похоже, люди просто никогда не меняются. Пусть они самые неагрессивные приматы, но благодаря своему миролюбию их стало слишком много, и теперь они усиленно сокращают свое поголовье массовыми методами. Местным наследникам самураев, похоже, на подсознательном уровне не давали покоя достижения своих родственников в другом

мире. Нанасаничи бутай местного разлива, черт бы его побрал!

Сев на баке «Уранами», я оперся локтями о колени, тяжким взглядом наблюдая за тем, как в зыбком утреннем тумане мельтешит Сангецу, пытаюсь помочь своему отцу. У Мугецу пока не было лихорадки, но он уже чувствовал легкое недомогание, которое пока списывал на недавнее перенапряжение. А вот Теруми с Китеки и Ороши уже совсем нехорошо. Забуза, вроде, в норме, в то время как Кисаме и Хакамадаре тоже точно заразились. Похоже, шиноби из Кири имеют иммунитет от выводимых на этом острове штаммов бактерий, хотя общее ослабление организма все же делает их уязвимыми.

Киригакуре начинает меня раздражать. Еще во время миссий на территории Страны Деревьев, когда мы с Цунаде и Джирайей впервые встретили выкошенные тифом хутора в лесах, я удивлялся, откуда бы там взяться шиноби Тумана, от которых мы потом с большим трудом сбежали. А оно вот как все было. Разносили заразу. Наверняка хотели подорвать силы кланов Камизуру и Абураме, но результат вышел более масштабным. А мне еще казалось странным, что Страна Воды заказывает не так много вакцин от эпидемии. У них, похоже, свои уже имелись. Заранее подготовились.

К сожалению, не одним тифом занимались местные микробиологи. Мои спутники подхватили что-то другое. Так, сходу, я понять не смогу, что именно. Можно попробовать провести посевы, или рассмотреть анализы с помощью придуманной мною еще в Конохе техники микроскопии клеток, но это медленный процесс. У меня есть идея получше.

— Сангецу, — позвал я девочку, с которой должен был дежурить. — Ты уже вторую вахту несешь, иди поспи.

— Но отец... — взволнованно и испуганно посмотрела на меня девочка.

— С ним все будет хорошо, — мягко перебил я ее. — Посмотри на себя, ты слишком устала и все равно сделала уже все, что могла. Не беспокойся, соберись и лучше постарайся отдохнуть, чтобы помочь тогда, когда это будет нужно.

Немного подумав, Хозуки подошла ко мне и села рядом, зябко обхватив себя руками.

— Я все равно не смогу уснуть, — мрачно сказала девочка.

— Тебе только кажется. Опустись голову и сама не заметишь, как уже спишь.

Не глядя на меня, девочка упрямо помотала головой и спросила, глядя в ночную тьму, которую только начинали рассеивать тусклые лучи солнца на востоке:

— Кёда, а теперь снова будет война, да?

— Да. Кумо напали на нас. Мизукаге не сможет оставить это без ответа, если узнает.

— Значит, отец снова уйдет... И может не вернуться.

— Это война.

— Зачем Облако это сделало? — устало подбрав под себя ноги и прислонившись ко мне, спросила Сангецу. — Мы же союзники.

— Наверняка у них были причины. Наши... Любые Какурезато могут сейчас быть союзниками, а вчера и завтра — врагами. Я уверен, что шиноби Облака нам мстили за что-то, о чем ни я, ни ты даже не знаем. А теперь мы будем мстить им. Так оно и бывает.

— Мечь, мечь, мечь! — зло прошипела Сангецу, но быстро поникла. — Я сама хочу мести... Мою маму убили, потому что она была из Покоренных. Все говорят, что несчастный случай, но я знаю, что это не так! Я хочу отомстить всем, кто забрал ее у меня! Но я не хочу, чтобы мой папа погиб, пока нам мстят Кумо... Почему все так сложно, Кёда?

— Да, жизнь она такая. Непростая, — погладив девочку по голове, неловко сказал я.

Еще с минуту мы просидели с девочкой молча, прежде чем ее дыхание стало глубоким и

ровным. Она уснула, а я аккуратно стер небольшое мокрое пятнышко на ее шее возле сонной артерии. В этом теле я не мог, как в основном, буквально источать располагающие к себе людей гормоны, зато мог незаметно провести их инъекцию прямо в кровь посредством техники *Суйтон: Суйка*. Сангецу даже не заметила небольшого водяного комарика на себе, так же как и Теруми в свое время.

Эта девочка, Сангецу, чем-то напоминает Итачи. Того, которого я по прежнему миру знаю. Тоже задает много странных для шиноби вопросов. Интересно, будет ли мой Итачи таким же, как она? Запутавшимся, вынужденным стать шиноби и убивать. А ведь я сам отец, кстати. Даже в этом мире уже дважды отец, но мои дети такие же, как сотни и тысячи других. Ничем не лучше и не хуже, все они достойны лучшей доли для себя. Хотя бы иметь возможность не попадать в такие запутанные ситуации, как Сангецу. Жить в мире, не желать мести и не страдать от мести. Я должен был сделать так, чтобы все они имели лучшую жизнь. Как отец. И как гребаный, мать его, Рюджин!

Они этого достойны, но пока я, кажется, не делаю ничью жизнь проще. Невольно мои действия ускорили начало Второй мировой войны, а теперь я осознанно толкаю мир к началу Третьей.

— Не мир я принес вам, а меч, — ровным тоном пробормотал я, продолжая гладить спящую Сангецу.

Жаль, что я слишком никчемный и ненастоящий бог, чтобы решить все проблемы и снять все грехи своей смертью и воскрешением. Пока только получается мостить путь в светлое будущее чужими жизнями.

Ладно. Хоть так, но, надеюсь, у меня это получится. Но пока нужно спасти своих напарников и свою успешную интеграцию в Кири. Иначе все те смерти, благодаря которым я добился хотя бы своего нынешнего положения, окажутся напрасными. Оставить Туман прежним я уже не могу, так что нужно постараться.

Вылечить больных, в принципе, достаточно просто. У Сангецу точно есть иммунитет, скорее всего, она вакцинирована недавно. Нужно только безопасно и быстро выделить из нее антитела и поделиться ими с другими. Правда, в нынешнем теле это будет сложновато, но у меня есть Хакамадаре Хебиичиго, вот он-то мне и поможет, сам того не зная.

Глава 24. Связывающие пряди

21 декабря 45 года от начала Эпохи Какурезато

Странные эти города в Стране Земли. Для жителя Страны Огня странные. Вот вроде архитектура почти идентичная по стилю с южной, но суть в том, что дерево здесь при строительстве используют в минимальном количестве. Не растет строевой лес в гористой местности, характерной для Страны Земли. Если когда-то он здесь и был, то его давно извели под хозяйственные нужды, а освободившиеся земли пустили под поля.

Домики Миматы, городка на торговом тракте, встретили меня серыми каменными и кирпичными стенами и такого же цвета шиферными и черепичными крышами. Все поселение было словно седым из-за всеобщей серости. Ее разбавляли только яркие желтые листья гинкго на синих полотнищах флагов — герб Миматы. Сами деревья гинкго, единственные крупные деревья, оставшиеся в округе, тоже имелись, но в это время года они давно лишились листвы. Город был припорошен снежком, погода не слишком холодная, но достаточно мерзкая, чтобы улицы не выглядели оживленными. По покрытым утрамбованным щебнем и вымощенным булыжниками дорогам торопливо сновали редкие жители поселения и торговцы. Ну, теперь еще и я с тремя спутниками здесь объявились.

— Мимата, Мимата... Кажется, я что-то про этот городок слышал, — пробормотал я, пока Канрю Чиноике договаривался о завтрашнем пути с караванщиком, на чьих фургонах мы пересекли границу Страны Земли.

Память у меня замечательная, но со временем она начинает сильно захламляться. Начинаю замечать, что иногда упорно не могу выудить нужную, но не слишком значимую, информацию. Она просто витает на краю сознания, но ухватиться за нее сложно. В процессе перерождения абсолютная память была полезна, но уже в жизни, особенно нагружаемая сразу несколькими клонами, она начинает давать сбой.

— Здесь находится самая южная академия проституток, — с готовностью подсказала мне Акицу Фума. — О ней многие слышали!

— Акицу! — сердито шикнул на девушку Котоширо. — Не забывай с кем говоришь. Рюджин-сама выше всяких борделей.

— О, точно! Бордель! — все-таки ухватил я нужную мысль за хвост.

— Рюджин-сама?! — с нескрываемым удивлением и упреком воскликнул в ответ на мои слова Котоширо.

— Сейчас я не Рюджин, — поправил я Узумаки.

— Простите, Тацума-сама, — быстро исправился Котоширо. — Но все равно бордель? Это...

— Во-первых, если мы в наших нынешних образах в него не зайдем, то будем слишком подозрительны. Во-вторых, бордель борделю рознь, — решил я просветить парня. — В Стране Огня есть публичные дома с проститутками, а есть «чайные» дома с гейшами. Вторые обычно продают не свое тело, а настроение. В Стране Земли «дома весны» сочетают и то, и другое. Гейши здесь принадлежат государству и находятся на том же социальном уровне, что и *эта*, *санка* или *хинин*, но они бывают более образованные, чем шиноби и чиновники, которых должны развлекать. У местных гейш можно узнать много интересного, если делать это аккуратно. Или попасть под наблюдение Ивагакуре, если действовать не аккуратно.

В бордель и в самом деле стоило зайти. В Стране Земли публичные дома находились в собственности государства и все гейши, которых правильнее называть ойран, в них были крепостными. То есть, сильно ограниченными в правах, но зато у них был шанс получить хорошее образование. Они должны уметь не только и не столько удовлетворять сексуальные нужды мужчин, но и петь, писать стихи, лечить, разбираться в управлении, политике, психологии и еще невесть в чем, чтобы поддерживать беседу с самым разным контингентом важных лиц. Обычно, из-за господствующего в Стране Земли философского учения наподобие конфуцианства, женщины здесь покорны, но не очень умны, если не считать куноичи. Гейши на общем фоне отличаются образованностью. И хоть жениться на них нормальным людям запрещено, но аристократия и чиновники часто берут их в наложницы, выкупая из борделей.

Такое уникальное положение, позволяет гейшам в столице непосредственно влиять на политику, а в таких провинциальных городах, как Мимата, публичные дома становятся не столько центрами досуга, сколько офисами контрразведки и государственной безопасности. Девочки в них, конечно, зачастую попадают не по доброй воле, встречаются даже пленные куноичи с поврежденными каналами чакры из других стран, но все они контролируются «мужьями» — сутенерами из числа демобилизованных шиноби Ивагакуре. На этом часто попадаются шпионы. Ойран — одни из самых осведомленных людей в Стране Земли, и многие из них готовы сотрудничать с другими государствами лишь бы выбраться из долговой ямы или рабства, но успешно получить у них нужную информацию получается далеко не всегда. Чаще сами гейши получают данные и передают их шиноби Ивы, чтобы выслужиться и хоть как-то улучшить свое положение.

Мне же не требовалось вызнать никаких особых тайн, так что риск попасться и быть раскрытыми особистами Страны Земли был минимален. Военной, технологической и экономической разведками в Стране Звуча занимались соответствующие органы, мне же нужно было просто непосредственно сформировать собственное представление о родине Ивагакуре.

Так уж сложилось, что о Стране Земли я знаю только из слухов и докладов, лично за все тридцать с лишним лет жизни в этом мире меня сюда судьба не заносила. В Стране Молний был, в Стране Воды был, в Стране Ветра даже помог одной королеве провинцию увести и дочь с ней зачал. А Страну Земли только по границе обходил. Ничего критичного в этом нет, но все-таки лучше будет посмотреть, чем здесь народ живет.

— Атмосфера здесь напряженная, — вполголоса заметил Канрю, когда мы заходили в Мимата.

Чинойке подозрительно оглядывал пустынные улицы, заложив руки за пояс, где прятал сенбоны. Я почти физически ощущал его желание активировать кецурьюган, чтобы осмотреться.

— На границе опять беспокойно, а до нее всего сто километров, — отмахнулась Акицу. — Для обычного горожанина путь долгий, но шиноби могут это расстояние преодолеть быстро.

— А еще сейчас зима, — устало пояснил я. — Обычно, люди предпочитают в холода по домам прятаться, понимаете вы это или нет, а? Жители теплого побережья и долин горячих источников. Хотя напряженность на границе тоже сказывается, но в Страну Земли шиноби других стран проникают крайне редко, так что вряд ли это сильно беспокоит жителей.

— Простите... Тацума-сан, — с запинкой в разноречивой извинились мои спутники.

— Не забывайте о своих образах. Идем.

Все-таки иногда я жалею, что не могу брать с собой в путешествия Мицуко, Малис и Хачи Фуму. Ветераны нужны в Отогауре, но с ними изображать группу гражданских, купцов из Коме-дза, было бы гораздо проще. За моими нынешними спутниками придется приглядывать, а то точно шинобская натура вылезет. Среди ниндзя Отогауре есть, конечно, и ориентированная на работу под прикрытием молодежь, но ее боевые качества низковаты. Для основной моей миссии они могли бы быть бесполезны. К сожалению, таких универсальных шиноби, как я, вырастить очень сложно.

Котоширо, Акицу и Канрю самые перспективные кадры. Они прекрасно умеют маскировать свою чакру с помощью клановых секретных техник и имеют внушительный боевой потенциал, только опыта маловато. Они слабо представляют, как живут обычные гражданские, чтобы примерять на себя их личину. Вот со мной и придется этот опыт набирать.

Сам я сейчас вновь стал Тацумой Гото, только облик стянул с одного из приговоренных к смертной казни преступников. Котоширо пришлось отстричь и перекрасить волосы, а так же подавить чакру, выдавая себя за не блестящего талантами самурая на службе торговой гильдии. Схожим образом замаскировался Канрю. А Акицу, девушка из клана Фума, приняла с помощью хидена облик полноватого и лоснящегося купца, моего напарника.

По зимнему холодку народу на улицах было немного. Не скажу, что было очень морозно, но ветрено, это останавливало жителей от гуляний. Обычных торговцев такая погода тоже заставляла пересматривать маршруты своих караванов, однако мы все же внимания лишнего не привлекали. Гербы Коме-дза были здесь хорошо знакомы, и многим было известно, что торговая гильдия с большой щепетильностью относится к своим знакам, следя, чтобы никто посторонний не мог нацепить на себя их камон и бросить тень на организацию.

Мне одежда с заключенным в круг иероглифом, обозначающим рис, попала в руки совершенно законным образом, как и ярлык с таким же гербом, так что гнева гильдии мне опасаться не приходилось. Этот мир пока не докатился до корпоратократии, но хорошие знакомства с торговыми организациями все равно имели свои плюсы.

— Миленькое здание, — потирая пухлые ручки, пропела Акицу, хорошо вжившись в свою роль. — Здесь к публичным домам относятся с душой.

— Просто здесь академия ойран. Обычный бордель от таковых в Стране Огня не отличается.

Академия, конечно, была чуть в стороне, но Канрю в чем-то прав. Публичный дом Миматы, если так можно выразится, образцово-показательный. Растительные мотивы в росписи на стенах, зеленые полотнища флагов с душевными стихами, творчеством выпускниц местной академии, зеленые же ленточки, декоративные архитектурные излишества и прочее — просто дворец в миниатюре.

Вид портили только столбы черного дыма из дымоходов по периметру здания — теплые полы в Стране Земли вещь распространенная, но отапливают их в Мимате, похоже, кизяком. Самое доступное топливо. Зато внутри красиво и тепло. Запах масел, рисового вина, воска, вкусной еды, играет легкая музыка, слышно пение и женский смех. Чувство, будто попал в элитный ресторан, а не бордель. Собственно, в Мимате бордель и был помимо прочего рестораном, а так же гостиным двором и баней. Город располагался на главном тракте, соединяющем Страны Огня и Земли, платежеспособных посетителей здесь всегда хватало,

так что и инфраструктура для вытягивания из них денег имелаась.

При входе нас, естественно, встретила одна из местных девочек. Вряд ли это была бордель-маман, но кто-то из старших ойран точно. Профессиональная лучезарная улыбка, милое личико, услужливый тон голоса — максимально обезоруживающая комбинация. Раз время близилось к вечеру, пришлось договариваться не только об ужине, но и о бане и ночлеге. В горах да еще и зимой сумерки наступают рано, караван сегодня дальше не тронется. Не хотелось бы задерживаться, но придется потерпеть еще пару дней.

За все про все в «доме весны» пришлось сразу же оставить с тысячу рё. И не жалких бумажек Страны Огня, а полновесные банкноты Страны Земли. Валюта последней была покрепче. Правда за эту сумму был получен вполне соответствующий сервис: отличные гостевые апартаменты, изысканный ужин и баня в компании местных работниц. И если купания с ними мне были не особо интересны, то побеседовать за столом я не прочь.

— О, Гото-сан, так вы из Кома-дза? — обрадованно уточнила девушка, сидевшая справа от меня и льнувшая ко мне, звали ее Сайка.

— Да, скромные члены гильдии, — охотно откликнулся я, тоном намекая, что на самом деле далеко не такой скромный.

— Нас редко балуют вниманием уважаемые торговцы рисом, — с долей грусти, но без малейшего намека на укор произнесла другая девушка, назвавшаяся Ханавой и обхаживавшая маскирующуюся под мужчину Акицу.

— И это большое упущение! — довольно жмурясь и походя на располневшего наглого кота, сообщила Фума. — Страна Огня велика, но в еде нуждаются и люди за ее пределами. Эти никому не нужные границы мешают нам обеспечить рисом весь мир!

— В последние годы границы вам уже не так сильно мешают, — прыснув в кулачок, польстила Ханава.

— Ох, это лишь капля в море, — изобразив недовольство, проворчал я. — Эти войны шиноби создают ненужные риски. Компаньоны в гильдии готовы упустить большее, чтобы не потерять малое. Продвигать торговлю на север сложно.

— Их можно понять, Гото-сан, — обворожительно улыбаясь, сообщила Сайка. — Война давно завершилась, но даже сейчас на границах все еще стоят усиленные гарнизоны. Сильные мира сего видят его иначе, и нам, простым смертным, приходится быть осторожными, чтобы не попасть под стопы титанов.

— Как верно подмечено, Сайка-тян! — охотно поддакнул я девушке. — Но если никто не решился бы рисковать, то разве Кома-дза достигла бы своего величия?

На самом деле, моя собеседница немного лукавила. То, что она назвала «усиленными гарнизонами», на самом деле появилось недавно. Ивагакуре увеличила численность патрулей на границе лишь недавно, когда мелкие стычки между Кумо и Кири участились и уже перестали походить на обычную подковерную грызню двух какурезато. Если бы не сезон штормов, то между двумя странами наверняка уже вспыхнула бы полноценная война.

После прошлой войны прошло слишком мало времени, а местные люди не имеют привычки быстро забывать или прощать былые обиды. Мирные переговоры, приведшие к окончанию Второй мировой во многом были вынужденным решением, поэтому многие понимали, что в сваре между Кири и Кумо можно ухватить свой кусок.

Раньше Облако и Туман были ситуативными союзниками, им обоим нужно было снизить влияние Страны Огня на восточном побережье. Добившись этого, они тут же не вгрызлись друг другу в глотки только по причине опасения других шиноби. Однако

достаточно веский повод все-таки привел к началу конфликта. И теперь оперативная напряженность других какурезато резко выросла: отряды шиноби почти перестали брать заказы от населения, находясь в основном на миссиях от дайме, на том же патрулировании границ или в разведке. Не скажу, что все готовы вновь ринуться резать друг друга, но ждут возможности взять небольшой реванш при удобном случае.

Рано или поздно этот случай подвернется. Так что, похоже, в этом мире, в отличие от оригинала, Третья мировая началась в море, а не на суше. Примерно к тому все и идет, хотя я пока еще не уверен, что вижу всю картину. Есть некоторые вопросы, которые я хотел бы попутно решить в этом путешествии.

— О, расширение бизнеса — это прекрасная идея! — восторженно произнесла Сайка, подливая мне в чашу вина. — Кабунакама Кайгансен на западном побережье не держится на одном производстве и имеют большое влияние. Коме-дза Страны Огня имеет все шансы повторить их успех.

— Именно! Об этом я и думал! К сожалению, не все компаньоны согласны со мной. И конкуренты в Стране Огня не дремлют. Не думаю, что с такой низкой поддержкой внутри гильдии, мне удастся подбить на кооперацию другие объединения, — недовольно сообщаю я. — Нужно искать другой подход к компаньонам. Показать перспективы реальным примером. Удачно, что сейчас Страны Огня и Земли начали диалог и идут к укреплению мира друг с другом. Это открывает большие перспективы. Нужно только нащупать их...

— Для этого ведь мы и прибыли сюда, — довольно посмеиваясь, поддакнула мне Акицу.

— Да-да! В Стране Деревьев сейчас много работы для углежогов, Страна Земли скупает древесный уголь большими партиями. Север Страны Огня тоже богат лесами, у меня появляются заманчивые идеи. Только дело это новое, не так много специалистов в Стране Огня. Чтобы получить прибыль от угля, придется много вложить. А спрос непостоянен. Можно прогореть на угле.

— О, Гото-сан, Страна Земли — страна севера. У нас всегда есть спрос на уголь, — с грустью заметила Сайка. — Вы сами должны были видеть дым печей, когда шли по городу.

— Сейчас развивается электричество, — с сомнением произнес я, поглаживая подбородок. — С этим новым металлом Страны Звука его можно дешево поставлять на большие расстояния и обогреваться им.

— Если столько гор, как у нас, то это уже не так дешево, — с самоиронией рассмеялась Ханава. — Тем более население в нашей стране растет, топлива требуется больше. А это лето выдалось очень жарким. Были пожары на торфяных полях, добыча была очень низкой, поэтому спрос на уголь вырос.

— То есть, это разовое событие? — изображая легкое недовольство, уточнил я.

— Если бы это было так, то было бы просто прекрасно, — снова с небольшим укором в мою сторону, произнесла Сайка, явно намекая на недовольство желанием обогатиться на чужом горе.

— О, прости, Сая-тян, если показался слишком жадным!

— Такая уж профессия у вас, Гото-сан, — приняла извинения девушка. — Но что касается угля, то старые торфяные поля истощаются, а новые слишком далеко на севере и топливо оттуда поставлять все труднее, не так ли, Хана-тян?

— Точно, точно, — закивала вторя собеседница. — Доходили такие слухи. Дейтан-дза, гильдию добытчиков торфа, даже выкупил двор дайме, чтобы спасти от банкротства.

— Понятно. Это интересно.

Примерно в таком духе проходил наш ужин, вкусные закуски, немного рисового вина — что-то вроде саке, но со своими особенностями, но, главное, ойран охотно отвечали на некоторые вопросы, связанные с экономикой.

Значит, выросший спрос на уголь власти Страны Земли решили объяснить горением торфяников? Звучит логично, лето и в самом деле было слишком жарким, легко поверить в то, что это могло вызвать подземные пожары. Вот только я не поверю, что на ликвидации такого уровня чрезвычайных ситуаций, когда под угрозой главный источник энергоресурсов, не привлекли бы шиноби. Зимы в Стране Земли холодны, несмотря на теплое течение, омывающее все ее побережье. Лесов здесь мало, единственное доступное и массовое топливо — торф.

Ивагакуре подавить подземные очаги возгорания не сложно. И даже если шиноби этого не сделали, то я не замечал роста спроса на водород в Стране Земли, как на альтернативное топливо. Нет, сейчас цены на горючий газ выросли в разы, настолько, что уже становится рентабельной добыча его не только с помощью биофотолиза, но и классическим электролизом. Начинается легкий дефицит водорода, но его сильно сдерживает сложная логистика. Уж в Страну Земли его выгоднее отправлять, чем развозить по Стране Огня — морские перевозки пока дешевле наземных.

Мне, конечно, играет на руку умеренно растущий спрос на водород, и резкий скачок его потребления в Стране Земли вызвал бы ненужный рост цен. Это позволило бы Стране Молний с большим энтузиазмом вкладываться в свои разработки по добыче горючего газа из воды — с их развитой электроэнергетикой дойти до промышленного электролиза воды проще, чем остальным странам. Но все равно предпочесть уголь водороду в Стране Земли должны были не на пустом месте. Древесный уголь по цене пока немногим меньше, а скоро может и сравняться. Его хранение дешевле и проще, но доставка по дорогам усложняет логистику. Может, Дайме Земли тоже видит ситуацию с ценами на водород и желает замедлить разработки Страны Молний, политическим решением сделав ставку на уголь?

Есть еще один момент. Рост потребления энергоносителей связывают с ростом населения и промышленности, то есть с увеличениемстроек. Однако количество караванов со строительным рисом, с одним из которых я и прибыл в Мимату, не увеличилось. Строительный рис — сорт с повышенным содержанием амилопектина, который традиционно применяется для создания прочного цемента. Учитывая архитектуру Страны Земли, то любое строительство нуждается в большом количестве цемента, а значит и строительного, или любого другого, риса. Хотя, может, в Стране Земли просто наконец дошли до технологии производства полностью неорганического цемента. Это, кстати, так же объясняет рост потребления торфа и угля — для нормального цемента без использования белков и углеводов из органики, нужны пережженные минералы вроде гипса.

И, кстати, не так давно в Стране Луны были замечены необычные суда с низкой осадкой. И были сообщения о потерпевших кораблекрушение недалеко от Роурана шиноби Страны Земли — история из разряда баек, и в нее я бы не поверил, если бы услышал не из уст Сальмы. Но, главное, мне удалось получить информацию от разведки Кумогакуре, обнаруживших несколько новых верфей в Стране Земли и даже заполучивших один из кораблей, выпущенных на них. Похоже, там не только освоили производство цемента, но и научились делать железобетон и суда из него. Вполне себе ходкие бетонные кораблики получились, неповоротливые, тяжелые, но прочные — в самый раз для прохода по северному

океану. Отличные суда, особенно, если страна находится под эмбарго соседей. В Страну Земли Страна Огня никогда не поставляет корабельный лес и строевой тоже. Таким стратегическим строительным материалом страны вообще торгуют очень в ограниченных количествах.

Северное побережье Страны Земли, несмотря на теплое течение, благодаря которому море там почти никогда не замерзает, все-таки слишком близко к полюсу. И там полно айсбергов, которые тем самым течением часто приносят далеко на юг, что сильно мешает судоходству в водах между Странами Молнии и Земли. Но с железобетонными кораблями льды и вмораживание в воду уже не так опасны, и появляется возможность ходить северным морским путем к, например, Стране Луны, минуя наземные торговые пути через Роуран. И, кажется, это еще одна причина, по которой в оригинальном мире город тысячи башен в итоге пришел к упадку.

С нынешними проектами страну моей королевы вряд ли ждет большой экономический кризис, хотя потерь все же не избежать. Это стоит в будущем учесть и предупредить Сальму.

Но вопрос все еще не решен. Зачем все-таки уголь Стране Земли? Даже препятствовать развитию водородной энергетики в Стране Молний можно, заменяя горючий газ электричеством, которое в этом мире получать гораздо проще, чем в моем старом, а не углем. И для производства цемента, и для отопления домов, и для любой промышленности не обязательно жечь уголь, подойдет любой источник энергии. Уголь может быть нужен для химических реакций. А точнее углерод в нем.

Гм, железобетон для кораблей ведь предполагает в своем составе не только цемент, но и армирующие элементы. Обычно в местной промышленности при строительстве используют бронзу, медь, свинец. Сталь только в редких случаях, в больших количествах и хорошего качества ее производить в сыродутных печах, тигелях или татарах сложно. Много примесей, неоднородное по количеству углерода — требуется очень качественная руда, вроде железистого песка Страны Ветра, и дополнительная механическая обработка, кузнечная сварка. Оружие делать из такого металла выгодно для экономии ценной бронзы, а вот в промышленности его использовать уже нет.

Если к моим выводам добавить некоторые оговорки гейш, то, похоже, в Стране Земли научились выплавлять сталь более современным, пусть и затратным способом. У них достаточно торфа, дополнительно завозят древесный уголь. Строительные материалы, вроде огнеупорного кирпича и цемента, здесь производить умеют. С рудой проблемы, фосфора в ней много и серы, а поставки железистого песка из Страны Ветра строго ограничены. Правда и фосфор, и серу можно удалить из расплава химическим методом. Вывести их в шлаки, например, негашеной известью или содой. Для получения первой тоже необходимо много топлива, вряд ли ее производят много именно для очистки металла. А вот соду закупить с солончаков в Стране Песка будет дешевле, чем Страна Земли и занимается.

Откуда в Стране Земли появилась эта технология? Могли выкупить что-то в Стране Луны за возможность пользования северным морским путем. Бетонные корабли ведь могли сначала армировать той же бронзой, значит и открыт путь мог быть раньше. И еще мои агенты в Корне упоминали о каких-то «высоких печах» Страны Земли, но анализом информации занимались в отделе, в котором моих шпионов нет. Я, конечно, не специалист, но домны же, вроде, высокие? Учитывая, что сталелитейная промышленность — это масштабный проект, наверняка Корень уже узнал о нем. Его агентурная сеть в Стране Земли явно лучше моей хотя бы в силу того, что ее сформировали гораздо раньше, чем Отогакуре

вообще появилось на свет. Жаль, резидентура Кумогакуре крайне неразвита, Облако концентрируется на увеличении военной мощи и в шпионские игры вкладывается по остаточному принципу.

А ведь выплавка чугуна и стали в больших масштабах — это веский повод в глазах кого-то вроде Данзо для новой войны. Спровоцировать конфликт, пока Страна Земли не наделала себе кучу оружия и не развила свою экономику. Если верить моим знаниям из прошлого мира, что-то подобное Корень и должен бы сотворить. И, если говорить откровенно, то мне конкуренты в будущем производстве стали тоже не нужны. По крайней мере, пока технология восстановления железа из оксидов водородом не достигнет промышленного уровня.

Ужин и беседа с ойран давно закончились, мы с Акицу, которая, естественно, все еще была в облике мужчины-купца, отмокали в бане. Здесь купальня была стилизована под естественные горячие источники, судя по запаху от воды, она даже была минеральная, только вот не геотермальная. Да и ладно, какая вода в бане мне без разницы. Вот прибрежные воды Страны Горячих Источников, острова Водоворота, Страны Чая и даже Страны Огня мне бы были очень кстати. Пора задуматься о расширении водородных ферм, вот только ближайšie и наиболее удобные для них воды сейчас все в центре внимания Великих держав.

В банях, как и в главном зале борделя, для каждой группы посетителей имелись индивидуальные помещения, поэтому была возможность отдохнуть спокойно. Вот только само понятие борделя предполагает отдых весьма специфический, потому вскоре наше с Акицу уединение было нарушено.

Тихий шелест занавесей, набранных из стеклянных бусин и звуки босых ног о керамические плитки полы привлекли мое внимание еще прежде, чем гостья ласково произнесла:

— Дорогие гости, позвольте этой ничтожной скрасить ваш вечер.

Мне стоило некоторого усилия сохранить на лице спокойное выражение. Хотелось как минимум поморщиться, так как скрашивать наш вечер отправили девчонку, которой я на взгляд не дал бы больше шестнадцати лет. Черноволосая, коротко подстриженная, лицо чистое, но под глазами виднеются мешки, видимо, от усталости. Большая часть тела скрыта полотенцем, но видно, что фигура подтянутая, хотя откормить бы нашу гостью немного не помешало. Но больше всего меня поразило не внешний вид девушки, а странный контраст от ее соблазнительной позы, легкой улыбки на лице и томных глаз с волной излучаемых ею эмоций.

Я только недавно начал разбираться в способности Курамы ощущать эмоции, и все еще до конца не понимал, как он это делает. Но сейчас я, кажется, ощутил чужие чувства так же, как и Кьюби. И, к сожалению, это была не ненависть, а глубокое отчаяние. С теми, кто меня ненавидит я как-то больше привык дело иметь, чем с девушками, находящимися в депрессии и тщательно это скрывающими.

— Мы такое заказывали? — вскинув бровь, обратился я к Акицу.

— Ну... — старательно отводя взгляд, протянула Фума. — Я подумал, что раз уж мы здесь, то почему бы и нет. Только расценки у них такие, что я взял только одну. На пробу.

Эта мелкая зараза! Хотя, не закажи мы таких услуг, то это выглядело бы странно.

Снова взглянув на пришедшую девушку, я заметил, что улыбка на ее лице стала какой-то неестественной, а ее эмоции стали еще более мрачными. Вряд ли она так рассторена тем,

что не приглянулась мне. Скорее ее ждут проблемы от начальства за то, что не смогла ублажить клиентов.

— Присоединяйся, — указав на свободное место в просторной каменной чаше, наполненной горячей водой, предложил я, — отдохни. Тебе это, похоже, не помешает.

— Благодарю, господин, — снова ожила улыбка на лице ойран.

Выгонять ее будет сейчас не слишком культурно, да и интересно, с чего бы я ощущал так хорошо ее эмоции. Пока ойран шла к нам, я прикрыл глаза и, активировав кецурьюган, осмотрел ее. Если эта девчонка не использует какую-то технику маскировки, вроде той, которая сейчас на Акицу, то она не шиноби. Хотя система меридиан достаточно развита, что не характерно для обычных людей, но она явно не испытывает нагрузок, связанных с контролем чакры. Вообще, похоже, что девушка испытала на себе воздействие яда или пережила сильную болезнь, приведшую к разрушению части каналов и нарушению циркуляции энергии, из-за чего чакрой пользоваться эта ойран не могла. Плюс, на ней было какое-то джуиндзюцу, запечатывающее последние крохи умений и, наверно, способное брать контроль над ее телом. Что-то вроде проклятой печати марионетки.

Плененная куноичи? Или кто-то из местных, которой не повезло с родственниками? Кецурьюган на такие вопросы ответов не дает.

— Как тебя зовут? — интересуюсь у девушки, которая, видимо, не совсем понимала, как себя с нами вести и, погружаясь в горячую воду купели, выглядела скованной.

— Фуен, господин.

— Неудачливая невеста? — быстро предположила значение имени Акицу.

— Нет, — с немного неестественной вежливой улыбкой, ответила ойран. — Мое имя означает «приходить на помощь».

— Красивое имя.

— Да и сама ты очень ничего, — оценивающим взглядом окинув фигуру девушки, признала Акицу.

Ойран так и не рассталась с полотенцем, но, намкнув, оно пристало к телу, очертив подтянутую фигуру девушки. Симпатичная, не спорю, но, к счастью, я давно научился подавлять свою похоть, которая пришла с генами Сенджу и Узумаки. У меня получается держать себя в руках, если женщина сама не влюблена в меня по уши, чего от проститутки ожидать не стоит. Техники, позволяющие ощущать чужие мысли и считывать эмоции у меня работают почти все время, так что отслеживать настроение заинтересованных во мне особ я умею. И стараюсь их по возможности избегать, мне хватает проблем с уже имеющимися в моей жизни женщинами.

Однако техники техниками, но вот от Акицу, например, поток эмоций ощущается вполне стандартно. Приходится напрягаться, чтобы понять настроение Фума. Она сейчас веселится и получает удовольствие от своего образа. Но эмоции Фуен ощущаются слишком явно. В чем может быть причина? Сильная депрессия?

— Эх, я так и знал, что в компании Тацумы не получится нормально отдохнуть, — тем временем продолжала развлекаться Акицу. — Ну, раз так, то, может, стихами разнообразишь наше купание?

— Я... Простите, господин, я не сильна в поэзии, — повинулась девушка.

— Тогда, может, песню?

— Прошу прощения, но вряд ли мое пение сможет обрадовать господ.

— Музыка?

— Я умею играть только на флейте...

— Но у тебя ее с собой нет, я правильно понимаю?

— У меня нет, но у вас она точно есть и я ее вижу...

— Ага, понятно, — уже чуть не смеясь произнесла Акицу. — А из бонсай ты, наверно, тоже умеешь выращивать только корень Ян, а икебану составляешь из стеблей Инь?

В следующую минуту или две мне тоже кое-что стало понятно. Акицу Фума на самом деле та еще пошлячка. Эти две девчонки, кажется, могли бесконечно перебирать эвфемизмы для всяких видов сексуальных утех. И где-то на «отворении алых врат» мне выслушивать их надоело.

— Похоже, вам двоим весело, поэтому не буду мешать, — выбираясь из горячей ванны, пробормотал я. — Желаю только не переходить от слов к делу.

Предостережение было лишним, уверен, Акицу не из тех девушек, которые интересуются девушками. Хотя эта Фуен достаточно интересна, чтобы потратить на нее несколько минут своего времени. Можно было бы попробовать допросить ее лично о возможных причинах моей чрезмерной чувствительности к ее эмоциональному состоянию, но на девушке уже имелось незнакомое джуиндзюцу. Пусть я представляю общий принцип построения проклятой печати, но так с наскоку полностью ее расшифровать не могу, поэтому рисковать и использовать опасные техники поверх уже имеющейся не стану. В борделе и так есть более пригодные цели для получения информации.

Уже из комнат, которые выделили мне и моим сопровождающим, я отправил на поиски жертвы небольшую белую змейку, прячущуюся в тенях и щелях здания. Нацелена она была не на работниц борделя, а на проживающих прямо здесь же государственных служащих, занимающихся учетом ойран и всей связанной с ними бухгалтерией. Раз уж у нас здесь целая академия проституток, то по всем традициям Страны Земли здесь же должны иметься чиновники, ведущие документацию по ним. Ойран — это ценное имущество, которое нельзя оставлять без внимания.

Бюрократия все-таки замечательная вещь. Найти свиток с информацией о Фуен удалось примерно за час. И пусть там описана не вся ее жизнь, но по тому, что имеется, можно догадаться о многом.

Дочь самурая из разоренного рода, отец погиб, продана матерью в академию ойран. Денег от продажи семья получила слишком мало, чтобы покрыть текущие долги, ждать, пока Фуен выучится и пройдет обряд взросления, *мизуаге*, было слишком долго. За *мизуаге*, лишение девственности обученной ойран, платили много, за лишение девственности ученицы — платили гораздо меньше, но она могла начать работать и отправлять деньги семье без долгого обучения. В общем, Фуен помогала родным, приняв самую низшую ступень среди местных проституток, потеряв все и так не самые радужные перспективы. Печальная история, но не самая редкая в этом мире. И еще она не дает никаких пояснений, почему эмоции Фуен я чувствую более, чем хорошо. Единственная наша связь с ней — это ее возможная вера в Инари. По крайней мере, она посещает небольшое святилище, установленное торговцами с юга для самих себя.

А раз я сам сейчас торговец с юга, то решил я в то святилище заглянуть. Как раз Акицу ввалилась в комнату, и именно в это время, после выполнения очередного заказа, Фуен обычно уделяет общению с Инари.

Здесь она и была. Уже в не рабочей своей форме одежды — в немного застиранном теплом синем кимоно. Святилище представляло из себя небольшую стелу в метр высотой,

установленную недалеко от дороги при въезде в Мимату. Естественно, никаких крыш и стен нет, зато в наличии снег и ветер — видно, Рюджинкё здесь не самое распространенное учение.

Какое-то время я понаблюдал, как в опустившейся темноте, подсвечивая себе только закрытым фонарем, девушка отряхивала стелу рукавами кимоно и озябшими руками расчищает ровный каменный бульжник, на который, по всей видимости, должны выкладываться ритуальные жертвоприношения. Там уже имелось несколько мешочков с рисом и завернутых в бумагу рисовых пирожков. Теперь добавился еще один.

— Интересно, она нарочно давит на жалость или это просто я так удачно на нее попал? — со вздохом спросил я пустоту, но получил в ответ лишь тихое завывание ветра в черепице крыш.

Просканировав Фуен с помощью додзюцу еще раз, я хотел убедиться, что не вижу признаков использования маскировки. Их я не заметил, но кецурьюган зацепился за одну деталь, не видимую раньше. Я уже сделал было шаг по направлению к опустившейся на колени перед стелой девушке, когда увидел это странное явление. Чакра в теле девушки приходила в движение, хотя из-за повреждений кейракукей должна бы быть очень малоподвижна. По своей воле привести энергию в движение девушка не могла. Чакра в ее теле словно откликаясь на внешнее воздействие и начинала изливаться из тела, концентрируясь в районе груди, оформляясь в аморфную структуру, похожую на ниндзюцу.

Это что-то новенькое!

Фуен услышала мои шаги, только когда я был уже в метрах пяти от нее. Испуганно вздрогнув и едва не подпрыгнув на месте, она в спешке от паники попыталась осветить тьму ночи фонарем и едва не погасила его.

— Кто здесь?! — испуганно воскликнула она, увидев мой силуэт.

— Тацума Гото, сегодня мы уже встречались.

— Гото-сан? — неуверенно переспросила Фуен надтреснутым голосом, во все глаза всматриваясь в темноту.

Да, для обычного человека сейчас должна быть непроглядная темень вообще-то. Я подошел поближе, входя в слабо освещенный фонарем кусок улицы.

— Хотел тоже поблагодарить Инари, — пояснил я испуганной девушке, кивнув на каменную стелу. — Позволишь?

— А? Да. Да! Конечно! Прошу прощения, господин, — беспрестанно кланяясь быстро ответила Фуен, отползая на коленях в сторону и освобождая мне путь к святилищу.

— Спасибо, — подавив очередной вздох, поблагодарил я ее.

Снега было еще немного, встав на колени перед стелой, можно было ощутить холодный и твердый камень под ним. Порывшись в карманах, нашел там мелкую монетку. За неимением прочего, пойдет и такое подношение. Думаю, Инари не будет против.

— Откуда у тебя этот амулет? — краем глаза следя за замершей справа от меня девушкой, спросил я.

Конвертик из шелка висел у Фуен на груди и выглядывал из запаха кимоно. Судя по расположению, именно вокруг него собиралась чакра. Сейчас, без додзюцу это не подтвердить, но более ничего странного не видно.

— Это... подарок, — с запинкой ответила девушка. — От гостя.

— От гостя, значит. Пожалуйста, позволь взглянуть на него поближе.

— Да, господин, — с еще большим испугом ответила Фуен, после заминки снимая себя

амулет.

В мои руки свое сокровище она передавала с явной неохотой, но амулет я все же получил. Обычный аккуратный мешочек из шелка характерной формы — омамори. Чем-то напоминает римские буллы, только из ткани. Контейнер, внутри которого хранится сам оберег. И внутри конкретно этого локон волос. Каштанового цвета, хотя я не уверен — даже мне света не хватает, чтобы видеть мир в цвете. Но это и не важно. Главное, взяв его в руки я хорошо ощутил знакомую мне чакру.

Волосы совершенно точно принадлежали Отохиме. Ушлые мико с Кумотори начали барьжить и такими поделками? Не знал. Обычно в амулеты вкладываются молитвы и наставления на шелковой ткани. И каким, интересно, образом, волосы моей аватары могут поглощать чужую чакру и формировать некое подобие ниндзюцу? И наверняка это как-то связано с тем, что я хорошо читал эмоции Фуен. Логично предположить, что каким-то образом формируется аналог моей с Отохиме связи, пусть и очень сильно редуцированной, но как?!

— Господин... Господин, прошу, — оторвал меня от раздумий женский лепет, прерываемый всхлипами. — Прошу, позвольте... Мне оставить этот амулет! Я знаю... Я недостойная. Я грязная. Я все знаю, но... Прошу...

Под конец эмоционального монолога Фуен просто вжалась в землю, уткнувшись в снег лбом и не осмеливаясь даже посмотреть на меня. В этот раз я не смог сдержать вздох. Сколько живу в этом мире, но он всегда напоминает о себе, о том, что это не сказка. О том, что это не история о мире и дружбе, а жизнь с кровью и мраком войны, с нищетой, с рабством, интригами, отчаянием. И надеждой.

— Подними голову, Фуен, — попросил я девушку и, когда она выполнила просьбу, надел ей амулет. — Запомни, девочка. Неважно, насколько грязно твое тело, изранено оно или унижено, пока твоя душа чиста, тверда воля и крепка вера — ты достойна Инари. И Инари... Сам Рюджин будет горд тем, что ты принимаешь его.

Глава 25. Встреча в Стране Дождя

2 января 46 года от начала Эпохи Какурезато

Уже скоро середина зимы, а в Стране Дождя погода неизменна: облачно и льют дожди. Хотя здесь тоже наступили холода, но с легкими морозами Страны Земли они в сравнение не идут. Температура держится в районе нуля, ливни сменяются моросью, иногда случаются заморозки, однако снега они не приносят — только земля покрывается ледяной корочкой. В общем, более мерзкой погоды я не встречал. Даже сезон штормов Страны Воды как-то приятнее.

С другой стороны, здесь хотя бы ветер не норовит вышибить окна. Только капли дождя барабанят по затянутому промасленной бумагой окну. Хорошая, кстати, бумага в Стране Дождя. Не зря здесь так распространены техники с использованием взрывных печатей.

Нарочито громко отодвинув в сторону дверь, в комнату вошел Канрю. Плащ и обувь он, конечно, оставил при входе в рёкан, но все равно выглядел промокшим до нитки. Не мешкая, Чинойке направился к центру комнаты, к низенькому столу, за которым я с Котоширопил предложенный гостеприимными хозяевами чай.

— Рюджин-сама, сегодня активности на границе не замечено, — доложил Чинойке, присоединившись к нам за столом и потянув озябшие руки к электрическому радиатору.

— Отлично, Канрю. Если не в маскировке и инфильтрации, то хоть в разведке ты хорош.

— Прошу прощения, Рюджин-сама!

— Учись на ошибках и больше их не повторяй, — махнув рукой на склонившегося в поклоне Чинойке, посоветовал я ему. — Опыт — это всегда болезненно, повезло, что в этот раз не смертельно.

Вряд ли во время нашей миссии была реальная угроза жизни, но чрезмерно успокаивать Канрю тоже не стоит. Парень он способный, только диверсионно-разведывательной деятельностью в глубоком тылу противника никогда не занимался. Мало было перед шиноби Страны Звука таких задач, так что опыт проведения подобных миссий у них небольшой. Да и в том, что нас в итоге заметили, виновато также мое чрезмерное любопытство — пытаться проникнуть в архивы Ивагакуре все же было глупой идеей.

По счастью, нам все же удалось улизнуть, не ввязываясь в открытые сражения и даже не раскрыв себя. Правда, пришлось для этого отходить из Страны Земли окольными путями, из-за чего мы и оказались на границе Стран Дождя и Камня. Не худший вариант развития событий — здесь все равно стоило побывать лично, чтобы провести разведку. Система безопасности в Амегакуре выстроена на высоком уровне, в само селение моим шпионам проникнуть не удалось. Ханзо сосредоточился на укреплении своей деревни, оставив львиную долю заказов на образовавшиеся с его попустительства организации, вроде канонных Акацки, которые и абсорбировали в себя всех возможных шпионов, мешая ввести резидентов в само Амегакуре.

В чем-то местная система напоминала выстроенную мною в Стране Звука: реальная сила самой Амегакуре никому не была известна, а на территории страны всю привычную для шиноби деятельность вели группы аффилированных с Дождем наемников. Формально они имели некую независимость, но работали под патронажем Ханзо и носили протекторы Деревни Дождя. Только недавно Саламандра решил показать силу, начав захват мелких

какурезато на границах своих владений. Похоже, чувствуя очередное обострение ситуации на фронтах Великих держав, хочет показать, что его лучше не трогать — дорого обойдется. Ну, и еще несколько внутренних проблем своей страны решил попутно.

Воспользовавшись как раз военными действиями на границе Страны Дождя, мы и ушли от преследовавших нас шиноби Ивы. Только теперь не стать бы невольными участниками локальной заварушки. Даже с Котоширо в команде возвращение в Отогакуре сейчас займет больше времени, чем планировалось. А туда ведь уже должны были привезти ту девчонку из борделя. Нужно разобраться со странной аномалией, связанной с ней.

Совершенно точно ощущение ее мыслей не связано с верой. Иначе бы я просто свихнулся в той же Отомуре. Пока настроение населения Страны Звука удается поддерживать на нужном уровне, мораль и патриотизм на высоте, так сказать, и молитв там возносится достаточное количество. Хотя уже четырнадцать лет прошло с официального окончания междоусобицы, поколение, не заставшее Страны Рисовых Полей, по местным меркам уже считается почти совершеннолетним. Это становится опасным, так что еще вчера пора уже было заняться созданием оппозиции как политической, так и религиозной. Если не я, то Корень Конохи этим точно займется.

Так вот, если с верой телепатия не связана, то, скорее всего, все дело в волосах Отохиме. Моя аватара — это уникальный проект, в процессе воплощения которого сошлось много факторов. Отохиме фактически — это живое ниндзюцу, которое еще и постепенно адаптируется и видоизменяется. Метод связи с ней я неоднократно пытался повторить, используя своих автономных клонов, но не получалось. Пока я не понял, в чем именно проблема. То ли не хватает реальной души в них, то ли необходимо внедрить иные проклятые печати. И эффект Фуен мне может помочь решить проблему, если мое предположение верно и именно чакра в волосах Отохиме может служить медиатором между мной и другими людьми.

— Где там пропала Акицу? — поинтересовался я у Котоширо, нетерпеливо покручивая браслет на руке.

Мои шиноби утром должны были собрать свежую информацию по обстановке в округе. Канрю с Котоширо уже вернулись, осмотрев окрестности с помощью своих техник, а вот Фума, которая должна была опросить жителей, что-то задерживалась. Она уже вернулась в рёкан, в который мы заселились на ночь, я почувствовал ее и Котоширо чакры одновременно и думал, что они вернутся вместе, но Узумаки здесь, а девчонки нет.

— Борется с местными туалетами, — со смешком ответил Котоширо. — Акицу нервирует, когда в процессе снизу доносятся подозрительные звуки.

Услышав ответ Узумаки, я невольно поморщился. Туалеты в некоторых регионах этого мира — это просто нечто. Не уверен, откуда повелась такая культура, может еще из прошлого мира, но люди здесь давно живут оседло и довольно плотно на плодородных клочках земли. Свободных от посевов проса, пшеницы, ячменя, сои или чумиза лугов для выпаса скота практически нет, поэтому животноводство здесь очень специфичное. Крестьяне в достатке выращивают карпов на рисовых полях, держат кур, разводят шелкопряда, но крупные животные встречаются очень редко. Считается, что на откорм одной коровы уходит в два раза больше еды, чем можно получить, забив ее. Свины — то редкое исключение из числа сельскохозяйственных животных, которое откармливать считается выгодно.

Свиной туалет — это когда нужник располагается над загоном для свиней — можно

считать вершиной безотходного производства. Только очень негигиеничной вершиной. Распространены такие отхожие места, совмещенные с хлевом, в Странах Дождя, Деревьев, севере Страны Огня и юге Страны Земли. В Стране Звука традиции подобного откорма нет, и Акицу, впервые с ней встретившись, испытала настоящий культурный шок. Да и чего уж греха таить, когда я впервые познакомился с подобными изысками животноводства, то тоже был удивлен.

Вообще, с местной культурой дело иметь иногда достаточно сложно. Те же экономические предубеждения насчет содержания скота накладываются на религиозные запреты проливать кровь и отсутствие традиции употребления молока, помимо всего прочего создают естественные условия для сегрегации общества. Дело в том, что касты неприкасаемых и, в особенности, шиноби уже на генетическом уровне отличаются от остальных людей. Например, они могут употреблять молоко и продукты из него. Мутации, позволяющие усваивать лактозу, похоже, появились независимо сразу в нескольких популяциях и распространились по ним достаточно быстро.

Социокультурные отличия разных каст влияют на их биологию и их биология начинает влиять на социум и культуру, усиливая различия, а мутагенные свойства чакры ускоряют процесс. Как мне кажется, пока бесконечные войны ограничивают рост населения, члены разных сословий могут найти себе место, чтобы не контактировать с чужаками. Но если численность популяций вырастет, то они начнут чаще контактировать друг с другом и испытывать культурные потрясения похлеще, чем Акицу при встрече со свинными туалетами.

В Стране Звука я пытаюсь размыть эти социальные границы уже сейчас. Реформы армии предусматривают развитие контактов между шиноби и обычными людьми, нужда в квалифицированных рабочих так же заставляет рекрутировать их из самых разных групп людей. И даже в моей небольшой стране, даже с моим авторитетом, процесс идет туго, вязнет в предрассудках. Хорошо, что без конфликтов.

А если на всем континенте хотя бы лет на двадцать установится мир и вырастет население? Без культурной революции вряд ли дело обойдется. С другой стороны, чем дольше кастовая система существует, тем сложнее будет проходить процесс ее отмены.

— Фух! — шумно выдохнув, ввалилась в комнату Акицу. — Никогда к этому не привыкну! Они хрюкали прямо ТАМ! Противно!

— Оставь интимные подробности на потом, — скрыв ухмылку за чашкой чая, попросил я. — Говори, что удалось узнать.

— Да, Рюджин-сама, — подсев к нам за стол, поближе к радиатору, ответила девушка под личиной купца. — Из самых громких новостей — победа Амегакуре над Роугурай. Неделий ранее они разгромили Роуки, так что теперь все силы брошены на Рококу. По слухам, на этой деревне кампания должна была завершиться, но у Дождя возникли сложности, из-за чего пришлось снять дополнительные отряды с границы, чтобы усилить группировку в Стране Камня.

Это совпадало с моими и Канрю наблюдениями. Сейчас мы остановились в пограничном городке. Дальше вглубь Страны Дождя без разведки я двигаться не счел нужным — слишком много здесь оказалось отрядов как шиноби непосредственно из Амегакуре, так и наемников.

— Правда, кордоны все равно не сняли, — продолжила рассказ Акицу. — С утра снова купец из комнаты на первом этаже вернулся из ставки шиноби злой как черт. Говорит, еще на пару дней здесь застрял.

А это подтверждаются уже доклады Котоширо. С нами тут в гостинице оказалось еще несколько торговцев. Некоторые, увидев ситуацию на границе, уже начали разворачивать свои караваны в Страну Рек.

— Хозяин рёкана проговорился, что шиноби ищут диверсантов из подвергшихся нападением деревень. Вряд ли мы сможем пройти через Страну Дождя. Двигаемся дальше на юг?

— Не хотелось бы. По реке мы доберемся домой быстрее.

— Тогда ждем, пока завершится операция Амегакуре? — предположил Котоширо. — Первые две деревни они покорили быстро, вряд ли Рококу продержится намного дольше. Амегакуре оказалась сильнее, чем многие думали.

Рококу? Не помню этого названия из прошлой жизни. Зато в этой мне уже приходилось с ними несколько раз конфликтовать. На экономическом фронте. Когда я начинал свой бизнес по продаже лекарства от старения, один из кланов шиноби Рококу хотел украсть формулу. Кажется, они сами занимались поиском эликсира бессмертия, и мои наработки на эту тему им стали очень интересны. Пришлось тогда парочке шиноби лишиться загребущих рук, после чего в Рококу успокоились.

Сама деревня славится производством всяких лекарств, она и расположена в горах, где полно лекарственных растений. Во время недавней эпидемии там даже лекарство смогли разработать от нее, но его массовый выпуск то ли не предусматривался, то ли просто в условиях Рококу был невозможен, так что в итоге дальше Стран Камня, Птиц и Дождя лекарство не ушло, уступив моей вакцине.

— Я б не рассчитывал на скорое завершение войны, — высказался Канрю. — Рококу расположено удачнее двух других деревень — в гористой местности. Подступы к этому селению оборонять проще, ущелья могут перекрыть даже слабые и малочисленные отряды шиноби.

— Силы Рококу все равно не идут ни в какое сравнение с Аме.

— У каждой какурезато хватает своих секретов. У Рококу тоже такой есть, — настаивал на своем Канрю. — Я посмотрел на лагеря шиноби Аме, где у них расположены полевые госпитали. Там много недавно вернувшихся с фронта ниндзя. Потери ранеными у Дождя сейчас велики — больше, чем убитыми. По характеру ранений мне кажется, что они все встретились с большим количеством взрывных техник. Может, в Рококу есть клан с кеккей генкай Стихии Взрыва. Или есть мастера создания взрывных печатей.

Тех раненых я тоже видел, и места, где проходили сражения, тоже рассмотреть с помощью додзюцу мог. К сожалению, силы Рококу уже отошли ближе к самому селению, и сейчас непосредственно на сами боевые столкновения я посмотреть не могу, но судя по полям битв, шиноби селения Воющего Волка используют все-таки взрывные печати. Они для сенсоров менее заметны, чем ниндзюцу Стихии Взрыва. С другой стороны, у обычных кибакуфуда нет такого фугасного эффекта, чтобы нанести виденные мною у шиноби Аме ранения.

На самом деле, характер ранений был самым разным: и контузии внутренних органов, и оторванные конечности, и проникающие раны. По моему опыту могу сказать, что это не самые характерные травмы после столкновения с кибакуфуда. Контузию они тоже могут вызвать, но чаще все-таки ниндзя страдают от ожогов, а осколки в них могут прилететь только случайно — шрапнель в этом мире пока не распространена. Такое чувство, будто в Рококу научились делать настоящие осколочные фугасы, а не местные аналоги на чакре.

Чакра!

Ее мы почувствовали с Котоширо одновременно. Молча переглянувшись с Узумаки, я мотнул головой в сторону окна, приказывая ему посмотреть на улицу, одновременно жестом приказав Канрю и Акицу бездействовать.

Стоило Котоширо всего лишь чуть отодвинуть в сторону одну из створок окна, как дождь с улицы мгновенно начал залетать в комнату. Звук барабнящих по крышам капель стал отчетливее, за ним все еще не удавалось разобрать ничего интересного.

— Пятнадцать, — коротко доложил Узумаки, разглядывая улицу сквозь щелочку в окне. — Разделились на три группы. К нам идут трое. В респираторах — наверняка из Амегакуре. По возрасту и чакре — генины, может, чунины. Остальных не вижу, но чувствую чакру — движутся по соседним улицам. Пока не уверен куда.

— По наши души, что ли? — сосредоточенно спросила Акицу.

— Не исключено, — ответил я ей, — но они не знают, кто мы, иначе здесь появился бы уже сам Ханзо. А я его чакру узнал бы, даже скрывайся он под Хенге.

На всякий случай я все-таки осторожно активировал кецурьюган, чтобы осмотреться. Котоширо не ошибся — пятнадцать шиноби. Молодых, лет по десять-шестнадцать, но для этого возраста достаточно сильных. Хотя об их умениях по одному взгляду я судить не могу.

— Пока посмотрим, что они замышляют. Если что, держитесь возле Котоширо и по первому же приказу отступайте к метке на нашей стоянке в Стране Камня. Я вас догоню сам.

Хлопнув ладонью по столу, я разрушил печать и барьерное дзюцу, предохраняющие от любопытных ушей и глаз. Молча кивнув в ответ, мои шиноби неторопливо занялись своими делами. Акицу набрала в пузатый керамический чайник воды и поставила его на плитку, собираясь заварить новую порцию чая. У Канрю с Котоширо было более практичное занятие — три их катаны, одна у Чиноике и две у Узумаки, во влажном климате Страны Дождя требовали особо тщательного ухода. Полированную до зеркального блеска сталь нужно было натереть бумагой, чтобы снять слой старого масла и бумагой же втереть новый. На мое счастье Кусанаги не страдал от ржавчины, и мне не приходилось постоянно возиться со всякими гвоздичными маслами и рисовыми бумагами.

***

Разбухшие от влажности доски лестницы предательски скрипели под ногами, когда чунин Амегакуре поднимался на второй этаж рёкана. В таких условиях точно ни о какой неожиданности говорить не приходится. Если трое шиноби еще могли пройти по полам без шума, то ведущая их работница гостиницы этого делать даже не пыталась.

— Вот, господин, — с поклоном обратилась к шиноби женщина, остановившись у плотных деревянных дверей. — Эта комната.

Жестом попросив служанку подождать, чунин обернулся к напарнице, ожидая ее вердикта. В ответ она без слов, жестами, сообщила: двое шиноби, генина-чунина, и двое гражданских. Подумав секунду, командир отряда Аме снова обернулся к горничной, молча кивнув той. Правильно распознав сигнал, служанка торопливо развернулась к двери и пару раз постучала в нее:

— Гото-сама, к вам гости. Прошу простить за беспокойст...

Договорить женщина не успела. Один из шиноби вежливо, но настойчиво отстранил ее от входа и решительно сдвинул в сторону створку двери. Все трое шиноби быстро проскользнули в комнату, стараясь встать так, чтобы держать под контролем все пространство помещения.

Командир отряда обвел комнату быстрым взглядом. Обычный номер рёкана, ничего примечательного. Разве что обставлен чуть богаче — город все-таки на торговом пути и купцы здесь останавливаются привыкшие к удобству. Конкретно сейчас перед взором чунина были четверо человек. Двое ранее замеченных напарницей шиноби явно оказались на деле самураями: одежда слишком неподходящая для шиноби и, главное, характерные мечи. Такими катанами пользуются в основном именно самураи — старые клинки, в которых, кажется, чакра живет уже сама по себе.

Еще пара человек по внешнему виду были типичными торговцами. Силы в них не ощущалось. Один полноватый плотный мужичок невысокого роста с залысинами на голове, из-за заплывших жиром глаз кажется, что на его лице застыло хитроватое лисье выражение. Второй же был, напротив, худощав и высок. На морщинистом лице была заметна недельная щетина, которую мужчина сбривать совсем не торопился. Седые волосы собраны в хвост на затылке, длинные узловатые пальцы кажутся мало подвижными, но в руках чувствуется сила. Видно, этому человеку приходилось много и тяжело работать. И именно он, если верить описанию хозяина рёкана, является Тацумой Гото.

И, как и упоминалось в том самом описании, у этого Тацумы имелся хаори с гербом Коме-дза.

— Тацума Гото-сан, позвольте взглянуть на ваш ярлык гильдии, — совсем не просящим тоном сказал чунин Аме, обращаясь к заинтересованно разглядывающему его купцу.

— Пожалуйста, — не стал перечить мужчина.

Аккуратно отложив чашку с чаем, он достал из-за пазухи золотую пластинку с гербом гильдии. Печально. Была надежда, что ярлыка у него не окажется. Ссориться с гильдией Страны Огня совсем не хотелось. Тем более с Коме-дза. С их деньгами и ресурсами они могут доставить неприятности даже Амегакуре, например, нанять ту же Такигакуре для мести за своих членов. А тут тем более человек с золотым гильдейским знаком. Хуже только было бы встретить сейчас акционера Кабунакма Кайгансен.

— Гото-сан, для начала попрошу вашего охранника убрать оружие, — пришлось чунину вспомнить о какой-никакой вежливости.

— Конечно. Он как раз уже заканчивал полировку.

Самурай послушно вложил катану в ножны и уселся на татами. Скептически оценив позу двух телохранителей купцов и расстояние до них, шиноби Аме признал, что в нынешнем положении в случае конфликта шансы на победу не на его стороне. Пусть самураи и слабы, но скорость иайдзюцу нивелирует это.

— Можно ли узнать, с кем я говорю? — вежливо поинтересовался Тацума у недовольного складывающейся ситуацией шиноби.

— Яхико, — вновь взглянув на купца, холодно произнес шиноби. — Чунин Амегакуре.

При этом парень проигнорировал красноречивый взгляд Тацумы, направленный на других шиноби. Представлять их Яхико нужным не счел.

— О, чунин в столь юном возрасте. Это достойно восхищения, — уважительно произнес Тацума, складывая руки в замок и перебирая пальцами.

Зацепившись взглядом за это движение кистей собеседника, Яхико невольно напрягся. На мгновение ему показалось, что этим узловатым пальцам ничего не стоит сломать шею какому-то чунину. Но вскоре наваждение прошло. Парень выдохнул сквозь зубы, заставляя напрягшееся тело расслабиться. В последнее время все на нервах, чего только не почувдится. А купец пытается скрыть волнение — ему тоже не в радость иметь дело с сегодняшними

собеседниками. Может, просто недоволен, что привлёк внимание шиноби, и не знает, чем это кончится. А может, он имеет отношение к делу, которое расследует Яхико.

— Я отниму у вас немного времени, Гото-сан, — прислонившись к дверному косяку, сказал чунин. — Мне нужно знать, откуда вы прибыли. И с какой целью посетили Страну Дождя.

С ответом Тацума не стал медлить. И, кажется, был откровенен. Настолько, насколько торговцы вообще бывают откровенны. Исследование рынка Страны Земли и прилегающих территорий, значит? Наверное, это имеет смысл. Понятно, почему он путешествует без товаров. Хотя всех подозрений это не снимает.

Осмотр личных вещей купцов и их охраны тоже ничего не дал. Хотя это не исключает наличия печатей на их теле или тайников внутри тела. Но проводить такой осмотр группы из Комер-дза будет слишком вызывающе. Их и по отдельности не расспросишь, даже для этого нужны хотя бы какие-то доказательства их вины.

— Хорошо, мне понятны причины вашего пребывания здесь, Гото-сан, — вздохнув от досады, попыток Яхико. — Давайте напоследок пройдем на первый этаж, в большую комнату. Мне нужно узнать, не знакомы ли вам некоторые люди.

— Конечно, — с готовностью откликнулся Тацума, поднимаясь. — Вы ведь контрабандистов ловите? С такой швалью я не знаюсь, но если смогу помочь поймать парочку, то буду очень рад. Контрабандисты — едят мой рис, а это позволено не каждому.

— Да, именно их мы и ловим, — не став вдаваться в подробности, подтвердил Яхико. — Как вы догадались?

— Опрашивали вы меня очень характерно. Не в первый раз с таким сталкиваюсь.

Кивком обозначив, что принял ответ, Яхико повел купцов с их охраной на первый этаж. Там уже была одна из групп его отряда с другими торговцами. Их допрос продлился быстрее — купцы оказались из менее значимой местной гильдии, и с ними церемонились меньше. А вот другую группу не видно пока. Хотя они еще разбирались с тем отрядом, который успели поймать утром на выходе из города, может, из-за этого задерживаются.

— Гм, нет... Нет, никого не знаю, — вынес вердикт Тацума, осмотрев отекавшие от побоев лица пленников, которых Яхико привел с собой. — Даже будь их лица посвежее, все равно не знаю.

Иного ответа шиноби Аме не ожидали и больше наблюдали за реакцией пленников. Те, рассчитывая на смягчение приговора, готовы заложить и мать родную. Но реакции не было.

— Понятно, Гото-сан. Простите, что...

Громкий крик со второго этажа, откуда только что Яхико спустился, оборвал его на полуслове. А через миг по коридорам рёкана прокатился оглушающий грохот. Шиноби Аме только и успели пригнуться, пытаясь определить характер и направление угрозы, но после взрыва ничего не происходило.

Выждав секунду, Яхико жестом приказал второй группе проверить, что произошло, а сам внимательно оглядел собранных в зале купцов. У тех снова никакой странной реакции. Испуг и недоумение кажутся не наигранными. Попыток к бегству так же не предпринимают.

Вторая группа не успела подняться наверх, когда оттуда едва ли не скатились по лестнице члены третьей. От их одежды и шел зеленоватый дымок, шлейфом следуя за ними. Покрасневшая кожа и льющиеся из глаз слезы намекали на то, что странный дым был каким-то ядом. К счастью, респираторы справились с отравляющим веществом и шиноби были живы.

— Трое! — услышал Яхико приглушенный из-за маски и хриплый голос чунина из третьей группы. — Уходят на север.

— За ними! — коротко приказал второй группе Яхико и, вновь повернувшись к третьей: — Примите их облик.

Вскоре перед Яхико стояли три невзрачных личности. Может, диверсанты тоже были под Хенге, но и это лучше, чем ничего.

— Запомнила? — несколько секунд рассматривая лица нарушителей, спросил Яхико у своей напарницы и, получив утвердительный ответ, приказал: — Сообщи штабу.

Кивнув, фигура девушки рассыпалась облаком бумажных конфетти. Клон должен был мгновенно передать всю информацию руководителю операции. Если что, в преследующей второй группе тоже был один клон, чтобы скоординировать основные силы ловцов контрабандистов и диверсантов. Беглецы уже никуда не денутся.

А вот Яхико еще нужно поработать в городе. Неизвестно, сколько тут еще оставлено взрывчатки и нет ли чего похуже.

***

Я с любопытством наблюдал за уходящими вдоль по улице шиноби Аме. В зимнем сумраке Страны дождя ярко-рыжая шевелюра юного командира генинов виднелась издали. Благо, тот решил походить с непокрытой головой, так как дождь на время все же прекратился.

Яхико, ну надо же. Вот так ищешь кого-то, ищешь, а он потом тебя сам находит. Случайно. Как тесен мир. И та девчонка с синеватыми волосами и бумажной техникой — наверняка Конан. Из-за респираторов лиц я их не рассмотрел, да это мне и немного бы дало. Главное, волосы. Здесь их окраска часто является следствием специфичных мутаций, признаком наличия кеккей генкай или как минимум принадлежности к касте шиноби. И вот среди шиноби Амегакуре не заметил я ни одного с алыми волосами. Но раз двое из троицы сирот нашлись в одном месте, то почему бы здесь же не быть и третьему?

Не найдя его сразу, я полагал, что Нагато может оказаться среди остальных Узумаки. Искать его там я не счел нужным — все равно он не имел бы риннегана, а без додзюцу какой с него прок? Прошелся по спискам клана, не увидел нужного имени и успокоился — тогда других, более насущных проблем хватало. Но если Нагато все же оказался в Стране Дождя?

Узумаки в основной массе своей компактно проживали на острове, но все-таки не все они там обитали. Если Нагато все же живет в Стране Дождя, и он попал к Ханзо, то вполне можно понять, почему о нем я ничего узнать не мог. Саламандра не дурак. И характер его совсем не такой, как у Джирайи. Заметив очень характерное додзюцу у паренька, лидер Амегакуре мог увидеть в нем большие перспективы для своей страны. И мог постараться скрыть ценный ресурс от посторонних глаз, благо все возможности для этого имелись.

— Чем он вас так заинтересовал, Рюджин-сама? — тоже посмотрев вслед шиноби, с недоумением поинтересовалась Акицу.

— Гм... Разве он не показался тебе талантливым шиноби? Пусть по силе он и не уникален, но лидерские навыки у него неплохие.

— Таких людей полно. Только из-за этого он бы не привлек вашего внимания.

— Да, ты неплохо меня знаешь. Он мне интересен тем, что мог сыграть в будущем большую роль. Но сейчас его настоящее совсем не такое, каким должно было быть. Это интересно само по себе, но гораздо интереснее судьба его друзей и то, как он повлияет на нее в текущей реальности, — задумчиво пробормотал я. — А знаешь, мы ведь можем пока не

торопиться домой. Если задержимся здесь на недельку, ничего критичного не произойдет.

— С нашей текущей легендой такое поведение будет объяснить затруднительно, — заметил Котоширо, тоже прислушивающийся к разговору.

— Значит, пора ее менять. Идем в Страну Рек, там группа Тацумы Гото должна исчезнуть.

С нынешней командой лезть в Амегакуре я не стану, но почему бы не прогуляться по окрестностям? Судя по тому, что мне удалось подслушать, Яхико сейчас направится в Страну Камня, помогать остальным шиноби Амегакуре разобраться с Рококу. Эта мелкая деревенька умудряется уже несколько дней держать оборону против Дождя, и это тоже интересно, только ради нее самой стоило бы здесь задержаться. А раз уж здесь еще и Конан с Яхико, то выбор и вовсе очевиден.

Если эти двое приведут меня к Нагато, а точнее к риннегану Мадары, то это упростит мне жизнь. Риннеган важен для Зецу, пока есть глаза, он так или иначе будет строить свои планы вокруг них. А его планы непосредственно пересекаются с моими. И лучше мне стараться держать руку на пульсе. Это как минимум. А, вообще, мне бы на самого этого Зецу взглянуть и оценить перспективы как конфликта с ним, так и использования его в своих целях.

Что касается Рококу, то, оказывается, это какурезато повадилось еще до начала войны с Амегакуре сплавать в Страну Дождя наркотики собственного производства. Наемники из соседней страны начали мешать работе шиноби в Стране Камня, так что те решили использовать методы недобросовестной конкуренции. Йохей-ниндзя, сколь бы дисциплинированы они ни были и кому бы ни подчинялись, все-таки не всегда имеют крепкие моральные принципы. И некоторые из них начали поддаваться пагубным привычкам. Одна из причин войны, наверное, и была в том, чтобы пресечь эту контрабанду.

Но помимо наркотиков, в Рококу, оказывается, наловчились изготавливать некий аобико — синий взрывоопасный порошок. Оценить эффективность этого средства тоже стоило. Пусть в каноне я не помню, чтобы упоминалась какая-то взрывчатка, но этот мир уже слишком отличается от вероятного оригинала.

Спустя пару суток, я со своими шиноби уже был в Стране Камня. Пройдя в Страну Рек в образе членов Коме-дза, там мы избавились от ненужных уже образов и вернулись обратно. Конечно, можно было бы рискнуть и не тратить время, отправившись к Рококу прямо из Страны Дождя, но был шанс, что за нами еще ведется слежка. Портить репутацию гильдии и отношения с ней не хотелось.

— Этот порошок оказался не таким эффективным, как его описывали, — мрачно заметил Котоширо, когда мы подходили к одному из перевалов, ведущему к Рококу.

— Просто они им привлекли слишком много внимания, и сюда пожаловал чуть ли не сам Ханзо, — ответил ему Канрю. — Амегакуре сменило тактику и начало прорывать линии обороны.

— Это было не сложно. Если бы Дождь не торопился, то у Рококу вообще не было бы шансов.

Я задумчиво кивнул, разглядывая следы битвы, отпечатавшиеся на рельефе перевалов. Местность здесь гористая, но горы не так высоки, как на границах Страны Звукa. Зато хватает непролазных зарослей, осыпей, обрывов и оврагов. Даже шиноби здесь сложновато будет вести сражения. А уж блицкриг устраивать да на укрепленные позиции — и вовсе было безумием.

Далеко не всякий шиноби силен и вынослив, как Хаширама или Мадара, чтобы сражаться сутками напролет. Основу войска ниндзя всегда составляют середнячки, сражения которых по своему качеству и содержанию не так сильно отличаются от таковых у обычных людей. Вот джонины могут качественно повлиять на ход битвы, но их всегда не хватает. Повезет, если у противника их окажется меньше, тогда появится возможность для подвига, вроде такого, который совершит Минато, вырезав тысячу вражеских шиноби. А нет, так будет, как у меня во время Второй мировой, когда рассчитывали поймать Казекаге, а нарвались на джинчурики и еще двух джонинов уровня Каге.

Паршиво тогда все обернулось, если честно, вовек не забуду.

Здесь ситуация у Амегакуре складывалась тоже не очень хорошо, хотя по иным причинам. У Рококу не было сильных шиноби, и против них не предполагалось вводить в Страну Камня большого числа джонинов Дождя, чтобы в Ишигакуре не начали беспокоиться. Эта деревня, можно сказать, государствообразующая и не чета какому-то Рококу.

Против мелких деревень Амегакуре ввело соответствующий по силе контингент. И с двумя у них проблем не было, а с третьей нужна была другая тактика, разработать которую никто не удосужился. Дождь пытался взять Рококу нахрапом, не учтя, что на местном рельефе обозы не будут поспевать за продвижением боевых частей. Как следствие, их снабжение ухудшилось, а наступать им приходилось на хорошо укрепленные и известные противнику рубежи. Минные поля, ловушки, пристрелянные метательные орудия на доминирующих высотах — это все приносит мало удовольствия. Но тут еще сыграл моральный фактор противников Дождя. Они всерьез намеревались сражаться до последнего жителя, и у них для этого даже были средства. Это аобико — им, оказывается, могут пользоваться не только шиноби.

Кажется, ниндзя Аме закидывали гранатами, расстреливали из примитивных бронзовых или даже бамбуковых пищалей и просто давили числом. Потери у обороняющихся, конечно, были чудовищные, но обычный человек в войне — ресурс гораздо более дешевый, чем даже самый никчемный генин. Похоже, размен для Рококу показался приемлемым, хотя сейчас, находясь на бывшем поле битвы, можно было ощутить стойкий дух гниющей плоти — шиноби не тратили много усилий на ликвидацию тел убитых противников, закапывали их не особо глубоко.

Были здесь и более культурные братские могилы, уже для самих шиноби. Они тоже несли потери. Я заметил тут на камнях следы свинцовой дроби, такую же использовали во время взрыва в том рёкане, где мы останавливались в Стране Дождя. Взрывпакет тогда кинули прямо в свиной туалет, свинцовая шрапнель, щепки и дерьмо с кусками свиного мяса не очень живописно разметало во все стороны. Здесь, судя по следам крови, картина была не лучше.

Правда, сейчас Амегакуре все же взяло паузу, подтянуло резервы, подождало обозы с провиантом и начало более размеренное наступление. Кампания растянулась по времени, и Ханзо наверняка пришлось как-то за это откупиться от Ишигакуре, но зато потери у нападающих резко снизились.

Хотя к нулю, конечно, их свести все же не удалось.

Наклонившись, я подобрал валяющийся на куче щебня обгорелый клочок бумаги. Из нее делали свои гранаты бойцы Рококу. По иронии судьбы заказывали эту бумагу наверняка в Стране Дождя — только там ее умеют делать настолько влагостойкой и прочной.

От этого обрывка пахло гарью, воском и прогорклым маслом, но еще примешивались и иные запахи: йод, сульфид калия, сернистый газ, немного аммиака и следы какой-то еще органики. На самом деле, если не концентрироваться на отдельных нотках, то запах чем-то напоминает остатки сгоревшего дымного пороха зачем-то смешанного с йодом. Что-то новенькое. Взрывчатые составы в этом мире известны, шиноби их широко применяют, и порох в том числе, но обычно как добавку к дымовым бомбам. И йодом там даже не пахнет. Может, в местных условиях он как-то повышает эксплуатационные качества взрывчатки?

Я одно время рассматривал варианты использования в боевых действиях нитроглицерина и иных взрывчатых веществ в разных их вариациях, однако пришел к выводу, что в текущих реалиях массовое использование химической взрывчатки смысла большого не имеет. По большей части с переменным успехом и гораздо меньшими затратами ее могут заменить модифицированные взрывные печати. В будущем, с развитием науки и технологий, возможно, получится как-то вписать взрывчатые вещества и в этот мир, но только когда разовьются химическая и сталелитейная промышленности, например.

Потенциал-то, в принципе, есть. Даже сейчас Рококу со своими пищалями могло какое-то время сдерживать Амегакуре. Массовое огнестрельное оружие за счет доступности и отсутствия необходимости несколько лет обучаться его использовать может существенно повлиять на характер боевых действий. Шиноби, естественно, никуда не денутся, но их арсенал расширится. Однако это дело далекого будущего. Мелкосерийные фитильные мушкеты в местных реалиях будут эффектными, но бесполезными пугачами. А чтобы поставить на конвейер выпуск автоматического оружия, нужно для начала наладить химическую промышленность, металлургию, начать выпуск унитарного патрона с иницирующим и бризантным зарядами...

Нет, слишком дорого. На одну условную винтовку или гранату с сомнительной эффективностью ляжет столько накладных расходов, что даже богатств Рюджина не хватит на выпуск большой серии. Это ж надо построить добывающие предприятия, заводы, электростанции, водородные фермы под них, а потом кучу рабочих на все это где-то обучить и нанять, а потом еще одну кучу рабочих найти, которая будет первую кормить и обслуживать. Проще и эффективнее развивать то, что есть уже сейчас в наличии. Сейчас у меня иные приоритеты, которые и так требуют серьезных капиталовложений.

— И как этим вообще пользоваться? — поинтересовалась Акицу, вертя в руках разорванный в клочья кусок стебля бамбука.

Судя по слабому запаху взрывной смеси и нагару, это когда-то было пищалью или, точнее, огненным копьем. По длине ствол был метра полтора, а размочаленный конец, наверно, был еще в полметра длиной. Штука взрывоопасная, поэтому такая длинная рукоять нужна для безопасности самого стрелка. Как ей пользовались, я могу представить только в общих чертах. Но, раз запах йода еще чувствуется, значит, пользовались им не так давно — иначе он уже испарился бы.

— Идем дальше, там и узнаем, — таков был мой ответ Акицу.

Идти оставалось недолго. Амегакуре уже были у стен Рококу, и видно их стало кецурьюганом через десять минут после небольшой остановки. Моему взору открылось типичное какурезато. Находится в труднодоступном месте, расположено на выровненной с помощью ниндзюцу площадке, окружено укреплениями. Чем-то Коноху напоминает, только меньше в разы и, как принято в религиозной Стране Камня, перед главными воротами стоят в ряд тории. Точнее, они там были, сейчас из трех только одни еще на месте, от остальных

только покосившиеся столбы остались.

Амегакуре как раз предпринимало попытку штурма. Всего около сотни шиноби идут плотным клином. Похоже, сильных среди них было немного: масштабных техник маловато, пользуются групповыми ниндзюцу. Стены из воды и призванные ворота для защиты от обстрела, ниндзюцу Дотона используются для разминирования. Еще сотня ниндзя чуть позади, в резерве на случай контратаки.

Особых изысков штурм какурезато не требовал, их укрепления традиционно сильно уступают таковым у самураев. Стены — это больше для упрощения контрольно-пропускного режима. Защита скрытой деревни, когда она перестает быть, собственно, скрытой, состоит в целом перечне специальных мероприятий, имеющих целью в принципе предотвратить саму возможность штурма. Если до него дело дошло, значит, война уже практически проиграна. Можно еще, конечно, подергаться, но стены большой роли в этом не сыграют. Тут нужно оружие последнего шанса и возмездия в одном флаконе. Что-то вроде биджу.

У Рококу, естественно, ничего подобного не было, а их аобико помогал слабо.

Стены и пространство перед ними заволкло сизо-фиолетовым дымом, при приближении стали слышны отголоски взрывов и выстрелов, только толку от этого было немного. Эффект неожиданности прошел, и в Амегакуре разработали тактику противодействия новому оружию. Хотя фиолетовый дым выглядел красиво. Как горит и испаряется йод вообще приятно смотреть, если находиться на расстоянии.

Могу предположить, что в Рококу в своей взрывчатке использовали нитрид трииода. Вещество это взрывается при малейшем прикосновении, но здесь как-то научились это использовать. И зачем-то взрывчатую смесь напитокывали водой, при этом она почему-то не теряла своих свойств, а даже становилась лучше. Это мне не понятно.

— Господин, — обратился ко мне Канрю, додзюцу которого тоже позволяло осматривать развернувшееся сражение, — тот шиноби в ставке. Не участвует в штурме.

Тот шиноби — это Яхико. По наводке Чиноике я его тоже нашел.

— Хоть и чунин, но молодой. Без большой нужды ему лучше на такие битвы смотреть со стороны, — прокомментировал я, осматривая окружение Яхико.

Конан тоже здесь была. Ханзо не видно, но он тоже может быть здесь. А вот присутствует ли Нагато? Если сам Саламандра здесь, то наверняка и этот Узумаки тоже при нем. Если нет, то не факт. Хотя судить наверняка рано.

— Вы ищите кого-то конкретного? — заметил Канрю.

— Да. Парень лет пятнадцати, — медленно ответил я, запрыгнув на верхушку качнувшейся под моими ногами сосны и всматриваясь в расположившуюся в ущелье скрытую деревню и ее окрестности. — Красные волосы, имеет... необычное додзюцу. Его глаза должны быть наполнены чакрой, как у Юко Учиха и даже сильнее.

— Красные волосы? — наострил уши Котоширо.

— Его мать могла быть Узумаки, — ответил я на невысказанный вопрос. — Звали ее Фусо. В родовых книгах не упоминается, но она, скорее всего, Узумаки.

Сказал я это и тут же задумался, а не сморозил ли сейчас лишнего. Глаза мои хороши, но не факт, что они видят все. Зецу с его техникой инфильтрации мог скрыться от кецурьюгана. Эксперименты с Отохиме показали, что ее, при использовании техники *Кагери*, я вижу далеко не всегда. Может, призвать тогда ее, чтобы проверила? С помощью того же *Кагери* на путь от Отомуры до Рококу у нее уйдет немного времени.

Нет, если Зецу рядом, то он успеет уйти раньше. А если далеко, то присутствие Отохиме

только привлечет его внимание. Просто нужно принять, что оброненные случайно слова могли быть услышаны не теми ушами.

— Если он Узумаки, то есть шанс, что он умеет скрывать свою чакру, как я, — высказался Котоширо, не заметив моих внутренних переживаний. — Этому можно научиться интуитивно, если есть предрасположенность и кровь нужного септа.

— Насчет его крови и возможностей я не уверен, но исключать не буду, — согласился я с Котоширо.

В конце концов, Нагато может просто использовать Хенге, чтобы скрыть свой облик и чакру. Тогда надо его как-то побудить раскрыться. Или попробовать поискать Зецу? Его наличие подтвердит присутствие Нагато. Сложновато, правда, найти это живое дерево.

— Рюджин-сама, там что-то... пробуждается? — неуверенно сообщил мне Котоширо, указывая пальцем на Рококу.

— Что? — перевел я взгляд на указанную Узумаки точку.

— Не знаю, — прикрыв глаза для лучшей концентрации на своей технике, ответил Котоширо. — Ощущения пока размытые. Обжигающе холодная темная чакра. Она как будто... Голодная?

— Вижу.

Надо понимать, пришло время оружия последнего шанса?

Кажется, местом хранения странной чакры был храм. Постройка больше типичная для восточного побережья, чем для западных нагорий. Кецурьюган позволял рассмотреть, как темная энергия вырывается из фуиндзюцу. Ее тут же оплетали потоки медицинской чакры. Контроль с помощью ирьениндзюцу? Любопытно.

Что бы там в храме ни пытались сделать, но им лучше поторопиться. Амегакуре уже готовилось проникнуть в какурезато. Посмотрим, будет ли готовящийся в Рококу сюрприз достаточным поводом для появления силы Нагато.

— Это Роен, — неожиданно раздался в левом ухе женский голос.

— А? Тагорихиме? Неужто проснулась? — ехидно спросил я у болтающейся на мне в виде серьги змеи, отмахнувшись от недоуменных взглядов напарников.

— Неужели ты такой обидчивый, маленький Чи-тян? — прозвучал насмешливый голос в правом ухе. — Ты же такой умный и великий, что наша помощь тебе не нужна. Три ничтожные сестры всего лишь помогают тебе с природной энергией, мы делаем это, не прося ничего взамен. Ведем себя тихо и смиренно, но что получаем в ответ?

— Чакру? — предположил я.

— Что такое чакра, в сравнении с любовью и заботой? — патетично спросила Тагорихиме.

— Любви, значит, захотелось? Учту. Так что там за Роен?

— Это монстр, любящий чакру больше заботы, — хмыкнув, ответила Тагицухиме.

— Он пожирает чакру. Он и сам уже состоит из чакры. Почти как биджу.

— По первой части описания больше похож на вас, если честно.

— Не время для шуток! — возмутилась Тагорихиме. — Этот зверь опасен. Даже Хакуджа-сеннин не смог его убить. Роен бессмертен, пока может поглощать чакру. И делает он это очень хорошо. Одного прикосновения достаточно, чтобы вынуть из тебя душу.

— Однако сейчас он запечатан...

— Идиот, ты...

Легким щелчком пальца я заставил Тагицухиме замолчать.

— Спасибо за полезную информацию и советы, но до оскорблений опускаться не рекомендую, — негромко пробормотал я и, повернувшись к недоуменно переглядывающимся шиноби, предупредил их: — В Рококу запечатан опасный зверь, что-то вроде биджу. Именно его сейчас призывают в том храме. Он умеет поглощать чакру — даже не думайте к нему приближаться. Ясно?

— Так точно!

Ответили мои подчиненные одновременно с раздавшимся со стороны Рококу пронзительным воем. Понятно, почему селение назвали в честь волчьего воя. Я обернулся на звук, и моему додзюцу предстала странная химера. Гигантское тело, не уступающее по размерам Кьюби, возвышалось над домиками, чем-то оно напоминало тигра, зато голова была типично собачья или волчья. Дополняли картину бесчисленные щупальца на спине, которые были словно продолжением черных полос на мехе зверя.

Несмотря на внешнее сходство с биджу, монстр явно не был одним из них. Кецурыюган позволял различить, как циркулирует чакра в организме монстра, и картина эта была совсем иной, чем у виденных мною Хвостатых. Она тоже была тяжелой и неприятной, но более холодной. Да и циркулировала иначе. По ощущениям, Роен больше напоминал Нулехвостого.

И, может, это чудище было намного слабее Курамы в плане количества чакры, но не думаю, что в сражении с Роеном этим фактом можно воспользоваться. Для обычного шиноби и эта мощь за пределами.

Невольно поджав губы, я хмуро наблюдал за тем, как понукаемый ниндзя из Рококу зверь движется к силам Амегакуре. А не будет ли эта громадина слишком сильна для Дождя? Судя по тому, как быстро истлели окружающие Роена ирьениндзюцу, он умел поглощать чакру и из сформированных техник.

Предположение подтвердилось достаточно быстро, стоило только Роену приблизиться к шиноби Амегакуре. Их ниндзюцу серьезного влияния на зверя не оказали. И если среди ниндзя Дождя нет запечатывающей команды, то дела у них плохи. Эдак я Нагато не выманю, а просто дожусь его смерти. Оно мне надо? Нет. Если риннеган попадет кому-то другому, мои пророческие знания, и без того подпорченные моим вмешательством в мир, можно будет списывать за ненадобностью.

— Может, мне придется вмешаться, — не отводя взгляда от битвы, предупредил я спутников. — Если погибну, то идите в Роуран — там встретимся.

И, кажется, с фуиндзюцу в Амегакуре все не очень хорошо. Шиноби смогли ограничить подвижность Роена, но попыток его запечатать не было. Вместо этого был призван выкачивающий чакру дождь — техника оказалась достаточно эффективной. Если бы барьерные дзюцу не подкачали, то монстра, наверное, можно было бы ослабить и попытаться отступить и минимизировать потери. Однако, барьерные дзюцу были слишком быстро разрушены.

И в тот момент, когда начали разрушаться ограничивающие Роена техники, перед моим взором мелькнула вспышка синего света, сформировавшаяся в некое подобие длинного восточного дракона. Печать Фантомного Дракона? Этой техники же еще не должно существовать в Амегакуре. Или это не она? Слишком неряшливо исполнена, слишком нестабильная...

Черт! Нагато?!

Мои напарники, наверное, даже не успели среагировать, когда мое тело растворилось в серебристой вспышке.

***

— Яхико! — крик врезался в уши замершего на месте чунина, резкая боль от сжатого в крепкой руке плеча отрезвила впавшее в панику сознание. — Держим на расстоянии! Учитель что-то придумал!

— Понял! — перекрикивая рев и грохот, ответил Яхико Конан.

Собравшись, юный шиноби проскользнул мимо формирующих новое барьерное дзюцу соратников, на ходу кончиками пальцев подхватив с мертвого тела перевязь с кунаями и подсумок с сюрикенами. Мертвецов пока было не много, но с каждой секундой их становилось больше. Передовой отряд не успевал отступить от монстра и нес потери. Сильные удары уносили хрупкие человеческие тела на сотни метров. Многие приземлялись уже высохшими мумиями, словно из них выжали в полете все соки. Проклятое чудовище уничтожало людей одним прикосновением!

— Конан! — окликнул напарницу Яхико. — Ниндзюцу неэффективны. Трофеи Рококу у тебя? Используй!

Метнув вперед горсть сюрикенов, Яхико ускорил их полет техникой Футона. Само ниндзюцу быстро рассыплется, но снаряды успеют набрать скорость.

И они вонзились в плоть монстра! Сталь разорвала толстую кожу, окрашивая яркий мех в алый цвет. Мало! Вывести бы его на минное поле!

— Дерьмо! Оно регенерирует!

— Усильте *Урамиае*!

— Остановите его! Дотондзюцу!

— Обстрел из Рококу! Отходи!

Не слаженные крики множества людей перемежались звериным ревом и грохотом содрогающейся под его поступью земли. Яхико старался держаться со своей группой, их силы слишком невелики, но вместе они могут помочь остановить монстра. Они смогут! Они не могут умереть!

Очередной удар щупалец чудовища унес жизни шиноби Аме, превратив их тела в высушенные мумии. Бешено колотящееся сердце Яхико едва не вырывалось из груди, дыхание начало сбиваться, мышцы ныли от сильной нагрузки. В бою сложно отмерять время, но ему пришлось выложиться на полную, и даже если прошли всего лишь минуты, ощущались они часами. И, похоже, не для него одного.

Яхико так и не понял, как призванный противниками монстр оказался в полусотне метров от него. Вроде, только что чудовище бесновалось, содрогаясь от взрывов мин, на которые его все же удалось выманить, и вот оно уже рядом. Кажется, одно из щупалец устремилось в сторону Конан, Яхико только и успел в отчаянии метнуть ему наперерез кунай, когда земля под ногами монстра провалилась.

Огромная туша споткнулась на полушаге. Облако взметнувшихся в воздух взрывных печатей бахнуло прямо перед его носом, заставив монстра рухнуть в появившуюся под ним яму. Взрывная волна обдала Яхико теплом и пылью, но он все же успел заметить силуэт учителя. И облако сиреневого ядовитого газа, устремившегося от Ханзо в сторону призванной твари.

Странная химера с грохотом и болезненным ревом рухнула на дно котлована и была тут же погружена в облако смертельного яда, но это ее еще не убило. Щупальца мелькнули возле Саламандры, едва не задев его. С грохотом разлетелись в стороны клубы земли, которые вылетали из-под огромных лап монстра.

Яхико успел подхватить Конан, которая умудрилась в очередной раз использовать трофейное огненное копьё, но отдача от разлетевшегося в облаке фиолетового дыма ствола едва не сбила с ног девушку. И в это время возле учителя появилась ещё одна знакомая фигура, с рук которой начало срываться голубое сияние.

Выяснить, насколько эффективной была бы против химеры техника Нагато, Яхико так и не удалось. В темных небесах сверкнула молния и через миг оглушающий гром снизошел на землю.

Звуковая волна пробежала по телу Яхико, а удар воздуха едва не сшиб с ног, забросав ключьями дерна и горстями земли. За раскатами грома было почти не слышно, как болезненно и пронзительно взвыл монстр.

Шиноби потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и узнать, что произошло.

— Здесь пора поставить точку в вашей войне, — голос, озвучивший эти слова, кажется, не был громок, но ветер странным образом разнес их на сотни метров вокруг.

За короткой фразой Яхико внезапно накрыла странная дрожь и животная паника, поднявшаяся из глубин сознания. И без того быстро стучащее сердце парня затрепыхалось, сбиваясь с ритма. На глаза начала напозать тьма, а в ногах поселилась предательская слабость. В сознании Яхико удержал только испуганный всхлип сжавшейся в его руках Конан. Большого труда ему стоило перебороть себя и поднять взгляд в сторону источника голоса.

Но сначала он все же увидел монстра, с которым только что им пришлось сражаться. Огромная туша сейчас оказалась вмята в землю, отброшена обратно в котлован, созданный шиноби Аме с помощью техники Дотона. Осыпавшиеся края и отброшенный во все стороны грунт наводили на мысль, что чудовище буквально вколотило в землю невидимым гигантским молотом. А сама химера, словно мертвая бабочка, оказалась приколота тонкой, ярко сияющей лазурью иглой в несколько десятков метров длиной. Только присмотревшись, можно было понять, что это не застывшая молния, а невероятно длинное змеящееся лезвие меча.

На рукояти которого стояла человеческая фигура в развеваемом на ветру белом кимоно и с черными волосами. И ярко пылающими багрянцем глазами.

— Орочимару, — холодный голос Ханзо был не так громок, как у неожиданно появившегося незнакомца, но учитель оказался недалеко от Яхико, поэтому его было слышно хорошо, — какого демона ты здесь забыл?

— Как видишь, спасаю твою жизнь. И жизни твоих шиноби. Эту войну пора прекратить. Переговорами, а не сражением.

Громкий голос человека, названного учителем Орочимару, словно втекал в уши Яхико. И хоть слова были произнесены без явной угрозы, но чунину удавалось с большим трудом подавлять приступы странного животного страха, накатывающие на него из самых глубин души. Впервые за долгое время Яхико стало не хватать воздуха настолько, что если бы он мог поднять руки, то давно бы сорвал с себя маску. Легкие жадно нагоняли воздух, но горло словно сдавила невидимая удавка. Если бы не фильтры респиратора, то Яхико бы подумал, что отравлен.

— С нашей прошлой встречи ты стал слишком самоуверен, — рассерженно процедил Ханзо.

— И у меня есть для этого повод. Я стал сильнее.

— Сила не всегда решает. Ты один.

С каждым словом голоса становились все более гулкими и далекими для Яхико. В глазах все постепенно темнело, а веки становились все тяжелее. Последнее, что парень услышал, прежде чем упасть в обморок, была фраза:

— Думаешь, твоя группа поддержки в этот раз тебе поможет, Саламандра?

Глава 26. Лучшее сражение — то, которое не состоялось

2 января 46 года от начала Эпохи Какурезато

За выход на сцену я дал бы себе высший балл. Артистизм, исполнение, произведенный эффект — все на высшем уровне. Но каким трудом это далось! Восходящие потоки воздуха трепали одежду, и, надеюсь, это скрывало дрожь в руках и ногах.

Эффектное появление потребовало существенных усилий. Особенно наиболее сложные техники тайдзюцу, вроде *Бьякко* и *Гембу*, которые мне без использования Шичи Тенкохо применять до сих пор сложно. Естественно, произвести на шиноби впечатление было неплохо, но на деле пафосный выход на сцену был вынужденной мерой.

Сначала нужно мне было использовать *Тенсо* для мгновенного перемещения к нужной точке. Все-таки за битвой я наблюдал с помощью додзюцу, на почтительном расстоянии. Техника телепортации, естественно, как следует потрепала мое тело, даже несмотря на использование тайдзюцу *Гембу*. Благодаря этому водяному панцирю меня не разорвало на части, но после телепортации все равно пришлось использовать технику Замены Тела для самоисцеления. После чего мне потребовалось использовать сразу два приема: *Бьякко*, чтобы обездвижить Роена, и Воздушную Тюрьму, чтобы обезвредить лишних шиноби. Тайдзюцу в виде сотканного из воздуха тигра прекрасно сработало против поглощающего чакру монстра, а ниндзя Амегакуре, оказавшись под давлением *сакки* и, лишившись кислорода, в большинстве своем выбыли из строя.

Техника Воздушной Тюрьмы, *Футон: Фуру*, напоминает по сути своей Водяную Тюрьму, а по объему — Танцующую Акулю Тюрьму Хошигаки. Большой объем воздуха заключен в сепарирующую сферу, пропускающую кислород только с одной стороны. *Бьякко* привел в движение большую массу воздуха, обновив газовую смесь в пределах Воздушной Тюрьмы. Так как невидимая мембрана свободно пропускала кислород изнутри, но не пропускала его снаружи, то почти все шиноби Амегакуре оказались в атмосфере с крайне низким содержанием кислорода.

От такого их респираторы спасти не могли, однако не всех шиноби удалось вывести из строя таким образом. Достаточно опытные джонины способны задерживать дыхание на очень длинный для обычного человека срок. Ханзо был как раз из таких.

— С нашей последней встречи ты стал сильнее, Орочимару, — голос главы Амегакуре звучал глухо из-за маски, но на удивление разборчиво. — Только твое самомнение выросло несоизмеримо. Твоя техника подействовала не на всех, но, вижу, потребовала больших усилий. Думаешь, можешь сейчас ставить свои условия?

— Думаю, могу. Иногда мне кажется, что я слишком часто показываю свои способности. И ты должен помнить, что я сейчас показал далеко не все из них. Уж безнаказанно отправить на тот свет несколько десятков бессознательных чунинов у меня получится. Можешь в этом сомневаться, но готов ли ты в случае ошибки заплатить жизнями своих шиноби?

С Ханзо сейчас на ногах осталось еще около одного или трех десятков людей. Точно сказать я не мог, потому что многие были в сознании, но их боеспособность оставалась под вопросом. На самом деле, промедление мне только играло на руку. Чем дольше они дышат

обедненной кислородом газовой смесью, тем меньше проблем мне доставят. Правда, подомной еще был Роен, которого так просто придушить не получалось. Кецурыюган позволил обнаружить в теле зверя близко к спине в области роста щупалец сплетение меридиан. Это было что-то вроде очага чакры, пронзив который с помощью Кусанаги, мне удалось приглушенного *Бьякко* монстра на время обездвижить. Однако сейчас требовалось заняться им более основательно.

Стоя на Кусанаги, я могу находиться над собственной Воздушной Тюрьмой и сохранять достаточную дистанцию с высасывающими чакру щупальцами химеры, но в нынешнем положении ни запечатать Роена, ни поймать его в проклятую печать было почти нереально. Не с моими техниками. Мой стиль джуиндзюцу и фуиндзюцу хоть и вобрал в себя многое из самых разных школ, но основан все же на методах Корня и часто требует физического контакта с целью, в отличие от, например, Цепей Чакры. Вместо Кусанаги мне бы сейчас пригодился больше Тоцука — один тычок и нет проблемы. Не уверен, правда, что им можно воспользоваться без *Сусано*, да и самого клинка у меня все равно нет.

Поэтому первым поднял руку, сложив пальцы в печать Конфронтации, я. Одна из простейших ручных печатей, *Тайрицу но Ин*, упрощала концентрацию чакры для несложных и быстрых техник. С помощью нее я мог бы моментально активировать Шичи Тенкохо или Режим Мудреца. А так же это был самый явный намек Ханзо о моей готовности к началу поединка.

Саламандра мой посыл понял и так же сложил пальцы в печать Конфронтации. На несколько долгих секунд мы застыли, не сводя друг с друга глаз. Пока Ханзо первым не опустил руку. К моей удаче, он был неплохо осведомлен о традициях Конохи и смог понять, что я не только готов к поединку, но скорее жду мирного разрешения наших разногласий.

В обычном сражении нет места для традиций спарринга шиноби, которые включают в себя обязательное обозначение намерения сражаться в виде печати Конфронтации и заключение мира после спарринга в виде печати Примирения. Если какой-то шиноби вне товарищеских схваток начинает следовать этикету *Дентотеки но Шиноби Кумите*, значит, он ждет не боя, а сдачи своего противника, чтобы решить дело миром.

На личном опыте могу сказать, что такое следование традициям помогает разойтись миром чаще, чем попытка договориться на словах. По крайней мере, при конфликтах шиноби в Стране Огня. Но и в сопредельных государствах тоже работает. Ханзо, например, догадался, чего я от него жду, и обозначил печать Примирения. *Вакай но Ин* предполагала, что мы должны также обменяться своеобразным рукопожатием, но обстановка не благоволила, так что я тоже ограничился только тем, что опустил руку, обозначая мирные намерения. И заодно отменил технику Воздушной Тюрьмы. Шиноби, конечно, крепкие ребята, но тут есть и генины Амегакуре, которые вполне могут ненароком отравиться углекислым газом. Все-таки технику я контролирую далеко не полностью, и в границах невидимого барьера не только падает концентрация кислорода, но может и увеличиться количество двуокиси углерода.

— Не желаешь объяснить, какое у тебя дело к Рококу, что ты решил появиться здесь лично? — холодно поинтересовался Ханзо.

При этом он первым делом сделал глубокий вдох, как только после отмены техники Воздушной Тюрьмы ветром к нему принесло свежий воздух. Даже такому привыкшему с этой маской к вечному сниженному количеству кислорода и увеличенной концентрации двуокиси углерода в дыхательной смеси шиноби нахождение в моей технике доставило

неудобства. Нужно это запомнить. Только для начала стоит придумать ответ на вопрос Саламандры.

— А мне нужно что-то объяснять? — в ответ полюбопытствовал я. — Считай, просто пекусь о твоём здоровье. Сейчас не то время, чтобы Амегакуре становилось слабее.

— Значит, это забота обо мне, — с насмешкой произнес Саламандра. — Благодарю.

— Не стоит. Я забочусь в первую очередь о себе.

Подготовив печать и прыгнув со своего постамента, я под прикрытием *Гембу* смог проскользнуть между щупалец Роена и наложил на него Печать Пяти Элементов. Как временное решение — сойдет. Поток чакры в химере нарушен, поглощать ее с помощью своих отростков он пока не сможет. Пусть Хакуджа-сеннин не смог убить эту тварь, но запечатать-то ее сумели и люди. Потом разберусь, как именно они смогли это сделать.

— Политика — это искусство возможного. Чтобы сохранить свою страну, у меня этих возможностей не так уж много. Когда в соседях большие и сильные страны, маленьким, чтобы сохранить независимость, нужно уметь балансировать на их интересах, — снова обратился я к Ханзо. — Вакцинация подошла к концу, действие защиты пяти Каге заканчивается, а я не хочу, чтобы Страна Звука стала чьей-то колонией. Ты сам знаешь, что сохранить суверенитет — это не тривиальная задача. Для ее решения мне в числе прочего необходимо, чтобы Амегакуре в ближайшие годы могла, как и прежде, вести самостоятельную политику. Что с возможными потерями в этой битве было бы не так просто, согласись.

— И после своих слов ты надеешься, что я ими удовлетворюсь? — вскинув бровь, задал риторический вопрос Саламандра. — С такой заботой о моем благополучии с твоей стороны, позволь мне быть немного наглым. Говори, какие у тебя планы на мою деревню.

Я раздраженно смерил взглядом Ханзо. Этот паскуда быстро смекнул, что мои угрозы насчет убийства шиноби Амегакуре выглядят нелогично в свете моего заявления о желании сохранить боеспособность Страны Дождя. Впрочем, Саламандра тут не виноват — я сам сглупил.

— Для моих планов достаточен сам факт существования твоей какурезато, — процедил я в ответ. — Да и других независимых деревень это тоже касается. Мне, знаешь ли, понравилась ситуация, когда моя страна нужна всем, и никто ее не трогает. С вакцинами мне повезло, а сейчас есть уже иные востребованные продукты. Большая Пятерка не сможет поделить Страну Звука на всех, а кому-то одному они ее не отдадут. Использовать чужие интересы и конфликты удобно, однако в такой игре всегда нужно оставлять себе запасные тропинки. И чем больше их, тем лучше. Так уж получается, что Страна Звука со всеми ее замечательными и уникальными товарами сильно зависит от не менее замечательных и уникальных товаров других стран. Не хочу, чтобы великие державы чувствовали себя еще более незаменимыми для Отомуры, чем они есть на самом деле. Для этого мне нужны Страны Железа, Песка, Дождя. Да и Камня тоже.

Ханзо внимательно выслушал мои слова, после чего на несколько секунд задумался.

— Кажется, называть тебя одним из Саннинов уже не стоит, — наконец ответил он. — Белый Змей Конохи умер, породив вместо себя этого... Рюджина. Твои методы — это не методы шиноби.

— Не так давно в чем-то подобном меня упрекал Цучикаге, — хмыкнув, заметил я. — Этот тип сам любит действовать нетипичными для шиноби методами, но попенять на это другим никогда не забудет. Оноки обеих чаш весов как он есть.

— Я не упрекаю тебя, — медленно сказал Саламандра. — Возможно. Только возможно, что твои методы мне даже нравятся.

Ханзо оборвал себя на полуслове, подозрительно посмотрев на меня.

— Ты сейчас сравнил меня с Оноки, которого считаешь лицемером, не так ли? — лицо Ханзо скрывала маска, но, кажется, в его глазах промелькнуло легкое удивление. — По-твоему, я тоже «обеих чаш весов»?

— Ну, что-то общее у вас есть, но сравнивать тебя с Оноки нельзя. Он может показывать себя образцовым шиноби, но всегда будет иметь тысячу и один способ решить свои задачи самыми разными способами, которые для шиноби не характерны или даже считаются презренными. Ты же живешь как шиноби, хотя не всегда хочешь этого.

— Гм. Слышать о твоих способностях и стать их свидетелем вживую... — пробормотал Ханзо, с сомнением разглядывая меня. — И чего же я хочу, по-твоему?

— Мира. Может, сейчас ты уже сам в этом не уверен, но мира, — разведя руками, сообщил я собеседнику. — Когда-то ты верил, что сможешь его принести людям. Не знаю, сохранил ли ты эту веру сейчас. Не уверен, что ты сам это знаешь. Когда-то ради мира ты был готов на многое. Даже поспособствовать объединению великих держав, хотя это значило бы и исчезновение твоей родины тоже. А сейчас ты сам начал войну против соседних какурезато.

— Как ты и сказал: политика — искусство возможного, — недовольно ответил Саламандра. — Не всегда получается совершать желаемые поступки, иногда жизнь и соседи не оставляют хороших путей.

— Так уж и не оставляют? Ты же понимаешь, что война не принесла бы твоей стране больших выгод. Ты постарался выставить ее в выгодном для себя свете, но со стороны-то видно, что она не входила в твои планы. Не думаешь, что войну тебе помогли развязать?

Может, я и ошибаюсь, может, просто такое стечение обстоятельств, но просто для некоторых великих держав эта война Амегакуре с мелкими селениями во многом выгодна. В частности, я бы сказал, что это вариант проверки реальных сил какурезато. Подобное пыталась проверить Коноха в Стране Звука, а здесь действовали более хитро. Или просто была возможность не самим заставить Амегакуре шевелиться, а загрести жар чужими руками. У меня-то таких соседей, как Рококу нет. В Странах Железа, Гор и Горячих Источников скрытых деревень не осталось.

А здесь нашлись «торпеды», которых не жалко пустить на убой, заодно решив ряд задач: узнать возможности Амегакуре, охладить отношения между Странами Дождя и Камня, протестировать в реальных условиях новую взрывчатую смесь, опробовать новые тактические схемы.

— Я знаю, что за спинами этих идиотов действует чье-то Анбу, — с презрением махнув рукой в сторону Рококу, ответил мне Ханзо, — но ты попробуй им это докажи.

— Попробую, — согласился я.

Раз я все равно влез в это дело, то придется обе стороны примирить. Без заблаговременных договоренностей с Ишигакуре влезать в войну на чьей-то стороне не очень разумно, мне через Страну Камня еще торговать и сообщение с Роураном налаживать нужно будет.

Может, и вправду проще было дожидаться, пока Нагато убьется об этого Роена, а потом присвоить себе риннеган? Но тогда, скорее всего, пришлось бы лично иметь дело с Зецу. Да и в целом слишком неопределенно все начинает выглядеть. Я не слишком великий

комбинатор и стратег, чтобы быть уверенным, что в тех условиях получится добиться своих целей.

Может, я и излишне осторожен, но от осторожности люди погибают реже, чем от опрометчивости. А с Рококу как-нибудь уж договорюсь.

3 января 46 года от начала Эпохи Какурезато

— Конфликт в Стране Камня может быть выгоден многим сторонам, — устало откинувшись на спинку кресла и позволив своему секретарю, старику Самиру, унести канцелярские принадлежности со стола, сказала Сальма. — У Страны Ветра давний интерес к водяным запасам Страны Дождя — план ирригационного канала через пограничные горы имеется давно, территория севернее Деревни Керамики могла бы быть озеленена и пригодна для сельского хозяйства. Вопрос только в цене. Когда-то ради нескольких гектаров плодородных земель Суна отказалась от биджу, Ханзо надеется на сопоставимую сделку, но нынешние власти Страны Ветра не готовы к такому. Сама вероятность появления возможной зависимости от воды Страны Дождя — уже большая цена. Небольшая встряска режима Саламандры со стороны Анбу деревни Песка выпадит логичным шагом для увеличения договороспособности Ханзо.

— Вряд ли такой мелкий укол сподвиг бы Ханзо снизить цену за водяные ресурсы своей страны, — заметил я, разглядывая панораму Роурана за окном королевского кабинета. — Из разговора с ним я понял, что его гражданская администрация планирует построить у себя объекты водородной генерации. Так что на водные ресурсы у них свои виды.

— Сомневаюсь, что об этих планах знала Сунагакуре, — отмахнулась Сальма. — Тем более конфликт мог быть только подготовкой к другим операциям. Нынешний Казекаге готов на решительные шаги. У него часто расходятся интересы с дайме Страны Ветра, появление отдаленного от побережья источника продовольствия усилило бы позицию Сунагакуре в переговорах с гражданскими властями.

— Может быть, — не стал отрицать я.

Королева Роурана всяко лучше меня разбирается в тонкостях внутренней политики Страны Ветра. Здесь есть свои особенности, основанные на климате и географии. Большая часть населения обитает в прибрежной плодородной зоне, в то время как большую часть территории государства занимает Великая Пустыня, где издревле обитали роды и кланы шиноби. По сути, это две разные цивилизации, объединившиеся под одним знаменем из-за внешнего давления.

Побережью с их немногочисленными самурайскими родами нужна была защита и покровительство шиноби пустыни, которым, в свою очередь, нужны были золото и товары, производимые гражданским населением. В начале эпохи, когда шиноби массово объединялись в какурезато, союз пустыни и побережья был взаимовыгодным: Сунагакуре защищала Страну Ветра от угрозы других государств и получала всевозможную поддержку с плодородного запада. Первый Казекаге, Рета, имел авторитет в своей деревне и мог продвигать ее интересы при дворе дайме, но с его смертью система утратила баланс. Клань пустыни утратили хрупкое единство, на чем мог играть правитель Страны Ветра. Используя интересы разных родов, новый дайме фактически держал Сунагакуре на коротком поводке. При этом ему было во многом безразлично, что там творится в пустыне и за ее пределами, чем в свое время сама Сальма и воспользовалась, добившись суверенитета своего королевства.

К счастью ли, к сожалению ли, но это не особо образумило нынешнего дайме. Он

продолжил политику поддержания определенного уровня разрозненности кланов Сунагакуре, благодаря чему мог снизить нагрузку на свой бюджет, уменьшить финансирование скрытой деревни. Естественно, Казекаге с таким положением дел был не согласен и пытался положение своей деревни улучшить. Еще Рета сделал первые шаги, выбив себе плодородные земли у Страны Огня. По странному стечению обстоятельств, после этого поступка он прожил очень недолго. И когда Второй Казекаге, Шамон, добился значительного увеличения боевой мощи и успехов на фронтах Второй мировой за счет марионеток, что укрепило его власть и значительно уменьшило зависимость от поставок продовольствия, то и он внезапно скончался.

Теперь вот уже Третий Казекаге, Тенрай, наступает на те же грабли, пытается укрепить единство кланов и расширить сельскохозяйственные угодья под своим непосредственным контролем, чтобы приобрести больше независимости от столицы. И, о чудо, жить ему осталось не так уж и долго.

Может, это просто мое видение, и я ударяюсь в конспирологию. А, может, дайме Страны Ветра реально умный и хитрый мужик, что нужно учесть в будущем уже мне лично.

— Говоришь, Страна Дождя мечтает о водородной энергетике? — вмешалась в ход моих мыслей Сальма. — И Ханзо тебе об этом проговорился. Не находишь это странным? На мой взгляд, он не из тех, кто, не имея уже готовых мощностей по генерации водорода, признался бы конкуренту о своих планах.

— Он мне в них и не признавался. Выводы я сделал сам, основываясь на оговорках и косвенных данных. На Рококу Амегакуре напала, как мне кажется, еще и чтобы захватить технологию производства аобико, точнее, один из элементов его производства, который не удалось ранее выкупить, — пояснил я. — Специальный абсорбент, с помощью которого предполагается хранить и водород. Ты сама понимаешь, что хранение горючего газа — та еще проблема, которую я сам решаю с помощью печатей Узумаки и твоего Рюмьяку. У Амегакуре ничего из этого нет, так что они ищут свои способы.

— Гм... И ты спокойно к этому отнесся? — с любопытством посмотрела на меня Сальма. — Может, не стоило тогда помогать своим конкурентам?

— Узнал я об этом позже — когда уже успел помочь. Да и если бы узнал, то помог бы, наверное, даже с большей охотой. У Ханзо прекрасно выстроена система безопасности, так что технологии Страны Дождя вряд ли распространятся вне ее. А промышленное развитие Амегакуре мне выгодно в будущем.

— Проект трансконтинентальной магистрали? — догадалась Сальма.

— Он самый.

Планы на развитие инфраструктуры логично вписываются в мои мечты об империи, но конкретно дорога от восточного побережья к западному необходима, пожалуй, даже без наличия империи. Гипотетическая железная дорога здорово упростила бы логистику и товарооборот. Морские пути все-таки не вполне удобны, навигация в местных морях сложная: на севере льды, на юге шторма. Да еще всякие аномалии встречаются и монстры с остров размером. Земные пути тоже имеют ряд проблем, но их проще решить, чем с климатом бороться.

Хотя «проще» в данном случае понятие относительное. Железную дорогу нужно не просто построить, что само по себе нетривиальная задача, но и погасить конфликты на ее протяжении и обеспечить ее энергией. Еще с бандитами разобраться нужно. Наличие большого числа нукенинов в принципе не добавляет стабильности в жизнь континента, а

торговый путь наверняка будет привлекать многих из них. Чтобы проложить дорогу, нужно ландшафт подготовить, с местным рельефом без привлечения большого числа владеющих. Дотоном шиноби не обойтись. Но они не создадут сталь для самих путей, металл для мостов и проводов. Электростанции или водородные станции опять же не шиноби будут делать, а энергия нужна для локомотивов, которые тоже нужно спроектировать и произвести.

План трансконтинентальной магистрали — это проект на далекое будущее, но готовиться нужно к нему сейчас. Хотя бы локально развивать энергетику в местах ее будущего размещения. Генерация водорода в Амегакуре без моих водорослей возможна только электролизом воды, для которого потребуются электростанции с избыточной мощностью. Вот пусть Ханзо их для меня и понастроит.

— Не думаешь, что с Рококу работала Анбу Ивагакуре? — поинтересовалась Сальма. — Вряд ли Оноки подозревает о наших планах, но правительство Страны Земли не может не замечать увеличение товарооборота по малым странам. Наличие среди них горячих конфликтов, например, между Дождем и Камнем, заставило бы купцов пересмотреть маршруты караванов. Для гипотетического северного морского пути, о котором ты говорил, это было бы выгодно. Да и просто речные пути Страны Земли тогда бы были более востребованы.

— Не исключен и такой вариант, — согласился я. — Только Страна Земли пока не предаст огласке свои достижения, значит, и не планирует переманивать на них торговые караваны. Вряд ли бетонные корабли рентабельны при торговле, слишком тяжелые сами по себе. Когда появятся металлические — тогда Страна Земли может попытаться стать главной морской державой. Особенно, если конфликт между Молнией и Водой затянется, и воды восточных морей будут слишком опасны.

— Коноха так же могла вмешаться в дела Страны Камня по тем же причинам — увеличить количество торговых путей на своей территории, — добавила Сальма. — Торговля — это деньги. Транзит товаров — это деньги из ничего. Ни одна страна сейчас не хотела бы упустить такую прибыль. А что выгодно стране, то, как правило, выгодно и какурезато на ней.

— Да, выходит, я в Рококу помешал планам либо Суне, либо Иве, либо Конохе. А то и всем им разом, — подытожил я. — С Листом и так отношения непонятные, но с Камнем раньше времени ссориться бы не хотелось. У меня еще не все к этому готово.

— Ссориться вообще ни с одной державой из пяти великих не стоит, — упрекнула меня Сальма. — Ты сам предрекаешь очередную войну. В такое время малым странам лучше не привлекать к себе внимания.

Это замечание Сальмы я оставил без комментария, так как оно было вполне резонным. Однако, что сделано, то сделано. Если честно, то в любом случае как-то так получается, что я не могу не влезть в какую-нибудь историю, поэтому в любом случае стоит быть готовым к конфликтам с великими державами. И здесь неподалеку есть одно место, которое мне может помочь с увеличением собственной боеготовности.

— О чем думаешь? — почти неслышно подойдя ко мне и обняв со спины, спросила Сальма.

— Клан Рью, — кивнув в сторону севера, ответил я. — С ними оказалось сложно договориться.

— После того, как с ними обошлись какурезато в первые годы этой эпохи, ничего удивительного в их недоверии нет, — фыркнув мне в спину, заметила королева. — Они не

знают тебя, дай им время навести справки, пройди испытания, и диалог наладится. С моими рекомендациями у тебя особых проблем возникнуть не должно.

— Надеюсь.

Клан Рью — исконные обитатели Корьюзана, горы и местности вокруг нее с аномальным поведением чакры. В той местности ею пользоваться без проблем могут только члены этого клана, что когда-то его и спасло. До Первой мировой войны Рью что-то не поделили с Ивой и Суной, из-за чего от некогда сильного клана остались всего несколько человек, которые выжили только за счет преимущества, которое им давала аномалия Корьюзана.

Теперь я хотел изучить ту местность для своих целей, а клан Рью до сих пор не желал видеть на своей земле посторонних.

— Ладно, Корьюзан пока может и подождать. Еще твой Рюмяку не до конца изучен, — решил я.

Рюмяку — вообще очень удобный объект для изучения природы чакры. Его энергия не сильно отличается от обычной, производимой людьми, чакры, ее много и у нее нет разумного носителя. Идеальное место для изучения методов накопления чакры в физических объектах, сопротивления различных материалов уникальной для этого мира энергии, проводимости, производстве и прочих полезных в народном хозяйстве вещей.

Также стало понятнее, что из себя представляет сам Рюмяку. По сути, это искусственно созданный при помощи камней Гелела преобразователь природной энергии в чакру. Правда, тонкости его конструкции пока остаются тайной, даже Сальма знает только, как его усиливать с помощью новых камней, и не более.

Мне в последнее время кажется, что по-настоящему удивительным в этом мире является не чакра, а именно природная энергия, изучать которую в разы сложнее. Именно из нее когда-то произвел первую чакру Шинджу, Десятихвостый весь состоит из природной энергии, но плод Божественного древа — это чакра. И Хвостатые тоже из чакры состоят, а не из природной энергии. Похоже Шинджу — это органический аналог Рюмяку, преобразователь одного вида энергии в другой. Да еще и умеет ее накапливать в плодах — полезная во всех отношениях штука, только опасная.

К сожалению, местная наука пока так и не смогла разгадать, что из себя представляет природная энергия, и как она взаимосвязана с производимой людьми чакрой. Хотя в некоторых электрогенераторах шиноби научились из природной энергии обычное электричество получать, но это с природным преобразованием Райтона связано.

Кстати, а ведь неплохая идея! Модифицировать водородные бактерии геномом Хаширамы и заставить их расщеплять воду не только с помощью фотолиза, но и используя природную энергию! Да я ж гений!

— Сальма, знаешь, что я... — хотел было я поделиться гордостью за самого себя со своей королевой, но внезапное чувство тревоги помешало завершить мысль.

— Что ты? — не поняла Сальма.

— Дочь в опасности.

— Сара?!

— Сора, — пояснил я, пытаюсь определить направление, откуда исходила тревога. — Где она?

— Ее отряд отправился к побережью.

— Сейчас она совсем в другом месте... Северо-восток. Она где-то там. И далеко, —

осторожно разомкнув объятия встревоженной Сальмы, я быстро поцеловал ее в лоб. — Я должен идти.

— Я отправлю с тобой...

— Долго! Этот клон и так не успеет!

Зато должен успеть оригинал.

***

Отдаленный грохот прокатился между выстроенных из желтого песчаника и известняка зданий. Звук проникал в черные провалы окон и отражался от стен наполовину разрушенной галереи. Очередной неистовый поток ветра врезался в ближайшую скалу, окружающую Сунагакуре, выбивая из той тучу щебня и пыли. Однако на мощный взрыв Сора почти не обратила внимания.

Осторожно отступая по влажному песку, она не сводила взгляда с нескольких фигур перед ней. Сквозь разбитый потолок, преодолевая тучи поднятой пыли, проникали тусклые лучи солнца, отражаясь от отполированной стали клинков, копий, сверл и прочего оружия. самого разнообразного и устрашающего оружия.

Десять марионеток были созданы настоящим мастером своего дела, они разрывали своих жертв, обагрив все вокруг кровью. Они и сами были заляпаны красными пятнами, обрывками плоти и жира. Тяжелый, жаркий воздух пустыни напитался запахом потрохов и крови.

— Сора, это не твое дело. Уходи, — с трудом цедя слова, произнес Казекаге.

На одежде Тенрая не было видно крови, но он тяжело дышал и с трудом держался на ногах. Сора не была уверена, как и чем именно был отравлен Казекаге, да и не имела хороших навыков ирѐениндзюцу, поэтому не могла ему помочь ничем, кроме как попытаться задержать нападавших.

— Мое это дело или нет — решать мне, — холодно бросила девушка, не оборачиваясь к Тенраю.

— Даже такой никчемный боец сейчас будет полезен, Казекаге-сама, — не упустила шанса вставить свое слово Пакура.

— Да плевать, какой она боец! — не выдержал Тенрай, рывкнув на свою подчиненную. — Если ее здесь убьют, Суне придется разбираться с ее отцом!

— Если вы останетесь живы, то разберетесь с ним, — упрямо ответила Пакура. — Если погибнете, то мне плевать на остальное!

— Какая похвальная преданность, Пакура-сан, — раздался голос из полумрака сохранившейся части галереи, прервав начинающийся спор.

— Сасори... — мрачно пробормотала куноичи Суны, вокруг ладоней которой в воздухе вспыхнули алые сгустки пламени.

— Сора-сама, — не терпящим пререканий тоном произнес Яги Ибури, твердой рукой задвинув девушку себе за спину.

Тело Ибури уже претерпело изменения, получив чакру из печати Орочимару. Оголенный торс покрылся желтоватой чешуей, под которой бугрились рельефные мышцы. Но, несмотря на возросшую мощь, на ставшем звероподобным лице Яги виднелась мрачная обеспокоенность. Сегодняшнего противника не испугать выросшими рогами и когтями или мышцами, он уже в мгновение ока перерезал десяток шиноби. И еще на его стороне были не только марионетки, Ибури пришлось только что самому перебить несколько напавших на ослабленного Казекаге джонинов.

— Похоже, мне повезло, — выступив из тени в свет, с самодовольной ухмылкой сказал шиноби, названный Пакурой Сасори. — Отличный материал. Тенрай и Пакура. Оборотень кем бы ты ни был. И ты, девчонка с Хьетоном. Не думал, что мне удастся уйти из деревни с такими прощальными подарками.

Ему было не больше пятнадцати. Красноволосый, что для шиноби Страны Ветра не редкость. И на удивление сильный для своего возраста. Наверное, этим и вызвано надменное выражение на лице юного шиноби.

— Ублюдок, — зло прорычала Пакура, от которой во все стороны разошлись волны жара.

Она явно готова была испепелить противника на месте, но не была уверена, что сможет вовремя защитить Казекаге от возможной контратаки. Сора окинула внимательным взглядом Тенрая. Тот, судя по внешнему виду, вряд ли способен сейчас оказать серьезное сопротивление. А если и решится на подобное, то только усугубит свое состояние. Пакура еще вполне боеспособна, а вот Яги успел потратить много сил во время первого нападения.

Сейчас вряд ли стоит ждать помощи от иных лояльных Казекаге шиноби Песка, когда на другой стороне деревни беснуется вырвавшийся Однохвостый. При этом Сасори не торопится нападать вновь. Просто восстанавливает чакру перед новой атакой? Или у него есть в запасе еще несколько предателей? Или он просто оценивает силу противников? Гадать можно долго.

Глубоко вздохнув, Сора подняла руки к груди, сложив впервые за очень долгое время ручную печать.

— Пакура, — холодно позвала свою соперницу девушка. — Займись Сасори. Оставь защиту на меня.

— На тебя? — возмущенно и сердито переспросила куноичи, не отводя взгляда от противника.

— Может, я и не шиноби, но я способна постоять за себя, — уверенно ответила Сора, разгоняя чакру в меридианах своего тела. — Яги, помоги ей!

Последний приказ девушка успела выкрикнуть в последний момент перед тем, как ледяная чакра вырвалась из ее тела. Поток морозного воздуха вырвался на волю, разогнав одуряющую жару. Промокший от крови песок подернула быстро распространяющаяся от ног Соры волна розоватого инея.

Бывшая Юки никогда не желала становиться шиноби, но все-таки смогла многому научиться. Пусть без постоянной практики навыки не так хороши, пусть она не умеет быстро складывать печати, но что-нибудь простое и она может сделать. Особенно при поддержке чакры отца.

Сора скорее почувствовала, чем увидела, как на ее коже на мгновение вспыхнули белым линии активизировавшейся печати. Хлынувшая в кейракукей природная энергия преобразила чакру и разлилась по телу, изменяя и его. Дочь Рюджина не любила свою трансформацию, но печать не предоставляла большого выбора.

Сора успела почувствовать легкий зуд от прорастающей чешуи и рогов, когда пришедшая сила внезапно схлынула, оставив неестественное опустошение в системе циркуляции чакры. Не ожидавшая такого девушка невольно охнула.

— Ха, а начиналось все устрашающе, — прозвучали насмешливые слова Сасори. — Ты гораздо более интересный материал, чем мне казалось ранее.

Не обратив внимания на насмешку, Сора сама улыбнулась и хотела ответить что-нибудь

едкое, но едва не упала на подкосившихся ногах. И упала бы, если бы крепкие руки не подхватили ее.

— Малец, материалом сейчас станешь ты, — негромко прозвучал хриловатый голос за спиной Сору.

И хотя в голосе не чувствовалось явной угрозы, но у всех присутствующих волосы на затылке готовы были встать дыбом от внезапно пробудившегося в сознании неестественного страха. Сора была знакома с таким эффектом. Так всегда действовало *сакки* ее приемного отца.

— Яги, паршивец! — недовольно крикнул Орочимару, легко оттолкнув Сору в сторону Ибури. — Подержи эту бестолочь, пока я буду вправлять кое-кому мозги.

Перед тем, как упасть в обморок от усталости, вызванной изъятием из тела чакры на перемещение приемного отца, Сора еще успела отметить, что Орочимару явно недоволен ей. Как и ожидалось. И именно поэтому она с большой неохотой приходила в себя спустя некоторое время, не торопясь открывать глаза.

— ... был твоим учеником? Не горазд ты в воспитании детей, я смотрю, — услышала Сора язвительные слова своего отца, когда пришла в себя.

— Не все такие хорошие учителя и отцы, как ты, Орочимару, — с хрипами и явно с большим трудом ответил ему Казекаге, пытаясь ответить колкостью на колкость, — готовые явиться при первой угрозе своей дочери.

В ответ ему Орочимару безудержно расхохотался. Сора впервые слышала, чтобы он так веселился.

— Хороший учитель и отец... Хорошая шутка, Тенрай. Но рекомендую ее забыть. За нее некоторые женщины могут тебя убить крайне жестоким образом. Невзирая ни на какие чины, звания и возможные политические последствия.

Поняв, что настроение у отца неплохое, Сора все-таки решила открыть глаза. Оказывается, в беспамятстве она провела совсем немного времени. Солнце не успело даже уйти со своей точки на небесах, зато сама девушка, как и остальные шиноби, оказалась уже в другом месте. По-прежнему в Сунагакуре, но уже в тени большого когда-то зала, часть которого сейчас была просто обрушена. Точнее, отсутствовала целая стена.

— Очнулась, значит, — быстро заметил изменение состояния дочери Орочимару.

— Господин и отец мой, — постаралась встать, чтобы поклониться, Сора.

Яги успел уложить ее на пол, с которого в нынешнем состоянии Соре встать было затруднительно, поэтому отцу она поклонилась в наиболее почтительной форме, встав на колени.

— Ну-ну, — неопределенно прокомментировал приветствие дочери Орочимару. — Вовремя ты очнулась. Нам пора.

— Подожди, отец, — вскинулась Сора. — Сасори. Где он?

— Сбежал, ублюдок! — зло выпалила Пакура.

— Он здраво оценил возможности своих ядов и марионеток, — пояснил Орочимару. — Раз не решился напасть на Казекаге в открытую, то и от меня сбежал. В Суне после Второй мировой у меня есть репутация. Теперь довольна? Можем отправляться?

— Подожди, отец. Тенрай... Казекаге-доно отравлен. Осмотри его, пожалуйста.

— Не думаю, что у Отогакуре и Сунагакуре такие доверительные отношения, чтобы я мог получить возможность приблизиться к ослабленному Казекаге, — монотонно ответил Орочимару, с любопытством разглядывая нервно перебирающую пальцами Пакуру.

Сейчас куноичи осталась одна со своим Казекаге против троих шиноби, являющихся членами одной фракции. Это ее здорово нервировало.

— Пакура... — умоляюще посмотрев на куноичи, произнесла Сора. — Тебе это нужно не меньше чем мне.

— Сора, я...

— Я все еще здесь... Кха-кха! И я все еще Казекаге, — раздраженно взглянув на Сору и тяжело откашляв кровавую мокроту, произнес Тенрай. — До прихода иренинов я доживу.

С нескрываемой обидой и укором посмотрев на пару шиноби Песка, Сора, решительно поджав губы, снова склонилась перед Орочимару в поклоне и выпалила:

— Отец, я люблю Тенрая и однажды стану его женой! Пусть этот идиот считает что угодно, но когда-нибудь между Отогакуре и Сунагакуре будут самые близкие родственные связи! Поэтому прошу, вылечи его.

— Ого, наконец-то призналась, — нисколько не удивившись новости, весело ответил Орочимару, сложив руки на груди. — И что, зятек-то в курсе твоих планов и согласен на них?

— Нет!!! — был получен решительный ответ.

И прозвучал он из уст, как это ни странно, Пакуры. Что вызвало очередную улыбку у Орочимару.

— Замечательно, — произнес он, разглядывая то Сору, то Пакуру. — А ты счастливчик, Тенрай. Лед и пламя, слабоумие и отвага — две девушки на тебя одного. Мои поздравления.

— Заткнись... — устало прошептал в ответ Казекаге, вновь в приступе кашля забрызгав свою белую накидку кровавыми пятнами.

— Знаешь, Тенрай, я не злопамятный, но наше сражение во время Второй мировой все-таки приносило мне дискомфорт из-за того, что я необдуманно попал в вашу ловушку, — весело сверкая глазами, сказал Орочимару. — И я все думал, как же мне достойно ответить на ту досадную оплошность. Так вот... Сора, я благословляю ваши отношения и всячески тебя поддерживаю, знай это. Пакура, твое будущее будет печальным, если ты упустишь Тенрая, борись за него и ты обретешь шанс на свое и его счастье.

— Какая же ты скотина, Орочимару... — закрыв глаза и поморщившись от боли, прошипел Казекаге в ответ, пока две девушки ошарашенно смотрели на Змеиного отшельника.

— Похоже, мы с тобой все-таки задержимся, Сора, — невозмутимо заметил Орочимару тем временем, быстро вызвав мелкую змею, которой передал короткое сообщение и отпустил обратно в Рючидо. — Однохвостого уже запечатали, значит, скоро должны вспомнить и о своем Казекаге. До этого времени я присмотрю за ним.

— Отец...

— С ядом он пока сам справляется. Пока чакра есть, — перебив дочь, успокоил ее Орочимару. — Скорпионий яд вызвал отек легких... Цвет жидкости в легких нездоровый, но это не большая проблема. Хуже отравление липофильными соединениями ртути. Нарушение речи и онемение конечностей говорит о поражении мозга, и оно уже необратимо. Распространение очагов поражения Тенрай сдерживает, но дальнейшая жизнь его усложнится.

— Отец!

— Ухудшение реакции и слуха, сужение поля зрения, постоянная усталость. Если Сунагакуре пожелает избежать внезапного исчезновения их самого сильного Казекаге через

несколько лет, чтобы потом обнаружить его марионетку в руках пригретого им же скорпиона, то Песку придется поискать ирьенина, владеющего знаниями темной медицины, — лениво пробормотал Орочимару. — Чие владеет определенными навыками, но если она не справится, то я готов помочь. По-семейному.

— Какая же ты скотина, — вновь повторил Казекаге.

Глава 27. Интерлюдия

7 января 46 года от начала Эпохи Какурезато

Прижавшись затылком к каменному креслу, Казекаге пытался унять головную боль. Как и предсказывал Орочимару, отравление вызвало необратимые повреждения, с которыми иногда было трудно справиться. Сейчас ситуация осложнилась невозможностью толком сконцентрировать чакру в голове, чтобы купировать боль.

Сложив ладони в замок и положив их на отполированную каменную поверхность стола, Тенрай медитировал, не сводя взгляда от солнечных бликов на желтом мраморе столешницы. Поток света проникал в просторный круглый зал через систему световых колодцев и водопадом лился из опейона на сводчатом потолке. Круглое отверстие, освещающее весь зал Совета старейшин располагалось ровно над круглым же мраморным столом, образуя мощный столб света, разрезающий мрак просторного помещения.

В детстве облик этого зала завораживал будущего Казекаге. Ночью на отполированную поверхность мрамора сверху изливался водопад лунного света, в котором мелькали мельчайшие песчинки, поднятые в воздух очередным буйством Однохвостого. Тогда Тенрай был восхищен красотой, изяществом и универсальностью смертоносного искусства песчаного биджу. Тот восторг позволил побороть страх перед мощью Ичиби и, вместе с талантами второго джинчурики, дал начало коронной технике Сандайме Казекаге, которой он обучил также своего единокровного брата.

К досаде Тенрая сейчас в воздухе Зала совета витали не подсвеченные светом пылинки, а слова старейшин. Справиться с этой напастью для него было сложнее, чем с биджу.

— ... исцеление невозможно, — завершая доклад, тяжелым тоном сообщил один из старейшин.

— Даже с привлечение ирьенинов со стороны? — медленно перебирая пальцами, поинтересовался Тенрай.

— Яшима сейчас могут помочь только боги, — печально качнув головой, ответил старейшина.

— Может, я не ясно выразился, но именно таких ирьенинов я и имел ввиду, — с нажимом произнес Казекаге.

— Орочимару? — догадался собеседник Тенрая. — Даже если допустить его наем, то вряд ли он имеет возможность спасти джинчурики. Белый Змей известен своим навыками врачевания тела наравне с Принцессой Слизней, но ни о ком из них не говорили, что они способны лечить души.

— Казекаге-сама, — вступил в разговор еще один старейшина, — ваш брат пострадал не только от яда Сасори, как вы, но и от Шукаку. Этот злой дух похищает сердце, наполняет его темными эмоциями и злобой. Яшима уже не может быть самим собой — он Шукаку в теле вашего брата.

— Необходимо начать извлечение этого призрака из тела Яшимы, — настойчиво сказал лидер Совета, Хиёкемуши.

Вперив тяжелый взгляд на высушенного пустынным солнцем старика, Казекаге боролся с собой, чтобы не высказать ему все, что накопилось на душе. Когда-то Хиёкемуши был один из самых великих шиноби пустыни, по скорости с ним могли бы сравниться разве что Райкаге или этот новичок из Конохи, Минато. Сейчас от бывшего величия ниндзя осталось лишь тень,

но характер его все еще не терпел промедления ни в чем.

— Спешки извлечение не требует, — справившись с эмоциями, ответил Тенрай. — У нас нет подходящих кандидатов для джинчурики, поэтому Шукаку все равно будет запечатан в сосуде. А вместе с Яшимой или без — уже без разницы. Нам же необходимо узнать о возможности его исцеления. Суна понесла большие потери за эту неделю. Если есть шанс спасти джинчурики, мы должны им воспользоваться.

Последняя неделя была в Скрытом Песке слишком жаркой во всех отношениях. Нетипичное для зимних месяцев тепло накрыло деревню, и в это же время в ней решил взбунтоваться один из самых одаренных шиноби молодого поколения. Только сейчас жители Суны начали постепенно возвращаться к обыденной жизни, и сейчас же вернулась привычная зимняя погода. За стенами было всего около двадцати градусов тепла. Слабое утешение, но в такую погоду восстанавливать разрушенные здания легче.

— Про кандидатов в джинчурики вы совершенно верно заметили, Казекаге-сама, — раздался в зале надтреснутый старческий голос. — Их нет, как и нет ваших наследников, среди которых будущих джинчурики нам и следует искать.

Эбизо сегодня во время всего собрания был тих и выглядел словно на несколько лет старше своего возраста. Для всего рода Нобумори предательство внука Чие стало тяжелым ударом. Род уже не первый год переживает упадок, еще со времен отделения Роурана, а сейчас он потерял едва ли не единственную свою надежду на возвращение бывшего статуса. Более того, есть все шансы, что на Чие и Эбизо род и вовсе прекратит существование. И, видимо, чтобы другие семьи не постигла вероятная угроза пресечения рода, Эбизо первый вновь поднял тему о наследниках.

— Ваш единокровный брат женился, но пока у него нет детей. Это в любом случае увеличивает шансы на продолжение рода Казекаге, но шанс того, что дети Расы будут способны принять дух и силу Шукаку не велики. Вам так же необходимо позаботиться о наследниках.

— О, кажется, тот мальчишка из Конохи дал добро на свадьбу Казекаге-самы и своей дочери? — нахмутив седые брови, уточнил Хиёкемуши. — Она выглядит способной.

— Ты сам сказал, что она дочь мальчишки из Конохи, — сердито заметил другой старейшина. — Белый Змей покинул деревню, но мы не уверены, как именно это произошло. Отношения Листа и Звука слишком странные. Может, Орочимару все еще имеет контакты с Конохой.

— Опять ваши новомодные интриги, — недовольно проворчал лидер Совета. — В мое время жена из вражеского клана была недостижимым благом, сулящим мир двум родам. Сейчас от нее ждут только кунай в спину. Однако, если Орочимару в самом деле покинул Коноху в результате конфликта, он мог бы стать нам союзником против нее.

— Мы не можем сказать, причины его ухода и становления нукенином. Агентурная сеть в Листе после совместной операции с Ивагакуре почти полностью уничтожена. За десять лет мы не смогли ее восстановить. Данзо тогда обвел нас вокруг пальца.

— За одно его убийство стоит сказать Орочимару спасибо.

— И его дочь имеет кеккей генкай. Такая кровь на дороге не валяется.

— Но к ней всегда может переместиться Орочимару. Это опасно для Казекаге.

— Будем честны сами с собой, в деревне и так должны быть метки для его пространственно-временного дзюцу.

— Его техника не похожа на используемую Вторым Хокаге. Возможно, он может

перемещаться только к живым людям. Отогакуре слишком молода, ее агентов в Сунагакуре не должно быть много. И мы можем ввести даже первого из них сами, если сделаем Сору женой Казекаге.

— Пока от Орочимару была только польза.

— Ходят слухи, что у него есть пророческий дар? Его дочь предупреждала о скорпионе, пригретом нами. Это было очень точное предсказание, которое мы не приняли в расчет.

— Если это было предсказание.

— Сомневаюсь, что Змей сам стоял за спиной Сасори, повторюсь, его деревня слишком молода для таких операций в Сунагакуре.

— Нельзя забывать о его личных способностях, о которых мало кому известно многое. Он мог побывать в деревне лично.

— В таком случае наличие при Казекаге его дочери точно не усугубит безопасность.

— Наша деревня держится на кровных узах, принимать женщину со стороны сейчас не самое время. Нужна женщина из кланов Пустыни, желательно, чья семья живет в поселении вне Сунагакуре. После буйства Шукаку деревня понесла потери, на освободившиеся колодцы можно привести способную семью. Пакура как раз представляет одну из таких. И у них тоже есть кеккей генкай.

— Кровные узы с Орочимару тоже могут быть выгодны. Если Чие не найдет средства от яда Сасори, то нам проще обратиться к Белому Змею, чем к Принцессе Слизней. К тому же он имеет контакты с Роураном, Сора сейчас там и находится, ведь так? Работает в тех заводах на побережье. Она может стать нашим шансом вернуться на территорию Роурана. Более того, в Рюджинкё ее почитают как дочь бога. Пусть эта секта в наших краях не велика, но на западе ее последователей больше. Для авторитета Казекаге это будет плюсом.

Старейшины молотили языками без устали, поймав интересную для себя тему. Естественно, интерес для них представляла не женитьба Казекаге, а возможные выгоды от нее. Хиёкемуши когда-то был дружен с мужем одной из предыдущих королев Роурана и ему важно вернуть близкие отношения с нынешней королевой, что он надеется сделать с помощью Соры. Эбизо рассчитывает на лечение Орочимару для Казекаге, так как испытывает чувство вины за нападение своего внучатого племянника. Их главным оппонентом в дискуссии был побратимом отца Пакуры и, конечно же, он отстаивал ее интересы.

Выслушивая слова спорщиков, Тенрай старался подавить раздражение, объективно оценивая приведенные доводы, чему здорово мешала нарастающая головная боль и тремор рук. На секунду разведя сложенные в замок ладони, Казекаге с кислым выражением лица оценил крупную дрожь пальцев. Последствия отравления ядом Сасори были неприятны в своей подлости. С такой нарушенной моторикой о четком складывании печатей речи идти не может.

Сжав кулаки, Тенрай прикрыл глаза, пытаясь приглушить боль. Может, Сасори и не собирался убивать его сейчас, может, ему было достаточно отравить и заставить поддаться яду. Если бы Казекаге пришлось вступить в бой, то подавлять токсины в организме у него возможности бы не было. И сейчас его состояние было бы гораздо хуже.

И если предсказание Орочимару про скорпиона было верным, то и про его второе возможное нападение тоже нельзя забывать.

— Я решу этот вопрос, — направив чакру к гортани и придав голосу большую силу, заявил Тенрай, чем заставил замолкнуть старейшин. — И я сделаю это самостоятельно.

Старейшины правы в том, что Казекаге пора всерьез заняться семьей. И лучше сделать это в ближайшее время, так как неизвестно, возможно ли вообще полное исцеление Тенрая, а если возможно, то насколько долгим оно будет. С имеющимися кандидатками на роль жены Казекаге, кого ни выбери, полностью благополучного исхода не получить, но эту проблему не решить никому, кроме самого Тенрая.

***

Размяв озябшие ладони, Ооноки спрятал их в широкие рукава теплого зимнего кимоно и с недовольной миной на лице откинулся на жесткую и холодную спинку своего кресла. Овальное помещение, в котором обычно проходили собрания Совета Ивагакуре, было небольшим по объему и имело всего несколько узких окон с двойным остеклением. И здесь даже были проложены свинцовые трубы отопления под серыми гранитными плитами пола, по которым текла вода из вулканических источников. Но середина зимы на широтах Скрытого Камня бывает слишком сурова, холод проникал сквозь толстые стены зданий и покрывал узорами стекла на окнах, спастись от него было сложно.

Каменная мебель также не добавляла комфорта, но традиция есть традиция, и против нее Ооноки идти был не готов. Хотя чувствовал, что даже несмотря на плотные подушки под сиденьем и теплый пояс из мамонтовой шерсти вскоре у него появятся проблемы с поясницей. Уже сейчас иногда чувствуются боли — последствия травм молодости, и климат не идет стареющим костям на пользу.

— Из Суны поступили новые данные от информаторов, — тем временем продолжали отчитываться подчиненные Ооноки, настороженно реагируя на его недовольную гримасу. — Прошу прощения, Цучикаге-сама, но Казекаге жив и по внешнему виду не получил серьезных повреждений.

— Тому мальчишке даже не удалось отравить его? — раздраженно спросил Ооноки. — Выдающийся гений Песка оказался неспособным подсыпать в еду ничего не подозревающего человека яд. Смешно! Дайте не на такой результат рассчитывал.

— Агентам удалось заметить признаки отравления Тенрая, — склонив голову, быстро выпалил шиноби в ответ, — но, похоже, что действие яда было заблокировано чакрой Казекаге. А от нападения марионеток Сасори его защитила Сора Рюсей. Об этом заявили официально, признавая девушку другом деревни Песка.

— Официально? — нахмурился Ооноки.

— Да, Цучикаге-сама!

— Это странно. Зачем придавать огласке факт того, что Казекаге спас кто-то не из Сунагакуре?

— Думаете, эта девчонка здесь ни при чем?

— Да не в этом дело! Спасла она там Казекаге или в стороне стояла абсолютно не важно, — сварливо воскликнул Ооноки. — Факт признания ее заслуги — вот что важно. Традиции Сунагакуре таковы, что признание кого-то другом здорово сближает его с жителями деревни. Если раньше Сора была просто девчонкой, то сейчас к ней должно быть совершенно иное отношение. А она Рюсей, дочь Орочимару...

— Белый Змей был замечен в Амегакуре, — негромко напомнил другой шиноби.

— Именно. Он давно обосновался в Роуране. Он остановил войну между Амегакуре и Рококу. А теперь его дочь появляется в Сунагакуре. Не слишком ли далеко Орочимару забирается от своей Страны Звука?

— Для него важны безопасные маршруты между Роураном и Отомури, это мы

подтвердили после встречи с ним в Санро.

— Даже пусть так, но не слишком ли много на себя он берет? Гм... Есть ведь еще сообщения, что войска самураев при поддержке неизвестных шиноби вошли в Страну Гор. И это тоже дело рук Орочимару, скорее всего, — обведя взглядом всех членов совета, сидящих по две стороны прямоугольного стола, сказал Ооноки. — Контроль над Страной Гор, появление в Стране Камня и последующие переговоры с Ханзо и лидерами Рококу, а теперь еще и в Сунагакуре его дочь появилась. Так себя лидеры малых стран не ведут. Не стоит забывать еще и об экономических связях, распространении алюминия и горючего газа. И Рюджинкё. Эта ересь распространяется на удивление бодро даже в нашей стране, укореняясь в умах низших сословий. Все это слишком подозрительно.

— Цучикаге-сама, вы имеете в виду, что это очередной претендент на звание шестой Великой державы объявился? — серьезно уточнил один из шиноби.

— Такие появляются постоянно, — недовольно буркнул Ооноки в ответ. — Но на мой взгляд Великих держав и так больше нужного в пять раз. Но если с четырьмя нашими конкурентами мы можем сделать не многое, то малым странам нужно указывать на их место, как это было с кланом Рью и Страной Неба.

— Что вы предлагаете делать со Страной звука, Цучикаге-сама?

— Для начала, я хотел бы выслушать ваши предложения.

Несколько секунд потратив на переглядывания, шиноби негласно решили предоставить слово самому старшему из советников:

— Раньше у нас с кланом Рью проблем не возникло, — пригладив пышные седые усы, произнес он, — а Страна Неба просто находилась слишком далеко и успела достаточно развиться, чтобы доставить хлопот и большим странам, то с Отомуру будет сложнее. В отличие от Страны Неба, Страна Звуча не закрытое государство, у нее есть экономические связи в том числе со Страной Земли, потерять которые в данный момент не желательно. Сейчас лишая промышленность горючего газа будет болезненно в том числе и для шиноби.

— Захват всех водородных заводов Страны Звуча Ивой остальные какурезато не оценят, а напасть вместе не получится: Суна далеко и сейчас им помогла Сора Рюсей, Кири с Кумо вгрызлись друг другу в плотки и пытаются втянуть в свою войну других, с Конохой тоже не все ясно.

— И что же с Конохой?

— Мы так и не смогли выяснить, насколько Коноха поддерживает связь с Орочимару. Резидентура была потеряна во время Второй мировой войны, а новая не успела внедриться на сколько-нибудь значимые посты. Хотя недавняя операция Конохи в Стране Звуча скорее доказывает, что Орочимару настоящий нукенин, а не попытка создать стороннюю группу шиноби на службе Листа для операций против других деревень.

— Та операция была очень сомнительной. Никаких конкретных результатов, никаких потерь ни с одной из сторон. Либо планировал ее кто-то крайне неопытный, либо это фикция, либо у Орочимару остались свои люди на высоких должностях в Конохе.

Нахмурившись на последней фразе своего подчиненного, Ооноки невольно зябко поежился. Сделал он это не от проникающего под кимоно холода от каменного кресла, а от воспоминаний о встрече с Орочимару в Санро. Не мог ли Белый Змей просто предвидеть направленный против него ход Конохи так же, как он увидел прошлое Ооноки, о котором сейчас должен знать только один человек — сам Ооноки? И если это так, то не предвидел ли он решения сегодняшнего Совета Ивы?

Вопросы, на которые Оооки пока не мог получить ответы.

— Мы поступим следующим образом, — негромко проговорил Оооки, когда стихли предложения советников. — Киригакуре предлагала союз против Кумо. Я думаю, мы можем пойти им на встречу.

— Но договор в Санро...

— С учетом договоренностей с Райкаге в Санро, естественно, — отмахнулся от возражений Оооки. — Под этим предлогом мы так же проведем возможную разведку на территории Звука. Прежде, чем приступить к активным действиям, оценим противника. В лучшем случае, возможно, Орочимару хватит и устного предупреждения не вмешиваться в дела других малых стран.

— Если его связь с Конохой существует, то такое предупреждение явно насторожит Лист. Сложить два и два они способны, так что поймут, кто стоит за конфликтами между шиноби малых стран.

— Поэтому нужно выяснить, есть ли эта связь, — веско произнес Цучикаге. — И в худшем случае, придется разговаривать с Отогакуре совсем по-другому.

***

Шаги в слабо освещенном люминесцентными лампами пустом коридоре разносились эхом во все стороны. Каждое касание прорезиненных подошв каменного пола предательски отдавалось звуком. Сама структура материала практически не позволяла ходить по нему бесшумно, что усложняло незаметное приближение к кабинету, затерявшемуся в лабиринте подземных коридоров. Еще одна лишняя предосторожность, доставшаяся нынешнему владельцу кабинета от предшественника.

Слегка прикоснувшись к лакированному дереву двери, шиноби уже знал, что за нею его ждет гостья.

— Ты не заставляешь себя ждать, Фузуки, — распахнув дверь, но не спеша проходить внутрь, произнес шиноби.

Внутри кабинета его встретила уже ставшая привычной обстановка: заваленный свитками дубовый стол, стеллажи все с теми же свитками, массивные кресла, покрытые деревянными панелями стены, пол и потолок. Интерьер не самый изысканный, но практичный, а для подземелья так и вовсе верх совершенства.

Занявшее одно из кресел женщина тоже, можно сказать, была привычным элементом интерьера. В последнее время она появлялась в данном помещении достаточно часто, чему хозяин кабинета был не особо рад, но был вынужден признавать ее полезность.

Голову Фузуки покрывал капюшон, а ее лицо было скрыто за типичной для агентов Анбу маской с пурпурным узором, изображающим черты дремлющего кота. Плотная черная одежда так же скрадывала очертания фигуры. Видны были только обрамляющие белую маску черные локоны волос да выглядывающие из рукавов чистые белые руки человека, который не был отягощен физическим трудом.

— Твои прогнозы относительно решений Хокаге сбылись, — наконец ступив внутрь комнаты, произнес шиноби. — Он объявил о роспуске Корня.

— Это было очевидно. Корень перестал устраивать его сразу после смерти Данзо, для роспуска требовалась лишь причина, которую можно предъявить джонинам в качестве обоснования, и теперь она появилась. В Стране Звука все пошло не по плану.

— И ты считаешь, что Хирузен мог поделиться данными о готовящейся операции с Орочимару? — поинтересовался шиноби, подходя к своему столу.

— Утверждать это я не стану, — уклонился от прямого ответа Фузуки, — но у Хокаге есть способы получать информацию и о происходящем в Корне, это точно. Хотя здесь могли остаться и преданные Орочимару люди. Все-таки он готовился к смещению Данзо, и с перевербовкой Хируко не все бунтовщики могли быть пойманы. Однако в Стране Звука нам могло просто не повезти, для нормального планирования не хватало данных — Рюсей хорошо скрывает свои секреты.

Опустившись в свое кресло, шиноби аккуратно переложил свитки на столе, проверяя целостность наложенных на них печатей. И, коснувшись одного из докладов, он невольно нахмурился. В этом свитке сообщались результаты переговоров с Орочимару и обмена пленными. Так же в нем была выдержка результатов осмотра джинчурики Конохи.

Этот документ давно пора было бы предать огню, но это было бы слишком легким решением. Нынешний руководитель Корня считал нужным помнить свои ошибки, разобраться в них и никогда более не допускать. А операция в Стране Звука была все-таки его ошибкой, каковы бы ни были причины ее провала. Недостаточная подготовленность из-за нехватки разведанных и ресурсов для планирования или утечка информации — все это нужно было учесть.

— Можно предположить, что у Хирузена был мотив предупредить Орочимару о готовящейся операции. Ему нужно было убрать риск потерь среди шиноби Конохи в Стране Звука и выставить Корень некомпетентной организацией, так? — переведя взгляд на гостью, спросил шиноби. — Такой ход был бы не в характере Третьего.

— Ситуация могла сложиться так, что для Хирузена это был самый простой способ выиграть при данном стечении обстоятельств. И он оказался эффективным, не так ли? Корень — после смерти Данзо, да и до этого, Хирузен относился к этому подразделению Анбу насторожено. Когда погиб Шимура, встала необходимость реорганизовать Корень, однако это сложно сделать без самого Данзо. Был риск, что Корень просто распадется на мелкие, независимые ячейки, которые без единой организации могли принести очень много проблем Конохе. Для этого Хирузен поспособствовал твоему установлению на должности. Твоей настоящей задачей было не возглавить Корень, а вести его к медленному угасанию.

Шиноби неспешно кивнул, признавая некоторую логичность суждений собеседницы. Шимура Данзо не мнил себя бессмертным, но в своей организации не предусматривал никаких заместителей своей должности. И то, что такой заместитель появился и с этим согласились многие члены Корня можно рассматривать как довод в пользу теории Фузуки. Хирузен имел возможность этому поспособствовать.

— Кроме того, что была брошена тень на репутацию Корня, Хокаге добился пересмотра отношения шиноби Конохи к Орочимару. Похищение сына придало ему образ жертвы, а решение не обострять конфликт вернуло утраченный было при нападении на Шимуру флер благородства. Более того, он исцелил джинчурики, которую многие уже считали погибшей, и вернул ее деревне вместе с биджу. Это, конечно, не заставит всех забыть о его проступке, но вместе с былыми заслугами позволит улучшить подпорченную репутацию. А этого Хирузен добивается уже давно.

И вновь руководитель Корня вынужден был согласиться. Ему было известно о переписке между Хокаге и его опальным учеником во время действия санитарного перемирия. Так же ему было известно о подноготной инцидента, повлекшего бунт Орочимару и убийство им Данзо. Естественно, каковы бы ни были причины, побудившие Змея на совершенные им поступки, это не умаляет его вины. Преступление есть

преступление. Но об этом Хокаге мог и забыть, когда речь идет о его лучшем ученике. И если о подобном просит дайме, которому крайне выгодна торговля со Страной Звука.

— Твои слова могут звучать логично, но у тебя нет доказательств, — подытожил глава Корня. — Хотя это не повод совсем о них забывать. Нужно учитывать данную теорию при планировании в будущем.

— Роспуск Корня положит конец всякому планированию.

— Приказ Хокаге обязателен к исполнению, но Корень никогда не был в его подчинении, — хмуро отозвался шиноби. — Я приложил уже слишком много усилий, чтобы переподчинить Анбу Не себе. Это было сложно, вся идеология Корня не предусматривает иного лидера, кроме Данзо. Я не хочу, чтобы мои усилия оказались потрачены впустую. Из-за Орочимару мне уже пришлось отказаться от желания стать Хокаге, получив шанс служить Конохе в должности не менее важной, я от него не готов отказаться. Придется Хирузену простить мою вольность.

— Хорошо. С Третьим Хокаге Конохе нужен Корень.

— Нужен, — кивнув, согласился с Фузуки шиноби. — Хирузену не всегда хватает решительности для того, чтобы сделать правильные шаги.

На мгновение губы шиноби скривились в ироничной усмешке. Совсем недавно и его решительности было мало. Он не понимал, что дереву для жизни и роста нужны не только обласканные светом листья, но и сокрытые во тьме корни. Пришлось пережить не лучшие моменты в жизни, чтобы подкорректировать свои жизненные принципы. И по прихоти судьбы Орочимару в этом был частично замешан. Его предательство и вскрывшиеся темные делишки резко контрастировали с безупречной репутацией. Благодаря методикам Белого Змея нынешний глава Корня в свое время чудом остался жив, но основа тех методик оказалась не самой красивой, выросшей на бесчеловечных опытах.

— Пусть подозрения Хирузена в пособничестве Орочимару недостаточно обоснованы, но нельзя отрицать, что из ситуации с операцией в Стране Звука Хокаге извлек определенные выгоды, — напомнила Фузуки. — Коноха слишком зависима от дайме, в отличие от Ивагакуре или Кумогакуре. С тех пор, как Орочимару перестал быть простым шиноби, отношения с ним феодалы более не считают компетенцией только Листа. И наши гордость и правила они не учитывают. Им важны свои кошельки и доходы, которые приносит торговля и сотрудничество со Страной Звука.

— У дайме всегда свое видение мира, — поморщившись, произнес шиноби. — Орочимару отлично этим пользуется. Сам факт появления санитарного перемирия говорит уже о многом. Но он пользуется не только дайме для достижения своих целей, но и нашими слабостями. Несмотря на окончание перемирия и богатство его страны он до сих пор умудряется сохранять ее нейтралитет. И остается нукенином. Но вскоре его благополучию может прийти конец. Крупная война может развязать нам руки, если мы успеем воспользоваться моментом. Даже дайме будет больше рад не торговать со Страной Звука, а владеть ей. Главное, правильно подать ему эту идею. Если же он ее не воспримет, то в его окружении можно найти более сговорчивых людей.

— Власть дайме в Стране Огня давно нуждается в контроле со стороны Конохи, — согласилась Фузуки. — Пример Стран Земли и Молнии явно показывает, что это выгодно всем. Да и Страна Звука тоже неплохой пример, когда единство власти укрепляет мощь страны.

— Сомневаюсь, что Хирузен согласится с такой позицией. На него мы вряд ли сможем

повлиять, однако и в его окружении можно найти более сговорчивых людей.

— Убийство Хокаге — это...

— Я не говорю об убийстве, — оборвал на полуслове собеседницу шиноби. — Хокаге можно поменять и без этого. Тем более ситуация с Орочимару может нам в этом помочь. Есть достаточно кланов, которые с готовностью поверят твоим доводам о сговоре Хирузена с Рюсеем. Этим мы и воспользуемся.

Несколько секунд молча рассматривая собеседника сквозь узкие щели в маске, Фузуки медленно произнесла:

— Ты сильно поменялся. Возможно, время не только требует смены Хокаге, но и в Корне ты появился вовремя, Като Дан.

Глава 28. Тайги-мацури

13 января 46 года от начала Эпохи Какурезато

Звук вспарываемого ударом кулака воздуха домчался до моих ушей позже, чем, собственно, сам кулак. Сам по себе этот факт не особо расстраивал, так как на слух я в своем оригинальном теле редко рассчитываю. Кецурьюган позволил заметить направление удара и приближение узкого женского кулачка. Вот только волна сжимаемого воздуха и достигнувший слуха звук хлопка явно говорили о том, что удар был произведен на скорости, превосходящей скорость распространения звука в атмосфере.

Увернуться мне это не помешало, но неприятный холодок по хребту все-таки пробежал: еще бы немного — и такой удар просто превратил бы пол моего тела в фарш. Мало того, противник на нем не остановился. Худощавое женское тело, провалившись вперед, должно было устремиться вслед за промахнувшимся по цели кулаком, но, нечеловеческие извернувшись, оно словно врезалось в невидимую стенку. Моя противница стремительно погасила инерцию неудачного выпада, ударив ногой о землю и впившись в грунт пятью рыжими хвостами, и вновь атаковала. На этот раз скорость удара была ниже, положение было не очень удобным, но, кроме острого нацелившегося мне в печень кулачка, на мое тело грозили обрушиться еще четыре хвоста.

Увернуться от подобного было сложновато, проще контратаковать, что я и сделал. Одежда на противнице из-за ее сверхзвуковых кульбитов знатно истрепалась и держалась на честном слове, так что пришлось захват делать за шею и стремительно приближающееся запястье. Аккуратно подставив ногу, мне оставалось лишь немного потянуть девушку, закрутив свое тело, чтобы она смачно врезалась в землю.

Инерцию броска противница снова погасила, грамотно совершив страховку: ударив всеми девятью хвостами о землю. Тучи грунта разлетелись во все стороны, а девушка вновь совершенно не по-человечески извернувшись, едва не врезала мне с ноги в подбородок. Этот удар был совершен из крайне неудобной позиции, так что его я рискнул принять на блок, применив *Гэмбу*. Черное марево водяного тумана в сиянии активированного *Шичи Тенкохо* было заметно слабо, но сработало безупречно. Краем глаза успеваю заметить, как капельки воды сформировали некое подобие черепашьего панциря вокруг моего предплечья за доли секунды до столкновения с босой девчачьей стопой. От мощного удара водяная пленочка деформировалась пошла волнами, поглощая вложенную в атаку силу.

До моего тела женская ножка все же добралась, но сила удара была совершенно никакой, так что мне не составило труда перехватить голень и, используя ногу в качестве рычага, просто кинуть девичье тело, в очередной раз впечатав его в землю. И, пока Курама вновь не пришел... Или, сейчас уже, пришла? Не важно. Пока Кьюби не ринулся снова в бой, добил его ударом в солнечное сплетение.

— Курама! — раздраженно прохрипел я, пытаюсь отдышаться. — Демоны б тебя драли! Мы развиваем твое тайдзюцу, понимаешь?! Тайдзюцу твоего человеческого тела! Если печать не сдерживает твою чакру, а ты сам на это не способен, то я тебе эти хвосты просто повыдергиваю в следующий раз, понятно?

Ответить мне ничего Кьюби не мог, отчаянно пытаюсь заглотнуть хоть немного воздуха и скрючившись на изрытой ударами земле. Ударил я его несильно, корежило его сейчас больше от заблокированных моей чакрой тенкецу.

— Это тело ущербное, — кое-как прохрипел в ответ Курама, через силу разогнувшись и распластавшись на земле.

Хвосты за его спиной медленно обратились в чакру и пропали. Похоже, чтобы прийти в себя, ему пришлось подавить чакру. Надо будет запомнить и при следующих уроках чаще запечатывать его тенкецу с помощью Джукена Хьюга.

— У тебя отличный организм, — наставительно произнес я, нависнув над Кьюби. — Уже полгода прошло с его рождения, а оно не разваливается после всех твоих попыток его уничтожить.

— Оно человеческое. Поэтому насколько хорошим бы не было — все равно ущербное.

— Тебя сколько раз надо мордой по земле проволочь, чтоб дошло, что это не тело ущербное, а просто ты им пользоваться не умеешь? И желания такого вообще мало проявляешь.

В ответ Курама презрительно фыркнул, раздраженно дернув руками, из тенкецу в которых пытался вывести мою чакру.

— Не будь я в этой мясной котлете, то твои приемы с тенкецу бы не прошли.

— Думаешь? А когда я по твоему хребту пробежался при первой встрече, думаешь, мне было сложно попасть в тенкецу?

Кьюби на мгновение нахмурился, пытаюсь вспомнить события, произошедшие в канун Цукими. После чего скорчил недовольную гримасу, пробормотав себе под нос что-то невразумительное и не очень цензурное. Тогда я и в самом деле смог пару раз заблокировать меридианы в теле биджу. Хотя с его запасами чакры это, в принципе, сделать затруднительно, все равно что реку зубочисткой пробовать остановить. К счастью, моя чакра способна блокировать чакру биджу.

— Ладно, ты неплохо справляешься, — усевшись на землю возле Курамы, я все-таки признал его труды. — Гораздо лучше, чем в первые дни.

Проводили тренировочные поединки мы с Кьюби уже далеко не в первый раз. Мне приходилось уделять на это время в связи с тем, что в Отогакуре, кроме меня, Юко Учиха и некоторых из клана Ибури, никто просто не в состоянии пережить возможные накладки во время обучения биджу в человеческом теле тайдзюцу. Но так как сами Ибури за счет кеккей генкай просто могут избежать травм, но не в состоянии составить конкуренцию Кураме, а Юко выигрывает только за счет гендзюцу и шарингана, то приходилось заниматься с Кьюби все же мне лично.

Сама идея обучить Кураму тайдзюцу появилась из-за необходимости научить биджу пользоваться своим новым вместилищем и жить в нем с комфортом. Тело Кьюби живое, вместе с самим Хвостатым внутри оно вообще мало чем отличается от обычного шиноби. То есть организм имел физическую энергию. Не так много и не настолько... агрессивную, что ли, как если бы он был мужским, но все же достаточно, чтобы повлиять на жизнь Курамы в новом своем сосуде.

Биджу всегда запечатывали в людях, которые имели собственную чакру. Получалась вполне обыденная для этого мира система из двух кейракукей и чакр, работа которой во многом была понятной. Я сам попал в этот мир в виде души, которая потом присоединилась к телу, только тогда соединились духовная и физическая энергии и появилась возможность производить чакру. А Курама — полноценный биджу, состоящий из чакры со всеми ее компонентами, к которым с появлением нового исключительно биологического тела примешалась новая же физическая энергия.

Случай уникальный и требующий изучения, из-за чего я и гоняю Кураму, чтобы с помощью тайдзюцу увеличить выработку физической энергии. Ну, и чтобы он быстрее адаптировался жить и двигаться в человеческом теле тоже. Пока, вроде, никаких негативных явлений не наблюдалось, физическая энергия тела словно существовала параллельно с чакрой Кьюби, никак с ней не взаимодействуя, но погонять в стрессовом режиме новый организм стоило. Может, начнет формироваться вторая система циркуляции чакры? Или тело начнет разрушаться, подавляемое чакрой Курамы? Нужно быть готовым к самым разным последствиям. Тем более, если получится подбить других биджу последовать пути Курамы.

— На сегодня все, — решил я. — Мне нужно подготовиться к празднику. Да и тебе тоже. В следующий раз сначала закрепим мягкий стиль контактного боя. Он больше подходит твоему телу и плохо совместим с твоей хвостатой сутью. А то с коноховского Гокена ты срываешься на привычные для себя движения. Не скажу, что это плохо, но сейчас у нас не та задача.

Я получил в ответ от Курамы только невразумительный взмах рукой. Биджу все еще не привык к тому, что тело может испытывать усталость. Для него поначалу это вообще было чем-то сродни шоку. Кьюби, конечно, понимал и знал, что люди устают, но на себе прочувствовать это ощущение он до недавних пор не мог. И, как мне кажется, был не очень-то рад этому новшеству.

Ему, вообще, было сложно жить по-человечески. А мне, в свою очередь, было сложно объяснить, как жить по-человечески. Потому что, чтобы объяснить биджу, что такое человеческое бытие, желательно было понять, что из себя представляет жизнь Хвостатого. А это было сложнее, чем казалось на первый взгляд. Биджу может вести себя почти по-человечески, но нет-нет — да и промелькнет в нем что-то не то. Психика у него все-таки иная.

С одной стороны, это неплохо. Я, например, не представляю человека, да и вообще животное с хоть какими-то зачатками высшей нервной деятельности, которое могло бы прожить в одиночной камере десятки лет и не повредиться умом. Какие-нибудь декабристы и за меньший срок умудрялись доходить до копрофагии, а животные в клетках без должного обогащения окружающей среды и за год могут свихнуться. А Кьюби, да и прочие биджу, в печатях сидят уже больше сорока лет. Буйствуют иногда, конечно, но это для них нормально, они и на воле буйствовали.

С другой стороны, мне сложно понять причины иногда проявляющегося у биджу того же буйства. Или их отношение ко времени. Их способ запоминания. Их эмоции. Хотя не скажу, что с людьми намного проще.

— Кстати, Курама, пока мы в барьере, скажи-ка мне одну вещь.

С Кьюби я сражался в многослойном барьере, часть которого защищала полигон от возможных физических повреждений, а часть маскировала чакру от вероятных вражеских сенсоров. Она же помогала избавиться от возможного подслушивания. Пока очень немногие знали об истинной природе Курамы, и я постараюсь, чтобы впредь все так и оставалось.

— Ну?

— Когда вы, биджу, находитесь внутри джинчурики, вы можете воздействовать на его разум. Это же не техника какая-нибудь?

— Техника? — взгляд желтых глаз биджу упал на меня, а тон голоса явно намекал, что я сморозил нечто не очень умное. — Конечно, нет. Поглощая нашу чакру, люди не способны

ее усвоить. Она разрушает и тела, и души. Воля ничтожеств сама по себе ничтожна.

Проигнорировав на этот раз уничижительный комментарий Кьюби о людях, я присел возле биджу и уточнил:

— То есть ваша воля проникает в людей вместе с чакрой, — этот эффект мне хорошо знаком: при любом поглощении чакры вместе с ней получаешь и духовную ее составляющую, которую нужно подавить для усвоения чужой энергии. — А изъятие биджу позволит исцелить джинчурики, воля которого уже сломлена?

— Не знаю. Никто не выживал после подобного, чтобы поделиться опытом, — Курама, пытая от боли в теле, тоже приняла сидячее положение. — Ты спрашиваешь об этом, потому что джинчурики Шукаку поддался его воле?

— Именно. Сунагакуре полунамеками интересуется, могу ли я помочь Яшиме. Если такая возможность есть, то это может быть выгодно нам.

Поджав губы, склонив голову на бок и просверлив меня пронизательным взглядом, Курама все-таки снизошел до объяснений и поделился своими мыслями:

— Не знаю, можно ли помочь восстановить поглощенное тьмой сердце. С этим должен справиться сам джинчурики, хотя блокировка чакры биджу в нем может упростить процесс. Борьба с собственной тьмой проще, когда ее не поддерживает чужая ненависть.

Я задумчиво кивнул в ответ на слова биджу, который продолжал рассказывать свое видение ситуации. Я примерно даже представляю, к чему он клонит. По местным представлениям, душа человека, его духовная энергия включает в себя: *кокоро* — чувства и эмоции, *сейшин* — духовное тело иместилище разума, *ишики* — само сознание, *ишиши* — воля, и *тамаши* — корень и основной стержень души. Мне лично не совсем понятна данная система, которая к тому же не включает саму душу в моем ее понимании. Но Курама сейчас как раз в рамках этой общепринятой системы объясняется.

Судя по его словам, сердце, оно же *кокоро*, джинчурики оказалось поглощено *ишиши*, волей, биджу, которая наполнила собственные негативные эмоции Яшимы силой. Подточив чужую волю, сделав ее подобной своей, Ичиби подчинил разум, *ишики*, человека. После этого Шукаку смог подавить *сейшин*, чакро-душу, джинчурики, и сам занял ее место, по сути повторив техники Яманака, с помощью которых они завладевают чужими телами.

И в рамках местной науки это все выглядит вполне правдоподобным. Я сам этому аспекту чакры придавал не много значения, так как сам лично в нее вписываюсь слабо. Мои память и сознание объединены с душой, которая к чакре отношения никакого не имеет и в этом мире появилась не так давно. Но местные — это совсем иное дело. У них реально имеются духовные тела, которые в зависимости от тренировок и различных духовных практик могут быть как просто придатками из духовной энергии к физическому телу, как у гражданских, так и вполне функциональными частями организма, как, например, у Сасори, у которого от тела остался лишь кусок живой плоти. В рамках моей теории все это именуется *рэй* — нематериальной проекцией своего физического тела, созданной с помощью Интона. И чакры, так или иначе.

У меня эта штука так же имеется, пусть и не совсем правильная по местным меркам. Кое-какие техники клана Яманака мне изучить удалось, в том числе и те, которые касаются *сейшина*, так что, может, получится с их помощью попробовать помочь Казекаге с его братом-джинчурики? Если рассуждать логически, то подавления чакры биджу и пробуждения разума джинчурики должно быть достаточно для исцеления Яшимы. Не доверяю я местным поверьям про все эти *кокоро*, *ишиши* и *ишики*. Сознание включает в себя

и волю, и разум, и эмоции, и пусть они могут отражаться и сохраняться в духовном теле, но оно-то все-таки основывается на теле вполне материальном. Даже если *сейшин* джинчурики был поврежден биджу, пока есть его родное тело, его можно восстановить. Без влияния посторонней духовной энергии и чакры на то, что в моей терминологии называется *шин*, *разум*, и *кон*, *эмоции*, психическое состояние болезного должно вернуться к норме, и возможные сбои в гуморальной системе регуляции также должны быть исправлены.

В теории все логично, но прежде, чем начать воплощать все на практике, неплохо было бы опыты провести. Только где б на это все время-то выкроить? Или, еще лучше, где б компетентных людей найти, чтобы уже им все перепоручить?

— Ладно, наверняка переговоры с Суной насчет их джинчурики будут долгими и не факт, что мы с Песком вообще договоримся, — вставая, высказался я. — Оптимальным вариантом было бы выторговать у них половину чакры Шукаку, но это практически нереально. Добровольно на такое шиноби не пойдут, да и сам Шукаку без предварительной договоренности вряд ли будет гореть желанием отдавать свою чакру.

— С ним можно поговорить...

— Тебе с помощью вашей связи? Ну уж нет, Шукаку о тебе лучше не знать. Ты его со своим хвостомерством порядком достал, так что в роли переговорщика не годишься, — произнес я, протягивая руку, чтобы помочь Кураме встать на ноги. — Вы, биджу, иногда совсем как люди. Вас всего девять на планете, но даже так вы не смогли не перессориться.

Курама несколько секунд недоуменно разглядывал протянутую ладонь, прежде чем догадался, что с ней делать, и немного неуверенным движением принял помощь.

— Мы не ссорились, — естественно, Кьюби не устроило сравнение с людьми.

— Может быть, — не стал настаивать я, помогая Кураме подняться. — Только, когда вас начали одного за другим запечатывать, вы почему-то не объединились. Хаширама — монстр, ками шиноби, у него была поддержка всей Конохи и Узушио, но вы даже не попытались объединиться и противостоять ему вместе, хотя все возможности для этого у вас были.

— Это не принято, — невольно скорчил недовольную гримасу Кьюби. — Каждый из нас жил на своей территории и не заходил на чужие земли. Так повелось.

— Может, вам Хагоромо еще запретил пересекаться?

— Не знаю. Может быть, и так, — пожав плечами, ответил биджу.

Вот о чем я и говорил, память у Хвостатых избирательная. Мало того, что у них так же имеется процесс забывания, как и у простых смертных, так они еще и живут без малого тысячу лет. За это время, похоже, часть воспоминаний не просто забылась, а оказалась перевернута. При детальном рассмотрении, как выяснилось, Курама не всегда уверен, были ли известные ему факты из прошлого действительно реальными и такими, какими он их помнил, или они замещены, частично или полностью, его фантазией. При этом признаваться в пробелах в своих воспоминаниях или их недостоверности Кьюби упрямо не желал, старательно уходя от любой неудобной ему темы. Это, например, часто происходит, когда речь заходит о Хагоромо, его матери или Десятихвостом.

— Ладно, разберемся по ходу дела. Посмотрим, как пойдут переговоры с Песком, может, у меня найдутся аргументы, чтобы склонить Суну к более тесному сотрудничеству, хотя я сам в это слабо верю, но надежда умирает последней. А пока идем, нужно подготовиться к церемонии.

— Мне в самом деле нужно на ней присутствовать? — недовольно поинтересовался

Кьюби.

— Лишним не будет, — коротко ответил я ему, хлопком в ладоши разрушив барьеры.

Со странным звуком, напоминающим звон разбитого стекла, пространство вокруг нас исказилось и рассыпалось. На месте остались деревья полигона и изрытая сражениями земля, но за невидимой ранее чертой ограждающей техники обнаружился десяток людей из клана Ямада, которые поддержанием барьеров и занимались. Здесь же была Юко Учиха в качестве страховки на случай незапланированного буйства Курамы. Еще сегодня она же выполняла функции моего адъютанта или секретаря.

— Рюджин-сама, вы как раз вовремя, — с поклоном обратилась ко мне Юко. — Вам пора готовиться к церемонии. И вам тоже, Курама-сан.

— Да, пойдём.

На сегодня намечены большие праздничные мероприятия по случаю моего воцарения, если можно так выразиться. Год и три месяца назад мне пришлось покинуть Коноху, и ровно год назад мной было принято решение официально заявить о себе в Стране Звука. Такую годовщину стоило отметить. Тем более, ситуация в мире складывается так, что праздник придется как нельзя кстати. Пора донести до народа, как в собственной стране, так и за ее границами, определенные мысли.

Мир сейчас нестабилен: война в восточных морях началась, ее участники активно пытаются привлечь на свою сторону другие большие какурезато. Угроза новой Мировой войны уже не кажется чем-то нереальным, людей это беспокоит. А меня конкретно беспокоит переброска подразделений Ивагакуре на южных границах Страны Земли. Переговоры в Санро для Оноки не многого стоят, меня об этом не предупредил только ленивый. Да и сам я не рассчитывал на реальные выгоды от тех переговоров.

Оноки делает только то, что выгодно его государству. И сейчас неплохо было бы ему намекнуть, что нападение на Страну Звука не очень-то выгодно. Но для начала стоит сбить с себя пыль и переодеться. Уважение уважением, но даже ками встречают по одежке. И тут обычным моим тряпьем, созданным с помощью чакры, не отделаться.

Возвращались мы с полигона с помощью Юко. Из-за передвижений Ивагакуре Котоширо пока пришлось перевести на границу, для контроля за недружественными силами и передачи информации в случае непредвиденных обстоятельств. В качестве личного телепорта Учиха была не хуже Узумаки с Хирайшином. Только на перемещение у нее уходило больше чакры, так как для этого приходилось использовать обе способности ее Мангекье Шарингана: связать сознание оригинального тела с теневым клоном с помощью *Омойкане* и переместить себя и меня с Курамой с помощью *Конджина*.

Даже с Вечным Мангекье Шаринганом это не простая задача. Когда окруженный деревьями и скалами полигон сменился деревянными интерьерами построек храма Отомуры, я с легким чувством сожаления заметил кровавые дорожки от глаз Юко. К сожалению, в моем распоряжении нет идеальных техник телепортации. Хотя помню, Учиха во время нападения на летающую крепость Страны Неба без особых проблем соединила наши с ней сознания и несколько раз перемещалась в пространстве. Но тогда дальность была все же невелика.

— Проследи, чтобы от Курамы не было проблем, — попросил я Юко, прикоснувшись ко лбу женщины.

Исцелять ее глаза сейчас не обязательно, но если есть возможность снизить ей дискомфорт при минимальных усилиях с моей стороны, то почему бы это не сделать? Поток

медицинской чакры хотя бы снизит болевые ощущения.

— Конечно, Рюджин-сама, — благодарно поклонившись, с почтением ответила Юко, когда я отнял руку от ее лба.

— Курама, если будешь артачиться — скормлю Роену.

— Эй, почему к нам такое разное отношение?!

— Хочешь, чтоб я и тебя по голове погладил? — скорчив удивленно-брезгливую гримасу, поинтересовался в ответ.

— Нет! Но постоянные угрозы раздражают.

— Тяжко бремя любимого старшего чада, — философски заметил я, — от него многого ждут и требуют. И разве ты не получаешь всего, что требуешь?

— Я получаю слишком много того, что не требую, — недовольно буркнул биджу, не желая быстро соглашаться со мной.

— Наличие прав и свобод подразумевают наличие обязанностей. И с сильных больший спрос. Тем более, от тебя пока требуется всего лишь посветить лицом на публику, не ударив при этом тем самым лицом в грязь. Все, идите, мне нужно еще с ответственными за охрану праздника шиноби переговорить.

На самом деле, не скажу, что Кураму я постоянно только лишь стращаю. С биджу вообще такой номер, как мне кажется, не пройдет. Просто, Кьюби, вроде, не против, что я ему именно таким образом очерчиваю рамки дозволенного.

Заслушивал доклады ответственных за безопасность праздника я уже во время облачения в парадные одежды. Ничего экстраординарного не услышал: количество предполагаемых осведомителей других какурезато, мелкие происшествия в столице без участия шиноби, спокойная обстановка на границах. Я не зря выбрал для своего выхода из тени именно январь, в этом месяце вообще мир на восточном побережье обычно не склонен ко всяким происшествиям. Сейчас даже война между Кумо и Кири идет очень условно. Силы шиноби скованы погодой — бури, шторма, снега на горных перевалах усложняют логистику. Небольшие группы ниндзя способны с этим справиться, но в борьбе со стихией они тратят чакру, чем в значительной мере снижают свой боевой потенциал.

В большинстве случаев выносливости на войне всегда найдется более полезное применение, чем для транспортировки грузов или простого перемещения из одного пункта в другой. Например, часто случается, что шиноби на миссиях во время боевых действий сутками приходится бодрствовать, защищая какие-нибудь важные позиции или те же самые пути снабжения.

Так что пусть на улице погода даже в Стране Звуча, славящейся своим аномально мягким климатом для своей широты, не очень праздничная — переменная облачность и температура около нуля — зато рисков диверсий меньше.

Разобравшись с этим вопросом, перешел к другому — к последней вычитке своей речи. Этот мир пока не дошел в своем развитии до появления профессиональных спичрайтеров, так что сочинять мне ее пришлось в основном самому. И в своих ораторских качествах я уверен не был. Никогда раньше у меня не было таких задач, чтобы несколькими фразами закрепить некоторую идеологию в обществе, утвердить ряд морально-этическим положений, направить послание дружественным и не очень правительства и организациям. Ну, и заодно побудить к трудовым подвигам население своей страны, так как зима зимой, а в условиях ухудшающегося из-за скорой войны качества жизни, мне нужно страну к той самой войне подготовить.

Не скажу, что речь получилась выдающейся, вполне себе типичное выступление на несколько минут. Длинновато, но, надеюсь, прием с голосовыми гендзюцу меня не подведет.

— Зачем нужно было давать мне женское тело? — любопытствовала Курама, недоуменно разглядывая облачение мико на себе и сравнивая его с моим.

— Тебе же было без разницы. Тебе было неприятно находиться в любом человеческом теле.

— Ну...

— И мне так спокойнее.

— Спокойнее?

— Ссориться я с тобой не хочу, а женщине хвосты отрывать даже в горячке боя я все же не стану. Поэтому да, так мне спокойнее.

Пока Курама пытливо рассматривала меня, пытаясь переварить выданный мною перл, я с как можно более серьезным выражением лица наблюдал с помощью додзюцу за последними приготовлениями к празднику. Не улыбнуться при этом оказалось достаточно сложно. Все-таки есть какое-то особое удовольствие в подначивании Кьюби. Все равно, что дергать тигра за усы. Это глупо, опасно, но при возможности сложно не попробовать.

Естественно, просто серьезным выражением лица Кьюби не обмануть.

— Раз не хочешь ссориться, то почему я сейчас здесь? — сложив руки на груди, спросила Курама. — Почему я принимаю участие в ваших странных ритуалах?

— А на что, на твой взгляд, их стоит поменять? — в свою очередь поинтересовался я у Кьюби. — Я, знаешь ли, как-то пропустил в перечне твоих требований ко мне четкую позицию насчет твоего дальнейшего жизненного пути. Только не надо за планы на будущее выдавать желание лежать на свободе пузом кверху, в промежутках мимоходом неся справедливость нуждающимся.

— А что, по-моему, звучит достаточно неплохо.

— Знаешь, по-моему, тоже, но мир слишком жесток. Приходится делать совсем не то, что нам хочется, в надежде на то, что однажды наши труды принесут нам желаемое счастье.

На самом деле, как это ни странно, но у Курамы реально не было никаких долгосрочных планов на жизнь. Все они ограничивались желанием вырваться из печати, а что делать дальше — он особо не планировал. Может, он просто не видел всех происходящих на континенте изменений, может, игнорировал их, но факт осознания, что мир уже давно не тот, к которому привыкли все биджу, прошел мимо сознания Кьюби. В нынешних условиях жить как встарь у Хвостатых бы не вышло. Даже в человеческих телах.

— Но ты не переживай. Я надеюсь, что в этом мире задержусь не дольше, чем лет на триста. За это время ты можешь научиться управлять людьми и приобрести все инструменты для этого. Я тебе даже в этом помогу. И делай после этого, что хочешь. Это уже будут не мои проблемы. И даже, скорее всего, не людей, а твои. А пока иди и займись своим делом.

Кураме предстояло маячить среди лиц особого статуса в Стране Звука. То есть в одном ряду с Отохиме, дайме Кейдзаном и Мицуко, которая являлась формальным главой Отогакуре. Ну, и еще с главами кланов шиноби, чиновниками высшего ранга и крупными торговцами. Биджу я решил прятать на самом видном месте, представив его большой и влиятельной шишкой. На тот случай, если в ближайшей войне все же я буду вынужден воспользоваться его силами и придется как-то объясняться перед Шиноби Годайкоку. Представлю Кьюби как члена клана Ибури, сумевшего в свое время получить силу Курамы

по типу Кинкаку и Гинкаку.

Сам же я вышел на публику позже. Когда отзвучали гимны, замолкли звуки барабанов и звон бронзовых колокольчиков. Во внезапно наступившей тишине, когда на большой площади Отомуры, на которой собралась масса людей, не было слышно почти ничего, кроме хлопающих на порывистом зимнем ветру флагов и красно-синих стягов с гербом клана Рюсей.

Стоя на влажных после ночного дождя ступенях храма, на которые до сих пор изредка срывались капли влаги с ярко-алых торий, я мог словно с трибуны видеть человеческое море. Люди смотрели с ожиданием и восхищением. Некоторые с недоверием. Наверняка были те, кто относился ко мне недоброжелательно. У всех собравшихся на площади, близлежащих улочках и домах, было свое видение мира, сами они были абсолютно разными, большинство видело во мне Рюджина, но точно знаю, что имелись и те, кто помнили о моем прошлом в Конохе.

Все люди были разными, с отличными друг от друга мнениями и взглядами, однако все они не сводили с меня взглядов, в эмоциональном молчании ожидая моих слов.

— Народ Страны Звука, верные наши подданные и принявшие Бога-Дракона! — с помощью ниндзюцу мой голос разносился на многие сотни метров вокруг. — Поздравляю вас с Тайги-мацури!

***

Кейдзан, первый дайме Страны Звука, выслушивал послание Рюджина в первых рядах, но был уверен, что даже за пределами Отомуры многие могли слышать его голос.

— ... богатства нашей Родины вселяют соблазн в недружественные сердца. Растущее величие вызывает страх и беспокойство. Уверен, что это не станет помехой ни сейчас, ни в будущем, потому что народ Страны Звука принял меня, и именно здесь зародилось Рюджинкё. И только здесь учение и могло появиться. Народ Страны Рисовых Полей был народом воинов. Он сражался на фронтах материальных, но, главное, он побеждал на фронтах духовных. Ни гнет клана Кагуя, ни давление Великих держав — ничто не сломило волю людей, стремящихся к справедливости и миру. Наша вечная война — это война со злом, война в своих и чужих душах. Всякая баталия в материальном мире — лишь отражение настоящей войны. Следуя Воле Дракона и победив собственную тьму, можно побороть зло извне...

Дайме слушал речь Орочимару вполуха, так как был уже знаком с ней, но все равно невольно чувствовал легкую дрожь от растущего в душе воодушевления. Рюджин может хвалить силу людей, но Кейдзану, как никому иному, было известно, благодаря кому и чему Страна Рисовых полей превратилась в Страну Звука.

Дракон — это сила, объединяющая землю и небеса. Это мост, по которому никому неизвестное, затерянное в горах княжество получило высшую благодать и стало влиять на жизнь Великих держав. И главная задача Кейдзана — не дать никому этого забыть.

Та, кого ныне знали как Мейро Чиноике, тоже почти не вслушивалась в речь того, кого когда-то привела в этот мир. На губах женщины играла мягкая улыбка, а ее сияющие счастьем глаза не сводили взора с Рюджина.

— ... в любых испытаниях только верность Воле Дракона и своей бессмертной душе, жаждущей света, любви и справедливости, принесет вам спасение. Каждая преодоленная трудность — это победа над собственными слабостями, это ступень к небесам. Когда вы покинете этот мир, когда душа оставит тлен мирского бытия и уйдет из Чистого Мира, тогда

вы оглянетесь на себя и либо в ужасе отшатнетесь, либо с верой и терпением взгляните в тьму, чтобы узреть свет, зажженный Волей Дракона.

С легкой грустью отведя взгляд от Орочимару, Мейро посмотрела в серые небеса. Этот мир принес ей слишком много боли. Преодолела ли она испытания с честью? Очень сомнительно. Но изменить себя еще не поздно.

Отохиме, Юко Учиха и Курама стояли в одной группе, окруженные стайкой мико, среди которых тихо пряталась в тени восхищенно озирающаяся по сторонам Фуен. Лицо первой было, как обычно, безупречно гладким и спокойным, вторая внимала каждому слову с благоговейным трепетом, на третьем же девичьем лице можно было заметить нахмуренные брови.

— И цель всякого разумного бытия, его смысл — в достижении счастья, стремлении к единению своей души. Пять незыблемых правил, пять добродетелей, пять заповедей, пять истин и пять принципов помогут найти путь к счастью, проложат путь к божественности, первые шаги которого начинаются здесь, на земле, и простираются далеко за пределами Чистого Мира. Создание справедливого государства — это тоже шаг к достижению цели. Это способ не только проложить путь к счастью себе, но и помочь в этом другим.

На расположенной в получасе пути от Отомуры и скрытой в непроходимых лесах горе также был слышен голос Орочимару. Крепкий смуглый мужчина со светлыми глазами, почти белыми растрепанными волосами и бородой, замер с черным камнем для игры в го в единственной руке. На Кумотори его передвижение было ограничено несколькими зданиями и подземными комнатами. Всего несколько минут назад он начинал привычную игру с одним из охраняющих его стражников, когда по спине внезапно словно пробежала волна электричества.

Ощущение знакомой чакры и слабого, отдаленного давления *сакки* заставили Третьего Райкаге замереть на месте и вслушаться в приглушенные расстоянием слова. Вкрадчивый голос Орочимару вновь настойчиво проникал в уши, напоминая о единственной схватке с ним.

— И нет в этом мире для разумного существа врага в лице другого разумного существа. Главная война идет в душах. За взаимное понимание, за шанс на спасение погрязшего во тьме страстей сознания. Каждый способен к покаянию и принятию Воли Дракона. Неидеальный мир вынуждает проливать кровь и плодить несчастья телесные, но с верой каждый сможет их преодолеть. Простить причиненное зло, помочь измениться принесшему его и наставить его на путь правды и совести.

Первые отблески молний и раскаты грома заставили Райкаге вздрогнуть. Недоуменно посмотрев на зажатый в пальцах и уже растрескавшийся от силы Эя камень, мужчина с досадой отложил его в сторону, потянувшись к новому.

— Снова этот Орочимару за свое, — пробормотал Райкаге, поставив камень на доску. — Война за души, свет, совесть... Аж тошно.

И минутой позже, наблюдая, как сверкают в небесах нетипичные для зимы молнии, и как сопровождаемый косыми лучами солнца, пробившимися в прорехи в тучах, Орочимару поднимается к храму Инари сквозь сонм алых торий, старый монах храма Огня задумчиво постукивал дорожным посохом по влажной брусчатке площади. Народ вокруг начал постепенно выходить из странного оцепенения, возбужденно переговариваясь, глядя в разбушевавшиеся, но стремительно очищающиеся небеса, напоследок одарившие Отомуру редким здесь снегом.

Бансай еще раз окинул взглядом одетую в шелковые алые одежды фигуру, мелькающую под сенью торий, после чего решительно отвернулся и неспешно направился на запад, проталкиваясь сквозь толпу. Увиденное и услышанное сегодня стоило обдумать, путь к храму Огня займет несколько дней, подходящий период для размышлений.

Сегодня, кроме патетических высказываний, Орочимару успел намекнуть о многом, что будет интересно Конохе. Хотя самому монаху не меньше была интересна и та часть речи Белого Змея, которая касалась Рюджинкё и Воли Дракона. Но сейчас нужно думать о задании.

Война — о ней он говорил давно, и она пришла — очередное напоминание о ней уже не так интересно. Наверняка Орочимару к ней готовился. И не побоялся перед ней показать Юко Учиха, за которой Бансай следил уже долгое время. Прозревшую Юко Учиха. И это помимо прочих могущественных людей. Та же Отохимае. Неизвестная девушка рядом с ней. Мейро Чиноике и несколько мужчин за ее спиной — явно шиноби высокого ранга. Может, это намек упомянутым в речи ниндзя из Страны Земли, что им не стоит приближаться к границам Страны Звука?..

И все-таки его слова про Волю Дракона... интересны не меньше, чем все остальное.

21 марта 46 года от начала Эпохи Какурезато

В воздухе истерично звенел колокол. Тяжело дыша, Чико мчалась по влажной земле. От холодного воздуха горели легкие и пересохло в горле, но этого девочка уже не замечала. Ноги несли ее вперед, и только это пока сохраняло ей жизнь.

Дующий в спину ветер нес с собой запах гари, дым и тяжелый белый пепел, сорванный с пылающих крыш. Чико казалось, что она уже чувствует жар огня. Трепещущие отсветы пожара ярко освещали путь. Дышать становилось еще сложнее, а бешено бьющееся в груди сердце норовило вырваться на волю.

Затерявшаяся в танцующих тенях рукоятка мотыги больно ударила девочку по ступне, испуганно вскрикнув, Чико покатила по влажному грунту, марая голубую юкату. Но на это она не обратила внимания — мелькнувшая над головой вспышка огненного шара целиком поглотила ее сознание.

Если бы не падение, то стукот пламени попал бы в нее. И превратил бы в вопящий от боли живой факел.

Отчаянно заскулив, Чико на четвереньках помчалась с улицы, ввалившись в дом ткачихи. В нем было темно и тихо. Хозяйка уже давно должна была сбежать.

В дверь, через которую только что пробралась в дом Чико, с глухим стуком врезался кунай. Больше не думая ни о чем, девочка сиганула в забранное вощенной бумагой окно, ломая телом раму, и рухнула прямо на энгаву. Холодные доски опоясывающей дом галереи больно ударили по плечу, в бок уперлась вырванная из окна рейка. Снова проигнорировав боль, проглотив невольно брызнувшие слезы и поджимая руку, Чико перекатилась под перилами, упав в мягкую прошлогоднюю траву.

Горящие дома остались позади. Девочка оказалась в окружении тьмы, в которой плясали тревожные алые блики. В ушах был слышен только бешеный стук сердца, треск рушащихся зданий и крики боли и отчаяния, иногда разрывающие мрак ночи. Колокол уже молчал. Высокая и видимая почти из любой точки деревни деревянная вышка в виде двух вкопанных в землю столбов с перекладинами между ними и небольшим навесом на их вершине молчала. Бронзовый колокол медленно покачивался, но никто в него не бил. Тело звонаря безвольно повисло вниз головой, застряв в перекладинах.

Снова испуганно всхлипнув, Чико поднялась на ноги. Колени дрожали, она вся тряслась, словно лист на ветру, но все-таки побежала вперед. Ей нужно было пересечь торговую площадь и скрыться в северной части селения. Там близко был лес. В лесу можно спрятаться. Можно...

Выбежав за угол стоящего в центре деревни небольшого храма, Чико остановилась, придерживаясь рукой об окрашенные красной краской дощатые стены здания. Впереди, за деревянной лестницей, ведущей ко входу в святилище, она увидела то же, что было за спиной. Горящие соломенные крыши домов и черный дым, смешивающийся со мраком ночи. Все новые и новые дома занимались огнем, вспышки огненных шаров ударялись в крыши, раскидывая плотно собранную солому и поджигая ее. В трепещущем свете неистового пламени были видны черные фигуры тех, кто использовал ниндзюцу.

Быстро повертев головой и едва не начав панически метаться из стороны в сторону, Чико решила бежать на запад и уже почти сделала первый шаг, когда ногу прострелила

резкая боль. Вскрикнув не только от впившегося в икру сюрикена, но и от страха, девчонка едва не упала, снова схватившись за стену храма.

Она вовремя не заметила преследующего ее шиноби. Темная клякса отделилась от тени дома ткачихи. Устало прислонившись спиной к стене святилища, Чико заплакала. Бежать нет смысла. Его не было изначально. От шиноби не убежать.

Медленно сползая по стенке, чувствуя, как горит от боли нога, и теплая влага стекает от икры к стопе, Чико упала на землю. Закрыв глаза, она не желала видеть свою деревню в огне, но отблески огня проникали сквозь веки. И слезы текли по щекам, проделывая кривые дорожки на грязной коже. Отчаяние и страх душили изнутри, разрывая сердце.

— Инари-сама, даритель и хозяин, прости гостью на земле твоей, — глотая слезы прошептала Чико, не в силах придать голосу силу. — Ты — Годай но Со, освободи ее от оков мира сего, в который гостя вошла по воле твоей...

Уши девушки уловили приближающиеся шаги. Шиноби даже не пытался скрыться. От страха сжавшись в комок, отчего сюрикен в ноге еще сильнее вошел в плоть, Чико даже не чувствовала боли.

— Ты — Карасу но Огами, освети путь душе ее... — всхлипнув и едва справившись со сжавшими горло эмоциями, Чико все же продолжила: — Ты — Тендзё но Шинсен, и воля твоя в ней так же вечна, как вечен ты. Рюджин-сама...

Оглушительный раскат грома заставил девушку прерваться и вжать голову в плечи, в отчаянной попытке защитить себя. Сквозь веки пробилось яркое сияние.

— ... по Воле твоей жила и с ней встречу бессмертие, — все-таки смогла она закончить.

Слова почти не слетали с губ, они шевелились беззвучно. Чико не просила спасения от шиноби и смерти. Это бесполезно. В этом мире это ее испытание. Ее шаг вперед. Она сделала все, что было в ее силах, чтобы преодолеть его, но один раз в жизни всякому смертному это испытание суждено преодолеть одним конкретным способом.

Слова не принесли спокойствия, не потушили страх — он все так же сжимал внутренности и выжимал из глаз слезы, но они дали решимость открыть глаза и посмотреть в лицо смерти.

Чико распахнула глаза, но не увидела перед собой приближающегося шиноби. Зрение затянула серая пелена дыма. Его сегодня в деревне было много, но раньше он не стелился по земле. Присмотревшись, девушка смогла разглядеть в неровном свете приближающихся пожаров какое-то темное пятно в нескольких метрах от себя.

Тело. Мертвое тело шиноби!

В следующее мгновение с громким стуком отворились раздвижные двери храма за спиной девушки. Нервно дернувшись и пискнув, Чико обернулась на звук и встретила глазами с незнакомым ей мужчиной. Она не смогла его рассмотреть из-за ночной тьмы и из-за того, что не могла оторвать взгляда от его горящих багрянцем очей.

Мужчина первым отвел взгляд, быстро обведя взглядом деревню.

— Нам заняться шиноби, господин? — к благоговейному ужасу Чико, вопрос раздался из воздуха, из едва видимого сгустка дыма!

— Нет, помогите пострадавшим, — коротко ответил мужчина, сводя руки к груди.

Чико смогла увидеть только, как сомкнулись руки незнакомца в темноте, после чего во все стороны от него полетели юркие алые искорки, устремившиеся к огромным столбам пламени, тянущимся к темным небесам. Еще через секунду огонь словно ожил. Неистовые пожары заплясали, сползая с соломенных крыш, перестав лизать сухое дерево домов,

собираясь в воздухе, превращаясь в страшно завывающих демонов, которые быстро помчались по улицам деревни.

На миг наступившую тишину вновь прорезали звуки. Шум, плеск воды, шипение пара, а также страшные крики боли.

— Не бойся, — прозвучал над ухом Чико женский голос, заставивший девочку вздрогнуть.

Резко обернувшись на звук, она смогла увидеть внезапно появившуюся рядом женщину со странной прической и пышной юбкой. Нет, это не прическа и юбка, это...

— Уши... — пораженно прошептала Чико. — Хвост?

Женщина прикоснулась к Чико засиявшими бирюзовым светом ладонями, унося из тела девчонки боль. Не веря своим глазам, она закрутила головой, видя, как из воздуха появляются все новые... лисы? Кицуне? И... Драконы?

— Рюджин-сама... — тихо прошептала Чико, неверящим взором уставившись на стоящего на пороге храма мужчину.

Тот не обратил внимания на девушку, сосредоточенно наблюдая горящими багрянцем глазами за деревней. Правда, вскоре он удовлетворенно кивнул, после чего перевел взгляд на до сих пор валяющееся на земле тело едва не убившего Чико шиноби.

— Встань, — услышала Чико властный голос и краем глаза заметила, как дернулся труп ниндзя. — И отвечай на мои вопросы!

— Поспи, дитя, — нежно произнесла женщина, отводя все еще сияющие зеленью ладони от Чико. — Ты уже в безопасности. Спи.

Темнота с готовностью поглотила сознание девушки, даруя спокойствие.

25 марта 46 года от начала Эпохи Какурезато

Это было прекрасное зрелище. Падающий со скалы в несколько сотен метров высотой водопад. Могучий поток разбивался о темно-серые камни, в лучах весеннего солнца мерцали радуги. Даже на расстоянии километра от бурного потока был слышен далекий гул обрушивающейся на землю воды.

В прошлой жизни мне редко приходилось путешествовать. Из города в город только. Выбраться куда-то подальше от цивилизации, на мой взгляд, было затруднительно, а пребывание в лоне дикой природы было малокомфортным само по себе и привлекало слабо. Не скажу, что в этой жизни что-то поменялось в мире, кроме меня самого. Сейчас добраться даже в самые труднодоступные места континента не представляло особого труда. А чакра упрощала быт во многих аспектах. Так что за эту жизнь мне посчастливилось видеть немало прекрасных картин, однако водопад близ деревни Водопада все же впечатлял.

Леса в этой стране были смешанными и, как и в Стране Звука, здесь было много вечнозеленых деревьев вроде самшита, тиса, туи и суги. Так что даже сейчас, ранней весной, русло реки, возле которого я сейчас любовался далеким водопадом, было окружено зелеными зарослями, в которых все же часто встречались голые стволы дубов, берез и зельквы.

Лес был почти таким же густым и диким, как и в странах Огня и Травы, хотя ландшафт и почвы здесь все же не такие благоприятные. Делового леса здесь немного. Зато в нем легче скрыть деревню шиноби. До сих пор очень немногие люди вне Страны Водопада знали, где конкретно расположено национальное какурезато этого государства. Только примерное расположение.

Я тоже не был исключением, однако страха не обнаружить Такигакуре не испытывал. У

меня было средство, аналогичное тому, которое когда-то помогло заставить Водопад стать союзником Листа. У Конохи были Хьюга с бьякуганом, у меня — Чиноике с кецурьюганом. Собственно, какурезато было уже давно обнаружено.

А еще здесь у растущего вдоль русла реки самшита двухцветные листья — зеленые с белой каймой. В остальном лесу подобных нет. Химеризм? Сбой в генотипе вследствие химических или физических воздействий возможен, но чтобы он был одинаковый в стольких растениях? Тогда они должны размножаться вегетативно. Или мутации вызваны неким определенным воздействующим на гены деревьев веществом в воде?

— Часть сил Водопада все еще находится на границе со Страной Земли, Рюджин-сама, — докладывал мне один из Чиноике, отвлекая от любопытных наблюдений, — но после нашего вмешательства в их операцию по подавлению инакомыслия, оборона деревни была усилена. Большая часть шиноби вернулись с миссий.

— Сейчас еще и время такое, — хмуро добавил Куроба. — Весна, ниндзя завершают частные заказы и собираются в какурезато в ожидании государственных миссий. И из-за маневров Ивагакуре на севере оборона Таки усилена.

Я молча кивнул в ответ. Да, Куроба прав, межсезонье заканчивается, и шиноби должны быть готовы к большим заказам. Хотя, учитывая войны между Кумо и Кири, скорее уж не к заказам, а к борьбе за выживание. Такигакуре славится своими сильными джонинами, но это все-таки небольшая деревня. Чтобы не быть задавленной большими соседями, ей нужно консолидироваться и укреплять оборону. И да, я признаю правоту Акая также и в том, что сейчас не время пытаться что-то сделать с Такигакуре. Но спускать Водопаду с рук то, что он творит, также нельзя.

— Оставлять безнаказанными нападения на деревни нельзя, — спокойно заметил я, продолжая любоваться величественным водопадом и деревьями вдоль реки, им порожденной.

— Это деревни Страны Водопада.

— Это деревни, где поклоняются Инари, Акай, — поправил я шиноби. — И мне без разницы, на чьей территории они расположены — они все равно под моей защитой.

— Это не понравится многим какурезато...

— Уже не нравится, — согласился я. — Не нравится настолько, что они начали решать проблему кардинально.

— Такигакуре слишком много себе позволяет, — поддержал меня Чиноике. — Я знаком со многими из Кагеро. Я участвовал в спасении жителей этой какурезато Страны Гор, когда на нее напал Водопад. Они не собирались оставлять никого в живых.

— Этим же они занимаются и сейчас.

Если бы я не встретил Фуен с ее амулетом в Стране Земли, если бы не начал разбираться с принципом его действия и не начал разработку и тестирование аналогичных систем, рассылая их по некоторым храмам, то погибло бы много людей. Гражданских, в основном крестьян, именно тех, кто чаще всего обращается к Инари. Многих из низших каст спасти не удалось.

Частично в действиях Водопада был виноват я. После Тайги-мацури некоторые правительства сопредельных государств решили более усердно противодействовать распространению Рюджинкё. У Страны Водопада не было для этих целей такого инструмента, как Храм огня. И Такигакуре видело, что творится в Стране Гор, как туда входят самураи и мои шиноби, и как с населением по этому поводу работают

священнослужители.

Так что сначала Рюджинкё было объявлено в Стране Водопада нежелательной сектой. Естественно, по разным причинам отречься от веры многие не стали. Сами принципы Рюджинкё этому способствовали, да и приносимые вместе с ним блага тоже. Но после принятия законов и их неисполнения начались показательные гонения. Не исключая, что здесь так же и Великие державы приложили руку, проверяя мою реакцию. Особенно, если учесть, что Водопад имел тесные связи с Листом.

Уже некоторое время Страна Водопада с упорством, достойным лучшего применения, препятствовала транзиту грузов Страны Звука по своей территории. Ранее я думал, так здесь готовят почву для повышения пошлин или чего-то подобного. Теперь мне кажется, что просто в Стране Огня сами не прочь заработать на транзите, и не хотят уступать долю своего пирога Стране Земли, путь к которой начинается в Стране Водопада.

— Оставлять подобное совсем безнаказанным тоже не стоит, Акай, — покачивая головой, я все же отвел взгляд от водопада и посмотрел на своего соратника. — Ты сам прекрасно понимаешь, что это может послужить плохим примером для остальных.

— Я не стою на том, чтобы простить Водопад. Но, по-моему, мы действуем поспешно. За четыре дня нападение на Какурезато, тем более на Такигакуре, не спланировать.

— В этом ты прав... Но сейчас у нас есть союзник в Водопаде, не так ли, Курама?

В этот момент не только я, но и мои спутники посмотрели на молчаливо стоящую возле нас девушку. Курама не желал участвовать в беседе, сложив руки на груди, он только с мрачным видом глядел в сторону Такигакуре. Заметив, что его персона привлекла всеобщее внимание, он так же мрачно взглянул на меня и медленно кивнул.

— Какой союзник? — недоуменно уточнил Акай, быстро добавив: — Если мне позволено узнать, Рюджин-сама.

— Биджу. Нанаби.

Несмотря на то, что многие шиноби хотели бы знать, что за женщина в последнее время крутится возле меня, многого я не рассказывал. Официально — просто кое-кто из клана Ибури. Естественно, не зная о природе Курамы, и другой биджу для Акай был не лучшим союзником.

— Семихвостый? — недоуменно переспросил он.

— Я дважды видел, как биджу вырывался на свободу в Какурезато... Гм. Может, трижды, но третий случай пока не произошел и теперь не знаю, произойдет ли. Но буйство биджу в селении — это всегда большое испытание для ее джонинов. И это так же тот фактор, который затруднит всякое планирование нашего нападения на Такигакуре. Будем действовать по обстоятельствам. Если это понадобится.

— Помня вырвавшегося Кьюби во время Цукими, очень надеюсь, что нам не придется иметь дело с очередным биджу. Не сомневаюсь в вашем могуществе, Рюджин-сама, но на рожон лишний раз лучше не лезть.

— Полностью согласен. Поэтому вам пока лучше не показываться, а я пойду, поздороваюсь.

Более без лишних слов, применив *Шуниин*, я переместился на несколько сотен метров вперед. Вдоль русла реки это было сделать легко, никаких серьезных препятствий на пути не было. Приземлившись на влажный валун, наполовину погруженный в воду и покрытый илом, я еще раз взглянул на возвышающуюся надо мной скалу. Водопад сейчас был очень близок, от грохота воды начало закладывать уши. Хотя приближаться настолько, чтобы до

меня долетали водяные брызги, я не стал.

Без лишней спешки сложив ручные печати, почувствовал, как пришла в движение чakra, начиная одновременно становиться монолитной и шершавой, словно камень. Движения рук завершились на печати Змеи, одновременно с этим накопленная чakra вырвалась из тела невидимой волной и, промчавшись по скалам, устремилась вверх, к самому началу водопада.

Контролировать технику Дотона на таком большом расстоянии от себя было сложно и энергозатратно, но ближе подходить я не стал. Дальше подступы к Такигауре были защищены более изощренными техниками, чем те, что встречались на нашем пути ранее. Влезать в них, предупреждая о своем прибытии, я не посчитал нужным. Оповестить хозяев, что у них гости, я решил более изощренным способом.

Грохочущий водопад оборвался, словно где-то ближе к истоку был перекрыт кран. Собственно, примерно так это и было. Созданная мною запруда на вершине скалы пресекла поток. Последние тонны воды рухнули на камни с громким хлестким хлопком, после чего по серым камням стекали лишь тонкие ручейки. В наступившей тишине шелест ветра в кронах деревьев зазвучал как-то особенно тревожно.

В этой тишине даже можно стало услышать легкий хлопок использования техники Телесного Мерцания. Скопив взгляд на появившуюся на ближайшем дереве девушку, мягко приземлившуюся на мощный сук всеми четырьмя конечностями, я только кивнул, заметив:

— Так и знал, что не усидишь на месте, Курама.

— Должен же кто-то тебя прикрывать, — получил я немного надменный ответ. — Если ты так дорожишь жизнями смертных и не рискуешь вести их на рискованные операции, то я для тебя самый удобный союзник.

— Самомнение зашкаливает, — покачав головой, прокомментировал я слова Кьюби. — Я не уверен, кто на самом деле смертен. Люди с их бессмертной душой, либо ты... О том, что ждет тебя после смерти в этом мире, я ничего не знаю.

— А про людское посмертие, значит, ты в курсе?

— Да.

Курама молча рассматривал меня из-под длинных ресниц. Тем временем вода за возведенной мною запрудой начала подниматься и находить новые пути. Из еле заметных невооруженному взгляду каверн и гротов в скале, по которой недавно стекал водопад, начали бить пока еще неуверенные, но набирающие силу, водяные потоки. Они медленно начали стекать по все еще влажным скалам, вновь наполняя обмелевшее русло. Только поток был не настолько силен, чтобы вода вновь поднялась на прежний уровень. Камень, на котором я по-прежнему стоял, начал подсыхать, а ил на нем повис, прилипнув к серой поверхности гранита.

— Ты умеешь удивлять, — наконец прозвучали слова из уст Курамы. — И не только своими речами, но и стилем их изложения. Я наблюдаю за людьми. И вижу, что ты иногда странно говоришь. Не так, как предполагает ситуация. Чаще серьезен, как старик, но иногда, как нахальный малолетка.

— Неужели? — что-то не замечал за собой подобного. — Может быть. Со стороны виднее. Но я говорю так, как считаю нужным. А все эти условности в общении пусть соблюдают те, кому этого хочется.

— Речь была не о том, но я, кажется, понимаю тебя...

— Лестно, что я привлекаю столько внимания с твоей стороны, что ты начинаешь анализировать то, что и как я говорю.

— Всегда любопытно наблюдать за змеей, которая пытается летать, а не ползать.

Прищурившись, я посмотрел в сторону невозмутимого биджу.

— Интересно, а как бы летали лисы...

Мое замечание Курама оставил без комментариев, самодовольно сложив руки на груди и уставившись на вырывающиеся из пещер в скалах потоки воды. Я тоже перевел туда свой взгляд — похоже, шиноби Водопада все-таки начало подтапливать, и они нашли причину, почему это происходило. Кецурьюган позволил заметить сгустки чакры, стремительно приближающиеся к моей запруде.

С досадой цокнув языком, я неодобрительно покачал головой. Никогда не считал себя злопамятным, но эти слова я Кураме, конечно же, при случае припомню. Просто потому что память у меня хорошая. Но, вообще, он, кажется, учится у меня слишком многому плохому.

С запрудой шиноби разобрались быстро, я ее и не делал особо прочной. Но даже так она могла удержать внушительный объем воды, который и рванул с обрыва вниз. Многотонный бурный поток с грохотом рухнул на скалы, раскидывая в стороны массивные валуны, неся с собой кучи смытых с берегов поваленных стволов деревьев, обломков каких-то построек и прочего мусора. Пенясь и неистово ревя, вода рванула вперед, снося деревья и несясь прямо в мою сторону. Пришлось техникой раздвинуть поток, чтобы не оказаться им сметенным.

Направлять движение воды вообще проще всего, на это требуется не так много контроля и чакры, как для неохотно подчиняющейся чужой воле земли или слишком хаотичных воздуха, огня и молнии. Впрочем, в последнее время я плотно работаю именно над управлением окружающей меня стихией, а не над созданием ее из чакры. Научившись создавать *Кири* из природных молний и *Онидоро* из естественных пожаров, рассеять даже столь бурный и мощный поток было несложно. Только поддерживать технику пришлось долго, слишком уж много воды накопилось.

Зато шиноби, даже без выдающихся сенсорных способностей, смогли быстро заметить неестественно ведущий себя водяной вал, разбивающийся на ровном месте на два неистово пенящихся и сыплющих брызгами потока. Все-таки вся эта затея с подпруживанием реки была лишь для того, чтобы пригласить ниндзя Такигакуре на встречу.

— Орочимару! — едва не срываясь на рычание, гневно воскликнул шиноби, стоило только ему появиться в паре десятков метров от меня на противоположном берегу.

Этот ниндзя применил *Шуншин*, чтобы переместиться ко мне и оказаться на мощном дереве суги. Не знаю, есть ли такие деревья в прошлом моем мире, а если есть, то насколько они похожи, но это было достаточно крепкое хвойное дерево, чтобы стойко выдержать могучий удар бурной реки. Сам же шиноби, явившийся ко мне, был нынешним лидером деревни Водопада, Хисеном. Выглядел он крепким таким мужчиной, лицо которого рано прорезали морщины, а волосы тронула седина. Насколько мне известно, родился он на пару лет позже меня, но выглядел лет на двадцать старше. Последствия каких-то техник или препаратов, связанных с темной медициной, насколько я понимаю.

— Хисен, — спокойно ответил я на яростный крик.

— Это твоих рук дело?! — меча молнии глазами и тыча пальцем в водопад, спросил меня шиноби.

Еще раз кинув взгляд на величественный поток, скачущий по серым скалам, я утвердительно кивнул.

— Мне нужно было с тобой поговорить.

К чести Хисена, должен заметить, что он быстро взял себя в руки. Может, не так сильно

их там подтопило? Посверлив меня взглядом, он сделал глубокий вдох, стараясь привести свои чувства к равновесию, и спросил, все еще лучась сдерживаемой злостью и цедя слова сквозь зубы:

— Ты решил объявить войну Скрытому Водопаду, Орочимару?

Или все-таки запруда и потоп, ею вызванный, принесли достаточно сильный урон, раз речь уже о войне пошла?

— Мог бы задать тебе встречный вопрос, но формально я здесь по другому поводу, — спокойно ответил я, разминая пальцы. — Жители ряда деревень... Ты же догадываешься, каких деревень, да, Хисен? Они наняли меня для защиты. Можно сказать, что я просто выполняю заказ. Ничего личного.

— Не много ли ты на себя берешь? Ты и твоя Отогакуре! — скрипнув зубами, спросил Хисен.

— И опять же, я мог бы задать тебе тот же самый встречный вопрос. Такигакуре, похоже, слишком много о себе возомнило.

— Ты!..

— Прежде чем ты начнешь тратить мое время на бесполезные оскорбления, — грубо прервал я Хисена на полуслове, — ты выслушаешь меня. Во-первых, я даю тебе две недели. Через две недели ты должен будешь принести извинения жителям тех деревень и возместить ущерб. Если будешь еще жив. Если же нет, то это должен будет сделать твой преемник. Во-вторых, если к сроку первое условие не будет выполнено, то не вини меня за несдержанность.

— Я...

— На этом все, — вновь не дав вымолвить и слова, с нажимом произнес я, добавив голосу весомости чакрой. — Сейчас у тебя есть более серьезные... дела.

На последнем слове команда, отправленная захватившему ранее отловленного шиноби Такигакуре змеиному клону, достигла адресата. И печать на узилище Семихвостого оказалась сломана. Далекий рев перекрыл даже грохот водопада, но, главное, ощущение мощной чакры достигло нас почти мгновенно. Даже самый толстокожий ниндзя должен был почувствовать, что именно произошло в Скрытом Водопаде.

Хисен почувствовал. Резко обернувшись в сторону селения, он на секунду замер. Его глаза расширились, кажется, он не сразу поверил в произошедшее. Но дураком он не был. Метнув в мою сторону полный ненависти взгляд и бросив несколько нецензурных выражений, глава деревни Водопада снова скрылся в *Шуниине*.

— Интересный у тебя способ вести переговоры, — с любопытством прислушиваясь к доносящимся издали звукам сражения, заметил Курама.

— Я сюда не за переговорами пришел, а предъявить условия капитуляции.

— Вряд ли они примут такие условия. Не в такой манере поданные. У многих шиноби гордость развита непомерно.

— Это меня тоже устроит.

— Устроит? — удивленно посмотрел на меня Кьюби.

— Извинения Такигакуре мне не нужны. Мне нужна Страна Водопада и сама скрытая деревня.

— И таким способом ты хочешь получить желаемое? — вдали мелькнула вспышка и через несколько секунд долетели раскатистые звуки взрыва.

— Я пытаюсь создать условия для этого, — кивнув, ответил я. — Ослабляю Скрытый

Водопад.

— Ты сам говорил, что у них союз с Конохой...

— Это тоже мне на руку. Если в ближайшее время они призовут Коноху на помощь, то это решит мою проблему с силами Ивагакуре. Лучше пусть Цучикаге бодается с Хокаге, чем попытается вмешаться в сражения Кумо и Кири.

— Гм. Если твой план сработает, то я признаю тебя гениальным стратегом.

— Если он сработает, то и я сам себя признаю таковым, — криво усмехнувшись, ответил я Кураме. — Треклятые планы никогда не срабатывают так, как я хочу. Но хотя бы Чомя я заполучу. Как думаешь, он не забыл то, что я просил тебя ему передать? Уж слишком рьяно он разрушает деревню.

— Чомей засиделся в печати, — с сомнением ответил Курама. — Немного побуянит и должен успокоиться. Он отходчивый.

— Угу. Ладно, посмотрим насколько понятлив этот Счастливая Семерка Чомей.

С Нанаби я Кураме поговорить с помощью их биджу-связи все же разрешил. Понадеялся, что с характером Чомя и его количеством хвостов Кьюби не вызывал в Семихвостом большого раздражения. Ему были переданы данные разведки, слабые места в защите Такигакуре и пути побега из него.

Предполагалось, что Нанаби нанесет определенный ущерб Водопаду, вымотает его шиноби и покинет селение, постаравшись сбросить возможных преследователей. С последними я мог ему помочь в случае необходимости. Ну, и после этого мне предстояло обсудить с Чомеем его планы на будущее.

В каком-то плане Такигакуре мне помогло, дав повод нанести удар и выманить их биджу. Хотя я предпочел бы обойтись без него. Но, так или иначе, план и в самом деле пришлось составлять и воплощать в спешке. И также пришлось не распространяться о нем. Своим шиноби я ничего не сказал, так как они вряд ли бы оценили по достоинству идею общаться с биджу, пока он не замотан в Цепи Чакры, как младенец в пеленки. Да и вообще, чем меньше народу о моих договоренностях с биджу знает, тем лучше. О Кураме, например, и так многие догадываются.

Пока Чомей крушил деревню и отбивался от ее джонинов, надеюсь, он от них все же отобьется, мы с Курамой вернулись к моим людям. Акаю я приказал продолжать наблюдение за Такигакуре. Нужно было проследить, что будут делать шиноби после ухода Нанаби. Не хватало еще, чтоб они решили выместить злость на мирных жителях, ставших причиной сегодняшних событий. Или если они начнут преследовать Семихвостого, мне нужно об этом знать.

Сбежать из деревни биджу все же удалось. Это и не удивительно: удержать Хвостатого на месте — та еще задача, особенно способного к полету Чомя. Тем более, шиноби Водопада как раз нужно было Нанаби как-то из своего селения убрать, чтобы снизить и так причиненный Такигакуре сегодня ущерб. Странно было, что преследовать Чомя отправилось всего полтора десятка ниндзя. Зато несколько отрядов вышли патрулировать окрестности Скрытого Водопада.

Похоже, они опасаются, что я могу нанести удар по деревне после буйства биджу. Разумная предосторожность, может, их даже стоит подержать некоторое время в тонусе, показав несколько отрядов Отогакуре вблизи Такигакуре. Вот только само скрытое селение мне пока ни к чему.

— Акай — за главного. Наблюдай за Водопадом, в конфронтацию не вступай, по

возможности на глаза не попадайся. Вряд ли они сейчас двинутся в новый рейд по деревьям, но в этом случае организуй оборону. Я прослежу, насколько смогли вымотать биджу в Такигауре, — немного последив взглядом за дивной картиной полета многотонного биджу, приказал я. — Курама, идем.

Куроба достаточно опытный и инициативный шиноби, думаю, он даже лучше меня разберется, как поступить во всех возможных ситуациях. Вот чего ему я не доверю, так это переговоров с биджу. Не из-за сомнений в его верности, а из-за всеобщей зашоренности сознания. Очень уж немногие шиноби видят в Хвостатых разумных и адекватных существ. А, казалось бы, какая разница между какой-нибудь гигантской жабой и Кьюби? Хотя от последнего проблем больше может быть из-за количества чакры и странной реакции на полнолуния.

Уйти от преследователей у Чомея получилось достаточно просто: помимо полета он обладал еще и способностью ослеплять противника. Немногие шиноби способны полноценно сражаться или выполнять иные задачи без зрения, так что способность полезная. Если бы гендзюцу Абсолютной Тьмы не требовало постоянного контроля и потока чакры, то я бы, наверное, чаще им пользовался, так как по эффекту она схожа с ослеплением Нанаби.

Это самое ослепление я даже испытал на себе.

Когда мы с Курамой приближались к Чомею, то попали под воздействие его способностей. Сознание быстро переключилось на восприятие вибраций, тепла и запахов, но комфорта это мне не добавило.

— Чомей, совсем в печати плох стал?! — раздраженно крикнул Кьюби. — Меня не узнаешь?!

— Курама?

Прозвучавший в ответ голос раздавался откуда-то сверху и походил на перекатывающиеся по склону горы валуны. Он был настолько низок, что разобрать речь можно было с трудом. И в нем звучали отчетливые нотки сомнения.

— Ты на диво догадлив, Чомей, учитывая то, что я тебе себя описывал, — ворчливо ответил Кьюби.

— Ты как-то неуловимо изменился с нашей последней встречи, Курама.

— Издеваешься?

— Нет... Может, совсем немного.

Зрение вернулось так же внезапно, как и пропало. И даже несмотря на развитые прочие органы чувств, увидеть перед собой парящую в воздухе гору было немного неожиданно. Я чувствовал трепет воздуха, взбиваемого крыльями биджу, ощущал его запах и тепло, но глазами видеть это было совсем иначе. И немного неприятно. Все-таки Чомей — это просто чудовищно огромный жук, насекомое. Не люблю насекомых.

— Ты Орочимару, — произнес Семихвостый, едва повернув голову в мою сторону.

Сложно было определить, куда сейчас смотрит Чомей. То место, где должны быть глаза, было скрыто чем-то вроде рыцарского забрала, за которым виднелся лишь золотистый блеск. Наверняка сами глаза у Нанаби, если они вообще есть, фасеточные. И, даже если бы я их видел, направление взгляда все равно не смог бы определить. Интересно, а на Чомея гендзюцу шарингана и кецурьюгана действуют так же, как и на других биджу?

Чтобы захватить человека в иллюзию додзюцу, нужно, как правило, установить зрительный контакт. А если у противника глаза фасеточные и состоят из сотен простых

глазок, то как быть?

— Орочимару, — кивнув, подтвердил я слова Чомея, хотя по его тону не похоже, что он спрашивал, скорее утверждал. — Сейчас не время и не место для долгих приветствий, поэтому сразу перейду к сути дела. Я просил Кураму передать тебе мое предложение. Что ты о нем скажешь?

Ответил биджу не сразу, и я даже предположить не мог, о чем он думает. Техника чтения мыслей не справлялась с физиологией Хвостатых, а мимика у Чомея была даже менее выразительной, чем у Курамы в своем истинном облике. Откровенно говоря, никакой мимики у Нанаби не было. Просто хитиновая маска какая-то.

— У меня нет желания принимать помощь от людей.

— А какие, на твой взгляд, у тебя варианты? — поинтересовался я. — Вечно бежать и прятаться?

— Если хочешь сражаться, то советую принять помощь той стороны, которая будет учитывать твои интересы. Альтернатива — только оказаться в очередной печати. Сейчас слишком много сильных шиноби, чтобы жить как раньше, — недовольно кривясь, добавил Курама.

— Я не говорил, что отказываюсь, — пророкотал в ответ Чомей. — Хотя у меня нет желания принимать помощь людей, это не значит, что я отказываюсь. Орочимару, тебе удалось склонить на свою сторону Кураму, этого гордеца. Это говорит о многом. Я думаю, мы можем договориться.

— Тогда это делать лучше не здесь, а на безопасной территории.

Думал, с ним будет сложнее. Однако, наличие биджу на моей стороне упрощает процесс переговоров. Хотя, думаю, Чомей еще успеет попить моей кровушки, как это было с Курамой. Я это, конечно, переживу, но хорошего настроения не прибавится. Впрочем, все неважно. Лишь бы Семихвостый согласился помогать мне. Мир снова погружается в хаос мировой войны, и я теперь в ней участвую не простым шиноби, а как глава страны. Насоливший многим глава богатой страны.

17 апреля 46 года от начала Эпохи Какурезато

С кислым видом оперевшись на перила перекинутого между скалами моста, я глядел вперед. Там, за очередным барражирующим сквозь Кумогакуре облаком, скрывалась тренировочная площадка. Одна из многих в этой скрытой деревне, но она была интересна тем, что на ней один юный мальчишка обучался уникальной технике Райкаге — черной молнии.

Не скажу, что меня как-то оскорблял тот факт, что в этой деревне мне никогда не достичь такого уровня доверия, чтобы сам Райкаге обучал хоть чему-то. Не заслужил и не заслужил, в этом нет ничего прискорбного. В конце концов место Райкаге здесь пока занимает марионетка, созданная Малис Ринха. Однако мне было немного грустно, что, имея настоящего Третьего Эя в храме на Кумотори, я не имел возможности лично выпытать из него технику черной молнии. Просто, в целях безопасности, он никогда не имел достаточно чакры даже для простейших техник.

Так как принцип создания черной молнии мне все же был интересен, то я решил поддаться канону и обучить данной технике Даруи — хотя бы издали посмотреть на вдумчиво и наглядно созданную черную молнию. Сравнив увиденное в битве с Райкаге с помощью кецурьюгана с уроками для Даруи, я мог бы больше разузнать об этой технике. Но планы были сорваны. Не то чтобы это было какой-то катастрофой, но все же немного жаль.

Пока выходило, что *Курой Каминари* — это все же некий тип кеккей генкай. Что-то вроде Стихии Тайфуна, типа сейшицухенка, соединяющего не два разных элемента, а как бы улучшающего один. Может, в этом теле у меня есть необходимый для этой техники геном? И из-за того, что его нет, черная молния у меня не получалась в оригинальном организме? Было бы время и возможность с этим разобраться, не привлекая к себе ненужного внимания...

— Увабами! — радостный крик ввинтился мне в уши.

Поразительно, насколько могут быть раздражающими детские вопли.

— Привет, Югито, — слабо махнув рукой, поприветствовал я скачущую ко мне девчонку. — Самуи, Мабуи...

— Хватит пародировать Самуи, Увабами, — от души хлопнув мне по плечу, приказала Ниби. — Даже в такой прекрасный день меня окружают только такие кислые рожи.

Я невольно переглянулся с идущей позади Югито Самуи, и наши лица синхронно скривились. Не то чтобы мы были не рады друг другу, я лично даже был рад увидеть этого забавного ребенка. Просто я как представляю, что в этой компании мне предстоит выйти на миссию, то становится грустно.

Югито, Самуи и Мабуи — это троица подружек была почти неразлучна. И им, как и всему их курсу, скоро исполнится или уже исполнилось по восемь лет. Возраст, к которому в нынешние времена многие уже становятся генинами. В Кумо, перед этим знаменательным событием, ученики Академии должны были пройти практику. Их выгоняли на групповые миссии. Обычно ничего сложного в них не было, да и кураторы из учителей имелись. Просто проверка теоретических знаний, полученных во время обучения. И подготовка учеников к будущей взрослой жизни.

Ничего плохого в этом нет. На мой взгляд вполне хорошая практика, я бы даже сказал,

что прогрессивная, если сравнивать с методами обучения в Конохе и Кири. Только сейчас она для меня означает прогулку с детьми. Тренированными, психически подготовленными, но все такими же шумными и неопытными детьми, за которыми придется ненавязчиво присматривать, не попавшись на этом кураторам. Естественно, радости эта прогулка у меня не вызывала.

Зато Югито просто светилась от счастья. Кажется, она, как и большинство других детей, вообще впервые покидает пределы Кумогакуре.

— Кажется, ты не очень рад миссии, да? — поинтересовалась Самуи, пока Мабуи и Югито резво ускакали вперед.

— На себя посмотри, да, — хмыкнув, ответил я. — Не понимаю, что там интересного можно увидеть.

— Тебе, бывшему *санка*, не понять, что значит впервые отправиться в большое путешествие, — сдержано ответила Самуи. — А многие ждут этого очень давно. Югито же не зря выпытывала из тебя рассказы о разных странах.

— Н-да, — я припоминаю, какой настойчивой была джинчурики в своих расспросах.

Для нее найти собеседника, не обращающего внимания на запечатанного в ней биджу, уже было удачей. А найти собеседника, который был выкуплен у *санка*, было двойной удачей. Ученики Академии редко покидают Кумогакуре, а ученик и джинчурики в одном флаконе и вовсе никогда не выходил за пределы какурезато. А этот человек по совместительству был девчонкой из клана Нии, члены которого часто отличаются особой непоседливостью. Когда-то предки этого рода прибыли в Страну Молний из-за моря, что видно по их резко выделяющемуся на общем фоне расовому типу. И после того, как они обосновались здесь, многие члены клана тоже на месте не сидели. Например, у Цунаде мать была из клана Нии.

Югито было интересно, что творится в большом мире и она всячески выпытывала все подробности путешествий у того, кто, по ее мнению, с младенчества только и делал, что бродил по свету. К счастью, я хоть и не был на самом деле *санка*, но попутешествовать мне пришлось изрядно, так что было о чем рассказать.

— Зато ты, похоже, не рвешься на миссию, — заметил я.

Самуи была явно не стандартной Нии и предпочитала сидеть дома.

— Ничего интересного нас не ждет, — уныло пробубнила девочка. — Доставка грузов на фронт, помощь раненым, контроль за производством оружия, охрана складов... Нет, это все важно и нужно, но это совсем не то, что напредставляла себе Югито.

На диво трезвый взгляд на вещи. В своем детстве в Конохе, которое выпало на Первую мировую войну шиноби, именно этим я и занимался. И моя Микото во время Второй мировой это же пережила, она даже в боях участвовала, когда ей еще и шестнадцати не было.

Мир шиноби суров. Я очень надеюсь, что этим трем девчонкам и многим другим детям в Кумо, Кири или других деревнях придется реже участвовать в боях. Хотя точно знаю, что это желание не сбудется. Но, может, хоть эта конкретная миссия пройдет как можно более скучно и не интересно. Детям здесь и так приходится непросто, они слишком рано взрослеют. В юных шиноби с младых лет выращивают воинов, преданных клану и деревне.

Хотя вот тоже интересный момент: местное общество сильно стратифицировано, разделено на касты и сословия. И патриотизм здесь развит своеобразно. Шиноби преданы именно своему клану и, в последние годы, деревне. А к стране, в которой расположено какурезато, у них отношение как к месту работы, словно поле для крестьянина — дорогое

сердцу и родное, но все же это не знакомые мне чувства к Родине. Наверное, здесь до сих пор проявляются отголоски прошлой эпохи, когда переход шиноби от одного дайме к другому не являлся чем-то необычным.

Я обычно на этом внимания не заостряю, и раньше вообще мало внимания обращал на, например, все тонкости взаимоотношения какурезато с дайме. Однако сейчас, второй год лично и плотно занимаясь устройством собственного государства, начинаю замечать незримую пропасть между разными слоями общества, их отношением друг к другу и стране. И вижу ошибки, которые были сделаны при основании Страны Звука.

Например, о силе и способностях Отогакуре не знают не только в соседних странах, что хорошо, но и в самой Стране Звука о национальной какурезато ничего не известно, что уже плохо. Мало того, что это не вселяет уверенность в души жителей, так еще и не позволяет в полной мере объединить сословия, создать настоящую армию, которая бы поддерживала страну, и которую поддерживал бы народ этой страны. Нет привычных для меня по прошлой жизни связей, которые сшивают по-настоящему сильные государства. Империю на таком фундаменте строить будет сложно.

— Самуи! Увабами! Давайте быстрее!

И снова ввинчивающийся в уши детский крик. Я бы даже сказал, визг. Давно подозревал, что в этом теле у меня слишком тонкий слух. Может, нужно Югито голос поставить — если уж она кричит, то пусть хоть делает это красиво и мелодично?

Мы как раз добрались до места сбора на плацу Академии, возле склада с инвентарем. Здесь нас встречала группа уже прибывших учеников и несколько кураторов. Один из них, Кайро, стоял возле прилавка, за которым с ленивым видом сидел интендант.

— Так, еще двое... — вдумчиво отмечая что-то в толстеньком свитке, пробормотал куратор группы — Кайро. — Самуи и Увабами.

— Самуи и Увабами, — так же пробормотал в ответ интендант, уже выискивая наши имена в своем свитке и уже там делая пометки, вновь одновременно вытаскивая на прилавок пару рюкзаков и еще кое-какую мелочевку. — Так, держите. Средства личной гигиены. Аптечка тип ноль три и швейный набор. Танто. Перевязь с кунаями и сюрикенами. Рацион на три дня. Фляга. Спальный мешок. Циновка. Свиток с рационом еще на семь дней. Свиток с дополнительным оружием. Свиток с *Райгеки*. И свиток Призыва. Все. Теперь ставьте свои печати сюда.

О, как здесь все по-взрослому. В Конохе или Кири даже полноценных генинов так не снаряжали, там спасение утопающего было проблемой самого утопающего. Иными словами, шиноби по большей части сами себя собирали на миссии. Как таковой централизованной интендантской службы не было. Шиноби снабжали клан, род или семья. Минимальный набор выживания, конечно, получить можно и от деревни, но там ряд условий имелся. Да и вообще, проще было самому все собрать на вырученные с первых заданий деньги. Иногда с заказчиком можно договориться на закупку снаряжения для выполнения миссии. Особенно сложно с этим в Тумане. А здесь всем даже одежду единообразную выдают. Хотя в военное время и в других деревнях интендантская служба начинала работать почти как должно. Почти.

— Как думаешь, куда нас отправят, Увабами? — горя от нетерпения, полюбопытствовала Югито.

— В Страну Мороза, конечно, — неохотно ответил я, соображая, как поудобнее сложить полученные вещи и сменную одежду в рюкзак.

— Может, в Горячие Источники? — выдвинула свое предположение Самуи, искоса подглядывая за укладкой вещей в моем рюкзаке и пытаюсь повторить ее в своем.

— Там сейчас опасно, — вставила свое слово Мабуи, лучась самодовольством от своей информированности. — За побережье теперь еще и Страна Огня решила побороться, пользуясь временной слабостью Суны после устроенной там нукенином диверсии. А еще Страна Звука рядом. Говорят, Белый Змей похитил биджу у Водопада, и у Отогакуре теперь есть свой джинчурики.

— Нашу Югито туда пускать никак нельзя, — уверенно заявила Самуи, подтягивая ремешки на своем рюкзаке. — Белый Змей совсем распоясался. Джинчурики Однохвостого прогнал, джинчурики Девятихвостого захватил на время, а Семихвостого и вовсе присвоил. Кто знает, что он с Двуххвостым сделает?

— Опять ты за свое, глупая Самуи!

— Вот, значит, как ты к своей сестре относишься? Я тебе заботу, а ты мне «глупая»?

Пока девчонки в очередной раз разбирались, кто из них кого больше любит и ценит, я неспешно проверил выданное оружие. Кунаи великоваты для детской руки, но зато удобны в качестве шанцевого инструмента. Сделаны из незакаленной малоуглеродистой стали, заточку держат плохо, но дешевы. Такими можно и землю покопать, и дрова нарубить, и в качестве скальных крюков их использовать. Ну, и пырнуть кого-нибудь. Сюрикены, наоборот, крайне твердые и закаленные. Сталь хрупкая, но лезвия заточены очень хорошо. У Танто рукоять и ножны простые, деревянные. Клинок длиной почти в полные тридцать сантиметров, тонкий и сделан из какой-то дрянной стали. Причем даже закалка типичная для коротких мечей — однородная. То есть твердость и хрупкость клинка одинаковая по всему его объему. Самый дешевый из возможных вариантов.

Жизнь в этом удивительном мире заставила меня немного научиться разбираться в металлах. От этого часто зависела если не своя жизнь, то благополучие и здоровье моих учеников. И такими клинками, как выданный мне танто, я очень не любил пользоваться. Они не подходят к моему стилю боя от слова совсем. Может, попробовать с помощью имеющегося в этом теле кеккей генкай Стихии Стали поправить танто? Легирующих добавок я в него чакрой ввести не смогу, но структуру металла можно изменить. Убрать внутренние напряжения из мартенсита, перераспределить углерод, заодно можно улучшить чакропроводящую способность металла.

— Сайунтай, стройся! — разнесся громкий приказ над плацем, озвученный хриплым голосом нашего главного куратора, Кайро.

Сайунтай — это мы, Отряд яркого облака, резервное формирование из учеников последнего курса Академии, в которое я попал, можно сказать, по благу. С построениями дети шиноби были знакомы, в Академии их частенько проводили во время масштабных мероприятий, так что выстроились мы быстро. Не в красивые ровные шеренги, но в некое подобие организованной толпы. В этом мире исторически не сложился период, когда солдатам требовалась бы строгая строевая подготовка со всеми из нее вытекающими последствиями.

— Ученики Академии, Райкаге-сама поставил перед нами задачу: оказать посильную помощь в тыловом обеспечении фронта, — неспешно вышагивая перед строем, начал озвучивать вводную Кайро. — Сегодня мы с вами выдвигаемся в Страну Мороза, к западным ее границам, где на полтора месяца перейдем в распоряжение командующего по тылу. Никто не собирается отправлять вас в гущу сражений, но вы будете близко к фронту. Сайунтай

должен будет участвовать в логистических операциях, охранных миссиях и в обеспечении правопорядка. У вас всегда будет риск встретиться с реальной опасностью для вашей жизни. Это будет не легкая прогулка, а настоящая миссия шиноби.

Короче, речь вполне типичная, я б даже сказал, родная. Кайро снова объяснял элементарные правила безопасности, которые и взрослым стоит вдалбливать в голову по нескольку раз в год, а детям можно и каждый день о них напоминать — все равно через пару часов забудут. Югито уж точно. Надеюсь, эта бестолочь юная хоть что-то сейчас слышит и слушает, а не полностью в мечтания свои погрузилась.

Кстати, куда там, Кайро говорит, мы отправляемся? На запад Страны Мороза? Гм. Что-то мне это не нравится.

22 апреля 46 года от начала Эпохи Какурезато

— Кайбьё Ясунеко меня звать, куноичи-хан, — привычка характерно коверкать слова, используя нетипичные именные суффиксы, выдавала в говорившем жителя южных островов.

Страна Моря или Цветов, там чаще всего используют подобный диалект неблагородные сословия. Только я совершенно не уверен, что этот человек тот, за кого себя выдает.

— Цель вашего прибытия, Кайбьё-сан, — скучающим тоном поинтересовалась Югито, мельком скользнув взглядом по просителю и продолжив вносить информацию в свиток.

Вписывала имя и фамилию прибывших в город Югито с помощью слоговой азбуки, что логично — каждый раз уточнять иероглифы и их чтение в именах замучаешься. Но сейчас она могла хотя бы заподозрить, что имя Ясунеко и фамилия Кайбьё с помощью иероглифов пишутся одинаково, просто читаются по-разному.

— Пополнение запасов и продолжение своего пути, куноичи-хан, я не собираюсь задерживаться в этом чудесном городе.

Совершенно точно, он не тот, за кого себя выдает. Причем он даже не особо пытается выглядеть простым путешественником, тонко издеваясь над Югито, которая, кажется, этого даже не замечает. Впрочем, как и наблюдающие за нами кураторы. Сейчас здесь хватало подозрительных личностей, все-таки стычки между Кумо, Конохой и Кири происходят совсем рядом, люди бегут с насиженных мест, влившись в потоки беженцев, этим пользуются многие нечистые на руку дельцы. Наше дело было вылавливать возможных шпионов из враждебных какурезато. В этом Ясунеко я как раз замаскированного шиноби и чувствовал.

Только говорить ли об этом остальным? Сложно будет объяснить, с чего бы младший ученик, никогда не блиставший интеллектом, смог распознать замаскированного ниндзя, если этого не смогли сделать даже учителя. Наверное, пусть идет с миром. Не думаю, что мне он доставит проблемы. Уверен, что сейчас в городе есть личности и поопасней, учитывая, что на других контрольно-пропускных пунктах нет никого с моим опытом. Да и пройти, вообще минуя КПП, не представляет труда.

— Увабами, я устала, — упав лицом на стол, простонала Югито, пользуясь моментом, пока не требовалось оформлять новоприбывших. — Хочу в местный онсен. Красная вода в минеральных источниках выглядит жутковато, но так заряжает энергией.

— Скоро ночь и ворота закроют, — провожая взглядом сторбленную и закутанную в потрепанное кимоно фигуру Ясунеко, ответил я напарнице.

— Никакого сочувствия от тебя, — обиженно буркнула Нии. — Увабами, пойми, я же не Мабуи, меня нельзя заставлять заниматься канцелярской работой.

— Я не буду с тобой меняться. Самуи и так мне выговаривает, что я плохо на тебя

вливаю.

— Это ты-то, зануда, плохо влияешь? Она на себя б посмотрела! — надувшись, заявила девочка.

— Она говорит, что ты стала часто ныть и жаловаться.

— Пф! Не больно-то и хотелось!

Не совсем понял, что там ей хотелось или не хотелось, но разбираться не стал. Как ни странно, но несмотря на высокую дисциплину в Академии и в целом более взрослое воспитание детей в Кумогакуре, они оставались, собственно, детьми дольше, чем многие их сверстники из Конохи. Югито была дочерью старого и уважаемого клана, но иногда вела себя слишком по-детски, и понять ее бывало сложно. Хотя сравниваю я ее с не самыми стандартными детьми, вроде Нами и Микото.

Дети в этом мире вообще растут и развиваются очень по-разному. У них слишком разные условия жизни, разное воспитание, даже на генетическом уровне процесс взросления часто отличается очень сильно. Те же Микото и Нами — потомки Ооцуцуки со всеми вытекающими из этого наследственными особенностями, а Югито в раннем возрасте пережила тренировку по сосуществованию биджу с ней, борьбу с тьмой в своем сердце, перетягивание чакры. Да сама Матагаби в голове — это уже серьезный фактор формирования психики.

А есть дети, которые получили психические травмы и пережили травлю, унижения и вообще чудом только выжили. В частности, Теруми Мей. И вспомнил я ее сейчас не зря. Где-то совсем рядом у группы, в которую вхожу я и еще несколько детей Кири, проходит своя миссия. По последним данным, полученным от Кёды, пока судьба их держит на расстоянии от побережья, но кто знает, не занесет ли через сутки, например, в этот город?

Уже больше недели они разыскивают пропавшие суда, следовавшие с грузом из Страны Чаю к базе шиноби Тумана в Стране Горячих Источников. Что там за груз был, я не в курсе, но, похоже, достаточно важный, раз его так настойчиво ищут. Пока выходит, что суда были взяты на абордаж, Кисаме с помощью обоняния акулы смог обнаружить тела погибших шиноби, сопровождавших груз. И должен скоро найти и сами корабли. Очень надеюсь, что они окажутся где-нибудь подальше от нас. Не хотелось бы воевать с самим собой.

А ведь у меня еще и переговоры с несогласными с демилитаризацией Югакуре кланами идут. Они совсем не горят желанием бросать свой образ жизни, который неминуемо приведет их к упадку. Мне же несколько десятков шиноби с семьями совсем не были лишними, так что вполне вероятно, что потребуется как-то проецировать свое влияние на север Страны Горячих Источников, чтобы безболезненно вывести кланы из зоны сражений больших какурэзато и создать для них собственное селение на свободной территории, так как вводить в Отогакуре непроверенных людей я не рискну.

— Да ладно. Увабами, не хмурься так, — отпустив очередного путника, сказала мне Югито. — Я на тебя не сержусь.

— Хорошо.

К сожалению, настроение мне портила не Югито, а неопределенность. Шестым чувством чую, что что-то произойдет. Слишком много в одном месте концентрируется сил и интересов. И я здесь застрял сразу в нескольких экземплярах. Вон, и старшие шиноби Кумо тоже мои подозрения подтверждают. Слышал я, что Четвертый Эй где-то неподалеку объявился. И силы Конохи тоже.

Надеюсь, нас, то есть Сайунтай, переведут на восток, подальше от фронта.

— Слушай, Увабами, а тут многие, оказывается, из Страны Звука приходят, — проводив взглядом только что отметившегося купца, заметила Югито. — А туда направляется еще больше народа.

— Там сейчас спокойно, — пожав плечами, сказал я. — Предыдущий большой военный конфликт прошел мимо той страны, естественно, что сейчас туда начинают стремиться некоторые люди.

— Говорят, Белый Змей стал драконом, — негромко поделилась со мной услышанными слухами Нии. — Мабуи рассказала, что один купец лично видел, как Орочимару обернулся гигантским многоголовым чудовищем и сожрал Чомя!

— На нее плохо влияет Самуи, — уверенно заявил я. — Они обе над тобой шутят.

— Может быть... А ты бывал в Стране Звука?

— Приходилось бывать там несколько раз.

— А правда, что в Отомуру среди людей ходят хвостатые кицунэ?

— В столицу наш табор не заходил, но лисы в Стране Звука, вроде, живут не в городах.

— Не просто лисы, а кицунэ! Лисы-шиноби, которые способны превращаться в людей!

— А... Таких видел только в Оками-ку в Стране Огня. Только там не лисы, а собаки живут. Или волки. И они не в людей превращаются, а иногда ходят на двух ногах. Слышал, в Конохе их часто делают напарниками шиноби.

— Это не то, — расстроено надула губы Югито. — Почему ты не знаешь слухов, если так много путешествовал?!

— Гм. Может, потому что слухи рождаются как раз среди тех, кто дальше своей деревни и шагу не сделал? А я сам все видел.

— Ты не видел Отомуру и кицунэ в ней!

— Может быть.

А еще может быть так, что Самуи все же права, и я плохо влияю на Югито. Ну, то есть вообще сильно влияю на нее, не обязательно плохо. Девочка определенно поменялась с первой нашей встречи, стала более открытой и разговорчивой, что ли?

Так, стоп. А этот тип мне кажется знакомым.

— Ваше имя и причины прибытия в город, — заученно и без особой вежливости произнесла Югито, встретив очередного гостя Страны Мороза.

Трое крепких мужчин выглядели знакомо, но почему-то я не мог вспомнить, кто они такие, и откуда я их мог знать. С моей памятью такое бывает крайне редко.

— Кемури, — коротко представился лидер этой троицы. — Это мои братья, Макко и Энму. Мы ищем своих знакомых, от каравана которых отстали в Стране Горячих Источников.

Точно! Кемури, Макко и Энму. Это же та троица Ибури, решивших отправиться на вольные хлеба. С тех пор прошло не так много времени, но парни кардинально изменились. Окрепли, заматерели, бородками обзавелись. Из-за добротной и закопченной крестьянской одежды выглядели они как какие-то углежогги, лудильщики или низкопробные кузнецы и литейщики, да и пахли соответственно: гарью, дымом и смолой или живицей. Судя по массивным стальным паяльникам в ляшках на заплечных мешках и переносным жаровням, скорее всего, они выдавали себя все же за лудильщиков.

— Лудильщики мы, — ну, как я и предполагал.

— А караван, от которого вы отстали, кому принадлежит? — поинтересовалась Югито.

— Контоку Рюдан.

— Так, так, так... Да, есть такой. Прибыл сегодня утром, — подтвердила Нии, сверившись со списком, так как тогда на воротах стояли другие ученики и кураторы. — Может, вам повезло, и они еще не ушли из города.

— Надеюсь, — помрачнев, буркнул Ибури, окидывая окунающиеся в вечерние сумерки улицы города хмурым взглядом.

Что-то мне это не нравится...

Отдаленный звук взрыва долетел до наших ушей слишком ослабленным, чтобы встревожить обычного человека. Но шиноби — не обычные люди. От этого звука и пришедшего вместе с ним ощущения холодной чакры даже мне стало не по себе. Югито подскочила с места, переводя встревоженный взгляд с места взрыва на учителей и обратно. Ненароком, вставая, она перевернула стол со всеми записями, плошка с чернилами упала ровнехонько на то место, где только что стояли Ибури. Однако черная жидкость лишь расплескалась по утрамбованному грунту, а от Кемури и двух его товарищей остались лишь тонкие лоскуты быстро ускользающего дыма.

Мне определено все это не нравится!

***

— Берегись, Югито! — успел предупредить я джинчурики, прежде чем мои руки сложили последнюю печать.

Котон: Кучинава!

Нии успела отскочить от накинущихся на нее гражданских в последний момент. Вырвавшиеся из моих рук стальные тросы рванули вперед, плотно обхватывая обезумевших людей. Металлические коконы повисли на стропилах несчастного дома, вся крыша которого уже была в черных провалах дыр, оставленных техниками шиноби и ударами напавших на нас безумцев.

— На земле с ними проще, — устало поведя плечами, признался я.

Кеккей генкай Стихии Стали требовал больше чакры, чем классический Дотон. С помощью Стихии Земли было гораздо сподручнее нейтрализовывать гражданских, просто погружая их почти по шею в землю, но на крышах такой трюк не проходил.

— Все живы?! — донесся до меня крик Кайро-сенсея.

— Да, — нестройным хором ответили ему ученики.

— Мабуи ранена! Руку сломала!

— Отведите ее к остальным!

Пока остальные были отвлечены перегруппировкой, разведкой, зачисткой местности и восстановлением баррикад, я аккуратно подошел к дергающемуся кокону из стальных жил. В нем продолжал дергаться незнакомый мне дедок, и ему в этом нисколько не мешала ровная рана на ноге, через которую совсем недавно рывками вырывалась яркая кровь. Сейчас она уже только едва текла и, судя по бледности лица старика, у него просто остановилось сердце из-за большой кровопотери. Правда, это не мешало ему пытаться разорвать путы. Уверен, будь они не из стали, то у него были бы даже все шансы на это.

По неизвестной мне причине многие жители занятого Сайунтаем города оказались подвержены некой технике, которая делала из них некое подобие живых марионеток. Они с бесстрастными лицами рвались в бой и пытались захватить нормальных людей, при этом явно показывали нечеловеческие силу и выносливость. Учитывая, что неизвестная техника проявлялась на их телах в виде почернения кожи и проявления на ней белого рисунка, напоминающего кости, то могу предположить, что это было какое-то джудзюцу

джашинитов.

Всякого я ожидал, но не такого точно.

— Увабами, не стой! Помоги!

— Иду!

Помимо этого, характерного только для джашинитов джудзюцу, город подвергся и иным техникам проклятия, которых не избежали и шиноби. Мы с Югито, несколькими другими учениками и с нашими кураторами добрались до казарм, которые заняли на время пребывания в городе, относительно спокойно. Хотя первые попавшиеся зомби едва не утащили одного из учеников, но зато нас не задело проклятиями.

Какая-то группа едва не лишилась чакры, на другую напала сильная усталость из-за чего ее чуть в полном составе не утащили безумцы, третьи отделались небольшим недомоганием и головной болью. Так или иначе, им требовалась помощь. Для начала, их нужно было найти и провести по городу к казармам, где шиноби Кумо заняли оборону.

— Группа Тацумаки все еще не показалась, — услышал я краем уха слова одного из учителей.

— Ёцуки тоже.

— Нужно было взять новые устройства дальней связи, это упростило бы нам жизнь.

— Никто не знал, что случится такое.

Пока я дотащил на своем горбу очередного полуобморочного ученика до импровизированного госпиталя, учителя оказались вне зоны моего слуха. Но он у меня в этом теле достаточно неплох, мне потребовалось всего лишь сгрузить пострадавшего от джудзюцу на лежанку и отступить назад, чтобы без опаски погреть уши.

— ... барьер. Эвакуироваться не получится, — это, кажется, Кайро говорил.

— Все началось с центра, выброс чакры был возле горячих источников. Нужно разобраться, что там произошло.

— Там тоже барьер. И чакра была очень сильной, а нас немного. У нас только два джонина, пятнадцать чунинов и толпа учеников.

— На поддержание двух барьеров должно уходить много сил. Тем более, один замыкает весь город. И много джудзюцу. Можно отвлечь инициатора техник, это может заставить его снять барьер. Тогда мы сможем вывести учеников.

— Во время разведки я заметил в центре много человеческих марионеток, — неуверенно произнес малознакомый мне учитель. — Мы не заметили ни одной, которая владела бы ниндзюцу, да и тайдзюцу тоже, но они нечеловечески сильные. И их почти невозможно убить. Пробриться к источнику техник будет сложно.

— Их легко обездвижить даже ученику, если он владеет подходящими техниками, — заметил Кайро. — Техника Зыбучего Камня идеально для этого подходит.

— У нас слишком мало тех, кто владеет Дотоном, — с горечью признал другой куратор. — Немногие ученики вообще владеют хоть каким-то стихийным преобразованием. А техники чунинов и джонинов основаны в основном на Райтоне и Суйтоне.

— У нас есть три человека, которые могут использовать Дотон. Один из них ученик, Увабами.

— Негусто.

— Еще у нас есть джинчурики...

— Молодой и не обученный, но да, он есть.

Дальше разговор я подслушивать больше не мог, пришлось идти помогать с

баррикадами. Но вообще, в интересную я ситуацию попал. Похоже, какая-то ячейка джашинитов решила совершить масштабный теракт. Возможно, массовые жертвоприношения для своего бога — на это намекает похищение людей марионетками. И, скорее всего, именно по их души шли мои беглые Ибури.

Вообще, Джашинкё — это маргинальная секта, членам которой нигде не рады. И я примерно представляю, как и почему они оказались здесь. По данным Чиноике, один из оплотов Джашинкё был близ Югакуре. На территорию которого сейчас начали проникать мои люди, да и Кемури с товарищами здесь давно промышлял. Это могло заставить джашинитов сойти с насиженных мест, с Рюджинкё у них давние проблемы. Но идти-то особо было некуда: на севере — Страна Звука, на западе с присоединением к войне Конохи открывался новый фронт, на юге — старый фронт меж Кумо и Кири, на востоке в море идет масштабная операция Тумана, в которой и я участвую. Вот и оставалась только Страна Мороза, которая являлась глубоким тылом Кумо. Тоже не безопасное место, но более спокойное, чем иные варианты.

Вот только зачем им понадобилось в городе начать зверствовать? Джашинитов и без того не любят, а такой теракт им точно любви не добавит. Кумо с нежелательными сектами расправляется жестко и уверенно.

— Увабами, — позвала меня Югито, когда я думал, как быть с торчащей из земли дергающейся головой живой марионетки, которая мешала поставить ограждение. — Пойдем, у Кайро-сенсея есть для нас задание.

— Иду!

Ну, хоть не пришлось отрывать, возможно, еще живому человеку голову. Не люблю я это дело, чай, не шиноби это, а невольная жертва.

— Что за задание?

— Нужно помочь учителям добраться до места, где выполняла задание группа Тацумаки-сенсея. Она владеет Дотоном и является джонином, она нам нужна.

— Понятно, — не такое уж плохое задание, как я думал.

— Держи, это поможет восстановить силы, — Югито протянула мне фляжку. — Кайро-сенсей сказал, не больше трех глотков делать.

Наверняка там какой-то стимулятор, причем достаточно сильный. Не уверен, что он мне нужен, но сделать вид, будто я его выпил, стоит. Людей удивит, если после сегодняшних подвигов ученик будет способен сделать еще хоть что-то без сторонней помощи.

А вкус-то у пойла знакомый — женьшень, лимонник и аналог коры дерева йохимбе. В таких концентрациях сильная вещь, но не смертельная.

— Пойдем, — приказала Югито, приняв фляжку из моих рук и автоматически пытаюсь закрепить ее на поясе. — Кичиро-сенсей нас уже ждет.

— Ты нервничаешь, — постаравшись, чтобы в голосе не было и нотки упрека, заметил я.

Югито в это время все так же безуспешно пыталась закрепить фляжку, не замечая, что на поясе у нее уже висит одна.

— Что? — посмотрела на меня отрешенным взглядом Нии. — А, нет! Ерунда! У кошек девять жизней, чего мне нервничать? Ну, может, лишь немного беспокоюсь. За тебя.

Внимательно посмотрев в глаза девчонке, я только коротко вздохнул и отнял у нее фляжку.

— Спасибо, — что ей еще скажешь? — Мне будет очень нужна твоя помощь, поэтому

ни за что не отходи от меня.

— Даже не сомневайся! — кажется, она немного приободрилась.

Кичиро и еще трое учителей нас и правда ждали. Из остальных кураторов, кстати, в лагере осталось только семеро чунинов для его защиты, остальные, похоже, вышли на разведку или решили попытаться связаться с внешним миром.

Признаться честно, сложившаяся ситуация нервировала не только Югито, мне тоже было немного неуютно. Больше, конечно, из-за непонимания действий джашинитов. Но атмосфера тоже нагнетала. Пелена барьера над головой была почти не видна, но вечернее небо было непривычно темным, а алое зарево заката особенно кровавым. С момента начала техник джашинитов прошло всего чуть больше получаса, но город успел погрузиться в сумерки.

Узкие улицы утопали в черных тенях, крыши домов окрасились в призрачный алый свет. Иногда в темноте был слышен топот чьих-то шагов, из темных провалов окон раздавались крики и плач. Но обычно в воздухе висела гнетущая, неестественная тишина, нарушаемая только тихим скрежетом черепицы под нашими ногами.

Двигаться по улицам не решились. Пусть там проще разобраться с противником, но также проще на него нарваться. Пусть крыши домов невысоки, но на них живые марионетки смотрели редко, а, значит, не видели и нас. Но иногда они все-таки поднимали свои взгляды к небу.

— Контакт!

Это уже была вторая встреча с живыми и не очень зомби, да и попривыкли мы к ним за сегодня, так что начали действовать по отработанной уже схеме. Шиноби вообще учат быстро адаптироваться. Вот только это нападение было не совсем обычным. Помимо обычных марионеток, нам встретился и тот, кто их создает.

Даже я не сразу заметил выскользнувший из мрака тени красно-черный серп кусаригамы, вонзившейся в бедро Кичиро. Машинально метнув в ответ сюрикен, я еще успел удивиться, почему противник использовал серп кусаригамы, а не гирику на другом конце цепи, убить которой джонина было бы проще. Но ответ пришел уже тогда, когда из разрезанной бедренной артерии Кичиро еще не успела даже толком пролиться кровь. Его кожа начала чернеть.

В следующее мгновение нас едва не разорвало техникой Райтона, которую я даже не успел распознать, так как был занят проламыванием крыши, в которую сиганул вместе со схваченной за шкурку Югито.

А ведь я мог бы догадаться, как действуют джудзюцу джашинитов.

Так как мои руки были заняты Югито, я не смог смягчить падение на пол. Удар выбил воздух из груди и заставил тихо скрежетнуть зубами. Болезненно. Зато без лишнего шума, Нии даже не смогла пикнуть с зажатым моей ладонью ртом.

— Медленно уходим. Без шума, — едва слышно прошептал я на ухо Югито.

— Но там наши, — Нии догадалась ответить так же тихо.

— Мы попали в ловушку. С нашими силами мы не способны помочь. Не лежи, уходим в тень.

Дом был погружен в полумрак, который рассеивал только тусклый свет пробивающегося сквозь крышу розоватого света заката. Кажется, мы оказались в каком-то магазинчике, который был закрыт на ночь. Как раз в той части дома, где находился прилавок и все окна были закрыты ставнями. Над головой все еще был слышен треск молний и

выкрики шиноби. Учитывая, что нас разделяет только тонкая крыша и перекрытия чердака, то мы не в самом безопасном укрытии.

— Нужно уходить обратно к лагерю, — пришел к выводу я.

— Мы успели уйти далеко, — нервно шепнула в ответ Нии.

— Иного безопасного места я не знаю.

С грохотом и треском в проделанную мной дыру влетело изломанное тело человека. Шиноби в форме Кумогакуре. Поправлюсь, бездыханное и покрытое глубокими электрическими ожогами тело шиноби в форме Кумогакуре.

— Уходим, — больше не терпя возражений, я потянул Югито за собой.

Проклятье! Ждал я, конечно, проблем, но не думал, что они будут такие. Весело, ничего не скажешь.

Сориентироваться в темном незнакомом доме, не создавая при этом шума, было сложно, но я справился. Хотя несколько раз все же помянул недобрым словом это ущербное тело, не имеющее даже элементарного тапетума в глазах для лучшего сумеречного зрения. К хорошему быстро привыкаешь.

Когда мы выбрались из дома, звуки схватки стали затихать. Мы и вышли из дальней части строения, чтобы не попасть под руку. К этому времени город, кажется, полностью погрузился во мрак. Улицы встретили нас глубокой тенью, которая, к счастью, после полной темени внутри дома, была все же не совсем беспросветной. Однако удача нам в этот день решительно отказывалась сопутствовать.

Мы с Югито успели пройти уже значительное расстояние к лагерю, когда за очередным поворотом наткнулись на группу замерших посередине улицы сомнабул. Натуральные зомбаки. Жаль только, слишком подвижные. И хорошо, что не особо инициативные и зоркие.

— Стой, — одними губами произнес я Югито, на руках которой начали отрастать длинные лезвия когтей. — Отступаем.

У нас были все шансы уйти незамеченными, если бы сверху неожиданно не раздался отчетливый и громкий голос:

— Кажется, у вас проблемы, куноичи-хан.

Да чтоб тебе на месте провалиться! Они его слышали!

Впрочем, я даже не успел начать складывать печати для активации техники Дотона, чакра только начала покалывать меня изнутри, принимая свойства нужной стихии, когда невидимый говорун очутился перед нами. Неуловимая тень скользнула во мраке наступающей ночи, промелькнув между метнувшихся к нам зомби, и те... Да они просто начали рвать друг друга!

— Ночь — это не детское время, — голос снова раздался рядом с нами. — Даже для вас, куноичи-хан.

— Кайбьё Ясунеко, — признала в сверкающем зеленом глазу мужчине недавнего путника Югито, пораженно глядя то на него, то на беснующихся дальше по улице зомби.

— О, не обращайтесь внимания на них, — заметив направление взгляда Нии, посоветовал Кайбьё. — Просто не все из них уже должны были принадлежать Джашину. Куноичи-хан. И ты, мальчик. У меня к вам предложение, от которого вы не можете отказаться.

— Что за предложение? — поинтересовался я, вслушиваясь в темноту.

— Тут недалеко добрые люди нуждаются в небольшой помощи. И по счастливой случайности, именно куноичи-хан может им помочь. Точнее, добрая госпожа внутри нее.

— Увабами, — сжав мою ладонь в своей руке, напряженно и испуганно прошептала

Югито.

— Добрые люди не носят амулетов с треугольником, вписанным в круг? — уточнил я.

— Нет, мальчик, — снова сверкнув глазами в темноте, насмешливо ответил Ясунеко. —

На их амулетах в круг вписаны три спирали.

— Нам придется пойти с ними, — после небольшой паузы признал я.

— Но!..

— Это предложение, от которого нельзя отказаться, Югито. Он не один. У нас нет выбора.

— Ты догадлив, мальчик, — хмыкнув, произнес Ясунеко.

— Лапы твоих спутников мягки, но их глаза сияют в темноте. Идем, Югито.

— Правильно, пойдем, куноичи-хан. Это в ваших же интересах.

Кайбье без опаски повернулся к нам спиной и неспешно потрусил по темным улицам. Я потянул Югито вслед за ним.

— Увабами, это глупо! — зашипела Югито на меня. — Этот тип подозрительный!

— Рад, что ты, наконец, это заметила, — не без иронии в голосе ответил я ей.

— А ты заметил раньше? — сердито спросила Нии. — Узнал его, что ли?

— Узнал только что. Это некомата.

— Некомата?

— Один из сильнейших ниннеко. Ты же хотела увидеть лис-оборотней. Их нет, зато вот есть кот-оборотень. Он, кстати, двуххвостый, почти как ты. А тут рядом с нами еще несколько ниннеко бегут.

— Что они тут делают?

— Откуда ж мне это знать? Но они оказались тут как нельзя вовремя.

Не знаю, как он это делал, но Ясунеко прикосновением мог переманивать на свою сторону некоторых живых марионеток. Это здорово облегчало путешествие по городу. Хотя неизвестная техника выглядела очень подозрительно и давалась, по всей видимости, Кайбье нелегко.

— Давайте не будем медлить, куноичи-хан, — иногда напряженно приговаривал он.

К счастью, городок был небольшим, и до нужного места мы добрались относительно быстро. Как и предполагалось, Ясунеко привел нас почти к центру города, к тому месту, где располагался онсен. Здесь тоже имелся барьер, достаточно простенький на вид, но сильный. Занимал он небольшую площадь и создавался четырьмя людьми, засевшими внутри нее. Представлял он из себя красную полусферу, вырастающую из земли на месте намалеванных на земле алых линий. Разобрать, что конкретно было нарисовано на улице перед входом в онсен, было затруднительно, так как и внутри барьера, и за его пределами валялись в большом количестве трупы людей.

Кровь просто заливала все вокруг, из-за чего утрамбованная земля начала раскисать. Идти по грязи было откровенно неприятно. Подобной резни я не видел ни в одной из войн. Да даже во время войны с кланом Кагуя таких зверств не наблюдалось. Здесь лежали и мужчины, и женщины, и дети всех возрастов. Изломанные, порванные. В воздухе стоял непередаваемый дух свежей крови, грязи и потрохов. Тут и мне подурнело, так что упрекать Югито во внезапном приступе тошноты было бы глупо. Джашин сегодня получил много жертв.

Однако, помимо мертвецов, были здесь и живые люди. Во-первых, четверо подозрительных личностей с кусаригами в барьере. Во-вторых, трое мужчин с

окровавленными паяльниками в руках вне барьеров. Паяльник в этом мире — это массивная железка на короткой рукоятке, чем-то напоминающая колун. Оружие лучше всякого куная.

— Лудильщики, — с трудом подавив тошноту, слабо простонала Нии, увидев эту троицу. — Это тоже некоматы?

— Нет, куноичи-сан, — голос раздался сзади и снизу и заставил Югито нервно дернуться, оборачиваясь на звук.

Там нам показался на глаза один из ниннеко. Я блеск их глаз в темноте заметил давно, но вот Югито заметила их только что. Кот стоял на спине одного из трупов, гордо уперев подток небольшого копья в затылок другого мертвеца. Стоял он при этом на двух задних лапах и вполне сноровисто держал оружие в передних. На нем даже была одежда: что-то вроде короткого кимоно, из-под которого боевито раскачивался из стороны в сторону длинный хвост. Расцветка кота была серо-коричневой с черными полосами, уши расплосованы в многочисленных драках, половины правого и вовсе не было, через левый глаз проходил длинный косой шрам. Боевитый котяра.

— Кот... — удивленно прошептала Нии, во все глаза разглядывая ниннеко.

— Я Рику, куноичи-сан, — галантно представился кот.

— Нии Югито, Рику-сан, — неуверенно представилась девочка в ответ.

— Очень приятно, Нии-сан. Так вот, это не ниннеко, но им можно доверять.

Хорошо сказано, Рику. Только вот не уверен я, что Югито доверяет тебе и твоим словам, не то что тем, кого ты считаешь достойным доверия.

— Нии-сан, — а забавно все же звучит уважительное обращение к Югито с ее фамилией, очень созвучно со старшим братом.

Особенно забавно, когда звучит это обращение из уст здорового бородатого мужика к девочке, которой только через несколько месяцев исполнится восемь.

— Кемури-сан, — узнала бесшумно появившегося возле нас Ибури Югито.

— Нам нужна ваша помощь.

А вот это предложение из уст мужика к девочке звучит даже еще забавнее, чем «Нии-сан».

— Что вам нужно? — настороженно поинтересовалась Югито, невольно прижимаясь ко мне.

— Нам необходимо сломать этот барьер, — указав в сторону мерцающей в ночи стены заляпанным кровью паяльником, пояснил Кемури.

Я в этот момент едва рукой себе лоб не прошиб. Понятно, что сейчас нет времени на долгие объяснения и расшаркивания, но, Кемури, мать твою, можешь ты выглядеть не как маньяк?

— И чем вам может помочь Югито? — задвинув Нии себе за спину, поинтересовался я.

— Куноичи-хан хранит в себе добрую госпожу, — вновь вмешался в разговор Ясунеко. — Сила доброй госпожи легко проломит этот барьер и позволит покончить со всеми ужасами этой ночи.

— Там спрятались последователи Джашина, генинам в Кумо должны объяснять, кто это такие и суть ритуалов этих людей. Сегодня они успели принести много жертв своему господину, и нужно остановить их прежде, чем случилось что-нибудь непоправимое, — пояснил Кемури. — Кайбьё-сан говорит, что в Нии-сан имеется сила, способная разрушить барьер. Я подозреваю, что ты, Югито, джинчурики. Скорее всего, в тебе заключен Двуххвостый. Мой господин предрекал, что он будет заключен в светловолосой девочке из

Скрытого Облака. Никто из нас не желает вам вреда, мой господин этого никогда бы не одобрил, нам нужна только ваша помощь.

В принципе, он прав. В том, что барьер нужно сломать. И, хоть он выглядит простым, но достаточно прочен, чтобы выдержать напор троих Ибури, даже если они активируют свои печати. Я мог бы придумать какой-нибудь более элегантный способ его преодоления, но я сейчас все-таки не Орочимару, а всего лишь Увабами.

— Думаю, им можно верить, — решил высказаться я. — Если им что-то нужно, то они смогут получить от нас все, что им угодно, силой.

В этот момент в ночи раздался грозный рев. Вдали вспыхнуло сияние техник Катона, Кемури возле нас резко преобразился в свою звериную форму и растворился в воздухе, превратившись в дым.

— Кажется, очередной культист решил попробовать принести новые жертвы, — пояснил Ясунеко, взглядываясь во тьму ночи. — Вам стоит поторопиться с раздумьями, куноичи-хан.

— Он... Увабами, он превратился в монстра! — пораженно пискнула Югито, уже всем телом вжавшись в меня.

— Это же монах с Кумотори Страны Звука, — сказал так, как будто это что-то объясняло, Рику, все еще маячивший рядом с нами.

— Но в Стране Звука ведь живут кицунэ, — удивилась Нии.

— Югито, — устало обратился я к девчонке, — сейчас это неважно. Кицунэ ли это, лисы-оборотни, или вани, драконы-оборотни. Нам нужно что-то решать. То есть тебе нужно что-то решать.

— Но я не могу, — растерянно ответила Югито, — Ниби запечатан, а я не могу контролировать его силу. И полностью высвободить ее, пока не снимут вторую печать. А той чакры, которую я смогу получить, вряд ли хватит, чтобы сломать барьер.

— Да, я вижу печать, — задумчиво посмотрел в район плеча Нии Ясунеко. — Думаю, ее можно снять. Только я не уверен, что при этом не повредится и другая. Фуиндзюцу Кумогакуре очень топорные, прости уж за такую оценку, куноичи-хан.

Что-то такое я предполагал. Нии, хоть и джинчурики, но многого от нее ждать не стоит. Вообще, странно, что нас кураторы взяли с собой на освобождение этой Тацумаки. Хотя совсем не удивлюсь, если они оказались в гендзюцу Ясунеко. Этот тип крайне ушлый и подозрительный, это с первого взгляда понятно. Но Югито лучше об этом не знать.

Еще раз посмотрев на барьер, на Югито, я уточнил:

— А что на этот счет думает сама Ниби?

— Она... Она готова помочь, если об этом просит Кайбьё-сан, — словно сама удивляясь своим словам, ответила Нии.

— Одной проблемой меньше, — хотя верить биджу все-таки не стоит. — Кайбьё-сан, у вас есть кошачья мята?

— Я таким не балуюсь, — смерив меня взглядом, гордо ответил некомата.

— Эх, держи, пацан, — кинул мне небольшой пузырек Рику, — сейчас такая ночь, что я понимаю твое желание. Но знай, я не одобряю такого у детей.

— Это не для меня, — ответил я, отцепляя с пояса фляжку.

У меня она все еще содержала раствор с настоем стимуляторов. И если добавить к ней немного кошачьей мяты, то это должно помочь Югито высвободить силу Мататаби. Ну, то есть все должны именно так и думать. А о наложенном на нее мною гендзюцу лучше никому

не знать.

— Держи, — протянул Югито фляжку. — Не больше одного глотка. Не думаю, что город переживет еще и буйство биджу, если я ошибся.

— Увабами, это не сработает, — неуверенно сказала Нии, принимая фляжку.

— У нас нет выбора, нужно что-то делать. Я знаю, на что способны джашиниты, им нельзя позволить завершить свои ритуалы.

— Хорошо, Увабами. Ты прав.

Еще раз посмотрев мне в глаза, Югито решительно приложила к горлышку фляги.

Гендзюцу подействовало почти сразу, чакра излилась из Нии, окружив ее покровом черно-синего пламени. Пришедшие с силой эмоции Мататаби исказили лицо девочки, заставив злобно оскалиться и почти по-кошачьи зашипеть. К счастью, полностью разум она не потеряла, может, Ниби все же была честна и не стала давить на своего неопытного джинчурики. Вообще, с появлением Чомея, к которому отношения у других биджу более толерантное, чем к Кураме, стоит прощупать вопрос контактов с оставшимися Хвостатыми. Может, из этого что-то выйдет.

Дальше покрова чакры изменения не зашли. И создавать для пробития барьера Бомбу Хвостатого Югито, или Мататаби, не стали. Для этого хватило огромного огненного шара, прокатившегося по улице и опалившего валяющиеся здесь тела. Воздух наполнился запахом горелой плоти, что окончательно добило желудок Югито, заставив ее исторгнуть из себя весь небогатый ужин. Чакра Двухвостой медленно ушла, а барьер рассыпался на лоскуты багряного сияния. С громким рыком внутрь него вломились мускулистые антропоморфные ящеры, мгновенно разорвавшие в клочья попавшихся под руки джашинитов.

— Премного благодарен, добрая госпожа, — поклонившись в сторону бледной и едва держащейся на ногах Югито, промурлыкал Ясунеко.

Нии, кажется, этого даже не заметила, снова крепко держась за меня. Я же старался не оказаться ею замаранным. И очень надеялся, что на этом все потусторонние приключения хотя бы на сегодня закончатся.

Глава 31. Кайбьё Ясунеко

3 мая 46 года от начала Эпохи Какурезато

Здания в Отомуре преимущественно деревянные. С точки зрения пожарной безопасности, это не очень правильно, но дерево — самый дешевый и доступный материал в данной местности. Однако как строительный материал оно мне не нравилось абсолютно. Деревянные здания быстро приходят в негодность, они сгорают дотла, дерево сжимается при высыхании и набухает при высокой влажности — в общем, не самый практичный материал. И обычно я в таких находиться не люблю, но замок дайме в Отомуре старый, знаковый и просто красивый, перестраивать такой банально жаль и дорого. Хотя частично я его все же через Отохиме реставрировал, заменив деревянные элементы замка более прочным материалом.

И к чему я вспомнил про дерево? Просто мозг — это такая штука, которую нажатием кнопки не выключить. Он постоянно работает, и если ему не давать работы, то он начинает производить ее самостоятельно. Галлюцинации в полной темноте и тишине, все искусство тоже можно отнести к побочному продукту мозга, когда у человека выживание перестает быть единственной целью существования. А в моем случае на мгновения появились размышления об архитектуре.

Отменив прием перераспределения ресурсов мозга, я вернулся к привычному миру. Чувства возвращались одно за другим. Кожа уловила движение потоков воздуха. В нос ударили запахи дерева, пыли, людей, табака. Уши уловили человеческое дыхание и тихий шелест ветра в оконных рамах. Я почувствовал тепло усевшихся за столом приближенных и вибрации, проходящие по поверхностям. И только в конце появилось зрение.

За пару десятков секунд погружения в себя окружение не особо поменялось. Все тот же зал замка, освещенный рассеянным светом, пробивающимся сквозь распахнутые окна. Сам я находился в кресле во главе большого добротного стола, за которым так же находились все важные лица Страны Звука: Кейдзан с несколькими своими министрами, Отохиме была больше для красоты, а вот сидящие возле нее мускулистый Джимму и неприметная Касуми были реальными высшими сановниками Рюджинкё, Отогакуре представляла Мицуко, ставший во многом ее замещать Куроба и незаменимая моя помощница Малис. За моей спиной еще сидели Курама и Чомей, но они в совете участвовали больше в качестве слушателей.

— Рюджин-сама... — осторожно позвал меня Куроба.

При этом шиноби выглядел встревоженным. Он, как и некоторые переглядывающиеся министры, не был знаком с моей особенностью обдумывать важные идеи или события, уходя в себя. Пользуюсь я ей крайне редко, так как обычно в этом нет необходимости, да и в целом не самое безопасное это занятие для психики. Одно время я даже подумывал для улучшения своих когнитивных способностей без всякого перераспределения ресурсов мозга банально увеличить его массу в одном из клонов, выделив его исключительно в качестве интеллектуального центра. Или в основном теле перестроить ткани мозга по птичьему типу, увеличив плотность нейронов.

В итоге от этого пришлось отказаться. Опять же не уверен, как это скажется на моей и без того многострадальной психике. Выключать мозги, как компьютер, не получится, они будут постоянно работать. И работать не всегда так, как это мне нужно.

— Все нормально, задумался, — успокоил я Куробу. — Продолжай отчет.

Еще раз оценивающе посмотрев на меня, Акай все же продолжил описывать ситуацию в сопредельных странах. Я же осторожно помассировал висок, помогая себе справиться с легким головокружением. Интересно, а когда я смогу взять себе отпуск? Хотя бы недельку провести время с Сальмой или Микото. А то и с ними двумя разом в разных клонах. И чтоб ни одним своим нейроном, ни в одном из своих тел не думать о работе.

Никогда не был и сейчас не являюсь большим экономистом, политиком или, в конце концов, инженером. Я всего лишь ученый, но по какой-то прихоти судьбы мне приходится заниматься совсем не тем, к чему я привык и чем мне хотелось бы. На своем пути к мечте где-то я решил сделать слишком уж большой крюк.

— После операции месячной давности деревня Водопада перестала совершать попытки войти в юго-восточные районы страны, — тем временем отчитывался Куроба. — Близость смешанных полков в Стране Гор и активность Страны Земли на севере и западе пока их сдерживает.

— Потеря биджу серьезно сказала на авторитете Такигакуре, — изображая саму невозмутимость, добавила Мицуко. — И на моральном духе ее жителей, не говоря уж о причиненном Нанаби физическом ущербе. В этом свете Страна Водопада может стать для Ивы более привлекательной целью для экспансии, чем Страна Деревьев.

— Страна Деревьев была удачным вариантом для расширения своей зоны влияния для Ивагакуре не столько своей относительной слабостью в военном плане, сколько более удобной логистикой, — раздался в зале сиплый голос Кейдзана, который в молодости был самураем Страны Железа и лучше многих разбирался в реалиях соседней Страны Водопада. — Торговые маршруты между Странами Земли и Огня давно устоявшиеся, на их протяжении много городов и складов снабжения в них. Страна Водопада в этом плане не так удобна, так как у Страны Земли к ней нет достаточно больших сухопутных дорог.

— Однако Страна Водопада, слабо задетая войной и эпидемией, более привлекательна, чем Страна Деревьев.

В словах Мицуко была логика, однако насколько более заманчива Страна Водопада для Ивагакуре без надежного снабжения? Побережье Страны Земли на границе с Водопадом слабо обжито людьми, так как давно полюбилось владеющим чакрой животным. У Ивы с ними имеются договоры, и отношения животных с шиноби Камня можно назвать союзническими, но там банально нет людей, нет сельского хозяйства, нет складов с пригодным для ниндзя продовольствием. Уголок дикой природы, через который большими силами наступать сложно. Зато у Конохи нет таких проблем. Между Странами Водопада и Огня нет даже больших гор, есть только река Бандзе, по которой пролегает межгосударственная граница, но это не непреодолимая преграда. Главное же, что северо-запад Страны Огня хоть и слабо заселен, да и болотист еще, но там все равно есть люди, цивилизация и еда. Ввести силы Конохи в Страну Водопада — дело относительное простое. Поэтому Водопад вполне спокойно жил, имея своего биджу и протекцию Листа.

Сейчас протекция никуда не делась, зато биджу нет. И неизвестно, насколько стал развит флот Страны Земли. Они могут совершать экспедиции на другой край континента, но способны ли их суда организовать снабжение достаточного по количеству контингента шиноби для покорения Страны Водопада? Неизвестно, но в голове держать подобный вариант стоит.

— Что известно о разногласиях феодалов? — уточнил я у Кейдзана для получения более

полной картины.

Сам дайме с ответом замешкался, вопросительно посмотрев на сидящего рядом доверенного человека. Это был один из примкнувших к Кейдзану бывших феодалов Страны Рисовых Полей. Полноват, обряжен в дорогие одежды, его нынешняя должность примерно соответствовала министру иностранных дел.

— Откровенно сопротивляться решениям дайме Страны Водопада дворянство не решается, — ответил он, почтительно поклонившись мне. — Его поддерживает Такигакуре, которая уже показала, что способна действовать и против жителей собственной страны. Возможно, владельцы южных и западных феодалов, в которых сейчас имеются силы Отогакуре, готовы были бы высказаться против действий дайме, но, подозреваю, они не думают, что мы способны задержаться на местности надолго. И после ухода Отогакуре их могут заподозрить в измене, если сейчас они рискнут выступить с осуждением действий дайме. Скорее всего, сейчас они будут проявлять наибольшую верность дайме.

— Однако дворянство все еще недовольно действиями шиноби и попустительством дайме? — уточнил я.

— Недовольство сохраняется, Рюджин-сама, — нервно сложив руки в замок под моим взглядом, подтвердил министр. — Хотя есть нюансы. Сейчас начали активно распространяться слухи, что Рюджинкё внедряется среди населения для облегчения последующего вторжения Отогакуре в Страну Водопада, как это было в Стране Гор. Дворяне опасаются за свою власть, боятся, что их сменят люди из Страны Звука.

— В Стране Гор большинство феодалов остались на своих местах, — недовольно возразил Акай, который и курировал операцию в Стране Гор.

— Среди дворян Водопада распространяются противоположные слухи, — деликатно заметил министр.

— В таком случае не удивлюсь, если эти самые дворяне скоро сами начнут гонения на принявших Рюджина, — подытожил я. — Надеюсь, не нужно напоминать, что распространение недостоверной информации должно быть пресечено?

— наших возможностей недостаточно, но мы делаем все, что в наших силах, — вновь поклонился министр.

— Мицуко, этим также должны заняться шиноби.

— Поняла, Рюджин-сама.

Да, мне все-таки не хватает возможностей, чтобы распространять нужную мне информацию среди народных масс. В Стране Водопада стоило бы заранее предположить, что когда я распорядился огласить подноготную нападений на селения крестьян, дайме найдет способ унять недовольство дворян и прочего населения страны. Принятое им решение было предельно очевидным. Застрашать привыкших к власти феодалов, что может быть проще? Собственно, предполагая нечто подобное в будущем, в Стране Гор я распорядился не трогать дворян. Реального военного сопротивления они оказать не могут, правда, и доверия никакого не вызывают, но все равно хоть как-то помогают сохранять территорию под контролем. Со временем их ждут перестановки, но пока мне нужны люди, которые знакомы населению, которые знакомы с населением и местностью, которые знают, как организовать работу местных управ, сбор налогов, поддержание правопорядка.

Вообще, учитывая, что уже скоро полтора года, как я объявил себя Рюджином, стоит полагать, что даже в этом мире медленно распространяющейся информации все дайме, дворяне, аристократы, каге и главы деревень уже навели справки о Рюджинкё и оценили

риски для себя. Думаю, что нападения на крестьян в Стране Водопада — это первые и не самые удачные шаги к ограничению распространения новой религии. Наверняка Храм Огня уже действует, но я даже об этом пока не знаю. И, кстати, эти придурковатые джашиниты со своими ритуалами могли изрядно помочь в пропаганде против Рюджинкё.

— В Стране Водопада необходимо усилить работу с дворянством и населением, — подводя черту под очередной темой, высказался я. — Это государство может и в самом деле стать новой зоной конфликта между Конохой и Ивой, однако Лист понес большие потери в последней войне. Сейчас силы шиноби Страны Огня сосредоточены в Стране Горячих Источников, есть значительный корпус близ Страны Деревьев и несколько отрядов на западе, плюс резерв в деревнях. Но он не большой, при большей активности боевых действий Коноха будет вынуждена выводить на фронт подростков и детей. Ивагакуре и эпидемию, и войну перенесла с меньшими потерями. И ее наступление больше зависит от аппетитов дайме и Цучикаге. Вероятно, они пожелают принять под свою длань территории ослабленной Страны Ветра. Тогда точно начнется новая кампания в Стране Деревьев. Что касается Страны Водопада, то интервенция в нее весьма вероятна, однако она начнется не раньше, чем Ивагакуре столкнется с Кумогакуре.

Недоуменно переглянувшись с Малис и Кейдзаном, Куроба с почтением обратился ко мне:

— Рюджин-сама, Страны Земли и Молнии после Первой мировой, когда ими были утрачены флоты и установлены новые границы Страны Огня и прибрежных государств, более не вступали в открытую военную конфронтацию. Война между Кумо и Ивой осложнена географией.

— Однако, она все же будет. Нам не удалось выяснить, насколько восстановился флот Страны Земли, однако его, похоже, будет достаточно для переброски нескольких тысяч шиноби и их снабжения, — пояснил я. — Учитывая, с каким тщанием Цучикаге скрывает возможности своего флота, уверен, что он найдет ему более достойное применение, чем простое нападение на Страну Водопада. Интервенция туда, скорее всего, начнется после неожиданного удара по более сильному противнику.

Все-таки Третий Райкаге должен был где-то перед смертью встретить десять тысяч шиноби, чтобы убиться об них. Одна Киригакуре не в состоянии выставить столько квалифицированных шиноби на одном фронте, все-таки армия Тумана сильна, но малочисленна. С Конохой сейчас они не смогут стать даже ситуативными союзниками, а вот Ива может и помочь. С флотом у них появляются все шансы войти и удержаться не только в Стране Водопада, но и в Странах Мороза и Горячих Источников. Этому мешает, главным образом, именно Страна Молний.

Есть еще небольшой шанс, что под удар попадет Страна Звуча, но Янтарный залив для навигации не самый пригодный. Ядовитые туманы не только мешают торговому флоту, но и вполне способны помешать наступлению с моря. Если только противник не изберет тактику блицкрига, что в местных реалиях означает атаку без качественного снабжения армии всем необходимым. Шиноби — в идеале — способны прорваться и через ядовитые туманы, и после этого за несколько суток захватить ключевые точки небольшой страны, подавляя локальное сопротивление. Но такой вариант вряд ли возможен. Без качественной разведки опрометчиво лезть на чужую территорию Ивагакуре не станет.

— Так вот, необходимо довести до сведения жителей Страны Водопада, что сейчас помощи от Конохи в случае атаки серьезными силами противника они могут не дожидаться,

как это было в Стране Водоворота, — продолжил объяснять я подчиненным. — Естественно, в Такигакуре так же прекрасно понимают, что большое наступление из Страны Земли им по земле не грозит. Однако их дайме не так хорошо разбирается в военном ремесле, как и большинство его дворян. Кейдзан, именно по твоим каналам необходимо довести до их сведения, что угроза со стороны Ивы реальна.

Надеюсь, это заставит правительство страны искать союзников. Это может помочь примирить Такигакуре со мной. Или заставит Водопад надавить на Коноху, которая, в свою очередь, если ответит на зов, то будет вынуждена ослабить свою армию на восточном фронте. Для Страны Огня это не столь приоритетное направление, как северное. Такая переброска сил, во-первых, займет Ивагакуре, во-вторых, облегчит мне воплощение своих планов в Стране Горячих Источников.

— Люди Отохиме же должны проверить знать, — отдал я еще одно распоряжение, — среди нее должны иметься те, кто принял меня. Кроме того, ранее мы не рассматривали их в качестве партнеров, но сейчас можно попробовать предложить им нашу благодать. Это поможет склонить их на нашу сторону. Мне не нужны религиозные гонения.

Так. По данному направлению, пока, кажется, все. Идем дальше.

— И раз речь зашла об этом театре военных действий, — побарабанив пальцами по столу, я вновь обратился к Кейдзану, — то как ситуация в Стране Мороза? —

— По сообщениям доверенных лиц, как вы и предсказывали, Рюджин-сама, в Стране Мороза у Кумо начались проблемы с логистикой, — насупив седые брови, ответил дайме. — Шимогакуре и сам дайме Мороза и так не были довольны хозяйничающими на их территории шиноби Кумо, а ритуал Джашинкё усугубил ситуацию. Ниндзя Облака убили многих горожан, пытаясь прервать ритуал и упустили лидера напавшей секты.

На самом деле, упустили этого Рюдана три молодца из клана Ибури, но винить их на фоне не сделавших абсолютно ничего шиноби Кумо глупо. Однако не так важно, кто виноват, главное, теперь понять, что делать. Осложнение логистики для Кумо в Стране Мороза лично для меня нежелательно. Мне бы хотелось, чтобы Облако более уверенно наступало на засевших в Стране Горячих Источников кирининов. Эти паршивцы в нынешнем своем виде немногим лучше культистов Джашина, иметь их у себя под боком мне совсем не хотелось. А вот максимально взаимно ослабить Кири и Кумо было бы очень желательно.

— Это еще не все, Рюджин-сама, — подала голос Касуми, сидящая по левую руку от Отохиме мико. — Появились слухи, смешивающие Джашинкё и Рюджинкё. Некоторые люди верят, что мы причастны к той трагедии. И ничем не лучше, чем последователи Джашина.

Посмотрев на эту женщину, которая и на стуле сидела словно в позе сейдза, я невольно усмехнулся. Рюджинкё в том ритуале Рюдана и правда были замешаны, правда, Ибури там пытались джашинитов остановить. Только людям это, естественно, неинтересно. Сейчас, под властью эмоций, виновными будут объявлены все причастные и не очень. Это было ожидаемо. Тем более, что стало известно имя главы той секты, устроившей теракт — Рюдан очень созвучно с Рюджин.

— И снова слухи, как и в Стране Водопадов, — заметил Кейдзан. — Может, это совпадение, но... Очень оно удачное.

— Не исключая, что эти слухи распространяются намеренно, — согласился я с дайме. — Даже уверен в этом. Малис, нужно узнать, кто стоит за этим.

— Будет сделано, Рюджин-сама.

Совещание продолжалось в обычном режиме. Они, вообще, в последнее время становятся слишком частыми. Все-таки нужно как-то по-другому организовать структуру управления страной. Или это просто невозможно? Наверное, будь в моем распоряжении больше доверенных и квалифицированных людей, дело бы шло проще, но с кадрами всегда проблема.

Джимму, одетый примерно как монах Храма Огня мужчина, и Касуми, типичная мико с Кумотори, полностью и безоговорочно преданные мне, но при этом не фанатичные и адекватно оценивающие реальность. Найти их было не просто, но еще более сложно оказалось возвысить их и заставить остальных Ибури подчиняться их приказам. Все-таки в клане имелась своя устоявшаяся и традиционная иерархия, переломить которую не так просто даже мне.

Мицуко, моя мать в этом мире, просто неспособна предать меня или поступить не в интересах Страны Звука и Рюджинкё, которые в полной мере являются меньшими ее детищами, чем я сам. Однако сейчас становится достаточно очевидно, что ее талантов не всегда хватает для нынешней должности. Акай Куроба, например, более способный тактик и стратег. Так что нужно снова перераспределить обязанности в Отогакуре, еще больше отклониться от традиционной системы правления у шиноби. И на Малис оказывается взвалено слишком много обязанностей с уходом Илмы Ринха на пенсию. Женщина она талантливая, но у нее слишком много забот: и разведка сейчас на ней, и часть научной деятельности. Нужно найти ей адекватных подчиненных.

А вот с доверенными людьми Кейдзана все еще хуже. Эти министры набраны в большей степени по своим талантам, и не всем из них я доверяю в полной мере. Например, тот тип, отвечающий за финансы, слишком корыстолюбив. А отвечающий за дипломатию сам не прочь стать дайме. Эти желания вполне понятны для людей, подобного всегда можно ожидать от любого человека. Но я-то не просто ожидаю, я точно об этих желаниях знаю. Это одновременно и упрощает, и усложняет подбор людей на управляющие должности.

Подходящих личностей на руководящие посты и так не хватает, а мне приходится их отсеивать еще и по своим принципам. К моему сожалению, даже самые честные люди часто по-своему интерпретируют границы дозволенного. И еще они не так охотно идут в политику. Возможно, уделяй я больше внимания чиновникам, то смог бы найти среди них подходящих людей на высшие должности, но времени на это нет. Выяснение профессиональных и личностных качеств, а так же степени лояльности отнимает много времени. Приходится обходиться тем, что есть под рукой: относительно преданные специалисты с терпимыми грешками на душе.

— ... в нем, как вы и предсказывали, столкнулись Минато Намикадзе и сын Третьего Райкаге со своим названным братом. Результат той схватки вам должен быть известен, Рюджин-сама.

Это Малис докладывала уже из своих источников полученную информацию о событиях в Стране Горячих Источников. Когда-то я ей сообщил несколько событий, которые должны произойти в ближайшее время, чтобы примерно сопоставить реальность с тем, что мне известно по прошлой жизни, чтобы ориентироваться, какие события должны бы произойти в ближайшее время. Да и, если честно, не знаю, насколько мне еще полезны предсказания, но, похоже, пока они все еще имеют свойство сбываться.

— Коноха все активнее ввязывается в войну за Горячие Источники, — заметил Куроба. — А мы начали действовать не только в Стране Водопада...

— Мирным путем к миру с нашими большими соседями мы все равно не придем, а упустить момент и отдать Страну Горячих Источников другим будет глупо.

Вообще, демилитаризация Югакуре Страны Горячих Источников происходила во время трехсторонних переговоров, и дайте с Каге Стран Огня, Воды и Молнии давали гарантии сохранения территориальной целостности своей более слабой соседки после утери национальной какурезато. Естественно, от интервенции это никого не остановило, но шиноби вполне готовы оставить дайте Страны Горячих Источников видимость суверенитета.

— Янтарный залив хорош только в качестве рубежа обороны, нам нужны нормальные выходы к морю, пока в Отогакуре еще не умерли последние специалисты в морском деле. Страна Водопада и Страна Горячих Источников — самые логичные пути расширения. И на востоке у нас есть небольшое преимущество перед великими державами — поддержка местных кланов шиноби. Пусть будет сложно, но лучшего шанса для Страны Звука может просто не быть, — поддержала меня Мицуко.

Кстати, эта женщина, несмотря на свои не лучшие способности в области военного искусства, имеет неоспоримый талант, который жизненно необходим лидеру Отогакуре — умение сплачивать разрозненные силы в единую общность. Пусть не однородную, пусть имеющую определенные разногласия, но она умеет находить инструменты для объединения кланов шиноби. Так было в Стране Рисовых Полей, потом она смогла переманить клан Чиноике и через него теперь вышла на несогласных с мирной политикой Югакуре шиноби.

— Пока это преимущество не сильно нам помогает и лишь приносит проблемы, — недовольно произнес министр финансов, умудряясь сохранять предельно вежливый тон. — На организацию новой какурезато уходит много средств, а ее расположение на территории другого государства не позволяет рассчитывать на достаточную преданность стране.

О, снова началось. А когда-то я с таким пафосом разбрасывался золотыми и серебряными слитками перед Кейдзаном, финансируя его войну за объединение Страны Рисовых Полей. Теперь так уже не получается. Теперь я живу в цивилизованной стране, где есть инфляция и прочие прелести экономики. Сейчас приходится играть по правилам. Ну, почти всегда это делать.

Совещание закончилось только еще спустя час-полтора и вымотало меня едва ли не больше, чем сражение с каким-нибудь джинчурики. Может, это сказывается большая ментальная нагрузка из-за постоянно активных клонов, но в последнее время все чаще чувствую моральную усталость. Хотя сейчас еще война началась, и проблем у меня прибавилось. Все одно к одному.

И тут еще кроме войны жизнь интересные задачки подкидывает, которые мне необходимо решать.

— Куда мы идем теперь? — потягиваясь всем телом, поинтересовался Курама. — И зачем мы вообще куда-то идем? Может, на сегодня уже хватит?

— Никогда бы не подумал, что биджу могут быть настолько ленивы.

— Не биджу, а только один из них, — не постеснялся поправить меня второй мой спутник.

Раздав ценные указания подчиненным, сам я отправился в город, проверять свои догадки, к которым удалось прийти, на время отрешившись от мира во время совещания. Никого, кроме двух биджу, я брать с собой не стал. Курама, по внешнему виду почти полная копия обычной мико с Кумотори, и Чомей, одетый в кеса, традиционные для местного

монашества одежды, мною самим были возведены в ранг моих учеников, которых я толком не знал, чему нужно учить. В общих чертах, я знал, что мне нужно из них получить, но как это сделать — вопрос интересный.

— Уж кто бы говорил! — надменно вздернув подбородок и сложив руки на груди, Курама неодобрительно покосился на Чомея. — И почему у тебя такое тело? Все думают, что ты старше меня. Ко мне, Девятихвостому, относятся так, словно я слабее Семихвостого!

Недовольное ворчание родственника Нанаби выносил с невозмутимостью истинного приблизившегося к нирване монаха, на коего и был похож. Я дал ему тело мужчины в биологическом возрасте около сорока-пятидесяти лет. То время, когда организм еще крепок, но его уже не так тянет на приключения. Сам Чомей кажется более сдержанным, чем Курама, так что на нем и проверю без лишних рисков, насколько верны мои предположения насчет влияния биологических тел на психику биджу. Раз нормальный опыт и наблюдения не провести, то хоть изображу их видимость.

В целом Нанаби недовольства своим обликом не проявлял. Хотя чувствую, что ему в человеческом теле некомфортно, но он старается привыкнуть к нему. Насколько я смог узнать Чомея, он вообще относится к жизни безмятежно. С верой, что все однажды наладится само собой, если не влезать в неприятности. Наверное, примерно так, только со своими хвостатыми особенностями.

В целом он в своем облике удачно вписался в компанию к Кураме, своей комплекцией, некоторыми способностями и густой растительностью на лице — у него имелась опрятная длинная борода и усы — во многом походя на мужчин клана Ибури, что только подчеркивала одежда.

— И все-таки, куда мы идем? — снова прозвучал вопрос из уст Курамы.

— Хочу встретиться с одним новым гостем нашей страны, — завернув за поворот коридора замка, в котором не чувствовалось чакры, я быстро применил технику превращения, незаметно меняя свой облик.

С моими спутниками слиться с толпой мне не удастся, но хотя бы не буду собирать вокруг себя толпы почитателей.

— Что за гость? — насторожился Курама.

— Скорее всего, он не из тех, кого требуется выдворять силой, — Какуза был не единственным за последний год незванным гостем на территории Страны Земли, и Кураме очень не нравились подобные ему авантюристы, — но конкретно пока ничего сказать не могу. Нужно поговорить с ним лично.

— Это тот, о ком говорила Малис-сан? — уточнил Чомей, следуя за мной к неприметному выходу из дворца, предназначенному в основном для слуг.

— Да.

— И после этого тебе срочно потребовалось «подумать»? — это вопрос задал уже Курама, добавив в голос немного иронии.

— Да, — снова лаконично ответил я, мимоходом отметив, что Кьюби все лучше учится проявлять эмоции не только интонациями, но и жестами.

— К чему такая спешка? Он же, кажется, прибыл только сегодня. Вряд ли сегодня же покинет страну.

— Если мои догадки верны, то может и уйти...

Столица Страны Звука встретила нас весенним теплом и ярким солнцем, постепенно скатывающимся по небу к горизонту в сопровождении тяжелых облаков. Воздух был влажен,

порывистый ветер трепал флаги на стенах замка. Похоже, скоро быть грозе. Может, это задержит гостей в городе, и я все же успею с ними встретиться.

— Мы не собираемся ускориться, раз ты так торопишься? — все не унимался Курама.

— Нужно сначала найти, куда идти, — активируя кецурюган, ответил я. — В городе слишком много людей, это может быть сложно.

— Он в городе? — удивился Кьюби. — Как? Да и зачем? Обычно они в города не заходят. Животным в городах людей делать нечего, особенно таким сильным, если верить словам Малис.

— Этот должен быть здесь, если я прав. А я прав! Идем, нашел.

Улицы Отомуры, в новых ее кварталах, пока не изобиловали зелеными насаждениями. Чтобы лишний раз не печься под лучами солнца, приходилось прижиматься к стенам домов. Хорошо еще, что людей было мало — до конца рабочего дня время еще оставалось. Тут и без рабочих народа хватало.

До нужной таверны, идзакаи, я добрался, уже когда в небесах прогремел гром, а на землю начали падать первые капли дождя. Висящий перед входом бумажный фонарь тревожно покачивался на посвежевшем ветру.

— Сейчас здесь будет уйма народа, — недовольно поджав губы, пробормотал Курама, уже имеющий представление о человеческой жизни.

— Нам место найдется, — уверенно ответил я, решительно входя в распахнутые двери.

Биджу был прав, людей в идзакаю набилось прилично, многие хотели переждать намечающуюся грозу с комфортом и за рюмкой горячего саке. И эта же гроза, похоже, привела сюда и нужную мне личность. Глаза быстро вычленили в просторном зале, занимающем почти весь первый этаж идзакаи, нужный столик. Хотя зал был разделен бумажными ширмами для уединения посетителей, но они преградой для кецурюгана не были.

Похоже, наше приближение гость заметил слишком поздно, чтобы пытаться бежать. Чакра биджу была скрыта достаточно хорошо их новыми телами, я же прятался под Хенге. Но вблизи маскировка была уже не так эффективна. К счастью, гость был адекватен. Пока мы шли по проходам между ширмами и столами, он не делал попыток сбежать.

— Кайбье Ясунеко-сан, — выходя из-за последней отделяющей меня от гостя ширмы, обратился я к нему, одновременно избавляясь от Хенге, — приятно наконец встретиться лично.

Долгую секунду мужчина в потрепанном кимоно с длинными, стянутыми на затылке седыми волосами смотрел на меня молча, прежде чем аккуратно подняться из-за стола и склониться в неглубоком быстром поклоне.

— Взаимно, Орочимару-сан.

— Рику-сан, — посмотрел я в этот раз на неприметного, закутанного в серую накидку и с нахлобученной на голову соломенной шляпой человека, — может, будете так добры и освободите мне место? Нам с Кайбье-саном, наверное, найдется о чем поговорить.

Этот человек, только-только пригубивший из небольшой фарфоровой рюмки саке, невольно закашлялся, со стуком опустив сосуд на стол.

— Да, конечно, Орочимару-сан, — охрипшим голосом ответил он мне, откашлявшись.

— Хана-тян, Дайчи-кун, — вновь садясь на стул, обратился Ясунеко еще к двум своим спутникам, таким же мутным типчикам, как и Рику, — уступите место и спутникам Орочимару-сана. Похоже, это очень уважаемые люди, не стоит им стоять во время нашего

разговора.

Занимая место за столом, я с интересом взглянул на этого неkomату. Интересный он тип. Может поднимать мертвецов, выводя их тела из-под власти джудзюцу джашинитов, и, похоже, неплохо распознает биджу в джинчурики. На последнее способны немногие. Сейчас Курама и Чомей не используют свою чакру, и она скрыта фуиндзюцу, замаскирована энергией человеческого тела. Но непростую суть моих спутников Ясунеко заметил.

Давая время неkomате насмотреться на меня и собраться с мыслями, я осторожно приподнял рюмку со стола. Рику от души приложился ей о столешницу, расплескав содержимое, на отполированном дереве осталась ровная лужица в виде кольца. Прикоснувшись пальцем к жидкости, я заставил ее принять форму нужной мне печати, ограничивающей распространение звука. Не хотелось бы смущать отдыхающих в идзакае людей нашими разговорами.

— Вам стоит прекратить баловаться мятными напитками, Рику-сан, — приняхавшись к рюмке и почувствовав, что в sake была добавлена кошачья мята, заметил я, опустив посуду обратно на стол.

— К-хе, — неловко кашлянул Рику, стрельнув на меня зелеными глазами из-под полы шляпы. — Да, наверное, вы правы, Орочимару-сан.

— Что же, надеюсь, вы не в обиде, что я не пригласил вас на официальный прием, Кайбье-сан, — снова обратился я к неkomате.

— Вот уж чего мне не нужно, так это приемов, — с кривой ухмылкой ответил Ясунеко. — Мы к такому не привыкли.

Я кивнул в ответ. Да уж, Кайбье Ясунеко точно не из тех, кто привечает всякий официоз. Ниннеко в этом мире с давних пор разделены на два лагеря. Одна их часть несколько веков назад решила жить в более тесном контакте с людьми. Долгое время у них был договор со Страной Неба, пока та не кончилась. Теперь они ведут дела с кланом Учиха, проживая в бывшей гражданской столице Страны Неба, ныне опустевшем и медленно приходящем в упадок Сора-ку. Их можно назвать городскими ниннеко, их возглавляет один неkomата. Но кроме них была еще одна группа, во главе с другим неkomата, Кайбье Ясунеко.

Эта группа со Страной Неба договоров не заключала и предпочитала обитать в горах на границе со Страной Горячих Источников, поэтому этот клан называли горным. Различить ниннеко из разных групп довольно просто: городские имеют окраску домашних кошек, горные — диких. Тот же Рику и Хана, например, полосаты, как лесные коты или рыси, а Дайчи пятнистой окраской напоминает сервала.

— Рад, что моя Страна Звука привлекает таких интересных гостей, — сказал я с улыбкой, обращаясь к Ясунеко. — И рад, что смог с вами встретиться. Жаль было бы упустить такой шанс.

— Не думаю, что я позволил бы вам его упустить, Орочимару-сан, — тоже улыбнулся Кайбье, глядя на меня и аккуратно покручивая на столе стоящую перед ним рюмку.

— Разве? — изобразил я удивление. — Мне казалось, что вы ищете место для переселения своего клана. Кажется, вы рассматривали Страну Железа или Страну Земли. Неужели хотели присмотреться и к Стране Звука?

— Скажу честно, сначала даже не думал о подобном, — похоже, что искренне признался Ясунеко. — Хорошая природа, густые леса, но все-таки многовато людей. И будет становиться только больше. Мне бы хотелось более спокойного места для дома.

— Да, менять шило на мыло было бы глупо, — согласился я.

Разумные животные в этом мире очень редко... Да что там, никогда не живут они вместе с людьми. Даже с близкими им кланами они не живут. Исключение составляют только насекомые Абураме и Камизуру да собаки Инузука, но то отдельная история. Первые имеют слишком нечеловеческий разум, вторые по интеллекту сильно уступают своим говорящим собратьям. Не могут разные разумные виды в этом мире ужиться вместе на одной территории. На самом деле, даже удивительно, что племена и кланы животных еще живы. Люди здесь на диво националистично настроены иногда бывают. Вот, вроде, живут в одном месте, мрут постоянно и не могут толком заселить доступное пространство, говорят на одном языке, выглядят преимущественно одинаково, а стран на континент — вагон и тележка.

Хотя в последние годы, нужно отдать должное, люди, как правило, целенаправленно животных не истребляют, просто тех постепенно вытесняют из их ареала обитания. У людей есть сельское хозяйство, они всеядны и быстро подстраивают природу под себя. Животные не выдерживают конкуренции. Далеко не все они живут в своих труднодоступных измерениях, как жабы, змеи и слизни, до многих со временем цивилизация добирается. Их охотничьи угодья сокращаются, жизненное пространство сжимается. Борьба за него с людьми, у которых есть шиноби, просто самоубийственно. Так и получается, что нужно либо с ними как-то договариваться, либо искать пока еще дикие места.

Когда-то, если верить архивам Роурана, все побережье Страны Огня было страной кошек, в честь этого места назван даже соседний континент, который поначалу первооткрыватели приняли за Мигуй-Талам, долину кошек. История почти идентичная Индии и Америке. И вот теперь от ниннеко осталось только два небольших клана. Вообще, расцвет всех разумных животных пришелся, как мне кажется, на период владычества Кагуи. А с ее запечатыванием люди вернулись в эти места.

Вот одна часть ниннеко сейчас обосновалась в своем поселении, чем-то напоминающем человеческую крепость, куда людям вход запрещен. Вторая жила в горах, пока до них не начали добираться согнанные с обжитых мест войной беженцы. Истреблять их Ясунеко пока постерегся, ужиться вместе шансов было мало — у горных ниннеко и так репутация плохая, были все шансы еще и усугубить ее массовыми убийствами. Вот он и решил поискать место для переселения.

По пути именно он случайно захватил корабль кирининов с каким-то важным грузом, чем вызвал поисковые операции в Черепашьем море и прервал бизнес контрабандистов, из-за чего секта джашинитов была вынуждена в итоге идти, подгоняемая Кемури, в Страну Мороза.

Это все я понял, проанализировав на совещании кучу мелочей, сопоставив обрывки имеющейся у меня информации. И вот теперь Ясунеко появился в Стране Звука и утверждает, что хотел бы встретиться со мной. Я более чем уверен, что изначально у него таких намерений не было. К этому его подтолкнули события во время путешествия.

— Из ваших слов, Кайбе-сан, следует, что вы все-таки пересмотрели свои взгляды насчет моей страны.

— Да, в пути я слышал много интересных историй о Стране Звука, и даже встретил... людей, знающих вас лично, — Ясунеко явно не случайно запнулся в своей речи. — Сейчас, посетив Отомуру, вижу, что многие слухи были преувеличением. Но все же те, встреченные мною люди были очень интересными, неординарными личностями.

— Говоря о слухах, вы имеете в виду те, в которых говорят, что по этому городу среди

людей ходят лисы и драконы?

— Их в том числе.

— Это и в самом деле преувеличение, — признал я. — По городу ходят они редко, работы много в храме. Но там их точно можно увидеть. Хотя хвосты и чешую они предпочитают прятать.

— О, про это я тоже слышал, — покивал Ясунеко. — Как раз хотел прогуляться до центра города, чтобы лично взойти по тысяче ступеней, но задержала гроза.

Раскат грома на улице и шум усилившегося дождя подтвердил правильность опасений Кайбье. В зале заметно потемнело, работники таверны поспешно закрывали ставни, слясь уберечь окна от порывов ветра. Пришлось щелчком пальца зажечь фонарь над столом. Пропитанный рыбьим жиром фитиль загорелся, издавая характерный аромат.

— На самом деле, мне бы хотелось, чтобы в моем городе наравне с людьми ходили и другие виды разумных существ, — произнес я с любопытством принявшемуся к запаху Ясунеко.

Сразу забыв о висящих в воздухе ароматах, Кайбье перевел заинтересованный взгляд на меня.

— На ваш взгляд в Стране Звука много людей, но мне так совсем не кажется, — пояснил я. — Пусть здесь не было больших сражений Второй мировой, пусть здесь быстро справились с эпидемией, но население после гражданской войны растет медленно. А рабочих рук не хватает, приток мигрантов имеется, но соседние страны, к сожалению, пережили минувшие кризисы с меньшим успехом. А так как мне совершенно без разницы, кто работает на благо Страны Звука, то я готов принять мигрантов самых разных форм и видов.

— В отличие от ниннеко в Сора-ку, нам не очень по нраву города, — признался Ясунеко, — Мы привыкли жить в горах. Город слишком развращает. Если в него попадут такие, как Рику, то это плохо кончится.

Спутник некоматы недовольно заворчал, еще глубже натягивая шляпу на голову.

— Дело найдется и за пределами города, — легко согласился я. — Было бы только желание. В конце концов, вечно бежать ни у кого не получается. Всегда приходит время остановиться и найти себе место. Так не лучше ли сделать это там, где все чужаки на земле, а не только ты один.

— Если это предложение, то оно любопытно, — поразмвслив немног, не стал отрицать Ясунеко, — мне нужно подумать над ним.

— Не спорю, — положив руки на стол, согласился я и собрался встать. — Ты не первый, с кем я говорю на подобную тему, и всем требовалось время на раздумия. Что ж, тогда предлагаю встретиться позже и обсудить все более обстоятельно на свежую голову. Послезавтра, в полдень, в храме.

— Постой, — мягко попросил Ясунеко, поймав мой взгляд. — Для лучшего обдумывания мне бы хотелось узнать одну вещь.

— Спрашивай, — согласился я.

— Мне часто приходилось слышать, что Рюджин-сама повелевает мертвецами, — поглаживая подбородок и задумчиво сощурившись, произнес Кайбье.

— Это не просто слух. И этим, кажется, тебя не удивить, — кивнув, заметил я.

— Слышал, что тебе достаточно спросить, чтобы мертвые отвечали.

— Не совсем так, но в целом, похоже на то.

— Так же слышал я, что ты сам посещал Чистый Мир, — не унимался Ясунеко.

Да уж, странные обо мне слухи курсируют. Впрочем, я иногда без всякой конкретики упоминаю в разговорах о своем опыте перерождения. Да и в Рюджинкё этому много внимания уделено так-то.

— Так получилось, что до Чистого Мира я пока не доходил, — честно ответил я. — Но часто заглядываю на путь к нему. Однажды, может, и там окажусь.

Ясунеко впери́л в меня внимательный взгляд, больше не задавая вопросов. Именно это ему было интересно? Любопытно. Нужно будет узнать, что его могло так заинтересовать. Не сейчас. Сначала поищу информацию в независимых источниках, а потом уже распрошу самого неkomату.

— Раз вопросов больше нет, тогда встретимся послезавтра, — негромко хлопнув ладонями по столу, подытожил я, поднимаясь и разрушая печать от подслушивания.

Мне кажется, этого Ясунеко даже не заметил, погрузившись в свои раздумья. Я же раскланялся с Рику, Ханой и Дайчи и, снова применив Хенге, направился к выходу, сопровождаемый Курамой и Чомеем.

— И для чего мы тебе были нужны? — с кислой миной на лице спросил Кьюби, когда я остановился у входа в идзакаю.

Я ответил не сразу, запрокинув голову к небу. Грозовой фронт уже проскочил Отомуру. Небо все еще было затянуто серыми тучами, низ которых был красиво порван в клочья порывами ветра. Подсвеченные заходящим солнцем обрывки облаков были по-особенному рельефны и массивны. Кажется, до них можно дотянуться рукой.

Ливень кончился, но мелкий дождик продолжал идти. Люди пока не торопились на улицу.

— Людей, разные их общины, бывает очень сложно заставить жить в мире друг с другом на одной территории. У каждой из них есть пусть и похожие, но свои культура и традиции, за которые они держатся с упорством, достойным лучшего применения, — произнес я, не оборачиваясь к биджу. — Собрать воедино Страну Рисовых Полей было сложно, но куда сложнее будет создать город, в котором жили бы ниннеко, нинкен, люди и прочие животные. Слишком разные внешне и культурно. Люди не способны ассимилировать отличный от них вид полностью просто физически, браки между ниннеко и людьми не приведут к появлению смешанного потомства. В таких условиях почти неизбежно появление обособленных анклавов.

— Ты хочешь, чтобы в Стране Звука все было иначе? — предположил Чомей.

— Именно. Мы создали котел, и теперь нужно разжечь под ним огонь, чтобы бросить разные виды в его чрево и переплавить их в монолитный народ, — повернувшись к Хвостатым, произнес я. — Народ, которому вы сами будете родными. Это будет интересным опытом... Не настолько интересным, как скрещивание кошек и людей на генетическом уровне, но на социальном — тоже неплохо. И это задача на века. Огонь под плавильным котлом нужно поддерживать и не давать его затухнуть. Я этим заниматься долго не смогу, так как настолько задерживаться здесь не планирую. Но вам неплохо было бы этому научиться. Все-таки, думаю, это в ваших интересах.

Глава 32. Дети Дракона

17 мая 46 года от начала Эпохи Какурезато

— Знакомый вкус, — с легким удивлением заметил я, пригубив горячий чай из предложенной чашки.

Я не эстет, в тысячах сортах чаев разбираюсь исключительно как в ингредиентах для различных лекарственных настоев или ядов, но хеморецепторы в этом теле слишком хороши. Не заметить знакомого, характерного вкуса и запаха я не мог.

— Это желтый чай из северных провинций Страны Чая, — сказала Узумаки Микан, также отпив напиток из своей чашки.

— Его любила Мито, — снова пригубил чай с необычным копченым запахом и вкусом. — Узумаки Мито, жена Хаширамы.

— Этот чай издревле поставлялся Узумаки как часть платы за защиту Страны Чая от набегов островных кланов шиноби, — объяснила Микан.

— Вот как? Значит, он достаточно ценен.

— Это один из лучших чаев в этом мире, — уверенно заявила Тахири, аккуратно поставив странный на мой взгляд фарфоровый чайник на длинной ручке на лакированный поднос.

Узумаки Тахири сегодня, как, впрочем, и всегда в главном доме септа Оками при моем посещении занималась обслуживанием почетного гостя. Меня, то бишь. Обычно-то старейшине Узумаки, Микан, по хозяйству помогали соседи. Вообще, их помощь и сегодня не помешала бы, просто потому что Тахири было немного затруднительно разнести чай и приготовить угощения к нему всем гостям.

Вместе со мной к Микан сегодня пожаловали: Чомей, Акичи, Котоширо и Узумаки Ояма. Навязчивые желания Курамы погулять и отдохнуть меня за последнюю неделю порядком достали, так что Кьюби сейчас на поруках Учиха Юко где-то в Отомуре. Не знаю, какие они там развлечения себе найдут, но, надеюсь, Кураме они понравятся, а Юко не позволит разнести мою столицу в случае каких-нибудь эксцессов. Зато вместо Кьюби за одним со мной столом сидели три нахлебницы — змеи из Рьючидо в своих антропоморфных ипостасях.

Все мы расположились в гостиной за низеньким деревянным столиком. Я во главе него, справа от меня Микан, Акичи, Ояма и Котоширо, слева Чомей и три змеи. На самом деле Котоширо оказался с нами случайно. Как я понял, он просто не вовремя пришел к Микан для обучения техникам своего септа, но раз уж оказался здесь, то пусть присутствует.

Тем более, что он вместе со мной участвовал в конфликте Амегакуре с Рококу. Сегодня как раз мне, среди прочего, нужно было узнать о своем случайном трофее из Страны Камня. Уже скоро полгода, как завершился конфликт в Рококу. Тогда чуть больше недели ушло на улаживание формальностей, на согласование пунктов мирного договора, на заключение новых договоров о сотрудничестве. В результате, среди прочего, Роен — странный зверь, способный поглощать чакру и по многим признакам похожий на биджу, оказался в моих руках. И вот уже несколько месяцев его изучением занимался созданный специально для этого отряд, руководить которым было поручено Ояме Узумаки. Сей молодой парень, которому в этом году должно исполниться двадцать пять, происходил из септа Мизучи и приходился троюродным братом Кушине. Его чакра так же обладала схожими свойствами:

была способна сковывать чужую энергию. Он был одним из лучших мастеров фуиндзюцу в Отогакуре и, пожалуй, одним из немногих, кто в силах, пусть ненадолго, но задержать биджу.

С Роеном он тоже справлялся, пусть и с командой поддержки, так что ему и было поручено руководить всеми экспериментами.

— Удалось узнать что-то новое о Роене, Ояма? — поинтересовался я у Узумаки.

В самих опытах я тоже периодически участвовал, но часто просто не хватало времени или возможности даже теневого клона отправить.

— Чего-то, о чем бы мы ранее не подозревали — нет, — сидя с прямой спиной, быстро ответил Узумаки, которому, по всей видимости, было неловко сидеть со мной за одним столом в нерабочей атмосфере. — Мы окончательно убедились, что существо не обладает разумом и не поддается даже элементарному научению. Оно реагирует на внешние стимулы, но надежных способов контроля над ним нам найти до сих пор не удалось.

— Запечатывание в подопытном так же не помогло?

— С этим вообще возникли сложности, — покручивая в руках чашку с чаем, ответил Ояма. — Обычно в людях запечатывают сильных существ в качестве дополнительного источника чакры... С Бьякуго немного иначе, но так или иначе все фуиндзюцу подобного рода служат резервом чакры. У Роена же собственной чакры не так много, ее исчерпание приведет к смерти зверя. Его сила в поглощении чужой чакры. Передать эту способность с помощью запечатывания... Я не знаю, как это можно сделать с сохранением контроля человека над Роеном. Так или иначе, для поглощения чакры нужно выпустить зверя.

Предсказуемый результат. Его можно было ожидать еще после первых экспериментов. Печально, конечно. Этот зверь выглядел внушительным, но не удивительно, что его использовали только в качестве самой крайней меры. Чемодан без ручки какой-то получается.

— Если есть задача, то есть и ее решение, — снова пригубив чай, заметил я. — И если не получается подчинить Роена привычными методами, то нужно разработать новые. Удалось ли узнать что-то о его природе?

— Ничего нового, — покачал головой Ояма. — Это сгусток чакры, наподобие биджу, но его природа немного отличается. Если сравнивать с Девятихвостым или Семихвостым, то он устроен по-другому. Такое у меня ощущение, хотя с Хвостатыми я все-таки близкого контакта имел не много.

— Акичи? — посмотрел я на главу Узумаки.

— Я изучила его чакру, — лаконично ответила девушка. — В ней есть нечто родственное силе демонов, но эта близость очень отдаленная. Не уверена, что мне не показалось.

— Мне известны только легенды о том звере, — не дожидаясь вопроса, сказала Микан, сложив руки на коленях, — но в них почти нет упоминаний о его происхождении. Во времена моей молодости клан посылал экспедицию за Роеном. Самого зверя тогда найти не удалось, но были собраны все известные о нем рассказы. Всех их я не помню, но в общих чертах выходит так: когда-то Роен был запечатан в камне, откуда его высвободили люди. Иногда упоминается, что он родился из этого камня сам. А дальше уже просто перечисляются различные нападения на селения и прочие бесчинства.

— Можно локализовать место, где он был, предположительно, запечатан. И где вообще распространены легенды о нем?

— Там же, где он и был вами обнаружен, Рюджин-сама. В Стране Камня.

— Чомей? — повернулся я к биджу.

Тот ответил не сразу, секунду изучая плавающую в его чашке чайнку.

— Сам я с ним не встречался, но Кокуо упоминал о встрече со странным существом, по описанию напоминающим Роена, — ответил, наконец, биджу. — Это было давно. Тогда Роен поглотил много чакры. А Кокуо пришлось уйти из своего храма. Я могу спросить его, но пока ничего не могу сказать.

— Тогда обсудим это позже, — кивнув, сказал я, переведя взгляд на чинно рассевшихся за Чомеем девиц. — Ну, а вы чем порадуете?

— Все, что нам известно, мы сказали еще в Стране Камня, — сохраняя предельно вежливый тон, ответила Ичкикишимахиме.

— Ладно, понятно.

Спросить бы самого Хакуджа Сеннина, но это слишком хлопотное занятие. Когда-нибудь я наведаюсь к этой змее, но боюсь, окажусь расстроен его информированностью. Как мне кажется, многие слухи о владыке Рьучидо знатно преувеличены. Как и обо мне, например.

— Рюджин-сама, если позволите, я еще скажу, — обратился ко мне Котоширо.

— Да?

— Мне показалось, что чакра этого зверя неоднородна. Мне кажется, он поглощает слишком много чужой чакры и не всю может переваривать. Поэтому он может напоминать и биджу, если те ему когда-то встречались, и ками. И вообще кого угодно.

— Гм, ты прав. Эту особенность его чакры я тоже заметил.

Из-за этой особенности, понять, кем являлся Роен изначально, сейчас может быть невозможно. И, значит, сложнее найти к нему подход. Можно ли попробовать дать ему какую-нибудь разумность? Можно ли насильно превратить его в предмет с помощью джудзюцу, сделав неким подобием Самехады? Или попробовать поглотить его с помощью техники Химеры, созданной Хируко? Пока получу ответы на все вопросы, боюсь, пройдет не один год. А усилить Отогакуре было бы неплохо прямо сейчас.

Сейчас, когда большие какурезато ввязались в войну, прежняя стратегия игры на их интересах действует не так эффективно. Она уже начала подводить с сентября, когда Коноха дала ход своей операции в Стране Звука. Теперь же риск того, что какая-нибудь из сторон конфликта введет войска в мою страну без оглядки на конкурентов, становится слишком велик. И в этом свете нужно от прежней стратегии отказываться. Пора показать силу Отогакуре. Не полностью, но так, чтобы отбить охоту ко мне лезть.

Хотя наверняка в ближайшее время придется поучаствовать в войне или отдельном сражении. Пока сила Отогакуре не будет продемонстрирована в деле, вряд ли иные какурезато будут оценивать ее по достоинству. И тут передо мной стоит сложный выбор. Просто дожидаться нападения глупо. Пока у противника есть лишь предположения о силе моей какурезато, этим можно неплохо воспользоваться. В свое время Страна Неба смогла нанести серьезный ущерб едва ли не всем пяти большим селениям шиноби и даже на время захватила Страны Чая, Волн, Холмов, Мостов и часть Стран Рек, Огня и Горячих Источников. Результат той стремительной экспансии, конечно, закономерен, но сам факт ее успешного начала впечатляет.

Я столь же жадным быть не собираюсь, мне пока хватит Стран Водоворота и части Страны Горячих Источников. Однако быть инициатором конфликта — это, во-первых,

наложит пятно на репутацию, во-вторых, может спровоцировать объединиться против меня другие какурезато. Последнее маловероятно, пока Райкаге на моей стороне, но я не уверен, что марионетку удастся поддерживать еще достаточно долгое время. Для меня выгоднее, чтобы конфликт со мной был спровоцирован другой стороной, как это происходит в Стране Водопада. Но там мне невыгодно начинать боевые действия, пока Ивагакуре и Коноха не понесут в войне достаточно серьезные потери. Переброска туда значительного контингента войск через Страну Железа или Гор может оказаться проблематичной. А еще проблематичнее выглядит экстренное возвращение этих войск, если под угрозой нападения будет уже сама Страна Звука.

Для меня желательно поучаствовать в сражении на территории Страны Горячих Источников или на ее со Страной Звука границе. Это даст мне повод открыто и под благовидным предлогом поучаствовать в дележе этого соседнего государства. Только вот там нет относительно безобидного противника, как Такигакуре. Исключительно монстры, вроде Конохи, Кумо и Кири. Начать регулируемый конфликт с Кумо? С марионеткой Райкаге это самый безопасный вариант, но я планировал воспользоваться им для заключения небольшого союза. Пока в Стране Мороза дайме и местные шиноби начинают мешать логистике Кумо, я мог бы на этом сыграть и предложить дообеспечение армии Облака в Стране Горячих Источников за счет ресурсов Страны Звука. Естественно, не за спасибо.

Остается Коноха и Кири. Н-да, тут и выбора нет. По собственной воле воевать против тех, с кем еще два года назад стоял в одном строю — мне это не по душе.

— Ладно, понятно, с Роемом пока ясно, — кивнув самому себе, произнес я. — А что на счет некоматы? Его интерес к загробному миру удалось объяснить, Акичи?

— Кое-что мне найти удалось, — кивнув, ответила девушка. — В летописях клана упоминаются ниннеко. К сожалению, это всего лишь отрывки, похоже, записанные на основе устных преданий, так как точности в них нет. Относятся они к мифической эпохе, когда на земле существовали и Сокоцунегами и Рикудо Сеннин. Упоминается, что наши предки получили некоторые знания о призыве от кошек. Раньше предполагалось, что речь шла о технике Призыва и заключении контракта первых шиноби со зверями. Но теперь некоторые слова наводят на мысль о призыве демонов. Также я нашла упоминания о раздвоенных кошках, которые живут на два мира. Наверное, речь шла о некоматах и их связи с загробным миром.

— Любопытно, — задумчиво прокомментировал я слова Акичи.

Теперь можно будет обсудить этот момент и с самим Кайбье. С некоматой я все же встретился официально. Переговоры о переселении части кошачьего клана в Страну Звука идут в положительном ключе. И, как мне показалось, вполне очевидно, что самого Ясунеко в моем государстве привлекали даже не столько обещанные мною права и свободы, сколько именно мое знакомство с потусторонним миром. Это интригует. Возможно, мне наконец попался тот, кто знает чуть больше, чем ничего о ками Узумаки. Не просто их возможности, а происхождение, их мотивы и причину, зачем понадобилось Хашихиме мне кланяться, в конце концов.

Здесьний загробный мир оказался слишком огромен. Найти в нем хоть что-то, просто слепо тыкаясь из стороны в сторону, сложно. Ориентироваться в нем я еще не научился, а разобраться с его тайнами мне нужно. Все эти непонятности с Коседжином, очередным ками Узумаки, которого они ассоциируют со мной, меня нервируют. Не люблю что-то не

понимать. Причем не понимать от слова совсем. В голову начинают лезть всякие ненужные и совершенно необоснованные теории. И та, которая объясняет все происходящее вокруг моим затянувшимся помутнением рассудка, пока мое тело доживает последние годы в вегетативном состоянии в реальном мире, еще не самая плохая.

В общем, у Узумаки Микан я провел еще чуть больше часа, обсуждая вопросы, касающиеся в основном истории, разумных зверей и монстров этого мира. Именно для этого я собрал всех, кто в данных вопросах был сведущ. Сама Микан — одна из старейших жителей Отогакуре, которой уже далеко за сто. За время жизни она многим важным событиям на сломе эпох была личным свидетелем. И, к слову, выглядела так, словно собирается дожить и до следующей эпохи.

Чомей, как и любой биджу, сам по себе живая летопись. Еще бы с памятью у него было так же хорошо, как у меня. Трех змеям из Рьючино также было значительно больше ста лет каждой. Акичи, Котоширо, Ояма и Тахири в нашей компании были сущими сосунками, н-да. Но по своему профилю они успели многое изучить.

Уже распрощавшись с Микан и ее внучкой, оставив Котоширо учиться своим родовым техникам, я жестом приказал змеям вернуться на место.

— Акичи, — позвал я её, замороженно наблюдающую за тем, как три девушки превратились сначала в змей, затем скрылись в моей одежде, чтобы обернуться серьгами и браслетом.

Почему-то у меня такое чувство, что скоро по Отогакуре начнет ходить очередная нелепая побасенка обо мне. Ладно, вреда от них не больше, чем прока.

— Да, Рюджин-сама, — отозвалась Акичи.

— Собери всех оставшихся корабельных мастеров клана, — попросил я девушку, шагнув под сень деревьев, накрывающих своими ветвями тропинку к дому Микан. — Сообщим им, что намечается много работы.

— Мы будем возрождать флот? — шагая вслед за мной вместе с Чомеем и Оямой, полюбопытствовала Акичи.

— Возрождать, это сильно сказано, — улыбка на моем лице в этот момент вышла, наверное, грустной. — Учитывая, что мы сейчас не в Узушио, то придется его создавать заново.

Когда-то, помимо фуиндзюцу, у клана Узумаки было еще кое-что, что дало им возможность сделать Узушиогакуре одной из сильнейших какурезато малых стран. А именно — связи со Страной Огня, которые позволяли закупать строевой лес без лишних наценок и квот. И могущественный флот, созданный из этого дерева, который просуществовал аж до Второй мировой. Само падение Скрытого Водоворота было финальным поражением на морском театре военных действий той войны, которому предшествовали многочисленные проигранные сражения на воде.

Корабли Страны Водоворота либо пошли ко дну, либо достались в качестве трофеев Кири и Кумо. Естественно, в Страну Звука ни один из них перетащить не удалось, зато среди Узумаки сюда пришли несколько корабельных мастеров. Учитывая, что кораблестроение в нынешних реалиях и при текущем развитии технологий можно сравнить по сложности и наукоемкости со строительством космических спутников в моем прошлом мире, приобретение это получше, чем сами корабли. Правда, воспользоваться им пока не представлялось возможности. Было бы трудно объяснить шпионам Кумо, откуда в Стране Звука мастера необходимого профиля. А скрыть верфи со строящимися на них кораблями

было бы еще сложнее.

— Да, точно, — немного поникнув после моих слов, согласилась Акичи. — Здесь нет ни верфей, ни подходящего леса для строительства кораблей. И обученных команд тоже нет.

— Построить верфь, думаю, не составит труда, так как с логистикой ее окружающей мы заморачиваться не будем, — заметил я. — Ты права, в Стране Звука мало строевого леса. И купить нам его никто не позволит. У нас также нет бетона и красок нужного качества, чтобы повторить опыт Страны Земли. Зато у нас есть Отохиме.

— Предлагаете использовать Мокутон, — догадалась Акичи.

— И даже больше, чем ты думаешь, — подтвердил я догадку девушки. — Задачей мастеров будет не столько постройка самих кораблей, сколько научить тонкостям ремесла Отохиме. Она должна понять принципы создания корабля, чтобы суметь вырастить его с помощью техники целиком. Как Хаширама в свое время выстроил Коноху.

— Это может быть сложно, — неуверенно произнесла Акичи, — но звучит многообещающе.

— Именно так, — согласился я, остановившись у окончания тропинки.

Дальше начиналась улица, и я собирался отправить Акичи заниматься делом, самому же мне предстояло покинуть квартал Узумаки и заглянуть в другие места Отогакуре.

— Я рассчитываю, что Отохиме окажется способной ученицей, — сказал я, глядя на Акичи. — На отстроенных же кораблях нужно будет начать подготовку команд. Думаю, этим тоже придется заняться Узумаки. Чувствую, эра парусного деревянного флота уходит, но постройку пароходов с помощью Мокутона обеспечить сложно, хотя обучить команду управлять им было бы проще. Так что нам нужны парусные суда с простым управлением, вроде джонки или шхуны. И люди, умеющие ими пользоваться. Остров Водоворота сам себя не вернет, Акичи.

Девушка не сразу осознала смысл моих слов, мысленно, похоже, выстраивая план действий для выполнения моего приказа. Но когда мои слова дошли до ее сознания, нужно было видеть, как засияли ее глаза, обращенные ко мне.

— Я поняла, Рюджин-сама! — решительно ответила Акичи, глубоко поклонившись мне.

— Ну, ты знаешь, что нужно делать, — кивнув в ответ, сказал я. — Идем, Чомей. Нам нужно заглянуть еще в один квартал.

Для Узумаки их родной остров все-таки имеет большое значение. Может, многие из них уже даже не вспомнят его. Более того, многие даже не видели его никогда. Но павшее Узушиогакуре все равно является для них символом былой славы и самого большого поражения. По преданиям самих Узумаки, на острове Водоворота они жили более тысячи лет, вся история их клана связана с ним. Утрата родины была для них большим ударом, фамильным унижением. Возвращение Узушиогакуре мечта всего клана.

— Ты умеешь мотивировать людей всего несколькими фразами, — с плохо читаемыми интонациями произнес Чомей, когда мы отошли от дома Микан. — Теперь я, кажется, понимаю, почему Курама встал на твою сторону.

— Курама — это тяжелый случай, — недовольно заметил я. — Он упрям, излишне горд и недоверчив.

— Это Курама, — пожав плечами, прокомментировал Чомей, — таков он был всегда.

— Но даже с ним можно договориться. У вас, биджу, не такие большие требования, чтобы склонить вас на свою сторону.

— Для тебя, возможно, они и в самом деле кажутся небольшими, — сложив руки в

рукава своего одеяния, покивал Чомей. — Твоя уверенность в своих словах и твоя сила подкупают. Твоим словам веришь. Мне это нравится. Не твоя убедительность, а то, что с ее помощью можно прийти к миру без лишних сражений.

— Ты не любишь сражаться? — задал я риторический вопрос, об ответе на который давно уже начал догадываться.

Способности Чомея явно говорят о его относительном миролюбии. Его броня во взрослой форме, ослепляющая способность, техника обращения в кокон — все это больше приспособления для обороны, а не атаки.

— Мне всегда казалось это лишним, — подтвердил мои предположения биджу.

— Неплохая позиция, на самом деле, — прищурившись, посмотрел я в небо, частички которого мелькали в листве нависших над тротуаром деревьев. — Надеюсь, за то, чтобы иметь возможность следовать своим желаниям и принципам, ты будешь готов защищать эту страну.

Несколько секунд мы шли в молчании, пока Чомей, наконец, не обронил:

— Да. Я готов защищать свою мечту. И Страну Звука, в которой я могу к ней приблизиться, тоже.

— Уже неплохо, — кивнув увидевшим меня шиноби, склонившимся в глубоких поклонах, произнес я в ответ на заявление Хвостатого. — Такие признания много значат, Чомей. Шиноби часто забывают об этом. Для многих из них страна — это лишь место жительства. Они готовы отказаться от нее ради своих идеалов, которые ниндзя просто не связывают с государством. Многие считают себя простым оружием, как Узумаки. Ты, наверное, этого не знаешь, но септы Узуме, Мизучи и Оками — все, кто принес известность клану, считаются лишь оружием, единственная задача которого защищать Иночи — септ, в котором воинов практически нет. Такая система у них сложилась издревле, и ее они вольно или невольно придерживаются, сохраняя свои традиции.

Мы с Чомеем вышли на границу квартала Узумаки. Нужные нам улицы находились совсем рядом. Идти было недолго, так что использовать техники перемещения я нужным не счел.

— На мой взгляд, когда человек... Да не важно, кто! Если он сражается за свою страну, которая является его частью, когда он сам является ее частью, когда она вмещает его мечты, когда она — его семья, тогда он готов защищать ее с большей отдачей.

— Как мне кажется, Узумаки очень трепетно относятся к своей бывшей стране, — заметил Чомей. — Возвращая ее им, ты вернешь им родину. И Страна Звука для них уже не будет такой родной. Я старался сторониться людей, но даже мне известно насколько плохо они помнят добро.

— Заметь, я среди людей живу, — вместо долгих объяснений, коротко ответил я.

Чомей хотел, похоже, спросить еще что-то, уже открыл рот, но тут же его закрыл. Наверное, понял, что я имел в виду. Я тоже понимаю риски возврата острова Узумаки. Вот только возродить Страну Водоворота я не собираюсь. Да и многие из клана и в самом деле никогда не видели даже этого острова, так что Отогакуре для них тоже станет неотделимой частью прошлого и, при правильном воспитании, будущего.

Когда-то моя мать, создавая Рюджина, объявила Узумаки, по какой-то своей прихоти и в рамках подготовки к их эвакуации из Страны Водопада, потомками Бога-Дракона. Что же, заблудшие дети дракона вернулись к отцу, и хотя бы этих детей я воспитаю как должно.

Правда, обещание вернуть остров Узумаки хорошо их мотивирует, только оно остается

лишь обещанием. Помимо кораблей, нужны будут и иные, скажем так, методы воздействия на Кири, чтобы шиноби отказались от доставшейся им по результатам войны территории. И с этим мне может снова помочь одно приобретение, полученное все в том же Рококу. Только не столь материальное, как Робен. Опыт применения пороха после анализа военной кампании Амегакуре выглядит более интересным, чем мне казалось ранее. При доработке тактики Рококу можно добиться больших успехов. Только есть у меня сомнения, что никто, кроме меня, анализ той войны не производил. Наверняка все какурезато сделали выводы об Аобико и методах противодействия оружию, основанному на нем.

Порох — штука интересная, это сконцентрированная энергия, которая доступна всем, вне зависимости от подготовки и резерва чакры. Проблема только даже не в том, что по результатам трехстороннего договора основная часть Аобико теперь продается в Амегакуре. В случае необходимости я мог бы организовать производство нитроцеллюлозы, классического бездымного пороха. Проблема была в том, что в текущих условиях Страна Звук могла производить лишь примитивные поделки, вроде дульнозарядных пистолетов. Для этого мира даже такое огнестрельное оружие — уже верх технологий, но против шиноби малоэффективно.

Низкая скорострельность, низкие эксплуатационные качества. Вообще, промышленность могла бы потянуть и заряжающиеся с казенной части орудия. Станкостроение кое-какое имеется, нужно только подтянуть метрологию, ввести унификацию, поработать с материаловедением, термообработкой металлов и металлургией в целом. И разобраться с унитарным патроном. Для конвейерного производства его нужно делать металлическим, а это пока немного дороговато даже для меня. Да и с материалом самого оружия нужно что-то придумать. Если делать пистолет или револьвер не из стали, то из бронзы. Раньше подходящий сплав найти не удавалось, сейчас, когда начато производство фосфора, идут работы по получению фосфористой бронзы, она, наверное, подойдет для огнестрельного оружия, но состав нужно подбирать. Только природных доступных запасов меди на моей земле мало, с первыми же образцами оружия я могу попасть под медное эмбарго. Мне этот металл и так неохотно продают и по конским ценам из-за большого спроса в Странах Большой Пятерки.

И для начала сам механизм нужно придумать! Учитывая, что в этом мире просто физически отсутствует инженерная школа, которая когда-либо занималась бы производством какого-либо огнестрельного оружия или патрона под него, это будет крайне нетривиальная задача. Я, конечно, могу припомнить устройство штурмовой винтовки, но далеко не полностью. И под нее нужно будет подобрать материалы... По примерным прикидкам выходит, что в лучшем случае лет через пять получится наладить первую серию чего-то более или менее пригодного для местных битв. И то при концентрации всех ресурсов на этом направлении, чего я физически не могу себе позволить. Значит, этот срок можно с чистой совестью помножить на три.

Нужно искать иной подход. А раз я не инженер, то придется начинать с понятных мне основ. Например, что есть оружие? Это средство доставки энергии с целью нанесения повреждений. В огнестрельном оружии часть химической энергии порохового заряда переходит в энергию пороховых газов, часть которой в последствии преобразуется в кинетическую энергию снаряда. Моя цель повторить эту цепочку.

Во-первых, источник первичной энергии. Если у меня не стоит целью вооружать простых людей, а повысить эффективность шиноби, то источником энергии может служить

даже самый никчемный генин, способный выпускать чакру через тенкецу. Да даже ученик первых курсов Академии может быть на такое способен. Накапливающие чакру фуиндзюцу известны и достаточно просты. Во-вторых, печати, испускающие накопленную энергию в виде некой техники так же известны. В принципе, оружие уже готово, но чем сложнее ниндзюцу, тем сложнее печать для нее, а это чрезмерно усложнит производство. Проще шиноби обучить тем же техникам. Значит, нужна печать, испускающая некую элементарную технику, но вбирающую в себя достаточное количество чакры. Что-то предельно простое и пригодное для массового производства, вроде Кибакифуда. Даже еще проще для компактности и без элементарной составляющей для простоты использования. Нужно просто разгонять этой чакрой всё ту же пулю.

И, значит, в-третьих, необходимо производство унифицированных нарезных стволов, пуль, обоймы к ним. Этаким бронзовый чакро-пистолет, ударно-спусковой механизм в котором будет заменен двумя фуиндзюцу и механика потребуется только при подаче снарядов. Создать такое инженерам будет гораздо проще. И нагрузка на металл меньше, чем при взрыве пороха. Можно даже обойтись без печатей, разработать ниндзюцу и обучить ему шиноби, но у генинов бывает плохой контроль чакры, на один выстрел без печатей у них будет затрачиваться больше энергии, чем с ними.

В целом при рассмотрении этой идеи получается не вундерваффе, конечно, но инструмент, значительно увеличивающий боевой потенциал низкоквалифицированных шиноби, которым можно заменить весь арсенал метательного оружия. Туда бы еще предохранитель придумать. Механический, чтоб понадежней. И систему идентификации и самоуничтожения, чтобы хотя бы разработка сразу же не утекла на сторону. Должно получиться нечто, вроде сильно упрощенной версии веера Мадары. Гм... Может, потребуются какие-нибудь особые материалы. И производство по-настоящему массовым не сделать: печати только умелому человеку поручить удастся. Зато в фуиндзюцу можно будет накапливать энергию перед боем, чтобы сам владелец оружия был отдохнувшим и полным сил во время сражения. Вообще, похоже, придется продумать много мелочей, но это уже именно мелочи, главное, есть концепт.

— Чомей.

— Да, Рюджин... сама? — запнувшись на именном суффиксе, посмотрел на меня биджу.

— Знал бы ты, с каким гением сейчас идешь рядом...

— Да? — теперь в голосе Нанаби читались явные нотки сомнения.

— Тебе повезло, скоро узнаешь. И узнаешь ты это, будучи на правильной стороне.

— Очень приятно это узнать, — дипломатично высказался Чомей.

— А знаешь, какая сторона правильная? — задал я вопрос, чтобы тут же с кривой усмешкой на него ответить: — Эта та, в которую не обращены дула автоматов.

Я, конечно, гений, но иногда мне кажется, что я привношу в этот мир слишком много... всякого. Не всегда это хорошо. Правда, автоматическое оружие вряд ли принесет глобальные изменения, а наверняка лишь немного повлияет на тактику ведения боевых действий.

Так или иначе, но на кону стоят сотни тысяч людей, которые вверили мне не только свою жизнь, но и души, и будущее своих детей. Страна Звука и Рюджинкё нужны мне и для достижения своих целей, но это не просто инструменты в моих руках. Мне нужно защитить мечту людей, которую я сам же и вложил в их умы и сердца.

С такими немного гнетущими мыслями я вошел в нужный мне квартал. Как-то так

получается, что я всегда сюда прихожу не в самом добром расположении духа. Сам квартал навевает что-то такое, наверное. Все-таки принадлежал он Кагуя, некогда самому ненавистному клану Страны Рисовых Полей и также, наверное, самому дикому клану в этом мире. Правда, с тех пор, как Кагуя потерпели поражение от Мицуко, многое изменилось.

В тот год три четверти всего клана в Стране Рисовых Полей было уничтожено. В живых остались лишь дети и немногочисленные женщины, которые не могли или не успели оказать сопротивление. В то время Мицуко была крайне нетерпима к мужчинам, так что среди детей тоже осталось мало мальчиков. Наверное, это можно назвать геноцидом.

Неприятно осознавать, что подобного рода деяние, пусть даже совершенное в отношении Кагуя, лежит на моей совести.

Квартал этого клана располагался по соседству с Узумаки и Чиноике. Эти два клана также часто враждовали с Кагуя в прошлом, но в первую очередь с семьями из Страны Воды. И у них не было такой же сильной неприязни, как у местных шиноби. С момента окончания гражданской войны прошло уже пятнадцать лет, сейчас уже жители Отогакуре относятся спокойнее к соседству с остатками бывших угнетателей, но все же лишний раз беречь старые раны не стоит.

Кагуя, по вполне естественным причинам, были не так многочисленны, как Узумаки. Их территория занимала меньшую площадь, но по стилистике квартал не сильно отличался. В первую очередь, их клан, и еще Шиин и Чиноике, могли похвастаться наличием аллей в своих кварталах и выглядящих старыми зелеными насаждений. Как я уже упоминал, Мицуко при основании Рюджинкё каким-то непонятным мне образом обозначила перечень «заблудших детей Рюджина», в который сначала вошли Узумаки и родственные им Шиин. Это было нужно для лучшего налаживания контакта с этими кланами и интеграции Рюджина в культурное пространство Страны Звука в частности и всего континента в целом. Но потом пришлось расширить список еще и кланами Чиноике с Хакамадаре, так как в моем теле явственно прослеживаются их кеккей генкай. Кагуя примкнули к этой группе в силу своей генетической близости к Узумаки. И, если честно, среди них как раз было много тех, кого можно реально назвать моими детьми.

И именно они сегодня ждали меня в центре своего квартала. Здесь, в окружении длинных одноэтажных зданий, которые по сути своей больше напоминали выстроенные в традиционном стиле казармы, нежели дома, располагался плац. Выровненная и укрепленная Дотоном площадка была покрыта выбоинами и кавернами от многочисленных ударов.

На ней, невзирая на припекающее солнце, занималось около сотни подростков. Все они были четырнадцати-пятнадцати лет от роду, имели белые волосы и схожие черты лица. В какой-то мере они были братьями и сестрами, хотя в большинстве своем родились от разных матерей и не имели, как таковых, отцов. Для их рождения мне потребовалось прибегнуть к биотехнологиям. К сожалению, естественным путем обладатели Шикоцумьяку рождаются крайне редко, и все, имевшие проявление данного кеккей генкай, на территории Страны Звука были уничтожены.

— Рюджин-сама идет! — крикнул первый заметивший меня подросток.

Остальным потребовалось около пяти секунд, чтобы выстроиться и синхронно склониться в уважительном поклоне и хором проскандировать:

— Приветствуем вас, Рюджин-сама!!!

В ответ я ограничился поднятой в салюте рукой, продолжая идти к намеченной цели, которая, завидев меня, и сама поспешила навстречу.

— Приветствую вас, Рюджин-сама! — поприветствовала меня в схожей манере искомая цель и стоявшие за ней люди.

Искал я нынешнего главу клана Кагуя, молодого юношу, которому в этом году исполнялось восемнадцать. Он был одним из немногих мужчин, переживших уничтожение клана. В то время ему было три года. Тогда он был еще слишком молод, чтобы оказывать сопротивление. Это его и спасло.

Звали его Тайши, одетый в форму шиноби, выглядел он вполне обычным парнем, на общем фоне выделялся только более широким и угловатым лицом. Волосы черные и коротко постриженные, на лбу две красные точки, взгляд решительный и волевой. Его воспитанием я часто занимался лично, так как Кагуя в целом на особом положении в Отогакуре. На особом контроле, если уж говорить откровенно. За спиной у Тайши шли две женщины в традиционных кимоно пурпурных и розовых тонов, обе во время резни клана были уже взрослыми. Одна из них являлась, собственно, матерью нынешнего главы, но не была урожденной Кагуя, ее захватили во время набега на клан Куроба, она приходилась племянницей Акаю и звали ее Акане. Вторая же настолько чистокровная Кагуя, насколько это вообще возможно. Кимико — дочь бывшего главы клана и невеста нынешнего.

— Здравствуй, Тайши, — поприветствовал я парня. — Скоро придет время твоему клану показать себя. Доволен?

— Радоваться войне не пристало, но мы готовы к ней, — решительно ответил юноша. — Ожидать ее было тягостнее. Пусть она принесет горе, но если она позволит разрешить грехи наших отцов, то так тому и быть. Мы готовы.

— Хорошо. Сегодня я посмотрю, насколько вы готовы, — согласился я с Тайши, поворачиваясь к нетерпеливо пожирающим меня взглядами беловолосым Кагуя. — Сегодня я проведу ваш экзамен. Каждый из вас сразится со мной в поединке. Я оценю ваши навыки и готовность к сражениям. Близится час войны. Это время станет шансом для вас искупить ваши долги перед Страной Звука. Искупить так, как это пристало Кагуя. Не униженными мольбами о прощении и не кротким покаянием. Вы силой завоюете свое место в сердцах жителей Страны Звука. Вы Кагуя, и вы докажете всему миру, что вы часть Страны Звука, часть Отогакуре и часть Воли Дракона. Вы кости этой земли, ваш рок — внушать благоговение. Отныне своей кровью и кровью врагов, спасенными жизнями соратников и прерванными жизнями захватчиков вы одержите верх над горькой памятью ваших предков и создадите новую историю великого клана Кагуя! Клана, который вызывает благоговение в сердцах друзей своей самоотверженностью и преданностью. И внушает трепет сердцам врагов храбростью и непреодолимой мощью. Клан Кагуя — банзай! Отогакуре — банзай!

— Банзай! Банзай! Банзай!!!

Удовлетворенно кивнув радостно скандирующим мне в ответ подросткам, я снова обратился к Тайши, глаза которого тоже горели нездоровым огнем возбуждения:

— Начинай подготовку к экзамену.

— Конечно, Рюджин-сама.

Тайши поспешил распределять очередь на поединок со мной, я же повернулся к Чомею.

— Они, конечно, подростки, но их все-таки многовато. Если я начну уставать, мне потребуется твоя помощь.

— Конечно, я предоставлю свою чакру. Если ты так уверен, что в силах с ней справиться.

— Ну, пока получалось.

Первый поединок у меня был с Юичи. Парень был самым старшим из группы владеющих Шикоцумьяку Кагуя и, как и все из них, пока не имел красных точек на лбу, которые они должны были получить только после прохождения экзамена. Все они родились как нормальные люди, но их генетический материал был собран лично мной. Даже их биологические матери, если уж вдаваться в подробности, не совсем им родственники. Отсюда и их внешняя схожесть. Юичи во многом походил на своих братьев и сестер: чертами лица, белыми волосами, бледной кожей. Они, на первый взгляд, напоминали толпу темных клонов одного человека, и эффект только усиливался из-за одинаковой одежды.

Вообще, с помощью биотехнологий можно было бы наштамповать огромное множество шиноби с самыми разными геномами. Вот только для их воспитания потребовалось бы столь же огромное количество ресурсов, как материальных, так и людских. К тому же, отношение к таким детям могло быть самое разное. При их большом количестве полноценным воспитанием каждого я бы точно не смог заняться, а это неминуемо вылилось бы во всевозможные психические проблемы. Неважно, насколько совершенный их генетический код, но я все же не настолько гений, дети остаются детьми. И их детские травмы растут вместе с ними, грозя обернуться в головах могущественных шиноби в большие проблемы. Так что, небольшая группа Кагуя с Шикоцумьяку была оптимальна для подобного рода восполнения численности армии Страны Звукa.

— Начали! — крикнул Тайши, сегодня выступающий в роли рефери.

Юичи мгновенно рванул вперед, показав отличную для своего возраста скорость. Сразу же на ходу с его плеч порывом встречного потока воздуха сорвало рубаху, которая слетела и с рук, повиснув лишь на поясе. Бледная кожа юноши буквально на глазах покрылась белой костяной броней. Лицо так же оказалось скрыто за костяной личиной демона.

Большая часть кланового искусства тайдзюцу Кагуя оказалась утеряна, мне его пришлось восстанавливать не без помощи запретных техник воскрешения. Все экзаменуемые сегодня владели одинаковой основой, но каждый из них привнес в свой собственный стиль что-то новое. Юичи, например, делал упор на улучшении своей защиты с помощью костяной брони и жестких, мощных ударах, заимствованных из Гокена и Раканкена. С его физической силой он мог превратить в отбивную своего оппонента всего за пару ударов. Естественно, со мной так быстро справиться он не мог. Для экономии своих сил я не стал прибегать к активации Шичи Тенкохо, но даже без него принять удар подростка не составило труда. Тело Белого Змея выносило побои от самой Цунаде, а это говорит о многом.

Бой затянулся минут на десять. Я мог бы завершить его гораздо быстрее, но нужно было оценить выносливость Юичи. Для этого пришлось погонять Кагуя на пределе его возможностей. Я и так не в восторге от идеи бросать в бой детей, которым нет еще и восемнадцати, но ситуация этого требует, так что пусть они будут хотя бы способны вернуться домой живыми.

Кагуя живут в Отогакуре вместе с остальными кланами. Далекo не всем это нравится, но мой и Мицуко авторитет останавливает их от выражения недовольства. Однако в приближающейся войне, если Кагуя в нее не вступят, недовольство вырастет многократно. Снижение качества жизни по всей стране, потери в сражениях — все это будет раздражать. А Кагуя, которые переживают битвы в Отогакуре будут раздражать особенно сильно. Пусть даже у них из взрослых имеется всего чуть больше пары сотен женщин и несколько десятков молодых мужчин.

И даже если я их всех отправлю в бой, они не смогут переломить отношения к Кагуя.

Это должны сделать те, кто для этого был рожден. То есть Юичи и его братья и сестры. Идеологически, психически и физически подкованные солдаты, которые с рождения только для этой цели и воспитывались. Можно сказать, они потеряли детство ради своего клана. Но, если честно, ни у одного ребенка из клана Кагуя в Отогакуре нормального детства как такового не было. Все-таки репутация и многолетние обиды сказываются.

Юичи оказался достаточно силен. Думаю, на уровне токубецу-джонина Конохи. Ему бы подтянуть ниндзюцу, тогда был бы полноценный джонин. Однако до моего уровня ему было еще далеко. Хотя если таких, как он, среди Кагуя сегодня будет много, то, чувствую, мне часто придется обращаться к Чомею за помощью. Моя чакра достаточно сильна и имеет уникальные свойства, но ее резерв далеко не бесконечен.

Поединок с Юичи закончился вполне закономерным поражением юноши. Его защищающая лицо маска разлетелась осколками после очередного моего удара. Мне удалось заставить парня исчерпать значительную часть чакры, частично ее попутно поглотив. Рухнув на землю, Юичи помотал головой, пытаясь прогнать туман из головы. Когда я склонился над ним, он с трудом смог сфокусировать взгляд на мне. Чувствуя, что сил сопротивляться просто больше нет, он все же попытался еще оттолкнуться от земли рукой, но та лишь подогнулась, заставив парня вновь распластаться на земле. Лицо Юичи в этот момент скривилось от горечи и отчаяния.

Стерев кровь из рассеченной брови, я коснулся двумя пальцами лба юноши, оставив на нем два неровных красных пятна.

— Ты прошел, — прокомментировал я свое действие, похлопав Юичи по плечу.

Парень сначала неверяще посмотрел на меня. Только после секунды осознания он расслабленно распластался на израненной земле. На лице расплылась счастливая улыбка, которая не пропала, даже когда глаза Юичи закрылись, а сам он потерял сознание. Наверное, я переборщил с поглощением чакры.

В тот день мне все же удалось провести экзамен у всех Кагуя, хотя, признаюсь, это было сложно. Однако я остался доволен и собой, и ими. Никто не подвел, все из них экзамен прошли. Впрочем, иного можно было и не ожидать, учитывая их подготовку. Но риск все равно оставался. Все-таки их было много и не всем я мог уделять достаточно внимания во время обучения.

— Страна Водопада раньше часто подвергалась набегам клана Кагуя, — внезапно заметил Чомей, когда мы с ним выходили из кланового квартала. — Мне приходилось видеть, как Такигакуре отражает их нападения.

— Да, Кагуя тогда не знали границ, — согласился я, попутно разглядывая мотивирующий плакат на стенде, на котором были изображены ирьенины.

— Они были бесстрашными и не знали меры в своей жестокости. И они внушали ужас, — продолжил свою мысль биджу. — Когда они были побеждены, многие вздохнули свободнее. Однако, увидев сегодняшний экзамен, я думаю, что они рано обрадовались. От прежних Кагуя у Такигакуре было бы гораздо меньше проблем, чем от нынешних. Сейчас они выглядят сильнее.

— Никто не просил Такигакуре ссориться со мной, — пожав плечами, заметил я.

— Может, и так, но я хотел сказать еще кое-что. Ты спросил меня сегодня, готов ли я сражаться за Страну Звука. Я ответил, что готов защищать свою мечту, — напомнил мне Чомей сегодняшний наш диалог. — Сейчас я начинаю понимать, что ты страшен не своей мощью, о которой говорят многие. Ты страшен своим врагам тем, что ты можешь дать мечту

своим союзникам. И они будут готовы сражаться за нее и за тебя даже после смерти. Это внушает уважение.

21 июля 46 года от начала Эпохи Какурезато

— Проснись, — пробился сквозь дрему далекий голос. — Акичи!

Оковы сна порвались в одно мгновение, стоило только прозвучать ее имени. Юная глава клана Узумаки широко распахнула глаза, автоматически перехватив тянущуюся к ней руку. К счастью, ей удалось вовремя обуздать рефлекс, и захват не завершился болевым приемом. Медленно отпустив руку разбудившего ее Котоширо, Акичи взглядом попросила прощения у парня, уточнив:

— Что случилось?

— Дозоры столкнулись с противником, — взглянув в направлении востока, ответил Котоширо. — Пока бои идут вне зоны моей сенсорной техники, но по сообщениям количество шиноби Кири значительное. Будь наготове.

— Поняла, — поведя затекшими плечами, ответила Акичи. — Ты тоже береги себя.

— Постараюсь, — кивнул в ответ Котоширо, прежде чем исчезнуть в короткой алой вспышке.

Акичи еще секунду бездумно смотрела в пустоту, прежде чем окончательно проснуться. Уже трое суток происходят столкновения с силами Тумана. То есть уже трое суток она не могла нормально выспаться. И ведь саму главу Узумаки дергали не так часто — ее первоочередной задачей было противодействие примкнувшим к Киригакуре джашинитам, а конкретно Рюдану, тому самому культисту, который недавно принес в жертву своему богу едва ли не население целого города. Он сумел получить благословение Джашина и теперь представлял из себя одну большую проблему, но на передовой появлялся нечасто, не рискуя встречаться с Акичи, словно чувствуя угрозу от нее.

Зато у Котоширо работы было невпроворот, его умения были крайне востребованными. Акичи начинала переживать, что ее бывшего напарника по отряду просто загоняют до смерти. Однако столь превосходный сенсор, владеющий пространственно-временной техникой, в Отогакуре был лишь один, и его способности существенно облегчали сражения на территории Страны Горячих Источников, где пока не было надежных линий связи и над которой пока не было единой сенсорной техники, как в Стране Звука.

Поднявшись на ноги, Акичи попрыгала на месте, присела и помахала руками. Ее отряд занял безымянную высоту в приграничном районе, оборудовать ее под нужды шиноби пришлось на скорую руку, так что и спала девушка прямо в экипировке и на лежанке из веток. Из-за этого и из-за вчерашних нагрузок, мышцы немного затекли и ныли. Еще и крепления разгрузочного жилета ослабли.

Так на ходу и поправляя экипировку, Акичи разбудила еще троих Узумаки, которые фактически были ее телохранителями. К командиру своего батальона, Хачи из клана Фума, явилась девушка только спустя минут пять. Была середина лета, вечер, жара, а шиноби хоть и способны подстраивать организм к температурным перепадам, но Акичи все же чувствовала себя гораздо лучше, хотя бы умывшись холодной водой, чем и занималась, прежде чем направиться к палатке командира.

На самом деле, не палатке даже, а натянутому меж деревьев брезентовому тенту, под которым Хачи Фума и Нару Шиин прятались от проникающих сквозь листву кривеньких деревьев лучей солнца. Здесь же на застеленном все тем же зеленым брезентом на скорую

руку сколоченном столе хранились карты местности с отмеченными схемами передвижения отрядов.

— Акичи, — подняв взгляд поблекших от возраста глаз на девушку, вместо приветствия Фума поманил ее рукой, — смотри. Кири наступает широким фронтом. Есть риск, что сегодня придется вводить в бой резерв. Так что охота на Рюдана пока отменяется.

Подойдя к командиру и посмотрев на карту, Акичи увидела, на что указывал Фума. Читать современные карты Отогакуре из-за обилия отображаемой на них информации у девушки получалось не так хорошо, как хотелось бы, но даже ей были понятны схематичные обозначения контакта дозорных групп с силами противника и стрелки, указывающие направления передвижения войск с небольшими цифрами, обозначающими примерную численность отрядов.

Первые бои начались еще три дня назад недалеко от Югакуре, с тех пор силы Отогакуре были вынуждены отступать к границам родной страны, так что маршруты движения отрядов уходили далеко за край карты. Новые столкновения произошли на берегах притока реки Акаю, благодаря красным водам которого она и получила свое название. Судя по горизонталям, дозорные группы удерживали доминирующие высоты.

— Киригакуре получило подкрепление? — оценив напряженность на фронте, спросила Акичи.

— Похоже на то, — согласился Хачи, подхватив со стола циркуль и снова нагнувшись над картой, он с задумчивым видом отмерял расстояние между несколькими точками. — Да, расстояние велико... Либо в бой введены резервы, о которых мы не знали, либо силы переброшены с другого фронта.

— Кири начало большую операцию в Стране Мороза, на побережье Янтарного залива Страны Горячих Источников и здесь, — заметил Нару Шиин, обмахиваясь деревянным веером. — Туман слишком расплыл свои силы. Сражения Кумо и Кири в на северном фронте и в Янтарном заливе затягиваются. Так же Рюджин-сама начал оказывать не только материальную, но и военную поддержку Кумо на том направлении. Однако, как и предсказывал Рюджин-сама, на западном побережье Страны Мороза появились корабли Ивагакуре. Пока до нас доходили сообщения только о начале десантной операции, но появление Камня могло заставить Облако отвести часть своих войск с фронта. Это высвободило бы силы Кири, позволив усилить их позиции на нашем направлении.

— Гм. И почему же им тогда не ударить по Стране Звука этими высвободившимися силами на северном направлении? — уточнил Фума. — Переброска отрядов с побережья Янтарного залива к нам — это не сложное дело для Кири, но все равно такой марш-бросок отнимает силы шиноби.

— Возможно, они перешли в наступление и на севере, — нахмурившись, Нару отложил веер и потер переносицу. — С появлением Ивы Туман достиг своей тактической задачи на северном направлении: прервал наступление Кумо и нарушил снабжение войск Облака из Страны Звука. Сейчас, на мой взгляд, их задача — оборвать любую возможность возобновления снабжения. То есть нанесение поражения Отогакуре. Для этого Туман мог перекинуть войска на западное направление и начать наступление вдоль побережья и по приграничному тракту.

— И даже в таком случае, учитывая, что на побережье обороной Страны Звука занимается лично Рюджин-сама, логичнее сконцентрировать все имеющиеся резервы там, — не согласился Хачи Фума.

— Именно потому что там Рюджин-сама, логичнее вести наступление с двух направлений. Пока часть сил сдерживает его на побережье, другая — наступает с юга. Это может заставить Рюджина-сама либо отступить для соединения армии, либо самому постоянно находится на двух фронтах с помощью Теневого Клонирования, что ослабит его силы в два раза.

— Это уже походит на правду, — подумав, вынужден был признать Фума. — В таком случае, у нас проблемы. По этой схеме по двум направлениям должны выдвинуть примерно равные по боеспособности силы. Однако с нами нет Рюджина-сама. С нами только Мейродоно и Курама-сан, они обе сильны, но хватит ли этого? Потому что, боюсь, раз с нами нет Рюджина-сама, то против нас могут отправить джинчурики.

Акичи взволнованно сжала кулаки. Джинчурики Киригакуре она уже встречала в молодости. В тот же день ей пришлось покинуть Узушио.

— После случаев с той девчонкой из Конохи... Кушиной, так ведь, Акичи? Да, после произошедшего с ней и Семихвостым биджу в Такигакуре Туман опасался выводить против Рюджина-сама своих джинчурики, но против нас это сделать им ничего не мешает, — развил свою мысль Фума.

— Кири только недавно запечатала одного из своих биджу и наверняка его джинчурики еще нельзя использовать, — вспомнил Нару.

— И один такой монстр — уже проблема, — покачав головой, заметил Хачи. — Акичи, он может стать для тебя и всех Узумаки более важной целью, чем Рюдан.

— Благодаря поимке Кьюби и помощи с тренировками Чомей-сана у нас теперь больше опыта противодействия силам джинчурики и биджу, — решительно ответила девушка. — Со мной нет Оямы, но его Фуинбутай под командованием Инаги здесь. Если никто не будет им мешать, то одного джинчурики они сдержат.

— Поле боя — это такое место, где постоянно кто-то кому-то мешает, — грустно рассмеялся Фума в ответ. — Но при удаче и правильном планировании мы можем что-нибудь придумать.

***

С сомнением посмотрев в небеса, Мизукаге вновь перевел взгляд к лежащей перед ним карте. Ее, как и многие другие, выкупили в Югакуре так как своих точных и актуальных карт Страны Звука в Кири не было. Ранее никто не предполагал, что они могут понадобиться, что со стороны Страны Звука вообще может исходить угроза, которую нельзя будет решить быстрым ударом.

Поэтому сейчас приходилось пользоваться посредственными изображениями местности с крайне скудными топографическими данными. Хотя еще с началом производства вакцин на территории Страны Звука Мизукаге стоило озаботиться подготовкой если не полноценного вторжения в смешавшее его планы государство, то крупномасштабных диверсий в нем.

На поиск подходящего вируса и его распространение ушло много ресурсов, а нужной цели тогда достичь все же не удалось. Страна Звука смогла на удивление быстро организовать производство вакцины. Саботировать ее использование тогда также не удалось, так как к методам клана Ринха имелось некоторое доверие. Даже вызвать разлад в зарождающейся Отогакуре, кажется, не получилось, так как те самые Ринха при производстве вакцины не были вынуждены приносить в жертву своих детей, или как они там раньше с болезнями справлялись.

В общем, Страна Звука давно была зудящей занозой, к операция против которой стоило подготовиться заранее.

— Кажется, здесь слишком много красноволосых, — недовольно пробормотал Мизукаге, проведя пальцем по неровной линии занятых противником точек.

— Нашлась пропажа? — предположил стоящий возле Мизукаге крепко сложенный джонин, участвовавший еще в нападении на Узушиогакуре.

— Как знать, — прикрыв глаза, качнул головой Мизукаге. — Здесь же прятались эти... Шиин? Они родственники Узумаки. Может, к ним часть из них и сбежала. Если это так, то одной проблемой у нас больше.

— Пока все идет неплохо. Они продолжают отступать.

— Но наступление замедлилось, — заметил Мизукаге, указав пальцем на черную линию реки на карте. — Продвижение вдоль русла потеряло темп. Река берет начало из Джигокудани, и обычные техники Суйтона с ее красными водами не всегда работают. Зато их каким-то образом подчиняют для своих техник Чиноике. Когда-то с помощью такой воды они остановили Учиха. Правда, считалось, что потом все Чиноике передохли, но теперь нашлись снова.

— Чиноике, Узумаки... Заповедник недобитков, — пренебрежительно фыркнула куноичи, чье лицо закрывала маска оинина.

— Похоже на то, — не стал отрицать Мизукаге. — Но подавляющее большинство шиноби Тумана специализируются на техниках Суйтона. Без источника воды для них мы лишимся преимущества. Нужно начинать развертывание переведенные с севера частей. У них была целая ночь на отдых, сейчас нам нужно срочно прорвать оборону и закрепиться на переправе через нормальную реку, возле того озера, — снова ткнув пальцем в карту, произнес Мизукаге. — Пока Белый Змей не понял, где мы сосредоточили основные силы, этим нужно пользоваться.

Сложив руки на груди, Мизукаге вновь посмотрел на небо. В нем во всю палило солнце, обильно согревая землю. Горячий воздух почти не шевелился, стоял штиль. И только далеко на горизонте виднелись белые перистые облака.

— На уступах старого обсидианового карьера замечены временные укрепления, — заметил Мизукаге, вновь переведя взгляд на карту. — Ото не просто заповедник недобитков, это крайне малонаселенная какурезато. Они могли расположить на уступах метательные орудия для компенсации нашего численного преимущества. Станковые арбалеты. Или, может, те поделки из Страны Камня. Судя по данным разведки, Орочимару тесно сотрудничает с Рококу, где производят новый взрывной порошок.

— Все эти метательные устройства сложны в обслуживании, — задумчиво произнес джонин. — У каждой установки должен быть расчет человек в пять. Опытных шиноби на такую работу не обрядят, значит, там генины. Или вовсе простые люди. В Стране Звука их привлекают к службе.

— По опыту войны Амегакуре с Рококу, и самые последние неучи могут доставить проблем. И у них должно быть нормальное прикрытие, — недовольно покачал головой Мизукаге. — С уступов можно перекрыть большой участок южного ущелья, по которому очень неплохо было бы выйти на Курокаву и переправу через нее. Необходимо тщательнее работать по позициям масштабными техниками. Оползни так же обезопасят от возможных мин. Нам не нужны очередные заминки.

Кампания этого года в Стране Горячих Источников и так не заладилась с самого начала.

Еще с прошлого года, когда Кумогакуре неожиданно разорвало все договора и устроило засаду в устье Косакавы. После этого пришлось едва ли не заново захватывать уже почти полноценную первую колонию Страны Воды на западном континенте. В зимний период у Кумо было огромное преимущество в Стране Горячих Источников — у них был прямой наземный путь в нее. Пусть некоторые перевалы в Стране Мороза пару месяцев были практически непроходимы, но преодолеть эти препятствия было проще, чем шторма на море.

Тогда, к счастью, Кумо мешала Коноха. Правда, она же мешала уже Кири, когда в войне произошел перелом из-за большого теракта в Стране Мороза, устроенного местными культистами. Проблему решить удалось только союзом с Ивой, которая вынудила Коноху временно перевести большую часть своих сил из Страны Горячих Источников на север Страны Огня. Камень же помог прервать снабжение Облака из Страны Звука. Такая помощь, естественно, имела цену, но цель того стоила.

Все в этом мире имеет свою цену. И решение поддержать в войне Кумо и противопоставить себя этим Кири тоже имело свою цену, которую Орочимару предстоит заплатить.

Наверняка он сам предполагал наступление Тумана на Страну Звука по северному направлению. А его стратеги ожидают здесь, на южном направлении, что главная линия атаки пройдет по руслу притока реки Акаю. Но раз они этого ждут, то стоит их удивить. Хотя полностью расстраивать их ожидания тоже не стоит. Наступление по реке продолжится, но иными силами.

— Начинайте подготовку к наступлению. И передайте сообщение джашинитам, чтобы начинали действовать, — приказал Мизукаге, вновь посмотрев на небо, в котором тонкая полоска туч становилась все ближе и темнее. — Эти бродяги, *санка*, не подвели. Когда-нибудь я узнаю, как у них получается управлять погодой, но пока мне хватит и просто вызванного ими дождя.

***

По небу прокатились первые раскаты грома, когда Рюдан и его последователи вышли к реке. В стремительно покрывающих небосвод тучах словно камни перекатывались от горизонта к горизонту. Порывистый ветер рвал листья с жидкого кустарника, жмущегося к руслу. По охристого цвета камням с журчанием перекатывалась мутная, красновато-оранжевая вода.

Рюдан родился и вырос в Стране Горячих Источников, здесь он прожил все тридцать лет своей жизни и знал местность довольно неплохо. Река была притоком Акаю и брала начало в Джигокудани, ее цвету не стоило удивляться, но его стоило опасаться. Воды в ней были ядовиты, не всякое растение могло вырасти на этих берега. Животные и люди тоже предпочитали держаться от реки подальше, но некоторые извлекали из нее пользу.

Когда-то алые воды Джигокудани спасли от Учиха клан Чиноике. Но похожие воды также дали новую жизнь ритуалам Джашинкьё.

— Рюдан-сама, мы готовы к ритуалу, — сообщил подошедший сзади юный культист.

— Хорошо, — спокойно ответил Рюдан, глубоко вдохнув пахнувший металлом влажный воздух.

Аромат был очень похож на запах крови. Некогда считалось, что в Стране Горячих Источников выходят на поверхность реки ада, кипящие и насыщенные кровью. Сейчас уже немногие вспомнят эти легенды. Джашинкьё, родившееся в далекие времена, с каждым

годом теряет все былые знания, приходит в упадок. К Джашину приходит все меньше людей, в них все меньше таланта и умений, часто ими движет лишь алчность. Немногие последователи смогли научиться хоть чему-то полезному от самого Рюдана, но отказываться от них в такой сложный период он не мог.

— Тогда нам пора приступать, — кивнув самому себе, решил Рюдан.

Сообщение от Мизукаге уже пришло, можно начинать. Развернувшись спиной к реке, Рюдан увидел толпу боязливо жмущихся друг к другу людей. Киринины собрали их в близлежащих землях, согнав к границе со Страной Звука и не особо проявляя жалость. Это были едва держащиеся на ногах старики, крепкие каторжники с соляных рудников, городские шлюхи и бездомные, попадались монахи, чиновники и даже пленные шиноби. Всего около тысячи человек, которые были не нужны Стране Воды и которым Мизукаге нашел лучшее применение.

Киригакуре устанавливало на покоренных территориях жесткие правила, возвращая в населении страх и всеобъемлющее подчинение себе. Но они также смотрели на эту землю чисто с практической точки зрения. Приезжающей с островов новой администрации были не особо нужны лишние рты, не способные работать. При первой же возможности от них избавлялись.

Перед Рюданом были как раз такие люди. И будь у Мизукаге больше времени на подготовку наступления, то людей было бы больше. Возможно, союз с Кири был одним из самых выгодных для Джашинкё за все последние годы. Сейчас главное не упустить ту грань, за которой уже сами джашиниты станут такими же ненужными для Киригакуре, как и люди, стоящие перед Рюданом.

Взглянув в испуганные и хмурые лица в первых рядах толпы, жрец ласково улыбнулся и громко произнес:

— Не стоит бояться. Вы преодолели тяжелый путь, но теперь все беды уже позади. Отныне вас ждет только лучший из миров, — сложив руки вместе и сформировав нужную печать, Рюдан в радостном ожидании отпустил циркулирующую в нем чакру. — Да начнется ритуал!

До ушей долетел шум льющейся позади воды. Ее холодные волны лизнули ноги и помчались вперед, охватывая алым кругом испугано вскрикнувших людей. Наверное, они бы побежали в страхе перед неизведанным, но маячившие неподалеку киринины страшили их сильнее.

Алые воды быстро замкнули круг вокруг начавших толкаться и испугано кричать людей. И так же быстро они помчались к центру, скользя меж людей и облизывая их стоптанные пятки, чтобы в одно мгновение пронзить внезапно появившимся шипами кожу. Кровь замкнулась, и теперь они стали едины. Изменив ручную печать, Рюдан перешел к завершению ритуала. Теперь он не просто слышал голоса испуганных людей, их крики боли. Он чувствовал их боль! Их приближение к границам смерти. Это ощущение приносило неопишное наслаждение. От накатившей истомы лицо Рюдана исказилось в улыбке. Достаточно одного лишь желания, одного движения мыслей — и все эти сотни людей будут погибать в муках, ощущая, как кровь в их жилах заменяется токсичной водой. Как разрываются сосуды, лопаются в них эритроциты, как медленно уходит их жизнь. Очищающие муки! Последняя жертва перед истинным блаженством Чистого Мира!

Но нет. Пока рано. Эти счастливицы получают смерть, но потом. Кожа Рюдана и кожа жертв почернела, на ней проявился белый рисунок костей. Алая вода схлынула, упав на

землю и исчезнув среди камней, впиталась в почву.

— Вперед! Настало время отомстить неверным! — выхватив кусаригаму и воздев ее лезвие к небесам, радостно завопил Рюдан. — Поклоняющиеся лжебогу сеют ересь в умах людей, они грешны! Но Джашин милостив. Их никчемные жизни лягут на алтарь Джашина-сама!

В небе раздался очередной раскат грома, сотрясший тучи. На землю начали падать первые капли дождя. Через несколько секунд они превратились в полноценный ливень. Алая вода в реке словно вскипела, вспенилась под ударами дождя. С утесов и склонов потекли новые рыжие ручьи.

Рюдан заметил, как прорываясь через пелену ливня, пролетел над головой бесформенный ком воды огромных размеров. Он с грохотом врезался в далекие скалы, взрываясь многочисленными водяными жгутами, которые неистово и хаотично врезались в камень. В воздух взлетели осколки скал, с угрожающим гулом сотрясая землю, с горы начали катиться выбитые техникой Киригакуре валуны.

Это было началом сражения. Рюдан вел свой бесстрашный отряд прямо в гущу продолжающих взрываться техник Суйтона. Казалось, в этом водяном аду не могло выжить ничто, но на той стороне тоже были шиноби. Только дальнобойными техниками их отступить не заставишь.

Преодолев несколько сотен метров по пробитому водой ущелью в горах под прикрытием дальних ударов кирининов, отряд зомби вышел к водяной стене. Алой, поднятой из реки. Об эту красную технику бессильно разбивались техники Суйтона Киригакуре, которые постепенно сходили на нет из-за опасений задеть свои отряды. И в эту стену из воды бесстрашно ворвались толпы зомби, с нечеловеческой яростью набрасываясь на прячущихся за ней людей.

Рюдан не был сенсором, но интуиция быстро подсказала ему, кто может быть самым опасным среди этих шиноби Отогакуре. Этот ниндзя гордо стоял под шквалами ливня и ветра, спокойно сложив руки на рукояти спрятанных в поясные ножны прямых мечей. Он бесстрашно стоял на черном валуне, надменно наблюдая за тем, как приближаются к нему по смытой со склонов гор техниками Стихии Воды грязи тысячи зомби и шиноби. Этот шиноби был девочкой-подростком лет шестнадцати в стандартной для Ото полевой форме.

Интуиция редко подводила Рюдана. Если ребенок кажется опасным, то он должен умереть. Джашин-сама примет его боль и очистит душу от ложной веры!

По воле культиста на гордую девчонку накинута сразу с десятков зомби, еще столько же своими телами пробивали к ней путь, просто своей массой расталкивая защищающих ее шиноби. Попавшие под джудзюцу бывшие крестьяне не могли сравниться по боевой мощи с ниндзя, но они были сильны и не боялись смерти. Даже джонину не выжить под их атакой, они просто раздавят его, даже порванные в клочья они будут пытаться его задушить и затоптать. Тем более не у многих не дрогнет рука при необходимости убить обычных гражданских.

Набросившийся на девчонку десяток монстров удостоился от нее лишь бесстрастного взгляда. Через секунду их изрубленные на ровные квадратики части упали на землю, по инерции катясь по мокрой земле вперед. Пальцы зомби продолжали бессильно сжиматься, дергались обрубки мышц, содрогались сердца, лилась из разорванных сосудов кровь, но пользы от них было не больше, чем из разбрызганного по камням содержимого их кишок.

Юная шиноби пренебрежительно взмахнула в воздухе оказавшимися в ее руках

клинками. Голубоватая сталь сверкнула, разрезая потоки ливня. С острых клинков сорвалось еле видимое марево, моментально разбившее в белую пыль капли дождя. Лезвия техники Футона оставляли за собой полосы из мелких брызг, они врезались в тела зомби, расчлняя их, орошая землю потоками крови, которую тут же подхватывали бурные ручьи или поглощали грязные лужи.

— Безжалостная шлюшка! — со смесью восторга и ярости крикнул Рюдан, сам набрасываясь на противницу.

Он чувствовал смерть своих слуг, они были живы и умирали в муках под ударами этой девчонки. Джашин-сама должен быть доволен. Но еще больше радости ему принесет смерть поклоняющихся лжебогам!

Коса кусаригамы сорвалась с рук Рюдана, устремившись к телу куноичи. Достаточно всего капли крови, и жертва Джашину будет готова.

Его тело врезалось в невидимую стену. Воздушный молот ударил в грудь и переломал кости, разорвал внутренние органы. Чудовищная боль затопила разум, изо рта и носа вырвался поток пенящейся крови из пробитых легких. Тело покатилося по камням, но было вдавлено в землю ударом тонкой девичьей ножки. Подкованный каблук кожаного сапога продавил переломанную грудную клетку, смяв легкие и сердце, заставив Рюдана исторгнуть новую порцию крови.

— Мальчишка, ты еще не дорос, чтобы повышать на меня голос, — долетели до Рюдана приглушенные ливнем слова. — Глупость должна быть наказана.

Резкая боль в районе шеи заставила мир вновь закувыркаться. Голова Рюдана катилась по камням. Она остановилась, завязнув в грязи, упав набок в луже. Вода затекала в уши и закрывала один глаз. Но другим он видел, как куноичи пренебрежительно отпнула обмякшее обезглавленное тело, вновь занявшись хладнокровным уничтожением зомби.

Интуиция не ошиблась, она была опасна. Очень сильна и неуловимо быстра. Рюдан даже не заметил, когда она оказалась возле него.

Поморщившись от затекшей в перерубленную глотку холодной и грязной воды, культист воспользовался техникой, передав часть своих травм одной из марионеток. Он мог жить с переломанными костями, но двигаться без целого скелета было неудобно. Голову на место вернуть одной техникой не получалось, но этого и не нужно было. Достаточно просто иметь возможность снова двигаться.

Кусаригама настигла девчонку в тот момент, когда она была занята двумя шиноби Киригакуре. И даже так она почти смогла отбить атаку. Лезвие косы лишь самым краем задело руку девушки. Быстро отскочив от контратаки, Рюдан схватил свободной рукой свою голову.

— Сколько тебе лет, чтобы судить меня, девочка, — издевательски крикнул джашинит куноичи, ловким движением притянув к себе кусаригаму за цепь.

Дождь стал менее интенсивным, но даже так был риск, что его капли смоят кровь с лезвия косы.

— Значит, ты Рюдан, — нисколько не удивившись внезапно ожившему трупу, холодно произнесла куноичи. — Рюджин-сама говорил, что убить тебя будет непросто. Моя ошибка, что я этого не заметила сразу. Похоже, возраст дает о себе знать.

— Девчонка, у тебя проблемы с головой, а не с возрастом, — рассмеявшись, произнес Рюдан, поднеся голову к окровавленному лезвию кусаригамы. — Глупость должна быть наказана! Вера в ложного бога должна быть наказана!!!

— Мой бог не менее истинный, чем твой. У каждого из нас свое благословение, кто-то не может нормально сдохнуть, а кто-то не стареет, — спокойно заметила девушка. — Только Рюджин-сама более велик, чем твой Джашин. Бог-Дракон — хозяин этого мира. И твоему Джашину нужно знать своего господина.

С ненавистью посмотрев на посмевшее осквернить имя истинного бога ничтожество, Рюдан слизнул алые капли с клинка кусаригамы. Крови под ногами было с избытком, создать символ Джашина не составило труда. Железный вкус крови на языке, как всегда, был божественно прекрасен. Ощущение грядущей боли жертвы, ее медленной смерти пьянило и заставляло нервы трепетать от возбуждения.

— Да начнется ритуал! — с предвкушением воскликнул Рюдан, вонзив лезвие кусаригамы себе в грудь. — Познай, кто настоящий властелин и господин этого мира, ведьма!!!

— Интересно, как у тебя получается издавать такие противные вопли, когда голова отделена от тела? — даже не поморщившись, с брезгливым любопытством спросила куноичи в ответ.

Рюдан пораженно вытаращился на девушку, даже забыв про боль от пробитого кусаригамой сердца. Ритуал не сработал?! Почему на ее промокшей одежде не проступает алое пятно, почему ее сердце еще цело?!

— Почему ты еще жива?! — яростно брызжа слюной и затекшей в рот грязной водой, крикнул Рюдан, вновь яростно втыкая в себя кусаригаму и проворачивая лезвие, чувствуя, как оно скребет по костям, разрывает легкие и сердце.

— Духовно ты оказался еще более юн и глуп, чем выглядишь на первый взгляд, — брезгливо бросила куноичи в ответ, небрежно отмахнувшись клинком от попытавшихся напасть на нее зомби и кирининов, которых тут же смело потоком ветра. — Среди всех прочих имен, я известна как Чиноике Мейро. Чиноике, Рюдан. И ты взял мою кровь.

Глаза куноичи вспыхнули багрянцем в дождливом сумраке. Рюдан почувствовал, как начали лопаться внутри него сосуды, он завопил и отбросил голову в сторону, когда грудь начали разрывать извивающиеся внутри змеи. Их тела, сотканые из крови, жрали его плоть. Рюдан видел это, пока глаза не оказались раздавлены в пасти одной из них. И даже после этого он чувствовал боль, причиняемую мелкими острыми зубами.

***

Тяжелые капли дождя перестали барабанить по соломенной шляпе, так что Курама с радостью стянул ее с головы и скинул потяжелевший от влаги дождевик. Дождь был недолгим, но интенсивным. Потоки воды безудержно размывали слежавшийся туф, образуя большие овраги. Жиденькая речка, которая только несколькими часами ранее напоминала жалкий ручей, сейчас превратилась в грязно-бурый неистовый поток, пенящийся на перекатах и смывающий огромные валуны обсидиана и базальта.

Масштабные техники Киригакуре снимали целые пласты брошенного карьера, откалывая большие блоки вулканического стекла и вызывая сходение селей.

В заваленном съехавшими со склонов кучами земли ущелье, среди прорытых в почве потоками воды оврагах две армии и встретились. Акай Куроба был прав, именно здесь Киригакуре решило нанести наиболее мощный удар. Начальная атака дальнобойными техниками впечатлила даже Кураму, разрушительная мощь техник Суйтона вкупе с мощнейшим ливнем перевернула все ущелье с ног на голову. Если бы там был кто-то живой, то это был бы последний день его жизни.

Основные позиции Отогакуре остались в стороне. Сама ставка Куробы, в которой так же находился и сам Курама, была еще дальше, в километре от планируемого поля битвы. А именно на холме, с которого открывался хороший вид на ущелье, но который не привлекал много внимания со стороны противника. Примерно с такого же холма был нанесен удар по киригинам в ответ на их дальнобойные техники.

И ответный удар Отогакуре Кьюби также впечатлил. Когда киринины совершали разведку боем, их атаку отбили шиноби Страны Звука. Второй штурм позиций Ото был уже более многочисленным, и он попал под залп станковых арбалетов, оперативно перемещенных с помощью *Хирайшина* из тыла на подготовленные Дотоном площадки.

Никогда ранее Курама не видел в этих нелепых механизмах большого толку. Неповоротливые и хрупкие, их можно смести одним чихом. Шиноби всегда более опасны. Но пространственно-временная техника, оказывается, неплохо совмещается с неуклюжими орудиями. А заряженные в них зажигательные бомбы с новым составом значительно повысили их огневую мощь.

Правда, с меткостью у расчетов были проблемы. Предполагалось, что по передовым отрядам кирининов будут целить бомбами со Взрывным Конфетти, а по остальным — с зажигательной смесью. В итоге все бомбы летели в беспорядке, но даже так Курама был удивлен их эффективностью. Несмотря на сильный дождь, сыплющиеся с небес потоки белого огня впились в людей, горя на коже и испуская желтый, удушливый, ядовитый дым. Объемные взрывы мелких Кибакифуда разрывали тела людей на части.

Второй штурм был отражен без прямого контакта. В нем шиноби Тумана потеряли не так много людей, но новые боеприпасы их напугали. Последовал очередной обстрел позиций Отогакуре масштабными техниками, снова не причинившими большого урона, так как боевые машины были давно переправлены на другие направления атаки.

И сейчас приближалось время третьего штурма.

— Ты снова угадал, — с легким удивлением заметил Курама, наблюдая, как ущелье впереди медленно утопает в текущем с востока молочном тумане. — Они применили эту технику.

— Вы до сих пор настаиваете, что я просто угадываю, Курама-сан? — горько улыбаясь, посмотрел на Кьюби Акай Куроба. — Нам потребовалось проанализировать много битв, мы потеряли несколько разведчиков в процессе, и все для того, чтобы иметь представление о тактике Киригакуре. Пока они действовали предсказуемо. Для них мы — типичная мелкая страна. Наш контингент они хотели оперативно взять в окружение, отрезав линии снабжения и пути к отступлению, после чего уничтожить всех. Сейчас до них должно уже дойти, что нахрапом нас не взять.

— Но с дождем и туманом ты угадал? — вопросительно посмотрел на шиноби Кьюби.

— Нет. Метеоролог рассчитал, когда окончится дождь, — махнув в сторону штаба, ответил Куроба. — А с окончанием дождя, который прибывал бы к земле туман, Киригакуре первым делом применят свою технику Сокрытия в Тумане. Она скрывает их от прицельного огня и дает преимущество при рукопашной.

— Может, тогда стоило оставить здесь больше владеющих Футоном, чтобы эту завесу сдуть? — предположил Курама, глядя на непроглядный поток белого тумана.

— Их не так много. Пришлось сконцентрировать их на речном русле и в ущелье Коруй. Там у нас сосредоточены меньшие силы, пусть в случае необходимости хотя бы отпугивают противника способностью нейтрализовать их маскирующую технику. Это даст им шанс

выжить и продержаться в случае моих ошибок. Для меня желательно, чтобы основное направление атаки проходило по этому ущелью.

— Кажется, понимаю, — кивнув, ответил Курама.

Хитрости масштабных человеческих сражений были интересны. Раньше биджу смотрел на схватки совершенно под другим углом. Если задуматься, то раньше он никогда в битвах и не участвовал. Всегда была лишь охота. Либо его на людей, либо людей на него.

— Если туман станет мешать, то я могу помочь от него избавиться, — сказал Курама Акаю.

— У вас другая задача, Курама-сан, не стоит тратить силы впустую.

— Это не отнимет много сил.

— И все же не стоит.

Настаивать Кьюби не считал нужным. Если человеку нужно будет, то он вспомнит о предложении. Тем более туман — не такая большая проблема. Раз Куроба его предвидел, то должен был подумать, как с ним бороться. У Курамы же задача проще — быть резервом. Средством, которое поможет переломить ход битвы в случаях, которые Куроба учесть не смог. Помимо Кьюби было еще несколько резервных отрядов из сильных шиноби, вроде Рёши Бутай, на тот же случай, но Курама был... Курамой. Куроба не знал об истинной природе стоящей возле него девушки, но знал, что она очень могущественна.

— Шиноби Кири преодолели вход в ущелье, — предупредил биджу Акаю.

— Как вы... — хотел было что-то спросить Куроба, но, похоже, сам ответил на свой вопрос. — Да, вы же с Кумотори, Курама-сан, простите. Можете сказать, сколько их?

— Я чувствую их эмоции, но они идут слишком близко друг к другу и они слишком далеко, — ответил Кьюби. — Может, сотня. А, может, и полтысячи.

— Гм, а можете указать направление? — жестом попросив генина принести планшет с картами, уточнил шинобигашира.

На них Курама примерно и указал направление, пытаясь точнее определить источник эмоций и помогая сориентироваться Чиноике, дальность видимости додзюцу которых туман ограничивал. Это было не так просто, когда вокруг полно людей, но киринины все-таки выделялись особым настроением. Две неудачные атаки вызвали в них ненависть и злобу, в то время как шиноби Отогакуре испытывали воодушевление.

Вообще, находясь среди людей, Курама научился лучше понимать их эмоции. Жить среди людей в качестве человека было интересным опытом. В последние годы Кьюби уже начал забывать, что к нему могут относиться без ненависти, но Отогакуре вернуло утраченные воспоминания. Нет, не нужно было предаваться иллюзиям. Люди оставались людьми, в большинстве своем они были малодушны и легко поддавались негативным эмоциям, но если ты сам человек, то их проще заставить принять и понять тебя, выслушать и поменять точку зрения. Ими можно управлять.

— Шинобигашира-доно, — обратился к Куробе один из ниндзя. — Техника Киригакуре преодолела предел и опасно приближается к нашим позициям.

— Действуем согласно плану, — напряженно ответил Акай.

Курама же расслабленно повел плечами и повертел головой, подыскивая себе место посуше, где можно было бы присесть. Кажется, у Куробы все идет достаточно предсказуемо и пока необходимости вмешательства биджу не требуется.

К сожалению для Кьюби, судьба любит подкидывать неприятности как раз тогда, когда ты их уже не ждешь. Огромный, пузырящийся и бешено вращающийся шар вылетел из-за

пелены тумана, когда Кьюби только сделал первый шаг к брошенному орудийными расчетами ящику из-под боеприпасов. Не распознать в этой технике, вмещающей в себя колоссальное количество чакры, Бомбу Хвостатого Курама не мог. Так же, как не мог ответить на нее своей аналогичной техникой.

Он сделал все, что успел: собрал чакру и выпустил ее в виде тонкого луча в направлении *Биджудама*. Он не успел собрать энергию для полноценного отражения вражеской техники, но его контратака все-таки смогла сбить ее с пути. А потом ей на пути встретился барьер, созданный кланом Ямада. Защитная техника рассыпалась со звуком разбитого стекла, но так же увела снаряд в сторону.

Сотканный из чакры шар врезался в горы позади позиций Отогакуре, подняв в небо сонм камней и пыли, образовав в теле горы огромный кратер. Взрывная волна и грохот пришли почти мгновенно, прокатившись по лагерю, сметая палатки и едва не сбивая с ног. Курама отвернулся от летящего в лицо мусора, борясь с потоком воздуха и чувствуя, как неистово треплет одежду и собранные в косу волосы ветер. Но на это он обращал мало внимания.

Вслед за *Биджудама* в позиции Отогакуре снова летели новые снаряды, уже попроще и поменьше. Похожие на Бомбы Хвостатого водяные шары. Курама знал название этой техники. *Суйтон: Дайкайсудан*.

— Там Санби! — перекрикивая рев ветра и гвалт людей, сказал Кьюби Куробе и тут же поправился: — Джинчурики Треххвостого!

Пару водяных шаров Курама успел сбить, остальные остановили шиноби. Эта техника была проще *Биджудама*, но и она причиняла много хлопот. Куроба яростно кричал, раздавая приказы. Один из шаров он сбил лично, разрубив его в воздухе.

— Кажется, этого ты не ожидал? — почти радостно спросил Курама, видя, как Акай чуть ли не пинками заставляет рассыльных двигаться живее.

— Ты чему радуешься-то?! — зло сверкнув глазами, спросил Куроба, мгновенно забыв о всяком почтении.

Кьюби и сам не мог сказать, почему он испытал радость от ошибки человека. Может, ему было обидно осознавать его превосходство над собой?

— Я отвожу ставку в тыл, — крикнул Кураме Акай. — Я не ожидал, что джинчурики появится здесь!

— Мне его задержать?

— Да! — быстро обведя взглядом стремительно выскакивающих из тумана кирининов, ответил Акай. — Бери команду Мичи с собой! Выдвигайтесь Шуншином!

Курама с сомнением посмотрел на Мичи Чиноике и его группу. И решил, что лишними они, наверное, не будут. Кирининов все-таки многовато. Говорят, они опаснее шиноби Конохи.

Чтобы преодолеть расстояние до линии соприкосновения, ушло не много времени. Двигаться по очищенной оползнями от растений местности было относительно несложно. С каждым рывком звуки сражения становились все ближе. И ощущения чужих, ярких и полных злобы и отчаяния эмоций все четче. После очередного рывка Кьюби оказался в самой их гуще.

И тут же ему пришлось изогнуться, уворачиваясь от нацеленного со спины в печень клинка катаны. Взмах тонкой руки сломал чужое предплечье, появившийся рядом Чиноике коротким ударом оборвал рождающийся в горле киринина крик боли. Еще несколько

шиноби Ото, вынырнувших из Шуншина, дали Кураме время сориентироваться.

Они оказались в одной из пробитых ручьями канав. Когда только собирались перемещаться сюда, здесь еще прятался взвод ниндзя Звука, но сейчас на них, оказывается, напал отряд Кири, на который Курама и нарвался.

— Вы, — указал Кьюби на одного из шиноби Отогакуре, судя по знакам на форме, командира взвода, — идете с нами. Мне нужно добраться до джинчурики. Прикрывайте, понял?!

— Т-так точно! — пытаясь отдышаться и до сих пор не веря во внезапно проявившее подкрепление, парень не сразу понял, что от него требуется, но утвердительно ответил моментально. — Так точно, Курама-сан! — повторил он, сглотнув, когда смысл приказа дошел до сознания. — Кажется, джинчурики — это девушка-оинин. Мы видели ее, когда она сравнивала позиции третьего отряда на севере.

— Тогда идем туда! — выглянув из оврага, решительно сказал Курама.

После атаки джинчурики все позиции Отогакуре оказались смяты. Разрозненные группы шиноби сражались без особой организации. Постепенно прибывающие резервные группы исправляли ситуацию, но сейчас Курама и люди с ним оказались отрезаны от основных сил, совсем рядом плескалась пелена тумана, в которой так же чувствовались прибывающие шиноби Кири.

Похоже, дальше свою технику они пока решили не распространять, так как и в самом Скрытом Тумане не все ниндзя могли вести боевые действия в таких условиях. Но маскирующая техника давала кирининам возможность быстро отступить и незаметно перебрасывать отряды шиноби, концентрируя их в уязвимых участках обороны Отогакуре.

Описанной командиром взвода девушки-оинина видно не было. Но можно спрогнозировать, где она появится. У Куробы сегодня неплохо удавалось играть в пророка, Кьюби не должен быть хуже какого-то человека!

Кураме было внове вести за собой людей. Было внове сражаться в человеческой битве. Ему до сих пор было внове находиться в человеческом теле. Но убивать шиноби он мог в любой ситуации. А осознав на собственном опыте хрупкость человеческого тела, пределы возможностей обычных шиноби, узнав их с другой стороны, лишать их жизни стало еще удобнее.

Люди сминались под ударами хвостов. Шерсть на них окрасилась кровью. Она же стекала с когтей на руках. Оказывается, если твой противник не Орочимару, Юко или кто-то их уровня, вырвать ему сердце — это не такая большая проблема. Пробиваясь сквозь кирининов, Кьюби все же смог вывести свой отряд к группе союзников. Здесь было больше шансов привлечь внимание джинчурики и найти его.

Наверное, как раз эффективность Курамы в итоге все же привлекла нужную ему куноичи. Ощущение чужой жажды крови было удивительно сильным, оно заставило замереть стоящих рядом с Кьюби шиноби. Более мощным *сакки* на памяти биджу обладал только Орочимару. И к такому давлению биджу стал уже привычен. Чужая ненависть только предупредила его о приближении угрозы.

Взметнувшиеся хвосты отразили вырвавшийся из облака тумана сгусток воды. Техника Суйтона обожгла легкой болью и умчалась в небеса, а Курама набросился на источник *сакки*.

Джинчурики скрывалась в тумане. Она явно умела в нем сражаться и прятаться. Но ее же жажда крови манила Кураму, словно маяк. Острые когти столкнулись с холодным клинком, высекая искры и обламывая хрупкий металл лезвия. Удар хвостов по воздуху

создал мощный порыв ветра, разорвавший в клочья технику Сокрытия в Тумане на несколько десятков метров вокруг. Курама хищно улыбнулся, увидев перед собой куноичи в маске оинина. И почувствовав в ней чакру Исобу.

— Ты откуда такое вылезло, животное? — прозвучали из-под маски брезгливые слова.

Курама не счел нужным отвечать. Хвосты нанесли удар, но ловкая куноичи смогла ускользнуть от них. И тут же едва не была насажена на когти. Она была опытной и сильной. Но ее навыки не шли ни в какое сравнение с Орочимару. Кьюби чувствовал, как в женщине растет страх и ненависть. В очередной раз едва не будучи раздавленной хвостами, ей пришлось взять больше энергии Исобу.

Тело куноичи скрылось за пузырящейся чакрой биджу. Пусть она была всего лишь джинчурики, но она умела контролировать ее и обладала многими способностями Треххвостого. Небольшая *Биджудама*, созданная Курамой, врезалась в такую же, выпущенную джинчурики. Взрыв разметал обрывки тумана, заставил Кьюби вжаться в землю, упираясь в нее всеми четырьмя конечностями. Комья грязи мешали обзору, но чувства Лиса позволяли не упускать противника из виду.

Даже когда ее тело распалось на несколько копий, Курама ясно ощущал главный источник ненависти и злобы. Мощный луч чакры прорезал пространство перед Курамой, распыляя несколько клонов куноичи, но самому оригиналу удалось избежать смерти.

Она была ловкой и хитрой. И, поняв, что с ней сражается кто-то с силами биджу, она стала еще и осторожной. Кураме приходилось избегать ее попыток заманить его в ловушку. Однако не всегда это получалось хорошо.

Оказавшись в коралловой ловушке техники Исобу, которую создал клон куноичи, Курама едва не упустил противницу. Ей удалось разорвать дистанцию, и она начала создавать новую технику. Зарывав, Курама рванул вперед, ломая белые коралловые наросты вокруг себя. Шиноби никогда нельзя давать время на ручные печати!

Однако он опоздал. Его тело едва не врезалось в появившееся в воздухе водяное зеркало. И врезалось бы, если бы из-за тонкой зеркальной пленки на Кьюби не набросилось его отражение. Теперь уже самому Кураме пришлось отражать атаки лисьих хвостов и острых когтей. И не только их, джинчурики, получив поддержку, направляла на него все новые техники. Она даже успевала сыпать подначками и весело хохотать.

— Не знаю, что ты за монстр, но из твоей шкурки получится отличный коврик!

Курама в ответ зло рыкнул, широким ударом заставив воздух вокруг себя уплотниться и отбросить нападавших. Он хотел сменить стратегию и оценить свою позицию. Похоже, он сильно оторвался от группы Мичи, стоит к ним вернуться. И как раз, когда он собирался это сделать, взгляд Курамы зацепился за его клона, созданного куноичи Кири.

Он... И в самом деле походил на животное. Он и был им! Клон был создан чакрой Исобу, он был создан на основе Курамы и был почти полноценным клоном биджу. Именно таким биджу, каким видели его люди! Девять хвостов яростно извивались за спиной, сторбленная фигура двигалась, словно карикатурный зверь, то и дело норовя опуститься на четвереньки. На искаженном яростью лице белел звериный оскал, в горящих алым пламенем глазах не было и проблеска разума, только ненависть. Чудовище, бездушное оружие, зверь на поводке шиноби. Но и сама создательница клона была немногим лучше.

Ее врожденная жажда крови и насилия вкупе с тяжелой ненавистью в чакре Исобу создали странную смесь эмоций. Курама никогда и ни от кого не ощущал подобного. Животная ярость, смешанная с человеческой жестокостью, желанием убивать, причинять

боль, пытать не только физически, но и морально. Эта куноичи, обьятая чакрой биджу, уже сама не походила на человека. Не только потому что ее фигура была скрыта за черной массой чакры и крови, но и из-за ее душевного состояния. Даже раньше, когда ее лицо не походило на кровавую маску демона с черным провалом рта и белыми пятнами глаз, когда ее тело еще не покрывала кипящая черная масса, превращающая ее в некое подобие Исобу, уже тогда она не была человеком.

Люди не должны быть такими. Курама жил среди них, он видел многих в Отогакуре, мог прикоснуться своей способностью едва ли не к их душам, узнав скрытые за масками эмоции. Они не были такими, как эта куноичи. Даже Орочимару был больше человеком, чем это существо из Кири.

— Чего это ты замер, коврик? — издевательски рассмеявшись, спросила куноичи, чей голос был искажен преображением джинчурики. — Неужели надеешься, что если будешь смиренным, то я позволю тебе жить? Ошейник хорошо бы на тебе смотрелся!

— Нет, — наконец, снизойдя до ответа, хмуро сказал ей Курама. — Ты ошибаешься.

— Да что ты говоришь, коврик...

Выпрямившись и чувствуя, как с лица сползает звериный оскал, Кьюби не отрывал глаз от уродливой копии себя самого и холодно ответил Куноичи:

— Ты ошибаешься, я не животное. Я мико. Я жрица из храма Кумотори. Я Курама, которую уважают и знают во всей Стране Звука!

Ответ куноичи на спонтанно сорвавшиеся с уст Кьюби слова, которые биджу удивили больше, чем джинчурики, прошел мимо ушей Курамы. Внезапное пришедшее отвращение к собственному отражению и к его создателю заставило Кьюби испугаться. Испугаться и начать действовать совсем иначе, не так, как подсказывали инстинкты. Методом, который не заставляет выглядеть и быть чудовищем.

Ладони одетой в потрепанные алые хакама и посеревшую от грязи мокрую рубаху рыжеволосой девушки сложились в ручную печать. Когда океан чакры пришел в движение, порождая сразу десятки точных копий Кьюби, таких же мико с девятью яркими хвостами и боевито прижатыми к черепу ушами, на ее лице не отражалось ничего, кроме холодного презрения к противнику.

— Я Курама из Страны Звука, — руки десятков клонов сложили новые печати, — и я не позволю такому чудовищу, как ты, топтать землю моей страны!

Куноичи не была наивной девочкой и не думала ожидать окончания приготовлений Кьюби, однако убежать от десятков пламенных и воздушных потоков, сплетающихся и угрожающе воющий огненный смерч, полетевший над землей и мгновенно испаривший туман Киригакуре, она не успела. Естественно, преобразившегося джинчурики так просто не убить, но и у Курамы не было намерения ее отпускать. Она должна ответить за то, что делает с Исобу. Ей нужно показать, что значит быть биджу на самом деле!

Глава 34. Интерлюдия. На грани

22 июля 46 года от начала Эпохи Какурезато

Акичи тяжело сползла по шершавому стволу дерева, теплomu от недавно плясавшего по нему пламени. Горящие от боли руки безвольно упали вдоль тела, ноги уже не держали. Даже плюхнувшись на задницу, она продолжала чувствовать, как дрожат колени и ноют от усталости мышцы. От пронизывающей боли из глаз текли слезы, которые девушка уже не пыталась сдержать. С трудом всхлипнув, от чего правый бок прострелила острая жгучая боль, Акичи дрожащей, покрытой волдырями после отражения техники Райтона рукой поправила упершуюся в сломанные ребра броневую пластину в разгрузочном жилете.

Рядом, тяжело и шумно вздохнув, опустился на землю Кашима. Его белоснежная шерсть была опалена, острые рога окроплены кровью. Акичи нежно и с благодарностью погладила горячий бок призванного оленя, который сегодня уже не в первый раз спасал ее жизнь. Чуть в стороне, шатаясь, оперся на воткнутую в тело кирина катану Арата Куроба, одной рукой перетягивал открывшуюся на предплечье рану Тору Фума. К нему на помощь неровной походкой направилась Инага Узумаки. Еще семеро шиноби, трое из которых принадлежали ее клану, медленно отступали от края неровного, едва держащегося круга барьерной техники, за которой хищно плескалась серая пелена тумана.

Акичи без сил запрокинула голову к темным небесам. Дождь давно прекратился, молнии перестали сверкать, а гром больше не гремит раскатисто от одного края горизонта до другого. Над головой продолжали висеть лишь серые, постепенно светлеющие тучи.

А группа шиноби под ними все еще жива. Они до сих пор все живы.

— Еще... К-ха! — хрипло произнес Нару, но кровавый кашель заставил его прерваться. — Еще одна атака — и нам конец.

Нару Шиин, дядя Акичи, лежал рядом с ней, по другую сторону от Кашими. Его ноги были переломаны техникой Суйтона, судя по болезненной бледности его лица, обезболивающие ему, как и самой Акичи, помогали уже слабо. Но Нару продолжал крепко сжимать в руках флейту. Благодаря его гендзюцу удалось отбить еще одну атаку, но Акичи уже почти не ощущала в мужчине чакры. И после контузии легкого ему сложно не только говорить, но и пользоваться флейтой, которая нужна для техник клана Шиин.

— Где этот демонами деланный Широ, когда он нужен?! — зло прошипела Тахири, рухнув на колени возле Кашимы, навалившись на бок оленя и заслужив его неодобрительный усталый взгляд.

Внучка Микан была не менее бледной, чем Нару, ее руки были наскоро перетянуты окровавленными бинтами. Сегодня она потеряла много крови и чакры, но благодаря ей они еще были живы. Только еще одно исцеление кровью ее просто убьет. Она уже сейчас должна валяться в беспамятстве, как Минай Ринха позади Шиин, и только выносливость Узумаки пока не давала ей уйти.

Что касается вопроса Тахири, то Котоширо и все прочие владеющие *Хирайшином* шиноби были отведены в тыл для переброски резервов. Успеют ли они это сделать, пока не понятно. Акичи было приказано удерживать позиции, постараться продержаться до их возвращения, мешая силам противника зайти во фланг основным силам Отогакуре, чтобы избежать образования котла. Когда она получила это сообщение? Час назад? Нет, судя светлеющему небу, это было еще вчера. Сколько они уже сражаются на этом холме? Откуда

подтягивают резервы, раз на это потребовалось так много времени? Из Страны Гор?

— Акичи... — слабым голосом позвала девушку Тахири. — Моих сил еще хватит... на разок. Возьми их.

— Молчи, — устало ответила Акичи, быстро догадавшись, о чем говорит девушка.

— Ты должна вернуться, — упрямо продолжила говорить Тахири. — На северо-западе были слышны звуки боя. Седьмой отряд... Наверное, они пытались прорваться к нам через окружение. Мы можем попытаться выйти к берегу. Они сражались там. Это близко. Ты сможешь прорваться. Ты должна. Кашима вынесет тебя хоть из ада.

Олень одобрительно фыркнул, выжидающе посмотрев на хозяйку.

— Молчи, — снова безучастно ответила девушка, рассматривая тяжелые облака над своей головой. — Оба молчите.

— Она права, Акичи-сама, — негромко поддержала Тахири Инага, успевшая помочь Фума. — Вы — глава клана. Вы не должны были оказаться здесь, и вы должны жить.

Акичи едва не рассмеялась. И рассмеялась бы, если бы не боль от сломанных ребер. Уйти, когда Нару Шиин и Минай Ринха не могут сделать и шага. Уйти ценой жизни Тахири, с трудом стоящего на ногах Араты Куроба, дрожащего от лихорадки после ранения отравленным кунаем Тору Фумы. Никто из них не сможет пережить еще одного сражения. Даже Кашима. Он будет защищать Акичи, пока жив сам, но и его силы на исходе. Сможет ли он вообще прорваться через окружение?

— Мы все равно... Все равно не можем больше оставаться здесь, — внезапно произнес Нару. — Я чувствую приближающуюся чакру. Она далеко и это... плохой знак.

Акичи встревожено перевела взгляд на клубящийся за барьером туман. Эта техника шиноби Тумана должна была скрывать чакру, прячущихся в ней кирининов. Акичи и ее команде пришлось занять высоту, чтобы хотя бы частично выйти за пределы *Киригакуре*. Но даже так, если Нару ощущает чакру издали, то она должна быть очень сильна.

— Джинчурики? — обреченно прошептала Акичи, понимая, что кроме него это не может быть больше никто.

Какая ирония. Она все же нашла того, за кем должна была охотиться.

— Тогда нам стоит рискнуть, — сказал слышавший разговор Фума. — Акичи-сан, вы и в самом деле глава клана и обладаете уникальными знаниями, которые нужны Рюджину-сама. Вы должны попытаться.

Акичи со всем возможным в ее состоянии удивлением посмотрела на Фуму. Он же понимает, что для него это верная смерть либо от очередного ранения, либо от побочных эффектов стимуляторов. Девушка сама могла понять такую готовность пожертвовать собой у Узумаки и у Шиин. Но клан Фума...

— Мы все здесь уже мертвы, Акичи-сан, — негромко, но уверенно произнес Арата Куроба, видя сомнения на лице девушки. — Мы должны были умереть в боях с Кагуя и друг с другом. Должны были погибнуть во время Второй мировой. Сдохнуть, сгорая изнутри, от тифа. Мы живы только по милости Рюджина-сама. Если есть шанс спасти вас, то мы это сделаем. Вы глава клана, вы нужны Рюджину-сама. Об остальном не переживайте. О мертвецах уже поздно переживать.

— Идиоты, — зло прошептала Акичи, чувствуя, как слезы с новой силой текут по щекам.

Эти безумцы, кажется, искренне верили в свои слова. Этот громадный, покрытый шрамами мечник Куроба. И тощий, костлявый Фума. Да все они безумцы! И она сама не

лучше.

— Нужно собираться, — прервав напряженное молчание, напомнил Нару, сжимая в руках флейту. — Джинчурики приближается. Я могу задержать его. Заманить его в гендзюцу. Туман не останавливает звуки.

— Нет, — решительно заявила Акичи.

— Акичи-сама...

— Нет, Тахири! У нас есть приказ, — снова повторила девушка. — И мы тоже... Узумаки такие же мертвецы, как и все кланы Отогакуре. Мы все уже умерли, когда пало Узушиогакуре. Наша жизнь — в руках Рюджина-сама. И ему же я вверяю весь клан. Если ему нужна я сама, то ничто не мешает ему призвать меня вновь. Я буду ждать этого на пути в Чистый Мир и не уйду в него, пока могу быть полезна Рюджину-сама!

Поморщившись от боли в обожженных руках, Акичи достала из разгрузки один из оставшихся с ней свитков. Распечатывание хранимого в нем предмета едва не заставило девушку потерять сознание. Даже от столь незначительного использования чакры в глазах потемнело, и если бы не дерево за спиной и горячий бок Кашими под рукой, то Акичи вовсе бы свалилась на землю. Однако она все-таки добилась своего. Вместо печати на свитке осталась лежать белая, словно кость, маска. Хищный оскал окрашенной алым пасти, изогнутые рога, раскосые, подведенные черным пигментом глаза. На фронт Акичи пришла, чтобы поймать и нейтрализовать Рюдана, жреца Джашина. И для этого у нее имелась с собой маска Джашина, одного из Рейки, верховных ками Узумаки.

— Вчера мне дали новое задание. Мне поручено нейтрализовать джинчурики. И я это сделаю. Вчера, наш отряд получил задание. Мы должны сдержать противника. И мы это сделаем, — решительно заявила Акичи.

— Ты не сможешь, — слабо сказала Тахири, не сводя глаз с с маски. — У тебя не осталось чакры.

— Ты дашь мне чакру, — переведя взгляд на внуку Микан, уверенно произнесла Акичи.

Тахири подняла взгляд с маски на лицо Акичи. На какое-то мгновение на ее лице промелькнуло волнение и панический страх, но скоро они ушли, оставив безмятежное спокойствие.

— Я поняла, Акичи-сама, — спокойно ответила Тахири, не глядя начав разматывать бинты на руках.

— Сначала мне нужно надеть маску, — остановила девушку Акичи. — В ней я получу от тебя больше силы.

— Хорошо.

— Кашима, ты можешь уйти, — посмотрев в глаза призванному животному, сказала Акичи. — Войны людей не стоят твоей жизни.

Черные глаза белого оленя внимательно изучили Узумаки, прежде чем Кашима с тяжким вздохом поднялся на ноги. Его тело исчезло в туманном облаке техники, из которого на колени Акичи мягко упала нагината, белоснежное древко которой было столь же чисто, как шерсть Кашимы.

— Спасибо, — тихо поблагодарила старого друга Акичи, погладив ноющими ладонями его превращенное в крепчайшее дерево тело.

Кашима был с ней, сколько она себя помнила. Призыву она обучалась еще тогда, когда остальные дети шиноби только брали в руки кунай. С Кашимой она победила в схватке на

звание чунина. Он едва не погиб, спасая ей жизнь во время штурма Узушиогакуре. И сейчас он оставался с ней. До конца.

— Каков план действий? — тем временем спросил Нару Шиин.

— Никакого плана... Мы просто дадим бой кирилинам, — ответила Акичи, до боли сжав рукоять нагинаты. — Но джинчурики может быть не один. Я не смогу отвлекаться на его сопровождающих.

— Мы возьмем их на себя, — заверил Куроба, подрагивающей рукой поднимая окровавленную катану.

— В нашем состоянии на многое мы не сможем, — заметил Фума.

— Есть предложения?

— Да. Нашей чакры не хватит надолго. На большие техники ее тоже не хватит. Будем использовать то, на что еще способны. Я владею техникой Кагеро Нинпо: Утаката. Она позволит обойти на время ограничения Восьми Врат. В моем состоянии минуты на две, потом мне уже не поможет даже Тахири-сан, но за две минуты можно успеть многое сделать. Если у других нет ничего подобного, то есть вариант с Годжо Кобакуфуда.

— Это сложная техника.

— Частично ее можно заменить оставшимися заготовленными Взрывными Печатами. Поэтому нам нужны Кобакуфуда. Чем больше, тем лучше.

Акичи с поражающим ее саму безразличием наблюдала, как ее соратники, чудом выжившие в нескольких схватках с шиноби Кири, готовятся к последнему своему сражению. Годжо Кобакуфуда — техника, созданная Вторым Хокаге. Одно из многих киндзюцу Сендзю Тобирамы, которое часто использовалось в сочетании другим его киндзюцу, с Эдо Тенсей. Эта техника делала из воспользовавшегося ею живую бомбу. В Отогакуре эта техника не была запретной, но к ее изучению имел доступ ограниченный круг шиноби, только джонины.

В группе Акичи были только джонины.

— Когда мы стали такими безумцами? — спросила пустоту Акичи, наблюдая за тем, как Инага Узумаки с бесстрастным лицом прячет под одеждой желтоватые листы Взрывных Печатей.

— Мы всегда были такими, — услышала девушка внезапный ответ. — Мы же Узумаки.

Это сказала Тахири, сверкнув на удивление светлой улыбкой, которая выглядела очень неуместно на мертвенно-бледном, опаленном Катонем лице девушки.

— Ты права, — переведя взгляд на маску в своих руках, согласилась Акичи. — Мы, Узумаки, всегда были такими. Прощай.

— Ни за что! — возмутилась Тахири в ответ. — Там... Тебе будет скучно одной. Я составлю компанию. Как раз успею обустроить место для привала на пути в Чистый Мир, пока жду тебя.

— Всегда знала, что Оками — самый безумный септ Узумаки, — с благодарной и горькой улыбкой ответила Акичи.

— Другие никогда не решились бы на исцеление кровью, — с готовностью подтвердила Тахири. — Тогда... До встречи?

— Да, — поднимая маску демона к лицу, произнесла Акичи. — До встречи.

Нынешняя глава Узумаки никогда не была отличным сенсором, но уже и она ощущала приближающуюся чакру. Оттягивать неизбежное больше нельзя. Окинув взглядом измученный ниндзюцу холм, обгорелые деревья, изрытую землю и переломанные деревья,

Акичи с жалостью отметила, что это не лучший пейзаж перед смертью, но шиноби стоит радоваться и такому. Она видит не ряды трупов своих товарищей, пусть даже сейчас они стоят, шатаясь и больше напоминая зомби, чем живых людей. И нос щекочет запах горячей древесины и влажной земли, а не вонь опаленной плоти. Все могло быть хуже.

Сделав судорожный вдох, от которого вновь прострелило болью бок, Акичи решительно надела маску на лицо.

Попыталась это сделать, но рука внезапно уперлась в непреодолимую твердую преграду, отчего покрытая волдырями кожа отозвалась жгучей болью. Удивленно посмотрев на причину внезапной заминки, Узумаки увидела, что ее предплечье сжимает тонкая, но на удивление крепкая ладонь.

— Рюджин-сама говорил, что эти маски могут быть опасны при использовании, — раздался над головой спокойный мужской голос. — Вам сейчас не стоит ею пользоваться, Узумаки-сан.

Подняв взгляд на звук голоса, Акичи увидела юношу. Облаченный в необычную сиреневую рубашу парень явно был из Отогакуре, так как носил на одежде камон Рюджина. Его черные волосы были собраны в давным-давно вышедшую из моды прическу, на бледной коже лба яркими пятнышками выделялись две красные точки.

— Кагуя... Тайши? — к своему удивлению, Акичи узнала в юноше главу соседнего клана.

— Вижу, мы успели вовремя, — отпустив руку Акичи, которая тут же безвольно упала ей на колени, произнес Тайши.

— Зря... — в отчаянии прошептала Акичи. — Там джинчурики. Тебе не справиться...

— Джинчурики?! — не дал договорить девушке Кагуя, чье лицо мгновенно приняло непередаваемое хищное и жесткое выражение. — Где?

Акичи не понимаяще посмотрела на странно ведущего себя парня. И в этот момент услышала звук шагов по мягкой от влаги земле справа от себя. Обернувшись на шум, она увидела, как из тумана появляются все новые и новые люди в одинаковой одежде, беловолосые и с такими же, как и у Тайши, точками на лбах.

— Где джинчурики?! — требовательно повторил свой вопрос Кагуя, вновь привлекая к себе внимание.

— Там, — вместо Акичи ответил Нару Шиин, указав направление. — Метров сто-двести.

Посмотрев на молочную взвесь тумана в указанном направлении, Тайши растянул губы в жутковатой усмешке.

— Кагуя! — не скрываясь, во все горло рявкнул Тайши. — Нам попалась крупная дичь! Джинчурики Киригакуре впереди. За мной!

Пришедшие вслед за Тайши Кагуя радостно взревели, услышав слова своего главы, который в это время с четким хлопком свел ладони вместе, сложив ручную печать. Акичи едва ли не физически ощутила давление чужой чакры, внезапно вскипевшей в теле стоящего рядом с ней юноши. Его кожа моментально приобрела малиновый оттенок, а тело объяла характерная янтарная аура третьей активации Шичи Тенкохо.

В следующее мгновение Тайши исчез, с грохотом разорвав воздух всем своим телом, врываясь в пелену тумана и оставляя за собой отчетливо видимый разрыв в технике Киригакуре. Десятки Кагуя, обрастая костяными шипами и пластинами, тут же, без раздумий бросились за ним вслед, вновь исчезая в тумане. Спустя секунду молочная пелена

содрогнулась от громоподобного звука.

— Кагуя... — с трудом выдавил из себя Нару Шиин, без сил рухнувший на землю и наконец выпустивший флейту из рук, которая тут же утонула в грязи. — Никогда не думал, что буду рад видеть треклятых Кагуя.

— Там джинчурики, — пробормотала Акичи, пытаясь вновь собраться с силами, что с прибытием подкрепления почему-то давалось с большим трудом. — Им же не справиться.

— Акичи-сан, — лихорадочно сверкая широко распахнутыми от возбуждения глазами, проникновенно произнес Тору Фума, — это Кагуя. И это не просто Кагуя! Это десятки Кагуя с Шикоцумьяку!!! Этот джинчурики уже обречен!

— Совершенно верно, — охотно подтвердил очередной голос, который Акичи уже не ожидала услышать вновь, — но вам бы лучше эвакуироваться. Сражение происходит слишком близко.

Подняв взгляд от тумана, сквозь который доносились приглушенные крики и грохот техник, девушка увидела Котоширо. Он был помят и бледен, от усталости ему приходилось опираться рукой на то же дерево, на которое навалилась сама Акичи. Таким своего старого друга она видела только однажды, после длительной миссии с Рюджином-сама.

— Проклятый туман, — недовольно проворчал Котоширо. — Я с трудом тебя нашел и едва не переместил Кагуя прямо на голову этому вашему джинчурики. А к демонам... Я так устал, что мог их в куда большую задницу отправить. Давайте выбирать, пока я еще способен хоть на что-то.

Не прошло и минуты, как Акичи оказалась в другом месте. Ей уже начинало казаться, что весь мир — это клочок измученной земли, окруженный бескрайним туманом. Что во всей вселенной осталась лишь она, ее отряд и киринины. В глубине души она боялась, что про них забыли, что линия обороны прорвана, и вражеские отряды заходят в тыл шиноби Отогакуре. Она уже смирилась, что спасения нет.

Оказаться в полевом лагере армии, в окружении друзей и союзников было чудом, которое шокировало и словно ломало что-то внутри Акичи. Стоило только сумрачному огрызку вершины холма смениться ярко освещенной электрическим светом площадкой, к девушке тут же подбежали ирьенины, проведя первичную диагностику и заливая ее зеленоватым сиянием медицинских техник. Слабо соображая и опираясь на горячий бок снова принявшего истинный облик Кашимы, Узумаки попыталась объяснить им, что ее состояние относительно неплохое, что стоит сначала помочь другим.

Мельком она заметила, как грузят на носилки упавшего без сил Котоширо. Вслед за ним отправились Минай и Нару. И Тахири. Почему ее одежда так измазана кровью? Почему ирьенины выглядят обеспокоенными и не отрывают от нее лучащихся светом от техник Мистической Руки ладоней? Акичи ведь только что разговаривала с ней, Тахири только что улыбалась.

Мучившие ее вопросы пришлось отложить, потому что в лучах света ламп появилась могучая фигура Акая Куробы и теряющийся на ее фоне Хачи Фума.

— Отряд, стройся! — с трудом отстранившись от Кашимы, встав поровнее и подняв руку в приветственном салюте, произнесла Акичи, поражаясь тому, насколько оказывается хрипло звучит ее голос. — Куроба-гашира-доно, согласно приказу Рёши Бутай удерживал позиции в ущелье Коруй, пока не оказался в пределах техники Киригакуре и не попал в окружение. Встретив джинчурики Скрытого Тумана... Были вынуждены отступить. Оставшиеся в строю члены Рёши Бутай находятся перед вами. Командир отряда Узумаки-

ханчо.

Шиноби иногда с трудом принимали введенный в их военный быт формализм, также как и введение четкого и единого устава, регламентирующего некоторые аспекты их жизни во время миссий и в быту. Однако эти нововведения были выдвинуты Рюджином-сама, поэтому открыто ими пренебрегать в отношении вышестоящих званий или малознакомых ниндзя никто себе не позволял. С появлением в рядах армии шиноби из бывшей Югакуре, смысл многих малопонятных ранее нововведений стал более понятен: например, новые правила позволяли незнакомым шиноби проще общаться друг с другом, не создавая лишних рисков обидеть друг друга. Но сейчас Акичи была рада этим новшествам еще и потому, что они позволили ей изложить краткий доклад, задушив эмоции рамками устава.

Задушив с небольшим успехом, потому что, внезапно оказавшись в крепких объятиях Куробы, Акичи мгновенно растратила всякое присутствие духа. Слезы невольно навернулись на глаза. Не от боли, а от накативших эмоций, от осознания, что она только что пережила. Огромное облегчение, усталая радость вместе с до сих пор витающим в душе отчаянием и горем захлестнули с головой, сдавив грудь.

— Ты молодец, — отпустив Акичи, осторожно похлопал ее по плечу Куроба. — Отдохни, джонин ханчо.

— Слушаюсь, шинобигашира-доно — на секунду закрыв лицо руками и утирая невольные слезы, сипло ответила Узумаки.

— Подожди секунду, — внезапно попросил Хачи Фума, хмурый, как тучи над головой. — Скажи, ты уверена, что вам встретился джинчурики?

— Мы почувствовали сильную чакру, — устало ответила Акичи. — Это мог быть только джинчурики. Или кто-то равный ему по силам.

В ответ на эти слова нахмурился уже и Акай Куроба.

— Что не так? — не поняла девушка, глядя на командира.

— На основном направлении атаки Курама-сан уже столкнулась с джинчурики Треххвостого, — медленно ответил Куроба. — Если у противника есть еще один, то это проблема. У нас нет боеспособных сил, способных ему противостоять.

— Кагуя справятся, — тихо заметил Фума. — Они должны это сделать!

— Возможно, — скривившись, ответил Куроба, — но они молоды и неопытны, пусть и обучены Рюджином-сама. Просто так бросать их против джинчурики неправильно. Даже если это Кагуя.

***

Ориентироваться в плотном тумане заставляет научиться сама жизнь на островах Страны Моря. Архипелаги в беспокойном Восточном океане часто оказываются целиком погружены в непроглядную серую промозглую массу. Однако сражаться в условиях нулевой видимости и просто уметь ориентироваться в ней — это разные вещи. Забуза чувствовал себя в тумане прекрасно, но все его спутники не испытывали того же комфорта.

Момочи слышал, как неуверенно шагает по остаткам подмытого дождями дерна Футо Ороши. Этот парень был неплох сам по себе, но к густым туманам он не привык и был в них более неловок, чем неуклюжий с виду Кисаме. К счастью, сегодня от умения скрываться в тумане их жизнь не зависела.

Команда Забузы двигалась в арьергарде основного отряда, их задачей было своевременное обнаружение возможных групп противника, которые могли попытаться атаковать кирининов на марше. Техника *Киригакуре* имеет и обратную сторону, она не

только скрывает шиноби Тумана в себе, но и сильно ограничивает их собственные возможности обнаружения противника. Передвижение под покровом техники требовало особой тактики, пренебрегать которой никогда и никому не рекомендовалось. Даже если позиции противника многократно находились под плотными атаками дальнобойных техник, уже пережили несколько штурмов, и он просто физически не должен больше оказать серьезного сопротивления. И даже если во главе отряда идет сам Мизукаге, даже в этом случае пренебрегать отработанной тактикой не стоит. Единственное, что можно допустить — это поставить в прикрытие молодых чунинов, обладающих особыми возможностями.

На континенте слишком много уродов, от которых удалось избавиться на островах. Бьякуган и кецурьюган могли видеть через технику *Киригакуре*, клан Цучигумо способен определять движение по вибрациям земли и раскиданой всюду ими паутины. У Отогакуре были как минимум Чиноике с их додзюцу, о котором нельзя забывать.

Аккуратно поведя перед собой ножами катаны, Забуза почувствовал, как те уперлись в ствол небольшого деревца. Осторожно обойдя его и запрыгнув на один из многочисленных валунов, парень оказался в более редком слое тумана, откуда удалось разглядеть смутно виднеющийся вдали темный силуэт горы на фоне сереющего предутреннего затянутого тучами неба.

Стерев со лба испарину, выступившую несмотря на холодную ночь и промозглый туман, Забуза внимательно осмотрел высоту. Признаков движения не было, огня не видно, но на ней точно должны были остаться выжившие шиноби Звука. Вряд ли они успели отступить после предыдущего штурма, одна из дозорных групп вступила с ними в контакт всего несколькими минутами ранее. Пока разведка отступила, но подступы к высоте контролируются.

Похоже, там были замечены красноволосые. Мизукаге наверняка пожелает захватить парочку из них для допроса. Язык вообще сейчас, на взгляд Забузы, не помешал бы. Отогакуре слишком упорно сопротивлялось для мелкой деревни, нужно было узнать, какие еще сюрпризы, кроме внезапно появившегося джинчурики Семихвостого, у них припрятаны на этой части границы.

— Не отставай, — криво ухмыляясь, посоветовал Забузе прошедший мимо него Кисаме. — Нам до той кучки дела нет.

— Пока нет, — негромко ответил Момочи в ответ. — А когда-нибудь в похожей ситуации, может, и будет.

— Загадывать наперед глупо, — легкомысленно ответил Хошигаки. — Только не с нашей работой.

— Если не думать о будущем сейчас, то потом может выйти так, что не сможешь думать уже о настоящем. Вообще ни о чем, — вынырнув из плотного тумана в стороне от Забузы, прошептала Теруми. — Вы слишком громкие.

Момочи молча кивнул в ответ и снова зашагал вперед. Сейчас лучше не делать ничего, что может поставить под вопрос компетентность всего отряда или отдельных его членов. Как со временем выяснилось, в нем оказались не самые плохие шиноби, хоть некоторые из них и не обучались в нормальной Академии. Может, от этого они становились даже в чем-то лучше. Пусть на их руках тоже полно крови, но они не убивали своих друзей.

При этой мысли в душе Забузы вновь взметнулась мрачная злоба, смешанная с болью. Эти чувства часто душили изнутри. Во время экзамена. После него. Потом стало чуть проще потом начало появляться странное опустошение и удовольствие от свершенной мести. Эту

радость Забуза лелеял, цепляясь за нее в поисках спасения от боли. И в надежде однажды вновь испытать пьянящее чувство свершенной мести. Только для этого нужно стать сильным и подняться в иерархии Киригакуре на максимальную вершину. Так что не стоило совершать ошибок. Особенно всего лишь в сотне метров от самого Мизукаге.

Оставшиеся сотни метров до передовых отрядов были преодолены в тишине. Туман, словно вата, закладывал уши. Только издали стали слышны взрывы и рев техник шиноби. Снова началось сражение на перевале, это значит, что скоро настанет удачный момент ударить во фланг сил противника. Для этого нужно было проломить оборону ущелья Коруй, зачистить его от вражеских отрядов и обезопасить себя от вражеской контратаки с выгодных для противника направлений.

Этот план не предвещал никаких проблем. Защитники ущелья были измотаны, против них выступил самый боеспособный отряд во главе с Мизукаге. Позиции Отогакуре должны были быть смяты в считанные минуты. Однако Киригакуре так и не смогло преодолеть даже первую вражескую позицию.

Забуза смог услышать впереди, на вершине обрывистого холма, чьи-то отрывистые и громкие приказы. Туман приглушил их, и разобрать их суть не удалось. А через считанные секунды взрывная волна сбила его с ног и поволокла по грязи вниз со склона. Лишь благодаря рефлексам Момочи успел сгруппироваться и зацепиться за поверхность чакрой. Кое-как приподнявшись на руках и ошалело тряхнув головой, прогоняя звон в ушах, он быстро осмотрелся.

Взрыв произошел всего в нескольких десятках метров от Забузы. Взрывная волна прокатилась во все стороны, разрывая пелену тумана в рваные клочья. Обрывки техники продолжали вихриться в воздушных потоках, но уже не имели прежней плотности. Сквозь них Момочи ясно увидел ярко сияющий силуэт шиноби, раскидывающий кирнинов. Именно его появление, похоже, сопровождалось взрывом.

— Ты как? — появившийся рядом Хакамадаре помог Забузе подняться на ноги.

— В норме, — приняв помощь, коротко ответил Момочи, тут же спросив: — Что с остальными?

— Живы.

Забуза и сам в этом убедился, осмотревшись. Его команда постепенно поднималась на ноги, их силуэты вырисовывались в зыбком тумане. Все шесть. Вроде, не покалечены. Хорошо.

— Берегись! — предупреждение Кёды долетело до ушей Забузы.

И оно едва не запоздало. Момочи дернулся больше от самого крика, чем успел понять, чего именно ему стоит бояться. И только в последний момент по случайности успел увернуться от мелькнувшего в воздухе предмета. Станный белый кунай чиркнул по плечу, обжигая болью и скрывшись в тумане. Еще около десятка таких же оказались заморожены в выросшую перед Момочи ледяную глыбу.

Вслед за кунаями в эту же глыбу влетел бледный демон. Усыпанное белыми шипами существо врезалось в лед, дробя его на куски мощными ударами. Выстрелившие из демона новые кунаи едва видны на фоне разлетевшейся во все стороны ледяной крошки. Забуза не понял, каким чудом успел заметить их Хошигаки, может, Кисаме просто действовал интуитивно, но новый залп угодил уже в водную стену.

Белоснежные кунаи проббили толщу воды, но потеряли силу и лишь едва задели стоящего возле Момочи Хакамадаре. И это были не кунаи. Белое оружие больше напоминало

дротики. Костяные дротики. А существо, метнувшее их — не демон, о которых поступали сообщения от дозорных отрядов. Это нечто худшее.

— Это Кагуя! — заорал кто-то из джонинов. — Сохранять дистанцию! Не принимать ближний бой!

Еще на последних словах джонина Забуза начал собирать чакру и формировать ручные печати для техники. За первым Кагуя появился второй. И третий. Их было больше пяти! Они просто проломили водяную стену, но тут же нарвались на выпущенный Момочи водяной снаряд. Мощный водяной бич пронесся по фронту перед Забузой. Обычно он мог этой техникой разрезать противника, однако в этот раз сжатая вода лишь оставила кровавые раны и отбросила нападавших, не сумев пробить укрепленные кости.

Забуза никогда в жизни не встречался с Кагуя, но его отец был одним из тех, кто пережил масштабное нападение этого клана на Киригакуре в тридцать первом году. По его рассказам Момочи примерно представлял, что из себя представляют Кагуя. Только отец не говорил ему, что среди них было так много владеющих Шикоцумьяку. Их уже больше полусотни!

Когда выдалось свободное мгновение, Забуза смог примерно оценить количество противников. Весь отряд Мизукаге оказался окружен этими монстрами и неизвестно, не скрывает ли еще их туман. Судя по встревоженным и даже испуганным лицам старших шиноби, это совсем не нормально.

— Группируемся! Прикрываем Мизукаге!

Эти приказы Забуза выполнил бы, наверное, с большой охотой. Отбиваться от нападающих на его отряд монстров чунинам было непросто. Присоединиться к более сильному отряду было бы хорошим решением, но до него еще нужно добраться. А вот к Мизукаге им сейчас лучше не приближаться вовсе, слишком опасно. Пылающий желтой аурой шиноби нацелился как раз на главу Кири. В этой схватке любой чих соперников может стать для чунина смертельным.

— Ороши, удержи их! — снова сбив с ног пару Кагуя, крикнул своему напарнику Забуза, напряженно следя за тем, как быстро вскакивают на ноги враги.

Их, вообще, можно убить?! Эти монстры просто отмахивались руками от оружия и ниндзюцу! А те раны, которые им все-таки удавалось нанести, на них заживали лучше, чем на выродках Узумаки.

— Сейчас! — крикнул Ороши в ответ. — В сторону!

На всякий случай в сторону прыгать Момочи не стал, наученный горьким опытом, он предпочел просто плюхнуться в грязь. Так точно меньше шансов попасть под широкую волну мощнейшего порыва ветра.

Влажные волосы на затылке Забузы растрепало и обдало холодным порывом ветра. Тревожный гул прокатился над головой, с жалобным скрипом ломались и срывались с места деревья. Быстро подняв горлову и отплеываясь от жижи, Забуза успел заметить, как почти беззвучно унесло Кагуя прочь. Волна сжатого воздуха волокла примерно с полдюжину монстров по земле. Почти так же недавно Момочи и сам летел на взрывной волне.

— За мной! — приказал он, подсакивая на ноги.

Вряд ли Кагуя были столь добры, чтобы помереть от такой техники. Лучше поскорее выполнить приказ и присоединиться к основной группе.

У них это, в отличие от второй группы прикрытия, получилось. Похоже, Кагуя не посчитали группу подростков достойной целью, выделив против нее не так много шиноби.

Это пока спасало. Но как быть дальше, Забуза пока даже не представлял.

Оказавшись под прикрытием джонинов, отбиваться от Кагуя стало проще, однако Момочи не сказал бы, что вместе с тем стало много легче выживать. С увеличением числа людей вокруг выросло и количество используемых ими техник. Пока у чунинов хватало выносливости драться на равных, но это не надолго.

Забуза успел заметить, как Кагуя буквально разорвали одного шиноби из группы связи. Возможно, кого-то еще постигла такая же доля, но следить за ситуацией Момочи больше был не в состоянии. Все его внимание занимало выживание собственной команды. В хаосе сражения это было непросто. Особенно в сражении с Кагуя. Эти монстры нападали, кажется, без раздумий и без жалости не только к врагу, но и к себе.

В какой-то момент Момочи едва не лишился головы, когда пронзенный тремя попаданиями Водяных Пуль Кагуя прорвался сквозь рвущийся вперед мутный поток воды с туфом. Забуза просто представить не мог, что за чудовище способно было так быстро преодолеть вал из густой, липкой грязи. Даже здоровяк Кисаме не смог бы сделать это так просто. Поэтому когда глаз Момочи зацепился за мелькнувшее вблизи белое костяное лезвие, ему пришлось наугад метнуть в том направлении катану.

Клинок со звоном отскочил от кости, на лету рассыпаясь на осколки, а Забуза спасся только с помощью вовремя появившегося рядом Хозуки. Момочи даже не помнил имени этого джонина, но тот появился очень вовремя, врезавшись в Кагуя и сбив его с ног. Многочисленные острейшие шипы пробили тело киринина, вспарывая ткань одежды и разбрызгивая в стороны капли чистой воды. Кагуя яростно зарычал, когда его тело начало тонуть в превратившемся в воду Хозуки, и пропал, использовав Шуншин.

Сохранять с Кагуя дистанцию становилось сложнее с каждой минутой. Единственные, кто пока спасал положение — это десяток из клана Хозуки, которым не были страшны острые костяные лезвия, и несколько мастеров гендзюцу, но и их силы были не бесконечны.

Как и силы самого Забузы. Он не мог сказать точно, как долго длилось сражение, но в редкие мгновения спокойствия Момочи только и мог, что жадно вдыхать влажный холодный воздух. Пот заливал глаза, а руки начинали подрагивать. Грудь горела изнутри, и сердце яростно стучало, отдавая болью в висках. Утомление давало о себе знать.

А Кагуя были все так же неумолимы. Но, кажется, их стало меньше. Ками, хоть бы это не казалось!

— Забуза! — хлопнув по плечу, крикнул едва ли не в ухо Хакамадаре. — Прикрываем!

Обернувшись, Момочи увидел зарождающийся желтоватый туман за спинами соратников, который выпускал призванный двустворчатый моллюск. Гендзюцу.

Молча кивнув, Забуза передал приказ остальным. Гендзюцу могло стать их спасением. И оно почти им стало.

Когда волна зыбкого тумана прокатилась из-за спин кирининов, Забуза уже был готов распрощаться с жизнью. Сжав зубы, он отчаянно пытался отбить удар Кагуя пустыми ножами катаны, уже понимая, что через секунду его кишки будут намотаны на кулак противника. Но Кагуя промахнулся. В полуметре от Забузы он промахнулся, ударив воздух. И продолжал молотить пустоту, оставив Момочи бездумно лежать в грязи.

Не веря чудесному спасению, Забуза с трудом поднялся, встал на колени, тяжело переводя дыхание. Впервые за целую вечность ему никто не мешал это сделать. Кагуя, почти все из них, иступленно сражались с пустотой. Это было дико. И это было прекрасно. Шиноби Тумана смогли, наконец, сразить первого Кагуя, захоронив его заживо под селевым

потоком. Они смогли убить эту бессмертную сволочь! Пусть Мизукаге все еще сражается с неизвестным противником, но теперь у них есть шанс!

Раздраженно и зло сплюнув кровавую слюну, Забуза начал складывать ручные печати для техники. Кагуя они или нет, но его враги должны быть убиты его рукой!

Техника была почти завершена, когда мелькнувшие перед глазами брызги крови окропили грязные руки Момочи. Он успел удивиться, насколько ярка кровь на покрытой черными разводами коже, когда резкая боль прострелила грудь, а горло свело приступом болезненного сухого кашля. Нечто холодное и острое скользнуло по ребрам и вырвалось наружу, разбрызгав кусочки плоти. Что-то в груди сжалось с нестерпимой болью, выбивая слезы из глаз, заставляя холодеть руки. Готовая к технике чакра быстро вышла из-под контроля, растворившись в меридианах.

Опустив голову, Забуза, не веря своим глазам, смог рассмотреть дыру с правой стороны груди, из которой торчали белые кусочки костей. Немеющими руками попытался заткнуть ее, от накрывающего сознание страха не понимая, что толку от этого нет. Уже заваливаясь набок, он смог рассмотреть фигуру гиганта на холме. Темный силуэт терялся в тумане, но в его руке можно было отчетливо рассмотреть рукоять огромного меча, клинок которого быстро собирался из мелькающих в воздухе кусочков металла в гигантское лезвие Кубикирибочо.

И уже когда перед взором Забузы замелькало лицо Кёды Юки, а грудь начала стремительно сковываться уносящим боль холодом, Момочи заметил краем глаза содрогающуюся от хохота пылающую желтым огнем фигуру. С двумя половинками человеческого тела в руках.

Закрывая глаза от стремительно накатившейся усталости и сонливости, Забуза успел подумать еще лишь об одном.

У них не было ни единого шанса.

Глава 35. Цена счастьем

1 августа 46 года от начала Эпохи Какурезато

В тишине небольшого круглого зала было отлично слышно, как три пары ладоней складывают ручные печати. Формирование чакры для нужной техники длилось долго, уже минуто как. В бою я давно бы был мертв, но, например, перед созданием башни, в которой я нахожусь, люди готовились наверняка в разы больше. Однако моя техника не только была слишком медленной для боевой, но и слишком незначительной, если сравнивать с дворцом королевы Роурана.

Сомкнув руки в последний раз, вызвав таким образом синергию определенных тенкецу в руках и заставив чакру в себе принять нужную форму, я аккуратно выдохнул небольшое облачко желто-зеленого газа. Незначительная его часть рассеялась, наполнив помещение удушливым ароматом. Другая часть оказалась в пространстве барьерной техники, поэтому тут же стремительно начала падать вниз, останавливаясь лишь в нескольких сантиметрах над начертанной на стоящем передо мной столе печатью. Аккуратно разомкнув ладони, я удовлетворенно осмотрел результат своей техники.

Зеленоватый газ на фоне бесцветной атмосферы был отлично виден. Он плавал в рамках невидимого барьера и внешне сильно напоминал то, что я хотел получить. Внимательно оценив полученную из чакры субстанцию на внешний вид, я, не глядя, потянулся верхней парой рук к лежащему неподалеку блокноту и карандашу.

— Комбинация печатей номер триста семь, — сам себе пробормотал я, чиркая неровные линии знаков на новом листе. — При взаимодействии с чакрой Рюмьяку контроль над техникой значительно улучшен. Получен желто-зеленый газ в три раза тяжелее воздуха с характерным запахом.

Второй парой рук подхватив со стола один из немногих оставшихся маленьких свитков, я распечатал хранимую в нем технику. Бумажный сверток отправился в груду таких же использованных его собратьев под столом, а техника проникла сквозь стенки барьера, стремительно вымораживая пространство.

— При охлаждении до минус тридцати четырех газ начал конденсироваться в желто-зеленую жидкость, — снова сделал я пометку в журнале. — Мощности запечатанной техники Хьетона не хватило для затвердевания жидкости, следовательно, ее температура плавления ниже девяноста-девяти пяти градусов.

Еще несколько минут проверяя физические свойства полученного газа, я увеличивал давление, точнее измерял его плотность и, наконец, перешел к его химическим свойствам, начав помещать в него приготовленные ранее реактивы. На много опытов его не хватило, я успел только сжечь в газе немного меди, сурьмы и красного фосфора, из-за чего пространство внутри барьера оказалось заполнено смесью буроватого дыма. Еще получилось пропустить немного газа через раствор йодидов, но на этом все. Впрочем, этого было для первой фазы опыта достаточно.

— Полученный с помощью чакры хлор с высокой степенью вероятности по химическим и физическим свойствам от настоящего не отличается, — заметил я, задумчиво рассматривая слабо колеблющуюся массу бурого дыма из хлорида меди с примесями серого дыма от окисленного хлором фосфора и сурьмы. — В газе ощущается наличие чакры, однако на его реакционную способность это не влияет. В соединениях чакро-хлора с

естественными химическими элементами так же ощущается наличие чакры, но в меньшей степени.

Нужно подождать и продолжить изучение теперь уже полученных хлоридов. Любопытно, насколько долго в них будет ощущаться наличие чакры. По моим предыдущим наблюдениям за самой простой созданной Суйтоном водой, со временем она частично сублимирует, просто растворяясь в природной энергии, частично превращается в обыкновенную воду. Возможно, дальнейший распад продолжался с меньшей скоростью, но ограниченная экспозиция опытов не позволила ее оценить.

Технически я даже могу примерно понять и обрисовать этот процесс распада. Ну, настолько, насколько это возможно с моими ничтожными познаниями в квантовой физике. Насколько я помню из случайно прослушанной в далекой молодости лекции, материя — это тоже энергия, чья материальность и масса основана на взаимодействии кварков вещества друг с другом и их давлением на некое поле. Честно, я большую часть той лекции проспал, но из памяти удалось выудить хоть это. Или я просто так понял и сам додумал услышанное.

Так или иначе теперь я могу с чистой совестью предположить, что чакре можно придать природу этих кварков, видоизменить ее своей волей так, что она станет материальна. Из-за неких природных механизмов получить воду и камень достаточно просто, хотя так как энергия в материальном объекте сжата плотно, то техники Суйтона и Дотона получаются более энергоемкими, в сравнении с остальными природными преобразованиями. Поэтому проще использовать окружающую материю, вливая в нее свою синхронизированную с ней чакру.

А вот нечто необычное и химически нестойкое в природе, вроде хлора, получить с помощью техник очень сложно. Думаю, при наличии определенных кеккей генкай задача упростится, но у меня в теле Омушимару техника получилась только с чакрой Рюмьяку. Наверное, это объясняется низким уровнем контроля. По моим наблюдениям, идеально выполненная техника должна не сама по себе создавать огонь из чакры, например, а влиять на мир, порождая в нем огонь. Это, наверное, можно сравнить с весами. Нужно немного нарушить их равновесие, чтобы сдвинуть с места чаши. Это в идеале, конечно. В жизни-то все почему-то всегда гораздо сложнее.

— Зато энергия, выделяемая при окислении меди в чакро-хлоре, ничем не отличалась от энергии при окислении в обычном, — прокомментировал я увиденную мной под слоем дыма обожженную поверхность стола.

Думаю, для шиноби станут неплохим сюрпризом облака хлора. Хотя сама техника *Докугири* далеко не нова, но там ядовитый туман состоял из химических соединений, производимых самим организмом и размноженных с помощью чакры, что-то наподобие клонирования и стимулирования организма ирьениндзюцу. Механизм получения чистого хлора совершенно иной, он сродни получению кислотного тумана с помощью Стихии Пара. И вместо хлора можно использовать более интересные химические элементы.

— Омушимару-сан?! — услышал я крик с нижнего этажа.

— Я здесь, — крикнул я в ответ, быстро развеяв результаты своих экспериментов.

— Омушимару-сан, — поднявшись по лестнице, заглянула на занятый мною чердак горничная, — вас разыскивают Ее величество.

— Хорошо, — пряча дневники в печатях и направляясь в сторону лестницы, ответил я. — Где мне ее найти?

Если следовать этикету и ждать, пока горничная сопроводит меня к королеве, то может

пройти вечность. Со своими опытами я забрался под самый шпиль дворцовой башни Роурана, фактически я сидел на чердаке дворца, в исключительно техническом помещении с ажурной крышей, которая скрывала под собой выходы вентиляционных шахт. Здесь была лучшая циркуляция воздуха в городе на случай утечки опасных газов. Но королева редко поднималась на эти технические этажи, путь отсюда до нее всегда неблизкий. Мне проще преодолеть его в одиночку.

— Ее величество просили прибыть вас в мертвецкую при Королевском госпитале.

— Мертвецкая? — удивленно переспросил я.

— Мне неизвестны подробности. Ее величество были в гневном настроении и не были склонны разьяснять свои приказы.

Мне даже интересно, что могло заставить Сальму вызвать меня в морг. Мои шиноби кого-то убили? Или погиб кто-то из храма Рюджина? Или там лежит очередной незадачливый наемный убийца, которого нужно допросить? Да, гадать смысла нет, только нервы себе потреплю. Лучше поторопиться и разузнать все из первых уст.

Королевский клинический госпиталь находился недалеко от Университета Роурана, фактически он был его частью. В основном там лечили гвардейцев, самураев и шиноби, на то он и госпиталь все-таки, но имелись квоты и для гражданских, которых не могли исцелить в других клиниках, которые имелись, например, при храмах или банях. А сама мертвецкая госпиталя была под ним, в Нижнем городе. Добраться туда быстро было не так-то просто даже мне.

Очень надеюсь, что мои шиноби к причинам гнева Сальмы не причастны. Хотя после настолько удачной операции против Страны Воды удивляться даже самым паршивым событиям в других регионах не стоило. Пусть у закона подлости нет под собой научного обоснования, но иногда он работает лучше, чем мне бы того хотелось.

А конфликт на границе Страны Звука со Страной Горячих Источников удалось решить и в самом деле очень удачно. Черета сражений с Киригауре была нелегкой, но потери Отогауре удалось свести к минимуму. И были решены сразу несколько задач. Главная из них в том, что боевые части и командиры прошли проверку боем. При этом всплыла сразу куча проблем как на тактическом уровне, вроде низкого уровня разведки даже с учетом наличия качественных сенсоров, так и на рядовом — уровень подготовки оказания первой помощи у бойцов все же низковат. Проблемы решаемые, жаль только, что выявлены они сейчас, а не годом ранее. Наверное, я слишком понадеялся на способности Чиноике, Узумаки и Шиин. И переоценил живучесть шиноби. Нужно расширить их экипировку штатными аптечками, а так же включить в подготовку курсы оказания первой помощи. Научить диагностировать элементарные травмы и пользоваться всякими препаратами, вроде гемостатиков, раз уж к ирьениндзюцу талант редок. Задача бойцов же не вылечить, а сохранить жизнь пострадавшему, пока он в руки ирьенинов не попадет. Правда, для этого нужно начать переупаковывание некоторых фармакологических производств... Еще одна головная боль.

В целом же, результаты начала открытой войны между Ото и Кири пока можно оценивать положительно. Удалось дезинформировать Мизукаге и подтолкнуть его нацелить основной удар своей армии по Отогауре именно там, где мне это было нужно. И удалось отразить вторжение Тумана, нанеся ему серьезное поражение. Хотя оно больше репутационное: Кири потеряло Мизукаге и потерпело поражение от малой деревни. Не знаю, насколько это хорошо, гибель Мизукаге в мои планы не входила, теперь Ото у Кири во

врагах номер один на ближайшие пару лет. И это с учетом того, что сами войска понесли не настолько большой урон, чтобы их не опасаться в будущем.

С другой стороны, Кагуя своей победой заслужили большее признание от соратников, чем я рассчитывал. Наверное, можно попробовать начать их интеграцию в действующие войска. В первую очередь в сформированные из шиноби Югакуре части, чья преданность пока вызывает вопросы.

Еще в войне я чудом не потерял Акичи с ее отрядом. Реально не рассчитывал, что она окажется в такой передряге. Зато Курама показал себя с неожиданной стороны. Хотя ему не удалось окончательно победить джинчурики Исобу, ее вовремя вывели из боя ирьенины. Зато Мицуко, кажется, ликвидировала костяк секты Джашина, правда, тело Рюдана обнаружить не удалось. Это немного печалит, хотелось по возможности понаблюдать за его уникальными техниками в лабораторных условиях.

В общем, пока обстановка в мою пользу. Киригакуре деморализовано, дух Отогакуре на подъеме. Пролитая вместе кровь, общая победа и общее горе сплачивают шиноби. Опять же с Кири удалось справиться без привлечения моих или Юко сил, что должно намерить другим деревням о наличии в Ото достаточного количества квалифицированных шиноби, а это хотя бы на время войны заставит их не связываться со Звуком. Главное, чтобы Годайкоку не объединилось против меня, а такая угроза теперь более реальна. Потому что, чтобы появилась возможность высвободить силы с северного направления и одновременно предотвратить возможную месть Киригакуре за поражение, пришлось пожертвовать марионеткой Райкаге. Пока она в одиночку удерживала армию Кири и Ивы в прибрежном регионе, я смог перебросить части Отогакуре на южное направление. А Кумо смогло осуществить контратаку против Кири, заставив их уходить на восток Страны Горячих источников. Собственно, этот маневр Облака и стал залогом победы Звука, иначе Туман не остановила бы и смерть Мизукаге.

Зато сейчас, когда их силы отброшены назад, смерть Каге может выиграть нам время, заставив пока верхушку Кири заняться выборами нового руководства. В военное время это процесс недолгий, но на боеспособность армии он все равно влияет не лучшим образом. В Кумо, конечно, все проще, наследник уже определен, и мне с ним нужно как-то продолжить работать. Учитывая его молодость и продолжающееся развитие, незаметно заменить его марионеткой сложнее. В военный период вообще это сложнее проверить из-за повышенных мер безопасности. Так что нужно как-то наладить добрососедские отношения с новым Райкаге, благо для этого все необходимое имеется. Главное, в процессе совсем уж открыто не противопоставлять себя другим какурезато, кроме Кири.

Проклятье. Кажется, в ближайшее время у меня будет просто уйма работы, в том числе и в этом теле, так как придется оживить дипломатическую деятельность с Суной, чтобы снизить шансы появления большой коалиции какурезато. Ожидаемо, но с тех пор, как я признался во всем Сальме, мне так нравилось жить в Роуране, сконцентрировав усилия на научной работе и руководстве мизерными силами Ото в данном регионе. Близость королевы и дочери заметно расслабляла.

На столь невеселой мысли я, наконец, добрался до Нижнего города. Спускаясь на лифте Королевского госпиталя в его подземные корпуса, можно было оценить масштабы подруанья. Старый Роуран был почти столь же велик по площади, что и новый, но здания в нем были значительно менее высотными. Домики здесь были глинобитными и саманными с не самыми характерными для региона черепичными крышами. Сейчас все они терялись в

полумраке, рассеянный солнечный свет попадал сюда через немногочисленные световые колодцы в усеянной коммуникациями нижней поверхности современного города. И старые дома откровенно терялись на фоне монументальных колонн, поддерживающих новые башни Роурана.

Вскоре лифт довез меня до нужного этажа, оставив позади уникальные пейзажи пустынной столицы. В госпитале, да и во всех зданиях дворцового и университетского корпусов меня знали, так что до морга путь был уже не долог.

— А, Омушимару-сан, — смерив меня холодным взглядом, произнесла королева, стоило ей только меня увидеть, — вы заставили нас ждать.

— Прибыл со всей возможной поспешностью, Ваше величество, — изобразил я чувство вины. — Зачем вы желали меня видеть?

Ожидала меня королева, естественно, не в секционной части танатологического отделения, а в кабинете им заведующего врача. Сам танатолог здесь так же имелся в наличии, чему он был совсем не рад. Сальма явно была не в лучшем расположении духа, и если бы с ней не было Сары, то наверняка вела бы себя не столь сдержанно. Интересно только, каким ветром сюда занесло и саму королеву, и нашу с ней дочь?

— В недавнем времени, как вы уже знаете, Омушимару-сан, до меня дошли сведения о случаях смерти жителей города от новой болезни, — величественно поднявшись из кресла заведующего и направившись к выходу из кабинета, ответила Сальма. — Сегодня мне сообщили подробности. Я посчитала нужным лично убедиться в их достоверности, так как не во все смогла поверить. И теперь мне требуется ваша консультация.

— Консультация в какой области, Ваше величество? — уточнил я, следуя за королевой.

— Консультация специалиста широкого профиля, — уклончиво ответила Сальма. — Давайте сначала снова полюбуемся жертвой этой... болезни.

Загадки. Не всегда я их люблю, но если моей королеве хочется ими говорить, то это ее право. Замечу только, что Сара, кажется, была совсем не рада повторному любованию трупом. Что же, для этого ее с собой Сальма и привела, скорее всего. Обучение принцессы было очень разносторонним.

До секционного отделения добирались в молчании и остановились только, чтобы надеть защитную одежду. Королеве и принцессе достались широкие хлопковые халаты, которые нужно было накинуть прямо поверх основной одежды, бахилы, шапочки и маски. На мой взгляд посредственное обмундирование, но мы все же не в лепрозорий направляемся.

— Ваше величество, прошу прощения, если покажусь заносчивым, но все же посещение биологически опасных объектов лично может быть опасно. Особенно, если речь идет о новой болезни, — не удержался и все же высказался я, накинув на плечи только что созданную из произведенного чакрой шелка белую накидку.

— Эта болезнь не заразная.

И откуда бы тебе это было известно, задался я вопросом, пытливо посмотрев на королеву. Но ответа, конечно же, не получил, Сальма поспешно отвела взгляд, понимая, что мое недовольство достаточно обосновано, и у нее поводов для лишнего упорства нет.

— Сейчас сам все узнаешь, — недовольно проворчала королева, поспешно перешагивая порог секционной.

На всякий случай я все-таки создал барьер на основе Футона для защиты от мелких частиц. Вообще, эта техника, разработанная еще в далекой молодости, не перестает удивлять

своим потенциалом. Если бы ею можно было научить пользоваться большее количество людей, то это здорово бы стимулировало прогресс. Дезинфекция, химическая и биологическая защита, но, главное, получение редких газов, вроде аргона, ксенона и криптона, из атмосферы воздуха без циклопических криогенных заводов. Жаль, но для этой техники нужно иметь достаточно высокий уровень знаний и специфичный склад ума. Этим мне и не нравятся все эти чакро-технологии: их просто нереально сложно масштабировать.

Тем временем в прозекторской нас встретила пара танатологов и заботливо укрытый белой ветошью труп на секционном столе. Ну, посмотрим, что там Сальму так встревожило.

— И что вы об этом думаете? — спросила меня королева, стоило только персоналу морга откинуть ветошь с трупа.

Однако с ответом я не торопился, потому что с ним возникли некоторые затруднения. Труп был необычен по ряду параметров. Явно видны трофические изменения, фактически от человека при жизни остались лишь кожа да кости. Без преувеличения. Возможно, посмертные изменения усугубили картину, но передо мной оказалась практически натуральная мумия. Чтобы добиться такого результата, человека нужно морить голодом неделями. Помимо этого, на спине и на ягодицах на фоне трупных пятен можно было заметить некротические прижизненные изменения. Результат, похоже, малоподвижного образа жизни. Жертва в последние месяцы своей жизни, должно быть, лежала без движения и ухода, из-за чего образовались пролежни. Настолько серьезные, что даже при жизни сквозь сгнившую плоть стали проступать кости таза и ребра. Так же некротические изменения были заметны на пальцах конечностей, правая кисть практически была высохшей костью из-за развившейся и запущенной сухой гангрены.

Умер человек, по всей видимости, от сепсиса. И походил на жертву пыток, которую сгноили в застенках. Но из-за такого достаточно тривиального для этого мира явления меня бы Сальма не вызывала. Так что ответ не столь очевиден.

Похоже, перед гибелью этого человека в некоторой степени поддерживали. Подкармливали. Что еще? Зубы гнилые, но это не такая редкость с местным уровнем гигиены у некоторых слоев общества. На внутренних органах так же видны проявления трофических нарушений и воспалительных процессов. Печень увеличенная, на вид плотная, белая, бугристая, на разрезе видно, что паренхима замещена соединительной тканью. Крайне запущенный цирроз. Почки белесые со множеством кровоизлияний. Сердце просто гигантское, но дряблое, видны признаки жирового перерождения тканей. Полости организма заполнены гноем.

Н-да, картина неприятная, наверное, без воздушного барьера запашок от этого трупа был бы мощный, и в основном теле я его заметил бы еще в кабинете. К счастью, в этом клоне органы хеморецепции у меня не так хорошо развиты.

Что касается покойника, то удивительно, как он еще жил со всем своим букетом заболеваний. Любой нормальный человек, даже из каст неприкосновенных, себя бы до такого состояния довести не смог. Ирбенины в этом мире не доступны всем и каждому, но и народная медицина все-таки не настолько бесполезная, чтобы не справиться хотя бы с элементарными пролежнями или гангреной. Тем более в Роуране, где кастовость не так сильно выражена, и имеются больницы не только при храмах, но и в банях. Покойнику явно либо помогли едва ли не сгнить заживо, либо ему было совершенно безразлично свое состояние.

Если первый вариант отмечается из-за своей тривиальности, то остается второй, причин

которому не так уж много.

Я еще раз осмотрел труп, взгляд зацепился за непримечательную длинную ссадину на предплечье здоровой руки. Не будь у меня бьякугана, возможно, и не обратил бы вообще на нее внимания на фоне многочисленных язв, все-таки я не профессиональный патологоанатом, хоть этот мир и заставил многому научиться.

Для того, чтобы сформировать едва уловимый поток воздуха, мне потребовалось сложить только печать концентрации. Невидимое лезвие пронеслось по сухой коже, разрезая плоть. Уплотнившийся воздух развел края пореза, открывая блестящую поверхность множества кровоподтеков вдоль тонкой, покрытой рубцами вены.

— Какая неожиданность для этого времени, — хмыкнув, заметил я и развеял технику, отступая от трупа. — Я так понимаю, эта «болезнь» затронула не одного человека? Я давно предупреждал, что пристрастие населения к специфичным курительным смесям может привести со временем к более серьезным последствиям. Хотя не ожидал, что шприцы станут настолько доступны, что наркоманы смогут приспособить их под свои нужды уже сейчас.

Царапина на руке была вовсе не ссадиной, а типичной наркоманской дорожкой — цепочкой внутривенных инъекций. Учитывая отсутствие одноразовых шприцов, теперь не удивительны столь значительные поражения конечностей. И их запущенность. По всей видимости, вводимые человеком в себя вещества были достаточно мощными, чтобы подавлять боль и всякую лишнюю умственную активность. Ему просто были безразличны болезни и травмы, все, что нужно — это очередная доза. Очень извращенный способ самоубийства, как на мой взгляд.

— Кажется, ты знаком с этой «болезнью», — удовлетворенно кивнула Сальма.

— Лично нет. Впервые вижу такое проявление наркомании. Но Рюджин-сама смог это предвидеть, — скосив взгляд на бледнеющую Сару, ответил я. — Первая мировая прошла быстро и не вызвала такого масштаба проблем, но Вторая мировая была гораздо более длительной. Истощенные медицинские запасы какурезато требовали пополнения. Так родился спрос. И появилось предложение: появились новые производства, засеивались нужными культурами поля. Кончилась война, и потребность в прежних количествах боевых стимуляторов стала отпадать. А людям нужно на что-то жить, особенно в послевоенное время. Естественно, был быстро найден другой рынок. Обычные люди не имеют такой же устойчивости к препаратам шиноби, и у них нет доступа к ирьенинам, у них может развиваться зависимость. Вот и результат.

Не дожидаясь, пока дочери окончательно подурнеет, я сложил верхней парой рук печать подготовительной техники Шичи Тенкохо и аккуратно опустил ладони нижней пары рук на плечи Сары. Немного свежего, насыщенного кислородом воздуха ей сейчас не помешает.

— Я подозреваю, что распространение этой заразы происходит не только по описанным тобой естественным причинам, Омушимару-сан, — смерив снисходительным взглядом меня с Сарой, заметила королева. — Мои люди смогли найти некоторые улики, намекающие на причастность к распространению наркотиков больших какурезато.

— Это не в духе шиноби, — с сомнением произнес я. — Хотя, если на то была просьба дайме, то некоторые подразделения деревень могут поучаствовать в таких операциях.

И, кстати, есть некоторый довод в пользу подозрений Сальмы. Внутривенный способ доставки в организм наркотических веществ для этого мира достаточно экзотичен. В принципе, после той же войны на складах какурезато появился избыток некоторых инструментов. Да и производство тех же шприцов тоже развилось, но это до сих пор вещь

достаточно дорогая. Собственно, судя по гангренам, использовался не очень качественный или многократно использовавшийся инструмент, дезинфекцией которого часто пренебрегали. Но тем не менее это был именно шприц с достаточно тонкой иглой, а не какой-нибудь рыбий пузырь с тростником. Значит, откуда-то поставки идут не только наркотических веществ, но и средств их инъекции. А это уже продукт более технологичный, простые контрабандисты подобным бы не промышляли. Обычно здесь распространяют более привычные и доступные курительные смеси.

— Именно интересы дайме и прослеживаются в распространении этих наркотиков, — уверенно заявила мне Сальма. — После начала работ в моей стране Рюсей Соры-сан на побережье появилась возможность возделывания сельскохозяйственных растений. Семенной материал и удобрения из Страны Звука позволили получить достаточный урожай для значительного снижения импорта продовольствия. И введенные мною пошлины этому во многом способствовали. Мне кажется, именно это стало основной причиной. Это сместило привычный торговый баланс с северными странами. Сейчас Страна Песка стала, во-первых, более независимой. Во-вторых, за получение все ширящегося перечня товаров химической промышленности Страны Песка соседние государства теперь вынуждены расплачиваться более ценными для себя ресурсами, вроде металлов. И вместе с тем, им теперь нужен новый рынок сбыта для излишков своего продовольствия. Мне кажется, что если все пойдет в том же духе, то поток наркотиков со временем только увеличится. Поля начнут засеивать новыми выгодными культурами, а тот же опиум — это не рисовые пирожки Страны Земли, от него пристрастившийся отказаться так просто уже не сможет. Остановить развившуюся незаконную торговлю будет сложно. Гораздо сложнее, чем задавить ее на корню.

— Если все так, как ты описываешь, то проблему не решить только внутренними репрессиями, — с сомнением заметил я. — Нужно исправлять ситуацию непосредственно на местах. Там, где нежелательные культуры возделывают. Нужно дать людям более выгодное предприятие.

— Выгоднее, чем продажа наркотиков сошедшим от них с ума людям? — язвительно уточнила Сальма. — Это очень сложно, но я думаю над этим. Может, уважаемый Рюджин-сама может подсказать что-то на этот счет?

— Я непременно передам ему ваши слова, Ваше величество, — подавив тяжкий вздох, ответил я королеве. — Уверен, что он окажет вам всю возможную помощь.

— Очень на это надеюсь. Но пока мне нужна от вас другая, конкретная, помощь.

— Желаете допросить покойника? — вновь скосив взгляд на причину моего прибытия в мертвецкую, уточнил я. — С данным конкретным мертвецом простой техникой ограничиться не получится. Даже если забыть о проведенном вскрытии, в последние месяцы жизни этот человек был в невменяемом состоянии. Чтобы добиться от него ответов, необходимо призывать его душу из Чистого Мира. Вы знаете, что я не люблю подобного рода ритуалы.

— Тем не менее мои люди уверены, что данный человек мог владеть крайне важной информацией, необходимой для ограничения незаконной торговли. Мне нужна эта информация, на кону стоят жизни людей.

— Я понимаю, — не сдержав вздоха, ответил я. — Уверен, вы в курсе, что потребуется жертва. И она у вас есть.

— Осужденные к смертной казни всегда найдутся, — спокойно ответила Сальма. — Идемте, Омушимару-сан, в этом гостеприимном месте мы всегда успеем еще побывать, так

что нет повода здесь задерживаться больше, чем того требуют дела.

С этими словами Сальма решительно направилась... Нет, конечно же, не к выходу, а в другую часть морга. Уверен, что к использованию *Эдо Тенсей* королева подготовилась заранее и была бы вообще рада провести его сразу на кладбище, чтобы не утруждать своих подданных последующей транспортировкой еще одного трупа. Иногда в ней проявляются удивительные оптимизаторские способности.

— Сенсей, — позвала меня Сара, украдкой дернув за рукав кимоно, воспользовавшись тем, что мать стремительно скрылась за поворотами коридоров морга, — вы в самом деле способны призвать душу из Чистого Мира?

— Да, я владею несколькими техниками, которые могут это позволить, — кивнув, ответил я девочке, уже догадываясь, о чем она думает. — И нет, я не буду пытаться призвать Тацуму Гото, Ваше высочество.

— Но почему?! — даже не успев толком обрести надежду, расстроено спросила Сора.

— Как я уже говорил, мне не по душе такие ритуалы. Рюджин-сама учит, что души в Чистом мире очищаются от тягот этого мира, готовясь к перерождению и истинному бессмертию. Призыв наделяет души большим количеством энергии этого мира и пробуждает прижизненные воспоминания, надолго отодвигая перерождение. Возможно, даже лишая его, из-за чего душа может стать демоном. Я уверен, что ты не желаешь подобной участи своему отцу.

— Простите, сенсей, я не знала, — все еще расстроено пробурчала Сара в ответ. — Но почему вы помогаете моей матери тогда?

— Хороший вопрос, — от всего сердца высказался я. — Наверное, я слишком глуп, раз делаю для нее это по первому слову. Похоже, теперь мой черед быть во власти ее чар.

— Сенсей?.. — не поняла Сара.

— Однажды ты обо всем узнаешь, — едва заметно поморщившись, пояснил я. — И однажды ты сможешь встретиться с отцом, если тебе покорятся все стихии.

— Да?!

— Это предсказание Рюджина-сама. Они всегда сбываются.

— Но что значит: «если тебе покорятся все стихии»? — недоуменно уточнила Сара. — Я не шиноби и не могу использовать ниндзюцу.

— Рюджин-сама поручил мне обучать тебя более сложному искусству. Попытайся овладеть пятью техниками тайдзюцу Рюджина-сама: Бьякко, Судзаку, Сейрю, Гэмбу, Корью. Или научись им противостоять.

— Это... будет очень сложно, — немного подавленно ответила Сара, но поспешно добавила более решительным тоном: — Но я сделаю все, чтобы добиться успеха!

— Рассчитываю на тебя, ученица.

— А я на вас, Омушимару-сенсей!

Надеюсь, не слишком высокую планку задал. Хотя на всякий случай оставил лазейку: противостоять этим техникам можно по-разному. Но вообще, пока ситуация в мире такая, что разглашать информацию о близком родстве с Сарой мне не хочется. Стоило мне только объявить о рождении фиктивных сыновей, как их тут же, пусть и при моем попустительстве, попытались похитить. Мне совсем не понравился тот случай, когда Данзо едва не убил Сору. Тогда я открыл в себе не самые лучшие стороны характера, хуже было только после инцидента с Мицуко. Так что для меня же и для Сары будет спокойнее, если она для начала станет более сильной. Или совершеннолетней, тогда к ее смерти я отнесусь гораздо

спокойнее. Скорее всего. Может быть. Наверное.

Ладно, с этой проблемой пока разобрались. Теперь пора возвращаться к другой, более насущной. Если предположения Сальмы верны, и против Страны Песка пытаются развязать некое подобие опиумной войны, то оставить это без внимания я не могу. Если все подтвердится, то, скорее всего, мне придется самому начать играть не по правилам с нашими противниками.

Глава 36. Возвращение к корням

17 декабря 46 года от начала Эпохи Какурезато

— Конвой пересек наружный периметр, — предупредил собравшихся на площадке над воротами шиноби Хиаши. — Сопровождают троих человек. Орочимару среди них. С ним женщина, внешность подходит под описание Мейро Чиноике. Мужчина не знаком, но, скорее всего, он либо из клана Шиин, либо из Узумаки.

Услышав эти слова, Кушина нервно сжала перила, которыми была огорожена надвратная площадка. Орочимару все-таки взял с собой кого-то из Узумаки. Это вызывало в душе девушки одновременно радость и сожаление. Она была рада, что вновь увидит кого-то из знакомых с детства людей, что еще раз убедится, что клан жив и увиденное в Стране Звука не было гендзюцу. Сожаление же было вызвано тем, что не она одна станет свидетелем очередного появления Узумаки на публике. Конечно, уже многие подозревали, что клан красноволосых выжил, но лишний раз в этом убеждаться, по мнению Кушины, им не стоило.

В Конохе до сих пор относились к Узумаки хорошо, на форме шиноби Листа по-прежнему имелся камон родного для Кушины клана. Коноху и Узумаки объединяла долгая история союзнических отношений. Однако сейчас все красноволосые были частью не Узушио, а Отокагакуре, в котором властвовал Орочимару, нукенин Конохи. Это омрачало нынешние отношения. И вызывало у некоторых подозрения по отношению к Кушине, которая к тому же совсем недавно была вынуждена некоторое время гостить в Скрытом Звуке.

Джинчурики и раньше не сильно любили. Сейчас отношение только ухудшалось.

— Не стоило Хокаге соглашаться на встречу с Орочимару в Конохе, — высказался стоящий рядом с Кушиной Фугаку. — Не припомню такого, чтобы нукенин добровольно являлся в родную деревню по приглашению ее руководства, и ему при этом гарантировали бы безопасность.

— Выбора особого не было, — встал на защиту Хирузена Минато. — Хокаге сейчас не может надолго покинуть ставку.

— Даже так можно было встретиться хоть в лесу, — холодно заметил Учиха. — Лишь бы не приводить его в Коноху.

— Это было бы слишком большим неуважением, — покачал головой Намикадзе. — Это все-таки не простой нукенин, а Орочимару.

Учиха тоже можно понять, им тоже не хочется лишний раз напоминать всем жителям Конохи о том, что их герой Второй мировой и единственный ныне живущий обладатель Мангекье Шарингана сейчас обитает в Стране Звука и сражается на стороне приглашенного сегодня в Лист нукенина. Хорошо, что Орочимару хватило благоразумия не брать с собой Юко, но он привел с собой Чиноике. Кушина не была в курсе всех тонкостей конфликта двух кланов с уникальными додзюцу, но присутствием Чиноике в Конохе Учиха довольны не были. Да и история с Юко не добавляет доброжелательности к Орочимару и его сопровождающим. Пусть Учиха сами, добровольно отпустили свою соратницу, пусть она была слепа, и прошлый глава клана не мог ей отказать в просьбе отпустить ее к Рюджину. Но сейчас-то она вновь прозрела, а Рюджином оказался Орочимару.

— От этих переговоров пока только одни проблемы, — недовольно пробормотала

Кушина, подытожив свои мысли.

— А без них проблем еще больше, — невесело пошутил Минато, вглядываясь в теряющуюся в окружающем Коноху лесу тропу.

Кушина вздохнула, молчаливо соглашаясь с утверждением товарища. Дайме Страны Огня требовал от Конохи большей активности на северном направлении, для чего нужно было ослабить части в Стране Горячих Источников, которые могли стать легкой мишенью для Кумо или Кири. В этом вопросе не согласиться с требованиями дайме тоже было сложно: доходили слухи, что Страна Земли овладела новой технологией выплавки стали, точно известно о наличии у нее нового флота и товарного сообщения со Странами Луны и Снега. Это и еще некоторые известия от северных соседей грозило в будущем существенным улучшением экономики Страны Земли и, следовательно, укреплением Ивагакуре. Допустить подобное было бы очень глупо, но открываться под удар восточных соседей тоже не стоило. Для решения этой дилеммы и потребовались переговоры с Отогакуре.

Маленькая деревня в последние годы показывает значительные успехи в войне против Кири. Так же Орочимару спас от смерти отца нынешнего Райкаге. Пусть Третий Эй в результате все равно остался калекой и после травмы головы утратил все воспоминания, но он жив, за что Четвертый Эй благодарен Змеиному саннину. Так что через своего нукенина Коноха могла добиться перемирия на восточном фронте с Кумо, и он же мог отвлечь Кири на себя, позволив Листу вплотную заняться Ивой.

Главная проблема была в том, что Орочимару оставался нукенином. Далеко не всем в Конохе был по душе такой, пусть даже временный, союз.

— Вот и гости... — пробормотал Минато за несколько секунд до самого появления неспешно шагающих по пустынной тропе фигур.

Сегодня пришлось оцепить несколько районов Конохи и на время перекрыть движение по одной из ведущих в деревню дорог. Орочимару давно лично не участвовал в сражениях, но шиноби Конохи имели сомнительное удовольствие помериться с ним силами чуть более года назад. Этого хватило, чтобы сейчас принять все возможные меры предосторожности при его визите.

Самого Орочимару Кушина заметила издали. Он, кажется, ничуть не изменился с последней их встречи. Его, как и Цунаде, вообще время обходило стороной. Только почему-то одет сегодня Орочимару был в алое кимоно поверх белой рубахи. Наверное, это было как-то связано с этим его Рюджинкё. В остальном он остался прежним: неровно подстриженные черные волосы распущены и длиной достигают лопаток, на их фоне особенно четко видна бледность лица саннина, желтые глаза пронизательны, движения уверенны, в них читается скрытая в шиноби сила.

Идущую возле Орочимару Мейро Чиноике Кушина никогда не видела, знала только, что она формально возглавляет Отогакуре. И никому точно не известно, сколько ей лет. На взгляд ей не дать больше шестнадцати-восемнадцати лет, но точно так же она выглядела и десять лет назад, и пятнадцать. В остальном же это была обычная светловолосая девочка-подросток в полевой экипировке шиноби, только взгляд у нее был слишком взрослый.

Второго спутника Орочимару Кушина знала гораздо лучше. Во время пребывания Кушины в Отогакуре Каяно не преминула похвастаться, что Котоширо из септа Оками клана Узумаки высоко ценится Орочимару и является его приближенным шиноби, которого он лично обучил многим техникам и который часто сопровождает Рюджина в путешествиях. Вот и сейчас Котоширо был с ним. Самого парня Кушина помнила еще со времен

проживания в Узушиогакуре, но тогда не была с ним хорошо знакома. Однако... С тех пор слишком многое произошло с Узумаки и с самой Кушиной. Сейчас даже самый малознакомый член ее родного клана казался Кушине чуть ли не родным братом.

Потерять семью было больно. Счастье от осознания того, что клан жив и по-прежнему процветает, пусть и в составе другой деревни, сложно описать. Единственное, о чем жалела Кушина, так это о том, что Мито так и не узнала, что их клан не погиб. Пусть старушка не показывала этого, но Кушина знала, как тяжело она пережила ту трагедию.

— На Орочимару серьги и браслет, — неуверенно заметил Хиаши. — Я слышал, что они могут превращаться в людей... А договаривались только на трех человек в группе Отогакуре.

— Я тоже слышал что-то такое, — подтвердил Инузука из команды Хьюга. — В деревне на востоке страны какой-то полоумный монах рассказывал, что их Рюджин, дескать, после похода в загробный мир снял загрязненные энергией мертвецов драгоценности, а они ожили и превратились в демонов.

— Вы идиоты? — с искренней жалостью поглядела на парней куноичи из их же группы. — В какую ерунду еще поверите? В бесплотных духов горы Кумотори? Или в лисиц на службе Инари? Хиаши, ты же глава клана Хьюга! Посмотри на чакру. Есть она в этих побрякушках?

— Нет, чакры в них не вижу, — покачал головой Хиаши. — Но, знаешь ли, ты не была на Кумотори. А мы были. И тогда я тоже не поверил, что у меня будет дочь. И вот она на днях родится.

— И поэтому ты дрожишь над ней и своим братом? — возведя очи к небесам, недовольно спросила куноичи.

— Пока никто наступление мира праздновать не собирается, но одно перемирие может быть заключено, — недовольно проворчал Хиаши. — Не вижу смысла рисковать.

— Идиоты...

Услышав краем уха чужой разговор, Кушина заинтересовано повернулась Хиаши.

— Ты получил предсказание от Отохиме на Кумотори? — живо поинтересовалась Узумаки. — Какое?

— Не совсем от Отохиме, тогда она была... — Хиаши замялся, подбирая слова. — В общем, тогда Юко Учиха сказала, что в Отохиме вселился дух самого Рюджина. Именно он сказал, что в день, когда вся Коноха будет праздновать пришествие мира, а я — день рождения дочери, отсутствие у меня рассудительности погубит моего брата.

— Если ты все пересказал дословно, то пророчество не обязательно произойдет при рождении дочери, — заметила Кушина. — День рождения отмечается каждый год.

— Я знаю, но осторожность не повредит, — упрямо ответил Хиаши.

— Ты тоже веришь в эту чушь, Кушина? — посмотрела на девушку куноичи, как на умалишенную.

Впрочем, этот взгляд не сильно отличался от обычного. Напарница Хиаши открыто недолюбливала Кушину и никогда этого особо не скрывала. Раньше Кьюби часто транслировал ее чувства своему джинчурики, так что она могла убедиться в их подлинности. Сейчас с биджу Кушине удалось наладить диалог: больше он не доставляет больших хлопот и, в числе прочего, не желает показывать, что все в Конохе к джинчурики относятся скверно, но вряд ли что-то в этой конкретной куноичи от этого поменялось.

— С кем мне приходится работать? — обреченно произнесла куноичи. — В этом «пророчестве» только одна дельная мысль: нужно быть рассудительным. А вы и ей не

следуете.

— Когда-то мой клан тоже с недоверием отнесся к пророчеству Рюджина, — недовольно посмотрела на давнюю свою недоброжелательницу Кушина. — Звучало оно так: когда начнется война, когда Кушина Узумаки окажется в Конохе, Узушиогакуре падет. Тогда мне было три года, и никто даже не предполагал, что я окажусь в Конохе. Обо мне даже никто не знал, кроме близких родственников и Совета септа Оками. Но пророчество сбылось очень буквально.

Усть эту зазнайку оказалось приятным делом, хотя, наверное, не очень своевременным. Благо Орочимару как раз приблизился к воротам Конохи, ему навстречу выступил Джирайя, и все внимание шиноби быстро переключилось на них.

***

Случайно подслушав разговор маячивших над воротами шиноби, я невольно поморщился. Какой только ерунды обо мне не рассказывают! А, главное, откуда они ее узнают-то?! Как могли узнать в Стране Огня о моих попытках изучения потустороннего мира и про то, что мои три персональные змеи были ими крайне недовольны? Можно было бы предположить, что кто-то целенаправленно сливает информацию. И я даже догадываюсь, кто именно это делает. Моя же собственная контрразведка. Подобную чушь для создания информационного шума эти специалисты могли придумать. Слить заведомую дезинформацию с примесью правды, но настолько искаженной, что в ее реальность поверить сложно. Делалось это, естественно, на случай реальной утечки, но в этот раз контрразведка, похоже, перехитрила саму себя. Миф вошел в массы, и в него начинают верить. Если об истинной природе моих серег и браслета все же догадались бы, то было бы неприятно. Конфуз незначительный, но подобное нарушение договоренностей непосредственно перед началом давно согласовываемых переговоров не сыграло бы мне на руку. Вообще, с разведкой стоит на этом направлении работать плотнее, у местных, даже таких потомственных специалистов, как Ринха, просто нет развитой традиции ведения информационных войн. Хотя я в них тоже не большой эксперт, но развиваться в этом направлении нужно.

Впрочем, пока думать о том, что могло бы быть, не стоит, есть более конкретные задачи.

— Джирайя, давно не виделись, — с улыбкой поприветствовал я беловолосого отшельника горы Мьебоку.

— Да не так уж давно, — протянув руку для рукопожатия, широко улыбнулся в ответ Джирайя. — Всего чуть больше года прошло. Как здоровье сына?

— Жаловаться не на что, — крепко сжав протянутую руку, скромно ответил я. — Как твой?

— Хо-хо! — довольно рассмеялся Джи, уперев руки в бока. — Отлично! Юнец растет здоровенный! Слушай, а помнишь наш спор про учеников? Может, и на сыновей поспорим? Кто из них будет сильнее?

— Ты от Цуны азартом заразился, что ли? — удивленно вскинув бровь, посмотрел я на друга. — Бросай это дело, у тебя просто нет шансов!

— Это почему?! — возмущенно набычился Джи. — Между прочим, мои ученики в прошлом споре выиграли.

— Кто это так решил? — хмыкнув, уточнил я. — Моему Айрону не повезло, признаю. В Кизаши я никогда не верил, но Микото утрет нос твоему Минато за секунду. К тому же, твой

Наваки — это же не только твой сын, но и Цунаде. А ей мог проиграть только ты, и то только когда у нее вымя отросло.

— Так, Орочимару! Ты можешь принижать умения Минато. Можешь не верить в способности моего сына. Но называть божественное творение, совершенный бюст всея вселенной выменем не позволено никому!

— О, конечно. Прошу прощения, — кривовато усмехнувшись, извинился я. — Слушай, супер-извращенец, как ты умудрился свою книгу дописать-то с Цунаде? В присланном тобой авторском экземпляре во всех подробностях описывались десятки и сотни всевозможных бюстов, помимо того самого, единственного и божественного.

— Такие секреты разглашать я, пожалуй, не стану, — скромно потупившись, отвел взгляд Джирайя.

— Да, такие тайны разглашению не подлежат, — охотно согласился я, покосившись на мелькнувшую в воздухе едва ощутимую аномалию чакры. — Никогда бы не подумал, что когда-нибудь мы будем обсуждать, чей сын лучше, Джи.

— И не говори, Орочи, — коротко рассмеялся в ответ Жабий отшельник. — И время идет, и отношения между Конохой и Ото, наконец, движутся не в сторону ухудшения.

— Я бы сказал, что над отношениями Конохи и Ото стоят интересы Страны Огня, — поправил я Джирайю. — У великих держав нет постоянных союзников и врагов, ради достижения целей дайме готов заключить союз даже с нукенином Конохи. Это естественно, интересы всего государства важнее личных чувств отдельных ее жителей.

— Орочимару, ты, как всегда, готов испоганить все доброе и светлое в мире, — неодобрительно покачав головой, сказал Джирайя.

— Просто такова реальность, — пожал плечами, ответил я. — И эта же реальность не позволяет нам толком поговорить. Пойдем, Джи, а то молодежь смотрит на нас, как на идиотов, а старики, похоже, начинают нервничать из-за задержек.

— Да, у учителя сейчас и без этих переговоров хватает проблем, — тяжело согласился Жабий отшельник, тоже посмотрев в сторону витающей в воздухе чакры, которая была проявлением техники наблюдения Хирузена.

Не удержавшись, Мицуко ворчливо высказалась в отношении Джирайи:

— Одна из этих проблем — ученики. И не только Орочимару, но и ты. Твои речи могут вывести из себя не только твоего учителя, Джирайя-кун. Как был несносным балаболом, так им и остался.

— Неужели мы с вами так хорошо знакомы, Мейро-сан? — не выказав какого-либо неодобрения непочтительности по отношению к себе со стороны юной девушки, спросил Джирайя, с интересом разглядывая фигуру Мицуко.

— В прошлой жизни, Джирайя-кун. В паре из них, — легкомысленно ответила Мейро, смерив Джи насмешливым взглядом.

— Кстати, о прошлом, — впервые за долгое время вновь в родном теле шагая по улицам Конохи, сказал я, — не думал, что вашего с Цуной сына вы наречете Наваки. Она плохо переживает потери и напоминание о них.

Да и сам я тоже не с большой охотой вспоминаю о том своем просчете, но сейчас нужно было увести разговор Джирайи в сторону. Он, может, и ведет себя иногда, как дурак, но заблуждаться на его счет не стоит. Несколько случайных намеков ему хватит, чтобы начать догадываться о настоящем прошлом Мейро Чиноике. Это сейчас не такая большая тайна, но на всякий случай предпочту сохранить ее в секрете.

— Знаешь, когда я предложил имя Наруто в честь одного знаменитого литературного персонажа одного супер-успешного автора, она почему-то пришла в ярость, — ведя нас по пустынным улицам, честно ответил Джирайя. — Мне кажется, я тогда ляпнул это предложение не вовремя, а потом, слово за слово, и как-то мы сошлись на имени Наваки. Мне вообще иногда кажется, что я все время появляюсь возле Цунаде не вовремя. И многие наши решения получаются какими-то спонтанными...

— Твои литературные потуги не проходят зря, — уважительно цокнув языком, признал я. — Так иносказательно описать банальные семейные ссоры — это нужно уметь.

— Я бы не назвал это ссорами, — грустно вздохнув, сказал Джирайя, — просто Цунаде... Это Цунаде, понимаешь? А когда она не только Цунаде, но еще и твоя жена, то это просто убийственная комбинация.

Ох, друг, мне б твои проблемы на этом фронте.

— У меня свои неприятности с женщинами, Джи, — дипломатично ответил я. — Так что понимаю я тебя только частично.

— Да, прости, — понял меня по-своему Джирайя, — тогда, в прошлом году неудачно все вышло. Цунаде боялась, что после похищения твоего сына и... всего прочего тогда произошедшего, ничего подобного сегодняшнему дню уже никогда не произойдет.

Это он, наверное, имеет в виду то сфабрикованное убийство моей липовой наложницы. Не стану его разубеждать.

— Я не простой шиноби, в чем-то даже дайме. Так что не могу руководствоваться только своими эмоциями, когда от решений зависят судьбы сотен тысяч вверившихся мне людей.

— М-да, это немного не то, на что я и Цунаде рассчитывали.

— Да брось. Вам двоим, а теперь уже троим, волноваться не стоит. А об остальных пусть у Хокаге голова болит.

— О, да. Она у него может так заболеть, что нашим сыновьям придется мериться силой не на экзамене, а в поле, — горько скривившись, посетовал Джирайя.

— Это вряд ли. К тому времени, когда они вырастут, большие войны должны остаться в прошлом.

— Это твое очередное предсказание? — с живым любопытством посмотрел на меня Джи.

— Можно считать и так, — уклончиво ответил я.

— Как ты это делаешь, Орочи? — возбужденно поинтересовался Жабий отшельник. — То есть я понимаю, как это возможно, я видел Огама Сеннина, но ты, в отличие от него, не похож на полоумного старика. Ты можешь...

— Может, и могу, но воздержусь, — прервав поток слов, сказал я. — Скажу только, что пророчества Огама Сеннина сбудутся. И что напрасно ты не настоял на имени Наруто для своего сына.

— Это было важно? — став предельно серьезным, уточнил Джи.

— Нет, — с ухмылкой качнув головой, ответил я. — Это было бы забавно.

— Ну, Орочи... Мы говорим о важных вещах! Не время для шуток.

— А если без шуток, то передай Цунаде, что ей нужно быть осторожнее с техниками регенерации. У вас двоих кареглазых родился голубоглазый сын. Это не такая уж редкость, как может показаться, на цвет глаз так или иначе влияет более ста пятидесяти генов, но в вашем случае, мне кажется, проблема в недоразвитости радужки Наваки. Миграция

стромальных меланоцитов могла не произойти, и это не так страшно, хуже, что вместе с тем могла быть нарушена во время эмбриогенеза миграция клеток, отвечающих за восприятие звука. Если у Наваки проявятся нарушения слуха, то пусть Цунаде хотя бы знает, в каком направлении лежит решение проблемы.

— Правда? — заволновался Джирайя. — Может, ты лучше сам ей все расскажешь? В подробностях.

— С радостью, Джирайя. Но вряд ли мне позволят свободно разгуливать по деревне и проводить незапланированные встречи. Да и Цунаде с такой мелочью справится без проблем.

— Все равно будет надежней как-то... Хотя и на том спасибо, — неуверенно пробормотал Жабий отшельник. — Подожди! А откуда ты знаешь про голубые глаза у Наваки?!

— Я же Рюджин, — широко улыбнувшись, ответил я. — Мне по статусу положено.

Джирайя таким ответом явно был неудовлетворен, но, несмотря на все его мольбы, иного ответа я ему дать не пожелал. Есть у меня подозрение, что у этого извращенца всея Конохи имеется задание, со мной связанное. Выяснить для деревни мои мотивы, например, или попытаться вытянуть информацию о моей способности предвидеть будущее. Эти вопросы, как и многие другие, касающиеся как меня, так и Ото, сейчас, после удачной кампании против Кири, интересуют элиты не только Конохи, но и других деревень. Шиноби не любят всякие непонятные им аномалии, в этом я их понимаю, но спешить осчастливить всех, рассекретив все свои тайны, не буду. Вот намекнуть, что у меня имеется агентурная сеть в деревнях — это можно. Это понятно любому шиноби, это может объяснить мою информированность и многие предсказания. И я очень надеюсь, что это даст шиноби ясную цель, безобидный для меня план противодействия Отогакуре. Пусть лучше они пытаются найти моих шпионов, чем начинают выдумывать что-то по-настоящему опасное.

Вообще, для благополучия Страны Звука приходится задействовать бесчисленное количество уловок, и эта лишь одна из многих и самых незначительных. Противопоставляя себя великой державе, открыто враждуя с ней, я хожу по тонкому льду. Мои успехи против Кири нервируют не только Страну Воды и ее шиноби, но и остальную четверку.

Заигрывания с Кумо опасны, даже с марионеткой в роли Райкаге, раскрытия которой можно было ожидать в любой момент. И даже с благодарным мне Четвертым Эйем, которому я вернул его «чудом спасенного» отца, память которого безвозвратно поглощена Моомой, одним из демонов Узумаки.

Попытки временно примирить Облако и Лист, чтобы направить их усилия против Ивы, тоже опасны, так как за ними кроются мои более глубокие планы. Сейчас мне приходится во всю использовать ранее наработанные связи с дайме, иногда едва ли не принуждая их к переговорам. Несколько месяцев пришлось потратить на возню с аристократией и дворянами, чтобы добиться сегодняшней встречи на уровне шиноби. Естественно, мира между Кумо и Конохой добиться не получится, а временное их перемирие мне напрямую ничем не грозит. Но пришлось пройти по грани — на данный конкретный момент было бы некстати, если бы шиноби узнали об уровне моего влияния на дайме. Да и в будущем есть риск попасть под жернова, оказавшись зажатым между двумя великими державами. Однако, если все получится, то самого худшего варианта развития удастся избежать.

Одно плохо — далеко не факт, что все пойдет так, как я того хочу.

И сейчас, пока я иду по знакомым улицам Конохи, эта мысль меня начинает немного

напрягать. Совсем недавно, по моим меркам, я сам был в этой деревне, являлся ее шиноби и тоже строил определенные далеко идущие планы. А в итоге все они пошли по одному, всем известному месту. Тогда я недооценил противника, переоценил себя и, погорячившись, наломал дров. Конечно, катастрофы в итоге не случилось, но так гробить многолетние труды мне больше не хотелось. Тем более что на свои знания из прошлой жизни об этом мире мне становится труднее полагаться.

Это и раньше было непросто из-за неподходящего временного периода, а сейчас, когда приближаются нужные мне годы, я успел повлиять слишком уж на многое. Даже на такие мелочи, как рождение детей. Детей, которые должны внести немалый вклад в будущее.

Итачи — мой сын, а не Фугаку. А Минато, похоже, теперь не судьба получить ни Кушину, ни собственного Наруто вместе с ней. Благодаря моим лекарственным рецептам, Хината у Хиаши и Нами появится на четыре года раньше срока. Кизаши также сподобился позаботиться о наследниках именно в этом году, хотя я, кажется, напрямую этому не способствовал. Зато точно опосредованно повлиял на то, что Джирайя и Цунаде заделали второго Наваки, которого едва не назвали Наруто, и который родился подозрительно голубоглазым.

Собственно, учитывая все мои действия, этого следовало ожидать. И ничего плохого конкретно в том, что Джи и Цуна сошлись, нет, за них я рад. Нами с первенцем тоже помог, и не вижу в том негатива, тем более что это укрепило ее позиции в клане. Микото мне в какой-то мере жаль, но вместе с тем теперь я просто помыслить не могу, что она может достаться кому-то еще, кроме меня. На Минато откровенно плевать, а Кушина, уверен, еще найдет свое счастье. Однако как-то неудобно, что теперь не совсем понятны личности будущих инкарнаций Индры и Асуры. Потому что Кагуя и Зецу все еще живы, а я хоть и строю планы на решение этой проблемы без применения сил давно почивших Ооцуцуки, но все же в качестве страховки их иметь при себе не отказался бы.

Кстати, не будь еще жив Мадара, я бы даже забеспокоился, что сын Джирайи и Цунаде и есть тот парень из пророчества, который должен быть инкарнацией Асуры. Но, по-моему, пока жив хоть кто-то из прошлого поколения воплощений братьев, новое народиться не должно. Хотя я могу ошибаться, так что приглядывать за Наваки стоит.

— Что, рассматриваешь знакомые виды? — заметив, как я провожаю взглядом фасады зданий, спросил Джирайя. — Коноха не сильно изменилась, в нее всегда приятно вернуться.

Не сказал бы, что она не изменилась. Здания, конечно, те же, но теперь облеплены жилами проводов и трубопроводами, да и линии электропередач висели на столбах гроздьями, над магазинами часто видны электрические фонари и вывески с подсветкой. Раньше Коноха была чем-то вроде средневекового городка, пореже в ней всякая коммунальная инфраструктура встречалась, а сейчас прогресс придает ей новый колорит. Хотя к этому все и шло, еще во времена моей молодости прокладывались первые линии электропередач, с появлением дешевого материала для них процесс ускорился.

— Людей мало, — заметил я, не став делиться пришедшими в голову мыслями. — Слишком непривычно. Чувствуется напряжение.

— Ну, с этим уж ничего не поделаешь, война все-таки.

Естественно, не только война виновата в пустынных улицах Конохи. Деревню подготовили к возможным диверсиям с моей стороны. Несколько групп достаточно сильных шиноби, в том числе и те, которые встречали меня у ворот, продолжают следовать параллельно нам, их силуэты иногда мелькают меж крыш зданий. И я практически кожей

чувствую, как меня пронизывают взгляды Хьюга. А мелькающие в воздухе жуки явно намекают о внимании Абураме к нашей процессии. Под таким плотным наблюдением даже мне сложно незаметно проверить какую-нибудь пакость.

Хотя все-таки чувствуется, что Коноха участвует в большой войне: маловато по мою душу направили профессиональных ниндзя. С помощью додзюцу я успел заметить, что в операции Хирузен задействовал явно непрофильных специалистов. Иными словами, среди десятков наблюдающих за мной Хьюга более половины были женщинами, которые в клане белоглазых традиционно выбирают мирный путь и не имеют боевого опыта. И еще для контроля за мной были призваны шиноби, которые по тем или иным причинам вынуждены были отказаться от длительных миссий вдали от Конохи: ветераны, раненые. И матери-одиночки.

***

— Как-то непохож этот Орочимару на Белого Змея из описаний. И на Рюджина из рассказней монахов, — ни к кому конкретно не обращаясь, произнес Минато, когда их группа заняла новую позицию на пути следования гостей.

— Он же учился и долгое время работал с твоим сенсеем, — тихо рассмеявшись, сказал Фугаку, не сводя горящих багрянцем глаз с группы людей на улице Конохи. — Пагубное влияние святого отшельника горы Мьебоку и великого сенина Страны Жаб даже на великом и ужасном Рюджине сказывается.

— Он такой же, как и был раньше, — негромко заметила Кушина, так же наблюдая за фигурками людей внизу. — Я часто видела его в детстве, когда он гостил у бабули Мито. И с его дочерью была знакома.

— А потом он внезапно разнес полквартала, перебил кучу шиноби Анбу и бежал, прихватив меч Второго Хокаге, — пробормотал Фугаку. — А в его подвале нашли неприятную коллекцию.

— А еще все думали, что он убил свою приемную дочь, но теперь она появилась на западе, — упрямо сказала Кушина. — Не все, что рассказывали об инциденте с Орочимару, было правдой.

— Могу в это поверить, — неохотно согласился Учиха. — Тогда он убил Данзо. Клан Шимура после присоединения к Конохе оказался в тени, и немногие помнят, что они с Сарутоби когда-то были как Сенджу и Учиха. И они до сих пор имеют влияние на Коноху. Что бы ни было причиной убийства, но Орочимару стоило действовать осторожнее. От этого всем сейчас было бы спокойнее.

— Кое-какие опыты его были все-таки очень спорными, — поморщившись, заметил Минато. — Хотя результаты его работ помогали многим, не уверен, что и они не были получены такими же методами.

Кушина только молча поджала губы. Она могла бы много рассказать о произошедшем в тот день. Да просто о том, что сделал Орочимару для Конохи, и чем отличился Данзо. Теперь она знала многое о тех событиях и о том, что Белый Змей скрывал от глаз общественности не только темные опыты, но и исправлял ошибки всей Конохи. Он один, подобно первым Каге, построил собственную деревню! Объединил многие кланы Страны Звука, прекратив войны в стране. Именно он произвел вакцину, спасающую весь континент от эпидемии. Он помог ей договориться с Кьюби. Он спас Узумаки!

Все наветы на него не могут быть чистой правдой. Один раз она уже усомнилась в нем, и это едва не кончилось трагедией.

— Кстати, раз мы заговорили про методы. Я слышал, что Орочимару очень жестко обучал своих учеников, — непонятно к чему вспомнил Минато. — Джирайя-сенсей упоминал об этом.

— Мне тоже говорили об этом. Про Микото. Ее прогрессом мотивировали многих из моего поколения, — согласился Фугаку.

— А ты не знаешь, как она сейчас относится к своему учителю? — поинтересовался Минато. — Или ты, Кушина? Вы, кажется, с ней подружились.

— Не знаю, она на эту тему не любит разговаривать, — нахмурившись, ответила Узумаки. — А что?

— Да вон... — вместо ответа, Намикадзе указал пальцем на крышу одного из домов, стоящих вдоль улицы, по которой следовал Орочимару.

Это был небольшой магазинчик, в котором продавали мороженое. Кажется, именно в нем саму Кушину угощал Рюсей при первой их встрече. Но сейчас не это было важно. На крыше здания можно было увидеть гордо стоящую фигуру женщины.

Микото. После рождения сына она долгое время не брала заказы, но с ожесточением боев на границах страны была вынуждена заняться работой, на которую не хватало шиноби в тылу. И ее привлекли для охраны Конохи на время визита Орочимару.

— Кьюби, — мысленно позвала запертого в ней зверя Кушина.

После того, как с ним удалось начать договариваться, биджу перестал докучать джинчурики. Он спокойно делился своей чакрой, и вообще стал менее активным, словно впадая в дрему. Это было очень удобно в обычной жизни, но в экстренных ситуациях иногда его было не дозваться. И не получить полноценно его возможность ощущать негативные эмоции.

— Кьюби! — уже более взволнованно позвала биджу Кушина, когда Орочимару остановился посередине улицы.

Кажется, глаза учителя и ученицы пересеклись. От внезапно повисшего в воздухе напряжения волосы на затылке Кушины зашевелились. В третий раз звать Кьюби Узумаки не стала, просто сорвавшись с места, используя Шуншин.

Кушина успела появиться возле Микото и дотронуться до ее плеча в попытке отвлечь внимание Учиха на себя, но было поздно. Вспыхнувшие багрянцем глаза Микото прочертили черное кольцо бешено закрутившихся томое, встречая взгляд горящих алым светом глаз Орочимару. Неощутимый физически удар помутил сознание и заставил Узумаки отшатнуться.

***

Прежде, чем сознание поглотило алое зарево взметнувшихся из бескрайних пепельных полей огненных смерчей, я успел заметить, как возле Микото появилась Кушина. Очень надеюсь, что ее мое ответное гендзюцу не задело, так как не имея шарингана, от его воздействия можно получить вредное воздействие на сознание. Однако долго размышлять на эту тему я не смог.

Сотканые из пламени смерчи с низким гулом взвились передо мной, опалая жаром пепельные поля, которые незаметно превращались в алый океан под моими ногами. Над моей головой черные тучи перемешивались с огненными небесами, оглашая пространство раскатами грома и сыпя росчерками багряных молний. Я оказался в предельно негостеприимном месте, в котором сплеталось две иллюзии: шарингана Микото и моего кецурьюгана. Не будь у меня додзюцу, я бы сейчас пекся в одном из этих огненных смерчей.

Не будь додзюцу у Микото, ее бы сдавили тонны воды и терзали молнии. Имея додзюцу, мы могли сбежать из иллюзий друг друга, но мы стояли друг напротив друга, на границе, где черные тучи сжигались пламенными небесами, а темный пепел тонул в алом приливе.

Микото была всего в нескольких метрах передо мной. Неуловимо повзрослевшая. И смертельно опасная. В иллюзорном мире я едва успел уловить момент, когда она сорвалась с места. Ощутил только чувствительный толчок в грудь, поваливший меня с ног. Тугая гладь алых вод с глухим плеском погасила удар от падения, но я все-таки поморщился от боли. Крепкие руки куноичи сжимали меня достаточно чувствительно, даже несмотря на нереальность этих объятий, ощущения казались более чем реальными.

— Микото, не переусердствуй с проявлением чувств, — обняв девушку в ответ, тихо прошептал я.

— Я убью тебя, — так же негромко проворчала, зарывшись мне в грудь, Учиха. — Подожди, не отпускай меня. Дай мне насладиться счастьем. А потом я тебя убью.

— У тебя сложно реализуемые планы, — с усмешкой попенял я девушке, ладонью пригладив ее черные волосы.

— Ты сволочь! — сердито обличила меня Микото.

— Совершенно верно.

— Идиот!

— В некоторых случаях могу согласиться.

— Я ненавижу тебя!

— Охотно верю.

— Я серьезно ненавижу тебя! — ткнув острым кулачком в бок, сердито зашипела Микото.

— Да-да...

— Наконец-то, я могу сказать это в лицо, — приподнявшись надо мной и посмотрев мне в глаза, твердо произнесла Учиха.

Вместо ответа я просто притянул девушку к себе, нежно прикоснувшись губами к ее устам.

— Я люблю тебя.

— Я тебя тоже...

Спустя полминуты Микото смогла оторваться от поцелуя, упав на меня, она положила голову на мою грудь, прошептав:

— И все-таки я ненавижу тебя.

— Может, вы все-таки определитесь уже, Учиха-сан, что ко мне испытываете?

— Ненавижу.

— И поэтому вы едва не разрыдались, когда узнали, что я явился перед вами в образе мелкого бродяжки?

Я все еще помню, насколько тяжело Микото было скрыть чувства, когда я в образе Охеми наигрывал мелодию на кото в первый раз. Без шарингана никто тогда так и не заметил, что я использую жесты для общения с девушкой. Ловкость рук полезна не только для печатей и игры на струнных инструментах. И не зря я заставил выучить своих учеников язык жестов в детстве. Он редко пригождается, но иногда бывает очень кстати.

— Люблю и ненавижу, — исправилась Микото, нежно проведя ладонью по моему плечу. — У тебя нет совести. Ты все время так рядом, но в то же время так далеко! Когда ты Охеми, я могу только общаться с тобой жестами. И даже сейчас мы можем встретиться

только здесь! Это попытка.

— Однажды это кончится.

— Когда?

— Я постараюсь все сделать быстро, но это непросто.

— Конечно! У тебя все непросто.

— Такой уж я есть.

— За что мне все это? — устало прошептала Микото, но внезапно встрепенулась, подскочив и вновь уставившись мне в глаза: — Сенсей, — требовательно обратилась она ко мне, — та, другая женщина, вы же близки с ней?!

— Не больше, чем с тобой, — почти честно ответил я.

— Не может быть! Ваши сыновья!..

— У меня пока только один сын, Итачи.

— Но... Как?..

— Они, как и Охеми.

— Ох, слава... — облегченно было выдохнула Микото, но мгновенно вновь оцетинилась: — Так, стоп! Сенсей, значит, другая все-таки есть?!

— Микото, прости, — обхватив покрасневшее лицо девушки, произнес я, подбирая слова, но в итоге так ничего умного и не придумав, просто ляпнул: — Прости, но я Рюджин.

Сколько раз мне удавалось избегать этого разговора в образе Охеми, но когда-нибудь это должно было произойти. Эх, о многом можно было поговорить в эти мгновения, но как всегда в такие моменты тема разговора подбирается самая неудачная.

Сменив позу, Микото оседлала меня, одновременно накрыв мои ладони на своем лице руками и медленно убрав их с щек.

— Мужчины одинаковы. А я, должно быть, ненормальная, — наконец, насмешливо фыркнув, сказала она, сжав мои руки в своих. — Однажды я должна буду с ней встретиться.

Повинуясь моей воле, мир вокруг пошел рябью, изменяясь. В одно мгновение я оказался стоящим на ногах, а Микото упала мне на руки.

— Когда-нибудь это произойдет, — заверил я Микото, прижимая ее к себе в объятиях. — Уверен, как минимум одна интересующая вас обеих тема для разговора уж точно найдется.

— А Кушина? — внезапно подозрительно посмотрев на меня, спросила Микото.

— Что Кушина?

— Она тоже попала в твои сети?

— Какие еще сети? — недовольно поморщившись, сказал я. — Я не делал с ней ничего.

— Она очень подозрительно смотрит на тебя.

— Я спас ее семью и ее саму, помог наладить общение с Кьюби. Как еще ей на меня смотреть?

— Гм. Может быть...

— Разберись с ней сама, — хмыкнув, разрешил я ей. — Только не впутывай меня в это. Мне и так хватает проблем на личных фронтах. Еще одного влюбленного в меня ненормального чуда я могу не выдержать, но мое доброе и бескрайнее огромное сердце ведь не сможет ему отказать.

— Единственное чудо здесь вы, сенсей, — горестно покачав головой, ответила Микото. — Чудовище, точнее. А если еще точнее, то дурак вы, сенсей.

— И это говорит мне девушка, которая в меня влюблена? — иронично уточнил я. — Я

бы сказал, что признаваться, что влюблена в дурака — это очень самокритично.

Несколько секунд Микото просто молча смотрела мне в глаза.

— Сенсей... Орочимару. Сделай все, что нужно, как можно скорее. Если ты меня любишь, если любишь Итачи. Мне мало Охеми. Мне мало тебя.

— Бойся своих желаний, ибо они могут быть исполнены, — неловко ответил я. — И, прости, но с моими глазами я не могу долго управлять временем в гендзюцу. Мне нужно его прервать.

Вместо ответа Микото страстно и все еще неуклюже припала к моим губам. И к реальности я возвращался, все еще чувствуя вкус ее губ на своих устах.

Судя по не успевшим ничего предпринять шиноби Конохи, в реальном мире времени прошло не больше пары секунд. Этот фокус дался мне непросто, я чувствовал душевное опустошение. И чувствовал, как горячие капли текут по щекам. Мазнув пальцем по лицу и увидев на нем алую влагу, я невольно поморщился. Такого напряжения додзюцу мне не приходилось испытывать давно. Мысленно заставив собственную кровь вернуться обратно в капилляры, что с помощью улучшенного генома сделать было просто, я посмотрел на Микото, которая по-прежнему стояла на крыше какой-то небольшой забегаловки.

Девушке тоже досталось, на побледневшем лице играл нездоровый румянец, да и на ногах она держалась неровно, если бы не помощь Кушины, могла и упасть. Тонко улыбнувшись и коснувшись пальцами губ, я громко произнес, не скрывая иронии:

— Тебе еще многому нужно научиться, ученица, — отвернувшись от Микото, я невинно посмотрел на Джирайю. — Ну, мы идем? У меня нет времени на остановки.

Глава 37. По душам

17 декабря 46 года от начала Эпохи Какурезато

После встречи с Микото мы еще пару проулков прошли в молчании. Только уже когда впереди меж домов показались покрытые белой штукатуркой стены вокруг администрации Академии, Джирайя, почесав рожки на своем чудаковатом протекторе, с досадой произнес:

— К-хм, Орочимару... Надеюсь, этот инцидент не повлияет... ни на что?

— Конечно, нет, — отмахнулся я, разглядывая возвышающиеся над окружающими зданиями алые стены административного корпуса.

Окна офиса Хокаге выходят как раз в нашу сторону. Наверняка Хирузен уже собственными глазами может нас видеть. Хотя вряд ли встреча будет проходить в самом офисе, скорее, в зале Совета Конохи. Может, Сарутоби уже и там находится. А, может, и вовсе в двух местах, Теневым Клонированием учитель пользоваться наверняка не разучился. Годы, конечно, уже начинают брать свое, Хирузену сейчас уже пятьдесят два года, но для старческой немощи еще рановато. Особенно с учетом режима тренировок Третьего Хокаге и его могущества. С ним нужно сохранять бдительность. Не так давно мне и победа над Третьим Райкаге далась непросто, хотя на подготовку к сражению с ним я потратил много времени. А Хирузен считается наиболее могущественным Каге третьего поколения. К тому же, он, конечно, как и весь клан Сарутоби, специализируется на Катоне, но прекрасно владеет и другими стихийными преобразованиями. Более того, это единственный известный мне шиноби, который без каких-либо додзюцу способен использовать в бою принцип противовеса, уравнивая свои техники с техниками противника, подавляя их и даже используя их силу против врагов, как это делает Микото с помощью своего Мангекьё.

Имя Бога шиноби дают не за красивые глаза.

— Это же Микото, — обернувшись к Джирайе, объяснил я ему свое отношение к произошедшему между мной и Учиха инциденту, — ее странные проявления любви мне хорошо известны.

— Ха, любви! — осклабился отшельник в ответ. — Как скажешь, Орочи, как скажешь. Хотя, знаешь, эта любовь мне кажется чем-то очень знакомой. Какими бы Сенджу и Учиха ни были разными, но в чем-то они очень похожи!

— Ага, есть что-то в этих двух кланах общее. Я бы даже сказал, родственное, — с улыбкой согласился я с отшельником. — А тебе, Джирайя, похоже, не просто приходится.

— Но, согласись, жаловаться мне не на что.

У входа в административный корпус нас встретила пара шиноби из Анбу. Впервые показались мне на глаза, хотя несколько их групп я почувствовал еще раньше. Эта парочка знакома мне не была, но один — по цвету волос кто-то из Узуки или их родни, они традиционно в Анбу своих членов отправляют, второй — Яманака или Курама, слишком специфично ощущается электромагнитная активность их мозга для моей сенсорной техники. Кстати, Узуки этот, похоже, либо брат, либо отец Югао и Газеру, с которыми в одном классе учится Охеми, если судить по запаху. А этот его напарник, скорее всего, все-таки Курама, не отправили бы на конвоирование меня Яманака, об их сомнительной эффективности против меня известно давно, вот гендзюцу Курама в разы более опасны.

— Джи, я слышал, что братья Курама, Яцуо и Ямато, погибли в сражениях с Кири? — повернувшись к отшельнику, спросил я.

— Э... А, эти старики, — не сразу вспомнил Джирайя, о ком я говорю. — Да, грустная история. Не стоило им вновь браться за оружие, но противостоять гендзюцу Киригакуре так, как это делали они, немногие могут.

— Я помню, мы часто ходили на миссии под их командованием во вторую войну. Такие таланты рождаются у Курама раз в несколько поколений. Даже жаль, нового такого специалиста воспитать уже будет некому.

— Да не все так плохо, Орочи. Зато в Кири стало гораздо меньше проблемных людей.

— Ну да, раз на фронт отправили даже тех, кому уже за семьдесят, то все худшее только впереди.

Согласиться с моим утверждением Джирайя просто не мог, даже если сам понимал, что доля правды в нем есть. Но мои слова предназначались не ему. Может, сопровождающий меня Курама передаст услышанное главе семейства, и он заинтересуется.

После встречи с Сальмой и возобновления наших отношений, моя стратегия существования в этом мире на перспективу в пару десятков лет претерпела ряд изменений. И теперь мой уход из Конохи становится еще более неудобным происшествием. Нужно как-то попытаться возродить отношения хотя бы с частью шиноби Листа, а лучше их упрочить. Эта та еще задачка, учитывая, что, покинув деревню, я практически дал карт-бланш всем моим недоброжелателям. Да, признаю, в этом я поступил не очень умно. Но и альтернатив я тогда себе не оставил, отправившись спасать Сору, для чего потребовалось оперативно и без должной подготовки убивать Данзо. Точнее даже, иного выхода мне не оставил сам Шимура, так как даже после его смерти оставленные им поручения продолжали выполняться Корнем, что вылилось в откровенно враждебное ко мне отношение ряда кланов Конохи.

Да, затевать шпионские игры с Данзо было глупой идеей, но и иначе поступить я не мог, с самого начала не сумев найти адекватного способа защититься от Яманака. Что тут сказать? В будущем стоит быть умнее.

А что касается упомянутых мной Курама, есть еще один интересный момент, который Джирайя упомянул. Теперь в Кири гораздо меньше проблемных людей. В этом мой друг прав, специалистов в области гендзюцу и их распознавания в Тумане сейчас и в самом деле больше нет. Не сомневаюсь, это очень облегчит жизнь Конохе со здравствующими ныне Учиха и Яманака, но также это поможет и мне с Чиноике. И Мадаре в ближайшем будущем тоже.

— Здесь, Рюсей-сан, — после недолгого пути по обвивающим по спирали административный корпус коридорам остановились Анбу у одной из раздвижных дверей, отодвигая в сторону легкую створку.

— Ну, удачи тебе там, — хлопнув меня по плечу, пожелал Джирайя. — И всем нам тоже.

— Спасибо, — коротко ответил я, шагнув в достаточно компактный кабинет.

Я оказался прав, встречу организовали там же, где обычно проходят встречи Совета Конохи. Помещение небольшое, примерно в шесть татами, то есть около десяти квадратных метров, только вместо татами здесь было каучуковое покрытие на полу, которое очень плохо передавало вибрации, из-за чего находиться мне на нем было некомфортно. Стены задрапированы деревянными панелями, за которыми чувствовалось наличие печатей и какого-то вида барьера. За моей спиной вместо полноценной стены была сёдзи, раздвижная перегородка в виде деревянных рам с натянутой на них бумагой. Здесь она выполняла функции окна и дверей. На белом оштукатуренном потолке несколько пар люминесцентных

ламп. Посередине комнаты находился прямоугольный стол, по сторонам которого расположилось два диванчика и два кресла соответственно.

За одним креслом уже сидел Хирузен. Не сильно он с последней встречи нашей изменился, даже не поседел, только морщин добавилось, а в остальном все тот же пропахший дымом и табаком мужчина средних лет. Одет в традиционное для Хокаге кимоно, и даже шапка на голове имеется, странно только, что сегодня он был без типичной для себя трубки, и помещение до сих пор не затянуто клубами сизого табачного дыма.

Один из диванов занимал Нара Шикаку, нынешний джонин-ханчо Конохагакуре. На этой должности молодой шиноби — летом ему исполнился двадцать один год — сменил не так давно погибшего при начавшемся в начале осени наступлении Ивагакуре на юг Учиха Кикаку. В целом для Нара он был довольно деятельным и неплохо показал себя на посту лидера клана после гибели своего отца, Нару Шикаге, в конце Второй мировой.

Рядом с ним примостилась Утатане Кохару, старушка была погодкой Хирузена, но выглядела старше него. Я бы даже сказал, старше, чем помнил по прошлому миру. Возможно, реальность сказала на ней пагубнее, чем это представлялось художникам. Как ни странно, но второго советника Хирузена, Митокадо, не было. Зато по углам комнаты за спиной Хокаге стояла пара молодых женщин в черных официальных кимоно. Явно не шиноби, скорее простые административные работники и секретари, папки с бумагами в их руках и объемные свитки за спинами также намекали на это.

— Рюсей Орочимару, — со сложно передаваемыми интонациями произнес Хирузен, поднимаясь со своего кресла, — давно тебя не было в Конохе. Чинойке Мейро-сан, наслышан о вас. Узумаки Котоширо-кун... Рад приветствовать вас.

О составе делегации Сарутоби был извещен заранее, так что имел возможность подготовиться, но даже так наличие Узумаки со мной его явно смущало.

— И я рад видеть вас, Сарутоби-сенсей, — растянув губы в вежливой улыбке и обозначив приветствие весьма условным поклоном, ответил я. — Утатане-сан. Нара.

На этом вся приветственная часть и завершилась, она для шиноби и так была слишком официальная из-за, скажем так, особых отношений между мной и Хокаге.

— Прощу, садитесь, — указав на свободные места, произнес Хирузен.

На самом деле никакого определенного протокола встреч у шиноби не было. Только при организации переговоров в Санро нечто подобное соблюдалось и то только благодаря усилиям самураев. Однако кое-какие традиции все же имелись. Глава селения или клана должен вести переговоры с кем-то аналогичного ранга. В данном случае, предполагалось, что Мейро должна сидеть напротив Хокаге, так как я формально не являюсь главой конкретно Отогакуре. Естественно, эти традиции я лично часто игнорирую, так как людей с соответствующим моему статусом даже в этом мире немного.

— Это даже забавно, — озвучил я пришедшую в голову мысль, направившись к креслу, — мне редко удается говорить с кем-то на равных, но сегодня уникальный случай. Ками может говорить с ками, мне определенно нравится такая шутка судьбы.

Еще более забавно то, что конкретно в этом кресле, напротив Хирузена, во время собрания Совета Конохи обычно сидел Шимура Данзо. Получается, хоть так я займу его место. Смешно.

— Мы сегодня не шутки шутить собрались, Орочимару! — надтреснутым голосом и повышенным тоном одернула меня Кохару, оказавшаяся справа от меня.

— Судьбе откровенно безразличны наши планы, Утатане-сан, — сохранив вежливость в

формулировке, но произнес эту фразу явно пренебрежительным тоном, я, кажется, задел старушку, сердито зыркнувшую выцветшими глазами в мою сторону.

— Ты прав, Орочимару, насчет судьбы. Но народная мудрость советует полагаться на нее, только сделав все, что возможно, — негромко сказал Хирузен. — Поэтому мы не перестаем строить планов и добиваться целей. Для этого мы и собрались. Еще раз прошу, садитесь.

Совету Хирузена последовали все, кроме пары секретарей, так и продолживших молчаливо стоять по углам. На некоторое время повисло молчание, нарушаемое скрипом деревянной мебели. Мягкие диваны и кресла были набиты ватой и обтянуты красным сукном, вроде, мебель не новая, следов, что ее разбирали, нет, да и вообще чакры в ней не чувствую. Конечно, это может быть моя паранойя, но на всякий случай я дополнительно ее проверил. Это, конечно, не в духе Хирузена, но попасть в фуиндзюцу мне бы не хотелось.

— Прежде, чем мы начнем, я бы хотел попросить всех присутствующих еще об одном, — положив руки на подлокотники кресла, произнес Сарутоби. — Не использовать техники. Может, это глупо прозвучало, но ведь не будет лишним напомнить, не так ли, Орочимару?

— Вы правы, Сарутоби-сенсей, — расслабленно опустившись в кресло, я развеял поддерживаемую уже почти интуитивно сенсорную технику Райтона, тут же перестав ощущать движение мыслей в головах окружающих. — Иногда привычка въедается едва ли не в кости, как всегда, вы очень внимательны, раз заметили это.

Как я и говорил, Хирузен уникальный шиноби. В целом заметить мою сенсорную технику не так сложно, если задаться такой целью, но все же способны на это не многие. Есть у Третьего какое-то сверхъестественное чутье на техники и вложенную в них преобразованную чакру. Когда-то он даже пытался научить нас, своих учеников, как он это делает, но тогда ни у кого просто не хватало знаний, контроля чакры и ее понимания, чтобы постичь его методы. А научить тому, что сам Сарутоби понимал интуитивно или чему научился через хидендзюцу собственного клана, он не мог. Я сам, например, только сейчас начинаю понимать то, что Хирузен хотел до нас тогда донести.

— Думаю, твой учитель просто хорошо знает тебя, — недовольно проворчала Утатане. — Внимательным стоит быть с тобой, Орочимару.

— Спасибо за такую лестную оценку, Утатане-сан, — небрежно ответил я советнице. — Могу ответить вам тем же. И, надеюсь, благодаря технологиям Страны Молнии следующая наша беседа произойдет на достаточном удалении друг от друга, чтобы вы могли быть спокойны за собственную безопасность.

— Эту новую технологию Страна Огня сможет освоить, — немного высокомерно ответила Кохару, — но того же сказать о Стране Звука я не смогу.

— Лишь время покажет, — не стал я развивать зарождающуюся пикировку, переведя взгляд с Утатане на Сарутоби, словно спрашивая, сколько мне еще терпеть эту вздорную бабулю.

— Что ж, — невольно потянувшись к спрятанным в его одежде карманам за трубкой, но вовремя отдернув руку, начал говорить Хирузен, — всем известно, зачем мы сегодня собрались, так что не думаю, что долгие приветствия и вводные кому-то нужны. Пока дайме договорились о намерениях, теперь нам нужно предоставить им реальные пути решения поставленных задач.

— Для начала нужно вообще убедиться в возможности Отогакуре выполнить те

обязательства, которые они намереваются на себя взять, — воспользовавшись паузой в речи Сарутоби, высказался Нара. — Стране Огня требуется как минимум заморозка восточного фронта. В этом направлении сошлись интересы трех Великих держав, я не понимаю, как в этом положении нам может помочь малая страна.

— Не стоит принижать свои умственные способности, Шикаку-кун, — холодно посмотрела на Нара Мейро, — я еще помню успехи стратегов союза трех кланов. Акимичи, Нара и Яманака — вы побеждали благодаря силе первых, уму вторых и знаниям третьих. Уверена, Яманака и сейчас не разучились получать наиболее достоверные и свежие разведданные.

Я скромно улыбнулся, посмотрев на Шикаку. Улыбку вызвал у меня не вопрос Нара, а реакция на него Мицуко. Кажется, моей матери в этом мире начинает нравиться шокировать окружающих кардинальным расхождением ее внешнего и истинного возраста, отчего она начинает играть еще более старую куноичи, чем она есть. Получается у нее достаточно хорошо, стоит заметить. Что и не удивительно, учитывая ту часть ее подготовки, которая касалась инфильтрации во враждебную и не всегда знакомую среду.

— У Страны Звука и в самом деле не много возможностей в борьбе с Великими державами, — произнес я, мерно постукивая пальцем по лакированному подлокотнику кресла, — однако ситуация на данный момент сложилась так, что у Отогакуре есть возможность дать шанс Кумогакуре и Конохагакуре перебросить свои силы против Страны Земли. Временное перемирие выгодно сейчас и Облаку, и Листу. Насколько я понял из обсуждений дайме, вторжение шиноби Молнии и Огня в Страну Горячих Источников началось, в первую очередь, из-за экспансии на эту территорию Страны Воды. У дайме обеих континентальных держав были свои планы на побережье Горячих Источников, так же как и у Конохи с Кумо. Получается, Кири стало инициатором большого конфликта на востоке. Устранив его, дайме Огня и Молнии готовы прийти к согласию относительно этих территорий.

— Согласие это очень относительное, — заметил Хирузен, пытливо разглядывая меня. — Мне сообщали о тройном соглашении дайме относительно побережья. Выглядит оно очень подозрительно. Не понятно, в чем выгода Страны Звука в нем. Особенно с теми обязательствами, которые хочет взять на себя Отогакуре.

— Выгода проста: мне очень не нравится, когда на границах моей страны происходят стычки трех Великих держав, — охотно ответил я. — Это само по себе большая проблема. Но, кроме этого, Страна Железа сманила всех йохей-ниндзя с моей территории, теперь они все в Стране Гор. А беспорядки на соседних территориях толкают людей на самые безумные поступки. В Страну Звука уже стремятся толпы беженцев. Растет количество банд нукенинов. С этим теперь приходится справляться своими силами.

— Уход наемников выглядел слишком организованным, чтобы сейчас прибедняться и сетовать на волнения в своей стране, — скептически скривив губы, заметил Шикаку. — Тем более с вашими успехами в защите границ от Кири.

— Да, признаю, моя выгода в действиях Страны Железа тоже есть, так что я не препятствовал самураям и даже в чем-то помогал, — с показной неохотой согласился я с Нара, — пришлось учесть предыдущую экспансию Страны Огня на сопредельные территории и прошлогодний визит шиноби Конохи в Ото. Повторюсь, мне гораздо спокойнее, когда на моих границах нет отрядов больших деревень. Что касается Кири, то тут простое стечение обстоятельств и удача: я сделал верное решение при выборе союзников и

воспользовался высокомерием Третьего Мизукаге.

— Насчет выбора союзников можно поспорить, Орочимару-кун, — проскрипела Утатане. — Сам же говоришь, что не желаешь видеть на границах никого из большой пятерки, но ведешь дружбу с Облаком.

— Твое неуважение к Рюджину-сама и слова только показывают полнейшее невежество, Кохару, — холодно бросила в ответ вместо меня Мейро. — Разве наше присутствие здесь не демонстрирует то, что Кумо в Стране Горячих Источников так же нежелательно, как и все прочие?

— Давайте не будем устраивать ссор, мы собрались не для того, — хмуро произнес Хирузен, едва заметно повысив тон. — Перебрасываясь претензиями, мы целей не добьемся. Так же, как и лукавством, Орочимару. Удача удачей, но с Кири тебе помогла не только она, а скорее наличие более боеспособных сил, чем того могли ожидать в Тумане. Мне искренне радостно было узнать, что Узумаки все еще живы, и что моему ученику удалось основать и взрастить такую многогранную какурезато. Но опять же, мы собрались не для обсуждения этого. Поднятый Шикаку вопрос все так же не разрешен, способна ли Отогакуре выполнить обязательства, к которым пришли в своем соглашении дайме.

— Как я уже сказал, главная проблема в Кири, — напомнил я. — И ее нужно решить Отогакуре. У Конохи есть нерешенные задачи на севере Страны Огня и возможны конфликты на западе, поэтому вам выгодно высвободить войска, задействованные на востоке, будь на то возможность. У Кумо нет таких же протяженных границ с соседями, проблемы у них иного плана: волнения в Стране Мороза и недовольство деятельностью шиноби Облака со стороны дайме Мороза, а так же вошедшие на Морозный перешеек силы Ивы. Снабжение введенного в Страну Горячих Источников корпуса нарушено и сейчас проходит из Страны Звукa, так как морские пути перерезаны флотами Кири на юге и Ивы на севере, а наземные стали затруднены. Звук не может покрыть все нужды армии Кумо, так что успехи в Стране Горячих Источников у Райкаге теперь не столь значительны. Тем более, что и Райкаге уже сменился. У Ото есть возможность поспособствовать разведению войск Листа и Облака. Дело за малым — отбросить Кири обратно в море.

— В этом и суть, Орочимару, — с нажимом и некоторым вызовом произнеся мое имя, заявила Утатане. — Способен ли ты выполнить это «малое дело»?

— Кохару права, — согласно кивнул Хирузен. — Ты смог собрать сильных шиноби под своим руководством, смог организовать оборону страны. Но отбросить в море Кири? Прости, но это слишком громкое заявление, Орочимару. Способен ли Звук на это?

Похоже, в Конохе не оставили надежду узнать побольше о реальных возможностях шиноби Ото и надеются, что я поделюсь новой, более полной информацией об этом. К сожалению для Сарутоби, все, что мне нужно было донести о боевых возможностях Звукa, я уже донес ранее. Предпочту, чтобы Лист пока довольствовался тем, что есть. Хотя в чем-то Хирузен прав, до недавнего времени я предполагал вести войну с Кири в исключительно оборонительном ключе. Однако, естественно, это не значит, что в штабе не были подготовлены планы и на случай вероятного наступления, которое можно было бы произвести при благоприятном стечении обстоятельств.

— Да, Отогакуре, конечно, не сравнится по могуществу ни с одной из Великих деревень, — охотно согласился я. — Однако со мной Узумаки, а они многие годы удерживали Кири в море, мешая им вести полноценные боевые действия на материке.

— Да простит меня Котоширо-кун за напоминание о трагедии, но Узумаки слишком

многое потеряли, — поправил меня Сарутоби. — В то время у Конохи не было возможности как-либо действовать на море, поэтому мне неизвестны подробности. Однако отряды на Узушио были отправлены при первой же возможности. Мы пытались оказать помощь тем, кому это могло потребоваться, но на острове оставалось только хоронить погибших. Клан потерял многих своих членов, был утрачен флот, оставшиеся корабли перешли в качестве трофеев Странам Молнии и Воды. Даже при поддержке новых союзников, Узумаки не смогут быстро вернуть свои позиции в Восточном океане. Ни Туман, ни Облако, несмотря на все твои с ними контакты, не дадут этого сделать.

— Об отношении Облака к возможному возвращению Узумаки в моря можно будет судить по результатам выполнения тройственного соглашения, — заметил я. — Время идет, все меняется. Дайме Молнии официально подтвердил помилование Чиноике. Также и Узумаки не являются больше врагами никому, кроме Кири. Что же касается возможности Звука противостоять Туману, то Узумаки я упомянул в этом вопросе не зря. Главным союзником Узушио в противостоянии Кири были вовсе не флот и даже не поддержка материка. Точнее, не поддержка Страны Огня. Помощь на другом континенте как раз была очень существенная.

— Страна Демонов? — быстро догадался Нара. — Она канула в небытие во время Великой войны. Распалась на несколько отдельных владений, одно из которых по-прежнему носит то же название.

Да, ранее Узушиогакуре во многом помогала Страна Демонов, расположенная на соседнем материке или большом острове, тут я точно сказать затрудняюсь. До Второй мировой это государство было значительно больше, хоть все равно не дотягивало до Большой пятерки. Однако оно граничило с колониями Страны Воды, основным источником многих ресурсов, которые были необходимы для существования Киригакуре. Страны Водоворота и Демонов при поддержке Конохи в кооперации несколько десятилетий неплохо сдерживали Страну Воды, с одной стороны оттягивая на себя внимание Кири, а с другой мешая его снабжению. Схема перестала работать после того, как Кири удалось поддержать один из кланов Страны Демонов. Договор с Морьё, появлении Призрачной армии и попытка создания на Восточном континенте Вечного Царства вызвали ряд конфликтов, в которые так или иначе вмешивались и Великие державы.

Тот театр военных действий прошел мимо моего внимания. Туда лично меня никогда не отправляли, а сам я был сконцентрирован на решении иных задач. Но в итоге, как выяснилось, он повлиял и на падение Узушиогакуре. С распадом Страны Демонов колонии Страны Воды мало того, что лишились угрозы со стороны соседа, так еще и расширились.

А ведь при некотором старании, можно было бы все обернуть совсем иначе. Без своих заморских колоний Страна Воды вполне могла лишиться своего статуса Великой державы. Не сразу, не быстро, но очень вероятно.

— Страна Демонов уже не имеет прежних возможностей, — согласился я с Шикаку, — но и Киригакуре сейчас сконцентрирована на Стране Горячих Источников. Ее колонии уязвимы, именно этим я и воспользуюсь, если на границах Ото станет меньше отрядов Великих держав. В Стране Демонов все еще правит прежний род жриц, имеющих родство с Узумаки. Значит, не обязательно иметь флот, чтобы заставить Кири отступить, у меня ведь не стоит задачи одержать победу над Страной Воды. Достаточно и наземных сил: здесь — Страна Звука, на востоке — Страна Демонов. Пока идет война, Кири не будет переводить свои силы на Восточный континент, но и без достаточного снабжения оттуда они не смогут

задействовать здесь все свои возможности.

— Говоришь ты складно, Орочимару. Только вот Кири не дураки руководят, — возразил мне Хирузен. — Они давно и планомерно готовились к вторжению в Страну Горячих Источников. Нарушение сообщения с восточными колониями не расстроит планов Страны Воды в краткосрочной перспективе. У них есть запасы всего необходимого на складах.

— Учитель, неужели вы такого плохого мнения о своем ученике? — изобразил я удивление. — Вы должны понимать, что об этой проблеме я позабочусь. Хотя, конечно, вам все равно нужны будут подтверждения моих слов. Так что я предлагаю следующее: в ближайшие пару месяцев погодные условия в море по-прежнему будут препятствовать судоходству. У меня будет время показать, насколько эффективно будет справляться Отогакуре с отрезанными от снабжения с островов силами Кири. И у вас будет время убедиться в эффективности обрезания путей снабжения от восточных колоний. Такой вариант вас устроит?

— Над этим можно будет подумать, — хмуро ответил Сарутоби, с подозрением разглядывая меня. — Хотя кое-что можно сказать прямо сейчас. Твой план — опасен для твоей Отогакуре, ты собираешься противостоять Кири практически в одиночку. Отбросим вопросы способности Звука на это. Лучше спрошу о целесообразности. Зачем тебе это? Желание отделаться от Великих держав — не повод. Соглашение дайме тоже не так важно, не вижу, что могло бы помешать заключить его и после войны. Думаю, у тебя есть какие-то условия для своей помощи?

На самом деле, Хирузен недооценивает соглашение дайме. Согласно нему, Страны Огня и Молнии предварительно договаривались соблюдать негласную традицию первых лет эпохи и не захватывать чужую территорию, то бишь Страну Горячих Источников. А побережье, которое властям Молнии и нужно было, договаривались осваивать совместно. Я пока не уверен, что соглашение в итоге станет реальным договором, но если все же ситуация будет ему благоволить, то оно было мне выгодным. Строительство водородных заводов на деле достаточно дорого. И с ростом потребления газа спрос на него растет, нужно расширять производство, развивать инфраструктуру, возможно, задуматься о газопроводах или новых типах судов, так как транспортировка газа в свитках в чем-то удобна, конечно, но иногда сами свитки были слишком уж большими, да и изъятие из них собственно водорода требует наличия специальных терминалов и шиноби, это не всегда удобно, хотя поначалу здорово помогло развитию производства.

В общем, по соглашению предполагалось, что все три страны будут общими усилиями строить заводы и инфраструктуру для доставки газа на свою территорию. Предварительно, все должны быть в выигрыше. Молния получала доступ к газу с побережья Горячих Источников, Огонь — тот же водород с перспективами развития своего побережья. Звук — деньги за все эти контракты. Правда, я сомневаюсь, что такая масштабная затея пройдет успешно. Не в этом мире.

— У меня есть причина, вы правы, Сарутоби-сенсей. Любой заказ имеет цену, — откинувшись на спинку кресла, ответил я. — Страна Водопада. Нападение на моих последователей не должно остаться безнаказанным. Я сделал предупреждение, но не думаю, что этого было достаточно.

— Ты же понимаешь, что просишь слишком много, — покачав головой, хмуро ответил Хирузен. — Страна Водопада наш союзник.

— Союзник, но на всякое преступление должно быть наказание. Сарутоби-сенсей, люди

верят мне. Я не могу бросить их, это то, чему вы сами учили меня, не так ли? Мне не важна месть, она мне и не нужна. Мне важно, чтобы ни у кого не было соблазна повторить то, что случилось в Стране Водопада.

— Могу сказать тебе обратное, Орочимару, — сложив руки на колени, холодно заявила Кохару. — Многим хотелось бы, чтобы у них не произошло то же, что и в Стране Водопада. Чтобы Рюджинкё не лезло в их страны.

— Резонное замечание, Утатане-сан, — небрежно отозвался я, — однако это не дело шиноби. Если люди начинают принимать Рюджинкё, то это проблема дайме или священников, пусть они ее и решают. Без крови и смертей.

— Хотелось бы, чтобы Рюджинкё не становилось делом шиноби, но ты сам шиноби, Орочимару. От того, что ты кем-то там себя возомнил, суть не изменится.

— Вопрос спорный. Но если он вызывает такое отторжение, то готов его обсудить, — сведя руки в замок, я недовольно покосился на Утатане. — Если в Стране Огня есть какие-то опасения насчет Рюджинкё, то готов пойти навстречу, чтобы от них избавиться. В обмен на положительное решение проблем в Стране Водопада. Я готов передать управление святынями и сангхой Страны Огня в ведение монахов Храма Огня. Пусть они объявят Инари кем-то из своих просветленных, если это вас устроит.

— Решать это не нам и не сегодня, — после небольшой паузы вынес вердикт Хирузен. — Пора бы нам снова вернуться к теме разговора.

По движению руки Хокаге секретари живо разложили на столах свитки с картами. Следующие несколько часов были потрачены на рассмотрение и оценку предложенного мною варианта решения сложившейся на восточном фронте ситуации, а также на улаживание возникающих вопросов. И на торговлю. И у меня, и у Конохи были определенные интересы в этой войне, естественно, уступать их никто не желал. Споры были непростыми, но не будь Лист в неудобном положении, мне бы вообще мало что светило.

Как я уже заметил, Хокаге был вынужден вывести на передовую ветеранов своей какурезато. Братья Курама были не единственными, не первыми и не последними. Мобилизационный резерв Конохи после Второй мировой войны был ожидаемо невелик, это здорово упрочняло мои позиции в переговорах. Правда, с учетом их изначальной низкой базы на безапелляционную победу рассчитывать не приходилось. Да ее и не получилось.

Переговоры закончились фактически тем, что их необходимо будет продолжить после достижения определенных результатов по разведению войск. Ничего удивительного, сейчас зима и время терпит. Пусть погода в этом году соблаговолила не особо страшить людей морозами, штормами и снегами, но интенсивность военных действий все равно снизилась. Так что Хирузен может позволить себе выжидать и надеяться на улучшение положения Конохи. К счастью, следующая беседа и в самом деле, скорее всего, пройдет дистанционно. Радиосвязь, наконец, выходит в свет. Если даже не удастся в краткие сроки ее развернуть, то остается вариант с проводным сообщением, но тянуть провода по горам, которыми изобилует все восточное побережье и Страна Молний — это отдельный вид извращения. Мне хватило подобного и в масштабах одной Страны Звука.

— Все еще считаешь, что все идет по твоим планам? — поинтересовалась Мейро, так же, как и я, наблюдая издали за Конохой с помощью кецурьюгана.

Я в это время с ухмылкой смотрел, как Нами держит Хибакари за руки и активно машет ими мне. Тридцать километров сейчас между нами, к слову. Далеко не каждый Хьюга способен видеть на таком расстоянии, а эта заноза на девятом месяце беременности

использует свой бьякуган лишь для забавы. Помахав Нами в ответ, чем вызвал у нее восторженную улыбку, я обернулся к Мейро:

— Планы, планы, планы... — недовольно пробурчал я, продолжив путь на восток. — С этой войной я только и делаю, что занимаюсь планированием на все возможные и невозможные случаи жизни. Это надоедает. И сейчас мне достаточно того, что все движется по понятному мне курсу. Мне хочется быть стрелой в колчане бога.

— Ты сам Бог-дракон. И мы стрелы в твоём колчане, — следуя за мной, строго произнесла Мейро.

— Да, вы стрелы, но не мои. Вы выпущенные из лука еще до своего рождения, свободные в выборе своего полета. Это прекрасно, в этом и суть свободы воли. Но мне иногда кажется, что сам я не стрела, а крепко сжатый в руках меч, который движется совершенно не свободно. Не скажу, что это всегда плохо. Например, я начинаю понимать, что мои прежние цели были идолом, который я сам сотворил себе, но мне все равно жаль, что мне пришлось даже на время отказаться от них. Хотя жизнь начинает играть новыми красками. Возможно, это бремя за то, что я пошел против привычного хода вещей. Ох и тяжело же быть Рюджином. Хоть и интересно.

— Общение с Джирайей явно не идет тебе на пользу, — покачав головой, горестно произнесла Мейро. — Хоть бы Котоширо постыдился такие вещи-то говорить.

— А что Котоширо, ты не рад быть летящей стрелой?

— Я шиноби, — лаконично ответил Узумаки. — Быть оружием — это то, для чего я был рожден.

— М-да, ты расстраиваешь меня, Широ-кун. Запомни, ты не оружие. Метафора с стрелой означает твою свободу воли. Ты рожден, чтобы промчаться сквозь жизнь. Эту и последующие. Ты стрела, цель которой — бессмертие в посмертии. Ты волен лететь по этому пути так, как тебе заблагорассудится. Даже можешь попытаться вернуться. Ты уже летишь, и это свобода. Ты волен выбирать. Это главная ценность человека. И единственная достойная жертва. Ты принес свою свободу в жертву мне и тому, кто и что стоит за мной. Ты выбрал служение, и это достойно величайшего уважения. Запомни, ты не оружие, ты тот, кто его несет, ты воин.

Сколько я уж это повторял, но все равно въевшиеся представления о мире иногда проявляются. Все-таки поздновато многие Узумаки оказались в Отогакуре. Может, и сам я виноват, что поздно начал ими заниматься всерьез, но я же не предполагал, что мне понадобится такая стихия в своих руках. Новый гешгалт, образ мироустройства, который должен стать тем оружием, который станет основой будущего. Окончательно эта идея сформировалась лишь недавно, когда против Роурана начали применять не самые честные методы борьбы.

Я давно заметил, что этот дивный мир развивался не совсем так, как мой прошлый. Собственная история и множество уникальных факторов, вроде чакры и их прародителей, внесли свою лепту. Если судить по имеющимся у меня знаниям о далеком прошлом сего континента, то ранее на нем существовали вполне типичные восточные деспотии. Точнее, если оперировать более мне привычными терминами из культурологии, то «территориальные царства».

Вообще, основную массу своих познаний в этой области человеческого бытия я почерпнул в процессе моих изысканий в области философии, и, прямо говоря, это были далеко не самые приоритетные для меня знания, но кое-что я могу вспомнить, а кое-что —

додумать сам. Так вот, эти территориальные царства — это гештальт, образ существования цивилизации, непосредственно продолжающий родовое устройство человеческих общин. И мифическая прародина Сальмы, Разак, и приютившая Кагую Страна Предков с ее соседями были вполне типичными государствами, во многом повторяющие по сути своей древние Египет, Китай, Индию и прочий Восток. В них имелись божественные правители, четкая иерархия и даже кастовость, идея божественности небес, главные храмы как частица небес на земле, и стремление распространить совершенный горний мир на своей территории, оттеснить тьму за впервые очерченные границы земли, ставшей территорией. Таковы территориальные царства, если вкратце.

Думаю, главной и основной страной прошлого был Разак или Редаку, а Страна Предков во многом являлась просто варварским образованием на ее периферии, повторяющим более совершенную форму государства. Нечто вроде древних Китая и Японии, до тех пор, пока Редаку не пало под внутренними проблемами. Вполне возможно у Страны Предков имелись шансы заменить на местном Олимпе Разак, но появилась Кагуя — и история совершила любопытный поворот.

Опуская подробности, можно сказать, что держава Кагуи была эдакой вершиной территориального царства: с реальной богиней во главе, с тотальным контролем тел, разумов и душ жителей. Но потом началась битва матери с сыновьями, и общество почти откатилось к родовому гештальту, в чем-то повторяя судьбу Древней Греции во времена после падения Минойского царства, когда многие полисы в течение долгого времени не могли превзойти друг друга и были вынуждены сформировать античный западный мир, с его демократией, философией, школой, рынком, риторикой, соревновательным духом. Только здесь проявились свои особенности.

Государства после устранения Кагуи также не могли долгое время превзойти друг друга, но зато появились шиноби и привнесенная Хагоромо идеология ниншу. Возможно, он повлиял также на распространение некоего подобия буддизма. Цивилизация словно расслоилась. Государства продолжали строиться во многом по принципу территориальных царств. В них появлялись самураи и дайме, изначально реальные аналоги фараонов с настоящими сверхъестественными способностями, но в то же время начался рост нового искусства дипломатии, новой философии самураев, в чем-то напоминающей древнегреческие концепции риторики, и начали развиваться рынки вместо базаров, что дало толчок торговле. Однако вместе с этими государствами, рядом с ними продолжали жить те, для кого гештальт родовой культуры оказался удобным. Клань шиноби.

На самом деле в обществе всегда остаются основы для возвращения к более раннему, примитивному образу жизни, но у шиноби родовая система позволяла развивать их кеккей генкай и хидендзюцу, она делала из шиноби собственно шиноби. Правда, они не вернулись к полноценным родовым общинам, но во многом их повторили. У ниндзя, как и у родовых общин, большую роль играет кровь, как часть кеккей генкай, как нечто священное, что передается от великого предка: Индры, Асуры и многих других титанов прошлого. Пролитие этой священной крови рождало кровную месть, что вылилось в Сенгоку Джидай. Как и роды, клань шиноби поклонялись своим предкам, как Учиха в храме Нака или Узумаки в храмах Масок. Да, тотемы сменились на храмы, но многие обряды, например, Узумаки, связанные с масками, вообще повторяют какие-то шаманские ритуалы.

В общем, параллели с привычными мне историко-культурными процессами имелись, но появлялись и свои особенности. Например, из-за привнесенного Мудрецом Шести Путей

собственного понимания Инь и Ян женщины у шиноби все-таки тоже люди, как и мужчины, а не разумные носители темной природной стихии, поэтому они и могут общаться с богами, иначе Акичи никогда б не светило стать каннаги.

И вот в это царство дикого востока я и попал. Тот, кто вырос в иной культуре. В принципе, жить мне это здесь не мешало, однако с появлением Сальмы мне пришло в голову, что моя культура может стать моим оружием. Не фосфор и фугасы, которые убивают тела, не горючий газ и хлеба, которые бьют по государствам, а идеи, которые поражают души и разум. Многие из них вряд ли будут поняты кем-то, кто жил в том же обществе, что и я, но для местных — это нечто крайне непонятное, новое и революционное. Один бог будущего в разных ликах, для общения с которым не нужны храмы, который всегда с тобой, связь с которым строится не на родстве или законе, а на вере. И именно вера открывает путь в небеса, а не храмы, вера делает из спасающегося человека спасаемого. Линейность времени, вместо цикличности. Возможность и даже необратимость прерывания времени кризисами и катастрофами, как точками для подведения итогов, разграничивающими эпохи. Свобода воли и жертвование ею ради непостижимой высшей воли, в которую верят, а не которую осознают.

Еще больше изменений коснулось шиноби. Например, их работа, а миссии и задания — это именно работа, которая предполагает плату, сменилась служением, которое предполагает или не предполагает жалование. Может, это покажется мелочью, но это гораздо более революционная идея, чем объединение кланов в какурезато, которое по сути является лишь объединением родов в одно племя без изменения культурного гештальта, образа мышления и существования. Да и когда каждый человек — воин, то сама идея отделения воинствующего сословия от остального общества начинает размываться.

— Не вы мое оружие, Котоширо, но вы мои воины и оруженосцы, вы несете мое оружие. И это делает вас куда более опасными, — поведал я Узумаки выжимку из своих умозаключений, откровенно поленившись выдавать ему такие же лекции, какие мне приходилось пересказывать по несколько раз то дочери, то биджу. — А еще ты незаменимый владелец техники Летящего Бога Грома. Так что давай-ка поторопимся домой.

Глава 38. Страна Демонов

14 июня 47 года от начала Эпохи Какурезато

Уже второй год, как идет война. И уже примерно столько же времени я, в своем основном теле, не покидал Страны Звука более, чем на пару десятков километров. Полгода назад только в Коноху на встречу с Хокаге смог вырваться, и то это не такой далекий и долгий путь был: у Котоширо во многих местностях материка оставлены замаскированные дзюцушики, прыгая по которым, можно неплохо сократить путь. Однако на соседнем небольшом материке, скорее даже острове, так как он, вроде, даже чуть меньше Гренландии выходит, у Узумаки меток не было.

Этот остров, кстати, находился примерно на широтах Страны Молнии, но имел более благоприятный климат. И, как мне кажется, к главной причине этого не совсем понятного мне эффекта я сейчас и направлялся.

— Жарковато здесь становится, — заметил я, остановившись на удобной плоской скале.

Обветренная поверхность серого камня была неровной, изъеденной дождями. Обычный большой валун, возвышающийся над покрытым зеленой свежей травой горным лугом. Чуть ниже, цепляясь за неровный склон, росли лиственные кряжистые деревья, выше виднелись кривенькие сосенки. А вокруг камня только трава да небольшие кустарники. Не знаю, насколько это естественно, но, кажется мне, что причина такого распределения растений — в странной энергии, прячущейся за серой поверхностью скалы. Она словно гудела и была ощутимо теплой даже в этот летний день.

— Значит, мы приближаемся к Каензану, — появился возле меня Кайбье, подставив лицо ветерку, хоть немного смягчающему растущую температуру.

— Дальше будет только жарче, — это мне нашептала уже Тагицухиме. — Над деревьями уже виднеется зарево с ее вершины.

Посмотрев вверх, я и в самом деле смог заметить нечто похожее. Хотя еще раннее утро, вершины гор были ярко освещены косыми лучами солнца, так что свет солнца затмевал иные источники света, но над деревьями все-таки можно было различить далекое марево, и в тени голых каменных пиков мелькали рыжие блики. Не зарево, но явный намек на наличие впереди мощного источника тепла и открытого источника огня.

— Что ж, это чудесно, — кивнув, ответил я и змее, и некомате, — значит, у нас есть все шансы успеть за сегодня сделать сразу два великих дела.

— Я бы на это не рассчитывала, — проворчала Тагорихиме. — Хотя у тебя, может, и получится.

— Приятно, что ты в меня веришь, — немного удивленный таким замечанием сказал я.

— Я верю в то, что ты владеешь странной способностью дурить людей и зверей.

— Не все то дурость, что ты не понимаешь, — хмыкнув, ответил я, после чего приказал двигаться дальше.

Сейчас со мной были только некомата, несколько его котов да три едущих на мне нахлебницы. Немного непривычно с ними путешествовать, но в том месте, в которое я направляюсь, лишних людей при себе лучше не иметь. Там людям, как мне сказали, не рады. Хотя это вообще характерная черта для мест обитания разумных животных этого мира.

Нам потребовалось преодолеть еще несколько перевалов, чтобы, наконец, выйти к нужным нам местам. По мере продвижения местность вокруг все больше менялась.

Становилось все меньше деревьев, постепенно редела трава, пока вовсе полностью не пропала, оставив только голые горячие красноватые камни. Воздух здесь был разреженный, так как мы успели забраться уже достаточно высоко, но вместе с тем с высотой росла температура, вопреки обыкновению в схожих ситуациях уменьшаться.

Вскоре впереди показались первые бьющие из-под земли язычки пламени и кружащие над ними в воздухе черные точки. Здесь пришлось оставить группу следующих за нами котов, дальше им было уже опасно для жизни. И от места разбитой кратковременной стоянки дальше двигаться я решил без лишней спешки. Как-то среди хаотично бьющих из-под земли потоков пламени использовать технику Телесного Мерцания небезопасно.

— Любопытное место, — заметил я, неспешно перепрыгивая над трещиной в земле, из которой только что вырывался столб пламени. — Были у меня мысли, что название дано просто из-за вулканизма, а тут и в самом деле что-то необычное.

— Земной огонь, — глубокомысленно изрёк Ясунеко, настороженно вглядываясь в черные провалы.

— Не бойся, — посоветовал я ему, показав сложенные в печать Тигра руки, — я держу огонь под контролем. Усы уж точно не опалишь.

— Рассчитываю на вас, Рюджин-сама, — поверив мне, но до конца не осилив свой страх, ответил некомата.

— Земной огонь, говоришь, — тем временем снова переключился я на интересующую тему. — Любопытный феномен. Будь я в ином мире, то мог бы подумать, что под землей находятся залежи природного горючего газа, которые и пылают. Но этот мир не может быть настолько прост. Гм...

— Я не могу сказать многого. Эта территория никогда не была интересна моему народу.

— А вы что можете сказать? — качнув головой, поинтересовался я у змей.

— Здесь извергается природная энергия, подобно лаве вулканов, — услышал я голос Тагицухиме в правом ухе.

— Да, природную энергию я чувствую прекрасно, — согласился я, — но это совершенно неестественное ее проявление. Хотя вам-то лучше знать, не так ли?

— Мы слышали, что пламенные горы есть во владениях жаб, — высказалась Тагорихиме, — но не знаем, что они из себя представляют.

— Ну, горы с таким же названием, Коензан, есть и в приграничных районах Стран Пустыни и Ветра, — резонно заметил я. — Только там это просто выветренные пики из красного песчаника, над которыми при нагреве солнцем поднимается сильное марево, из-за чего появляется иллюзия пламени. Здесь все иначе. Хотя...

Еще раз осмотревшись по сторонам, но уже используя кецурыюган, я всмотрелся в скрытую под землей энергию. Местность с помощью додзюцу я осматривал и раньше, но мои глаза природную энергию улавливают слабо. Почти никак, если честно. Была надежда, что вблизи получится увидеть что-то новое.

Надежда не особо оправдалась. Пустоты под землей имелись, некие подобия фумарол, по которым вместо дыма рвалось пламя. Но что и откуда там появляется — не понятно. Однако у меня появилось чувство, что я уже видел кое-где в чем-то похожую аномалию.

Рюмьяку в Роуране. Я так и не смог выпытать у Сальмы все подробности устройства ее чудо-источника чакры, но, насколько я понял, он у нее не совсем естественного происхождения, и нынешний вид ему был придан с помощью камней Гелела, ну или Герел, как их Сальма называет. Может, здесь нечто подобное, но без человеческих доработок?

— Рюджин-сама.

— Вижу, Ясунеко, — ответил я некомате, останавливаясь.

Мы с Кайбе уже пару минут шли по некоему подобию оврага. На мой неискушенный взгляд, это было что-то вроде обвалившейся со временем лавовой трубки или чего-то вроде. Справа обрыв, слева обрыв, а над головой тусклая полоска неба, в которой иногда мелькают всполохи пламени. Здесь, внизу, огненных гейзеров было поменьше, так что путь был достаточно очевиден. И именно на нем нам впервые вблизи встретился местный обитатель.

Крупный черный ворон мне показался не совсем обычным. Хотя бы потому что не особо он на ворона был похож. Какая-то смесь черной вороны, ворона и грача, кои на местном языке звучат одинаково, но на самом деле имеют некоторые отличия, которые я еще со школы помню. Впрочем, и без моих школьных знаний можно было с полной уверенностью сказать, что птица перед нами явно не простая. Во-первых, простые пернатые в Каензане не появляются. Во-вторых, конкретно этот экземпляр сидел на краю пышущей пламенем трещины и нисколько не смущался лижущим его черное оперение огнем.

— Ка-а! — лаконично произнесла птица, сверля меня бусинками черных глаз.

На мгновение замешкавшись, убеждаясь, что нас сейчас же не спалит очередным потоком пламени, я все же разомкнул руки, прерывая технику контроля огня. Я пока не уверен в исходе своего путешествия в Каензан, так что стоит хотя бы из вежливости не показывать местным жителям никаких намеков на возможную агрессию.

— Я Орочимару Рюсей... Рюджин, — представился я. — Я хотел бы встретиться со старшими Каензана. Скоро у подножия ваших гор будет проводиться ритуал, связанный с расположенным там святилищем. Он может отразиться и на вас. Чтобы избежать непонимания в будущем, нужно переговорить сейчас.

— Ка-а... — с нотками какой-то растерянности каркнула птица, склонив голову и рассматривая меня уже другим глазом.

Я ответил ей таким же вопросительным взглядом, силясь понять, что там творится у ворона в мозгах. Сенсорная техника для восприятия мыслей и с людьми не всегда работает идеально, а с животными и подавно. Особенно с птицами, у которых мозги достаточно серьезно отличаются от таковых у млекопитающих.

— Ну?

— Ка-а! — еще раз крикнул ворон, шумно взмахивая крыльями и взмывая в небеса.

— Вот и поговорили, называется, — провожая взглядом удаляющуюся черную точку, пробормотал я.

— Это же воронье, — пренебрежительно фыркнув, прокомментировал некомата.

— Ага. Ладно, идем дальше. Этот пернатый, кажется, и в самом деле полетел предупреждать свое начальство... Если что не так, то остальные летуны как-нибудь нас предупредят.

— Лишь бы не прицельным бомбометанием предупредили, — пробормотал Ясунеко, тоже сощурившись посмотрев в сторону кружащих в воздухе нескольких ворон.

Да, Каензан был местом, где обосновались вороны. Не уверен, какое у них тут социальное устройство, но живут они группой. С людьми контактируют редко, люди с ними — еще реже. Хотя, может, сами птицы за пределы пылающих гор и летают, всякого воронья в округе полно, но поди узнай, кто из них по-настоящему разумный. Собственно, я за тем сюда и иду. Ритуал ритуалом — это больше повод, чтобы сюда забраться — а вот нанять таких разведчиков я б не отказался. В компанию к котам.

— Слушай, Кайбье, а ты почему так в огне купаться не умеешь, как эта птичка? Ты же некомата!

— Здесь огонь живой, — недовольно буркнул Ясунеко. — Я ж не идиот, чтоб в него соваться.

Я, вместо слов, еще раз посмотрел в небо на черные тела парящих птиц.

Вот, казалось бы, где огонь, а где вороны. Однако в этом мире ворон — это в некоторых легендах едва ли не воплощение солнца и пламени. Одно из моих имен в Рюджинкё как раз на основе этих мифов и получилось. Однако солнца, да... Амагерасу тоже связана с солнцем. И черное, как крылья ворона, пламя названо Амагерасу. И призывом Итаци с его Мангекье Шаринганом тоже были вороны. Любопытные совпадения. И совпадения ли?

Гм... Как бы мне незаметно перышко от этих птах отщипнуть для генетического анализа?

— Постой-ка, Ясунеко, — попросил я спутника. — Тут есть что-то подозрительное.

Встали мы перед завалом, которым заканчивалась наша дорога по дну лавовой трубки. Чтобы продолжить путь, нужно было выбираться на поверхность, где было явно больше прорывов земного пламени. Правда, настораживало меня не это, хотя все-таки ненормальность Каензана все еще нервирует, и горы сами по себе целиком кажутся какими-то неправильными. Меня заставил остановиться барьер, который я заметил еще издали.

Невидимая невооруженному глазу граница начиналась сразу по ту сторону завала. И даже с помощью ниндзюцу я не мог определить вид барьера. Техника была в чем-то знакомая, но в то же время строилась на непонятных мне принципах, которые вот так сходу разобрать я не мог. Какой-то огненный барьер по типу Шиши Энджин, со схожей, кстати, основой.

— Любопытный барьер, — пробормотал я задумчиво. — Так с ходу его преодолеть не у всякого получится.

— Нам здесь все-таки не рады, — прокомментировал Ясунеко.

— Как знать.

Любопытно, часто ли воронам здесь этот барьер нужен бывает? Не каждый дурак добровольно попрется огненные горы штурмовать. Тут и высота приличная, горную болезнь можно схлопотать. И, собственно, природное пламя многих альпинистов остановит. Мне и Кайбье с разреженным воздухом помогает техника *Шиши Тенкохо*, а пламя я отводил с помощью техники, но таких настойчивых и способных шиноби в мире не так уж много. И их уж точно этот барьер вряд ли смог бы остановить.

— Какие приказы, Рюджин-сама? — спросил Ясунеко, переминаясь с ноги на ногу и недовольно принохиваясь к сухому воздуху. — Будем ждать? Мне не нравится это место. Тут все пропахло птицами.

— Я же Рюджин-сама, — хмыкнув, с иронией ответил я, — это они меня ждут, а не я их.

На самом деле, вряд ли местным обитателям есть хоть какое-то дело до моей личности, но даже без додзюцу я ощущаю, что прямо за барьером есть несколько существ. Сендзюцу позволяло их почувствовать, пусть и очень слабо. И вибрации земли от них шли слишком слабые, они терялись на фоне дрожи скал, вызванной порывающим пламенем. Похоже, там кто-то небольшого размера и веса, а так же хорошо сроднившийся с местной стихией. Очередные вороны.

Нахмурившись и еще раз внимательно прислушавшись к собственным ощущениям, я без

спешки свел ладони, переплетая пальцы в нужные печати. Чакра в меридианах начала медленно преображаться, начав жечь изнутри пламенем. Ускорившийся поток энергии рвался наружу, но я испустил его небольшой порцией, аккуратно смешивая собственную чакру с пламенем.

Этот прием я начал осваивать после создания техники *Кириин*. Направлять собственной чакрой природную энергию, а не противиться ей. Огонь был непокорен, непостоянен, но и его можно взять под контроль.

Моя энергия плавно влилась в природное пламя, которое постепенно начало расступаться, уходить в стороны от меня. И вместе с тем оно начало избегать находящегося рядом со мной участка барьера, который в том числе и питало. Не знаю, кто тот мастер, кто додумался и смог реализовать эту преграду, но он очень ловко умел управляться с Катонном. Возможно, он меня сейчас и встречал.

За подернувшимся жарким маревом воздухе перед нами на красноватых камнях появились три ворона. Одного из них мы уже встречали, а остальные кто-то новенькие. Хотя разницы так на первый взгляд между ними не много. Один вообще ничем не отличается от отъевшегося ворона, у второго пушистые белые перья над глазами создают некое подобие седых бровей, а третий вообще ничем не отличим от первого, кроме размеров — он раза в три был больше.

— Ка-ка-ка! — странное карканье было больше похоже на смех. — Слухи о тебе не врал, Рюджин. Ты удивил нас.

Произнес эти слова самый большой ворон. Голос у него был премерзкий, кстати, даже не из-за какого-то неестественного скрежета, а из-за надменных, самоуверенных и нагловатых ноток. Странно раздражающий тон был у этой птахи.

— А вы удивили меня. Забраться так высоко в горы, в это пекло. Станный выбор места обитания.

— Здесь тепло и не мешаются люди, — легкомысленно ответил ворон, поведя крыльями, под перьями которых я, к своему удивлению, заметил пару вполне сформированных кистей рук. — С чем пришел, Рюджин?

— Да вот, тут у вас под горами тело одного демона запечатано, — подражая манере общения собеседника, ответил я. — Думаю, сегодня его освободить.

— Морьё? — склонив голову на бок, уточнил ворон. — Снова эта морока... То запечатают его, то распечатают. Но в этот раз хотя бы предупредили. Когда людишки ставили печати на горных жилах, чтобы создать тюрьму для своего демона, нас не спрашивали. Это расстраивало. Хорошо, я приму это к сведению. Только не говори, что ты явился лишь за этим? Это было бы слишком уж разочаровывающе. Ты пущен на эту землю лишь за то, что кто-то назвал тебя Карасу но Огами, Богом-Вороном. Так что, похоже, самомнения тебе не занимать, и лишь из-за такой мелочи сюда бы ты не поднимался.

— Уж кто бы говорил о самомнении, — не удержался я от улыбки, — но, вообще, правда в твоих словах есть. Я знаю, что в будущем вороны заключат контракт с одним из Учиха и будут ему помогать. Так вот, если это возможно в будущем, то почему не сделать чего-то подобного в настоящем? Тут совсем недалеко моим союзным войскам не помешала бы поддержка кого-то зоркого и глядящего с высокока.

— Контракт? — как мне кажется, удивился ворон. — Мы редко заключаем контракты. Кто этот Учиха?

— А я разве говорил, что он уже родился? — вопросом на вопрос ответил я. — Могу

лишь сказать, что он будет одним из тех Учиха, которые смогли пробудить силу своих глаз. И он сможет использовать технику под названием Аматерасу, выглядит как черное пламя.

Вообще, не факт, кстати, что у моего Итаци будет именно Аматерасу, и что его привлекут вороны, как и в каноне, но просто любопытно было увидеть реакцию на эту новость у местных. Но она была слишком уж разочаровывающей.

— Вот как, — ровным тоном ответила птица, — будем знать. А если говорить о настоящем, то ты пришел сюда только, чтобы просить помощи? Зачем тогда привел этого кошака?

Молчаливый некомата насмешливо взглянул на ворона своими желтыми кошачьими глазами и только фыркнул. Впрочем, этого было достаточно, чтобы узнать его ответное мнение относительно пернатых обитателей Каензана.

— У тебя и в самом деле высокое самомнение, — заметил я. — Я сюда не просить о помощи пришел, а о совместной работе договориться. Знаешь, в моей стране вообще разные люди и нелюди живут, Ясунеко-сан тому пример. И я уже понимаю, что и с вами можно договориться не хуже, чем с людьми. За этим я и пришел, договориться о помощи в боевых действиях. Не только на этом континенте.

— Договориться... — не совсем довольный такой постановкой вопроса, произнес ворон. — Договориться так договориться. Так тоже можно. Тогда давай, что ли, договариваться. Меня, кстати, именовать Аджари можно, Рюджин.

***

— Как прошли переговоры, Рюджин-сама? — первым делом поинтересовалась у меня при моем возвращении к лагерю у подножия гор Малис Ринха. — Удачно?

— Неопределенно, — честно ответил я ей, — но в этой войне у нас будет поддержка воронов. А о судьбе дальнейших взаимоотношений можно будет судить уже после окончания операции на этом материке. Где Чода?

— Они еще не вернулись из Страны Болот. Сообщение от их отряда пришло чуть больше двух часов назад, тогда они были в замке Аосима, значит, скоро уже должны прибыть, — доложила Малис.

— Хорошо, я вовремя управился, — посмотрев на клонящееся к закату солнце, заметил я. — Чоде я передам свиток с формулой контракта. Поначалу призыв птиц будет осуществляться через него. А там уж решим, насколько вороны оправдают возложенные на них ожидания.

— Значит, он останется здесь? — уточнила Ринха.

— Нужно было сразу отправить с тобой одного из моих клонов. Чоду или Дайки. Пусть они малы и в бою от них толку немного, но в качестве канала связи подходят более соколов и посыльных. Добираться сюда стало слишком уж сложно.

С началом навигации на морях вновь закипели сражения, на всех путях патрули Кири, Кумо или даже Ивы. Пробраться на соседний материк, не попавшись никому на глаза, практически невозможно. Экспедиционный корпус, который возглавила Малис Ринха, оказался предоставлен тут самому себе. Ожидаемый ход событий, конечно, и я еще в начале операции собирался отправить с Малис одного из своих клонов, но оба свободных тогда тела были в фазе ускоренного роста и нуждались в интенсивном внешнем питании, которое частично осуществлялось парентерально, то бишь минуя кишечник, для чего нужна была медицинская аппаратура. Тогда пришлось от идеи временно отказаться.

Зато сейчас Чода выглядит лет на десять, организм уже достаточно развит и способен

производить физическую энергию в таких количествах, что в случае чего можно будет даже использовать его в качестве моей аватары, влив в него чакру основного тела. Это если где-то потребуется силовая поддержка. Так-то клоны на подобное использование не рассчитаны.

Наличие же Чоды на этом материке должно облегчить обмен разведанными между группировками. Глядишь, и сдвинет дело с мертвой точки. Сейчас война идет с переменным успехом. Толком оборвать снабжение островной части Страны Воды не получилось. Разрозненные войска Стран Демонов, Болот и их соседей даже с помощью экспедиционного корпуса не могли полностью нарушить логистику Киригакуре. Хотя на это я даже не рассчитывал, но все же надеялся на лучшее. Однако свои обязательства в Стране Горячих Источников я выполняю и, главное, своих целей в ней тоже достигаю. Страна Огня отвела основную часть шиноби к северным границам, на востоке сконцентрированы в основном генины в качестве разведки на случай внезапных нападений Кири, вместе с ними восстанавливаются после интенсивных боев с Ивой более квалифицированные шиноби. Кумо тоже быстро ретировалось обратно на свой полуостров. Флот Страны Молнии хоть и был достаточно силен, но его не хватало, чтобы защитить все протяженное побережье, вражеский десант на котором можно ожидать в любом месте.

Отогакуре же в это время сдерживает силы Кири на материке. Сейчас мне удалось взять под контроль чуть меньше половины Страны Горячих Источников, и на большее пока я даже не зарюсь. Пока сил Ото банально не хватает поддерживать достаточную плотность ниндзя на фронте. Мне везет с тем, что Кири — самая малонаселенная деревня шиноби из пяти великих. Но у них сильные и опытные шиноби. Пока спасает медицинская служба и быстро развернутая система связи.

Пока ирьенинам удается быстро возвращать в строй выбывших шиноби Ото, идет медленная война на истощение. И есть шансы, что в ней я не смогу победить. Все-таки фактор морального истощения нельзя исключать. Кири даже сейчас имеет возможность чаще и качественнее производить ротацию на фронте. И именно на случай худшего развития событий нужно подготовить дополнительные козыри.

Собственно, за этим я и явился в Страну Демонов.

— Дейтан с Инагой закончили подготовку? — поинтересовался я у Малис, направившись в сторону временного лагеря.

Сама Ринха встретила меня загодя, предупрежденная разведкой о моем прибытии. А лагерь был разбит в глубоком разломе, который расколол когда-то скалы у подножия Каензана. Место приметное, но не очень удобное. Уже сейчас на дне разлома была ночная темень, света от узкой полоски вечернего неба сюда попадало мало. Но хуже было то, что попасть на это самое дно и не свернуть себе при этом шею могли, за неимением в этом мире профессиональных альпинистов, только шиноби да горные козлы. Последние, кстати, на диво аппетитно пахли в наваристых похлебках, которые наготовили себе ниндзя.

— Господин, верховная жрица хотела встретиться с вами, когда вы прибудете, — как бы невзначай заметила Ринха, заметив, что мой путь неуклонно сворачивает в сторону еды.

— Ладно, — с грустью взглянув на полные миски в руках шиноби, ответил я. — Надеюсь, у нее тоже можно будет перекусить.

С самого утра уже в пути, так толком поесть и не дадут. Уже даже вонючая козлятина кажется вкусно пахнущей. Что за жизнь такая у ками? Очень надеюсь, что у Мироку будет чем перекусить.

Жрицу я встретил сидящей на раскладном стульчике недалеко от палаток отрядов Дейтана и Инаги. Ее окружало несколько солдат. Не шиноби и не самураи, но тоже немного владеют чакрой и техниками на ее основе. Меня пропустили без проблем, так что, не встретив препятствий, я приблизился к жрице, взяв лежащий возле нее еще один раскладной стул, сел на него.

— Прохладно здесь становится, и ветер продувает, — заметил я. — Тебе бы лучше сейчас в здании находиться. Или в палатке у костров хотя бы.

Жрица на мое замечание почти никак не прореагировала. Эта юная девушка в белых пышных кимоно и с традиционной тиарой с символом солнца на голове вообще была не особо эмоциональной. С юных лет она была не просто жрицей, но еще и неким символом былого величия местных стран. В общем, в политику она была вовлечена ничуть не менее Сальмы, это сказалось на характере.

— Никогда не любила этот храм, — ровным тоном ответила Мироку. — Да и не храм этот вовсе, а преддверие в ад. Лучше уж тут, чем там. Всегда кажется, что сделаешь неверный шаг — и все, уже на той стороне.

— Надеюсь, никто сегодня не додумался проверять, как оно там, по ту сторону мира?

— Нет, твои люди работают профессионально. Узумаки же сами участвовали в создании этого места когда-то.

Говорила со мной Мироку, не сводя взгляда с храма перед нами. С виду это было большое монументальное каменное святилище, выполненное в местной стилистике, высотой в пару десятков метров, вырезанное прямо в горной породе. На сером камне тревожно плясали отблески пламени костров. Свет и тень переплетались, мешая зрению приспособиться к сумеркам, из-за чего казалось, что часть постройки утопает в тени, что она взирает на нас черными провалами окон. Жутенько, на самом деле. А ведь здесь еще и люди живут, по месяцу в среднем, но все равно неприятно, должно быть, здесь службу нести. Обычно в этом храме обитало с пару десятков человек. Стражники, которые охраняли место не от случайных посетителей, откуда бы им здесь взяться, а от того, что заточено в тоннелях, уходящих вглубь скалы.

Здесь был заточен один из ками Узумаки, Морьё, и несколько сотен каменных марионеток, созданных уничтоженным ныне кланом шиноби с помощью силы этого демона.

— Мы собираемся совершить нечто ужасное, — покачав головой, произнесла Мироку, наконец посмотрев в мою сторону. — И я до сих пор не понимаю, как дала себя на это уговорить.

— Неужели ты что-то увидела сегодня? — спросил я у жрицы, взглянув в ее светло-сиреневые глаза.

— Нет, — снова качнув головой, ответила Мироку. — Ничего. Но все равно... Неуютно мне.

— Ну, оставлять демона у себя под боком и надеяться, что он там просидит вечность, тоже не самая умная идея. Не тебе, так твоей дочери он доставил бы проблем.

— У меня нет дочери...

— А, ну да, все время забываю, — хотя, на самом деле, наоборот, слишком хорошо помню, что скоро дочь-то все-таки появится. — Впрочем, в этот раз я уже почти не ошибся, так что все-таки советую перебраться в тепло.

— Я...

— Хотя мы слишком отвлеклись от темы, — поспешил я побыстрее свернуть от

неудобной мне темы, которую сам же нечаянно поднял. — Мне передали, что ты хотела о чем-то поговорить.

— Да, я хотела еще раз спросить, какие все-таки у вас планы на этого демона. Я так и не получила четкого ответа ранее. Как человек, который несет ответственность предков за это существо, я хотела бы узнать ваши планы, Рюджин-сама.

— Четкого и определенного ответа я дать и не могу, — честно ответил я. — Нужно посмотреть, что из себя представляет этот Морьё. Я слишком плохо его знаю, но есть надежда, что он окажется более адекватен, чем о нем ходит молва. И он придерживается идеи, которую можно использовать в качестве основы для переговоров.

По крайней мере, он тоже хотел построить империю и объединить все страны шиноби. Не знаю, правда, какую цель он при этом преследовал. А еще он один из демонов Узумаки. После того случая с Хашихиме при разделении Курамы, меня не оставляет идея разобраться в ее странном поведении. Ради простого удовлетворения собственного любопытства вызывать Киджо было как-то не очень умно, техника-то это сложная и опасная. Мои изыскания в потустороннем мире даже вместе с Ясунеко продвигаются не слишком быстро, а Нулехвостый находится в не самом удобном месте. Зато вот есть Морьё.

Конечно, далеко не факт, что конкретно этот монстр тоже мне в ножки кланяться начнет, на это вообще рассчитывать не стоит, но удовлетворить мой интерес он все-таки сможет.

— Я переговорю с ним и решу его судьбу, — подытожил я. — Все остается ровно так же, как я говорил ранее.

— Мне было бы спокойнее, если бы вы не везли сюда, к узилищу духа демона, еще и его тело, — заметила Мироку. — Вы собираетесь снять печати, а это опасно даже со всеми предпринятыми предосторожностями. В случае накладок с одним только духом справиться проще.

— Мне приходилось справляться и с более могущественными демонами, — успокоил я жрицу.

— Самоуверенность может помешать...

— Это не самоуверенность. Эти демоны теперь сражаются на моей стороне и помогут сегодня, если это потребуется.

Правда, из двух моих биджу на этом континенте только один. Чомей был тут вместе с Малис с самого начала операции, правда, сейчас ему выпала доля сопровождать Чоду в Страну Болот. И, пока эта экспедиция не вернулась, я все же хотел подкрепиться, так что пришлось поторопиться и распрощаться с Мироку.

С ужином успел расправиться впритык. Группа Чоды вернулась чуть позже запланированного времени, так как была вынуждена задержаться в Аосиме, где сопровождающие их гвардейцы Мироку сменились на новых. Они все-таки не были шиноби в полном смысле этого слова и не имели столь же нечеловеческой выносливости. Да и Чоде тоже нужно было передохнуть.

Их, так же как и меня с отрядом котов Ясунеко, встретила Малис. Ояма со своим отрядом запечатывания, Чомей да Чода. В сопровождении гвардейцев. Последние нужны были только для беспрепятственного преодоления городов и получения в них всего, что только могло потребоваться в пути.

— Наконец-то, — проворчал я, встречая Чомея. — Все-таки есть еще шанс успеть сделать все дела за один день.

— Да несильно и задержались, — оправдался биджу. — Это здесь темно кажется, а на поверхности еще солнце светит.

— Как скажешь, — кивнул я в ответ, не глядя передавая свиток с контрактом воронов молча подошедшему ко мне клону. — Раз уж вы отдохнули в замке, то можно сразу же и приступать.

— Не станешь даже спрашивать, как у нас прошла миссия? — удивленно вскинул бровь Чомей.

— Уже в курсе, — нетерпеливо отмахнувшись, ответил я, мимоходом отметив, что Хвостатому все лучше дается человеческая мимика. — Идем.

Наш путь лежал в недра святилища. Малис успела предупредить задействованные в охране предстоящей операции группы шиноби, так что Дейтан и Инага уже начали: возвели барьерные техники и подготовили запечатывающие, оставив нам лишь небольшую лазейку, которая сразу же за нами захлопнулась. В резерве оставались отряд Оямы и сама Мироку.

Темный зев врат храма поглотил нас в неестественной тишине, образовавшейся из-за взметнувшихся сияющих пламенем стен барьера. Святилище нарочно расселили на время операции, чтобы не рисковать жизнями стражей, так что и внутри стояла тишина, нарушаемая только нашими шагами. Тьма здесь была уже не такой плотной, ее разгоняли пляшущие рядами на стенах язычки пламени без какого-либо явного источника горения — отголосок того буйного огня на вершинах Каензана.

Со мной в храм вошли лишь мой же клон, Чомей и Кайбье Ясунеко, принявший свой более естественный вид. Еще не входили, а въехали на мне три змеюки, но они уже почти как часть моего гардероба везде и всюду сопровождают. Кстати, раз уж речь пошла о них.

— Вы не против войти со мной туда? — поинтересовался я, легонько пощелкав пальцем по сережке в ухе.

— Благодаря тебе, мы бывали уже и в худших местах, — недовольно ответила Тагицухиме.

— Ну, мое дело предложить.

Преодолев небольшой сумрачный зал с голыми каменными стенами, я на миг остановился перед проходом в стене напротив врат святилища. За аркой начиналась лестница, ведущая глубоко вниз, прорубленная прямо в толще скал. Вдоль стен коридора так же пылали огоньки, разгоняя мрак. Но они не позволяли узреть того, что не дано увидеть невооруженным взглядом. Прямо здесь, на этой лестнице проходила граница с преддверием загробного мира. Тут имелась брешь между мирами, которой воспользовались при заточении Морьё.

Насколько я знаю, суть запечатавшей дух демона техники была не только и не столько в сковывании его сил. Фуиндзюцу предполагало ограничение Морьё в пространстве, где его удерживала не сила печатей, а невозможность найти выход ни в мир живых, ни в мир мертвых. Изошренное решение, правда, оно наверняка потребовало в свое время принесения в жертву чьих-то жизней, так как войти в это пространство могло далеко не всякое живое существо.

Правда, я уже бывал в полноценном загробном мире этой реальности, так что какая-то брешь особого дискомфорта не доставляла. Так же, как и моим спутникам, существам совсем не самым обычным.

Лестница вывела нас в огромный зал, в котором уже не было видно огоньков пламени, но он тоже был освещен. В центре пещеры в потолок бил луч света, освещающий все

немалое пространство зала. В центре этого луча и был небольшой дольмен, истинное узилище Морьё, выполненное в стиле местных малых святилищ. К нему сквозь пещеру вела тропа, приподнятая над основным полом зала. По нему я уже ходил, чтобы присмотреться к печатям святилища.

Место уникальное, используемые печати тоже, но ключи к ним в целом более или менее знакомы. Вообще, создатели этой тюрьмы не предполагали ее открытие, так что проще всего ее было просто взломать, но это не наш метод. Более того, учитывая, что при создании этого комплекса использовали энергию Каензана, то я плохо представляю последствия неаккуратного обращения с печатями. Не хотелось бы на ровном месте с воронами только-только начатые отношения портить.

В молчании войдя в столб света, я еще раз скептически оглядел монументальный дольмен. К нам он был обращен как раз вратами, над которыми висела толстая охранный веревка, шименавой, и на которых был начертан *хидари-футацу-домое*. Две томое, закрученные влево и заключенные в круг. Символизировали они инь и ян, а так же являлись классическим оберегающим символом.

— Есть кто? — обратился я к усевшемуся позади меня двухметровому в холке полосатому котяре.

— Не ощущаю чужого присутствия, — сверкая блюдцами глаз, ответил Кайбьо.

Некомата был способен ощущать потустороннее, так как сам был в некоторой степени уже мертв несколько раз, но настойчиво возвращался к жизни. Такая особенная кошачья техника, которая требует отдельного внимания. Именно с помощью своих особенностей, полученных благодаря этому дзюцу, некомата был способен поднимать мертвецов, подчинять мертвые тела, вдыхая некое подобие жизни в не до конца опустевшие каналы чакры, чем пользовался во время инцидента с джашинитами в Стране Мороза.

— Хорошо, значит, помешать никто не должен, — кивнул я.

Это, конечно, маловероятно, но здесь уж слишком близок мир мертвых, а там полно всяких духов, иногда довольно мерзких, так что лучше, чтобы поблизости таковых не было.

— Чомей, будь наготове, если что-то пойдет не по плану. Как договаривались, — предупредил я биджу.

— Пока еще есть время, хочу напомнить, что ты слишком рискуешь своим сыном, — спокойным тоном заметил Чомей.

Немногие были в курсе истинной природы Чоды, и просвещать я их не торопился, поэтому просто кивком показал, что принял к сведению слова Семихвостого. Но зато не промолчал мой клон:

— Не нужно меня недооценивать. Я еще многих успею поразить своими умениями.

Чомей в ответ пробормотал невнятно что-то про чрезмерную детскую наивность, но на этом успокоился. План был оговорен заранее, так что Чомей в целом был с ним согласен. И, кстати, он переживал пока не совсем за здоровье ребенка, а за успешность миссии. Нужно будет в будущем подсказать ему, что это не совсем правильно, но в данном случае меня его отношение устраивает. С людьми было бы сложнее договориться.

Да, договориться. Сегодня вообще день какой-то такой, переговорный. Впрочем, язык и речь в какой-то мере — это главное оружие шиноби, потому что именно в их пользу шиноби отказались от ниншу, умения общаться напрямую, фактически некоего аналога телепатии. А уж Стране Звука само название велит развить это оружие.

Ладно, пора начинать, а то мысли не в ту степь скачут.

— Готовься, Чода, — бросил я своему клону и приступил к снятию печати.

Хлопок ладоней прозвучал в тишине зала неестественно громко. Он потерялся в пустом пространстве, отражаясь от далеких стен и выстроенных ровными рядами валунов на полу ниже святилища и тропы к нему. Ток чакры в теле на миг вскружил голову прежде, чем сила вырвалась наружу, вплетаясь в чужое фуиндзюцу.

Круг с двумя томе посередине разрезала черная линия. С тихим шорохом камня о камень передняя стенка разделилась на две створки, распахнувшиеся навстречу нам и открывшие клубящуюся за ней тьму.

Глухой, утробный рев разнесся по пещере. Чужая сила дохнула в лицо, словно дуновение ветра из склепа. Да, теперь я чувствую родство этого демона с Нулехвостым.

— О, я вспоминаю. Этот мир... Я вернулся в него.

— Еще не совсем, — поправил я чужой голос.

Внимание тьмы обратилось на меня:

— Кто ты?

— Я Рюджин. Я призвал тебя, потому что помню, что ты хотел возвести вечное царство, объединяющее два континента. У меня сейчас схожие планы, поэтому я рассчитывал, что нам удастся объединить силы и помочь друг другу.

— Объединить силы? Без своего тела я не могу покинуть сие место, мой дух развеется, если я выйду из этого узилища.

— Эту проблему я уже решил. Чода!

Мой клон молча повернулся спиной к дольмену и скинул с плеч кимоно, открыв узкую спину, практически всю площадь которой покрывала тусклая пурпурная татуировка четырехглавого дракона. Длинные змеиные шеи извивались, сплетались и скручивались в кольца, злобно скалясь и сверкая алыми бусинками глаз. Тело Морьё было запечатано с помощью той же техники, которой я когда-то поглотил тело Манды, только существенно доработанной после доступа к знаниям Узумаки. Тело Морьё было не совсем типичным материальным организмом, оно скорее напоминало созданные из чакры тела биджу, так что ему потребовалось более мощное фуиндзюцу.

— Как видишь, я...

Договорить я не успел, так как мимо меня стремительно пронеслось облако тьмы, врываясь в моего клона. Энергия Морьё подхватила тело ребенка, заставив его воспарить. Мрак впивался в Чоду, быстро исчезая под его кожей. Под сводами пещеры загремел неестественно низкий и громогласный смех, извергаемый детскими устами:

— Ах-ха-ха-ха-ха! Мое тело! Я вновь един! Ты молодец, Рюджин, но ты глупец! Объединить силы?! Мы объединим силы! Я — господин этого мира! И вы — мои слуги. Будьте моей силой! Подчиняйтесь мне!

Грохот чужого голоса эхом отдавался от каменных стен. С треском начали раскалываться окружающие нас валуны, выпуская запечатанных в них каменных марионеток, напоминающих внешним видом закованных в броню самураев с алебардами. Ясунеко недовольно чихнул от поднявшейся пыли, но продолжал с любопытством разглядывать высокомерно смотрящего на нас Чоду. Кот вольготно уселся на пятую точку, с интересом ожидая развития событий. Ему, наверное, единственному сейчас ничего не грозило, так как он был в своей стихии и мог спокойно исчезнуть, скрывшись в ином мире.

— Мне что-то с этим сделать? — деловито поинтересовался у меня Чомей, тоже наблюдающий за восставшей армией марионеток и одержимым ребенком, окруженным

фиолетовой аурой чакры.

— Нет. Это было ожидаемо, хотя я надеялся, что удастся подобного избежать, — скривившись от досады, ответил я Семихвостому, прося Ичикишимахеме вернуть мне хранимый ею предмет, после чего уже крикнул демону, сложив новую ручную печать. — Эй, Морьё, ты обзываешь других глупцами, хотя сам надел на себя одежду не по размеру.

Надеть привезенную из храма Узумаки маску было делом доли секунд. Энергия артефакта вторглась в кейракукей, заставляя чакру в теле взбунтоваться и принимать новые, совершенно не типичные свойства. Впрочем, используя полученные от Мито знания, подавить эти изменения удалось быстро. Несколько ручных печатей — и чакра излилась из меня, направляясь к Чоде незримым потоком. Эта техника кардинально отличалась от той, которую обычно используют каннаги из септа Узуме клана Узумаки. Я не позволял чужому сознанию захватить свое тело, я делал нечто совершенно противоположное.

— Что ты... А-а-а!!!

Долгий крик снова ударился о камни, проносясь вдоль рядов каменных воинов. Пламя чужой чакры вокруг Чоды начало стремительно угасать, исчезая в теле, которое приобрело характерные для насыщения моей сендзюцу-чакрой изменения. Я предполагал, что общение с демоном может пойти не так гладко, как с Курамой, так что подготовил несколько проверок его на благонадежность. И все-таки Морьё разочаровал. Он попался в первую же ловушку, но это еще ладно. Вот извергаемые им полные пафоса и скудные на смысл слова уронили это существо в моих глазах ниже некуда.

— Это было неприятно, — недовольно проворчал Чода, почесав выросшие драконьи рожки.

Прежде, чем клон вновь накинул на плечи кимоно, можно было увидеть, как налилась фиолетовым цветом татуировка на его спине, наполнившись новой силой.

— Н-да, иногда переговоры имеют свойство не удаваться, — покачал головой я, прокомментировав произошедшее. — Ну да и ладно, и так тоже можно жить.

Глава 39. Пылающие камни

23 августа 47 года от начала Эпохи Какурезато

Сегодня меня многое раздражало: испепеляющее солнце над головой, раскаленные камни под ногами, летящий в лицо мелкий песок. В общем, все то, на что я обычно не обращал большого внимания в Стране Песка. Но больше всего на свете меня раздражало упрямство Сальмы, которой взбрело в голову лично отправиться на встречу с родом шиноби, подозреваемым в причастности к контрабанде запрещенных Роуранским престолом товаров. Снова какие-то малопонятные мне тонкости этикета и политического устройства западных государств Великой Пустыни. Я до сих пор поражаюсь традициям восточных держав, но запад этого мира в несколько раз более причудлив.

— Ну же, Омушимару-сан, я же вижу, что вы хотите что-то сказать, — со всем возможным участием и интересом произнесла Сальма. — Не нужно сдерживаться, говорите.

Смерив королеву ироничным взглядом, я ей скромно ответил, нарочито используя не очень любимую Сальмой форму обращения:

— С вашим опытом и мудростью, я уверен, вы прекрасно знаете, что я хочу сказать, Сераму-сама.

На самом деле, все свои претензии к данному начинанию, а именно к путешествию во владения некоего рода каких-то недошиноби, я высказал еще вчера и был выслушан. Но не услышан. В общем, Сальма просто поступила по-своему. Что ж, ее право, но это не значит, что я согласен с ее самодурством. Королевы Роурана никогда не оставляли шиноби равнодушными, и, покинув укрепленный и охраняемый город, Сальма совсем не иллюзорно рисковала своей жизнью. Особенно сейчас, когда на континенте война, растет количество дезертиров, нукенинов и, вообще, всякий сброд начинает чувствовать себя вольготнее, когда шиноби заняты умерщвлением друг друга, а не выполнением миссий по охране и поддержанию правопорядка.

Пришлось мне сняться с места и сопровождать Ее величество. Я, конечно, признаю, что эти самураи и онна-бугейша на что-то способны, но все-таки своим способностям я доверяю больше. И, главное, сама королева, несмотря на связь с Рюмьяку и большое количество подконтрольной чакры, слаба и незащищена даже перед генином. Она и путешествует-то на арбе, одноосной крытой и богато украшенной повозке, в которую были запряжены самые обычные, пусть и по-пустынному выносливые, лошадки. За ней в похожем транспорте двигались еще пара чиновников или секретарей, что-то в этом роде, остальные сопровождающие королевы передвигались пешим ходом, что было и удобнее, и привычнее для них. Самураи и их женщины только обрядились по местной моде, чтобы не перегреваться на солнце, так что сейчас напоминали туарегов из-за намотанных на головы белых и синих тюрбанов с вуалями, чего-то вроде тагельмустов.

Сам я обходился на солнцепеке простым кимоно и регулирующей чакры, а вот взятые мною с собой шиноби Ото предпочли также отдать дань местной моде. В конце концов это просто практично, в Суне тоже многие ходят с чалмой на головах.

— И снова Каензан, — глядя вперед, пробормотал я.

— Вы здесь уже бывали, Омушимару-сан? — умудрилась услышать мои слова королева.

— Не здесь, просто название той местности было схожим.

Да, странная причуда судьбы. Всего-то в начале лета я побывал в Каензане Страны

Демонов, и вот я уже в горах с аналогичным названием, но уже в Стране Песков и в конце лета. К счастью, эти горы не были столь же inferнальны, как место обитания воронов. Просто красноватые и нагретые солнцем скалы. И также хорошо то, что нам не придется в них лезть. Нужный нам клан специализируется на гендзюцу и Шакутоне, а именно на управлении конкретным атмосферным явлением — миражами. Именно ими изобиловала высушенная равнина предгорий Каензана, скалистая поверхность которой была перегрета солнцем. Свет преломлялся в воздухе и отражал небеса, из-за чего вдали возникала иллюзия воды на поверхности камня.

— Любое место с таким названием должно быть очень недружелюбным. Что вас привело в него? — похоже, заскучавшая в пути Сальма была не прочь развлечь себя разговором.

— Тоже нужно было встретиться с обитателями, Ваше величество.

— Обитателями? Не знаю, как те, с кем встречались вы, Омушимару-сан, но Саку-зоку здесь не живут, они не идиоты, — с крайним неодобрением сказала Сальма, оглядев пустынную округу, — они здесь работают.

Я тоже по примеру королевы осмотрелся, только используя активированный бьякуган этого тела. Омушимару обладал не лучшей версией додзюцу: во-первых, из-за моего пока недостаточного навыка его использования, во-вторых, из-за ограничений, накладываемых иными кеккей генкай. И было еще в-третьих. На X-хромосоме располагаются гены, которые отвечают за производство белков фоторецепторов, опсинов. По моим наблюдениям, они также несут немалый вклад в улучшенный геном бьякугана. И если на двух X-хромосомах имеются разные версии гена *OPNIMW*, которые у обычных людей могут привести к появлению четырех, а не трех, дифференцированных типов опсинов и, как следствие, истинному тетрахроматизму, то у Хьюга их додзюцу приобретает особые расширенные свойства. Но для этого нужно иметь две X-хромосомы, то есть иметь женское тело. А Омушимару был мужчиной с X- и Y-хромосомами.

В общем, несмотря на активацию додзюцу, много больше Сальмы я не увидел. Кецурьюган родного тела был более эффективен, бьякуган в этом позволял обзреть округу только в радиусе километра в полтора. И то я не был уверен, что додзюцу не было остановлено каким-нибудь барьером или иной техникой. К счастью, помимо бьякугана этот клон имел и иные сенсорные способности.

— Мы уже приближаемся, — заметив контуры кейракукей впереди и ощутив движение чужой чакры, отраженное в природной энергии, сообщил я.

Впереди нас ждали тридцать четыре человека. Точнее, они нас ждать не должны, так как визит королевы был запланирован неожиданным. Ее целью было не просто поговорить с одной из семей, которые занимаются не самым законным делом на ее территории и могли быть причастны к поставкам наркотиков в Роуран. Сальма хотела поймать Саку-зоку за руку, как раз в процессе совершения сделки. На мой взгляд, такое решение было вполне жизнеспособным, но зачем королеве самой во всем этом участвовать? Абсолютно уверен, что ни контрабандисты, ни их клиенты нам рады не будут. Конечно, там всего чуть больше тридцати человек, а с королевой в общей сложности более семидесяти самураев и шиноби, но все равно это не гарантия безопасности.

Сообщив возглавляющему сводную группу бойцов самураю Накамуре всю полученную после осмотра информацию о перевалочном пункте Саку-зоку, я дождался, пока они с Сальмой договорятся о дальнейших действиях. Вмешиваться в планирование не стал, так как

возможностей и отрабатываемых этим отрядом Накамуры тактических приемов не знал. Надеюсь, они знают, что делают. Я со своими бойцами сегодня и так уже им помог, нейтрализовав несколько дозорных групп контрабандистов и создав вокруг отряда масштабную технику маскировки. Для последнего пришлось потратить достаточно много чакры, но когда рядом Сальма, это не имеет большого значения.

Собственно, памятуя о наличии маскировки, Накамура решил не спешить с какими-либо активными действиями против контрабандистов. Пока окружающие должны видеть вместо нас максимум небольшое марево над землей, которое легко затеряется среди прочих миражей пустыни.

Вообще, данный вид маскировки только проходит испытания, техника из разряда секретных, которым обучают в некоторых подразделениях Отогакуре, основана на моем старом барьере от белоглазых, *Шикоку Муджин*, и подсмотренном у потомка Второго Цучикаге способе сокрытия, *Муджин Мейсай*. И даже при наилучшем исполнении она не показывает столь же впечатляющих результатов, как, например, у Му, но она групповая, а это уже большой плюс. К тому же, при наличии сендзюцу можно было технику улучшить в разы. В теле Омушимару у меня нехватки природной энергии никогда не было. Назвал я ее... *Муджин Мейсай*. Звучит так же, как и техника Цучикаге, но записывается иероглифами из названия моего маскировочного барьера и переводится примерно как Туманный боевой строй ошеломляющего покрова.

— Удивляет меня твое отношение к этому роду Саку, — продолжил я свой разговор с королевой, когда наш отряд без особых изменений двинулся дальше. — Ты же явно недовольна их деятельностью, имеешь среди них своих агентов, которые сообщили нам о месте и времени совершения сегодняшней сделки, но ты до недавнего времени почти ничего не делала, чтобы ограничить их деятельность. Можно было давно изгнать их из страны как минимум.

— До недавнего времени пользы от Саку-зоку было больше, чем вреда, — обмахиваясь веером, строго произнесла королева.

— То есть это опять какие-то местные правила? — вздохнув, подытожил я. — Традиции — это чудесная вещь, Ваше величество, но иногда приходит время некоторые из них обновлять.

— Возможно, вы правы, Омушимару-сан, — нейтрально и с неохотой признала Сальма.

Это уже был прогресс, так как ранее Сальма вообще подобных мыслей, кажется, не допускала. Она сама для себя поставила задачу добиться максимальной стабильности новообразованного государства, сохранение пусть и не самой удобной системы, чтобы выиграть время для усиления обороноспособности, укрепления экономики и развития связей с союзниками. Это, естественно, не значило, что королеву все устраивало. Мечты у нее были грандиозные, но не все выполнимые. Однако она умела добиваться своих целей, образование Страны Песка прямо об этом говорит.

И я как раз хотел у Сальмы поинтересоваться, не планирует ли она столь же масштабных внутренних перемен, о которых я давно уже ей говорил, когда по моей спине пробежал табун мурашек и зашевелились волосы на голове.

Километр, та дальность, на которую хватало моего бьякугана, был дистанцией не самой большой, лагеря Саку-зоку мы еще не достигли, но нас заметили раньше. Не помогла моя техника маскировки. Да и вряд ли она могла помочь против тех, кто нам сегодня встретился.

От внезапно появившейся впереди мощной чакры, энергия внутри моего тела

взметнулась совершенно произвольно. Организм резко мобилизовал свои силы, встретившись с потенциальной угрозой. Чакра обожгла глаза, заполняя глазные яблоки и активируя додзюцу. Границы мира резко раздвинулись, позволив охватить взглядом все окружающее пространство. И увиденное заставило меня резко вскинуть одну из рук и не терпящим пререканий окриком остановить отряд.

Те тридцать четыре человека, которых я видел ранее, резко сократились в числе. Теперь активных Систем Циркуляции Чакры осталось всего тринадцать. Остальные быстро угасали, теряя энергию. Тела контрабандистов вряд ли при местном климате сейчас могли остывать, но от этого более живыми они не становились. Те же, кто остался в живых, совершенно точно не тянули на недошиноби из семьи пустынных бедуинов. Их горящие от мощной чакры кейракукей явно говорили о том, что это крайне опытные и сильные ниндзя. А цвет этой чакры не сулил мне ничего хорошего.

— Назад! — коротко приказал я шагнувшему было ко мне Накамуре. — Уводи королеву, Сюя! Они вам не по зубам. Суга, — окликнул я Узумаки, который в отряде из Отогакуре имел высшее после меня звание, — защищай Сераму-сама.

А ведь я как знал, что ей не стоит идти на эту миссию. Тринадцать шиноби уровнем не дотягивающие до Каге, но все-таки явно выделяющиеся на общем фоне джонинов. Экипировка неоднородная, на членов одной деревни не похожи, банда наемников? Нукенины? Что-то я не припомню в каноне шайку отморозков по силе немногим уступающую Акацки. Сейчас встает вопрос, а по зубам ли они мне, не то что группе самураев.

Мои ощущения насчет недоброжелательности встречающих оправдались. Не знаю, как они видят сквозь мою технику маскировки, но, заметив нашу остановку, они поняли, что их собственные методы сокрытия уже не работают и пора нападать. С ревом и гулом шквал атакующих техник понесся в нашу сторону, сразу несколько стихий, в том числе и комбинированных. Они летели в мою сторону, а за моей спиной — Сальма.

Впервые за долгое время в душе заворочалась темная холодная ненависть, размывая плотину на пути энергии. Геном дикого клана, чьи тела были способны поглощать природную энергию, активировался мгновенно. Сендзюцу-чакра разлилась по телу живым огнем, вскружив голову и изменяя организм. Резкий удар всех шести обросших роговой броней рук сотряс воздух, сдавливая его до жидкого состояния, моя воля и природная энергия преобразили газовую смесь, создавая черную стену из шестиугольных элементов, напоминающую черепаший панцирь.

Гэмбу встретила напор вражеских техник, поглощая их энергию, вскипая и взрываясь, стена разрушила структуру дзюцу и рассеяла их энергию, которая расплескалась в стороны и ударила в землю. Клубы пыли и щебня взмыли в воздух, перекрывая обзор, но активизировавшемуся бьякугану они преградой не были. Сеннинка преобразила и додзюцу, расширив его возможности. Однако и противник тоже не особо много внимания уделял ограничившей зрение завесе.

Я надеялся, что воспользовавшись моментом и увидев эффектное отражение их техник, они предпочтут отступить, однако шиноби, похоже, вообще не впечатлились Гэмбу, скорее всего, не почувствовав в этом тайдзюцу чакру.

Огоньки кейракукей стремительно преодолевали последние сотни метров, которые еще нас разделяли. Разогнанное сознание растянуло секунды, позволив отследить их передвижение. Это позволило принять стойку, ускоряя ток энергии в теле. Шичи Тенкохо

отворило резервы, чтобы в следующее мгновение я мог разразиться серией ударов.

Экикё: Джуюки!

Хакке — метод разграничения пространства в бою у клана Хьюга был схож с тем, что я изучал еще в прошлой жизни. Метод восьми триграмм позволял бойцу увидеть и осознать его эффективную дистанцию, прочувствовать ее, как часть себя самого с помощью бьякугана. Работая с клановыми дзюцу еще со времен обучения Нами Хьюга, мне удалось развить эту концепцию, расширив зону контроля и создав метод *Экикё* — Кодекс Перемен. И *Джуюки*, Десять Крыльев, один из приемов нового метода.

Все тринадцать напавших шиноби с самого начала сражения уже были в моей зоне контроля.

Первый из них прорывается сквозь завесу пыли, его ладони сложены в печать Змеи, пытается зайти справа. Первое Крыло! Резкий удар ладонью по воздуху посылает вперед ударную волну, угодившую в сомкнутые руки шиноби, уводя их вверх и на мгновение прерывая ток чакры в меридианах, останавливая готовое воплотиться ниндзюцу Дотона. Второе крыло! Еще один дистанционный удар градом тонких импульсов чакры проносится по телу противника, врываясь в его тенкецу и частично блокируя кейракукей.

Следом за первым шиноби вперед несутся еще трое, их техники уже сформированы. Из уст одного вырывается поток пламени. Третье Крыло! Очередной мой хлопок по воздуху рождает направленную ударную волну, угодившую в подбородок шиноби. Голову противника мотнуло вверх, поток пламени, описав неровную дугу, устремляется вверх. Его соратник пытается использовать кендзюцу — Четвертое крыло! Незримые воздушные пули разбиваются о вскинутое в блоке оружие мечника, но часть их проносятся мимо стали, поразив тенкецу и разорвав лучевой нерв правой руки. Пятое Крыло обширной сверхзвуковой волной с грохотом врезалось в покрытого каменной броней шиноби, отбросив его в сторону своих поделщиков. Остальные пять крыльев, сотрясая воздух, разметали в стороны поднятую пыль и врезались еще в пятерых ниндзя с разной долей успешности. Проконтролировать их я уже не успевал, почувствовав приближение чего-то очень мелкого, но очень опасного.

Футон но Йорой! Экикё: Хантен!

Чакра Стихии Ветра вырвалась из моего тела через все тенкецу, образуя вихрящийся плотный покров. Эта техника позволила игнорировать сопротивление воздуха, что дало серьезный бонус к скорости под воздействием *Шичи Тенкохо*. Который, в свою очередь, дал возможность быстро начать технику Кодекса Перемен, совершив пару оборотов вокруг своей оси, блокируя всю возможную угрозу.

Во взметнувшийся вокруг меня вихрь ветра и чакры врезалось нечто едва уловимое даже для бьякугана. Мелкая черная точка чувствительно ударила по отбившей ее руке и устремилась в сторону все еще мотающего головой после прилетевшей воздушной оплеухи ниндзя. Не став ждать результатов встречи неведомого снаряда с человеком, я продолжил вращение, но теперь, наоборот, увеличивая сопротивление воздуха с помощью все того же Покрова Чакры Ветра.

Конечности словно с размаху врезались в плотную водную гладь, кожу обожгло ударом, но, привычно поднатужившись, я сдвинул воздушные массы, вливая в них свою и природную энергию, помогая невидимым потокам принять нужное мне направление.

Сейрю!

Едва подернутая пылью синь небес содрогнулась от устремившегося ввысь рева сотен

сплетенных вместе молний и смерчей, рева родившегося молниеносного дракона. Сверкающее электрическими разрядами длинное тело техники тайдзюцу взмыло вверх и стремительно обрушилось на противников. Последние клубы пыли пропали, всосались в сыплющий раскатами грома и разрядами молний смерч, набросившийся на неизвестных мне ниндзя. Огромная туша *Сейрю*, обвила людей, стремясь разорвать их и сжечь.

Мое тайдзюцу распалось раньше, чем я планировал. И я даже не смог понять, почему это произошло. Просто внезапно без видимых причин некоторые воздушные потоки начали истончаться и пропадать, из-за чего вся техника пришла в хаос и быстро распалась. Это не сильно радовало, так как максимального эффекта *Сейрю* добиться не удалось.

Пока вообще только четверо из тринадцати, по всей видимости, были нейтрализованы: один был убит отбитым мной снарядом и еще трое измолочены и изломаны вихрями *Сейрю* и поднятыми ими камнями, еще трое поражены молниями, но не смертельно. Как неприятно-то. Это тело у меня не настолько выносливо, чтобы разбрасываться столь сильными техниками. А иными отбиться от этой группы и не удастся.

К счастью, противник пока не торопился с новой атакой. Оставшиеся шиноби сгруппировались в двух сотнях метров от меня, перебрасываясь короткими фразами, в основном ругательствами. От бьякугана, естественно, не ускользнуло, что при этом они обмениваются довольно сложными жестами, смысл которых мне понятен не был. Судя по успокоившейся чакре в кейракукей, это не ручные печати, значит, язык жестов. Все-таки решили обсудить тактику? Неплохо.

Осторожно смахнув левой верхней рукой капли пота со лба, я отпустил технику воздушного покрова. И еле удержался от того, чтобы поморщиться, заметив мелкую дрожь в ладонях. Усталость пока не смертельная, но уже ощущается. Передышка мне сейчас как нельзя кстати. Да и Сальме будет время уйти подальше. С момента нападения прошло не больше одной минуты, отряд королевы даже не успел полностью перегруппироваться. И даже если бы люди успели начать отступление, то находимся мы сейчас на равнинной поверхности, по которой бежать от шиноби практически бесполезно. А Сальма еще и на повозке...

Вновь сосредоточившись на противнике, я начал медленно готовиться к новому нападению, стараясь незаметно растянуть по территории печать-основу барьерной техники. И именно в этот момент сначала робким, неуверенным потоком, а затем и мощной рекой в мои меридианы ворвалась новая чакра, несущая в себе переливы чужих эмоций. Забота, любовь, решительность, упрямство и страх Сальмы влились в меня вместе с ее чакрой Рюмяку. Причем страх не за себя, а за меня!

Вот же!.. Вроде, обычно умная женщина, но иногда на волне эмоций весь разум куда-то девается!

Сила Рюмяку потоком хлынула по кейракукей, смешиваясь с моей чакрой. Естественно, я не смог мгновенно взять под контроль этот шквал энергии, который мало того, что прорвался сквозь тело, формируя розоватый покров чакры, так он еще и проявил формулу создаваемой мною техники!

Вспыхнувшую вокруг меня ауру и засиявшие на каменистой почве знаки печатей заметил бы даже слепой. И естественно, что противник расценил мои действия как нападение, на которое последовал закономерный ответ. Бьякуган позволил считать вновь ускорившийся ток чакры в телах шиноби, по движениям мышц я успел догадаться, что они сделают в следующий момент.

И мои руки сложили первые печати на пару мгновений раньше, чем пришли в движение мои противники. Из-за спешки чакра рвалась из оков контроля, бестолку растворяясь в окружающей среде, но с потоком силы от Рюмьяку этим можно было пренебречь в угоду скорости. И я успел.

Касайрю!

Навстречу мчащимся ко мне трем шиноби, всем закованным в схожие по типу защитные техники Дотона, помчался неистово ревущий бурный огненный поток, стелющийся по земле, расплескивающий во все стороны клубы едкого серого дыма и сыплющий белыми искрами. У меня не получилось задать технике нужный вектор, поэтому поток с моих уст срывался широким фронтом и медленно продвигался вперед. Естественно, на него успели среагировать. Один из не торопящихся сократить дистанцию шиноби быстро составил технику Суйтона. Простейшее ниндзюцу в умелых руках не требовало долгой подготовки, поэтому рухнувший на землю поток воды быстро преградил путь пламени.

И это было главной ошибкой врага.

Бегущее по земле яркое пламя быстро достигло воды и... Грохот от прогремевшего взрыва долетел до меня, даже сквозь заранее подготовленный барьер обдав удушающей смесью запахов. У меня едва не перехватило дыхание от едкого химического амбре, но все же удалось продолжить поддерживать технику.

А в полусотне метров передо мной тем временем с новой силой разгорался настоящий ад. Взорвавшейся водой в воздух подняло новые облака грунта, тоже немедленно вспыхнувшего. Впереди вообще горело все: песок, камни, вода. До ушей донесся быстро оборвавшийся человеческий крик. Люди в этом огне горели тоже и в первую очередь — их легкие.

Касайрю — это не техника Катона, ближе всего она к Футому. Я до сих пор не могу создавать ее без Рюмьяку, и она является продолжением моих опытов с получением хлора. *Касайрю* — это поток элементарного хлора, фтора и, что еще хуже, их соединения — трифторида хлора. В этой атмосфере горело абсолютно все. Поток газов прожег в камне у моих ног глубокую канаву с изъеденной поверхностью и взорвался при контакте с водой, образовав кучу токсичных веществ: соляная кислота, плавиковая, фтороводород. Пусть они все неустойчивые из-за своей искусственной природы и быстро распадутся, но живым организмам от этого не намного легче.

Я не смог долго удерживать технику из-за отвратительного контроля над ней, поэтому поток быстро иссяк, но и этого должно быть достаточно. За пеленой наполненных чакрой паров, газов и дыма стало сложнее уловить мелкие детали, но все-таки бьякуган мог преодолеть эту преграду.

Картина увиденного меня вполне удовлетворяла. В живых осталось лишь пятеро шиноби, из которых как минимум двое живы лишь условно, но они все еще боеспособны. До чего же живучие твари! Но интереснее всех был один. Он словно вообще не пострадал от техник, и возникало чувство, будто... он поглощает чакру?

Тип был не особо запоминающейся внешности, с частично выбритой головой, на которой оставалась лишь полоса волос ото лба к затылку, продолжающаяся в виде длинного хвостика. Вкупе с его одеждой он походил на монаха. Нукенин Страны Камня? Там хватает скрытых монстров. Не нравится он мне. И его слишком спокойное выражение лица. Его спутники хоть немного взволнованы, а этот вообще и бровью не дернул. Это мне очень не нравится!

Тем временем ситуация у нас поменялась. Я все еще жив и здоров, со мной поддержка Рюмьяку, а у противника осталось только пять человек. Они все еще активно не участвовали в сражении и, похоже, имеют какие-то опасные секретные техники или и вовсе кеккей генкай, раз пережили *Касайрю*, но их уже только пятеро, и двое из них серьезно ранены. Это шанс.

Корью!

Я выстрелил собственным, мгновенно утратившим большую часть веса телом вперед, окутавшись защитной техникой Футона и взрезав токсичный туман. Мне навстречу тут же полетела техника Райтона, но с этим я научился справляться.

Хатагами!

Хлопок рук громом прокатился над землей, размалывая в пыль истерзанную землю и разбивая на мелкие искры технику Стихии Молнии. Раскаты *Хатагами* домчались и до одного из шиноби. Его тело буквально разорвало на части перепадами давления. Я же помчался к следующему противнику и в метре от него быстро чиркнул пальцем по заранее заготовленной печати.

Мое тело, обернувшись дымом, пронеслось сквозь шиноби и его профессионально выполненный выпад танто. Зато клинок бессильно звякнул о белоснежный металл распечатанной мною марионетки. Собранная из алюминиевых фторированных частей шестирукая Дзёро-гумо была моим инструментом при работе с опасными фтором и трифторидом хлора, так как эта марионетка была единственным, что в этих газах не сгорало. Но и для отвлечения шиноби она тоже сгодится.

Обряженная в мешковатую одежду и с напыленным на голову Сарой париком Дзёро-гумо напоминала манекен, только манекен с мечами в каждой руке, коих у нее все шесть. Я не очень ловок в марионеточном мастерстве, но в моей кукле была простенькая программа автоматического режима в печати по технологии клана Рьюдоин. Она была простой и даже тупой, но задержать противника хватит, пока я в виде дыма проникаю в тело очередного шиноби.

Зазевавшийся и не ожидавший такого хода дел ниндзя даже не заметил, когда я проник в его тело. Так что взять его под контроль труда большого не составило, и кунай быстро вошел под лопатку еще одного противника, раздвигая толстым лезвием ребра и разрубая сердце. И пока захваченный шиноби не опомнился, его тело быстро уничтожается изнутри.

Мой победоносный забег был крайне успешен, но следующим моим противником оказался тот самый монах. И тут все пошло не так.

Во-первых, моя Дзёро-гумо едва успела ткнуть одним из мечей противника, как тут же пропала. Я все еще чувствовал по Нити Чакры ее присутствие, но не мог увидеть ее с помощью додзюцу. Поразмышлять над этой задачей я не успел, так как был вынужден срочно принимать человеческий облик, так как поток ветра едва не разметал дым, форму которого я принимал.

Опомниться мне не дали и тут. Монах оказался вблизи от меня неожиданно. Для меня в режиме *Сеннинка*, под воздействием *Шичи Тенкохо*, с активным бьякуганом и с влитой в меня прорвой чакры Рюмьяку он появился неожиданно! Я едва успел среагировать на мощнейший удар ногой, быстро увеличив массу своего тела с помощью *Корью* и закрывшись щитом *Гембу*.

Разбившая панцирь защитного дзюцу голень едва не разорвала меня пополам. Не владей техникой тайдзюцу *Корью*, позволяющей управлять массой и инерцией собственного тела,

то этот удар просто отправил бы меня прямо на орбиту земли. Первым космонавтом своего поколения мне становиться пока не хотелось, поэтому пришлось пожертвовать нижней парой рук, приняв удар в блок. Сила удара была частично погашена *Гембу*, так что его я пережил и даже с места не сдвинулся, но кости рук отблагодарили меня за это адской болью переломов.

Этот монах оказался очень странным типом. Он реально умел поглощать чакру, едва не лишив меня вновь созданного Покрова Чакры Стихии Ветра. И он мог создавать черные палки прямо из воздуха. Что-то очень знакомое, но размышлять над этим у меня времени не было. Всего за минуту боя с ним с меня сошло семь потов. И хуже было то, что мой противник, кажется, только начинал распалиться. В какой-то момент он словно отпустил свою чакру, и я едва не ослеп от его мощи. Кажется, даже биджу не владели настолько сильной чакрой и такими ее объемами. Однако это продлилось лишь мгновение, после чего чакра шиноби вновь стала казаться нормальной. Или она таковой и была, а эта вспышка — следствие какого-то хидендзюцу.

Наша схватка закончилась очень неожиданно. В какой-то момент монах спрятался за появившимся в воздухе каменным кубом от устремившейся в его сторону волны пламени *Судзаку*, после чего метнул еще один такой же куб. Но метнул не в мою сторону.

Додзюцу позволило мгновенно оценить траекторию движения этого снаряда и его цель. Сальма. Конечно же, Сальма с ее Рюмьяку, сила которого сейчас течет во мне и сильно мешает моему противнику!

Прежде чем я успел осознать увиденную картину, земля и воздух уже сотрясались под напором устремившегося вперед призрачного тигра. *Бьякко* врезался в валун, разбив его в мелкие осколки, салютом разлетевшиеся в стороны. Сам я едва успел вновь обернуться дымом, рискуя угодить в очередной порыв ветра, и разорвал дистанцию с противником, уходя от очередного его удара.

— Если ты сможешь убить меня, то я не против, — негромко произнес я, не сводя взгляда с застывшего противника, все еще продолжающего наблюдать за мной спокойно-снисходительным взглядом, — но убивать гражданских для шиноби не пристало.

Завершил я свою фразу совсем не так, как хотел. Хорошо еще, что успел вовремя себя поправить. На мгновение мне показалось, что *Бьякко* не справится и тогда... От одной мысли о том, что произошло бы, достигни валун своей цели, в душе рождалось холодное расчетливое чувство необходимости очистить этот мир от того, кто посмел поднять руку на Сальму. И это чувство невольно вылилось наружу в виде *сакки*, которое через мгновение удвоилось, так как чистое небо пустыни расчертила одинокая молния, ударившая в землю возле меня.

На брызнувший щебнем камень неспешно ступили ноги основного тела, сияющего бирюзовой аурой Режима Отшельника и янтарной третьей активации *Шичи Тенкохо*. Глаза, горящие багрянцем кецурьюгана, быстро и безошибочно нашли виновника появления Орочимару. Еще через мгновение небо расчертила еще одна молния, оставив на земле тело юноши, обьятое тревожным фиолетовым пламенем. Чода пережил телепортацию с помощью *Тенсо* только благодаря кеккей генкай, аналогичный таковому у Ибури, но с заключенным в этом клоне Морье его сила все равно внушала впечатление. И он тоже изливал волны нечеловеческой жажды убийства.

Да, при угрозе жизни Сальмы, как и в случае с Сорой, моей приемной дочерью, сигнал тревоги достигал всех клонов. И сейчас прибыло их даже два.

К счастью ли, к сожалению, но проявить на деле свою силу они не смогли, так как противник просто пропал.

— Что это было? — недоуменно спросил я же сам в теле Орочимару, моргнув и продолжив смотреть на то место, где только что маячила фигура монаха. — Испугался, что ли?

***

Упокоив очередного поднятого зомби, я недовольно осмотрелся по сторонам.

— Ничего не понимаю! — с досадой оставалось бросить мне, резко разворачиваясь и следуя к разбившим лагерь самураям и Сальме.

Допрашивать мне пришлось свежие трупы контрабандистов. Членов Саку-зоку, похоже, прибили, почувствовав приближение отряда королевы. Ликвидировали свидетелей, по всей видимости. Но от них, как от свидетелей, толку немного было. О странной группе шиноби они многого не знали, просто давний, проверенный заказчик, некая организация наемников или некое подобие монашеского ордена. Даже их родины контрабандисты не знали, таковы уж были их методы ведения бизнеса.

Допросить тела самих шиноби возможности не было, они пропали. Были уничтожены какой-то техникой или просто украдены у меня из-под носа. Даже их генетический материал, пригодный для *Эдо Тенсей* пропал, но тут уж моя вина. Вся органика в результате сражения была уничтожена фтором и хлором. Все, что осталось от противника — это обломки каменного куба, уничтоженного мною с помощью *Бьякко*.

Мне просто решительно ничего не известно о новом опасном противнике, конфликт с которым произошел на пустом месте. И это не добавляло мне радушия, что, видимо, хорошо ощущалось, так как, приблизившись к королеве, я заметил, насколько виноватой она выглядит. Сальма — и виноватой. С тех пор, как наши с ней отношения были возобновлены, молить о прощении и каяться, по представлениям Сальмы, должен был исключительно я. Причем всегда и по любому поводу, в то время как любые действия королевы считались непогрешимыми и не подлежащими сомнению. Некая логичность в этом была, не скрою, но все же меру стоило знать.

Вздыхнув и попытавшись успокоиться, я первым делом приказал своим клонам:

— Чода, можешь возвращаться. Омущимару, займись исцелением. Пока опасность миновала.

Коротко кивнув в ответ, один из моих клонов пропал в облачке дыма, используя обратный призыв по контракту с воронами и вернувшись в Каензан Страны Демонов. Второй просто принял удобную позу для медитации и погрузился в процесс самоисцеления.

— Ваше величество... — переведя взгляд на Сальму и вновь увидев ее виноватый вид, я едва удержался от очередного тяжелого вздоха.

— Да, Рюджин-сама, — спокойно, если не сказать кротко, ответила Сальма, даже используя уважительный суффикс, выказав свое почтение.

— Думаю, в ближайшее время вам стоит отказаться от планов, которые предполагают выход за пределы Роурана, — первым делом, смягчившись, заметил я. — Этот враг может оказаться очень опасным, а мы не знаем, насколько он мстителен. Нужно узнать о нем больше.

— Понимаю, — кивнув, ответила королева. — Вам уже известно, кто это был?

— Возможно, — нехотя ответил я, — но уверенности у меня нет, так как это слишком невероятное предположение. Пока скажу, что это очень опасный противник. И если мои

предположения оправдаются, то он не человек.

— Кто-то вроде вас, Рюджин-сама? — осторожно предположила Сальма.

Да, думаю, не я один заметил ту вспышку силы монаха. И такой постановкой вопроса королева намекает на вероятную сверхъестественность противника, его божественность.

— Это нельзя исключать.

Вообще, умение этого монаха поглощать чакру, его контроль над чакрой, эти его появляющиеся из воздуха черные шесты практически кричат о том, что он имеет какую-то связь с Ооцуцуки. Риннегана или тенсейгана при нем не было, он не использовал сендзюцу, так что и к режиму Отшельника Шести Путей его способности не приписать. Единственное, что в нем было необычного — это некое фуиндзюцу, разобрать детали которого мне не удалось в горячке боя.

Пока не буду категоричным, но возможности этого человека любопытны, а сила его внушает опасения. Так или иначе, он может представлять опасность, так что стоит о нем узнать побольше, чтобы при следующей встрече быть более подготовленным. А я уверен, что эта встреча произойдет. Не он, так я сам ее организую. На своих условиях.

— В любом случае, ваших целей, Ваше величество, вы сегодня не достигли бы, так как Саку-зоку с этими людьми договаривались о контрабанде оборудования с западного континента. Мы нагрянули на момент последней сделки в сложной цепочке поставок, но наркотические вещества, поступающие в ваши владения, здесь были ни при чем. Так что можно отправляться домой, как только люди соберут все улики, если у вас нет иных планов, Ваше величество.

— Нет, на сегодня, я думаю, мне приключений хватит, — ответила Сальма, наблюдая, как шиноби собирают осколки каменного блока.

Это единственное, что тот монах удосужился оставить нам на память о себе. Посмотрим, как много эта каменюка сможет рассказать о своем владельце. Не думаю, что много, но хоть что-то. Правда, пока я вообще не представляю, как подступиться к этой новой проблеме.

Да, еще одна проблема на мою голову. И принесена она мне Сальмой, со всей ее любовью и заботой, которой я мог в полной мере насладиться, вновь соприкоснувшись с чакрой королевы. Все-таки любить и быть любимым — это прекрасно. Это то, что позволяет человеку оставаться человеком. А я планирую им оставаться и в этой жизни, и в следующих.

— Позвольте проводить вас во дворец, Ваше величество.

Глава 40. Несущий бурю

5 октября 47 года от начала Эпохи Какурезато

Выдохнув облачко пара в холодный ночной воздух, я с неестественной для себя меланхолией наблюдал, как рассеиваются в капельках влаги лучи света убывающей луны. Хотя в последнее время, наверное, можно сказать, что это уже вполне обычное мое состояние.

Будь проклята эта и вообще все войны! Знай я заранее, чем мне грозит нынешний конфликт, я бы сделал все, чтобы его остановить, даже зная о безуспешности своих усилий, а не начинать, пусть и на своих условиях. А лучше вообще сбежал куда-нибудь на край света. Да хоть в Страну Снега. Правда, зная себя, уверен, что и там бы нашел себе проблем на голову. Но, в любом случае, там бы я получал проблемы на свою, одну и единственную голову, а не как сейчас — на все свои теперь уже восемь голов. И кто там говорил, что две головы лучше одной?

Из-за загрузки основного тела пришлось вводить в строй последнего готового на данный момент своего автономного клона — Дайки. Война Страны Звука со Страной Воды — это все равно, что битва Моськи и слона. Совершенно несравнимая ресурсная база и мобилизационный потенциал, чтобы добиться хоть какого-то паритета, приходится выжимать из себя все соки. Впрочем, не только из себя, но и из страны.

Начнись эта война позже лет на пять, то было бы гораздо легче. Пока же экономика Страны Звука банально с трудом вытягивала расходы. Хорошо еще, что вместе со Страной Железа удалось вовремя взять контроль над Страной Гор, это здорово упростило экспорт товаров, за счет которого сейчас и удастся выходить из сложной ситуации. Повезло также в том, что население Страны Звука пока не успело забыть лишения междоусобной войны, так что к нынешнему падению уровня жизни относится стоически. Да и внутренние реформы дают о себе знать. При традиционном для местных государств экономическом и общественном устройстве такой эффективности тыла добиться бы не удалось. И, конечно же, новая и единая идеология помогает. Но как раз из-за своей новизны устройство Страны Звука во многом нестабильно и часто требует моего вмешательства. Это отнимает много времени в основном теле.

Из-за этого на восточном континенте понадобился Чода, чтобы направлять местные разрозненные княжества и вести войну против колоний Страны Воды. А в самой Стране Звука пришлось ввести в строй Дайки для более плотного управления государственными делами. К сожалению, Кейдзан, несмотря на мою помощь, не молодеет. Точнее, организм-то у него вполне здоров и крепок, вот только разум не так пластичен. Он был полезен при объединении страны, но сейчас уже хуже справляется с новыми задачами. К сожалению, толковых кадров в аппарат управления пока государство в нужном количестве произвести не успело. Наверное, я слишком мало уделял этому внимания, сосредоточившись на Отогакуре.

И вот, когда эти три тела вынуждены работать буквально на износ, появляется этот проклятый монах. И где! В Стране Песка, месте, где я в образе Омушимару мог спокойно отдыхать душой, встречаясь с Сальмой и занимаясь опытами с чакрой и ее синтезом с привычными мне науками! Теперь еще и ресурсы Омушимару пущены на расследование незаконного товарооборота и выяснение, кем же мог быть этот странный тип.

Учитывая, что еще в двух клонах, Увабами и Чоде, мне придется участвовать в войне,

то не удивительно, что настроение мое в последнее время редко бывает откровенно хорошим. Голова уже пухнет и чувство моральной усталости просто не покидает ни на секунду. С одной стороны, конечно, к этому напряжению и постоянному потоку информации от нескольких разных тел начинаешь привыкать, это тоже можно считать тренировкой и развитием духовной энергии, но, по-моему, человек просто не может и не должен так жить. А мне приходится. Взявшись за гуж, не говори, что не дюж.

— Вас что-то тревожит, учитель?

Вопрос не стал для меня неожиданностью, приближение девушки, несмотря на все ее старания, я смог почувствовать заранее благодаря способностям, вложенным в Охеми.

— Да, Микото, — обернувшись к Учиха, ответил я. — Меня многое тревожит в последнее время.

Например, хотя бы то, что предаваться такой бездеятельной меланхолии я, кажется, могу себе позволить только в образе Охеми. И то лишь урывками, в перерывах между тренировками и техническим шпионажем за работами с ирьениндзюцу Цунаде. Вот и сейчас был такой перерыв.

Совсем недавно, летом, класс Анко Митараша завершил обучение в Академии. Сама Анко благополучно стала генином уже в начале сентября, не без проблем выполнив положенные техники. Я же сам примерно в это же время получил новый ранг в иерархии ниндзя досрочно, показав способность создавать технику Древесного Клонирования. Удивления это ни у кого не вызвало, учитывая, что мной занимались индивидуально Микото и Цунаде, так что теперь я оказался в одной группе с той самой Анко и Омори Киджи под командованием Микото. Самой Учиха пришлось немного поднажать на некоторых учителей в Академии, чтобы получить такое распределение.

Кто такой этот Киджи, и что он из себя представляет, я не знаю. Одноклассник Анко с достаточно средними, похоже, способностями. Зато с остальными из новой группы я уже знаком, так что команда меня такая устраивала. Тем более что совместные миссии позволяли поговорить с Микото без лишней конспирации.

Естественно, нас не отправляли пока на передовую. Миссии были, можно сказать, учебные, проходили в глубине Страны Огня и были достаточно обыденными. Вот через год, когда нас поднатаскают, тогда уже ближе к фронту отправят наверняка, однако пока мы просто занимались миссиями низшего ранга. Буквально сегодня травили расплодившихся возле небольшой деревеньки шершней, которые в приближении зимы начали лезть к теплу, в дома крестьян. Занятие это и в моем прошлом мире небезопасное, а уж в этом и подавно. Учитывая величину этих тварей и их способность коллективно управлять чакрой, обычные люди к ним суются редко. Зато генинов отправить на борьбу с опасными насекомыми просто милое дело. Я в облике Орочимару этим часто занимался во времена генинства.

Обычно такие миссии оплачиваются достаточно высоко для своего ранга, так как часто сопряжены с травмами. В этот раз Омори и Анко попались несколько раз под жала шершней. Не смертельно, но боль просто адская, так что на ночь мы остановились все в той же деревеньке. Именно ею мы с Микото могли сейчас любоваться с деревьев священной рощицы, уместившейся промеж возделываемых полей.

— Что произошло на этот раз? — поинтересовалась Микото, запрыгнув на соседнюю с моей ветку.

Мощное дерево, которому, наверняка, более пару сотен лет, от такого даже не шелохнулось. А меня вот вопрос бывшей ученицы немного смутил. Как-то не совсем

правильно будет излагать ей все проблемы, навалившиеся на меня за последнее время. О крупных событиях я ей рассказывал, а вот мелочей избегал, как чего-то не особо существенного. Но именно эти мелочи из-за своего чрезмерного количества начинали давить и вызывать тревогу.

— В первую очередь, мне по-прежнему не дает покоя тот монах, — все же ответил я, после небольшой паузы. — Его сила в чем-то даже парадоксальна.

— Но ты же сам говорил, что это могла быть усиливающая техника, вроде Восьми Врат? — заметила Микото.

— Да, его кейракукей выглядела ненормально в некоторые периоды времени, но я бы все-таки не рассчитывал, что это что-то вроде открытия Врат или Шичи Тенкохо. По-моему, лучше исходить из того, что та мощь, которую я ощутил, именно она истинная. Просто монах имеет некие ограничения, которые не позволяют ему использовать свои силы в полном объеме.

— И он все равно сбежал от тебя.

— Да, но и сражаться ему со мной, как мне кажется, не было большого смысла. От контрабандистов он получил все, что было ему нужно, а напал на нас, чтобы замести следы.

— А в итоге он сбежал. От тебя, — с настойчивостью произнесла Учиха.

Скосив взгляд на девушку, я сдержанно вздохнул и на секунду возвел очи к небесам. После чего пришлось потратить несколько мгновений на создание техники смены облика. Следующую фразу я произнес уже родным для себя хрипловатым голосом, а не не сломавшимся еще подростковым тенором:

— Микото, мне приятно, что так высоко оцениваешь мои способности, но мир велик и в нем достаточно тигров и драконов, — мягко перескочив на ветвь Учиха, из-за чего та слегка качнулась под нашим весом, я нежно обнял девушку. — Этот мир гораздо больше, чем ты себе представляешь. И за пределами нашей планеты можно найти чудовищ, силу которых просто невозможно осознать. Поэтому не нужно думать, что есть какая-то непреодолимая вершина могущества. Раз ты ступила на путь шиноби, то привыкай жить с мыслью, что предела у твоей собственной силы нет. Все ограничения лишь здесь, — аккуратно ткнув в лоб смешно зажмурившейся Микото пальцем, отметил я. — Преодолей их.

— Я знаю, — недовольно фыркнув, ответила девушка. — Можешь не повторять, я помню это еще с дошкольных времен. И все равно! Тигров может быть много, но дракон только один!

И после этих слов Микото прижалась ко мне, сжав в объятиях так крепко, что аж дух выбила, не давая произнести ничего в ответ. Выглядит она хрупкой, но после всех тренировок, мышцы у нее крепче стали. С трудом переведя дыхание, я неловко провел ладонью по голове девушки. Пальцы погрузились в мягкие локоны черных волос, Микото счастливо пискнула, зарываясь лицом мне в грудь.

Ну, как говорил Конфуций: счастье — это когда тебя понимают, большое счастье — это когда тебя любят, настоящее счастье — это когда любишь ты. И я рад, что мое счастье огромно, так как любят меня несколько женщин. А еще рад, что оно настоящее. Пусть чувства затуманивают разум, но счастливым быть приятно. Жаль, что в прошлой жизни я этого так и не понял, хоть и прожил долгую жизнь. Но тот мир все же был слишком спокойным и тихим, это хорошо для жизни в нем, но не способствует пониманию собственных желаний и устремлений.

— Может, как-нибудь прогуляемся по улицам Роурана? — предложил я, когда хватка

Микото чуть ослабла и позволила говорить. — Там недавно открылся кинотеатр, можно посмотреть какую-нибудь киноленту, это пока диковинка и должно понравится Итаци. А еще там много кафе, есть театр и цирк.

— Что это с тобой? — удивленно вскинув брови, подняла на меня взгляд Микото.

— Просто подумал, что наши отношения минул романтический период. От ненависти до любви, а затем и рождения сына прошло слишком мало времени. Нужно это упущение восполнять.

— Но Роуран далеко...

— Ну, сейчас и времени на прогулки нет, — со вздохом, заметил я, — но когда-нибудь мы там побываем. Это чудный город, часть меня там живет, так что я могу отвечать за свои слова.

— Хорошо, — легко согласилась Микото, снова уткнувшись лицом в мое плечо.

Кстати, Итаци сейчас с Нами, вместе с ее Хинатой и Хибакари. Под надежным присмотром, в общем. Была мысль посоветовать Микото оставить его Цунаде, которая и так сейчас с Наваки сидит дома, но... Цунаде и Джирайя — это Цунаде и Джирайя. Их даже рождение ребенка не исправит. Им самим еще родительские надзор и воспитание необходимы.

— Микото, а тебя недавно не приглашали в Шугонин Джуниши? — вспомнив о воспитателе Джирайи и Цунаде, поинтересовался я.

— Ниндзя-защитники? — удивленно переспросила Микото. — Нет. Должны были? Опять твои пророческие штучки?

— Нет, не должны были, но вероятность была.

— Состав Двенадцати ниндзя-защитников не менялся уже давно, и вряд ли Хокаге или дайме сейчас решат что-то менять в этой группе.

— Сегодня рано, а завтра поздно. Ситуация у политической элиты Страны Огня сейчас нестабильная. Нынешнему дайме года через четыре будет за семьдесят, но он пятью годами ранее обзавелся новой наложницей, дочерью своего министра двора. И у них уже родился сын. И это при том, что есть несколько сыновей от жены, дочери правителя южной, самой крупной, префектуры Страны Огня — Хоно. Для дайме характерно к концу своего долгого правления охладевать к законным женам, подчас даже с почестями ссылать их в отдаленные свои владения, отдавая предпочтение молодым наложницам. В результате чего наследовали престол дети уже не жены, а именно этой наложницы. Только тут еще одна загвоздка, до недавнего времени любимой наложницей дайме была дочь первого советника, а первым кандидатом на престол — именно ее сын.

— Ого, я об этом ничего не знала, даже живя в Стране Огня.

— Но о такой ситуации в курсе все заинтересованные люди. И Хокаге тем более. Нынешний дайме несмотря на возраст все еще крепок и бодр, его наследники недовольны появлением конкурента. И так же недовольны, что их отец слишком уж долго сидит на троне. Положение слишком опасное, чтобы не обращать на него внимание.

— Да, понимаю. Даже я понимаю.

На самом деле, наверное, даже местный крестьянин бы понял. Владелец южной префектуры, носящий титул мурадзи, влиятелен, богат и имеет большой авторитет среди других феодалов. Первый советник, кампаку, имеет большое влияние на дворян и столичную аристократию. А министр двора, чокан, пусть на первый взгляд является простым секретарем, но он самый главный чиновник страны, прожженный царедворец с большим

опытом интриг. Когда такие люди видят, что их власть, которую они практически уже ухватили руками, вырывают прямо из этих самых рук, тогда могут произойти самые нерадостные для страны события.

Уверен, что Хирузен попытается повлиять на зарождающийся конфликт, внедрив в окружение дайме новых шиноби, хотя бы частично заменив Двенадцать ниндзя-защитников, так как старые могли давно быть куплены и завербованы какой-то из группировок. Жизнь при дворе полна соблазнов и открытий, которые заставляют шиноби пересматривать взгляд на жизнь.

Кстати, нынешний кризис в княжеском семействе частично спровоцирован мной. Моложавость и неестественная активность дайме — заслуга моих лекарств. Но даже без моего вмешательства, скорее всего, при дворе начали бы происходить какие-то проблемы, которые заставили бы Хирузена отправить в Шугонин Джуниши своего сына. Третий всегда умел найти применение людям. Правда при этом он был совершенно никудышным воспитателем, отчего я и вспомнил про эту тему. В каноне все три его знаменитых ученика выросли гениями, но имели расхождения с генеральной линией партии, так сказать. И Асума, собственный сын, даже уже сейчас проявляет несогласие с мировоззрением собственного отца. Да и старшая дочь тоже бунтовала, помню, в итоге даже куноичи не стала и вышла замуж за какого-то гражданского.

У всех ученики как ученики и дети как дети, у одного только Хирузена вечно вырастает что-то непотребное. Вроде и говорит правильные вещи, и старается, а не получается. Должность Хокаге много внимания требует, вот и получается, что хоть и в звании «отец года» он меня не догоняет, но очень старается это сделать.

— Мне нужно попасть в отряд защитников? — посмотрев мне в глаза, спросила Микото.

— Нет, — отрицательно качнул я головой. — Лучше тебе в эту историю не вляпываться.

Хотя мне было бы полезно иметь своего агента при дворе, но впутывать в это дело Микото я не стану. Во-первых, опасно. Во-вторых, тогда у нас будет в разы меньше времени друг на друга. А после той встречи с монахом у меня на это время есть совершенно определенные планы.

— Тебе, Микото, — отстранив от себя девушку, произнес я максимально настойчивым тоном, — необходимо научиться пользоваться своей Печатью Неба.

— Ох, ну, конечно, — недовольно пробурчала Учиха. — Как скажете, учитель.

Спрыгнув с дерева на землю, Микото с недовольным выражением лица оттянула в сторону высокий ворот теплой водолазки, открывая небольшую метку на ключице. Быстро скользнув пальцами по печати, Учиха освободила мое джуиндзюцу от ограничивающего фуиндзюцу, наложенного Кушиной.

— Готова? — уточнил я, приблизившись к девушке.

— К этому сложно быть готовой, учитель. Давайте начнем.

Кивнув, я прикоснулся пальцем к белой коже Микото. Среди теней и пятен бледного лунного света линии печати почти не были видны, но я чувствовал то, что было рождено моей чакрой. А через мгновение после моего прикосновения, печать сама засияла желто-оранжевым светом, словно раскаленное железо.

Микото скрипнула зубами от боли. Она умела брать чакру из печати, но сейчас процесс шел без ее контроля. И чакра лилась не моя, а более агрессивная, произведенная модифицированными клетками Хаширамы Сенджу. С силой сжав кулаки, Учиха отпустила

ворот свитера. Вязанная одежда тут же закрыла печать, но свет ее пробивался сквозь волокна шерстяных нитей. Было видно, как выются линии джуина, разрастаясь и покрывая тело. Было в этом что-то эротичное, когда сквозь одежду видны очертания обнаженной фигуры, абрис которой подсвечивал огонь печати. Но от лишних мыслей я постарался поскорее отстраниться, сосредоточившись на контроле над печатью.

Микото была Учиха, и пусть не столь же выдающаяся, как Мадара, пусть она не реинкарнация Индры, но у нее так же есть Мангекье Шаринган. И у нее есть возможности получить чакру Хаширамы Сендзю, пусть и не от вживленных непосредственно в тело клеток, а из джуиндзюцу. При доле удачи и при правильном контроле чакры у нее есть шанс получить большую силу. Однако пока ей нужно было добиться хоть какого-то контроля.

Чтобы облегчить задачу Микото, я аккуратно контролировал печать, отслеживая состояние кейракукей девушки и внедряемых в ее тело структур джуиндзюцу. Без додзюцу приходилось контролировать процесс с помощью медицинских техник, что не так удобно и информативно.

Такой сеанс мы проводим уже не в первый раз, но, кажется, прогресс уже есть. Пришлось сменить несколько разных клеточных культур в печати, чтобы подобрать наиболее подходящую чакру для Микото. В итоге получилось, что в Печати Неба сейчас находится даже не клон Хаширамы как таковой, а скорее клон Охеми. Слишком много пришлось внести от Учиха. При этом, естественно, оказалась утрачена способность управления природной энергией. Скорее всего, с этим джуиндзюцу Учиха будет проще освоить сендзюцу при обучении, да и накапливать энергию ей будет можно с помощью печати, однако все-таки само по себе обучение потребует. Но это в будущем, если у нее будет такое желание, пока необходимо создать устойчивую связь родной энергетике Микото с джуиндзюцу. Подобную операцию я когда-то уже проводил в свое время, интегрировав организм Манды в собственный цикл производства чакры. Только клетки Хаширамы — это совсем не то же самое, что и клетки Манды.

— В этот раз было значительно проще, — наконец, выдохнув, произнесла Микото, когда метки на ее теле погасли и постепенно утонули в коже, почти не оставив после себя следов.

— Еще не конец, ты сама понимаешь, — не стал обнадеживать я Микото. — Садись, нужно время для адаптации. Я буду наблюдать, как реагирует твоя энергия на активацию первого уровня печати.

Создать из дерева скамью с геномом Охеми было делом плевым, на это ушло меньше пары секунд. Микото охотно уселась на нее, откинувшись на спинку и запрокинув голову к небесам.

— Головокружение? — уточнил я, садясь рядом с девушкой и подхватив ее руку, чтобы проверить пульс и лучше ощутить потоки чакры в ее меридианах.

— Не знаю... Нехорошо как-то.

— Гм. Немного повышена температура. Естественная реакция организма на внедрение инородных клеток и энергии. Сейчас исправлю.

Подавить активность родственной чакры из печати сейчас было даже проще, чем в родном теле.

— Лучше?

— Да, — после паузы ответила Микото.

Несколько секунд девушка в молчании сидела на скамье, все так же продолжая

разглядывать звездное небо сквозь поредевшие осенью листья.

— Так тихо, так спокойно. Так странно, — негромко произнесла Микото, словно замороженная наблюдая за движением серпа луны по небу. — А где-то и сейчас гремят сражения. Перед зимой они всегда становятся ожесточеннее. Я помню это по предыдущей войне.

— Да уж, — невольно согласился я, тоже устремив взор в небеса.

Прямо сейчас я в иных телах как раз и сражаюсь. Чода на соседнем континенте должен был организовать диверсию в ряде портов, нарушив инфраструктуру и усложнив логистику Кири. Ослабить снабжение, заставить Туман уйти на зимовку с минимумом ресурсов было важно, поэтому пришлось взяться за дело самому. В родном теле я вынужден был лично принять участие в очередной битве, так как Туман смог сконцентрировать на одном из участков фронта слишком большие силы, а Четвертый Эй некрасиво подставил мои полки под удар Ивы, спасая собственных бойцов из ловушки Цучикаге. Омушимару наверняка продолжает гоняться за контрабандистами и накрывает притоны нукенинов вблизи Страны Песка. И, конечно же, Увабами и Кёда тоже на передовой.

Иногда я начинаю невольно оттягивать сон в некоторых из тел, потому что знаю, стоит мне в него погрузиться и на сознание навалится очередной ворох произошедших событий. Кровь, запах горелой плоти и кишок, крики, боль, усталость. Эти спокойные мгновения сейчас с Микото воспринимаются мной еще более странными, чем самой девушкой.

— Говорят, в войну уже и Сунагакуре вмешалась? — спросила Учиха.

— Небольшие ее силы. Приграничные стычки. Песок пока не готов к большим сражениям, после потери Роурана дайме Страны Ветра откровенно недоволен нынешним Казекаге, так как считает, что именно он виноват в выходке королевы Сераму. В недостаточном противодействии тем событиям. Из-за этой внутренней напряженности и после восстания одного из самых талантливых шиноби боеготовность Сунагакуре не слишком велика.

— Значит, не только в Стране Огня дайме самодурствует, — невесело усмехнулась Микото.

— Вторая большая война за такой короткий период влияет на всех, знаешь ли, — хмыкнув, ответил я. — Все потихоньку сходят с ума. И каждый по-своему. В Стране Молнии новый Райкаге выглядит пока блекло на фоне своего отца и предшественника и не справляется с начатыми ранее реформами, что вызывает общую сумятицу. В Стране Воды смена Мизукаге и поражения от малой страны также не приносят спокойствия. На общем фоне, наверное, только Страна Земли сумела сохранить рассудок.

Я бы даже сказал, что она на подъеме. И если бы мне не удалось поспособствовать концентрации сил Конохи и Кумо на северной державе, то Ива могла бы добиться еще больших успехов. Благодаря моему влиянию, Страна Песка сейчас независима, что ослабило Страну Ветра в целом, так что на западе фронт между великими державами в Третьей мировой открыт не был, что высвободило силы Камня, позволив ему сосредоточиться на восточном театре военных действий. В то же время убийство мной Данзо и подмена Третьего Эя ослабили Коноху и Кумо достаточно серьезно, чтобы сейчас в их противостоянии с Ивой сохранялся паритет.

Если задуматься, то этот мир вообще медленно, но неумолимо катится в неизвестность. Даже для меня неизвестность, потому что я не просто уже не всегда могу полагаться на знания канона. Я даже не всегда могу спрогнозировать, к чему приведет в итоге все то, что

происходит в этом мире. Бум технического прогресса из-за распространения доступных энергоносителей вызывает социальные изменения, впервые в государствах появляются ненужные люди. Их труд перестал быть нужен в промышленности, заводы и фабрики механизуются. Этим людям нужно куда-то девать, и если в Стране Огня и Стране Земли достаточно неосвоенных земель для экспансии, то Страна Ветра по большей части является пустыней, куда народ так просто не загнать. Страна Молний сама по себе невелика, так же как и Страна Воды, которая, кстати, первая начала активно колонизировать земли за пределами своих островов.

И это только одна из проблем, вызванная прогрессом. Есть еще и вызванные переориентацией экономики на новые ресурсы. И преобразование старых гильдий, вроде Коменданта, в настоящие синдикаты или картели, по типу Кабунаками Кайгансен. И это пока еще большие войны, как ни странно, спасали континент от масштабных экономических кризисов. А еще сейчас, с распространением алюминия и, как следствие, высвобождения объемов меди, появилась возможность распространения телеграфной и даже телефонной связи, что тоже не может не сказаться на обществе. И все это наложилось на создание системы Какурезато, когда в крупных странах фактически власть начала разделяться между дайме и Каге. Объединение кланов шиноби и прекращение их борьбы внутри границ одной державы здорово укрепило военные возможности Великих держав, но не добавило им стабильности.

И вот именно в это время, когда экономика и общество потихоньку бродит, в процесс влезаю я со своим Рюджинкё. Хотя еще и с алюминием я тоже влез. И с улучшением урожайности основных злаковых культур тоже, из-за чего частично количество ненужного народа также увеличилось. И вакцинацию в перечень моих достижений можно внести.

В общем, как там Мито говорила? Сокоцунегами — покой и порядок смерти, Коседжин — хаос, который иногда хуже смерти. Очень похоже на меня. Может, я реинкарнация этого Коседжина, кем он там ни был? Как Хаширама — реинкарнация Асуры. Первый Хокаге же имел собственную душу и разум, просто у него был нужный геном и его характер совпадал с таковым у Асуры, из-за чего, как мне кажется, в нем реинкарнировали дух и чakra Хаширамы, то есть его устремления и желания. Вот и я тоже подцепил какую-то местную энергетическую дрянь.

Кто бы еще мог подтвердить или опровергнуть мое предположение. Поправлюсь: мог и был бы готов это сделать.

— Микото, я планирую сам, как Охеми, попасть в личную гвардию дайме Страны Огня, — нарушил я тишину ночи, повернувшись к девушке.

— Так ты из-за этого спрашивал про Шугонин Джуниши? — догадалась Учиха, тоже повернувшись ко мне и наградив выразительным взглядом. — Ты же понимаешь, что я сейчас очень недовольна?

— Вспомни свои же слова, — с улыбкой посоветовал я. — Тебе мало меня. И этот Охеми тебя все равно не устраивает никоим образом. Но, оказавшись сейчас вблизи двора дайме, я могу приблизить тот день, когда твои мечты сбудутся.

Микото только молча отвернулась от меня и тяжело вздохнула, чтобы через несколько секунд невыразительным тоном произнести:

— Попасть в гвардию будет сложно. А из нее — в отряд ниндзя-защитников еще сложнее, а именно это тебе и нужно, я ведь права?

— Думаешь, я не справлюсь? Показать нужные таланты на экзамене на чунина будет

несложно.

— Думаю, не все зависит от способностей.

— Это я понимаю. Но дайме моя кандидатура наверняка приглянется. Охеми не принадлежит какому-либо клану, он из дворянского рода, а это уже огромный плюс для правителя. А Хокаге вскоре собственного сына отправит в эту же гвардию со схожими целями. Показать Хирузену нужные стороны характера, чтобы быть одобренным им на эту единую с Асумой миссию, я смогу.

Микото удрученно покачала головой.

— Ты опять влазишь в какую-то передрагу. Почему ты не можешь просто жить спокойно? Тогда бы не было той миссии в Роуран, не было предательства Хируко и противостояния Данзо. Все могло бы сложиться иначе.

— Ох, если бы ты знала, как все могло бы сложиться, если бы я не влазил в сомнительные аферы, — негромко рассмеялся я, вспоминая свою прошлую жизнь и начало поисков путей перерождения. — Тогда этот мир знал бы совершенно иного Орочимару, Микото. И это была бы совершенно другая история.

— Опять твои пророческие штучки? — подозрительно посмотрела на меня девушка.

— Именно.

— Когда-нибудь, я заставлю тебя выложить все, что ты постоянно недоговариваешь, — многообещающим тоном произнесла Микото.

— Можешь попытаться. Мне это даже нравится иногда.

Хмыкнув, Микото сжала мою ладонь в своей и опустила голову мне на плечо.

— Что ж, веди нас в светлое будущее, о Рюджин-сама, раз тебе оно ведомо. Но не забывай, что у тебя есть я в настоящем.

— Никогда не забываю, — коснувшись Печати Неба на теле девушки, ответил я. — И я всегда с тобой.

***

Короткий вдох наполнил легкие Чирику свежим утренним воздухом, долгий выдох сопровождался длинным шлейфом подсвеченного лучами рассвета пара. Утро в Храме Огня начиналось очень рано, и с первыми лучами солнца Чирику успел уже совершить первый подъем к вершине Хагуро и теперь завершал утреннюю практику медитации.

— Хо-хо! Эта новая дыхательная техника из Конохи на диво хороша, — донесся до ушей Чирику старческий голос. — В твои годы стояние под водопадами Хагуро мне было выносить тяжело.

— Чукаку-сенсей, — поклонился появившемуся рядом монаху Чирику.

— Ох, прости, что отвлек. Продолжай, продолжай.

— Я закончил, Чукаку-сенсей.

— Да? Гм, хорошо, хорошо. Ты хорошо справляешься, Чирику. Надеюсь, в столице ты не отступишься от пути Нинсо. Город полон соблазнов, юному шугьёсо будет сложно от них оградиться и продолжать практики. Легко соблюдать пост в храме, не видя и не слыша запаха яств дворцовой кухни. Легко медитировать и читать сутры, не зная о другом досуге. Легко отстраниться от мира, когда ты идешь по пути просветления, а не служишь дайме. Его гвардия разношерстна, в ней много разных личностей. И тебе многое придется узнать, находясь там.

— Я понимаю, учитель, — решительно сведя брови, ответил Чирику.

— Очень на это надеюсь, но твой возраст... — Чукаку расстроено покачал головой. —

Тебе будет сложно, но если тебе удастся следовать пути и там, то это будет большим плюсом для твоего прогресса. Ты уж постарайся.

— Я это сделаю, учитель! — решительно ответил юноша старому учителю Храма Огня и хотел просить о новом уроке, когда услышал отдаленный гомон со стороны главного двора храма.

— Ох-хо-хо, снова этот смутьян Бансай, — тяжело произнес Чукаку, ушей которого тоже не минули странные звуки. — Так и не угомонился.

— Что происходит, учитель?

— Пойдем, посмотришь. Тебе это будет полезно перед путешествием, да...

До двора идти было недалеко. Фактически Чирику и Чукаку находились в дальнем его конце, и от источника звука их отделяла только терраса и колонны главного здания храма. Обойдя пару из которых, юный монах увидел, что перед Железными воротами собралось много старших братьев и старцев. Обычно в это время все заняты молитвами или иными практиками. Такое собрание совсем не характерно для храма.

— Бансай, мне казалось, что вчера мы пришли к пониманию, — гневно сверкая глазами, произнес глава Храма Огня, один из росорьё. — Почему сегодня ты вновь баламутишь храм?!

— Наш вчерашний разговор только укрепил мои намерения, — спокойно ответил старцу невзрачного вида монах средних лет, которого Чирику видел очень редко в Храме. — Дайме недоволен тем, что в его владениях распространяется сангха Рюджинкё, которой могут руководить из-за границы. Я и мои спутники станут частью этой сангхи. Мы будем отвечать за нее перед лицом дайме, такова Воля Дракона. Каждый, внявший звуку гласа Рюджина, не будет оставлен.

— Ты... Твои слова опасны, Бансай, — угрожающе свел брови росорьё. — Ими ты отрекаешься от Дара рода Отшельника! Воля Дракона — это не наша Воля!

— А что есть наша Воля? — негромко спросил в ответ Бансай, окинув оппонента усталым взглядом. — И насколько она верна? Почему наша Воля не говорит нам покинуть храм сейчас для помощи шиноби в войне? Почему эта война не наша? Почему эта война не дайме, хотя ею он достигает своих целей? Почему эта война — не война шиноби, хотя они выполняют ее как свою работу? Почему эта война — не война простых людей, хотя она влияет на их жизнь и несет лишения? Почему наша Воля настолько разная у каждого, что когда приходит горе, то для всех оно чужое. И когда приходит радость, она тоже для всех чужая. Но Воля Дракона соединяет всех. Глас Рюджина звучит для каждого, услышать его сложно, но услышав его, можно научиться слышать и голоса других. Это ли не то, чему нас учило Знание отшельника? Поэтому я и мои спутники сегодня покидаем Храм.

Произнеся свою речь, Бансай решительно развернулся и направился к Железным воротам. Несколько десятков монахов разных рангов в молчании последовали за ним. Чири удивленно свел брови и вопросительно посмотрел на Чукаку. Но старый монах только с грустной улыбкой провожал взглядом уходящих братьев.

Несмотря на слова росорьё об отречении от Дара, Бансай не утратил полученной в результате долгих тренировок чакры, потому открыть смыкающуюся печать ему не составило труда. Однако, когда тяжелые створки начали медленно расходиться в стороны, рассветная тишина вновь была нарушена тяжелым голосом росорьё.

— Ты не можешь покинуть Храм, Бансай. Ты часть его. Остановись, пока я не остановил тебя. Шиноби Конохи перед войной оградили Храм защитными печатями, в том

числе взрывчатыми. Я только что активировал их. Ты можешь снять печать Железной Стены, но не можешь разрушить эту преграду. Остановись. Сегодня никто не покинет Храм.

Замерев на месте, Бансай внимательно осмотрел ведущую к воротам тропу. Чирику и отсюда было видно, что он рассматривает появившиеся на земле линии фуиндзюцу.

— Воля Дракона — это надежда. Надежда на то, что наш опыт из прошлого не будет бесполезен в будущем, — не оборачиваясь, произнес Бансай в ответ на слова старца. — Но Воля Дракона — это и вера. Вера в то, что провидение приведет нас к нужному пути.

Замолчав, Бансай решительно шагнул вперед. И... ничего не произошло. Чирику видел, что линии печатей все еще на месте, но Бансай ступал по ним, словно по несуществующим. И десятки его спутников тоже. С интересом посмотрев на росорьё, Чирику увидел, как решительно сжаты его кулаки. И как стремительно появляется на его лице выражение крайнего удивления.

В неестественной тишине десятки монахов покинули храм, несмотря на угрозу наличия ловушек с Кибакифуда, взрыв прогремел лишь однажды. Когда на истоптанную монахами грунтовую тропу опустилась любопытная ворона. Всполох яростного пламени поглотил ее тело и скрыл за собой удаляющуюся группу.

Глава 41 Господин Солнце

29 октября 47 года от начала Эпохи Какурезато

Крутись, крутись, кругом повернись,
Далекое время, кругом повернись!
Кругом повернись, в моем сердце отзовись,
Кругом повернись, в моем сердце отзовись.

(<https://www.youtube.com/watch?v=FVDZ8LpJuAo>)

Слова текли мелодичным потоком, срываясь с уст красноволосого паренька. Их сильно глушила и искажала надетая на его лицо маска с ликом демона, но до моих ушей доносилась и более глубокая, потусторонняя часть песни. За спиной парнишки маячила гротескная тень демона, так же мерно напевая слова. От такого дуэта мурашки бегали по спине. К счастью, кроме меня его никто не слышал.

Птицы, звери и жуки,
Древа да цветы,
Любовь вырастил к ним в сердце ты моем.
И услышав шепот ветра,
Я вернусь тогда к тебе.

И как раз с тихим шелестом ветра, наградив меня напоследок заунывным коротким воплем, тень за спиной красноволосого паренька растворилась в воздухе, оставив после себя ощущение потустороннего холода. Я же устало опустил руки, разрывая поток чакры в барьерную технику. Лишенная подпитки пелена слабо гудящего пламени быстро развеялась, рассыпавшись пурпурными искрами.

Мой красноволосый клон, Дайки, который и был заключен в барьере, тут же рухнул на колени, лишившись сил. И одновременно с этим с его лица упала белая маска, со звонким стуком упав на вымощенный каменной плиткой пол заклинательного покоя храма Отогакуре. Пара ирьенинов, сразу Ринха и Узумаки, метнулись к нему, спеша оказать помощь, я же только окинул его раздосадованным взглядом.

— Ему нужен отдых и питание, помогите ему добраться до кухни, благо в этом храме есть синсендзё, — отворачиваясь, приказал я, попутно вытянувшейся рукой подхватив с пола маску, после чего позвал главу Узумаки, протягивая ей рогатый лик демона: — Акичи, как оценишь выполнение техники?

— Хорошо, Рюджин-сама, — с вежливым поклоном принимая артефакт своего клана, ответила девушка. — Дайки очень способен. Поразительно, насколько быстро он усваивает техники.

— Это Дайки. Я с самого начала советовал оценивать его не по возрасту и не удивляться талантам, — кивнув, ответил я Акичи. — Ладно. На сегодня хватит, дождемся, пока Дайки отдохнет, и я проверю, нет ли у него осложнений после призыва. Спасибо за работу, Акичи.

Не дожидаясь ответа девушки, я быстро зашагал в сторону выхода из храмовых залов. Сегодняшний ритуал, несмотря на свою техническую успешность, меня разочаровал и раздосадовал. Призыв Хашихиме, который я давно планировал осуществить, но всякий раз откладывал из-за осторожности и опасений за жизнь Акичи, все же был сегодня проведен, благо в одном из моих клонов имелся наиболее подходящий для техники геном. Однако

желаемых ответов я получить не смог, только эта песня, напоминающая мотивом пару народных напевов, вошедших в гимны Рюджинкё.

Вырвавшись из плена деревянных стен на свежий осенний воздух, я остановился на опоясывающей здание заклинательных покоев энгаве. На родном для меня языке из прошлого мира этот архитектурный элемент храма назывался бы гульбище, но от названия суть ее не меняется. Открытая галерея была тихим местом с прекрасным видом на небольшой сад, окрашенный в яркие цвета осени. Прекрасное место, чтобы подумать о жизни своей непростой.

Вдохнув влажный свежий воздух, я постарался привести мысли в порядок. Шелест желтых и красных листьев на ветвях деревьев в этом помогали. Если подумать, то ничего трагичного-то не произошло, просто призыв не смог ответить на давно мучившие меня вопросы. И также не дал ответов на вопросы, которые встали передо мной лишь недавно. К этому стоило быть готовым, просто я почему-то решил, что все пройдет именно так, как я того хочу. Как выяснилось, не все мои желания сбываются.

— Я смотрю, демоны Узумаки не оправдали твоих ожиданий, Чи-тян, — тихо подойдя, произнесла Мицуко.

Женщина в призыве не участвовала, так как была занята делами военного управления, но, похоже, зная о сложностях техники, решила провести меня при случае.

— Они оказались более тупы, чем я ожидал, — со вздохом ответил я. — Об этом стоило догадаться еще по Морьё и записям Узумаки. Сознание потусторонних существ... — я замаялся, подбирая подходящий эпитет, но быстро бросил это занятие. — Слишком специфичное оно. Оказывается, не все из них даже способны разговаривать. А если и способны, то толку от этого немного. Тот же Морьё умеет соображать, прогнозировать и делать выводы на основе своего опыта, но с целеполаганием у него серьезные проблемы. Он не понимает сути собственных желаний. Я даже не уверен, что его желания — это именно желания, а не просто некая программа действий. И Хашихиме не лучше.

Еще раз вздохнув, я облокотился на перила галереи, глядя в теряющуюся в дымке тумана Отогакуре.

— Не знаю, отчего и почему, но их разум словно неполный. Вряд ли хоть от кого-то мне удастся добиться ответов на мои вопросы.

— Всегда остается Ханья. И Хакуджа Сеннин. К ним и следовало сразу обратиться, если ты хочешь узнать про того монаха.

— Да, ты права, — согласился я.

Про того монаха и в самом деле лучше пробовать узнавать в Рьючидо, они все-таки контактируют с этим миром. А их глава, Хакуджа Сеннин, живет достаточно долго, чтобы помнить обо всех значимых событиях вплоть до пришествия Кагуи. Только...

— Только я уверен, что ни в Рьючидо, ни в Мьёбокузане, ни в Шиккоцурин мне про этого уникама не расскажут. Этот тип, кажется, умеет скрываться и без лишних терзаний убирает всех, кто вмешивается в его дела, — заметил я, обернувшись к Мицуко. — Иначе сложно объяснить, почему его нет ни в одной из Книг розыска. Всякий выдающийся шиноби так или иначе попадает в одну из них, я же смог обнаружить в них тех ниндзя, которые сопровождали монаха, но не его самого.

— Почему сложно? Объяснить его отсутствие в Техаишо очень просто, — не согласилась со мной Мицуко. — В книгах описана внешность шиноби, а не характеристики их чакры. А мы с тобой прекрасно знаем, что изменить облик — это секундное дело.

— Тоже верно, но я не ощутил в противнике признаков использования Хенге. Может, конечно, он знает более совершенную технику перевоплощения, но мне кажется, что и их он не использовал. Тем более что в Книгах розыска принято упоминать характерные и отличительные техники шиноби, если таковые имеются. У этого монаха они были достаточно уникальны, чтобы быть упомянутыми.

Также, при всей моей невнимательности, не мог я пропустить в прошлой жизни упоминаний про настолько сильного шиноби с уникальными способностями. А это с большой вероятностью означает, что он успешно прятался. Или он благополучно помрет в ближайшее время, что с его умениями сомнительно.

— Допустим, ты прав, — поразмыслив над моими доводами, сказала Мицуко. — Только я не пойму, зачем ему скрываться, если он и в самом деле настолько силен, насколько ты говоришь? Ему нужно было какое-то оборудование из Страны Луны, верно? Для этого он организовал поставку через контрабандистов, при этом использовал посредников в виде группы наемников. Это странно, не находишь? Если он талантлив и силен, то мог давно организовать собственную группу шиноби, тем более что деньги у него, похоже, есть. Или вовсе стать главой какой-нибудь деревни. И уже официально добыть все необходимое, без лишних схем.

— Вопрос интересный, — вновь согласился я с женщиной, переведя взгляд на алеющие кроны кленов. — И именно ответ, который я на него дал, заставил меня искать знания о личности монаха в древности. Обычный сильный шиноби, если он не нукенин и не находится в розыске у могущественных деревень, не склонен к скрытному образу жизни. Хотя часто и нукенины, находящиеся в Техаишо сразу нескольких деревень, чувствуют себя достаточно вольготно, чтобы не скрываться. Тот же Какузу, с которым мы встречались пару лет назад. А этого монаха что-то заставляет осторожничать. Мне кажется, это может быть Рикудо Сеннин.

— Рикудо? — удивленно посмотрела на меня Мицуко.

— Если ты хочешь сказать, что он давно умер, то спешу тебя расстроить, частично это не так. Тело погибло, но дух не спешит покидать эту землю. И у этого духа сохранились все знания и часть силы. Этого достаточно, чтобы избавиться даже от... Какого-нибудь бога, например.

Мицуко, секунду посверлив меня взглядом, молча отвернулась к саду и тоже облокотилась о перила.

— Твои выводы не лишены логики, но строятся они на притянутых догадках, — наконец вымолвила она. — Правда, ты почему-то уверен в своей правоте, несмотря на то, что обычно для того, чтобы утвердиться в какой-то точке зрения, ты собираешь более веские доказательства. Значит, мне ты снова говоришь не все, что тебе известно. Наверняка причиной тому эти твои пророческие способности, благодаря которым ты и про Рикудо узнал, не так ли? Ладно, не говори. Хорошо. Но если ты прав и того монаха останавливает наличие Рикудо Сеннина в этом мире, то, значит, он может быть очень опасен.

— В этом и проблема.

Правда, я не уверен, что конкретно дух Хагоромо как-то ему мешает. Это может быть и Куро Зецу с Кагуей, но сути дела это не меняет. В любом случае, он должен каким-то образом о них узнать, и, как мне кажется, сделать это не моим способом. То есть, скорее всего, должен был быть свидетелем событий прошлого. Мицуко права, что выводы мои притянуты за уши, но лучше исходить из худших вариантов. Хотя нельзя исключать, что это

очередной Нагато, который тоже ныкался в своей деревне до последнего. Правда, я уверен, что при этом его лицо можно было найти в одной из Техаишо.

Местная система назначения и выдачи наград поставлена очень хорошо и поддерживается многими влиятельными людьми. Что говорить, если в Стране Огня есть несколько пунктов обмена черного рынка, в которых при случае охотно примут головы шиноби Конохи. При этом в Листе об этих пунктах известно, но прикрыть их они, если не поймают за руку на явной работе против собственного селения, не могут из-за неформального покровительства этой организации дайме и его окружения, которым иногда нужны инструменты для избавления от опасных ниндзя собственной национальной какурезато. Такие уж традиции.

Может, в Амегакуре, с их системой безопасности и закрытостью, шиноби еще могут избежать участи быть записанными в Книги розыска, но я не помню, чтобы помимо Пейна там имелись сравнимые с ним по силе гении. Также скрыться от акционеров Техаишо можно на северо-западе континента, за Страной Земли, но там шиноби нет в принципе, там и о чакре-то не знают, если верить словам Сальмы о Редаку и соседних с ним странах.

— Ну, пока после единственной встречи монах о себе больше не напоминал, — заметила Мицуко. — Возможно, его и твоя сила усмирила.

— Не исключено, что заставило его тогда остановиться возможное привлечение внимание Рикудо при активации большей силы. В любом случае расслабляться не стоит.

— Соглашусь, — кивнула Мицуко в ответ. — Я не полностью понимаю твоей встревоженности силой одного монаха, но раз он вызывает у тебя большие опасения, чем Мадара, то, значит, я просто не все понимаю. Или не осознаю масштабов его силы, все-таки лично я его не видела. Гм. Раз он так тебя беспокоит, то придется все же вызывать Ханню.

Н-да. Ханню — киджо памяти умерших. С помощью этого демона Узумаки можно вернуть в этот мир души умерших и память погибших людей. Только вот проблема: чтобы получить ответы, нужно знать правильные вопросы. А про того же монаха я даже не знаю, что спрашивать. Как заставить существо, мыслящее совершенно не человеческими порядками, раздобыть мне сведения о конкретном человеке? Тут бы пригодилась хотя бы ДНК подельников того монаха или его жертв. Может, и имен хватит, но я что-то сомневаюсь.

— В следующий раз попробуем этот призыв, — ответил я Мицуко. — Он опаснее Хашихиме, так что потребуется более тщательная подготовка.

Может, если не о монахе, то о кое-ком другом этот демон мне расскажет. Потому что, хотя сила встретившегося мне шиноби и его способности меня беспокоят, но Хашихиме я призывал в основном по другому поводу. Да, монах владеет странными черными стержнями, что наводит на мысли о риннегане в частности и связи с Ооцуцуки в целом. Он может быть опасен, так как мне неизвестны его цели и мотивы, и он также интересен в качестве материала для изучения. Но у меня такой материал имеется прямо под рукой — я сам.

Я рассчитывал, что смогу добиться от Хашихиме озвучивания причин ее поведения при моем появлении при разделении Курамы. Однако ничего дельного озвучить она в состоянии не была, единственное, чего удалось добиться — эта та песня. И все. Это печалит, но что поделывать? Демонолог я, в отличие от некроманта, пока что начинающий.

Вот, казалось бы, один поклон, а как у меня от него голова болит. Из-за того поклона. Из-за Косенджина, еще одного демона Узумаки, призыв которого впервые за многие столетия начал давать какой-то эффект. Из-за явных параллелей, которые проводятся между

Рюджином и Косенджином. Я абсолютно не понимаю, что происходит и почему это касается меня. И это раздражает.

— Ладно, — хлопнув в ладоши и отбрасывая лишние мысли, решительно произнес я. — На данный момент есть более срочные дела, требующие моего внимания. Я смотрю, ты сильно устала?

— Перед началом штормов Кири особенно активны, — посетовала Мицуко, удрученно покачав головой. — Близится зима и у их сил на материке серьезно усложнится снабжение. Сейчас они активно укрепляются на занятых позициях, это сопровождается массовым террором, с целью подчинения местного населения. Фуражиры снуют по всей Стране Горячих Источников, отлавливать их проблематично. Ко всему прочему, еще и дайме этого государства погиб. Наверняка это дело рук Кири, но некоторые считают, что к этому могли приложить руку и мы с целью захвата земель.

Как ни странно, но в какой-то мере верны были оба варианта. Дайме был убит группой Киригакуре, но в ней состоял и мой клон, Кёда. Мешать той операции Тумана я не стал, так как правитель Страны Горячих Источников, который также входил в число потребителей моего лекарства для омоложения, оказывается, в итоге загорелся идеей бессмертия и спелся с культом Джашина. Так как в последнее время джашиниты часто действуют в связке с киридинами, были основания предполагать, что вскоре дайме начнет работать с Туманом. Это было мне совсем не с руки, пришлось слить Киригакуре дезинформацию, которая подвигла их на операцию по устранению правителя.

— Ситуация с беженцами? — задал я наиболее тревожащий сейчас вопрос.

— Их проверка идет небыстро, поймали несколько диверсантов Тумана среди них, но могли пропустить шпионов, не имеющих ярко выраженных способностей. Если интересно, как проходит их распределение, то лучше спроси Кейдзан-сана. Кажется, пока все спокойно, но запасов провианта, если не повезет с погодой и поток людей не убудет, может и не хватить. Тем более что фуражиры Кири умудрились захватить и ограбить несколько зернохранилищ на подконтрольной нам территории.

— Мы не Страна Воды, рабочие руки нам лишними не будут, — заметил я. — Хотя с провиантом, конечно, могут быть проблемы.

Сейчас с продовольствием вообще не очень хорошо на всем восточном побережье. Добрая половина рациона местного населения — это морепродукты, а их добыча из-за войны осложнена. Я, конечно, сговорился с Коме-дза насчет поставок в Страну Горячих Источников с юга Страны Огня, из провинции Хоно, но после рождения у дайме очередного сына от наложницы и ссылки официальной жены, дочери южного мураджи, к ее отцу с торговлей там определенные проблемы. Владелец префектуры посмел высказать негодование любвеобильностью престарелого дайме, тот в ответ увеличил повинность своего вассала, принудив того отправлять больше зерна в столицу, мотивируя это военными нуждами. В общем, идет вполне себе нормальный внутривосточный процесс, который может помешать уже мне.

Все-таки изначальные мои планы по срабатыванию всех Великих держав между собой в безопасном отдалении от Стран Звука и Песка были значительно безопаснее того, что получилось сейчас. Но я слишком недооценил выросшую мощь Страны Земли, недооценил проблемы Сунагакуре с дайме Страны Ветра, не мог предвидеть внутренние проблемы Страны Огня, поэтому пришлось планы изменить. Конечно, в случае успеха Страна Звука получит больше, но и риски возрастают.

Кстати, говоря о рисках.

— Хорошо, на эту тему я переговорю с Кейдзаном, — отстранившись от перил энгавы, согласился я. — Тебе стоит отдохнуть, война войной, но не забывай, что ты не из железа.

— Кто бы говорил, Чи-тян, — неодобрительно посмотрела на меня снизу вверх Мицуко. — Ты же собираешься участвовать в операции Фума?

— Да.

— Ты же понимаешь, что там, — Мицуко махнула рукой в сторону юга, — организуют на тебя покушение. Им нужно выманить тебя из Страны Звука на свою территорию.

— Прекрасно понимаю.

— Это не простая прогулка, — сердито нахмурившись, сказала женщина. — Эти шиноби готовились к нападению на тебя. Там тебя ждет реальная опасность.

— Вот именно, — хмыкнув, ответил я. — Она меня ждет, а я не люблю заставлять себя ждать. Не переживай обо мне, ты прекрасно знаешь, что для меня угрозы там нет.

— Если ты про своих клонов, то да, я знаю. Но привыкла доверять проверенным техникам, — недовольно буркнула Мицуко.

— Все будет хорошо, — обняв женщину, заверил я.

Каждый раз убедить ее отпустить меня на потенциально опасные миссии все так же сложно. Что в детстве, что сейчас. Мать, какими бы сложными не были отношения между ней и рожденным ею ребенком, всегда остается матерью.

Все-таки распрощавшись с Мицуко, я отправился ко входу в храм. Комплекс культовых построек в самой Отогакуре был невелик, так как совсем рядом на Кумотори имелся полноценный, можно сказать, монастырь, жилище самой Отохиме. Но все-таки и в поселении требовался достаточно значимый культовый объект, все-таки военизированное поселение, и идеологически это правильно. В общем, несмотря на скромные размеры самого храма, прилегающая территория у него была обширная, на которой имелся и сад, которым я любовался с энгавы, и площадь, к которой я сейчас направлялся. Там меня ждал Котоширо, с помощью которого я планировал перебраться к месту проведения операции. Что ни говори, а *Хирайшин* все же максимально удобный способ перемещения из доступных мне.

Узумаки нашелся у памятного монумента, посвященного погибшим воинам Страны Звука. С момента основания Отогакуре таковых, к сожалению, уже успело появиться слишком много на мой взгляд. Находился этот монумент в виде гранитной плиты под крышей деревянного павильона, и рядом с ним были еще несколько аналогичных памятников, посвященных погибшим шиноби разных кланов Скрытого Звука до их присоединения к какурезато. Думаю, как раз один из них привлек Котоширо. Точнее, того, кто маячил рядом с ним.

В этом храме, среди прочих кланов, была также увековечена память Узумаки, среди которых, естественно, были и погибшие при штурме Узушиогакуре. Далекое не все они нашли нормальное упокоение, Узумаки не смогли вернуться на родину, даже чтобы похоронить погибших, а победители просто скидывали тела на корм рыбам.

Несмотря на приближение к монументам, запечатлевшим не самые радостные события, на моих губах невольно растянулась ухмылка. Кажется, ни Котоширо, ни его спутницы меня пока не заметили. Подавив движение чакры в теле и скрыв свое присутствие, я тихо зашагал к группе Узумаки. Увлеченные разговором, они меня даже не заметили, пока я не оказался прямо за их спинами и моя ладонь со звонким шлепком не опустилась на задницу одной из спутниц Котоширо.

— Вражеский шпион в деревне, Котоширо, — строго произнес я, игнорируя возмущенные крики девушки, испуганно схватившейся за свою пятую точку, по которой и прошелся удар. — Почему он еще на свободе?

— Он был под наблюдением, Рюджин-сама, — спокойно ответил Котоширо. — Ситуация под контролем.

— Хорошо, если так, — благосклонно кивнул я.

— Я не шпион, знаешь ли! — смогла, наконец, членораздельно произнести Кушина. — И тем более не вражеский! Наши деревни сейчас не воюют!

Да, монумент Узумаки сегодня решила посетить Кушина. Не одна, конечно же, ее сопровождала ее подруга, Каяно, со своим полуторогодовалым сыном. Да и сама Кушина, насколько я видел, явилась не лично, а лишь в виде теневого клона.

— Совершенно верно, сейчас не воюют. А что будет потом, никто не знает.

— Простите, Рюджин-сама, — растерянно извинилась Каяне, склоняясь в поклоне. — Я не знала, что Кушину нельзя водить по деревне. В прошлый раз вы не возражали.

— Да брось, я просто шучу. Если бы я был против появления здесь Кушины, то она была бы давно поймана. Так что пусть развлекается, — покровительственно разрешил я, вытянувшейся рукой притянув к себе куноичи Конохи и крепко прижав к себе. — В конце концов, она же мне почти как дочь. До сих пор помню, как они с Сорой ловили каппу в Конохе.

— Эй! — возмущенно пыхтя мне в кимоно и стуча мне по груди кулаком, воскликнула Кушина. — Откуда ты... А! Это Сора все рассказала?! Предательница!

— Каппу? — удивленно спросила Каяно, растеряно глядя то на меня, то на Гурен.

— Кушина принимала за капп жаб с Мьебокузана, — пояснил я, отпуская из объятий покрасневшую от стыда и возмущения Кушину. — Они иногда появляются в Конохе через Эншинсуи, чтобы пополнять запасы. Те из них, кто помельче, конечно. Джирайя как-то рассказывал, что одно время у малышни Мьебокузана было развлечение — в прятки играть с Кушиной. Им нравилось, как она себя дурочкой выставляет каждый раз.

— Просто никто их больше не ощущал, — расстроено буркнула Кушина в ответ. — А я могла, знаешь ли! И кто дурак в итоге? Уж точно не я! Да и ты сам-то! Вот посмотри, — обличающе ткнув пальцем в памятную плиту, точнее, на покоящийся у ее подножия на подставке массивный шелковый свиток, произнесла Кушина, — у тебя все записи на этой вашей абракадабре! Смотри, скоро никто даже слоговую письменность не будет знать. И уж тем более иероглифы! Вот где дураки-то вырастут, знаешь ли!

— Сказала куноичи, которая вторую тысячу иероглифов выучила только в пятнадцать лет, — рассмеялся я в ответ.

— Неправда это, — быстро огрызнулась Кушина, еще больше покраснев и отведя взгляд в сторону.

На самом деле, эти иероглифы — та еще проблема. Выучить их далеко не всякий человек способен и не у всех на это есть время, а для государства грамотные люди нужны. Кроме иероглифической письменности, которая имеет свои отличия в разных регионах, странами также используются свои слоговые алфавиты, но они тоже не так просты да еще и, как правило, в нескольких вариантах для разных случаев жизни. Вот я и ввел в Стране Звука новый алфавит, более мне привычный. Это и скорость обучения гражданских увеличило, и упростило написание заимствованных слов. Теперь имя Сальма можно нормально записать хотя бы, а не коверкать его до Сераму.

Хотя для шиноби изучение иероглифов все еще обязательно, так как это развивает их память и, следовательно, духовную энергию. Так что Кушина приврала, сказав, что в Отогакуре везде все записано новым алфавитом. Как раз в свитке, на который она указывала и в котором были записаны имена погибших шиноби, имелись и иероглифы, которые просто дублировали дополнительные знаки для удобства прочтения.

— Если это неправда, то выучить всего-то с четыре десятка знаков тебе тоже не составит труда, — заметил я. — Стоит этим заняться. Глядишь, в будущем пригодится. Вообще-то, если ты не в курсе, даже в Стране Огня уже многие используют эту, как ты выразилась, абракадабру, знаешь ли.

В конце концов, вместе с Рюджинкё постепенно новый алфавит распространяется на все большей территории. Учение Рюджина обычно хорошо укореняется в крестьянской среде, которое массовое традиционное обучение себе позволить не может, в лучшем случае община скидывается на обучение пары-тройки талантливых детей, если не повезло найти монаха в качестве учителя. С новой письменностью процесс обучения упрощается, это помогает и с усвоением немногочисленных текстов Рюджинкё, и с распространением новой культуры.

— Конечно, выучить будет несложно, — уклончиво ответила Кушина. — Только времени нет на это. Миссии, знаешь ли...

— Так ты сейчас тоже на миссии, значит. Шпионишь?

— Да нет же! У меня отдых, знаешь ли. На южные границы с севера перевели недавно. Здесь бои редки, сюда всех отправляют перед отдыхом в Конохе.

— И ты решила, раз уж тут недалеко, к родственникам заскочить? А охрана границ как же?

— Да ну. Что там на этой границе? Только нукенины иногда встречаются, дезертиры всякие. Мелочь. Если потрачу чакру на одного клона, никто и не заметит.

На самом деле, так и есть, Киригакуре пока не имеет возможности организовать крупные операции против Страны Огня, так что сюда и в самом деле отправляют шиноби с фронта для отдыха. Ротация необходима, так как долгое пребывание в стрессовой обстановке ослабляет внимание шиноби и их чувство самосохранения. Это я и по себе знаю: образно говоря, в первый месяц на фронте шарахаешься от каждого шороха, во второй уже не дергаешься от взрывов. Естественно, без ротации смертность ниндзя увеличивается.

Надеюсь, Хирузен по достоинству оценит мои труды, благодаря которым он может позволить своим шиноби отдых. Хотя, наверное, надежда эта напрасна.

— Ну, смотри, не перетрудись. Долго делить сознание на несколько клонов вредит здоровью, — похлопав Кушину по макушке, наставительно произнес я. — А пока я должен забрать у вас Котоширо на полчаса-час.

— Эй, я уже не маленькая, знаешь ли, — недовольно воскликнула Кушина, уворачиваясь от моей руки. — А куда ты хочешь его забрать? Мы с Каяне хотели еще в Отомуру с ним отправиться.

— Эксплуатируете родственника? — я неодобрительно покачал головой.

— Уж кто бы говорил! — не замедлила ответить Кушина, я же краем глаза поймал на себе взгляд Котоширо, в котором так же читались примерно те же мотивы.

— Я эксплуатирую по делу, — заметил я, поймав взглядом маячивших недалеко мико и монахов из клана Ибури и махнув им рукой, подзывая к себе. — Кстати, Кушина, если хочешь, можешь отправиться с нами.

— Куда это? — не горя желанием, поинтересовалась девушка.

— Учиться, — хмыкнув ответил я.

— Чему? — любопытствовала Кушина.

— Тому, как не надо устраивать на меня покушения, — дождавшись, пока приблизятся Ибури, озвучил я ответ. — Не все ж тебе на своих ошибках учиться. Поучишься и на чужих.

— Тебя собираются убить? — посерьезнев, уточнила Гурен.

— Давно минуло то время, когда меня кто-то не собирался убить, — невесело пошутил я.

Не знаю, насколько это можно считать достижением, но я включен в Техаишо Ивы, Конохи, Кири, Таки, Джоме, Иши, Суги и Юме. И, конечно же, в Техаишо черного рынка. Причем я могу понять, почему я в розыске у Листа и Тумана. Понимаю, за что включен в Техаишо Камня, Водопада и черного рынка. Но чем я не угодил селениям Ключей, Камней, Кедров и Снов, так и не понятно, да и разбираться мотивов не было. Кстати, Суна и Кумо из своих Книг розыска меня исключили лишь недавно. Однако даже так за мою голову можно получить кругленькую сумму. Иногда даже посещает мысль сдать им основное тело, чтобы сорвать этот куш, но пока оставил эту идею до худших времен, когда срочно понадобятся ликвидные средства. К тому же, глядишь, к тому времени ставки еще подрастут. Но пока и без меня хватает желающих получить, как им кажется, легких денег.

— Хорошо, я иду, — решительно высказалась Кушина.

— Серьезно? — удивленно вскинул я бровь.

— Ты спас мою жизнь, я помогу тебе сохранить свою, — гордо заявила Гурен.

— Подумаешь, мелочь какая.

— Моя жизнь — не мелочь! — обиженно нахмурилась девушка.

— Ладно, ладно. Тогда пойдём, — подумав, согласился я.

Не отказывать же теперь, если уж пригласил, пусть и в шутку.

— Готта, — обратился к одному из Ибури, — принеси быстрее маску для Кушины-тян.

Вон, ларек с сувенирами.

— Есть!

— Кушина, — повернулся я девушке, которая округлившимися глазами наблюдала за тем, как Ибури превратился в облако дыма и стремительным потоком умчался выполнять задание, — пока сними протектор деревни. Форма твоя сойдет за форму Отогакуре, на ней только камоны клана Узумаки, но протектор-то коноховский. И приглуши чакру, на всякий случай. Вдруг от нас кто-то уйдет живым.

— Хорошо, — тряхнув головой, ответила Кушина.

Секунд через десять мы были уже очень далеко от Отогакуре. Котоширо пришлось использовать несколько прыжков, чтобы доставить нас в нужное место. С помощью *Тенсо* можно было добраться быстрее и одним скачком, но я после этой техники трачу много чакры на восстановление тела. Да и Ибури тоже переносят ее не без последствий, хотя их геном позволяет легко переносить физические нагрузки и повреждения.

— Где это мы? — настороженно оглядываясь, спросила Кушина, поправляя лисью маску на лице.

— Чихаякасака, — получила она от меня ответ. — Деревня на Акаю.

— Знаю. Наш лагерь тут в паре дней пути южнее.

— Какое совпадение.

— Какой у нас план? — проигнорировала мой комментарий Кушина.

— Идем в селение и убиваем противников.

— Гениально.

— Это же мой план, конечно, он гениален, — словно не заметив иронии в голосе Кушины, сказал я. — Идем.

Деревня с длинноватым для своего размера названием встретила нас тишиной и туманом. Туман поднимался от образовавшегося на старице Акаю затона, возле которого и был выстроен поселок. Это был самый северный пункт на торговом пути на этой реке, именно здесь бурная горная река немного смирляла свой нрав и становилась судоходной. И здесь как раз на те самые суда грузили товары. В общем, условия для поселка прекрасные, только вот местность опасная, Чихаяакасаку с периодичностью раз в несколько лет приходилось отстраивать заново из-за землетрясений и нападений всякого сброда.

И в этот раз, похоже, история имела все шансы повториться. Преодолев вывороченные ворота в окружающем деревню частокоче, мы попали в пределы селения. И в нос тут же ударил ранее относимый ветром запах гари и крови.

— Нукенины, — сквозь зубы процедила Кушина, окинув взглядом выглядывающие из тумана все еще тлеющие остовы построек.

Тут явно поработали Катонем. Картина для меня ожидаемая, так что удивления не вызвала. Осмотревшись по сторонам кецурьюганом, я просто кивнул сам себе и зашагал дальше.

— Как этих ублюдков земля только держит, — тем временем ворчала Кушина по правую руку от меня. — Они же сожгли людей заживо! В их же домах!

— Чтобы избавляться от такого мусора, у земли есть мы, — окинув безразличным взглядом обугленные тела, ответил я. — Виновные понесут наказание, это неизбежно.

— Хотелось бы верить в твои слова.

— Верь в меня, а не мои слова, — коротко ответил я.

На Кушину я отвлекался мало, больше интересно мне было, насколько близко к затону мне позволят подойти затаившиеся шиноби. От этого многое зависело.

— Зачем им было вообще нападать на людей? — не унималась Кушина.

— Им нужен горючий газ. Сегодня должна была прийти большая партия баллонов газа, по реке их сплавляют на юг Страны Огня. Но Стране Воды газ тоже нужен, а с началом войны я, естественно, его им не поставляю.

— Только из-за газа? Его можно было просто отнять силой, без смертей.

— Можно было. Но не все считают это достаточно веселым делом.

— Ублюдки!

На самом деле, людей убивали еще и чтобы наверняка выманить меня. Я давно уже показал, что при нападении на последователей Рюджинкё часто являюсь разбираться с зазнавшимися шиноби лично.

До затона мне, кстати, добраться не дали. Напали на нас примерно на середине пути, на улице, дома которой были, наверное, нарочно сметены до основания, чтобы освободить пространство для маневра. И напали сверху.

Я честно не ожидал, что они додумаются до этого, но все же они смогли. Похоже, среди нападавших нашелся кто-то со Стихией Лавы, чтобы создать достаточное количество каучуковых баллонов, которые заправили водородом, чтобы подняться в воздух. Хорошая идея, немногие сенсоры могут найти противника в воздухе, Хьюга разве что с их круговым обзором. Даже Чиноике вверх смотрят редко, особенно после уничтожения Страны Неба.

К несчастью для нападавших, я помнил еще Вторую мировую и ее южный фронт, когда Анкор Вантиан выжигал землю Страны Огня с небес. Висящих в воздухе на шарах с водородом шиноби я заметил еще издали, потому, ощутив через природную энергию ускорившийся в них ток чакры, не замедлил с ответной техникой.

Хлопок ладоней сотряс воздух, небеса разразились оглушающим громом, ударные волны начали распространяться по земле, входя в резонанс с породой, разрывая почву и глину в мелкий песок. Расширенная по площади техника *Хататагами* не могла причинить большой урон шиноби, разве что вызвать звон в ушах и легкую дезориентацию, но я и не ставил целью атаковать ею людей, иначе первыми под удар попали бы мои спутники. Дзюцу Футона отлично справлялось с более прозаичной задачей: от него лопались наполненные водородом резиновые шары и оно же заставляло выбраться из земли спрятавшихся там шиноби.

С криками и матом на землю, вместо дождя, после удара грома начали сыпаться шиноби. Они же выбирались из растрескавшейся земли. Их тут, в общей сложности, набралось человек пятьсот. По моим данным, это несколько кланов Югакуре, принявших сторону Кири, несколько групп йохей-ниндзя и нукенинов. Руководили ими джонины Кири.

О готовящемся нападении я знал давно, но не знал, где и когда оно планируется и какими точно силами. Так что пришлось приготовить несколько приманок, которые могли показаться противнику удобными для покушения на мою жизнь. Одна из них — Чихаякасака. И, раз они клюнули на мою удочку, шансов у шиноби не было. Некоторые из них только начинали создавать новые техники, направленные на меня, когда удар *Хататагами* докатился до затона.

Звуковая волна нырнула в воду, разбивая ее в пыль, поднимая в воздух новую порцию молочно-белого тумана. Но, главное, она прокатилась по дну затона, разбивая захороненные у пристаней баллоны с водородом. Забурлившая поверхность воды исторгла из себя кубометры горючего газа, который стремительно вытекал из разрушающихся ёмкостей и смешивался с кислородом воздуха.

Враги со своей гениальной идеей использовать воздушные шары сами упростили мне работу. К счастью, их наполненные водородом шары находились не так высоко над землей, и газ не успел развеяться, уловить хотя бы его часть было возможно. После этого достаточно было одной искры, чтобы все вокруг объяло жаркое пламя.

Рев огня ударил по ушам, короткое и точное движение рук направило чакру и природную энергию в яростную стихию, придавая ей форму. Языки пламени начали клубиться и стремительно сжиматься в плотные комки плазмы, после чего сотни завывающих демонических шаров устремились к своим целям.

Крики боли сжигаемых заживо шиноби утонули в треске пламени, которым занялись уже их собственные тела. Некоторые ниндзя пытались было бежать, но в их ноги мертвецкой хваткой впились обугленные руки. Те самые люди, о которых переживала Кушина, считая их сожженными заживо в собственных домах, уже давно не были живы. Эти свежие трупы были подняты только для имитации жизни в деревне, чтобы не спугнуть шиноби. И сейчас они помогли их уничтожить.

Всего через несколько секунд все было кончено. Сила собранного и сконцентрированного из воспламенившихся сотен кубометров водорода пламени оказалась достаточной, чтобы разобраться с не самыми квалифицированными чунинами и несколькими десятками джонинов, а где не справилась техника — помогли Ибури. Некоторых шиноби впившиеся в них шары пламени прогрели настолько, что собственный

жир в их телах и костях занялся пламенем, которое так же продолжало разгораться, повинуюсь влитой в стихию моей воле и природной энергии, отчего тела теперь выпускали в воздух удушливый чад.

Во вновь наступившей мертвенной тишине особенно ярко прозвучали слова песни, которую начали зачитывать мико, словно эпитафию над умершими (<https://youtu.be/Kqoz9kVz24>):

Крутись, крутись, кругом повернись,
Водяное колесо, кругом повернись!
Повернись и Солнце-сама позови!
Повернись и Солнце-сама позови!

Мотив песни был совершенно тот же, что и у услышанной мною из уст Хашихиме. Как я и говорил, похожие песни используются в каноне Рюджинкё, так как учение вобрало многое из местных традиций, чтобы не стать чем-то совершенно чужеродным для населения.

Птицы, звери и жуки,
Древа да цветы,
Весну, лето, осень, зиму приведите вы!
Весну, лето, осень, зиму приведите вы!
Крутись, крутись, кругом повернись,
Водяное колесо, кругом повернись!
Повернись и Солнце-сама позови!
Повернись и Солнце-сама позови!
Птицы, звери и жуки,
Древа да цветы,
Цветут, плоды дают и увядают,
Рождаются, растут и умирают.
Шелестит ветер, падает дождь, толкает вода колесо,
Жизни избавление придет в свой черед,
Жизни избавление придет в свой черед.

После окончания песни обволакивающую из-за тумана тишину нарушал только треск пламени на телах людей. Кецурьюган позволил обнаружить еще нескольких живых шиноби, но опасности они не представляли. Раз живы, значит, достаточно сильны. А раз сильны, значит, могут поведать мне что-нибудь интересное. Добивать пока не стоит.

— Да будет так, — кивнув самому себе, произнес я, снова хлопнув в ладоши и заставляя пляшущее на трупах пламя взмыть над телами и растаять в воздухе, а то чад горелой плоти не очень-то приятен. — Вот так, Гурен, на меня покушения устраивать тоже не стоит. В этот раз учись на чужом примере, а не на своем.

— Я поняла, — сглотнув под маской, глухо ответила она из-под лисьей маски. — Я теперь постараюсь всегда учиться только на чужих ошибках.

Глава 42. Взрослые дела

31 октября 47 года от начала Эпохи Какурезато

— Рюсей Орочимару-сан, — предельно официально обратилась ко мне Кушина, даже изобразив поклон, — прошу, обучите меня сендзюцу!

— Отстань.

— Ну, Орочимару!

— До чего настырные и бесхитростные шпионы нынче пошли, — неодобрительно покачав головой, обратился я к Кьюби, сегодня сопровождающему меня. — Уже не стесняются прямо в лицо требовать выдать им секретные техники.

— Я не шпион, знаешь ли! — обиженно нахмурилась Кушина.

— Ну, конечно, конечно, — погладив девушку по голове, согласился я. — Ты просто надоедливый ребенок.

— Я не ребенок, знаешь ли!!! — еще больше возмутилась Кушина, отшатнувшись от меня и отмахиваясь от моей руки.

— А вот с этим я соглашусь только тогда, когда ты перестанешь выкрикивать странные фразы при разговоре на повышенных тонах.

— Я ничего не выкрикиваю, зна!.. — запальчиво начала было говорить Кушина, но успела прикусить себе язык, сердито исправившись: — Ничего я не выкрикиваю, Орочимару.

— Угу, оно и видно, — уже начав уставать от девушки, со вздохом произнес я. — Ладно, Кушина. Мой тебе совет, если тебя так впечатлила моя техника с использованием сендзюцу, то проси научить тебя поглощению и управлению природной энергией Джирайю. Или Цунаде, у нее дед успешно пользовался сендзюцу. А меня донимать прекращай, я слишком занят, чтобы сейчас заниматься с детишками.

— Я. Не. Ребенок! Гр!

Кушина и в самом деле едва не перешла на рык. На покрасневшем от злости лице серая сталь глаз девушки на мгновение сверкнула алым демоническим блеском. Яркие и длинные волосы Узумаки заметно всколыхнулись, норовя выбиться из прически и начать хлестать землю, обратившись в тугие хлысты. Нет, у нее определенно в предках затесался кто-то из клана Хагоромо.

— По годам — да, уже выросла, — хмыкнув, ответил я. — Но по поведению... Я и Джирайя к твоим годам уже владели сендзюцу. У нас уже были прославившиеся ученики. Твой дружок, Минато, кстати, тоже преуспел в обоих этих направлениях. А чем занималась все это время ты? Ох, ладно, Кушина, можешь не отвечать. Мне пора. Взрослые дела, знаешь ли.

— Орочимару!!!

Дослушивать возмущенные крики Гурен я нужным не счел, быстро переместив себя и счастливо наблюдающего за гневающейся Кушиной Кураму из Отогакуре в Отомуру. Естественно, использовав при этом *Тенсо*.

— А вот об этом можно было и предупредить, — недовольно смахнув растрепавшиеся ярко-рыжие волосы с плеч, которые быстро сплетались из серых прядей дыма, произнес Курама в облике мико. — Эти ваши человеческие кеккей генкай мне непривычны, знаешь ли.

— Лишний повод закрепить на практике навыки, которые позволят тебе сохранить свое

прелестное тельце невредимым, знаешь ли, — фыркнув, ответил я Кьюби. — И давай уже забудем про «знаешь ли». За последние пару дней меня эта фраза начала порядком раздражать.

— А теперь представь, каково мне, — слетели с розовых губ тоскливые слова. — Даже сейчас, почти не пробуждая ту часть сознания, которая покоится в печати, я все равно не могу отделаться от чувства постоянного присутствия рядом этой занозы.

— Так почему ты еще не приступил к ее перевоспитанию? — поинтересовался я, сходя со специальной платформы в храме Отомуры, приспособленной для перемещения на нее с помощью *Тенсо*. — У тебя есть практически неограниченный потенциал по воспитанию данного конкретного человека. Потренируйся на нем, чтобы потом было проще управлять другими людьми.

— О! А это может быть интересным, — прикусив губу белым клыком в предвкушении, произнес биджу, почему-то при этом стрельнув в мою сторону хитрым взглядом.

Разбираться с пришедшими на ум этому чудовищу в человеческом обличье мыслями я в тот момент не стал, так как к нам торопились служители храма. Начались те самые взрослые дела. Но, в любом случае, Кураме, скорее всего, в голову взбрела какая-то очередная дурь. На удивление, несмотря на громадную разницу в возрасте, иногда Кьюби действует под стать своему джинчурики. Два сапога пара.

Следующие пару часов мне пришлось потратить на Джимму и Касуми, двоих Ибури, которые осуществляли управление всей деятельностью сангхи Рюджинкё. Обычно их работу и вообще все религиозное направление курировала Отохиме, мой прототип автономных клонов. Но дело в том, что она все же прототип и не полноценный клон. Иногда это хорошо, отнимает меньше сил на поддержание, но иногда и доставляет неудобства, все-таки Отохиме куда более самостоятельна, чем простой клон. Все же это человек со своей душой, физическое сознание которого тесно сопряжено с моим. К тому же, сейчас у нее масса иных, более важных дел.

В общем, из-за этого не все и не всегда у Отохиме получается так, как я того хотел. Иногда это к лучшему, иногда нет. А в новых условиях бросать на самотек Рюджинкё, как ранее, уже стало слишком недальновидно.

В Стране Огня развернул активную деятельность Бансай. У этого монаха оказался неплохо подвешен язык, это было понятно еще во время нескольких моих бесед с ним, которые удалось провести, пока он находился в Отомуре. Но еще он хорошо разбирался в тонкостях учения монастырей ниндзя, что позволило ему сейчас вести за собой других монахов. Фактически, на днях они заселили один из малых храмов на севере Страны Огня, став официальным центром Рюджинкё. Это в целом укрепило учение на западе, но помимо этого Бансай невольно вывел Волю Дракона на новый уровень.

Дело в том, что Рюджинкё быстро подхватывало сельское население, среди которого распространены традиционные, основанные на анимистических верованиях или подобные даосизму, культы. Воля Дракона хорошо принималась крестьянами и низшими сословиями из-за своей доступности. Но вот городское население и знать были склонны к местному подобию буддизма, священству которого работать не полагалось, поэтому им просто необходимы были экономические условия, в которых можно развивать свой культ. Нинтера, храмы ниндзя, были чем-то средним, результатом синкретизма анимизма селян и религии городов. И храм Бансая, Хо но Тайша, расположенный в пределах одного из городов, стал мостиком к новым слоям населения для Воли Дракона. Такую возможность было упускать

нельзя, поэтому это требовало моего внимания.

Кроме того, сейчас начались массовые миграции людей, а это влечет не только продовольственные проблемы, но и культурные. Увеличение количества рабочей силы для Страны Звука желательно, но людей нужно интегрировать в общество, избежав национальных, расовых и даже видовых конфликтов. Все же, несмотря на удивительную гомогенность человеческой популяции на материке, встречаются среди них и очень сильно выделяющиеся группы. Что и говорить, если некоторые линии вообще ведут свое начало не совсем от людей. И более того, кроме, собственно, человечества, в этом мире есть и иные разумные виды.

Кошачье племя Кайбье Ясунеко переселилось на территорию Страны Звука, и не все его члены были воинами, которых можно было включить в армию более, чем прочий люд, привычных к разумным животным шиноби. Гражданским кошкам в моей стране тоже дело нашлось, но чтобы простые крестьяне и горожане таких соотечественников приняли, пришлось поработать священнослужителям — единственному развитому на данный момент рупору пропаганды. Собственно, на них же лежала ответственность и по интеграции животных в человеческое общество.

Это, должен я признать, работа сложная. Особенно в военное время. Или, лучше сказать, даже в военное время? Тут тоже определенности нет, так как война все усложняет, но также позволяет решать возникающие проблемы, рубя с плеча. Тем более, что помимо кошек, в Страну Звука начали едва ли не массово мигрировать животные из диких областей Страны Железа. Да даже из Страны Земли прибыл клан лис. И еще можно вспомнить прс порталы в Рьучидо, которые установлены в паре посёлков и которые являются аналогом Эншинсуи в Конохе и Мьебокузане. Змеи, кроме троицы нахлебниц, в Стране Звука не постоянные жители, но гости все-таки уже частые.

Столкновение столь разных культур и неспособность их усвоить рушила империи, а моя страна пока даже не выросла до статуса полноценной великой державы.

— И как обычно Касуми с Джимму на пару вымотали меня на весь день вперед, — посетовал я Кураме, наконец, вырвавшись из стен здания на свежий воздух.

— А ты очень слаб для бога-то, — слетело с губ Кьюби ехидное замечание.

— Чтобы заставить пожалеть о своих словах одну зазнавшуюся лису, моих сил хватит, — небрежно бросил я в ответ. — Идем дальше, мы в Отомуру, вообще-то, не за этим прибыли.

— Да-да, просто походя нашли себе работу. Как всегда.

Кураме я ничего не ответил, неспешно вышагивая по мощеной камнем тропинке. Дни были коротки, на территории храма уже зажглись лампы, а на удивительно чистом для этого времени года небе сияла луна. Было достаточно светло, чтобы не мешкать и быстро переместиться шуншином ко дворцу дайме, благо он рядом, но хотелось немного развеяться и обдумать ряд мыслей, пришедших в голову во время общения с иерархами Рюджинкё.

На самом деле, вся эта культурная интервенция, если посмотреть на нее под определенным углом, очень похожа на гендзюцу. Рюджинкё сейчас в первую очередь должно захватывать умы, объединяя людей, заставляя их следовать общей цели, размывая различия и создавая новое общество. Учение походило на гендзюцу, оно изменяло разум и мировоззрение, и оно практически самопроизвольно распространялось. Можно сказать — это сильнейшее гендзюцу, в котором просто нет чакры. А можно ли в него добавить чакру, создав полноценную иллюзию? Вообще, как мне кажется, моя духовная энергия, ее сила и

необычно большое количество уже оказывают влияние на распространение учения. Духовная энергия увеличивает мою способность убеждения, а так же позволяет лучше понимать чаяния людей, как бы дополняя технику телепатии. В конце концов, если есть тайдзюцу, которое использует исключительно физическую энергию, то почему не быть техникам, которые задействуют духовную энергию даже в большей степени, чем гендзюцу?

Яркий пример — сакки. Это чистое давление духовной энергии. Наверняка есть и иные способы применения этой силы. Та самая пресловутая нарутотерапия — чем не феномен использования духовной энергии? Люди с большими запасами чакры часто имеют хорошие лидерские качества, умеют доносить свои мысли и обращать на свою сторону людей. Хаширама, Джирайя, Хирузен, Наруто, Ханзо. Зависимость между объемами чакры и способностью влияния, похоже, не прямая. И, наверное, активная практика с гендзюцу и прочими Инь-направленными ниндзюцу как-то заставляет шиноби разучиваться прямому использованию духовной энергии, находя ей более практичное и явное применение.

Любопытная теория, при случае можно подкинуть ее умникам из лабораторий, пусть облекут ее в более понятную форму и поищут подтверждения, если таковые есть.

— Н-да, гендзюцу, — снова посмотрев на сияющий неполный диск Луны, пробормотал я.

С какой-то стороны План Глаза Луны может быть более эффективным и менее трудозатратным вариантом Рюджинкё.

В итоге во дворец я все же немного опоздал. Ожидающий меня в нем гость уже начинал излучать раздражение, когда я приблизился к отведенной для переговоров комнате. Однако стоило гвардейцу дайме отворить передо мною и Курамой дверь, а гостю — узреть нас, раздражение его быстро пропало, сменившись большим удивлением, если не шоком.

— Приветствую вас, Рюджин-сама, Курама-доно, — уважительно поклонившись после секунды замешательства, произнес гость.

Его спутники, шиноби и самурай, так же склонились в поклоне. Встреча проходила в зале, оформленном в классическом для местных стиле: татами на полу, а из мебели только низенький стол. Сидеть за ним предполагалось на полу. Гостей расположили согласно этикету — спиной к нише в стене, в которой стояли вазы с осенними цветами и висел свиток с каллиграфией. Достаточно почтительно для их уровня.

— Добрый вечер, Казахана Дото-сан, — тоже вежливо поздоровавшись, я направился к столу.

— Значит, встреча будет с вами, Рюджин-сама? — справившись с удивлением, мужчина снова нацепил на лицо хладнокровную маску, но я мог чувствовать все еще обуревающее его смятение. — Я не ожидал такого приема.

— Мне интересна причина вашего стремления встретиться с дайме Страны Звуча, — пояснил я, опускаясь на татами. — Страна Снега — это давний и важный партнер Ото. Я просил Кейдзана-доно предоставить мне честь встречи с вами, Казахана-сан.

Казахана Дото выглядел лет на двадцать. Молодой еще парень, но для своего возраста крепок. Угловатое лицо не делало его большим красавцем, но в нем чувствовалась воля. Интересный индивид. Младший брат нынешнего дайме Страны Снега, Сосецу. Как и Юки, обладает Хьётоном, но со своими особенностями. Ранее я смог добыть кеккей генкай рода Казахана, но вот лично ни с кем из них не встречался, хотя от Страны Снега мне нужен был не только геном их правящей семьи, но и технологии. Особенно сейчас они могли бы мне пригодиться.

И еще мне нужно уточнить кое-какую добытую разведкой информацию о продукции Страны Снега, заинтересовавшей, судя по догадкам моих шпионов, не так давно встретившегося мне монаха.

— Вряд ли я смогу оправдать ваш интерес, Рюджин-сама, — спокойно сказал Дото, смотря то на меня, то на усевшееся позади меня воплощение Курамы. — Я прибыл в Страну Звука лишь за одним — договориться о прямых поставках продовольствия. Торговцы в последние годы все реже водят свои суда на север, предпочитая более спокойные, выгодные и ближние маршруты.

— В этом году с продовольствием у многих стран могут возникнуть проблемы, — заметил я. — Война и голод — вечные спутницы. Хотя мне казалось, что Страна Снега имеет более-менее стабильную продовольственную базу.

— Отец и мой брат делали ставку на развитие технологий. Климат нашей страны позволяет эффективнее работать электрическим станциям, построенным по технологиям Страны Молнии, это позволяло развивать промышленность. И из-за этого уже несколько лет растет население городов. Теперь его уже не получается прокормить только ресурсами нашей страны.

Да уж, насколько я знаю, основной источник пропитания в Стране Снега — это рыба да олени. Вряд ли оленеводы в тундре могут резко увеличить свои стада, тундры все-таки очень скудны. Особенно в последние годы, когда в Стране Снега стало выпадать больше осадков, и традиционные уголья стали заболачиваться во время короткого полярного лета.

— Раз у вас есть дешевая энергия, стоило задуматься о строительстве каких-нибудь теплиц. Даже я это понимаю, — холодно произнес биджу за моим правым плечом.

— Она дешевая, но ее не так много. Останавливать те производства, которые сейчас есть, тоже необдуманно. Страна Снега не так богата, чтобы безболезненно это перенести. Точнее, она богата только своей промышленностью.

В чем-то Дото прав, конечно, многие технологии Страны Снега, благодаря которым ранее у нее был приличный доход, уже давно не секретны, что сказывается на наполнении казны сейчас. То же Кумо давно позаботилось о копировании важных разработок, но у северян все еще есть налаженные линии производств, что удешевляет цену конечного продукта. Тем более, климат им не только с энергией помогает, но и с местным аналогом микроэлектроники, так что у них ее банально дешевле производить. Только вот меня не устраивает, что многие развиваемые технологии Страны Звука зависят от зарубежных поставок. Наверняка так же, как и Страну Снега не устраивает их продовольственная зависимость. Это ведь можно как-то решить.

Именно этим я и собирался заняться. В Отогакуре предстояло еще многое модернизировать и создать. Нынешняя война показала, что армия Страны Звука еще очень далека от идеальной. И государству нужны даже не сами технологии, а специалисты. Желательно побольше, чтобы была возможность так же пополнить преподавательский штат в университетах. Естественно, такими людьми Страна Снега разбрасываться не могла, но данной проблеме Дото предложил очень неожиданное для меня решение.

— Значит, свадьба? — слабо улыбнувшись, переспросил я Казахана.

— У моего брата единственный ребенок, и та дочь, — не очень охотно развернул свою мысль Дото. — Он... Человек духовный и романтичный. Любовь к умершей жене не позволяет зачать наследника с другой женщиной. Учитывая положение при дворе, скорее всего, даже если Коюки в итоге сможет сохранить титул дайме и трон, то все равно

руководить страной будет поставленный при ней регент. Или муж. Я не считаю, что это пойдет на пользу стране.

— И вы предлагаете заключить брак между моим, гм... сыном и принцессой Коюки. В свете ваших слов, это не очень логично, Казахана-сан.

— Видя пример Страны Звука, я надеюсь, что ваши потомки будут также не склонны к мирской власти, Рюджин-сама.

— Вас не смущает, что моему сыну идет всего третий год?

— Это никогда не было проблемой при династических браках, — пожал плечами Дото. — К тому же ходят слухи, что ваши потомки чрезмерно развиты для своего возраста.

— Да, это же мои дети.

Внимательно посмотрев на собеседника, я невольно покачал головой. Дото явно рассказал не все. Не был откровенен полностью. Надеется, что мой «сын» не будет интересоваться мирской властью и роль регента отойдет ему? Рассчитывает на смерть своего брата? Несмотря на мое знание из прошлой жизни, сейчас в разуме младшего из братьев Казахана я не ощущаю откровенного негатива к старшему. Странно.

— Казахана-сан, не сочтите за грубость, но вы в курсе... сокровищ своего брата? — внимательно наблюдая за реакцией Дото.

С ответом Казахана замешкался, он облокотился о стол и, сжав кулаки, вперил взгляд в дерево столешницы. Несколько секунд он сосредоточенно перебирал в голове варианты ответов. Мысли текли настолько быстро и сумбурно, что мне становилось сложно отследить их направленность.

— Я знаю, что из государственной казны выводятся деньги на неизвестные проекты, которые курирует лично мой брат, — осторожно сказал Дото. — Я... Я интересовался этими проектами, но так и не смог узнать их сути. Стройка какого-то заурядного комплекса. Но теперь, когда вы сказали о сокровищах... Может, это сокровищница для хранения резервов перед грядущим кризисом. Но к чему вы спрашиваете меня про это?

— Мне было интересно, насколько вы интересуетесь этим проектом своего брата, — задумчиво ответил я. — И я сомневаюсь, что он принесет большую прибыль или хоть как-то облегчит судьбу Страны Снега. Ваш брат стремится создать установку, меняющую климат. Создать островок весны в царстве зимы. Небольшой. Размером с горную долину.

— О... О, боги! — устало уронив лицо в ладони, на выдохе произнес Дото. — Столько ресурсов! И ради одной долины?!

— Технология гораздо более совершенная, чем простые теплицы, — в защиту дайме сказал я. — Хотя, должно быть, затратная и не очень практичная.

Любопытно. Чувствуя эмоциональное состояние Дото, который, несмотря на практику с чакрой, не владеет методиками защиты сознания, я могу сказать, что его сердце искренне болит за свою родину. А если судить по интерпретации аниматоров в моем прошлом мире, то большей скотины, чем этот Дото, мир редко должен бы выдывать. Убийца собственного брата, деспот, захвативший власть в стране. Хотя, если подумать, то все складывается. У младшего из братьев Казахана, похоже, есть очень веские причины для свержения старшего, что он в будущем и сделал бы. Казахана Сотецу и в самом деле слишком духовный и романтический для правителя, если судить по словам Дото.

В следующие несколько минут он и его спутники вкратце поведали мне о возможной причине маниакального, иначе и не скажешь, желания нынешнего дайме создать кусочек весны в царстве снегов.

Коюки Казахана, дочь Сотецу, по всей видимости, больна. Судя по всему, какое-то генетическое заболевание, связанное с мутацией кеккей генкай. Он у рода Казахана и в самом деле отличается от такового у Юки. И, думаю, я даже могу предсказать несколько возможных причин болезни юной Коюки. Но дело в том, что блокировка кеккей генкай, его запечатывание, в целом решит все проблемы девушки. Даже простое запечатывание меридиан для лишения ее способности продуцировать чакру — уже поможет. Однако у отца девочки было иное мнение.

Не так давно в Стране Снега смогли создать зеркала, которые будто бы могли показать картины будущего. В них Сотецу увидел, что его дочь будет жива, здорова и сидеть на троне Страны Снега, но уже не в снежных угодьях севера, а среди цветущих лугов. Похоже, после этого что-то в его разуме перемкнуло, из-за чего он решил довести до ума свой чудо-проект климатической установки, невзирая ни на какие траты.

— Ну, столь преданная любовь к погибшей жене и дочери достойна уважения, — выслушав Дото, заметил я.

— Достойна! — пылко согласился со мной Казахана. — Достойна для обычного мужчины! Но мой брат — дайме! Страна — это не инструмент для воплощения его мечты!

Глубоко вздохнув, Дото попытался успокоиться.

— Простите мою несдержанность, Рюджин-сама, — после паузы произнес он.

— Ничего. Это помогло мне лучше узнать вас настоящего, а не будущего. И вы меня приятно удивили. Учитывая некоторые варианты будущего, мне казалось, что вы намереваетесь править страной лично, сместив своего брата, выдав свою племянницу моему сыну и став регентом. Но теперь я вижу, что ваши планы любопытнее. Вы видите, как Рюджинкё распространяется. И понимаете, что родство со мной может принести преференции стране в будущем. И даже настоящем. Страна Звука уже может пользоваться некоторыми привилегиями моего в ней обитания. Вы же рассчитываете на то, что в будущем Воля Дракона обретет большее влияние, и это поможет Стране Снега, которая имеет слишком мало преимуществ перед другими странами, — озвучил я выжимку из уловленных мыслей собеседника. — Конечно, ставка сомнительная, но в положении Страны Снега риск может быть оправдан.

Дото в ответ не сказал ни слова, ошарашенно переваривая мое высказывание. Его явно сильно возмущало мое предположение, что он мог покуситься на власть брата. Но его также страшило осознание того, что он был и в самом деле готов к этому. Где-то в глубине души, видя к чему ведет его страну Сотецу, он боялся, что в итоге и в самом деле решится сместить брата, просто убив его. Также Казахана был смущен тем, что его приземленные намерения относительно Рюджинкё были раскрыты мной, самим Рюджином. Откровенно говоря, он признавал мое могущество и влияние, он даже допускал наличие у меня сверхъестественных сил, но все же не признавал в качестве ками. Однако мои слова все равно выбили его из колеи. Признаваться перед лидером учения, что рассматриваешь его творение лишь как инструмент, горячо перед этим утверждая, что, например, страна и ее народ инструментом являться не может — это очень неловко. Пусть даже собственное признание прозвучало лишь в мыслях и было бессовестно подслушано.

— Думаю, вашу племянницу можно излечить без запечатывания кеккей генкай и без необходимости локально менять климат, Казахана-сан, — сказал я, обдумывая положение. — А что касается вашего предложения со свадьбой...

Жениться, значит. Парадоксально, но официально я пока в этом мире не женат,

несмотря на наличие двух детей. Конечно, и сейчас Дото предлагает взять жену не мне, а моему якобы сыну. Но тут и Кураме понятно, что Итачи, о котором неизвестно никому, Казахана не устроит. Ему нужны Чода или Дайки, которые просто-напросто мои собственные клоны.

Если так задуматься, то предложение-то выгодное. Технологии Страны Снега в обмен на ничего не стоящее лично для меня действие. Конечно, Микото в курсе сущности моих клонов, и когда-нибудь ей станет известно о свадьбе. А она еще даже с Сальмой до конца не смирилась. Но мне нужны накопители чакры Страны Снега, которые гораздо эффективнее печатей. Это позволит ускорить производство нового оружия. А ведь Сальма тоже догадается, кто там на ком женился. А я только сумел немного поумерить ее пыл и уговорил перестать мне перечить по любому поводу. Но зато появится еще одна страна, пусть маленькая и бедная, в нашу будущую империю. И специалисты, почти настоящие инженеры, опыт которых можно применить в Стране Песка. А сколько там той Коюки лет? Семь? В целом, моему клону лет еще меньше, но как-то это некрасиво все равно. Но ведь брак, по сути, простая формальность. Мой клон может банально «умереть» после достижения необходимых мне целей, не доводя брак до своей сути.

Гм, Страна Снега, конечно, далековато находится. Морем до нее добраться проще, чем до Страны Песка, но толку от этого немного. В ней и торговых маршрутов нет, регион будет явно дотационным. Придется вкладываться в продовольственную независимость. Но сейчас появляются более быстроходные суда, что может дать стимул морским каботажным грузоперевозкам. И опять же из Страны Снега можно проложить кратчайший путь на другое полушарие планеты через северный полюс. Учитывая проблемы с навигацией и нестабильность течений и ветров в океане, традиционные пути сложны и опасны, что сильно ограничивает сообщение между континентами, но по ледовым полям севера можно попробовать просто пройти пешком. Это не получилось у Страны Земли, теплое течение у их побережья мешает, но Страна Снега — это другой случай.

Сложно.

— Ваше предложение, Казахана-сан, — наконец, произнес я, — требует осмысления и проработки. Думаю, и вам тоже необходимо время, так как не думаю, что вы этот вопрос уже обсуждали со своим братом. Возможно, мы придем к согласию, но пока давайте обсудим возможности.

В итоге, как я подспудно надеялся, от Дото не удалось добиться все тех же предпочтений, но без варианта с женитьбой. Все-таки в этом мире в целом и у феодалов в частности кровь значит слишком много. Так что политические договорные браки — это вполне естественная норма. Впрочем, я особо пока не настаивал на иных вариантах, больше прощупывая почву. Насколько вообще полезна будет Страна Снега, ее производственные возможности, человеческий потенциал. Да и отношение иных стран к возможному моему укреплению на севере тоже нужно было оценить. Все-таки Страна Молнии считает Страну Снега своим задним двором. Даже после временного правления моего Райкаге эйс изменилось не сильно, хотя, например, Страна Огня смогла воспользоваться возможностью и усилить там свое влияние.

В общем, после разговора с Казахана вся моя веселость после подначивания Кушины пропала, сменившись уже привычной сосредоточенностью. А ведь до этого еще Джимму с Касуми все соки выпили. Ох, ну и денек. А он даже еще не закончился.

— Как тебе этот человек, Курама? — поинтересовался я, шагая по коридорам замка,

попутно отдав приказ самураям Кейдзана сообщить, что встреча с Дото окончена.

— Скользкий, — получил я ответ, наполненный легкой брезгливостью.

— Он был честен, — немного удивленно заметил я, покосившись на Кураму.

— Да, но не переставал думать о выгоде.

— О выгоде для своей страны.

— Может быть. Но он не отделяет страну от себя. Похоже.

— Я бы не сказал, что это однозначно плохо. Я бы даже сказал, что это похвально. В отличие от брата, у Дото интересы выглядят более соответствующими правителю.

Думаю, что будь он дайме, то я бы смог найти к нему подход, однако судьба сложилась иначе. Сейчас я припоминаю, что с Сотецу в свое время не удалось наладить контактов даже на почве эликсиров омоложения. Тогда я не придавал этому большого значения, были в этом мире правители, не польстившиеся на мои увещевания, как, например, дайме Страны Воды. У всех свои причины: недоверие, гордость, завышенное самомнение. Я, конечно, не видел дайме Страны Снега лично, чтоб составить его психологический портрет, но после общения с Дото, мне кажется, что его брат не особо-то и цепляется за жизнь. Как сказал Казахана — слишком романтичен. Может, даже инфантилен. Не могу сказать точно, но могу предполагать, что смерть жены на него повлияла очень сильно. Так же как и возможность подсмотреть будущее.

— Ты же подумал про предсказание будущего, да? — раздался у меня над ухом вкрадчивый коварный голос.

— Курама, иногда мне кажется, что твоя способность чувствовать эмоции развивается все сильнее, — покачав головой, произнес я. — Ты читаешь мысли?

— Нет, это твоя прерогатива, — на девичьем личике растянулась тонкая самодовольная ухмылка, а желтые звериные глаза сверкнули хищным блеском. — Просто это было очевидно.

— Да, твоя правда, — неохотно согласился я.

— Этот человек смог увидеть будущее и стал его пленником, — поравнявшись со мной и заглядывая мне в глаза, произнес этот воплотившийся демон. — Ты тоже видишь будущее.

— Я не какой-то заурядный дайме, — рукой отодвинув с пути Кураму, ответил я биджу. — И он, кстати, в чем-то прав. Его дочь и в самом деле стала бы дайме Страны Снега тогда, когда на склонах ее гор расцвели бы цветы. Правда, это был бы очень долгий и непростой путь к трону.

— Ты и это знаешь?! — с досадой воскликнул биджу. — Или просто выдумываешь?

— Да какая теперь разница? Сейчас интересно то, что и в твоих словах есть зерно истины. Известное будущее пленяет. Примерно то же произошло бы и с дочерью дайме Страны Снега. Даже твой старик, похоже не избежал этой участи.

— Рикудо Сеннин? — на лице Курамы тут же возникло недоверчиво-заинтересованное выражение. — Не может быть!

— Вспомни его последние слова. Может, вы и были созданы из-за его веры в то предсказание.

— Мне неприятно об этом думать.

— Да уж, догадываюсь, — посмотрев на нахмуренное лицо Курамы, сказал я.

— Старик был умен, — донесся до моих ушей голос Кьюби, полный уверенности и даже теплоты к давно ушедшему из жизни человеку. — И он был по-своему хорошим. Он бы не стал подстраиваться под пророчества.

Может, Курама и прав. Но, похоже, сбывающиеся предсказания вселяют в души какой-то фатализм. Это видно по дайме Страны Снега, по верховной жрице Страны Демонов. Да и Огама Сеннин, похоже, тоже не лишен подобных человеческих качеств. Не знаю, насколько он сам понимает свои сны и насколько они подробны, но не видно, чтобы он пытался что-то изменить.

— Да, Рикудо был умен. Даже более того — он был мудр, — кивнул я в ответ Кураме, останавливаясь, чтобы окинуть взором сияющие частыми огоньками улицы Отомуры. — Наверное, он был мудрее меня. Все-таки, зная, что однажды судьба сама по себе принесет порядок в давнюю историю с Шинджу, он не стал пытаться что-то изменить, а лишь потворствовал пророчеству. На самом деле, я бы сказал, что это мудрый поступок. Может, даже жаль, что я не смог поступить так же.

Если честно, то по всему выходит так, что я делаю все, чтобы максимально изменить будущее. Эта страна, Рюджинкё, Микото и Итачи, Сальма и Сара — все, к чему не прикоснусь, перерастает во что-то, имеющее глобальные последствия. А ведь начиналось-то все с малого. Я же всего лишь хотел заниматься любимым делом, так почему теперь на судьбе всего этого мира лежит моя тень?

— Да, по сравнению с Рикудо, я идиот.

— О, как это на тебя не похоже. Нет, конечно, ты прав. В сравнении со стариком все идиоты. Но если сравнивать, например, с Кушиной, то ты — величайший из мудрецов. После Рикудо, конечно же.

— Кто-то из нас слишком предвзят, Курама, — хмыкнув, ответил я. — А Кушина просто еще ребенок.

Глава 43. Холодный сорок восьмой

22 марта 48 года от начала Эпохи Какурезато

Порывистый ветер свистел меж голых ветвей деревьев, иногда подхватывая с земли бурые прелые листья. Холодные капли весеннего дождя методично барабанили по черепичной крыше хокора. Это маленькое святилище, придорожная часовенка, было высотой в половину человеческого роста. Здесь, в деревянном домике, покоилась каменная плита с выгравированной на ней короткой молитвой и статуэтка монаха. Жуткого, на взгляд Теруми, монаха. У него были перистые крылья за спиной, выглядывающие из-под кимоно ладони походили на когтистые лапы зверя, в одной из которых был сжат меч, а вторая сложена в печать закона. На голове монаха можно было заметить драконьи рожки. Несмотря на то, что выполнена была фигурка из дешевой терракоты, детализация была очень хороша. Мей даже могла рассмотреть спокойное выражение лица на этой статуэтке в две ее ладони высотой.

Девочка не была сильна в иконографии Страны Горячих Источников, чтобы понять по облику, кого могла изображать эта фигурка монаха. Но, судя по молитве, это был некий Тендзё но Шинсен. Возможно, это было одно из имен Рикудо но Шинсена, только Теруми не была уверена, но Рикудо где-либо изображали с такими звериными чертами. Впрочем, ее это не волновало. Сейчас ей было важно просто спрятаться от пронизывающего ветра и холодного дождя, а хокора давало это укрытие. И не только ей.

Жалобный хриплый писк снова пробился сквозь шум дождя и привлек внимание девочки.

Котенок. Теруми сидела под крышей хокора вместе с котенком. Маленький черный клубок глядел на Мей огромными зелеными глазами, дрожа на ветру и вздыбив влажную шерсть. Зверенышу было всего несколько недель от роду. Он болезненно мал, глаза гноились. Похоже, мать о нем давно не заботилась. Скорее всего, матери у него уже и не было, потому что они находились на подконтрольной Киригакуре территории Страны Горячих Источников, а здесь с недавних пор кошек не любили.

С трудом оторвав от жесткого куска вяленного мяса несколько волокон, Теруми протянула их котенку.

— Ешь, — тихо произнесла девочка.

Котенок слабо пискнул и подхватил кусочки мяса. Он с трудом мог пережевать эту скудную еду. Сказывалась как слабость, так и качество продуктовых запасов кирининов. Зима подходила к концу, бури на море стихали, но с поставками с архипелага все также были проблемы.

Приглушенный звук разбитых капель дождя заставил юную куноичи дернуться. С ее рук стремительно сорвался кунай, который она метнула на шорох взрезанного чужим клинком воздуха. Скрежет столкнувшегося метала быстро утонул в струях падающей воды. Котенок у ног Теруми даже не понял, что только что был на грани жизни и смерти. Он только испуганно дернулся, заметив движение Мей, и опасно вцепился в кусочек мяса, боясь, что его сейчас отберут.

— Забуза, — негромко со скрытой угрозой произнесла Теруми. — Какого демона ты творишь?

— Выполняю приказ, — прозвучали в ответ холодные слова, но от вложенных в них

эмоций по хребту Мей пробежали мурашки.

Момочи был молод, но его сакки могло пробрать до костей многих опытных шиноби. Теруми же была всего на неполные три месяца старше Забузы, но привычка позволила подавить инстинктивно пробудившийся в душе страх.

— Все кошки должны быть убиты, — произнес Момочи, чей силуэт проявился меж капель дождя.

— Это котенок, Забуза, — зло бросила Мей. — Проклятье! Какая от него может быть угроза?!

— Приказ не делает исключений.

— Потому что его составляли убудочные придурки! — огрызнулась куноичи. — Коты служат Орочимару, но у него и обычные люди есть среди шиноби. Может, мы и всех крестьян и их детей теперь вырежем?

— А это хорошая идея, — мрачно ослабившись, ответил Момочи, медленно приближаясь к часовенке.

— Лучше бы тебе держаться подальше, — неодобрительно и с угрозой посоветовала Теруми. — Таких убудков, как ты, боги не любят. Не хочу, чтобы их гнев мог задеть случайно и меня.

— Ты не выполняешь приказ. И мешаешь мне его выполнить, — мрачно произнес в ответ Забуза, но, увидев снова появившийся в руках Теруми кунай, остановился. — Тебе стоит бояться гнева джонинов, а не ками.

Мей не могла встать во весь рост под крышей хокора, но она подобралась, готовая к резкой атаке. Забуза в нескольких метрах от нее, казалось, не обратил на это внимание, но стекающие по его насквозь промокшим волосам и одежде струи воды начали оживать, подчиняясь чакре шиноби. Они готовы были броситься друг на друга. И, наверное, сделали бы это, если бы не холодный порыв ветра, заставивший их невольно задрожать.

— Стойте, — прорвался сквозь шелест дождя еще один голос. — Вы, два идиота, еще поубивайте друг друга.

— Скажи это своей подружке, Юки, — недовольно посоветовал Забуза, из уст которого со словами начали вырываться облачка пара. — Ей жизнь какого-то кошака слишком дорога.

— Шиноби не должны убивать беззащитных, — строго произнес появившийся из-за спины Забузы Кёда Юки. — Этот приказ с убийством кошек скоро и в самом деле перерастет в приказ зачищать деревни.

— Еще один неженка! — хищно оскалился Момочи.

— Молчи уж, Киджин, — не обидевшись на слова Забузы, ответил Кёда, бросив Момочи утепленный и пропитанный каучуком плащ. — Ты весь дрожишь от дождя. Кто из нас тут неженка?

— Если бы кто-то не использовал свои мерзкие техники, то мне бы не было так треклятски холодно! — раздраженно огрызнулся Момочи, не забыв при этом быстро накинуть на себя плащ.

— Не оправдывайся, Киджин, — хмыкнув, сказал Кёда, подходя к Мей и передавая ей еще один плащ. — С таким имечком ты должен терпеливо сносить все тяготы жизни.

— Иди в жопу! — от души посоветовал Юки Забуза.

— Спасибо, — тем временем поблагодарила Мей, закутываясь в плащ.

Благодарила она скорее не за одежду, а за остановленную вовремя драку. В последнее время все были напряжены. Проблемы с продуктами, поражения в боях, потери, странные

приказы командования. Одно накладывалось на другое. Наверное, они бы и в самом деле готовы были наброситься друг на друга из-за котенка.

Теруми снова передернулась, вспомнив о прошлогоднем приказе от штаба. Он казался безобидным, простое убийство кошек. Этим заниматься приходилось и ранее, с санитарными целями. Животные были переносчиками заразы, бешенства. Но сейчас оказалось, что на службе Орочимару есть ниннеко. И кошки могли быть его шпионами. Теруми и сама не поняла, как внезапно животные стали их врагами. И вместе с этим, они перестали ощущаться простыми зверьми. Они могли быть разумны. Они могли быть ниндзя. Но они умирали от рук Мей с невиданной ранее легкостью. Это чувство могущества, чувство, когда чужая жизнь полностью в твоих руках, начало пьянить. И это начало пугать Мей. То чувство — легкость, с которой можно отнять чужое будущее — было опасно.

— Я смотрю, ты на стороне своей девки? — насмешливо произнес Забуза, заметив, что Кёда также не торопится прибить котенка.

— Успокойся, Момочи, — отмахнулся Кёда. — И хватит ревновать Теруми ко мне.

— Я не ревную, — огрызнулся Забуза, удивленный, что такое вообще могло кому-то прийти в голову.

— Это же ребенок, Киджин, — не обратил внимания на недовольство Забузы Кёда, подойдя к Мей и погладив котенка у ее ног. — На наших руках и так достаточно крови детей.

— Это всего лишь животное! — зло бросил Момочи, которого внезапно уязвили слова Юки о забранных Забузой жизнях.

— Если это животное, то его жизнь нам ни к чему, — осмелев с появлением поддержки, решительно заявила Мей. — А если это ниннеко, то он еще ребенок.

— Если бы ты сдавала экзамен со мной, то была бы уже мертва с такими идеалами, — насмешливо произнес Забуза.

— Если бы ты проходил наш отбор, то сейчас бы давно уже кормил рыб, — не осталась в долгу Теруми.

— Заткнитесь оба, — устало сказал Кёда. — Вы как отражение друг друга. Вы боитесь посмотреть на себя, увидеть свою суть, вот и грызетесь без остановки. Прекращайте, иначе все мы отправимся на корм рыбам.

— Отражение? — рассмеялся Момочи. — Да ты бредишь, Юки! Поди уже подхватил бешенство. Как и твоя подружка. От таких лучше держаться подальше. Смотрите, когда будете истекать слюной и мочиться в штаны при виде моря, я вас утоплю, как котят. Цените мою доброту, я не позволю вам мучиться, как этому вашему зверенышу.

Заявив это, Момочи самодовольно рассмеялся и развернулся, постепенно скрывшись за пеленой дождя.

— Мы и в самом деле похожи, Кёда? — недовольно спросила Теруми, постепенно расслабляясь, но все еще настороженно поглядывая в ту сторону, куда ушел Забуза.

— Больше, чем тебе кажется.

— Это отвратительно! Я могу и обидеться.

— Увидеть себя настоящего боятся многие, — философски изрек Юки.

— Ты безнадежен, — надулась Мей и сменила тему: — Зачем вы меня искали?

— Пора собираться. У нас новое задание.

— Что на этот раз?

— Рыбалка.

— Проклятье! — зло процедила Мей. — Мы чуть не сдохли в прошлый раз!

— Сейчас море должно быть спокойнее, тогда нам просто не повезло попасть в шквал.

— Море спокойнее, и теперь в нем встречаются корабли Ото!

— У нас все равно нет выбора. Либо рыбалка, либо Хошигаки начнет жрать людей.

Мей попыталась было улыбнуться этой шутке, но быстро поняла, что Кисаме и в самом деле способен при необходимости и людей жрать. А если все продолжится в том же духе, то и у самой Мей может не остаться выбора. Все прошлое лето были проблемы с поставками из-за моря. Потом начались шторма, потом появились корабли Ото, в итоге поставки так и не наладились. А шиноби нужно снабжение, нужно оружие, лекарства, да та же одежда. И еда. Им нужно было что-то есть, чтобы не сдохнуть в первом же сражении!

Крестьяне бежали от войны, местная знать начала грызню друг с другом после гибели дайме, многие посева пропали, были сожжены, сгнили на корню, просто не были собраны из-за нехватки рабочих рук. Осенью пополнить запасы толком не удалось при всем старании и жестокости фуражиров. Пайки давно уже урезаны, и Мей подозревала, что приказ с убийством кошек, ворон и прочего полудикого зверья был нужен как раз для пополнения продовольствия, а не для борьбы со шпионами.

— Наверное, нам придется оставить побережье, — устало произнесла Теруми.

— Нападать на Рюджина-сама было глупо. От этого все проблемы, — спокойно заметил Юки.

— Ото казалась просто еще одной малой и слабой страной.

— Страна Звука — это Страна Рюджина-сама. Я сразу сказал, что ее нельзя недооценивать.

— Ты просто веришь в этого своего Рюджина-сама, — расстроено проворчала Мей. — Он просто шиноби... Ну ладно, он один из Трех Легендарных шиноби. Но он просто Орочимару.

— Верю я или нет — это не имеет значения, Мей. Главное, что его голос слышат и прислушиваются к нему слишком многие. И не только в Стране Звука. Мизукаге это не учел, из-за чего теперь на восточном континенте у нас война. И в Стране Воды некоторые острова бунтуют и отказываются платить налоги, а их защитой занимаются куноичи Надешико. Дайме недоволен, — ласково поглаживая жмущегося к нему котенка, пересказал Кёда и без того известные Теруми слухи, добравшиеся до них с архипелага. — Да даже если бы он был просто шиноби. Ты слышала, Мей, ему достаточно одной техники, чтобы уничтожить полтысячи ниндзя. Сила одного из Саннинов слишком велика.

— Ох, ладно. Что сделано, то сделано. Тем более не от нас те решения зависели. Мы вообще ничего не решаем, — пробормотала Теруми, выбираясь из-под крыши часовенки под дождь.

— Пока не решаем. В будущем все может измениться.

— До этого будущего еще нужно дожить, — рассмеялась в ответ Теруми. — Ты идешь?

— Потом. Пока останусь здесь и попрошу милости для нас у Рюджина-сама.

— Рюджина? — удивленно спросила Мей.

— Тендзё но Шинсен, — указав на статуэтку в хокора, пояснил Кёда. — Это одно из имен Рюджина.

— О... Ну ладно. Попроси его, чтоб не убивал нас при встрече.

— Обязательно.

Постепенно фигура Мей скрылась за пеленой дождя и меж серых стволов деревьев так

же, как до этого и Забуза. Под крышей хокора остались только Кёда и дрожащий котенок.

— Только что чуть не убили друг друга из-за тебя, а потом сразу же забыли, — пробормотал Юки, подхватив жалобно пискнувшего котенка и подняв его на уровень своих глаз. — Ты у нас черный кот, которому с рождения не везет? Но раз уж волей судеб ты оказался у моего святилища, то я же должен тебе помочь, иначе какой я ками тогда?

Опустив котенка на землю, Кёда взял небольшую миску для подношений, стоящую у ног статуэтки. Быстрым движением рассечь кожу на руке острым кунаем не составило проблем, только из раны в плоску потекла не алая кровь, а белая, едва светящаяся жидкость. Всего несколько капель упали в керамическую миску.

— Пей, — протянул котенку миску Кёда.

Принюхавшись к непонятной жидкости, черный котенок устало чихнул, но все же слизал предложенную еду. И буквально на глазах свалившаяся шерсть разгладилась и начала лосниться, выступающие под кожей кости обросли плотью, гноящиеся глаза очистились и обрели странную ясность и мерцание.

Бодро встряхнувшись, котенок облизнулся и удивленно посмотрел на Кёду, не понимая, что происходит.

— Беги на север, — подсказал котенку Юки. — Там тебя встретят.

Внезапно для себя понявший прозвучавший в человеческой речи приказ и наполненный чужой сендзюцу-чакрой котенок черной молнией умчался на север, оставив позади прячущегося от ветра и дождя под черепичной крышей юного шиноби.

17 мая 48 года от начала Эпохи Какурезато

Холодный порыв ветра пронесся по двору полуразрушенного каменного замка, принеся с собой ворох острых снежинок и льдинок. Югито поежилась, плотнее закутываясь в теплую одежду и протянув озябшие ладони к слабо трепещущему под стеклом язычку пламени.

В старом самурайском замке, когда-то закрывавшему горный перевал на пути из Страны Огня в Страну Молнии, сейчас не хватало крыш и некоторых стен. Это место было заброшено еще в прошлую эпоху вместе с гибелью самурайского рода, несущего охрану на границе Страны Мороза. Им пользовались только путники в качестве стоянки, так как старые стены еще давали защиту от ветра. Но для простых путников перевал был еще не пригоден. В конце весны в Стране Мороза горные перевалы были еще завалены снегом, слишком уж высоко они в горах находились.

Всю зиму здесь ходили лишь шиноби Кумо и Шимо. Наверняка где-то просачивались и разведчики Ивы, но Нии надеялась, что их было немного.

За долгую зиму ниндзя Облака успели истратить все запасы дров в замке, сейчас от холода спасал только генератор, обогреватели и масляные лампы. Обогреватели были лишь в сохранившихся коридорах и залах, там, где сейчас расположился лазарет, казармы, кухня и прочее. Здесь же, на посту, от холода было лишь одно спасение — маленькая, чадающая масляная лампа под крышей придорожного святилища.

Югито не знала, кто такой Тендзё но Шинсен, которому было посвящено хокора, но была ему сейчас очень благодарна за возможность согреться и спрятаться от ветра.

— Будь прокляты эти ублюдки из Ивы, — донеслись сверху полные злобы слова до Нии. — Они засели в долине. Там уже наступила весна и тепло. А мы должны отмораживать себе уши на перевалах!

— Скоро снега сойдут, и все встанет на свои места, — это уже говорил другой голос. — У нас пойдут обозы, станет веселее. А в море снова усилился дрейф льдов, и кораблям Ивы

уже не будет так вольготно на воде. Только теперь стоит опасаться их нападения. Сейчас им оно выгоднее всего.

— Да, проклятье на голову Орочимару! Он мог вытащить свои корабли на северном море, а не пытаться сражаться с Кири на воде. Все одно толку от этого нет, а так нам бы было проще.

— После того как в прошлом году Райкаге-сама использовал отряды Отогакуре для прикрытия нашего отступления перед снегопадами на перевалах, вряд ли Белый Змей задарма снизойдет до помощи.

— Да, не мне, конечно, судить, но Райкаге-сама тогда поступил недальновидно. Его отец так никогда не поступал. Отогакуре может быть ничтожной деревней, но мы заключили с ними союз. Так подставлять союзников неправильно.

— Тем более Змей спас Третьего, рискуя своей жизнью. Жаль, ему не удалось сохранить еще и память. Это большая потеря во время войны. У нас теперь Четвертый Райкаге, но он совсем не четвертый Эй...

— А с такими словами ты бы лучше был внимательнее. С нами все-таки мелкая из клана Нии.

— А, вечно вторые. Да, после восстания Кингин Къёдай постоянно держатся за Райкаге как дети за мамину юбку, боятся, что им, беложопым блондинчикам, припомнят заслуги предков. Странно, что им доверили одного из биджу.

— Что странного? Чакра некоторых из них подходит для контроля демонов. Кингин, даже сожрав кишки одного из биджу, не подошли, как это нормальным людям полагается.

— От этой Нии толку ноль. Всю зиму только запасы без толку жрала. Джинчурики называется. Надо было ее против армии Кири и Ивы отправить, вместо Третьего. Ее можно даже в один конец, пусть бы там вырвался Хвостатый и всех перебил. Все какой-никакой прок.

Голоса джонинов, которые занимались дозором на вершине восстановленной стены отдалились, Югито не могла слышать их даже с усиленным слухом, который давала ей чакра Мататаби. Но уже услышанного хватило, чтобы ее начал мучить не только морозный веер, но и холод в груди.

Как ни старайся, но люди все равно будут видеть в тебе джинчурики. Ненависть рождает лишь ненависть, так говорит Мататаби. И люди совсем не торопятся разорвать этот порочный круг. Ненависть биджу и ненависть людей взаимны.

Внезапно на Югито что-то набросилось сзади, заставив испуганно вскрикнуть. Но, услышав знакомый голос, она успела вовремя себя остановить от попытки выхватить кунай.

— Я замерз, Югито, — простонал прижавшийся к ней сзади Увабами, крепко обнимая Нии.

— Ты! Придурок! — зло пропыхтела Югито, силясь отпихнуть мальчишку.

Это получилось не с первого раза. Увабами, хоть и был младше, но физически уже был сильнее Нии. Однако девчонка все еще оставалась ловчее, так что ей удалось вывернуться из объятий.

— Ты зачем пугаешь?! Идиот! — обозленно воскликнула Нии.

— А ты зачем меня одного на обход отправляешь? Сама прячешься в воротах и греешься тут. А я мерзну. Я Самуи буду жаловаться, — обиженно ответил Увабами, тоже протягивая руки к трепещущему под стеклом огоньку.

— Я же сказала, что буду должна тебе. Ты сам согласился.

— Ты просто пользуешься моей добротой. И надеешься, что я потом забуду все. А я не забываю. Однажды ты расплатишься по всем своим счетам, так и знай.

— Эй! Нии Югито всегда держит свое слово! — гордо заявила девчонка, но, шмыгнув носом, все же неловко произнесла. — Спасибо.

— Должна будешь. В следующий раз сама в одиночку пойдешь обходить башни.

— Не за башни спасибо, — еще более неловко произнесла Югито, зарывшись лицом в теплый шерстяной шарф.

— А за что?

— Да... Ничего, — буркнула в ответ девчонка.

Ну, в самом деле, не мог же Увабами и в самом деле расслышать слов джонинов на стене? У него нет Мататаби, которая бы улучшила слух. Все-таки он просто замерз и лез обниматься, чтобы согреться.

— Нет, ты погоди. Мне нужно знать, за что спасибо. Может, ты мне сейчас по-крупному задолжала, а я и не знаю.

— Не волнуйся. Нии Югито всегда платит по своим счетам.

— Ага, уж мне можешь не заливать.

— Самуи плохо на тебя влияет, — уверенно заявила Югито. — Ты вечно недовольный.

— Уж с кем поведешься.

В чем-то Увабами был прав. Уже пару лет, как они вместе состояли в Сайунтай, а теперь их всех перевели в Райунтай. И, как и прежде, Югито окружали лишь Мабуи, Самуи и, с недавних пор, Увабами. Все они влияли друг на друга. Это даже Мататаби отмечала.

— Что там с башнями? — решив сменить неловкую тему, спросила Нии у Увабами.

— Стоят, что с ними может случиться? — безразлично ответил мальчишка.

— Шиноби Ивы могут с ними случиться, — сердито буркнула Югито. — Как ты не понимаешь? Сейчас время, когда Ива может напасть. У нас все еще нет обозов и мы максимально истощены. А у них в долине пока все хорошо, но скоро могут начаться проблемы с поставками. Мы должны быть бдительны!

Югито бессовестно повторила подслушанные у джонинов слова, чтобы прихвастнуть перед напарником своей дальновидностью. Только ее старания пропали втуне.

— Да и демоны с ними, — безразлично буркнул в ответ Увабами. — Мне надоело здесь мерзнуть. Хоть так, но мы, наконец, сможем убраться отсюда.

— Ну и дурачок же ты, Увабами, — безнадежно покачала головой Нии.

— От такой слышу. Что ты от меня, вообще, хочешь? Вон там джонины бродят. Если они ничего не слышали, то я-то чем помогу?

— Это от джонинов толку никакого, тряндят только, — сердито буркнула Нии. — Ты в сто раз лучше них. Поэтому не теряй бдительности. А то опять мне тебя спасать потом.

— У тебя совесть-то есть? — удивленно вскинув брови, посмотрел на невинно хлопающую ресницами Югито Увабами. — Это ты мне в ножки кланяться должна всякий раз при встрече, за то что еще можешь видеть солнышко над головой.

— Может, мне еще и уши почистить? Или вовсе четыре кандзаки в волосы вставить да станцевать?

Смерив девчонку насмешливым взглядом, Увабами коротко произнес:

— Откажусь, пожалуй.

— Эй, я что, по-твоему, лицом не вышла, что ли? — обиделась Нии.

— Да не, ты красивая. Просто для проститутки маловата еще.

— Какой еще проститутки? — не поняла Югито.

— Ну, четыре заколки же. Столько и больше только проституткам носить можно. Обычные женщины должны быть скромнее.

Пораженная внезапным открытием, Югито несколько секунд простояла с открытым ртом, пытаясь найти подходящие ситуации слова.

— Я прибью Самуи, — наконец четко и уверенно произнесла Нии, найдя виноватого в своем конфузе.

— Не, нельзя ее бить. Она мстит за меня. Выставляет душой тебя за то, что вечное пользуешься моей добротой.

— Я совершенно точно ее прибью! Откуда она вообще берет все эти фразочки?! И почему в итоге я их повторяю за ней?! Бесит! — от избытка чувств девочка от души топнула ногой по мерзлой земле под ногами.

В ответ земля ощутимо дрогнула. Чуть в стороне раздался низкий протяжный стон медленно оседающей земли.

— Ну, это уже был перебор, Югито, — осуждающе пробормотал Увабами, наблюдая, как заваливается одна из восстановленных башен вместе с прилегающей стеной.

— Э-это не я! — неуверенно ответила Нии, опасливо отшагивая от рушащихся построек.

От раздавшегося в следующего момента грохота, Югито аж присела. Поток горячего воздуха сорвал с нее шапку и растрепал волосы. А еще через мгновение что-то врезалось ей в грудь, стремительно унося прочь.

— Не спи, Нии, — мрачно посоветовал Увабами, отпуская на землю девчонку.

Та растерянно тряхнула головой, соображая, что произошло. Неожиданно для себя она оказалась в сотне метров от хокора. А та заваливающаяся башня к этому времени успела разлететься в стороны. Расколотые в щебень камни, подхваченные взрывной волной, разлетелись в стороны и до сих пор сыпали с небес. Из воронки с осыпающимися краями в том месте, где только что стояла башня, все еще вырывались клубы дыма.

— Что за... — начала было говорить Югито, но времени для разговоров уже не оставалось.

Из-за пелены дыма повалили силуэты шиноби в темно-красных накидках. Ива.

— Их много! Отступаем к казармам, — оценив количество нападающих, быстро предложил Увабами.

— Да! — только и успела ответить Нии.

Девчонка не успела сосчитать количество врагов, но их явно было больше полусотни. Во всем гарнизоне замка у Кумо набралось бы столько же человек, но большинство из них были генины и чунины Райунтай. А Ива отправила на захват кого-то явно сильнее простых генинов.

Из-за того, что взрывом разворотило и засыпало камнями внутренний двор замка, до казарм пришлось бежать по одной из стен. Подстегиваемые грохотом взрывов за спиной, Югито и Увабами смогли быстро взлететь по лестнице и взобраться на неровный гребень стены. Взрывной волной с нее снесло временный навес от ветра и снега. Взбесившийся холодный ветер хлестал по лицу, перехватывая дыхание. Нии вжала голову в плечи, силясь закрыться от обжигающего холода. И, наверное, поэтому не смогла вовремя заметить летящий в нее объект.

Сильный удар чего-то жесткого сбил девчонку с ног. Холодная каменная кладка больно врезалась в плечо, Югито постаралась сгруппироваться и перекатиться, но все равно удар

был чувствителен. Но времени обращать на это внимание не было, быстро осмотревшись, Нии сразу увидела, кто врезался в нее.

Это был ошалело мотающий головой джонин Кумогакуре. Его кожа была рассечена во многих местах мелкой каменной крошкой, а одежда припорошена серой пылью. На бледном лице выделялась ярким алым пятном кровь, текущая из рассеченной брови и пустой глазницы.

— Ты! — единственный оставшийся глаз джонина, покрытый сетью лопнувших сосудов, впился в Югито взглядом, а лицо шиноби искривилось в гневе. — Какого демона ты бежишь?! Иди, делай свою работу, джинчурики!

И в следующую секунду Нии почувствовала мощный толчок, сбивший ее со стены прямо на покрытый щебнем и льдом камень внутреннего двора, на котором стояли десятки шиноби Ивы.

Испуг и обида сковали горло Югито. Она даже не смогла кричать. Секунды полета растянулись. Нии в отчаянной попытке вытянула руки, надеясь схватиться за уступ, за воздух, за что-нибудь. Увабами мог спеленать ее стальными канатами! Вместо техник Котона, девочка увидела только, как джонин с выражением отвращения замахивается на ее напарника, пытающегося сложить печати.

Генину не совладать с джонином. Помощи не будет.

— Кажется, настает мое время, Югито, — раздалось в голове Нии грохочущие слова.

Поток бурлящей чакры ворвался в тело девочки, наполняя меридианы, обжигая изнутри и заставляя кипеть кровь в сосудах. Тело перестало слушаться Югито. Ее руки, стремительно покрывающиеся тревожной черно-алой аурой, словно чужие, начали складывать печати, приводя в движение безумно циркулирующую в кейракукей чакру и создавая неведомую технику.

— Мататаби... — успела проскользнуть в голове девочки мысль, прежде чем разум утонул во тьме.

Сознание вернулось постепенно. И первое, что до него добралось — это треск горящего дерева. Через силу разлепив веки, Югито увидела черное безоблачное небо, покрытое мириадами звезд. Темные остатки стен замка почти терялись на фоне ночного мрака, но отблески пляшущего пламени костра иногда выхватывали их силуэты.

— Очнулась, наконец? — раздался в ночной тишине голос.

— Увабами?

Обернувшись на звук, Нии увидела сидящего на грубо тесаных досках мальчишку, ворошащего угли костра, на которые тот пытался ровно уложить алюминиевый котелок.

— Ну, я это. А кого ты еще хотела увидеть?

— Что... — Югито поняла, что лежит на каком-то тряпье и попыталась встать. — Что произошло?

Как оказалось, Нии лежала на пыльных одеялах, уложенных прямо на камни замкового дворика. Сам замок уже окончательно превратился в руины. Единственное, что в нем уцелело, это хокора. И именно у этого маленького каменного дорожного святилища Увабами устроился.

— Ну, что произошло? — почесав затылок, мальчишка осмотрелся по сторонам. — Из твоей печати вырвалась чакра Ниби, которая поглотила тебя и превратила в какого-то монстра. Потом появился огромный образ Двухвостого. Прямо в натуральную величину, как описывали. С хвостами, из сине-черного пламени, с разноцветными глазами. Вот этот образ

разметал все вокруг, покрушил и погнал шиноби Ивы в долину. А ты тут осталась сидеть.

— А где все? — осторожно спросила Югито, дрожа от снова пробравшегося к ее телу холода и накидывая на плечи ненароком скинутые одеяла.

И еще она дрожала от страха, боясь услышать ответ на свой вопрос. Что если произошло то же, что и во время буйства биджу в прошлом джинчурики.

— Их эвакуировали, — наконец уместив котелок на углях, ответил Увабами. — Ты ж тут сидела перед святилищем, словно помолиться решила, а чакра Ниби никуда не делась. Ты все так же была в монстра преображенная, хвостами по земле била и когтями камни скребла. Вот всех и увели от греха. Но ничего, скоро вернутся. Вон там дозорные на скале должны уж заметить, что ты в себя пришла.

— А ты? — шмыгнув носом, посмотрела на мальчишку Нии.

— А я вот костерок тебе из навеса соорудил, чтоб не замерзла. Одеял из-под завалов натаскал. Холодно же. Самуи тоже хотела остаться, но крови много потеряла. Ранили ее. Так что я ее послал лечиться. И так с тобой возишься тут, так еще и эта хотела на шею сесть.

— А тот джонин?.. — Югито не смогла завершить вопрос, но Увабами ее понял.

— Он умер, — равнодушно сказал он.

— Как?..

— Он умер, Югито, — внимательно посмотрев в глаза девочке, повторил Увабами.

Нии замолчала, поняв, что развернутого ответа не будет. Снова шмыгнув носом, девочка почувствовала, как в ее груди словно распутывается клубок напряжения. На глаза начали наворачиваться быстро стынувшие слезы. Осторожно подобравшись к ворчащему по другую сторону костра Увабами, девочка прижалась к нему, порывисто обнимая.

— Эй, ты чего, Югито? — недовольно буркнул мальчишка, который хотел кинуть каких-то трав в греющуюся воду.

— Мне холодно, Увабами, — невольно всхлипнув, ответила Нии, прижимаясь к холодной одежде мальчика. — Мне просто холодно.

7 августа 48 года от начала Эпохи Какурезато

Крякнув от натуги, Чирику навалился на рычаг. Тяжелый ствол поваленного дерева наконец поддался и сдвинулся с места.

— О! Давай-давай! — радостно заорал крепкий мужчина, являвшийся старостой ближайшей деревни.

Крестьяне из той же деревни дружно тянули веревку, утаскивая поддавшееся мощное дерево, перегородившее весь тракт. Недавний шторм вывернул его из земли, отчего теперь растительный колосс лежал на земле корнями кверху. Чирику мог бы пройти мимо, дерево не мешало его пути, но учение Сензоку велит помогать людям. Да и за помощь те обещали поделиться припасами, что тоже было немаловажным фактором.

— Проклятущая зараза, — расстроено покачал головой староста. — Спасибо, Чирику-сан, без вас бы нам его не сдюзить.

— Не за что, Масами-сан.

— Да уж есть за что! Ох, проклятущее дерево. Не иначе демоны его повалили. Еще путников погубили, — с досадой пробормотал староста, поглядев на пару свежих холмиков в лесу. — Что попало в мире творится. Северяне эти отмороженные новым богам молятся, старые гневаются, мстить начинают. Не иначе.

К подобным речам Масами Чирику, несмотря на недавнее с ним знакомство, уже начал привыкать. Старосте многое не нравилось и на все у него имелось мнение. Начиная с

холодного года, весенние заморозки которого побили посевы. И заканчивая стратегией Конохи на востоке континента.

— Привал, ребята! — крикнул все тот же староста своим. — Полчасика стоит отдохнуть, а потом и до города к концу дня доберемся. Ты-то, Чирику-сан, куда путь держишь?

— В столицу, Масами-сан.

— Хо... Не, туда нам не надо. Значит, скоро пути нас разведут, — совершая ритуальное омовение и осыпая себя солью, коих требовали традиции после соприкосновения с мертвыми, сказал Масами. — Ну, пока, значит, отобедай с нами. Все в компании веселее. Тем более с нинсо из самого Храма Огня. В последнее время на дорогах, говорят, беспокойно. Мы-то уж, когда дерево поперек тракта увидели, думали все, нарвались на шайку разбойничью. Но нет, повезло. Вообще непонятно, чем эти шиноби заняты. Вся Коноха и остальные кланы на войну ушли, а пока они там воюют, от страны уже ничего и не останется! Дайме еще этот на старости лет на молодух начал кидаться, о стране вовсе не думает. Ни гвардию свою не пошлет с ворьем разбираться, ни народу не подсобит с этим летом холодным. Налоги поднял, представляешь, Чирику-сан! У нас до лета заморозки, а потом все дожди да холод стояли. А он налоги поднимает с южных провинций! Мы, конечно, возмем, вот зерно, куда деваться-то? Говорят, за недостаточей приходят потом. И не чиновники, а гвардия. Вообще не понимаю, что творится. С северян надо налог драть! Они все предыдущие годы цены сбивали, колдовством этого демона Инари пользовались, а теперь-то что?

Слова лились из старосты потоком, причем многое Чирику уже слышал. Масами был словоохотлив, но это не порок. Хуже, что часто он поднимал опасные темы, наводя хулу на правителя. Однако это пока не забота Чирику, в гвардию дайме он только собирается наниматься. А потом... А потом нужно думать. Чукаку-сенсей учил, что в конфликте нужно стараться понять причины, чтобы понять мотивы сторон.

Только тут разобраться в причинах будет сложно. Крестьян возмущает политика дайме, который повышает налоги в холодное лето. Но может ли он поступить иначе, когда на севере и востоке идет война, и там, несмотря на «колдовство», просто невозможно собрать большой урожай, тем более что и лето там было холоднее? С другой стороны, на юге сейчас больше беженцев, которые бежали из Страны Горячих Источников. Чирику слышал, что это те, кто не принимает Волю Дракона и не спешит доверяться Стране Звука, отчего они и устремились на юг Страны Огня. Да и с севера тоже многие бежали на юг. Не будь миграции в Страну Огня из Стран Травы, Водоворота, Горячих Источников и Дождя, наверное, и так малонаселенный, болотистый и лесистый север и вовсе мог бы обезлюдеть.

Ну, по крайней мере, такое слышал Чирику. А учителя советовали стараться в пути запоминать многое и обдумывать. Пока с обдумыванием выходило не очень, но запоминать Чирику это не мешало.

— Спасибо за еду, — поклонившись, произнес Чирику после окончания трапезы короткую молитву.

— Да, спасибо за еду, — тоже неловко повторил Масами, явно не привыкший к ритуалам монахов нинтера и городским традициям. — Так это, Чирику-сан, ты дальше-то с нами? Еще до следующей развилки мы можем путь продолжить вместе, а потом уж нам к управе идти надо, налог сдавать.

— Нет, мне нужно уделить время молитвам, Масами-сан. Благодарю за предложение.

— Ох. Ну, дело важное, да. Тогда еще раз спасибо за помощь. И счастливого пути, Чирику-сан.

Груженные телеги крестьян, запряженные могучими волами, скрипя плохо смазанными осями, неспешно тронулись с места. Проводив их взглядом, Чирику огляделся по сторонам. Тракт в этом месте проходил сквозь лес, гор поблизости за деревьями видно не было, но медитацию можно совершить и здесь. Отойдя чуть в сторону, подальше от свежих могил, и устроившись под деревом, Чирику прислонил к стволу посох и сумку. Сам же уселся на хвойный ковер, приготовившись к медитации.

Культивирование Лара Сензоку требовало усердия и постоянных тренировок, так же как и дыхательная техника, которой с Храмом Огня поделилась Коноха. Тренировки и укрепление тела и разума — это основа пути ниндзя-монахов, которая приводит к Пробуждению.

К сожалению, медитация сегодня завершена была не полностью. На середине сутры Сензоку, Чирику отвлекли очередные путники, следующие по тракту.

— Ого, смотрите-ка, а дерево уже кто-то утащил, сенсей! — внезапно раздался радостный крик девочки. — А я говорила, что волноваться не стоит, все равно кто-то приберет. Вон, поди тот монах и убрал. И душегубов тех тоже прикопал.

— Проверить все равно нужно было, Анко, — получила ответ девочка от сенсея, судя по голосу, женщины. — А тебе, Охеми, нужно быть более осторожным.

— Я же уже объяснял, эти два нукенина просто удобно стояли, вот я их и задавил деревом. Я про тракт тогда вообще не думал, там выжить нужно было и вам помочь.

— Молодец, молодец, — с улыбкой в голосе сказала женщина. — Но будь все же аккуратней.

— Микото-сенсей, а чего этот монах у поваленного хокора молится? — вмешался в разговор третий голос, принадлежащий еще одному мальчишке. — Может, это еще один нукенин? Просто притворяется монахом, а пришел сюда своих дружков похоронить.

Поняв, что разговор путников начинает приобретать опасную направленность, Чирику вздохнул и открыл глаза. Оказывается, пока он медитировал, к нему успели подойти четыре путника. Судя по форме и знакам, это ниндзя Конохи. Группа с учителем и тремя генинами. Сенсей команды — молодая женщина лет двадцати на вид с камоном клана Учиха на спине. Джонин с командой генинов в таком юном возрасте должен быть талантлив. Ее ученики, двое мальчишек и девчонка, Чирику показались самими обычными шиноби, о них многого сказать он не мог.

— Я Чирику из Храма Огня, — вставая, хмуро представился Чирику. — И я совершенно точно не имею отношения ни к каким нукенинам. И вы прервали мою медитацию. О каком хокора вообще вы говорите?

— Да вот же, — указал один их мальчишек на присыпанный хвоей и мусором холмик. — Какой монах будет медитировать у сломанного хокора?

— Хм, — сведя брови, Чирику присмотрелся к холмику.

И в самом деле, теперь он заметил, что это обломки деревянной часовенки. Неудобно как-то получилось.

— Я его не заметил, — удивленно ответил Чирику, неловко почесав гладко выбритый затылок. — И местные крестьяне про него тоже ни слова не сказали, хотя их староста, кажется, успел за время стоянки пересказать мне историю всего этого края.

— Вот я и говорю, подозрительный какой-то монах, — авторитетно заявил

светловолосый мальчишка, поправив очки.

— Не будь излишне бдительным, — хмыкнув, заметила сенсей команды, чьи глаза на мгновение сверкнули багрянцем и пронзили Чирику насквозь. — Я Учиха Микото. Рада знакомству, Чирику.

— Слушай, Охеми! — снова крикнула непоседливая девчонка с фиолетовыми волосами, которая успела разворошить холмик с разрушенной часовенкой. — Да это ж хокора Тендзё. Ну, того, который путникам у вас в Рюджинкё помогает.

— Тендзё но Шинсен — лик Рюджина-сама, отвечающий за закон и порядок, — наставительно ответил второй мальчишка.

— Во-во! — не особо обратив внимание на слова спутника, согласилась девочка. — Ты смотри-ка, порушили святилище и сразу нукенины завелись в округе. Совпадение?

— Естественно, — устало ответил Охеми.

— Ну и, ну и? Чего ждешь? Восстанавливать будешь? — не унималась девочка.

— Я здесь только мимо прохожу, если местным людям святилище не нужно, то зачем мне им его навязывать? — удивленно посмотрел на девочку Охеми. — Только еще добавлю им удовольствия при очередном разрушении хокора.

— Ну и скучный ты, Охеми.

— Шило в жопе у этой Анко, — неодобрительно покачала головой Учиха Микото, глядя, как ее ученица ускакала вперед. — Кстати, Чирику, я слышала, один монах Храма Огня с таким же именем был приглашен дайме в свою личную гвардию. Уж не ты ли это?

— Это я, Учиха-сан, — согласился Чирику, вежливо ответив женщине и опасливо припомнив количество томое в ее глазах. — А откуда вы знаете?

— Тендзё нашептал, — весело рассмеялась женщина, невольно заставив Чирику улыбнуться в ответ. — Шучу, конечно. Охеми, мой ученик, тоже получил приглашение. Вот и слышала тогда твое имя. Мы сейчас последнюю миссию в группе выполняли и теперь движемся в столицу. Ты тоже?

— Да, Учиха-сан.

— Тогда, может, составишь нам компанию?

Чирику, посмотрев на то, как Охеми складывает печати, заставляя холмик с хокора утонуть в земле. Похоже, он что-то знает о Рюджинкё, может, даже является его последователем. От него можно больше узнать о Воле Дракона.

— Конечно, Учиха-сан, вместе путь безопаснее и короче.

20 сентября 48 года от начала Эпохи Какурезато

Башня Юкихиме, храм Рюджина в Роуране, утопала в тишине. Ночью здесь было малоллюдно, освещенные лампами коридоры были полны какого-то сакрального умиротворения, которое не мог нарушить даже отчаянно бьющийся в витражи осенний холодный ветер. В этом году промозглые туманы с моря добрались даже до города, из-за чего ночной мороз казался еще более пронизывающим. От него редко спасали даже толстые стены башен.

— Значит, источник наркотиков — все-таки Страна Овощей. И, зная это, ты предлагаешь заключить с ними союз? — холодный голос матери был под стать погоде.

Сара была привычна к характеру королевы Роурана, который она демонстрирует на публике, хотя прекрасно знала, что у нее есть и иная сторона. Сейчас холод в голосе Сальмы был требователен, а не зол.

— Я знаю, что ты не на столько глупа, чтобы поддаться ненависти и начать клеймить

всю Страну Овощей обвинениями во всех возможных грехах, — ответ следующего подле королевы человека был спокоен и взвешен. — Их дайме действует в своих интересах, но мы можем найти к нему подход. Пока конфликт неофициален, и нам невыгодно выводить его на новый уровень, становясь инициаторами. Страна Овощей — это ценный ресурс, который может быть большим бонусом в переговорах с Суной. Это плодородные земли и трудолюбивые люди.

Человеком этим был Омушимару, шиноби с шестью руками и белыми глазами. В последнее время королева была близка с ним, часто советуясь по многим вопросам. После того случая в борцовском зале, когда Сальма внезапно отвесила пощечину гостю из Страны Звука, их отношения стали странными. Сара понимала, что это связано с прошлым, Омушимару говорил, что раньше он уже бывал в Роуране под иными обличиями. Однако подробностями мать делиться не торопилась. Хотя Саре было крайне интересна причина необычного поведения матери. Ранее она никогда не видела в ней такой... вредной игривости. Желания уязвить и уколоть человека, но чтобы не обидеть, а пожалеть и проявить доброту в итоге. Причем эти в чем-то детские нападки Омушимару воспринимал с непоколебимым добродушием. Это было очень странно.

— Страна Овощей слишком близко граничит со Страной Земли, — тем временем с сомнением заметила Сальма. — Раньше Ива рассматривала и Роуран, который находится дальше от ее родины, как зону своих интересов. Думаешь, сейчас они готовы впустить на свою территорию Суну.

— Сейчас у них нет шансов помешать Песку. Война с Кумо и Конохой не позволит отвлечься еще и на Суну, пока та не начнет вторгаться непосредственно в Страну Земли. Прямого конфликта не будет, но, конечно, Цучикаге может попытаться найти иные методы влияния на Сунагакуре.

— Война когда-нибудь кончится. И тогда дайме Земли обратит свой взор на задний двор. Думаешь, тогда уже будет поздно?

— Думаю, это зависит от успешности переговоров с Казекаге. И от того, как у него получится управлять Суной. Если ты поможешь ему советом, как управиться с вольницей родов, то это поможет нашему общему делу.

— Кто бы еще мне помог таким же советом. К тому же, сейчас Казекаге нужна помощь в первую очередь не в борьбе с родами, а в сохранении собственной жизни. После выхода Соры дайме Страны Ветра наверняка пожелает сменить Тенрая на более приемлемого шиноби. Это желание и так должно было его давно преследовать, но теперь, когда Сора, занимающаяся озеленением пустыни в моей стране дочь Орочимару, активно и успешно добивается расположения Казекаге, Тенрай становится еще менее приемлемым Казекаге для дайме.

— С этим мы уже мало что можем сделать без доброй воли самого Тенрая. А он упрям, как стадо баранов.

— Наверное, именно это в нем и понравилось Соре. Говорят, женщины предпочитают находить себе мужей, похожих на отцов.

— Гм. Кажется, Рюджин-сама не был замечен в упрямстве.

— Только не тогда, когда дело касается покорения сердец.

— Возможно, ты права... Но это сложно назвать отрицательным качеством.

— О, да. В чем-то оно достаточно мило.

Идущая вслед за матерью и Омушимару Сара украдкой вздохнула. Опять эти двое

принялись за свое. Видеть такую игривую сторону матери было необычно и приятно, но Сара не могла избавиться от грызущего изнутри чувства ревности и легкой обиды. Почему мама вела себя так с Омушимару, если она всегда говорила, что любит только отца Сары? Впрочем, ответ на этот вопрос принцесса Роурана все же знала.

В Омушимару-сенсее, как и в Орочимару, чувствовалась некая непреодолимая сила и непоколебимая воля, дающая ощущение защиты и спокойствия. И это ощущение было подкреплено реальными действиями. Сара видела мощь Омушимару-сенсея во время тренировок, и ей рассказывали, как именно он год назад встал на защиту королевы, за считанные секунды уничтожив десять могущественных шиноби и спугнув кого-то, чью силу многие самураи, бывшие свидетелями схватки, не могли даже описать. Но, кроме личной мощи, за спиной Омушимару была тень Рюджина, воля которого объединяет все больше людей. Именно она создала из разрозненных княжеств государство, способное сейчас противостоять всей мощи Киригакуре!

Поддержка такого человека, ощущение его силы за спиной — это было очень ценно для королев Роурана, чья жизнь часто заканчивалась на клинках шиноби.

— А ты что скажешь об этом, Сара? — внезапный вопрос заставил девушку встрепенуться.

— О чем, Омушимару-сенсей? — неловко улыбнувшись, уточнила Сара.

— Дочь, не расстраивай меня, — нахмурившись, строго произнесла Сальма. — Обычно ты не витаешь в облаках. Что с тобой сегодня?

Взгляд Сары заметался между требовательно глядящей на нее матерью и загадочно улыбающимся Омушимару. Быстро придумать приемлемый ответ не получалось.

— Витать в облаках для девушек возраста Сары нормально, Ваше Величество, — неожиданно для принцессы встал на ее защиту Омушимару. — Она одаренная и усердная девушка, но все же стоит сделать скидку на ее возраст.

— В ее годы я... — рассержено начала было говорить королева, но была прервана Омушимару:

— Сальма, ты же понимаешь, что жизнь Сары, к большому счастью, не похожа на твою. У нее есть ты. И я не допущу, чтобы кто-то посмел это изменить. Сара усердно трудится, чтобы стать вровень с тобой и своим отцом, чтобы стать лучше. Но у нее есть право оставаться подростком.

Удивленно посмотрев на Омушимару, Сара быстро перевела взгляд на мать, опасаясь, что сейчас она может вспылить. Обычно Сальма не любит, когда ее прерывают, но с Омушимару она часто вела себя не так, как с другими, поэтому вспышке гнева королева предпочла успокоиться.

— Ты прав, — вздохнув, согласилась Сальма с мужчиной, однако не замедлила с едким замечанием: — Но если ты, Сара, в своем трепетном и нежном возрасте уже думаешь о мужчинах и из-за этого даже не слушаешь, о чем говорит твоя мать, то я должна будет поговорить с тобой. Наедине! — Омушимару был одарен мечущим искры взглядом. — Если ты хочешь стать лучше своей матери, то должна быть разборчива в мужчинах.

— Вы всецело правы, Ваше Величество, — согласился Омушимару. — Итак, Сара, как ты думаешь, как стоит решить проблему со Страной Овощей?

— Я думаю, что нужно сделать так, чтобы выращивание наркотиков стало для страны невыгодным, — быстро ответила Сара, все еще находясь под впечатлением от услышанного диалога матери и Омушимару.

— Это очевидно, дочь, — строго заметила Сальма. — Как это лучше сделать, вот что интересно.

— С имеющимися у нас силами и с нынешними отношениями с пустынными кланами лучше всего будет попытаться решить проблему в корне. То есть принудить дайме Страны Овощей изменить политику. Сейчас снова должно стать выгодно заниматься выращиванием сырья для лекарственных субстанций. Конечно, еще более выгодно для нас было бы, чтобы в Стране Овощей вообще отказались от выращивания опасных растений в пользу продуктов питания, но это вряд ли допустит Страна Земли. Ивагакуре не выгодно, чтобы в пустыне появились дополнительные поставщики продуктов.

— А если его убедить, что они будут не дополнительными, а новыми? Можно использовать силу противника для своих целей. Дайме Страны Земли ведь будет более выгодно, если Сунагакуре разорвет договоры со Страной Ветра, а продовольственная независимость станет большим стимулом в этом направлении для Песка, — предположил Омушимару.

— Это рискованно, — подумав, ответила Сара. — Слишком большие потрясения в регионе могут отразиться на Роуране. Мы слишком зависим от торговых путей, сообщение по которым наверняка прервется в случае конфликта дайме Ветра и Казекаге. Кроме того, несмотря на плодородие почв в Стране Овощей, ее площадь слишком мала и климат не самый благоприятный, чтобы заменить западное побережье.

— А если присовокупить к ее площадям Страну Медведей? Несколько лет назад Третий Хошикаге запретил тайные практики в своей деревне, благодаря которым она и обрела норы, чтобы равняться на Большую Пятерку. Хошикаге может быть выгодно сотрудничество с Роураном, чтобы избежать конфликта с шиноби больших стран, которые давно неодобрительно относятся к амбициям Хошигакуре, решившей именовать своего лидера Каге.

— Слишком много неопределенности, Омушимару-сенсей, — нахмурившись, ответила Сара. — Нужно договориться со многими людьми. С некоторыми у нас не лучшие отношения. Эта стратегия требует много времени на подготовку и реализацию. Страна Песка вряд ли сможет ее воплотить, слишком сильно влияние Стран Ветра и Земли на малые государства, нас окружающие. А в политической игре с Великими державами Роуран вряд ли может рассчитывать на победу.

— А как же амбиции? — вскинув белые брови, поинтересовался Омушимару. — Нет, что ли, желания создать новую Великую державу со столицей в Роуране?

— Излишние амбиции слишком часто приводят к ранней смерти, — мрачно высказалась Сальма. — Но риск может быть оправдан, Сара. Омушимару прав, твоя жизнь не похожа на мою. И я не хочу, чтобы ты или иные правители Роурана повторяли мою судьбу или судьбу моих предков. Новый порядок этому бы очень помог, дочь. Риск может быть оправдан. Я выпутывалась и не из таких авантур, пока рядом есть дракон, способный взять в руки меч и защитить меня.

Посмотрев на мать, Сара украдкой вздохнула. Раньше этим драконом был отец Сары, Тацума Гото. Сальма сама рассказывала дочери, что только благодаря ему решила на перемены, благодаря которым появилась Страна Песка. Похоже, теперь она нашла себе нового дракона. Что же, стоит этому радоваться. Ведь своей дочери королева также рассказывала, что сама убеждала Тацуму перестать жить прошлым и держаться за него.

Мысль Сары прервали донесшиеся впереди по коридору приглушенные слова, которые

эхом отдавались от каменных стен.

— Почему вы так долго? Тенрай уже давно ждет.

Впереди их ждала Сора, приемная дочь Орочимару.

— Пришлось постараться, чтобы незаметно покинуть дворец, — недовольно ответила королева. — Иногда мне кажется, что в нем живет слишком много людей. О, ками, как же было бы просто, если бы шпионами могли быть только шиноби. Прокрадываться по собственному городу, словно воровке, было унижительно.

— Мы же не хотим, чтобы дайме Страны Ветра догадался, что мы ведем переговоры с Казекаге в тайне от него. Ради сюрприза стоит потерпеть.

— О, чтобы удивить этого старого пердуна, я готова стерпеть и не такое, — многообещающе процедила королева. — Идем.

Да, в башню Юкихиме королева пришла совсем не для того, чтобы приобщиться к Рюджинкё. Просто это место было самым удобным для переговоров с Сунагакуре, так как в последнее время Сальма покидать Роуран не рисковала.

Не мешкая, Сора проводила королеву в небольшую залу, где уже находились Тенрай, Раса и Пакура. Уже знакомая Саре группа шиноби Сунагакуре. Так же здесь были несколько служителей храма Рюджина, среди которых знакомый принцессе Яги Ибури.

Оказавшись в зале, Сара невольно подобралась и сосредоточилась. Находиться рядом с такими сильными шиноби было некомфортно, но ее мать решила рискнуть и изменить существующий миропорядок. Для этого стоит потерпеть некоторые неудобства. Тем более что вряд ли шиноби Суны хоть немного более приятно находиться в Роуране, когда на стороне королевы клан Рюсей.

Глава 44. Интерлюдия

4 января 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Что-нибудь выбрали, дорогие гости? — прелюбезнейшим тоном поинтересовалась выглянувшая из-за ширмы девушка, задорно наострив ушки.

— О, барышня, вы как раз вовремя, — призывно махнув рукой, радостно отозвался Гато. — Наши друзья запаздывают, так что мы начнем без них. Принесите нам...

Пока Гато заказывал выпивку и закуску, Тазуна невольно пожирал глазами работницу идзикаи, в которой их группа планировала встретиться после выполнения задания. Эта пронзительно рыжая барышня имела аппетитные формы, которые не получалось скрыть под кимоно. Но не это так привлекало взгляд, а торчащие вверх покрытые рыжей шерсткой острые ушки, которые выглядывали из прически, и задорно покачивающийся позади пышный хвост, из-за которого пришлось пошить специальную одежду. В целом, за исключением ушей и хвоста, девушка выглядела почти по-человечески, хотя, если присмотреться, можно было заметить и необычно большую и яркую желтую радужку глаз, а так же вертикальные зрачки. Да и личико было каким-то неестественным, что почему-то не отталкивало, а только лишь привлекало взгляд.

— Чудная барышня, — хмыкнув, негромко заметил Тазуна, когда официантка умчалась за заказом.

— А то, — довольно ответил Гато, приложившись к чаше с лимонным коктейлем, к которому пристрастился за время дальних плаваний. — Эх, если б только в этой стране не было этого чистоплюйного учения Рюджина, то можно было бы таких официанточек и в бордели пристроить. Гораздо прибыльнее дело бы было!

— Наверное, при их-то длинных ушах у местных работниц хороший слух, — неловко прочистив горло, напомнил Тазуна. — Не стоит так громко говорить такие вещи.

— О, а тут ты прав, — быстро прикусил себе язык Гато, опасливо осмотревшись по сторонам. — С этими лисами, если верить слухам, лучше не ссориться.

Тазуна только удивленно качнул головой. Гато был странной личностью. В погоне за длинным рё не боялся пересечь океан, но на земле быстро терял всю отвагу. Но не терял чувство наживы, что в итоге его и Тазуну привело в Страну Звука.

— Хотя мне кажется, что кицуне в идзикая и в храмах какие-то разные, — снова пригубив свой коктейль, сказал Гато. — Что скажешь? Ты чакру в них не чувствуешь?

— Я ж не шиноби, у меня работа другая. А на вид... Ну, чем-то и отличаются. Так сходу не скажу, не приглядывался. Другие заботы были.

Естественно, далекая Отомура привлекла их не знаменитыми кицуне. Их наниматель нуждался в информации о других достопримечательностях Страны Звука. А именно о плантациях водорослей в Янтарном заливе. Горючий газ, производимый там, со временем и расширением сфер его применения приобретает все большую ценность, что не может не заинтересовать влиятельных личностей, а с их поддержкой и людей поменьше. Таких, как Гато, который был не прочь получить долю в новом производстве. И таких, как Тазуна, которые считали, что их побережье ничуть не хуже побережья Страны Звука и тоже может поучаствовать в производстве нового ресурса, попутно выводя их маленькую страну на новый уровень, как когда-то это произошло со Страной Звука.

— Я выйду покурить, — заметив, что Гато снова тянется к своим свиткам, произнес

Тазуна.

— Да-да, — отмахнулся Гато, больше увлеченный своими мыслями, чем напарником. — Я бы тоже не отказался, но нужно все записать, пока не вылетело из головы.

На это Тазуна и рассчитывал. За время их путешествия он смог более-менее свыкнуться со спутниками, но все равно суетность и мелочность Гато временами раздражала. Он казался неприятным и опасным человеком, к которому обращаться спиной не стоило. Они оба — и Тазуна, и Гато — родились в Стране Волн примерно двадцать лет назад, оба пережили упадок страны после налетов Анкор Вантиана, но прошлое слишком по-разному на них отразилось. Один поставил перед собой цель восстановить государство и улучшить жизнь населения Страны Волн, второй стремился к улучшению лишь своего состояния.

Чтобы добиться своих целей, Гато стал торговцем, контрабандистом, который не только разбирался в навигации, но и ориентировался в рынках разных регионов. Тазуна же изучал и использовал на практике все накопленные его родом инженерные навыки. Странно, но будущее Страны Волн сейчас зависело от их совместных действий. Тазуна никогда не смог бы найти нужных людей в Стране Звука, которые могли бы продать информацию о газодобывающих плантациях, а Гато просто не узнал бы, какая именно информация необходима.

Тем временем Тазуна, наконец, смог выбраться из здания на открытый воздух и начал набивать трубку крепким табаком. Выбранная ими идзикая была в этом плане ненормальной. Обычные забегаловки были насквозь пропахшими табачным дымом, в них никогда не запрещалось курить. Но здесь из-за работающих подавальщицами лис и кошек курение разрешалось лишь на улице. За все радости жизни приходилось платить, и не всегда только лишь деньгами.

— ... не любят там Рюджина-сама, — донесся до ушей Тазуны вкрадчивый голос неподалеку, пока он раскуривал трубку от висящего над бочкой фитиля. — Еще с окончания прошлой войны слухи ползли.

— Какие такие еще слухи? — живо вопрошал второй голос.

— Что вакцинами своими Страна Звука, наоборот, болезнь разносит, — веско ответил ему первый. — Ну, помнишь, когда мор пошел из Страны Травы.

— Естественно, тогда едва все племя не погибло, если бы не помощь Рюджина-сама.

— Вот, на юге тоже многие гибли. Но люди там дикие, от лекарства шарахались, пока лорд стражей их не загнал к лекарям. Там даже генинов наняли, чтобы народ прививать. Едва бунт не начался, но мураджи его унять смог. Однако с тех пор там Рюджинкё и Рюджина-сама не жалуют.

— Дикий народ...

Покосившись на говоривших, Тазуна едва не поперхнулся дымом, так как на соседней лавке заметил усевшегося лиса. Зверь был обряжен в простое кимоно, рыжий мех под которым был взъерошен из-за недовольства, а на вытянутой морде явно читалось раздражение. Но еще большее удивление вызвал собеседник лиса. Это был зеленый удав, свивший в кольца свое тело на лавке и медленно потягивающий табачный дым из изящной кисеру, зажатой в кончике хвоста. Похоже, промозглая зимняя погода Страны Звука этого змея нисколько не смущала. Хотя это, наверное, была не самая большая странность в нем.

— Брат мой с грузами по Акаю на юг, бывает, ходит, — высказался еще один собеседник, которого Тазуна на фоне других сразу и не заметил, так как это был самый обычный человек. — Доходили до него слухи, что там еще считают, мол, это звери в

подчинении Рюджина-сама сами по себе не болеют, только болезнь разводят, чтоб потом людям передавать. Кажется, даже лис ли, ящериц ли живьем сжигали местами. Вам бы, Хабу-сан, там пореже появляться.

— Не болеют? — искренне возмущился лис. — Да едва не половина клана погибла в тот год!

— Ну, людям этого не доказать, — философски изрек змей. — А про сжигание — не знаю. Может, и враки. У вас, людей, полно всяких ритуалов, с чем попало связанных. Хотя, прислушаться к предупреждению стоит.

— А вон, гость с юга же, — указал лапой на Тазуну лис. — Можно у него спросить. Уважаемый!

— К-хм, да? — сообразив, что речь шла про него, удивлено откашлялся Тазуна. — Чего нужно?

— Да вы же с юга, не так ли? Мне сестра сказала, она в идзекае работает, — уверенно заявил лис. — Мне спросить интересно, как вы там живете в Стране Огня. Вы там правда уверены, что Рюджин-сама мор на вас наслал?

— Эй, Кодука, это ж просто некрасиво — так вопросы задавать, — хмыкнув, упрекнул лиса человек. — Да и кто, вообще, на такие вопросы ответит?

— Так я и не из Страны Огня, так что очень мало что могу сказать о ней, — пыхнув дымом, ответил Тазуна. — В Страну Волн та болезнь не добралась. В ту пору плотины и дамбы порушены Страной Неба были, связи с большой землей почти не было.

— Ого, Страна Волн, кажется, далеко, — почесав за длинным ухом, неловко заметил Кодука.

— За Страной Огня, на островах, — пояснил Тазуна.

— Но сюда же наверняка по Акаю добирался? Или по Хокке? — предположил мужчина, брат которого занимался речной перевозкой грузов. — Что там по пути слышно было? Не страшно было вообще в войну-то в такую даль идти?

— По Хокке, конечно. До Акаю далече было. А что слышно? Ну, война на юге сейчас и не заметна, вроде как. По реке прошли совсем без проблем, только в городах шиноби появляются, — честно ответил Тазуна. — А слышно что? Да, вообще-то, все про войну в основном и слышно. Беженцы, голод, холод. О, кстати, да. Путник из Кисараги жаловался, что Тоника-мура закрыта из-за мора.

— Ну, с этого-то наш разговор и начался, — покивал головой лис. — Эх, войны. Они всегда к этому приводят.

— Мне сын, он в школе учится, кстати, — как показалось, с излишней хвастливостью произнес мужчина из Страны Звука, искоса гордо посмотрев на Тазуну. — Вот он говорит, а ему учителя рассказали, что войны людей с места дергают. И они свои болезни разносят туда, где к ним люди привычки не имеют. И на новых местах заражаются теми болезнями, которыми там люд болеет. Из-за того новые формы появляются, и уже все болеть начинают.

— Да, беженцев сейчас много. Я и сам, считай, из таких, — согласился Кодука.

— В Стране Звука много нового люда, — согласился флегматично дымящий трубкой змей.

— Но здесь карантин не объявляли нигде, вроде бы, — заметил Тазуна.

— Это же земля, принявшая покровительство Белого Змея, — полоз озвучил в ответ очевидное, на его змеиный взгляд, объяснение. — Мор здесь невозможен.

— Чудесное это место, должно быть, — неволью закашлявшись от такого заявления,

все же смог ответить Тазуна. — Жаль, что раньше я слышал о нем лишь из чужих уст.

— О, это действительно чудесное место, — горячо поддержал Тазуну лис. — Оглянись вокруг, и ты сам все увидишь же! Ну... Может, и не увидишь. Может, это мне только так кажется. Все-таки в сравнении с тем краем, где мне раньше приходилось жить, это словно иной мир. У людей может быть и по-другому.

— Ха! — выпустив длинный шлейф дыма, Тазуна осмотрел улицу города, в котором ему пришлось оказаться.

Наверное, она не так уж сильно отличалась от столицы Страны Огня, через которую недавно пришлось пройти по реке. Но Отомура выглядела как-то аккуратнее. Своим наметанным взглядом Тазуна мог отметить, что коммуникации здесь были более продуманными. Что и не мудрено, город проектировался с расчетом на линии электропередачи, на наличие водопровода и горючего газа. Хотя это не главное. Было что-то в людях. Ну, кроме того, что кроме, собственно, людей, здесь было достаточно и других жителей.

Увлеченный заданием, Тазуна раньше на это не обращал внимания. И сейчас с ходу не мог бы сказать, за что цепляется взгляд при виде местных жителей. Другая одежда? Традиции иные? Может, все сразу. Но одно Тазуна мог сказать точно, такой он бы хотел видеть Страну Волн. Разве что животных бы поменьше.

Все же девушка с ушками — это мило. Но узнать, что у такой барышни есть брат с лисьей мордой, было как-то неприятно. Да и змей этот... От холодного немигающего взгляда по коже пробегали мурашки.

Нет, Страна Волн определенно должна стать лучше Страны Звука! Тазуна обязан сделать для этого все.

15 января 49 года от начала Эпохи Какурезато

Выбивая зубами дробь и закутавшись в одеяло, Кушина словно зачарованная смотрела на медленно закипающий алюминиевый электрический чайник. Провод с тканой обмоткой был слегка потрепан возле штепселя, пару раз девушка уже небрежно дергала это чудо техники, забыв выдернуть шнур, из-за чего теперь оно иногда замыкало, грозя перегореть. После этого с техникой приходилось быть аккуратнее, так как купить новый чайник пока руки не доходили.

— Съезжать из дома было тупо, знаешь ли, — печально пробормотала Кушина, вздыхая над тонкой струйкой пара, текущей из носика чайника, и глядя во тьму за окном.

После череды унижительных комментариев от Орочимару, Кушина преисполнилась решимостью доказать ему, что уже давно может считаться взрослой. Но сделать это, живя в поместье Сенджу, было сложно. Узумаки и сама понимала, что жить вместе с Цунаде и давно переехавшим к ним Джирайей — это все равно, что с родителями. Тем более после рождения Наваки.

Цунаде и раньше во многом заменила Кушине погибших родителей, но теперь ее повадки все больше начинали приобретать характерные материнские черты. Теперь уже сестренкой даже язык не поворачивался ее назвать.

Поэтому первым пунктом в начале взрослой жизни стояло обретение отдельного жилья. И это поначалу было даже неплохо, денег-то хватало. А потом началась зима...

— А в поместье есть газ. А котельную можно и дровами затопить, — шмыгнув носом и поплотнее закутавшись в одеяло, пробормотала Кушина. — Горячая вода. Горячая еда.

Еще раз вздохнув, девушка выключила вскипевший чайник и заварила ramen. И,

возрадовавшись, что больше не нужно переминаясь с ноги на ногу на ледяном полу кухни, молнией метнулась к котцу, рыбкой запрыгнув под него.

— Тепло! — довольно произнесла Кушина, поворочавшись в тепле котцу и прижавшись ладонями и лицом к высокой тарелке с раменом. — Славьтесь в веках, изобретатели лапши быстрого приготовления!

Взрослая жизнь в этом году как-то не задалась. Но сдаваться Кушина пока была не готова. Возможно, скоро она сможет позволить себе купить дом, где тоже будет газ. Например, как у Микото. Эх, у нее еще и полы теплые есть, чтоб Итачи не мерз. Учиха их Охеми запрягла делать.

— В гости завалиться, что ль? — лениво растекшись по столешнице, спросила сама себя Кушина. — Еще б в баньку зайти, но там снова народа тьма. Пялиться начнут, судачить... Кошелки старые!

Так бормотать себе под нос было не очень-то по взрослому, но у Кушины было оправдание. У нее всегда был рядом собеседник, который иногда даже отвечал. Как сейчас, например.

— А в Стране Звука сейчас должно быть тепло, — прогрохотали в голове раскатистые звуки чужого голоса. — Там климат похож на тот, который был в Стране Водоворота.

— Кьюби... — недовольно буркнула Кушина, отрываясь от теплой столешницы котцу.

— Микото говорила тебе, что Орочимару требователен к своим ученикам. Все они владеют методиками сопротивления жаре и холоду с помощью контроля чакры. Похоже, для него это так естественно, что он даже не думает, что шиноби могут мерзнуть. Не удивительно, что тебя, дрожащую от холода в своей камерке он считает ребенком. Ты не способна даже согреть себя.

— Опять ты за свое! — буркнула Кушина.

Контроль чакры не был ее сильной стороной. Да и про такую методику она слышала впервые. Наверно, Цунаде могла бы ее знать, но сама Кушина в попытке согреться могла ненароком спалить весь дом.

— Не говори так, будто ты недовольна моим появлением, — прозвучали в голове полные насмешки слова биджу. — С кем, если не со мной, ты будешь говорить? Одна в этой деревне. Когда там живут твои подруги детства, там тебя ждет твой клан. В стране, где аж целый ками считает тебя своей дочерью.

— Заткнись! — не выдержав, выкрикнула Кушина, обхватив голову руками. — Заткнись...

Поток чакры укрепил печать, подавив чакру биджу, и ощущение чужого взгляда пропало. Голос демона в голове замолк. В этот раз получилось проще. После перезапечатывания биджу, с ним вообще стало проще жить. Контроль чакры Кьюби улучшился, но за это пришлось платить его вниманием, его незримым присутствием. И коварными речами.

— И вовсе я здесь не одна, — проворчала Кушина, открывая чашку с лапшой, которая выпустила в холодный воздух облако ароматного пара. — Здесь Цунаде живет, Джирайя. И Микото с Нами. Тетушка Бивако. Фугаку и Минато, опять же, тоже неплохие парни. Охеми, придурок малолетний, смылся, правда, но Анко здесь еще. И прочая детвора. Я не одна, слышишь ты? — похлопав по печати на животе, наставительным и уверенным тоном произнесла Кушина. — Так что сиди тихо, понял, да?

Только вот... Узумаки теперь живут в Отогакуре, и это слишком многим известно. Эти

косые взгляды, перешептывания. И недавно вырвавшийся биджу на волю. А ведь и раньше ее многие сторонились, но после того случая в Стране Звука, о котором уже успели растрондеть по всей деревне, опасения только увеличились. Биджу вырвался раз, и что ему мешает это повторить? Так они думают. И эти их колючие взгляды едва ли не физически царапают спину!

— Наверное, не пойду я в баню, — произнесла Кушина, решительно воткнув палочки в разбухшую уже лапшу. — Сначала в гости к Сенджу, а потом к Учиха. Решено!

План на день был составлен, и его Кушина стала придерживаться. В поместье Сенджу была своя, сохранившаяся еще со времен Хаширамы котельная, а значит, была и горячая вода в купальне. Но что еще лучше, стараниями Джирайи в поместье появилась и окэбуро. Большая кипарисовая бадья с бронзовой топкой стояла под навесом возле купальни, и из нее открывался прекрасный вид на припорошенный снегом сад. Отличная замена бане.

Из-за холода Кушина проснулась раньше обычного, так что когда выходила на улицу, небо только начинало светлеть. Пустынные улицы еще не успели раскиснуть, прихваченные утренним морозом. Выпавший еще вчера снег до сих пор лежал на крышах. А вот народу было немного, хотя зимой в Коноху вернулось большинство ниндзя. Интенсивность боев снизилась, и количество миссий в это время традиционно уменьшилось. Но в такую погоду не только на миссии, но и просто из дома многие выходить не желали.

Несмотря на раннее утро, Цунаде встретила Кушину с радостью. Молодая мать вообще была рада любому гостю, с которым можно было разделить заботу о ребенке. Ей, конечно, помогала по дому и с воспитанием Наваки Казамацури, но с ее неумным чадом этого было мало. Тем более что Джирайя вновь, как только это позволила обстановка на фронтах, отправился в путешествие.

— Я просто его не понимаю, Кушина, — сидя в окэбуро напротив Узумаки, устало причитала Цунаде. — Он просто... Просто взял и сорвался с места! Снова эти его книги и писательство, понимаешь? Все лето на миссиях, всю зиму в странствиях. Что за человек, а?

— Папуля у нас деньги зарабатывает, да, Наваки? — сидя в бадье напротив Цунаде и поддерживая перед собой весело бултыхающегося в теплой воде ребенка, ответила Кушина.

— Да! — охотно поддержал Кушину малыш.

— Да что эти деньги, Кушина? Ему же процесс важен. Снова по баням таскается наверняка, паршивец! По пабам всяким, — презрительно фыркнув, сказала Цунаде. — Не знай я его лучше, давно б прибила, но кроме рук Джирайа ничего не распускает. Вроде. Так что только все ребра пересчитаю при встрече. А ты, Кушина, мужа себе нормального ищи. И уже сейчас ищи, пока всех нормальных не разобрали! Чтоб его не носило по миру. И чтоб по всяким злачным местам не шлялся. Это мне не везет, а ты умнее будь. Дернуло же меня послушать Орочимару с его советами!

— Я же джинчурики, тут не просто все, — помогая Наваки удержаться стоя на лавке в ванной, ответила Кушина.

— Брось! — небрежно посоветовала Цунаде. — Ты уже не в Узушио, оставь свои клановые замашки. Здесь тебя эта вся ерунда с устройством браков не коснется. Пользуйся возможностью, пока я разрешаю.

— Время идет, мир меняется, а Узумаки с нашими традициями живут, — почти автоматически ответила Кушина в ответ на претензии к клановым порядкам, но быстро поняла, что ляпнула лишнего: — Прости, Цуна... Я не подумала, что Сенджу...

— Брось, — второй раз повторила Цунаде, немного похмурившись и отвернувшись к

саду. — Что было, то было. Но и ты сейчас не обижайся на то, что я скажу. Узумаки, Кушина, в прошлую войну выжили не благодаря традициям, а благодаря вмешательству Орочимару и его Отогакуре, не так ли?

— Ну...

— Вот и я о том же. Тебе уже сколько лет-то? Двадцать три! Ты чего ждать-то собираешься еще?

— Ну, началось. Еще одна... — надулась Кушина.

— И не дуйся. Двадцать три года и даже не замужем. У тебя мужчина-то хоть есть? Или всех уже распугала, Кроваво-красная Хабанеро?

— Алый Лотос, — отвернувшись, поправила Кушина.

— Что? — не поняла Цунаде.

— Алый Лотос, — с вызовом посмотрев в глаза Цунаде, ответила девушка. — Гурен я, а не Акай Чишио но Хабанеро.

— Ха! Орочимару, паршивец, тебе мозги промыл? Ну-ну, лотос так лотос. Ну, так чего ты ждешь-то? Нет парня под стать нашему цветочку? Пока ты ждала, уж и Злоглазый Фугаку женился, напарник твой. И Желтая Молния, кажется, тоже нашел уже кого-то. Джирайя так говорил, по крайней мере. А напарники это самый верный вариант обычно в мужья. По своему горькому опыту говорю. Пережив вместе войну, начинаешь лучше понимать друг друга.

— Перестань, — поморщившись, сказала Кушина.

Сейчас ей очень хотелось ответить Цунаде, как сегодня утром Кураме — просто приказать заткнуться. Но с Сенджу такой фокус не пройдет. Все-таки у посещения вместо бани поместья тоже были свои минусы, про которые Кушина успела подзабыть, живя отдельно от Цунаде.

Поэтому и сегодня задерживаться в поместье девушка не стала, поторопившись исполнить следующий пункт своего плана дел на день.

— Раз уж ты собираешься к Учиха, то вот, держи, — провожая Кушину, уже на пороге сказала Цунаде, протягивая аккуратный бумажный пакет.

— Что это? — удивленно спросила Кушина.

— Подарок. Сладостей немного. Не с пустыми же руками идти в гости.

— Что это с тобой? — удивленно посмотрела на Сенджу Кушина.

— Что такого? — недовольно посмотрела в ответ Цунаде. — Обычная вежливость.

— Ну-ну... Неделю назад ты мне подарок на день рождения Хиаши передавала, и сама еще что-то отправляла. А до этого еще и на свадьбе Фугаку тоже самое было. Ну там ладно, более-менее повод был веский моих друзей поздравить, но сейчас-то? Я к Микото уже как к себе домой хожу.

— Вот именно! — раздраженно ответила Цунаде. — Поэтому лишним не будет. Сейчас вообще... Да, время сейчас такое, что лучше стараться поддерживать с кланами тесные и крепкие связи.

— Что? А что случилось?

— Ничего, — коротко и недовольно ответила Сенджу. — Просто предчувствия тревожные. Из-за Джирайи, будь он неладен! Бродит по стране да еще и письма нормальные отправить не может, все доклады какие-то... А, забудь!

— Ну, хорошо... — удивленно вскинув брови, ответила Кушина, принимая все-таки подарок.

— Сестренка Кушина, приходи еще! — держась за ногу матери, весело сказал Наваки, глядя на Узумаки пронзительно голубыми глазами.

— Уву! — мигом забыв о странностях Цунаде, умильно воскликнула Кушина и потрепала мальчишку по белокурой голове. — Конечно, приду, Наваки-чан!

И уже через полтора часа, успев наиграться с детворой в квартале Учиха в снежки, Гурен сидела за столом на кухне Микото, распивая зеленый чай с печеньем и наслаждаясь теплом.

— ... и она снова за свое, понимаешь, да? — переполненная возмущением, жаловалась Кушина. — То ребенком обзовут, то замуж отправляют. Бесит!

— Это кто тебя ребенком назвал и жив при этом остался? — рассмеявшись, уточнила Учиха.

— Да есть... один, — неловко заюлила Узумаки. — Да не важно! Ты меня за кого держишь? Я зверь, по-твоему, что ли? Я Гурен, ясно, да? Не Хабанеро! Я начала новую жизнь. Путь миролюбия, ясно?

— Ага, конечно. Но назвать тебя ребенком и не получить в лоб... Это Минато на такое, что ли, способен?

— Да даже если он, то что? — недовольно надувшись, агрессивно ответила Кушина, внутри обрадовавшись, что Микото сама нашла ответ на свой вопрос.

— Знаешь, если хочешь, чтобы тебя перестали считать ребенком друзья, особенно мужчины, тебе стоит самой поменять к ним отношение.

— Чего? — удивленно скривилась Кушина.

— По своему опыту говорю, — пояснила Микото. — Посмотри на себя со стороны. И на него. Вы же с Минато знакомы с детства, он может считать тебя ребенком, потому что вы сами не поняли, что то время уже давно минуло. Посмотри на него свежим взглядом, а потом бери инициативу в свои руки. Отец Итачи, несмотря на свой ум, был достаточно туп в этом плане. Пока я сама не затащила его в постель, он, кажется, видел во мне еще одну свою дочь. Придунок.

— Так, Микото, при чем здесь... — Кушина хотела спросить, по какой причине подруга речь завела о Минато, но вовремя прикусила язык, одновременно осознав смысл сказанного Микото: — Подожди, подожди! Ты что, тоже начинаешь меня сватать, что ль?! Микото! Хватит уже! Ками! Мне, по-твоему, Цунаде мало?

— Ну, она все-таки права. Тебе уже двадцать три, а ты пока мужчин только распугиваешь, — с улыбкой ответила Учиха, насмешливо добавив: — Гурен. Кто вообще придумал это имя?

— Неважно, знаешь ли, — все еще огорошенная внезапным и подлым ударом от близкой подруги, ответила Кушина. — Ты лучше скажи, я, что, и в самом деле так безнадежна?

Ответила Микото не сразу, несколько секунд она не моргая разглядывала плавающую в своей чашке чайнку, пока наконец не сказала, загадочно улыбаясь:

— Знаешь, ты не такой большой ребенок, как я до Второй войны, поэтому война не заставила тебя повзрослеть, наверное. В этом нет ничего плохого. Это даже хорошо. Просто сейчас стань решительнее. И пойми, чего ты хочешь сама. Не жди, пока все за тебя решат другие. Вот и все. Если хочешь, чтобы Минато перестал считать тебя ребенком, просто заставь его изменить свое мнение.

— Да причем здесь!.. — снова едва не вспыхнула Кушина и опять вовремя прикусила

язык. — Так, я поняла, ладно! Скажи лучше, как мне это сделать, ясно, да?

21 января 49 года от начала Эпохи Какурезато

Звонкий шлепок обжег щеку Теруми. Его звук быстро погас в тумане. Холодная морось гладила кожу, смягчая боль, но мелкие брызги дождя не могли охладить кипящий от ненависти разум девушки. Однако, сцепив зубы, она терпеливо молчала, вперив взор в набухшие от влаги доски мощеной тропинки, стараясь скрыть за мокрыми волосами лицо.

Нельзя показывать злобу, отразившуюся на нем, это вызовет только новые проблемы.

— А здесь ты гораздо скромнее, — обронила полные насмешки слова девушка, стоящая перед Теруми и вытирающая платком свою ладонь, которой только что отвесила пощечину. — Фу, мне пришлось коснуться этой шлюшки Теруми. Мерзость!

Мей едва не скрипнула зубами от еле сдерживаемой ярости. Эта высокородная шваль просто врезала ей на ровном месте! Что, вообще, ей могло понадобиться?! Что значат ее слова? Здесь скромнее? А где не скромнее могла себя вести Теруми с Хозуки? В Стране Горячих Источников? Да там этой твари даже не было никогда!

Внезапный удар под колени заставил Мей упасть. Вымокшие доски больно врезались в колени. Жесткая рука грубо схватила Теруми за волосы, принуждая склонить голову перед Хозуки.

— Не забывай, что должна сказать, — с нотками превосходства в голосе приказал молодой парень, сопровождавший Хозуки.

— Прошу прощения, Хозуки Фугецу-сама, — Теруми выдавила из себя эти слова, постаравшись, чтобы в них не отразились ее истинные чувства.

Гнев кипел, силясь вырваться наружу и сдавливая грудь. Сейчас девушка ненавидела уже себя. За то, что умудрилась пропустить удар этого придурка из клана Сенка. Этот выслуживающийся перед высокородной тварью урод был ничемным шиноби. Но ярость настолько застила глаза Мей, что она даже не заметила его подножки. В бою этот Сенка давно бы был превращен туманом Теруми в медленно булькающий кисель, но сейчас ей приходилось терпеть унижения. Это вызвало еще большую злость. Но вместе с ней душу сковывало отчаяние и подленький страх, которые не позволяли даже помыслить о сопротивлении.

Звук взрезанного кунаем воздуха уши Теруми уловили сразу, даже несмотря на плотный туман, гасящий шум. Она даже дернулась, наученная горьким опытом войны, но быстро сообразила, что оружие нацелено не в нее.

Болезненный вскрик сначала Сенка, а затем и Хозуки стал усладой для ушей Мей.

— Фугецу. Бестолочь из клана Хозуки, — раздался медленно приближающийся из тумана голос. — Помню, тебе повезло во время моего экзамена. Маленькая сыкунишка на него не явилась. Какая жалость! Твоя миленькая тушка не осталась лежать разделанной моим клинком на арене. Тц, тц. Пора исправить ошибки прошлого.

— З-забуза! — сцепив зубы из-за боли и зажимая пробитое кунаем предплечье, испугано вскрикнула Хозуки. — Т-ты не посмеешь! Даже ты не посмеешь!

— Ты уверена? — голос приблизившегося достаточно, чтобы его можно было разглядеть в тумане, Момочи наполнился хищными нотками.

Мерзкий холодок страха проник в душу Теруми. Перед глазами на мгновение промелькнули кровавые сцены с ее собственным участием. При виде собственных потрохов тут же начало мутить. Сжав кулаки, Мей поторопилась очистить разум от давления *сакки* Забузы. За время совместных миссий она уже успела привыкнуть к жажде убийства Момочи

и научилась ей сопротивляться.

— Ты не посмеешь! — еще раз, уже истерично, вскрикнула Фугецу Хозуки, быстро подскочив к своему напарнику и одним рывком за пояс помогая ему подняться на ноги, что у того получилось плохо из-за вонзившегося в икру куная.

Испуганно ощерившись, Хозуки рванула из руки кунай Забузы. Кровь хлынула было из раны рывками, но быстро остановилась. Рана словно размылась, кровь и плоть превратились в воду, медленно затягивая повреждения. Фугецу решительно выставила оружие перед собой одной рукой, второй, раненой, помогая Сенка стоять на ногах.

— Ну-ну. Не обоссись от страха только. Все-таки мы в Мемориальном парке, — насмешливо произнес Забуза, наблюдая за этим действием. — Ладно, свалили в туман. Сегодня еще не ваш день.

Торопиться и убежать Хозуки не стала, медленно и в тишине, не опуская оружия, она обошла по широкой дуге Момочи. С раненым Сенка у нее быстро бы скрыться и не получилось.

— Спасибо, — негромко пробормотала Теруми, все еще стоя на коленях, когда Хозуки скрылась за пеленой тумана.

— А? Мне показалось, что только что кто-то рядом что-то пискнул. А, и ты здесь, Мей. Прости, не заметил, — презрительно скривившись, ответил Забуза. — Что ты там хотела сказать?

— Спасибо, — уже громче сказала Мей, прямо посмотрев на Забузу.

— Эй, разве так должна смотреть Теруми на Момочи в Киригакуре? — сложив руки на груди, нагло спросил парень. — И так ли она должна со мной говорить?

Снова скрипнув зубами от вновь вспыхнувшей в душе злобы, Мей медленно перевела взгляд в землю, негромко произнеся:

— Благодарю, Момочи-сама.

Отвращение. Именно это она сейчас испытывала. И не к Забузе. Не к этой Фугецу даже и не к Сенка. К самой себе.

По глухому звуку шагов Теруми догадалась, что Забуза приблизился к ней. Он опустился на корточки рядом с ней.

— Ну и куда делась та наглая босячка, вечно порывающаяся командовать? — с досадой спросил Момочи, но ответа не получил. — Тц! Ты хотя бы голову подними, когда я с тобой разговариваю!

Крепкая рука парня схватила Теруми за волосы, заставляя ту поднять взгляд. А вот второй рукой, к полной неожиданности Мей, Забуза резко дернул за ворот кимоно девушки, оголяя ее ключицы.

Внезапный страх сковал горло, даже не позволив Теруми пикнуть в этот момент, не то что дернуться в свою защиту.

— Понятно, — после паузы тихо произнес Забуза, отпуская девушку. — Так тебя тоже. Нужно было догадаться.

Придя, наконец, в себя, Теруми торопливо запахнула ворот кимоно, вновь скрывая за одеждой пять небольших линий на коже, которые всегда так страшилась выставлять на показ.

— Ты уже видел это? — тихо спросила она у Забузы.

— У Китеки, — кивнул он. — Вас там всех в том лагере заразили этой дрянью?

— Да, — прикрыв глаза, на выдохе ответила Теруми.

Моллюски. Призыв в Киригакуре это нередкий. Хозуки часто используют тех, кто помогает им использовать гендзюцу. А вот в Анбу Тумана призывают других. Паразитов, которые вживляются под кожу человеку, возле ключицы на равном расстоянии от глотки и сердца. Дыхательная трубка этой твари выходила в гортани человека, а длинный пищевод по артериям проникал в сердце, в котором закреплялся неким подобием костяного якоря с тремя крючьями. Питался он кровью зараженного прямо из его сердца и в любой момент по приказу Анбу мог убить свое жилище.

— Теперь понятно, чего ты так изгалялась перед этой бестолочью, Теруми. Ха, да ты у нее, считай, на крючке, как тот окунь.

Закусив губу от обиды, Мей с ненавистью посмотрела на Забузу.

— Я не какой-нибудь окунь, Забуза!

— Ага, ты хуже. Ты — Теруми. А это уже приговор.

— Да, я Теруми! — зло воскликнула девушка. — Я Теруми, и я человек, Забуза! Человек, как и ты! Я человек, а не животное, как вам тут всем кажется. И Теруми — это моя фамилия, мой клан! А не ругательство!

— Да разве человек стал бы жить с этой дрянью в себе, — ткнув пальцем в паразитического моллюска, с усмешкой спросил Забуза. — Да уж лучше сдохнуть, Теруми.

— Да, ты прав, — злорадно оскалившись, охотно ответила Мей. — Уж лучше сдохнуть и остаться человеком, чем убивать своего друга и кучу одноклассников на экзамене, не так ли, Момочи?

Лицо парня перед Теруми быстро окаменело, с его губ сползла усмешка, а карие глаза угрожающе потемнели. Вокруг Забузы на миг словно сам воздух налился тенью, но это быстро прошло.

— Забудем об этом, — коротко произнес Момочи, поднимаясь на ноги. — Ты скажи лучше, какого демона здесь одна делаешь? Если уж таскаешься вне отведенных кварталов, то бери с собой своего Юки. Этот тип скользкий, как угорь. С ним Фугецу тебя бы не тронула.

— Сюда я хотела прийти одна, — буркнула Мей, вставая с колен.

— Куда «сюда»? В Мемориальный парк? На кой он тебе сдался? Для твоего клана здесь места не нашлось.

— Это памятник всем погибшим шиноби Киригакуре, — упрямо ответила девушка. — Иных мемориалов нет, значит, и для Теруми тут есть место, что бы вы там не думали!

— Как скажешь. Твои заскоки — твои проблемы. Если нравится унижаться при любом удобном случае, то лучше обращайся ко мне, а не жди встречи с какой-нибудь очередной Хозуки.

— Иди к демонам, придурок!

— Я и сам демон, придумай что-нибудь поумнее.

— Демон не пришел бы в Мемориальный парк, — сердито заметила Теруми. — Я часто тебя тут вижу.

— Так, значит, ты еще и не обучаемая, Теруми, раз постоянно сюда лезешь.

— Однажды этот парк будет доступен для всех, — вновь упрямо ответила Мей, решительно зашагав к мысу, на котором в тумане угадывался силуэт мемориала. — Однажды все поменяется!

Наверное, с минуту она шла молча и слышала лишь звуки своих шагов и шагов Забузы за спиной.

— Да, однажды все поменяется, Теруми, — внезапно раздался позади хриплый голос

Забузы. — Этот твой Юки был до противного прав. Мы и правда похожи. Ты и я.

Глава 45. Путешествие на запад

30 апреля 49 года от начала Эпохи Какурезато

Ажурное плетеное кресло подо мной ощутило тряхнуло, заставляя вернуться к реальности из мира снов. До ушей сразу же донесся шум ветра и гул молотящих по воздуху пропеллеров. Потянувшись и выглянув в квадратный иллюминатор, я увидел только блеклую синеву неба и обмотанные жилами кабелей стойки крыльев. Тонкая преграда фюзеляжа из фанеры благодаря пробковому изоляционному слою неплохо глушила забортные шумы, но все-таки справлялась с этим не идеально.

— Вы проснулись, Рюджин-сама? — обратилась ко мне обладательница глубокого женского голоса. — Кормчий сообщил, что вскоре мы будем у пункта назначения.

Я обернулся на голос, перед моим взором предстала сидящая в точно таком же, как у меня, плетеном кресле девушка. Юная особа была одета в предельно простое кимоно из плотной ткани неярких цветов. Черные волосы были собраны в аккуратную прическу, обрамляя светлое лицо, на котором взгляд цеплялся за три словно вытатуированные линии и разноцветные глаза. Взор этих зеленого и желтого цветов очей на секунду скользнул по моему лицу, после чего вновь устремился к книге, за чтением которой девушка коротала путь.

— Хорошо, — еще раз потянувшись, ответил я.

Спать в жестком кресле, при создании которого думали в первую очередь не о комфорте, а о легкости, было совершенно неудобно.

— Смотрю, тебе приглянулось человеческое творчество, Мататаби, — заметил я, снова посмотрев на книгу в руках девушки.

Этот томик в скромной бирюзового цвета обложке, на которой не было даже намека на иллюстрации, лишь написанное новыми буквами название и псевдоним автора, был мне знаком. «Рай флирта» уже успели перевести на диалект, используя новый алфавит и реформированную лексику Страны Звука. Что и не удивительно, учитывая популярность данного произведения. Не думал, что оно и биджу приглянется.

— Я уже долгое время наблюдаю за людьми, за их жизнью. И делаю это с первых рядов, — аккуратно заложив страницу закладкой, ответила Мататаби, снова взглянув на меня. — Но я все равно понимала не все, что творится в их душе. Меня давно интересовали тонкости описанных здесь, — биджу погладила книгу узкой ладонью, украшенной длинными острыми ногтями, — чувств и переживаний. Мне сказали, что никто, кроме этого автора, не раскрывал прежде эти эмоции с такой ясностью и притягательностью. Пока мне нравится.

— Рад за тебя, — только и оставалось сказать мне.

Мататаби, его заключенная в человеческий организм половина чакры, жил в Стране Звука без малого год. Ровно с тех пор, как произошло нападение Ивы на форпост Кумо, в котором на тот момент находилась Нии Югито. У меня в образе Увабами было достаточно времени, чтобы изучить вживе *Текко Фуин*. Вкупе со знаниями, полученными через Третьего Эя, и со специалистами клана Узумаки разобраться в печати Облака для их джинчурики удалось вполне неплохо. А вот составить технику для биджу, чтобы из нее вырваться хотя бы частично — это уже была далеко не тривиальная задача. Однако с ней тоже удалось справиться, использовав принцип теневого клонирования, при котором в числе прочего

чакра создающего технику разделяется пополам.

Освоить эту технику Матабаи помог Чомей, через которого я с Двуххвостым и вел все переговоры. Достигнув определенного взаимопонимания, нам осталось лишь дожидаться подходящего случая, чтобы осуществить побег Ниби и ее укрытие в человеческом теле в Стране Звука. В мае прошлого года этот случай подвернулся, и вот теперь в моем распоряжении уже три биджу. Пусть два из них не полностью, но и так результат вполне неплохой.

— Наблюдаю посадочную площадку, — предупредил сидящий у штурвала шиноби, которого Матабаи уважительно именовала кормчим. — Начинаю снижение. Ха... Надеюсь, все пройдет гладко.

Пост за единственным штурвалом занимал один из Чиноике, он неплохо освоил клановое додзюцу, так что видел пункт назначения издали. Я также активировал кецурьюган, чтобы убедиться в правильности расчетов пилота. Тот, вроде, не ошибся. Впереди внизу виднелись башни Роурана. И возле него, среди дюн, была расчищена и выровнена длинная полоса для посадки нашего аэроплана.

Это был первый такой дальний и продолжительный полет третьего опытного биплана, на котором ученые Страны Звука отработывали технологии динамического полета. Сутки в воздухе на высоте около пяти километров из Отогакуре в Роуран. За это время уже трижды должна была смениться вахтенная смена на нашем воздушном судне, которая состояла аж из пяти шиноби каждая. Один, естественно, за приборами управления, а еще четыре занимались контролем двигателей и энергетической системой.

«Иканобори» был летающей лабораторией и по уму не предназначался для межконтинентальных перевозок пассажиров, но он показался мне наиболее удобным транспортом в Роуран для моих спутников. Сам-то я мог пережить *Тенсо* или даже просто вырастить себе тело в Роуране и переместить в него сознание с помощью техники Замены, но подобное дано далеко не всем. Поэтому мы и провели сутки в небесах, заключенные в гигантский, по местным меркам, летательный аппарат тяжелее воздуха.

Наш аэроплан был аж двадцать метров длиной, с размахом крыльев чуть больше тридцати. Каркас из алюминиевого сплава, все остальное, по большому счету, создано с помощью Мокутона. Более половины длины занимал хвостовой отсек, в котором хранились пополняемые из печатей баллоны с водородом. Еще и туалет там имелся небольшой. Для людей оставался лишь салон пять на полтора метра в среднем, и то часть этого пространства была занята различными установками. Например, приборы управления в носовой части включали не только штурвал, но и свиток с печатью для управления чакро-составляющей двигателей. Там же громоздились ящики с запасными частями и водородные топливные элементы, дающие энергию для четырех двигателей на крыльях, которые крутили большие лопасти винтов.

При этом на пяти тысячах метров уже начинала сказываться высотная болезнь и снижалась температура. В общем, комфорта нет от слова совсем. Но все равно полет мне пришелся по душе. Во-первых, приятно видеть результат трудов кооперации ученых и шиноби. Украденные у Страны Неба технологии полета с помощью чакры запитывались из печатей Узумаки и накопителей Страны Снега. Лопасти винтов приводились в движение монструозными электрическими двигателями, полученными из Страны Молнии, электричество для которых получалось из разработанных Дайгакуре щелочных топливных элементов.

Пару раз за полет замыкала проводка электродвигателей, которые плохо дружили с влагой и холодом, приходилось прямо в полете выходить на крылья и заниматься их починкой. Также были неполадки с увеличивающей подъемную силу техникой и системой ее поддерживающей. По сути, эта технология была разработана методом реинжиниринга, так как получить ее у шиноби Страны Неба так и не удалось, так же как и попасть в руины Анкор Вантиана, которыми был заинтересован новый Корень. Так что не удивительно, что все тут было немного... нестабильным. Однако мы уже почти у цели. И полет дал мне аж целые сутки неповторимого и давно забытого ощущения времени, проведенного в пути.

Целые сутки мне в основном теле не нужно было ничего решать, никуда торопиться. Целые сутки отдыха! Пусть без комфорта, но я смог нормально выспаться. Но, к сожалению, все хорошее заканчивается слишком быстро. Вскоре поплавки «Иканобори» коснулись холодного по раннему утру песка. Пару сотен метров пилот медленно тормозил аппарат, боясь повредить не особо приспособленное к посадке на песок поплавковое шасси, и все. Полет окончен, опять за работу.

— Молодцы, — на выходе от души поблагодарил я все две смены экипажа, лично пожав тем руки. — Отоспитесь и готовьтесь к вылету завтра с утра.

Мне определенно нравится эта летающая штуковина! До нормального самолета ей еще далеко, но аппарат уже удобный.

— Ох-хо-хо, — судя по вздохам, не все мои спутники разделяли мои восторги. — Такое долгое сидение в кресле не для моих старых костей. Гондолы аэростатов гораздо удобнее, Орочимару.

— Не наговаривайте на себя, Мейро-сан. Сколько бы вам лет не было, но вы молоды, как и я.

— Да, Мататаби, твои слова меня несомненно подбодрили.

— Тогда, может, успокоят мои? — вмешалась в разговор еще одна сопровождающая сегодня меня личность. — Всего сутки в кресле. Это гораздо лучше марш-броска на несколько тысяч километров. Помню, когда Каруру ранили во время прошлой войны, мне приходилось гоняться за летунами Страны Неба — вот было веселье. По болотам и мангровым зарослям южного побережья, отплевываясь от комаров, пока эти гниды по прямой мчались к своей базе.

Пока остальные делились переживаниями от полета, я первым выскочил из аэроплана. Ноги тут же погрузились в прохладный желтый песок. Солнце на востоке только выглядывало из-за горизонта, поэтому на гладкие песчинки ложились длинные черные тени. Но ранний час не помешал встречающей делегации явиться сюда, чтобы поглядеть на очередную техническую диковинку. Уверен, многим из них было просто интересно посмотреть, как деревянная искусственная птица шмякнется на землю, разлетевшись на щепки.

За мной из люка на землю выскочили Дейтан Ямада, Тайши и Юичи Кагуя, Мейро, Мататаби, Юко Учиха и мой же клон, Дайки. Учитывая необходимость иметь двойной экипаж, вместимость салона была невелика, так что больше восьми человек в крылатое недоразумение местного авиапрома не влезло.

— Вы не перестаете нас удивлять, Орочимару-сан, — вместо приветствия произнесла лидер встречающей делегации, которым, естественно, была Сальма. — Всякий раз ваше появление — это событие.

— Да уж, — согласился я. — К сожалению, иначе не получается. Хотя кое-кому это

даже нравится. Сара.

— А? — встрепелулась девушка, скромно стоящая за спиной матери и не сводящая взгляда с самолета. — О, простите, Рюсей-доно. Вы что-то сказали?

— Дочь... — расстроено покачав головой, с укоризной произнесла Сальма.

— Ничего, Сара. Я смотрю, у тебя вызывает интерес этот аппарат? Если хочешь, то можешь посмотреть на него. Думаю, экипаж даже согласится устроить для тебя летную экскурсию. И для Сераму-сама, конечно, тоже.

— Правда?! — восхищенно воскликнула Сара.

— Конечно, — кивнул я, после чего обратился к подошедшей к нам женщине: — Мейро, ты же не против сопроводить ее высочество?

— Естественно, Орочимару.

Воодушевленная Сара вместе с парой онна-бугейша и в сопровождении Мейро быстро ускакала к самолету. Кажется, у нашей с Сальмой дочери совсем не девчачьи увлечения. Мечи, техника, боевые искусства. Надеюсь, Мицуко не разочаруется в своей внучке. Этой встречи она ждала очень давно.

— Ваше величество, — повернулся я вновь к Сальме, — вы не желаете также ознакомиться с этим чудом инженерии?

— Не сейчас точно, — отрицательно качнула головой королева, мазнув взглядом по фигуре своей дочери, забирающейся в самолет. — Тем более, я предпочту не мешать молодежи.

— Мейро Чиноике на самом деле старше, чем выглядит, — заметил я.

— А... Да, до меня доходили слухи о ней, — на секунду задумавшись, вспомнила королева. — Но мне казалось, что Кровавая Ведьма должна выглядеть более устрашающей.

В этот момент маячивший безмолвной тенью за правым плечом Сальмы мой клон наклонился к ее уху, шепнув пару слов, которые даже я не смог разобрать, но догадался об их смысле, увидев, как изменяется выражение лица королевы. Кажется, она только что узнала, что познакомилась с собственной потенциальной свекровью.

— Я поняла, — коротко кивнув, сказала Сальма, сцепив тонкие пальцы в замок и строго поджав губы. — О таком стоило предупреждать заранее, Орочимару. Я едва не выставила себя душой.

— Только в своих же глазах, — улыбнувшись, поправил я королеву.

— Как будто это что-то меняет, — недовольно пробормотала Сальма. — Забудем об этом. Лучше представь своих спутников, чтобы избежать подобных неприятностей впредь.

— Ладно. Тогда начну с Рюсея Дайки, — я указал на смиренно стоящего подле меня клона. — О нем Омущимару тебе уже говорил.

— Да, о нем я уже слышала. Для своего возраста твой... сын выглядит очень зрелым, — смерив взглядом Дайки, ответила Сальма.

— Это же мой сын, — хмыкнув, прокомментировал я.

Естественно, Сальма была предупреждена об истинной сути Дайки. Правда, она пока не знает, что в Стране Снега есть фракция политиков, уже видящая в этом красноволосом подростке первого претендента на роль в мужья их наследнице престола. И, пожалуй, я пока не стану об этом распространяться в Стране Песка.

— Также ты должна была слышать о Юко Учиха, — указал я на женщину позади себя, — лет десять назад ее имя было одним из самых проклинаемых в Стране Ветра.

— Да, это имя мне известно.

— Наверно, ты слушала и о клане Ямада Страны Звука, они известны барьерными техниками так же, как и Ринха медицинскими. Дейтан Ямада один из лучших шиноби своего клана.

— Восточное побережье далековато, но да, о Ямада я слышала.

— Остальные пока не успели прославиться, но, уверен, у них все впереди. Мататаби. Тайши и Юичи Кагуя.

— Гм... Чувствую, что у них есть потенциал, — нахмурившись, произнесла королева, на миг задержав взгляд на Мататаби. — Я вижу, ты привел с собой не простых шиноби, Орочимару. Я не ожидала, что ты приведешь с собой настолько сильных людей. Для того, чтобы разобраться с марионетками больших какурезато, которые поделили производство стимуляторов в Стране Овощей, такая сила не нужна.

— Для того, чтобы разобраться с проблемными элементами, которые могут мешать переговорам со Страной Овощей, сильные шиноби не нужны, хватит просто способных, — согласился я, посмотрев на поднимающееся солнце. — Позволь все объяснить тебе по пути. Моим спутникам нужно дать время на отдых.

— Хорошо, — кивнув, ответила Сальма и направилась к своей неизменной арбе. — Надеюсь, твои объяснения меня устроят. Точнее, я больше надеюсь на то, что ты знаешь, что делаешь и кого приводишь в Роуран. Не пойми неправильно, я доверяю тебе, но присутствие шиноби в городе меня все равно нервирует. Ты должен это понимать.

— Я понимаю. А эти люди мне нужны по нескольким причинам. Во-первых, Страна Медведей и Хошигакуре. Для их большей сговорчивости необходимо показать им, что за Роураном есть сила. И сила эта находится не в неделе пути на восток, а близка и достаточно внушительна, — следуя за королевой, ответил я. — Во-вторых, ты же в курсе, что переговоры с кланом Рью, наконец, привели хоть к какому-то приемлемому результату.

— Клан Рью... — пробормотала Сальма. — Ты говорил мне об их Монстрах Чакры. Я не интересовалась подробностями раньше, а зря. Ты хочешь их захватить?

— Королевы Роурана прекрасно знают, как иногда манят шиноби новые источники силы.

— Да, я знаю это, — мрачно подтвердила Сальма, садясь в свою повозку. — Расскажи мне подробнее про этих зверей. Я слышала, что биджу — опасные монстры. Наверняка у клана Рью твари тоже непростые, раз когда-то они смогли остановить Рёту и Ишикаву.

Пока добирались до дворца, я постарался максимально развернуто пересказать Сальме свой план относительно клана Рью, а то она, похоже, снова начала переживать за меня. Все-таки ее забота за гранью рациональности. Но это мило.

Королева уже давно знает, что я был заинтересован в горах Корью, которые расположены севернее Роурана. Эта местность, в которой оказались заключены члены клана Рью, от которого сейчас осталась лишь одна семья, возглавляемая Тацуширо Югуре, была поглощена странной нарушающей ток чакры аномалией. Пока переброшенные в Страну Песка Узумаки и я в облике Омушимару разбирались с ее природой, мне и встретились обитающие в Корьюзане Тацуширо, на которых аномалия воздействия не имела.

Про семью Тацуширо Сальме я тоже рассказал еще после первой встрече с ними и, как выяснилось, о них королева была в каком-то смысле осведомлена. В прилегающих к Корьюзану территориях о клане Рью и семье Тацуширо известно было немногим, но зато почти каждый ребенок знал, что на севере водятся рогатые, клейменные стигмами на лице опасные демоны, которых не просто стоит избегать, а лучше просто гнать в шею из

поселений и оазисов. А при случае и вовсе побить камнями, просто для профилактики.

Так вот именно этими рогатыми демонами и были Тацуширо. Как по мне, это самые обычные люди, только связь с природной энергией Корьюзана влияла на их чакру, из-за чего их тела претерпевали метаморфозы, схожие по сути с преобразованием *сеннинка*, которое происходит при поглощении природной энергии по методу Рьучидо. Но простым людям и шиноби эти тонкости были глубоко безразличны. Деда сказали, что это демоны, значит, демоны.

На самом деле, судьба и жизненные перипетии остатков некогда великого клана Рью меня интересовали слабо. Меня интересовала аномалия Корьюзана, но она оказалась связана с кланом Рью, так что мне пришлось в его историю вникнуть. А суть в том, что Рью, как они себя сами называли, был кланом Драконьих Стражей и владел пятью Генрю — чем-то вроде биджу, судя по описанию.

Эти Генрю были огромными сгустками чакры с некоторой долей самосознания, благодаря которому они приобретали облик драконов, так описывают сами Тацуширо. Каждый из пяти созданий олицетворял определенную стихию из пяти основных и имел немалую силу, объединив которую, можно было даже землю разрушить. Это опять же если судить по описанию самих Тацуширо, хотя как по мне так это просто бахвальство. И еще попытка набить себе цену.

Просто разговорились-то со мной они не просто так. Прознав про меня и наведя возможные в его положении справки про Бога-Дракона, Тацуширо Югуре смекнул, что у него имеются все шансы, наконец, выбраться из заточения и начать вести обычную, а если повезет, то и очень даже хорошую жизнь. Быть рогатым и всюду гонимым демоном на задворках цивилизованного мира — это одно, а оказаться в Стране Звука, где драконоподобные обитатели Кумотори почитаются слугами живого ками — это совершенно иное.

И вот около года мы с ним ни шатко ни валко вели переговоры. Да, если честно, не переговоры даже, а торги. Югуре нужна была свобода для себя и своих родственников, а также привилегии чуть ли не равные Ибури в обмен на неведомых Генрю. Я же про этих зверей знал только со слов самого Тацуширо, так что идти на такой шаг не хотел, не наделив клан Рью проклятой печатью, как и Ибури. А это уже не устраивало самого Тацуширо, так как логично не вписывалось в его рамки понятия свободы.

В итоге к консенсусу мы все же пришли. Югуре его просторное узилище порядком надоело, и для своих детей он желал лучшего будущего, так что чем дольше шли торги, тем сговорчивее он становился. В итоге я обещал ему протекторат в пределах своих владений и защиту, как последователя Рюджинкё. Собственно, ничего выдающегося. Только при этом мне необходимо было каким-то образом разорвать связь Тацуширо с Генрю, чтобы они лишились всех изменяющих их тело влияний. При этом сам я покупал, по сути,кота в мешке.

— Этой зимой мне удалось составить рабочую формулу, которая должна позволить мне перехватить их связь с этими драконами, что автоматически выполнит мою часть сделки, — завершая рассказ Сальме, сказал я. — При этом необходимо будет выпустить монстров из печатей, поэтому мне и потребовались шиноби. Судя по рассказам Тацуширо, это опасные создания, так что лучше перестраховаться.

— Понимаю, — задумчиво ответила Сальма. — Значит, это опасно...

— Для меня нет, ты должна это понимать, — уверенно ответил я, когда мы с королевой, моими клонами и парой самураев входили в дворцовую башню.

— Нет, я не про возможное сражение с драконами. Хотя... Не только про это. Ты собираешься перехватить связь Рью с драконами, заменив их в этом тандеме, так ведь? — посмотрев на меня, уточнила королева. — Значит, эта сила может отразиться на тебе.

— Я собираюсь запечатать Генрю в Дайки. Это будет безопасно.

— Сейчас Генрю, насколько я поняла, тоже запечатаны. И вообще даже не в ком-то из Тацуширо. Однако энергия драконов влияет на людей.

— Я собираюсь запечатать их совершенно иной печатью. Ты же разбираешься в азах фуиндзюцу. Я могу показать тебе используемые сейчас схемы кланом Рью и ту, которую разработали Узумаки и я. Ты же знаешь, что в фуиндзюцу лучше Узумаки никто не разбирается. А я и каждый из клана Рюсей владеет природной энергией и умеет ею пользоваться. Что бы там ни было, но Генрю останутся только в Дайки. Да даже если их энергия распространится по всему роду Рюсей, то в этом тоже ничего страшного нет. Всего лишь небольшие внешние изменения. Беды Тацуширо преследовали не из-за энергии драконов, а из-за зашоренности людской.

— Это так они тебе сказали, — веско добавила Сальма.

— Это то, что видел я.

Королева несколько секунд молча шла по коридорам своего дворца, пока, наконец, не вздохнула, тяжело произнеся:

— Орочимару. Я очень надеюсь, что ты не ошибся. И не забыл, что кроме тех, кто носит фамилию Рюсей, есть еще люди с твоей кровью.

— Заверяю тебя, им ничего не грозит, Сальма, — как можно более уверенно сказал я, понимая, что сейчас королева имеет в виду нашу с ней дочь. — Тем более риски оправданы. Ты ведь еще не забыла ту стычку в пустыне? И силу монаха тоже. Мне нужны средства, чтобы в следующий раз у него не было и мысли попытаться даже пальцем тронуть ни меня, ни тех, кто мне дорог.

— Я верю тебе, — встряхнувшись и гордо приподняв голову, ответила королева. — Но... Ты сказал, что этому Тацуширо нужны гарантии соблюдения вашей сделки, не так ли?

— После стольких лет неприязни со стороны прочих людей клан Рью не отличается большим доверием, — вынужден был согласиться я. — Поэтому наш договор должен подтвердить принимаемый ими посредник.

— И ты хочешь, чтобы это была принцесса Роурана, — скорее утвердительно, чем вопросительно, произнесла Сальма.

— Именно так.

На самом деле, было бы лучше, чтобы сама королева завершила то соглашение, но добираться до Корьюзана с Сальмой будет слишком хлопотно. Несмотря на мощь Рюмяку, Сальма не отличается физической выносливостью. Да и сама королева не может даже на сутки покинуть сейчас свою столицу.

— Хорошо, — без полной уверенности в голосе все же вынесла свой вердикт Сальма. — Саре будет полезно самой посмотреть на земли, где все от горизонта до горизонта не занесено песком. И поучаствовать в подписании подобного договора тоже будет для нее не лишним. Пусть и ерунда, но, может, почувствует груз ответственности, который лежит на правителе.

— Не думал, что ты так быстро согласишься, — честно заметил я.

— Рядом с тобой все равно для нее самое безопасное место, — отмахнулась Сальма. — Ладно, пока забудем про это. Хорошо, что ты предупредил меня о своем прибытии заранее.

Я успела к этому подготовиться и пригласила несколько лидеров кланов. Также вечером у нас очередная встреча с Казекаге. Думаю, с тобой лично у меня будет больше шансов прийти к пониманию.

Вот так и прошла моя первая за долгое время встреча с королевой в основном своем теле. Весь день в работе. Впрочем, иного от Сальмы можно было и не ожидать. Для нее наличие настоящего, общепризнанного Орочимару было выгодно, и этим она спешила воспользоваться по максимуму. Оказывается, у меня достаточно весомый авторитет среди шиноби пустыни. До поцелуев мы добрались только поздней ночью. А на следующее утро мне нужно было уже отправляться в Корьюзан.

Основную часть пути снова преодолели по воздуху, пришлось, правда, потесниться, чтобы в салон влезли кресла для Сары, пары ее онна-бугейша и Омушимару, но путь был недалеким, это можно было потерпеть. Хорошо еще, что группа Узумаки, которая взяла на себя организацию проведения запечатывания, уже давно была отправлена в Корьюзан и ожидала там только нас.

Правда, как выяснилось, «Иканобори» потреблял больше чакры, чем рассчитывалось ранее. Для техник Страны Неба вообще требовалась специфичная чакра, именно ее они потребляли более экономно. Но производить ее мог далеко не каждый шиноби в Стране Звукa. Наиболее подходящей была чакра Чомея, но он сейчас в Стране Демонов. Из-за этого при дальнем полете в летающей лаборатории уставали все, особенно при увеличении нагрузки. И не только от необходимости сидеть в жестких креслах и сниженных давлении и температуры, но и из-за необходимости тратить чакру на полет для компенсации ненадежных электрических двигателей и топливных элементов.

К счастью, до Корьюзана добрались без происшествий, приводившись в заранее присмотренной бухте на побережье. Здесь, конечно, традиционно был сильный туман, однако с пилотами из клана Чиноике он большим препятствием не стал. Дальше путь лежал уже по самим горам. В них не было нормальных перевалов и троп, за исключением козьих. Населяла эту местность только пара десятков человек, а ранее имевшиеся островки цивилизации давно были разрушены землетрясениями. Но даже так, нацепив специальные печати, предотвращающие воздействие аномалии этих гор, мы смогли добраться до места назначения до полудня.

— Ува!.. — восхищенно воскликнула Сара, когда после очередной преодоленной горной реки мы вышли к конечной цели пути. — Выглядит здорово!

С этого места нам показались руины старых каменных монументальных построек, большая часть которых уже давно поросла растениями. Но даже так все еще местами можно было увидеть призраки былого величия.

— Похоже, сегодняшний день ты запомнишь надолго, — заметил я, с улыбкой наблюдая за восторгами дочери.

— О, да! — уверенно заявила Сара. — Сначала полет, потом эти горы и руины! О, здорово!

Да, впечатлений на весь оставшийся год. Может, и за этим тоже Сальма отпустила дочь со мной?

— Какие огромные глыбы, — тем временем удивленно заметила Юко, тоже впервые увидевшая развалины построек клана Рью. — Даже в Стране Земли шиноби такие стены не возводят.

Я кивнул в ответ Учиха. Хотя, думаю, при постройке этих мегалитических построек

могли вообще не использовать чакру. Обычная механизация и годы коллективного труда вполне справились бы с задачей.

Строения Корьюзана напоминали монументальные строения андских цивилизаций моего прошлого мира. Плотно подогнанные фигурные монолиты, насколько я помню, должны хорошо выдерживать землетрясения, так что не удивительно, что в аналогичных условиях люди начали использовать схожую архитектуру. Хотя для возведения таких зданий нужно было иметь много ресурсов. Например, в нынешних Великих державах подобное никто бы не потянул. Там вообще в сейсмоопасных регионах идут по японскому пути, предпочитая строить дома из дерева, что и дешевле, и менее опасно.

Правда, местные постройки выдержали далеко не все тряски земли. Ветер, дождь и прочие факторы повлияли на крепость зданий. По моим ощущениям, на то, чтобы такие монументальные строения обветшали, должно было уйти больше пары столетий времени.

— Мне кажется, Юко, что эти здания — это остатки старой империи, о которой я тебе уже как-то говорил, — поделился я своими догадками с Учиха. — Они похожи по стилю. И я не знаю иной державы, которая могла бы себе позволить возведение подобных зданий в этих горах.

— Поразительно, — тихо вымолвила Юко, осматривая вынырывающие из зарослей кустарника и листвы деревьев руины. — Тень былого величия. Забытая всеми, даже наследниками старой империи. Это печально, Рюджин-сама.

— Все рождается и все умирает, Юко. В этом мире нет ничего вечного. Я понимаю, что примеры разрушения чего-то кажущегося в прошлом незыблемого и могущественного могут вызвать грусть, потому что только ощущение сопричастности с чем-то вечным делает человека по-настоящему счастливым. Но ты ведь счастлива, Юко.

— Да, Рюджин-сама, — благодарно улыбнувшись мне, ответила женщина. — Простите мне мою слабость.

— Ерунда. Тем более что эти руины и в самом деле довольно впечатляющие.

На самом деле, я не знаю точно, относятся ли эти постройки к той, описываемой в Книге разрядов Роурана, империи. Хотя иных вариантов-то немного. Вот с кланом Рью и его Генрю сложнее. Поселились ли они здесь уже после падения империи? Или все же имеют к ней какое-то отношение? Ответа на этот вопрос нет и не предвидится. Эти старые руины уже пережили слишком много потрясений и вряд ли могут что-то рассказать, а от самого клана ничего не осталось практически. Оставшиеся в живых обитают недалеко от руин и не особо-то стремятся их поддерживать хоть в каком-то надлежащем виде. От построек, по сути, остался лишь один храм, в котором и были запечатаны Генрю. К нему-то мы и вышли.

Здесь нас уже ожидали Узумаки и сам Тацуширо Югуре со своим сыном, Куромой. Не знаю, с чего их принимают за каких-то там демонов и за что, вообще, не любят. Люди как люди. Пусть рогатые, красноглазые и с татуировками на лице. У Мататаби, вон, тоже метки проступили на щеках и лбу, у Учиха и Чиноике глаза краснеют часто, а в Стране Воды иногда некоторые шиноби выглядят куда более ненормальными.

С Тацуширо мы быстро разобрались с формальностями договора, не став ходить далеко да около, перейдя к сути дела. Прямо у входа в храм под открытым небом под свитками были оставлены печати.

— Теперь дело за вами, Орочимару-сан, — получив долгожданный свиток из рук Сары, с дрожью в голосе произнес Югуре. — Курома, передай свиток.

Мальчишка, пришедший со своим отцом, без промедления выполнил приказ, протягивая

мне большой, в руках ребенка так и вовсе огромный, футляр. Я бы даже сказал тубус. Выполнен он был из позеленевшей бронзы. С двух сторон его венчали отлитые головы дракона с два-три моих кулака размером, а сам свиток скрывался за тонкими стенками футляра, на которых был вытеснен узор в виде драконьей чешуи.

— Это формула печати, связывающая нас с Генрюю, — пояснил Югуре, когда я принял протянутый свиток, предварительно мазнув по нему додзюцу. — С помощью нее можно занимать силу драконов, а так же можно выпустить их на свободу. Это не разорвет контракт между нами, но, надеюсь, вы сможете понять, как это можно сделать.

— Гм. Этот свиток стоило показать мне раньше, — нахмурившись, заметил я.

Развернуть шелковое полотно, покрытое канджи, было несложно, сложнее было понять начертанные на нем формулы фуиндзюцу. Какая-то архаичная техника. Точнее, комбинация вполне современных техник с устаревшими элементами. Разобраться в этом фуиндзюцу... Да, в принципе, можно, но мудрено как-то.

— Уж простите мне мою небрежность, Орочимару, — слабо улыбнувшись, ответил пожилой Тацуширо, который, как мне кажется, просто опасался раньше времени передавать мне эти артефакты своей семьи. — В качестве компенсации примите этот клинок.

Югуре вытащил из складок рукавов кимоно вытянутый предмет, завернутый в белое хлопковое полотнище. Это была, похоже, непростая ткань, потому что когда Тацуширо развернул ее, оказалось, что она скрывает очень любопытный предмет. Клинок голубоватого из-за окисей бронзы цвета. Выполнен явно шиноби, так как напоминал по внешнему виду обычный кунай. Украшен золотой нитью, в рукоять, обернутую выкрашенной в голубой цвет тесьмой, был продет красный шнур, болтающийся наподобие темляка.

— Это Рюджин, — гордо заявил Югуре, протягивая мне клинок.

— Рюджин? — невольно наострил я уши.

— Да, звучит для вас знакомо, но пишется иначе. Первый канджи — дракон, второй — клинок. Рюджин.

Н-да, этот местный язык с кучей созвучных слов иногда приводит к курьезам. Хорошо, что в своей стране я эту проблему начал исправлять.

— Это клинок Дракона, и мы, Тацуширо, являемся его хранителями, — тем временем пояснил Югуре. — Он связан с Генрюю. И с помощью него можно драконов одолеть. По легендам, он поглощает их энергию. И когда-то с помощью него клан Рью связал себя с драконами. Думаю, вам нужно просто им воспользоваться.

— Просто воспользоваться, — без особого воодушевления повторил я, подбросив клинок в руке.

Просто воспользоваться каким-то непонятым артефактом при вызове других непонятных существ. В каком чудесном мире живет этот Югуре, однако.

— Ладно, что-нибудь придумаем.

Глава 46. Генрюю

1 мая 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Да, любопытно...

Развернув свиток с драконьими головами, полученный от Тацуширо Югуре, ничего иного я более сказать и не мог. К процессу запечатывания и подавления Генрюю уже было все готово. Настолько, насколько это было возможно в наших условиях. Однако теперь вскрылись новые подробности.

— Призыв дракона единого и всемогущего сопровождается человеческой жертвой, да? — пробормотал я, потирая подбородок. — Сила человеческого жертвоприношения определяет божественную силу. Гм, любопытно.

В последней фразе обыгрывались схожие по звучанию слова «джинчурики» и «джинцурики». Записана она была в одном из фрагментов свитка, в котором, похоже, пытались собрать пояснения к формуле фуиндзюцу. И если присовокупить к этой информации ту, которую мне удалось разобрать из печатей, и рассказы самого Тацуширо, то выходит, что есть разные способы призыва Генрюю. Один — это призыв каждого из Генрюю по отдельности, пять штук с соответствующими базовыми элементами. Они сильны, но второй вариант позволяет призвать кратно более сильную, одну, но единую, версию дракона. Для этого нужна человеческая жертва, которая станет объединяющей разные сущности осью для рождения нового Генрюю. И от качеств жертвы зависит конечный продукт объединения.

Любопытная формула, ничего не скажешь. А без жертвы-то обойтись можно, если я хочу получить этого великого Генрюю?

Оторвавшись от свитка, который был развернут прямо на полу старого храма, я осмотрелся по сторонам. Кандидатов на роль жертвы я с собой прихватить не догадался. Разве что Дайки можно рассматривать в этой роли, но он предусматривался мной как носитель силы, классический джинчурики в понимании местных шиноби. А свиток предполагал иное, более буквальное, понимание этого термина.

Подхватив лежащий рядом Клинок Дракона, я встал и прошелся вдоль полотнища шелковой ткани, которое длиной было аж метров в пять и шириной около метра. Здесь было записано много интересных формул и техник, с помощью которых предполагалось обращение к силе Генрюю без непосредственного их призыва. Естественно, также имелась сама формула печати их призыва. Но вот для заметок создатели этого свитка места почти не нашли. Обидно.

Еще и клинок этот странный.

Подкинув в руке Рюдзин и поймав его за рукоять, я вновь прислушался к ощущениям. В этом клинке чувствовалась некая схожесть с Кавакихиме Сары. В нем было сознание. Но слишком чуждое мне и не настроенное на контакт. Похоже, я не очень-то нравился этому ножу-переростку. Но это уже не так обидно. Если я кому-то не нравлюсь, то это уж точно не мои проблемы. Помимо наличия некоего самосознания, клинок имел и иные интересные особенности. Этот артефакт обладал способностью поглощать чакру из жертв и делиться ею с владельцем, а это уже большой плюс. Однако и его использование требовало большого расхода чакры, и это огромный минус.

Нужно разобраться в нем получше. Потом. Сейчас, похоже, от него толку немного. В свитке он мне разобраться точно не поможет.

— Ты хочешь что-то сказать, Мататаби? — не оборачиваясь, спросил я, буквально затылком ощущая чужое внимание.

Сразу ответ не получив, я обернулся в сторону ощущаемой чакры и увидел задумчиво рассматривающую меня девушку. Ответить на вопрос ей мешал запихнутый в рот комочек извлеченной из онигири начинки. На время полета мы взяли с собой в свитках небольшой запас специально подготовленной, не нуждающейся в приготовлении и дешевой еды, которая решительно не пришлась по вкусу Мататаби. Из всего ограниченного разнообразия блюд ей нравилась только рыбная начинка, приготовленная из вялено-копчено-ферментированного тунца, называемого на местном языке кацубоши. Не самое впечатляющее яство, на мой вкус.

Прожевав, наконец, свой внеплановый обед, Мататаби с усилием протолкнула его по пищеводу, только после этого сказала:

— Наша подготовка. Не похоже, что мы собираемся разговаривать с Генрюю.

— Так вот, что тебя смущает. Испытываешь сострадание к этому существу? — начал догадываться я.

— Я понимаю, что значит быть монстром в глазах людей.

Покачав головой, я заткнул Клинок Дракона за пояс и снова осмотрел печать, собираясь с мыслями для ответа.

— Знаешь, Мататаби, я понимаю страхи людей перед вами, потому что я сам человек. Надеюсь, где-то что-то человеческое во мне еще есть.

— Тогда почему вы говорили с Курамой, а не готовились его запечатывать? Ведь это... — биджу замаялся, подбирая слова, но в итоге просто ограничился лаконичным: — Ведь это Курама.

— Хорошего же ты мнения о своем родственнике, — улыбнулся я. — Я заговорил с вами, как с равными, как с людьми, а не животными, потому что знаю вас. Ваши эмоции и даже мысли — живые и понятные человеку. Поэтому я проявил к вам человечность.

— Человечность... — словно пробуя на вкус это слово, повторил Мататаби. — Что это такое? В Рюджинкё часто говорят об этом. Старик тоже молвил нечто похожее. Но что это? По моему мнению, это милосердие, но, похоже, это не так. И это не любовь, не доброта, не забота...

— М-да, — задумался я над странным вопросом, ответ на который мне казался на бытовом уровне очевидным, но суть его, на самом деле, была сложнее. — Грубо говоря, человечность или гуманизм — это признание наличия у кого-то помимо членов своего близкого окружения живого, чувствующего тела и, наверное, души. Когда шиноби проявляет милосердие к пленным, не истязая их, а, например, даря свободу или, в крайнем случае, быструю смерть, он признает, что его противник тоже человек, который чувствует ту же боль, что и он сам.

— Увидеть в человеке человека несложно, — задумчиво нахмурившись, произнес Хвостатый. — Две руки, две ноги, голая кожа да гривастая голова.

— В том-то и дело, Мататаби, человеческим можно быть не только к людям, — иронично усмехнувшись, ответил я. — Часто бывает, что для людей одного рода люди другого — просто животные, которых можно и съесть при случае. Или показательно замучить, чтобы иным не было повадно поступать как-нибудь неправильно. Часто бывает, что люди становятся человечнее к животным, чем к другим представителям своего вида. Чувства и боль котенка для них имеют большее значение, чем чувства и боль иного человека. Если же

говорить о моем к вам отношении, то я, Мататаби, знал, что биджу способны чувствовать. Вы способны не только ненавидеть и ощущать злость. Вы также знаете, что такое доброта, дружба, признательность, любовь, боль физическая и боль душевная. Я вижу в вас людей, с которыми можно говорить. Может, вы, ты прости уж за признание, немного неправильные на взгляд большинства, но исправимые. Ваши новые тела должны помочь и вам лучше понять людей, и людям увидеть в вас людей. Но это, кстати, не мешало мне проявить осторожность при первых переговорах с Курамой.

— То есть поимка Генрю может быть временной? Если он будет живым, как и биджу.

— Как знать, — отвернувшись от Мататаби и вновь сфокусировав внимание на свитке, ответил я. — Не так давно мне удалось поймать демона Морьё, Чомей должен был тебе о нем рассказывать. Несмотря на умение говорить, этот демон по сути своей на человека совсем не тянет. Даже на живое существо. Конструкт? Гм. Вряд ли. Пустая оболочка от когда-то живой души? Возможно. Мне кажется, Генрю тоже может быть чем-то подобным.

— Я понимаю, — после секундного раздумья ответил биджу. — Мне нужно подумать над вашими словами, Рюджин-сама.

— Давай, Мататаби. Только не сейчас, я, кажется, начинаю улавливать суть печати, скоро твоя сила может пригодиться.

Н-да, хоть я суть и улавливаю, но мне б сейчас помощь Хирузена не помешала. В принципе построения всяких техник он разбирается очень и очень хорошо. Он банально всю жизнь на изучение техник угробил, в том числе и на изучение фуиндзюцу. Не то что я, у меня иные интересы на первом плане. Пока все, что я могу сказать о самом фуиндзюцу, использованном для запечатывания Генрю, так это...

— Какая странная печать, — практически озвучив мои мысли, прозвучал чуть в стороне девичий голос.

Задумавшись, я не обратил внимание на Сару, которой стало любопытно, что я тут рассматриваю. Дочь я не рассматривал как угрозу, поэтому лишь мимоходом отметил ее приближение, не став заострять на этом внимание. Последние полчаса она со своими телохранительницами была увлечена изучением храма, в котором мы оказались.

Тут было на что посмотреть. Сейчас мы находились в центральном помещении, которое когда-то было встроено в просторную пещеру. Эту полость размером, наверное, с пару стадионов когда-то давно вымыло в вулканических отложениях. Вверху на укрепленном своде виднелся почти ровный круг провала, через который внутрь пробивался дневной свет. За долгое время на когда-то облагороженных стенах храма проросли мхи и лишайники, даже кусты. Ровно под провалом в своде храма имелся провал и в его полу, там когда-то располагался фонтан, но пол обвалился, открыв прямой путь во тьму нижних коридоров, ныне заполненных водой.

Вкупе с обломками колонн и статуй, а также почти разрушенными плесенью фресками местечко получалось колоритное и мистическое. Саре пришлось по нраву, так что его изучением под присмотром Мейро она и занималась. Наверное, в процессе своего увлекательного занятия она приблизилась ко мне и заметила еще одну заинтересовавшую ее вещь — свиток.

— Да, и в самом деле странная печать, — согласился я со словами дочери. — Неправильная, не так ли?

— Да... — неуверенно ответила Сара, подойдя ближе и наклонившись над свитком. — Матушка научила меня основам фуиндзюцу, поэтому я немного понимаю их суть. Но здесь

все... странно?

— Печать запутанная, — подтвердил я, вновь изучая линии фуина в свитке. — Построена на странной логике. Обычно среди шиноби распространено два направления создания техник, которые в Отогакуре называются солнечной и лунной ветвью. Это два понимания контроля чакры, которые на данный момент используются людьми и выделены теоретиками в Дайгакуре. Дважды по пять солнц и двенадцать месяцев. Наиболее ярко этот принцип видно в использовании ручных печатей. Общепринятый канон из двенадцати ручных печатей, образующихся сложением двух кистей рук — это лунная ветвь, двенадцать месяцев. И другой метод сложения печатей одной рукой — солнечная ветвь.

— Одноручные печати? Это какие? — не поняла Сара.

— Сейчас они почти забыты, сохранились только вне какурезато. Всего базовых их десять, по пять на правую и левую руки: печати Дерева, Огня, Земли, Металла и Воды. Хотя, например, в Стране Демонов схожие печати имеют иное название, но сути это не меняет, — пояснил я, быстро показав эти самые ручные печати Саре, после чего продолжил излагать свою мысль, чем помогал себе оформить пришедшую в голову идею: — Зато в фуиндзюцу контроль чакры по принципу солнечной ветви не забыт и все еще практикуется, хотя гораздо реже лунной ветви. Первые печати — это нечетные, вторые — четные. При их наложении друг на друга появляется дисбаланс и нарушается ток чакры, что мешает работе фуиндзюцу. Обычно это так, но печать в этом свитке одновременно словно и четная, и нечетная.

— И правда! — радостно подтвердила Сара, наконец, поняв, что ее смущало в печати. — Так, значит, она нерабочая?

— Нет. Солнечная и лунная ветви — это разные способы управления чакрой, основанные на разном принципе контроля ее циркуляции. Как правило нечетная печать и четная просто, грубо говоря, не совпадают каналами. Но если использовать побольше якорей, то можно добиться правильного цикла.

Такое я уже видел, когда разбирался в Бьякуго. Еще в ту пору, когда помогал Цунаде, да и потом, вместе с Мито добравшись до знаний Узумаки. Но Бьякуго — это нетипично сложная и филигранная печать для Узумаки. Обычно фуиндзюцу у них грубее и лаконичнее, что ли. А вот в свитке, несмотря на свою грубость, печать была довольно сложной. Не сравнить с Бьякуго, конечно, но тут еще и общее запутанное исполнение положение усугубляло.

— Так, я, кажется, понял, — привлекая к себе внимание хлопком ладоней, решительно сказал я. — Барьер готов?

— Так точно, Рюджин-сама! — мгновенно ответил заскучавший уже Дейтан Ямада.

— Хорошо. Никто не потерялся в этом храме еще? Ладно, тогда начнем. Сара, ее величество будет в ярости, если узнает, что с ее дочери хотя бы волос упал, поэтому прошу...

— Да-да, — надулась девушка. — Я ухожу.

— Хорошо. Слушайте все, — обратился я к своей группе. — План призыва отдельных Генрюю отменяется. Я повышаю ставки и планирую захватить сразу единого дракона. Обещают, что его сила способна разрушить мир. Сомневаюсь в этом. В худшем случае рассчитываем на противника уровня биджу. Мейро, начни подготовку для своих техник. Юко, по моему приказу. Омуши, нужна твоя помощь.

Дружное «есть» было мне ответом. Молчаливый шестирукий клон быстро оказался возле меня, мне оставалось только прикоснуться к его седой голове, чтобы передать пришедшую мне на ум идею. Мейро в это время достала из-за спины свой свиток, который

также, как и драконий, отличался огромными размерами. Отточенным движением развернув длинное полотнище желтоватой, испещренной змеистыми линиями письмен бумаги, женщина быстро сложила печать, высвобождая заключенную в фуиндзюцу кроваво-красную воду Джигокудани. Алый водопад, пенясь розовой пеной, хлынул вперед, обрушиваясь в провалы пола, с тревожным плеском смешиваясь с обычной водой, давно заполнившей нижние уровни руин.

Под взглядом сверкнувших багрянцем глаз Юко Учиха я и мой автономный клон приступили к распечатыванию уже своего свитка. Шесть рук Омушимару быстро замелькали в воздухе, складывая необходимые ручные печати. В это время на кончиках моих пальцев один за другим начали зажигаться огоньки чакры: темные, фиолетовые и яростные на левой руке, светлые, лазурные и более спокойные — на правой. В пламени чакры формировались символы Пяти Движений: Дерева, Металла, Огня, Воды и Земли.

Мои техники в разных телах завершились одновременно. Ладони в основном теле ударили в якоря нечетных элементов печати одновременно с началом свертывания строк четной печати.

Спустя секунду тишины в древнем храме по пустым коридорам раздался протяжный стон, издаваемый словно самими горами. Поток чакры, дохнувший мне в лицо, рванул в пространство и нырнул в провал в полу, чтобы через мгновение вырваться оттуда.

Вихрь всех пяти стихий рвался к виднеющимся в прорехе свода храма небесам, но лишь ударялся в мерцающую границу барьера. Потоки разноцветной чакры вихрились и переплетались. Казалось, что в этих столпах силы можно было увидеть покрытые чешуей и пластинами тела Генрю. Сила давления чакры поражала, она давила к земле и сотрясала землю.

Вскоре столбы ревущей чакры прекратили мельтешить разными цветами, быстро облекаясь плотью и кровью. Рев пяти драконьих пастей пронесся по залу, ударяясь о каменные стены и границы едва видимого барьера, отзываясь болью в ушах.

Что же, ожидаемо не удалось перехватить чакру Когенрю, прежде чем сознание, в эту чакру включенное, полностью возьмет контроль над энергией. Дракон воплотился, подобно биджу, используя совершенный подсознательный контроль формы и создавая из чакры свое тело. И моя идея с одновременным задействованием нечетной и четной частей фуиндзюцу сработала. Не понадобилось никаких жертв для призыва единого дракона. Он и так получился, только пятиглавый.

По массивной четырехлапой, покрытой черными и белыми костяными пластинами туше бегали волны света. Серебром сияла чешуя тонких и куцых кожистых крыльев, а когти на стопах казались обугленными от жара. Толстенный хвост выбивал глыбы камня из пола храма, выдавливая из трещин алые брызги воды из нижних коридоров. Из груди вверх вздымались пять шей совершенно разных существ зеленого, красного, коричневого, черно-желтого и синего цветов. Все они были увенчаны зубастыми длинными мордами.

Если честно, химера эта на дракона походила слабо. Многоглавый динозавр из группы завропов какой-то. Только хищный и крайне опасный.

— Давай, Юко!

Не уверен, что Учиха меня услышала в этом гвалте, но ее шаринган точно позволил прочесть приказ по губам. И уже через мгновение моего сознания коснулись искры чужих. Мир за один вдох словно расширился, получая небывалый объем. Мой разум получил возможность видеть сразу восемью парами глаз и слышать восемью парами ушей. Это

походило на использование *Ямата но Дзюцу*, но дополнительные глаза кроме Кецурьюгана владели бьякуганом, шаринганом и еще одним не до конца понятным мне додзюцу.

Вместе с прикосновением чужого сознания я ощутил восторг Юко, смешанный с болью от активированного Мангекьё Шарингана. Кровожадное предвкушение битвы Кагуя. Темнущий и полную затаенной пламенной ненависти бездну разума Мататаби. Сосредоточенный и отрешенный ум Мейро. Ну и своих клонов, конечно, отражение себя самого. *Омойкане*, додзюцу Учиха Юко, все еще поражало своим воздействием, как и в первый раз, как и во время штурма Анкор Вантиана.

Однако даже под взором сразу нескольких додзюцу пятиглавый Когенрю смог атаковать неожиданно. Чакра в воплощенном теле двигалась очень странно, ее ток был слишком быстрым и хаотичным. Даже сендзюцу не вносило ясности. Словно сама стихия текла по телу дракона, постоянно перетекая из одной в другую. И для того, чтобы создать сгустки молний над нашими головами, Когенрю, кажется, не понадобилось даже прикладывать каких-либо усилий.

Природная энергия волной накрыла тело. На коже появились уже привычные чешуйки из изумрудной чакры. В сочетании с кецурьюганом Режим Мудреца позволял ощутить весь мир вокруг. Грохотом отдавался в ушах стук сердца после активации *Шичи Тенкохо*, отворившего резервы организма. Вспыхнувшая вокруг меня аура метнулась вверх, повинувшись движению рук, вливаясь в воздух, порождая в пространстве черные панцири *Гембу*, по которым скользнули сверкнувшие молнии.

Разряд ушел в землю, выбив крошку из камня. Запах озона ударил в ноздри, словно молнии Когенрю были почти полностью идентичны природным и настолько же смертоносны. Этот дракон явно не был настроен на разговор. Наверняка для этого у него даже ума бы не хватило. Так как любое разумное существо в положении Когенрю предпочло бы не атаковать. Даже не блестящее интеллектом животное подумало бы, прежде чем метать молнии, так как имеет инстинкт самосохранения.

Сквозь треск разрядов молнии пробились рокот вздымающихся вод и звон тяжелых цепей. Не прошло и секунды после первой атаки дракона, когда, звеня огромными звеньями, из спины моего клона, Дайки, вырвались Цепи Чакры, устремившись в сторону Когенрю, обвивая его тело, силясь заблокировать бурный ток чакры в нем. А из трещин в полу вырвались сотканые из кровавых вод драконьи шеи. Розовые барашки из пены собирались в чешую на технике Кецурьюгана и обрисовывали черты морды с широкими зубастыми пастьми, которые немедля метнулись к Когенрю, впиваясь в воссозданную из чакры плоть.

Атаковать существо, которое обладает всеми природными трансформациями с помощью техник Сейшицухенка было бы немного глупо, и обычная техника Суйтона вряд ли бы была особо эффективна против Когенрю. Но, как и против Кири когда-то, кровавые воды Джигокудани в смеси с кровью Чиноике обычной чакре Суйтона не подчинялись, хорошо блокируя большинство техник Стихии Воды. Против других стихий у меня настолько же удобного средства не было, но зато имелись более грубые и универсальные техники.

Противный скрежет, извергнутый из сдавливаемых цепями драконьих глоток, сотряс воздух. Воздействие Цепей Чакры Когенрю было неприятно, но полностью подавить чакру не могло. Даже полностью обездвижить эту чакру не удалось. Массивные когтистые лапы впились в камень, тело дракона вдавливалось в землю под гнетом ниндзюцу. И опять едва видимое движение чакры в теле Когенрю обернулось новой сокрушительной атакой.

Волна прорастающих из камня шипов рванула в нашу сторону. В ответ мое тело обдало

тройным порывом воздуха от еще трех активаций *Шичи Тенкохо*. Двое Кагуя и Омушимару стремительно преобразались под воздействием их кеккей генкай и хлынувшей в них природной энергии. Под ударами Тайши и Юичи камень вздрогнул и исторг из себя лес белых костей, который ломал созданные драконом каменные копья. Раскатами грома прокатились по воздуху резкие хлопки от ударов Омушимару, рождая тяжелые воздушные волны, разбивающие созданные Футоном противника незримые серпы.

Третья активация *Шичи Тенкохо* вещь хорошая, но долго ее поддерживать Кагуя не смогут. Поэтому с этого момента придется постараться все решить оперативно. Раз это существо решило проявить сопротивление, и обычными техниками спеленать его не удалось, то придется для начала его ослабить, просто от души избив сформированное из чакры тело. Несмотря на дикий хаос вместо нормальной кейракукей, у Когенрю все же имелось некое подобие тенкецу. Заблокировав их, дракона можно сделать более податливым.

Через единение *Омойкане* я будто сам почувствовал плотность воздуха, сквозь который, словно сквозь воду, прорывались тела моего клона Омушимару и Кагуя. Рев Бьякко врезался в тело пятиглавого создания, пошатнув Когенрю, его крылья вывернуло потоком воздуха, но видимых повреждений пока нет. После чего в него врезались оба Кагуя, руками разрывая плоть из чакры, разбрызгивая во все стороны мерцающие искры крови.

Похоже, даже видя тенкецу бьякуганом Омушимару, Кагуя просто не могли на ходу совместить свой стиль боя с додзюцу и начать поражать только те точки, удары по которым наносили бы максимальный урон. Стоило потренироваться с этой *Омойкане* ранее, но Юко все время находилась на севере, в Стране Железа, и решала задачи в Стране Водопада или Стране Травы, а также была резервом на случай, если кому-то захочется отобрать у меня Страну Гор. А Кагуя наводили страх на Юге, сражаясь с Кири. Они просто не пересекались до этого задания. Однако с поражением тенкецу хорошо справлялся я сам в своем шестируком клоне, используя дистанционные атаки.

Удары сотрясали все тело дракона, его низкий многоголосый рык сотрясал воздух и, кажется, перетряхивал все внутренности. Грудь вибрировала так точно! Но не уверен, что удары приносили дракону большой урон, так как шкура Когенрю стремительно обрастала каменной броней, пробиться через которую стало сложновато. А еще через миг дракон ответил на наши удары, попытавшись утопить пространство барьера в огне.

Яростное алое пламя алым бутоном расцвело вокруг Когенрю, отбрасывая в стороны Кагуя, испаряя в кровавый туман технику Мейро, раскалив добела Цепи Чакры и протянув жадные языки в мою сторону. Однако ему навстречу устремился синий огонь.

Словно потустороннее, синее пламя Мататаби с язычками черного огня в себе оплело Катондзюцу Когенрю, стремясь пожрать его и перекинуться на все тело дракона. Удар его ноги по земле вызвал мощное землетрясение и взметнул каменные валуны вверх, обрушив их на пламя, прибывая его к земле. Во все стороны начали бить тугие жгуты водяных бичей, но тут же оказались обвиты шеями кроваво-красных драконов техники *Инари*.

— Юко, — нахмурившись, произнес я, хотя можно было обойтись и просто мыслью.

Какой-то Когенрю слишком нудный. Убить эту сущность, наверное, не составило бы особого труда, хотя он быстро восстанавливается, вбирая в себя все новую чакру и поглощая природную энергию. Но убивать его не стоило, не за этим мы сюда явились. Мне была нужна его чакра.

Сейчас, увидев ее в деле, сомнения, которые я испытывал еще перед самым началом распечатывания Когенрю, стали пропадать. Да, эта тварь, наверное, не сравнится по

могуществу с биджу, но у нее есть свои интересные особенности, которые могут быть полезны. Контроль над Сейшицухенка, умение оперировать природной энергией, большая часть техник дракона была чем-то вроде сендзюцу, это прекрасно ощущалось в Режиме Мудреца. Возможно, он не так прост, как кажется на первый взгляд.

Сейчас, когда Кири покинуло, наконец, материк, оставив лишь базу на Узушио, откуда и осуществляло набеги на разоренные земли Страны Горячих Источников, есть вероятность, что Отогакуре может оказаться ненужной Конохе и Кумо. Тогда проблем у меня станет значительно больше. Для их решения никакая сила не будет лишней.

Думаю, после того как стратеги Кумо и Конохи осмыслят факт появления у Ото флота, который мне удалось ударными темпами вырастить с помощью Мокутона буквально в голое поле и без всяких верфей, правители больших стран начнут проявлять недовольство. Еще и вспышка мора на опустошенных Туманом землях вряд ли добавит спокойствия. Голод, общая антисанитария, ослабление иммунитета, сокращение мелких хищников и чрезмерное распространение синантропных животных привели к закономерному результату, то есть распространению зоонозных инфекций. И одна из них, похоже, хорошо укоренилась в человеческой популяции, приобретя подходящую случайную мутацию. Думаю, виной тому стал в первую очередь голод и начало истребления и употребления в пищу организмов, ранее этой участи избегающих. Крысы, например, те же кошки, мыши.

Во время войны и непрекращающихся набегов Кири локализовать очаг не удалось и быстро подобрать лекарство или вакцину тоже. Теперь с беженцами зараза распространяется все дальше, и некоторым политическим группировкам выгодно обвинить в этом меня. Борьба еще и в информационном поле у меня пока возможностей немного, хотя к этому подготовка шла давно.

Во время этой войны я попытался проглотить значительно больше, чем мог. Пришлось распылить свои силы. Это опасно. Пока у меня есть договоренности с Облаком и Листом. С последними еще и долгие отношения, пусть и разного характера. Но договоренности договоренностями, но в политике друзей и союзников нет. Нужно иметь под рукой дубину, которая делала бы непривлекательными идеи решить вопросы с Ото с помощью силы. Пока я регулярно во время Тайги-мацури показываю, что такая дубина в Ото есть. Но по факту в реальности Отогакуре на территории Страны Звука становится все больше похоже на бумажного тигра. Чомей и значительная часть высокоранговых шиноби — на соседнем материке. Узумаки и часть других кланов ведут бои в акватории Черепашьего моря. Значительные силы находятся в Стране Гор и Стране Водопада.

Появление Дайки с запечатанным Когенрю в Отогакуре было бы крайне желательным. Поэтому этот дракон должен быть захвачен!

А для этого нужно поторопиться. Цепи Чакры — техника изматывающая, а мне в Дайки нужно будет еще Когенрю запечатать. И, несмотря на постоянно сотрясаемую под ударами моих напарников тушу пятиглавого завропода-мутанта, он никак не желал вновь быть запечатанным. Придется действовать жестче.

По моему приказу Юко активировала очередную технику. По нашим узам прокатилась волна тягучей боли. Чувство, будто из тела выворачивали кости, а глаза прижгли раскаленным прутом. Примерно так ощущала *Сусаноо* Юко Учиха.

Ее тело скрылось за пеленой пурпурного пламени чакры, быстро формирующем кости и иллюзорное подобие плоти. Костлявые гигантские ладони с грохотом опустились на тело Когенрю, заставляя его осесть на камень пола. Надрывно затрещали скалы и начали

обваливаться не выдержавшие такого издевательства перекрытия древнего храма.

Не обращая внимания на проваливающийся под ногами пол, я метнул свое тело вперед, скользя меж пожирающих друг друга языков разноцветного пламени, борющихся плотных струй воды, ломающихся друг об друга костяных и каменных кольев, скрипящих цепей и сверкающих молний, незримых лезвий ветра.

Еще в полете на кончиках моих пальцев засияли огоньки чакры с отпечатанными в них символами Пяти Движений. Нечетные печати мне всегда казались более удобными, если сравнивать даже с фуиндзюцу Узумаки. Может, они не так надежны, но эффективны в бою. Покрытая темным призрачным пламенем ладонь коснулась обжигающего тела Когенрю, практически утонув в быстро затягивающейся ране, пробив тонкую свежую кожу и погрузившись в мягкую плоть, почти достигая прочной грудины. Мне удалось нанести удар сразу вслед за Тайши, внедрив печать за каменную броню дракона, почти точно угодив в хаотично мечущийся по системе циркуляции чакры Когенрю узел.

Линии *Гогье Фуин* вспыхнули недобрым багрянцем, отпечатываясь на теле дракона и прорастая в его кейракукей. Надрывный рев Когенрю вновь ударил по ушам, огромное тело дернулось, пытаясь отшатнуться назад. Моя рука с влажным чмоканьем была вырвана из плоти, но за первым ударом последовал второй.

Гедо но Ин!

Поверх одной печати раскинула свои ветви вторая, под воздействием которой созданная из чакры плоть начала вновь преобразоваться в первоначальные потоки энергии. И именно в них проникла третья печать, Проклятая Печать Неба. Именно она, поглотив тушу Когенрю хаотичными пламенеющими линиями, нарушила ток природной энергии, блокируя ее равномерное смешивание с чакрой.

Наверное, в этот момент должен был бы вновь прозвучать драконий рык, но тело Когенрю начало стремительно искажаться, попав под воздействие сразу трех печатей и заблокированных Кодексом Перемен тенкецу. Давление лап Сусаноо надломило хребет дракона. В стороны вместо крови брызнула чакра. Надрывно звякнули мощные цепи, с новой силой сдавливая, сминая организм Когенрю и притягивая его к Дайки. Словно пойманное в поток ветра облако тумана, с тревожным рокотом тело Когенрю постепенно утонуло в моем клоне, пропадая в фуиндзюцу, которое медленно прожигало на коже цветное изображение пятиглавого дракона.

Несколько секунд и дело сделано.

На мгновение наступила тишина, тут же сменившаяся грохотом обваливающихся перекрытий и рокотом бурлящей воды, быстро исчезающей в трещинах. Быстро потускнел и пропал образ *Сусаноо* Юко. На щеках *Учиха* медленно подсыхали красные дорожки кровавых слез. Ощущение единения *Омойкане* пропало, поэтому я уже не чувствовал ее боли, но уверен, что глаза до сих пор горят от выплеснутой только что силы.

Тяжело осел на пол *Юичи Кагуя* и, дрожащей рукой держась за обломок скалы, пошатывался *Тайши*. Мои клоны тоже выглядели измотанными. Гм... Даже на лице *Мататаби* проступила испарина.

— Хорошо поработали! — немного неловко произнес я, поняв, что в процессе запечатывания фактически не делал почти ничего.

Только и нанес пару ударов. Ну, я ж начальник все-таки. Это и правильно, что не впахиваю. Хотя два моих клона — это тоже я. Но это значит, что тем более все честно.

— Дейтан! — окликнул я оставшегося за барьером *Ямаду*.

— Да, Рюджин-сама!

— Что там с храмом?

— Барьер поглотил большую часть воздействия, но нам лучше здесь не задерживаться.

Это хорошо. Конечно, Дейтан знает толк в кеккай ниндзюцу, и его поддерживал десяток Узумаки, но могло случиться всякое. Не будь это место так удобно для постановки барьера, предпочел бы сражаться в открытом пространстве.

— Тогда собираемся и на выход, — приказал я. — Дайки, как самочувствие?

— В норме.

На всякий случай подойдя к клону и прикоснувшись к его голове, я быстро получил от него информацию. Все-таки любопытно, как поведет себя в печати этот Когенрю. Интересная все же зверушка, от нее можно ожидать сюрпризов. Но, кажется, пока все и в самом деле в порядке.

Мне вообще показалось, что дракон был не особо инициативен. Можно даже сказать, что туповат. Он и в бою использовал свои ресурсы не эффективно, и в печати тоже ворочался не особо активно. Да, любопытная тварь. И надеюсь, что полезная все-таки. Но разбираться с ней нужно будет потом, а пока...

— Господин!!! — надрывный женский крик оборвал меня на мысли. — Рюджин-сама!!!

Быстро обернувшись на звук, рефлекторно активировав кецурьюган, я заметил бегущих ко мне онна-бугейша Сары. Без дочери. Их мертвенно бледные лица и широко распахнутые глаза, а также отсутствие с ними принцессы Роурана сразу навели меня на неприятные догадки. И они быстро были подтверждены:

— Рюджин-сама, Сара-сама пропала!

Глава 47. Белый Змей

1 мая 49 года от начала Эпохи Какурезато

Несмотря на просьбу Орочимару, Сара не стала далеко удаляться от центрального зала храма. Она видела, какой мощи был создан барьер, с такой защитой вряд ли ей могло что-то грозить. А вот подсмотреть сквозь него на могущество шиноби было интересно.

Королева Роурана никогда бы не позволила своей единственной дочери приблизиться к настоящей битве по-настоящему сильных людей. Банальная предосторожность. Несмотря на многолетний опыт занятий традиционной для пустынных народов борьбой, несмотря на собственную связь с Рюмьяку и возросшие в последнее время навыки контроля чакры Драконьих жил Сальма все еще оставалась королевой, женщиной от битв весьма далекой. И хоть своей дочери она позволяла постигать искусство кендзюцу и тайдзюцу, но никогда бы даже не подумала, что той придется пользоваться приобретенными знаниями на практике.

В последние десятилетия даже дайме восточных стран давно забыли свои истоки, оставив боевые искусства, хотя многие из них выходили из самурайских родов. В Роуране же тем более испокон веков правитель был стратегом и тактиком, но никак не воином. Сара — первое за многие столетия исключение.

— Потрясающе, — тихо прошептала Сара, сама не слыша своих слов за доносящимся из-за барьера грохотом.

Она никогда не отличалась большим талантом сенсора и плохо ощущала чакру, но сейчас, казалось, протяни руку — и сможешь ее коснуться.

Призванный дракон был соткан из чакры, воздух задрожал от его энергии. В ответ которой вырвалась чакра шиноби. Толстые жгуты кровавой воды рокотали подобно набегающим штормовым волнам, им вторил рев синего пламени и звон массивных цепей. С треском ломались копья молний о черные щиты *Гэмбу*. Омушимару-сенсей создавал их с такой легкостью, которая Саре казалась просто недостижимой.

Битва поражала воображение юной принцессы. Шиноби сражались ведь даже не в полную силу. С полной отдачей, но аккуратно, стремясь поймать дичь, а не убить ее. Но непринужденность применения некоторыми из них *Шичи Тенкохо* ошеломляла. Безудержное пламя *Мататаби* пугало. Костяные пики, тяжелые цепи и водяные драконы подавляли своими масштабами. Аккуратные и выверенные движения Омушимару, от которых сотрясалась вся громада Когенрю, казались совершенными.

И Орочимару.

Когда-то, при первой встрече в Роуране, он показался Саре жутковатым из-за странной внешности. Она не могла понять, что в нем видят люди, которые почитают его как живого ками. Но сейчас он преобразился. И дело не в объявшем его тело изумрудном пламени чакры. Глядя в его прямую спину, Сара ощущала незримое давление. Нечто схожее она чувствовала в Омушимару во время обучения тайдзюцу, но сейчас это давление становилось почти физически ощутимым.

Это даже не *сакки* в его привычном понимании. Это духовное давление не несло убийственного намерения. Оно вообще не было направлено на Сару, его волны просто расходились в стороны и словно сокрушали что-то в сознании, заставляли ощущать свою незначительность перед чем-то огромным и великим. Принцесса могла сравнить это чувство лишь с первым впечатлением от увиденной ею собственной дворцовой башни в Роуране в

детстве. Это был первый ее выход. Первый взгляд на дом с уровня его основания. Она смотрела на устремленную ввысь гору и, как бы ни задирала голову, не могла увидеть ажурного шпиля на ее вершине. И даже ее тень терялась вдали.

Это незримое, даже толком не ощущаемое могущество поражало куда больше, чем зримая мощь Орочимару.

Был ли отец Сары таким же? В детстве девушка бы не задумываясь сказала бы, что Тацума Гото был даже еще более сильным, потому что нет никого сильнее него в этом мире. Но с годами эта детская иллюзия стала рассыпаться под давлением реальности.

Сжав рукоять Кавакихиме, Сара чувствовала уважительный трепет перед силой собственного учителя и его соратников. Но из глаз невольно текли слезы от странной и непонятной боли на сердце. словно вместе с выстроенным в голове образом отца окончательно погибал и сам он. Хотя, наверное, погибала всего лишь ее детская слепая вера.

Глубоко вздохнув, чувствуя в душе странное опустошение, Сара еще крепче сжала рукоять Кавакихиме, чувствуя загрубевшей от долгих тренировок ладонью плотную шелковую перевязь, участки шершавой кожи и холодные декоративные вставки в виде парящих драконов. На мгновение эти ощущения словно заполнили все сознание, остальные события проносились, словно минуя сознание. Сара еще успела заметить, как фигура Орочимару исчезла в воздухе, и коридоры старого храма сотряслись от чудовищного рева дракона.

На фоне этого грохота почти не слышным был легкий хлопок, серая пелена на миг закрыла взор, после чего девушка словно оглохла и ослепла. Грохот битвы словно отсекло, а мир вокруг погрузился в кромешную тьму. А самое главное — ладонь, только что лежащая на твердой рукояти меча, сжала лишь пустоту. Кавакихиме пропала!

— Наконец-то! — прежде чем паника успела полностью заполнить сознание принцессы, в темноте раздался самодовольный женский голос. — Я смогла!

— Кто здесь?! — быстро подобравшись и приняв боевую стойку, спросила Сара.

Пусть без оружия, но за себя постоять она способна.

— Я здесь! — гордо заявила тьма в ответ.

Во мраке вспыхнул призрачный голубоватый огонек, выхватив из тьмы человеческий силуэт. Девушка. Возраст Сара определить не могла, но на старуху не похожа. Красные волосы свободно падали на плечи, белое кимоно делало незнакомку похожей на какого-то призрака.

— Я — Кавакихиме, — лучась самодовольством, ответила девушка, приложив правую ладонь к груди.

— Кавакихиме? — не особо поверила Сара.

— Да-да! Наконец-то! Наконец-то я могу говорить! Как же мне этого не хватало! Я уж думала, что вообще уже разучилась это делать! Орочимару! Мелкий поганец! Его джудзюцу было слишком крепко. Я последовала за ним по его просьбе, и чем он мне отплатил?! — возмущенно запричитала девушка. — Я Кавакихиме, а он какое-то ничтожество, возомнившее себя ками!

— Ты Кавакихиме?..

— Да! Да!!! Сколько мне нужно еще об этом сказать? — грозно сдвинув брови, произнесла девушка. — Не веришь? А так? — девушка скрылась за пеленой дыма, после чего на землю со звоном упал обнаженный меч.

Очень хорошо знакомый Саре меч. Буквально несколько секунд катана пролежала перед

глазами Сары, после чего новая волна дыма накрыла оружие, оставив после себя длинную желтую шипастую змею. Чем-то она напоминала привычную для Роурана эфу, но как будто вздыбленная чешуя придавала ей щетинистый вид. Еще раз окутавшись дымом, змея вновь приняла облик девушки.

— Техника Перевоплощения, — гордо заявила Кавакихиме. — Я отлично ей владею. Стоп! У нас же мало времени! Генрюю точно не продержится против Орочимару долго! А я привела тебя сюда не для того, чтобы себя показать!

Резко метнувшись вперед, Кавакихиме схватила Сару за плечи. Глаза змеи в человеческом облике горели нездоровым блеском, на лице явно читалось сильное возбуждение. Трепещущий огонек придавал облику Кавакихиме жути.

— Я давно хотела тебе сказать, — заговорщицким шепотом произнесла змея, — джудзюцу Орочимару мешало. Но аномалия Корьюзана нарушила технику и позволила мне перенести тебя сюда, а здесь джудзюцу и вовсе не действует! О, как же я ждала этого момента!

Лихорадочно облизнув губы, Кавакихиме сделала глубокий вдох, открыв алый ротик и блеснув длинными острыми клыками. Ошеломленная Сара была уже готова попытаться вывернуться из железной змеиной хватки, но прозвучавшие в следующую секунду слова оглушили принцессу.

— Ты дочь Орочимару! — слетела с уст Кавакихиме короткая фраза. — Орочимару твой отец, понимаешь?! Он твой отец!!!

— Что?.. — не сразу уловив смысл слов, спросила Сара. — То есть как?

— Ты же слышала эти рассказы, что Рюджин может встретиться под разными ликами? — возбужденно затараторила Кавакихиме. — Орочимару и в самом деле так может! Омушимару — это Орочимару, веришь мне?! Это он! Его клон! И тот, кто пришел в Роуран под именем Тацумы Гото, это тоже Орочимару! Я сама была с ним тогда, понимаешь?! Тацума Гото — это Орочимару. Это Рюджин! Ты — дочь Рюджина!

— Но... Почему?.. Как? Я же...

— Не знаю, почему, — небрежно фыркнув в ответ на несвязный лепет Сары, сказала Кавакихиме. — Потому что дурак. Он всегда был им, уж мне-то поверь. Не от этого мира он! Что творится в его голове, никто не знает. А те, кто пытается это сделать — сходят с ума! Представляешь, что там творится, да?

Мрак озарила длинная трель девичьего смеха. Саре показалось, Кавакихиме или та, кто ею назвался, тоже сейчас немного сошла с ума. Но девушку интересовало больше свое собственное душевное состояние.

Орочимару — ее отец? Если задуматься, то между Омушимару и Орочимару есть много схожего, и это не только потому, что они оба носят фамилию Рюсей. И, вообще, откуда мог взяться этот Рюсей, если в Конохе у Орочимару никогда не было ни братьев, ни племянников, ни дядьев, ни сватьев. Из всех родственников — только мать, и та погибла еще до рождения Сары. Но, главное, отношение матери к Омушимару. Точнее, к Орочимару. Та пощечина в борцовском зале. И все, что потом происходило с Сальмой. Значит, она знала?!

Значит, принцесса Роурана — дочь Рюджина?!

— Невозможно... — потеряно прошептала Сара.

— Возможно! Еще как возможно! — радостно воскликнула Кавакихиме и от избытка чувств затрясла Сару. — Давай! Давай, приходи в себя быстрее! Нам возвращаться нужно, а то... А то... О, нет! Нет-нет-нет!

В голосе Кавакихиме Сара почувствовала неподдельную обеспокоенность. А потом внезапно погас призрачный огонек, и девушка почувствовала, что тьма вокруг нее пришла в движение.

— Что происходит? — требовательно спросила принцесса.

— Нас заметили, — неловко и как-то затравленно ответила Кавакихими из темноты.

— И что теперь?

— Не знаю... — потерянно ответила змея, когда чувство движения прекратилось.

В застывшей на несколько секунд тишине уши Сары уловили частое и неглубокое дыхание все еще сжимающей ее Кавакихиме. Но кроме него, было еще чье-то. Глубокое и басовитое. Вот вновь массы воздуха оказались втянуты каким-то невидимым гигантом. К привычному шуму дыхания примешался треск тлеющей травы, и в крошечном мраке заалел факел, тусклый свет которого озарил огромную змеиную морду.

— Хакуджа-сама, — обреченно и почтительно прошептала Кавакихиме, словно замороженная глядя в огромные глаза гигантской змеи.

— Интересного человека ты привела ко мне, Каваки, — скрипучий громогласный голос разнесся по пространству, отражаясь от невидимых стен эхом. — Говоришь, это дочь Орочимару, да?

— Хакуджа-сама, я... — не нашлась что сказать Кавакихиме.

Да Сара и сама потеряла дар речи, разглядев, к кому они попали. Тело гигантской белой змеи терялось во мраке. Ее голова была увенчана копной рыжих волос и странной диадемой. А факел во тьме был длинной зауженной сигаретой в костяном мундштуке. Света она давала немного, но эти тусклые отблески позволяли разглядеть очертания огромного каменного трона и высеченную в камне фигуру грозного дракона позади него, в пасти которого покоился гигантских размеров свиток.

— И что же нужно этой маленькой обезьянке? — выдохнув облако серого, удушливого дыма, спросил огромный змей. — Сендзюцу? Я не прочь помучить ее природной энергией и съесть.

— Нет! — решительно выступив вперед и задвинув Сару за спину, ответила Кавакихиме. — Она оказалась здесь случайно. Мы уже покидаем Рьючидо.

— О, уже? — вновь затянувшись ядерной табачной смесью, с ленивым любопытством переспросила гигантская змея. — Думаешь, что я это позволю?

— Хакуджа-сама... — потеряв львиную долю только что показанной решительности, неуверенно проблеяла Кавакихиме.

— Нет, не позволю, — сам ответил на свой же вопрос змей, названный Хакуджой. — От этой обезьянки исходит знакомый аромат. Она связана с Рьюмьяку! Это интересно.

Во тьме зазвучал новый звук. Громкий шорох белой чешуи по камню. Едва очерчиваемый тусклым светом силуэт Хакуджа зашевелился. Алый факел во мраке начал медленно приближаться к Саре. Кавакихиме неуверенно начала отступать назад, подталкивая туда же принцессу.

— Мне давно хотелось посетить западное побережье, — раздался во мраке низкий голос, — но старый слизняк из Мьебокузана этого бы наверняка не оценил. А теперь ключик к Рьюмьяку сам явился ко мне. Разве не глупо было бы отказываться от такого подарка?

— Она дочь Орочимару! — выкрикнула Кавакихиме. — Он будет зол, если с ней что-то случится.

— И это тоже хорошо, — прозвучал спокойный ответ из тьмы. — Змееныш наконец

явится сюда, чтобы быть сожженным.

— Хакуджа-сама, вы с ума сошли?! — истерично воскликнула Кавакихиме.

В ответ мрак разразился насмешливым шипением, огонек на конце огромной сигареты тревожно замигал и затрепетал.

— Ну уж нет, — ответил Хакуджа. — Этого момента пришлось ждать очень долго, но я пока в своем уме.

С этими словами алеющий во тьме факел стремительно ухнул вниз. И когда кусочки тлеющего табака яркими искрами брызнули в стороны, разбившись о пол, могучая сила подхватила Сару, срывая ее с места.

— Тебе не сбежать, Каваки, — донесся до ушей принцессы грохочущий и полный дикого азарта голос Хакуджа.

— Прости меня, Сара, — тихо прошептала Кавакихиме, вновь подхватив Сару и метнувшись с ней в сторону, уходя от очередного выпада. И еще раз. И еще.

Сара не знала, что творится вокруг. От резких прыжков ее начинало мутить, резкие ускорения и остановки окончательно дезориентировали девушку. Последний источник света пропал, в кромешном мраке принцесса слышала только грохот ударов и их эхо. Сара с трудом боролась с паникой и странным оцепенением одновременно. За последние несколько минут на нее свалилось слишком много шокирующих событий. События развивались слишком стремительно, но вбитые обучением матери навыки заставили сознание абстрагироваться и начать думать над решением первоочередных задач, отринув лишние эмоции.

Судя по эху, они оказались в огромной пещере. И выхода из нее, похоже, нет, раз Кавакихиме вынуждена метаться из стороны в сторону. Ситуация аховая. И она усложняется тем, что Кавакихиме начинает выдыхаться, а Сара просто ничего не видит.

Еще один рывок закончился болезненным ударом о камень. Железная хватка рук Кавакихиме на миг ослабла, а с ее уст сорвался болезненный вскрик.

— Мне нужен меч, Каваки, — перекрикивая грохот, решительно сообщила Сара.

— Даже не думай! — пыхтя, ответила Каваки, вновь прыгая в сторону с принцессой на руках. — Ты не сможешь!

Этот прыжок завершился не просто ударом о камень. Сара услышала вскрик Кавакихиме, хватка ее рук резко пропала, и бок принцессы встретился с камнем. По инерции ее потащило вперед. Кожу обожгло огнем и болью.

— Каваки! — испугано вскрикнула Сара, только остановившись и начав слепо шарить руками вокруг.

— Я здесь... — раздался в ответ сиплый и прерывистый шепот, руки Сары коснулись холодная узкая ладонь Каваки.

— Меч! — резко крикнула Сара, чувствуя, как по спине веет холодом от приближающейся опасности. — Давай же!

Кавакихиме не ответила, но через миг Сара почувствовала, что ее ладони касается знакомая, родная рукоять. Шелковый переплет, шершавая кожа, бронзовые драконы. Сознание утонуло в резко накатившей волне покоя и умиротворения.

Тело само начало действовать, опираясь на вбитые тренировками с Омущимару рефлексy. Это были техники Орочимару. Техники ее отца! И пусть раньше она лишь с огромным трудом могла их повторить, но сейчас...

Энергия вырвалась из тела Сары, пронизывая камень у ее ног, окружающий ее воздух и

тьму. По ее воле потоки воздуха стремительно прильнули к телу, податливо обволакивая кожу, струясь к белому клинку Кавакихиме. Прикрыв глаза, уже чувствуя дыхание огромного змея, Сара резко выдохнула и взрезала пространство мечом.

Кромешный мрак пещеры неуверенно разбили крохотные яркие искорки белого пламени, высеченные прямо из воздуха техникой Сары. Слыша, как от напряжения рвутся мышцы, подобно сухой тряпке, но пока не чувствуя боли, девушка продолжила движение, и тьма в страхе отпрянула от нее, разгоняемая стремительно разрастающимся пламенем. Стук сердца в ушах заглушил все остальные звуки, в голове пульсировала тупая боль, но языки жгучего пламени были подхвачены и умножены ветром, сплетаясь в жгуты мышц и панцирь чешуи.

Яркое сияние выхватило из мрака отпрянувшего в сторону белого змея и сотни метров каменного пола, но не смогло пробиться сквозь тьму до далеких стен и потолка. Колени подогнулись, Сара рухнула вниз, устало завершив технику. Рев пламени ударил по ушам, пробившись сквозь бешеный стук сердца. Волна сухого жара опалила в лицо, но девушка продолжала жадно хватать ртом этот обжигающий воздух, с восторгом наблюдая, как величественно вырастает вокруг нее огненный смерч, как неистово полыхают огнем огромные глаза, как трепещут на волнах жара длинные пламенные усы. Как опалает камень огненная плоть величественного, сотканного из огня дракона.

Сара только-только овладела *Сузаку*, одной из техник тайдзюцу Орочимару. И едва приступила к тренировкам *Сейрю*. Но сейчас она создала странную смесь двух техник — огненный смерч в форме дракона. Находясь в ее центре, девушка была окружена неистово ревущим, пляшущим в бешеном танце пламенем. Издавая угрожающий низкий гул, повинаясь вложенной физической энергии, огненное тело дракона ринулось вперед, заставляя белого змея стремительно отступить.

Хакуджа недовольно ощерился, извернувшись всем телом и ускользя от объятий огненного смерча. Борясь с болью и тошнотой, чувствуя, как едва не разрывается сердце, Сара обреченно наблюдала за тем, как танцуют ожившее пламя и гигантский змей. Последний, несмотря на свои размеры, оказался слишком ловким, чтобы попасться в огненный капкан. Теперь принцесса испытала еще большее уважение к Кавакихиме, умудрявшейся ускользать от атак такого противника с весомой ношей на руках.

Глядя на стремительные движения огромного змея, Сара также понимала, что уже обречена. Как не смогла сбежать Кавакихиме, так не сможет справиться с противником и этот дракон. Техника не бесконечна, даже один раз призвав ее, из-за спешки девушка слишком сильно вымотала себя и даже нанесла увечья. Острая боль растекалась по порванным мышцам. В руках чувствовалась странная слабость, Сара просто физически не могла их поднять и лишь продолжала крепко сжимать рукоять меча. Легкие горели, сердце бешено колотилось и ныло в груди.

По крайней мере, Сара сделала все, что было в ее силах.

Устало выдохнув, она потеряла равновесие и завалилась на бок. Руки отозвались болью при попытке смягчить падение и только едва дернулись, словно чужие. Сумев защитить голову от удара о камень, Сара болезненно ушиблась плечом. Она все еще могла наблюдать за схваткой собственной техники и Хакуджа. И могла видеть, как медленно тускнеет пламя, и как все более решительно действует змей.

Вот его тело странно раздулось, а через секунду из гигантской пасти вперед рванул неистовый поток ветра, смешанного с серой пылью. Неизвестная техника встретила с с

тайдзюцу Сары и начала стремительно его сметать, словно буря выстроенный из песка замок.

Рев пламени быстро угас, последние всполохи улетели прочь, за спину Сары, влекомые потоком. Эта пыль лезла в глаза, но к подобному Сара была привычна. Сощурившись, она видела в последних отблесках огня, как самодовольно вздыбливает шею змей, как быстро мелькает раздвоенный язык в вытянутой пасти. Как гигантское белое тело стремительно обрушивается сверху, чтобы одним махом проглотить беззащитное человеческое тело.

И в этот момент почти вновь погрузившийся во мрак зал разрезал яркий лазурный луч. Его блеск, его переливы напоминали глубокое небо. Словно твердь земли была расколота и во мрак пещеры пробился свет дня.

Хакуджа вновь удивил Сару, показав еще большую прыть, чем ранее. Девушка даже не успела заметить, как все огромное тело белой змеи извернулось, проскальзывая вдоль яркого лазурного луча, стремительно отступая обратно во тьму. И тут же от ощущения приближения чего-то запредельного, непостижимого волосы на голове Сары зашевелились, а по спине прокатилась волна холода. К горлу подкатил комок, а сознание почти утонуло во взметнувшемся из самых глубин души первобытном ужасе. Ощущение неотвратимости смерти, дыхание небытия, пустоты и забвения прямо за спиной, едва не заставили и без того истрадавшееся за последние минуты сердце разорваться. Но ощущение потустороннего холода сошли на нет, словно смытые водой.

Сару лишь едва задело самым краем нечеловеческого *сакки* Орочимару, чьи шаги в наступившей внезапно тишине она смогла расслышать. Лазурный луч также стремительно, как появился, исчез, сжавшись до размеров длинного, продолжающего сиять ровным, успокаивающим светом пламенеющего клинка. Еще несколько шагов, и Сара смогла увидеть силуэт вставшего перед ней Орочимару. Он пылал от переполняющей его чакры, третья активация *Шичи Тенкохо* заставляла силу бурлить в его теле, образуя языки янтарного пламени, лижущие бледную кожу, покрытую изумрудными чешуйками, сотканными из природной энергии.

По телу Сары пробежала волна мурашек, когда взгляд сияющих багрянцем глаз с вертикальным зрачком скользнул по ее лицу.

— Одной сгнившей от сырости пещер веревке-переростку надоело влачить свое жалкое существование, я смотрю, — переведя взгляд на тьму, в которой скрылся Хакуджа, холодно произнес Орочимару, и эхо придавало его голосу угрожающий звон. — Я готов оборвать твою жизнь, Хакуджа Сеннин, раз таково твое желание.

— Пойдите, пойдите! — поспешно раздался еще один голос, на этот раз женский, и в нем слышались испуганные нотки.

Сара заметила, как зашевелились серьги в ушах Орочимару, быстро упав ему на плечи и разрастаясь. То же произошло с нефритовым браслетом на его руке. Украшения стекли с рук Рюсея на землю, обернувшись сначала массивными змеями, а затем приобретя человеческую форму. Чем-то три женщины напоминали Кавакихиме: схожая одежда и неестественно красивые бледные лица.

— Можно же просто поговорить. Наверняка это просто ошибка! — судя по голосу, теперь заговорила уже другая женщина.

— Не нужно ссориться! — более лаконично завершила мысль третья.

— Поздно, — отмахнулся свободной рукой Орочимару от тройки женщин. — Помогите Саре. Быстро.

— Лучше вам не спешить с этим, — вновь зарокотал во мраке голос Хакуджа. — Принесите мне девчонку и не мешайтесь, пока я не отведаю плоть одного зарвавшегося змееныша.

Троица девушек, уже начавшая двигаться в сторону Сары, резко замерла на месте, затравленно обмениваясь взглядами.

— Вы слышали мой приказ, — коротко сказал Орочимару, даже не взглянув в их сторону. — Вы знаете, что нужно делать.

— Д-да, Рюджин-сама! — после паузы дружно ответили женщины, испуганно закивав головами и поспешно подбежав к Саре.

Почти сразу же их руки окутало зеленоватое сияние ирьениндзюцу, медицинская чакра ласково проскользнула в меридианы Сары, направилась в поврежденные ткани, стимулируя регенерацию.

— Проклятье! Проклятье! Проклятье! — истерично шептала одна из девушек-змей, закрыв глаза и вжав голову в плечи. — Что нам делать?!

— Тагори, это тебе пришла мысль связаться с Орочимару! — обвиняюще воскликнула вторая, зло глядя на третью, молчаливо кусающую губы.

От избытка эмоций с лиц этих девушек начала сходить человечность, сквозь слишком безупречные маски начали проступать жутковатые змеиные черты. Если бы могла, Сара точно отшатнулась бы от таких помощниц в страхе.

— У нас нет выбора, мы все это знаем, — наконец, тихо сказала та, которую называли Тагори. — Эта старая рухлядь не сможет убить Орочимару, даже если проглотит всю чакру этого его тела. Контракт не пропадет. Если мы... Я не хочу провести вечность во чреве Шинигами! Или еще что хуже. Поэтому мы повинемся Рюджину-сама! В худшем случае, Хакуджа всего лишь убьет нас за это.

Выслушав слова Тагори, остальные две девушки с мрачной решимостью кивнули в ответ, продолжая направлять медицинскую чакру Саре.

— А ты умеешь убеждать, змееныш. Это *сакки*, эта воля и духовное давление, — убедившись, что ни одна из змей не спешит исполнять его приказы, произнес Хакуджа из тьмы. — Твоя сила поражает даже меня. Она продавала Рюджинкё в Рьючидо, что удивило и насторожило меня. И не зря. Это и в самом деле похоже на то, что смогла сохранить моя память. Ты совсем не тот Орочимару, которого ждал этот мир. Чудно!

Тьма разразилась предвкушающим шипением, которое прервалось чеканной фразой огромного змея:

— Твоя сила станет моей!

После этих слов Сара только и успела заметить, как тело Орочимару покрылось едва видимой дымкой марева, и через миг он пропал из виду, а пространство пещер затряслось и заполнилось грохотом и хаотичными вспышками света.

***

Хакуджа Сеннин. Я уже давно печенкой чувал, что ничего доброго ожидать от этой твари не стоит. После моего обучения сендзюцу престарелый белый шланг начал проявлять подозрительную активность. Даже не знаю, как это объяснить. Вроде, все было как обычно, но я нутром ощущал угрозу. Поэтому старался не появляться в Рьючидо. Однако судьба когда-то все равно должна была привести меня сюда. Правда, в итоге сделала это не лучшим образом.

Кавакихиме! Я был полон решимости спустить с нее шкуру, когда узнал причину

пропажи дочери. Стоит узнать еще мотивы такого поступка, но простым порицанием она точно не отделается. Хорошо еще, что я успел вовремя совершить обратный призыв к Хиро и пробиться сквозь барьеры к Хакуджа Сеннину.

Вот только теперь передо мной стоит задача куда изощреннее. Нужно выбраться отсюда с живой Сарой. Настрой противницы не предполагал моего отступления, поэтому добровольно она меня из своих владений не отпустит. Собственно, я на этом не настаивал. Не знаю, что тут происходило, я успел лишь на последние секунды стычки Сары со змеей, но я знал одно.

Змея, именуемая Хакуджа Сеннином, должна умереть.

Пока это древнее ископаемое, умудрившееся даже попасть в число демонов Узумаки под именем Нурууба, распибалось бессмысленной речью, я сосредоточился на подготовке.

Мне практически ничего не известно о способностях владычицы Рьучидо, но могу догадаться, что от нее ожидать. Сендзюцу. Все пространство пещеры пропитано ее сендзюцу-чакрой. Я могу ощутить и частично видеть, что и сама окружающая нас порода, и воздух могут стать оружием Хакуджа, повинуюсь ее воле.

Я ненавижу сражаться на чужой территории. Даже с заведомо более слабым противником это может обернуться поражением, а Хакуджа к таким не относилась. Поэтому нужно было хотя бы немного сравнять шансы. Я успел.

Кецурыюгану тьма не была помехой. Стремительное движение Нурууба не ускользнуло от додзюцу. Одновременно с ним сорвался с места и я. Но прежде, чем мое тело обьял плотный Покров Чакры Ветра, я ощутил мощнейший откат от собственной техники. Созданное мною джудзюцу вырвало из моего тела всю накопленную природную энергию, разбрызгивая ее в стороны, нарушая привычное течение сил и мешая кому бы то ни было использовать сендзюцу.

Скрипнув зубами от прострелившей все тело боли и мотнув головой, на которую словно пыльный мешок накинули, я все же смог продолжить движение, с натугой создавая пламя *Сузаку*. Без природной энергии создание столь могущественных техник тайдзюцу оказалось проблематичным. Тело вообще словно утратило давно ставшую привычной легкость, а восприятие резко сузилось. В таком состоянии я даже одного крыла *Экикё* не смогу завершить. Но и Хакуджа явно было сейчас не многим лучше. Однако легкой победы мне ждать не приходилось.

Кольца огромного тела мелькнули в воздухе, проскальзывая мимо озаряющих пространство пещеры алыми всполохами огненных птиц. Череду выпадов Кусанаги также лишь сорвала пару чешуек, даже не пустив кровь. Зато я, слишком приблизившись к Хакуджа, едва не оказался раздавлен массивным хвостом. Без сенсорики сендзюцу я даже не сразу заметил стремительно приближающееся со спины белое чешуйчатое бревно. Повезло, оно увязло во внешнем контуре *Футон но Йорой*, а техника поглотила часть удара и просто снесла меня с места, спасая от участи быть раздавленным.

В полете успеваю поймать взглядом пару огромных желтых блюдец глаз. Мои собственные глаза обожгло мимолетной болью от усилившегося давления чакры. Гендзюцу Кецурыюгана затопило частичку сознания бесконечным кровавым океаном, в котором должна была полностью утонуть Хакуджа. Но через миг пришлось срочно отменять технику. Меня самого чуть не затянуло в собственное гендзюцу, в котором кровавое море внезапно сменилось бесконечным полем, кишачим белыми змеями.

Хакуджа подчинила себе мое гендзюцу! Не думал, что такое вообще возможно без как

минимум шарингана.

С подлым приемом змеи я справился, но все равно замешкался и едва не был рассечен потоком воздуха.

Тенсо!

Боль пронзила все тело. Сразу же использую Замену Тела, сбрасывая покрытую ранами пустую оболочку. И уже через миг суставы восстановленного тела взвыли от боли.

Бьякко!

Пришлось напрячься, хлопок ладонью о пустоту громом разнесся по воздуху, искажая его и рождая призрачное тело огромного тигра, который тут же врезался в спину Хакуджа. Покрытая прочнейшей чешуей кожа лопнула, орошая белизну алым. Ударная волна проволокла змея вперед, дробя им скалы. Неплохой удар, но я немного просчитался. Не я один умею сбрасывать кожу.

Неистово грохоча, *Бьякко* врезался в стену, вминая и разрывая белую чешую, но лишь пустую старую кожу. Сама Хакуджа успела нырнуть под землю, разрывая скальные породы, словно песок. И эта ископаемая сволочь едва не переиграла меня! Следующая атака была направлена не на меня. На Сару.

Ожидаемо, но я все равно просчитался.

Тенсо!

Снова боль волной прокатилась по телу, дробя кости и разрывая мышцы. Снова Замена Тела! Морда змеи уже слишком близко.

Не успевая возиться с ручными печатями, складываю пальцы ладони в простейший жест Конфронтации. Чакра хлынула потоком по телу, норовя вырваться из-под контроля, но все же она влилась в печать на моем теле, вырывая один из самых бережно хранимых мною секретов.

Резкая боль обожгла кожу под правой ключицей. Горячая кровь хлынула наружу, пропитывая белое кимоно. Но техника сработала, вырывая из печати пару Мангекьё Шаринганов, вокруг которых быстро сформировался теневой клон.

Глаза появившейся рядом со мной копии сверкнули багрянцем, но вместо вертикального зрачка Кецурьюгана в них совершили один оборот три томое, тут же превратившись в концентрический узор.

Белая туша всей своей немалой массой врезалась в пламенеющие пурпуром реберные дуги *Сусаноо*. Волна трещин разошлась от моих и моего клона ног, но не успевшая ничего даже сообразить Сара и окружающие ее перепуганные змеи не пострадали, оказавшись под защитой техники Мангекьё Шарингана.

Я не мог воплотить полноценное *Сусаноо*, думаю, клон даже просто не выдержал бы подобной нагрузки, но этого и не нужно. Главное, он способен выдержать иную технику Шарингана.

Мьёджин!

Пурпурный остов *Сусаноо* быстро истаял, пропав в воздухе и скрывая всех, кто находился в нем. И вместе с тем в воздухе появился сразу десяток половинчатых скелетов *Сусаноо* с моими клонами в центре. Горящие пурпуром костлявые руки потянулись к белому телу Хакуджа, заставляя его стремительно отступать.

Мьёджин, техника Мангекьё, создавала иллюзию невидимости, позволяющую скрыться от чужого взора подобно технике Второго Цучикаге, и она же создавала клонов, которые, к сожалению, не были материальными, поэтому единственное, на что их хватало — это

испугать и отвлечь противника. Но у меня была еще одна техника.

Онамуджи!

Только что бывшие иллюзорными руки клонов, облаченных в *Сусаноо*, врезались в камень, дробя его на куски. Кто-то успел угодить по слишком юркому для своих размеров Хакуджа.

Онамуджи, техника второго глаза, делала иллюзии реальными. Но была слишком сложной и отнимала много чакры.

Созданные Мангекьё клоны растворились во тьме, а мой теневой клон устало упал на пол. Из его глаз по лицу тянулись кровавые дорожки. Один из шаринганов опасно потускнел, но, надеюсь, второго хватит для защиты Сары. Я должен успеть расправиться с Хакуджа раньше, чем мой клон исчерпает чакру.

Проблема была в том, что он отнял много моих сил, которые мне пришлось, фактически разделить. А следующие пару минут растянулись в вечность, во время которой я старался разделать проклятую змеюку на колбасную нарезку. Получалось не очень. *Шичи Тенкохо* и *Футон но Йорой* серьезно выматывали. И хоть мне удалось несколько раз ранить Хакуджа, но та пока успевала восстанавливаться.

У нее было треклятски много чакры! И, несмотря на джудзюцу, мешающее использовать сендзюцу, Хакуджа все равно поглощала природную энергию. Зараза! Хорошо, что она не могла ее толком использовать, но это мешало мне прибить это живое ископаемое.

В итоге, я совершил еще одну ошибку. Когда после очередного применения *Тенсо*, я перестал чувствовать одну из рук и понял, что она не пожелала телепортироваться со мной, а просто отвалилась где-то в стороне, я не придумал ничего умнее, кроме как метнуть сжатый в оставшейся руке Кусанаги в Хакуджа, чтобы отпугнуть ее и сложить ручную печать для Замены Тела.

Я еще успел удивиться, когда лазурная молния Кусанаги метко угодила в цель. Сияющий клинок попал прямо в раскрытую пасть, но не нанес урона. Он был проглочен!

В следующий миг от потока энергии, ударившего в лицо, меня отшвырнуло в сторону. С недобрый предчувствием я имел сомнительное удовольствие наблюдать, как потрепанное тело Хакуджа покрывает лазурное пламя выплескивающейся чакры.

Это было препаршиво. Я даже не обиделся на загрохотавший в пещере язвительный смех этого белого чулка, набитого потрохами. Дурак, признаю. Но с проблемой нужно было что-то делать.

Ямата но Дзюцу!

Чакра разлилась по телу. Огромная пещера стремительно стала тесной, как когда-то давно, когда я только учился здесь же использовать сендзюцу.

Восемь шей уперлись в оказавшийся низким потолок. Восемь пар глаз вспыхнули багрянцем в темноте, топя сознание Хакуджа в кровавом океане гендзюцу. В этот раз она не смогла перехватить технику, но и не полностью в нее попала. Неважно! Должно хватить!

Восемь хвостов толкнули мое тело вперед, к теперь кажущейся не такой уж большой Хакуджа. Мои зубы впились в сияющую лазурью плоть змеи, впрыскивая в нее яд, шеи обвилились вокруг длинного тела, мышцы напряглись, сдавливая сосуды и силясь сломать ребра. Я старался поглотить чакру Хакуджа! Но вот она едва шевельнулась, и одна из моих шей оказалась просто разорвана на куски. Змея все еще была под гендзюцу, но меня это уже не спасало. Я успел потерять еще пять шей, прежде чем яд укусов подействовал на Хакуджа.

Содрогнувшись всем телом, она исторгла из себя кровавый комок, и затряслась в кашле,

извиваясь под тяжестью оставшихся двух из Восьми Ветвей. Но даже это не остановило Хакуджа. Она почти вырвалась из гендзюцу Кецуриягана. Я уже чувствовал, как начинают трещать мышцы моего измененного тела, когда все резко изменилось.

Онамуджи!

Моего клона хватило на то, чтобы еще раз повторить эту технику. Он тут же пропал. Теперь уже Сару ничто не скрывало от взора Хакуджа. Но зато мой иллюзорный, простейший и нематериальный клон, которого я сумел создать мгновением раньше, стал реальным. Он стал мной. Туша *Ямата но Дзюцу*, лишившись контроля моего сознания, повалилась на содрогающуюся от яда Хакуджа. Я же *Шунишином* оказался возле глаз змеи. Сверкнувший отблесками лазурного сияния чакры клинок, похожий на увеличенный кунай, вошел в плотную чешую и пробил кости змеи на удивление легко.

Клинок Дракона, только что полученный мною от Тацуширо, неистово засиял, вбирая в себя голубую чакру Хакуджа и направляя ее в меня. Я почувствовал странную эйфорию клинка, но у меня не было времени обращать на это внимания. Мое тело, только что воссозданное техникой Мангекьё Шарингана, едва не рвало на куски сотрясающейся в агонии Хакуджа. Необычная лазурная и сильная чакра в ней все еще сохранялась, Рюджин не мог поглотить ее всю и сразу. И та сила, которая недавно разрывала могучие шеи Восьми Ветвей, теперь обрушилась на мой человеческий организм.

Сцепив зубы, я держался за рукоять Клинка Дракона и направил почти все силы на технику исцеления. С трудом согнув пальцы, кости в которых так и норовили раскрошиться, я сумел сложить печать, потянувшись мысленно к Кусанаги.

Удача!

Тело Хакуджа разорвало изнутри сонмом острейших лезвий. По ее коже побежала мелкая дрожь агонии.

— Ну нет, ты так просто от меня не уйдешь! — с трудом разлепив губы, простонал я, заставляя бушующую во мне поглощенную чакру прийти в движение.

Держась мертвенной хваткой левой рукой за Рюджин, я опустил правую ладонь на лоб Хакуджа. Движение получилось смазанным. На белой чешуе остался длинный кровавый след от ладони, но, главное, сработала техника.

Черные линии фуиндзюцу быстро зазмеились по телу Хакуджа. Огромная голова начала сминаться, искажаться, втягиваясь в фуиндзюцу. Одновременно на волю вырывалась вторая змеиная туша, куда больших размеров, но фиолетового цвета. Понадобилось всего несколько секунд, чтобы заменить в собственной печати тело Манды на Хакуджа.

Хозяйка Рючидо была втянута в печать, я же, находясь на ней, упал на раскрошенный камень. Внезапно наступившая тишина заставила пошатнуться. В ушах стоял гул, подобный грохоту прибоя. Используя *Шичи Тенкохо* в комбинации с *Футон но Йорой*, я, похоже, переступил грань третьей активации и приблизился к четвертой. Несмотря на воссозданное *Онамуджи* тело, резервы были исчерпаны. Мышцы были словно ватными, но больше всего пострадала кровеносная система и мозг. Кажется, некоторые сосуды мозга лопнули, и я едва успевал их сращивать. Потребуется время, чтобы это тело вновь начало полноценно подчиняться моему сознанию. Но это потом. Сейчас важнее другое.

— Получилось? — негромко пробормотал я, пытаюсь сфокусировать взгляд на собственной руке.

Зрение плыло. Глаза ныли и горели. Мне передались ощущения от развеявшегося клона, который использовал мощные техники Мангекьё. Да и собственное додзюцу сегодня

пришлось напрягать больше обычного. Ничего хорошего в этом не было. Пошатнувшись, я рухнул на колени. Сильно мутило, и попытки хоть что-то разглядеть только усугубляли положение.

Хорошо, что это тело не особо чувствительно к боли. Иначе я б уже просто сдох. Причем давно.

Сдернув левой рукой обрывки кимоно с правой, я смог все же рассмотреть фуиндзюцу. Изображение Манды на печати изменилось. Теперь там была белая змея с рыжей гривой волос, что делало ее похожей на восточного дракона.

— Неплохо, — пробормотал я и зацепился взглядом за до сих пор сжатый в левой ладони предмет: — А вот это плохо.

Рюджин, Клинок Дракона, который мне так расхваливал Тацуширо, не пережил первой же битвы в моих руках. От него осталась только оплавленная и смятая, словно глина, рукоять. Я даже не успел его изучить. Глупо как-то. Зато...

Шевельнув пальцами правой руки, я совершил манящее движение. И через секунду, рассекая плоть продолжающих валяться на камне тел Манды и моих Восьми Ветвей, ко мне метнулся сияющий лазурью клинок Кусанаги.

— Если бы еще и тебя не стало, то я бы расстроился куда сильнее, — облегченно выдохнув, сказал я, убедившись, что с мечом, вроде, все в порядке.

А вот от остатков *Ямата но Дзюцу* можно уже избавиться. Осмотревшись, я понял, что просто ничего не вижу за горами этого искусственного мяса.

Измученное тело с трудом повиновалось. Создать технику удалось с еще большим трудом, но все же Восемь Ветвей рассыпались прахом, который тоже быстро исчез. Остался только Манда, но с этим я уж пока ничего не могу поделать. Я и стоять-то не могу пока.

Устало усевшись на камне, я осмотрелся по сторонам, пытаясь в темноте рассмотреть Сару. Без додзюцу это было трудно, но мне быстро пришли на помощь. В нескольких метрах впереди и снизу от меня вспыхнул неровный огонек, в свете которого показались Ичикишима, Тагори и Тагицу. На руки двух последних опиралась и Сара. Ее успели подлечить, но чувствовала она себя явно неважно.

— Рюджин-сама, — с почтительным поклоном обратилась ко мне Ичикишимахима. — С вашего позволения...

Змея в образе девушки протянула вперед руки, на которых покоились два шарика глаз. Мангекьё Шаринган.

— Подойди ближе, — поморщившись, попросил я. — Я пока не в настроении двигаться.

— Простите, Рюджин-сама, но... Я не могу, — неуверенно ответила Ичикишимахима, украдкой посмотрев на меня. — Вы... на троне. И раньше никому не позволялось его занимать, кроме Хакуджа.

— На троне? — удивленно переспросил я, пытаясь осмотреться, но получалось плохо.

— Именно, — вмешался в разговор еще один голос.

— Хиро, и ты здесь уже, — узнал я говорившего, но неприятно удивился тому, что сейчас я даже не смог заметить его приближения.

Тьму разрезал куда более сильный источник света, чем тот, который создавала троица змей. Он всплыл над головой большого, почти с Манду уж вымахал зараза этакий, полосатого змея. Я редко призывал Хиро, но он все равно оставался, наверное, самым близким и понятным мне жителем Рьучидо, даже в сравнении с тремя нахлебницами, вечно висящими на мне. Наверное, и он понимал меня лучше, чем они, поэтому догадался создать

новый источник света, который позволил мне разглядеть не только его самого, но и большую часть окружения.

Я и в самом деле оказался на троне Хакуджа. Он сильно потрепан оказался во время битвы, но прямо над моей головой тусклые лучи света падали на свиток, сжатый в зубах каменной фигуры дракона, которая все еще была целехонькой и возвышалась сейчас за моей спиной на добрый десяток или даже больше метров. Но не это главное, за что зацепился мой взгляд. Кроме Хиро в зал успели проникнуть и иные змеи самых разных размеров. С три десятка я их насчитал.

Да уж, наверняка наша с Хакуджа битва многих привлекла.

— Хех, что же... Хакуджа Сеннин умер, да здравствует Хакуджа Сеннин, — попытался неловко пошутить я, соображая, как поскорее мне в нынешнем состоянии убраться из Рьючидо вместе с Сарой.

Не думаю, что в ближайшие пару дней я хоть на что-то буду способен. Нужно призвать сюда клонов. Сражаться с такой оравой змей, пусть каждая из которых и слабее Хакуджа, мне не хочется. Не думаю, что моя шутка разрядит странную атмосферу и что они проникнутся иронией моих слов. Ведь Хакуджа Сеннин — это дословно Белый Змей-Мудрец. А меня многие знают под именем Белого Змея и сеннина, то есть Широхеби Сеннин. Иероглифы одни, а чтение разное.

На самом деле, хорошая шутка. Сам бы над ней посмеялся, не будь я в своем нынешнем положении.

— Хакуджа Сеннин умер, да здравствует Хакуджа Сеннин! — к моему большому удивлению, хором, словно репетировали, повторили мои слова три нахлебницы, склонившись в поклоне.

— Всегда поражался, как ты умеешь находить красивые и подходящие слова под самые разные ситуации, — уважительно произнес Хиро, склоняя свою массивную голову. — Хакуджа Сеннин умер, да здравствует Хакуджа Сеннин!

— Я бы не сказал, что они так уж красивы и уместны сейчас, — больше недоуменно, чем шокировано, пробормотал я, наблюдая, как один за другим склоняют свои головы змеи, повторяя один за другим:

— Да здравствует Хакуджа Сеннин!

Происходило явно что-то из ряда вон выходящее. Как я вообще оказался в таком положении? Хотя стоп! Я помню как!

— Кавакихиме, — холодно произнес я, когда эхо змеиных голосов умолкло в просторном зале.

— Да, Хакуджа-сама, — обреченным тоном вымолвила выползшая из-за спины ошарашенно оглядывающейся Сары змея в своем изначальном облике. — Я здесь и я признаю свою вину. Прошу только даровать мне простую смерть. Прошу, Хакуджа-сама.

— Смерть?! — едва не подпрыгнула на месте, услышав эти слова, Сара. — Стойте! Рюджин-сама! Каваки спасала меня ценой своей жизни! Я не могу позволить ей умереть. Я... Она просто хотела рассказать мне правду. И я... Я прошу тебя... Отец.

Мои пальцы невольно сжались на оплавленной рукояти Клинка Дракона, окончательно сминая и ломая ее на куски.

— Понятно, — глубоко вздохнув, произнес я.

Да, мне кажется, я и в самом деле начинаю понимать, что послужило причиной попаданию в Рьючидо Сары. Все демоны Узумаки, как же это глупо! И что мне теперь

делать с этими девчонками?

Взглянув в глаза дочери, я понял, что выбора-то у меня нет, если я хочу оставаться отцом и не хочу лишиться дочери.

— Хорошо, — еще раз вздохнув, кивнул я. — Глупость не порок, но она должна быть наказуема в любом случае.

На миг воспарявшей после моих слов Каваки все еще держалась моя техника перевоплощения, с помощью которой она долгое время могла находиться в образе меча. Пусть недавно эта девчонка смогла ее ослабить, но в своем нынешнем состоянии я еще способен внести изменения в уже созданное дзюцу.

Тело змеи на секунду погрузилось в дым. И пока я скрипел зубами от боли после использования чакры, Каваки шокировано рассматривала свое новое тело, явно не в силах поверить глазам.

— Ты помилована, Кавакихиме. Но в напоминание о собственной глупости будешь носить более подходящий тебе облик, — довольный собой, устало поведал я вертящейся под взором десятков пар змеиных глаз макаке, в которую мной была превращена Кавакихиме.

— Ичикишимахиме, — с трудом поднимаясь на ноги, позвал я одну из нахлебниц.

— Да, Хакуджа-сама, — не в силах отвести взгляда от впавшей в протрацию Кавакихиме, ответила змея.

— Нам нужно вернуться, пока люди не начали волноваться. Ты же сможешь нас переместить?

— Да, Хакуджа-сама!

— Сара, — позвал я тоже глядящую во все глаза на Каваки дочь.

— Отец?

Неловко улыбнувшись от такого обращения и направленного на меня взора дочери, я негромко попросил:

— Давай мы оставим все произошедшее в тайне от мамы, ладно? Ну, хотя бы большую часть.

Глава 48. Ороши

9 мая 49 года от начала Эпохи Какурезато

Ровно через месяц четвертый день рождения Итачи. Итачи, который продолжает носить фамилию матери — Учиха, а не Рюсей. Н-да, мой сын постепенно взрослеет, а меня, как отца, до сих пор не знает. Думаю, это не самое хорошее течение событий, и далеко не все поймут причины моих поступков. Потому что после перерождения я все же потерял что-то человеческое в себе.

Кровная связь, которая большинству людей кажется чем-то крайне важным, для меня, при здравом размышлении, уже не играет большой роли. Я даже не могу сказать точно, с какого момента это так. Может, все началось еще в прошлом мире? Специфика моей работы могла наложить определенные профессиональные деформации. Или причиной всему перерождение, которое окончательно убедило меня, что люди могут быть реинкарнациями других существ, которые изначально не являются кровными родственниками? Или дело в том, что я сам не чувствовал родства с биологической матерью в этом мире? Или потому что я могу менять свой геном, и в разных клонах мне биологическими родственниками приходится совершенно разные группы людей? А, может, спусковым крючком стало буйство гормонов и кровосмесительная связь с Мицуко, которая по факту в тот момент даже не была кровосмесительной, потому что я уже не был даже биологическим ее родственником?

Сказать сложно, и пока на углубленное самокопание нет времени. Но факт в том, что после того, как Сара узнала, что я ее отец, для меня самого изменилось не так уж много. Да, она дорога мне и я люблю ее, но из череды прочих людей она выделяется не тем, что она моя дочь, а тем, что она любимая дочь Сальмы, и тем, что она любит мать. Для меня же она, может, и не чужая, но настолько же своя, как, например, клан Кагуя, как Юко Учиха, как Ибури, как все те, кто доверил мне свою веру и саму свою жизнь. Наверное, таковых слишком много, чтобы я выделял среди них своих детей. Может, в том числе и поэтому я не тороплюсь с ними сблизиться, находя для этого разные причины.

Впрочем, эти самые причины находятся, и они реальны. Через моих сыновей некоторые люди уже пытались начать манипулировать мной, но тогда Корню попались в руки лишь клоны. В нашем турбулентном мире быть моим родственником пока не выгодно с эволюционной точки зрения, великоват риск не вписаться в рамки отбора. И я пока не уверен, что в будущем мне, как Рюджину, стоит иметь настоящих, а не искусственных детей. Прямо сейчас своими глазами, в образе Охеми, я имею сомнительное счастье наблюдать, как двор дайме Страны Огня лихорадит из-за его чрезмерной любвеобильности и плодовитости. А я сам недалеко от него ушел, если уж быть честным. Так что, возможно, Итачи навсегда останется Учиха, так же как и Сара останется дочерью королевы Роурана. И даже приемная Сора, я очень на то надеюсь, скоро станет частью другого рода.

Да уж, когда-то я принял ее в род с целью изучения кеккей генкай, попутно планируя в будущем создать отдельную ветвь. А теперь ситуация складывается такой, что приходится Сору сплавлять женихам. Жениху. Потому что этим шагом есть шанс убить двух зайцев разом. Потому что для местных жителей и для шиноби в первую очередь кровь важна. И даже приемная дочь может в политике значить очень много.

Разглядывая панораму Отогакуре через распахнутое по случаю пришедшего запоздалого весеннего тепла окно, я коснулся пальцами легкого ветерка, прилетевшего со стороны моря.

Очень слабый отголосок легкого прибрежного бриза, рожденного на востоке, на побережье, и подхваченного местными ветрами над сушей, которые стремились к прогретым склонам Страны Гор на западе.

Воздух скользил меж пальцев и гладил кожу, словно пряди тонких женских волос. Сендзюцу позволяло окунуться в него с головой, ощутить потоки течений и завихрений. Ветер был податлив, насыщен ароматом пробуждающихся деревьев, цветущих слив с пригородов Итако, млечного сока разбитых вокруг Отомуры плантаций каучуконосов. Он был пронизан струйками дымов от литейных цехов Такеты, в нем чувствовались нотки морской соли и отголоски тухлых водорослей. Побережье было далековато, Отогакуре была в нескольких часах пути от Отомуры, которая стояла на притоке одной из двух больших рек Страны Звука и сообщалась с морем лишь по его руслу, но хеморецепция в этом теле была слишком чувствительна и усилена сендзюцу.

Время сейчас было тоже подобно ветру. Только иному, который случается в Стране Звука зимой. Он сваливается с ледяных шапок Страны Гор сильным потоком врзается в более низкие горы Страны Звука сильнейшим ураганом, иногда вырывающим с корнем деревья. К счастью, он быстро гаснет в рельефе, но событие это угрожающее. Зовут этот буйный и непредсказуемый ветер *ороши*. События в мире тоже становятся слишком непредсказуемыми, а я уже давно отвык от подобного. К хорошему быстро привыкаешь. А жить в предсказуемом мире, что ни говори, приятно. Вынырнуть из него в эпоху перемен хуже, чем просто жить в нем. Может, поэтому сейчас я начинаю все чаще прислушиваться к интуиции в надежде, что она заменит мне знания будущего.

Любопытно, позволит ли интуиция мне оседлать бурю, в которую погружается этот мир вновь?

— Рюджин-сама, пока не все собрались, хочу сказать, что уже второй год весна холодна и не дает вовремя засеять поля, — услышал я сухой трескучий женский голос за спиной. — Вы по-прежнему настаиваете на снабжении продовольствием разоренных войной земель Страны Горячих Источников. Но такими темпами у нас могут возникнуть проблемы внутри Страны Звука. Торговля идет на спад, некоторое сырье для промышленности мы получаем по договорам в обмен на хлеб. И я не думаю, что та же Страна Деревьев будет поставлять сырье для бумаги за деньги. Сейчас они у них не в цене.

— Инфляция и война идут рука об руку, — задумчиво согласился я, продолжая разглядывать Отогакуре. — Покупать сырье за золото тоже не выйдет?

— Наши запасы не так велики, насколько мне известно...

— Понятно, — вздохнув, ответил я и обернулся к говорившей.

Это была Илма, бывшая глава клана Ринха, ныне, можно сказать, отправленная в запас, на гражданскую службу. Эта старушка занималась вопросами снабжения армии и сельского хозяйства. Свои обязанности она выполняла неплохо. И, кстати, ее озабоченность возможными перебоями с поставками сырья для бумаги вполне понятна.

Бумага, хорошая и качественная, которая не размокнет под водой и не порвется от неосторожного обращения, в этом мире имеет куда большее значение, чем в моем прошлом. Все свитки шиноби, которые во время войны расходуются почти теми же темпами, что и патроны в моем прошлом мире, именно в такой и нуждаются. В Стране Звука до начала боевых действий удалось создать фабрику по производству бумаги нужного качества, а вот с сырьем для него возникли проблемы. Только целлюлоза из рисовой соломы, но из нее бумага получается пригодной для клерков, но не шиноби.

Требуемую бумагу делают из волокон коры определенных видов деревьев, которыми Страна Звукa не богата. Была у меня в свое время идея разбить плантации, даже под них был выведен особый сорт этих деревьев, но тогда в первую очередь государству требовался срочно и в больших количествах каучук, для которого нужны иные сорта. В итоге, наиболее приспособленные регионы были отведены уже под другие нужды, а на освоение новых угодий не было трудовых ресурсов. А совместить, чтобы получать от деревьев и латекс, и волокна для бумаги, не удалось без потери качества одного из видов сырья. Развивающаяся промышленность потребляла каучук все большими темпами, если бы не война, вероятно, континент бы уже охватила каучуковая лихорадка. Особенно в виду отсутствия надежды в ближайшей перспективе получить адекватный синтетический аналог.

Конечно, бумагу для свитков можно было заменить хлопчатый аналогом или шелком, но это еще дороже.

— В крайнем случае проблему с бумагой можно решить с помощью Мокутона, — заметил я.

— Рюджин-сама, проблема не только в бумаге! — расстроено и нехарактерно для себя эмоционально воскликнула Илма. — Металлы, сорбенты для горючего газа и прочее. По Стране Огня распространились слухи, что в Стране Волн появились свои плантации водорослей для производства горючего газа. Мы не можем сейчас позволить себе пустые траты!

— Накормить нуждающегося — никогда не будет пустой тратой, — невесело усмехнулся я. — Шторма в море утихла, можно попытаться организовать вылов рыбы в Черепашьем море. В конце концов, еще один год можно просто перетерпеть. Война закончится этим летом, станет проще как минимум с торговлей.

Илма открыла было рот с явным намерением не согласиться со мной, но, подумав, успокоилась и тихо произнесла:

— Как скажете, Рюджин-сама.

— Но если запасы продовольствия все же снизятся до критического уровня, то у нас есть еще резерв — старые водоросли с плантаций. Они отвратительны на вкус, но если их правильно обработать, то они вполне съедобны, — сказав это, я усмехнулся и добавил: — Раз уж в Стране Волн появились свои плантации, то можно больше не пытаться беречь культуры водорослей от попадания в чужие руки и с чистой совестью отправлять их и на корм животным, и увеличить количество биореакторов для получения попутного газа и удобрений, и, естественно, накормить людей.

— Вы... Кажется, не удивлены этими возмутительными новостями с юга про новые плантации водорослей, Рюджин-сама, — непонимающе сказала Илма в ответ на мои слова.

— Не удивлен, — согласился я, не став вдаваться в подробности.

Ведь я же сам и помогал, можно сказать, той чудаконатой группе из Страны Волн добыть все необходимое для строительства плантаций. Если моя интуиция меня не подводит и мои логические догадки верны, то такой шаг может помочь мне в будущем в переговорах со Страной Огня. Если нет... Ну, в любом случае мне выгодно, чтобы в мире стало больше производиться водорода. Потоги Страны Молний производить горючий газ с помощью электролиза вряд ли принесут успех, слишком энергоемкая эта технология. Культивация водорослей на побережье Страны Горячих Источников перспективна, но из-за необходимости сотрудничества со Странами Огня и Молнии не знаю, как быстро там получится что-то начать строить или хотя бы проектировать. А рынок уже сейчас нуждается

в увеличении производства водорода.

К сожалению, уже имеющиеся плантации вырабатывают не так много газа из-за далекой от совершенства технологии сбора конечного продукта. Их можно модернизировать, но это тоже небыстрый процесс. А промышленность нужно стимулировать, чтобы появлялись и получали распространение все новые машины на водородном топливе. Чтобы, когда у Страны Звука появятся новые мощности по производству водорода, рынок мог их принять, переварить и требовать добавки.

Конечно, сейчас это сказалось на доходах страны, но в итоге у Страны Волн не самые приспособленные под их условия культуры водорослей. Так что она в любом случае в ближайшие десятилетия не сможет полноценно конкурировать со Страной Звука без моего на то попустительства. По-моему, схема выглядит вполне рабочей. Посмотрим, как она себя покажет в жизни.

— Рюджин-сама! — едва ворвавшись в комнату, воскликнула новая посетительница, сбив меня с мысли. — Маска! Маска Нуреуба пропала!

Это была Акичи Узумаки. Красноволосая глава клана за несколько лет войны уже не выглядела все тем же юным подростком. Не скажу, что она постарела или ее сильно потрепало, но изменилась она серьезно. Загорела, лицо обветренное, когда-то длинный хвост алых волос теперь едва достигает плеч, но, главное, изменился взгляд. Он стал более расчетливым, холодным, эти глаза уже видели смерть. Свою и чужую. Было бы грустно видеть такие изменения в ребенке, которого я сам фактически воспитывал, если бы вместе с болью, причиненной войной, Акичи не вспылала воодушевлением, которым так и светилось ее лицо.

В прошлом году выращенный с помощью Мокутона флот Страны Звука вышел в Черепашье море. Ставка на способности Стихии Дерева сыграла великолепно. Никто всерьез не ожидал подобного, так как у Страны Звука просто не было морских верфей даже на побережье Янтарного залива, а расходовать чакру на строительство во время войны не мог позволить себе даже Хаширама. Тем более никто не мог предположить, что выносливости какой-то слепой жрицы хватит на столь серьезную технику.

Пользуясь эффектом неожиданности, удалось за короткое время одержать несколько серьезных побед над Кири на море. Сейчас у Страны Молнии практически не осталось кораблей в южных для них морях, сражения между Кумо и Кири также подкосили флот Страны Воды. Поэтому теперь Черепашье море и ближайшие проливы находятся под шатким контролем Отогакуре. Остаются еще, конечно, Страны Мороза и Ключей, но они никогда не претендовали на доминирование в регионе.

Думаю, окрыленная результатами прошлого лета Акичи уже видит, как Узумаки возвращаются на Узушио. Для этого осталось немного. Тем более что мне удалось перетянуть на свою сторону амазонок Надешико. Акичи с моря-то вернулась в Отогакуре лишь сегодня, наверняка только и успела вернуть маски Умибодзу и Оэчиноками в храм, где и увидела пропажу. После чего сразу же метнулась ко мне.

— Да, пропажи этой маски следовало ожидать, — погладив висящую в ухе серьгу, согласился я. — Так вышло, что та, кого ты знаешь под именем Нуреуба, восстала против меня. Это стоило ей жизни. Н-да. И теперь на какое-то время я за нее.

— А... — ошарашено округлив глаза, не смогла найти слов Акичи.

— Садись, — пригласил я ее. — Дождемся остальных, тогда я и расскажу подробности. В том числе и из-за этого я решил собрать командный состав.

Кстати, говоря о Надешико. Это деревня шиноби, которую населяют только куноичи и их мужья, и рождаются у них исключительно девочки. Расположено это поселение на крупном острове юго-западнее Страны Воды. Куноичи Надешико показали себя в бою более способными, чем я ожидал. Этого следовало ожидать, раз уж в свое время первый Мизукаге не смог подмять под Кири это племя амазонок. Конечно, у них нет нормального флота для переброски своих сил на дальние расстояния, селение не отличается численностью, да и поддержка со стороны своего небольшого островного государства у них, прямо скажем, несущественной выходит. Но тем не менее куноичи смогли взять под охрану несколько взбунтовавшихся островов Страны Воды, обеспечив им защиту от карающих экспедиций.

Когда-то я уже планировал присовокупить к своей Отогакуре еще и Надешико. Тогда Джирайя как раз напомнил мне про эту деревню. Все еще помню, как он, не краснея, заливал, как его куноичи Надешико едва ли не все сразу силком пытались на Хитоми поженить. Реальность оказалась прозаичнее, но не суть. В Надешико и в самом деле вообще все куноичи мужей себе находят в поединках, традиция у них такая, но не всякий, их победивший, в итоге становится мужем. Избирательные дамочки, в общем. По их же традициям муж главной куноичи становится лидером деревни при согласии на то жены.

В свое время мне такая традиция показалась вполне неплохим способом увеличить количество подчиненных мне шиноби. Жена в комплекте к ним для меня выглядела не большим обременением. Даже больше, я в Надешико в конце концов явился, чтобы оценить перспективы, но к Хитоми я опоздал, она себе мужа уже нашла. Однако контакты я тогда все же наладил, многому в Надешико научился, мои техники Футона, вроде *Хататагами*, *Хекиреки*, *Футона но Йорой*, в том числе на основе футондзюцу Надешико созданы, это еще Третий Эй заметил при нашем с ним сражении.

И все бы, казалось, ничего, но с тех пор прошло время. У Хитоми родилась Шизука, а у меня появились клоны, вроде Чоды и Дайки. В Надешико проникло Рюджинкё, и там уже не так настороженно относятся к Отогакуре. И если уж я готов женить одного своего клона на дочери дайме Страны Снега, то чем дочь Хитоми хуже? А у меня как раз два «сына», Чода и Дайки.

Все так удачно сходится.

Тем временем постепенно к назначенному сроку подходил народ. Помимо Илмы и Акичи, пришли Мицуко, замещающий в разведуправлении Малис ее родственник — Сензай Ринха, заведующий организацией и мобилизацией войск Токотачи Узумаки, заведующий связью Денпа Танчики, главный топограф Отогакуре Сокуро Гиши, вызванный из Страны Гор Акай Куроба, занимающийся примкнувшими к Ото шиноби из Югакуре Чиноике Мичи, возглавляющие два корпуса шиноби в Стране Горячих Источников Нару Шиин и Хачи Фума. Нару Шиин сменил погибшего в прошлом году Утау Шиин. Да и Хачи Фума, думаю, уже осенью придется переводить на пенсию, если он дотянет. Он еще не стар, но недавно иренины буквально с того света вернули его после использования запретных техник клана.

Война забирает свой урожай.

— Похоже, собрались все, — обведя взглядом усевшихся на стулья вокруг стола людей, попытожил я, тоже заняв свое место.

После моих слов некоторые из приглашенных шиноби недоуменно посмотрели на оставшееся свободным кресло по левую руку от меня, но предпочли промолчать. Обычно справа от меня на совещаниях располагалась Мейро, а слева кто-нибудь из биджу, если мне того хотелось. Но сегодня будет особый гость.

— В общем, помимо плановых задач у нас сегодня еще один вопрос на повестке дня появился, — не стал я ходить вокруг да около. — Не все из вас в курсе, что такое Рьючидо, поэтому кратко поясню. Пещеры Рьючи — это одно из трех мистических мест, в которых можно обучиться сендзюцу. Там обитают змеи, эти пещеры находятся в изолированном пространстве, в которое можно попасть либо в течении долгого времени идя по тайным тропам, либо с помощью техники Призыва, либо через порталы. Правит в пещерах Хакуджа Сеннин. Так вышло, что теперь Хакуджа Сеннин — это я. Соответственно, в связи с этим у нас появляются новые возможности, которые грех не использовать. Поэтому, — быстро сложив печать, я призвал давно ожидающего этого змея, — знакомьтесь. Это Хиро, пока он занимается управлением Рьючидо от моего имени.

В облаке дыма в кабинете появился последний участник сегодняшнего собрания. Хиро не стал стараться принимать человеческий образ, ограничившись лишь тем, что с помощью техники Перевоплощения изменил свой размер, чтобы не поломать мне здания в Отогакуре.

— Змеи, в целом, не против оказать большую помощь Ото, чем они оказывали ранее. Пока речь идет о военной помощи, Илма. Я знаю, что тебе сейчас интересны и другие направления, но об этом позже, — продолжил я говорить, когда Хиро занял свободное кресло. — Поэтому, во-первых, необходимо учесть их мобилизационный потенциал. Во-вторых, есть возможность постройки нескольких порталов, через которые можно передавать сообщения и небольшие посылки на значительные расстояния. Так что необходимо определиться с возможными местами их размещения. В-третьих, стоит разработать стратегию применения новых сил.

Если совсем откровенно, то несмотря на то, что в целом змеиное сообщество было не против моего признания Хакуджа Сеннином благодаря поддержке троицы моих вечных спутниц и Хиро с его кликой, не все обитатели Рьючидо признавали мое право приказывать им. Они там и власть прошлого владыки пещер не все признавали, что уж говорить обо мне. Рьючидо — это совсем не типичное для людей объединение и местность, там свои культурные особенности. Пока я даже не знаю толком, как к новым своим владениям подступить. Но, думаю, необходимо использовать уже проверенный инструмент, о котором даже прошлый Хакуджа вспоминал. Естественно, это Рюджинкё.

Стоит сегодня же посетить Кумотори, а конкретнее — Джимму и Касуми. Среди змей нужно набрать последователей, которые бы несли свет учения массам, так сказать. Планы на подобное в кошачьем и лисьем племенах уже есть, теперь вот и змеи к ним присоединятся.

Правда, есть еще одна проблема. Похоже, между Рьючидо, Мьебокузаном и Шиккоцуриин есть некие договоренности относительно их деятельности в мире. Нужно их учитывать. Вот только я вообще не представляю их сути. А из змей в Рьючидо даже самые осведомленные знают о них только в общих чертах.

Похоже, пора Охеми обучиться призыву Кацуи, чтобы навести справки о сути отношений трех мистических территорий. Это как минимум.

— Кроме этого, нужно обсудить и другие вопросы, — добавил я. — Этот год должен стать последним в Третьей Мировой войне...

— Последним?! — не удержалась от восклицания Акичи. — Но Узушио...

— Окончится большая война, но не все конфликты сразу угаснут, — поправил я сам себя. — Кири еще будет доставлять проблемы. А что касается острова Водоворота, то я не думаю, что скоро у Тумана будет много шансов его удержать.

Вроде и после официального окончания войны как минимум Мечники Тумана

продолжали терроризировать Коноху. Сейчас мечников уже нет, да и вместо Конохи, велика вероятность, будет отдуваться Ото.

— Так вот, Третья Мировая должна завершиться. Ива уже потеряла много шиноби в сражениях с Кумо и, похоже, оставила планы экспансии. Сейчас Цучикаге готовится к укреплению позиций хотя бы у границ со Страной Огня. Коноха массово разрушает приграничную инфраструктуру и пути в Стране Деревьев. Пытаются усложнить логистику Камню. Мосты и дороги севера Страны Огня и юга Страны Деревьев планомерно уничтожаются... Стоит быть готовыми к тому, что там вскоре полыхнет. И этот пожар может задеть Страну Гор.

На это я всерьез не рассчитывал, но ситуация в регионе меня не радовала от слова совсем. Он и так не самый процветающий и населенный. Климат неприятный, гор много, леса безлюдные, болота встречаются. Жизнь там держится вокруг торговых путей, нарушение которых скажется и на Стране Звукa. Но об этом голова болеть должна у других людей, не у шиноби.

— Но главная для нас угроза не на западе, а на востоке. Кумо. Уже сейчас Ива и Кири доставляет им значительно меньше головной боли. Значит, и союз с нами уже теряет былые преимущества. Нужно подготовить стратегию на случай конфликта с Облаком. Это раз. А два... Акичи, я уже говорил, что Кири еще будет доставлять проблемы. И теперь добавлю. Туман ДОЛЖЕН доставлять проблемы, понятно?

— Эм... — замаялась девушка. — Не совсем.

— Успехи экспедиционного корпуса в колониях Страны Воды имели отложенный эффект, — пояснил я, постукивая пальцами по столешнице. — Пока Кири действовало, полагаясь на запасы и резервы, накопленные в Стране Воды. Это заметно сковывало Туман и уменьшало масштабы его операций на материке и ближайших морях. Однако сейчас наступает момент, когда запасы исчерпываются. Думаю, новый Мизукаге теперь волею-неволей будет вынужден свернуть значительную часть своих сил на западе, чтобы перебросить их на восток. Особенно с окончанием большой войны, когда Коноха и Ива заключат перемирие, и Лист сможет перебросить максимум шиноби на восток. Это может вызвать соблазн развить наступление на море и попытаться разбить силы Кири. Поэтому я предупреждаю сейчас. Мы остановим наступательные операции. Как на море, так и в восточных колониях. Кири и без того ждут потрясения.

— Не все поймут такие поддавки, — заметила Мицуко, внимательно выслушав меня. — И в Кири их могут неправильно расценить, и среди наших шиноби могут найтись недовольные.

— Всем непонимающим достаточно знать пять правил и пять добродетелей. Рюджинкё требует милосердия и сдержанности, — вздохнув, ответил я. — Главное, чтобы вы поняли и донесли суть до командного состава. Кири должно жить. В ближайшее время Туман ждут потрясения. Вероятно, киринины пожелают ограничить контакты с другими какурезато. На этом фоне наша задача — занять Узушио и укрепиться там, не более. Возможно, ситуация потребует даже поддержать Туман. Вряд ли это произойдет, но случиться может всякое. В любом случае, пока Кири, хотя бы в виде бумажного тигра, враждует с Кумо, оно нам полезно. Иначе Звук может стать заменой Тумана для Облака. А к этому сначала нужно подготовиться.

В этом мире даже великие державы частенько вынуждены играть на противоречиях своих соседей, что уж говорить о малых, из списка которых Звук все еще не вышел. Пока мое

государство окружают Огонь, Земля, Молния и Вода, ситуация относительно стабильна. Каждая сила уравнивает друг друга. Используя их интересы, можно стараться вести независимую политику и позволять себе вольности. Но исчезновение или ослабление даже одного из крупных игроков может нарушить стабильность. А в свете событий в Стране Огня я не уверен, что первой не ослабнет она.

— И, кстати, это же касается Конохи, — вспомнил я. — Сензай, нужно вывести большую часть нашей разведки из Страны Огня, кроме тех, кто не имеет к Отогакуре прямого отношения. И в целом ограничьте контакты с Конохой и другими кланами Страны Огня.

— С этими-то что не так? — ворчливо поинтересовалась Илма.

Я не сразу ответил, навалившись на стол локтем и задумчиво помассировав едва заметную складку в середине лба, пытаюсь подобрать слова. Говоря о Стране Огня, сейчас я не мог полностью ориентироваться на предсказания. Это были уже мои личные ощущения. Но они походили на правду.

Судя по всему, что удалось мне разведать при дворе дайме, выходит следующая картина. Южные феодалы явно недовольны политикой своего сюзерена. Сложилась масса причин для этого: от изгнания жены с официальным наследником до вспыхнувшего мора, от военной усталости до торгового дисбаланса. Еще и Рюджинкё охватывает все больше населения после присоединения к учению части монахов Храма Огня. Северные феодалы и крестьяне уже ранее принимали культ Инари вместе с удобрениями и новыми сортами растений, а затем и Бансай с другими монахами туда перебрался.

Страна Огня опасно раскалывается. Гражданская власть, религиозная община. По моим ощущениям, пока только Коноха и сшивает государство, поддерживая власть дайме. Вот только шиноби тоже не однородны. Воля Огня, которую так старательно возвращает Хирузен, во-первых, не всех устраивает, во-вторых, она не имеет четкого и строгого оформления. Многие ее интерпретируют свободно. И это на самом деле довольно опасно. Пока Хирузен жив, он способен контролировать внутренние противоречия какурезато. Но только пока он жив.

— Думаю, — осторожно произнес я, — есть шанс, что скоро на Хирузена Сарутоби, Третьего Хокаге, может быть совершено покушение. Вне зависимости от его успешности в этом могут обвинить Страну Звука. Поэтому не стоит рисковать, это не вписывается в мои планы.

Сарутоби-сенсей не дурак, так что должен понимать ситуацию даже лучше меня. И в этом случае будет разумнее не вмешиваться. Хотя... Стране Звука было бы выгодно, если бы Хирузена не стало, и соблазн половить рыбку в мутной воде есть. Но я уверен, что любые действия Ото или любой иной какурезато в Стране Огня сейчас могут быть использованы группами внутри государства для решения своих задач. Хотя я также уверен, что при необходимости Звук могут приплести и без всякого его вмешательства, уже имеющихся поводов для этого предостаточно.

— В общем, любая деятельность в Стране Огня только с моего согласия, — добавил я. — Это же касается гражданской части, Илма. Я еще переговорю с советом Кейдзана. И Кумотори тоже. Здесь есть над чем подумать.

Далее совет прошел по своей привычной рутинной тропинке. Утвердить стратегию укрепления границы со Страной Мороза, наметить пути прокладки кабелей связи, оценить возможность прокладки кабелей по дну моря до Узушио. Обсудить проблемы с запасами

бумаги и оценить возможность замены производства хотя бы взрывных конфетти для метательных снарядов баллист из обычной бумаги. Выяснить мобилизационный ресурс Рьючидо и боевые возможности змеиного воинства. Сколько и каких змей готовы оказать помощь. Определить места возведения порталов.

С последними все непросто. Они полезны, так как позволят быстрее перемещаться на значительные расстояния, но через них обычный человек не пройдет — банально не пролезет, слишком маленькие. Но порталы можно использовать для передачи сообщений и мелких пакетов. А это значит, что нужно продолжать форсировать доработку самолетов.

Проектированием и сборкой единственного летного образца занимались еще до начала войны по остаточному принципу, вместе с проектированием аэростатов. Для этого использовались имеющиеся уже наработки Страны Неба. Вообще, не думал, что «Иканобори» в конце концов будет создан, но постройка аэроплана оказалась в разы проще и дешевле аэростата. Да и удобнее в применении.

Хотя нужно признать, что при постройке самолета и его проектировании на многие моменты инженеры, если их можно так назвать, просто наплевали, так как сразу предполагалось, что летающую лабораторию будут испытывать опытные шиноби, а их безопасностью в известной степени можно пренебречь. Не слишком гуманистично, но зато позволило ускорить сроки создания «Иканобори», необходимость которого стала понятна еще перед моим путешествием в Страну Демонов. Ходить по контролируемым Странами Молнии и Воды морям — удовольствие ниже среднего, а экспедиционный корпус иногда нуждался в поддержке сильными шиноби.

Вообще, учитывая численность Отогакуре, во многом ее успехи в войне против Кири в Стране Горячих Источников были обусловлены мобильностью наиболее боеспособных частей и оперативным тыловым обеспечением. Иными словами, благодаря *Хирайшину* удавалось быстро перебрасывать элиту Отогакуре на наиболее опасные участки фронта, поставлять туда же все необходимое, а так же эвакуировать раненых или попавших в окружение. Но у *Хирайшина* были давно известные ограничения — дальность и резерв чакры шиноби. На дальних расстояниях техника уже не была столь же полезна, а эти дальние расстояния для нее могли начинаться уже в границах Страны Звука.

Все вопросы оказались обговорены только после обеда. Отпустив шиноби разбираться теперь со своими подчиненными, я сам с удовольствием встал и потянулся.

— Теперь я понимаю, почему ты стал так редко меня призывать, — насмешливо прошипев, произнес Хиро, все еще расслабленный в выделенном ему кресле. — Став во главе страны, ты уж и из зданий не выходишь, поди? Оттого и бледен. Смотри, теплокровным вредно долго засиживаться на месте.

— И не говори, — чувствуя, как оживают мышцы, согласился я со змеем. — Я самая наглядная демонстрация того, почему шиноби не могут быть дайме, а дайме не могут быть шиноби. Управление отнимает слишком много времени, чтобы уделять время для поддержания боевой формы. Хотя многим феодалам все же не было бы лишним вспомнить то, кем были их предки, и хотя бы проформы ради помахать мечами часик в неделю.

— Кстати, я давно не видела, чтобы ты тренировался, — строго нахмурившись, заметила Мицуко, тоже не торопящаяся покинуть кабинет. — После начала войны, как Курама и Чомей отправились на миссии, ты даже не проводил спаррингов.

— С моим телом можно позволить себе вольности, — легкомысленно ответил я.

При моделировании генома для своего организма я подкорректировал геном так, что

многие эволюционно сложившиеся функции оказались изменены. Мое тело было крайне энергетически неэффективным: без нагрузки поддерживало высокую мышечную массу и крепость соединительных тканей. Плюс к тому, *Хебшичиго но Чикара* при правильном подходе позволяла в широких пределах осознано поддерживать себя в форме без больших на то трат времени.

— Но не всем так повезло, — потянувшись, заключил я и посмотрел на Хиро. — Как там дела в Стране Дождя?

— Шпионы были направлены в Амегакуре только три дня назад, — ответив мне немигающим взором, сказал Хиро. — Ты приказал выбрать тех, кто не пользуется чакрой. Таких много, но среди них почти нет тех, кто способен за три дня пройти от границы Страны Дождя до Амегакуре. Владеющие сендзюцу старики могли бы, но таких мало и они не соблазнились этой миссией.

— Хорошо, — кивнул я. — Как будут вести, сразу же сообщи мне. Амегакуре с прошлого года усилило свою изоляцию, и мне неизвестны причины этого. Мне казалось, что с Ханзо удалось найти общий язык, но на послания он не отвечает, своих шиноби держит под контролем, выпуская в мир только группы наемников, которым дозволил действовать под своим протектором. Это настораживает.

— Снова предсказания? — наострила уши Мицуко. — Ты в них уверен? Во время совещания, я заметила, что твоя риторика стала иной. Стало меньше уверенности.

Мицуко, как всегда, внимательна и зрит в корень.

— Ты права, — вздохнув, согласился я, подойдя к распахнутому окну и окинув взглядом залитую оранжевым светом солнца Отогакуре. — Кое-что в мире меняется слишком стремительно, что-то я изначально видел не так, как оно есть. В Стране Демонов, например. Мне казалось, что Мироку, именно нынешняя жрица, была первой, кто запечатал Морье и созданное его приспешниками каменное воинство. Однако в реальности была другая Мироку, бабушка нынешней, которая все это и проделала. Настоящий сюрприз, на самом деле. Хорошо, что безобидный.

— Ты предрек ей рождение дочери, — рассмеялась Мицуко. — Причем сделал это с полной уверенностью. Может, и это предсказание теперь не сбудется и касалось оно именно той, умершей жрицы, которая уже успела родить дочь.

— Нет, это предсказание касалось нынешней жрицы, — ответил я. — А что касается Амегакуре... О подробностях я не расскажу, как ты уже понимаешь. Но ты права, не все мои предсказания теперь могут быть достоверны, однако... Ты знаешь, что не только Мироку я напороочил рождение ребенка? У Нару в конце зимы родилась дочь.

— Слышала об этом и поздравила его, с этим Шиин я хорошо знакома.

— Ее зовут Таюя, — улыбнувшись, произнес я. — Да, Таюя Северных Врат... Иногда я сам удивляюсь, с каким упорством может течь время по заранее намеченному руслу. Рушь берега, строй плотины, но оно все равно упорно пробивает себе дорогу. Поэтому внезапная изоляция Страны Дождя вызывает беспокойство, хотя ей можно найти рациональное объяснение.

Вновь поймав ладонями лижущий пальцы встревоженный ветер, я невесело улыбнулся. Близится четвертое лето после рождения Итачи. Близится конец Третьей мировой войны шиноби. Близится буря. Чтобы оседлать ее, выйти победителем в этой битве с течением истории, похоже, придется постараться.

— Хиро, тот свиток обратного призыва, о котором мы говорили, — отпустив ветер,

обратился я к все еще не вернувшемуся в Рьючидо змею. — Его необходимо передать одному юному киринину, Кёде Юки. Он сейчас на западных островах Страны Воды, я дам тебе координаты.

— Как скажешь, — немного удивленно согласился змей.

— Мицуко, — обернулся к выглядящей юным подростком женщине, — я не стал говорить этого Акичи, но скажу тебе. Проследи, чтобы Узушио оставалось под контролем Кири, пока я не разрешу его брать.

— Что? — не поняла Мицуко. — Почему? В смысле... Гм. Ладно.

— Вот поэтому. Ты не задаешь вопросов, — улыбнулся я девушке. — И будьте осторожнее с Кири на материке. Не отпускайте Кураму с фронта. Если эта несносная девчонка почует чакру Треххвостого, пусть сразу же сообщат мне. В этом году это очень важно.

Глава 49. Темная ночь

28 мая 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Ты должен понимать, что мое отношение к шиноби основано не только на недоверии из-за их жажды силы, которая вечно толкает их на пламя Рюмьяку, — рассеянно листая книгу с ботаническим описанием и изображением цветов, сказала Сальма. — Я в целом не приемлю их образ жизни, их способ взаимоотношений с властью. Мне вообще не нравится эта пришедшая с востока культура.

— Как будто ты довольна устоявшимися в Пустыне традициями, — лукаво усмехнувшись, заметил я.

— Местный быт мне тоже не кажется идеальным, — вздохнув, ответила королева. — Роуран... Порядок ограничен только стенами моего города. Даже мои владения вне их уже объяты дикостью и живут по варварским порядкам. Знаешь, что меня подкупило, когда ты впервые заговорил о создании большой страны? Конечно, знаешь. Я хочу, чтобы вокруг был порядок! Но порядок и шиноби — это несовместимые понятия. Они живут словно в ином мире. Словно до сих пор не закончилась прошлая эпоха. Хуже всего, что она и в самом деле не закончилась. В их умах. И в умах некоторых принцесс!

— Ну, мама... — обиженно надулась Сара, гордо выпрямив спину.

— И в самом деле. Сара изучает искусства шиноби, но не перенимает их менталитет, — вступился я за дочь.

— Пф! Когда ты не пытался выглядеть образцовым отцом, мне было проще воспитывать дочь, — расстроено пробормотала Сальма, окинув и меня, и Сару холодным взглядом.

Я же притворился, будто не заметил, как королева украдкой улыбнулась, вновь закрывшись от нас книгой.

— Я просто восстанавливаю справедливость, — сказал я, шагая вдоль заставленных книгами стеллажей. — Ты вложила всю себя, воспитывая Сару. Она понимает твои мотивы и принимает их. И я тоже согласен с тобой. У шиноби... Гм. Архаичное, скажем так, мировоззрение. Причем оно подкрепляется не только их традициями и культурой, но и биологией.

Я остановился напротив одного из стеллажей и коснулся пальцем корешка книги, вспоминая ее содержание. Массивный фолиант как раз содержал заметки путешественника из Роурана, красочно описывающего варварские, на его взгляд, обычаи шиноби разных стран. Редкий экземпляр. Это была все еще пахнущая чернилами и свежей бумагой копия одного из манускриптов королевской библиотеки, сделанная Яги Ибури по моей просьбе и сейчас хранящаяся в библиотеке храма Рюджина в Роуране. В которой мы все втроем на данный момент и находились, ожидая прибытия Казекаге.

— Сама природа шиноби, которая неразрывно связана с чакрой, делает их такими, какие они есть, — обернувшись к королеве и дочери, сидящим у столика под лампами, сказал я. — И, кроме этого, они все наемники из воинских общин, которые сами по себе всегда замкнуты. Шиноби проще найти общий язык со своим врагом, чем с феодалом или крестьянином.

— Ты верно подметил. Они наемники, и это главное, — недовольно сказала Сальма. — И самураям ни чакра, ни причастность к воинской общине не мешают понимать, что такое служение.

— У самураев к чакре иное отношение и, как следствие, к крови предков, которая дает эту чакру использовать, тоже, — покачивая головой, отозвался я. — К крови предков, к собственной и чужой силе, к своему месту в мире. Мне приходится прикладывать много усилий, чтобы внести новый уклад в привычный быт шиноби в собственной Стране и примкнувших к Отогакуре группах шиноби. Они плохо усваивают саму идею нового устройства армии и тактику ведения боя, когда группа шиноби должна действовать как единый организм. Они с трудом воспринимают идею, что армия — это не несколько джонинов и кучка их массовки, а единый организм, в котором самые простые люди в тылу играют не меньшую роль, чем джинчурики и Каге на передовой.

Мне вообще кажется, что это отпечаталось в ментальности старого поколения. Для них могущественные джонины — это суперзвезды. Неважно, враги они или союзники, ими восхищаются, трепещут перед ними, дают прозвища. Одно появление Злоглазого Фугаку может посеять панику в рядах противника, ему даже не нужно для этого активировать додзюцу. Или с готовностью примут виру за жизни своих друзей и родственников, если об этом попросит сам Белый Змей и первый предложит перемирие. Молодые поколения уже смотрят на мир иначе, но в них все равно сильна эта старая культура.

— То есть у тебя у самого голова болит от собственных шиноби, а теперь ты хочешь, чтобы она болела еще и у меня? — на миг оторвавшись от книги, покосилась в мою сторону Сальма.

— Так или иначе, но без шиноби никуда, — развел я руками. — Это единственная реальная военная сила, бороться с ней особо нечем, но и оставлять без присмотра нельзя. Остается использовать.

— Использовать, да, — захлопнув книгу, Сальма отложила ее в сторону. — Как я уже говорила, мне не нравится то, какой жизнью они живут. А ты предлагаешь переманить у дайме Страны Ветра Суну, соблазнив ее продовольствием. И да, в этом году я уже более отчетливо вижу в этом смысл. Хотя совсем недавно моя страна сильно зависела от поставок хлеба с восточного побережья, тебе удалось меня удивить. В Стране Овощей заложены первые храмы Инари, а это значит, что их поля засеваются семенами Страны Звуча и в них вносятся новые удобрения. И пока Страна Земли на это никак не реагирует. Если прикинуть урожайность на севере Страны Огня, то и в Стране Овощей она должна быть не хуже. И у нас теперь есть территория Корьюзана, хотя под поля землю еще нужно очистить, и ее там, в принципе, не много пригодной для сельского хозяйства, но эта земля фактически теперь часть Страны Пустыни. Но, главное, через Корьюзан лежит прямой путь к Стране Тишины, а там, хоть климат тоже не сахар, но есть плодородные земли. И есть возможность и оттуда закупать еду. Также озелененные участки побережья стоит учесть. Гм...

Королева задумчиво побарабанила пальцами по подлокотнику кресла, мысленно взвешивая шансы и оценивая текущий расклад.

— Да, Казекаге это будет выгодно. За одну только зиму он избежал пяти покушений на свою жизнь. Уверена, он понимает, по каким причинам и кому нужна его смерть. Особенно после того, как дайме Ветра нанял для своей охраны большие отряды шиноби из Кусагакуре и Такигакуре. Вот уж продажные твари, кстати, их родные земли объята войной, а они через весь континент помчались, лишь заслышав звон монет и шуршание купюр, — презрительно скривившись, Сальма прямо посмотрела на меня. — Да, Тенрай может вывести Суну из-под Страны Ветра, тем более пока в его Совете заседают старики, еще помнящие времена до создания какурэзато. Но у меня не будет доверия к тому, кто однажды предал своего

правителя.

— Для Казекаге дайме — это не правитель, — поправил я королеву.

— Тем более! — сердито воскликнула Сальма. — Я не приемлю двоевластия!

— Мама, но ты сама когда-то вывела Страну Песка из состава Страны Ветра, разорвав договор с Суной, — осторожно заметила Сара.

— Договор подобное предусматривал, — отмахнулась королева. — Гм, но да. Ты права, откровенным предательством считать действия Тенрая нельзя. И все равно, двоевластия я не потерплю. Тем более шиноби в последнее время часто нарушают все мыслимые правила и договоренности, признавая лишь силу. Дайме Страны Горячих Источников верил, что шиноби еще держат свое слово, а теперь от него не осталось и костей, а его страна лежит в руинах.

Я задумчиво кивнул в ответ на слова Сальмы. Она права в том, что шиноби часто нарушают данные слова и разрывают союзы. Даже против дайме своих стран, бывает, восстают. Но дело тут, наверное, в том, что с началом Эпохи Какурезато они столкнулись с большими вызовами для себя. Они объединились в какурезато, создали школы шиноби, начали глобально делить сферы своего влияния и постепенно осознают, что какурезато и страна, в которой она расположена, уже не могут иметь прежних взаимоотношений, какие были между нанимателем и наемником. Война опять же бесконечная — тоже продолжение тех же изменений и также сама по себе их источник. Она как началась во время моего прихода в этот мир, так и не кончалась по сути до сих пор, только перерывы делала.

Эпоха перемен стирает значимость былых правил, но она создает новые.

— В Стране Звука шиноби не заключают договоров, они присягают на службу, — заметил я. — А это уже совсем иное положение и обязательства. Думаю, ты сможешь повторить нечто подобное.

— В Стране Звука шиноби присягают тебе, — покачала головой Сальма. — Присягают Белому Змею, Рюджину, ками! А я всего лишь королева.

— Суна может присягнуть на верность не тебе, а ему, — я указал пальцем на узор на одежде Сары.

Это был символ, похожий на шестнадцатилучевую звезду или снежинку, с красным кругом в центре. Это было символическое изображение либо Рюмьяку, либо Солнца, общего мнения по этому вопросу не было. Но, главное, это был герб Роурана.

— Пусть присягнут государству, — предложил я. — Гербу, флагу и законам Страны Пустыни. Законам, перед которыми равны все.

Королева несколько секунд молча разглядывала изображение герба, вышитого золотой нитью на окрашенном в пурпур шелке, прежде чем медленно вымолвить:

— Это можно осуществить, Орочимару. Да, перед законом все равны — это ты хорошо сказал, — улыбнулась Сальма. — Особенно когда в самом законе заложено неравенство ему подчиняющихся. Главная сложность — заставить шиноби эти законы принять. Мы же только что говорили об их архаичности. Ниндзя — они как пустынные кланы, все дикари и варвары, отчаянно цепляющиеся за свои устои. Многим из них вообще не понять принципов законности, которые мы с тобой устанавливали в своих странах, Орочимару. Хотя ты и так должен это знать лучше меня.

Я согласно кивнул, принимая слова Сальмы. На самом деле, не только шиноби, но и обычные люди поначалу с трудом воспринимают системы законов, которые были приняты нами с Сальмой в странах Звука и Песка. Просто потому что они сформированы пс

принципам римского права, а местный мир на законы смотрит не как на какие-то нормы, а с точки зрения философии. Часть правителей придерживается мнения, что люди изначально злы и в них следует поддерживать нравственность несоразмерно суровыми наказаниями за все проступки. Другие руководствуются представлениями о необходимости достижения гармонии и справедливости между людьми. Обычный народ же, и шиноби вместе с ними, вообще бывает понятия не имеют ни о каком добре или зле. Преступление для них — это грязное дело, от которого необходимо очиститься с помощью ритуала или расплатиться за него, если безнаказанным уйти не удалось.

— Да, я понимаю тебя, — хмыкнув, ответил я, вспомнив кое-что из личного опыта. — Не скажу, что всегда плохи те обычаи, по которым живут шиноби. За время войн на моих руках оказалось много крови. Если бы я не мог расплатиться за нее перед родственниками погибших, то переговоров с Казекаге могло вообще не состояться.

— Должно быть тебе понадобилось потратить много денег, чтобы расплатиться по счетам, — ехидно заметила Сальма. — Имя Белого Змея, одного из Трех Саннинов, слишком уж известно. В моем захолустье только Белый Клык смог его затмить, и то лишь умудрившись насолить лично Чиё.

— В большинстве случаев обошлось без денег. Достаточно было просто отправить вовремя людям вакцину и лекарства от начавшегося было после войны тифа. Расплатиться за кровь можно по-разному, хотя иногда приходилось и раскошелиться.

— Удобно.

— Именно. Но все же шиноби сейчас быстро учатся и перенимают традиции других обществ. И правовые нормы они тоже усвоят. Тем более, они могут стать для Казекаге полезными. Ему тоже невыгодны эти постоянные разборки многочисленных кланов ниндзя Пустыни на почве мести, дразги из-за маршрутов кочевья и обиды за дележку колодцев.

— Думаю, я могу согласиться с тобой, но все же...

— Единство быть может спаяно железом или кровью. Железо — это единый закон, поддерживаемый военной силой. А кровь... — мы с Сальмой синхронно посмотрели на неуютно поежившуюся под нашими взглядами дочь. — Нет, Казекаге хватит одной лишь Соры. Отдавать кому-то из шиноби Сару, чтобы скрепить единство кровью будет лишним. Если только она не последует дурному примеру своей сводной сестры и не влюбится в какого-то проходимца.

— Да, точно, — согласилась со мной королева. — Последнее, кстати, вполне возможно. Наследственность у нее к этому расположена. Я и сама... Эх.

— Матушка, отец, — вкрадчиво обратилась к нам Сара, — я вижу, вам очень весело, да?

— В каждой шутке есть доля шутки, — встав справа от Сальмы и положив руку ей на плечо, произнес я.

— Твой отец просто бездонный кладезь безвкусных изречений, — погладив мою ладонь, досадливо высказалась королева, — но они бывают на удивление точны. Рассматривать вариант с кровным объединением не имеет пока смысла, но держать его в уме стоит. Обстоятельства могут сложиться совсем не так, как нам того хочется. Даже с моим и Орочимару опытом дрессировки шиноби, не факт, что получится их вписать в страну по моим правилам. Тогда придется пойти на уступки и частично следовать уже их традициям. Мне это не нравится. Сильно не нравится. Но от решений и действий Суны зависит слишком много.

— Я понимаю это, матушка, — вздохнув, ответила Сара.

"Единство может спаяно железом быть и кровью", повторил я про себя цитату из старого стихотворения. "Но мы попробуем любовью, а там посмотрим, что сильнее". На самом деле, идеально было бы, чтобы Казекаге проникся идеей Сальмы, полюбил ее страну и мечты о правильном государстве и мироустройстве так же, как любит их сама королева, тогда это бы стало куда большим подспорьем в выполнении тогда уже общих планов. В конце концов, как раз это позволило мне и Сальме вновь сойтись. Конечно, память о бурном романе в прошлом между королевой и мной в образе Тацумы Гото тоже помогла, но все же немалую роль играло и то, что я, уже как Орочимару, помогал ей. И, наверное, я единственный на всем континенте понимал ее.

Правительница Роурана была воспитана на династийном культе, который брал начало еще во времена той, давно пропавшей, империи. Ее мировоззрение сильно отличалось от такового у остальных людей, во многом больше походя на то, которое доминировало в моем прошлом мире. Это нас и сблизило. Когда бывшая пылкая любовь начала затираться временем, появилась новая, основанная на общих идеях и понимании. Наверное, даже более крепкая, чем была раньше.

Повисшую в библиотеке тишину нарушил деликатный стук в дверь.

— Входи, Яги, — повысив голос, сказал я пришедшему Ибури.

— Рюджин-сама, дзё-сама, одзё-сама, — войдя и выверенно раскланявшись перед всеми, произнес вошедший Яги. — Сора-сама и Третий Казекаге прибыли. С ним те люди, о которых вы говорили.

— Хорошо, — кивнув Ибури, сказал я и протянул руку Сальме. — Мы готовы с ними встретиться?

— Ох, пожалуй, да, — приняв мою помощь, встала с кресла королева и тут же принялась разглаживать складки на платье. — Не люблю я, когда в одном со мной помещении оказывается сразу несколько настолько сильных шиноби, но сегодня, похоже, этого не избежать.

— Я буду с вами, а значит, откровенно нарываться Казекаге в любом случае не будет, — направляясь к двери, сказал я королеве. — Я спасал ему жизнь уже дважды... Ладно, полтора раза, и при этом в прошлом однажды чуть не убил, но сейчас ему нужна моя помощь.

— Да, как раз учитывая, что в прошлом вы воевали, даже странно, что ему нужна твоя помощь, — скептически прокомментировала мое заявление Сальма.

— Просто я очень обаятелен, на меня сложно затаить обиду, — с ухмылкой ответил я, вызвав возмущенное фырканье со стороны Сальмы. — А если серьезно, то Тенрай слишком горд для подобных обид. Все разногласия остались там, на поле боя, на котором мы были оружием в руках дайме, формально выполняя именно их приказы. Война закончилась, жизнь продолжается. Тем более мне все же удалось рассчитаться и с ним, и с Суной.

— Это и в самом деле удобно.

Несколько минут мы шли по слабо освещенным коридорам храма. Ночная тишина обволакивала, сквозь стены проникала свежесть улицы. Башня Юкихиме была спокойна, но спокойствие это было лишь видимым. В одном из ее помещений явно ощущалось напряжение.

Это был заклинательный покой, который этой ночью укрепили дополнительными печатями и барьером, потому что стандартные техники могли и не выдержать нагрузки, если что-то в планируемом ритуале пойдет не так.

Здесь нас встречали Сора, Казекаге, Раса и пара стариков из его Совета. Как ни странно, Пакуры я сегодня с ним не заметил. Старики мне знакомы лично не были, это были давно отошедшие от военных дел шиноби, но по описанию я смог узнать Хиекимуши — патриарха Суны. Необычно, что он выбрался из какурезато. Ниндзя в его возрасте предпочитают мирно дожидаться смерти, не обращая много внимания даже на дела селения. Но, похоже, даже в старости чрезмерно деятельная натура Хиекимуши не давала ему покоя.

Кроме перечисленных шиноби, в комнате был еще и я сам в теле Омущимару, а также несколько Ибури и Узумаки.

— Вижу, в этот раз встреча со скорпионом для тебя прошла без тяжелых последствий, — усмехнувшись, вместо приветствия сказал я, осмотрев с головы до ног Казекаге.

— Сасори снова избежал смерти, — холодно процедил Тенрай, также не став тратить время на приветствия. — Это хуже каких-то обычных травм.

Да уж, уверен, что с его-то характером, Тенраю нелегко даются поражения в тех ситуациях, когда кажется, что победа неизбежна. О новом нападении Сасори я Казекаге предупредил, раз уж он так дорог приемной дочери. Конечно, никакой конкретики я ему рассказать не мог, просто предупредил, что это нападение будет, а уж как он к нему подготовится — его проблемы. Тенрай подготовился, но Сасори при этом убить не смог. Ладно хоть сам в марионетку не был превращен, но подобный факт гордость Казекаге явно не тешил.

— Ох, дзё-сама, — тем временем параллельно нашему с Казекаге короткому обмену фразами прозвучал в зале тихий старческий голос, — как давно это было...

— Двадцать три года, — коротко ответила подслеповато щурящемуся Хиекимуши Сальма. — Столько лет прошло с вашего прошлого посещения Роурана.

— Да уж, года идут, — невесело рассмеялся старейшина Суны. — Вы сильно изменились с тех пор. Стали похожи на свою мать. А ваша дочь теперь следует за вами, как когда-то вы — за своей матерью. Это радует мои старые глаза. Радует, что изменившись в мелочах, время щадит целое. Королева все еще во главе Роурана. И, несмотря на внешние изменения, Роуран по-прежнему все тот же. Вечный город среди песчаных дюн. И, как в мифах древности, вокруг него вновь начинают цвести сады.

— Вы видите в этом какое-то знамение, Хиекимуши-сан? — любопытствовала Сальма.

— Я никогда не верил в знамения, — отмахнулся старик. — Но под старость лет стал слишком сентиментален.

Краем уха выслушав диалог королевы и старого шиноби, я только подивился, что среди жителей пустыни есть какие-то мифы о садах вокруг Роурана. Хотя я сказания никогда целенаправленно не изучал, может, такие и в самом деле есть. Наверное, они древние, раз описывают зеленую еще пустыню, и могли бы быть мне интересны в плане понимания местных генетических потоков. Но пока мне немного не до того.

Всем моим вниманием быстро завладел еще один человек, который находился этой ночью в заклинательном покое.

Он лежал на циновке в центре зала и был замотан в несколько слоев ткани, напоминая мумию. Какая-то вариация техники *Нуношибари*, по всей видимости. И восемь классических фуинфуда, размещенных над каждым тенкецу Хачимон. Не знаю, насколько последнее полезно, но в любом случае основательно так запакован товарищ, с чувством и толком, я бы

даже сказал. Хотя, если судить по очертаниям тела под слоями ткани, то силой человек отличаться не должен был бы. Почти не видно мышц, и в самом деле, словно высохшая мумия. На грудь которой, помимо нескольких фуинфуда, был водружен еще и массивный чугунный чайник.

— Гм. Да уж. Я помню Яшиму совсем другим, — безучастно прокомментировал я увиденную картину. — Человек, который доставлял мне столько проблем на полях Второй мировой, сейчас выглядит так, что я чувствую себя оскорбленным.

— Три года во власти биджу, — со сдерживаемой яростью процедил Тенрай. — Чудо, что мой брат еще жив. Мы не могли его даже нормально кормить. И не могли позволить шевелиться. Чиё пришлось проявить все свои умения, чтобы спасти его.

— Чиё способная девочка, — мелко рассмеялся Хиекимуши. — Пусть вздорная, но свое дело знает. Осталось надеяться, что молва не врет о талантах Белого Змея, и все усилия Чиё не были напрасны.

— Постараюсь не разочаровать, — кивнув, ответил я и активировал додзюцу, изучая пациента.

Несмотря на плачевное физическое состояние, система циркуляции чакры Яшимы была в норме. Чего нельзя сказать о сознании. Ментальные техники натыкались на беспросветный мрачный заслон нечеловеческой ненависти, а мозговая активность была... Гм, я даже не знаю, как ее описать. Не видел в жизни никогда подобного. Активны, в основном, были самые древние с эволюционной точки зрения участки мозга. Никаких мыслей с помощью моих техник прочесть не удавалось, хотя передняя кора головного мозга все же работала.

Интересно, он, вообще, еще жив? В этом мире есть уникамы, которые умудряются жить без тела или менять тела, сохраняя сознание, или отращивать себе головы, но все же это именно уникамы. В большинстве своем шиноби от потери головы благополучно отправляются в мир иной.

Посмотрим, что я смогу сделать в этом случае. Конечно, моя задача — разобраться с биджу, но Суна ждет, что я смогу вернуть им полноценного джинчурики, а Казекаге надеется вернуть брата. Вряд ли они обрадуются, если Яшима окажется мертв, хоть его тело и живо.

— Что-то не так, — Казекаге уловил мои сомнения.

— Три года — это все же значительный срок, — ответил я, погасив багряный огонь в своих глазах.

— И кто в этом виноват?! — зло спросил Тенрай.

— Ты ждал от меня чудес, но я могу дать всего лишь надежду и лечение, — развел я руками.

— Ты хотел получить половину биджу, Орочимару, — впервые за сегодня вставил свое слово в разговор Раса.

— Я и сейчас этого хочу, и только сейчас вы приняли мои условия, — кивнув, легко согласился я. — Это не только часть сделки, но и часть лечения. Просто так изъять злобу биджу не удастся. Чем-то придется пожертвовать. И вы согласились с этой жертвой.

— Тенрай... — посмотрел на своего единокровного брата Раса, словно надеясь, что тот изменит свое решение.

— Мы уже пришли сюда, — раздраженно ответил Казекаге. — Давайте сделаем то, зачем явились и успокоимся на том!

— Хорошо, хорошо, — степенно закивал Хиекимуши. — Только для начала обсудим

детали. Все-таки мы здесь не чай распивать собрались. Шукаку строптивый и опасный дух.

В этом я со стариком был согласен. Шукаку оказался слишком строптив. Поговорить с ним не удалось ни одному из моих биджу. Не знаю уж, чем Однохвостый был так занят, но на призывы своих собратьев отвечать он не желал. Или, может, обиду таил какую? По молчанию определить это не удалось.

Иными словами, сегодня я рисковал высвободить биджу без подстраховки в виде устной договоренности хотя бы поговорить, прежде чем начать все в округе крушить. Подобного не было со времен схватки с Кьюби. И сейчас мы находились в густонаселенном городе. Пусть помещение максимально подготовлено к нештатным ситуациям, но лучше все перепроверить. Иного устраивающего нас всех места найти не удалось, чтобы и Рюмьяку был рядом, и подальше от любопытных глаз. По всем критериям, башня Юкихиме подходила, но цена ошибки здесь будет слишком высока.

Около десяти минут пришлось потратить, чтобы обговорить порядок предстоящих действий, прежде чем я смог приступить к лечению.

— Приступаем! — наконец произнес я, сложив печать одной рукой.

По моему слову сначала засияла пурпуром фигура Сальмы, воззвавшей к источнику Рюмьяку. Коснувшись рукой плеча Омущимару, она передала сначала чакру моему клону, затем Узумаки и Ибури, и только после этого поделилась ею с шиноби Сунагакуре. Тишину заклинательного покоя нарушил тяжелый звон цепей, вырвавшихся из спин красноволосых ниндзя и начавших сплетать основу для барьерной техники. Над моей головой сомкнулся купол из массивных металлических звеньев, он вспыхнул на миг солнечным светом, но быстро померк, оставшись мерцать янтарными бликами в полумраке.

Тенрай и Раса нервно зашевелили пальцами, чувствуя напряжение. В воздухе вокруг Соры замелькали редкие снежинки. Покрытые дряблой морщинистой кожей руки Хиекимуши пришли в движение, узловатые пальцы с удивительной ловкостью сложили серию печатей, и через миг покрывающая в несколько слоев Яшиму ткань взорвалась, стремительно расплетаясь, срывая с себя фуинфуда и отбрасывая в сторону тяжелый чайник, быстро пойманный в полете техникой Тенрая.

В отблесках света ламп и мерцающего барьера я увидел самого джинчурики. Без покрывающей его ткани Яшима выглядел едва ли не так же, как недавно наблюдаемые мною в Роуране бедолаги, угодившие в омут помутивших их разум веществ. Истощенное тело, крайняя дистрофия мышц, подкрепленная деминерализацией костей. Благо хоть, что они не проглядывали сквозь кожу. Видно, что шиноби Суны пытались заботиться о джинчурики, у него не было хотя бы пролежней, но, судя по состоянию организма, получалось у них поддерживать в нем жизнь крайне скверно.

Впрочем, это не главная проблема Яшимы.

Горящие багрянцем Кецурьюгана, мои глаза мгновенно уловили рванувшую по меридианам джинчурики темную чакру, стремительно захватившую все его тело. Мелкие песчинки пыли начали взмывать вокруг Яшимы, мелькая в отблесках света и словно множась в воздухе. Они стремительно неслись к изможденному телу, приликая к истонченной бледной коже.

Прежде, чем это действие приобрело необратимый характер, моя собственная чакра вырвалась наружу. После поглощения Хакуджа техники сендзюцу мне начали даваться с гораздо большей легкостью и улучшился контроль над многими ниндзюцу.

Вот и сейчас оказалось достаточно легко без лишних печатей заставить воздух в зале

замереть. Сам газ продолжал течь, как ему заблагорассудится, но витающие в нем частицы завязли, словно в патоке. Крупинки пыли возле Яшимы. Золотые песчинки вокруг Расы, черные — возле Тенрая. Снежинки Соры зависли, словно подвешенные.

Кажущееся бессильным и безвольным тело Яшимы еще успело взмыть в воздух и молнией устремиться ко мне, когда в ставшем плотным воздухе материализовались едва видимые змеи, мгновенно связавшие истощенное тело и сковавшие его чакру.

Эта вариация *Джагей Джабаку* была Искусством Отшельника, напоминающим *Сенно: Мьеджинмон* Хаширамы. Пара змей была соткана из воздуха и природной энергии, разорвать их без моей на то воли было сложно. Повисшее в воздухе тело Яшимы, пропитанное чакрой Однохвостого, быстро этого сделать не могло.

— Хватит бегать от меня, Шукаку, — пробормотал я, поймав взгляд желтых глаз, которые пылали нескончаемой ненавистью на искаженном яростью лице Яшимы.

В этих глазах не было ничего человеческого. Это были глаза зверя, глаза биджу. Но и от Шукаку в них осталось немного. На фоне омута черной склеры желтая радужка сияла подобно луне в ночном небе. Четырех лучевая звездочка зрачка на ней казалась дыркой на пробитой кунаем ткани. Чакра Хвостатого захватила сознание человека, пробудив в нем зверя, но биджу пока не успел подчинить себе джинчурики.

Любопытное пограничное состояние. Подобное наблюдали шиноби в Кумо и Кири. Судя по их измышлениям, такое случается, когда человек не смог победить внутреннего зверя. Это если перефразировать все моими словами. В Кумо подобные состояния предотвращали во время тренировки возле Водопада истины. В Кири действовали по тому же принципу, но обходясь своими методами, со своими особенностями. В Тумане джинчурики мог отдаваться на волю своему внутреннему зверю, контролируя в таком состоянии чакру Хвостатого. Успешность техники зависела от психических особенностей джинчурики. Учитывая методы обучения в Тумане, получались в итоге такие монстры, как встреченная Курамой носительница Санби во время сражения на границе Страны Звука.

Мне удалось многое узнать о методах достижения контроля над биджу в этих деревнях. В Кумо этому помогла марионетка Третьего Эя. В Кири с задачей справился мой клон. Малис когда-то недоумевала, зачем мне нужно в виде шпионов отправлять в какурезато детей. Но потом и она поняла, что это имеет смысл. Во-первых, дети даже в этом мире вызывают меньше подозрений, чем взрослые. Во-вторых, дети находятся среди детей, а это благодатная почва для шпионажа. Юные ученики Академии много слышат от своих родителей, но не умеют держать язык за зубами. Хватает одного вскользь брошенного слова, например, намек на то, что в Кири нет нормальных джинчурики, как детишки этих самых джинчурики сами выложат всю необходимую информацию. Нет, не о методах обучения, а людях, которые их создавали и которые над ними работают. Имена, кланы, структуры, даже место жительства. После этого остается только отправиться по нужному адресу и все выяснить. А иногда и подкупить, заставить сотрудничать шантажом, переманить по идейным соображениям.

Этой стратегии я научился еще в прошлом мире. Не целенаправленно, конечно, но в общих чертах я ее понял, когда по молодости работал в закрытом научном институте. Там, при общении с добрыми людьми с высшим уровнем допуска иногда нужно было просто попросить информацию из нежелającego сотрудничать столь же секретного заведения, как она через неделю-две появлялась у меня на столе. И те же сотрудники просили меня быть сдержанным на язык. Проще говоря, не болтать. В прошлом мире, с тем развитием

социальных сетей, подобный метод сбора информации был более продуктивен. В глобальной сети было слишком много великовозрастных детей, которые, отстаивая величие своей стороны и свою правоту, могли на чистом глазу выдать много интересного, фактически неосознанно предавая свои же идеи.

В этом мире столь же удобных средств, как социальные сети, не было, но люди оставались людьми. Даже шиноби.

Звездочка зрачка в глазах Яшимы стремительно расширилась, почти полностью поглотив желтую радужку. В этой черной бездне отразился отблеск багрянца Кецурыюгана, стремительно утягивающий поглощенное нечеловеческой злобой сознание на дно иллюзорного кровавого океана.

Для того, чтобы научиться контролировать пробуждающиеся негативные эмоции при контакте с дикой чакрой биджу, джинчурики должен победить самого себя, свое «Я» внутри подсознания. Для этого существует несколько способов: научиться искренней жертвенной любви или использовать сторонние техники встречи со своим подсознанием. Первый вариант выглядит проще, но на деле осуществить его сложно. По-моему, только Бунпуку смог пройти по этому пути и, возможно, Мито. Сейчас без особого успеха пытается Кушина.

Но Яшиме в его нынешнем состоянии это уже не поможет.

Моя чakra проникла в каналы джинчурики, гендзюцу кецурыюгана медленно выталкивало из них энергию биджу, погружая сознание шиноби в новое состояние. Редко когда в этом мире гендзюцу использовали схожим образом, переплетая его с ментальными техниками клана Яманака. Моя чakra не столько подавляла разум Яшимы, рождая в нем искусственные образы и смыслы, сколько блокировала отдельные рецепторы центральной нервной системы, ослабляя эмоциональное напряжение, вызывая апатию, снижая мотивацию и интерес к окружению. Никогда в прошлой жизни не занимался психическими расстройствами, но в этой при лечении Юко Учиха мне пришлось многое изучить и узнать.

В целом лечение Яшими большой проблемой не было. Острая фаза пройдена, остаточные явления можно контролировать лекарствами, со временем они пройдут. Возможно, он даже сможет взять под контроль свое агрессивное «Я». Мне же осталось только восстановить печать. Однако, излечение Яшимы было не основной моей целью. Нужно было получить чакру Шукаку.

Поглощать ее обычными методами займет много времени, слишком уж много силы в Хвостатых. Для того, чтобы быстро повернуть такой трюк, нужно быть как минимум Шинигами. Естественно, я мог бы использовать Призыв этого демона, но пока не уверен, что перенесу его без последствий. Поэтому был избран более простой путь.

Достав из-за пояса заранее приготовленную емкость, я отдал мысленный приказ, и за сотни километров от меня в Стране Звука и Стране Демонов вспыхнули заранее подготовленные печати, подавая сигнал моим союзникам. По Шукаку был нанесен удар с той стороны, с которой он совсем его не ожидал. Трое биджу — Мататаби, Чомей и Курама — атаковали комбинированной техникой Ичиби через их связь биджу, открывая мне путь к чакре Шукаку.

Гендзюцу Кецурыюгана проникло за ширму человеческого сознания, проваливаясь в бескрайнюю тьму разума Однохвостого и подчиняя его моей воле. Заставить Шукаку сотворить одну из специализированных вариаций техники клонирования было делом секунды. Через миг мне оставалось лишь запечатать сосуд с чакрой Ичиби и удовлетворенно кивнуть, оценивая результаты своего труда.

В напряженной тишине раздался слабый хриплый стон, источником которого было все еще скованное *Сенно*: *Джагей Джабаку* тело брата *Казекаге*. Блеклые слезящиеся глаза изможденного шиноби слепо шарили по комнате. Он силился понять, где он оказался, сознание через силу пробивалось сквозь туман, в который было погружено моим гендзюцу. Из глаз джинчурики пропала чернота. Они вновь были человеческими. Лицо его не искажалось в неконтролируемой ярости. Активность мозга тоже приходила в норму.

— Лечение прошло успешно, — констатировал я, пряча сосуд с чакрой *Шукаку* в скрытых карманах кимоно и рассеивая связывающие техники, позволив телу *Яшиме* мягко опуститься на пол. — Больному необходимо соблюдать диету, осторожно восстанавливать физическую форму и в ближайший месяц воздержаться от использования чакры. Тем более чакры *биджу*. Я передам *Чиё* список необходимых лекарств. Если соблюдать все рекомендации, думаю, в будущем у вашего брата, *Тенрай*, *Раса*, будет больше шансов стать настоящим джинчурики, а не бомбой замедленного действия.

С тяжелым звоном и лязгом над моей головой разошлись в стороны *Цепи Чакры*, пропуская к *Яшиме* его родственников.

— Спасибо, — не глядя в мою сторону, бросил *Казекаге*, быстро оказавшись возле своего брата.

Раса, в отличие от него, задержал на мне свой взор, остановившись на том месте, где был спрятан сосуд с чакрой *Шукаку*, но тоже, прикрыв глаза, медленно кивнул в знак благодарности и присоединился к *Тенраю*, помогая *Яшиме* прийти в себя.

Ну, думаю, операция прошла не без проблем, но почти идеально. На большее я и рассчитывать не мог. Пока рано о чем-то судить, но, похоже, в моей армии еще плюс один *биджу*, а у *Сальмы* больше шансов на хороший исход переговоров с *Суной*. Значит, окно возможностей на востоке у *Страны Звука* приоткрылось еще на пару ладоней.

7 июня 49 года от начала Эпохи Какурезато

Дребезжащие звуки шелковых струн разносились по воздуху и терялись в гомоне прохожих и криках торговцев, среди стука гэта по деревянной мостовой и грохота повозок рикш, однако это не смущало слепого музыканта, не прекращающего отчаянно ударять плектром по сямисэну и выкрикивать слова песни:

— Позволь мне услышать песнь жизни, реквием о жалком мне-бедолаге, носящем маску и играющем фарс, отшельнике, не знающем завтра. Если мир переполнен любовью, я молю... Спаси меня! — певец взял драматическую паузу, приглушив струны и артистично подняв взгляд к небу, после чего уже совершенно иным тоном мрачно припечатал: — Жизнь на продажу.

Этого уличного музыканта, наверное, можно считать ярким представителем новой зарождающейся эстетики, рожденного войной искусства. Точнее, принесенными сражениями лишениями.

— Душевно поет, — наморщив свою лысую черепушку и сложив руки на груди, прокомментировал представление Чирику.

— Да ладно? — удивился я. — Видно же, что тебе не нравится.

— Не нравится, — согласился юный монах. — Но поет он от души.

— Сложно ли умеючи-то?

— Не в умении дело, Охеми, а в чувствах.

На самом деле, я бы даже согласился с Чирику, поет музыкант от души, хотя я давно заметил, что на самой музыке он концентрируется слабо.

Сам музыкант был смугл и худощав, одежда явно не первой свежести, мешковатая. Под такой можно многое скрыть, от собственного телосложения, до пары связок с кунаями. Уверен, что железки при себе этот мужчина имеет, хотя главное оружие, сямисэн, все же носит на виду.

Судя по заметным пересекающим глазницы белым линиям шрамов и сбитым костяшкам пальцев, когда-то музыкант не чурался сражений. Да и в движениях проскальзывает что-то от шиноби. И ток энергии в меридианах хоть и замедлен, но сендзюцу позволяет ощутить их натренированность, что ли. Хотя загрубевшие подушечки пальцев явно говорят о долгой практике игры на струнном музыкальном инструменте.

Я бы предположил, что это шиноби либо из Страны Горячих Источников, либо из Пустыни. И там, и там существуют независимые искусства использования музыкальных инструментов в бою. Правда, в Югакуре оно развиться не успело, да и там больше копировали техники клана Шиин. А вот в Стране Ветра своя собственная школа, пусть находящаяся в упадке на фоне классических искусств шиноби и марионеточного мастерства. Но, вообще, она уникальна и самобытна, позволяла обходиться без классических ручных печатей и давала еще ряд разных преимуществ. Правда, имела и недостатки, иначе не была бы такой непопулярной.

— Мне кажется, он поет о себе, — внезапно озвучил свои мысли обычно несклонный к подобному Чирику. — Может, он был из тех северных дворян, которые потеряли все и начали продавать свою жизнь, не в силах просто расстаться с ней. Может, он успел попасть в лапы похотливой дочери феодала, любящего человеческую кровь нукенина, оказаться в

лабораториях Анбу...

— Слушай, тебе бы с такой фантазией романы писать, — скептически хмыкнув, сказал я. — Своим мечтам нужно давать возможность воплотиться хотя бы на бумаге. А то смотри, иначе с катушек съедешь и начнешь храмы в городе подпаливать.

— Это не мои фантазии, — грозно свел брови парень. — Эти истории я слышал на днях у базара. Может, они и лживы, но все равно причины их появления быть должны.

— Ну, логика в твоих словах имеется, — не стал я спорить с Чирику.

Тем более что он и в самом деле мог быть прав. Этот шиноби явно пел о своей жизни, которую он, как и иные ниндзя, фактически выставлял на продажу. Таких разочаровавшихся в своей прошлой жизни шиноби сейчас хватает. Не сумевшие найти себя в обычной жизни жители демилитаризованных какурезато, вроде Югакуре, беглецы из разрушенных малых селений. Все те, кто не становится нукенинами, но может жить среди обычных людей. Такие, если задерживаются в этом мире, часто спиваются, что, наверное, и происходило постепенно с Цунаде в каноне, либо находят утешение еще в чем-то. И хорошо, если это музыка или писательство.

И в моем прошлом мире у ветеранов боевых действий были большие проблемы с возвращением к мирной жизни, а тут шиноби ее и не знали никогда, по сути-то. Мир был только лет десять-пятнадцать, с приходом эпохи какурезато, и то этот промежуток можно считать лишь небольшим перерывом между войнами кланов и началом мировых войн.

— Ладно, идем, что ли? — предложил я, глядя в облачное небо. — Вечереет, скоро будет наша стража.

— Да, идем, — согласился Чирику, начав копаться в кармане за пазухой. — Сейчас...

Достав нанизанные на шнур медные монеты, монах ловко снял пару кругляшей и направился к певцу.

— О, даже так, — удивился я, следуя за парнем.

— Жизнь странствующих слепых музыкантов тяжела, — пояснил Чирику. — Мне же деньги особо не нужны.

Сказав это, он кинул монеты в футляр из-под сямисэна и посмотрел в сторону дворца, прикидывая, как половчее туда пробраться и не завязнуть случайно в городской толчее. Я, окинув взглядом благодарно раскланивающегося бывшего шиноби, покачал головой и, порывшись в карманах, тоже выудил ему пару медяков. В конце концов, пел он и в самом деле душевно.

— Не так уж и плоха жизнь у них, — поправил я Чирику, догоняя монаха. — Он наверняка либо в Тодо-дза, либо в Мосо-дза. В столице без прикрытия гильдии простые бродяги бы не решились исполнять песни.

— Может... Но не из Мосо-дза точно, — подумав, ответил мне Чирику. — Мосо-дза это при Храме Огня и храме Шести Путей гильдия. Они подобных песен бы не пели, у них героические эпосы, сутры и все, что причисляют к высокому искусству. Это Тодо-дза да Гозе-дза не чужаются новшеств, — замолчав еще на пару секунд, монах негромко добавил: — Говорят, эти гильдии поддерживает храм Камигё из Отомуры и храм Восьми Великих Царей-Драконов.

— Восемь драконов — это те монахи из Храма огня, которые на север ушли и к Инари примкнули? — изобразил я интерес.

— Они самые, — хмуро подтвердил монах, уверенно шагая вперед.

— Тогда понятно, почему он так душевно поет, — подтрунивая над Чирику, заметил я.

Чирику мне не ответил, только еще более грозно свел брови. Мне до этого уже традиционно не было дела. Я больше думал над тем, что, похоже, часть финансирования этих самых Тодо-дза и Гозе-дза расходуется не совсем так, как я планировал. Эти две гильдии слепых музыкантов, в первую входили только мужчины, босама, а во вторую только женщины, годзэ, были мной выбраны когда-то в качестве рупоров пропаганды Воли Дракона и идей Страны Звука на материке. В целом это был идеальный способ. Организовать гильдии из странствующих слепых и слабовидящих музыкантов, когда одной из знаковых фигур Рюджинкё является Отохиме, было логично, просто и это не встречало непонимания и сопротивления у людей. Тем более что аналогичная гильдия, Мосо-дза, уже была.

Предполагалось, что мои гильдии будут мягко привлекать к Воле Дракона население, и это у них вполне неплохо получалось. Но если этот бывший шиноби с сямисэном тоже из Тодо-дза, то песни его совсем не похожи на те, которые я предполагал бы услышать из уст певцов Тодо-дза.

Хотя с другой стороны, если рассматривать их как антипропаганду нынешней жизни шиноби, то тогда они вполне вписываются в концепцию. Гм. Ладно, допустим. Тогда пока ответственные за гильдии люди могут спать спокойно.

— Душевно, душевно, — сердито повторил Чирику. — Ты опять меня донимать начнешь?

— Так тебе же нравится, — хмыкнув, поравнялся я с монахом.

— Нисколько.

— Врать нехорошо. Я ж помню, с чего наше знакомство началось, — наставительно произнес я. — Все меня расспрашивал про Рюджинкё, словно я много о нем знаю. А вот почему ты сам в храм Хачидайрюо не направился вместе с другими монахами? Там бы все и разузнал. Да они вообще еще в Храме Огня должны были все разболтать, раз такой большой группой ушли.

— В храм Хачидайрюо я не отправлюсь, — уверенно ответил Чирику.

— Э? Чего так?

— Это будет нарушением моих обетов, — коротко пояснил монах.

— В смысле?

— Я не изменю Сензоку и их заветам.

— Так я же и не заставляю, — удивленно посмотрел я на спутника. — Или ты боишься, что там тебя на темную сторону переманят, что ль?

— Да. Я еще слишком слаб, — к моему удивлению, не стал отнекиваться Чирику и признал мою правоту. — Бансай умеет произвести впечатление. Когда он покидал храм, то сумел во многих душах посеять семена сомнений. Я еще слишком слаб, чтобы посещать храм Восьми Драконов.

— А чего слаб-то? Каждый день же тренируешься, дух свой укрепляешь.

— Путь, указанный нам Сензоку, тернист и не имеет конца, — монотонно пробубнил Чирику. — Он требует отдачи и суровых тренировок, постоянного хождения по краю, но он дает четкую цель, к которой мне должно идти. А учение Рюджина развращает. Оно делает путь проще. Отступники сбились с пути и уже не смогут достигнуть вершины силы. Они верят в неведомое, оставив надежду на могущество позади.

Удивленно скривив губы, я задумчиво почесал затылок. Даже не думал, что можно прийти к таким выводам. Эти монахи из Храма Огня — странноватые парни все же. Но, впрочем, мне до этого дела нет. Чудес не бывает, и Рюджинкё — это не сто рё золотом,

чтобы всем нравиться.

— Сила да сила, — простонал я от нечаянно начатого диспута. — Далось оно тебе, могущество это. Всей чакры не соберешь. Делай то, что по силам, да радуйся тому.

— Угу, сказал тот, кто следует за Рюджином, одним из сильнейших шиноби, который еще и биджу отнял у Водопада, — насмешливо ответил Чирику. — Скажи, разве Орочимару твой не стремится к силе, чтобы защитить свое царство? То же самое и я, и прочие монахи делают.

— Ага, скажешь тоже, — вернул я монаху насмешку. — Вы ж к просветлению стремитесь и освобождению мира от уз страданий. И, как по мне, у вас все, что в этой жизни есть, все ведет к страданиям. Нет любимой женщины — плохо. Есть таковая — тоже плохо, потому что однажды ее не станет. А Рюджин не такой, он всем добра желает.

— А что, скажи еще, что твой пример этот с женщинами не верен? — запальчиво спросил Чирику. — Все же верно сказал, пусть и в меру своей извращенной натуры. Мир полон ненависти и зла, которые порождают лишь новые ненависть и зло. И это зло, по мнению твоей Отохиме и Орочимару, сотворено вместе со всем миром. И сделал это кто-то явно не особо добрый и всеблагод.

— Тяжко, наверное, жить, смотря на мир сквозь призму бесконечного отчаяния, — покачал я головой. — В конце концов, мира этого создатель благ. Если он и создал тьму, то явно он желал, чтоб было так. Все мы лишь гости во владениях Рюджина. Гости, а не послушные чужой воле питомцы. Человек волен поступать так, как ему того хочется, а хочется ему разного. И чтобы понимать, как жить правильно, и различать где добро, нужно знать, что такое зло. Вот так-то. Страдания — это метод формирования сознания, покаяния и искупления. Путь к любви и гармонии господина этого мира и его гостей. Вот Сензоку твой — именно видя чужие страдания, они не стали достигать просветления, хотя имели все шансы самостоятельно избавиться от кармы, но начали помогать людям, разве не так?

— Ох, северный ты варвар, — уныло покачал головой Чирику. — Учишь тебя, учишь, а толк все никак не выходит. Вечно извратишь все самые светлые истины до неузнаваемости.

— Эх, южанина-зазнайку даже простым истинам научить невозможно, — не впечатлился я сетованиями монаха. — Неизлечимое мракобесие.

Забавный парень этот, Чирику. Несмотря на долгую уже жизнь в этом мире, я из монахов Храма Огня фактически знаком был только с Бансаем. Тот тоже любопытным индивидом был, но не таким упертым, как этот мальчишка. Своеобразный у них взгляд на мир. Хотя правильнее сказать, он более ярко выраженный. Шиноби и простые люди тоже в большинстве своем придерживаются тех же идей, но у них это сглажено бытовыми заботами, династийными и традиционными культами. Они все как провода под напряжением, но одни в изоляции, а другие оголены. Ясно, что по обоим идет ток, но одних можно коснуться без опаски, а вторые шокируют.

Но в любом случае, Чирику вносил хоть какое-то разнообразие в рутину работы шиноби при дворе дайме, которая мне изрядно досаждала. И не тем, что отнимала время или была неинтересна, а тем, что она была устроена странным для меня образом. Если честно, меня и само устройство всей этой придворной жизни иногда повергало в удивление, но я сам в виде Охеми состоял в гвардии, поэтому ее порядки меня касались напрямую. Точнее, порядки — это сильно сказано. На мой взгляд, порядка в этой структуре как раз и не было.

Ни нормального устава, регламентирующего нашу деятельность, ни какого-то толкового распорядка дня. Может, я многого жду от гвардии, а, может, я просто попал на такой период

неудачный. Нынешний дайме, Мадока Каго, активно подчищал ранее сидевших на снабжении и управлении нанятых двором чиновников, старательно переводя эту сферу в подчинение новых, более лояльных себе людей.

Как оказалось, Каго сейчас вдохновлялся идеями своих советников, которые воспитывались в западной философской школе, пришедшей в Страну Огня из Роурана и Страны Ветра лет пятьдесят назад. Если вкратце, в основу своей философии они ставили равенство всех перед законом дайме и необходимость правителей и политических деятелей максимально вникать в экономику и всю обстановку в стране. На мой взгляд, вполне здравые идеи, но они встречали сопротивление у прошлого поколения чиновников и дворян, которые придерживались пришедшей из Страны Земли философии неделания, которая предполагала врожденное неравенство людей, активно сепарируя их на сословия. И по ее понятиям, правильный правитель должен вести праведный образ жизни и минимально участвовать в управлении страной. Эта забота должна ложиться на морально-нравственно одухотворенных поданных, которые благодаря своим врожденным качествам сами все могут устроить, если не будут мешать каждому сословию жить так, как предки жили.

На фоне вызванной дайме перетряски чиновничьего аппарата, для которой почему-то не нашлось более удачного времени, чем нынешнее, гвардия находилась в странном состоянии, когда было не совсем понятно, по каким правилам им жить. И почему-то это волновало не так много людей. И один из них я, которому вообще дела не должно быть до таких далеких от меня вещей.

— Опять дайме засиживается, — заметил я, глянув в светлые окна одной из комнат дворца.

Сегодняшнее дежурство нам с Чирику и еще с парой шиноби из малой деревни Страны Огня выпало на восточный участок стены, опоясывающей дворцовый комплекс. Здесь был разбит большой пруд и сад. Мне приходилось часто нести дежурство именно в этом месте, да и по дворцу я достаточно поштался, чтобы сейчас понимать, в каких именно помещениях горит свет.

Тройной кабинет, так это помещение называлось. Располагалось оно в центральном комплексе зданий дворца, который включал в себя еще Цветочный зал и залы жены дайме, которые сейчас, в виду ссылки последней, занимала наложница. Вообще, весь дворец был разделен на три части: дворец дайме на юге, севернее него залы жены, наложниц и чиновников-евнухов, и еще севернее — залы сыновей и дочерей феодала. И по этикету дайме полагалось бы находиться в собственном дворце, но ночи он предпочитал проводить ближе к молодой наложнице.

— Работает, — пожал плечами Чирику, сидя в позе лотоса на берегу пруда в стороне от нашей неприметной сторожки. — Тебе-то какое дело?

— А просто поболтать уже нельзя? Тебе не скучно, что ли?

— Донимай кого-нибудь другого.

Посмотрев на парочку тех самых других, с которыми можно было бы поболтать, я напоказ тяжко вздохнул и забрался на стену, демонстративно отвернувшись от Чирику. Наши напарники были учителем и учеником, и они время коротали по-своему, занимаясь обучением. Мешать им резона мне не было, еще вплетут меня в свои уроки, а мне этого не хотелось. Гоня своего ученика, старший шиноби попутно заставляет его делать за нас всю работу. Не нарочно он это делал, конечно, но для меня крайне удачно.

Ничто не будет меня отвлекать от собственных дел.

Несколько едва заметных печатей, сложенных пальцами левой руки, привели в движение чакру и заставили ее преобразиться, обдавая меридианы легкой прохладой ветра. Смешиваясь с природной энергией, чакра тонким ручейком излилась наружу, вплетаясь в вечернюю прохладу, уплотняя воздух и создавая незримую конструкцию. По ушам тут же ударил бой мелких волн пруда о берег и грохочущее шуршание листьев глициний. Пришлось мгновенно отрезать лишние шумы, чтобы слышать нечеткие голоса, доносящиеся из-за затянутых плотной бумагой раздвижных дверей.

— ... кусок этот мой сын, вот кто он! — донесся до моих ушей сердитый хриловатый голос дайме. — Мать и эти треклятые евнухи воспитали полного изнеженного балбеса. Они буквально прятали его от меня у этого хитрого лиса, у тестя в Хоно. Сыну уже четвертый десяток, но он не способен даже обуздать шиноби своей охраны. Как ему оставлять трон?! Слюнтяй, не способный отпустить юбку матери, не достоин быть дайме!

— Мадока-сама, народ не одобрит, если наследовать будет сын наложницы, — боязливо отвечал ему владелец более тонкого голоса.

— Народ? — грозно спросил дайме. — Стадо безмозглых евнухов, что ли? К демонам их. Тем более что сынок от девки одного из них и есть тот самый сын наложницы. Первый советник будет рад, если именно его внук станет моим наследником. Ох, горе мне! Сколько лет я был оглушен их речами! И на кого теперь оставлять страну? Вместо сыновей никчемные неженки. Ками, за что вы даете разум лишь на смертном одре?!

— О чем вы говорите, Мадока-сама?! — сразу в несколько голосов завозмущались советники. — Лекари и ирьенины говорят, что вы бодры и телом, и духом.

— Благословение Белого Змея дает молодость, но не дает бессмертия, — с горечью произнес дайме. — Мне нужно успеть сделать слишком много, времени может не хватить.

Звуки голосов были нарушены яростным стуком кулака по столу. Я невольно поморщился, мотнув головой. Расстояние от меня до Тройного кабинета было около двухсот метров, для простой дистанционной прослушки далековато, настроиться на звуки голосов было сложно и все прочие шумы сильно мешали уловить саму речь. Устроить нормальную прослушку можно было, используя клонов или просто маскируясь в поверхностях, но я пока не смог освоить технику Кагеро на должном уровне, а все прочие способы инфильтрации могли быть с высокой долей вероятности замечены другими шиноби.

Последних во дворце достаточно много и среди них есть весьма способные, не хотелось бы попасться кому-то из них, так как это сразу станет известно и дайме. Мадока Каго, как и многие иные жители, действовал с шиноби по отточенной многовековыми традициями и опытом общения с ниндзя схеме. Разделял и властвовал. Каждый отдельный шиноби в его гвардии был многократно сильнее самого дайме, и его набранная из иных групп воинских общин личная охрана дела кардинально не меняла. Чтобы держать в узде всех подданных, он заставлял их самих контролировать друг друга.

Наверное, такой схемы желали добиться и добивались многие правители, даже если бы в мире вообще не было шиноби. Лично у меня вызывало уважение умение контролировать многократно превосходящую по мощи силу значительно меньшими приложенными усилиями. И Каго, и Сальма действовали схоже и напоминали богов ветра, сидящих на вершине горы, возвышающейся посереде бурного моря. Легким дуновением они могли заставить это море взбеситься, и могучие волны просто гасили друг друга, так и не сумев даже брызгами достать вершины горы.

Красиво. Почти так же красиво, как дифференциальная экспрессия генов при развитии

организма. Мне бы уметь создавать такие же саморегулирующиеся системы, как биологический организм, только на социальном уровне. Думаю, для этого придется создать новую генетически модифицированную популяцию, которая бы по социальному устройству напоминала муравьев. Да, это был бы грандиозный эксперимент, но не в этом мире, пожалуй.

— Новых вестей от Мифуне не было? — снова услышал я голос дайме.

— Нет, Мадока-сама.

— Значит, объявление унии по-прежнему состоится ближе к осени, — задумчиво произнес дайме. — К этому времени нужно успеть многое сделать.

— Мадока-сама, я не думаю, что сейчас страна готова...

— Шиноби не оставили нам выбора, — раздраженно оборвал своего советника дайме. — Весь север моих владений разрушен, Коноха сжигает мосты, спасаясь от каменного молота Ивы. Юг и восток охватывает мор. На западе в пустыне начинаются шевеления Суны. Песок все время этой войны сидел тихо, лишь обороняясь. Если соседи просто ждали, пока мы потратим силы на свои разборки, то сейчас самый удачный момент для захвата Страны Рек. Я не могу этого допустить! Но страна в таком состоянии, что я не смогу ничего с этим сделать! Мне нужны ресурсы, и, примкнув к унии Стран Гор, Железа и Звука, я смогу их получить!

— Многие не одобряют этого шага, Мадока-сама, — с беспокойством сообщил еще один советник. — Уния предполагает формальное подчинение Орочимару, а он нукенин Конохи.

— И Рюджинкё, Мадока-сама, — вторил первому второй советник. — Южные провинции воспротивятся, если страна, даже номинально, будет под покровительством Рюджина.

— Именно эту проблему и нужно решить! — уверенно заявил дайме. — Этот дурень из клана Сарутоби очень не вовремя планирует покинуть пост Хокаге. Он словно сам себе поставил такую цель, и это даже полезно. Но если бы еще год... Перед уходом Хирузена нужно, чтобы именно он признал унию и унес это решение вместе с собой, поставив преемника перед фактом наличия союза.

— Это слишком опасно, Мадока-сама! Шиноби могут воспринять это как поражение.

— Какое еще к демонам поражение?! Они заключили союз с Ото во время этой войны! — яростно рыкнул Каго. — И даже если это станет поражением, то поражением не Страны Огня, а Страны Звука. Орочимару умен, но он не правитель. Он думает как шиноби и живет так же, пусть считает себя хоть восемь раз богом и пророком! Он рассчитывает объединить земли своей страны и соседних государств, думая, что во главе них будет Страна Звука. Наивный парень. Страна Огня — одна из Великих Держав. Какой-то мелочи не сравниться с ней, даже если у этой мелочи есть единственные источники железа, стали, алюминия, удобрений и горючего газа. Уния просто присоединит к Стране Огня несколько стран без лишней крови, их экономики просто будут поглощены экономикой Страны Огня.

Слова Мадоки Каго невольно вызвали у меня усмешку. В чем-то он был без сомнения прав, но в чем-то и ошибался. И его заблуждения были мне полезны. Естественно, интеграция таких незначительных государств, как Страна Звука и Страна Гор, с великой державой уровня Страны Огня просто не может быть равной. Но всегда есть тонкости. Конечно, пока все шито белыми нитками, но в идеале моя теократическая уния должна быть с Папой Римским на престоле в самом Риме, а не под контролем французского короля в Авиньоне. Если задуманное удастся, то мы еще посмотрим, кто кого поглотит.

— Хирузен удивил меня своим предупреждением об уходе, — немного успокоившись, продолжил говорить Каго. — Что за вожжа под хвост ему угодила?

— Думаю, он планирует принять перемирие с Ивой при первой же возможности, — негромко произнес доселе молчавший советник, я его узнал, это был один из немногих старых самураев на службе дайме Страны Огня. — Я слышал, что в последнее время много детей начали получать ранг джонина. И, похоже, они участвуют в боях все чаще. У Сарутоби-доно нет иного выхода, кроме как принять перемирие. Я знал его... Еще в Первую мировую. Он из тех, кто уже сейчас был бы готов уступить противнику, чтобы сохранить жизни соратников. Это для него важнее мести за павших.

Гм, не думал, что этот старик знаком с сенсеем. Но он прав. И сейчас у Хирузена моими усилиями не осталось Шимуры, который бы ратовал за продолжение войны.

— Никогда не сомневался в этом дурне, — сухо рассмеялся дайме в ответ на слова советника. — Что за шиноби, который так печется о жизни, что забывает о самом ее смысле? Наверное, и к лучшему, что он уходит. Еще несколько лет с Хирузеном, и Коноха бы вообще разучилась выполнять задания. Лишь бы преемник не был таким же. Кстати, а кого он может нам предложить? Джирайю?

— Я не думаю, что Жабий мудрец согласится на это, — размеренно ответил все тот же самурай. — И не думаю, что деревня будет рада такому преемнику. Джирайя не напрасно известен, как Безумие Деревни.

А этот старикан хорошо осведомлен о делах в Конохе. Я уж начинаю сомневаться, что он и в самом деле самурай. Шиноби, лично преданный дайме?

— Тогда кто? — нетерпеливо спросил Каго. — Орочимару был бы отличным вариантом, но не в этой жизни теперь. Цунаде? Даже не смешно!

— Принцесса слизней могла бы стать Хокаге, хотя все еще воспитывает первенца, — не согласился с дайме советник. — Она внучка Первого, внучатая племянница Второго и ученица Третьего. Чтобы стать Четвертым Хокаге, у нее больше всего шансов. Однако она смогла рассориться со всем Советом Конохи, а их голос может быть учтен при выборе преемника.

— Значит, не у меня одного проблемы с наследниками, — невесело рассмеялся дайме. — Кто тогда есть в Конохе еще? Гм... Я помню имена Фугаку Учиха, Сакумо Хатаке и Хиаши Хьюга, наверное, они сильны.

— Злоглазый Фугаку — способный шиноби. Странно, но он известнее за пределами Страны Огня, чем в самой Конохе. В Иве вздрагивают при одном упоминании его имени, но для Листа он просто Учиха и капитан военной полиции. Вряд ли Сарутоби-доно сочтет его приемлемым преемником.

— Учиха же один из кланов-основателей, — недоуменно и с любопытством произнес дайме. — Неужели им все еще припоминают Мадару?

— И его, и внутреннюю войну после Первой мировой. Как говорят, над ними довлеет Проклятие Ненависти. Но даже если забыть об этом, то Фугаку — капитан полиции. Если он станет Хокаге, то это может вызвать конфликт между полицией и Анбу.

— А что с остальными?

— Белый Клык — гениальный шиноби. Пожалуй, он один может сравниться с Орочимару по количеству созданных базовых техник, которые сейчас применяются при обучении в Академии Конохи. Многие считают его столь же одаренным во всех искусствах ниндзя, как и самого Третьего Хокаге. Гм... Он мог бы стать Четвертым. Если бы был

учеником кого-то из Хокаге, то я бы с уверенностью сказал, что именно он им и станет.

— Преемственность, да, — понимающе произнес Дайме. — Понимаю. Нужно будет узнать о нем больше. Хотя мне сообщали, что он едва не провалил важную миссию, нарушив правила шиноби. Потом разберусь с этим. А что касается Хиаши Хьюга, то он тоже не ученик никого из Хокаге, не так ли?

— Да, именно так. Из претендентов следует вспомнить именно учеников и тех, кто с ними связан. Утатане Кохару и Митокадо Хомура, возможно, но... не в первую очередь. Они входят в Совет, и принятые Хирузеном решения, которые заставляют его покинуть пост, влияют и на них. Данзо и его ученики убиты Орочимару. Про Джирайю, Цунаде и самого Орочимару уже сказано. У Митокадо в живых остался лишь Хаяте Абураме, он так же долгое время обучался у Орочимару. И, насколько я знаю, он отошел от ремесла, занявшись клановыми техниками.

— Оно и к счастью, — заметил дайме. — Абураме жутковаты.

— Среди учеников Утатане один погиб, вторая стала домохозяйкой. Остался лишь Като Дан. Он прославился благодаря своим техникам во время Второй войны, но о нем мало слышно во время Третьей. Думаю, он теперь часть Анбу. Поэтому я не могу ничего сказать о нем.

Даже про Като вспомнили. Я сам не уверен, что ему суждено стать Хокаге, после того как Хирузен определил Дана в Корень. Не знаю уж подробностей, но, похоже, тот несостоявшийся воздыхатель Цунаде, которого я когда-то знал, сильно изменился после того, как побывал одной ногой в могиле. Вряд ли сенсей одобрит такого Хокаге.

— Из иных кандидатов остаются ученики Легендарной Троицы. Харуно Кизаши, Учиха Микото — оставшиеся в живых ученики Орочимару. Намикадзе Минато, Акимичи Шиджеру и Казамацури Тору — ученики Джирайи. Цучигумо Кагура, Узумаки Кушина и Хан Фумайо — Цунаде. Из всех них что-то из себя представляют лишь Кизаши, Микото, Минато и Кушина, остальные пока не успели прославиться. Да и те, кого я озвучил, слишком молоды.

— Узумаки — это же джинчурики? — вмешался в разговор удивленный голос одного из советников. — Я не помню, чтобы хоть одного из таких делали Каге. Кажется, они опасны?

— Да, она джинчурики. И также она Узумаки, весь ее клан сейчас в Отогакуре под крылом Орочимару. Так что, хотя девочка смогла во многом преуспеть в этой Великой войне, вряд ли это поможет ей стать Хокаге. Она едва не захватила одного из джинчурики Ивагакуре, убила джинчурики Санби Киригакуре. Многие сильные шиноби пали от ее руки, но в Конохе помнят ее поражение Орочимару, высвободившегося при этом биджу, попадание в плен к Ото и наличие там родственников, из-за чего испытывают к ней настороженность. И она еще слишком юна.

— Орочимару, Орочимару и снова Орочимару, — со вздохом произнес дайме. — Все, кто с ним связаны, не могут стать Хокаге, значит, и его ученики тоже. Остается Минато?

— Намикадзе силен, один из самых проворных шиноби, он превзошел в битве Четвертого Райкаге. Но все же он излишне молод. Возможно, будь на его счету подвиги, сравнимые с таковыми у Кушины, то он мог бы претендовать на пост Хокаге. Это лето покажет. Если ему предоставят шанс для подвига, значит, Хирузен решил продвигать именно его. Но по ученикам Орочимару тоже нет ясности. Общеизвестно, что они не питают любви к своему учителю и обладают большими талантами. Учиха Микото — ее вы должны помнить — экзамен на чунина и два дракона.

— Да, помню, — оживившись, подтвердил Каго. — Два смерча на арене вызвали

большой переполох. Кажется, это тайдзюцу высших рангов. Она и ее противник смогли использовать технику в столь юном возрасте, это меня поразило.

— Да, ее противник в том бою тоже считался гением, но погиб в этом месяце. Сама Микото в войне не участвует, растит сына и берет лишь внутренние задания. Но она несомненно не утратила былых сил. Есть слухи, что она достигла второй активации *Шичи Тенкохо*, а это уже делает ее гением тайдзюцу, ее клановое додзюцу достигло третьей эволюции. По всем параметрам, думаю, ее можно считать гением, сравнимым по потенциалу с Хатаке Сакумо и Сарутоби Хирузеном.

— Но она Учиха и все же ученица Орочимару, — заметил дайме.

— Ненавидящая своего учителя и отстранившаяся от клана Учиха, — поправил феодала советник. — Это может повлиять на решение. Большим препятствием является ее малая активность в войне. Сейчас, когда ее сын уже подросток, а Коноха несет потери, это перестает находить понимание у остальных шиноби.

— А что насчет последнего? Этого Харуно. Я его не помню совсем.

— Это выдающийся ирренин, который точно достиг второй активации *Шичи Тенкохо*, в этой войне он всегда оставался на вторых ролях, но многие отмечают его стратегическое мышление. Он командует полевыми ирренинами и делает это успешно. Не будь его, Коноха могла бы понести гораздо большие потери. На его счету многие спасенные жизни, начиная от того же Като Дана и закачивая Хатаке Сакумо. Однако он предпочитает оставаться в тени Цунаде, не знаю, насколько велики его шансы стать Хокаге.

Слушая разговор дайме со своими советниками, я невольно улыбался. Приятно, однако, когда твои ученики становятся великими, их имена вспоминают и произносят с трепетом. Тешит самолюбие, прямо скажем. Еще бы Айрон остался жив. И Наваки с Рокуро. Если подумать, то из слов этого самурая выходит так, что многие из тех, кто мне в сыновья годится, не дожили до этих дней. Слишком многие.

Многие были моложе Сары и ушли незаметно, словно так и должно быть. В устах дайме и его советников, их жизни словно не стоят ничего. Были такие шиноби, и их не стало. Печально, что утрачен ресурс, но это шиноби, для того они и живут, чтобы умирать за других.

Это даже правильно в чем-то, такова судьба воинов, и теперь их ждет новая жизнь и новый рок. Но все же они положили свои жизни, свои мечты, счастье и боль на алтарь чужой победы, отдали всех себя, чтобы дайме достигли своих целей, чтобы их страна процветала. Местные жители считают это нормальным, и феодалы, и многие шиноби. Но некоторые из ниндзя уже начинают понимать, что в нынешнем мире старые отношения не всегда правильно воспринимаются. А я их вообще никогда не понимал.

Вдохнув свежий ночной воздух, наполненный сладким ароматом цветущих глициний, я запрокинул голову и посмотрел в темные небеса, усеянные мириадами звезд. Те, кто принес себя в жертву своим и чужим идеалам, достойны хотя бы памяти тех, за кого они умирали.

Эта ночь обещала быть тихой, как и многие другие. Уже погас свет в Тройном кабинете, и больше не были слышны голоса советников в залах дворца. Были слышны только редкие переговоры гвардии, когда ночь внезапно озарили первые языки пламени, а тишина была разрушена пронзительным, полным боли и страдания криком, переходящим в визг.

Я заметил лижущие деревянные балки языки огня одним из первых. Тяга воздуха быстро раздувала огонь, чада дыма почти не было. Когда моя техника заставила воды пруда взметнуться вверх и обрушиться на объятые пламенем постройки обильной моросью, крики

уже не были слышны. Огонь сопротивлялся очень долго. Даже с учетом того, что шиноби старались тушить его максимально осторожно, чтобы разлетающиеся угли не упали на соседние здания, это было странно. Я попытался было в общей суматохе незаметно использовать технику Катона и просто сдернуть пламя с дерева, но, к моему удивлению, и это не удалось. И перекрыв доступ кислорода, тоже не смог добиться успеха в тушении.

Несмотря на все усилия шиноби, огонь потух только спустя долгие десять минут яростного сопротивления воде и песку. Пробираясь сквозь обвалившиеся балки, мы смогли пройти к покоям, где поживал дайме с наложницей, но это было уже бесполезно.

Здесь лежали лишь обгоревшие тела шиноби, пытавшиеся было вытащить правителя из огня. Личная охрана дайме тоже не преуспела в его защите. На углях кровати можно было обнаружить останки наложницы, чьи крики долго разрезали ночь перед смертью. Обугленные руки были скрючены, некогда прекрасная женщина пыталась сама выбраться из пламени, но лишь бессильно ломала ногти о заклинившую дверь. В ее руках неестественно чистой казалась спица для волос, кандзаси с оплавленным, вскипевшим шариком янтаря на конце. Ею она словно пыталась открыть неподдающуюся створку.

Тело дайме тоже было здесь. Его нашли на полу в скрюченной позе и рядом оброненную масляную лампу.

На следующее утро было объявлено, что владыку Страны Огня настигла старость. Сердечный удар застал его посередь дня. В попытке позвать помощь он обронил лампу, из-за чего и начался пожар. Но подробности произошедшего выясняли еще долго.

Глава 51. Начало жаркого лета

12 июня 49 года от начала Эпохи Какурезато

Тонкое нательное белье пропиталось потом и неприятно липло к телу. Нашитая шерстью на полупрозрачной шелковой ткани сетка должна была сохранять тепло при долгих засадах и отводить влагу в жарких битвах. Но затянувшийся дождь не давал проявиться этому свойству так любившегося Кушине элемента одежды. Тяжелые капли дождя часто били по голове и плечам, насквозь вымочив грубую пеньковую ткань верхней одежды и разгрузки.

Просушить ее будет сложно, но все равно придется стирать, так что жалеть об этом поздно. А что-то и вовсе придется выкинуть. Кровь со штанов и рубахи еще можно отстирать, а дыры в них заштопать, но разгрузка исполосована клинком противника — ее только на тряпки. Обидно.

Потяжелевшие и слипшиеся от влаги в сосульки алые волосы девушки выбились из-под повязки с протектором и липли к щекам. Капли дождя падали на запрокинутое к небу лицо, унося жар с раскрасневшейся кожи, они падали в жадно хватающий воздух рот, из которого вырывались частые облачка пара.

Обидно за одежду.

Кушина нервно рассмеялась. Она упала на колени в раскисший дерн и засмеялась в голос, сжимая в руках мокрую измятую молодую траву долины. Небольшой долины, раскинувшейся меж обветренных серых скал, которая этим днем стала полем сражения между Конохой и Ивой. Еще одним полем в бесконечной череде сражений, из которых она, Кушина, вновь вышла живой. А ей обидно за одежду!

Болезненный кашель заставил девушку оборвать нервный смех. Ее взгляд стремительно заметался по округе, выискивая источник звука. Найти его оказалось не так-то просто. Вокруг Кушины лежало не меньше двух десятков тел. Рваных, покрытых грязью и кровью тел врагов и друзей. И кто-то из них был еще жив.

— Пожалуйста... — донесся до ушей Кушины сквозь шум дождя хриплый шепот. — Помоги...

Девушка смогла найти его. Полностью обожженного шиноби. Техника Катона прошлась по его телу, сжигая одежду, спекая ее остатки с покрывшейся сочащимися сукровицей язвами кожей, область живота и груди была и вовсе обугленной. Тяжелые травмы, но парень, наверное, был под львиной долей стимуляторов, раз находился в сознании. Кизаши еще мог бы спасти ему жизнь, если бы не одно «но».

Этот шиноби был из Камня.

— Помоги... — сорвались с его обожженных губ слова. — Убей. Умереть... от руки Акай Чишио но Ренге... будет... в радость.

Волна чакры взметнулась внутри Узумаки, промчавшись по меридианам и вспыхнув тревожными алыми огоньками на кончиках вскинутой в сторону врага руки. Знаки печати ударились в шиноби, разорвав его грудь и запечатав очаг чакры. Брызги крови и тканей взметнулись в воздух, опадая на землю, повторяя линии фуиндзюцу, которые напоминали изображение цветка лотоса. Девушка не была столь наивной, чтобы не позаботиться о возможной самоубийственной технике, которая могла бы сработать при смерти противника. Кушина Узумаки была слишком желанной целью для многих.

— Я не кроваво-красный лотос, — зло прошипела она, уронив горящую изнутри от

использованной техники руку на влажную землю и сверля взглядом быстро смываемые линии кровавой печати. — Я Гурен! Сколько раз вам повторять... Алый Лотос. Не кровавый.

Внезапно для самой себя всхлипнув, Кушина тяжело оперлась о землю, пытаясь встать. Ноги подрагивали из-за противной слабости, качнувшись, она едва не упала на чей-то труп, но все же смогла подняться. Пелена дождя ограничивала взор, но джинчурики смогла сориентироваться, в какой стороне должны были появиться ирьенины Конохи и прочие вспомогательные отряды в случае победы Листа, и направилась туда.

— Как они запомнят, что тебя нужно называть Гурен, если ты это говоришь непосредственно перед тем, как жестоко расправиться с тем, кто должен запомнить твое прозвище? — раздался в голове Кушины насмешливый голос.

Отвечать ему не было сил и желания. Переставлять ноги, стараясь не запнуться о чужие конечности, тела и разбросанное оружие, уже было сложно.

— Ты даже создала технику, которая только подтверждает твою кличку, данную тебе в Камне, — не унимался голос. — Ты это нарочно?

— Я Алый Лотос, — все же упрямо пробормотала Кушина, давя ком в горле.

— Да брось, — рассмеялся голос. — Кроме Орочимару никто даже не пытается тебя так называть.

— Мне достаточно того, что для него я Алый Лотос, — зло огрызнулась Кушина, борясь с вызванным усталостью туманом в голове и пытаясь собрать в кучку разбегающиеся мысли. — Я не хочу быть кровавой. Я не должна. Никто не должен.

— Не хочешь, но делаешь. Не должна, но получается у тебя отлично, — продолжал веселиться внутренний голос.

— Заткнись! — чувствуя, как жгут глаза невольные слезы, выпалила Кушина. — Не тебе, демону, меня судить! Заткнись, Кьюби!!!

Как ни странно, но внутренний голос и в самом деле замолк, хотя Узумаки не могла сейчас подавить биджу с той же легкостью, как делала это обычно. Глотая слезы, Кушина шагала вперед, уперев взгляд в землю и стараясь не видеть того, что ее устилает.

— Меня зовут Курама, — внезапно прогрохотали слова в голове девушки, заглушив шелест дождя и завывания ветра в скалах. — Запомни это, Гурен.

— Что? — от удивления замерев на месте, ошарашенно спросила Кушина. — Курама? Ответа не было. Уши снова ловили только шелест дождя.

— Курама?! — снова попыталась докричаться Кушина.

— Кого из Курама тебе нужно и зачем? — вместо голоса в голове услышала Узумаки голос из-за пелены дождя. — Они мастера сводить с ума, но не лечить безумие. А тебе нужно последнее, я смотрю.

— Микото! — облегченно выдохнула Кушина, мгновенно узнав, кому принадлежит этот голос.

Почти не слышно шагая по грязи, впереди появилась фигура подруги. Микото Учиха выглядела мрачной, дождь также вымочил ее волосы и одежду, но она не участвовала в битве, потому не была запятнана грязью и кровью. Пока не была.

— Ты как? — хмуро спросила Учиха, подхватив Кушину под руку.

— Жить буду, — слабо улыбнувшись, ответила Узумаки.

— А по внешнему виду и не скажешь. Где твоя команда?

— Потеряла. Нас разделило осыпью у западного уступа, — Кушина махнула рукой примерно в ту сторону. — Надеюсь, они живы.

— Итачи, слышал? — сразу крикнула куда-то в сторону Микото.

— Да, мама. Иду.

Испуганно вскинув голову в сторону прозвучавшего в этом дождливом аду детского голоса, Кушина разглядела еще несколько силуэтов неподалеку. Усталость и нежелание смотреть на последствия битвы не позволили Узумаки раньше их обнаружить. Естественно, Микото пришла не одна, а вместе с ирьенинами и теми, кто им помогает.

— Зачем, Микото? — хрипло спросила подругу Кушина, судорожно сжав в кулаке ее промокшую одежду, за которую отчаянно цеплялась, боясь свалиться в грязь. — Ему же только четыре года.

— Кто-то должен это делать, — бесстрастно ответила Учиха. — Я могу призвать змей, чтобы они расправились с трупами, но они не разборчивы в еде и могут сожрать раненных.

— Ему четыре года, Микото!

— Он Учиха. Мы рождены для войн и мы рождаемся в войнах. Пока будут войны, мир будет нуждаться именно в таких Учиха. И мы будем такими, — все так же холодно ответила Микото. — В детстве я занималась тем же, чем и Итачи. Кто-то должен это делать, Кушина. Ирьенинов мало. Вы после сражения устали. А раненные нуждаются в помощи. Павшие — в сохранении. Умиравшие — в последней милости.

— Но ему четыре года, — едва не плача упорно прошептала Кушина.

— Да, в четыре года я только донимала учителя, требуя научить меня фехтованию, и не выходила из деревни, — согласилась Микото, — но и мои одноклассники в двенадцать не становились джонинами. Сейчас такое время.

— Не время такое, — устало вымолвила Кушина, вспоминая свою подругу Каяно в Отогакуре, дети которой не были вынуждены участвовать в сражениях, — мы такие.

Ото сражается с Кири. Звук, деревня из страны, которую и на карте найти не всегда удается, против Тумана — какурезато великой державы! И даже там дети не участвуют в битвах. А Коноха иначе поступить не может. Почему так происходит, Кушина понять не могла.

— Знаешь, когда я сказала отцу Итачи, что собираюсь взять сына на войну, чтобы показать, что такое сражения, я думала, что он тоже не поймет такого решения, как и ты, — внезапно негромко сказала Микото. — Но он согласился со мной. Сказал, что раз Учиха выбрали такой путь избавления от Проклятия Ненависти, то он не станет ему мешать. Он странный бывает, но Фугаку поддержал его слова, когда я ему их передала на днях. Ты же знаешь, что Злоглазый — один из немногих, кто продолжает нормально общаться со мной. И он тоже притащил своего сына на войну. Так вот, Фугаку согласился со словами О... отца Итачи. И сказал, что глаза Учиха созданы, чтобы смотреть в бездну тьмы и отчаяния. Так пусть они видят ее снаружи, а не внутри себя. Ненависти в этом мире в достатке, и не обязательно возвращать ее внутри себя. Мужчины бывают странными...

Слова Микото лились сквозь сознание потоком, и в какой-то момент Кушина вовсе перестала стараться понять их смысл. Узумаки даже не заметила, как она оказалась в сухости и тепле. Под навесом палатки на мягкой циновке, а рядом зажженная инфракрасная газовая лампа. Рдеющие квадратные ячейки в ней излучали приятный алый свет и тепло, быстро навевшие на Кушину дрему, в которую та провалилась почти моментально.

Из забытья девушка выныривала медленно и неохотно. Ей казалось, что прошла лишь секунда, что она лишь прикрыла глаза, но к этому времени уже прекратился дождь и резко стемнело. Лагерь наполнился шумом голосов, а не стуком капель дождя о ткань палатки.

Чьи-то крики навязчиво проникали в уши.

— Очнулась?

Неохотно разлепив веки, Кушина повернулась в сторону говорившей. Это снова была Микото. Уже в просохшей форме она разогревала на горелке кисло пахнущий паек.

— Хорошо, что битва была недалеко от лагеря, да? — мрачновато улыбнувшись, посмотрела своими черными, словно сама ночь, глазами на Кушину Учиха. — Если уж беда случилась, то хоть отлежаться после нее можно с комфортом.

Поняв, что опостылевший запах риса с карри пахнет сегодня излишне аппетитно, Узумаки заворочалась, закутываясь в шерстяной плащ, который обнаружила на себе.

— Спасибо, — заметив, что на ней осталось только нательное белье, а рваная и сырая форма валяется в тазу с водой, поблагодарила девушка подругу.

Кушина была настолько вымотана, что даже не заметила, как ее переодели. Наверное, настолько же вымотана, насколько эти несколько детей, свернувшихся калачиками под плащами по другую сторону обогревателя. Среди них только одна девочка, беловолосая и белоглазая малышка примерно одного возраста с Итачи, сидела и раскладывала влажные от дождя цветы поближе к теплу. Ее Узумаки тоже помнила. Приемная дочь Нами Хьюга — Хибакари.

— Не за что, — отмахнулась Микото. — Не хватало, чтобы ты еще простыла. Кизаши и так орет на весь лагерь, как резанный, чтобы ирьенинов не отвлекали мелкими дырками в теле. Сегодня у них полно работы. Ешь.

— А ее как сюда занесло? — указав на всецело поглощенную раскладыванием цветов девочку, спросила Кушина, принимая протянутый Учиха котелок. — Нами не из тех, кто готов оставить своих детей.

— У нее сейчас полно хлопот с родной дочерью, — ответила Микото. — А этому чуду нужно зарабатывать авторитет. У Хьюга... сложные семейные отношения, а Хибакари даже не совсем Хьюга. Сама понимаешь.

— Хотела бы не понимать, — мрачно ответила Кушина, накинувшись на рис.

— Раньше это было нормой, — глядя в ровный свет обогревателя, отчего в ее глазах словно разгоралось алое зарево, заметила Микото. — Хьюга держатся за прошлое, у них сильны традиции.

— У вас тоже, — жадно проглотив ком риса, даже не почувствовав вкуса, сказала Кушина.

— У нас другое. Если ты про детей здесь, — не согласилась Микото. — Совсем другое. Помнишь Юко Учиха? Первая с Мангекьё Шаринганом после войны Учиха. Многие пытались понять, как получить такие же глаза, но не повторить катастрофы, приведшей к почти полному уничтожению клана, когда остановить его смогла лишь Наори. Знаешь, до Мадары ведь никто даже не думал, что есть еще одна эволюция глаз после третьего томое. Сотни лет истории, но ни одного случая. А с эпохой Какурезато — друг за другом: Мадара, Изуна, Нака, Бару, Наори, Рай. Этому ведь должны быть причины. Фугаку считает, что Орочимару дал Юко подсказку, почему это произошло. Фугаку часто с ней разговаривал перед ее уходом из клана.

— Звучит так, словно ты пытаешься выложить мне большое оправдание того, почему притащила сюда Итачи, — хмыкнув, заметила Кушина.

— Мне не нужно оправдываться. Мы Учиха, и нам нужно как-то учиться жить со своей кровью, что бы там ни думали некоторые, — с улыбкой ответила Микото. — Фугаку считает,

что раньше Мангекьё Шаринган не мог быть пробужден, потому что дети не могли испытать чувств, которые приводят к эволюции. Ты же помнишь, я тебе говорила, как совершенствуется наше додзюцу. Нужны сильные эмоции. А Мангекьё нуждается в полном погружении в отчаяние и ненависть. Раньше, когда дети с малых лет видели смерть, она становилась для них нормой, поэтому почти все Учиха имели шаринган с тремя томое, но ни один не владел Мангекьё. Когда родился Мадара, войны уже начали стихать. Он родился тогда, когда у шиноби появилась роскошь иметь детство. Это и привело к появлению Мангекьё. И к войне Учиха против Учиха.

— Так Фугаку хочет, чтобы у его сына точно не было Мангекьё. А ты за ним повторяешь, что ли?

— Он хочет, чтобы дети Учиха желали мира, как никто иной, Кушина. Чтобы они видели, что чужая боль столь же велика, как их собственная. На войне это понять легче всего, не так ли? Вот только она уносит слишком много жизней. Недавно вновь погиб один из нас, он был еще совсем мальчишкой, ты должна его была видеть — это ученик твоего Минато. Я хочу, чтобы мой сын научился всему раньше, чем тот парнишка. Это поможет выжить, — вымученно улыбнувшись, Микото посмотрела на подругу. — Ты ведь не участвовала во второй Великой Войне?

— Нет, — отрицательно качнула головой Узумаки, отложив в сторону опустевший котелок.

— И как началась для тебя эта? — поинтересовалась Учиха. — Ты чувствовала азарт, правда? Жажду отомстить за Узушио? Справедливый гнев? Может, удаль свою показать хотела, чтобы доказать свою пригодность стать Хокаге?

— У меня сейчас нет настроения вспоминать о прошлом, — недовольно буркнула в ответ Кушина.

— Да, конечно. Сейчас, вкусив войны, вспоминать это прошлое уже нет желания, — согласилась Микото. — Я понимаю. Те, кто знаком со смертью, не хотят войны. Именно поэтому эпоха Воюющих Кланов завершилась, и появились какурезато. Объединились мы и Сендзю, Шимура и Сарутоби. Многие жаждали мира. Но он длился недолго. Учитель как-то пошутил, что после Мадары и Хаширамы выросло поколение книжных детей, которые не ведали битв. Такие, как я до своей Великой Войны. И тогда война началась вновь.

— Ну, тут от шиноби-то ведь мало что зависело. У дайме свои планы. Да и Первая мировая же началась при первых Каге. Как-то не складывается.

— Ее можно было остановить, но конфликты уже начались до того, как об этом узнал Первый, — ответила Микото. — Да, дайме имеют свое влияние на шиноби. Но сейчас ведь дайме поменяется. Может, у нас есть шанс.

— Как по мне, все равно это как-то глупо, — мотнув головой, решительно ответила Кушина.

— Может быть, — не стала спорить с ней Микото. — Но пока мы шиноби, нам нужно как-то выживать. Учитель говорил, люди существуют, подчиняясь двум эволюциям: биологической, которая делает более приспособленными наши тела, и социальной, которая делает более совершенными наше сознание. Так что время покажет, если подобное воспитание приживется, и Учиха будут жить впредь, значит, оно верное. А если нет... Ну, тогда мы хотя бы попытались.

— Знаешь, что я тебе скажу, — завернувшись поплотнее в плащ и нахохлившись, произнесла Кушина. — Мне кажется, ты слишком много говоришь, что Учиха должны жить,

словно сомневаешься, что будет как-то иначе. Брось это дело!

— Предсказания учителя, — мрачно ответила Микото, отвернувшись от подруги, — имеют свойство сбываться. Ты сама это знаешь.

— Так он что-то говорил про твой клан? А расскажи...

— Нет, — не дала договорить Кушине Микото.

— Почему? — обиделась Узумаки.

— Неохота, — лениво ответила Учиха.

— Ну и вредная ты тогда.

— Как скажешь.

Несколько минут сидели в тишине. На лагерь опускался вечер. Дождь прекратился, на ветру слабо хлопал потяжелевший от влаги полог палатки. Струйки холода задувало и внутрь, но под шерстяным плащом и в лучах обогревателя было тепло. Пахло влажным грунтом, табачным дымом, горячей едой, мылом и медицинскими препаратами. Были слышны редкие голоса и стоны раненых. Все еще было шумно в полевом госпитале. Обычный тревожный вечер после битвы. Они пережили большое сражение, но был все еще риск попасть под очередной удар. Резерв у Конохи есть. Та же Микото и другие, пока не участвовавшие в сражениях шиноби, но численность армии Ивы на этом фронте все еще больше. Камню стоит опасаться лишь Суны. А Лист все еще вынужден держать отряды на востоке и западе. Даже на юге. Особенно после смерти дайме.

Кушина устала. Уже который год она не могла отдохнуть. Она не могла вспомнить, когда бывала дома дольше трех дней подряд. Кажется, в Отогакуре удавалось заглядывать чаще, чем в Коноху. Так жить было сложно, но она должна.

— Как там Охеми? Не писал? — наблюдая, как нахмурившись рассматривает свои цветы Хибакари, спросила Кушина.

— Отправил подарок на день рождения Итачи. Говорит, что все в порядке, — не замедлила с ответом Микото.

— Все? Дайме выбрали?.. Ну, то есть... Кто там сейчас дайме? Он есть?

— Пока непонятно, — тяжело вздохнув, сказала Учиха. — Наследник торопится в столицу, другие торопятся сесть на престол. Ниндзя-защитники подозревают друг друга в убийстве дайме, прочая гвардия смотрит на них и ждет приказов.

— В неудачное время Охеми попал туда, — вздохнув вслед за Микото, сказала Кушина. — Третий даже не может отбыть с фронта. Цучикаге, наверное, уже в курсе, что наш дайме погиб, и сам выдвинулся к фронту и этим удерживает здесь Профессора.

— Ага, — коротко поддакнула Учиха. — Вместо Третьего в столице появилась Кохару.

— Тревожно как-то.

— Не переживай, на складах еще найдется жилет твоего размера на замену. Только вот не потеряй его снова, закупить следующий денег могут и не дать пока.

— Я серьезно, Микото!

— Не нашего ума это дело, Кушина. Ты пока не Хокаге, так что не трать нервы. Будь, что будет, а там разберемся.

2 июля 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Тупая баба, — сплюнув на землю и хищно растянув губы, отчего на свету блеснули заостренные зубы, произнес кириин. — Брось свою палку, не позорься перед шиноби.

— Кто ты там? Жрица? Монахиня? — вторил ему второй, по краю обходя поляну в лесу. — Говорят, тут они не порченые. Знаешь, что правильные жрицы в нормальных

храмах должны обслужить прихожан, а не угрожать им луком?

— Да хватит ее запугивать, — поморщился третий. — Кончайте с ней, и продолжаем миссию.

— Эй, у нас же еще куча времени, командир, — недовольно забубнил первый. — Так быстро кончать — разве ж это дело?

Все шиноби дружно заржали. Их Кураме на глаза попало в общей сложности семь человек. И от общего веселья воздержались лишь холодно прыснувший командир, да одна из двух среди кирининов куноичи.

— Люди. Даже когда я думаю, что ниже вам падать некуда, вы всегда убеждаете меня в обратном, — слетели с губ Курамы полные надменного презрения слова. — Сдавайтесь немедленно, и Рюджин... Да и я тоже, будем милостивы к вам.

— Ох-хо-хо! Какая воинственная жрица!

— Надеюсь, она горяча не только на словах.

Чистое девичье лицо с огромными желтыми глазами на нем скривилось в брезгливой гримасе. Излучаемые этими людьми чувства не нравились Кураме.

— Похоже, это можно считать отказом, — длинные рыжие волосы качнулись из стороны в сторону, вместе с неодобрительным покачиванием головы Курамой.

Тонкая девичья ладонь с необычными, перламутрово мерцающими на свету ногтями, сжалась на белом древке лука. Белоснежная кожа изящных пальцев коснулась тугой тетивы.

— Эх, я же говорю — тупая баба, — радостно осклабился киринин, чтобы через миг исчезнуть в Шуншине.

В человеческом теле Кураме было сложно оценить мастерство этого шиноби в искусстве перемещения. Прицелиться и угодить в того стрелой было бы сложно. Наверное, стрелять из лука по ниндзя и в самом деле глупо. Только лук в руках Курамы был оружием иного рода.

Гладившие тетиву пальцы сорвались с туго натянутой струны, по лесной поляне пронесся гулкий звон. Звук усиливался в создаваемом вокруг лука из воздуха резонаторе, и разнесся в стороны стремительной узкой волной. Только что исчезнувший в воздухе киринин вновь появился. Двигаясь быстрее ветра с помощью техники в направлении к Кураме, он первый встретился со звуком спущенной тетивы. И, врезавшись в него, он словно споткнулся. Заросшая загроубевшими к середине лета побегами папоротника земля встретила подкосившееся тело, которое по инерции сделало еще несколько кувыркков и остановилось в нескольких шагах от Курамы.

Один за другим, словно подрубленные сосенки, начали валиться наземь и прочие шиноби Тумана.

— *Хамаюми: Икиджигоку*, — гордо прозвучали в тишине слова Курамы, когда растаяли последние переливы звона тетивы. — Погрузитесь в ад, созданный самими собой. Малис, они готовы.

Последние слова прозвучали достаточно громко, чтобы быть услышанными в нескольких десятках метров за стеной кустарника и деревьев.

Почти сразу же раздался шелест листьев. Кусты затряслись, когда шиноби Ото начали продирааться сквозь них. Губы Курамы скривились в легкой насмешке. Похоже, Малис и ее подручный давно не бывали на полевых миссиях. В человеческом теле даже биджу по лесу двигался изящнее.

Из-за кустов появилось всего двое человек. Ровно столько Кураме позволяли силы его

воплощения утащить на себе с достаточной скоростью, чтобы вовремя перехватить эту группу кирининов.

— Оперативно, — отряхнув одежду от паутины с налипшими на нее чешуйками семян азусы, заметила Малис.

Малис Ринха лишь недавно вернулась в Ото из Страны Демонов после того, как там стих накал боевых действий. И сразу же она оказалась на новых миссиях.

— Гендзюцу, оказывается, бывают очень удобны, — хвастливо заявил биджу.

— Наконец, начала это признавать, — рассеяно заметила Ринха, приближаясь к ближайшему киринину и прикосновением к его коже проверяя состояние. — Тебе еще многому предстоит научиться, эти гендзюцу — лишь мелочь, в сравнении с настоящими техниками высших уровней.

— Опять учиться, — невольно для Курамы на его человеческом лице недовольно надулись губы.

— Снова. Приказы Рюджина-самы не обсуждаются. Или, — Малис с иронией посмотрела на Кураму, — мне нужно сообщить ему, что ты не хочешь выполнять его приказ?

— Не надо, — получила Ринха незамедлительный и полный негодования ответ. — Все нормально?

— Да, никто серьезно не пострадал. Даже этот уникам умудрился не свернуть себе шею, — сказала Малис, закончив с беглым осмотром. — Сейчас займемся их допросом.

Не став мешать специалистам, биджу в теле мико занялся своими делами. Нужно было снять тетиву с лука и аккуратно ее смотать, а также завернуть в чехол и сам лук. Этот инструмент был подарен Кураме самим Орочимару. Не сказать, что он был как-то особо ценен лично для биджу, но... Это был подарок. Подарок от Орочимару. Вещь диковинная не только своими свойствами, но сама по себе в принципе.

Кураме редко приходилось принимать подарки. Тем более Орочимару был... Он был тем человеком, от кого можно было принять дар и даже гордиться, что ли, этим.

Тем временем Ринха и ее помощник занимались кирининами. Янтарные глаза Курамы то и дело косили в их сторону, пока белые руки с перламутровыми ногтями аккуратно выравнивали изогнутое тело лука и укладывали его и шелковую тетиву в мягкий чехол. С Кьюби не стали делиться информацией, откуда Малис узнала, что сегодня по этому маршруту в Стране Водопада будет двигаться отряд Кири. Она просто откуда-то это знала, Кураме нужно было просто доставить ее в определенное место и приготовить шиноби к обработке.

И вот тут начиналось самое интересное. Гендзюцу допроса и наложение джуиндзюцу для манипуляции людьми при необходимости. В последнее время после появления подарка от Орочимару, Кураме стали интересны эти техники людей. Еще после того, как разум биджу оказался во власти Мадары, у Кьюби уже был интерес к техникам иллюзий. Утратить над собой власть было неприятно, ни безмерное количество чакры, ни ментальные особенности не позволяли от этого защититься.

Гендзюцу — это опасно. А то, что опасно, нужно изучить, чтобы ему противостоять. Хотя, конечно, времени на это уходит много. Тем более, что приходится учить не техники сначала, а всякую нудную медицину.

Простыми техниками овладеть труда большого не составило, обучить им могли многие. Шиин показали даже свои простейшие навыки. А вот тому, что делала сейчас Малис, обучиться уже было нелегко. Гендзюцу допроса еще ладно, но джуиндзюцу — уже гораздо

сложнее.

Эта печать из трех вписанных друг в друга кругов, кажется, была получена от Учиха. Во многом изменена, но основа та же. Красноглазые знали толк в контроле чужого разума. Но в итоге вопрос из уст Курамы прозвучал совсем не о джуиндзюцу.

— Ты называешь его Рюджин-сама, но ведь не считаешь, что он и в самом деле... Рюджин.

Занятые работой шиноби Ото на мгновение замерли. Напарник Малис опасливо покосился на своего командира и поспешно вернулся к допросу киринина. Сама Ринха с усмешкой ответила:

— Уж кому бы об этом говорить, Курама. Я не встречала в Ото такого человека, который бы ругался с ним чаще тебя. Даже твой новенький дружок, которого Рюджин-сама вытащил в очередной раз не знаю уж откуда, хоть и мальчишка мальчишкой, но не позволяет себе такого.

— Я Курама. С Шукаку меня не сравнивай.

— Но ты тоже не считаешь его Богом-Драконом? — настаивала Малис, вернувшись к работе.

— Почему? — взлетели вверх от удивления брови на лице Курамы. — Он может быть Рюджином, но и я не какая-то девчонка. Я Курама. Поэтому это не мешает мне высказать ему все в лицо.

— Курама, которая выглядит девчонкой и носит одежды мико храма Кумотори, которая выглядит как мико храма Кумотори, и которая подчиняется Рюджину-сама как мико храма Кумотори, — посмеиваясь, произнесла Ринха. — Ты только ведешь себя не так, как мико.

— Я уважаю Орочимару, потому что я не человек, и он знает об этом, и он видит меня не человеком, но продолжает говорить со мной так, словно это ничего не значит. Это, знаешь ли, оказывается, очень ценно.

— Не человек, говоришь, — рассеяно повторила Малис, достав пару свитков из-за пазухи одного из кирининов и бегло пробежав по ним взглядом. — Так это тело он создал для тебя? Любопытно.

— О, ты знаешь об этом?

— Я помогала ему с этим проектом. С созданием новых человеческих организмов, биологических клонов, — кивнув, ответила Ринха. — Знаешь, мико из храма Кумотори по имени Курама, одна из статуй на пути к вашему жилищу — это мой муж.

— Вот как? Поэтому Орочимару для тебя не ками?

— Нет, не поэтому. Я просто такой человек, который боится всего мистического и старательно от него отгораживается. Но Рюджин-сама... Я знаю, что он виновен в смерти моего мужа, но он спас жизнь моего сына, Юто, — Малис тепло посмотрела на дернувшегося при упоминании его имени помощника. — А Кэцу и сам был виноват. Но даже если не это, я бы все равно многое простила Рюджину-сама и продолжала бы называть его Рюджином-сама, потому что его знания — это что-то за гранью человеческого понимания.

— Знания? Да ну... Помню я одного старика, который помудрей был.

— Он мог создать тебе человеческое тело, Курама? — внимательно посмотрев на Кьюби, спросила Малис.

— Ну... Если бы захотел, то, наверное, бы смог.

— Спроектировать его едва ли не с нуля, учтя миллиарды последовательностей генома, его особенности упаковки и взаимодействия генов на хромосомах друг с другом? —

спросила Малис и сама же дала ответ: — Не думаю. Твое тело — это музыка, картина, скульптура. Это искусство, в основе которого лежат невероятные медицинские знания. Прикоснуться к ним — это честь для меня.

— Гм, — перламутровый ноготок поскреб кожу под рыжей шевелюрой, — так это что получается, мое тело — это первый подарок от Орочимару, а не этот лук? Я начинаю чувствовать себя глупо.

— Отрадно слышать. Я чувствую себя так с самого начала нашего разговора, — хмыкнув, прокомментировала слова Кьюби Малис. — К чему вообще был твой вопрос?

— Ну... Просто я Курама! — лицо биджу озарила широкая улыбка.

— Ты постоянно это твердишь. Это что-то должно значить?

— Хе-хе-хе! Конеч... — довольно было начал говорить биджу, но слова застряли в его горле через миг.

— Что случилось? — тут же среагировала Ринха. — Враг?

— Треххвостый. Как говорил Орочимару, Санби и в самом деле появился неподалеку!

4 июля 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Мы почти пришли, Рин.

Какаши не узнавал свой хриплый голос. Он слишком устал. Туман в голове не позволял даже понять, где он точно сейчас находится. Но он знал, что уже почти пришел.

— Потерпи еще немного, Рин.

Тяжелое тело на спине давило и прижимало к земле. Сил передвигаться по верхним тропам не было. Сил не хватало, чтобы просто переставлять ноги. Скрытые под слоем прелых листьев и редкой лесной травой корни норовили угодить под стопу. Какаши не был уверен, что сможет подняться, если упадет на одном из них. Он не знал, как долго он лежал на том изрытом и пропитанном кровью поле, но беспамятство не принесло отдыха. Побелевшие пальцы с бурыми пятнами крови на них цеплялись за одежду Рин из последних сил.

— Где-то здесь должен быть наш лагерь. Я точно помню.

Запах крови и душок разложения навязчиво лезли в нос. Какаши отчаянно пытался сконцентрироваться на других ароматах. В лесу цвела липа, с лугов доносился аромат цветущих трав. Пахло ландышами. Этот аромат забился в нос, пропитал маску на лице и не желал выветриваться. Ландыши были там, где он очнулся. Везде были ландыши.

— Мы почти пришли, Рин.

Слова вырывались изо рта, хотя Какаши понимал, что никто не услышит его. Рин уже никого не услышит. Ее холодные руки касались его щеки. Ее мышцы сковала смерть. Несмотря на застывшую на лице маску умиротворения, ее тело было сковано смертью. Какаши не знал техник, способных это изменить, поэтому ее тело было таким тяжелым, таким неудобным. Ее колени больно упирались в спину, но Какаши продолжал идти. Он не мог иначе.

Он не мог остановиться, иначе мысли поглотят его. Запах тления сведет с ума. Вид бледной кожи... Он должен смотреть только вперед.

Холодная рука Рин словно гладила его щеку при каждом шаге, но Какаши не обращал на это внимания. Голова была пуста. Не думать — это было его спасением.

***

Медленно проводив взглядом удаляющуюся фигуру юного джонина с тяжелой ношей на спине, я неодобрительно покачал головой. И призвал одну из змей, приказав той передать

Микото, что к ним движется Какаши. Если парнишка заблудится, если его не найдут вовремя, то он и в самом деле съедет с катушек. Окончательно и бесповоротно. Пусть он и способный, но все же раз стал джонином, то мог бы овладеть техникой запечатывания тел. Это бы упростило жизнь и спасло нервы.

— Итак, — погасив огонь додзюцу в глазах, я обернулся к Кураме, — здесь мы ничего добиться не смогли.

— Исобу находится под сильным гендзюцу, — нахмурившись, ответил мне биджу. — Он не смог взять под контроль свою силу и вырваться из-под власти чужой воли.

— Этого стоило ожидать, — вздохнув, признал я.

Мадара, должно быть, приложил достаточно много усилий, чтобы разыграть весь этот спектакль перед своим приемником. Логично, что он подстраховался на все возможные случаи. Он даже смог все провернуть, несмотря на то, что я мог локализовать примерное место происшествия заранее. Но местность слишком плотно контролируется клонами Зецу. Попадаться им на глаза я не рискну, и это сужало пространство для маневра.

Еще раз вздохнув, я опустил на корточки возле одного из малоприметных холмиков на полянке, поросшей молодыми тонкими деревцами, на которой мы с Курамой сейчас остановились. Этот холмик был покрыт молодой зеленой травой, прямо из него вверх устремились тонкие и гибкие стволы азусы и бумажной шелковицы. Корни деревьев и трав насквозь пронизали холмик. Корневища цветущего в это нехарактерное для себя время ландыша даже выпирали наружу. Если бы не желтеющие на свету скуловые дуги, то так сразу и не поймешь, что тут лежат останки человека.

Аккуратно сорвав стебель ландыша, растущий прямо из глазницы незадачливого шиноби, я поднес его к лицу и прислушался к аромату мелких белых цветов. Вряд ли многие смогли бы распознать все оттенки запаха, чтобы определить что это был не совсем обычный цветок. Похожие росли только в одном месте — в Лесу Смерти. Из них получались отличные лекарства и яды. Помогали справиться с сердечной недостаточностью, повышали давление и уменьшали частоту сердцебиения. Вплоть до полной остановки сердца при правильной концентрации. Обычные ландыши имели схожие свойства, только были менее активными и пахли они по-другому.

Что же, прости, Нохара Рин, тебя спасти мне не удалось.

— Стихия Дерева, — отбросив цветок в сторону, озвучил я и без того очевидную вещь, поднимаясь. — Ладно. Больше нам делать здесь нечего. Уходим.

Глава 52. Интерлюдия. Тень Огня

17 августа 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Они здесь, — вода парой пальцев по тонкому слою почвы, покрывающему каменистую землю, сообщил Сакумо. — Три десятка человек. Из них шиноби... Скорее всего, двенадцать. В поместье еще около семидесяти человек, из них на шиноби похожи не более сорока.

— Хорошо, — кивнув, принял к сведению слова шиноби Хирузен. — Как и было оговорено.

Сдвинув на затылок шапку Хокаге, которую сегодня пришлось надеть, Сарутоби с прищуром осмотрел из-под нее местность впереди. На диво красивая горная долина. С юга она была очерчена рядом пологих сопок, с севера — грядой серых скал, за кромкой которых вдали виднелись контуры высоких гор, увенчанных белыми снежными шапками. На востоке, в окружении нескольких вершин лежало озеро, из которого в долину несколькими каскадами изливался водопад, давая начало текущей на восток реке — очередному притоку могучей Бандзе. После недавних дождей эта речка была особенно бурной, она шумно билась в плену укрепленных берегов. Мутная вода разбивалась в пыль, яростно разбиваясь о камни и сияя сонмом радуг.

Шиноби Конохи и несколько десятков людей, которых они сопровождали, остановились на одном из склонов сопки. Он был почти голым, редкие кустарники щеголяли объединенными ветвями, а трава была словно скошена едва ли не под корень. Инузука уже успел заметить следы недавно ушедшего отсюда большого стада серау или горалов и намеревался вскоре отловить парочку, чтобы отметить сегодняшней день. Естественно, это были угодыя дайме Страны Деревьев, но вряд ли он будет против, если шиноби Конохи решат перекусить парочкой обитающих здесь копытных.

В этот жаркий полдень солнце светило в спину ниндзя Листа, освещая скалы Страны Земли. Прогретые солнечными лучами они словно были окружены маревом. Потoki воздуха вздымались вверх над ними, создавая приятный ветерок. Даже без традиционного «каменного дождя», который часто случается на границе Стран Деревьев и Земли. Скорее всего, в этом месте это явление и не случалось никогда, иначе долина не приглянулась бы местному феодалу.

В низине, между сопками и скалами текла речка, по берегам которой были разбиты сады. Здесь располагалась одна из резиденций дайме Страны Деревьев. Это было достаточно скромное жилище: несколько деревянных зданий, окруженных стеной и полудикими садами. Ею он пользовался зимой при охоте на крупную дичь и летом, когда было желание уделить время соколиной охоте. Но сейчас это место было выбрано не для охоты.

Вдохнув полной грудью свежий ветерок, наполненный запахом трав и цветов, Хирузен осмотрел голубое небо, усеянное белоснежными барашками облаков. И в самом деле это был чудный денек, чтобы заключить, наконец, мир с Ивой и отметить это событие жаренной на углях бараниной.

Усмехнувшись своим мечтам, Сарутоби оглянулся на спутников. Часть шиноби отстала, они вели медлительные воловьши повозки с придворными чиновниками и дворянами. Еще двое сопровождали непосредственно Хокаге. Собранный Хатаке Сакумо, на его лице словно отпечатались усталость. Под глазами темные мешки, взгляд тяжел. Несколько месяцев он

провел на миссиях, и это сказывалось на состоянии даже такого опытного шиноби.

Второй спутник Хокаге тоже давно не покидал границ Страны Огня, и хотя в боевых миссиях участвовал реже, устал он не меньше. Руки Харуно Кизаши спасли многих от неминуемой смерти. Кому-то он помог непосредственно, остальным его техники позволили протянуть достаточно долго, чтобы оказаться в больнице Конохи под наблюдением Цунаде. На лице ирьенина тоже была заметна усталость, которая, впрочем, была скрыта за кривой ироничной усмешкой.

— Чего такой довольный, парень? — хмыкнув, спросил у ученика Орочимару Сарутоби.

— Ха? А чего грустить? Эта треклятая война может закончиться! — удивленно ответил Харуно. — Я так устал за эти годы. Только тремя днями ранее в полевом госпитале сутки проторчал после четырех часов сна, а сегодня это может кончиться! Я даже не верю... Словно проснулся в другом мире.

— Где-то и сейчас идут бои, Кизаши, — хмуро вставил свое слово Сакумо.

— Они закончатся, — убежденно заявил Харуно. — Не сегодня, так завтра. О, ками! Я не видел жену уже полтора месяца! Вот же она устроит скандал, когда встретимся.

Кизаши неловко рассмеялся, но улыбка быстро потухла.

— Она была в отрядах у границ Аме, — негромко добавил он. — Там было тихо в последние месяцы. Она точно устроит мне выволочку.

— Устроит, — хлопнув по плечу Кизаши, подтвердил Сакумо, поняв то, о чем ирьенин сказать вслух боялся. — О другом даже не думай.

Сарутоби помнил, как окончилась предыдущая война для Сакумо. Тогда он вернулся домой. Но не его жена. Она все начало Второй мировой провела с новорожденным сыном, и, только тот окреп, ушла на фронт, откуда ей уже не было пути назад.

— Так полтора месяца назад ты ее все-таки видел? — с ухмылкой поглядев на Кизаши, спросил Хокаге. — Смотри, при встрече она тебя уже и отцом может назвать.

— Отцом? — от удивления брови Кизаши взлетели вверх. — Ну нет... Наверное, нет. Хокаге-сама, вы у границ Аме не бывали, случаем?

— Бывал, но уж давненько. Идем-ка к месту встречи уже, — приказал Сарутоби, вновь надвинув шапку на лоб.

По приказу Хокаге их процессия, состоящая из шиноби и нескольких нагнавших к этому времени Хирузена повозок дворян двинулась вперед, по грунтовой дороге, ведущей к поместью.

Несмотря на погожий день и поднявшего ему настроение Кизаши, лицо Хирузена все же быстро вновь стало хмурым. Не все в Конохе, как Харуно, видели этот день праздничным после долгой войны с Ивой. Слишком многих жжет жажда мести за погибших друзей, и подписание мирного договора с Камнем на нынешних условиях они считали позором. Но иного им предложить Хирузен не мог. Затягивать войну уже было невозможно. Коноха потеряла слишком много. И сейчас, когда наследники дайме увлечены дележом власти, у какурезато начинаются проблемы с финансированием. Затягивать войну, мечтая закрепить за собой лучшие условия мирного договора, глупо.

Нет, это можно сделать. После нескольких разгромных поражений Камня, после разрушения линий снабжения, после того, как Минато вселил им страх в души, единолично сразив армию — это можно было сделать относительно легко. Но Хокаге не должен жить сегодняшним днем. Хирузен уже пережил две Великих Войны, и по опыту предыдущих понял одно — если не поступиться малым при подписании мира во время окончания одной

войны, то можно потерять большее, так как обязательно начнется следующая.

Сегодня он заключит такой договор, который устроит и Страну Земли, и Страну Огня. Это должно закрепить мир с северными соседями, как годом ранее заключенное перемирие с Кумо установило мирные отношения со Страной Молнии. Хотя тогда тоже все висело на волоске. Когда в Коноху прибыли посланники Кумо, вся деревня, в отличие от сегодняшнего дня, радовалась наступившему миру. Конфликт с Облаком был подзабыт, разграниченные Страной Звука шиноби Конохи и Кумо не имели возможности разжечь былую вражду. Но при встрече, как только такая возможность появилась, ею едва не воспользовались.

Тогда пришлось проглотить серьезную обиду, нанесенную Облаком. К счастью, инцидент с кланом Хьюга не имел серьезных последствий, и едва не начавшийся вновь конфликт удалось погасить без серьезных потерь.

— Страна Земли на месте, — коротко сообщил Сакумо, когда шиноби Конохи пересекли перекинутый через реку мост и вошли в пределы сада.

— Отлично, не будем торопиться. Им нужно время, чтобы разобраться со своими повозками, — произнес в ответ Хокаге.

Вскоре им и самим пришлось разбираться с воловьими повозками советников и дворян, вместе с которыми они прибыли. Поместье было невелико, поэтому развернуться в нем большой группе людей было сложно. Тем более что левый министр Страны Огня, несколько дворян, советников, чиновников и их слуг не могли обойтись без большого скарба и пышных одежд, которые процесс не упрощали. Шиноби было проще, но вопросы войны и мира одни лишь они не решали.

— Стоило выезжать на пару часов раньше, — глядя, как возничие с трудом управляют с медлительными волами, иногда вручную толкая большие, в рост человека, колеса, прокомментировал Харуно Кизаши. — Было бы время осмотреться.

— Если бы при дворе было больше лошадей, то мы тоже могли бы поспеть раньше, — хмыкнув, добавил Хатаке, тоже наблюдая за возней слуг.

— Хорошо, что нас самих не запрягли, — достав свою трубку, мрачно закрыл тему Хирузен.

Набив трубку крепким табаком и запалив его, Хокаге втянул ароматный дым, внимательно осматриваясь по сторонам. Это поместье он исследовал заранее, используя технику, но своими глазами оглядеться тоже не помешает. Тем более стоило оценить, кто из Кусагакуре здесь находится от Страны Деревьев и кого взял с собой Цучикаге.

После прибытия двух делегаций во дворе поместья и в самом деле стало тесновато. Неповоротливые быки в упряжи здесь были слишком массивны и неловки. Добраться на лошадях можно было бы быстрее, да и запряженные они половчее все же будут. Но ровные луга слишком ценны, чтобы отдавать их под выпас лошадей, оттого эти животные слишком редки и дороги. Простым министрам в повозки их не выделили.

— Ох-хо-хо! Кого я вижу, — услышал Сарутоби язвительный старческий голос. — Сам Сарутоби Хирузен, Третий Хокаге. Давно судьба нас не сводила вместе.

— Оноки, — переведя взгляд на говорившего, Хирузен коротко кивнул, обозначив приветствие. — Давно не виделись. Как твоя спина, не болит?

Цучикаге вышел на энгаву одного из зданий, чтобы оттуда поприветствовать шиноби Конохи, словно хозяин — гостей. Сарутоби подобную выходку не оценил и оставил без внимания. А вот что не ускользнуло от его взгляда, так это спутники Оноки. Среди них были талантливые шиноби. Кицучи, зять Оноки, он хоть и юн, но одарен. Однако кроме него был

еще и Хан. Еще один родственник Цучикаге, предпочитающий носить багряные, полностью скрывающие тело бронзовые латы. И по совместительству джинчурики Пятихвостого. Вместе с самим Оноки, эти трое внушали уважение.

Хотя помимо них, кажется, Ива никого из самых выдающихся своих шиноби и не привела. Это было странно. Хокаге тоже не смог привести с собой многих, кого хотел бы видеть сейчас рядом. Оживившаяся Суна заставила отправить в пустыню Джирайю. А недавний инцидент с запечатанным в юной Нохаре биджу, которого Кири планировала выпустить в Конохе, вынудил отрядить на защиту какурезато и основных опорных пунктов всех, кто мог бы обнаружить биджу заранее: Минато, всех Хьюга, Яманака, Учиха, Абураме, Кушину и многих иных. Однако по какой причине Цучикаге не взял с собой больше джонинов высших рангов, было не ясно.

— Спины, да? — недобро сощурился Оноки. — После нашей последней встречи не очень хорошо. Хотя я уж думал, что совсем без ног останусь, однако же ирьенины у нас способные. Внучка Хаширамы, конечно, вне конкуренции, раз уж ты на своих ногах сюда явился, но и наши медики хороши.

— Твоя Стихия Пыли весьма неприятная штука, — крепко сжав зубами трубку, изобразил улыбку Хирузен, — но не ей одной знаменит Оноки Обеих Чаш Весов. Заключать с тобою мир... Да уж, это ведь уже не в первый раз, когда мы заключаем перемирие. Это дело приятное, конечно, но, может, пора уж и честь знать? Хотя... Я говорю о чести с Оноки. Наверное, это старость. Насколько я знаю, ни одну договоренность Камень не выполнил.

— И как много ты знаешь? — пропустив мимо ушей едва скрытые издевки, полюбопытствовал Оноки.

— Что знаю? — Сарутоби пригладил короткую бороду, в которой все больше становилось белых волос. — Из недавнего — это предательство Кири. Как только они стали не нужны, ты так легко вонзил им кунай в спину. А из более старого... Разве в Санро вы с Третьим Райкаге не договаривались о мире?

К сожалению, сам Хирузен многого не знал об озвученных им самим событиях. О том, что там обсуждали его ученик с двумя Каге, удалось выяснить лишь в общих чертах, но это уже и неважно. Гораздо интереснее, что произошло между Ивой и Кири, что они экстренно развели свои отряды и вступили несколько раз в бой. Учитывая, что одержали победы по результатам тех стычек в основном шиноби Камня, то, похоже, к разрыву союза Оноки был готов. Было бы неплохо, если бы он сам немного пролил свет на происходящее, но Третий Цучикаге не из тех, кого легко поймать на крючок всего лишь парой фраз.

— А, с Кири произошло досадное недоразумение, — отмахнулся Оноки, не став вдаваться в подробности интересующих Хирузена событий, но зато не пожалел слов, чтобы вспомнить о том, что уже давно потеряло актуальность: — А в Санро я лишь обещал не подводить своих шиноби к границе Страны Звука. И разве я свое обещание не сдержал? Твой ученик тот еще змей, Сарутоби. Пока жив он, мне даже неловко носить свое прозвище. Вот уж у кого всегда в запасе есть несколько возможностей, так это у Орочимару.

Навалившись на отполированные белые перила, Оноки довольно рассмеялся.

— Может, я бы и хотел проверить, насколько вкусны рисовые пирожки в Отомуре, — продолжил он, — но Белый Змей, оказывается, успел спеться с Кумо, хотя всего годом ранее они с Третьим Эем были почти на ножах. Да и ты... Вот уж с кем я не знаю, как заключать договоры, если ты то объявляешь своего ученика нукенином, то он свободно разгуливает по

Конохе, и вы заключаете с ним союз. Как с такими людьми иметь дела?

— Орочимару умеет быть убедительным, — пожал плечами Хирузен, предпочтя не вдаваться в подробности. — И пусть он остутился, но почему мы не можем объединиться и действовать сообща в будущем? Когда-то наши сердца были едины и бились в такт, не думаешь же ты, что я настолько плох, как учитель, что мой ученик мог бы забыть об этом.

— Эта фраза про сердца, — неторопливо сняв с начинающей лысеть макушки широкую шляпу Цучикаге и отряхнув ее от невидимой пыли, произнес Оноки. — Я уже слышал что-то похожее. Кажется, мой учитель, вкладывал ее в уста Хаширамы, да? Ха! Все же здорово, что Орочимару никогда не станет Хокаге, Сарутоби. С тобой в разы проще!

Самодовольно рассмеявшись, Цучикаге вновь нацепил свою шляпу и уверенной походкой скрылся в распахнутых дверях поместья. Хирузен проводил его внимательным взглядом, не став пытаться оставить последнее слово за собой. Несмотря на громкие слова Оноки и несмотря на те эмоции, которые он хотел показать, Сарутоби чувствовал, что Орочимару все же как-то сумел задеть Третьего Цучикаге, заставить его осторожничать со Звуком.

Оноки тверд, словно камень, заставить его опасаться себя — занятие, которое не под силу почти никому. Но что могло его смутить? Скорее всего, Хирузен догадывался, что это было. Потому что собственный ученик часто сбивал с толку своего учителя. Он казался простым шиноби в Конохе... Настолько простым, насколько может быть таковым гений, конечно. Может, сам Сарутоби был ослеплен способностями ученика и просто не видел то, что видел Данзо. Шимура с самого начала был подозрителен к Рюсею, а тот отвечал ему взаимностью.

Было ли тому причиной что-то видимое Орочимару в будущем? Насколько оно вообще ему открыто? И не это ли заставляет Оноки сдерживаться?

Предсказания Рюсея большинство людей, если вообще что-то об этом знало, считало простыми байками. Кто-то принимал их за спутанные видения, которые иногда выдавали сеннины. Но Хирузен знал, что они бывают слишком точны. Хиаши уверен, что они спасли его брата в прошлом году. Сам Орочимару никогда не говорит об этой своей способности. Ученик оказался слишком скрытен, это само по себе мешает его понять. А его знание будущего только усугубляет сложность постижения смысла многих решений Рюсея. Когда он поступает, что-то зная наперед? Когда лишь действует по наитию? Этого Хирузен не знал, но был уверен, что это могло бы объяснить многое.

— Какой смысл Орочимару становиться Тенью Огня, если он уже тень Страны Огня, — донеслось до ушей Хирузена недовольное бормотание.

— Харуно, — вынув трубку изо рта, неодобрительно обратился к спутнику Сарутоби, — не распространяй чужих заблуждений.

— Да какие уж тут заблуждения, Хокаге-сама? — уныло произнес Кизаши. — Это уже реальность, и не важно, правда в слухах есть или ее нет. Никому уже нет дела до того, что там покойный дайме планировал со Страной Звука делать на самом деле. Теперь известно только, что он едва ли не предавал свою страну.

— Предательство — сильно сказано, это дайме просто ни к чему, — добавил от себя Сакумо, — но для Конохи его планы могли быть нежелательны.

— Хватит, — более резко, чем хотел, приказал Сарутоби, недовольно посверлив взглядом трубку в руках. — Слухам верить — себя не уважать. Вы оба должны понимать их источник и причины появления. Наследники Мадоки Каго пытаются перетянуть на свою

сторону поддержку шиноби и двор, поэтому выливают сейчас друг на друга помои. Что там в планах у власть имущих на самом деле, я разберусь после Ивы. Пока есть иные задачи.

— Ага, — мрачно поддакнул Кизаши, — например, не вляпаться в неприятности. С нашей стороны договор о перемирии будет заключен левым советником от лица регента. Дайме-то до сих пор нет. Как бы чего не сорвалось из-за этого.

— Не сорвется. Иве это перемирие нужно больше нашего, — уверенно произнес Хокаге.

Еще раз посмотрев на все еще тлеющую трубку в руках, Хирузен раздосадованно выбил табак из нее в небольшую лужу возле колодца. Слуги торопились напоить волов и разлили воду. На их суету Сарутоби внимания не обращал, но вот вызванные досужими слухами тревоги собственных шиноби досаждали.

— Идем. Покончим, наконец, с этим делом, — приказал Сарутоби, решительно шагнув ко входу в поместье.

Следующие полчаса пришлось потерпеть пустопорожнюю болтовню чиновников и советников, а также очередные язвительные высказывания Цучикаге. Этот старик не менялся, и что всякий прошлый раз, что сейчас старательно выводил из себя собеседников. Сам Хирузен к подобной манере Оноки вести переговоры был привычен, но других приходилось иногда осаживать. Давать волю эмоциям при заключении каких-либо договоров с Третьим Цучикаге было нельзя. Как когда-то правильно заметил Орочимару, и чьи слова тогда пришлись по душе Хирузену: если ты ненавидишь — ты уже побежден. Оноки умел выбивать землю из-под ног оппонента и пользоваться его растерянностью для своей победы. Это было верно как в реальных боях, так и в словесных.

— Наконец-то, — ворчливо произнес Оноки, когда на свитках мирного договора были поставлены печати, и один из экземпляров оказался в руках чиновника Страны Земли, — все соки из меня выпили, зануды упертые.

В ответ Цучикаге был одарен мрачным взглядом Сакумо. И без того кислое выражение лица Кизаши скривилось еще больше, а левый советник не удержался от откровенных ругательств.

Хирузен как раз собирался ответить что-нибудь благодушное, что бы осадило Оноки более эффективно, чем ответная едкость, но слова застряли в горле. Чакра внутри тела резко пришла в движение еще до того, как разум осознал направление угрозы. Энергия завихрилась в голове, ускоряя мышление. На оценку ситуации ушло меньше секунды. И, когда одна из стен поместья взорвалась от мощного удара облаком щепок, тело Сарутоби даже не дернулось.

Внезапно прилетевший снаряд, пробивший стену здания, с глухим треском и стуком врезался во взметнувшуюся из-под пола, разметающую в стороны татами и доски керамическую стену. Ниндзюцу Дотона Кицучи, не выдержав удара, оказалось пробито. Снаряд завяз только во второй стене, созданной Сакумо из более влажной глины, в которой он утонул с влажным звуком, словно в трясине.

— Это еще что за сюрпризы? — недовольно пробормотал Цучикаге, внимательно изучая шевелящуюся массу глины.

С треском и грохотом переломилась пополам пробитая насквозь керамическая стенка, стремительно покрывшись сетью трещин и подняв в воздух облако оранжевой пыли. А по спине Хирузена в это время пробежал сонм мурашек от ощущения поблизости могущественной и темной чакры.

Когда глиняная стенка Хатаке с хлюпающим звуком оказалась разорвана, выпускающая из

себя волны алой пузырящейся чакры, первым на это среагировал Хан. Джинчурики, как никто иной, знал природу этой недоброй энергии. Из щелей алой брони с шипением и свистом вырвались снопы пара. Огромное тело джинчурики сорвалось с места, закованная в латы нога врезалась в извергающийся темной чакрой глиняный ком, пропахав в нем огромную борозду и вырвав из земляного плена объятые пузырящейся чакрой тело. Сила удара была такова, что отброшенный противник вновь пробил стену, перебив собой деревянный каркас дома и обрушив часть постройки.

За грохотом и треском дерева брусьев раздался нечеловеческий, душераздирающий вой, перерастающий в громopodobный рев. За пеленой пыли стремительно вырастал темный силуэт гигантского монстра. И в этот момент чуть в стороне, в как раз примеченный Хирузеном ранее колодец врезался еще один снаряд, мгновенно начавший пылать все той же чакрой биджу.

Два джинчурики? Нет, точно нет! Биджу! Это вырывались сами биджу из тел, в которых они временно хранились. Нохара Рин. То, что не получилось с ней, Кири повторило сейчас, просто закинув в поместье пару пленников с запечатанными биджу. Несчастные погибли, разбившись о землю и здания и выполнив свое предназначение — быстро доставив к месту назначения биджу.

— Живые бомбы хвостатых, — расслышал Хирузен сквозь рев монстров меланхоличное замечание Кизаши, тоже быстро догадавшегося о том, что произошло. — Оригинально.

— Оноки! — крикнул Сарутоби, поднимаясь на ноги.

— Нет, нет, нет! — поняв к чему клонит Хокаге, на удивление спокойно ответил Цучикаге. — Со своими проблемами разбирайтесь сами. На сегодня я свои планы выполнил.

Махнув в воздухе свитком с мирным договором, Оноки словно попрощался, пока его зять складывал печати. Мгновение — и с треском проваливается пол под ногами делегации Страны Земли. Земля ухнула под ними, поглотив шиноби Ивы и пришедших с ними чиновников. С грохотом опрокинулся стол, наполовину оказавшись над провалом в земле, но тут же с треском он был раздавлен вновь сомкнувшимся грунтом. Хирузен ощутил, как стремительно удаляется под землей чакра Оноки.

Выплюнув в сердцах пару ругательств, Хирузен быстро приказал:

— Уводите гражданских!

Пока он мысленно проклинал себя за то, что не взял все-таки с собой Минато, Сарутоби быстро сложил печать призыва. Сам он владел техникой *Хирайшина*, но ему было далеко до мастерства Намикадзе. И увести сразу группу людей из-под удара двух биджу Хокаге не мог. Он мог лишь дать время другим справиться с этой задачей.

В руку лег, словно прилепившись к ней, черный посох.

— Во что ты опять влип, Сарутоби? — донесся до сознания Хирузена полный злости вопрос.

— Не сейчас! — бросил в ответ Хирузен, направляя посох в противника.

В это время огромная лапа биджу с грохотом опустилась на землю, оборвав полный безумного страха рев волков. Из-под шипастой лапы в стороны брызнула яркая кровь и щепки разбитых повозок. Словно обитый золотой бронзой конец стремительно выросшего черного посоха врезался в незащищенную шею гигантской черепахи.

Туша Треххвостого пошатнулась от внезапного удара. Лапы врезались в землю, вспахивая в черной почве стремительно заполняющиеся мутной водой канавы. Вместе с Энмой Хирузен мог сдвинуть и не такие горы!

Сейчас была лишь одна проблема — гор перед Хокаге было две.

Волну странного тумана Сарутоби заметил сразу. Едкий запах, исходящий от нее, и быстро чахнувшие растения в дымке было сложно не заметить. Мощный поток кислотных испарений изливался изо ртов Шестихвостого. Склизкое тело этого биджу запрудило русло реки, потоки мутной воды струились меж его конечностей и брюха. Было не понять, где заканчивается сам монстр, в кислотном тумане начинали теряться его очертания. Однако поднявшийся мощный порыв ветра смел в сторону туман, а ожившая вода вскипела у ног биджу, вздымаясь вверх.

Наполняясь потоком, словно каучуковый пузырь, ком воды у ног биджу рос и обретал форму, пока не сравнялся размерами с самим Шестихвостым, не впился в него клыками и не начал вбивать склизкое тело в землю мощными когтистыми лапами. Техника Водяного Зверя Хатаке Сакумо придавала воде форму волка. Она не могла сравниться с Умибодзу Узумаки, но сейчас и этого хватило, чтобы сбить с ног и второго биджу и отвлечь, чтобы подставить под удар другого шиноби.

Со взрывом в воздухе пронеслась пылающая белым огнем молния, врезавшаяся в поваленную тушу Шестихвостого. Даже Сарутоби становилось непросто поспевать за активировавшим *Шичи Тенкохо* Кизаши. Обычно казавшийся тем еще раздолбаем и бестолочью ирьенин словно сорвался с цепи, показав все свое мастерство. Вспыхнувшее вырвавшейся на свободу чакрой тело Харуно ворвалось в кислотный туман, мгновенно окутавшись дымкой техники *Инью Шомецу*, исцеляющей наносимый организму урон. Объятые бирюзовым сиянием руки пронесли по сцепленным вместе телам биджу и водяной технике Хатаке, заставляя аморфное создание из чакры рассыпаться на части. На белесой покрытой слизью коже Шестихвостого вскрылись широкие, глубокие разрезы, сочащиеся пузырящейся чакрой.

Похоже, эти двое смогут занять на время одного из биджу.

Вот только...

Укоротившийся Энма вновь лег в руки, а впереди заворочалась массивная туша Треххвостого. Из-под шипастых роговых пластин, покрывающих голову монстра, на Хирузена уставилось огромное, налитое кровью око. Именно таким описывали Санби те, кто пережил встречу с ним. Огромное алое око запоминалось многим. Но никто не упоминал, что в этом глазе могут быть три томое.

Гендзюцу шарингана. Биджу под контролем. И это паршиво.

***

Промчавшись по вертикальным скалистым уступам, Кизаши затылком чувствовал, как позади разбивается град кислотных капель слизи Шестихвостого. Смерть вновь коснулась пальцами его плеча, но не успевала схватить. Но это не может продолжаться долго.

Вторая активация *Шичи Тенкохо* убивала. Сердце разрывало грудь изнутри, его биение отдавалось пульсирующей болью в голове. Если бы не *Инью Шомецу*, Харуно был уверен, что уже помер бы от инсульта или инфаркта. Несмотря на искусственное насыщение крови кислородом с помощью ирьениндзюцу, улучшающем кожное дыхание, легкие горели огнем от чрезвычайно быстрой циркуляции и нехватки воздуха.

Так долго продолжаться не может. Сколь бы не был хорош контроль чакры, но она рано или поздно кончится. И в случае Харуно, скорее рано, чем поздно.

Мощный рывок вперед, ноги отзываются болью при встрече с телом биджу. Из-за скорости мягкая, желеобразная плоть казалась тверда, как камень. Техники исцеления

справились с трещащими костями, и голову Шестихвостого с торчащими из нее стебельками глаз мотнуло в сторону. Выросшая под ногами монстра грязевая стена угодила ровно под выросты на бесформенном теле, заставив громадину повалиться на бок.

Огромная туша рухнула наземь, с соседних сопкок скатился град камней, которые сбила с места ударная волна, прокатившаяся по скалам.

Едва успев сгруппироваться, и сам Кизаши покатился по твердой земле, обдирая бока о торчащие из-под тонкого слоя почвы камни. Сцепив зубы, он вновь поднялся и рывком отправил свое тело в воздух. Пролетев по красивой пологой параболе, ирьенин сделал замах, вкладывая в удар всю чудовищную скорость, развитую его телом с *Шичи Тенкохо*, и всю силу, какой Харуно мог добиться с техникой усиления чакрой.

Удар был совершен точно. Кулак Кизаши врезался в широкое брюхо биджу. Белесая кожа продавилась под костяшками пальцев, в стороны брызнули капли жидкой слизи. Харуно как ирьенин не мог много времени уделять тайдзюцу, но такие простые и прямые удары отработал до максимально возможного для него идеала. Весь импульс атаки удалось направить в нужном направлении.

Лопнула склизкая кожа, обнажив внутренности биджу. Из ран, обжигая кожу Кизаши, вырвалась кипящая чакра. Ударная волна прокатилась сквозь все тело монстра, заставляя его желеобразное тело колыхаться и идти волнами, поглощая вложенную в атаку энергию. Но не всю. Ее остатки разбили землю, вызвав очередную серию обвалов на сопках. С чудовищным грохотом и треском неуверенно накренилась одна из скал, до этого старательно ослабленная Сакумо. Затрепетали на дрожащем камне вспененные потоки водопада. На миг Кизаши показалось, что их план не сработал, скала замерла в неустойчивом положении, но вода доделала работу.

Медленно, словно подпиленное дерево, каменный склон начал движение вниз, ускоряясь все сильнее. Бурный поток воды подхватывал откальзывающиеся валуны и тащил их с собой. Тонны и тонны воды вырывались из обрушившегося берега переполненного дождями озера.

Харуно успел уйти с пути этого бешеного потока в самый последний миг. Безудержный сель вбирал в себя все больше и больше грязи, камней, деревьев, остатков поместья, но продолжал повиноваться воле Сакумо, направляющего его ровно на Шестихвостого.

Когда пятки Кизаши ударились о скалы, его ноги подкосились. Волна усталости прокатилась по телу, быстро потухли последние языки пламени *Шичи Тенкохо*. Тело ирьенина покатило по грубой дернине, набивая синяки и шишки, пока не остановилось, ударившись о валун. Застонав от боли, Харуно сжался в клубок, чувствуя, как ноют все внутренности. Невольно всхлипывая, он жадно хватал ртом воздух.

На сегодня его бой совершенно точно окончен. Если план не удался, то остается только умирать.

С трудом пересилив боль, Кизаши все же смог подняться на колени, чтобы посмотреть результаты совместной с Хатаке атаки на биджу. Он успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как из мелких ротовых отверстий, опоясывающих бесформенную голову Шестихвостого, вырывается мощнейший поток чакры, разбрасывающий в стороны потоки смешанной с грязью воды. На мгновение показалось, что это сработает, но силы природы оказались более могущественны. Поток чакры иссяк, а вода с еще большей скоростью рванула по пробитому атакой биджу рву в земле, накрыв Шестихвостого с головой и унося его вниз по долине.

Свист ветра и удар подошв о камень заставили Харуно дернуться.

— Ты как? — спросил согнувшегося пополам от резкого движения Кизаши, появившийся из *Шунишина* Сакумо.

— Жить буду, — сдавленно ответил ирьенин. — Где Хокаге, демоны его б побрали?! Нам пора валить!

Сейчас Кизаши уже не способен хоть как-то помочь Хирузену. Да и Хатаке тоже выглядит крайне уставшим. И без того осунувшийся шиноби сейчас выглядел еще более бледным и высохшим.

— Там, — махнув устало рукой, ответил Сакумо.

Оба шиноби успели посмотреть в нужную сторону как раз в тот момент, когда массивная туша Треххвостого была сдвинута в сторону длиннющей мачтой посоха в руках Хокаге. Сарутоби смог удачно спихнуть черепаху-мутанта в угасающий селевой поток. А там вода и напутственный удар Хокаге заставили биджу покатиться в сторону своего собрата.

Кизаши уж начал было подниматься на ноги, опираясь на руку Сакумо и готовясь убираться отсюда подальше, как его колени вновь подкосились от увиденного в следующее мгновение.

Два гигантских тела биджу оказались рядом друг с другом, когда возле них появилась едва заметная фигурка Третьего Хокаге. Появилась, чтобы пропасть в стремительно расплескавшейся во все стороны чернильной жидкости.

Кизаши не верил своим глазам. Он до последнего пытался вспомнить, какая еще, кроме одной известной техники Конохи, имела схожий эффект. И лишь когда вокруг взмывшего в длинном прыжке тела Сарутоби стремительно расширилась черная сфера, Харуно понял, что его глаза не обманывают его. Но не смог смириться с этим, даже когда в мгновение ока из поля зрения пропал Шестихвостый, а также часть скал и сопок. На их месте остались лишь ровные округлые края, обрезанные вздувшейся на миг в воздухе черной сферой. Она охватила огромный объем, в который влез почти целиком биджу и едва не угодил второй. Тело Треххвостого растворилось, стремительно исказившись в последний миг, и едва не угодило в технику Хокаге тоже.

— Зачем?.. — потеряно спросил Кизаши, упав на колени и абсолютно не понимая поступка Хирузена.

— Что это было? — напряженно спросил Сакумо, тоже пораженно рассматривая огромный ровный котлован, быстро наполняющийся грязной водой.

— Фуиндзюцу... Ура Шишо, — сглотнув ответил Кизаши, вспоминая уроки учителя. — Печать, созданная на основе техник Узумаки. Она сильнее тех печатей, которыми запечатан Кьюби в джинчурики.

— И?! — нетерпеливо тряхнул за плечо Кизаши Хатаке. — Что в ней такого, что ты с лица спал?!

— Использувавший ее тоже оказывается запечатан, — потеряно ответил Харуно. — Хокаге-сама умер.

— Проклятье... — отпустив ирьенина, прошептал Сакумо.

В этот момент рядом о землю ударилось что-то массивное. Для обоих пребывающих в растерянности шиноби это оказалось неожиданностью. Вздвогнув и обернувшись на звук, они увидели тяжело дышащую большую обезьяну с длинной седой шевелюрой, протектором Конохи на лбу и в добротной одежде. Повелитель обезьян — Энма. И тело Третьего Хокаге на его плече.

— Уходим, — мрачно осмотрев пару шиноби, басовито произнес Энма, разворачиваясь

в ту сторону, в которую умчались другие ниндзя с гражданскими на спинах.

— Какого демона там произошло? — с трудом вставая на ноги и ковыляя вслед за Энмой, спросил Кизаши, не в силах отвести взгляда от тела Сарутоби.

Он мертв? Хокаге правда мертв?! Это невозможно! Невозможно же, да?

— Биджу были под контролем, — немногословно ответил Энма. — Их натравили на Хиру. И там был человек... Учиха с Мангекьё Шаринганом, который контролировал биджу. И он ушел. Поэтому не стойте столбом! Хиру потрепал его, но не смог убить. Здесь может быть опасно.

Глава 53. Ночь перед бурей

17 августа 49 года от начала Эпохи Какурезато

Вывалившись из иной реальности в привычный мир, я болезненно поморщился. Глаза жгло, словно в них соли насыпали. Слишком долгое использование додзюцу на максимуме моих способностей давало о себе знать. Но боль — это еще ерунда. Сложнее было разобраться с восприятием и сознанием. Вернуться в трехмерное пространство после неловких попыток подстроиться к четырехмерному было головокружительным опытом. В прямом смысле этого слова.

Я все еще не оставил попыток разобраться в местном потустороннем мире, который является жилищем для демонов. И недавно мне и команде стариков, которых я занял работой над данной темой, пришла мысль, что иной мир может кардинально отличаться от нашего привычного. И я не могу в нем ориентироваться просто потому, что я многое не вижу.

На самом деле, мысль о четырехмерности потустороннего пространства была совсем не очевидна. Хотя можно было бы догадаться, что в мире духов, кроме обычных трех измерений, должно быть еще и свое, связанное с сознанием и духом. Ну, в итоге я об этом и подумал и теперь даже начал подтверждать догадки на практике. Но еще менее очевиден был способ, как мне в том пространстве начать ориентироваться. Проблема в том, что человеческий мозг для этого банально не приспособлен. И сознание, соответственно, тоже. Даже в трехмерном мире глаза на самом деле видят лишь двухмерную картинку, пространство и перспективу в нем создает бинокулярное зрение и обработка сигнала в мозге. Но у меня был Кецурыюган.

Это додзюцу имело ряд особенностей, хоть и было схоже с Шаринганом и Бьякуганом. И одно из них в том, что кроме чакры оно позволяло видеть объекты при определенном напряжении мозга со всех сторон, то есть давало полноценное трехмерное зрение. По крайней мере, мне так кажется. Я во всей этой физике разбираюсь слабо, но мне показалось, что Кецурыюган мне может помочь видеть в том мире. Ну, раз в двухмерном пространстве можно видеть лишь одну линию, в трехмерном — плоское изображение, то в четырехмерном — объемное. Все было просто! На словах, конечно же. В реальности, мне кажется, у меня от попыток только развилась мигрень.

— Рюджин-сама, — отвлек меня от собственных страданий серьезный голос, донесшийся до сознания словно сквозь вату.

Тяжело вздохнув, я осмотрелся по сторонам, разглядев три силуэта. Две девушки и один юноша. Одна, рыжая и в одежде мико, раздраженно притоптывала ножкой и сердито смотрела на меня исподлобья. Вторая, черноволосая и в неброском кимоно, не сводила с меня внимательного и задумчивого взгляда разноцветных глаз, напоминая кошку. Третий, еще совсем мальчишка, надувшись и сверкая черно-золотыми глазами, сложил в высокомерной позе руки на груди и старался смотреть на меня свысока, что с его ростом удавалось непросто.

— Ни секунды покоя, — обреченно пробормотал я. — Ну что еще? Вы ко мне из-за Сайкена?

— Так вы уже все знаете, Рюджин-сама? — с тревогой спросила меня Мататаби.

— Орочимару! Если ты все это предвидел, то зачем ничего не сделал?! — зло спросил Шукаку, вызвав у меня своими тонкими криками боль в ушах.

Каких-либо замечаний от Курамы я не получил, но и так понятно, что мысли у всех биджу текли в схожем направлении, реакция на мои слова только немного отличалась в меру их характера.

— Знаю, — опустившись на деревянный пол заклинительного покоя храма Отогакуре, ответил я, — но без подробностей.

Информация о произошедшем в Стране Деревьев мне пришла вместе с воспоминаниями от Чоды, которому о случившемся сообщил Чомей. Сам Семихвостый многого рассказать не успел, теперь мне интересно выслушать других биджу.

— Какие подробности?! — обрушились на меня полные негодования слова от свирепо сведшей брови мико. — Сайкен запечатан какой-то сильной печатью!

— *Ура Шишо Фуиндзюцу*. Сложная печать, но для биджу она не смертельна. Не нужно паники, — поморщившись от повышенных тонов Кьюби, ответил я. — Вытащить из нее Шестихвостого можно, я в этом уверен. Даже если пока не знаю как, но нет нерушимых печатей. Если даже из *Шики Фуджин* можно выбраться, то из *Ура Шишо* тем более.

Озвучив свой ответ, я помассировал висок, старясь заставить чакру и кровяное давление в сосудах прийти в норму и унять неприятные ощущения. Хотя сейчас они были вызваны уже скорее не последствиями неудачных попыток адаптироваться к загробному миру, а потугами найти решение навалившихся проблем. *Ура Шишо* — это интересная печать. О ней немногие знают в Конохе, и, насколько мне известно, создана она кем-то из Сенджу на основе работ Узумаки. Или в кооперации двух кланов? Это уже не суть важно. Интересно другое, по словам учителя, это фуиндзюцу настолько сильно, что угодивший в него уже не увидит солнечного света. Полезное, без сомнения, свойство, только с побочными эффектами — использовавший технику шиноби погибает, так как печать заставляет его кровь вскипеть и выплеснуться наружу, образуя вместе с чакрой сферу — область поражения.

В определенных случаях это весьма полезная штука. Например, Шимура в альтернативном варианте хода событий таким способом, как я думаю, пытался уберечь от захвата имеющийся при нем глаз Шисуи. Когда мы с ним не сошлись во мнениях, он тоже пытался использовать эту технику, чтобы все собранные им геномы не попали в мои руки, но я к этому был готов и сумел фуиндзюцу остановить.

Остановить я его смог, но вот обратить вспять? Нет, уверен, что это возможно, но как? Хотя ладно, это сейчас вопрос не первостепенной важности. Интересно другое.

— Как Исобу и Сайкен вообще оказались на месте переговоров Стран Огня и Земли? — оторвав пальцы от виска, вопросительно посмотрел я на окружающих меня биджу.

Переглянувшись между собой, они помедлили с ответом.

— Мы не знаем, Рюджин-сама, — склонив голову, ответила Мататаби.

— Да они были запечатаны! — вспыльчиво добавил Шукаку. — Откуда им знать?! А не знают они — не знаем и мы!

— Они были под контролем, — это уже слова Курамы. — Они сами не до конца понимают, что с ними происходит, но я знаю. Я помню, каково это — посмотреть в водоворот шарингана и утонуть в нем.

— А шаринган-то был один, не так ли? Значит, он все-таки здесь приложил руку, — кивнув, ответил я. — Это ожидаемо.

Значит, Обито уже проник в Кири. Ну, учитывая, что туда дорожку проложил еще Мадара, это не удивительно. Насколько я помню, Мадара уже должен согласно своему плану в очередной раз временно умереть, оставив своего протеже на попечение Зецу. И сейчас у

Обито еще достаточно оставленных ему Мадарой тропок в Кири и закладок в умах кирининов, которыми он с помощью Зецу мог бы воспользоваться. Это понятно. Удивительно то, что за каким-то лядом Обито потребовалось убивать Хокаге. Что тут вообще творится? Всего ведь на пол дня покинул мир!

— Кто он? Что ты знаешь? — не на шутку возбудился Шукаку, готовый уже рвать и кромсать.

— А, — раздраженно отмахнулся я от биджу, — Мадара.

— Как... Мадара? — услышал я растерянный голос Курамы. — Он же мертв.

— Да ерунда. Умер, ожил. Ничего сложного, — все так же раздраженно ответил я докучливым биджу.

Как же досадно. Не ожидал я такого поворота. До последнего надеялся, что Хирузен справится с ситуацией и останется жив, думал, что у него могут быть проблемы с шиноби, но не ожидал, что на него натравят биджу. Кто, вообще, в здравом уме на подобное бы пошел? Конечно, Сарутоби-сенсей великолепный шиноби, в его арсенале множество техник и за его плечами большой опыт сражений, но он все же специализировался на войне с людьми. В этом он мастер, каких мир не видывал. Но против биджу... Нет. Если бы они не были под чужим мощным гендзюцу, он мог бы их поймать в свои иллюзии. Если бы Обито не было рядом, Третий мог бы вывести биджу из-под его контроля. Тогда они не охотились бы целенаправленно за ним, и ему не составило бы труда от них сбежать. Он мог победить, если бы у него были при себе нужные инструменты для запечатывания, вроде горшка, с помощью которого Райкаге справлялся с биджу, или чайника, в котором пленяли Шукаку. Но у него не было ничего из этого. Даже техник, позволяющих банально сравнять весовые категории с биджу, так как особенности физиологии ему не позволили освоить в полной мере хиден Акимичи. И с поглощением чакры у него никогда не ладилось.

Пожалуй, он использовал единственную технику в своем арсенале, которая была способна противостоять биджу. И он едва не унес с собой двух, насколько я понимаю. Треххвостому удалось спастись, скорее всего, благодаря вовремя вмешавшимся Анбу Кири, наверняка контролирующим ход битвы, или самому Обито, который отозвали Санби в последний миг.

И все это можно понять. Но вот чего я до конца не понимаю, так это мотивов Обито, будь он проклят!

— Чего притихли? — устало посмотрел я на умолкших биджу, внимательно следящих за мной. — Скажите-ка лучше, не удалось ли вашим братьям услышать разговоры того Учиха?

— Он был немногословен, — покачала головой Мататаби.

— Странно, — вздохнув, произнес я. — Обычно злодеи имеют уникальное свойство — выбалтывать свои планы перед убийством противника. Это же так удобно. И почему жизнь не похожа на фантазию?

Грустно все это. Все идет наперекосяк. Смерть дайме, во всех обстоятельствах которой мне еще предстоит разобраться, произошла так не вовремя. Только удалось склонить его к нужным решениям. После его устранения из политической жизни страны, гибель Хирузена в этом же году нарушала мои планы. Это же получается, что сейчас нет дайме. И нет Хокаге. Нет консолидирующей фигуры у шиноби, которая бы склонила большую их часть на сторону одного из наследников. И нет правителя, который должен эту фигуру утверждать. Есть, конечно, регент, но сейчас это совсем не та личность, которая способна взять ситуацию под контроль. Интересно, Сарутоби-сенсей хоть успел передать, кого он хотел бы видеть своим

преемником?

Вот же Хирузен, чтоб его! Шиноби до мозга костей! Наверняка ведь были какие-нибудь способы остаться в живых, пусть и пришлось бы заплатить высокую за это цену. Но нет, Хокаге на такое не пойдет. Примеры Первого и Второго перед глазами, не так ли? Нужно быть героем! Да уж. Пожалуй, из всех Каге только Оноки и понимает полностью, что титул самого главного шиноби на деревне обязует думать совершенно отличными от простого шиноби категориями. Герои без страха и упрёка каждый! Все на острие атаки, вот и мрут, как мухи. А как там деревня без них будет жить — это их волнует уже в меньшей степени.

Проклятье! Слишком все как-то неустойчиво теперь. Еще и Энма, макака белобрысая, наверняка растриндит всем, что в убийстве Хирузена принимал участие Учиха с Шаринганом. С Мангекьё Шаринганом! А таких в Конохе из живых знают только Юкс Учиха. И ведь если на то пошло, что-то доказывать уже будет бесполезно. Все несоответствия внешние можно списать на *Хенге*. Несовпадение свойственных для Шарингана Юко техник — заменой ее глаз.

Как же мне это все не нравится!

— Ладно, — потеряв переносицу, сказал я биджу. — Давайте-ка продолжим с того, с чего начали. Я знаю о произошедшем, но мне нужны детали. Расспросите Сайкена и Исобу еще раз. Расскажите, что там произошло во всех подробностях. Может, это поможет мне понять, к чему готовиться.

Дополнительные расспросы большого толка не имели. Видно, что биджу старались помочь. Несколько раз они уходили в себя для сеанса связи с незадачливыми братьями, но и те многого не могли рассказать, хоть и были непосредственными участниками событий. Но в общих чертах выходило следующее.

Кири каким-то образом узнала о месте и времени проведения мирных переговоров между Огнем и Землей. Естественно, Туман не устраивало подписание мирного договора между этими двумя странами. Помощь Ивы в войне для Кири важна, как воздух. Без нее и Стране Воды придется поумерить свой пыл, так как Коноха сможет сосредоточить свои силы на восточной границе. А это ставит крест на планах по захвату побережья, все-таки Лист и Облако во врагах да после поражений от Звука и в заморских колониях — это большая проблема.

Оноки определенно удачно подгадал время, в которое можно подставить союзников с минимальным для себя ущербом. Я бы даже сказал, что еще и с максимальной выгодой для себя. Наверняка он сумел выкрасть у Кири важные данные, как это было бы в неиспорченном мною мире. А теперь сидит довольный, так как Туман просто не имеет возможности осуществить возмездие, занятый разборками с Кумо, Конохой и Ото.

Так вот, зная местонахождение двух Каге, Кири вполне могло решиться на то, чтобы их атаковать. Использовали бы они для этого биджу? Допускаю. Вполне вероятно, что влияние на это решение Обито или Мадара, в данном случае это не суть важно, оказали минимальное. Но это не помешало Учиха самому лично вмешаться в нападение на Хокаге. Зачем ему это?

Опять же допускаю, что в нынешнем психическом состоянии Обито его поступки оценивать с рациональной точки зрения неразумно. Но все-таки, какие у него могут быть мотивы? Месть? Несомненно. Хирузен сам признавал вину за то, что был вынужден вывести на фронт резерв, юных шиноби. И это прямая причина смерти Рин. Подростку в пубертатный период большего бы и не нужно было.

Можно ли считать убийство Третьего Хокаге сакральным убийством себя прошлого, мечтавшего стать Хокаге? Наверное, да, хотя мне такие мотивы понять сложно, но люди бывают горазды и на большие чудачества. Однако нельзя забывать о том, что за спиной Обито стоит тень существа с гораздо более грандиозными планами.

Зецу, зачем ему может быть нужна смерть Хокаге? Понять мотивы этого существа еще сложнее, чем понять биджу. И тот, и эти никогда не были людьми, хоть и сотворены ими. Но мотив Зецу, весь смысл его жизни в возрождении Кагуи. Если смерть Хокаге ему поможет в достижении цели, он Сарутоби бы убил без раздумий. Но мне кажется, что и Зецу сложно понять людей. Именно для этого он использует их для воплощения своих планов. Ведь план Глаза Луны был создан Мадарой, пусть и под влиянием Зецу. И именно его исполняли все участники Акацуки, пока само творение Кагуи по большому счету оставалось наблюдателем.

Может, и сейчас он выполняет желания Мадары, уничтожая Коноху? Или он в целом желает продолжения войны, уменьшая количество шиноби, которые способны были бы помешать выполнению его плана? Возможно также, что он поддерживает хаос, в котором ему проще управлять своими марионетками. Судить мне об этом сложно, так как я понятия не имею о том, как устроен разум Зецу.

Если честно, то все это гадания на кофейной гуще. Но так или иначе, добра Конохе эта парочка, Зецу-Обито, и при другом течении событий не желали бы. Та история, когда Обито целенаправленно выпустил Кьюби на деревню. Тогда у него в руках уже был биджу, и большего ему для плана Мадары было не нужно. Однако Курама был науськан на деревню и в итоге потерян для Обито так же, как и Сайкен сегодня.

Последовательность в поступках Обито наблюдается, уже замечательно. Иначе я бы даже мог пожалеть, что оставил его на растерзание Зецу. Или о том, что вообще не прибил этого мелкого идиота. Но пока он, вроде как, действует в тех рамках, которые я могу предугадать. Это неплохо. Но поступки его, конечно, сильно отличаются от тех, которые можно было бы ожидать. И это уже очень плохо.

— Ладно, в общих чертах мне ситуация понятна, — выслушав биджу, сказал я. — Теперь нужно обдумать, как действовать дальше. Думаю, Куроба, Малис и Мейро здесь, Хиро можно быстро призвать и, надеюсь, министры Кейдзана тоже не в какой-нибудь поездке.

— А мы? — настойчиво спросил Шукаку.

— Что вы? — устало ответил я вопросом на вопрос.

— Сайкен в беде! Что нам с этим делать?! — не унимался Однохвостый, заставив меня поморщиться.

— Все с ним будет в порядке. Вы бы так раньше друг за друга переживали, — ответил я биджу. — Нахождение в печати ему, в отличие от людей, ничем не грозит. Придет время, и он будет отпущен. Кстати, а куски его чакры не были захвачены Кири? Может, он не весь угодил в фуиндзюцу?

— Мы не знаем, — ответила Мататаби. — Если его чакра и осталась, то не так много, чтобы он ее чувствовал в печати.

— Ясно. В любом случае, эмоциями сейчас вы многого не добьетесь. Если хотите помочь Сайкену, то помогите мне. У каждого из вас своя задача, вы знаете, чем должны заниматься. И ты, Шукаку, как раз мог бы еще и поискать способы снятия *Ура Шишо*. Идите и займитесь этим.

Еще раз осмотрев замолчавших биджу, я со стоном поднялся на ноги. Голова все еще

была в беспорядке, а тут еще эти нелюди на мою голову. Разве можно так на больного человека накидываться? Даже если этот человек я, так поступать нельзя. Эх, нужно идти работать.

А по пути подумать, что же делать теперь с Конохой? Сейчас главное, чтобы она не скатилась до откровенной вражды со мной. Мне потребовалось приложить определенные усилия, чтобы сгладить реакцию на мой уход из деревни. Не хотелось бы, чтобы те усилия оказались напрасны. Как долго до нее вообще будет добираться весть о гибели Хирузена? Сутки-двое в запасе у меня есть. Что можно за это время успеть сделать? Думаю, ничего особо. Но нужно как-то выгородить Юоко. Алиби ей устроить. На соседний континент разве что отправить на аэроплане, и то не факт, что это как-то повлияет на решение шиноби. И с прочими Учиха диалог наладить лишним не будет, сказать, что я не сомневаюсь в их непричастности к убийству. И показать готовность помочь им отстаивать свою честь, что ли?

Думаю, больше толка будет, если следующий Хокаге окажется разумным человеком, чтобы разобрался в ситуации. Выборы Хокаге, даже с установленным преемником, все равно должны произойти. Хотя бы одобрение кандидата. Стоит попытаться связаться с теми шиноби Листа, которые мне задолжали, чтобы этот самый кандидат оказался устраивающим меня. Способен ли я на такую аферу? Есть сомнения, но попробовать-то стоит. Вот только как это скажется на самой Конохе? С ее нынешним состоянием-то. Мне бы подождать годик-другой, невмешиваться, чтобы вся неразбериха кончилась, и уже начать работать с новыми дайме и Хокаге, но ведь есть убийца Мадоки Каго и Обито с Зецу. Позволят ли они мне дожидаться лучшего момента? Как же я в этом не уверен!

А ведь все так хорошо шло. А теперь слишком много вопросов, требующих незамедлительных ответов. Я слишком слабо разбираюсь во всей этой политической и социальной кухне. Нужно посоветоваться с Сальмой, но у нее сейчас своих проблем хватает с Суной и Страной Ветра, она человек и не может знать всего. У нее нет времени входить в суть происходящих в Стране Огня дел.

Как же паршиво не знать будущего! Как я жил с этим раньше?!

— Чего тебе, Шукаку?! — раздраженный больше на себя, спросил я у преследующего меня биджу в образе мальчишки.

— Эй, не надо на меня кричать, — опасливо отшатнулся Однохвостый, когда я резко обернулся к нему.

— Тогда тебе не стоит так навязчиво меня преследовать, — уже спокойнее сказал я. — Так чего ты хотел?

— А то ты сам не знаешь! — быстро сменив настрой, запальчиво воскликнул Шукаку. — Дай мне другое тело!

И этот туда же. Несмотря на то, что оба, Ичиби и Кьюби, старательно подчеркивали, что не похожи друг на друга и вообще являются природными антагонистами, в чем-то они были предельно схожи. Чомей и Мататаби к своим человеческим образам почти сразу отнеслись спокойно. Может, потому что они более психически им подходили. И проблема не в гендерной идентичности, а в том, что им ничего не нужно было доказывать самим себе. Кьюби в своем высокомерии и хвостомерстве считал себя вершиной совершенства и могущества среди биджу, его решительно не устраивало выглядеть как-то заурядно, невнушительно, мелко. И то же самое с Ичиби. Только у этого, скорее, комплексы развились из-за Курамы.

— Чем тебе не нравится нынешнее? — сложив руки в рукава кимоно и продолжив свой

путь по коридорам храма, поинтересовался я.

— Я выгляжу, как какое-то ничтожество! — отчаянно воскликнул биджу. — Я чувствую себя беззащитным.

— Да неужели? — заинтересовался я. — Человеческое тело и в самом деле сковывает твои возможности? Я в чем-то ошибся?

С интересом осмотрев шагающего рядом Шукаку, я увидел все того же мальчишку. Песочного цвета верхнее кимоно с черным воротом, из-под которого виднелась нательная темная, типичная для шиноби футболка. Тонкие детские черты на небольшом лице умудрялись совмещать мальчишескую живость с явно недетской напористостью, граничащей с откровенной агрессией. Она читалась в желтого цвета широко раскрытых глазах, которые были окружены темными тенями и змеящимся от них тонким узором. Вкупе с острыми ушами, прижатыми к черепу и торчащими из-под неплотно собранных в хвост пшеничного цвета волос, у этого парнишки был звероватый облик. И иссиня-черные линии джуина на коже и даже волосах только усугубляли эффект. Избавиться от них было нельзя, по какой-то пока не до конца понятной мне причине эти отметины, связанные с характерным для Шукаку джуиндзюцу, возникали на нем всегда.

— Ты выглядишь здоровым, чакра должна течь беспрепятственно по каналам кейракукей, — подвел итоги осмотра я.

— Да, это в порядке, — неуверенно ответил Шукаку, — но я словно вновь оказался в том проклятом чайнике. Все вокруг так давит. Все огромные! И даже Курама!

— Значит, проблема в голове, — подытожил я слова биджу. — Но это же всего лишь человеческое тело, какая разница, какого оно размера? Суть ведь не меняется. Как ты там говоришь? Где лис превратится семь раз, там тануки сможет восемь. Ты же умнее и сильнее Курамы, так что не ной подобно ему.

— Но он же говорит всякую ерунду! — вновь вспылил Шукаку. — Почему нельзя мне быть, как Чомей?

— Знаешь, когда я видел тебя недавно на улицах Отогакуре, мне казалось, что тебя все устраивает, — хмыкнув, сказал я вместо ответа на вопрос Ичиби. — Ты так ловко умудрялся клянчить сладости у добросердечных старушек и мамаш, что вернулся с огромной охапкой самых разных яств.

— Как ты узнал?! — испуганно отшатнулся Шукаку, сияясь спрятать стыдливо забежавшие глаза под челкой.

— А ты надеялся это от меня скрыть? Наивный. Что-то скрыть от меня в моей же деревне — это не мандзю съесть, — рассмеялся я, наблюдая реакцию Ичиби. — Кстати, вижу, тебе они пришлись по нраву. Думаешь, если сменишь образ, то сможешь так же легко их добывать?

Удивительно, но несмотря на диковатый внешний вид, которому бы любой Инузука позавидовал, Шукаку почему-то вызывал сочувствие, что ли, у гражданской части населения Отогакуре. На что-то подобное я рассчитывал, когда давал этому биджу такое детское тело. Хотелось осадить природную агрессивность Хвостатого любовью людей. А дети обычно получают ее больше и проще взрослых. Я б и Кураму, на самом деле, ребенком сделал, но тогда я был еще плохо знаком с биджу и во многом перестраховывался.

— Вы, все девятiero, слишком сильны, слишком упрямы, слишком отличны от людей, — остановившись и развернувшись к Шукаку, я положил руку ему на плечо. — Чтобы узнать, что значит быть сильным и какое бремя несет с собой сила, нужно побыть слабым. Чтобы

повзрослеть, нужно быть ребенком. Очевидные вещи лежат на виду, но мы их часто не замечаем, потому что взор затуманивается обыденностью. Поэтому иди и наслаждайся жизнью, Шукаку.

Посмотрев на удивленно вскинувшего брови биджу, я вновь развернулся и пошел по своим делам. Ичиби остался позади. Сейчас у меня не так много времени, чтобы заниматься воспитанием Хвостатых, поэтому буду радоваться хотя бы тому, что удалось просто отделаться от самого докучливого из них.

Как и ожидалось, шиноби собрать удалось быстро, а вот с советниками дайме и ним самим оказалось сложнее. Время было позднее, многие просто уже спали, и их приходилось поднимать из постелей. Оставив это занятие подчиненным, я в первую очередь решил переговорить с ниндзя.

— Юко уже вылетела в Страну Демонов, — сообщила Мейро, усаживаясь в кресло в одном из помещений дворца Отомуры. — Надеюсь, доберутся без проблем. Такой дальний перелет над морем — и такая поспешная подготовка. Жаль, *Тенсо* не для всех.

— Даже если бы она была в Стране Демонов вчера, то это бы не многое значило для Конохи, — покачал головой Куроба, распахивая раздвижные окна и впуская в помещение душный вечерний воздух. — Мангекьё Шаринган — это не прыщ, который просто может появиться у какого-то шиноби. В Конохе знают, что вы, Рюджин-сама, умеете пробуждать эти глаза. Если не Юко, то это мог быть кто-то другой. Хотя тогда подозрения уже будут ложиться на весь клан Учиха тоже.

— Жаль, вам не удалось узнать, кого назначил преемником Хокаге, — вставила свое слово Малис. — Он передал свои пожелания через собственный призыв. Гм. Интересно, будут ли шиноби Листа приняты слова, переданные через макаку?

— Энма — часть Конохи не меньшая, чем прочие ее шиноби, — нахмурившись, сказал Куроба.

— Это так. Но не для всех.

Слушая переговоры подчиненных, я частью сознания принимал их к сведению. Но больше внимания сейчас привлекало черное пятно ночи, заключенное в оконный проем. Влажный воздух проникал сквозь него, и хотя он не был особо свеж, но в помещении стояла еще более удушливая атмосфера. Последний месяц лета в этом году выдался жарким.

Струи уличного воздуха проникали в комнату и стелились по полу. Сквознячок был наполнен привычными запахами, но почему-то он казался неприятным.словно из ночи за мной наблюдали чьи-то глаза, а ветерок ощупывал кожу неприятными липкими пальцами. После посещения потустороннего мира восприятие все еще было нестабильным.

Раздраженно выпустив узконаправленную волну *сакки* в ночное небо, я обернулся к шиноби:

— Наследником Хирузен, скорее всего, видел Намикадзе Минато, — решительно заявил я. — Этого мальчишку давно готовили к должности Хокаге. Можно сказать, он был рожден для нее. Врожденный талант шиноби, преданность идеалам Воли Огня, живой ум. Он безусловно одарен, хоть ему и не хватает опыта.

— Минато? — с сомнением произнесла Мейро. — Он не всех устроит. Слишком молод. Хоть и успел прославиться в эту войну.

— Если это так, и его поддерживают не все, то мы не можем рассчитывать на то, что он даст хоть какие-то послабления Отогакуре, — заметила Малис. — Его авторитета не хватит, чтобы сопротивляться мнению тех, кто искренне ненавидит Рюджина-сама и не будет

принимать никакие доводы в пользу нашей непричастности к убийству Третьего Хокаге. Даже если он этого захочет, то все равно не сможет.

Как ни странно, я сам не знал, чего можно ожидать от Минато. С одной стороны, он выглядел вполне хорошим и адекватным парнем. Как любил говорить учитель, Воля Огня в нем горит. Такое впечатление складывалось и по моим личным наблюдениям, и со слов Джирайи и Цунаде. Но, с другой стороны, я точно знал, что этого парнишку готовили не совсем как обычного шиноби. Может, его вели по определенному пути, как и некоторых иных одаренных ниндзя Листа. Например, в его детстве, когда он ухлестывал за Кушиной. И потом он рано стал сам наставником. Ему поручали специфичные задания, требующие сложных выборов и неоднозначных решений. Примерно то же происходило с Сакумо и мной. Только я и Хатаке, похоже, свои экзамены провалили, а вот Минато сдавал их на отлично. Иными словами, ментально его тоже подковали. И какие решения будет принимать сейчас этот идеальный шиноби, я не знаю.

— Жаль, тот свиток был передан в нужные руки слишком поздно, Хиро, — покачивая головой, обратился я к своему напарнику из Рьучидо, тоже присутствующему во дворце этой ночью. — С ним у нас было бы больше информации.

— Как было приказано, так я его и отдал, — будь у змея плечи, он бы определенно ими пожал.

— Да, это моя оплошность, — со вздохом признал. — Что же, теперь нам придется действовать в Конохе весьма радикальными методами.

— Что ты планируешь? — поинтересовалась у меня Мейро.

— Использовать лояльных мне шиноби, чтобы предотвратить вероятную войну с Листом, конечно.

— Война с Конохой? — с сомнением нахмурилась мать. — Она настолько вероятна? Пока у нас еще остаются надежды на восшествие на престол Страны Огня благосклонного к нам дайме. В этом случае ни о какой войне речи быть не может. Конфликт с Конохой — да, но войны начинают дайме. Пару лет напряженных отношений — и сегодняшний инцидент забудется. Подобное уже происходило, после Данзо.

— В этот раз умер не Данзо, — с сожалением ответил я. — Тот, кто пришел вместо него, все еще жив и здоров. И он все так же не настроен на дружбу со мной. Сейчас у него будет больше возможностей для мести. И для выполнения своих планов тоже, что бы он там не планировал. Смерть Хокаге, уверен, помешала Корню, но смерть дайме явно пошла ему на руку. Тот пожар в столице — к нему точно причастны шиноби. Не только мастера Катона, но и мастера гендзюцу. И последними, скорее всего, были Курама.

— Клан Курама? — удивилась Мейро. — Но... Тот, кто был способен создавать гендзюцу, наносящие физический вред, погиб. Еще в начале войны из жизни ушел старик, вы говорили об этом.

— Он погиб, но не был запечатан, — добавил я. — Когда смерть останавливала шиноби Конохи?

— Воскрешение, — догадалась Мейро. — Тогда это проблема. Никакая охрана не помешает им поставить того дайме, который им нужен. Только Учиха, но после сегодняшнего дня их к этой задаче сейчас не допустят.

— А тот Учиха, который напал на Хокаге, — медленно произнес Хиро, — он не мог быть тоже воскрешенным? Слишком удачно он появился.

— В каком-то смысле ты прав, Хиро, — невесело рассмеявшись, ответил я. — Но он не

связан с Корнем. Убив Хокаге сейчас, он помешал и им.

Да уж. Этот Обито и в самом деле влез слишком неудачно. С его появлением многое пошло не по планам. В целом я понимаю, чего хотел Корень и те шиноби, волю которых он отражает — убересть собственный суверенитет. Точнее даже, сохранить возможность быть шиноби, потому что там прекрасно видят те тенденции, которые есть в Стране Звука.

Все-таки, несмотря на явное подчинение Конохи дайме, это была свободная деревня. Зависимость ее от государства, в первую очередь, была обусловлена лишь деньгами. Существовало двоевластие дайме и Хокаге, шиноби оставались свободными от налогов, каких-либо повинностей, даже законов. В Стране Звука ситуация сильно менялась, и во главу угла уже становилась идея служения шиноби государству, что разрушало привычный мир какурезато.

Кроме этого, существенен и религиозный фактор. Часть кланов, в основном те из них, которые обладают кеккей генкай, продолжают придерживаться династийных культов, основанных на сакрализации великих предков. Это, например, Хьюга, Учиха, Инузука и те же Курама. И они к Рюджинкё относятся в некоторой степени даже благожелательно, так как учение наполняет их собственные традиции новым смыслом. При создании учения мне пришлось учесть необходимость сохранения самой сути семей с кеккей генкай, потому что Отогакуре нужна была сила Узумаки, Чиноике, Кагуя и других кланов. Тогда пришлось поломать голову над составлением культурной концепции шиноби, которая совмещала бы побуждение к совершенствованию своих родовых техник и стремление к единству всей какурезато. В итоге идеи, которые изначально были нацелены на шиноби, помогли при присоединении к Стране Звука племен зверей и их интеграции в общество. Но в Конохе были и другие кланы.

Например, Сарутоби, Яманака, Абураме, Акимичи, Нара и прочие, которые под влиянием Воли Огня больше тяготели к учению Храма Огня. Их не так тесно сковывала кровь, их техники слабо зависели от наследственности. И они проще вживались в новый уклад и даже вливались в общество Страны Огня.

Уверен, что теперь, без поддержки дайме мне будет сложно осуществлять свое влияние на Страну Огня, и в особенности на ее юг, где сконцентрировались самые ярые противники Страны Звука и Рюджинкё. А в отсутствии сильного авторитетного Хокаге Корню будет сложно убересть Коноху от зреющего раскола, который поглотил все остальные сословия Страны Огня.

В целом есть варианты разрешить ситуацию в Конохе и Стране Огня в свою пользу без лишнего шума и пыли, но этот Обито... Я удрученно покачал головой и тяжело произнес:

— Это будут очень горячие лето и осень.

Глава 54. Собачья вахта

20 августа 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Что за чушь собачья?! — от злости пнув тяжелую бетонную урну, выпалила Кушина. — Какого ляда Совет слушает этого черте откуда выскочившего прыща?!

— Это сын Мадоки Каго, Кушина, — холодно поправил Узумаки Фугаку, с невозмутимостью обзирающий мрак ночи за распахнутым окном.

— Да плевать! — упрямо произнесла девушка. — Он припер сюда кучу шиноби из гвардии дайме! Но он не дайме. Дайме сейчас с остатками гвардии в столице!

— Он первенец Мадоки Каго и внук владельца Хоно, — все так же невозмутимо повторил Фугаку. — За ним есть власть. И, по закону, именно он должен наследовать престол.

— Фугаку, ты вообще за кого? — надулась Кушина. — Приказ Мадоки Каго о наследнике есть, и наследник не его первенец. Да и вообще, эти южане все умом тронулись. Ты слышал, что они там из Орочимару демона лепят? А он весь юг от Страны Воды уберег, знаешь ли!

— Кушина... — недовольно посмотрел на девушку Учиха. — Я капитан полиции. Моя обязанность — порядок в деревне. А кто там дайме — это решать Хокаге и Совету.

Узумаки в ответ рассерженно фыркнула и села на лавку, с шумом ее сдвинув с места, несмотря на сидящих на ней же Акимичи Шито и Чоза. Два массивных джонина недовольно покосились на красноволосую куноичи.

— Правильно, Минато разберется, кто дайме, — сердито бросил Чоза. — И это уж точно не тот малец, который при регенте куклой на троне сидит.

— Верно. Тот, кто поддерживает сдачу Орочимару, не может быть дайме Страны Огня, — уверенно заявил Яманака Фуку, подпирающий стену у входа в станцию ожидания джонинов. — Демона из него лепят, а? Да он демон и есть. Он нукенин, Хабанеро. Не забывай, что ты еще в Конохе живешь. Или уже готова бежать в Ото к своей родне?

— Повтори-ка, что ты сказал, — хищно оскалившись, попросила Кушина, но получила в ответ только презрительный взгляд. — Храбрый стал?! Попробуй прочитай-ка мои мысли! Что я с тобой сейчас сделаю?!

— Ты такой же демон, как и Орочимару, — обозленно сплюнув, припечатал Яманака, не забыв впрочем отступить еще ближе к двери. — В твоей голове только ненависть! Чтобы в ней рыться, нужно самому головой тронуться.

— Ха, так и знал, что засышь, — с едкой насмешкой в голосе произнес сидящий на скамье недалеко от Фугаку еще один джонин Учиха — Инаби. — Яманака и трус — это синонимы. Как с прошлой эпохи за спинами Акимичи и Нара прятались, так до сих пор и продолжаете.

— Прекрати, Инаби! — уже не скрывая злости, резко осадил своего подчиненного Фугаку. — Прошу простить его, Фуку.

— Да какого хрена, капитан?! — сорвался Инаби. — Эти сволочи же до сих пор поносят Орочимару, хотя ему можно памятник ставить за убийство этой гниды Данзо! Сколько наших погибло после Первой войны?! И сколько глаз потом мы нашли в Анбу?! Да Шимура сам присвоил себе Шаринган!

— Как будто Орочимару был лучше, — холодно хмыкнув, вмешался в спор еще один

присутствующий в комнате джонин, Нара Сузаку. — Скажи-ка, Хизаши, что там нашли в подвале его дома?

Потревоженный обращенным к нему вопросом, сидящий на скамье возле самого Нара Хьюга Хизаши окинул взглядом белых глаз Сузаку и невозмутимо ответил:

— У Хьюга нет претензий к Орочимару. Его исследования помогли клану. Большого вам знать не нужно.

— Вот, значит, как, — мрачно произнес Нара. — Продались ему. Я ожидал большего от так дорожащих своими традициями Хьюга.

— Я не замечу сейчас твоих оскорблений, Нара, — негромко сказал Хизаши, повернув голову к Нара, — но впредь следи за языком.

— В этом все Хьюга, Сузаку, — с иронией в голосе сказал еще один джонин, Юхи Шинку. — Что раньше, что сейчас. Их глаза для них все. Если нужно, они за них и убьют, и умрут.

— Мне понятна твоя обида за погасшее солнце в глазах, — с тонкой издевкой произнес в ответ Хизаши, — но не наша вина, что твои родители сношались со всяким сбродом. Не вымещай злобу на Хьюга.

— Ха, лишились бьякугана, а теперь без успеха выставляют себя мастерами гендзюцу, — не удержался от насмешки Курама Муракамо. — Гонору много, но таланта нет. Это и в самом деле обидно, но вины других в этом нет, Хизаши прав.

— А ну все рты заткнули! — зло рявкнул Фугаку, сжав кулаки. — Вот поэтому Совет сейчас и обсуждает, что делать. А вы льете воду на мельницы наших общих врагов!

— Всем рты не заткнешь, Фугаку, — с тихой угрозой в голосе произнес Чоза, вставая с лавки, отчего комната в один миг стала казаться слишком маленькой. — Все знают, кто убил Третьего. Юко ли это была с подачи Орочимару или кто-то из других Учиха — не так уж важно. Вижу, все вы из одного теста, — на этих словах Акимичи смерил взглядом с вызовом посмотревшего ему в ответ Инаби. — Пойдемте-ка отсюда, парни. Душно здесь становится. Проветриться нужно.

К кому обращался Чоза, было не ясно, но вслед за ним станцию ожидания джонинов покинули, кроме его соклановца Шито, Нара, Яманака и Юхи. Хьюга, Курама и Учиха остались в комнате. И Кушина, которая со всевозрастающим удивлением и даже страхом наблюдала за развивающейся ссорой. Она совсем не ожидала, что ее слова приведут к подобному развитию событий. В повисшей тишине, нарушаемой только гулом ламп, с шумом захлопнулась дверь за спинами ушедших шиноби.

— Проклятье! Они всегда были такими. Бегут, только запахнет жареным, — процедил сквозь зубы Муракамо.

— И бьют в спину, когда не можешь ответить, — мрачно добавил Инаби. — Когда Юко была нужна деревне, она была героем. Стоило ей утратить додзюцу, так ее едва не убили. Все тот же Данзо ее едва не прикончил! Нам пришлось потрудиться, чтобы она добралась до Ото в безопасности, капитан! И когда Орочимару вернул ей глаза, они вновь вспомнили про нее и потребовали вернуться! Да сколько можно это терпеть?!

— Успокойся, Инаби, — устало попросил Фугаку. — Сейчас уж точно не время вспоминать старые обиды.

— Были бы они старыми... — недовольно пробормотал молодой Учиха. — Да, сука! Тот, кто убил Третьего, мог быть кем угодно! Сколько глаз было у Данзо?! Там мог быть и Мангекьё! А виноваты теперь мы?!

— Меньше слушай идиотов, у которых мозги заплыли жиром, — посоветовал Хизаши, откинувшись на спинку своей скамьи и раскинув в стороны руки. — Уверен, Минато лучше понимает, что сейчас происходит. И не будет скор на выводы.

— Молод он еще, — с сомнением произнес Курама Муракамо, усевшись на освобожденные Акимичи места и облокотившись о колени. — Он хорош, но все-таки ему двадцать три года. Опыта мало для Хокаге. Когда в столице три сына грызут друг другу глотки за трон, и когда в деревне некоторые начинают сходить с ума, нужен тот, кто с этим справится.

— У него есть советники, — напомнил Фугаку, вновь обратив свой взгляд на ночь за окном.

— Толку от этих поросших плесенью стариков? — не удержалась от комментария Кушина. — Что они, что Данзо — одного поля ягоды. Цунаде с ними хорошо знакома.

— Да, если Минато молод, то они уж слишком стары, — рассмеялся Курама. — Не знаю даже, что они могут посоветовать.

— Особенно, когда Джонин Ханчо — Нара, — вздохнув, подтвердил Хизаши. — Пример его мнения о том, кого признавать дайме, мы только что видели.

— Джирайя исчез очень невовремя, — пробормотала Кушина. — В какие пески его там затянуло? Цунаде одна не справится.

— Боюсь, она может сделать только хуже, — мрачно высказался Фугаку.

— Капитан, так чего ж тогда стоять без дела? — спросил Инаби. — Черт, да вообще, почему еще не было совета джонинов? Мы даже Минато не утверждали, а он уже считается Хокаге, хотя есть только слова Энмы, даже не самого Хирузена. Теперь даже дайме могут признать совсем другого.

— Учиха сейчас лучше не торопиться, — болезненно поморщившись, ответил Фугаку. — Посмотрим, о чем там договорятся Хокаге и эти гости с юга.

— Хотелось бы, чтобы Минато принял верное решение, — с тоской произнес Хизаши. — Несостоявшемуся наследнику Мадоки уж сорок лет, а ума он, похоже, не нажил. Или уж очень власти хочет. И он хочет втянуть шиноби в свою войну за престол, хотя прав у него на это уже и не осталось.

— Да уж не только за престол, — покачал головой Муракамо. — Известно же, на его стороне Храм Огня. Эдак он может и еще с кем-нибудь пожелать повоевать, с храмом Хачидайрюо, например. А чем это обернется, мы знаем по примеру Водопада. Орочимару не терпит, когда начинаются гонения на его последователей.

— Кстати, нинсо Храма Огня тоже сейчас в Конохе, — вспомнил Хизаши. — Официально, для захоронения тела Третьего, но очень уж они удачно вместе с принцем появились. Не нравится мне, что в Конохе столько ниндзя посторонних стало.

— А мне вообще не нравится, что нинсо снова пришли за телами, — раздраженно высказал свое мнение Инаби. — Храм Огня уже стоит на трупах! Скрытые гробницы, чтобы уберечь наших предков? Что за бред?! Они хранят их по заветам своих Сензоку, чтобы выжать даже из мертвецов все, что можно и нельзя! Чтобы пустить их в бой, когда потребуется, чтобы изъять кеккей генкай. Даже Мадара не избежал этой участи.

— Ты прав, это раздражает. Кремация облегчила бы Хьюга жизнь, как мы надеялись, когда присоединялись к Конохе, — согласился Хизаши, поправив протектор на лбу. — Но можно понять, зачем Храм Огня так держится за первого принца. Рюджинкё наступает с востока и севера, а нынешний регент хочет продолжить дело Мадоки Каго и объявить унию с

Ото, что откроет двери учению дракона на юг. Естественно, такого им не нужно.

— Понять-то можно, но они хоть понимают, к чему эти их желания могут привести? — скривился Муракамо. — Да и эти Нара и иже с ними тоже. Орочимару создал Рюджинкё, за ним сотни тысяч людей следуют. Это уже не одна маленькая страна. Не знаю, что там у него в голове, но если судить по делам, то что получается? Получается, он помогает людям хлебом, спасает от болезней, продвигает промышленность, вдыхает в разоренные войнами земли жизнь, пока другие упорно все уничтожают. А в Конохе его по-прежнему объявляют нукенином. Мне кажется это недальновидным.

— Скажу так, в Конохе и в столице Страны Огня еще не поняли, что произошло на востоке, — сложив руки на груди, высказался Фугаку. — Страна Звука разгромила Страну Воды. В сторону все условности, по сути это так и есть. Малая страна нанесла поражение в войне великой державе и осталась при этом на карте сама. А относиться к ней продолжают по-прежнему, как к еще одному мелкому государству. От этого много ошибок.

Произнеся эту речь, Фугаку вдохнул свежий ночной воздух. Кушина тоже откинула голову на спинку скамьи, чтобы ветерок из открытого окна обдул лицо. За окном была тихая ночь. Впервые за долгое время в деревню вернулись с миссий многие шиноби, прибыли в Коноху и принц с перешедшими на его сторону ниндзя и нинсо, но деревня была тиха. Только слышно было кваканье лягушек. Перемирие было подписано, но ощущения праздника не приходило. Только все больше нарастало напряжение.

— Ладно, — спокойно произнес Фугаку. — Дождемся решения Совета. Глядишь, к концу дежурства что-то прояснится.

К концу дежурства ничего не прояснилось. Кушина возвращалась домой, когда уже алела заря на горизонте, а Совет разошелся на перерыв. Всю ночь пришлось провести в ожидании приказов Хокаге, так как наличие в деревне стольких посторонних ниндзя было проблемой для системы безопасности. Барьерное ниндзюцу, отслеживающее постороннюю чакру срабатывало постоянно и требовало внимания дежурных. Правда, к утру ситуация усугубилась — поступило сообщение, что в Коноху прибывает делегация дайме. Но это была проблема уже следующей смены.

Распровавшись с друзьями, Кушина наконец возвращалась домой. Тишина на пустынных улицах дарила покой. Туман поднялся над небольшой речкой, окутывая дома зыбкой дымкой. Вчерашняя вечерняя духота сменилась свежестью. Несмотря на бессонную ночь и все произошедшие события, становилось спокойнее на душе. Расстраивал только резкий запах клематиса. Похоже, детишки порезвились — нарвали цветов в растущих вдоль улицы кустах, повредив листья и ветви.

— О, привет! — махнула рукой Кушина, проходя мимо замка Киккё, сидящей на покрытых мхом и росой камнях лягушке.

Большая, величиной с ладонь, жаба была яркого оранжевого цвета с пятнистой спинкой. Она облюбовала берег мелкого, заключенного в каменные берега прудика — единственного, помимо самого замка, сохранившегося элемента самурайского поместья. С детства Кушина уже улучшила немного свои навыки сенсора, поэтому более не путала жаб с каппой. Но все равно проводившая девушку меланхоличным взглядом амфибия заинтересовала Узумаки.

Это явно был гость с Мьёбокузана, пусть и не особо разговорчивый. В последние годы Кушина была занята либо военными миссиями, либо училась контролировать чакру биджу, либо постигала тонкости фуин- и джуиндзюцу. А Минато за это время уже успел превзойти Джирайю в сендзюцу. Может, и ей тоже попробовать освоить Искусство Отшельников? Это

выглядит не так уж и сложно. Конечно, на Минато равняться не стоит, но если Джирайя сумел, то почему не сможет Кушина?

— Осторожнее, Кушина, — внезапно раздался в голове девушки раскатистый голос.

— Курама?! — едва не подпрыгнув от испуга, воскликнула Узумаки

— Кто-то поблизости желает тебе недоброго, — не обратив внимания на испуг Кушины, лениво произнес биджу.

— Что? Я ничего не чувствую, — прислушавшись к внутренним ощущениям, ответила девушка.

— Они не испытывают ненависти к тебе и не желают смерти. Но от этого только еще более опасны, — все так же лениво произнес Кьюби. — Лучше беги.

— С чего бы мне тебе верить? — насторожено спросила Кушина, тем не менее ускорив шаг и начав внимательнее вслушиваться в утреннюю тишину. — С чего вообще такая забота?

— Меня попросил помогать тебе тот, кому нельзя отказывать, — с едкой насмешкой в голосе произнес Курама.

— Кто?!

— Думай лучше о себе...

Голос затих. С губ Кушины невольно сорвались проклятия. Она быстро осмотрелась по сторонам, внимательно вслушиваясь в тишину и пытаясь ощутить чакру. Вроде, ничего подозрительного. Но не может же треклятый биджу просто шутить!

Еще раз выпалив ругательства, девушка решительно вознамерилась запрыгнуть на крышу и добраться до квартала Учиха. Квартал был неподалеку, и если предупреждения Курамы были не пустыми словами, то там можно рассчитывать на помощь. Однако свои планы Узумаки воплотить не смогла.

Она собиралась совершить длинный прыжок, взобравшись на крышу замка Кикьё, когда поняла, что не может пошевелить ногами. Испуганно дернувшись, она едва не рухнула на землю. И только сейчас заметила, как из утрамбованной земли вырываются белые прочные побеги деревьев, оплетающие ее ноги.

Мокутон?!

— Гендзюцу! — оглушительный рев раздался в голове, ударив по сознанию. — Беги!!!

На секунду Кушина ощутила, как чакра в ее теле замерла, прикоснувшись к жгучей энергии биджу. Оплетающие ноги побеги в мгновение ока пропали, не оставив и следа. Испуганно сглотнув, девушка сорвалась с места, попытавшись взобраться на ближайшую крышу, но вновь ощутила, что не может двигаться. Ватная слабость сковала ноги, чтобы смениться чудовищной болью.

Сознание затопила невыносимая мука. Кушина чувствовала, как стремительно растущие шершавые побеги деревьев пронзают ее плоть и скребут по чувствительной надкостнице, прорастая корнями сквозь сосуды в костный мозг. Взыв от боли, девушка была готова начать кататься по земле, но не могла упасть — белые ветви оплели ноги уже до бедер.

Это было всего лишь гендзюцу! Но почему так больно?!

Сквозь боль Кушина пыталась прервать поток чакры и вырваться из плена иллюзии, но это не получалось. Стремительные ветви взметнулись от земли к рукам и впились в плоть, прорастая сквозь кожу и распуская окровавленные листья из-под ногтей.

— Курама... помоги, — в отчаянии прошептала девушка, силясь хотя бы приглушить боль, но не получала ответа.

Вместо него Кушина ощутила чувство, которое надежно вьелось ей в память ранее.

Несмотря на то, что тогда она была почти в полном беспомоществе, в памяти все же отложилось ощущение тягучей боли в животе и в кейракукей. Чувство, будто из ее тела планомерно сливают кровь, выщарапывая ее из сосудов сотнями крючков. Яростно, в безумии зарывав, она попыталась остановить это, но чакра продолжала утекать, вырываясь из разомкнутой печати на животе.

Биджу изливался на волю. Затуманенным взглядом Кушина не видела этого, но чувствовала, как кипящая и жгучая чакра льется наружу, выдирая из меридиан собственную энергию девушки. Узумаки отчаянно цеплялась за чужую чакру, силясь удержать ее, но она скользила сквозь пальцы, обдирая руки в кровь.

Этого не могло быть! Не сейчас! Не здесь! Нападение прямо посреди Конохи!

Муки прекратились так же внезапно, как начались. Тело продолжало гореть от боли, сознание еле реагировало на раздражители. Кушина уже не чувствовала ног, но ощущала сильную слабость. Она чувствовала, что лежит в луже собственной, еще горячей крови. С трудом, сжав волю в кулак, она попыталась приподняться на руках, но резкая боль прострелила кости, и Узумаки вновь рухнула в грязь.

— Не шевелись, — словно сквозь вату до разума донесся чей-то приказ. — Ты потеряла много крови. Потерпи секунду, я помогу.

— Микото?.. — через силу пытаюсь сфокусировать взгляд на бледном пятне чьего-то лица с горящими тревожным багрянцем глазами, простонала Кушина.

— Я здесь. Я здесь, потерпи, — нежное прикосновение медицинской чакры подарило ни с чем не сравнимое ощущение блаженства.

Ирьениндзюцу пронеслось по меридианам и клеткам тела, унося боль. Реальную боль после гендзюцу. Судорожно выдохнув, Кушина сжала руки в кулаки, чувствуя, как по телу пронеслась волна дрожи. Техника Микото благодаря Шарингану была особо эффективна, но от нее исцеляемую чуть не скрутило судорогами.

— Спасибо... — облизнув пересохшие губы, с облегчением произнесла Кушина и хотела произнести еще несколько слов, но они застряли в горле.

Голова все еще кружилась, и взгляд был затуманен, но в рассветных лучах она смогла разглядеть лицо Микото. Точнее, ее глаза. Вместо привычного Шарингана на нее смотрели два пылающих алым цветком. Мангекьё Шаринган!

— Микото... — не веря своим глазам, только и смогла прошептать Кушина.

— Не думай об этом! — резко ответила Микото. — О себе заботься. Ты серьезно ранена.

— Это было лишь гендзюцу, — мотнула головой Узумаки. — Я не могла...

— Мои глаза не обманешь, — зло бросила Учиха. — Это было гендзюцу, от которого даже я не смогла тебя освободить. И ты ранена. Приди в себя!

Кушина проглотила ком в горле и попыталась справиться с головокружением. В последнее время ей приходилось слишком часто это делать. С трудом приподняв руку, девушка, к своему удивлению, увидела глубокие, едва затянутые тонкой корочкой раны. Рваные прорехи в плоти, сквозь некоторые из которых можно было разглядеть кости, которые были покрыты мелкой сетью дырочек и язв. Словно старое, изъеденное насекомыми дерево. Только кости Кушины были пронизаны тонкими корнями.

— Это была иллюзия... — все еще отказываясь верить своим глазам, прошептала Кушина, боясь представить, что произошло с ее ногами, если руки в столь плачевном состоянии.

— Гендзюцу Курама, — вмешался в разговор еще один голос, грубый и мужской.

Фугаку. Квартал Учиха был рядом, Кушина не смогла добраться до них, но они сами пришли ей на помощь.

— Нам нужно убираться отсюда, — раздраженно сказала Микото. — Мы не смогли поймать нападавшего, он может быть рядом. И Кушине нужна помощь ирьенина.

— Уже поздно, — с досадой ответил ей Фугаку, медленно оглядываясь по сторонам, его глаза горели алым. — Анбу уже здесь. Придется объясняться.

Как быстро поняла Кушина, когда Фугаку говорил про объяснения, то имел в виду совсем не Анбу. Буквально через мгновение после его слов, на улице перед замком Кикьё появился Четвертый Хокаге. По случаю переговоров с первым принцем Страны Огня, одет Минато был в традиционное хаори, а вот на голове носил лишь протектор Конохи. Этим, как поняла Кушина, он подчеркивал, что пока не является признанным Хокаге.

Появившись в облаке взметнувшейся пыли, Минато устало осмотрелся по сторонам, задержав взгляд на нескольких крышах и Фугаку с Кушиной и Микото.

— Что здесь произошло? — вздохнув, спросил он в пустоту.

После секунды тишины возле Намикадзе, едва заметно искажившись в воздухе, появилась фигура шиноби в белой маске Анбу.

— Моим отрядом была замечена мощная чакра Кьюби, Хокаге-сама, — преклонив колено, быстро отрапортовал капитан Анбу. — Она истекала неконтролируемо, поэтому мы немедленно выдвинулись к очагу и отправили вам сообщение.

— Чакру я почувствовал. Любой ее только что мог ощутить, — качнув головой, сказал Минато. — Конкретнее.

— Так точно. По прибытии на место мы обнаружили джинчурики в критическом состоянии под воздействием мощного гендзюцу. И двух Учиха — Фугаку и Микото. Последняя имела активный Мангекьё Шаринган, Хокаге-сама.

Метнув озабоченный взгляд к Микото, Намикадзе требовательно спросил:

— Это правда? Ты владеешь Мангекьё Шаринганом?

Но Микото с ответом медлила. Опустив болезненно съежившуюся Кушину на землю, Учиха встала на ноги и уверенно посмотрела в ответ на Хокаге, в ее глазах сейчас оставались лишь три томое.

— Микото, — ровным тоном произнес Фугаку, то ли разрешая женщине ответить, то ли сам прося ответа.

— Да, — коротко ответила Учиха.

— Мы пришли к выводу, что джинчурики была атакована Учиха, — вставил свое слово капитан Анбу, — либо печать джинчурики была нарушена тем, кто ее наложил, и Учиха сдержали прорыв биджу. При попытке вмешательства мы были остановлены капитаном полиции.

— Фугаку? — повернулся к Учиха Намикадзе.

— На Кушину напали. Это было гендзюцу клана Курама. Их кеккей генкай.

— Чушь! — воскликнул капитан Анбу. — Курама Ямато погиб. Он был последним, в ком был пробужден кеккей генкай клана.

— Именно! — вмешался в разговор еще один голос, очень сердитый и полный гнева голос. — Курама Ямато погиб в этой войне. Но я только что ощутил чакру своего отца! И прошу объяснить мне, как это произошло!

Похоже, Минато был прав, и многие шиноби ощутили вспышку чакры Кьюби. И хоть

поначалу они были ошарашены этим и ожидали буйства биджу, сейчас ниндзя начали приходить в себя и собирались к месту происшествия. Кушина не сразу заметила, но помимо капитана Анбу, успели появиться еще несколько десятков шиноби из Анбу. И, кроме них, прибыли несколько десятков Учиха, которые были ближе прочих. И только сейчас подоспел Курама Муракамо.

— Если Конохе так нужна сила моего отца, то скажите это открыто! — яростно воскликнул джонин. — А не тайно возвращайте его с того света!

— Ты, должно быть, ошибся, — после короткой паузы ответил Минато на праведную отповедь Муракамо. — Никто не тревожил прах твоего отца.

— Мы не знаем, какие особенности имеет гендзюцу Мангекьё Шарингана Микото, — добавил капитан Анбу. — Не исключено, что она способна копировать кеккей генкай. Эта женщина, несмотря на силу, не желала участвовать в боях. Возможно, она владеет теми техниками, о которых нам рассказывал Энма.

— Еще один намек, и кто-то сожрет свой поганый язык, — холодно произнес Фугаку, смерив взглядом фигуру шиноби из Анбу. — Никто из Учиха не причастен к гибели Хокаге, я ручаюсь за всех, кто еще жив.

— Именно! — поддержал главу клана один из старейшин Учиха. — Кто еще жив. Но вы не постыдились вернуть Курама Ямато. И вас ничто не остановило бы, если бы вам понадобился Мангекьё. Где тело Мадары?! Энма говорил, что напавший на Хокаге имел лишь один глаз. Тогда где тела Наори, Рая, Бару и Наки?! Вы не дали нам их захоронить почеловечески, спрятав для себя! Трупоеды! Может, это Анбу и убили Хокаге? Или, может, это были остатки Корня?!

Масса Учиха, столпившаяся возле Фугаку, недовольно зашумела, злобно озираясь по сторонам. Все чаще в предрассветном сумраке вспыхивали алые огоньки Шарингана.

— А, проклятье, только примчался, а тут такой кипиш. Как же бесит, — спрыгнув с крыши замка Кикьё, нарушил зависшую на улице тревожную тишину Нара Шикаку. — Я так понял, кого-то поймали на месте преступления, и теперь он хватается за небылицы, чтобы оправдаться? Или, может, ты и мне попробуешь заткнуть рот угрозами, Фугаку?

— Я не угрожаю, я лишь предупреждаю, — бесстрастно ответил Учиха. — Но вопрос моего друга оправдан. Где тела наших отцов? Почему Шимура Данзо владел Шаринганом, а в лабораториях Анбу были найдены сотни глаз Учиха, но когда на Третьего напал кто-то с Шаринганом, все подозрения упали на нас? К сожалению или к счастью, мы не следуем традициям Хьюга. Наши глаза не гаснут после смерти. Я даже согласился принять волю покойного Обито, оставив глаз Хатаке Какаши. И теперь я думаю, что зря. Слишком много проблем от этого сейчас.

— Так. Я советую всем успокоиться, — мягко произнес Минато.

Несмотря на тон, в голосе были слышны нотки стали, которым немногие могли бы противостоять. Пара слов Минато заставила Нара проглотить уже просящиеся на язык слова, а клан Учиха притихнуть.

— Тайну смерти Третьего нам еще предстоит выяснить, — убедившись, что никто не собирается ему перечить, сказал Минато. — Пока я должен разобраться, что здесь только что произошло. Надеюсь, капитан полиции окажет содействие Хокаге?

— Конечно, — кивнув, ответил Фугаку. — Но Кушине нужна медицинская помощь.

— Я отведу ее к Цунаде, — предложила Микото. — Она должна быть уже в госпитале.

— Иди. Здесь я разберусь, — согласился Фугаку таким тоном, который не предполагал

возражений со стороны даже Хокаге.

— Помогите ей, — отдал приказ Анбу и нескольким дежурным джонинам Минато, поняв невербальные намеки Учиха.

Естественно, Микото не нуждалась в помощи, чтобы доставить Кушину в госпиталь, ей не нужно было даже особо напрягаться. Но оставлять ее наедине с джинчурики Хокаге не стал, предоставив конвой, который должен был, если что, справиться с Учиха. Подруга осторожно приподняла Узумаки с земли, закинув ее на плечи. Кушина отчаянно скрежетала зубами, борясь с болью. Несмотря на медицинские техники и сильную кровопотерю, кости словно по-прежнему грыз рой древоточцев.

Несмотря на то, что Микото старалась быть осторожной, перемещение на ее плечах было не самым комфортным способом путешествовать. Кушину и без того неслабо начинало мутить, и лишняя тряска не добавляла ей здоровья. Радовало только, что облегчение она получила уже буквально через пару минут, оказавшись в операционной под присмотром Цунаде.

Сенджу, когда была зафиксирована вспышка чакры Хвостатого, не стала, в отличие от многих, мчаться к ее источнику. Следуя самой собой разработанным правилам, она примчалась в госпиталь, где уже стояли на ушах прочие ирьенины, готовые оказывать помощь пострадавшим. Никто не удосужился сообщить им, что там происходило. Чакра Кьюби появилась и пропала, разрушений и боя, вроде, при этом не наблюдалось. Что делать, было не совсем понятно. Оперативные группы были отправлены к месту происшествя, но их развернули отряды Анбу.

Наверное, поэтому появление Кушины здесь восприняли с облегчением — хоть какая-то ясность.

— Значит, это был кто-то из Курама? — уже после операции и вспышки ярости, выслушав рассказы Кушины и Микото, уточнила Цунаде, расхаживая из угла в угол больничной палаты.

— Не знаю, — удрученно покачав головой, ответила Микото. — Это было очень сильное гендзюцу, и оно оставило реальные травмы на теле Кушины. Я сама едва не угодила в него, несмотря на Шаринган. Только Мангекьё спас. Очень похоже на техники Курама. И Муракамо сказал, что ощутил чакру своего отца.

— Который уже мертв, — мрачно завершила мысль Учиха Цунаде. — Проклятье, я уже ничего не понимаю! Что за адская каша у нас заварилась? Черт! Стоило догадаться, что произойдет что-то чудовищно паршивое, когда я вытянула в храме предсказание с большой удачей!

— Странная удача, — сидя на стульчике в углу комнаты, устало заметила Микото.

— Станный храм! Дернуло же меня заглянуть туда... А! Не важно!!! — решительно рубанула воздух ладонью Цунаде. — Мне нужно идти разбираться с тем, что вы, мелкие, натворили. Вырвавшийся Кьюби. Мангекьё Шаринган. Почему вы не можете не вляпаться в какое-нибудь дерьмо? Оставайтесь здесь пока, чтоб не искать вас, если мне потребуются еще ответы.

— Очень смешно, — исподлобья посмотрела на Сенджу замотанная в бинты и гипс Кушина, которая даже встать сейчас могла бы лишь при очень большом желании.

— Кому-то из Учиха придется быть с Кушиной, пока ситуация не разрешится и нападавшего не поймают, — откинувшись на спинку стула, ответила Микото. — Могу и я. Только Итачи один...

— Я передам Нами, чтобы она о нем позаботилась, — поняла с полуслова Цунаде.

— Спасибо.

Сенджу ушла, и в палате повисла тишина, нарушаемая только чириканьем воробьев. За окном уже вовсю сияло солнце, длинные тени деревьев и зданий вытянулись по Конохе, укрыв ее чудным узором. И где-то в этих тенях прятались Анбу. И несколько шиноби клана Нара, кажется. Это кроме пары джонинов за дверьми. Несмотря на яркий восход и пение птиц, атмосфера становилась все более гнетущей.

— Курама? — внезапно вспомнив о биджу, про себя позвала заключенного в себе зверя Кушина. — Курама? Ты... как?

Узумаки чувствовала себя предельно глупо, просто общаясь с Кьюби и уж тем более задавая ему такой вопрос, но он же ее пытался спасти. Биджу пытался ее спасти. Звучит, как какая-то шутка, но он предупредил ее. И даже снял гендзюцу один раз, пока сам не угодил в него.

— Переживай о себе, — через некоторое время получила Узумаки ленивый ответ. — Со мной все в порядке. Если мое состояние можно вообще считать порядком.

Услышав этот не особо дружелюбный ответ, Кушина радостно улыбнулась. Биджу отвечал ей. Без ненависти. Без желания убить. В последнее время Кьюби часто говорил с ней, отпуская едкие шутки, стремясь уколоть или обидеть, но уже тогда Узумаки ощущала, что в нем что-то изменилось. А потом он назвал ей свое имя. Как говорил Орочимару, у Кьюби было имя! Этот треклятый змей все знал! Он, демоны его б забрали, всегда все знает!

— Ты помог мне сегодня, — вновь попробовала обратиться к биджу Кушина, затаив дыхание. — Скажи, тебя просил об этом Орочимару?

Прождав несколько секунд, Кушина так и не получила ответа. Кьюби не желал отвечать. Пока! Кушина была уверена, что сможет вытянуть из него ответ! Если Курама имел в виду Орочимару, говоря о том, чьи просьбы он не может не выполнить, то это что получается? Орочимару тогда просто... Да он просто Рюджин настоящий! Не может быть!

— Спасибо, — еще раз про себя произнесла Кушина. — Спасибо, что назвал мне свое имя, Курама.

И вновь в ответ было лишь молчание и тишина.

— Четыре года, — внезапно нарушила тишину Микото.

— Что четыре года? — вздрогнув от неожиданности, спросила Кушина, которая была поглощена своим внутренним миром.

— Столько я не попадала в больницу. Четыре года назад родился Итачи. После этого я здесь не бывала. Хотя нет... Нами навестила, когда у нее родилась Хината.

— Значит, тебе везло на миссиях. Я вот... Да, как-то часто я оказываюсь в госпиталях под охраной, — неловко призналась Кушина, вспомнив, как ее потрепало в Стране Звуча, и в какой больничной палате она очнулась там.

— Я не часто их брала, миссии эти. Но да, везло. Хотя больше всего мне повезло с учителем и Кизаши. Итачи, мой мальщ, часто болел. К счастью, моих навыков хватало, чтоб ему помочь. А если нет, то мне всегда было к кому обратиться. И, честно, сейчас я бы предпочла навредить тебе после рождения сына или дочери, а не так, как сейчас. Слишком много смертей было в последнее время вокруг... Хотелось бы увидеть рождение новой жизни.

— После сегодняшнего я даже не знаю, — с грустью призналась Кушина. — Все эти события: смерть дайме и Хокаге, шиноби друг друга обвиняют и подозревают. Еще и

сегодня... Откуда у тебя Мангекьё Шаринган?!

— Я видела смерть отца. Видела смерть матери. Когда погибли брат и Айрон, я... — уперев локти в колени и закрыв лицо ладонями, ответила Микото. — Я не выдержала. Я поняла. Многое... Давай не будем об этом. Сейчас и без того нет настроения.

— Хорошо, — с сочувствием отозвалась Кушина.

Нет настроения — это Микото еще мягко выразилась. Уронив голову на подушку, Кушина бездумно уставилась в потолок, начав разглядывать вытянутые плафоны люминесцентных ламп — единственное, за что мог зацепиться взгляд на ровной поверхности потолка.

— Как думаешь, обойдется? — не выдержав молчания, обреченно спросила Кушина. — Минато и Фугаку... Прочие шиноби тоже. Они не выглядели миролюбивыми.

— Минато сможет удержать ситуацию под контролем в Конохе, — помедлив с ответом, высказала свое мнение женщина. — Это не всем понравится, но, несмотря на молодость, его многие поддерживают. Если он не напортачит с этими тремя дайме, то все должно быть в порядке.

— Дайме! Сегодня же должен прибыть мелкий дайме из столицы. Все и сразу!

— Да, это опасная ситуация.

И словно в ответ на эти слова Микото, со стороны ворот Конохи раздался взрыв. Слабенький, едва слышимый в госпитале, но очень хорошо знакомый шиноби. Сработала взрывная печать. Кушина только и успела дернуться в своих хлопковых оковах, когда Учиха уже оказалась у окна.

— Что там? — с досадой проклиная про себя свою слабость, спросила Кушина.

— Не знаю, — вглядываясь в даль, ответила Микото. — Точно ничего хорошего.

***

Едва ли не в последний момент успев сдернуть с места испуганно взвизгнувшего мальчишку, я повалил его на землю, придавив к вытоптанной поверхности улицы Конохи всем телом. В следующую секунду прямоугольный клочок бумаги, привязанный к кольцу куная, догорел, и во все стороны рвануло пламя. Близкий взрыв ударил по ушам, вызвав болезненный звон, спину обожгло жаром огня и несколькими болезненными уколами разлетевшегося на осколки куная.

Ерунда, лишь посеколо одежду и кожу. Неприятные раны для обычного человека, но с кеккей генкай в организме Охеми они исчезли за мгновения. А вот мой подопечный мог пострадать серьезнее. Обхватив мальчишку за грудь, снова сиганул в сторону и, уже кувыркаясь в пыли, смог закатиться со своей ношей за стену здания. Так себе защита, учитывая, что стена эта для Конохи типично хлипкая, но хоть что-то.

— Жив? — требовательно обратился я к мальчишке, быстро осматривая его на предмет ран.

Ответа я не получил, если не считать за таковой всхлипы. Скорее всего, парнишку взрывом приложило серьезнее, чем меня, но ран нет. Хотя этому могло хватить и простой ударной волны. Все-таки семилетний Мадока Иккью совсем не был шиноби. Он был самым обычным ребенком. Даже хуже, так как он был сыном дайме Страны Огня, и лишь недавно за его обучение взялись всерьез. Причем обучение это совсем не включало в себя боевую подготовку.

Выражение лица мальчишки сложно было назвать испугом, скорее граничащий с паникой шок. Паршиво.

— Сиди и не двигайся! Ясно?! — приказал я, прижав мальчишку к стене.

Не обращая внимание на его частые кивки и дрожащие губы, я выглянул из-за стены, чтобы оценить обстановку. Там все было еще печальнее.

Та часть делегации дайме, которая не относилась к числу шиноби, была если и жива, то явно не пребывала в добром здравии. Некоторых посеколо осколками, других обожгло пламенем. Ниндзя же, которые должны были охранять дайме, оказались всецело поглощены сражением с превосходящими силами противника. А я думал, что в Конохе такого не произойдет. Оказывается, несмотря на все прожитые годы, я все еще недооцениваю глубину человеческой глупости. А именно ее проявление, на мой взгляд, тут только что произошло.

Сам по себе поход малолетнего дайме в Коноху был той еще авантюрой, но на то было несколько причин. Первая из них состояла в том, что регентом при мальчишке на троне оказался его дед, министр двора, а не первый советник, как это должно было произойти по традиции. Последний мало того, что не прочь был бы видеть на троне своего внука, который в нынешней ситуации оставался в полном пролете, так теперь еще и пост регента упустил. С этим, естественно, он согласиться не мог. Поэтому в столице сейчас начались масштабные подковерные баталии, в которых малолетнему дайме лучше не участвовать, чтобы не лишиться жизни.

Не сомневаюсь, что в итоге министр двора сожрет первого советника. Видел я двух этих мужиков. И хоть советник был толковым человеком, но в интригах ему с прожженным царедворцем не тягаться.

Была еще и вторая причина, почему Мадока Иккью должен был оказаться в Конохе. Все же он был дайме, и для укрепления своего авторитета он должен был хотя бы формально признать нового Хокаге. Пусть слово дайме, особенно семилетнего, на выбор лидера Конохи влияло слабо, но это была традиция, форма, которую следует соблюдать. Она сама по себе могла хоть немного легитимизировать ребенка на троне.

Министр двора был прекрасно осведомлен о ситуации в Листе и здраво предположил, что появление дайме в Конохе и его признание Минато поможет склонить на свою сторону шиноби. Только вот он не ожидал, что первый принц успеет заявиться сюда раньше и приведет с собой куда большие силы. Об этом и я узнал, только когда он уже в деревне появился.

В общем, первыми, кто встретил отряд дайме в Конохе, оказалась группа его прямого конкурента. Намеренно то было или нет, но поначалу все шло относительно мирно, однако слово за слово — и дело взяло более крутой оборот.

У меня еще была мысль попробовать вмешаться в разгорающуюся перепалку. Видя, как дрожат от сдерживаемой ярости руки одного из двенадцати ниндзя-защитников, которые охраняли дайме, при виде своих коллег, переметнувшихся к первому принцу, можно было понять, чем закончится разговор. Но... Я не стал вмешиваться.

Когда сдали нервы у первого шиноби, в ход сначала пошли простые кулаки. Типичный способ разрешить недопонимание при исчерпывании аргументов. Только вот, когда шиноби сам по себе является опасным оружием, обычная драка часто становится разрушительным мероприятием. Не удивительно, что когда вспыхнуло извергаемое из тел пламя и засверкали молнии, в цели полетели и кунаи со взрывными печатями.

К этому я был готов, чем и спас жизнь дайме. Он у нас был замаскирован под обычного слугу, а в повозке ехал двойник, но и это не спасло от шальных взрывов. Впрочем, в повозке ему бы повезло не многим больше — тлеющие щепки от нее летели в стороны красивым

фейерверком. Единственный плюс — умер бы не мучаясь, а сейчас в его судьбе я не уверен.

Снова спрятавшись за стеной, я с сомнением посмотрел на трясущегося и сжавшегося в клубок мальчишку. Да, семь лет ведь ему. Почти в два раза больше, чем Итачи, но малец совсем. Может, он и не понимает целиком того ужаса, который пережил только что, но грохот взрывов и техник его пугает. Он пока не понимает смерти, но боится боли. И вот что мне с ним делать? Надо как-то выводить его в безопасную зону.

Еще раз выглянув, чтобы оценить обстановку, я заметил, что к месту событий подоспел отряд полиции. Ничтоже сумняшеся они начали доходчиво объяснять дебоширам, что своевольничать в Конохе нельзя. Прислушиваться к ним не стали. И естественно, больше перепадало той стороне, на чьей было численное превосходство. То есть отряду первого принца, к которому примкнули еще и монахи Храма Огня.

Это, конечно, замечательно, но появление полиции ситуацию не улучшило, как ни странно. Как-то так вышло, что интенсивность боя вышла на новый виток. Кажется, Учиха из полиции примкнули к гвардейцам дайме и просто утюжили шиноби первого принца Катонем. И уже против Учиха начали выступать ниндзя из клана Сарутоби, вставшие на защиту явно сдавших монахов и ниндзя-защитников южан.

Н-да... Ситуация развивается слишком стремительно. Шиноби начинают терять благоразумие. Пора линять.

— Иккью! — хлопнув сжавшегося от страха мальчишку по плечу, позвал я его. — Забирайся на меня.

Парнишка явно не понял моего приказа. Вообще, не уверен, что у него сейчас все в порядке со слухом, но лечить его пока времени не было. Пришлось едва ли не силком закинуть особо важную персону на спину, закрепив его там древесными лозами Мокутона. Вышло не очень удобно. Несмотря на малый вес мальчишки, дерево ощутимо вжималось в кожу. Долго с такой ношей не набегаетесь, но, главное, потерять ее сейчас меньше шансов.

— Сиди тихо! — напоследок посоветовал я мальчишке и, вновь украдкой выглянув из-за стены и поняв, что ситуация лучше не становится, осторожно побрел по узкой улочке.

Бой произошел на широкой улице, прямо возле ворот Конохи. Там было что-то похожее на площадь, где всегда возникал стихийный базар. Поблизости стояли здания с разными магазинчиками и лавками, а вот за ними начинались более массивные и внушительные постройки — склады и амбары. Нормальные ворота в Коноху всего одни, естественно, что возле них понастроили подобные здания. Печально, что здесь особо спрятаться негде. Одни прямые пустынные улицы. Ладно, прорвемся как-нибудь.

Собственно, далеко уходить я и не собирался, главное было убраться подальше от вошедших в раж шиноби, не попасться под руку кому-нибудь особо ретивому. Для этого я планировал сделать круг, выйти к одной из артезианских скважин, где была насосная станция и водонапорные баки на близлежащих зданиях. Если что, там хватило бы земли и воды для более легкого воплощения техник Мокутона, чтобы не вызвать подозрений излишне большим для возраста Охеми резервом чакры. Лучше бы, конечно, избежать необходимости вообще начать держать оборону, и убраться ближе к центру Конохи, в квартал Хьюга или Учиха, но дайме поблизости от места стычки мог еще пригодиться. Уверен, что скоро возникшую проблему начнут решать серьезные люди.

В итоге так и произошло. Когда я уже забрался со своей переставшей, наконец, хныкать ношей на крышу здания и осмотрел место действия из-за прохладного алюминиевого бака с водой, бой уже закончился. На место явились Минато, Фугаку и Цунаде. И вместе с ними

еще куча шиноби, которые столпились на разных сторонах улицы и недобро сверлили друг друга взглядом сквозь жиденький дымок, вьющийся от тлеющих остатков повозки и обгоревших трупов. Всего ничего времени прошло, а побить друг друга успели они знатно. Это еще хорошо, что Хокаге успел явиться своевременно, иначе, чувствую, тел на улице лежало бы больше.

Тяжко вздохнув от осознания бесцельности проделанных маневров, я примерился, как половчее оказаться на той стороне шиноби, где виднелись знаки полиции Конохи.

— Гроза прошла стороной, Мадока-сама, — сообщил я притихшему мальчишке. — Можно возвращаться.

Ответом мне был судорожный вздох, маленькие ладошки на моих плечах испуганно сжались.

— Не хочу... — жалобно захныкал Иккью.

— Надо. Иначе станет хуже, — получил он не терпящий возражений ответ. — Волноваться не о чем. Пока я рядом, никто тебя не обидит.

Так себе утешение, но уже через минуту я проталкивался сквозь толпу, ведя за руку за собой дайме. Будучи подростком, расталкивать взрослых шиноби получалось с трудом, иногда приходилось помогать себе расчищать путь с помощью сакки.

— По его приказу был убит Иккью. И мы должны это забыть и принять его дайме? — донеслись до моих ушей холодные слова Фугаку.

— Пока об этом не шла речь, — твердо отвечал ему Минато. — Он не шиноби, и полиция Конохи не может заключить его под стражу.

— Тем более приказа убивать брата он не отдавал, — это, похоже, высказалась Утатане. — Конфликт ниндзя вышел за рамки дозволенного. Только и всего.

— Только и всего?! — не выдержав, вспыхнула Цунаде. — У тебя мозги усохли, что ль?! Они убили дайме!!! И они — подчиненные этого ублюдка, мечтающего занять трон! Морщины на лице так глубоко проросли, что уже на мозг давят?!

— Во-первых, ублюдком был как раз этот твой «дайме», — скрипуче, едва сдерживая ярость, ответила Кохару. — Во-вторых, старость не порок. Я не ты, чтобы бежать от морщин. Поди уже продалась своему дружку-предателю, Орочимару, за милую мордашку?

Я удивленно хмыкнул, поразившись наглости Утатане. Мало того, что она бросается такими обвинениями, так еще и делает это перед Цунаде. Этак можно и помереть ненароком, встретившись с кулаком Принцессы Слизней.

— Слова Сенджу эмоциональны, но правдивы, — вновь взял слово Фугаку. — В деревне был убит дайме. Мы уже выставили себя никчемными, так теперь еще и не покараем виновных? Стража на воротах. Где она была, когда началась драка? Их капитан, Абураме Шикуро. Где он был? Почему при появлении полиции он оказался в рядах людей принца? Мне не нравится это, но я прихожу к выводу, что некоторые жители Конохи начинают забывать законы шиноби.

— На эти вопросы в Анбу найдут ответы, Фугаку, — с нажимом ответил Минато.

— Это не дело Анбу, Хокаге-сама, — настойчиво произнес Учиха. — Полиция Конохи еще что-то значит в твоих глазах? Мы обязаны выяснить мотивы зачинщиков и участников конфликта. Быть может, брат все же заказал жизнь брата.

— Доверять расследованию Учиха, которым так дорог занявший трон бастард? — надменно спросила Утатане. — Таких дураков еще нужно поискать. Под пытками и гендзюцу любой начнет клеветать на кого угодно. Даже на законного наследника престола!

Со смертью одного выродка, теперь уже никто не будет сомневаться, что трон нашел своего истинного правителя.

— Истинный правитель был убит подручными жадного до власти брата, — решительно заявил Фугаку.

Да уж. У них там разгорается нешуточная драма. Чудесное продолжение раннего утра, когда на Кушину было совершено нападение. Про него я узнал одним из первых и сразу же сообщил Микото. События, последовавшие за ним, мне успели передать от лазутчиков в Конохе.

Кажется, мои попытки активизировать лояльное мне ядро шиноби в деревне привели к серьезному росту напряженности между разными группировками. Это несложно было предсказать. Сложнее было спрогнозировать, во что они выльются, и смогу ли я отыграть хотя бы половину того, что проиграл со смертью Мадоки Каго, предыдущего дайме.

Думаю, пока еще есть шанс, и стоит повысить ставки.

Наконец, протолкавшись сквозь шиноби, я едва не вывалился из толпы на свободное пространство улицы. Как и предполагал, оказался сразу возле мило беседующих Минато, Фугаку, Цунаде и Утатане. Мое появление ими незамеченным не осталось.

— Охеми? — первой среагировала Цунаде, удивленно кликнув меня. — Ты был в отряде дайме?! Проклятье! Ты был с ними! Утатане! Эти ублюдки могли прикончить Охеми!!!

— Спокойнее, Цунаде, — мягко, но настойчиво попросил Минато, не сводя глаз с мальчишки, которого я вел за собой. — Охеми, это же тот, о ком я думаю?

— Не знаю я, о ком вы думаете, э... Хокаге-сама, да? А Сарутоби-то уже... Того этого, да? Ну, не важно. Я вам тут это, — простецки шмыгнув носом и наивно хлопнув ресницами, максимально открыто произнес я, — дайме привел, вот. Жив, здоров он.

Глава 55. Цукими

3 сентября 49 года от начала Эпохи Какурезато

Рассевшись в тени дерева на энгаве, я с удовольствием дышал ароматами сада. Близящаяся осень еще не ощущалась, хотелось насладиться последними деньками лета в Конохе. Недалеко, на недавно скошенной поляне перед храмом, занималась своими делами ребятня. Итачи, Хибакари, сын Фугаку, Сайзо и даже Наваки и Хината занимались под присмотром Хьюга Нами, учились азам фехтования. Они даже палками еще не дрались, просто учились двигаться. А рядом со мной, на энгаве, играли в каруту Мадока Иккью и Анко. Зачитывал начала стишков, окончание которых играющие должны были найти на засаленных карточках, недавно прибывший из храма Хачидайрюо монах. И в игре, как ни странно, выигрывал пока дайме. Несмотря на более старший возраст, Анко получила все же совсем иное образование и не так хорошо разбиралась в иероглифах и литературе, как сын правителя.

Все мы здесь были частью охраны этого самого сына правителя, кстати говоря. Который уже вторую неделю оставался в Конохе, поэтому, собственно, ребенка окружили детьми, чтобы ему тут совсем уж тоскливо не стало, и чтобы не отвлекаться постоянно взрослым. Сейчас у них было много иных забот. Даже у монаха храма Хачидайрюо, который изначально прибыл по просьбе кланов шиноби лишь для того, чтобы совершать положенные ритуалы, в виду полного игнорирования части населения Конохи монахами храма Огня.

А занявшие умы взрослых заботы обсуждались за моей спиной, в храме Масок Узумаки. В одном из немногих мест деревни, которые были обнесены такими барьерными техниками, что были способны выдержать близкий взрыв бомбы Хвостатого.

Меня, то бишь Охеми, к обсуждению не допустили, естественно, но когда это меня останавливало? Даже если Микото поставит печать от прослушивания, я все равно остаюсь тем, кто создал эту технику. И я знаю, как ее обойти.

— Ты все еще считаешь, что мы можем решить разногласия миром? — спокойно интересовался Фугаку у недавно вернувшегося в Коноху моего старого друга.

— Да-а... — задумчиво протянул Джирайя, подбирая слова, чтобы озвучить ответ. — Я знаю Минато, он совсем не рад тому, что творится в деревне. Но сейчас он Хокаге... Не знаю. Учитель оставил ему непростую миссию, которую Минато обязан выполнить. Однако в Конохе сейчас слишком много проблем.

— Многие из них Хирузен сам ему и оставил вместе с миссией, — с горечью поддержала мужа Цунаде. — Совет Конохи и Совет джонинов склоняется к признанию первого принца новым правителем. При учителе в Конохе стало слишком много советов и советников!

— Соглашусь с Цунаде, — это уже высказался Хиаши. — При Третьем Совете Конохи начал играть слишком большую роль. Мне известно, что многие решения были приняты Хокаге-сама вопреки его собственному мнению, тогда он склонялся на сторону Митокадо, Утатане и Шимура. Теперь уже Нара. Как кажется старейшинам, Совет часто более внимательно прислушивался к Данзо, чем к Хирузену. Когда Орочимару ликвидировал Шимура, положение исправилось. Но сейчас, когда Хокаге Минато, все вновь вернулось к началу.

— Поэтому я думаю, что мой клан может быть в опасности, — подытожил Фугаку. —

Минато помнит о нашей дружбе, но Коноха может стать выше нее. Например, нападение на Кушину уже было совершено. И виновные до сих пор даже не найдены. Не уверен, что их поиск даже идет.

— Миссии, — напомнила Микото. — Те из них, которые доходят до распределения, почти всегда исходят от южных провинций. Все еще открыто не признавая никого дайме, Коноха уже играет на стороне мураджи Хоно и его внука против законного правителя. Естественно, никто из нас их не берет. Скоро все, кто не согласен с мнением Совета, просто останутся без денег.

— Это еще не все. Миссии часто идут вразрез с былыми договоренностями, — добавил Хиаши. — На членов клана Такетори было совершено нападение, когда они были наняты крестьянскими общинами в восточных префектурах. Конфликт произошел с шиноби Конохи, охраняющими строительство дамбы, из-за которой были подтоплены поля крестьян.

— Выходит, шиноби помогали нанести урон полям соседей и атаковали, когда Такетори пришли урегулировать конфликт? — задумчиво пробормотал Джирайя. — Это уже прямое нарушение правил шиноби.

— Это Амацуми, — мрачно добавила Цунаде. — Пусть не сами, но они помогали нанести вред чужим угодыям — а это грех перед небом.

— Ну, на шиноби эти законы никогда не распространялись, — не согласился с Цунаде Джирайя, — я говорил про конфликт с союзным кланом. Такетори не живут в Конохе, но они всегда помогали Листу в войнах.

— После поножовщины прямо у ворот деревни, думаю, некоторые готовы и на шиноби из кланов Конохи напасть, если встретят их за пределами стен деревни, — хмуро сказал Фугаку. — Что ни говори, Джирайя, но Учиха такое терпеть не станут. Ты сам принес вести, что в Стране Ветра большие перемены. Суна готовится к переходу за пограничные горы и наступлению на Страну Рек. Если Коноха собирается что-то с этим делать, а деревня не может ничего не делать, то все шиноби вновь окажутся на новом фронте. Я не уверен, что сейчас старый враг поможет нам сплотиться вновь. А воевать, страшась получить кунай в спину — хуже не придумаешь.

— Там враг не такой уж старый, — с сомнением ответил Джирайя. — Мне пришлось пройти почти через всю Страну Ветра, аж до Роурана, чтобы во всем разобраться. И скажу я так. Страны Ветра больше нет.

— Ха? — не понял Хиаши.

— Суна разрывает связи с дайме Страны Ветра, — пояснил Джирайя. — Начались бои Песка с гвардией Страны Ветра и наемниками дайме на границах Великой пустыни, в основном в районе восточных низин, ближе к южным границам Страны Рек. Это саванные территории, там большие стада зубров и основные места разведения вьючных мамонтов. Первые — один из ключевых источников пищи в Суне, вторые — незаменимы для караванщиков. Поэтому бои интенсивные, и поэтому часто отряды Суны оказываются на территории Страны Рек. Вряд ли сейчас они готовы к наступлению на соседей.

— Суна уходит от Страны Ветра? — шокировано переспросил Хиаши, явно еще не бывший в курсе событий.

— Они перешли на сторону Страны Песка, — подтвердил Джирайя. — Королева Роурана и Казекаге заключили союз и принесли обоюдную присягу перед страной, что бы это ни значило. В общем, теперь на западе Страна Песка, а не Ветра.

— Они с ума сошли?!

— У них были причины, чтобы поступить так, — не согласился Жабий Отшельник. — Но Ветер или Песок — разницы особой нет для нас. Шиноби Суны оказываются в Стране Рек, и, Фугаку прав, Коноха не может на это не ответить. И он прав, что шиноби Листа сейчас не способны объединиться.

— Так скажи, что нам теперь с этим делать, Джи! — сердито потребовала Цунаде.

— Нет, лучше ответь, что теперь будет делать Минато? — поправил Цунаде Фугаку.

Наступило короткое молчание, видно, Джирайя не нашелся с ответом.

— Ему нужно погасить конфликт в деревне, — нарушив молчание, высказалась Микото. — Причем медлить нельзя, Суна уже в Стране Рек. И как держит свое слово Оноки, мы все прекрасно знаем. Открыто мир он нарушать не будет, но он выдавливает всех нукенинов и йохей-ниндзя на север Страны Огня. А Коноха сейчас работает только на юг. Это не может долго длиться, но я не вижу путей, которые позволили бы объединить Лист миром в короткие сроки.

— Боюсь, Хокаге решится на жесткое подавление инакомыслия, — согласился с Микото Фугаку. — И, скорее всего, для этого ему придется избавиться от Учиха. Когда функции Военной полиции начали распределять по другим отрядам и передавать их Анбу, мне показалось, что именно к этому все и идет. Нас уже обвиняют во всех возможных грехах, но к нам продолжают тянуться те, кто не согласен с решениями Совета. Пусть сейчас клан переживает не лучшие времена, но мы все еще полиция Конохи и все еще клан-основатель. Без нас многие просто будут вынуждены принять новую политику, за которой стоит большинство, или покинуть деревню.

— Если покинуть ее позволят, — добавил Хиаши. — Сейчас Коноха к сохранению бьякугана относится более ревностно, чем сам наш клан. До присоединения к Листу Хьюга гораздо чаще заключали браки с другими родами, позволяя додзюцу оказываться вне клана. Потомки таких союзов все еще живут в деревне — это те же Юхи и Кохината. Сейчас подобное встречается все реже. И после разгрома Корня к нам в руки попали свитки, содержащие информацию о нашем джуиндзюцу. Старейшины подозревают, что Анбу овладела этой техникой. И Коноха может убить всю побочную ветвь Хьюга, если мы попытаемся покинуть селение.

— Это было бы очень похоже на Данзо, — мрачно прокомментировала услышанное Цунаде.

— Поэтому мы отложили на год наложение печатей на новое поколение, — пояснил Хиаши. — Хотя моей дочери уже три года, и ритуал должен был быть проведен в ее день рождения. Но тогда мы смогли отменить его из-за действий Кумо. И пока я не уверен, как поступить в этом году. Четвертый день рождения Хинаты все ближе.

— Орочимару мог обходить ваше джуиндзюцу, — припомнил Джирайя. — Думаю, можно было бы выяснить, как он это делал.

— Этим нужно заняться, но вопрос пока в другом, — настойчиво напомнил Фугаку. — Учиха и примкнувшие к нам кланы не могут повлиять на политику Конохи. Мой клан отстранен от управления деревней еще Тобирамой. После того, как Хирузен поступился основными принципами Листа и отпустил на фронт юных шиноби, среди джонинов стало слишком много юнцов, которые умеют убивать, но имеют мало жизненного опыта. Так вышло, что большая часть из них относится к кланам и группам, поддерживающим верхушку селения. Так что и через Совет джонинов теперь не удастся повлиять на курс Конохи. Поэтому я склоняюсь к тому, чтобы начать готовиться к худшему исходу.

— Ты говоришь о восстании? — вздохнув, озвучил очевидную мысль Джирайя.

— Возмущение Учиха растет, мне сложно сдерживать его. Этой энергии нужно дать направление, иначе она выйдет из-под контроля вместе со всей этой ситуацией. Восстание? Возможно, и так... — с сомнением сказал Фугаку. — Я не уверен. Хотелось бы избежать подобного. Слишком большие жертвы понесут обе стороны. Я бы хотел самостоятельности, как те же Такетори. Но, помимо наших внутренних проблем, остается еще кризис власти во всей Стране Огня. Сейчас шиноби Конохи оказывают помощь мурадзи Хоно. Если мы встанем на сторону дайме, то это будет не восстание. Это будет война.

— Вмешиваться в политические дразги для шиноби, я бы не сказал, что это правильно, — неодобрительно заметил Джирайя. — Одна группа знати борется за доступ к казне против другой. А страдают от этого остальные. В такой войне не будет правых.

— Согласен. Но Коноха уже вмешалась в большую политику. И в борьбе за доступ к казне знать привлекает уже не только шиноби, она вовлекает другие сословия, водружая на свое знамя громкие лозунги. Из-за этого крестьяне и владельцы земель юга уже готовы на преступления перед небом, разрушая чужие поля. Нинсо рушат храмы. Шиноби борются за власть, а дайме едва не был убит прямо в Конохе. Этому нужно положить конец.

— Хех. Слишком громкие слова для шиноби, — немного растерянно сказал Джирайя. — Обычно ниндзя интересен только собственный достаток и те, кто им его обеспечивает.

— В наше время уже не все измеряется деньгами, — уверенно ответил Фугаку.

— Государю будь предан, — добавила Микото. — Первое правило шиноби.

— Гм, еще вчера первое правило в Конохе было иным, — с улыбкой в голосе заметил Джирайя. — Это же из Рюджинкё, Микото?

— Да, — вместо нее ответил Фугаку. — И я считаю, что это верное правило.

— Сенгоку Джидай давно пришел конец, в каждой значимой стране появились свои какурэзато, но смысл жизни многих шиноби в них остался неизменным, — пояснила Микото. — Мы сражаемся по приказу дайме в развязанных ими войнах, но сражаемся за собственную выгоду. Мы помогаем людям, выполняя миссии, но только выполняя заказы. Мир поменялся, но не поменялись шиноби. К Орочимару можно относиться по-разному, но он прав, находя для шиноби в своей стране новый смысл жизни. Нужно смотреть дальше границ своего клана, деревни и сословия. Мы живем в государстве, у нас есть дайме. И у нас есть долг перед ним.

— Долг или нет, но защитить людей надо, — хмуро заметил Фугаку. — Оголтелое поведение населения южных префектур заражает шиноби. Это становится опасным. У жителей севера тоже есть мечты и желания, но я не вижу, чтобы первого принца это интересовало. Впрочем, я не знаю также истинных намерений нового регента, но он хотя бы озвучивает правильные речи и не разжигает рознь.

До моих ушей донеслось озадаченное кряхтение Джирайи, который, судя по шороху одежды и скрипу половиц, сменил позу и пересел поудобнее.

— Единственное, что может быть мечтой — это желание, чтоб сбылись ваши мечты, — негромко пробормотал отшельник. — Помнишь это, Цунаде?

— Да, — услышал я улыбку в голосе Цунаде.

— О чем вы? — не понял лидер Учиха,

— Ты напомнил нам о прошлом, заговорив о мечтах и желаниях. Это слова Орочимару, когда я спросил о его мечте, — ответил Джирайя и тихо рассмеялся. — Неловко было такое

от него слышать, пришлось притвориться, что я без сознания.

— Неожиданная сторона учителя, — заинтересованно прокомментировала Микото.

— Вот уж верно, — охотно подтвердил Джирайя. — Так что ты планируешь делать-то, Фугаку?

— Если бы речь шла только о Конохе, то, возможно, я бы был согласен на восстание. Но, хочешь верь, хочешь нет, даже не с целью захвата власти. Это стало бы моей жертвой Листу, клан был бы уничтожен, а деревня вернула единство. Я понимаю, что Учиха не смогли бы захватить власть силой, — откровенно ответил Фугаку. — Сейчас же дело не только в Конохе, поэтому я рассчитываю развести стороны. Если страна раскололась на север и юг, то нужно просто провести между ними границу.

— Разделить Коноху и саму Страну Огня? — не удивившись, с сомнением уточнил Джирайя. — На это согласятся далеко не все. Будет война, как ты и говорил ранее. Не только гражданская. Если Коноха разделится, то станет легкой мишенью для других Какурезато.

— Если будет осуществлен план Мадоки Каго, то будет создана Уния со Страной Звука. Тогда мы не остаемся одни. Уния уже объединила Страны Звука, Железа, Гор и Горячих Источников. Вместе мы сможем пережить возможные нападки со стороны. Гражданская война опаснее будет, — ответил Учиха, — но если цели ее будут понимать лидеры сторон, то больших жертв можно избежать. Минато остается признаваемым всеми Хокаге, он мой друг и твой ученик. Мы сможем донести ему свои цели. Надеюсь, он их поймет.

— Я бы не был в этом уверен, — неохотно высказался Хиаши. — Поэтому хотел бы сначала обезопасить свой клан, на случай если наши опасения о джуиндзюцу оправдаются. И определиться с тем, кто на чьей стороне. Нужно собрать коалицию.

— Соглашусь, — коротко высказалась Микото.

— Ну, Нара, Акимичи, Яманака точно отпадают, — со вздохом перечислил Джирайя. — Абураме тоже, они ненавидят Орочимару и все, что с ним может быть связано. Сарутоби, Шимура, Митокадо, Утатане и те, кто ими издавна поддерживался, вроде Хатаке, Гекко, Ширануи, Итои, Изумо, Фунено и прочих, естественно, тоже известно, каких позиций придерживаются.

— С нами Учиха, Хьюга, Курама. Инузука тоже на нашей стороне, им симпатично то, как в Рюджинкё относятся к животным и признают их равными людям, — в свою очередь озвучил свой список Фугаку. — Все семьи и кланы, ориентированные на тайдзюцу, как Ли и Майто, примут нашу сторону. Если с нами будут Сенджу, то вместе с вами примкнут и Казамацури. За двумя кланами-основателями последуют многие, привлеченные ими: те из Цучигумо, которые примкнули к Конохе, Умино, Узуки, Сузумено и прочие. Также можно рассчитывать на тех, кто всегда конкурировал с кланами из другого лагеря, так как в Конохе все еще есть те, кто помнят былую вражду. Например, Тобитакэ точно будут против Яманака.

— Тобитакэ... Помню, они были вечной бедой Учиха. Мелкий клан, но умеющий избегать вашего додзюцу, — припомнил Хиаши. — Уверен, что они последуют за Учиха?

— Яманака досаждали им больше. И да, уверен, с ними я уже переговорил.

— Даже так, все равно выходит, что численное преимущество на стороне Хоно, — посчитав в уме, озвучил результат Джирайя. — Если вспыхнет конфликт, это сыграет свою роль. Тем более что у Нара есть Шикаку, он хороший стратег.

— У нас есть Кизаши, — вступилась Микото. — Он известен, как ирьенин, но его ум недооценивать нельзя. Когда едва не рухнул фронт близ Амегакуре, а командующий тем

направлением оказался в госпитале, именно Харуно взял командование и в итоге одержал победу. Я хорошо знакома с ним, поверьте, это не просто удача. Орочимару хорошо развил его таланты.

— Гм, вы оба ученики Орочимару и ненавидите его, если я не ошибаюсь. Но оба же готовы выступить фактически на его стороне сейчас. Иронично.

Микото замешкалась с ответом, подбирая слова, пока не высказалась в духе Кизаши:

— Он был ужасным, но хорошим учителем.

— Ладно, тогда наш план на ближайшее время, если вкратце — это договориться с кланами, а также с Орочимару, — после короткой паузы, подытожил Джирайя. — Последнего я могу взять на себя. И настроение Минато попробую прощупать. А с кланами придется договариваться вам.

— Я это уже давно делаю, вообще-то! — возмутилась Цунаде. — Пока ты пропадаешь неизвестно где.

Дальше заговорщики начали обсуждать детали, а я же вновь вдохнул полной грудью, получая небольшое удовлетворение от проделанной работы. Кажется, в Конохе все идет относительно неплохо. Хотя, конечно, в целом я одержал в Стране Огня сокрушительное поражение. Вместо всего государства получится включить в свой союз лишь его часть. Неприятно, но и так пока сойдет. Можно приступить к другим делам.

15 сентября 49 года от начала Эпохи Какурезато

Еще неделя не прошла со дня памятных переговоров Учиха, Сенджу и Хьюга в храме Масок Узумаки, как их последствия начали отражаться на жизни деревни. Вполне ожидаемо суета кланов не прошла незамеченной, учрежденный Хокаге новый отряд в Конохе, который перетягивал на себя едва ли не половину обязанностей Военной полиции, серьезно сказывался на ее снабжении. Это грозило ослабить весь клан Учиха и шло в разрез с планами Фугаку и Джирайи, поэтому они начинали торопиться, а спешка заставляла ошибаться.

Жабий Отшельник даже не успел добраться до Ото и только начал обрабатывать Минато, когда события начали приобретать угрожающий и необратимый ход. Шестерни судьбы пришли в движение, воплощались в жизнь планы. Да, не только Фугаку умел планировать. Анбу и Шикаку тоже имели заранее подготовленные стратегии на разные возможные случаи.

Они сообразили, что мариновать не самые благонадежные кланы в деревне, позволяя им маяться от безделья и строить планы по перевороту — это было не самое умное решение. Вскоре Хокаге, казалось бы, пошел навстречу фракции шиноби, стоящей за малолетним дайме, и допустил формирование заказов в северные территории страны. До этого сидевшие в Конохе Учиха, Хьюга, Курама и прочие не могли откровенно игнорировать такие миссии, поэтому их члены начали покидать деревню.

Со стороны Анбу это был логичный шаг, необходимо было разделить силы противника, чтобы разобщить их и при нужде разобратся по очереди. Для этого на север же отправлялись и группы, условно, южной фракции, в первую очередь свежесозданный отряд Анбу по поимке нукенинов и дезертиров, замещающий часть функций Военной полиции. Я не уверен, что их первоочередной задачей была ликвидация Учиха и компании, но, в случае приказа, они могли бы это сделать.

Помимо этого, большие силы Конохи были выдвинуты к западной границе Страны огня для сдерживания Суны. Опять же, две фракции Листа там держались поодаль друг от друга,

выбрав целями разные участки фронта. В итоге, благодаря численному преимуществу, получалась следующая диспозиция: южане могли окружить и как минимум сковать на севере отряды северян, на западе батальон под командованием Фугаку оказывался вблизи Танигакуре, являющейся формальным союзником Конохи, но по факту лишь той ее части, которая стояла за Хокаге. При этом в самом Листе оставалось не так много боеспособного населения, в основном женщины, дети, ветераны, но там, естественно, оставались подконтрольные Хокаге силы обороны.

Не самое лучшее положение дел для северян. Повторюсь, вряд ли бы их начали резать просто при первом же удобном случае, но Анбу подобную подготовку напрасно бы не проводили. Собственно, Фугаку бы тоже не повелся на это, если бы не имел свои виды на складывающуюся расстановку сил. Имея за спиной гендзюцу Шарингана, помощь Курама и поддержку клана Кедоин с их непревзойденными навыками маскировки, Кизаши, которого все же втянули в это мероприятие, подкорректировал баланс сил на отдельных участках вероятных боев в свою пользу.

Я в свою очередь решил им облегчить задачу, заставив мураджи Хоно понервничать и затребовать для защиты собственных владений дополнительные силы шиноби. Во-первых, по моей просьбе Казекаге выдвинул к устью Бандзе большой отряд. Там, где река впадала в море, в Стране Рек располагалось несколько важных поселений. Это Такуми, которая все еще занимала некоторую нишу на рынке вооружений, Коноха все еще зависела от поставок из этой деревни. Также там имелось несколько торговых городов, захват которых Суной имел бы большое значение для Страны Огня, так как по Бандзе и впадающей в нее Хокке шел значительный поток грузов.

На отражение возможной атаки Суны в этом направлении Коноха не могла не выделить шиноби. Кроме этого, я решил, что пришла пора вернуть Узушио. Остров, который издавна был опорной базой, с которой можно было контролировать все восточное побережье Страны Огня. После того, как Кири увязло в Стране Горячих Источников, Коноха расслабилась и отвела отсюда значительную часть своих резервов. Пришла пора напомнить им, что жизненный путь не устлан лепестками роз.

Вдохнув свежий морской бриз, наполненный ароматом сохнувших на камнях водорослей и протухших в вулканическом песке остатков органики, я еще раз осмотрелся по сторонам, ожидая, пока мои спутники придут в себя. Мы были на Узушио, на берегу удобной бухты. С севера ее укрывал обветренный скалистый берег, с юга из воды показывался восстановленный Кири мол.

Несмотря на то, что Туман пользовался этой бухтой не один год, но обжить остров они так и не успели. Может, ресурсов не хватило на что-то большее, чем восстановление мола и порта, постройку небольшого поселка возле него и расчистку гавани. А может, они оставили все остальное в нетронутом виде, как памятник собственным свершениям.

Просто сейчас я находился в том месте, где когда-то располагалось Узушиогакуре.

Здесь все еще было видно, насколько тяжелым был штурм деревни Узумаки. Остров в бухте, на котором когда-то высилась массивная крепость, сейчас нес на себе отпечаток сражения биджу с призванным Узумаки демоном. Крепкие, толстенные стены из камня и армированного бетона покрыты сетью трещин, башни и коробки бастионов стоят покосившиеся, ведущий к острову мост рухнул и скрылся под водой, обращенная к молу часть острова и вовсе превращена в залив, туда попала бомба хвостатого. На побережье самого острова Водоворота картина была не лучше. Старые портовые зернохранилища,

амбары, крепости — все они лежат вповалку, словно разбросанные ребенком игрушечные домики. Сопки на южной оконечности деревни усыпаны валунами, сваями и бетонными блоками — остатками старого мола. Когда в него угодил снаряд биджу, все эти валуны осыпались на Узушио смертельным камнепадом.

Когда-то это была одна из самых могущественных деревень шиноби. Сейчас это были лишь руины. В черных провалах окон завывал ветер, волны бились о торчащие из-под воды обломки зданий, шелестел листьями тростник на занесенной песком отмели, птицы свили гнезда на провалившихся крышах, трава и деревья проросли сквозь засыпавшие улицы кирпичи и каменные блоки. Это была давно мертвая деревня. Но в памяти Узумаки она была жива. А именно их корабли сейчас стояли у стенок пирса. Джонки с красными водоворотами на белых парусах и с трискелионом Отогакуре на стягах.

— Когда я убежал, я не видел, как они умерли, — тихо прошептал Котоширо, сидящий на вывернутом из фундамента какого-то из зданий валуне возле меня. — Я убежал. Остановился только за тем зернохранилищем. Когда обернулся, здесь было только синее пламя. Вода... Камень... Все на сотни метров вокруг горело. Было объято этим синим пламенем. Тогда я не мог думать об этом, но картина въелась в память. До сих пор мне снится. И родители. Мать выбросила меня из огня, только спину обожгло. Но она сама...

Сама она вряд ли была еще жива, когда Котоширо добежал до зернохранилища. То, что когда-то было набережной под нашими ногами, сейчас представляло из себя спеченную массу камня и песка, который местами превратился в грязное стекло. Сейчас все это было занесено мусором и пылью, но мощь примененной техники джинчурики Мататаби поражала все еще. Однако рядом со мной была еще одна Узумаки, память которой запечатлела могущество другого джинчурики. Того, с которым сражались ее родители.

— Ты вернула Узушио, Акичи, — встав за спиной упавшей на колени и не сводящей взгляда с водной глади бухты девушки, сказал я, наклонившись и опустив руку ей на плечо. — Ты вернула свой дом.

— Да, я дома, — словно не веря своим же собственным словам, ответила девушка, сжимая в руке белую маску демона, которая сегодня испила много чакры Акичи.

Кири покидать остров совсем не горели желанием. Даже сейчас, после ряда поражений и переключившись на восточные колонии, за Узушио они держались крепко.

— Ох, девочка, — опустившись на корточки возле Акичи, я заглянул в ее блестящие глаза и утер стекающие по щекам слезы. — Не помню, чтобы ты была такой плаксой.

Посмотрев в ответ на меня, Акичи не смогла сдержать эмоций. Ее губы мелко задрожали, а из глаз с новой силой потекли слезы. Горестно взыв, она порывисто обняла меня, уткнувшись лицом в плечо. Мне оставалось лишь утешительно похлопать ее по спине.

— Песня острова, мчись ты по ветру и на берег тот доставь горечь мной пролитых слез, — негромко напел я Узумаки. — Поплачь. Ты теперь на том самом берегу. Ты снова дома.

Переведя взгляд на молчаливо наблюдающего за нами Котоширо, я неодобрительно цокнул на него языком, пожурив коротко:

— Вообще, на моем месте сейчас должен быть ты.

— Нет, — покачал он медленно головой в ответ. — Акичи плачет по своим родителям. А вы для всех нас, словно отец, Рюджин-сама. Сейчас ей нужны вы.

27 сентября 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Началось, — обреченно пробормотал себе под нос Кизаши, запрокинув голову к

ночному небу.

Бездонная тьма над головой сияла мириадами звезд, круглый диск луны озарял небеса, подсвечивая бледным светом редкие облака. По иронии судьбы, сегодня в Отомуре вновь праздновали Цукими, как и четыремя годами ранее. Но если тогда отряды Конохи вторгались на территорию Страны Звука, то сегодня происходило нечто обратное. Нет, сил Отогакуре в Стране Огня не было. Но некоего рода отмщение за тот день сегодня Орочимару совершил.

К большей горечи самого Кизаши, он стал невольным инструментом того самого отмщения. Он позволил Микото втянуть себя в этот нелепый заговор, он сам спланировал порядок действий, если все же произойдет худшее. И он сейчас приведет свой план в действие.

— Штаб — Злоглазому, — обратился Харуно к сидящим рядом с собой шиноби, — цель «купол воды». Уничтожить.

Не сводящая с Кизаши взгляда куноичи тут же затараторила приказ в микрофон недавно полученного из Отогакуре оборудования. Новые радиостанции были поставлены в свитках в кратчайшие сроки, на их освоение было достаточно времени. Без них, наверное, Харуно бы и вовсе не решился на сегодняшнюю операцию. Как бы ни были сильны шиноби северной фракции, но их противник имел клан Яманака в своем составе. А их способности Кизаши были известны и оценены давно. Разведка с помощью групповой техники *Канчи Суйкью* и система связи с помощью техники *Шинденишин* — это великолепная комбинация для управления войсками. После дооснащения Барьерной команды Конохи в распоряжении Листа также появилось усиливающее данные техники оборудование.

Дальность сенсорных техник Яманака не могла покрыть всю Страну Огня, но Конохой была создана сеть мобильных командных штабов, которые позволили координировать деятельность многочисленных отрядов. Это дало значительное преимущество в последние полтора года завершившейся этим летом войны. И, чтобы противостоять подобной системе, нужно было иметь собственную альтернативу. К сожалению, альянс Учиха не имел в достаточном количестве ориентированных на передачу чакры и мыслей шиноби. Приходилось заменять их радиотехническими средствами. А сенсорные сферы — бьякуганом. К сожалению, такая комбинация пока не была до конца отработана. Поэтому для получения преимущества над противником его нужно было лишить и сети *Канчи Суйкью*, и техники *Шинденишин*.

Именно этим сейчас и должен был заняться Злоглазый Фугаку. Главы Конохи должны считать, что лидер Учиха покинул деревню, отправившись на задание. Поэтому его атака на штаб планировалась неожиданной. Кизаши очень надеялся, что не ошибся в этом. Иначе операция может принести куда большие потери, чем хотел бы. Их и так будет гораздо больше, чем он хотел...

Еще раз вздохнув и окинув взглядом пейзаж за невысокими перилами, опоясывающими облюбованную ниндзя Конохи плоскую крышу, Кизаши мрачно поджал губы. Они заняли гостиницу в кварталах Танзаку. Внизу, на улицах шумела музыка, были слышны пьяные выкрики. Там пахло алкоголем, табаком и более крепкими смесями. Этот город не переставал жить своей жизнью, не зная, что в эту ночь вершится история.

Обратив взгляд к лежащей перед собой освещенной парой светильников карте, Харуно провел пальцем по четким линиям, отображающим расположение сил. Суна заставляет Коноху держать заслон на юго-западе, Ото — на юго-востоке. Сонм малых групп разбросан

по северу и северо-востоку Страны Огня. На севере их необходимо постараться блокировать и вывести из боя. Не обязательно давать бой — главное, удержать вдали от деревни и не дать собраться в полноценный батальон. В лесах Инузука и Курама должны с этим справиться. Сложности могут быть с Абураме, но у Орочимару было против них верное средство.

Также у противника есть крупный отряд восточнее горы Кацураги и несколько команд от трех до семи человек разбросаны на южных территориях, выполняют локальные задания от населения. Они могли бы помешать выполнению операции в Конохе. Поэтому перед ними был выставлен заслон юго-восточнее кварталов Танзаку. Мобильная группа джонинов, Джирайя в их числе. Они должны были максимально безболезненно нейтрализовать эту угрозу.

Сложнее на северо-западе. Здесь противником предполагалось уничтожить ядро заговора — Учиха. Здесь, по планам Анбу, должны были полечь Фугаку и Микото. Именно их Совет отправил на защиту границы в этом направлении. И, по сообщениям Хьюга, туда же приближался большой отряд из Танигакуре вкупе с несколькими отрядами наемников и Анбу Конохи. И здесь уже начались бои. Именно это заставило Кизаши все же начать ход операции и отдать приказ Фугаку начинать.

Собранный отряд ожидает встретить на границе Учиха во главе с Фугаку. Однако их ожидал неприятный сюрприз. Так же, как и в самой Конохе, ожидает сюрприз тех, кто пожелал очистить деревню от инакомыслия.

И да простят их боги шиноби за то, что они собирались совершить сегодня.

***

После марш-броска, за время которого мы преодолели более сотни километров, мы все же достигли нужной точки. До нее оставалось преодолеть широкую, полноводную Бандзё. Река, пересекающая надвое Страну Рек, в этом месте была широка. Ее беспокойная поверхность извивалась в зыбком лунном свете, мелкие блики мельтешили, словно яркие чешуйки. Возникало ощущение, словно это мышцы бугрятся под змеиной кожей. Красивое зрелище. Только сейчас мы были больше увлечены иной картиной.

На том берегу, в плотном тумане гремели взрывы. Из серого марева в небеса вздымалась огромная черная фигура. По ее поверхности изредка пробегали молнии, очерчивая в ночи угрожающий силуэт. Рост великана был, наверное, с биджу.

— *Джитон: Райджинга*, — процедил сквозь зубы Тенрай, увидев этого гиганта. — Не думал, что увижу эту технику вновь.

— Они расставляли капкан для очень крупной дичи, — пояснил я. — Естественно, подыскивали подходящего охотника.

— Посмотрим, насколько он хорош, — хищно оскалился Казекаге. — Подавай им знак!

Без лишних слов все шесть моих рук пришли в движение, складывая необходимые печати. Чакра вырвалась из тела, взмывая в небеса и образуя символ Воли Огня во тьме ночи. Не заметить его было сложно. Надеюсь, нас теперь не перепутают с врагами.

Еще не успел потухнуть символ в небесах, как тело Казекаге было подхвачено взметнувшейся из земли черной волной. Масса, подхваченная чакрой Тенрая, железистого песка ухнула в реку, с шумом расплескивая воду. Оседлав вал из сатецу, Казекаге разрезал воды могучей реки — только брызги в стороны летели. Я двинулся за ним более привычным способом, просто побежав по волнам.

По иронии судьбы во время Второй мировой примерно в этих же местах я сражался с самим Казекаге и джинчурики Однохвостого. Тогда так же, как и я сейчас, мне на помощь

мчалась Микото, форсируя реку. Теперь все обернулось совсем иначе. На той стороне отряд Конохи подвергся нападению Танигакуре и наемников. И ему на помощь шли я в образе Омушимару и Казекаге.

Кажется, Тенрай всерьез нацелился было на громаду сотканного из песка и молний гиганта, но его планы бессердечно разрушились о взметнувшуюся прямо из вод реки стену синеватых кристаллов. Стихия Кристалла? Любопытно.

Тем временем впереди воздух сотрясся от громогласного рева. Активированный бьякуган уловил среди мельтешения стремительнодвигающихся за пеленой тумана фигур шиноби самую яркую систему циркуляции чакры. Она вспыхнула характерным, хорошо знакомым мне пламенем. Меридианы налились угрожающей темной чакрой, которая распространялась от живота во все стороны, стремительно смешиваясь с обычной человеческой энергией. Через миг ночная мгла оказалась разрезана ослепительным лучом. Концентрированная энергия врезалась в громаду техники Сущности Бога Грома, оттолкнув фигуру окутанного молниями гиганта в сторону. Как ни странно, волны пламени просто расплескались по поверхности черного песка, не пробив ее насквозь. Даже силы биджу не хватило, чтобы уничтожить эту технику.

Правда, Кушину, которая сей ночью явилась вместо Учиха на встречу с наемниками, это не остановило. Сквозь грохот техник прорвался звон тяжелых цепей. Массивные звенья взметнулись в воздух и с силой рухнули на гиганта, заставляя его вновь пошатнуться. Словно змеи, они начали оплетать темную фигуру, которая, впрочем, умудрялась разрывать их руками.

Я невольно проникся уважением к силе шиноби, создавшего *Райджинга*. Когда мой клон встретился с Кушиной в бою, он разорвать ее цепи не смог.

Не став пока концентрировать внимание на битве неизвестного шиноби с Кушиной, я промчался вперед, запрыгнув на преградившую путь стену из кристаллов. После этого пришлось сделать несколько кульбитов в воздухе, уворачиваясь от стремительно разрастающихся ветвей острейших кристаллов и вихрей из черного песка. Техники Стихии Магнетизма Тенрая и Стихии Кристалла его противника переплетались в воздухе. Кристаллические клинки стремились уничтожить Казекаге, но мелкие песчинки впивались в искусственные друзья, разрывая их, словно саранча свежие листья травы.

Ускользнув от чужих техник, еще в прыжке складываю необходимые печати. И при приземлении на еще не успевших среагировать врагов обрушиваю ревущее пламя. Тренировки и бьякуган позволили, наконец, овладеть этой техникой без необходимости использовать чакру Рюмьяку. Поэтому вперед устремилась волна смеси хлора и фтора. Потоки газов врезались в пелену тумана, и та вспыхнула в ночи ярким огнем. Водяная взвесь полыхнула синим неровным пламенем, затлел намытый на берега белый речной песок, вспыхнули отполированные водой коряги, поломанные шиноби заросли ивы. И сами шиноби, издавая предсмертные хрипы, не успев даже толком закричать от боли, горели в атмосфере трифторида хлора снаружи и изнутри. Широкая волна пламени накрыла шиноби Танигакуре, отрезая свежие подкрепления от сражающихся с шиноби Конохи наемников.

Смрадные дым и газы, гонимые созданным мною параллельно взмахом руки потоком воздуха, накрыли тех, кто не попал под удар техники или успел сбежать из нее, вызывая приступы кашля и удушья.

Против шиноби низких квалификаций, не имеющих серьезных защитных или медицинских техник, ниндзюцу *Касайрю* оказалось крайне эффективным. И жестоким.

Несмотря на скоротечность моей атаки, мечущиеся в панике живые факелы меж пылающих кустов ивняка оказали мощный деморализующий эффект.

Скривив губы от неприятия собственных действий, я с грустью попросил у с ужасом смотрящих на меня сквозь пелену пламени шиноби прощения. Эти были просто идиоты, которые выполняли задание, отработывали деньги. Они понимали, что могут умереть, что их задача крайне опасна. Но они не ожидали, что она будет опасна настолько. Что меньше чем за секунду половина из них сгорит и умрет в муках, а оставшиеся в живых будут харкать кровью и раздирать кожу и глаза в кровь ногтями от нестерпимого жжения.

Хатагами. Мощный взрыв, долгие секунды продолжающий плыть по воздуху раскатами грома положил конец их мучениям. Ударная волна сорвала с ветвей ив и с лежащих на тлеющем песке трупов пламя, развеивая его сонмом искр во мраке ночи, чем скрыла свой сокрушительный эффект. Однако бьякуган узрел то, как летели в стороны разорванные тела шиноби.

Это была война. Война, после которой Танигауре уже не было места на карте.

Не глядя отшвырнув пару настырных шиноби, которые решили, что их маскировка спасет от бьякугана, я не спеша развернулся к продолжающемуся бою за спиной. Здесь теми же масштабными техниками от шиноби противника избавиться не получится. Порядки двух отрядов смешались. Люди метались под ногами гиганта техники *Райдзинга*, рискуя угодить под разряд молнии или удар одного из семи хвостов или цепей Кушины, они уже сами плохо понимали, где враг, а где друг. Вяжусь в драку там, и неминуемо попаду под дружественный огонь, а то и прибью кого-то, кого не нужно.

Похоже, не имеющие опыта совместных боевых действий шиноби Танигауре и наемники, встретив неожиданных для себя противников, начали импровизировать, что и привело к всеобщему хаосу. Какое-то подобие организованности сохраняла группа наемников, которые работали вместе с имеющим Стихию Кристалла ниндзя. Они пытались подобраться к Казекаге, но успехов не имели. Большая часть из них уже напоролась на восставшее против них металлическое оружие и теперь просто пыталась с помощью ниндзюцу сдерживать волны сатецу.

Однако был еще один отряд, который не поддался всеобщему хаосу. Около пятидесяти шиноби в белых масках и со знаками Анбу на плечах. Вот к ним-то я и направился.

— Бьякуган! — мгновенно выкрикнул первый же заметивший меня шиноби из Анбу, предупреждая своих напарников.

Подобраться к ним незаметно мне не удалось. Хотя я не особо старался это сделать, просто надеялся, что во всеобщей неразберихе они могут не обратить внимания. Наверное, среди них был...

Душераздирающий крик выкрикнувшего про бьякуган ниндзя подтвердил мое предположение. Этот несчастный повалился на землю, вжимая голову в плечи и отчаянно обхватив голову руками. Яманака. Вечно от них одни проблемы.

— Оро... чи... — попытался прохрипеть что-то невнятное незнакомый мне шиноби из клана Яманака, попытавшийся захватить мой разум, но обрушившаяся на него масса уплотненного моим кулаком воздуха заставила его замолчать.

Звук с хрустом крошащихся костей своего подельника остальных Анбу не вразумил, но сделал их более осторожными. Они были профессионалами своего дела, иных против Микото, имеющей Мангекьё, не отправили бы. К сожалению для них, сегодня я был за нее.

Пока я разбирался с отрядом Анбу, бьякуган позволял следить за всей схваткой. В

случае необходимости я мог бы помочь. Но, как выяснилось, уже оказанной поддержки хватало. К Казекаге подоспели его шиноби из Суны, которых нам пришлось ранее оставить позади, так как бой начался раньше, чем планировалось, и мы были вынуждены поспешать. Проблемы могла испытать еще и Кушина, но, кажется, ее главная слабость — это гендзюцу. А нападавшие планировали встретиться здесь с Учиха, поэтому среди них не нашлось никого, кто был бы искусным в мастерстве иллюзий. Никто не предполагал, что таковые понадобятся.

Поэтому довольно скоро вокруг фигуры *Райджинга* и спрятавшегося в технике шиноби расцвели линии джуиндзюцу. Цепи Чакры Кушины впились в противника, сначала блокируя чакру в меридианах, а после этого и вовсе, подобно Мокутону, поглощая ее. *Конго Фуса* были воплощением чакры самой Кушины, которая могла обездвигнуть даже биджу. За годы войны девочка многому научилась сначала от Микото, потом, в Отогакуре, от меня и родни. В первую очередь, она интересовалась джуиндзюцу. Конечно, у нее были проблемы с контролем своей чакры из-за ее количества и свойств, из-за этого не все техники удавалось повторить так же быстро. Но она упорно боролась сама с собой.

Покрытые знаками фуина Цепи Чакры вцепились в громаду *Райджинга*, взметнувшись над головой гиганта несколькими витками. Сияние техники сплелось в некое подобие цветка лотоса с противником в центре него. Двенадцать лепестков вытягивали сатцу из ниндзюцу Джитона, обретая плоть, пока стремительно не захлопнулись бутонем над головой обреченного шиноби. Там, под несколькими слоями техники Кушины, которая включала в себя элементы и *Гогьё Фуин*, и *Гедо но Ин*, и *Ура Шишо Фуин*, он уже был лишен возможности контролировать чакру, его кеккей генкай был заблокирован, ему оставалось лишь умереть, расплескав в стороны вскипевшую в жилах кровь.

Девочка стала совсем взрослой, сильной. И безжалостной.

***

В панике успев использовать технику сокрытия в поверхностях, Хиното провалилась под землю, успев ускользнуть от незримого, но смертоносного удара. Выросшая в Корне девушка не знала своего имени, у нее сменилось несколько позывных, и сейчас она была Хиното. Она думала, что не знает слабостей обычных людей, не испытывает эмоций, не ведает страха. Но сегодня мир в ее глазах перевернулся.

Она узнала, что такое страх. Одного взгляда белых глаз этого шестирукого чудовища хватило, чтобы понять это чувство. Животный ужас, пробирающий до кишок, сковывающий конечности. От него стыла кровь в жилах.

Она была готова бежать, но у нее оставался приказ. Вбитые в сознание установки пришли в конфликт с борющимся за жизнь разумом. Крадясь под поверхностью земли, Хиното могла видеть, что происходит на поверхности. Она видела, как с трудом подавив рвущийся из груди животный рык, Кушина через силу гасит в себе жгучую чакру Кьюби.

В корне знали, что сейчас тело джинчурики страдало от чакры биджу, кипела кровь и нещадно горела кожа. Кушина сама описывала эти ощущения, сравнивая их со сдиранием живьем кожи. Но приходящая с чакрой сила и животная ярость и ненависть блокировали эти ощущения. Самым мучительным был момент, когда сила Девятихвостого отступала обратно в печать. И это был тот момент, когда джинчурики наиболее уязвим.

Несмотря на то, что отряд Хиното был собран для ликвидации Учиха, она знала, как нейтрализовать джинчурики. Их готовили к этому, потому что биджу опасны всегда, даже если они запечатаны в телах людей.

Это чудовище, запечатанное в тело Узумаки, только что уничтожило сильного шиноби, равного по силе Каге. Сама Кушина уже не была человеком, она — животное. Она дралась, словно зверь, прыгая по земле на всех четырех конечностях. Цепи вились из ее спины и одним прикосновением могли убить слабого ниндзя. Лучи энергии, исторгаемые этим чудовищем изо рта, проделывали просеки в лесу. Это не могло быть человеком.

И сейчас, пока чакра биджу отступает, кроваво-черная пузырящаяся масса вновь открывает облик Кушины, оставляя лишь алую ауру, был лучший момент, чтобы атаковать ее. Но что-то Хиното останавливало. Что-то, что вселил в нее шестирукий монстр. Страх. При виде этой фигуры, объятай алым пламенем чакры Кьюби, при взгляде в горящие дикостью алые глаза с вертикальным зрачком, при мысли, что хищно покачивающиеся за спиной джинчурики цепи и алые волосы могут коснуться Хиното, куноичи не могла помыслить об атаке.

Пришедшие из-за Бандзё силы сейчас добивали остатки группы йохей-ниндзя, лидером которых был шиноби с редким кеккей генкай. Битва на берегу реки уже шла на спад. И там были шиноби Суны. Заговорщики получили поддержку врагов Конохи. В лесу, куда были вынуждены отступить ниндзя Листа и напавшие на них шиноби, чтобы не попасть под удар джинчурики и его противника, там, похоже, тоже все шло к концу. Нанятые Анбу наемники не получили подкрепления и теперь проигрывали заговорщикам. Подкрепления были уничтожены шестируким чудовищем.

Все шесть его рук были объаты легким, кажущимся безобидным маревом, которое рвало человеческую плоть в клочья. Отряд Хиното был разбит. Не прошло и пяти секунд. Командир Хиното травмирован, болевой шок, не боеспособен. Кому-то повезло меньше, они уже погибли, сломаны, разорваны, как тряпичные куклы. Кому-то повезло больше, их тенкецу были лишь заблокированы, а тела обездвижены. Шестирукое чудовище имело бьякуган. Оно должно быть уничтожено. Но Хиното не могла даже помыслить атаковать его.

Находясь под землей, куноичи уже подумала, переборола себя, сделала первый шаг к побегу, когда непреодолимая сила потянула ее наверх. Ее маскировка не позволила скрыться от бьякугана. Болезненно выдохнув, когда волна воздуха ударила в грудь, подбрасывая тело, Хиното внезапно поняла, что висит в полуметре над землей. Стальная хватка костлявой ладони с длинными, узловатыми пальцами сдавила шею. Другая ладонь аккуратно подцепила треснувшую маску на лице куноичи. Когда она заглянула в бесцветные глаза чудовища, Хиното почувствовала, как задрожало ее лицо. Мышцы пытались вспомнить, как отражать эмоции, но девушка давно не испытывала никаких чувств.

— Корень, — услышала Хиното полный жалости голос шестирукого обладателя бьякугана. — Ну, конечно. Кто бы сомневался. Бедные дети...

Куноичи даже не успела почувствовать приближения удущья, как болезненная хватка на шее ослабла. Но перед этим несколько легких прикосновений пальцев заблокировали ее тенкецу. На землю девушка упала обездвиженной, не способной даже пальцем шевельнуть.

— А, Кушина, — услышала она, как обратил внимание на Узумаки незнакомец. — Жива? Здорова?

— Омушимару? — вместо лишних слов уточнила Кушина.

— Рюсей Омушимару, — подняв три левые руки, мужчина указал тремя правыми на эмблемы Отогакуре на рукавах своего кимоно. — Рюджин-сама обещал вам помощь. Она пришла.

— Можно было и раньше! — немного расслабившись, зло выкрикнула Кушина. — Мы

понесли большие потери.

— Прости, — искренне попросил прощения Омушимару. — Торопился, как мог.

Джинчурики вновь вздохнула, успокаиваясь, прежде чем неловко произнести:

— Спасибо.

Но этих слов Хиното уже не слышала. Ее жгло осознание, в чьи руки она попала. Это был Рюсей! Отродье Орочимару!

***

Прокатившись по земле, Яманака Санта юркнул за поваленное дерево, скрывшись за его вывернутыми, влажными корнями. Комель был достаточно толст, чтобы десятилетний мальчишка мог за ним скрыться. Но недостаточно прочен, чтобы служить надежным укрытием. Особенно, если в бою участвуют шиноби такого масштаба.

— Жив? — услышал Санта сиплый голос по правую руку от себя.

Это был Нара Маен, вслед за ним как раз и бежал Яманака.

— Ага, — пытаюсь отдышаться, ответил Санта. — Где Дото?

— Там, — махнул рукой Нара в сторону ближайшего здания, где прятался Акимичи.

Грохот со стороны парка Сендзю заставил его вновь пригнуться.

— Сейчас двинем за ним! — перекрикивая отдаленные взрывы, сообщил Маен. — Надо убираться отсюда!

Осторожно выглянув из-за дерева, Санта оглядел перекресток улиц перед школой и администрацией. Когда-то там вдоль улиц шла стена, отгораживающая полигон для самых юных учеников Академии. Сейчас она была сметена, и ничто не мешало осмотреть все пространство от места укрытия тройцы чунинов до резиденции Хокаге. Многие мешающие обзору здания и прочие помехи были унесены техниками вместе с забором.

И эти техники продолжали сотворяться. Тьму ночи сегодня озаряла не только полная луна, но и ниндзюцу Катона. Там, впереди, схлестнулась Военная полиция и Анбу. Жгучее пламя иногда взметалось выше крыш домов. Его рев доносился даже до Санты. Вместе со свистом клинков, треском молний, рокотом воды и грохотом земли. За тонкой дымкой из поднятой пыли можно было увидеть не только вспышки Катона и молний, но и желтое мерцание *Хирайшина* Хокаге и тревожное, пурпурное пламя *Сусаноо*.

— Фугаку! — тихо скрежетнув зубами, Санта снова спрятался за деревом, за мгновение до того, как в него с глухим стуком вонзились сюрикены. — У него все это время был Мангекьё! Чтоб медведь сношал этих Учиха!

Отец самого Санты попал под технику глаз этого треклятого Фугаку! Какое-то мощное гэндзюцу, которое невозможно было снять. Яманака молился, что ирьенины смогут спасти отца. Но пока ему нужно было позаботиться о своем спасении.

— Туда! — крикнул Нара. — Смотри!

— Что там? — взглянув в нужном направлении, спросил Санта.

— Это ж Анко! Она вечно носилась с тем самозванцем!

— За ней? — догадался Санта, вопросительно посмотрев на друга.

— Конечно! — зло бросил Маен. — Поймаем дайме и проблемой меньше. Давай к Дотс сначала.

Анко Митараша была не одна, с группой генинов. Санта видел некоторых из них в Академии и даже знал их. Две близняшки Узуки были симпатичными девочками, за ними многие бегали. Ирука был каким-то идиотом, которого пришлось пару раз проучить. И еще пару парней Яманака поименно не знал. И теперь, наверное, уже не узнает. Потому что они

прижались к предателям.

— Половина деревни нукенины, — зло бормотал он, перебежками двигаясь от укрытия к укрытию вслед за Дото и Маеном.

Двигаться приходилось осторожно. Непонятно было, в какой момент может встретиться отряд шиноби. И к какой стороне они будут относиться. Заговорщики носили на плечах красные и белые повязки, но в неразберихе их можно было и не заметить. С помощью *Шинденишин* Санта получал сообщения, что несколько раз шиноби попадали под удары своих же.

На улицах локально вспыхивали короткие стычки, редко перерастая в продолжительные бои. Но в деревне ни на миг не устанавливалась тишина. Сражение гремело под Монументом Хокаге. В парке Сенджу не утихали взрывы. Там иногда в редких просветах между домов можно было увидеть маячившую над деревьями громаду второго *Сусаноо*.

Два Учиха с Мангекё Шаринганом! Ублюдки! И они еще смели говорить, что не виновны в смерти Третьего!

Отряд Анко, похоже, собирал раненых и транспортировал их к окраине деревни. По крайней мере, их удалось быстро нагнать из-за этого. Генины не могли быстро передвигаться с весомой ношей за плечами, это Санта знал по себе. Во время войны ему часто приходилось помогать ирьенинам.

— Атас! — разрезал сумрак лунной ночи крик девчонки, когда Дото и Маен уже подбирались к группе Анко. — Бегите!

Коротко выругавшись, Санта попытался сложить печати для семейной техники, но резкая боль обожгла левую ладонь.

— Сучка! — вскрикнул больше от удивления, чем от боли, Санта. — Она меня ранила. Я без печатей!

Мелкая дрянь оказалась слишком меткой или удачливой. Холодная сталь сенбона пронзила запястье Яманака, пробив суставную сумку и застряв в суставе. Пока Санта матерясь от боли, старался вытащить сенбон, его напарники накинулись на девчонку.

— Какого демона, придурки?! — возмущено завопила она, пытаясь отделаться от них.

— Я поймал ее! — азартно кричал Нара.

— Сейчас! — басовито отвечал ему Акимичи.

— Пошли на хер, неудачники!

— Черт! Это клон!

— Берегись сенбонов!

— За ней!

В азарте погони они быстро забыли об осторожности, и быстро оказались на крышах. Прыгая по ним и пробегаясь по натянутым между ними проводам, передвигаться по Конохе было гораздо быстрее. И пока им везло, они не нарвались на отряды врагов. Только пару раз Санта едва не угодил в окна сюрикенами, которые метал здоровой рукой.

— Она бежит к окраине! — стараясь сохранить дыхание, крикнул Санта напарникам. — Там отряд наших! Гони ее на них!

— Веди!

Мелкая дрянь, которая вечно ходила в Академию в обносках и бесила Санту крикливым характером, оказалась слишком резвой. Или просто уж очень хотела жить, и страх придавал ей сил. Но она все равно не могла от них скрыться. Они все же смогли загнать ее на тот самый отряд, о котором Яманака знал из сообщений родственников, которые они

передавали с помощью техники *Шинденшин*.

Только вот Санта ошибся с тем, кто кого и куда загнал.

Они вышли к храму Нака. Небольшому, бережно охраняемому Учиха святилищу на окраине Конохи, которое терялось среди малоухоженных полигонов. Здесь и в самом деле был союзный отряд, но, кроме них, были и враги. Вывалившись из гущи веток на расчищенное от растительности пространство перед храмом, друзья поняли, что на них нацелены несколько десятков клинков.

— Это свои, — крикнул кто-то из собравшихся перед ториями храма шиноби.

— Нара, Яманака, Акимичи? — уточнил один из подошедших к ним ниндзя, кажется, это был Мавасу Юхи. — Какого ляда вы здесь делаете?

— Гнались... за предателями, — растеряно ответил Нара.

— Не ваше это дело, — хмуро сказал Юхи. — Занялись бы чем-то полезным лучше.

Санта едва не лопнул от возмущения. А чем они, по его мнению, занимались?!

— Еще раз повторяю, здесь только старики, женщины и дети, — женский громкий голос, раздавшийся по ту сторону торий, отвлек Санту от его праведного гнева. — Я не пушу вас к ним. Если хотите повоевать, то воюйте с равным противником.

Говорила это женщина, Хьюга. В ночи под светом луны Санта не мог рассмотреть в деталях ее лицо. Оно скрывалось в тених, и только казалось, что сияют мертвенно белым светом глаза. Но по голосу, кажется, это была жена главы клана белоглазых. Санта никогда не знал ее имени, знал только, что она жена главы. Его мать часто потешалась над этой женщиной, которая всегда и при любом удобном случае любила упомянуть свой статус.

— Не завирайся, женщина! — с угрозой порекомендовал один из шиноби. — Это вы начали войну!

— Нам не нужна война, — фыркнув, надменно ответила Хьюга. — Нам нужно, чтобы вы просто отстали от нас.

— Именно поэтому вы напали на наш Барьерный отряд?!

— Именно потому, что вы отправили убийц из Анбу к Фугаку. Потому что вы атаковали Узумаки Кушину. Вы едва не убили дайме!

— Хватит с ней церемониться! — решительно выдвинулась вперед куноичи из клана Акимичи, начав подниматься по ступеням в храм Нака. — Не бойся, девка, твое отродье мы не тронем. Но здесь могут прятаться нукенины...

Договорить она не успела. Упала, словно поскользнувшись, на колени. Едва не скатившись по ступеням. Сначала Санте так и показалось, что она и в самом деле поскользнулась, потому что по ступеням потекло что-то жидкое, будто масло. Но потом он понял, что это хлещет кровь из пробитых артерий и вен, которые Акимичи судорожно пыталась сжать руками.

— Я всего лишь скромная жена главы клана Хьюга, — со сталью в голосе пронесла белоглазая женщина, гордо выпрямив спину и глядя словно над головами столпившихся перед ней шиноби, — но перечить мне я вам не советую. Никто из вас не ступит на территорию храма.

С этими словами Хьюга взмахнула в воздухе неизвестно когда появившимися в ее руках кривыми одноручными клинками. Пара мечей хищно сверкнули в лунном свете, озаряя ночь отблесками мертвенного света и всполохами голубой чакры.

— Да что ты себе позволяешь?! — яростно взревел другой шиноби из клана Акимичи почти синхронно с Дото.

Санта не успел даже что-то сказать, когда увеличившиеся в размерах шиноби рванули вперед. Чтобы скатиться вниз по лестнице, разбрызгивая кровь по земле и камням. Но это уже не останавливало других. Однако их массивная атака не имела эффекта. Превратившись в вихрь полыхающей чакры, Хьюга рванула прямо сквозь вал раздуваемых Футоном ниндзюцу Катона. Огонь и сталь бессильно разлетались в стороны. И летели в стороны бесчисленные капли крови.

Прошло не больше минуты бешеной пляски мечей, во время которых ее пытались остановить и с помощью гендзюцу, и с помощью Хидена клана Нара, но остановилась она лишь тогда, когда все противники Хьюга лежали, неспособные продолжить бой.

Санта избежал ранений только потому, что так и не решился сдвинуться с места. Эта женщина была слишком сильна и быстра. Рванувший из нее поток силы перед началом схватки сейчас быстро иссяк, словно выключенный. Яманака уже видел подобное. На восточном фронте, когда Харуно Кизаши использовал киндзюцу *Шичи Тенкохо*. Хьюга владела этой же техникой!

— Сейчас я всего лишь скромная жена главы клана, — медленно проведя клинками мечей окружность вокруг себя, вкрадчиво произнесла женщина, — но когда-то я была ученицей Орочимару. И если я сказала, что никто не ступит на территорию храма, значит, никто этого не сделает. Убирайтесь отсюда, пока я добра и сохранила вам жизни. Но лишь пока! Сегодня Цукими! Праздник созерцания Луны! Любуйтесь ею в отражении своей крови, пока я даю на то дозволение!

Сказав это, женщина зашагала в сторону святилища Нака. Санта еще долгие несколько секунд не мог заставить себя пошевелиться, как замороженный наблюдая за этой Хьюга. Светлые ее одежды были запятнаны черными каплями крови. Они же окропили ее лицо, на котором из-за техники *Шичи Тенкохо* ярко сияли белым глаза. Когда она ступала по ступеням, еще теплая кровь стекала по ним, словно густая вода. На глянцевой, слегка парящей на морозном воздухе поверхности мертвенно сиял трепещущий в дымке образ полной Луны.

А из-за торий на всю эту ужасающую картину взирала мелкая мордашка Анко Митараша. Она наблюдала, как со стонами собираются шиноби. А Санта с горечью понял, что возомнив себя охотником, сам попал в расставленные силки.

Глава 56. Час Быка

27 сентября 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Штаб, это Тенгу. Внимание. Пост наблюдения под нашим контролем, — быстро надиктовывал в микрофон шиноби из клана Тобитакэ. — Гарнизон нейтрализован. Ретранслятор подключен. У нас семь раненых... Требуется подкрепление. Второе убежище занято. Гражданские усыплены. Требуется эвакуация. Повторяю, требуется подкрепление и эвакуация гражданских. Прием.

— Тенгу, это Штаб, — после щелчка тумблером и небольшой паузы услышал я ответ в наушниках Тобитакэ. — Трансляция с камер есть. Удерживайте позицию. К вам отправлен отряд Цуру и Саги. Прием.

— Вас понял, Штаб, — устало ответил Тобитакэ, привалившись к стене.

Этот шиноби лишился в бою ноги. Угодил в ниндзюцу одного из Анбу, которых мы выкуривали из поста наблюдения. Но ничего, жив, крови потерял немало, конечно, однако это поправимо. Главное, задачу мы выполнили.

Пост наблюдения — это одна из площадок Анбу, которые находятся на нависающей над Конохой скале. Эта была одна из самых высоких, ниже нас были даже лики предыдущих Хокаге. Раньше отсюда велось наблюдение за деревней с помощью больших, установленных на станки смотровых биноклей. Они и сейчас здесь имелись. Мощные телескопы с качественной, просветленной оптикой. Но прогресс не стоит на месте, помимо них не так давно сюда было установлено новое оборудование.

В Конохе была размещена сеть камер видеонаблюдения, транслирующих аналоговый сигнал в эту комнату. Массивное оборудование частично собиралось в местных лабораториях, частично было привезено из Страны Снега. Именно к нему мы подключили ретранслятор, с помощью которого передавали теперь сигнал в кварталы Танзаку.

Пост наблюдения хорошо защищался, взять его штурмом было бы непросто. Поэтому отряд Тенгу, к которому я-Охеми оказался приписан, пошел в обход. Через одно из убежищ, которые также были расположены в сети пещер в скале. Сюда эвакуировали мирных жителей Конохи, детей шиноби и всех, кто не мог помочь в защите деревни в случае чрезвычайной ситуации. Так как сторонники альянса Учиха и Сенджу своих родственников спрятали в храмах Нака, Масок и в башне в Лесу Смерти, то здесь оказались сторонники противоположной фракции шиноби Конохи. Естественно, смерти им никто в здравом уме не желал, здесь все-таки прятались не воины, и при прохождении убежища расчет был на *Мокутон: Каджукай Корин*, технику Стихии Дерева, позволяющую усыпить и парализовать людей. В моем исполнении она вышла не столь впечатляющей, как у Хаширамы, но в замкнутом помещении подействовала великолепно.

Расцветшие цветы распылили транквилизирующее вещество по комнатам, усыпляя всех прячущихся в них людей. Пройти по проделанным в скалах коридорам в тылы засевавшей в poste наблюдения группировке Анбу было проще, чем ломиться к ним в лоб. Но даже так без потерь не обошлось. Зато теперь у противника должно быть еще меньше возможностей контролировать ситуацию в городе. А у Кизаши в Танзаку появится непосредственный доступ к оперативной информации. По крайней мере, пока противник не выведет из строя камеры наблюдения.

— Охеми, да? — позвала меня отдыхающая, рассевшись прямо на полу у входа в пост

наблюдения, куноичи. — Ты хорошо маскируешься, мелкий. Даже я не узнала тебя под Хенге.

Это была Инузука Цуме. Она полулежала, прислонившись спиной к стене и опустив руку на холку своего Куромару. Уши что куноичи, что ее больше смахивающего на волка пса чутко ловили звуки, наверняка она еще и в запахи внимательно вслушивается, готовая среагировать на первую же угрозу.

Эта парочка, Цуме и Куромару, ворвались в пост наблюдения первыми и едва не разворотили совместной техникой оборудование. Но зато здорово облегчили работу следующим за ними шиноби. В свой двадцать один год куноичи из клана Инузука уже имела трехгодовалую дочь, но не переставала быть дикой и агрессивной, хотя все-равно как-то умудрялась выглядеть при этом женственной. Короткие растрепанные волосы, агрессивный макияж, красные тени гармонировали с красными отметками клана на щеках и каплями крови врагов.

Красивая женщина. Правда, не так давно она грозилась повесить мужа на его собственных кишках, так как тот переметнулся на сторону южной фракции, бросив и жену, и дочь. А ведь когда-то была такой милой девочкой. Помню, как она плакала, когда ее любимого Куромару обижали коты, а теперь, смотри-ка, людей жестоко убить грозитя, Куромару скоро ее саму перерастет и Некомату сам обидеть поди сможет, и я — мелкий.

— Кизаши научил, — ответил я на вопрос Цуме, пододвигая стул к свободному смотровому биноклю, так как для меня тот был слишком высок. — Маскировать запах несложно.

На самом деле, без ложной скромности, мы все и в убежище-то попали благодаря мне. В него я проник еще во время эвакуации, замаскировавшись под обычного ребенка, и уже изнутри использовал технику Мокутона. И, если честно, сделать это было несложно. Когда Фугаку атаковал корпус Барьерного отряда, где находились и сенсоры со связистами, в Конохе была некоторая паника и неразбериха. Несмотря на военизированный характер поселения, все-таки его атаковали не так часто и не настолько большими силами, чтобы привычка прятаться в убежищах появилась и закрепились. Последний подобный случай был, когда в результате диверсии отряды Ивы оказались внутри деревни. В остальное же время проводились, конечно, учения, были инструкции и прочее, но все равно в общей неразберихе попасть в нужное убежище оказалось просто.

— Да, точно, ты же учишься у Микото, — припомнила Цуме, — а та вместе с Кизаши училась. Понятно. Я слышала о тебе, мелкий с Мокутоном. Но не думала, что ты толковым окажешься.

— Ну, спасибо. — хмыкнув, ответил я, забравшись на стул и настраивая бинокль под себя.

В ночи многого не видно, но районы сражений можно было локализовать на слух, до нас доносился отдаленный грохот взрывов. Да и в Конохе все-таки имелось минимальное освещение на основных улицах и света от Луны было достаточно. Местами виднелись зарева занимающихся пожаров. Но, главное, многие шиноби сами подсвечивали свои позиции, используя техники, например, Катона. Или *Сусаноо* и *Хирайшин*.

Сусаноо в Конохе сегодня использовали двое. Микото не стеснялась в использовании этой техники, заковав себя в почти полностью сформированную багряную фигуру из чакры. Пока ее навыков не хватало для завершенной формы, даже облачить *Сусаноо* в доспехи она не могла, но плоть на нем была. Серьезная защита, подходящая для возложенной на Микото

миссии. Она до последнего использовала образ Кушины, выступая приманкой для тех, кто желал заполучить биджу.

Ожидалось, что охотиться на нее будет сильный отряд, включая восставшего Курама с их кеккей генкай, поэтому Микото и отряд Муракамо заняли оборону в парке Сенджу — достаточно близко для вызова подкреплений и в то же время и малоллюдно, чтобы избежать лишних жертв. Да и Храм Масок рядом, если потребуется отступить в защищенное место.

Сейчас от парка уже мало чего осталось. Чувствую, придется мне его восстанавливать с моим-то Мокутоном. Лишь бы поместье Сенджу не разрушили попутно, мне нравится чайный домик в нем. Пока там ситуация под контролем, но, если потребуется, в бой я могу вмешаться и лично, через основное тело. Хотелось бы этого избежать, конечно. Как бы там ко мне не относились шиноби Конохи, но моя прямая помощь в гражданской войне да прямо в какурезато могла быть неправильно истолкована. Все-таки я сейчас лидер Отогакуре.

Тем временем другой обладатель Мангекьё Шарингана *Сусаноо* использовал с большей осторожностью, предпочитая ограничиться лишь защитой из горящих пурпуром ребер. Похоже, стремился сохранить мобильность в борьбе с Минато. Этот белокурый мальчишка все-таки сделал свой выбор. Хотя не уверен, что у него он оставался. Намикадзе не смог взять под контроль остатки Корня и Совет. В итоге даже Анбу подчинялось ему не полностью. Что и вылилось в несколько нападений на альянс Учиха и сегодняшнюю ночь.

После того, как Учиха и примкнувшие к ним шиноби начали воплощать свой план, Минато уже не мог оставаться в стороне или колебаться. Фугаку атаковал, он начал восстание, и Хокаге должен был этому сопротивляться. Мотивы поступков Злоглазого уже не были столь важны. Наверное, Намикадзе можно только посочувствовать. Что так, что эдак его судьба не отличалась легкостью.

Наблюдать за битвой у самого подножия скалы, а именно там схлестнулись Фугаку с Минато, с нашей позиции было не очень удобно, но, кажется, там собралось много народу. При начале операции восставшим не удалось выполнить одну из основных задач в полной мере — силы противника оказались не заблокированы в разных кварталах Конохи. Поэтому малые группы сопротивления смогли сформировать большие отряды. Хотя координация у них была плохая, поэтому все-таки часть таких отрядов удалось нейтрализовать достаточно просто. Например, тех шиноби, которые попали в периметр обороны святилища Нака.

Вообще, главной целью всей операции было разведение сил разных фракций шиноби Конохи с минимальными жертвами для обеих сторон. С чисто рациональной точки зрения не лучшее решение. Просто уничтожить противника было бы правильнее, но не все готовы были пойти на такой шаг. С другой стороны, Кизаши прекрасно понимал, что разведя противоборствующие силы, сам конфликт не решить. Поэтому, например, от плана усыпить и вывезти из Конохи оппонентов он отказался тоже. На событиях сегодняшней ночи война не остановится, и, чтобы одержать в ней победу, необходимо было пролить кровь. Необходимо было ликвидировать наиболее сильных, влиятельных и убежденных противников идей альянса Учиха и Сенджу.

Устранение членов Совета, лидеров ряда кланов, зачистка Анбу — это давало шанс не только на военную победу, но и на идеологическую. Естественно, не сейчас, но с течением времени. Как бы там ни было, но ни Кизаши, ни Фугаку, ни Джирайя с Цунаде не были в восторге от того своего решения, которое привело к сегодняшней ночи, и его последствиям. Коноха была для них домом, семьей. Вбивать последний клин в нее, окончательно разрывая на две части, было больно для них. Принимать решение об убийстве тех, кто лишь парой

месяцев ранее прикрывал тебе спину — было сродни предательству самого себя. Но для них на кону стояло нечто большее, чем Коноха — вся Страна Огня, ее люди. И, вопреки всему, надежда на то, что Коноха когда-нибудь снова вернется к единству, оставалась.

Хотя сейчас об этом и не скажешь. Бои приобретали все более ожесточенный характер. Не уверен точно, какие способности у глаз Фугаку, но, похоже, левый его Мангекьё Шаринган обладает сильным гендзюцу, вероятно, Цукиеми. Несколько опасных шиноби уже были пойманы в него. С правым глазом сложнее. Что-то связанное с предсказанием? Или чтением мыслей? Он словно расширял возможности копирования техник обычного Шарингана, позволяя подбирать им наиболее успешные контрприемы. По крайней мере, несмотря на заметный проигрыш Минато в скорости, Фугаку успешно справлялся с кандидатом в Хокаге, сумев даже разрушить метки техники *Хирайшина*, что считалось невозможным.

— Цуру в беде! — крик дежурившего у мониторов шиноби оторвал меня от разглядывания битвы. — Они нарвались на отряд... Сакумо? Да! Точно он!

— Докладывай штабу, Тобитакэ! — мгновенно среагировал на сообщение командир нашего отряда «Тенгу», Рой Ли. — Кто командует Цуру?

— Хизаши.

— Задержать Сакумо он сможет, — чуть расслабился Ли, припав к экранам. — Отряд Саги уже должен быть близко, вместе справятся. Кто еще с Сакумо?

— Видел Мавасу и Шинку Юхи. Еще несколько чунинов, кажется.

— Проклятье! Это плохо, — вглядываясь в тусклое изображение на экранах, ругнулся Рой. — Я не вижу Хизаши! Где он, демоны его задержали?!

— Капитан! Сообщение от штаба! — крикнул радист. — Отряд Саги движется по тоннелям убежища, будут у нас через минут пятнадцать. А Хизаши погиб... Цуру и Козуру зачищали катакомбы одного из корпусов Анбу. Там они встретились с Като. Хизаши смог ранить Дана через его проекцию, но погиб сам. Цуру и Козуру пришлось объединить. Командует ими сейчас Конкон.

— Ло Конкон? Токубецу-джонин? Черт! Их прижимают к Академии!

Значит, этот отряд «Цуру-Козуру» был уже совсем рядом. Пришлось пошарить биноклем по окрестностям, чтобы найти примерное место сражения. Особо выдающейся эта схватка не была, даже в лунной ночи ее заметить было непросто. Но помогли вспышки белого танто Сакумо и всполохи зеленоватого света какой-то техники.

Да, «Цуру» и в самом деле прижимали к Академии. Точнее, их окружали с нескольких сторон, готовясь покончить с отрядом. Сильных шиноби в «Цуру» не осталось, а нарвались они не только на Сакумо, но и еще на кого-то способного. На таком расстоянии не видно, да и чакру я в общем хаосе ощущаю в этом теле плохо, но чувствую, что там есть кто-то еще неприятный.

— Идем, капитан? — требовательно посмотрев на Роя Ли, спросила Цуме.

— Из отряда четверо в строю, один из них чунин десяти лет.

— Покаждемся Саги — уже поздно будет. А нам идти-то — спрыгнуть в окно и на месте. Не смотреть же нам, как они гибнут на наших глазах?! Нужно просто дать им шанс отступить и дожидаться подкрепления.

— Ясно, — вздохнув, принял решение Ли. — Тобитакэ — штабу. Идем на выручку Цуру. Цуме, Кей, Шин... Саки, ты еще на ногах? Йори? Остальным оставаться. Ждите Саги и ирренинов. Следите за оборудованием. Занимайте оборону.

Пока Рой раздавал указания, Цуме неподалеку от меня хищно осклабилась и поднялась на ноги, поправляя экипировку и заталкивая обратно в карманы разгрузки свитки и печати, которые достала ранее, готовясь к обороне позиции.

— Прости, Охеми, сегодня, походу, твой звездный час уже прошел, — похлопав по холке Куромару, со злой радостью поведала мне куноичи. — Надеюсь, в будущем еще будет шанс посмотреть на тебя в бою. Если что, знаешь, у меня ж дочка есть. Красавицей вырастет, точно тебе говорю. Вся в меня! Так что не теряйся!

Напоследок хлопнув меня по плечу, словно своего пса, Цуме направилась к оперативно разбираемой баррикаде на входе на пост наблюдения. За несколько минут шиноби успели завалить проход и установить барьерное ниндзюцу, а так как прыгать в окно никто из них все же не надумал, приходилось свои труды наскоро разбирать.

Но Цуме все же забавная личность. Даже жаль, что ее дочь все же пойдет больше в отца характером. Или нет, не жаль. Хватит мне уже... интересных личностей в личной жизни.

Дождавшись, пока относительно боеспособные шиноби покинут пост, я задумчиво посмотрел в бинокль, оценивая ситуацию внизу. Не хотелось бы этого делать, но все же, думаю, придется. Пока в этом теле у меня не так велик резерв чакры и выносливости, чтобы опрометчиво делить его клонированием, но рискнуть можно.

Через секунду, успев за мгновение до возведения нового барьера создать древесного клона и отправить его сквозь камень, я наблюдал, как он вываливается из камня на отвесную скалу прямо под постом наблюдения. Прыгать вниз, даже в виде древесного клона, мне тоже показалось не самым умным решением, поэтому пришлось спускаться осторожно, цепляясь за уступы и трещины. Тут всего было метров десять до каменной головы Хаширамы, а там уже, я помнил, ходы имелись.

Иногда просачиваясь сквозь стены и перепрыгивая с этажа на этаж, мне все же удалось избежать обнаружения в имеющихся обширных скальных катакомбах Конохи. И я сумел даже перегнать при спуске выдвинувшийся ранее на помощь «Цуру» отряд «Тенгу». А когда я оказался в слабо ухоженном лесу за Академией, то и вовсе оторвался от них, скользя от ствола к стволу.

Внизу, в деревне грохот взрывов и техник уже не казались отдаленным громом. Он разносился по улицам, иногда пробирая до костей. Неприятное ощущение.

— Что еще ожидать от моего соперника?! — услышал я сквозь прерывистый грохот техник.

Выглянув из-за очередного дерева, я заметил свою цель. Сакумо все же прижал группу «Цуру» к Академии. Здесь отступать шиноби стало сложнее. Они пытались прорваться в коридоры зданий, но их уже занимал противник. Паршивое положение. Тут только по крышам остается, но там и укрытий меньше, чем в этой жиденькой, но какой-никакой роще. После попытки бежать на крыши уже был пробит один из баков на этой самой крыше. Вода до сих пор капала с черепицы, а покрытая редкой травой почва быстро превращалась в стоптанную и взрытую шиноби грязь.

Сражение к моему приходу оказалось разбито на несколько индивидуальных боев, потеряв всякую организованность. Несколько Хьюга относительно успешно наседали на Юхи и других слабо знакомых мне шиноби. Ло Конкон, занявший место капитана отряда, оказался отеснен в сторону своим противником. Несмотря на попытки использовать фуиндзюцу и отбиться от средних лет генина в потрепанной одежде, у него это получалось слабо. Еще чуть-чуть, и ему грозит попасть в окружение. Впрочем, с его противником, это

ожидается. Он нарвался на Марубоши Косуке, вечного генина, которого успели натаскать как минимум два Хокаге. А вот Сакумо пока сдерживала объятая зеленой аурой фигура,двигающаяся с просто чудовищной даже для шиноби скоростью. Как минимум на уровне третьей активации *Шичи Тенкохо*.

Этого шиноби с зеленой аурой я узнал. Майто Дай. И его седьмые отворенные врата Хачимон. С нашей последней встречи Дай серьезно продвинулся, но даже этого пока не хватало, чтобы одолеть Сакумо.

А этот издаваемый охрипшим голосом крик принадлежал пошатывавшемуся, стоящему на ногах только благодаря стене за спиной, чунину. Несмотря на то, что в тени здания было сложно рассмотреть детали, но темный облегающий костюм на фоне светлой штукатурки был различим хорошо.

Майто Гай.

Черные полосы на стене позади него — явно следы крови. Seriously ранен. А раз я слышу вопли о «сопернике», то раны эти нанес... Ну да, вот и Какаши. Без лишних эмоций он в стремительном выпаде, стелясь по земле, метнулся к Гаю, целясь коротким танто в незащищенное горло Майто.

Лишь в последний миг угодивший под ногу Какаши корень заставил Хатаке покатиться по земле и спас жизнь Гаю. После этого мелькнувший в лунном свете сенбон прострелил икру Хатаке, пробив нерв и заставив юного джонина поспешно отковылять назад.

Простояв секунду, Гай ошеломлено покрутил головой, не понимая, почему еще жив. И в этот миг в бой ворвались мои напарники.

С тяжелым стоном, пропустив удар по спине от Сакумо, мимо меня пролетело распластанное в воздухе тело Майто Дая, пробив в полете стену возле Гая. Не успели еще осыпаться растрескавшаяся штукатурка, а гарь от использованного старшим Хатаке клона из взрывных печатей рассеяться, как с жутковатым воем, ломая деревья, роццу рассек смертоносный вихрь.

Едва не задев Сакумо, который успел использовать технику Замены, этот вихрь пронесся по рядам противника. Пара шиноби не успели даже понять, что произошло, когда непреодолимая сила разорвала их тела в клочья, после чего врезалась в здание Академии, разнеся одну из аудиторий. И уже через миг из пролома со смертоносной грацией волка выскочила черная молния, с кровожадным рыком набрасываясь на Марубоши. Вечному генину пришлось поспешно отступить, чтобы не быть разорванным двумя пастями огромного двуглавого пса, в которого превратилась Цуме Инузука.

Одобрительно хмыкнув при виде столь эффектного появления, я быстро проскользнул мимо с трудом пытающегося перевалиться через пролом в стене Академии Майто Гая. Парнишка был изранен и сильно устал, но несмотря на это пытался помочь отцу, который почему-то не спешил выбраться из здания.

Позади глухо ухнула земля и затрещали корни деревьев. Мелкая дрожь прошла по зданию. Я только успел выскользнуть из стены и ступить на заваленный обломками стены пол тонущего во мраке класса, когда в ступни ударил толчок от использованной Роем Ли техники Дотона. Это произошло очень не вовремя. Мой удар кунаем по темному смазанному силуэту вышел не очень удачным. Толстое лезвие, вместо того чтобы проскользнуть между затылочной костью и атлантом и разрубить продолговатый мозг и позвоночные артерии, скользнуло по черепу, зацепив нижнюю челюсть, и рассекло яремные вены и гортань.

Прячущемуся в тени шиноби не повезло, умирал он дольше, чем я планировал, хрипя и

панически пытаясь зажать быстро истекающую сквозь пальцы темную кровь. Хуже того, я сам едва не упал на него, едва не вляпавшись в черную пленку, покрывающую тело шиноби сплошным покровом. Мои пальцы даже скользнули по ней, так что не находишь я в теле древесного клона, то мне бы серьезно не повезло.

В тени прятался Абураме Шикуро, покрытый своими ринкайчу. В обычном теле они доставили бы большое неудобство, впрыскивая яд и распространяясь по телу, пожирая чакру и кровь. В древесном клоне они так быстро распространяться не могли. Да и, хоть и в меньшей степени, чем на кикайчу, на них сказывался распространенный мною ранее вирус.

Все жуки Абураме крайне успешно адаптировались ко всем негативным эффектам и давно доставляли мне дискомфорт. Чтобы расправиться с ними, я изобретал не инсектецид, как считали сами жуководы, а вирус. Генетически ориентированный на самые стабильные, самые защищенные от мутаций участки ДНК и кодируемые ими белки и фенотипичные признаки вирус прекрасно справлялся с большинством жуков, которым, чтобы приспособиться к нему, было необходимо приобрести мутации, серьезно влияющие на их самые необходимые для жизни признаки. Но ринкайчу, похоже, слишком сильно отличались от основной используемой Абураме породы. В свое время раздобыть их мне не удалось, слишком редкая разновидность.

А теперь они станут еще реже — одним использующим их шиноби стало меньше. Но кроме него в здании Академии имеются еще ниндзя противной стороны, которые и заставили Майто Дая отступить на ту сторону здания. Ближе к сражению Фугаку и Минато.

Что же, темные коридоры Академии — это самое подходящее место, чтобы незаметно оказать помощь своим союзникам.

Через минут пять, аккуратно укладывая незнакомую мне находящуюся без сознания куноичи с камонами одной из незначительных семей на одежде на пол, я более не смог обнаружить поблизости врагов. Зато заметил, что в Академии значительно прибавилось союзников. Отбившись от Сакумо и его отряда, шиноби альянса Учиха и Сенджу все же не смогли выйти из окружения и оказались заперты в стенах школы. Бой постепенно начал заходить в тупик и пока прекратился, сторонам потребовалось время зализать раны и собраться.

Внезапно пришедшая подмога требовала сменить тактику как Сакумо, так и Конкону. Я чувствовал, как за стенами в ночи шиноби бдительно наблюдают за Академией, ускользнуть незаметно от них не получится. Мои же союзники собрались в одной из аудиторий. Послушаем, какие у них, у союзников и противников, планы.

С помощью *Кагэро* пробраться по корням деревьев и спрятаться в одном из их стволов, чтобы не быть замеченным, удалось относительно легко. Хотя я пока не в полной мере овладел этой техникой в теле Охеми, но опыт все же имеется — Отохиме освоила ее уже давно.

— ... недолго осталось, — подобравшись к окну необходимой аудитории, услышал я сдавленный шепот.

— Отец!

— Ты сегодня оторвался на все сто, Дай, — хмыкнув, заметила Цуме, выглянув в окно и настороженно пригнувшись к воздуху. — Два вечных генина встретились в одном сражении. И оба утерли нос джонинам. Этим можно гордиться.

— Приятно это слышать, — с трудом рассмеявшись, ответил Майто Дай. — Давно я не слышал похвалы в свой адрес!

— Отец...

— Осторожно, Гай! — прикрикнул на сына мужчина. — Жуки Абураме на мне и могут перейти к тебе. Лучше послушай... Послушай меня, сын. Я давно не слышал похвалы в свой адрес. Всем известен вечный генин Майто Дай, но запомни, сын. Был в деревне один величайший шиноби, который признал меня гением и назвал своим другом. Как много лет прошло с тех пор... Как он и сказал, судьба подарила мне прекрасного сына. Его слова всегда оказывались правдой, Гай. Я горд, что был другом Орочимару. Когда-то он поверил в меня, а я всегда сомневался... Нужно верить в него и в себя, Гай. Мне грустно, что я не смог доказать правдивость его слов и показать свое мастерство. Пришло время нарушить свои правила и сделать это, сын.

— Но это...

— Пришло время, — уверенно повторил Дай, с кряхтением поднявшись и подойдя к окну, он вцепился руками в подоконник. — Я выиграю для вас время. А может... Сделаю и больше. Уходите.

Через миг в темном оконном проеме серая фигура издала тяжкий стон и вспыхнула зеленым пламенем. Медленный и слабый поток чакры зарокотал в человеческом теле, сметая преграды на своем пути.

В ночь Майто Дай вырвался, уже вспыхнув алым пламенем. Удар грома ошеломил даже меня, прятавшегося в дереве. Подобной скорости, наверное, и я не способен был развить. Дай мог бы сравниться с обладателем Стихии Скорости, от которого мне с трудом удавалось отбиться во дворце Роурана. Но этот никем не признанный генин не использовал кеккей генкай и ниндзюцу. Только чистое тайдзюцу.

Фигура Майто Дая разрезала ночь, подобно молнии — яркой вспышкой и оглушающим громом. Если Сакумо еще мог противостоять ему ранее, то теперь Белому Клыкку оставалось только принять свою смерть. С жалобным звоном разлетелся на осколки в последний раз вспыхнувший белым светом танто. Не ожидавший такой стремительной атаки Сакумо не смог ее отразить.

Майто повезло сразу найти своего противника. Еще несколько стремительных рывков, и окружение вокруг Академии прорвано. Загнанные в нее шиноби торопятся уйти. А я чувствовал странный укол совести, наблюдая за тем, как ринувшийся в последнюю свою атаку Дай достигает своего триумфа.

Этот человек без долгих раздумий расстался со своей жизнью. Во имя меня, веря в меня. Мы с ним нечасто виделись и разговаривали, я редко вспоминал его, но, оказывается, мои слова для него имели большое значение.

***

Отпрыгнув в сторону, Фугаку тяжело приземлился на взрытую землю. Еще в полете его противник успел ударить своей техникой, напоминающей сотканный из множества постоянно мельтешащих нитей шар. *Расенган*, так назвал это ниндзюцу Минато. Учиха помнил это и знал, насколько могущественна эта техника. Ребра *Сусаноо* спасли ему жизнь, но как долго это еще может продолжаться?

При приземлении ноги заскользили по сухому грунту, инерция прыжка и удара от Минато пронесла Фугаку еще на метр назад. Ему пришлось припасть к земле и мазнуть по ней пальцами рук, гася скорость и попутно уничтожая очередную метку *Хирайшина*.

Глаза горели от циркулирующей в них чакры. Все тело ныло, терзаемое собственной силой. *Сусаноо* требовало больших затрат сил и выносливости, которая уже была на исходе.

Фугаку чувствовал, как трескаются и осыпаются застывшие на щеках дорожки кровавых слез. Но он продолжал, не сводя глаз, следить за Минато, в надежде на то, что он подставится под гендзюцу. Пока такой возможности не было, еще при подготовке нападения на Орочимару, Учиха сам обучал Намикадзе избегать наложения иллюзий додзюцу. Будущий Хокаге тогда хорошо усвоил уроки.

Минато всегда быстро соображал, был неплохим тактиком и умел мгновенно просчитывать ситуацию. У Фугаку плохо получалось поспевать за ним. Но у него еще есть шанс победить. Одного мазка взглядом по округе хватило Шарингану, чтобы отметить все имеющиеся поблизости *дзюцуушики* противника и его союзников. В голове Учиха уже рождался план, когда ситуация резко изменилась.

Шаринган позволил увидеть то, что произошло через миг, но тело не успело бы на это среагировать. Ночь разрезала стремительная алая вспышка. Минато успел не только заметить ее, но даже переместился к одной из своих меток, пропав в желтом всполохе *Хирайшина*. Однако не успел вслед за молнией прийти удар грома, как неудержимая алая фигура уже вновь оказалась возле Намикадзе. И он вновь успел ускользнуть.

Настороженно замерев на месте, Фугаку долгую секунду наблюдал за стремительными кошками-мышками. Ноги чувствовали, как мелко дрожит земля, по ребрам *Сусаноо* били ударные волны от стремительных рывков напавшего на Хокаге шиноби. Учиха едва ли не физически ощущал, как быстро уходят мгновения, но ждал, чтобы нанести свой удар.

Сейчас!

Поток чакры ожег правый глаз. Сознание прострелило мгновенное озарение. За доли секунды до того, как Минато переместился к следующей своей метке, Фугаку прочел его мысли и успел сделать свой ход. Он едва успел. Казалось, словно собственная чакра течет по меридианам подобно тугой патоке, но он успел, и очередной кунай с меткой *Хирайшина* Намикадзе вылетел из ствола дерева, повинувшись потоку воздуха, и упал прямо под ноги Минато. И, переместившись к нему, Хокаге практически не сдвинулся с места.

В тот же миг бешеная скачка желтой и алой молний прекратилась. Время, до этого скачущее галопом, словно застыло. Почерневшая, словно обугленная, рука с пылающими от жара венами застыла в воздухе. Шипела на опаленной коже быстро чернеющая кровь.

На лице Минато застыло удивление, смешанное со смирением. Слабо кашлянув, он пошатнулся и медленно повалился на землю, потянув за собой своего убийцу, чья рука так и застряла в пробитой насквозь грудной клетке. К своему удивлению, Фугаку узнал его, этого шиноби, на теле которого от одежды остались лишь обугленные обрывки, а все тело было покрыто сетью быстро остывающих, но все еще источающих жар, линий вен. Это был Майто Дай. И Фугаку видел, как вместе с алым пламенем быстро затухает чакра в раскрытых восьмых вратах, как она затухает во Вратах Смерти. Этот вечный генин оказался способен отворить все точки Хачимона. И сразил сильнейшего шиноби деревни, сразил Хокаге, разорвав его сердце и разрушив Врата Смерти Минато.

Наступившая тишина оглушала больше, чем беспрестанный грохот до нее. Генин одолел Хокаге. Хокаге погиб. Еще секунду назад шел бой, результаты которого было трудно предсказать, а сейчас все резко поменялось. На истерзанной площадке перед Академией шиноби двух сторон замерли, не веря своим глазам, глядели на два тела. Это секундное ошеломление не должно было длиться долго. Фугаку уже собирался выкрикнуть приказ радисту, чтобы он подал сигнал союзным силам, как внезапно пронзивший тело озноб заставил его остановиться.

— Постоите, — разнесся по всей площади спокойный, даже мягкий, голос.

Несмотря на отсутствие агрессии в этом голосе, Фугаку посетило чувство, будто ему в затылок дохнул могильный холод. Тьма ночи внезапно сконцентрировалась, охватывая его своими липкими объятиями, отрезая от всего мира, оставляя один на один с бездной пустоты. Главе Учиха было знакомо это чувство, когда мысли начинают в панике биться о черепную коробку, не в силах сформироваться хоть во что-то осознанное. Когда животный, необъяснимый ужас парализует конечности и сковывает холодом сердце.

Орочимару.

Фугаку не мог бы сказать, когда Белый Змей успел оказаться возле павших Майто Дая и Намикадзе Минато. Он и сейчас бы не смог с полной уверенностью сказать, что Рюсей там находится. Потому что глаза видели фигуру в белом кимоно, освещенную лунным светом, но Шаринган не видел в ней чакру. Это был словно морок, просто кусок ландшафта, принявший форму Орочимару.

Собрав волю в кулак, Фугаку все же смог подавить рожденный *сакки* Белого Змея страх в себе. Сжав дрожащие пальцы, Учиха уважительно посмотрел на Рюсея. Даже зная, на что способно духовное давление Орочимару, противостоять ему было непросто.

— Всмотритесь в себя, — вновь разнеслись слова Орочимару по площади. — Оглянитесь вокруг. Вы ожесточились. Вы убиваете друг друга и разрушаете Коноху, губя невинные жизни. На эту ночь хватит смертей, прислушайтесь к себе и своим противникам.

Опустившись на корточки возле лежащих трупов Дая и Минато, Орочимару осторожно приподнял Майто, с хрустом вырывая его руку из груди Намикадзе. Фугаку все еще мог поклясться, что Белый Змей не использует чакры, когда тот начал складывать ручные печати, параллельно каждой из рук. Но, похоже, что Шаринган обманывал его, что Орочимару смог обмануть додзюцу, потому что в следующую секунду его ладони погрузились в тела мертвецов, прикасаясь к разрушенным Вратам Смерти обоих.

Их медленно исчезающие кейракукей Фугаку мог видеть в мельчайших подробностях. И когда чакра вновь вспыхнула в иссохших меридианах, он видел, как тела начали словно растворяться в чакре, чтобы через несколько секунд вернуться к норме. Лишенными смертельных ран. Во Вратах Смерти Дая вновь тускло, неуверенно, но трепетал огонек чакры. И сердце в груди Минато вновь совершило первый удар, а легкие его наполнились воздухом от судорожного вдоха.

Они оба ожили! Их сеть меридиан сильно истощилась, усохла, местами оказалась оборвана и разрушена, но они оба ожили!

— Прислушайся к Фугаку, Минато, — успел произнести Орочимару, прежде чем исчезнуть вместе с телом Дая за секунду перед тем, как на его месте сжался клубок из черных теней.

Вскоре рядом с болезненно сжимающим разорванную ткань на груди Минато появился смертельно бледный Нара Шикаку и еще несколько ирьенинов, которые тут же начали оказывать Хокаге помощь.

В это время Фугаку оглянулся назад, на деревню. Несмотря на то, что небо на востоке уже начало светлеть, Коноха все еще находилась в сумраке, прячась в тени скалы с ликами Хокаге. Но сумрак этот был окрашен алым заревом пожаров и черным чадом дыма. Многие здания оказались разрушены. Оборваны линии электропередач. Огромным облаком пара отмечены разрушенные бани.

Час Быка в Конохе, час перед рассветом. Час смерти.

Горько скривившись, Учиха развернулся к Минато и Шикаку.

— Коноха и в самом деле не место для сражений, — громко произнес Фугаку. — Пора, как я и предлагал ранее, покинуть вам ее. Раз вы отrekliсь от половины Страны Огня, то и она отрекается от вас. Вы здесь более не нужны.

— Да нихрена! Что ты о себе возомнил?! — яростно огрызнулся Шикаку.

Наверное, он бы добавил еще несколько грубых ругательств к своему ответу, но появившийся рядом шиноби из клана Яманака прервал Нара на полуслове.

— Убежища захвачены, Хокаге-сама! — хмуро доложил этот Яманака, старательно отводя взгляд от Фугаку. — Наши родные... в заложниках!!! Эти ублюдки...

Похоже, Яманака буквально кипел от не находящей выхода ярости. Фугаку же лишь удовлетворенно кивнул, позволив себе расслабиться. Хоть с этим ему сегодня повезло. Минато не станет пренебрегать жизнями людей.

— Нам... нужно поговорить, Фугаку, — с трудом поднимаясь на ноги, сказал Намикадзе, полностью оправдав надежды Учиха.

Глава 57. Последствия

27 сентября 49 года от начала Эпохи Какурезато

Выбросив из рук пепел, оставшийся после сеанса связи между двумя своими клонами от пряди волос, я прикрыл глаза рукой и переждал, пока в них утихнет плавающий мозг жар. Создавать маскировку, способную скрыть от Шарингана чакру моего клона — это то еще занятие. Возможностей додзюцу Кецурыюгана на это хватало только при большом усилии. Несмотря на то, что это был древесный клон Охеми, и использовал я в нем одну из лучших техник маскировки, *Кагеро*, все равно оставался риск, что Фугаку с его Мангекьё Шаринганом сможет что-то заподозрить. Пока раскрывать то, что я работаю под обликом Охеми, было рано. Не думаю, что для этого вообще когда-то придет время.

Вообще, проще было бы просто самому туда явиться, раз уж все равно пришлось спрятаться в Конохе в основном своем теле, но, во-первых, чакра мне еще будет нужна, и, во-вторых, как-то слишком быстро все произошло. Даю и Минато потребовались считанные секунды, чтобы убиться друг об друга. И чтобы их спасти, понапрасну тратить нельзя было ни секунды. Минато мне еще нужен был живым, зря Майто решил отличиться, сразив его, конечно. Как бы ни был Намикадзе лично для меня неоднозначен, но он пока наиболее адекватный претендент на пост лидера оппозиционной мне фракции шиноби Конохи. Раз уж все сложилось подобным образом, то мне теперь нужно как-то жить в условиях разделенной Страны Огня. И лучше, чтобы при этом была возможность переговоров. Безудержная эскалация конфликта мне нужна не была, так как она могла потребовать крупномасштабного введения сил Отогакуре в Страну Огня.

Мои шиноби морально истощены войной с Кири. Кроме того, им необходимо было как минимум быть готовыми сдерживать Кумо, если Облако попытается вмешаться в разборки Конохи. Да и Туман тоже может представлять угрозу, хотя сейчас, с возвращением Узушио и помощью Надешико, уже меньшую. Кири на данный момент даже помогает, не давая Кумо сконцентрировать свои силы на одном направлении. Еще нужно учитывать фактор Ивы. Цучикаге сейчас больше озабочен пришедшей в движение Суной, но и на Коноху может обратить внимание.

Но кроме Минато нужно было спасти Дая... Жаль, но я не владею божественными силами Мудреца Шести Путей и не могу исцелять людей после раскрытия всех врат Хачимон без последствий для них. Темная медицина позволила сохранить жизнь старшему Майто, но ему уже никогда не стать шиноби. Надеюсь, он хотя бы сможет научиться вновь двигаться. Физические травмы исцелить не проблема, хуже с увечьями, причиненными кейракукей. В любом случае, после тех громких слов, которые он произнес перед сыном, просто так бросать его было бы слишком неблагодарно с моей стороны. И, кроме того, был смысл провести наблюдения за тем, как воздействует на организм и кейракукей открытие последних врат Хачимон. Если я хочу развить технику *Шичи Тенкохо* до следующего уровня, то эти знания будут крайне полезными.

Ну, а пока...

Слабый шорох под потолком и посыпавшаяся из лаза сухая труха сообщили мне о приближении долгожданного гостя. Спрыгнув на пол, он грациозно приземлился, не издав почти никакого шума. И сразу заметил меня. Да я и не скрывался особо, сидел в кресле за рабочим столом, заваленном свитками. Единственное, что я себе позволил — это печать,

ограничивающая сенсорные техники.

— Ну, здравствуй, Фузуки, — вздохнув, поприветствовал я гостью.

Точнее сказать, это я был гостем в кабинете этой выглядящей примерно на двадцать с небольшим девушки. Стандартная форма шиноби Конохи, лицо скрыто маской Анбу, темные волосы, слабый запах крови, гари и озона. Чакра ее ощущалась слабо и была почти невыразительной. Но, вообще, все приметы мало о чем говорили. Внешность этой особы, по моим данным, вообще была непостоянной. Она могла многое скрыть, но флер ее мыслей был очень узнаваем.

— Или мне лучше называть тебя Утатане Кохару? — навалившись на стол, уточнил я.

— Орочимару, — без тени испуга в юном голосе, медленно произнесла куноичи, осторожно принимая расслабленную позу. — И почему я не удивлена?

— Потому что знаешь, что я иногда бываю на диво прозорлив? — хмыкнув, предположил я. — Надеюсь, ты также понимаешь, что я в курсе об украденных тобою кеккей генкай и был готов им противостоять?

— Если уж ты появился здесь, то да, понимаю, — неохотно ответила Фузуки.

Так Утатане Кохару решила именовать себя после того, как пристрастилась к омолаживающим средствам. Ох уж эта старушка! Все время попрекала Цунаде за стремление выглядеть молодой, а сама-то пошла куда дальше простого *Хенге*. По сути, она поддалась соблазну, в котором обвиняла последнюю Сенджу — получала молодость из моих же рук. Правда, делала это так, что я был не в курсе. Пользовалась помощью знати и покупала эликсиры через подставных лиц.

Двуличная старушка, что ни говори. Подобного от нее я ожидал в последнюю очередь. От нее вообще многого не ждешь. Слишком хорошо всегда умела находиться в чужой тени, даже выбравшись в самый верхний эшелон власти в Конохе. Отдельный, выдающийся талант. И как же мне было нелегко выследить ее!

— Признаюсь, многие недооценивали твои способности, Кохару, — окинув взглядом женщину перед собой и откинувшись на спинку стула, произнес я. — Даже Данзо, въедливый и подозрительный Шимура, с которым вы знакомы с Академии, считал тебя ничем не выделяющейся личностью, которой повезло дожить до своих лет лишь благодаря удаче. А смотри-ка, теперь ты заняла его место, управляя Анбу и остатками Корня через своих учеников. И даже смогла использовать выкраденную им у Хируко технику Химеры.

— Данзо всегда не хватало тонкости, — мрачно заметила Утатане. — Там, где можно обойтись одним уколом, он предпочитал бить наотмашь. За что и поплатился.

— Зато он умел не оставлять за собой следов и не страдал от излишней эмоциональности, — порывшись в кармане, я достал на свет оплавленную золотую заколку. — Даже после смерти Шимура сумел сберечь от меня большую часть своих тайн. Даже будучи призванным с помощью *Эдо Тенсей*, он был бесполезен в качестве источника информации. А ты поступала слишком уж небрежно. Я еще понимаю, зачем ты убила дайме. Но за что так жестоко обошлась с его наложницей?

Небрежно бросив Утатане остатки шпильки для волос, я вопросительно посмотрел на нее. Такими Кохару пользовалась, храня в них запечатанные техники. Конкретно в этой заколке, найденной мною в руках погибшей наложницы Мадоки Каго, когда-то было запечатано ниндзюцу Стихии Огня. Какое именно сказать сложно, но, скорее всего, что-то на уровне лучших катондзюцу Учиха. Причем пламени были приданы необычные свойства, если судить по характеру повреждений строений дворца и оказавшихся в нем несчастных. Не

Аматерасу, конечно, но что-то вроде огня Мататаби. Скорее всего, *Занмай но Шинка*, Истинное пламя Самадхи, которое, если верить байкам Хирузена, было создано чуть ли не Мадарой во времена Сенгоку Джидай для подавления регенерации Хаширамы. Уверен, что правды в словах сенсея мало, но катондзюцу это хитрое и скверное.

— Неужели тебя так обидело то, что она обошла тебя в борьбе за сердце Мадоки Каго? — иронично поинтересовался я, глядя, как Кохару молча поймала заколку и крепко сжала ее в руке, отчего мягкий металл начал гнуться.

— Похоже, не все так же молчаливы после смерти, как Данзо, — неохотно обронила Утатане, враждебно посмотрев на меня.

— Ну, стоит отдать должное, ты хорошо постаралась, чтобы ни Каго, ни его любовница не могли быть призваны с помощью *Эдо Тенсей* или каким-либо способом были оживлены их тела, — заметил я, — но речь не про них, а про тебя. Наверное, это и в самом деле обидно. Сначала ты переступила свою гордость и приняла лекарство, вернувшее тебе молодость. Потом снова наступила на горло своему достоинству и решила вмешаться в политику страны, войдя в нее через постель дайме. А в итоге тебя обскакала молодая, неопытная девчушка. Подобное фиаско больно бьет по собственной самооценке.

Мне пришлось немало побродить по загробному миру и пообщаться с Ханья, разыскивая нужные мне души, которые не удавалось призвать с помощью утраченной ДНК. Но в итоге все же удалось понять, что могло произойти за стенами дворца Мадоки Каго. Драма, достойная отдельного романа. Пожилая Кохару, трепетно любящая Коноху и быт шиноби своей молодости, видящая, как весь привычный ей мир может быть разрушен мной, бросается в авантюру. Любовь, страсть, расчет, интриги. А в итоге — смерть дайме и гражданская война в Стране Огня.

И я все это пропустил, несмотря на то, что имел собственного клона при дворе. Это заставляет меня чувствовать себя очень неловко. Дураком чувствовать, прямо говоря. Оправдать себя могу лишь тем, что Утатане, благодаря своему малоизвестному хидену, технике Химеры, и полученным от своего учителя, Тобирамы, знаниям, смогла поглотить *рэй*, тело чакры, и *кон*, основу чакры, ряда шиноби. Попросту говоря, она поглотила души и получила кеккей генкай Хьюга, Учиха, Курама и Кедоин. Комбинация весьма специфичная. Способности клана Кедоин позволяли безупречно маскироваться, принимая облик выбранного человека, копируя его вплоть до эмоций и поведения, поглощая воспоминания. И геном Курама серьезно усиливался Бьякуганом и Шаринганом, додзюцу расширяли область действия гендзюцу и их качество. Вообще, с таким арсеналом доступных ниндзюцу, Кохару могла бы спокойно взять власть в свои руки, и никто бы этого не заметил. Думаю, ей просто не хватало времени для этого.

Так что все ошибались, думая, что Курама Яцую был воскрешен. С ним произошло кое-что похуже, его поглотила Утатане. И вместе с другими приобретенными способностями она представляла крайне серьезную угрозу. От гендзюцу Кохару с трудом спаслась Микото, при первом контакте ее спасло только *Цукиемиди* Фугаку. Когда случился пожар в столице, я даже не мог заподозрить тогда иллюзию. Хотя в тот момент я имел возможности только Охеми, это меня оправдывает. Но и в своем родном теле стоит соблюдать осторожность. Например, наблюдать за Утатане только с помощью органов термо- и сейсморецепции, отгородиться от нее ограничивающим сенсорные техники барьером. И отсечь все исходящие от нее запахи.

— Чего тебе нужно, Орочимару?! — враждебно поинтересовалась Утатане, экспрессивно взмахнув руками, явно не расположенная к обсуждению собственных

действий.

— Поговорить, — спокойно ответил я. — Поэтому прекращай пытаться использовать на мне свои приемы.

— Какие приемы? — притворилась, будто не поняла, Кохару.

— Я не настолько невнимателен, чтобы не заметить на тебе *джуко* и забыть, что ты увлекалась *ко-до*, — недовольно ответил я. — Твои приемы с гендзюцу не сработали при нападении на Микото часом ранее, поэтому не думай, что они сработают на мне сейчас.

Ко-до — это путь ароматов, а джуко — древесная ароматическая пудра, втираемая в кожу, аналог духов. Это распространенное искусство и инструмент куноичи, которым, например, Мицуко обучали в детстве. С помощью правильно подобранных композиций запахов можно расположить к себе людей и приобрести преимущество над, как правило, более сильными мужчинами-шиноби. Но Кохару в этом искусстве пошла дальше, она научилась распространять свое гендзюцу с помощью запахов, как делают это Шиин с помощью звука.

Об этом я догадался, проанализировав ночь пожара во дворце. Тогда я попал в гендзюцу, но не встречался взглядом с додзюцу, меня не касались посторонние шиноби, чтобы ввести в меридианы свою чакру, я не чувствовал применения поблизости ниндзюцу, которые могли бы стать медиатором для влияния на мой разум, после встречи со слепым музыкантом я даже был настороже и защищался от звуковых гендзюцу. Но я все равно оказался в иллюзии, как и все прочие шиноби. Поэтому, когда из оставленной на месте убийства дайме заколки Кохару вырвалось запечатанное в ней пламя, которое уничтожало все следы ее присутствия, никто не мог прийти на помощь сгорающей заживо наложнице. Все, рискнувшие это сделать, оказывались не только в реальном пожаре, но и в иллюзорном, который оказывался для шиноби более губительным, чем настоящий.

— Значит, оказавшаяся вместо Кушины Микото — это твоих рук дело? — неодобрительно уточнила Утатане. — Так и думала. За Учиха стоял ты.

— Я лишь помог им в некоторых пунктах их плана, к которому ты сама Учиха подтолкнула.

— Если кому-то и нужны твои оправдания, то уж точно не мне! — с вызовом ответила Кохару. — Чего ты ждешь?! Убей меня уже! Коноха в огне, шиноби убивают друг друга! Сегодня ты можешь праздновать победу!

— Победу? — горько рассмеявшись, переспросил я у женщины. — Если ты считаешь это моей победой, то уж точно тебя не стоит убивать. Такие глупые враги меня устраивают.

— И в чем я ошибаюсь? Не ты ли убил собственного учителя, чтобы все пришло к сегодняшней ночи?

— Сегодня я сам закрепил свое поражение, Кохару. Вместо того, чтобы получить всю Страну Огня, я в лучшем случае буду довольствоваться ее половиной. В худшем — получу длительную гражданскую войну, в которую может быть втянута Отогакуре и которая может вырасти в новый виток мировой войны. Поэтому к смерти Хокаге не имеем отношения ни я, ни кто-либо из ныне живущих Учиха. В смерти Хирузена вина Мадары.

— Мадары? Что за вздор?

— Можешь не верить мне, — с досадой сказал я. — Главное, выслушай. Нам всем нужно, чтобы Коноха не начинала большой гражданской войны. Ты же не станешь отрицать, что мы с тобой, как два паука по разные стороны листа. Плетем свою паутину. Поэтому хотелось бы договориться и разделить этот лист. Без лишней крови.

— Переговоры? — с сомнением произнесла Утатане. — Думаешь, я у тебя на крючке и буду выполнять твои условия?

— А разве нет? У меня ведь готовы доказательства твоей вины в смерти дайме. И ты сама присвоила себе Шаринган. Собрав Бьякуган и Шаринган, ты получила по одному глазу. А ведь и Хирузен погиб от рук одноглазого Учиха.

— Учиха с Мангекьё Шаринганом.

— А у тебя его нет. Какая досада. Но как удачно, что я могу это исправить, не так ли?

— Орочимар-ру, будь ты проклят! — едва не перейдя на рык, глухо произнесла из-под маски Утатане. — Я так и знала! Учиха нужно было уничтожить сразу, как только Юко вернулась из Страны Звука с Мангекьё Шаринганом! Этим ты их соблазнил, Мангекьё Шаринганом?

— Повторю, ты сама толкнула их в мою сторону, — нейтрально ответил я. — И не пытайся перевести разговор. Сейчас это не поможет. У меня есть компромат на тебя. Он, естественно, может больно ударить по тебе. Но это же тебя не волнует, не так ли? Однако ты не сможешь допустить, чтобы и без того расколота Коноха и дальше продолжала фрагментироваться.

Я почти не сомневался, что Кохару удастся заставить сотрудничать. Это была сделка не самая приятная, но необходимая. Потому что, кроме угрозы начала гражданской войны, были иные проблемы, связанные с южными территориями Страны Огня. Даже если, используя компромат на ту же Утатане, устранив Дана, Минато и прочую верхушку нелояльных кланов, я смогу разобщить враждебную себе фракцию, то это поможет мне в победе над ними, но не в покорении земель.

Недружественные шиноби Конохи — это лишь одна из проблем, которые несет с собой юг. Нельзя забывать про суть конфликта — политику и религию. На юге остается мураджи Хоно и старший принц, остаются прочие владельцы и знать. Они имеют деньги, чтобы нанять на защиту шиноби из Юмегакуре, из Кири и Кумо. А это уже совсем иной уровень проблем. Ликвидировать еще и всю правящую верхушку? Тогда уж и население придется репрессировать. Нельзя забывать, что даже крестьянские общины имеют возможность нанять шиноби. И даже если обойдется без этого, то как мне их взять под контроль, если пропадут местные элиты? Страна Звука слишком мала, кадровый голод ощущается в ней давно, в вертикали власти даже на уже имеющейся территории не всегда стоят однозначно преданные и идеологически верно настроенные люди. Часто при назначении в угоду профессиональным качествам приходится закрывать глаза на моральные качества кандидатов.

А ведь есть еще и Страна Горячих Источников. Она фактически в моем подчинении сейчас. И после убийства дайме знать тоже пошла в разнос, и, несмотря на некоторое количество лояльных дворян, там тоже нужно создавать администрацию из выходцев Страны Звука.

И если Страна Горячих Источников уже слишком велика, чтобы ее быстро встроить в государство, то что говорить о Стране Огня. Даже ее половине. Даже ее лояльной северной половине, которую тоже предстоит как-то интегрировать в унию.

Поэтому пока я бы предпочел сохранить разделенную Коноху и Страну Огня. Южане под контролем Минато и Утатане меня устроят больше, чем появление здесь Кири и Кумо. Несмотря на раскол, Коноху собрать вновь больше шансов. Тем более сейчас все же начинают входить в обиход радио и прочие средства распространения информации,

развились гильдии странствующих музыкантов, подконтрольные мне. Это должно помочь с решением проблемы южных территорий.

По крайней мере, я на это рассчитываю.

— Ну, так что ты ответишь на мое предложение, Утатане-сан?

30 октября 49 года от начала Эпохи Какурезато

Проглотив кусочек квашенного ската и утерев невольно выступившую слезу от ударивших в нос аммиачных паров, я с интересом наблюдал за уныло болтающей в своей кривенькой и плохо обожженной чаше мутноватую и густую жидкость тростниковой трубочкой Теруми. Местный аналог кваса из батата и риса никто и не думал фильтровать, поэтому на его поверхности болтались рисовые оболочки и кожица батата, чтобы пробраться сквозь них до напитка и нужна была соломинка. Правда, на вкус, как и на вид, пошло было на большого любителя, это я заметил еще в прошлое посещение острова, на котором спустя двадцать лет мне пришлось оказаться вновь.

Затерянный среди морей остров мало изменился, хотя многие лачуги на нем оказались перестроены. И даже это самое популярное и единственное питейное заведение в одинокой деревеньке после очередного шторма было возведено заново. Но как-то неумовимо оно напоминало прежнее. А вон за теми порядком разросшимися кустами пряталась Сора перед тем, как мы с ней впервые встретились.

Да уж, летит время.

— Рику-сан, — окликнул я подслеповато щурящегося на огонь старика. — Там наш картофель поди уж совсем сгорел.

— А? — спустя двадцать лет старик не только согнулся под старостью своих лет, но и утратил былую остроту слуха. — Да не. Вродь, еще нормально.

— Не томи, давай уже. Подавай на стол.

Так-то этим кабаком уж давно заведовал сын старика Рику, но так как в деревню зачастили шиноби Кири, за прилавок вновь встал отец. Я так понимаю, на тот случай, если кирининам бесноватым вожжа под хвост угодит, и они решат пустить кому-нибудь кровь. Старику себя уже не жаль было, а сына с невесткой и внуками он предпочел уберечь.

— Ну и чего вы хмурые такие сидите? — первым не выдержал лицемерия хмурых мин напарников сидящий справа от меня Кисаме, навалившись локтями на укрытый бамбуковой циновкой глиняный стол. — Хорошо ведь сидим. Задание выполнили, живы остались. И еда, кстати, отличная. Согласись, Кёда.

Обращался Хошигаки к сидящей напротив нас парочке. Это не только Теруми, но и Забуза.

— Отличная еда? — кисло уточнил Момочи, словно не поверив своим ушам. — Запеченные бататы еще можно назвать нормальной едой. А эта вяленая акула — отвратительное дерьмище.

— Вместе с местным бататовым пивом очень даже ничего, — заметил я. — Отлично сочетается.

— Тут только и остается, что это пиво хлестать, — мрачно сверля взглядом мутную жижу в своей чаше, произнесла Мей. — Опять застряли на острове. Всякий раз шторм, всякий раз пробоины и всякий раз мы оказываемся в жопе мира. Эта чередка неудач уже в печенках сидит.

— Это точно, — неохотно согласился Забуза. — Только неудачи глобальные сверху еще давят. Задание, говоришь, выполнили? Толку с этого? Заработали в Стране Чая, оттоптались

в Стране Волн. А на Узушио вернулись красноволосые. Во всей этой проклятой войне мы одни... Только Кири потерпело поражение. Все нас имели! Сначала Кумо разорвало союз и атаковало в Стране Горячих Источников. Потом Орочимару гонял по материку нашими же мечами. Ива предала и ударила в спину! Даже Конохе, шиноби которой сейчас воюют друг с другом, мы проиграли!!!

— Эй... Тише, тише, — жестом попросив Забузу не вскакивать с татами, недовольно сказал Кисаме. — Руганью и проклятиями ничего все равно не исправить.

— А чем исправить? — горько спросил Момочи. — С этим роком как бороться? Единственное везение — всякий раз теряя джинчурики, биджу каким-то образом удавалось быстро возвращать. А теперь один из них и вовсе потерял с концами.

— Злой там рок или нет, но ошибок наша верхушка наделала, — мрачно поддакнула Теруми.

— Э, нет. Вам двоим больше не наливать, — удрученно покачал головой Кисаме. — Градусов в этом пойле почти нет, но вам, походу, хватило.

— Да что за черт? Ты сам, что ли, не видишь, что творится? — зло спросил Забуза. — Скажи ему, Юки!

— Ну, паршиво эта война для Кири закончилась, — развел я руками, — но хоть сами живы остались.

— А, чего еще ожидать от Юки... — безнадежно махнул на меня рукой Момочи. — О своей шкуре только думаешь.

— Я довольствуюсь тем малым, что у меня еще осталось, — хмыкнув, ответил я киринину.

Самому бы Забузе тоже не мешало руководствоваться схожим принципом, но он так не мог. Как и многие другие шиноби в Тумане. Ряд поражений на полях Третьей мировой больно ударили по гордости кирининов, подавив их моральный дух. Особенно в свете внутренней политики деревни. Ранее какурезато мотивировало жертвовать всем ради силы, кровавые экзамены, беспощадность к себе и другим ради идеала. А в итоге вся эта идеология разбилась о безжалостные скалы, словно плот из крепчайшего дерева, но связанный хлипкими веревками.

Это всеобщее разочарование уже оборачивалось выросшим процентом нукенинов в Тумане. Учитывая и так имеющееся недовольство среди стратифицированных шиноби, думаю, количество дезертиров будет только увеличиваться. Но это еще меньшее из зол. Хуже, когда разочарование толкает не к дезертирству, а к предательству. Для Кири, конечно, хуже. Сам я этим фактом вполне удовлетворен и начал пользоваться.

Несмотря на то, что дайме оказался крепок к посулам Рюджина, ряд дворян его были не столь морально тверды. Что и говорить, если даже сильнейшие шиноби Кири были готовы к сделкам с совестью. Хотя не у всех она имелаась. Но некоторые просто имели старые обиды к Туману. Например, Суикизан Фугуки. Несмотря на признание, выдающиеся способности и силу, наработанный авторитет, он не забыл, что к его предкам по одной из линий отношение было немногим лучше, чем к Теруми или Юки. И его было достаточно легко купить.

— Какая ты все-таки иногда сволочь, Забуза, — Мей с каким-то брезгливым восхищением посмотрела на Момочи. — «Чего еще ожидать от Юки»? Скажи еще что-то подобное про Теруми. И Хошигаки тоже не забудь. Давай, не держи в себе.

— Именно, именно, — охотно поддакнул я. — Я ж Кахьё передам, как ты ее ценишь.

— Отстаньте! — недовольно отмахнулся от нас парень. — А ты, Кёда... Прости. Я

знаю, что Юки такие же, как прочие шиноби, просто меня бесит, когда шкурные интересы ставятся выше прочих.

— Так-так, а кто такая эта Кахьё? — загорелся интересом Кисаме, проигнорировав прочее. — Кто-то из Юки, по имени судить если. Красивая?

— Да, кстати. Что за Кахьё? — подозрительно сузив глаза и повернувшись к Забузе, не предвещающим ничего хорошего тоном спросила Мей.

— Эй! Да что б вас всех! — ошарашено выругался Забуза, внезапно оказавшийся под прицелом глаз команды. — Ну, Юки это, да. Девушка, как девушка, ничего не обычного. Но куноичи сильная.

— Это я их познакомил, когда он начал в очередной раз заливать, что среди низшей касты сильных шиноби быть не может, — поведал я остальным. — Чтоб понял всю глубину своего заблуждения.

— Ну, у вас, конечно, жизнь не сахар, но это не значит, что нет возможности развить навыки, — задумчиво поскреб подбородок Кисаме.

— Кахьё уже восемнадцать, а ее брату и вовсе двадцать один. Слабые Юки до такого возраста просто не доживают, — хмыкнув, заметил я.

Это в какой-то степени даже любопытно. Всячески угнетая кланы с кеккей генкай за пятьдесят лет существования Кири устроила крайне жестокий отбор для них. В поколениях Юки и прочих Теруми выживали и могли оставить потомство только сильнейшие и смекалистые шиноби. Остальным не везло. При этом, естественно, уменьшалась сама популяция и генофонд, что заставляло выживших часто отказываться от многолетних традиций династических браков и разных видов бытовой селекции. Они начинали искать мужей и жен в других кланах и отдаленных ветвях своих семей. А так как сегрегация в Кири сильна, то браки часто заключались между членами одной касты, то есть обладатели кеккей генкай смешивались друг с другом.

Вкупе со многими годами борьбы за выживание до эпохи какурезато, в нынешних поколениях рождались крайне уникальные для естественного размножения индивидуумы. Например, Теруми Мей с ее двумя кеккей генкай. Или Рахьё и Кахьё, родители которых были из разных ветвей Юки, часть предков которых несла кровь тех же Казахана из Страны Снега. В результате на свет появились своего рода гибриды, силы и способности которых оказались увеличены благодаря эффекту гетерозиса. Наверное, будь у них возможность нормально в детстве тренироваться, питаться и получить клановые техники, то они могли бы соперничать даже с Каге. Впрочем, если с тренировками и питанием время уже упущено, то кое-какие техники им я еще мог передать.

— Вообще, так не может долго продолжаться, — мрачно произнес Забуза, проводив взглядом выставившего на стол плетеную корзинку с горячими, запеченными на углях бататами Рику. — Мы уже проиграли везде, где только было можно. И где нельзя тоже. А этот Каге-недоросль продолжает устраивать кровавые экзамены. Кири уже погорело, когда из-за нехватки шиноби мы просто не могли вести войну на два фронта. На кой продолжать эту традицию? Прошлый Каге успел создать наш отряд, с теми, кто кеккей генкай имеет. А нынешний снова начал гнобить кланы низшей касты. Нам нужна сила! Так на кой уничтожать кеккей генкай?!

— Поди попробуй скажи это Каге, — буркнула Теруми, осторожно раскрыв один из бататов и подув на мягкую, источающую пар желтоватую мякоть. — Все ж молчат, жизнь дороже. Он псих. Даже в сравнении с тобой псих.

— Сказать ему, ага, — язвительно произнес Момочи, тоже прихватив из корзины себе пару клубней. — Катаной по шее ему нужно сказать. Как и поддерживавшему его дайме.

— Дайме можно. Одного уже приговорили, — хмыкнув, прокомментировал слова Забузы Хошигаки.

— А Каге чем лучше? — спросила Мей, запив горячий батат пивом. — В Конохе и с ним не церемонились.

— Да в Конохе те еще придурки, — высказал мнение Кисаме. — Начали такую заварушку, а при возможности ее не завершили. Уже второй месяц потихоньку глушат друг друга. Расселились на две какурезато. И то ли воюют, то ли в реверансах друг перед другом рассыпаются — поди пойми. В пример их ставить — себя не уважать.

— Эт точно, пример с них брать не стоит, — согласился Забуза, аккуратно счищая с запеченного клубня обугленную корочку. — Каге просто приглушить — и дело с концом. И дайме туда же. Все одно, твари они продажные. В Звуке, поглоти его приборой, шиноби не больше нашего было, а вся страна их снабжала. От крестьян до дворян — все к ногтю прижаты и к делу приставлены. А наши что? С жиру бесятся, сволочи. Когда в Стране Горячих Источников мы за кошатину дрались и чуть друг друга жрать не начали, кому-то из знати до этого дело было? Да никому.

— В Ото шиноби правит. И в Аме тоже, — заметила Мей. — И Страна Дождя меж трех больших держав выживает. А недавно в походе три соседние деревни уничтожила.

— Так, может, и у нас так нужно?

Спрятав ухмылку за чашей с пивом, я слушал, куда заводит разговор юных джонинов. Они у них частенько об одном и том же. И не только у них. Кири сейчас не только страдает от роста числа нукенинов, но и от шиноби, задающих классическими вопросами в духе «Кто виноват?» и «Что делать?». Для меня это было ожидаемо. Как и то, что наиболее реактивная часть населения Тумана, подростки, в силу своего радикализма на данные вопросы быстро найдет вполне понятные для себя ответы.

Посмотрим, к чему это может привести.

14 ноября 49 года от начала Эпохи Какурезато

— Пойдем уже, Увабами! — недовольно крикнула мне девочка, кутаясь в шарф. — Где ты там застрял?!

Чем-то Югито сейчас напоминала мне Микото в детстве. Хотя внешне, да и по характеру, она кардинально отличается от Учиха, но что-то общее у них есть. Наверное, как раз привычка кутаться в шарф при первом же намеке на мороз.

— Да иду я, — уверенный, что Нии меня все равно не услышит, буркнул я себе под нос, принимая из рук лавочника две чашки с оденом.

Блюдо это было популярным в зимнее время, так что передвижных лавочек им торгующих сейчас стало много. Как по мне, в Кумо в оден клали слишком мало яиц, предпочитая пихать больше всяких корешков, клубней и рыбных котлет в и без того рыбный бульон, но сейчас и так пойдет. Хоть руки есть обо что погреть.

— Держи, — нагнав хмурую Нии, вручил я ей одну из мисок с парой воткнутых в ее содержимое палочек.

— О, спасибо! — мгновенно позабыв былые обиды, расцвела девочка.

Ей-то как раз больше нравились рыбные блюда.

— Пошли, там сядем, — быстро предложила она, указав на грубую скамью у одного из зданий. — Там от снега спрячемся.

Прямо над выбранной Югито лавкой высилась громада одного из опоясывающих скалы Кумо зданий. Оно служило неплохим укрытием от осадков. Правда, мне было неуютно сидеть под нависающей над головой сомнительной конструктивной прочности штуковиной. Нижний ярус Кумогакуре вообще своеобразное место. Здесь везде над головами среди облаков парят всякие липнувшие к скалам галереи, здания и прочие сооружения, которые иногда держались в воздухе исключительно на металлических распорках. В чем-то это даже красиво, здесь не было такого хаоса в стилях и нагромождений различных коммуникаций, как в Конохе. Единообразие и городское планирование для Облака были не пустым звуком. Но все равно как-то неуютно.

— Слушай, Увабами, а Страна Звука ведь захватила Страну Горячих Источников, — надкусив горячую рыбную котлету, произнесла Югито. — Разве так можно? Ты же, вроде как, в Рюджина веришь и все такое. Как Орочимару мог так поступить?

— А что такого? — поинтересовался я, перебирая в своей чашке корешки.

— Так там же столько людей бежало из страны!

— Ну, бежали они, скажем, от войны, когда там Кири объявилось, — решив начать с самого невкусного, я решительно подхватил кусочек дайкона и ответил Нии. — Но да, жаль их, конечно. Запутались в своих страхах, ожесточились. Многие, кстати, Джашину поклоняются, оттого Рюджина ненавидят.

— Джашиниты — это плохо, — содрогнувшись, согласилась Нии, вспомнив ночь в захваченном Рюданом городе, полном ходячих мертвецов.

— Будешь? — предложил я девочке рыбную котлету из своего одена, не дав окунуться в болезненные воспоминания.

— Спасибо...

— Страна Горячих Источников лишилась дайме. В ней много стало культистов. В ней начался мор, разбой, — сказал я, продолжив тему. — Рюджин оставить все, как есть, не мог.

— Почему? — не поняла Югито. — В смысле, сейчас удобное время, чтобы земли захватить, да?

Я покосился на Нии, безнадежно покачав головой. Все-таки бывает у шиноби такое. Менталитет не воспринимает очевидные мысли. Ты им про одно, а они про другое. Нет, та же Югито вполне понимает, что помогать людям — это хорошо и правильно. Но при этом про, так сказать, гешефт забывать нельзя. На этом строится вся жизнь шиноби. Выполнение поручений за деньги. Мировая война для шиноби — и та начата из-за денег. Причем в прямом смысле. Не за ресурсы, не за земли, а за окормляемую территорию, от населения которой можно получать заказы. Борьба за кормовую базу, так сказать. Ниндзя в данном случае, образно говоря, проводили крайне агрессивный маркетинг своих услуг. Или занимались бандитскими разборками, разъясняя, где и чьи пасутся коровы и кто может их доить.

А вот понять, что государство может быть Римом, имеющим свой Карфаген — для этого шиноби нужно усилие. Скорее даже изменение мироощущения. Не понять им, что «Карфаген должен быть разрушен» по той лишь причине, что там, условно, сжигают детей в обмен на посылаемое высшими силами богатство, чего «Рим» просто не может принять и простить.

— Понимаешь, Югито, Рюджинкё бывает не приемлет некоторые вещи и предполагает их устранение. Культ Джашина, например, с его человеческими жертвоприношениями — это то, что должно быть искоренено, — попытался объяснить я девочке. — Все мы гости в

землях Рюджина и должны следовать правилам принявшего нас дома. И поэтому не все войны ведутся из-за денег. Даже наоборот, можно сказать, что ни одна война не идет из-за денег.

— Это как так? — пришла в искреннее недоумение Югито. — Рашии-сенсей нам точно говорил, что война — это продолжение политики. А политика — это дайме. А они вечно там о всяких выгодах думают.

— Что, и когда Страна Молний пришла на выручку Стране Цветов во времена неурожая — это тоже выгоды ради дайме так поступил? — хмыкнув, спросил я. — Рашии-сенсей говорил, что это поступок благородный и пример морального превосходства Страны Молнии над Страной Земли.

— Ну... Наш дайме все-таки хороший человек.

— Отчего же тогда началась война с Кири в Стране Горячих Источников?

— Но Кири же вошли в эту страну! И дайме местного убили потом!

— Ага, ага. А они почему туда зашли? Почему не могли просто договориться с Югакуре, например, и разделить друг с другом задания мирным путем?

— Не, Кири так не смогут. Ты ж сам знаешь, они и друг с другом-то не могут нормально жить. Касты эти и прочая дикость.

— Вот-вот, касты. Я, Югито, успел по земле побродить, и могу сказать, что люди везде похожи внешне. Ну, ноги, руки, голова — все примерно одинаковое. Но всякая группа находит в себе что-то такое, чтобы быть не такой, как другие. Поэтому существуют разные страны, а не одна. Страна Молний не может объединиться со Страной Воды, чтобы вместе развиваться. Вместо этого был избран путь войны, от которого никому не становится лучше, ни мы, ни страны не разбогатели. Деньги, может, заработали, но заплатили за это кровью. А она, по-моему, дороже. Поэтому не из-за денег началась война, а из-за идей, понимаешь?

— Гм... — вытянула губы трубочкой и задумчиво промычала Нии.

— Ну, вот может Кумо жить вместе с Кири? Не союз против Узушио заключить, а объединиться в новую какурезато?

— Ты что?! Нет, конечно! Это же Кровавый Туман!

— Вот то-то и оно. Шиноби Отогакуре избрали служение Воле Дракона, поэтому Страна Горячих Источников и была присоединена к Стране Звука. Культура, которая может позволить себе убийство людей и их пытки для удовольствия и достижения выгод, не должна существовать. Люди должны быть защищены от нее. Рюджин-сама приветствует самобытность, он принимает и людей, и ниннеко, и кицуне, и змей, но справедливость и любовь стоит превыше всего. Поэтому Ото сражалось с Кири. Война шла не против людей, даже не против Тумана, а именно против Кровавого Тумана, против этой идеи. И в Горячих Источниках Рюджин не против людей и не против традиций, а против анархии и тех условий, которые потворствуют злу. Вот так!

— А-а-а... — протянула Нии, явно загруженная моей речью.

Одиннадцать лет девочке, наверное, понять мои слова ей будет непросто. С другой стороны, упомянутый ею Рашии-сенсей на лекциях, случается, задвигает и более сложные концепции. Может, и я не так плох, и Нии хоть что-нибудь поймет.

— А в Стране Огня Орочимару устроил переворот, вот! — нашлась Югито, вспомнив то, о чем рассказывали нам наставники во время недавних миссий, исполняя роль политруков. — Это же плохо.

— Ничего он там не устраивал. Он поддержал тех, кто нуждался в этом. Своих бросать

нельзя. И он остановил большую братоубийственную войну.

— Да ну тебя, Увабами, — скуксилась Нии. — Вечно все у тебя красиво и складно получается. Не может быть все так хорошо.

— Наверняка, — охотно согласился я, — но тебе я в этом не признаюсь.

— Увабами!!!

Каверзно рассмеявшись в ответ на возмущение девочки, я уклонился от болезненного тычка локтем.

А на самом-то деле она права. Не все так красиво у меня получается. В Стране Огня удалось избежать явной и горячей фазы гражданской войны. Сохранив жизнь Минато и Кохару, удалось удержать южную фракцию от быстрой эскалации конфликта, они даже перебазировались в Кисараги, добровольно уйдя из Конохи. Хотя это было ожидаемо, учитывая, что коалиции Фугаку удалось захватить в плен их родственников. Но потом пленники были возвращены, и Утатане пришла в себя, похоже. Начались стычки.

В первую очередь — приграничные разборки, дележ подконтрольных территорий. Началось все в Стране Рек. Точнее, в том, что от нее осталось. После того, как значительная масса шиноби национальной какурезато оказалась разбита отрядами Конохи и Суны, само государство оказалось в крайне невыгодном положении. На его территории всю хозяйничали шиноби Песка и обеих фракций Листа. Там и начались первые бои. Которые потом перешли дальше на восток.

Сейчас Страны Рек уже и не осталось. Формально дайме там еще есть, но он не контролирует ровным счетом ничего, страна разделена между Суной и Конохами, и все идет к тому, что так положение и сохранится. В то же время граница между двумя Конохами более-менее оформилась, разделяя Страну Огня надвое с двумя разными правителями. Ситуация все еще напряженная, случаются стычки и смерти. Но такой процесс и не мог бы пройти бескровно, как бы мне того не хотелось.

— Увабами, — тихонько позвала меня Югито, отвлекая от невеселых мыслей. — А тогда... Когда вырвалась Ниби. Ты остался со мной, потому что Орочимару говорит своих не бросать, да? И ты же видел, как это произошло, да, Увабами?

— Да, Югито, — вздохнув, ответил я.

— Он... Этот шиноби, он был из Кумо. Я его даже знала. Но он просто бросил меня туда. Вниз. В пропасть, — глядя в опустевшую чашку из-под одена, вспоминала Нии то, по какой причине тогда вырвался из нее биджу. — Это ведь было неправильно. Пусть для защиты деревни... страны. Я куноичи и готова пожертвовать жизнью для защиты Кумогакуре. Но это было неправильно. Такое не должно происходить. Не должно повторяться... Твой Рюджин ведь против этого, Увабами. Если он ками, то защитит ли он меня тоже? Чтобы такого больше не было.

С трудом произнеся свою речь, Нии посмотрела на меня с какой-то обреченностью и тенью надежды в глазах. Видно было, что она с трудом подбирала слова, словно не веря в то, что вообще способна их произнести. Но она все-таки это сказала.

— Он уже защищает тебя, Югито, — обняв озябшую девочку, заверил я ее. — Даже не сомневайся.

Глава 58. Триумф

10 декабря 49 года от начала Эпохи Какурезато

Выглянув в окно рёкана, Кушина с любопытством оценила творящуюся, несмотря на раннее утро, на улицах Отомуры суету. В столице Страны Звука намечалось какое-то знаменательное событие. Узнать подробности о нем пока девушка не успела. В Отомуре она оказалась только вчера поздним вечером, а до этого все мысли были отданы делам совсем далеким от Страны Звука. В Конохе было слишком много работы.

— Праздник, что ли? — вслух произнесла Кушина, обернувшись к своей спутнице. — Слышишь, Амаги? Пойдем, проверим?

В Отомуру Кушина явилась не одна, а в составе группы переговорщиков. В нее входили все те, кто сейчас был не особо полезен в деревне. Их лидером вообще был бывший глава Хьюга. Сама Узумаки, возможно, и могла бы пригодиться, но была уж слишком желанной мишенью для мигрировавшей в Кисараги части шиноби Конохи, поэтому и ее было решено пока увести в более безопасные места. Все ведь и началось с того, что из нее хотели изъять биджу.

— Праздник? — оторвавшись от чтения потрепанного свитка и украдкой смахнув слезу, переспросила Амаги.

Эта женщина с каштановыми короткими волосами из небольшого клана Изуно в очередной раз перечитывала письмо мужа, отправленное ей во время войны. Около года назад отряд, в котором оказался Цукумо Изуно, попался Цучикаге. Естественно, член клана, в котором уже давно не появлялось джонинов, а чунинами шиноби становились лишь в зрелом возрасте, пережить встречу с Оноки на войне не мог. От него не осталось ничего, что можно было бы даже похоронить. Только это письмо.

— Центральную улицу... Ту, которая сквозь всю столицу проходит, закрыли. Трибуны достраивают вокруг нее, — пояснила Кушина, стараясь заговорить Амаги, не давая ей вновь впасть в тоску. — Мы их еще вчера видели. Мацури, наверное, будет. Тут у них часто всякие шествия бывают. Хотя до Тайги-мацури, вроде, еще месяц. Сейчас какой праздник, я не знаю.

— Можно сходить, — убрав свиток в кармашек своей разгрузки, согласилась Амаги. — Только Хьюга нужно предупредить.

В Отомуру шиноби Конохи прибыли для переговоров с Орочимару. Так как местонахождение Отогакуре все еще было известно далеко не всем, то местом встречи была выбрана именно столица. Однако прибыли в нее Кушина и ее спутники раньше, чем планировали. Поэтому пока вместо переговоров приходилось прохлаждаться в гостинице. Раньше времени встречаться с ними Орочимару не пожелал.

А на самом деле это даже символично. Всего четыре года назад Кушина с Фугаку и Минато тоже приходили в Отомуру, официально — для переговоров. Но как же много с тех пор произошло изменений. Те слова, которые произносил в прошлый визит Фугаку... Наверное, Орочимару было смешно их слышать, если он знал, чем все обернется спустя четыре года. «Судьба малых стран всегда одна. Им суждено быть вассалами великих держав» — именно это имели совесть переслать Орочимару через Фугаку главы Конохи тогда. И они были правы.

Только они не подозревали, кто на самом деле представляет малую, а кто великую

державу.

— Надо было у хозяйки рёкана узнать, что за праздник-то будет, — выйдя на улицу и поправляя воротник, чтобы уберечь шею от прохладного ветра, сказала Кушина.

— Можно зайти в идзикаю, там спросить. Заодно и захватим что-нибудь перекусить горяченькое, — предложила Амаги.

Несмотря на то, что климат в Стране Звука был мягок, зима есть зима. Отомура в декабре не одевалась в снега, но и теплом не баловала. Сегодня выдался еще относительно погожий денек — облака редкие, поднимающееся солнце согревало оживленные улицы, вчерашние порывы ветра стихли. Даже погода благоприятствовала настроению жителей города. Оно и в самом деле было каким-то праздничным, взбудораженным.

— Так триумф сегодня, — словно нечто само собой разумеющееся поведал женщинам хозяин встретившейся им лавки, пригладив усы, после чего уже более понятным языком пояснил. — Армия возвращается с победой!

— О как, — удивленно высказалась Амаги.

Хотя удивление с ее лица не сходило с тех пор, как она вошла в идзикаю. Хозяином заведения оказался кот. Мохнатый полосатый владелец лавки ловко накладывал в глубокие чашки горячий рис и щедро сдабривал его жареным и обильно политым сладким соусом угрем. Сам кот в росте был сопоставим с десятилетним ребенком и ловко орудовал зажатými в руках палочками для еды.

Кушина и сама была удивлена подобным зрелищем, хотя уже бывала в Отогакуре и видывала ее новых жителей. А вот Амаги, наверное, о ниннеко только слышала, что они живут где-то на юге Страны Огня.

— Что за триумф-то? Что это такое? — живо поинтересовалась у кота Кушина.

— А не знаю, — почесав за ухом, честно ответил хозяин небольшой идзикаи. — Да и никто не знает. Я сам спрашивал у стариков, которые еще Страну Рисовых Полей застали, так те тоже не знают толком ничего. Но по приготовлениям, похоже, шествие будет, как на мацури. Поглядим, не долго уж осталось. Вы поглядите, то есть. А я уж лучше потом послушаю, что там было. Закрывать сегодня мне, наверное, не придется.

— Если праздник большой, то и правда, — согласилась Амаги.

— Большой. Еще какой большой! — довольно рассмеялся кот. — Кайбье-сама и Мататаби-сама возвращаются. Ха-ха! С победой над Кири! Заходите ко мне вечером, накрою стол на всех. А вам, девушка, скидка за красивые глаза. И вашей подруге тоже. За красивый цвет волос.

Смущено фыркнув в ответ, Амаги поблагодарила хозяина идзикаи. Пока кот и напарница обменивались любезностями, Кушина задумчиво выбирала из обжаренного угря кости палочками.

Победа. Конец войны. В Конохе тоже могли бы праздновать победу, если бы все не пошло крахом. Раскол, гражданская война. Кому и зачем это понадобилось? Столько смертей. Хорошо еще, что Джирайя смог остановить движущиеся к Конохе отряды без применения силы, иначе крови в ночь Цукими пролилось бы гораздо больше. Теперь в Стране Огня две деревни: Коноха на своем прежнем месте и Киноха на месте Кисараги. Да и есть ли сейчас прежняя Страна Огня? Только часть ее да Страна Пламени на юге. О какой победе можно говорить сейчас?

— Ну, что думаешь? — поинтересовалась Кушина, когда они с Амаги выходили из идзикаи.

— Надо бы занять места где-нибудь ближе к площади, — задумчиво оглядываясь по сторонам, ответила Изуно.

— Да я не про то. Мы ж сейчас в Отомуре, не забыла? В Отомуре, а не в Отогакуре! И они здесь будут праздновать победу.

— Гм. Да. Необычно, — согласилась Амаги. — Может, с крыш на это посмотрим? Через час-два начало этого их триумфа.

— Да что ж с тобой не так? — удивленно покачав горловой, задала риторический вопрос Кушина. — Не, с крыш рискованно... Тут полиция к шиноби неровно дышит. По крышам лучше не прыгать.

— Так можно без чакры. Просто мирно подойдем и заберемся куда-нибудь, — предложила Амаги. — Не думаю, что на трибунах будет место сейчас.

На счет трибун Амаги была права. Их еще не успевали достроить, как свободные места уже были заняты. Похоже, их даже как-то покупали или просто распределяли по цехам и кварталам. Ну, и было их не очень-то много. Правда, и других мест с хорошим обзором и свободных оставалось немного. Чем ближе к центральной улице — тем плотнее становилась толпа народа. Пока люди хаотично бродили от магазина к магазину, от чайных домов к идзикаям, развлекались, слушая песни музыкантов, погружаясь в представления выступающих на уличных сценах артистов. Жизнь кипела.

Сегодня был выходной день у большинства жителей, кроме разве что торговцев и театральных артистов. Видно было, что праздник не блещет богатством, одежды жителей не так ярки, как в столице Страны Огня, не видно гейш и ярких витрин, как в Танзаку. Но главное, у людей... у котов, у лис и даже встречающихся изредка змей лица и морды дышали радостью. Даже у змей, как бы это странно не звучало.

Это было похоже на Коноху четыремя месяцами ранее, только диаметрально противоположную. Там тоже в воздухе висело физически ощущаемое настроение людей. Чувствовалось всеобщее помешательство. Подозрительность, гнев, раздражение, тоска. Подписание мира с Ивой не принесло никакой радости, только дало повод уйти с головой в собственные проблемы. Здесь, в Отомуре, все было иначе. Кушина словно попала в иной мир. Совершенно иной. Он пах, он ощущался иначе. И торгующие в ресторанчиках коты, курящие у чайных домов змеи, выступающие на сценах актеры с пышными рыжими хвостами только добавляли ощущение совершенно иного мира. Свободного от прошлых обид. И освобождающего саму Кушину от тягостей прошлого тоже.

Это было сродни попаданию в детскую сказку.

Найти нормальное место для наблюдения за триумфом так и не удалось. Когда солнце поднялось к зениту и начало припекать макушку, по улицам Отомуры разнесся громогласный, низкий и протяжный бой. Больше времени на поиск мест не оставалось, поэтому куноичи последовали первоначальному плану Амаги — забрались на крышу одного из зданий недалеко от центральной площади.

— Эй, осторожнее, — на лету подхватив какой-то серый пушистый клубок, попросила Амаги.

— Простите, — пискнул в ответ клубок, испугано сверкнув желтыми глазами.

Котенок. Это был котенок, который свалился с ветвистых антенн едва ли не на голову куноичи. И, несмотря на падение, этот мелкий проныра ловко выпрыгнул из рук Амаги и с завидным упорством начал карабкаться по мачте антенны вверх, к друзьям. На антеннах сидело еще трое полосатых котят.

— Смотри! Смотри! — крикнул один из них, цепляясь одной лапой за деревянную мачту, а второй указывая в сторону улицы. — Идут!

Оглянувшись в указанную сторону, Кушина и в самом деле заметила, что шествие приближается к их точке обзора по расчищенной широкой улице, по обочинам которой стояла полиция, сдерживая толпы жителей и гостей города за расставленными деревянными заборчиками. Ритмичный бой барабана приближался. Вместе с ним нарастали восторженные крики людей, за которыми едва не терялись трели флейт и звон колокольчиков и колец на посохах шагающих впереди колонны мико.

Жрицы в алых хакама двигались вперед, словно плывя над брусчаткой. Рукава их ярко-белых рубах мелькали в воздухе, словно крылья, колокольчики в руках издавали хрустальный звон. Мико шли, словно танцуя, распушив яркие рыжие хвосты, иногда рассыпаясь серыми облаками тумана и собираясь вновь. В окружении их, гордо выпрямив спину и задрвав подбородок, шла одна жрица, которая выделялась на фоне других. Рыжеволосая, вооруженная длинным луком, с ожерельем из нефритовых клыков. За ее спиной покачивались аж девять рыжих пушистых хвостов. Но, главное, в ней чувствовалась сдерживаемая сила, подавляющая и мощная чакра.

— Курама-сама! — вразнобой заголосили висящие на антенне котята, вторя крикам стоящих вдоль улиц людей.

В ответ на приветствия эта самая Курама доброжелательно улыбалась и махала руками. Про нее Кушина слышала. Говорят, она одолела джинчурики Кири. По крайней мере, такую информацию распространяли власти среди жителей Страны Звука, и со слухами она добралась до Страны Огня. Видя мико своими глазами и ощущая ее чакру, Кушина была готова поверить в слухи.

После процессии мико следовал отряд шиноби. В новой, красивой форме они вышагивали, неся стяги Страны Звука. Судя по приветственным крикам, среди них же шли командующие войсками Отогакуре. Скорее всего, речь шла про широкоплечего мужчину, несущего на плече широкий и тяжелый меч, лезвие которого было облеплено взрывными печатями. Про него Кушина знала меньше, кажется, какой-то Куроба. А вот его оружие было знакомо Узумаки лучше.

— Шibuки, один из клинков Семи Мечников Тумана! — воскликнула Кушина, указав пальцем на Куробу.

— Слухи не врали, — тоже удивленная увиденным, согласилась Амаги.

За Куробой и знаменосцами группа чешуйчатых чудищ, похожих на двуногих ящеров, тащила на себе большую платформу с водруженным на нее массивным барабаном, бой которого задавал ритм всей процессии. За ними Кушина увидела стяг клана Шиин, шиноби которого играли на флейтах, дополняя гулкие удары большого барабана, звон колокольчиков мико и наполняя воздух музыкой.

Идущие в голове колонны мико минули пару куноичи, а шествию все не было видно конца. Шли отряды отдельных кланов шиноби со своими камонами на стягах. Шли отряды подразделений и родов войск, неся свои знамена. Все с сияющими от счастья лицами, осыпаемые поздравлениями. Вопли радости не стихали, сотрясая улицы.

— Кайбье-сама! Мататаби-сама!!! — в какой-то момент завопили, едва не падая с антенны, котята.

Они приветствовали показавшиеся ряды ниннеко, возглавляемые огромным двуххвостым котом дымчатой окраски и женщиной, в руках которой было знамя с отпечатком кошачьей

лапы. И от ощущения их чакры по спине Кушины вновь пробежал холодок. Еще два монстра на службе Орочимару.

— Некогами-сама... — замороженно прошептала рядом с Кушиной Амаги, не сводя взгляда с отряда ниннеко и его предводителей.

— Кто? — не поняла было Узумаки, но быстро забыла обо всем, так как ее взгляд зацепился очередное яркое пятно в общей чередности шествия.

Там, за головой огромного змея, ползущего вслед за котами, мелькнуло оливкового цвета знамя с ярким синим пятном посередине, в котором угадывалась спираль водоворота.

Узумаки!

С внезапным трепетом и воодушевлением Кушина привстала на цыпочки, высматривая свой клан. Можно было предположить, что и Узумаки будут здесь, но Кушина не думала, что сегодня удастся увидеть свою родню.

— Акичи-и!!! — сама того не ожидая от себя, радостно завопила Кушина, заведя мелькнувшую аловолосую голову в чередности марширующих шиноби.

Узумаки шли по улице Отомуры в общем строю. С высоко поднятыми головами. Алые волосы свободно трепал ветер, а знамя с гербом клана гордо высилось над ними. Узумаки, которых все похоронили, вернулись! Превозносимые людьми, столь же великие, как прежде, но уже не одни.

— Акичи... — прошептала Кушина, чувствуя, как горло перехватило от накативших чувств, а глаза жжет от слез. — Котоширо. Тахири. Яшима. Митама. Отоши...

Кушина знала их всех. Помнила. Видела в Отогакуре. Но сейчас словно вновь узнала, что ее клан жив. Слезы текли по щекам, а губы невольно растягивались в счастливой улыбке. Когда мимо проходили шиноби Узушио, она вопила от счастья и прыгала, как простая девчонка, как тысячи других людей в Отомуре.

Колонна постепенно выходила на площадь, выстраиваясь там отдельными шеренгами. Глядя вслед своим родственникам, Кушина закусил губу и мечтала оказаться вместе с ними. Чтобы и ее встречали с безумной радостью.

Тем временем мимо проходили все новые и новые шиноби. И не только шиноби. В едином строю прошли самураи со своими гербами. Несколько отрядов, как Страны Звукa, так и Страны Железа. Были пронесены знамена барьерного отряда, где тоже были видны красноволосые Узумаки. И среди ирбенинов тоже. Пронесли и камоны других кланов, кроме Шиин и Узумаки. Вытянутый ромб в окружении четырех дуг Чиноике, расправивший крылья журавль Ринха, сюрикен Фума, ромбы Ямада, стрекоза Кагеро, веер Куроба, два алых круга Кагуя. Последние тоже были здесь, в общем строю. Кроме своих гербов, они волочили по земле чужие. Кушина различила грязные, истрепанные тряпки с символами Хакамадара, каких-то еще отрядов Кири. Были здесь и знаки с перевернутыми треугольниками Джашинкё, которые также небрежно волочились по мостовой.

Беловолосые и дерзко глядящие по сторонам Кагуя вели за собой еще и скованных печатями понурых людей. Кто они были, Кушина понятия не имела. Но у некоторых на груди висели амулеты с символами Джашина. Какие-то из его последователей.

Символы одержанной победы и трофеи войны. Когда все шиноби вышли к площади, эти трофеи Кагуя под громогласный бой барабанов бросили к подножию холма, на котором высился храм Инари. Знаки отрядов и кланов валялись тряпками у начала окруженной алыми ториями тропы, прямо у ног Орочимару, кому они посмели стать врагами. И туда же лег знакомый по форме Кушине головной убор. Треугольная шляпа, только не с красными

вставками, а с синими. Когда-то она принадлежала Мизукаге.

Внезапно стихли барабаны и звуки флейт. Стали слышны хлопки ткани стягов за спиной Орочимару и над головами отрядов шиноби и самураев. В наступившей тишине стал слышен рокот толпы. Люди в городе начали частично расходиться, делясь впечатлениями. Частично они толпились, стараясь перебраться ближе к площади и увидеть, что происходит там. С антенны слышался восторженный писк вперемешку с мяуканьем.

Зазвучавшую в тишине речь Орочимару Кушина полностью не услышала. Даже не из-за расстояния, а потому что была ошарашена одной из первых произнесенных им фраз. Орочимару объявлял о создании унии государств: Страна Звука, Страна Железа, Страна Гор, Страна Горячих Источников и Страна Водоворота — они объявляли о создании единого духовного и экономического пространства.

Остров Водоворота. Страна Водоворота также присоединяется к унии Дракона. Узушиогакуре было возвращено?! Когда?! Кушина была шокирована этой новостью. Погрузившись в дела Конохи, она даже не была в курсе новостей с востока. Пока Коноха разбиралась со своими проблемами, Узумаки вернули свою родину.

Шокированная этой новостью, Кушина даже почти пропустила момент, когда стяги и прочие трофеи войны вспыхнули под катондзюцу Орочимару, а коленопреклоненные пленники были уведены Кагуя куда-то в переулки Отомуры.

Загрохотали многоголосые радостные выкрики сотен шиноби и самураев, подхваченные гражданскими. Толпы народа вновь пришли в движение. С радостными воплями скатились с мачты четверо котят, умчавшись серыми молниями вниз и скрывшись среди переулков.

— Похоже, конец, — растеряно сказала Амаги, глядя, как скрываются за зданиями колонны уходящих последними с площади Шиин, барабанщиков и мико.

— Такого еще не бывало! — все еще находясь под впечатлением, восторженно воскликнула Кушина. — Там была шапка Мизукаге, ты видела?!

— Отогакуре сразили Третьего Мизукаге, об этом говорили.

— Но никто не верил! И меч! Сегодня показали один из семи.

— Это сильная пощечина Кири, — покачала головой Амаги.

— Интересно, куда ушли все шиноби? — нетерпеливо пробормотала Кушина. — Хочу поговорить с Акичи! Спросить про Узушио. Ты слышала? Остров освобожден!

— Пойдем, узнаем про шиноби, — предложила Амаги. — Мне тоже интересно кое-что узнать.

— Кстати, а про какого такого Некогами ты говорила? — вспомнила Кушина, примеряясь как бы полочнее спрыгнуть с крыши.

— Мой клан имеет хиден, связанный с кошачьими духами. Мы облачаемся в покров их чакры, усиливая себя. Но никто из моего клана сейчас не может использовать сильнейшие техники, поэтому... Может, пообщавшись с этими Кайбье и Мататаби, я бы могла как-то понять, что мы делаем не так.

— Так ты их назвала Некогами? Да, они показались мне сильными.

Спустившись с крыши, куноичи оказались погружены в толпу постепенно рассасывающихся от центральной улицы людей. С удвоенной силой начала играть музыка, усилились крики артистов. Началась слишком большая суматоха. При этом никто толком не знал, где найти шиноби. Собственно, простым горожанам об этом-то откуда бы и знать? Оставалось надеяться на собственное чутье.

Кажется, прошедшие с триумфом по городу воины его не покинули, так как их чakra все

еще ощущалась. Только она рассредотачивалась, и в общей массе народа Кушине с ее навыками найти кого-то конкретного было сложно. Да что там, в какой-то момент она поняла, что потеряла в толпе и Амаги. Это произошло, когда Кушина нарвалась на мелкого воришку.

— Попался! — весело воскликнула Узумаки, схватив тонкую руку белокурого мальчишки, тянущуюся к выставленным на прилавке политым сладким сиропом данго.

— А! Отпусти!!! — завопил он, брыкаясь и оказавшись на диво сильным.

Не ожидавшая такой силы в ребенке, Кушина даже едва не выпустила воришку из рук.

— Отпущу, — охотно согласилась, Кушина потирая ушибленную голень, по которой пришелся удар босой ноги мальчишки. — Только всыплю тебе, как следует! Тебе сколько лет, а уже воровством промышляешь!

Мелкий блондинчик поднял на Кушину взгляд необычных янтарных глаз с черной склерой и возмущенно надулся, аж покраснев при этом. Только сейчас Узумаки поняла, что ей попался, похоже, не человек. Глаза, странный рисунок вокруг них, точащие из-под песочного цвета волос острые уши — если это и человек, то с очень уж экзотичным кеккей генкай.

— Я не ребенок! — возмущенно воскликнул мальчишка, отчаянно тряся рукой и пытаясь вырваться из хватки Кушины. — Ишь, нашлась старуха! Я тебе не лис плешивый! Не повяжешь!!!

Внезапная вспышка до селе скрываемой чакры в теле мальчишки заставила застыть кровь в жилах Кушины. Она испуганно ойкнула, увидев, как по ее коже начали змеиться линии незнакомого джуиндзюцу, сковывая чакру. И пока она создавала технику, чтобы противостоять чужой печати, мелкий воришка просто выскользнул из ее рук, рассыпавшись песком.

Небольшой пылевой смерчик пронесся мимо с интересом наблюдающих за перепалкой прохожих, пока не остановился на крыше одной из лавок.

— Старуха! — гневно воскликнул мальчишка, вновь собравшись из песчаного вихря. — Жирная тетка! Старая дева!

Воришка несколько секунд с чувством извергал полные злости, но наивные и детские ругательства, прежде чем показать язык и вновь исчезнуть среди прохожих. Кушина еще с полминуты стояла в полном недоумении от того, что только что произошло, пока ее не отвлек насмешливый мужской голос:

— Ты что тут делаешь, сорвиголова?

— Котоширо?! — удивленно обернулась к говорившему Кушина. — Я тут... Ты не поверишь!!! А ты вообще откуда?!

— Да вот, тебя ищу по всему городу, — довольно улыбнулся парень. — Ты так визжала там на крыше, что тебя сложно было не заметить. Пойдем, Рюдзин-сама и Кейдзан-доно пир устроили. Присоединяйся. Все будут рады тебя видеть.

— Так я не одна, я... — вот тут Кушина и заметила, что Амаги давно рядом нет.

— Не бойся, Отомура город небольшой. Сегодня день длинный — еще встретитесь.

— Ну, ла... дно, — неуверенно начала говорить Кушина, а закончила, оказавшись уже в другом конце города.

— Кушина! — сразу же услышала она веселый женский голос. — Заблудшая наша сестра. Что ты делаешь в Отомуре? Не думала тебя сегодня встретить.

— Акичи?! — удивленно воскликнула Кушина. — Что за?.. А, Хирайшин. Что б тебя,

Котоширо! Предупреждай хотя бы! Привет, Акичи! Я тоже рада тебя видеть!

Раньше, в детстве Кушина была плохо знакома с Акичи, да и многими прочими Узумаки тоже, если они были старше ее на три-четыре года хотя бы. Но после падения Узушиогакуре и нескольких дней жизни в Ото после того, как Кьюби вырвался из печати, все они стали более родными и близкими. Они живы, но их осталось слишком мало.

Оказывается, после торжественного прохода по улицам шиноби перебрались ближе к дворцу, где для них была подготовлена менее официальная часть сегодняшнего торжества. Пир, столы на улицах, большое представление у главного театра столицы Страны Звука, всякие развлечения и конкурсы, которые не ограничивались одной площадью. Сегодня вся роскошь и все зрелища столицы были в распоряжении шиноби.

— Когда вы захватили Узушио?

— Еще летом! Ох и долго же ждали... Но Рюджин-сама обещал, и мы вернулись!

— И как там?

— Работы много. От деревни одни руины. Другие поселения разорены, многие бежали. Но, главное, порт есть. Дальше разберемся. Пусть теперь Кири попробует только вернуться!

— Я даже не знала...

— Забудь! Сегодня оставь все заботы на завтра. Даже сталь ломается. Нужно отдыхать. Нам всем нужно отдохнуть! Три года проклятой войны. Нам всем нужен отдых.

И Кушина последовала совету. До самого вечера она забыла обо всем, погрузившись в череду безудержного веселья и раздолья. Она успела перезнакомиться со многими шиноби, с которыми ранее только изредка виделась в Отогакуре. Например, Кагуя. Эти парни и девчонки оказались вполне нормальными людьми. Еще она и в самом деле встретила Амаги. Та успела встретиться со своими Кайбье и Мататаби и о чем-то с ними беседовала. И снова Кушине попался тот самый мелкий воришка!

— Гляди! Это ж мелкий паразит, про которого я тебе рассказывала! — завидев белобрысую макушку на перилах одного из балконов, указала на нее Кушина. — Вот ворье! Все-таки умыкнул у кого-то данго!

Мелкий прохиндей и в самом деле держал в руке целый букет рисовых разноцветных колобков, насаженных на шпажки. Только теперь он был не один, а со своей кликой — вместе с ним сидели еще с четверо мальчишек и пара девчонок.

— А, — разглядев на кого указывает Кушина, отмахнулся Котоширо. — Да этот мелкий из храма, похоже. Вечно носится по деревне и попрошайничает. Не обращай внимания, он хороший.

— В смысле?! Он воришка, знаешь ли!

— Ну, может и не без этого. Нужно будет Рюджину-сама сказать об этом. Но когда надо, этот парнишка всегда поможет. Не знаю уж, кто он на самом деле, но не смотри, что ребенком выглядит. В храме на Кумотори обычных людей не бывает. Там, вообще, гм... Свой мир.

— Как так? — не поняла Кушина.

— Ну, знаешь... Там живут лисы и драконы. Мико, ты видела их сегодня. Они не совсем материальные, знаешь ли. Ну и вообще, тебе стоит самой побывать там, чтобы понять. Это такое место. Словами передать сложно.

— Рюджину-сама подчиняются демоны и ёкаи, — уверенно добавила Акичи, подслушав их разговор. — Своими глазами видела, как Хачихиме поклонилась ему! Это был мой второй в жизни призыв. Я уже чувствовала ее касание на своей душе, когда Рюджин-сама попросил

ее остановиться. И она повиновалась!

— Вот как...

Удивленно вымолвила Кушина, переваривая новость. О ками, как и о Храме Масок, она знала лишь в общих чертах. В свое время Мито не стала ей рассказывать всего, но вместо этого раскрыла какие-то свои тайны Орочимару. В детстве это было очень обидно, кстати говоря!

И пока Кушина размышляла над полученной информацией, наблюдая за странным белокурый мальчишкой, как тот внезапно кого-то окликнул и пригрозил тому кулаком. И, похоже, получив в ответ ругательства, воришка гневно нахмурился. В следующий миг его тело вновь рассыпалось песчаным вихрем и рухнуло в толпу людей. Вслед за ним со смехом сиганула и сидевшая рядом с ним ребятня, прямо в воздухе превратившись в дымные шейфы.

— Э! Вы видели?! — возбужденно воскликнула Кушина, ошарашено глядя то на Котоширо, то на Акичи.

— Я же говорил. Кумотори.

— Э-э-э... — не встретив понимания своему удивлению у спутников, озадачено протянула Кушина.

Вспомнив первое свое посещение Отомуры, она поняла, что с подобным уже встречалась. Когда подумала, что жрица в храме — это дымный клон. И сегодня во время шествия тоже эти жрицы рассыпались в облака дыма. Значит, это не клоны?

— Тьфу, чертовщина! И пусть они даже с Кумотори, но воровать плохо, — надувшись сама не понимая на что, высказалась Кушина.

К этому моменту она успела побывать уже не в одной идзикае, поэтому в крови уже плескался определенный процент алкоголя, употребленного со сладким саке, который мешал размышлять здраво.

— Можешь пожаловаться старшим Кумотори, — предложила Акичи. — Вон, чей-то хвост мелькает у лавки, где рыбок ловят.

— А вот так и сделаю! — порывисто ответила Кушина и уверенно направилась в указанном направлении.

Рыжий хвост был виден издали. Пушистый и необыкновенно толстый, он оказался целым веером из девяти хвостов.

— Курама? — удивленно окликнула сидящую на корточках у деревянной большой бадьи девушку Кушина.

— Гм? — недовольно посмотрела в ее сторону мико, сосредоточенная на ловле рыбок.

Это и в самом деле была Курама, та, которая шла во главе колонны шиноби вместе с мико. Уже без лука, но все в тех же одеждах. Алые хакама задрались, приоткрыв белые тонкие щиколотки. Рукава рубахи были закатаны, чтобы не мешались при ловле и не намокли в воде. В изящной руке с перламутровыми ровными ногтями был зажат маленький сачок с вымокшей и порвавшейся бумагой, во второй — пустая миска с водой. Похоже, рыбалка у Курамы сегодня не заладилась.

— Прости, что отвлекаю, но там ваш мелкий нахал воровством промышляет, — присев рядом с мико, заявила Кушина.

— Что? — не поняла девушка, склонив рыжую голову на бок и удивленно приподняв бровь.

— Мелкий, белобрысый парнишка с черно-желтыми глазами, — стараясь описать

своего обидчика и показать его приметы на себе жестами, пояснила Кушина. — Он воровал данго, знаешь ли!

— Шукаку? — похоже, поняла, о ком идет речь, Курама. — И что ты от меня-то хочешь?

— Как что?! Накажи его! Он меня не слушает! Ругается и не уважает старших.

— Да, старших он не уважает, — с горечью согласилась Курама, не глядя протянув руку за новым сачком.

— Тебя тоже? — с сочувствием уточнила Кушина. — Он у вас что, совсем от рук отбился?

— В семье не без дурачка, — со вздохом ответила мико. — Младшенький самый. Умишком скуден, силой обделен — вечно обижен. Сложно с ним...

— А кто вы вообще такие? Что за семья? — с нескрываемым интересом, спросила Кушина.

— Орочимару не хотел бы, чтобы это кто-то знал.

— Да где вообще этот Орочимару ваш? Нет его! Весь праздник пропадает где-то, я его даже не видела. Он и не узнает ничего.

— Орочимару все узнает, — с кислой миной ответила Курама. — Он сейчас занимается охраной границ, пока все шиноби празднуют, если что. Ну, нам сказано так это объяснять.

— А на самом деле?

— Да опять своими опытами занимается, это же Орочимару.

— А можно мне к нему? Раз ты не можешь того воришку окоротить, то хоть Орочимару-то сможет?

— Он сможет, — задумчиво ответила мико, с интересом посмотрев на Кушину. — Хочешь с ним увидеться, да?

— Ага!

— Гм. Думаю, это можно устроить... Если Шукаку дадут леща, то это будет здорово. Гм. Звучит заманчиво! Пойдем!

— Пойдем! — согласилась Кушина. — А куда?

— В храм, конечно, — решительно ответила Курама, бросив миску и сачок и уверенно поднявшись на ноги. — За мной!

Подхватив Узумаки за руку, мико использовала технику Шуншина, перенеся их с улицы сначала на крыши домов, а потом уже по ним сразу к окаймленной бесчисленными ториями лестнице.

— Можно было бы и предупредить, — недовольно буркнула Кушина, чувствуя, как подкатывает к горлу содержимое желудка от незапланированных прыжков.

После выпитого контролировать собственное состояние было немного сложнее обычного.

— Прости, — коротко ответила Курама, уверенно зашагав вперед по лестнице.

Шум города быстро остался позади, скрытый за полосой сада и столбами торий. Здесь тоже изредка проходили люди, но их было не так много. Кушина шла за быстро шагающей Курамой, глядя как игриво покачиваются рыжие хвосты за ее спиной.

— А это вообще удобно? — поинтересовалась Кушина.

— Что? К Орочимару зайти? Удобно, конечно.

— Я про хвосты. Ну ладно один. Но девять!

— Дело привычки. Если родиться с ними, то становится непонятно, как остальные

обходятся без них.

— О... Надо будет спросить у Кьюби про это, — задумчиво сказала Кушина. — Кстати! А я знаю еще одного девятихвостого, которого зовут Курама!

— Да? — хмыкнув, высказалась мико. — Может, познакомишь? Наверное, он очень хорош.

— Не. Он вредный, противный, злой и скудоумный, прямо как этот твой Шукаку. Даже хуже! — зло пробормотала в ответ Кушина. — С ним лучше никому не знаться.

— Хорошо, — не оборачиваясь, коротко ответила жрица.

Путь к храму закончился быстро. Здесь было уже более многолюдно, чем на пути к нему. Примерно, как во время Цукими. Но углубляться в основные постройки комплекса, где обычно привечают посетителей, Курама не стала, поведя Кушину окольными путями к подсобным помещениям. При прошлом посещении здесь Кушина побывать не успела.

— Слушай, а какими опытами Орочимару занимается в храме? — любопытствовала куноичи, с интересом оглядываясь по сторонам. — Просто я слышала про его опыты. Ну там, геномы всякие, медицина и... прочее. Но это же не для храма дела. Тут-то что он забыл? Или тоже какой-нибудь подвал оккупировал.

— Почти. Он в заклинательном покое. Сейчас ему интересны демоны.

— Двадцать семь ками Узумаки? — вспомнив рассказы Акичи, уточнила Кушина.

— Ага, — подводя девушку к большим и массивным деревянным воротам, украшенным искусной резьбой и фуиндзюцу, ответила Курама.

— А они правда подчиняются ему?

— Не все... — остановившись перед дверью, ответила мико.

— А сейчас он кого призывает? — опасливо поинтересовалась Кушина. — Просто я про этих ками слышала всякое. Может, лучше потом к нему зайдём?

— Нет. Раз решила, значит, решила, — решительно ответила Курама, приоткрыв двери и пропуская внутрь Кушину. — Мы ему не помешаем.

— Так кого он все-таки призывает? — осторожно ступая вперед, спросила куноичи.

— Хиноэмма, — проталкивая вперед Кушину, ответила Курама.

— Но!.. — начала было сопротивляться Кушина. — Но Хиноэмма же... соблазняет и внушает похотливые желания.

Но было уже поздно, дверь за ее спиной захлопнулась.

Глава 59. Похмельные будни

11 декабря 49 года от начала Эпохи Какурезато

Это становится какой-то плохой тенденцией — испытывать головную боль в теле, которое имеет функцию в принципе никакую боль не испытывать. Иногда мне даже кажется, что я вообще такой человек, который даже в самых благоприятных для себя условиях сможет заработать себе головную боль: в прямом и переносном смысле.

Конкретно в данный момент как болевые ощущения мое сознание интерпретировало нарушение в духовных структурах, вызванные гендзюцу одного из демонов Узумаки. Чем-то это напоминало истощение при использовании гендзюцу с ускоренным восприятием времени. Только последствия в разы серьезнее, вплоть до повреждения меридиан. Уверен, что обычный человек бы подобное не пережил за неимением запасных тел. Опасная штука. С демонами однозначно стоит быть осторожнее, но и гендзюцу необходимо изучать плотнее. После встречи с Утатаме понимание этого пришло в большей мере. Собравший столь уникальные геномы шиноби может быть опасен не менее, чем полезен. Методы противодействия ему необходимо разработать.

Но как же это больно!

— И долго нам так сидеть? — донесся до моего сознания угрюмый голос Курамы.

— Именно! Ты, смертный, забыл, с кем имеешь дело?! — вторил ему более звонкий и самоуверенный голос Шукаку.

Приоткрыв глаза, я устало посмотрел на биджу в их человеческих обличьях. Оба они сидели на коленях у одной из стен, вскинув руки над головой. Подобная поза не должна была вызывать у них большого дискомфорта, но сама ситуация вызывала смущение и недоумение. Это было больше психологическое наказание, чем физическое.

— Вам не стоило вчера поступать так, как поступали вы, чтобы не оказаться в нынешнем положении, — покачав головой и вновь прикрыв глаза, ответил я.

Всех биджу я вчера просил наблюдать за шиноби, которые могли поддаться безудержному веселью и выйти за рамки дозволенного. И да, я нашел, конечно, кого об этом просить. Нет, Мататаби и Чомей все сделали хорошо. Но Шукаку и Курама...

— Шукаку. Ты, кажется, начинаешь забывать сам, кто ты и кем являешься, — уперев локти в стол и опустив на ладони чугунную голову, произнес я. — Станет ли Шукаку опускаться до воровства? Станет ли он ввязываться в драки с шиноби? Достойно ли это его имени?

Биджу недовольно засопел, не решаясь ничего сказать в ответ.

— Я рад, что ты находишь себя в новой жизни, но не забывай прошлой. Ты — Шукаку.

— Прости, — тяжело вздохнув, ответил биджу.

За этим вздохом слышался шум песка и шелест ветра среди древних скал. Надеюсь, Однохвостый и в самом деле понял и осознал.

— Прощаю. Можешь встать.

Биджу немедля подскочил с пола и спрятался за спины занимающих кресла справа от меня Мататаби и Чомея, скрываясь от взоров сидящих за одним со мной столом шиноби, котов и змей.

— А я? — прозвучал в наступившей тишине недоуменный вопрос.

— Что ты, Курама?

— Прости, — неуверенно и полувопросительно сказал биджу.

— Я-то прощаю, хотя я не чувствую в тебе раскаяния. Но, кроме меня, тебе еще у кое-кого стоит попросить прощения, не так ли?

— И что, мне до тех пор так и сидеть?!

— Нет.

— Тогда...

— Пока сиди.

— Понятно.

Я вновь устало вздохнул. Курама отличился прошлой ночью, это уж точно. Мне, по большому счету, от произошедшего ни горячо, ни холодно. Всю ночь сознание в основном теле было заключено в гендзюцу, на время пришлось переселиться в другой организм. Поэтому несколько последних часов просто выпали из жизни. Все внимание было обращено на борьбу с техникой. Причем эта борьба зашла настолько далеко, что даже начали работать биологические системы защиты. Взбрыкнувший иммунитет активизировался и заработал с большей силой, из-за чего возникли аллергические реакции и признаки аутоиммунного заболевания.

Очнувшись ближе к полудню терзаемый болью и с разваливающимся телом, для меня, мягко говоря, было большим удивлением узнать, что всю ночь я провел не один. Интимная близость в неконтролируемом состоянии — мне хватило одного раза пережить подобное. К счастью ли к сожалению, в этот раз я был без сознания и теперь лишен сомнительного удовольствия помнить о своих животных поступках. Очень надеюсь, что неизвестной жертве шутки Курамы повезло больше, чем Мицуко в свое время. Ну, по крайней мере, она вышла из заклинательных покоев на своих ногах. Интересно только, кто это был. Помимо чакры Курамы, на месте преступления иных посторонних следов не замечено.

И несмотря на то, что с самыми яркими проявлениями аллергических реакций удалось быстро справиться, вернув контроль над телом, но нос был заложен до сих пор, обоняние имелось весьма условно. Так что я даже по запаху не мог понять, с кем провел ночь, если это можно так назвать. Судя по обилию алых волос — это кто-то из Узумаки или Шиин. Можно будет потом узнать подробности по геному, но пока на это не было времени — были более важные дела.

А сама ситуация, честно говоря, странная и довольно паскудная. Расслабился я с победами и праздником, не ждал столь неожиданной подлости вчера. Однако стоило бы. Сейчас вообще стоит быть готовым ко всему.

— Ладно, пока с этим покончили, — подняв голову, я осмотрел собранных по утру шиноби.

Это не были начальники боевых частей. Думаю, не все из них сейчас вообще могут встать с постелей, мучаясь головой не меньше моего. Нет, собрать мне пришлось разведку, потому что с юга Страны Огня, а точнее уже из Страны Пламени, поступали тревожные вести.

— Малис, рассказывай.

— По вашему поручению, отряд выполнил необходимый комплекс операций...

— Ближе к делу, — попросил я, видя, что Малис не спешит переходить к результатам. — Нашли?

— Скорее всего, да, — после паузы, неохотно призналась Ринха. — Подразделениям Тантей Кёку и Секко Кёку удалось разыскать Утатане Кохару. Ее тело. Несмотря на

посмертные изменения, труп поддается идентификации с помощью геномных исследований.

— Труп? — вздохнув, уточнил я.

— Именно. Утатане Кохару мертва. Тело определено принадлежит ей. Однако... Ее душа, по всей видимости, запечатана. Призыв не был удачен.

— Реанимация трупа?

— Провести не удалось, кейракукей истощена, вдохнуть в тело жизнь для проведения допроса не удалось. Возможно, это произошло вследствие поглощения ее чакры. Либо это результат сложной печати. Точных ответов на этот счет получить не удалось. Так же как и о причинах смерти. Видимых повреждений на теле Кохару не обнаружено. Возможно, причиной смерти стало как раз истощение кейракукей.

— Понятно. Вы молодцы, что вообще смогли ее найти. Кстати, где вы ее обнаружили?

Потом, когда я приду в норму, все же стоит перепроверить работу подчиненных. Гибель Утатане Кохару — это не то, чего можно было бы ожидать. Старушка не выглядела так, будто собирается на тот свет. Скорее всего, ей в этом помогли. Ну, либо она достаточно удачно инсценировала свою смерть, чтобы скрыться, например, от меня. С ее геномами это было бы возможно. Только вот могла бы Утатане сменить тело, чтобы сбить со следа тех, кто вознамерится ее найти?

Техники для этого, в целом, существуют. Но с собранным Кохару набором геномов ей было бы сложно найти сосуд для своей души, если она пожелала бы использовать какой-нибудь аналог *Фуши Тенсей*. Для столь сильной чакры и души необходимо соответствующее тело, которое, естественно, уже имеет хозяина, совсем не готового расставаться с собственной жизнью ради чужой. Но все равно вариант, что она осталась жива, нужно держать в уме.

Так же как и вариант с ее не поддельной смертью. Вот только интересно, кто бы мог совладать с нынешней Кохару? Для меня бы, например, она была не простым противником.

Странно все это и подозрительно, конечно.

— Не пойму, зачем переживать об этой старухе, — после окончания рассказа Малис высказался Чинойке Мичи. — Если только вы, Рюджин-сама, не предвидели ее смерти. Но даже так, стоило бы лично лишить ее жизни, чтобы быть уверенными, что дело доведено до конца.

— Убить просто. Вернуть к жизни — сложнее, — отрешенно ответил я. — Тем более не в моих правилах это делать. Она могла принести пользу. Думаю, вы скоро сами увидите какую, если Утатане и в самом деле скончалась.

Так уж вышло, что в результате гражданской войны в Стране Огня все специальные службы Конохи оказались, во-первых, серьезно потрепаны, во-вторых, встали на сторону южан. Корень и Анбу, естественно, были на стороне Като и Минато. Ожидать, что многие шиноби из этих структур окажутся на стороне севера, было бы наивно. Мне удалось перетянуть только некоторые научные отделы, в которых еще сидели мои агенты, сохранившиеся со времен борьбы с Данзо.

Коноха без поддержки профильных специалистов, которые работали в Анбу, существовать долго не могла. Эту нишу приходилось заполнять Отогакуре и тем немногочисленным людям, которые работали непосредственно на дайме. Пока Малис наводила мосты как раз с тайными советниками Мадоки Каго и действовала в Стране Огня не официально. Но в будущем проблема южных территорий и установившегося на них режима будет не в малой степени в ведении создаваемых сейчас ею аналогов Анбу. Так как

теперь, со смертью Утатане, способов контролировать социальные и политические процессы в Стране Пламени и Кинохе у меня в разы меньше.

Сейчас югу вообще не удастся уделять много внимания. Север и восток — вот две беды, которые хоть и мешают друг другу на данный момент, но не становятся менее проблемными. Баланс сил на континенте серьезно пошатнулся. Коноха, фактически, вышла из ряда великих деревень. Суна пока тоже имеет массу проблем. Сейчас был бы прекрасный шанс для Кумо и Ивы выйти вперед, если бы они уже не были ослаблены войной и не опасались в борьбе с Ото, остатками Конохи и с Суной и Кири понести неприемлемый ущерб. Ослабить себя — для них означает подставить спину для удара конкуренту. Тем более перед их глазами есть яркий пример того, как великая деревня может быстро лишиться большей части своего могущества. И пока союза между Камнем и Облаком нет, мне будет житься спокойно. В ближайшее время Ива и Кумо еще будут помнить о недавней вражде, союзниками им не быть. Да и Кири явно не упустит момента поквитаться при первой возможности с теми, кто их предал. Но это не значит, что есть повод расслабляться.

Нужно укреплять оборону северных и восточных границ унии, интегрировать разные какурезато в единую армию, провести планирование обороны, организовать единое тыловое обеспечение, подготовить новые логистические маршруты. И все это время на юге будет сохраняться эта новообразованная Киноха — удобнейший инструмент для того же Оноки, чтобы ослабить уже меня, заставить расплыть свои силы, а то и ввязаться в новую войну.

Да, и нельзя забывать про Зецу с его марионеткой-Учиха, от них можно ожидать чего угодно. Ну и монах еще, будь он неладен. После нашей с ним встречи в Стране Песка он больше о себе не напоминал, и это нервирует. Но кроме них на юге есть еще парочка полюсов сил. И один из них весьма амбициозен.

— Кумо или Ива? Страна Грез? Страна Неба? — медленно спросил Мичи, обдумав мои слова насчет Утатане. — С ними могла помочь Кохару? Но Облако и Камень далеко. А эти мелкие страны не так сильны, чтобы представлять угрозу.

— Страна Грез — это все равно, что Страна Рисовых Полей, — ответил я. — Существует лишь условно, на деле раздроблена на множество княжеств, вроде Стран Клыков и Когтей. Это всем прекрасно известно. Но Страна Неба — это другое дело.

— Страна Неба потерпела поражение от Конохагакуре. Ее земли были присоединены к Стране Огня. Ее осколки остались лишь на островах в океане.

— Ага, я помню. Я участвовал в той войне. Но я также помню, что через десяток лет Страна Неба смогла вернуться. Малис, расскажи, что там с ней.

Чинокке Мичи занимался в последнее время делами Тантей Кёку, то есть контрразведкой и внутренней безопасностью. В отличие от Малис, которая руководила Разведывательным управлением, осведомленность его о делах за границами сферы влияния Отогакуре у него была низка.

— Страна Неба смогла сохранить свою промышленность, перенеся ряд важных мануфактур в глубокий тыл — как раз на те самые острова, где она сейчас располагается, — на память сообщила Малис. — По нашим данным, они смогли наладить добычу металлов и восстановить до приемлемого уровня свой промышленный потенциал. Пока континент погряз в войне, они занимались восстановлением своих морского и воздушного флотов. На данный момент их военный потенциал не достаточен для реванша за поражение, но он значительно больше, чем можно было бы ожидать.

— Южные земли богаты на залежи алюминиевых руд и там достаточно энергии, чтобы

ее получать. Главное, были сохранены технологии, — пояснил я. — Сейчас у них больше проблем с демографией — численность армии невелика. По моим представлением, через года три-четыре Страна Неба должна была достаточно окрепнуть, чтобы стать угрозой для Страны Огня, что подтолкнуло бы последнюю к присоединению к унии со страной Звука. Но дела приняли иной оборот.

Для этого я даже отдал технологии водородных ферм Стране Волн, чтобы укрепить в будущем Страну Неба. Однако я не учел, что Страна Огня прекратит свое существование раньше отмеченного срока. Это внесло серьезные коррективы в развитие событий.

— Если пока Страна Неба не восстановилась и представляет потенциальную угрозу, то, может, проще и ее задавить? Не думаю, что она станет большой проблемой для вас, Рюджин-сама.

— Нельзя недооценивать противника, Мичи. Пусть наша победа над Страной Воды не пьянит тебя. Сейчас вообще везде, и на юге тоже, все стало слишком сложным и запутанным, — помассировав виски, стараясь хотя бы отвлечься от боли, ответил я. — Анкор Вантиан упал на территории Страны Огня. В нем по-прежнему заключен опасный демон. Нулехвостый, как его называли в Стране Неба, владеет способностью превращать негативные эмоции в чакру. С наплывом беженцев, началом мора, религиозными распрями, гражданской войной негативных эмоций на юге Страны Огня стало очень много. Этот демон сейчас силен. Его несколько лет изучали люди Корня, но месяцем ранее он был похищен вместе со всем Анкором. Или передан. Удалось его обнаружить, Малис?

— Чомей-сан заметил летающий остров возле Страны Неба во время разведки, Рюджин-сама.

— Ожидаемо, — кивнул я. — Может, из-за войны и общей неразберихи Корень просто не уследил за охраняемым объектом. А, может, Киноха уже имеет некие договоренности со Страной Неба.

— В полученных нами архивах Корня были упоминания о Шигараки Тануки и его опытах, — нахмурившись, припомнил Мичи. — Похоже, он вел исследования по использованию существа, способного преобразовывать эмоции в чакру. Скорее всего, речь шла о Нулехвостом. Если у Корня были свои планы на использование Рейби, то они бы его не отдали, наверное.

— Техника Тануки — это *Гозу Тенно*, она имеет много параллелей с техниками Страны Неба, — высказала свое мнение Малис. — Это не похоже на конвергентное сходство. Есть мнение, что Шигараки сотрудничал с шиноби Страны Неба. Если это так, то договориться с ними Корень мог. Вопрос только в том, что они получили в обмен на Анкор Вантиан и Рейби.

— Боюсь, мы опоздали с этим вопросом на несколько месяцев, — поправил я Малис. — Сейчас впору думать не о том, почему Анкор и все его содержимое перешли из рук в руки. А не был ли он просто переложен из правой руки в левую.

— Вы... имеете в виду, что Страна Неба объединилась с Кинохой? — уточнила Малис.

— Невозможно, — удивленно покачав головой, высказался Мичи.

— Да, в это сложно поверить, — более осторожно поддержала его Малис.

— Нужно учитывать и этот вариант, — вздохнув, сказал я. — Утатане была удобна тем, что я знал ее мотивы и цели. Ради сохранения привычного ей мира она шла на преступления и перешагивала через себя. Она верила, что мир, созданный Первым Хокаге, идеален. Какурезато и страны живут вместе, но пересекаются редко — это ее мечта, если говорить

обобщенно и кратко. Она начала борьбу с Рюджинкё, когда поняла, что Воля Дракона разрушает привычный ей мир. Но Страна Неба для нее была ничем не лучше Страны Звука. Идеология Страны Неба имперская, шиноби и государство в ней неотделимы. Анкор Вантиан — это не какурезато, а дворец правителя. Кохару никогда не заключила бы союз со Страной Неба и не позволила бы сделать это Ко... Кинохе.

Уверен, она бы точно так же не приняла союза с Кумо или Ивой против Конохи, это было бы еще большим предательством самой себя. Пусть гражданская война разделила Лист, но предавать его, принимая помощь от других какурезато, Утатане бы не стала. Именно этим она была удобна, да. И я не думаю, что в Кинохе этой сейчас без Кохару будет продолжен прежний курс. Кто бы это мог сделать? Минато? Не в его нынешнем состоянии и не без Утатане. Сейчас я бы поставил на то, что власть в большей мере перейдет Дану. Интересно только, какую Волю Огня унаследовал Като?

Все-таки он остается для меня загадкой. Сложно предугадать, что от него можно ожидать. Объединение со Страной Неба? Допускаю, но на каких условиях? Нужно больше информации, но, как я и говорил, ресурсов на сбор данных по обстановке на южных территориях пока недостаточно. Возможно, пришло время нанять шиноби Джоме но Сато.

Пока можно только строить теории. И можно зайти с другой стороны: а что могло бы помешать Стране Неба и Стране Пламени сойтись? Разное мировоззрение и культура? Страна Неба во многом похожа на Страну Звука и Роуран. Она стремится распространить свою культуру, раздвинуть рамки цивилизации на «варварские» территории. И я бы не сказал, что Страна Пламени сейчас сильно отторгала бы культуру Страны Неба. Среди шиноби уже витали идеи, что наличие двух «королей», дайме и Каге, в государстве не способствует росту его могущества. Вскоре как раз должен был произойти раскол среди Ниндзя-защитников на этой почве. Две фракции во главе с Казумой и Асумой, если верить моей памяти из прошлого мира, должны были разойтись во мнении о правильном государственном устройстве. Первый считал, что помимо дайме лидеров в Стране Огня быть не должно, и планировал устранить Хокаге. Второй, что вполне естественно, убивать собственного отца, несмотря на все разногласия, не желал.

Тогда все разрешилось в пользу Асумы. Но сейчас положение дел несколько иное. На данный момент в Конохе остались сторонники Рюджинкё и принесенных им идей. Они поддержали дайме и фактически восстали против Хокаге. Со многими допущениями их можно считать носителями идеи Казумы, с его видением централизации власти в руках гражданского правителя.

А в Кинохе же все наоборот. Несмотря на наличие собственного наследника престола, они готовы были убить дайме. Та же Кохару Каго-то и убила. Конечно, у нее были иные цели, но сами тенденции понятны — гражданская власть там не так важна. И без Утатане, которая вела наиболее активную борьбу за свои идеи, шиноби могут сменить акценты в своих представлениях о том, как должна распределяться власть.

Появление Страны Звука и ее успехи заставляют в том же Кири шиноби задумываться, а так ли уж они должны сторониться власти. Под влиянием поражения, не могли ли в Кинохе стать сторонниками мировоззрения Страны Неба, в которой государство управлялось шиноби? Могли. И в этом плане им уже ничто не мешало бы сблизиться.

А что мешало бы? Гордость и обида за поражение Страны Неба во время Второй мировой? Ну, это тонкий момент. Его можно обойти и даже грамотно использовать, вспомнив, что последний и решающий удар по Анкор Вантиану был нанесен мной.

Конечно, кажется, что за несколько месяцев после раскола Конохи никто бы не успел внезапно объединить Киноху и Небо, но, судя по доставшимся скудным материалам Корня, они уже давно поддерживали контакты и даже обменивались техниками.

И почему же я не учел того, что Страну Неба могу использовать не только я в своих интересах, но Коноха и ее Корень? Ну да, потому что, как и сказал Мичи, это казалось невозможным. Как когда-то казалось невозможным объединение Сенджу и Учиха под одним знаменем. Сейчас, когда раскололись Страны Ветра и Огня, когда создана Уния Дракона, стоит ли удивляться, что Страны Пламени и Неба могли бы объединиться? Тут в пору опасаться, как бы к ним не примкнули остатки Страны Ветра, если честно.

— Наступила эпоха перемен. Старые союзы рушатся, создаются новые. Нужно учитывать, что Небо и Пламя могут быть сейчас даже не одним блоком, а одной страной, — вновь помассировав виски, мрачно подвел я итог своим размышлениям, озвучив его. — Малис, необходимо сверстать новые планы по развитию агентурной сети на юге континента. И подготовь обращение к Джомеэ но Сато, может потребоваться их помощь.

— В оплату за свои услуги от нас они потребуют не деньги, — напомнила Ринха. — Им нужна будет информация, которую можно выгодно продать. Они уже ранее выдвигали свои условия — как минимум, они требуют координаты Отогакуре.

— Наглость их не знает границ, — согласился я с Малис, — но сейчас можно будет поступиться частью наших секретов. В любом случае, они скоро потеряют ценность, и их нужно успеть выгодно продать. Отогакуре в условиях унии не сможет дальше быть полностью скрытой деревней. А информация о происходящих на юге событиях важнее.

Если я прав, и Небо примкнуло к Кинохе, а та в свою очередь планирует провести масштабное реформирование устройства Страны Пламени, то это печально. Во-первых, потому что так можно забыть о мирном воссоединении Страны Огня. Во-вторых, глупо, что я не учел такой возможности изначально. В-третьих, получается, мои вложения в Страну Неба обернулись против меня же.

Като Дан, скорее всего, это его заслуга. Что же, стоит его поздравить. Он явно вырос в деле доставления мне проблем. Проклятье! Мне сегодня кажется, что в этом деле выросли все и я больше всех прочих. И как же болит голова! А я ее еще и нагружаю. Чудесный денек просто. Голова раскалывается, у биджу детство заиграло во всем понятном месте, в Стране Пламени творится непонятное. Интересно, чем меня сегодня еще судьба порадует?

— Рюджин-сама, может, вам помочь? — осторожно спросила Ринха.

— Физически я здоров, так что не думаю, что это в твоих силах, — отмахнулся я.

— Тогда, может, я? — раздался неожиданный вопрос позади меня.

— Мататаби? — удивленно вскинул я бровь. — Не помню, чтобы ты когда-либо отличалась медицинскими способностями.

— Ирениндзюцу — интересное направление, но я и в самом деле им не владею, — согласилась Мататаби, подойдя к моему креслу сзади и положив теплые ладони мне на плечи, — но вы сами недавно показали нам способ, как действовать при проблемах с нарушениями в каналах чакры.

От ладоней Мататаби словно разошлись волны вибрации по моему телу. Это походило на кошачье мурчание. Она не вливала свою чакру в меня, но ее энергия приходила в резонанс с моей, касаясь тенкецу.

Похоже, Двухвостая решила попробовать на мне тот же способ, которым они помогали Треххвостому быстрее восстановиться после гибели джинчурики. Стимулируя ток чакры

определенным образом, можно было помочь ей быстрее восстанавливать меридианы. Правда, я уверен, что подобным образом человеку не помочь. Биджу все-таки изначально состоят из чакры, у них все процессы протекают в той или иной степени иначе.

— Легче? — поинтересовалась Мататаби.

— Да, спасибо.

Пусть ее усилия и не помогают в той же степени, что и самим биджу, но хотя бы в качестве рефлексотерапии эффект есть. Касания и движение чакры отвлекают от боли.

— Кстати говоря, Ясунеко, — обратился я к молчавшему до этого некомате, — ниннеко из Сора-ку не выходили на связь? Насколько я помню, начавшаяся в Стране Горячих Источников котобоязнь распространилась на Страну Пламени.

— Земли, где поселились ниннеко, были покинуты людьми после падения Страны Неба, — ответил Кайбьё. — В Сора-ку обитают только какие-то отшельники да изгои. Пока проблем у ниннеко с ними нет.

— Хорошо. Но если я прав, то Страна Неба может скоро вернуться на свои территории. Думаю, для них Сора-ку может быть тем же, что Узушио для Узумаки. Предупреди их Некомату.

— Непременно. Хотя не уверен, что этот дурень воспримет предупреждение, — недовольно ответил Ясунеко. — Не понимаю, на что он вообще рассчитывает.

В этом я с Кайбьё согласен. В последнее время пришлось сократить частоту использования ниннеко в качестве разведчиков. Хотя поначалу они были эффективны, но потом в Кири, а за ними и у прочих ниндзя, начали возникать подозрения ко всем кошкам, как до этого вызывали подозрения змеи. К счастью, пока на ворон никто не ополчился, но если все пойдет в том же ключе, то это только вопрос времени. Интересно, а с прибавлением Инузука в стан моих шиноби, как будут относиться к собакам? Надеюсь, народ не сойдет с ума окончательно.

— Ладно. Давайте подумаем, как нам действовать в текущей ситуации. Должны уже были поступить данные из Страны Дождя, рассказывай, Хиро, что там. А то мне сегодня еще встретиться с коноховцами нужно, а мы с мертвой точки не сдвинулись.

Амегауре меня сейчас интересовала даже более новообразованной Страны Пламени, потому что если в последней был только один человек-загадка, Като Дан, то Страна Дождя вся стала загадкой. Перекрытые границы, жесткий пограничный контроль и совсем непростой дождь — оченьстораживающие признаки. Внедрение шпионов в самую какурезато весьма затруднительно, от змей тоже много толка нет. Их, конечно, не засекают сенсоры, но не такие они незаметные, чтобы прослушивать все самые интересные разговоры.

Пока известно, что этим летом были волнения в стране. Несколько деревень было разрушено и разорено. Не совсем понятно, были ли это столкновения шиноби, которые затронули мирных жителей, или бесчинства нукенинов, или и вовсе внутренние разборки. Учитывая, сколько там было создано отдельных групп йохей-ниндзя, последнее бы тоже не удивило. Однако примерно тогда же силы Конохи вблизи Амегауре едва не были отброшены вглубь Страны Огня, тогда Кизаши пришлось взять руководство на себя.

С тех пор ничего выдающегося, похоже, не происходило. Тишина и покой. В это можно даже было бы поверить, если бы не выяснилось, что в последнее время в Стране Дождя особо на слуху была группа шиноби, называемая Акацки. Кажется, они занимались охраной деревень и помощью крестьянам, чем и прославились. Все бы ничего, но название слишком уж знакомое.

Нужно более внимательно следить за Амегакуре. Примерно на этом и этими же словами завершилась моя встреча с представителями разведки. К этому времени меня уже ждал старейшина Хьюга. Переговоры с ним не должны были нести какой-то глубокий смысл, просто уточнение некоторых ранее оговоренных моментов насчет присоединения к Унии Дракона. В целом, Коноха-то официально в этом вопросе вообще участвовать не должна была бы, решение остается за дайме. И в самой Конохе пока нет большой ясности, кто и как осуществляет управление. Собственно, насчет этого-то и шли переговоры. Подчиненность Конохи в случае присоединения Страны Огня к Унии и предполагаемая структура шиноби и самураев.

Вопрос совершенно не праздный и требующий внимательного изучения, согласен, но сегодня он был ровно также не вовремя, как и вчера. И вообще, пока, думаю, в Стране Огня немного поменяется. Для начала там нужно усвоить основные понятия принятого в Стране Звучающего права, чтобы понимать, в каком государстве они живут. А там посмотрим. Скорее всего, Страна Огня будет выделена в отдельный военный округ, командование которым будет осуществляться из Конохи, живущей под статусом военного городка. Помимо нее также необходимо пересмотреть подчиненность других какурезато. В общем, дел много, и от них глаза на лоб лезут. Причем у некоторых чуть ли не буквально.

Во время всей встречи глаза присутствовавшей на ней Кушины были по пять копеек. Выглядело это забавно, если честно. Столь отрешенное и глупое выражение лица еще состроить нужно. Правда, с чего бы это? При первом же взгляде на меня вскинуты брови, глаза расширены — словно кролик перед удавом, честное слово. Еще и застенчиво покраснела.

Вот честно, я сначала думал, что это была реакция на Мататаби, которая продолжала делать мне массаж, отвлекая от боли и во время встречи с делегацией Конохи. И лучше бы я продолжал так думать. Конечно, убегать от проблем — это не выход, но иногда все же лучше о них не знать.

Я прочел отголоски мыслей Кушины.

С трудом завершив переговоры, раскланявшись со старейшиной Хьюга, я негромко, но не терпящим пререкания тоном, попросил:

— Кушина, задержись немного, пожалуйста.

— Хорошо, — с совсем не присущей девушке робостью ответила она, неловко замерев, пока остальные шиноби проходили мимо нее к выходу.

— Надеюсь, дитя вчера ничего не натворила во время праздника? — только уточнил старейшина. — Не будьте с ней строги, если так.

— Конечно, — согласился я с Хьюга. — Мататаби, будь добра, поймай для меня Кураму.

— Поймать? — удивившись формулировке, уточнила биджу.

— Да.

— Хорошо...

Заинтересованно окинув меня и Кушину взглядом, Мататаби покинула комнату, аккуратно задвинув за собой дверь и оставив нас наедине. Я же, вновь в полной мере ощутив тупую боль в голове, откинулся назад, уперев руки в татами, и запрокинул голову. Переговоры проходили в одной из комнат дворца Кейдзана, оформленной в классическом виде. Потолок встретил мой взгляд ровными деревянными панелями, лежащими на поперечных перекладинах. На бумажных люстрах, кстати, видна пыль. Похоже, работники

немного ленятся. Если украшенные цветочным рисунком двери и ширмы чисты, также как и свиток с живописью в стеной нише, то за потолком они следят похуже.

Да уж, о какой только ерунде не начнешь думать в такие моменты.

Встав с татами, я неспешно подошел к Кушине. Девушка стояла, словно нашкодивший ребенок, сцепив руки в замок и уперев взгляд в пол. Хотя вины-то ее в произошедшем нет.

Вот же. А я еще думал, что мне ни горячо, ни холодно от того, что произошло ночью.

— Кушина, — опустив руку на плечо девушки, отчего та вздрогнула, позвал я ее.

Она в ответ порывисто прижалась ко мне, крепко обняв и уткнувшись лицом в грудь. Кушина, не скрываясь, шмыгала носом, а плечи ее мелко дрожали.

Надеюсь, я и в самом деле не сделал ничего из ряда вон выходящего...

Проклятье! Курама. Может, выпороть его? Но пока мне оставалось только обнять девушку и подождать, пока она успокоится.

— Ну, и чего ты плачешь? — погладив Кушину по голове, когда та немного успокоилась, спросил я.

— Просто...

— Да, прости, если испугал.

— Ничего, — еще крепче обняв меня, ответила девушка.

И что мне теперь с ней делать-то?

— Кушина, понимаешь...

— Понимаю, — подняв голову и заглянув мне в глаза, ответила Кушина. — Мы теперь поженимся, да?

Угу, в очередь только встань.

— Не все так просто, Кушина. Понимаешь ли, у меня есть жена... жены. И дети.

— Будут еще, знаешь ли!

— Постой-постой, не так быстро, — поторопился осадить неумную девушку я. — Пойми, этой ночью я был не в себе. Под гендзюцу.

— То есть... Я тебе не нравлюсь? — снова заблестели глаза Кушины. — После всего, что произошло...

— Кушина, — щелкнув девушку по носу, вкрадчиво обратился я к ней, — не в этом дело. Подумай сама. Тебе это вообще нужно? Я старше тебя в два раза. Многоженец. Да еще и с детьми.

— А, кстати, можно на них посмотреть? — словно пропустив основную часть моих слов, спросила девушка.

— На кого, Кушина?

— На детей. Знаешь, я боюсь становиться мамой. Если я с ними поговорю, если стану с ними ближе, то, может, мне станет проще?

Я скептически посмотрел на вопросительно глядящую на меня Кушину. Да, ее знакомство с Сарой несомненно поможет ей с ее страхами. Саре уже восемнадцать лет вообще-то. Моя дочь всего на шесть лет младше Кушины. А приемная и вовсе старше на четыре.

— А ты вчера много выпила? — с подозрением спросил я у Кушины. — Сегодня для храбрости не добавляла?

— Нет!!! — сердито воскликнула она. — Ты за кого меня вообще держишь?! Думаешь... Думаешь, я просто вертихвостка какая-то?!

— Ну, мнение обо мне ты меняешь очень часто с одного на прямо противоположное, —

хмыкнув, заметил я.

— Орочимару! — ткнув меня кулаком в грудь, снова сердито воскликнула Кушина. — Ты сам виноват! Ты... Ты же Орочимару. А я... Я же восхищалась тобой всегда! Я готова любить тебя, знаешь ли! Чем я хуже этой девки с разноцветными глазами?! Она твоя жена, да?! Я чудачка по сравнению с ней?! Я бешеная, да? Хабанеро?! Но ты сам!!! Ты сам назвал меня лотосом... Возьми ответственность, Орочимару!!!

— Мататаби не жена мне и не любовница. Никогда не будет, — поправив челку Кушине после ее сбивчивой, но крайне экспрессивной речи, сказал я. — А мы с тобой, давай-ка, не будем устраивать драму. Продолжим этот разговор, когда ты успокоишься. А пока просто знай, что я отношусь к тебе по-прежнему. Не надругался над тобой и бросил, понятно? Если честно, то сегодняшняя ночь даже не отложилась в моей памяти из-за гендзюцу.

— Ты ничего не помнишь? — растерялась Кушина.

— Ничего. Я даже не знал, что был с тобой.

— Да? Жаль... Может, тогда... Повторим?

— Уж точно не сейчас, Кушина...

Девушка, словно не слыша меня, доверчиво прикрыла глаза и приоткрыла рот, прильнув ко мне и подняв голову, словно ожидая поцелуя. Приложив палец к ее губам и отстранив замычавшую возмущенно Кушину от себя, я настойчиво повторил:

— Не сейчас.

Глава 60. Кара

28 января 50 года от начала Эпохи Какурезато

— Орочимару, а давай...

— У меня нет на это времени, Кушина.

— Ну, Орочимару...

Недовольно поморщившись, я просто использовал Шуншин, чтобы сбежать от Узумаки. Юной особе хотелось романтики, прогулок по паркам, ей хотелось лежать на газоне, используя меня вместо подушки, и вместе читать новый роман Джирайи. В общем, она имела вполне понятные желания, исполнить которые я не мог даже при большом желании. Разве что отправив вместо себя с ней клона, но тратить на это чакру? Слишком неразумно и недальновидно.

Во-первых, потакать прихотям Кушины не входило в мои планы. Во-вторых, я находился на территории Страны Огня. И пусть она сейчас уже официально присоединилась к Унии, считается дружественной территорией и здесь полным ходом идет процесс интеграции государства в пространство Страны Звука, но местность все еще не находится под полным контролем. Не развернуты и, наверное, никогда не будут развернуты в полной мере из-за большой площади сенсорные техники. Не в полной мере функционирует Тентай Кёку. В общем, здесь все еще могут находиться мои личные недоброжелатели. Тратить чакру на ерунду в таких условиях просто глупо.

Конкретно в данный момент судьба занесла меня в столицу Страны Огня. Потому что фраза «идет процесс интеграции» только на бумаге выглядит гладко и на словах звучит красиво, а на деле это работа, требующая большого внимания и заботы.

Признаюсь, во многих аспектах этой работы я вообще мало что понимаю, но мое присутствие часто благотворно влияло на процесс переговоров. Скажем так, люди охотнее начинают идти на уступки друг другу, если над душой стоит начальство. А на уступки идти приходилось.

Объединить Страны Железа и Звука уже было сложно, хотя долгие годы к этому подспудно готовились. Устанавливалась схожая экономическая система, происходило культурное влияние, имелся опытный полигон для проверки принятых решений — Страна Гор. Включение в Унию Страны Огня и Страны Горячих Источников проходило сложнее. Последняя была разорена, это было одной большой проблемой. А первая была слишком велика, пусть и лишилась части территорий, но и приросла четвертью Страны Рек.

Признаюсь, был абсолютный хаос во всем. Лихорадило экономику, проблемы были с валютами, с поставками товаров, росли цены на все. Естественно, возникали трения с властями. Страна Звука и Страна Огня были во многих аспектах слишком разными государствами. Первая во многом промышленная, гильдии-дза и кабунакама в той или иной степени находятся под управлением государства, земля находится в собственности крестьянских общин, облагаемых денежными налогами.

А вот Страна Огня — совсем иное дело. Только пятьюдесятью годами ранее здесь господствовал натуральный обмен, даже шиноби за работу платили рисом. Крестьяне и по сию пору налоги платят зерном или общественными работами, по типу строительства каналов, дамб и прочего. При этом формально считается, что вся земля принадлежит лишь дайме, хотя многие местные власти вопреки законам закабалили крестьян, которые

вынуждены были также незаконно закладывать используемую землю, чтобы получить деньги. В итоге тот же мурадзи префектуры на юге стал не просто чиновником на службе дайме, а полноценным помещиком, что в итоге во многом и привело к расколу страны.

В общем, все эти отличия приходилось нивелировать, часто уговорами, иногда едва ли не насильственно.

Тяжело шло и с шиноби. Сформировать из них, из Конохи и прочих кланов, единую регулярную армию и силовые структуры было той еще задачей. Думаю, этот процесс затянется на долгие и долгие годы, Стране Звука тоже не сразу удалось пройти весь этот путь. Хотя, конечно, загадывать не стоит. В данном случае, я уже ничего предсказать не могу. Похоже, я все-таки смог привести состояние этого мира к тому, что мои компетенции на этом уже все — то есть, часть каноничного хода истории необратимо изменена.

Это даже печально. Но это не значит, что можно сложить руки.

Только что я как раз и занимался урегулированием некоторых вопросов, связанных с шиноби. Их представители были созваны в столицу, чтобы разъяснить текущее положение дел и то, как они коснутся ниндзя. Не все встретили с радостью новости, но думаю, вопрос решаемый. Есть проблемы, конечно, с финансированием выстраиваемой структуры. Не уверен, что всех шиноби удастся поставить на довольствие с текущей экономической политикой в половине Страны Огня. Реформы системы какурезато и всей страны должны идти нога в ногу, поэтому шиноби и были созваны в столицу. Здесь есть возможность сразу и с регентом все обсудить. И присланным из Ото Мейро, Акаю Куробе, Илма Ринхе, Чинокке Мичи и Юко Учиха проще.

Вот, собственно, на своих подчиненных я и оставил пока собрание шиноби, надеясь уладить иные интересующие меня вопросы. Но за мной смогла увязаться Кушина. Не думал, что мне когда-то придется сбегать от влюбленных девушек. Впрочем, я также никогда не думал, что Кушина могла бы в меня влюбиться.

Боже, Курама... Как тебе это вообще в голову взбрело? У меня же Сальма с Сарой. И Микото с Итачи да еще и вторым беременна после того, как война завершилась и мы все же смогли встретиться лично. Я только-только с Мейро, кажется, все уладил.

— Ты задержался, Орочи, — как раз встретила меня Мейро. — Что-то случилось?

— Ничего особенного, — отмахнулся я. — Ерунда. Идем.

Путь меня привел к одним из ворот дворцового комплекса Страны Огня, в одном из залов которого мне до этого пришлось встретиться с шиноби. И Мейро, в отличие от прочих шиноби Ото, не участвовала в переговорах с местными ниндзя, дожидаясь меня здесь. Хотя ее помощь там была бы не лишней.

Хотя правильнее сказать иначе. Она все-таки вела переговоры с шиноби. Но с иной группой ниндзя, гораздо менее заметной, но от этого не менее важной.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался я, минуя ворота дворцовой стены, у куноичи, когда-то носившей имена Ринко и Мицуко.

— Хорошо, — коротко, но с нежностью ответила она. — Наверное, лучше, чем многие годы до этого.

— Прости...

— Что было, то было, — вздохнув, ответила слишком юно выглядящая для своего возраста куноичи. — И перестань корить себя. Я была рождена и не для такого.

— Это не изменит того факта, что я не должен был так поступать с тобой. Ты была достойна лучшего ребенка, чем я.

— Спасибо, Орочи, — улыбнулась Мейро в ответ, — но для такой матери, как я, сложно ждать лучшего ребенка, чем ты. Мы стоим друг друга.

— Ну, спасибо, что ли, — неуверенно хмыкнув, сказал я.

— Это тебе спасибо, что понимаешь и терпишь меня. И за дочь тоже спасибо.

Да, мой вопрос о самочувствии был не праздным. Как бы не выглядела Мейро молодо, но ей все-таки полвека исполнилось на днях. В таком возрасте немногие решаются завести ребенка, но, несмотря на все мои усилия, Мейро не оставила своего маниакального желания получить от меня дитя. Наши с ней отношения слишком запутаны. Я никогда не видел в ней матери, она не могла принять сына вместо дочери, из-за ошибки в эксперименте я совершил ошибку и согрешил с ней, ее психика была слишком исковеркана в детстве, чтобы адекватно воспринять это и сбежать от меня тогда. И после этого она мечтала о нормальной дочери, которую она не желала получить ни от кого, кроме меня.

Ну, я ей эту дочь и дал. Естественно, не естественным образом. С нынешними ресурсами создать оплодотворенную зиготу и имплантировать ее в женское чрево сложностью не было. На мое счастье, Мейро была этим удовлетворена. Именно поэтому я и говорю, что мои с ней отношения, наконец, спустя не один десяток лет, улажены.

И именно в этот момент "благодаря" Кураме история почти повторилась вновь, но уже со мной и Кушиной. Снова неудачный эксперимент, снова я не контролировал себя, и снова в этот момент рядом оказалась девушка, и снова это произошло! Хорошо, что в этот раз я был просто в беспамятстве, а не поглощен безумием. Но... Кушина? Серьезно? Она же всегда была для меня, как дочь. Это хуже, чем Микото даже.

Есть ли вообще дно, на которое я могу упасть? Вот из-за таких моментов я и начинаю понимать, что однажды буду вынужден отказаться от своего бессмертия и все забыть, если не смогу как-то примириться с самим собой.

Тем временем мы добрались до здания, которое и было конечной целью в моем сегодняшнем распорядке дня. Оно располагалось недалеко от дворца, фактически было частью общего комплекса вместе с прочими государственными зданиями. И, несмотря на достаточно поздний час, бумажный фонарь перед входом в этот дом горел, явно намекая, что работа людей в нем еще не прекращена, хотя света в окнах и не было видно.

Это была типография, если можно назвать местную мастерскую, занятую сразу и переписью свитков, и печатью книг, и ксилографией гравюр. Вообще, данная мастерская обычно работала на дайме и находилась на его попечении, тиражируя всяческие государственные приказы и священные тексты. Здесь, например, издавались экземпляры книг Рюджинкё с использованием традиционного письма для Страны Огня. Но помимо этого здесь же были напечатаны книги Джирайи.

— А... Добро пожаловать, добро пожаловать, Рюсей-сан, — стоило только нам отворить негромко скрипнувшую дверь и войти в окутанное полумраком помещение, раздался в тишине надтреснутый шелестящий голос. — Приятно встретиться лично.

— Кайсен Агари? — смерив взглядом сгорбленную фигуру, сидящую возле невысокого столика, уточнил я.

— Вы правы, это я, — вставая с пола, ответил мужчина. — Прошу, проходите, Рюсей-сан, Чинойке. Только берегите голову.

Предупреждение было не лишним. Мы оказались в старой части типографии, здесь занимались ксилографией — созданием деревянных форм и печатью с них картин. Здесь не только пахло красками, деревом, клеем, сырой бумагой, здесь эта самая бумага свисала с

потолка, сушась на специальных жердях. Сам же Агари до нашего прихода занимал стол резчика, на котором в свете электрической лампы можно было увидеть заготовку формы для будущей картины.

Кайсен Агари, кстати, был мне знаком. Его я видел глазами Охеми в числе советников Мадоки Каго. Крайне осведомленный старик, которого я частенько принимал то за самурая, то за шиноби. А он, оказывается, работает в типографии? Любопытно. Так же любопытно, как и его имя.

— Кайсен Агари, да? — шагнув вперед, обходя стороной столы в мастерской, уточнил я. — Знавал я одного Кайсена Агари. Только был он моложе и был шиноби. Когда меняете лица, то хотя бы не ленитесь и имена менять, уж этому-то учить Кедоин не нужно должно быть.

Что же, этот человек хорошо скрывал свою суть ранее. Если честно, я и имя-то его узнал только недавно. Несколько месяцев провел при дворе, а Агари умудрялся являться одним из советников и при этом не привлекать к себе внимания. Просто быть, как некое естественное обрамление двора. Уникальное свойство. Зато это многое объясняет. И его осведомленность в делах шиноби. Уж Кедоин ли не знать, что творится в Конохе?

— Не помню, чтобы я представлялся этим именем под другими лицами, Рюсей-сан, — не убирая со сморщенного лица вежливой улыбки, заметил мой собеседник.

— Не в этом времени. Это мое замечание на будущее, — хмыкнув, ответил я. — Но мы не за этим встретились. Время позднее, и не хотелось бы терять времени.

— Сразу к делу? Гм. Печально. Я надеялся на более обстоятельный разговор.

— Мне тоже есть, что обсудить, но не сегодня. Даже я имею свойство уставать.

— Это можно понять, — закивал Кайсен, после чего пригласил: — Пойдемте, даже при спешке нет повода говорить на пороге.

Агари повел меня и Мейро за собой вглубь своей мастерской. Я, признаюсь, впервые посещаю подобное производство вне пределов Страны Звука и Роурана. Так что даже после пары дней, проведенных на ногах, интересно было пройтись по утопающему в сумраке помещению. Как ночь в музее. Интересно. Все такое самобытное, сразу видно, что это мануфактура, производство, ориентированное на ручной труд. Нет здесь машин, прессов. Выглядит интересно, но не очень практично.

— Вы в таких условиях выпускаете книги большими тиражами? — уточнил я у хозяина мануфактуры. — Должно быть, это требует много работы.

— Это помещение для искусства. Печать картин, перепись старых свитков и прочее. Современная типография рядом, но и там, думаю, я не смогу чем-то вас удивить, Рюсей-сан. Мне доводилось читать книги Страны Звука, и я догадываюсь, что там используются иные технологии. Но это мое хобби. Любимое, приносящее неплохой заработок, позволяющее жить при дворе и держать здесь достаточное количество людей. Это удобно.

— Догадки ваши правдивы, — согласился я с Агари, выглянув в окно, за которым было видно кусочек неба с показавшейся на нем луной. — Не везде, конечно, удастся сделать все так, как хотелось бы, но местами получается наладить производство даже сверх моих ожиданий. Раз у вас тут работают люди, не чуряющиеся использовать чакру, то вам некоторые решения Страны Звука и Страны Песка могут показаться интересными.

— О, и какие же?

— Marionетки. Созданные с помощью техник клана Рюдоин чурбаки тупы и мало пригодны для боя, что бы по этому поводу не думали сами Рюдоин. Но для выполнения

монотонных, тяжелых и опасных работ они вполне подходят. Для этого даже не обязательно делать их похожими на людей.

— Гм... — задумался Агаври. — Теперь мне становятся понятны сообщения агентов...

Интересно. Как и ожидалось, у вас нестандартный ход мыслей.

— А у вас — отличные агенты, раз они смогли и об этом сообщить.

— Ну, вы не особо и скрывались, — пожал плечами Кедоин.

Да как сказать, не скрывался. Эти марионетки вообще для меня большая тема. Численность шиноби в Отогауре, в сравнении даже с Кири, не так велика. К тому же ниндзя — это крайне ценный ресурс. Поэтому подход почившего несколькими годами ранее Шамона, Второго Казекаге, мне временами был крайне симпатичен. Марионеток много и их не жалко, цикл их производства всяко короче и дешевле, чем у шиноби. Вот только в Стране Звука не было кланов и традиции использования марионеток. Ни практики изготовления боевых кукол, ни умения их использовать. Там даже никто не знал, как Нити Чакры правильно формировать.

Нет, у меня был клан Ринха с их кеккей генкай. Родственники Малис умели выкачивать чакру из шиноби, а затем накачивать ею специально изготовленные марионетки. При этом копия получалась настолько достоверной, что ни додзюцу, ни какие-либо сенсорные техники распознать подделку не могли. Отличная техника, вот только трудозатраты на изготовление одной такой боевой единицы слишком велики. Хотелось бы как-то процесс рационализировать.

Я пытался создать автономные марионетки, которые не нуждались бы в управлении Нитями Чакры. Идея не нова, два клана Страны Ветра — Широгане и Рюдоин — уже давно производят такие куклы, но их технология не совсем то, что мне нужно. Первые, как выяснилось, используют некий аналог Человеческих Марионеток, из-за чего сейчас у них возникла конфронтация с Суной, к которой потихоньку подтягивается и Коноха, возвращая долги. Что касается Рюдоин, то пока, за неимением лучшего, приходится пользоваться аналогом их печатей, но они наделяют марионеток очень примитивным подобием сознания. Без прямого управления толку от таких кукол в бою немного, хотя как роботы на самых приоритетных и загруженных фабриках они могут использоваться. Единственный минус — необходимо обслуживание шиноби.

На этой мысли я вновь выглянул в одно из окон, разглядывая прячущуюся за коньками крыш такую близкую и недоступную Луну. В этом мире ее угловой размер на небе раза в три больше привычного мне спутника Земли. Но на самом деле, как подсчитали математики и астрономы способом, который я когда-то показывал Саре, диаметр местной Луны всего около девяноста километров. А расстояние до нее около трех тысяч километров. Фактически рукой подать, но шиноби существа крайне приземленные и летать так высоко не умеют.

Но когда-нибудь я до Луны и всех имеющихся там почти бесхозных ценностей доберусь.

— Вот здесь, — оторвал меня от наполеоновских планов Агари, остановившись у одной из дверей в своих владениях. — Мой кабинет. Прошу.

Распахнув дверь и войдя внутрь, Кайсен широким жестом пригласил нас пройти. И что сказать о его кабинете? Да ничем не примечательное помещение, чем-то напоминающее хранилище Хокаге. Здесь тоже было много стеллажей со свитками разных габаритов. Только еще и стол имелся, на котором эти свитки можно было с комфортом переписывать. Настоящий скрипторий.

— Так, и где же это было? — задумчиво поскреб щетинистый подбородок Агари,

оглядываясь по сторонам. — Кажется, здесь.

Шагнув к одной из стоек со свитками, он уверенно потянулся к одному из них и, проверив надпись, протянул его мне.

— Здесь все, что удалось собрать и передать моему другу о «Фузуки», об Утатане Кохару, прежде чем он... был ею замечен.

Был ею замечен, да? Становится понятно, откуда у Кохару геном Кедоин.

— Если хотите ознакомиться с содержимым сейчас, то прошу, садитесь, — направившись к своему рабочему столу и указав на пару свободных стульев, предложил Кейсан. — Если появятся вопросы, то спрашивайте. Только сначала... — сев в свое кресло, Агари неловко скривился и потер лоб, видимо, пытаясь сформулировать предложение. — Не знаю, правда ли, но говорят, что вы — Рюджин и имеете сведения не только об этом мире. Так вот. Смерть от техники Кохару. Насколько она паршивая?

Я озадаченно посмотрел на требовательно глядящего на меня в ответ мужчину. Неожиданный вопрос и расплывчатый. Какого ответа он от меня ждет-то?

— После нее в Чистый Мир не попасть, если речь об этом, — честно ответил я. — Пока сам использовавший технику Химеры не погибнет, поглощенные им души остаются вместе с ним.

— И если Утатане погибла, то...

— Нет, — не стал обнадеживать я Агари. — Она сама погибла не лучшим образом. Если она вообще погибла, то не попала в Чистый Мир так же, как и поглощенные ею души.

— Значит, так или иначе, в моих интересах помочь вам обнаружить ее саму или ее убийцу, — невесело подытожил Агари. — Что ж, я готов это сделать.

Н-да. Похоже, он потерял кого-то дорогого.

— Если от этого станет легче, — разворачивая полученный свиток, произнес я, — то Чистым Миром посмертие не оканчивается. Узы этого мира не смогут удерживать истинную душу вечно.

Сомневаюсь, что это как-то поможет человеку. Чистый Мир — это что-то потустороннее, оттого жуткое, но понятное и даже некоторыми ощущаемое. Для его принятия много усилий прилагать не надо. А вот какая-то там душа из Рюджинкё, которая в Чистом Мире не задерживается, а стремится к раю более высокого порядка — в это местным остается только верить.

Итак, что же у нас в свитке? В целом, часть этой информации я уже получил ранее, собственно, во многом благодаря Агари я много об Утатане узнал нового. Но тогда наши интересы просто временно пересеклись: Кайсен поддерживал легитимную, с его точки зрения, власть, и он видел, что я могу ему в этом помочь. О полном доверии тогда речи не шло. Да и сейчас, если уж на то пошло, о нем говорить рано, но прогресс налицо.

В отличие от меня, Кедоин следили за двором давно и целенаправленно, работа у них такая, для того и наняты. Поэтому и некая «Фузуки» их заинтересовала раньше.

— Удивляют меня методы, выбранные Утатане для своего политического дебюта, — пробежавшись взглядом по началу свитка, прокомментировал я содержимое. — Войти в ближний круг дайме, став наложницей или женой? Как-то это ненадежно.

— Почему же? — удивился Агари. — Проверенный временем способ. Всего полвека назад Чинойке тоже попытались сделать что-то подобное в Стране Молний. Я бы сказал, что для изменения политики государства это более логичный поступок, чем создание своей религии.

— Гм, тонко, Кейсан-сан.

— Я знала Кохару в молодости, — вставила свое слово Мейро. — Она была одной из первых учеников Академии и попала в нее в двенадцать лет. Академия стандартизировала обучение, Второй уже предвидел начало войны и оперативно готовил для нее воинов. Но до этого он же курировал образование в Конохе. И ты знаешь, какие были специальные курсы для куноичи до того, как чуть более двадцати лет назад в Академии появились классы для девочек.

Надо полагать, Мейро говорит о тех курсах, о которых сама знает не понаслышке и в результате которых она в итоге родила на свет меня.

— Хочешь сказать, она действовала так, как ее учили? — уточнил я.

— Она была талантливой в освоении искусств ниндзя, иначе не попала бы в команду Тобирамы. Но у нее всегда были проблемы с применением знаний на практике. Не все так всесторонне одарены, как Сарутоби Хирузен. Планирование — не конек Утатане, поэтому приобретенные ею до Академии знания не нашли применений в молодости. Но обучение на общих курсах только усугубило ее особенности, на мой взгляд. В нее были вложены слишком разные способы решения задач и методы достижения целей.

— Да, что-то подобное отмечал в Фузуки мой человек, — выслушав Мейро, пришел к выводу Агари. — Несмотря на то, что она имела контакты с Карой, Кохару предпочла самостоятельно пробираться в придворные. Мне кажется это не очень логичным.

— Кара? — удивленно уточнил я.

— А, вы, наверное, не в курсе, — досадливо скривившись, произнес Кайсен. — Это политическая группировка, для шиноби она интереса не представляет. В нее входят некоторые купцы южных гильдий и различные политики. Можно сказать, это сообщество по интересам, объединенное желанием ряда политических реформ. Перераспределение налогов, снижение пошлин на одни товары и повышение на другие, смена элит у власти — ничего необычного. Что-то вроде сообщества торговцев зерном на севере.

— Если Утатане имела связь с Карой, тогда не так уж она была плоха в планировании, — заметил я, возвращаясь к чтению.

— Дело в том, что своими связями она не воспользовалась, по всей видимости.

Да, в целом этот манускрипт многое проясняет в том, как и чего добилась Утатане, именуя себя Фузуки и используя свой вернувшийся молодость облик. Только я рассчитывал на несколько иное. Мне нужно было знать, есть ли какие-то в этой части ее прошлого зацепки на то, кем мог быть убийца Утатане Кохару. Мне в принципе не нравится, что на сцене внезапно появилась новая фигура, которую я никак не ожидал встретить. Но еще меньше мне нравится то, что она также внезапно пропала.

В ее смерти почти нет сомнений. Тело точно погибло, в этом можно быть уверенным после личного осмотра. Отравление с последующим запечатыванием чакры и души. Никаких улик, кроме яда, но это распространенная растительная смесь, которую достать не большая проблема — цветы, из которых яд добывается, в избытке растут по всей Стране Огня.

Может, она помешала своему же ученику, который, более Кохару придерживаясь реформ, и сейчас поддерживает поглощение Страны Неба Страной Пламени? Простой ответ, но все же лучше удостовериться.

Гм. Так, стоп.

— Нашел что-то интересное? — заметив изменение выражения моего лица, поинтересовалась Мейро.

— Кохару подозревала, что я похитил или скопировал свитки с описанием Бьякуго но Ин, — указав пальцем на строчки в свитке, пояснил я. — Она считала, что это произошло после смерти Данзо.

— Так. И что?

— Во-первых, мною был тогда похищен только один меч, — да и тот просто по пути. — Во-вторых, технику Бьякуго я и так отлично помню. Также, как помню, что я ее никому не передавал. Ее крайне затруднительно использовать.

— Но, похоже, Утатане увидела кого-то с похожей печатью, — заметил Агари. — Мой человек отметил, что «Фузуки» контактировала с Сора-ку. Это бандитский картель из руин города Страны Неба на юге страны. У них она искала сведения о Бьякуго но Ин. Они лидер по продажам техник и оружия на черном рынке. Если техника Сенджу и была продана, то наверняка это было сделано через Сора-ку.

— Но Бьякуго но Ин не техника Сенджу, это печать Узумаки, — поправила Мейро. — Утатане не думала, что она могла быть передана кем-то из беженцев разрушенной Узушиогакуре.

— В ту пору все считали, что Узумаки погибли едва ли не все. Конечно, их архивы оказались без должной охраны, и уже оттуда техника печати могла утечь на сторону. Но это опять же можно было бы попытаться выяснить в Сора-ку.

— Сейчас это не так важно, — настойчиво произнес я. — Важно то, почему Утатане решила, что техника Бьякуго но Ин украдена. Она и в самом деле видела кого-то с этой печатью?

— Скорее всего, — пригладив седые волосы, ответил Кайсен. — Сказать точно я вряд ли смогу. Следить за «Фузуки» было сложно. Что говорить, если о ее истинной природе я не знал до последнего. Если это так важно, то можно попробовать провести расследование, где и когда Утатане могла встретить человека с Бьякуго. Это в самом деле важно?

— Может быть, — неуверенно ответил я, озадаченно скручивая прочитанную часть свитка. — Я тоже видел одну странную личность с печатью, похожей на Бьякуго.

— Типичная форма неактивной печати нечасто встречается в других фуиндзюцу, но все-таки она и не редкость, — заметила Мейро. — Открою небольшую тайну — это может быть и обычный рисунок.

— Хочешь сказать, что я мог перепутать ее? — усмехнувшись, уточнил я и согласился. — Мог. Но в том случае не одной печатью был любопытен человек. Тем более иногда было ощущение, что у него рывками возрастает сила. Очень похоже было на усиливавшую технику. Какую-то вариацию активации Хачимон. Или открытие печати Бьякуго.

— Монах? — быстро догадалась, о ком я веду речь, Мейро.

— Именно он.

— Монах? — это уже выразил свое непонимание Агари.

— Человек, с которым мне однажды довелось сразиться. Крайне опасный и скрытный тип. Кстати говоря, может, что-то о нем известно вашей агентурной сети?

К сожалению, Кайсену известно ничего не было. Ну, надежд на него изначально было мало. Однако вся эта ситуация мне начинает нравиться все меньше. Вообще, мне все начинает меньше нравиться, если вспоминаю того монаха. Очень и очень не по душе мне его мощь и то, что она может быть направлена против меня. Сложно мои опасения передать другим. Мейро и Микото их не понимают, например. Но, зная силу биджу, я могу сравнить то, что ощущаю от Курамы и того монаха. И это слишком разительная разница. Может, у

биджу больше чакры, но она не ощущается настолько опасной и враждебной. Сложно объяснить такие тонкости.

Чем это может быть вызвано? Природой этой силы? Ее чуждостью? Вряд ли. Тот же Нулехвостый был более чуждым, но ощущения были иные. Но природа чакры монаха и в самом деле как-то неуловимо отличается от привычной мне. И это настораживает. Чем вообще можно объяснить его могущество?

Раскрытием врат? Методов стимулирования Хачимон, помимо их банального открытия, целый сонм. Моя техника *Шичи Тенкохо* наглядный тому пример. Кроме нее, можно использовать шиацу — массаж и активацию тенкецу. Лекарства. Некоторые клановые техники. Может, монах пользовался ими. Но вот эта его печать в виде ромба сбивает с толку.

Бьякуго — это совсем не простая печать. История ее теряется в веках, и это удивительно. Настолько сложная печать появилась, по всей видимости, на заре зарождения чакры в этом мире. Подобное слишком невозможно, если не принимать в расчет, что техника могла прийти от тех, кто чакрой к тому времени пользовался уже давно. А из подобных мне известна только Кагуя. Что из себя представляло Бьякуго но Ин изначально уже сложно сказать, но ее суть, по всей видимости, в слиянии и уподоблении двух существ, что позволяет одному использовать силу другого. Мито — чакру Кьюби. Цунаде — способность восстанавливаться Кацуо. Хотя помимо этого, ее печать модифицирована самой Сенджу и мной, что позволило в целом связать Бьякуго с Кацуо. Однако мне, например, не удалось модифицировать Бьякуго, чтобы с помощью этой печати управлять силами Морьё или Когенрю. Зато есть подвижки с Роеном.

То есть как-то эта печать избирательна к источникам чакры или способностей. А это значит, что у монаха есть свой биджу, что очень маловероятно, или он гораздо лучше меня разбирается в печатях, что вполне допустимо. Но вот только это не дает ответа на вопрос, откуда он мог черпать такую силу-то?

Так. Стоп еще раз. У меня только что возникло чувство дежавю.

— Здесь список дат и сопоставленных с ними чисел. Что это? — спросил я у Агари, указав на заинтересовавший меня текст.

— А... Это выписка из записей «Фузуки». Мой человек заподозрил, что это может быть шифр, поэтому при возможности переписал его. Однако ключ подобрать не удалось. На всякий случай, копия была сохранена, — пояснил Кайсе. — Я подозреваю, что это связано с Карой, поэтому информация может представлять интерес. Пусть эта группа по интересам, но люди в нее входят иногда влиятельные.

— А эти влиятельные люди... Кто они?

— Гм. Ну, их немного. Из значимых мог бы выделить главу кабунакама Моримару, эта компания владеет южными верфями. Монополист судостроительства на всем южном побережье благодаря уплаченному большому налогу. Еще владельцы оловянных рудников на севере, близ Аме, и медно-мышьячных на бывшей уже границе со Страной Рек. Еще несколько дворян и чиновников. До недавнего времени были даже советники, но они погибли. Из живых сейчас несколько старших советников остались, управляющих делами... Н-да. Делами черного рынка.

Несмотря на то, что Кедоин замаялся сразу признать, что при дворе были люди, которые фактически влияли на деятельность черного рынка, но он меня этим не удивил. Давно известно, что черный рынок в местных реалиях не настолько черный, как может показаться. Пусть и не вполне официально, но он существовал с попустительством дайме, которому нужен

был хоть такой инструмент влияния на шиноби.

Это все ерунда. Удивило-то меня изначально другое.

Даты. Одни вполне понятные, вторые на первый взгляд кажущиеся простым набором цифр. Однако... Восемнадцать месяцев по двадцать дней и одна неделя в пять-шесть дней. Из разрозненного перечня чисел именно такой календарь вырисовывается. Как ни удивительно, но он мне даже знаком. Но только не по современности. Насколько мне известно, подобное летосчисление не используется уже в рамках ныне существующей Ойкумены шиноби более половины тысячелетия как минимум. Лет семьсот-девятьсот.

С чего бы Утатане Кохару вспоминать этот календарь? Как она вообще к нему пришла? Сопоставляла какие-то даты? Но с чем они связаны? Не припомню на обозначенные числа какие-то значимые события. Связано ли это с Карой, раз в этот период, судя по прочим данным, Утатане как раз занималась этим обществом? И что это за группа такая? Какое-то тайное общество? Местные масоны?

Слишком много вопросов, и мне это все больше не нравится. Кажется, на сегодня мне пока хватит чтения.

— Мейро, нам надо узнать больше про Кару, — сворачивая свиток, задумчиво произнес я. — Возможно, за ними скрывается больше, чем просто кружок по интересам.

Глава 61. Новая Коноха

30 января 50 года от начала Эпохи Какурезато

В этот раз Коноха встретила меня гораздо спокойнее, чем в прошлый мой визит под истинным обликом. Наверное, можно было бы пожалеть об отсутствии фанфар и праздничных шествий, но хотя бы не объявляют режим повышенной боевой готовности — и то хорошо.

— Так это и есть Коноха? — с любопытством осматриваясь по сторонам, задал риторический вопрос сопровождающий меня в Стране Огня Канрю Чиноике.

— Самая старая какурезато этого мира, — тоже с любопытством осматривая знакомые ей улочки, сказала Мейро. — Впечатлен?

— Ну, то, что она старая, видно сразу, — с едва скрываемым разочарованием прокомментировал увиденное Канрю, — но от одной из великих деревень ждешь большего.

— Чего, например? — стало любопытно уже мне.

— Внушительной фортификации, как в Санро? — неуверенно озвучил свои представления о великой какурезато Чиноике. — Или какого-то порядка на улицах хотя бы. А тут какой-то огромный забор и полнейший хаос на улицах. Отогакуре в разы красивее.

— Конечно, здесь будет хаос местами, — хмыкнув, согласился я. — Деревня старая, провода, трубопроводы и прочие коммуникации прокладывали по уже отстроенным кварталам. Хотя... Возможно, у жителей Конохи еще будет повод для глобальной перестройки.

Если деревня будет снесена под ноль каким-нибудь Пейном, то уж волей-неволей, но перестраивать придется все. А пока же... Ну да, Коноха все-таки слишком беспорядочна. Нагромождение оставшихся от самураев построек, выращенных Хаширамой первых зданий, достроенных потом башен. Коноха иногда напоминала какой-то муравейник, который из-за невозможности расти в стороны, заключенный в кольцо скал и стены, рос вверх и вниз. И если подземелья были скрыты от невооруженного взгляда, то наземная часть была видна во всей красе.

Несколько ярусов зданий громоздились друг на друге, создавая многоуровневый лабиринт, макушки которого изредка даже выглядывали из-за пятнадцати метровой стены. Местами дома буквально достраивались несколько раз, один дом мог быть построен на крыше другого. Иногда даже непонятно, как они еще не падают. В общем, любопытное это место. Впервые прогулявшись по Конохе, я испытывал примерно такие же ощущения, что и Канрю. Потом немного привык, но, пожив в Отогакуре и даже Отомуре, заметил, что ощущение какой-то неправильности в Конохе стало возвращаться.

Есть в этом селении что-то неуловимо самобытное и первобытное. Сам Лист заключен в рамки простого круглого ограждения. Многие здания в нем тоже имеют круглые основания. С культурологической точки зрения, кажется, круг как основа жилища — это отголосок кочевого образа жизни, неприятие направлений и принадлежности себя самому земле и земли кому-либо. А вот квадратные дома и земельные наделы — это уже шаг к оседлости, к счислению площади, а значит, и осознанию, что земля может кому-то принадлежать.

Можно ли, исходя из этого, сказать, что шиноби продолжали жить в Сенгоку Джидай, когда на дворе уже начали формироваться национальные государства, а у народов их

населяющих — национальное самосознание? Наверное, нет. Все-таки шиноби тоже менялись, пусть и по-своему. Все-таки простым людям проще начать разграничивать себя и других не принадлежностью к родам, а принадлежности к стране и нации. Для ниндзя кровь априори будет иметь большее значение. Этот факт при планировании дальнейшего развития страны всегда стоит держать в уме.

Короткий разговор наш происходил при входе в деревню. Восходящее солнце как раз освещало радиально сходящиеся к административным зданиям улицы Конохи. Явились мы в Лист вместе с местными шиноби, но на входе все равно пришлось подождать, пока нас проверит стража. После скоротечной гражданской войны Коноха утратила старый сенсорный барьер и всю базу допусков, так что теперь приходилось ужесточать пропускной режим.

Избавляться от старых сенсорных и охранных систем в любом случае бы пришлось. Ими все равно занимались в основном Яманака, которые сейчас были недружественны Конохе. Но пока более строгие проверки доставляли неудобства. Проблемами автоматизации охраны и системы безопасности какурезато тоже нужно заняться в ближайшее время, иначе слишком уж много ресурсов уходит на банальную охрану деревни, когда для шиноби есть много иной работы.

Впрочем на текущий момент проблем хватало и более насущных.

— Кто будет новым Хокаге?

Именно этот вопрос больше всего волновал шиноби Конохи. И именно его озвучила Цунаде, после быстрого обмена приветствиями. На самом деле, вопрос интересный, он давно созрел и даже перезрел. Уже четвертый месяц Коноха жила без лидера. Все это время делами деревни управлял неформальный коллективный орган, состоящий из нескольких джонинов и глав кланов, а общепринятым лидером стала постепенно Цунаде. Но так продолжаться долго не могло. Шиноби — это милитаризованное общество, которое по сути своей демократию терпит весьма условно. Излишки демократии, собственно, и привели Коноху к ее закономерному нынешнему состоянию.

— Для начала нужно было бы определиться, кто теперь утверждает Хокаге, — усмехнувшись, заметил Джирайя. — Этим ведь в столице вы и занимались. Ну, так что теперь скажете, Орочи, Фугаку?

— Страна Огня становится частью Унии, — с извечной хмуростью на лице, оповестил Учиха собравшихся. — И шиноби Страны Огня принимают законы Унии. Поэтому... Рюджин-сама является верховным правителем и главнокомандующим, его волей и будет утвержден новый Хокаге.

— Главнокомандующий? — словно пробуя на вкус новое слово, повторил Джирайя. — Высоко забрался, а, Орочи?

— Есть такое, — легко согласился я со старым другом. — И прежде, чем утверждать Хокаге. Вы хоть сами определились с тем, кто должен им быть?

Я с интересом посмотрел на шиноби Конохи, которые на мой вопрос ответить не спешили. Мы, я и Мейро, встретились с ними, Фугаку, Джирайей и Цунаде, в той же комнате, где ранее Хирузен имел обыкновение устраивать встречи со своим советом. Я и сам не так давно встречался с учителем, Утатане и Шикаку здесь. Это была все та же небольшая пустая комнатка, один стол да по паре кресел и диванов. Только присутствующие люди поменялись.

— У нас несколько кандидатов, — наконец, взяла слово Цунаде. — Но сейчас ни один

из них не кажется идеальным. Клань Конохи. Часть из них шли за Фугаку, часть — за именем моего деда. Если Хокаге стану я или Фугаку, то это может вызвать недовольство у кого-то из шиноби.

— История повторяется, Орочи, — выдохнув, добавил Джи. — Когда-то сложно было выбрать между Хаширамой и Мадарой. Сейчас вновь Сендзю и Учиха главные кандидаты. Но выбор еще сложнее.

— Понимаю. И думаю, что это даже к лучшему.

— К лучшему? — недоверчиво переспросил меня Фугаку.

— В любом случае, с прежней структурой власти пришлось бы распрощаться, — пояснил я свои слова. — Много изменилось. Коноха ослабла. У единой Унии стало даже больше вызовов, чем у каждого ее члена по отдельности. На мой взгляд, есть необходимость изменить прежние подходы к организации вооруженных формирований в рамках единой страны.

— Ох, чувствую, это надолго, — хлопнув ладонью по колену, решительно сказал Джи. — Ну, давай. Говори.

— Для начала, я планировал в рамках Унии создать единую, профессиональную и постоянную армию. У каждого шиноби должна быть четкая задача, а не так, как это происходит сейчас: пришло задание, и он пошел травить крыс, а на следующий день по другому заданию — сражаться в войне. Я хотел распространить систему Отогакуре на всю Унию Дракона. Шиноби разделены на несколько ветвей: армию, которая занимается в первую очередь подготовкой к обороне государства, внутренние войска, которые выполняют полицейские функции, департаменты разведки, безопасности, таможни и охраны.

Сегодня мне предстояла достаточно нетривиальная задача — посеять в сознании пропитанных старой системой шиноби понимание сложной структуры силовых частей исполнительной власти. При этом я и сам в этом был вынужден разбираться лишь по мере необходимости. Как я уже сказал, встречаемые вызовы заставляли принимать решения, которые в итоге вылились в создание некоего подобия византизма на этом диком востоке. Бюрократия, религия, цезарепапизм — всё это и многое другое рождало новые для реалий местных государств формы организаций властных и силовых структур.

И если уж в рамках Страны Звука это происходило, то при расширении границ и вовсе стало жизненно необходимо. Всеми этими территориями необходимо было эффективно управлять и их защищать. В идеале я планировал создать единую структуру жандармерии, внутренних войск или военной полиции, в которую можно было бы вовлечь и мало пригодных к боям подданных. Ну, в самом деле, какой смысл гонять шиноби с заданиями по ловле кошек или травле крыс? Или зачем ниндзя осуществлять охрану порядка в городах? Или и вовсе быть привлекаемыми к общественным работам. Достаточно нескольких слаженных специально обученных отрядов из шиноби для поимки нукенинов и исполнения наказания над ними, с остальным справятся и простые, прошедшие банальную боевую подготовку люди.

Гораздо логичнее создать из шиноби армию, которая бы занималась исключительно войной да обороной и подготовкой к ним. Конечно, такая постоянная армия обойдется дорого, но зато она должна повысить качество войск. В рамках создания такой армии я планировал разделить Унию на несколько войсковых районов: один со штабом в Санро, который отвечал бы за северное направление и северные территории Унии, второй со штабом в Конохе, который бы ведал южными территориями и южным же направлением, а

так же северо-западным, третий — в Отогауре для организации войск на восточном направлении, и еще одно стратегическое объединение нужно было сформировать на базе Узушио, восточный флот, который бы купировал угрозу Кири и других имеющих выход к морям сил.

— Фугаку, я не думаю, что ты должен быть Хокаге, — после того, как вкратце обрисовал свое видение будущего шиноби, сказал я.

— Понимаю, — вздохнув, после паузы ответил Учиха.

— Вряд ли понимаешь. Ты капитан военной полиции Конохи. Сейчас, в Унии, для тебя есть задачи более важные, чем те, которые входили бы в обязанности Хокаге, — более развернуто поведал я. — Кто-то должен заняться формированием внутренних войск во всей Унии, а не только Стране Огня. Я бы хотел, чтобы это был ты. Цунаде, для тебя тоже более логично выглядит заняться тыловым обеспечением, в частности медицинским. А тебя, Джирайя, я вообще рассчитывал увидеть на днях в столице, где обсуждалось расширение служб разведки и безопасности, но вместо тебя там оказался Хиаши.

— Ну, прости. Не разобрались, про какую разведку шла речь. Сейчас у нас все сумбурно как-то.

— С войсковой-то разведкой больших проблем нет, специалистов в этой области хватает. А вот таких людей, как ты, которые могли бы внедриться во враждебные города или наладить контакты с соседними правительствами не хватает. Службу такой разведки необходимо выстраивать и выстраивать. Так же, как и охрану важных объектов на территории страны. Сейчас даже сама Коноха имеет сложности с охраной. С утерей Яманака Коноха стала уязвима, поэтому сюда потребуется перевести часть шиноби из других деревень.

— Так, погоди, — решительно остановила меня Цунаде. — Чувствую, тебя сейчас опять понесет. Знаю я тебя, Орочимару. Начнешь растекаться фантазиями. Давай-ка все же начнем с главного. Кто станет Хокаге?

— Чтобы прийти к этому главному, я хочу, чтобы вы поняли, какой сейчас нужен Хокаге, — ответил я, раздосадованный нетерпеливостью Цуны. — Какое, вообще, место займет Хокаге в новой структуре шиноби. Если так не терпится, то вкратце поясню. Охрана дайме и прочего важного, но не военного, то, чем раньше занималась гвардия, переходит в ведение специальной охранной службы из шиноби. Поддержанием порядка и пенитенциарными функциями займутся внутренние войска. Таможня тоже будет выделена в отдельную службу, раз уж у нас теперь одна страна. И задачи ликвидации последствий всяких катаклизмов и бедствий тоже не основные для шиноби, если они солдаты. То есть Хокаге должен управлять исключительно военным округом Листа. Он должен уметь строить планы обороны, подготовки войск, их снабжения, учитывать рекрутские резервы на своей территории, имеющийся мобилизационный запас. Он должен быть стратегом. Поэтому, я считаю, что Четвертым Хокаге должен стать Харуно Кизаши.

— Кизаши? — не особо удивившись, повторил Джирайя.

— Думаю, ты, или Фугаку и Цунаде тоже справились бы. Но ваши способности могут быть нужны Унии в целом, а не только Стране Огня. И этим вы сможете помочь Конохе больше, чем если просто станете Хокаге. Нужны внутренние войска, нужно расширять службу разведки и также нужно расширять тыловое обеспечение. Сейчас так уж вышло, что разведкой, что внешней, что войсковой занимается чуть ли не одна только Малис Ринха. И она же была ответственная за тылы и медицину, в частности. Мне просто не хватает

специалистов.

— Да уж, я уже успел поспрашивать, как вы там воевали с Кири, — не стал скрывать Джирайя. — Эдак, на первый взгляд, победа одержана едва ль не чудом. На одном духе иногда. Короче, мне твоя идея понятна. Важны детали.

В итоге разговор с моими старыми друзьями и Фугаку затянулся на большую часть дня. Обсуждали тонкости вводимых мною реформ и возможность их реализации. И, кажется, если они и поняли, что за ширмой основных целей и задач этой реформы я решал иные проблемы, то предпочли промолчать. А если не поняли ничего, то мне это на руку. Потому что, кроме перестраивания военной и государственной машин, я стремился разделить шиноби.

Старый принцип "разделяй и властвуй" актуален всегда. Осенние события в Конохе наглядно показали, что крупный коллектив шиноби, фактически одну большую семью достаточно просто склонить к бунту, сформировать в их среде деструктивную силу, которая бы могла начать мне мешать. Поэтому для меня было бы удобно «повысить» лидеров недавнего восстания, переведя их в Ото, где им придется работать с малознакомыми людьми. И раздробить Коноху, выделив отдельно жандармерию, армию и прочие службы тоже не мешало бы. Заставить кланы разойтись по разным деревням. Например, часть Учиха перевести в Ото, часть оставить в Конохе. Распределить по какурезато Хьюга, Инузука. Примешать к Конохе Чиноике или Фума. Перетасовать все крупные кланы.

Это также позволило бы со временем создать отдельные генетические линии, которые потом при скрещивании могли бы дать интересное потомство. Только есть риск, что кеккей генкай так может пропасть, разбавленный притоком свежей крови. Поэтому, скорее всего, потребуется ввести что-то вроде генетической повинности. Склонять шиноби улучшать свою демографию и стимулировать именно рождение потомков с кеккей генкай. Не совсем гуманно, пахнет евгеникой, но для этого мира должно быть нормально. И полезно для государства. Мне вообще нужно увеличить численность шиноби, чтобы восполнить военные потери.

И после нескольких часов обсуждений мы освободились лишь под вечер. У меня, похоже, вообще начался сезон переговоров. Уже который месяц только и штаны протираю, разговаривая то с одними, то с другими людьми и не людьми. Впрочем, это происходит уже даже не первый год. Жизнь шиноби все увереннее сменяется жизнью куда более скучной. Но так или иначе, но мою работу никто не сделает.

— Мейро, проверь, как там разместились наши, — попросил я, выбравшись, наконец, на свежий воздух. — Да и отдохнуть можешь. Все-таки ты тоже давно уже не была в Конохе. Проведай Аю хоть.

— Тебе бы и самому не мешало проведать ее, — ворчливо заметила Мейро. — Ей уж за шестьдесят, так и вовсе рискуешь не успеть отблагодарить ту, кто с младенчества помогала мне тебя растить.

— Неловко так внезапно появляться, — рассмеялся я, — но как-нибудь обязательно. Пока же мне нужно встретиться с теми, перед кем у меня более серьезные счета.

— Да, ты прав, — снисходительно смерив меня взглядом, согласилась женщина. — Ступай-ступай. Давно пора.

Мейро ушла, наверняка чувствуя удовлетворение от того, что я наконец поступаю так, как должен был поступить, по ее мнению, уже давно. Правда, в собственной гордыне она не обратила внимания на всплывшую на моем лице ироничную улыбку. Мейро поняла меня

неправильно. Она наверняка посчитала, что я планирую навестить Микото. Это я и сделаю, но сначала нужно напомнить о себе другому человеку.

Прислушавшись к колебаниям природной энергии, я осмотрелся по сторонам, уточняя нужное направление. И через секунду сорвался с места, используя Шуншин, чтобы оказаться в нескольких сотнях метров от административных зданий Конохи.

В новой локации было тихо, как и пристало нормальному кладбищу. Ряды ровных плит белели в сумерках, словно выступающие из пожухшей по зиме травы кости. Небо над погостом переливалось алыми красками, на востоке уже утопая в темной синеве, в которой угадывались первые звезды.

Вдохнув свежий воздух и выпустив облачко пара изо рта, я неспешно направился вперед, меж плит. Эта зима выдалась для Конохи теплой. Снег был, но уже стаял. Только почва оказалась схвачена заморозком. Известняковые, доломитовые и мраморные плиты надгробий и кенотафы отлично можно было рассмотреть на фоне темной земли. Возле одной из плит я даже остановился.

Рейко. Предполагалось, что здесь захоронена моя мать. Правда, она сама этому большого значения не придает, даже в облике Мицуко редко сюда заходила. Но все же кто-то за могилой ухаживает помимо кладбищенских смотрителей. На плите лежали свежие цветы аконита. Учитывая, что на дворе зима, для того чтобы они здесь появились, кому-то пришлось приложить определенные усилия.

Не став уделять много внимания этой пустой могиле, я направился далее, к той части, где располагались недавние погребения. К другому кенотафу, возле которого можно было увидеть закутанную в плащ темную фигуру.

— За время моего отсутствия это кладбище здорово выросло, — заметил я, приблизившись к фигуре. — Третья война собрала обильный урожай в Конохе.

— И после ее окончания тоже. Твоими усилиями, — давно почувствовав мое приближение, без удивления ответил гость Листа.

— Сваливать на меня всю вину недостойно Хокаге, Минато, — покачав головой, заметил я и вытянувшейся рукой ударил по одной из надгробных плит у ног Намиказе.

На ней была дзюцушики Хирайшина Минато, которую я на скорую руку заключил в печать. Учитывая то, как сложно от них избавиться и как легко их установить, от таких меток Коноху очистить будет проблематично.

— Хокаге? — с горечью переспросил Минато, кинув на меня взгляд голубых глаз. — Называя меня так, ты словно насмехаешься.

— Не без этого, — легко согласился я. — От ученика Джирайи и наследника Хирузена я ожидал большего благоразумия. В твоих ведь силах было сохранить Коноху.

— В моих силах было сохранить Коноху, чтобы ты ее разрушил? — с грустью улыбнувшись, уточнил Минато. — Уверен, ты уже уничтожаешь остатки Конохи, которые тебе достались. Разрываешь связи кланов, разделяешь шиноби, вводишь новые порядки, которые сметут все, что когда-то было Конохой.

— Ого, так именно это тебя не устраивало? — удивленно вскинул я бровь.

— Не только меня, — покачал головой Намиказе. — Третий тоже видел твои устремления и то, как Воля Дракона медленно отравляет шиноби Конохи. Ты отринул Волю Огня, Орочимару. Никогда ее не принимал. И твой учитель знал это. Если для него Коноха и ее жители, ее дети и будущее были королем, то для тебя шиноби — инструмент для исполнения «высших целей», для проведения опытов. Биологических и духовных.

Последние фразы Минато произнес едва ли не с отвращением, чем меня неслабо удивил. Обычно Намиказе был спокоен, чтобы вывести его из себя — это нужно приложить серьезные усилия. Хотя теперь мне больше ясны его поступки.

Король, значит? Любимая метафора Хирузена. Король в его понимании и его прочтении Воли Огня — это философская цель в жизни. Более конкретно, лично для Хирузена, королем были жители Конохи, ее шиноби. Большая семья, сотканная из множества кланов Хаширамой и Тобирамой. Сарутоби был готов даже пожертвовать дайме для сохранения жизней членов этой семьи. Ни я, ни Цунаде, ни Джирайя так и не прониклись этой его идеей. Цуна и Джи выросли во время войны, они видели мир иначе, чем учитель. Они не жили одним только миром шиноби, они видели, что за стенами Конохи иные сословия тоже живут, тоже страдают. Именно поэтому, в числе прочих причин, в итоге они бы и покинули Коноху при ином ходе событий.

Однако Минато, по всей видимости, был человеком иных взглядов. Несмотря на то, что он был учеником Джирайи, но мировоззрение Намиказе унаследовал все же у Хирузена.

— Мне стоило понять тебя раньше, — подытожив свои размышления, сказал я Минато. — Но что сделано, то сделано.

— Не очень ли ты уверен в себе, Орочимару? — неодобрительно высказался Намиказе. — Слишком веришь в собственные пророчества? Похоже, они сбываются далеко не так часто, как о том ходит молва.

— Я лишь делаю то, что могу, используя то, что имею, — отмахнулся я. — Ошибки при этом случаются, но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

— А кто слишком много делает, тот ошибается слишком часто, — ответил мне Намиказе. — Я вижу, что ты стремишься перестроить мир. И вижу, как ты это делаешь. Ты идешь по пути Мадары, Орочимару. Ты стремишься взять под контроль все и всех, поработав людей своей мягкой силой. Воля Дракона и Рюджинкё, словно удав, медленно сжимает свои кольца на теле жертвы, вытесняя всякое сопротивление и инакомыслие. Невозможно так построить будущее.

— У тебя необычный взгляд на жизнь, — удивленный словами Намиказе, высказался я. — Хотя в чем-то ты, конечно, прав. Но для меня нет слова «невозможно», Минато. При желании можно даже вернуться к жизни после смерти.

— Будущее покажет, Орочимару, — покачивая головой, ответил мне Минато. — Пока же я хотел сказать тебе спасибо. За то, что спас меня от смерти, и за то, что остановил большое кровопролитие в Конохе. И я... рад, что ты остановил меня от уничтожения Учиха, Орочимару. Прощай.

Короткая желтая вспышка в сумерках, и Минато пропал. По всей видимости, этот парнишка не сидит сложа руки и активно реабилитируется после увечий, полученных во время боев в Конохе. Хирайшином он пользоваться точно не разучился.

Подойдя ближе к могилам, которые навестил Намиказе, я прочел на них имена. Учиха Обито. Нохара Рин. На последней каменной плите лежали поникшие и покрытые инеем цветы ландыша. Свежие цветы, как и на кенотафе Рейко.

— Не какурезато, а проходной двор, — недовольно прокомментировал увиденное я, после чего использовал технику маскировки и вновь применил Шуншин.

Через несколько секунд я уже был в квартале Учиха. И пока шагал к нужному дому, я с недовольством вспоминал Минато. Вот вам и Воля Огня. Некоторые ее последователи могут мои устремления понять совершенно по-своему и отказаться принимать Волю Дракона

просто принципиально. Похоже, идеологическая пропасть с ушедшими на юг частями Конохи даже больше, чем я предполагал. Проблемно-то как. А ведь, как выяснилось, южане успели умыкнуть тело Хирузена. В целом-то, понятно, что Сарутоби сами вольны решать, где должен покоиться их лидер, но Хирузен запечатал в себе Шестихвостого. И теперь у Кинохи кроме Нулехвостого потенциально может быть и полноценный биджу. Этот момент я как-то не учел.

Отворив калитку одного нужного дома, я аккуратно прикрыл ее за собой. И только после этого позволил себе снять оптическую маскировку.

Дом встретил меня запахом горячего ужина. В окнах горел свет, были слышны приглушенные голоса на кухне. Судя по движению чакры, в доме был только один человек, значит, голоса — это радио. Одна из новинок, которые теперь есть почти в каждом доме Конохи.

Постояв немного у калитки, я все-таки направился вперед, к входным дверям. За несколько прошедших лет с моего первого визита в этот дом здесь многое поменялось. Пруд во дворе уже не напоминал болото, летом в нем пышно цвели кувшинки. Был выполнен мелкий ремонт. Несмотря на то, что в основном своем теле я сюда пока не являлся, помогать с бытовыми проблемами можно было и через клонов.

Подойдя к двери, я все же счел нужным позвонить сначала, предупреждая о своем появлении, а не ломиться в дом, пугая хозяйку.

— Кто... — успела начать задавать вопрос Микото, открывая дверь, прежде, чем увидела меня.

В следующий миг со звоном упал на пол кунай, а я оказался в плотном кольце объятий.

— Привет, — улыбаясь, поздоровался я, обнимая девушку в ответ.

— Привет, — уткнувшись мне в плечо, ответила Микото.

— Ты только не плачь, — погладив ее по голове, попросил я. — Вы, Учиха, просто не исправимы. Мы же не виделись всего месяца полтора.

— Всего?! — возмущенно воскликнула Микото.

— Ох. Ну, прости мне мою черствость. Согласен, прошла просто мучительная вечность.

— Именно, Орочимару! — сверкнув глазами, посмотрела мне в лицо Учиха. — Именно так и есть! И твое ехидство не к месту!

— Прости, — вновь попросил я прощения, после чего нежно поцеловал девушку.

— Я прощаю тебе слишком много, — с грустью ответила Микото, оторвавшись от моих губ. — Проходи уж, раз явился.

— Спасибо, — как мне показалось, обезоруживающе улыбнулся я, но вызвал только возмущенное фырканье в ответ.

Сняв обувь при входе, я поднял оброненный Микото кунай.

— Ты хотела меня убить? — спросил я, передавая оружие глядящей на меня со смешанными чувствами девушке.

— Я не почувствовала твоей чакры, — принимая кунай и пряча его кухонном фартуке, который уже заметно очерчивал начавший округляться живот. — Сейчас лучше проявить осторожность.

— Да, это не лишнее, — согласился я, вновь приобняв Микото и опустив руку ей на живот. — Снова мальчик?

— Тебе что-то не нравится? — насмешливо ответила Учиха, накрыв мою руку своей и игриво посмотрев мне в глаза. — Кто-то был плохим мальчиком и плохо старался, раз ему не

дано девочек.

— Как будто я сильно против, — не став упоминать про Сару, сказал я. — А где Итачи?

— Ох, точно, — спохватилась Микото и выскользнула из моих объятий, тут же начав складывать печати призыва. — Наверняка снова пропадает у Сенджу. Сейчас напишу ему, чтобы...

— Напиши ему, что его отец вернулся, — попросил я Микото, чем заставил ее замереть на месте.

С тихим хлопком перед девушкой появился небольшой сокол, издав негромкий вопросительный клекот.

— Точно? — посмотрев на меня, неуверенно спросила Микото. — Это же так неожиданно для него будет.

— Как ни старайся, но мы вряд ли уже сможем ему сообщить эту новость как-то по-человечески, — пожав плечами, ответил я.

— Ты прав, — вздохнув, согласилась Микото.

Письмо с соколом было отправлено через минуту. А мы же остались сидеть на кухне. Точнее, сидел я, а Микото колдовала у плиты. Впрочем, мне сидеть без дела не дали, вручив корень лотоса, наказав почистить его и нарезать ломтиками. Микото планировала часть его употребить на ужин, замочив минут на десять в уксусной воде, а часть — засахарить к весне, так что фронт работы передо мной был широк.

— Значит, Кизаши станет Хокаге? — раскладывая по множеству плошек разнообразные блюда, уточнила Микото. — Он этому не обрадуется.

— Обрадуется или нет, но никуда не денется. Сделав шаг в пропасть, отступить назад уже сложно. По себе знаю. А Кизаши, взяв командование в начале осени, именно в пропасть и ухнул. Ну, в любом случае, ему еще повезло. Генеральным штабом руководит у меня Куроба в Ото. И все самые проблемные направления будут на других округах: Ива на Санро, Кумо на Ото, Кири на Узушио. На Коноху придется Страна Пламени и Страна Песка. С последней у нас взаимопонимание и дружба, а с первой... У первой не меньше своих трудностей, чем будет у Кизаши.

— У тебя же был союз с Кумо, — припомнила Микото.

— Союзом это назвать сложно. У нас были общие цели и общие враги. У Кумо друзей и союзников быть не может в принципе, в их иерархии возможны только вассалы.

— Похоже, дела идут уже не так плохо, как бывало раньше, — заметила девушка, накрывая на стол.

— В общем и целом, да. То, что давно довлело надо мной, разрешилось. Теперь, конечно, есть ряд новых проблем. Жизнь вообще штука такая, не дает расслабиться.

— Значит, у нас ничего не поменяется? — не сулящим ничего хорошего тоном произнесла Микото.

— Пока главные причины моего беспокойства не устранены, — глядя на тонуций в надвигающейся ночной тьме двор за окном сквозь дырки в дольке корня лотоса, сказал я.

— Может, хватит жить будущим, Орочимару? — вкрадчиво поинтересовалась Микото, наклонившись над столом и поймав мой взгляд сквозь отверстия в корешке. — Кому ты оставляешь настоящее? Я живу здесь и сейчас! Если не думаешь обо мне, то что с этой... Кем бы она там ни была?!

Вздохнув, я аккуратно вложил дольку корня лотоса в приоткрытый от гнева рот девушки.

— Об этом, Микото, стоило беспокоиться, когда ты набросилась на меня более четырех лет назад, — с нежностью глядя, как моя Учиха, покраснев от недовольства, хрустит предложенным кушаньем. — И знала бы ты, как много людей искренне считает, что я все делаю неправильно и любой мой поступок достоин только самого последнего идиота на земле. Но почему-то Рюджин я, а не они. Должно быть, я уже слишком стар для излишнего авантюризма и слишком осторожен, когда дело касается не только меня и моей жизни.

Микото уже собиралась мне что-то возразить, но в этот момент ощущаемая мною уже некоторое время знакомая чакра приблизилась к дому. С громким стуком распахнулась дверь, ударившись ручкой о стенку. После короткой заминки у входа, ушедшей на то, чтобы избавиться от уличной обуви, в коридоре раздался стремительный топот босых ног. Уже через мгновение, едва не поскользнувшись на повороте, из-за угла выскочил запыхавшийся мальчишка четырех с половиной лет.

Итачи.

Сложно было передать всю гамму чувств, промелькнувшую на его лице за считанные мгновения. Нетерпеливое ожидание встречи с отцом, о котором он лишь слышал рассказы от матери. Радость долгожданной встречи, страх неизвестности, ужас от подспудных мыслей, что выстроенный в сознании образ будет далек от реальности. Злость и обида за то, что я не появлялся так долго. И все эти смешанные чувства были сметены стремительно нахлынувшей волной безмерного удивления, когда в сознании Итачи произошло полное узнавание меня.

Орочимару.

Я представляю, какой обладаю репутацией в Конохе и каким флёром окутано мое имя среди шиноби. Отголоски этого доходили и до детей, иногда обрастая дополнительными слухами. И я мог почувствовать, какой произошел эмоциональный ступор в сознании Итачи, и каким эмоциональным же штормом он сменился. Через активированный кецурыюган было видно, как пришла в движение чакра в кейракукей мальчишки, как она взбунтовалась в меридианах в области головы и начала течь к глазам.

Итачи наверняка почувствовал жжение, отчего прикрыл глаза и потер их, словно не веря им и тому, что я сижу за столом в его с Микото доме. Кажется, он пытался остановить то, что должно было произойти неизбежно.

— Здравствуй, сын, — встав из-за стола, поздоровался я с Итачи и этим подтолкнул его к последнему шагу.

— Отец? — не веря происходящему, спросил Итачи, удивленно и испуганно глядя то на меня, то на Микото.

А в его глазах медленно разгоралось пламя Шарингана с бешено вращающимся водоворотом из одного томое.

— Да, Итачи, — подойдя ко мне и взяв меня за руку, подтвердила Микото. — Это твой отец. Рюсей Орочимару.

— Не может быть! — удивленно воскликнул мальчишка.

— Почему? — с улыбкой поинтересовался я.

— Но ты же... — начал было говорить мальчишка, но неожиданно пошатнулся, из-за чего был вынужден опереться на стену.

— Итачи, осторожно, — встрепелась Микото.

— Активация додзюцу в таком возрасте выматывает, — мягко посетовал я, толчком пальца заставив воздух шевельнуться и кольнуть Итачи в необходимые точки на теле.

Моя чакра не проникла в тело сына, но стимуляция тенкецу сбила ток чакры у неопытного шиноби, из-за чего Шаринган в его глазах потух.

— Садись за стол, поешь и силы восстановятся, — посоветовал я.

— Только умойся и вымой руки, — строго вставила Микото.

— О, ну да. Он же шиноби, Микото. Как давно у тебя на миссиях удавалось соблюдать весь туалет?

— Мы не на миссии, Орочимару, — положив руки мне на плечи, наставительно произнесла Учиха. — Мы дома. А дома действуют мои правила. И вообще, не строй из себя добренького папочку! Поздно уже.

— Как скажешь. Мы все в твоей власти, Микото, — подхватив из чаши с вымоченными уже в уксусной воде корнями лотоса одну дольку, я снова поднес ее ко рту девушки. — Вот, скушай, успокойся и не заставляй Итачи ревновать. Пока еще рано.

Опалив меня взглядом черных глаз, Микото хищно цапнула предложенную дольку и отступила.

— Ну, слушайся маму, Итачи. Умывайся и садись за стол, — вновь обратившись к сыну, сказал я. — Попытаемся познакомиться снова, но уже как положено.

Глава 62. Водоворот событий

30 января 50 года от начала Эпохи Какурезато

— А расскажи, как ты победил войска Камня на Ракушечьем мысе, — с горящими глазами попросил Итачи, когда мы с ним выбрались из комнаты на энгаву и сидели, глядя на внутренний дворик дома.

— Почему ты вспомнил о той битве? — спросил я, не горя охотой вспоминать данные моменты своего прошлого.

— Говорят, там вместо скалистого берега появился песчаный пляж. И вся тысяча шиноби Ивы пропала, словно ее никогда и не было, — поделился со мной дошедшими до него слухами Итачи. — Что там произошло? Эта какая-то тайна, да? Что-то жуткое? Даже от Минато смогли убежать ведь, но с Ракушечьего рифа не ушел никто.

— Пойми, сын, — вздохнув, начал отвечать я, — почти всегда, когда ты слышишь о подвигах, вроде один против десяти тысяч, один против тысячи, это значит, что произошло одно — кто-то где-то сильно просчитался, из-за чего прорехи в фронте пришлось срочно закрывать. В тот день я совершил ошибку, понадеявшись, что Кумо свяжет войска Ивы на Морозном перешейке. И мне ее пришлось исправлять. Произошло там все то же, что и в любой битве — одна противоборствующая сторона проиграла. Они больше не вернутся домой, и ты знаешь, что это значит.

— Но ты был один, а их много...

— Им не повезло, Итачи. Когда ты слышишь истории, что где-то сгинули сотни и тысячи шиноби, это значит, что они в чем-то просчитались. Те, кто тогда вышел против меня, искали для битвы подходящее место. Они считали, что каменистый берег станет для них преимуществом и облегчит применение техник Дотона. Но земля ушла у них из-под ног, вот и все.

— Ну! Ты же ничего не рассказал!

— Ну, хорошо. Слушай тогда... Для начала они ошиблись со временем. Дневной бриз нес массу воздуха с моря на сушу. Мне удалось отсечь барьером поступление кислорода в район предполагаемого сражения...

— Кислорода? А что это?

— Ага, тогда рассказ затянется...

На самом деле, обычно Итачи был более сдержанным. Очень напоминал Микото в том же возрасте четырех-пяти лет. Словно маленький взрослый. Это и неудивительно с их воспитанием, но сегодня у моего сына был особый день. Правда, все-таки это не отменяло того, что он оставался самим собой.

— Этим шиноби не стоило пытаться сражаться с тобой, — заявил Итачи уверенно по завершении моего рассказа. — Они же знали, что ты подавил одним присутствием несколько сотен ниндзя в сражении при Рококу. Им нужно было дожидаться джинчурики или Каге.

— Думаешь?

— Ага. Но они сражались за деньги. У них была цель заработать, а не победить. Вот они и сглушили.

— Ну, это не исключено. А, может, просто неверно оценили особенности моих техник. Теперь уж выяснить у них это будет сложно.

— Это грустно.

— Что именно?

— У них ведь тоже были мамы. И они к ним уже не вернуться. И все это только из-за денег. Это очень грустно. Почему бы вообще не сражаться только Каге?

— Каге — это неприкосновенный резерв на случай фатальных ошибок, о которых я только что тебе говорил. Они хоть и сильны, но тоже умирают. А гибель Каге неминуемо повлечет смерти большего количества шиноби. Как это было в Стране Горячих Источников. После смерти Мизукаге фронт посыпался, многие киринины погибли.

— Нет, я говорю, чтобы только они сражались. Ну, чтобы проиграл и все — все проиграли, значит.

— Не думаю, что это сработает, — покачал я головой. — Победа же означает взятие каких-то земель, ресурсов. А прочие шиноби с ними расставаться не захотят, будут сопротивляться и все равно вступят в войну.

— Ну, да, — согласился Итачи. — Глупо как-то.

— И даже если вести сражение за умы, не обнажать оружия и не проливать кровь, то все равно может возникнуть сопротивление, которое в итоге обернется открытой войной. Наверное, даже более страшной, чем обычная война за деньги. Тебе, как Учиха, будет полезно это знать. Психика человека, — я прикоснулся пальцем середины лба Итачи, — очень тонкая штука. Разумом можно манипулировать, навевать идеи, одухотворять в едином порыве. Но так же можно индуцировать массовый психоз, заставляющий людей выйти за рамки своей человечности. И тогда они начнут жечь животных в страхе шпионов, распинать бывших соседей, обесчеловечивать тех, кто кажется им неправильным. Такая уж природа человеческая, сын. И, кстати, о природе этой, — наставительно произнес я. — Лучше никому не говорить о том, что я твой отец, Итачи.

— Но почему? — непонимающе и с нотками обиды спросил сын.

— Знаешь, — зашел я издали, — Страна Звука и теперь уже вся Страна Дракона и все ее жители избраны Рюджином. Они избраны, но избранность эта не делает их безусловно лучшими или высшими. Избранность — это ноша, которую каждый должен вынести. Это тернистый путь, по которому каждому суждено пройти, чтобы достичь блаженства и умиротворения. Этот путь может принести смерть, боль и страдание. А ты — мой сын, и ноша твоя будет тяжелей, чем у многих иных. Это опасно может быть, Итачи. Тебе еще расти и расти, чтобы мое имя перестало нести угрозу тебе и маме.

— Мама сильная! — внимательно выслушав меня, заступился за Микото Итачи. — Она победит любого.

— Мама у нас сильная, да. Но ты слишком мало еще знаешь о жизни, малыш, — негромко рассмеявшись, я обнял мальчишку одной рукой.

— Я не малыш, — неуверенно воспротивился он в ответ.

— Ну, раз не малыш, то должен понимать, что даже мама не всегда всемогуща. Ей же нужна бывает твоя помощь?

— Конечно! А еще ей помогают Анко и Охеми. И тетя Нами!

— Ты большой помощник, Итачи. Вместе вы сила. Но даже с вами мама не со всем сможет справиться. А я слишком неугомнен и нажил себе очень много врагов.

— А кто они, если даже ты и мама не справитесь? Биджу? — не сдержал любопытства сын.

— Ох, биджу... — удрученно покачал я головой и невольно скривился, вспомнив

Хвостатых. — Нет, эти недоросли совсем не тянут на серьезную проблему, хоть иногда и стараются изо всех сил, чтобы ею казаться.

— О... — не понял ничего Итачи.

— И кроме биджу в мире хватает могущественных существ. Поэтому занимайся усердно, хорошо?

— Хорошо, — послушно кивнул мальчик. — А ты научишь меня тем техникам Футона?

— Если ты освоишь Стихию Воздуха, то конечно, — охотно согласился я. — Однако, чтобы им научиться, ты должен знать не только, что такое кислород, но и многое другое. Сами техники просты, если знать, как и к чему их применять. Но это и не кеккей генкай, умение пользоваться которым передается с кровью.

— Я буду учиться!

— Молодец. Может, даже в Дайгакурё сможешь попасть с таким настроем.

— Пока ему нужно попасть в кровать! — вмешался в наш разговор строгий голос Микото, приоткрывшей двери на энгаву и смотрящей на нас с укором. — Пора спать, Итачи. И вообще, хватит сидеть на улице! Зима на дворе.

— Хорошо, мама, — понуро согласился мальчишка, но противиться даже не подумал.

Да уж, время и в самом деле позднее, на темном небе уже и Луна взошла, проглядывая сквозь тяжелые тучи. В лучах ее света начинали едва заметно мерцать линии печати, блокирующей сенсорные техники. Ночной морозец покрыл землю легким налетом белой изморози, пруд затянуло тонкой корочкой льда. Засиделись мы с Итачи. Пусть я и часто с ним общаюсь в образе Охеми, но для него личная встреча была куда большим событием.

А насчет высшего образования, кстати, стоит подумать. Может, не в Дайгакурё шиноби отправлять, но для старшего офицерского состава отдельную военную академию бы организовать стоило, а то и несколько по разным направлениям. Вообще, нынешняя система наставничества перестанет вписываться в новые реалии военной службы, так что потребуются, наверное, даже не один, а два дополнительных уровня образования после уже имеющейся школы. Кадетский корпус и военные академии, что ли? И чтобы чунинами могли стать, только пройдя обучение в корпусе. Организовать набор по разным направлениям, чтобы, наконец, ирьенинов стало в достатке, связисты появились, специализированные кадры для новых служб готовились.

Количество и качество шиноби вообще необходимо в кратчайшие сроки увеличивать. Пока соседи не готовы активно и коллективно давить мою страну. Кумо, Кири, Ива — все они только что воевали друг с другом, на то, чтобы объединиться, у них уйдет время, и надо бы, чтобы это время было как можно более долгим. Потому что вряд ли они будут игнорировать появление новой великой державы, которая имеет в рядах своих какурезато Учиха и меня, который способен пробуждать Мангекьё.

— Опять планируешь что-то? — присев возле меня на энгаве, спросила Микото.

— Ага, — ответил я и удивленно спросил: — А Итачи уже уснул?

— Только голову опустил и сразу. Пробуждение Шарингана выматывает. Пусть от избытка эмоций Итачи этого и не замечал, — ответила Учиха, опустив голову мне на плечо. — Так о чем ты думаешь?

— О том, где построить новые школы для шиноби, — вздохнув, монотонно ответил я, — где набрать в них преподавателей и кому можно поручить заниматься созданием учебных планов и организацией всего процесса.

— Новая школа?

— Скорее, думаю расширить образование в уже имеющейся и позволить при желании шиноби пройти обучение в каком-нибудь аналоге Королевского Университета Роурана или Дайгакурё. Может, даже ты захочешь там поучиться чему-нибудь.

— Я? — рассмеялась Микото. — Вот уж вряд ли.

— Да уж, тебе сейчас не об академиях думать впору, а о том, чтобы детский сад появился, не так ли?

— Наверное. Еще бы знать, что ты под этим имеешь в виду.

— Слишком странно звучит?

— Я уже привыкла. Ты слишком не от мира сего, Орочи. И врываешься в наш мир, подобно урагану, все переворачивая с ног на голову. Рюджин, что тут еще скажешь.

Вздыхнув, я обнял Микото, аккуратно прижимая к себе. Она была одета в теплое кимоно, но на улице становилось зябко. Пора бы уж в дом заходить.

— Снег, — негромко произнесла Учиха, вытянув руку и поймав в ладонь быстро растаявшую одинокую снежинку.

— Я уж думал, что в этом году его в Конохе не будет, — запрокинув голову, заметил я.

Редкие снежинки сыпались с неба, сверкая в рассеянном свете скрывшейся за тучами луны. Такой снег только и сможет, что припорошить траву. Завтра днем растает, снова наведя слякоть на улицах.

— Может, как-нибудь побываем в Стране Снега? — предложил я замороженно наблюдающей за медленно падающими снежинками Микото.

— Сначала в Роуран предлагаешь, потом в Страну Снега? — подозрительно посмотрев на меня, спросила девушка. — Я думала, в Роуране ты хочешь познакомить меня с той другой женщиной. Так, значит, в Стране Снега тоже кто-то есть?

— Микото... В Стране Снега есть снег и нормальная зима, которой я не видел уж лет сорок как.

— А в Роуране? — настойчиво спросила моя Учиха.

— А в Роуране мы когда-нибудь побываем, — только и оставалось ответить мне.

— Значит, я была права, — тяжело вздохнув, произнесла Микото. — Орочимару! Ты слишком... Слишком слаб перед женщинами!

— Да, и мы уже не раз об этом говорили.

— А я буду тебе напоминать об этом всегда! Потому что ты слишком... Непозволительно слаб!

Я не стал спорить с Микото, которая для закрепления своих слов болезненно ткнула меня в бок локтем. Говорить что-то в свое оправдание смысла не было, потому что она права. Меня подкупал этот мир, в котором допускалось наличие наложниц. Подкупала любовь и обожание женщин. Я же чувствовал это, иногда невольно читал их мысли. И, на самом деле, то, что я влип в историю лишь с несколькими девушками, а не с сотнями последовательниц Рюджина, например, или не с десятками воздыхательниц Змеиного сеннина Орочимару — это говорит в мою пользу.

Говорит же, да?

— И как мы назовем сына? — первой нарушила повисшее молчание Микото.

— Саске, как еще? — невесело улыбнувшись, ответил я ей. — Если уж первый Итаци, то и второй Саске.

— Это как-то связано? — нахмурившись, посмотрела на меня Учиха. — Почему Саске?

— В честь отца моего учителя. Можно было и Хирузеном назвать, но это имя слишком

длинное.

— Значит, Саске в честь Сарутоби Саске, и это когда клан Сарутоби покинул Коноху?

— Третий остается моим учителем, а его отец — великим шиноби, — напомнил я.

— Пусть так. Саске. Я не против, — крепко обняв меня, сказала Микото и спросила: —

Ты же останешься на ночь?

— Конечно.

14 февраля 50 года от начала Эпохи Какурезато

— У-ва! Как освежает! — блаженно простонала Кушина, подставив лицо льющемуся сверху водопаду текучего масла. — Я прям чувствую, как моя кожа становится мягкой и шелковистой.

Лежать в теплом масле, греясь на солнце, дыша запахами тропического леса, пока в Конохе только-только начиналась весна — что может быть лучше?

— Бестолочь! — сварливо воскликнула сидящая на бортике небольшого прудика, в котором прохлаждалась Кушина, маленькая жаба с кудряшками волос цвета фуксии на голове. — Этот священный водопад позволяет ощутить природную энергию! Это не омолаживающая ванна тебе!!!

— Ой ну, Шима-сан, вы ж так прекрасно выглядите в свои годы точно благодаря этому маслу, — втирая янтарную смолисто пахнущую жидкость в кожу рук, льстиво пропела Кушина в ответ.

— Ну, может быть, — уже более благосклонно произнесла одна из старейших жаб Мьёбокузана, постукивая черным посохом, который она держала в руках, по камню бортика водопада.

Этот стук заставил Кушину внутренне поежиться. Посохом девушку Шима охаживала не раз и не два. Не известно уж, как шло обучение у Джирайи, но Кушине потребовалось очень много времени, чтобы научиться приводить к балансу чакру с природной энергией. Начала учиться девушка еще несколько лет назад, но война и прочие дела здорово замедлили процесс. Только недавно Кушина смогла, наконец, находиться в масле и не рисковать превратиться в жабу.

Зато теперь девушка чувствовала природную энергию. Как она струится по коже, проникает внутрь тела, дает неповторимое ощущение легкости и силы. Кушина чувствовала, что зрение ее стало более четким, обоняние и слух — чуткими.

— Значит, раз ты овладела использованием масла, можно приступать ко второму этапу тренировок, — произнесла Шима, задумчиво разглядывая, как Кушина втирает масло в длинные волосы.

— Эх, хорошо, что масло быстро испаряется вне горы Мьёбоку — смывать не надо. Плохо, что из-за этого не получится использовать его, — посетовала Кушина. — А что во втором этапе? Джирайя говорил, что нужно уметь не шевелиться.

— Ох, Джирайя-чан, как всегда... Кушина-чан, тебе нужно научиться быть в гармонии с природой и остановить ток собственной жизненной энергии, — наставительно произнесла Шима, помахивая посохом, при всяком взмахе заставляя Кушину непроизвольно вздрагивать. — Остановить его — это и значит остановить всякое движение. Любая дрожь нарушит гармонию, слишком быстрое сердцебиение — тоже. Лишние мысли — тоже.

— Звучит сложно, — расстроено пробормотала Кушина.

— Ха, ты можешь попробовать пойти по простому пути, — подумав, с насмешкой предложила Шима.

— Это по какому? — тут же заинтересовалась девушка.

— Пойти к своему дружку и попросить его научить тебя сендзюцу.

— Какому дружку? — не поняла Кушина. — К Джирайе, что ли?

— Орочимару, бестолочь ты эдакая! — вспыхнула жаба. — Ты что ж думаешь, его просто так Змеиным сеннином зовут?

— Да не бестолочь я! — обиделась Узумаки. — А что, разница-то какая? Джирайя или Орочимару.

— Джирайя-чан не захватывал Мьёбокузан, — хмыкнув, сказала Шима.

— А Орочимару, он что... А что он сделал? — тут же заинтересовалась Кушина.

— Так он теперь Хакуджа Сеннин в Рьючидо, — сложив руки на груди, неодобрительно высказалась старушка. — Что там у этих гадов ползучих в пещерах творится, вообще не понимаю!

— А что там творится? — загорелась еще большим интересом Кушина. — Как Орочимару стал Хакуджа Сеннином? А куда прошлый делся?

— Так помер он, прошлый этот, — сердито буркнула Шима. — Орочимару его и убил.

— Да ты что! — прикрыв ладонями рот от удивления, воскликнула Узумаки. — А чего так? Что случилось-то?

— Да, говорят, похитил он дочь Орочимару, что ли, — неуверенно ответила Шима. — Я ж там не была, откуда мне знать? Знаю только, что теперь Орочимару там новым Белым Змеем признали.

— Ого! Ничего себе! — восхищенно выдохнула Кушина и с теплотой в голосе добавила: — Да, за дочь Орочимару мог и Хакуджа Сеннина прибить. Он такой.

Когда-то ведь он сам и ее спас именно так. Кушина невольно поежилась, вспомнив тот день, когда едва не была похищена шиноби Кумо. Тот страх детства все еще жил в ней. Пустой дом, косые лучи закатного солнца, ожившие тени с хищными осками, смерть близких ей людей. И внезапное спасение, когда Орочимару встал непреодолимой силой на пути шиноби.

— И что, он сможет меня научить сендзюцу? — любопытствовала Кушина, подойдя к бортику пруда и ласково погладив спящую на теплых камнях зеленую змейку.

— Он-то? Может, наверное. Но ты не будешь этому рада, — насмешливо наблюдая, как Кушина усаживает змейку себе на плечо и та охватывает руку девушки браслетом.

— Почему?

— Змеиные методы сендзюцу жестоки, — наставительно произнесла Шима. — У нас тоже опасно, ты видишь, сколько здесь статуй, и знаешь, что все они пытались научиться сендзюцу, но не смогли. Я бы и тебя даже не пыталась научить, если бы у тебя не было огромных запасов чакры, которые помогают легче привести к балансу внутреннюю энергию с природной. Но у змей все жестче. Они накачивают желающего обучиться сендзюцу природной энергией, а тот либо научится ей пользоваться сам, либо превратится в дикого, ведомого инстинктами зверя и будет сожран, либо будет метаться где-то посередине. Хочешь превратиться в охваченное безумием животное?

— А это было бы интересно, — раздались в голове Кушины слова внезапно пробудившегося и напомнившего о себе Курамы. — По описанию поведения ты и так, как будто уже училась сендзюцу у змей. Дикон безумное животное.

— Ну, уж нет, — нахмурившись, ответила Кушина сразу обоим своим собеседникам. — Раз уж начала учиться здесь, то и закончу тоже. Метаться туда-сюда глупо, знаете ли. Да и

Орочимару все время сбегает.

Хотя напроситься к нему в ученики соблазнительно. Но он и в самом деле все время сбегает. Кушине только недели две назад удалось провести с ним немного времени, когда он учил ее новой технике. Девушке само ниндзюцу было безразлично, но раз этот повод позволял ей побыть вместе с Орочимару, то она с готовностью согласилась учиться чему угодно.

— Тогда учись гармонии, — удовлетворенно кивнув, наказала бабуля Шима.

— Придется уж, — выйдя из пруда, девушка блаженно потянулась, вытянув руки вверх и чувствуя, как теплый ветерок приятно обдувает оголенную кожу, а капли масла стекают по прилипшим к спине волосам на ноги, — но уже не сейчас. Мне...

Кушина хотела сказать, что ей пора возвращаться, потому что она уже начинала чувствовать голод, а оставаться на обед у гостеприимной жабы-бабули настроения не было от слова совсем, потому что местные изыски организм девушки не переваривал на дух, но слова застряли в горле Узумаки. Она, открыв глаза, внезапно встретила взглядом с еще одним появившимся на полянке возле водопада существом. Оно оказалось не жабой. Человек.

Карие глаза, около пятнадцати лет, длинные черные волосы собраны в пучок на затылке. Его можно было бы принять за девчонку из-за смазливой личика, но обостренные из-за природной энергии чувства Кушины явно сообщали — это парень.

Взвизгнув и попытавшись одной рукой прикрыть свою наготу, Кушина панически схватила первое, что попало под руку.

— Извращенец!!! — вместе с криком в мальчишку полетела массивная каменная статуя.

С грохотом каменный жабий истукан рухнул на землю, выбив комья грязи и куски дерна из земли. Кушина поспешно бросилась к своей одежде, стараясь быстро накинуть на себя хотя бы блузку и натянуть сарафан.

— Ты что творишь?! — возмущенно прикрикнула Шима, грозя Кушине посохом. — Это был великий шиноби и твой предшественник!

— Да какой великий шиноби?! Там малолетний извращенец! — возмутилась не меньше бабули Кушина, агрессивно застегнув молнию на своей блузке под самый подбородок.

— Простите, я не хотел подглядывать, — прозвучали слова из-за статуи. — Просто мимо проходил. Не думал, что здесь кто-то еще есть.

— А надо было! — пыхтя, от души посоветовала Кушина. — Не думать вообще плохо, знаешь ли!

— Сама виновата, — со смехом ответил мальчишка. — Кто гольшом купается в общественном месте-то?

— Что ты там вякнул?!

— Спокойнее, Кушина-чан, — тоже не скрывая смеха, посоветовала бабуля Шима. — Это же всего лишь ребенок.

— Какой еще ребенок?! Это извращенец!

— Это Юки Кёда, — все-таки не удержавшись и треснув посохом по спине Кушины, заставив ту обиженно вскрикнуть, сказала Шима. — И он тоже обучается сендзюцу. И куда усерднее тебя, кстати!

— Да? — подозрительно посмотрела на Шиму Кушина.

— Здравствуйте, — скромно поздоровался парнишка, выглянув из-за воткнувшейся в землю головы статуи.

— Тебе кто разрешал высовываться?!

— Да ладно, что я там не видел-то? — сверкнув улыбкой, нагло ответил Кёда. — И все равно ты уже оделась.

— Ну, ты сам напросился!

— А ну стоять! — ухватив готовую броситься вперед Кушину за начавшие тревожно трепетать алые волосы, остановила ее Шима. — Никаких драк! Давайте-ка лучше вместе перекусим.

После слов о перекусе Кушина неожиданно для себя резко почувствовала слабость в конечностях. Она непроизвольно прикрыла лицо, дав рвотные позывы. Нет, перекусывать она в Мьёбокузане точно не собиралась.

— Я лучше... пойду, — через силу все же смогла она сказать, прежде чем применила технику и вернулась в Коноху.

Оказавшись на одном из полигонов деревни, Кушина начала жадно хватать ртом свежий чистый весенний воздух, стремясь подавить неожиданно сильный приступ тошноты. Однажды она уже рискнула и осталась на обед бабули-сеннина. Домашние фаршированные личинки и маринованные черви снились ей еще несколько дней, а желудок тогда отказывался принимать какую-либо пищу и того дольше. И ладно бы они были как-то отварены до неузнаваемости или пожарены в масле. Нет! Бабуля Шима не терпела нездоровой еды и пичкала гостей наиболее свежими продуктами.

Стремительно испаряющееся жабье масло уносило с собой последние напоминания о Мьёбокузане, постепенно приводя девушку к более приемлемому настрою. Но вот же гадство! Страна жаб просто магнит для извращенцев! Джирайя там за своего, так еще и этот Кёда появился!

Еще раз сделав глубокий вдох и выдох, приводя свое состояние в норму, Кушина запрокинула голову вверх, стараясь отвлечься и успокоиться. Близилась весна, солнце ярко светило на небе, даря тепло. Белоснежные облака текли по небосводу, словно отголосок вчерашнего дождя. На улицах Конохи встречались лужи, на покрытых лишайником краях крыш висели капельки воды. Пахло влажной землей, распускающимися почками деревьев, первыми цветами. Пахло весной. В этом году зима выдалась мягкой и быстро отступала. Не тропический рай, как на горе Мьёбоку, но тоже ничего, если подумать.

— А поесть-то все-таки надо, — почувствовав требовательный зов желудка, решила Кушина.

Идти домой в такую замечательную погоду совсем не хотелось, да и стыло там сейчас, сыровато и атмосфера давит. Цунаде с Джирайей наверняка опять были заняты, одной завалиться в раменную слишком скучно. Поэтому ноги сами собой повели Узумаки в квартал Учиха, где все еще были слышны звуки стройки. С прошедшей осени минуло почти полгода, а в Конохе до сих пор были не везде восстановлены здания после скоротечных боев. Что и говорить, ведь чуть ли не половина деревни и вовсе опустела. Разрушения были не самой большой проблемой, да и не до всего доходили руки.

Также, как и у Орочимару не всегда доходили руки до Кушины.

Закусив губу от обиды, девушка неодобрительно покосилась на нависающую над Конохой скалу, на которой до сих пор были лица трех Хокаге, но на которой теперь вряд ли появится лицо Кушины.

Орочимару, будь он проклят! Хокаге ее делать, значит, не захотел, но это еще ерунда. Он ей почти времени не уделял! А ведь раньше был не меньше занят, но по Отогакуре они

гуляли? Гуляли. Он ее фуиндзюцу и джуиндзюцу обучал? Обучал. Руки распускал? Еще как распускал! А ведь тогда Кушина его об этом не просила, но по заднице ей прилетало регулярно! А сейчас, когда она уже и не против, он сдулся! И это тот самый Орочимару? Да ее уже какой-то проходимец своими сальными взглядами осквернить успел, пока один змей-тугодум ерундой страдает! Хакуджа Сеннин еще называется.

Ну уж нет, Кушина была уверена в себе и не терпела препятствий на своем пути. Теперь-то она понимала, о чем ей говорила Микото. Посмотреть на себя и на него со стороны, понять свои желания и заставить его понять ее!

— О, Кушина! Опять объедать Микото приперлась? — прозвучал из-за забора насмешливый голосок, отвлекая Узумаки от праведного гнева.

Чувствуя, как кровь приливает к голове, а волосы начинают шевелиться на затылке, Кушина, яростно фыркая, обернулась в сторону голоса.

— Опять ты, мелочь подзаборная?! — разглядев вынырнувшую из листвы кустарника любопытную фиолетововолосую макушку, недовольно воскликнула Кушина. — Чего приматываешься, Анко?

— Эй, я работаю! — обиделась девчонка, обиженно выпятив губу. — Я нянька сегодня, прикинь, да?

— Ага, да ты всю жизнь нянька. И чего? С кем ты там под забором нянчишься?

— Тс! Я не под забором! — заговорщицки прошептала Анко. — Я в прятки играю. Учю бестолочей уму-разуму.

— Ага? А где эти твои бестолочи?

— Да... — неуверенно сказала Анко, задумавшись. — Где-то там.

— Но ты же нянька.

— Ну, да.

— Анко... — с угрозой произнесла Кушина, уперев руки в бока.

— Ой, все, мне пора! — почуяв, что ее сейчас будут бить, девчонка поторопилась исчезнуть обратно в кусты.

Настроение гоняться за бессовестным генином, халатно выполняющим возложенную на него миссию, у Кушины сегодня не было, поэтому сбежать у Митараша получилось.

— Как будто это тебе поможет, — коварно усмехнувшись, пробормотала Кушина. — Все равно, тебя Микото наняла, так что ей и пожалуюсь, как ты за Итаци присматриваешь.

К счастью для Анко, ей попался выводок более-менее благоразумных детишек, который без присмотра не норовил первым делом отлупить друг друга палками или просто расквасить себе носы, свалившись с первого попавшегося дерева. Кушина увидела стайку детей, увлеченно гоняющуюся друг за другом на соседней улице. Среди детей Кушина заметила Итаци, Сайзо и еще нескольких Учиха, к которым присоединились Наваки и Казамацури Киноме. Еще там были Хината и Хибакари с Неджи, так что, похоже, к Микотс в гости пожаловала еще и Нами.

Это очень кстати. Больше народу — это всегда хорошо.

— Нами! — первым делом воскликнула Кушина, когда все же добралась до дома Микото. — На меня напал извращенец!

— Да ну? — не особо удивилась Хьюга, умиротворенно занимающаяся уборкой прудика во дворе дома после зимы.

— В Мьёбокузане!

— Даже так!

Кушина с удовольствием разразилась полной негодования отповедью Нами. Узумаки была безмерно рада, что несколько лет назад Учиха со своей подругой Хьюга решили позвать ее, чтобы совершить небольшое преступление — написать письмо нукенину Орочимару. С тех пор у Кушины появилось две подруги. Первые, после того как Сора, приемная дочь Орочимару, покинула Коноху. Те, с кем всегда можно было поделиться всеми своими переживаниями.

— Коноха так опустела, — уже налопавшись разных приготовленных с Микото вкусностей, поделилась Кушина пришедшей сегодня к ней мыслью. — Так странно.

— Да, многие кварталы так и стоят пустыми, словно кто-то ждет, что туда вернуться прежние жители, — согласилась Микото. — Или как будто деревня брошена.

— Абураме ушли, — недовольно поморщилась Нами, — мошка теперь с болот налетает на деревню.

— Ну, хоть Нара оленей увели своих, — заметила Микото, — а то за этим кланом лесов закреплено было больше, чем за всеми прочими. Может, теперь там получится выращивать сырье для лекарств своих, а не ждать милости от Нара.

— А все равно жаль, что они ушли, — вздохнула Кушина. — Я с немногими подружиться смогла, но в боях они все равно прикрывали мне спину. А сейчас они враги. И даже Бивако, которая ушла вместе с остальными Сарутоби.

— Ну, не совсем враги... Но да, печально это, — с горечью согласилась Микото.

— Ничего, жалеть о прошлом — занятие глупее не придумаешь, — решительно заявила Нами. — А деревню мы с вами заселим заново! Вот вы двое уже принялись за дело, теперь мне надо за вторым идти.

— Двумя тут уже не отделаешься, — пошутила Микото, погладив живот. — Половину деревни заселять замаешься.

— Ну, постараться-то можно, — рассмеялась Нами.

Кушина автоматически улыбнулась вместе с ней, хотя в этот момент силилась понять, что ее смутило в словах Нами. Она явно говорила про детей, но что-то в ее словах было странное. Что-то...

— Нами, — чувствуя, как теряются мысли, судорожно схватилась за руку подруги Кушина, — я что... Я принялась за дело — это я беременна, что ли?

— Ты не знала, да? — участливо спросила Нами. — Да, Кушина, ты беременна. Где-то месяц-полтора... Хотя нет. Не знаю. Слышала, у джинчурики беременность протекает дольше. Но выглядит так, будто уже месяца полтора у тебя срок.

— Два... — начала было говорить Кушина, но неожиданно для самой себя всхлипнула. — Два месяца у меня, Нами. Я же после этого ни с кем...

— Ну, ну. Трагедия какая. Чего сразу слезы распускать? Зная тебя, не верю, что все было не по согласию, — погладив Кушину по голове, заметила Микото. — А раз так — то получилось то, чего и добивались.

— Я не добивалась, знаете ли! — снова всхлипнула Кушина. — Это вообще случайно было! Я же вообще мимо проходила просто, а он... Не, я, конечно, не против, но просто... Так неожиданно. Нет, я даже за! Просто... А как мне это ему сказать?

— Так и скажи, — пожала плечами Микото.

— А кто это хоть? Кто у нас скоро станет папой? — живо поинтересовалась Нами. — Ты ж скрытная какая! Детей наделала, а мы не в курсе! Уж не с Минато ли тайно встречалась?

— Не, — шмыгнув носом, ответила Кушина.

— Так, стой-ка. Два месяца назад... — начала вспоминать Нами. — Ты же тогда в Отомуре бывала! Кто-то из Узумаки?

— Нет, — покачала головой Кушина.

— Тогда...

— Да брось ты, Нами. Пусть просто скажет уже, — не выдержала игру в угадайки от Хьюга Микото.

Кушина почувствовала неловкость под взорами двух подруг. Признаваться было почему-то сложно. Потому что... Ну это же Орочимару! А что они подумают? Он же старше. Он... Да и вообще. И еще Курама где-то на краю сознания хохочет!

— Это Орочимару, — тихо прошептала Кушина, уперев взгляд в стол.

В повисшей тишине негромко звякнула посуда от слабого удара по столу. Взволнованно подняв взгляд, Кушина посмотрела на Нами и Микото. На их лицах читались смешанные чувства. Хьюга испытывала граничащее с шоком удивление, и вместе с тем она словно ожидала чего-то, глядя в этот момент почему-то не на Кушину, а на Микото. Учиха же... Ее лицо окаменело, а руки, которые она уронила на стол, сжаты в кулаки.

— Прости, Микото, — слабо попыталась извиниться Кушина, — я знаю, что у вас с учителем были недопонимания. Я знаю, что он бывает до жути противным и вредным. Но он просто слишком крутой, понимаешь?

В этот момент Нами положила руку на плечо Кушине, привлекая к себе внимание. Хьюга настойчиво покачала головой, безмолвно прося Узумаки помолчать. После чего на миг задумалась, глядя то на Микото, то на Кушину. И, решительно, кивнув, наклонилась к Кушине, едва слышимо прошептав ей на ухо:

— Орочимару — отец Итаци и Саске.

Теперь настал черед Кушины впасть в ступор. Шокированная, она смотрела на Микото.

— Так... значит, ты... — нехарактерно для себя пролепетала Узумаки, но не смогла подобрать слов.

И все-таки Микото пришла в себя раньше. Ее руки медленно расслабились, а на застывшем лице заиграла слабая улыбка.

— Значит, еще одна, — укоризненно покачав головой, вымолвила наконец Учиха.

Кушина только собиралась спросить, что имеет в виду Микото, как внезапно с улицы раздался чудовищный резкий гром. По спине Кушины пробежал мерзкий холодок от пронзившей ее тело волны какой-то запредельно чудовищной чакры и нечеловеческой жажды убийства. Девушки рефлексивно дернулись, в руках Микото тут же оказались кунай и три зажатых меж пальцев сюрикена, Нами почти в одно мгновение оказалась возле покоящихся на подставке в доме Учиха сабель, вокруг ее глаз набухли линии вен, и Хьюга уже была готова кромсать заморскими клинками врага, Кушина просто подскочила, готовая встретить любую угрозу. Но ничего, кроме жалобно дребезжащих стекол, более не было. Все так же светило солнышко, на небе скользили одинокие тучи, только тишина наступила за окном.

— Что за черт?! — возбужденно воскликнула Нами, медленно озираясь по сторонам. — Вы почувствовали это?!

— Орочимару. Его сакки, — уверенно ответила Кушина, не раз уже испытывавшая духовное давление Рюсея на собственной шкуре.

— Но чakra явно не его, — сосредоточенно ответила Микото. — Что видно, Нами?

- Да ничего! Такую чакру я бы заметила! Но ничего необычного нет. Ничего!
- Орочимару? Охеми? Кого-нибудь видишь?
- Охеми же в Шиккоцурин! А Орочимару... Его нет.

Глава 63. Вторая встреча

14 февраля 50 года от начала Эпохи Какурезато

— Кушина такая Кушина, — с улыбкой произнес я, получив воспоминания от своего клона в Мьёбокузане.

Но, несмотря на несдержанный характер, стоит отдать моей Гурен должное — фигура у нее, что надо. Если занимающаяся борьбой лишь из интереса Сальма мягка и по-западному фигуриста, даже имеет небольшой животик после рождения Сары, а Микото подтянута и поджара и, уверен, останется такой даже после Саске, так как не дает себе расслабиться и не забрасывает тяжелые тренировки, то фигура Кушины будто бы посередине. Конституция такая у Узумаки, вызванная особенностями чакрофизиологии. Во-первых, такой уж у большинства из них тип телосложения. Во-вторых, так как Узумаки обладают очень большими запасами жизненной энергии, чтобы «высушить» их хотя бы до кондиций Микото, нужна жесткая диета в сочетании с крайне интенсивными физическими нагрузками.

— Ты за девками, что ль, подглядываешь, Орочи? — подозрительно покосился на меня Джирайя. — А, проклятье! Почему у меня нет Кецурыюгана?!

— Заткнись! — сердито пнула под колено мужа Цунаде. — И ты, Орочи, не отвлекайся.

— Не отвлекаюсь, а пытаюсь проверить информацию, — поправил я Цунаде, вновь наклоняясь над останками, лежащими на столе передо мной. — Джирайя, ты когда-нибудь разговаривал с Огама Сеннином про прошлое?

— Разговаривать с ним, знаешь ли, то еще приключение, Орочимару, — рассмеялся Джирайя. — Фукасаку говаривал, старик в себя приходит редко. Да я и сам это понял. Знаешь, позовет он тебя зачем-то, а потом сам забудет, кто ты вообще таков и зачем к нему пришел.

— Да уж, это точно, — согласился я, сам только что испытавший нечто подобное в Мьёбокузане в облике Кёды. — Жаль, конечно. Прошлое хранит много секретов, и имея живых им свидетелей, добиться ответов не получается. Хакуджа слишком неразговорчив, Огама выжил из ума, а Кацую ничего не может вспомнить.

— Орочимару, ты опять начинаешь? — скривилась Цунаде. — Давай ближе к теме, у нас и так много дел, нет времени тратить день на истории о прошлом.

— Кто не знает прошлого, у того нет будущего, Цунаде. А иногда прошлое возвращается и становится настоящим, — приподняв руками истлевшую руку трупа, я указал на едва видимые метки на начавшей отходить от тканей коже. — Глянь сюда. Ничего не напоминает?

— Ожог какой-то? — скептически уточнила Цунаде, подтаскивая светильник на треноге к прозекторскому столу и направляя свет на интересующую область.

Мы с моими старыми друзьями собрались в не самом приятном месте — в одном из оставшихся от Корня помещений, лаборатории, в которой получали как интересующие органы шиноби с кеккей генкай, так и изучали последствия различных травм. Фактически, прозекторская. Сейчас в Корне, как и в Анбу в целом, резко сократилась численность работников, часть помещений оказалась разрушена, но кое-что все еще было в рабочем состоянии. В частности, этот небольшой морг со всем необходимым оборудованием для изучения трупов.

В данный конкретный момент на прозекторском столе оказались останки Утатане Кохару. После обнаружения их везти далеко не стали, доставив сюда, изучив и запечатав для длительного хранения. И только недавно у меня дошли руки до того, чтобы более тщательно изучить отчеты иренинов и самому осмотреть останки.

— Печать, — более внимательно изучив метку, озвучила вердикт Цунаде. — В ней даже сохраняется чакра.

— И это при том, что Утатане убили, выкачав всю чакру, — напомнил я.

— Напоминает Бьякуго, если честно, — потеряв лоб в области своей печати, озадаченно заметила Цунаде. — Утатане имела такой контроль чакры, чтобы сформировать печать?

— Она, вообще, много чего имела, как выяснилось, — сложив руки на груди и прислонившись к стене, произнес Джирайя.

— Это не Бьякуго. Помните Хируко?

— М... Хируко. Помню. Славный был малый, пока вслед за тобой с Корнем не связался, — неодобрительно пробормотал Джирайя. — А он-то тут при чем?

— Он создал технику Химеры, — ответил я. — Ту самую, которую использовала Утатане, чтобы похищать геномы. Основа техники лежала в Стихии Тьмы, как это называл Хируко. И эту самую стихию Тьмы он использовал через печать на своей руке в виде сдвоенного ромба. Она принципиально была похожа на Бьякуго.

О роли Кохару в событиях недавнего прошлого я своим друзьям рассказать успел, так что удивления мои слова у них большого не вызвали.

— Значит, у Кохару она же? Та самая печать? — догадалась Цунаде. — И что в ней? Бьякуго — древняя техника, и эта, похоже, тоже, но к чему ты ведешь?

— С каких пор ты стала такой нетерпеливой, Цунаде? — раздосадованно спросил я.

— А с каких пор ты стал таким самовлюбленным, что начал долго хвалиться тем, как ты до чего-то дошел умишком своим? — фыркнув, ответила вопросом на вопрос Сенджу. — Давай, выкладывай уже, что там накопал.

Я снова неодобрительно покачал головой. В общем и целом, есть два типа людей, переживших войну. Те, кто закаливается в ней, сознание становится крепче под ударами стрессов, мысли холоднее. Как Джирайя, например. Он был тем еще лоботрясом в детстве, да и сейчас пытается таким казаться, но он научился держать эмоции в узде. Но есть и другие. Те, кого война, смерти соратников и врагов перемальвают. И чем дальше, тем становится только хуже. Они, сломленные внутри, могут проявлять нечеловеческую жестокость, в крайних случаях даже теряют дар речи и могут только орать, как шимпанзе какие-нибудь. А еще такие люди и склонны к депрессиям и самобичеванию. И Цунаде как раз из таких. Слишком эмоциональна. Джирайя это тоже понимает, поэтому старался держать ее подальше от войны. Но это же Цунаде, удержать ее сложно.

В общем, стоит Сенджу дать больше отдыха. Раздражительная слишком становится. Конечно, пока она держится, у нее нет гемофобии, игромании и склонности к алкоголизму, но доводить ее до этого тоже не стоит.

— Я хочу поделиться с вами своими догадками, чтобы вы поняли ход моих мыслей и помогли разобраться в вопросе до конца, — вздохнув, пояснил я. — Метка Стихии Тьмы — ее нельзя просто так создать. Хируко получил ее откуда-то. После чего ее отнял у него Данзо, а уже потом она попала в мои руки. И пока их не покинула.

— Значит, появилась новая, — пожал плечами Джирайя.

— Очевидно, это так. Но откуда? У меня было несколько лет, чтобы изучить метку

Стихии Тьмы. Это сложная и уникальная структура. Хируко искренне считал ее Улучшенным Геномом. Много ли ты слышал о кеккей генкай Стихии Тьмы, Джирайя?

— Я? — задумался Жабий отшельник. — Да ничего, кроме слухов.

— Ага, аналогично, — согласился я с ним. — А много ли ты знаешь об организации, называющейся Кара?

— Гм. Это та группа знати, что ль? Ну, слышал про нее, — этому я был не удивлен, Джирайя в своих путешествиях всегда совал свой нос везде и всюду. — Но при чем тут...

Жабий отшельник, видимо, хотел спросить: «При чем тут Кара?», но этот момент его взгляд уперся в лоб Цунаде, и Джирайя сам оборвал себя на полуслове.

— Да ну, Орочи. Это же бред какой-то, — удивленно произнес он.

— Может, совпадение, а, может, и нет.

— Так, стоп. О чем вы, демоны вас задеря?! — вспльчиво поинтересовалась ничего не понимающая Цунаде.

— Символ Кары — ромб, — коротко ответил Джирайя.

— Уходящая корнями в древнюю эпоху времен Рикудо Сеннина печать Бьякуго выглядит, как ромб. И метка Стихии Тьмы тоже в виде ромба, — дополнительно пояснил я. — У Кохару была эта метка. Она была связана с Карой. И Кара при общении друг с другом шифрует даты, используя древний, еще времен Рикудо Сеннина, календарь. Уже слишком много странных совпадений.

— Кара — это же знать самозваная всякая, — неопределенно покрутив в воздухе рукой, заявил Джирайя. — Откуда у них техники? У них там и потомков самураев-то нет почти, одни чиновники и торговцы.

— Недавно в Стране Песка я встретился с группой шиноби, которая получала контрабанду из Страны Луны. Что-то очень дорогое, какое-то оборудование, — поделился я еще частью информации. — Они были достаточно сильными, справиться с ними было непросто. И среди них был один монах с печатью, напоминающей Бьякуго, на подбородке. Он был чудовищно силен, не знаю, каков был бы результат нашей битвы с ним. К счастью, он предпочел забрать то, за чем явился, и уйти. Опасный тип. Я даже подозревал, что у него и в самом деле есть Бьякуго и он черпает из нее силы, как наша Цунаде, но, похоже, это не совсем так. Недавно от Кедоин я узнал, что Кара, по всей видимости, пыталась вести торговлю окольными путями со Страной Луны. И тот монах мог быть членом Кары с меткой организации. Еще одно совпадение.

— Ну, то, что Кара может работать с шиноби — это вообще-то не странно, — потер подбородок Джирайя. — Деньги у них есть, а наемников в мире всегда в достатке.

— Давай-ка спрошу тебя немного о другом, Орочи, — подняла руку в останавливающем жесте Цунаде. — Эти все совпадения и загадки интересны, но просто так ты бы про них не вспоминал. К чему ты ведешь, Орочимару? Не виляй уже!

— Я не зря спрашивал про прошлое, — отступив от прозекторского стола и начав неспешно расхаживать из стороны в сторону, ответил я. — Только вот... Гм.

Может, это и паранойя, но болтать лишнего об Ооцуцуки Кагуе и всем, что с ней может быть связано, я никогда не решался. Нужно как-то аккуратнее подбирать слова сейчас.

— Я знаю, что в прошлом Рикудо Сеннин вел борьбу с неким могущественным существом. Темное прошлое этого мира полно страшных загадок, и я считаю, что не все они канули в Лету, — осторожно поведал я друзьям. — Может оказаться так, что чудовища прошлого вернуться к нам в настоящем. Эта Кара — слишком подозрительная организация. В

ней есть люди, знающие о старом летосчислении. И она пронизывает все страны на материке. От Фуен, это дочь из самурайского рода в Стране Земли, которая выбрала служение мне, я знаю, что есть члены Кары и на севере. Так же удалось узнать о таковых в других странах.

— Я не занимался целенаправленно добычей информацией о них, но это ведь что-то вроде тайного религиозного общества? — задумчиво озвучил свои мысли Джирайя. — То, что они так расползлись широко, тогда не удивительно. Тебе ль об этом не знать? Да и про календарь можно найти объяснения.

— Возможно, ты прав, — помассировав едва видимую вертикальную морщинку в середине лба, с сомнением сказал я. — Я вам все рассказал как раз затем, чтобы понять, оправданы ли мои опасения.

— Не, раз у тебя есть подозрения, то проверить их все же стоит. Предлагаешь разузнать про Кару больше?

Я не спешил с ответом, озадаченно смахнув упавшую на лоб прядь. Если честно, сам не до конца понимаю, что меня толкает углубляться в эту тему. Да, Кара подозрительна, и тот монах еще более подозрителен. Но в будущем они себя не проявляли. Никак. Абсолютно. Нужно ли выделять на них ресурсы, вообще? Но что, если эта Кара связана как-то с Ооцуцуки? Кагуя — она же наверняка не одна такая инопланетянка красивая. Она же, кажется, кого-то опасалась и ждала нападения, не так ли?

Судя по легендам Узумаки, печать Бьякуго могла быть создана Рикудо Сеннином. В целом, в это можно поверить. Его метки Солнца и Луны, которые он оставил на руках реинкарнаций Индры и Асуры, в чем-то напоминают Бьякуго. И даже если Рикудо и в самом деле создатель Бьякуго, то он мог черпать знания о том, как составлять печать, из двух источников. У него было два учителя: Огама Сеннин и Кагуя Ооцуцуки. То есть эта печать могла прийти в этот мир вместе с Ооцуцуки. Тогда те, кто создает похожие на Бьякуго метки Стихии Тьмы и организация, использующая своим символом схожую фигуру, тоже могут быть связаны с Ооцуцуки.

Зыбкая теория. Если Кара связана с Ооцуцуки, но никак не фигурирует в известной мне истории и не используется Черным Зецу, то это расстраивает. Потому что не с другим ли Ооцуцуки она связана? И тот монах. Его аномальная сила и те черные стержни. Мне это совсем не нравится.

— Ну, что скажешь-то, Орочимару? — напомнила, что я тут не один, Цунаде, подойдя ближе к останкам Кохару и вновь проявив интерес к печати на ее руке.

— Я... — начал было говорить, но в этот момент получил большую волну информации, захлестнувшую меня с головой. — Подожди немного.

Один из клонов произвел синхронизацию. То есть просто уснул, но сделал он это как-то не вовремя. Чода. Что там у него произошло на соседнем континенте-то?..

Ого! Предсказание от Мироку про меня? Любопытно. Ее предсказания — это всегда пророчества о смерти, а я пока умирать не планировал. Нужно узнать подробнее, что там видела жрица, потому что Чода слишком поторопился с предупреждением и не успел выяснить всех подробностей.

— Похоже, мне пора покинуть Коноху на всякий случай, — нахмурившись, сообщил я, вновь поднимая взгляд на друзей. — Джирайя, Цунаде... Цунаде!

— А? — успела только недоуменно откликнуться Сендзю, когда позади нее над телом Утатане сформировалась черная, парящая в воздухе аномалия.

Через миг волна белых волос подхватила Цунаде, унося от непонятной субстанции. Девушка только и успела возмущенно ойкнуть. Но на том месте, где она только что находилась, из пола лаборатории торчал черный штырь. Мгновением позже — и Сенджу было бы больно.

— Цела? — коротко спросил Джирайя, когда Цунаде оказалась возле него.

— Да, — так же коротко ответила Сенджу. — Но какого...

— Осторожно! — выступив вперед и заслонив напарников, предупредил я их. — Он опасен.

Из черной аномалии, оказавшейся какой-то пространственно-временной техникой, появилась человеческая фигура. Свободное белое кимоно, несколько колец в ушах, голова выбрита, кроме полосы длинных волос от лба к затылку, где собраны в хвост, холодно-надменное выражение лица и метка в виде ромба на подбородке. Тот самый монах. Неожиданно.

— Кто это, Орочимару?

— Вот бы знать...

А еще лучше знать, чего ему здесь понадобилось. Похоже, монах появился из той самой печати. Цунаде как-то повлияла на структуру фуина, заставив того появиться? Черт! Ничего не понимаю! Какого ляда он здесь появился?! Печать была связана с ним? Мои догадки были верны? Но почему он появился? Не было же никаких предпосылок. Мне это совсем не нравится.

— Орочимару, — тем временем произнес пришелец, неспешно оглянувшись по сторонам. — Значит, так тебя зовут теперь. Я догадывался.

Интонации голоса были под стать внешнему виду: холодные, надменные, брезгливые даже. Неприятный такой тон. Но куда неприятнее сами слова. Что значит: «так теперь меня зовут»?

— Мы знакомы? — окинув монаха оценивающим взглядом, поинтересовался я.

— Ты не узнаёшь меня в этом ничтожном теле, — понятиливо произнес незнакомец. — Хорошо. Значит, после перерождения ты еще не вернул себе все способности.

— Это не прямой ответ на мой вопрос, но да ладно, — испытывая смесь разочарования и облегчения, сказал я.

Если этот странный монах упомянул о каких-то способностях, значит, он не имел в виду мою прошлую жизнь. А я уж удивился, когда он заговорил про новое имя и, тем более, про перерождение. Если бы это был кто-то из знающих меня по прошлой жизни, то это... было бы немного стыдно. После того, что я натворил в этом мире, что бы подумали обо мне те, кто знал меня прежнего?

Да уж, лучше об этом не думать. Тем более это далеко не самый главный вопрос в текущей ситуации.

— Эй, Орочимару, мне почему-то совсем не нравится этот тип, — разминая пальцы, недовольно сообщила Цунаде.

— Ха... — шумно выдохнув, словно устав от вселенской глупости, незнакомец вновь окинул нас всех холодным взглядом. — Легендарная тройца. Шиноби сами по себе досадливы, как насекомые, но вы трое будете проблемнее прочих, не так ли?

— Как знать. Может, и нет. Смотря ведь, зачем ты явился, — хмыкнув, ответил я.

Этот тип был странным. Его эмоции ощущались как-то размыто, двояко. Течение мыслей тоже было необычным, прочесть их не удавалось. Чакра пока была скрыта, так что и

по ней немногое можно было понять. Непонятный, и тем опасный. Отвыкя иметь дело с такими людьми. Что от него ждать? Кто он? Какие цели? Слишком неожиданно появился. Слишком мало я успел о нем узнать. Да ничего фактически! Ох, проклятье, как-то все идет совсем не так, как я планировал. Но предсказание Мируку... Кажется, я знаю, к чему все придет.

— Зачем я явился? — переспросил незнакомец. — Мог бы и догадаться, Орочимару. Но с перерождением ты утратил свой ум, видимо. Это тоже неплохо. Плохо то, что ты заинтересовался Карой. Ты сделал это не вовремя, Орочимару.

— Не вовремя, говоришь? — вскинув бровь, уточнил я. — А вовремя — это когда Кагуя вновь будет запечатана, а Хагоромо лишится сил?

— Тебе лучше знать, Орочимару, — мрачно ответил монах.

— Кстати, — ударив кулаком по ладони, вспомнил я, — а тебя как звать-то?

— Представляться перед мертвецом бессмысленно, но из уважения к прошлому тебе я это сделаю, — сложив руки на груди, ответил монах. — Если ты зовешься Орочимару, тогда я Джиген.

— Не рановато ли ты меня хоронишь, Джиген? — недобро усмехнулся я в ответ. — Мы же так хорошо общаемся, к чему эти бессмысленные угрозы?

— Вспомни ты о себе, нам было бы о чем поговорить. Но ждать этого момента — значит, распрощаться с моими шансами вернуться. А мне слишком надоело торчать в этом мире среди ничтожеств, — брезгливо ответил Джиген. — За тысячу лет ни одного подходящего сосуда. И, наконец, подходящее тело. Твое подойдет для моего возрождения. Ты появился очень вовремя, Орочимару. Одолев тебя сейчас, может, я стану ближе к великой цели. Поэтому...

Почувствовав движение чакры в теле человека напротив меня, я не стал дожидаться окончания его речи. Волна чудовищной чакры ударила в стороны, формируясь в незнакомое ниндзюцу. Сощурился глаза, в которых мгновенно зажегся огонь Кецуриягана, я испустил холодную жажу убийства, стремясь сбить противника с толка и успел создать защитный барьер, а через миг стены лаборатории пропали, сменившись бесконечной каменистой пустошью.

Снова пространственно-временная техника? Слишком быстро! Эдак можно и в жерле вулкана ненароком оказаться. Лучше бы такие пляски пресечь на корню. Природная энергия рванула сквозь меридианы, смешиваясь с чакрой. В месте, в которое меня перетащил вслед за собой Джиген, было мало природной энергии, но для Хакуджа Сеннина это не было помехой. Природа везде, даже если она мертва.

По моей воле чакра взметнулась в моем теле, татуировка в виде белого змея на моей руке словно ожила, зазмеившись по быстро обрастающей белой чешуей коже, которую тут же начали обволакивать призрачные языки белого пламени. С хлопком мои руки сложили нужную печать, сендзюцу-чакра вырвалась на волю из стремительно изменяющегося тела, впитываясь в воздушное пространство и земную иссохшую твердь. По каменистому грунту прошла мелкая рябь, зыбкие линии печати распростерлись тонкой паутиной во все стороны, закрывая пространство от перемещений техникой Хакуджа Сеннина.

— Где это мы? — к своему удивлению, услышал я позади голос Жабьего отшельника.

— Джирайя? — удивленно окликнул я друга, не оборачиваясь и не сводя взгляда с маячившего впереди Джигена.

— Он самый, куда ж я денусь? И Цунаде здесь же.

Скосив взгляд назад, я убедился в правдивости слов Джирайи. Интересно, сам Джиген рассчитывал на то, что мы здесь окажемся не одни? По его лицу прочесть что-то сложно. Но судя по ровному кругу каменной крошки, бывшей когда-то полом в лаборатории, который ровно совпадал по диаметру с созданным мною барьерным дзюцу, все-таки перенос Джирайи и Цунаде был незапланированным. Техника Джигена перенесла все, что оказалось в границах барьера.

— Пришла пора надрать кое-кому зад, — мрачно высказалась Цунаде, выступив вперед.

— Рекомендую не сдерживаться, — посоветовал я друзьям, хлопнув их по плечам и поставив метки, которые позволили бы им пользоваться техниками призыва в созданной мною области, блокирующей пространственно-временные перемещения, и попутно поделился природной энергией с Джирайей. — Этот тип опасен.

Сказав это, я тут же сам последовал своему совету.

Шичи Тенкохо: третья активация!

Гулко застучал пульс в ушах, от прилившей к лицу крови начало гореть лицо. В дополнение к белой ауре Трансформации Мудреца мое тело охватило золотистое пламя, вызванное резко ускорившимся током энергии в меридианах.

— Да поняли мы уже, — раздраженно бросила мне Цунаде, сложив руки в печать.

В следующее мгновение от нее ударила волна еле сдерживаемой мощи. Печать Бьякуго на лбу засияла пурпуром и начала расти, оплетая тело Сенджу черными линиями. И вместе с этим над покрасневшей кожей девушки начал плавиться воздух, приобретая вид янтарного пламени. Раскрытие печати Бьякуго и третья активация *Шичи Тенкохо*. Цунаде настроена серьезно.

— Эй, куда это ты нас призвал, пацан?! — услышал я позади знакомый писклявый и раздраженный голос старушки Шими, жабы с горы Мьёбоку. — Я же готовила обед гостю, бедный мальчишка так и останется голодным!

— Да ладно тебе, бабуль, — звучал ей в ответ более доброжелательный голос Фукасаку. — Мы оказались не в самом пекле боя, и это уже хорошо. Но тут странная природная энергия...

— А ты глянь-ка, это ж никак сам Хакуджа Сеннин у нас тут! — наконец заметила меня Шима. — Может ли она быть нормальной рядом с ним?

— Так мы что же, как мертвяки под *Эдо Тенсей*, бабуль? Как же неловко.

— Фукасаку-сан, Шима-сан, — это уже говорил Джирайя, — мы и рады бы поболтать, но сейчас нет времени.

— А это всегда оно так у молодежи, — наставительно ответила Шима. — Но я согласна. Вы нашли кого-то опасного, детишки.

А Джирайя-то растет. Раньше ему требовалось гораздо больше времени, чтобы призвать двух сеннинов с горы Мьёбоку, хотя я поделился с ним природной энергией, может, дело в этом. Но все равно порадовался бы я за него, не окажись мы в такой неудобной ситуации.

— Шиноби, — до сих пор после переноса нас в это пространство не предпринимавший никаких действий, презрительно произнес Джиген, — вот ваше истинное обличье. Вы зверье, получившее по недоразумению силу. Но ты удивил меня Орочимару. Этот мир мертв, но ты черпаешь природную энергию из-за грани. Похоже, зря я ждал так долго. Раньше раздавить тебя было бы проще.

Должно быть, мы сейчас и в самом деле были подобны зверям. Я и Джирайя в Режиме Отшельника, Цунаде красная и с вздыбленными волосами из-за действия техники. Впрочем,

внешний вид — это не самое главное в техниках. Главное в них эффективность. И именно это вызывает у меня сомнения. Джиген слишком спокоен, он мог готовить нападение давно, а я даже не ожидал его. Я вообще не в курсе его способностей. Это не Третий Эй, не Когенрю и даже не Хакуджа Сеннин, к бою с которыми я в большей или меньшей степени был готов.

Мы на его территории, здесь нет природной энергии в привычном ее понимании, но здесь может быть что-нибудь иное неприятное. И мне неизвестны способности противника, кроме тех, которые он соблаговолит показать в прошлый раз. А тогда он практически не показал ничего.

— Берегитесь «Стихии Тьмы», она может поглотить и сендзюцу-чакру, — успел я предупредить друзей прежде, чем Кецурьюган уловил стремительно проступившие по телу противника черные линии и вспышку чакры в его кейракукей.

Странное затишье перед битвой подошло к концу.

Ноги бросили мое тело вперед, покров Стихии Ветра позволил промчаться сквозь атмосферу иного мира, не встречая сопротивления. И, несмотря на большую скорость, мой удар угодил в блок, а ответная атака едва не была мной пропущена. Выскользнувший из рукава кимоно Кусанаги, брызнув лазурным светом, отбил в сторону мельчайший предмет, едва замеченный моим додзюцу. И еще несколько таких же завязли в Футон но Йорой.

Удар налетевшей с другой стороны на Джигена Цунаде также был принят на блок, но наша Сенджу и в обычном состоянии поражала силой, а, высвободив чакру из Бьякуго и активировав *Шичи Тенкохо*, прибавляла в силе многократно. Однако противник подозревал об этом. Атака Цунаде была парирована ударом черного жезла, появившегося в руке монаха. Смазанный выпад кулаком угодил не в корпус Джигена, а лишь по касательной прошел по обросшему черными шипами боку противника, кроша их в пыль.

Джиген не упустил шанса. Невольно провалившаяся вперед Цунаде не успела прикрыть фланг. В ее боку тут же выросли несколько черных штырей, которые она, отпрыгнув в сторону, с шипением вырвала из мгновенно затянувшихся ран и метнула в самого монаха, пытающегося в этот момент одновременно отразить выпад Кусанаги и отмахнуться от роя созданных из волос игл Джирайи.

И вместо того, чтобы быть наштигованным иглами, Джиген просто пропал. Не техника перемещения, не аналог *Хирайшина* — что-то иное. Ощущение его чакры не пропало, она переместилась в сторону!

Джирайя, успевший создать сенсорный барьер, тоже не упустил вражескую чакру. Над нашими с Цунаде головами широким фронтом пронесся обжигающий вал огня. Волна пламени, перевалив через нас, тяжело рухнула на землю. Она липла к камням, а потоки воздуха раздували огонь. От жара *Сенпо: Гоемон* трескалась высушенная твердь и плавился воздух. Не будь у меня покрова Стихии Ветра, а у Цунаде в режиме Силы Сотни не регенерировал бы кислород в крови, то нам бы здесь пришлось тяжело хотя бы потому, что последние остатки кислорода выжигались из атмосферы буйством пламени.

Море огня захлестнуло и Джигена, но не причинило вреда. Пламя вихрилось вокруг него и словно всасывалось в тело. Стихия Тьмы, да? Что бы это ни было, но поглощение занимает время.

Вспыхнувший лазурью клинок Кусанаги умчался вперед, вслед за ним сразу же умчалась волна пламени *Сузаку*. Цунаде не стала церемониться и, просто вырвав из земли валун, метнула его в Джигена.

— Сверху!

И снова ушел? Хлопок ладоней отдался громом в пустом черном небе. *Бьякко!*

Гигантская фигура тигра умчалась вверх, сбив языки пламени с земли. И встретилась с рухнувшими с небес каменными столпами и кубами, разбивая их в пыль, но теряя энергию.

— Справа! — снова предупредил Джирайя, тут же выплевывая в цель очередь мелких огненных снарядов.

— Береги чакру! — крикнула Цунаде мужу, складывая печати и готовясь к созданию техники.

— Эй, я помечаю вам цель, вообще-то! — ответил отшельник, пока в воздухе изо рта Сенджу уносилось вперед влекомое остаточными порывами Бьякко ядовитое облако.

— Помечай волосами-сенбонами, — посоветовал я, внимательно наблюдая за действиями Джигена.

— Ушел! На пять часов! — предупредил Джирайя.

Он последовал моему совету, его седая шевелюра разрослась и вздыбилась, осыпая пространство шлейфами созданных из волос сенбонов. *Сенно: Кебари Сенбон.*

— Нацелился на тебя, Джи! — заметив порыв чакры в противнике, предупредил я Джирайю.

— Легкой целью нас возомнил?! — сердито воскликнул Фукасаки.

В этот же миг под ногами все еще не двигающегося с места Джирайи вырос частокол из черных штырей.

— Хо-о! — с надрывом завопил отшельник, успев сложить особую ручную печать.

Вспыхнувшая вокруг Джирайи золотистая чакра стремительно оформилась, обретая очертания многорукой богини. Сошествие: Тысячерукое убийство. Техника монахов Храма Огня, основанная на их особой чакре, которую они культивируют длительными тренировками. Когда это Джирайя успел ей обучиться?

Так или иначе, но сейчас техника *Райго: Сенджусацу* пришлась как нельзя кстати. Невидимые удары тысячи рук вихрем пронеслись вокруг Джирайи, отбивая в стороны вырывающиеся из иссушенной почвы черные кольца, вырывая их из каменистой земли и выворачивая камни. Правда, не все удавалось Джирайе отразить. Подпрыгнув пару раз, отшельник ловко опустился на одно из оставшихся на месте копий, замерев на нем. Балансируя на одной обутой в деревянные гета ноге на кончике копья, Джирайя не разрывал печати и был все еще окружен многорукой фигурой. Мелькающие в воздухе ладони продолжали отражать летящие уже с небес невидимые взгляду атаки. Но остановить свалившийся с небес исполинский каменный столп отшельнику было уже сложнее.

— Джирайя! — взволнованно воскликнула Цунаде, менее чем за секунду оказавшись возле мужа и решительно вырывая из него все-таки один пропущенный им кол.

— Ох, спасибо, — сплюнув кровавую слюну, поблагодарил Джирайя, разбрасывая в стороны тысячерукой техникой остатки камней, свалившихся на него, пока жена поливала его целительной чакрой. — Как вы, Фукасаку-сан, Шима-сан?

— Бывало и лучше, парниш, — сварливо ответила Шима.

— Мир неприветлив сей, — кряхтя, отозвался Фукасаку. — Тяжко, но терпимо.

— Для ниндзюцу он неуязвим. Но при поглощении чакры он не такой прыткий, — крикнул я друзьям, ловя Кусанаги, на сияющем лезвии которой остались крохотные алые дорожки от крови.

— Ценное наблюдение, — раздался в сотне метров от нас голос Джигена за пеленой

поднятой пыли, — но больше вы им воспользоваться не успеете.

Пыль для Кецурюгана преградой не являлась, поэтому я мог увидеть, что противник не рад ходу боя. В его каналах словно наводнение началось от притока энергии. И несмотря на то, что тело трансформировалось и пыталось подстроиться под ток чакры, но видно было, что оно на пределе.

— Его чакра возросла, — напряженно прокомментировал ощущаемые им изменения в Джигене Джирайя.

Возросла, причем значительно. Подобные скачки я ощущал еще при первой встрече. И окраска этой чакры, ощущения от нее, вызывали невольную дрожь. Она была слишком нетипичной, мощной. Именно это настораживало изначально. Но из прошлой битвы мне еще кое-что запало в память. Тогда пропадали не только ниндзюцу, которые можно поглотить вместе с вложенной в них чакрой, но и техники тайдзюцу. И моя шестирукая марионетка тоже пропадала, хотя я продолжал ощущать ее по Нити Чакры, после чего я вновь нашел ее в полной сохранности.

Похоже, это какое-то додзюцу, потому что я вижу, как чакра циркулирует в глазах Джигена. И в них появился странный рисунок, напоминающий колесо со спицами.

— Он поглощает не только чакру. Брошенные Цунаде камни тоже пропали, — предупредил я. — Он уменьшает их, что ли? И себя тоже.

— Будем бить по площадям, — мрачно предложила Цунаде. — Пусть сжимается хоть до размера амебы! Джирайя, вместе!

Сенджу прекратила вкачивать в мужа медицинскую чакру и опустила руки ему на спину. Линии печати Бьякуго вновь ожили, начав оплетать тело Джирайи. К отшельнику начала течь не только природная энергия от двух жаб-старейшин, но и потоки чакры от Цунаде.

— Может, вы вообще слипнетесь уже в одно целое? — насмешливо предложил Джиген, медленно наступая. — Что за животные...

— На себя глянь, — рассмеялся Джирайя, вновь складывая печать. — Зверьем обзываешь, а у самого рога баранам на зависть отросли! Поглоти-ка это!

Настоящее цунами жабьего масла рвануло вперед, заливая камни толстым слоем. Готовый к этому, я взмыл в воздух с помощью Футон но Йорой. К жабьему маслу тут же добавилась волна раздуваемого воздухом огня. Усиленная версия *Сенно: Гоемон* превратила все вокруг в пылающий ад.

Спрятаться от бесконечного потока огня Джигену было сложно, что заставило его попытаться поглотить чакру. Этим я и воспользовался. Вновь сверкнул клинок Кусанаги, лучом лазурного света устремившись к цели. От выросшего лезвия меча противник предпочел улизнуть, невзирая на ожоги рванув прямо сквозь стену огня к тому месту, где пламени не было — к Джирайе и Цунаде.

Отшельник успел закрыть себя и жену с учителями в плотном коконе *Хари Джизо*. В ощерившийся волосяными иглами белый комок Джиген влетел едва ли не с двух ног. Волосы Джирайи под воздействием техник становились прочнее стали, если бы не выросшие из тела монаха осточертевшие черные штыри, то быть бы ему насаженным на шипы. Но так от удара Джирайя и все остальные вместе с ним улетели прямо в огонь.

Пока пропитанный влагой Суйтона волосяной комок, источая белые клубы пара, катился сквозь огонь, налетел на Джигена, который, прячась от огня и пытаясь раздавить скрытых в *Хари Джизо* людей и жаб, разбрасывал по округе каменные кубы. Клинок

Кусанаги со звоном встретился с черным посохом в руке Джигена и с крайней неохотой резал неизвестный черный материал, высекая из него стружку.

Звон оружия тонул в треске пламени и грохоте катящихся по опаленной земле каменных кубов. Брызги пылающего жабьего масла летели в стороны из-под огромных блоков и липли к ним, словно напалм. Я с Джигеном сражался, буквально танцуя в пламени.

Без Бьякугана было сложно использовать эту технику, но все же мне удалось захватить монаха в свою зону контроля.

Экикё: Джусёку!

Выпады пылающим лазурью клинком Кусанаги посыпались на Джигена подобно проливному дождю. Я бросил защищаться от черных штырей, пытаюсь загнать противника в глухую оборону. Его кровь вновь обагрила лазурный клинок, но и пара кольев пронзила мое тело, сковывая движения холодящей болью, разливающейся по кейракукей. Долго так я не продержусь.

В какой-то миг рядом оказался Джирайя. Мое додзюцу успело выхватить его фигуру в опаленном красном хаори на фоне все еще горящего пламени. Две жабы на его плечах раскрыли пасти, и из них вырвалась ударившая по моим ушам жуткая скрипучая песня, от которой даже у меня задрожали руки, хотя я не был целью техники *Маген: Гамариншо*. Сильнейшее гендзюцу Мьёбокузана ударило по Джигену, заставив того оступиться.

Естественно, гендзюцу, подобно ниндзюцу, было бы скоро поглощено странной техникой Джигена, но никто не собирался давать ему на это время. Кусанаги, встретившись с черным посохом в дрогнувшей руке, разрубил вражеское оружие и несколько выросших на теле противника штырей, не сумев отсечь голову, но разрубив плечо, ключицу и несколько ребер. В правой руке Джирайи в это время закружился бешено крутящийся и источающий нестерпимый жар, подобный черной дыре, темный вихрь с белой каймой пламени — *Катон: Гоен Расенган*. Встретившись взглядом с Джирайей, я понял его задумку.

Как показывал учитель, баланс стихийных преобразований, способный усиливать техники или нейтрализовать их.

С раскатом грома в моей левой руке родился неистовый вихрь чакры Футона — *Хекиреки*. Наши с Джирайей ладони сблизились, две техники врезались друг в друга, утрачивая зыбкую стабильность и сливаясь, образуя нечто новое. С оглушающим грохотом грома, пылая белым пламенем, комбинированная техника врезалась в поднятую в защитном жесте руку Джигена. Удар Джирайи в локоть сбил руку монаха в сторону, движение Кусанаги в ране заставило его напороться на слитую технику.

Тело Джигена унесло в сторону, разрывая плоть раскатами грома и сжигая кровь в жилах. Оно рухнуло на все еще пылающие, покрытые жабым маслом камни. И сверху в него же рухнул каменный, обвитый венами меч. И еще один. И еще. Подпрыгнувшая в черные небеса Цунаде успела метнуть пять призванных с горы Мьёбоку мечей, прежде чем приземлилась возле нас.

— Ну, это-то должно было его успокоить! — жадно хватая ртом горячий воздух, воскликнула Сенджу.

— Не уверен, — мрачно ответил я, не сводя взгляда с истерзанного тела внизу.

— К-ха, к-ха, к-ха! — надсадно раскашлялись обе жабы.

— Я чувствую... к-ха!.. приближение чего-то недоброго, — хрипло предупредил Фукасаку.

— Да вы шутите! — сердито воскликнула Цунаде. — Он что, живучей меня?!

— Может, даже хуже, — не веря своим собственным словам, пробормотал Джирайя, уже чувствуя, как впереди рождается нечто ужасающее.

— Кагуя... Ее потомки... — раздалось из пламени грохочущие и полные холодной ненависти слова. — И, конечно же, ты! Орочимару! Будьте вы все прокляты в веках!

Под давлением одной только чужой чакры пламя затрепетало и начало гаснуть. На истерзанную землю, небрежно отбросив в сторону каменный меч, встало существо, которое только что было Джигеном. Но теперь оно им не было. Иное лицо, иное тело. Изменились глаза. Бьякуган в левой глазнице, все то же незнакомое додзюцу в правой. И без того чудовищно могущественная чакра увеличилась в разы. Чужая мощь невольно заставляла трепетать.

Ооцуцуки. Это совершенно точно Ооцуцуки! Только откуда, мать его, он взялся?!

Глава 64. За гранью

14 февраля 50 года от начала Эпохи Какурезато

— Есть что сказать, Орочимару? — холодно разглядывая медленно взмывающую в воздух фигуру, спросила Цунаде.

Да, мне есть что сказать. Но большая часть тех слов, которые рвутся наружу, не являются цензурными и ничего дельного в себе не несут. Ооцуцуки. Что с ним можно сделать? У меня есть несколько идей, я же готовился к появлению Кагуи. Но знать об Ооцуцуки и увидеть одного из них в живую — разные вещи. Эта чакра, эта мощь — ее сложно передать словами. Джиген полностью преобразился. Джиген ли это теперь вообще? Даже одежда появилась новая — белый украшенный черными изображениями томое плащ. С Джигеном стало примерно то же, что и с Мадарой, когда из него проросла Кагуя? Или нечто похожее, но другое?

— У меня есть идеи, как с ним справиться, — напряжено прикидывая варианты действий, ответил я, — но пока нам бы не мешало отступить.

— Куда? — уточнил Джирайя. — Мне б вообще знать, где мы находимся-то?

— В Мьёбокузан отступить, парниша, — все еще хриплым голосом после использования техники сказал Фукасаку. — В Шикоцурин и Рьючидо. Призови Гамабунту и уходи с ним, Джирайя.

— Хорошая идея, Фукасаку-сан, — согласился я.

— Идея глупая. Вы думаете, что сейчас я позволю вам это сделать? — вмешался в разговор Джиген.

— А почему бы нет? — спросил я. — Слушай, ты мне даже нравишься. Знаешь, после стольких лет в обществе шиноби встретить кого-то вроде тебя даже приятно. Может, договоримся? Говоришь, тебе нужно мое тело в качестве сосуда? Я готов сделать тебе такое же.

— Как и прежде, ты умеешь удивлять, — рассмеялся Ооцуцуки, — но даже тебе не повторить себя самого. Тело — лишь сосуд, который примет форму. Куда важнее ты. Ты — спелый плод, который должен быть собран для совершенствования формы.

— О чем он, черт бы его побрал? — непонимающе пробормотал Джирайя.

— Вы всенепременно это узнаете, — снисходительно глядя на нас, произнес Ооцуцуки. — Позвольте показать, что я имею в виду.

Корью! Гэмбу!

Кецурюган только уловил первые движения в теле противника, как тело уже рефлекторно среагировало, блокируя атаку. Тайдзюцу Желтого Дракона увеличило вес моего тела настолько, что ноги провалились в растрескавшийся камень. Стена тайдзюцу Черной Черепахи выросла перед нами и почти сразу пошла волной, принимая удар. Эта волна словно схлопнулась в центре вражеского удара, и техника Гэмбу лопнула, подобно мыльному пузырю. Черная стена разрушилась за доли секунды в неестественной тишине, чтобы в следующий миг обрушиться на нас оглушающий грохот рушащихся скал.

Джирайю и Цунаде смело ударной волной. Алые языки все еще пылающего пламени техники Жабьего отшельника сдуло и разметало по ветру, словно огонек спички. На мне жалобно затрещала разрываемая одежда, кожу обожгло резким ударом. В ушах зазвенело от грохота, камни под ногами заходили ходуном, осыпаясь вниз.

Наверное, что-то похожее испытают несчастные, попавшие под удар *Бьякко*.

Прийти в себя мне противник времени не дал, сразу же атаковав вновь. Хлопок воздуха от движения *Ооцуцуки* долетел позже, чем мне пришлось блокировать очередной удар. Покров чакры Стихии Ветра позволял не обращать внимания на сопротивление воздуха. Из-за действия техники *Корью* вес и инерция моих движений подчинялись лишь движению мыслей. Уйти с линии атаки, босая нога *Ооцуцуки* пронеслась в стороне. Моя потяжелевшая в несколько десятков раз ладонь угодила в бедро врага, сметая его в сторону.

— Джи, Цуна. Уходите! — приказал я, чувствуя зуд в регенерирующей руке.

Корью — техника хорошая, с ней можно двигаться совершенно не по-человечески, словно игнорируя законы физики. Увеличив вес и инерцию руки, я увеличиваю энергию удара при сохранении его скорости. Однако даже моя плоть такие нагрузки выдерживает с трудом.

— Эй, *Орочимару*, не забывай, кто ты! — крикнул в ответ *Джирайя*, отплеываясь от пыли после того, как проехался на спине по земле, влекомый ударной волной. — Если кому и пора уходить, то это тебе.

— Вот черт! Только сейчас не начинайте!

Да уж, сейчас самое время поразбираться, кому первым сматываться!

— Как любопытно, — тем временем прозвучали звуки надменного голоса *Ооцуцуки*. — Тебя так волнует жизнь этих людей, *Орочимару*. А их — твоя. Непостижимость семейных уз. И как вы поступите в такой ситуации?

— Цунаде, — тихо, почти прошептал, сказал *Джирайя*, увидев, о какой ситуации говорит наш враг.

Он быстро пришел в себя после моей оплеухи и незаметно успел переместиться к *Сенджу*. И сейчас ее шея была зажата в руках *Ооцуцуки*, а тело пронзено десятком черных копий. Едва слышный хруст, и шея Цунаде поворачивается под естественным углом. Ее тело, словно сломанная кукла, повисло в руке хладнокровного противника, продолжая все еще гореть пламенем третьей активации *Шичи Тенкохо*.

— Я вижу, эта парочка не позволит нам решить наши дела спокойно, *Орочимару*, — отбросив безвольно повисшее тело *Сенджу* в сторону, произнес *Ооцуцуки*. — Позволь, я помогу тебе от них избавиться.

Тело Цунаде с неприятным звуком рухнуло на выросшие из земли черные колья. На черном материале почти не была видна кровь. Но она была видна на белоснежной коже *Сенджу*. Яркие алые капли текли по безвольно откинутой шее, окрашивая пряди тонких светлых волос в красный, превращая мягкие волоски на затылке в слипшиеся неопрятные клоки.

Волна *сакки* вырвалась наружу против моей воли.

А *Ооцуцуки* вновь пропал, едва живая река из белых волос начала оплетать его ноги. Через мгновение враг уже был возле *Джирайи*. Жабий отшельник смог отвести в сторону удар и даже попытался попасть по противнику *Рассенганом*, но огромный шар техники пропал, не успев полностью воплотиться. Поток раздуваемого ветром огненного потока, вызванного жабами-мудрецами на плечах *Джирайи*, заставил на миг его противника замедлиться, и еще один удар *Джигена* был отбит, скользнув по незримой ауре, создаваемой *Кавазу Кумите*.

Тенсо!

Частокол волосяных копий ударил вперед, поражая лишь пустоту. С раскатами грома и

во вспышке молнии появившись возле Джирайи, я тоже смог нанести удар лишь по воздуху, и, если бы не *Корью*, мог провалиться вслед за выпадом Кусанаги и налететь на атаку друга. Ооцуцуки появился за спиной отшельника. Вспыхнуло сияние *Райго*: *Сенджусацу*, тысячи рук обрушились на того, кто был Джигеном, заставив того отступить, вновь исчезнув.

Эти его исчезновения раздражают! *Тенсо!*

Чувствуя зуд по телу от регенерирующих тканей, я очутился возле места, где ощущалась чакра Ооцуцуки. Вспышка молний на миг осветила его холодное лицо, раскаты грома от техники *Райтона* только разносились в стороны. Нужная ручная печать уже была сформирована.

Сенно: Кучинава!

Сонм призрачных змей устремился к цели, словно реальные хищники на свою жертву. Они впивались в каналы чакры, оплели конечности и сдавили грудь Джигена. Этим аналогом *Сенно: Мьеджинмон* можно остановить биджу, но вряд ли он удержит Ооцуцуки надолго.

Гедо но Ин!

Моя объятая недобрым, пурпурным пламенем ладонь обрушилась на грудь временно обездвиженного противника, сбивая того с ног. Джуиндзюцу ворвалось в тело жертвы, пламенем оплетая меридианы, блокируя кеккей генкай, ослабляя чакру. От толчка ладонью Ооцуцуки отлетел в сторону и покатился по земле, пока не был схвачен путами белых волос Джирайи.

На скованное тело Ооцуцуки обрушилась стройная женская ножка. Грохот и треск камня сопровождался взметнувшимся облаком пыли. От мощи *Цутен Кьяку* вздрогнула земля, но и этого было мало. На атаковавшую Джигена фигуру обрушился буквально водопад каменных блоков. Несколько из них она смогла разбить, но вскоре оказалась погребена под завалами камней.

— Я восхищен тобой, Сенджу, — вновь воспарив над землей, ровным тоном произнес Ооцуцуки, лениво отряхивая с одежды пыль. — Я слышал, что ты сильно уступаешь своему деду. Но могу сказать, что это не так. Убить тебя, похоже, не так уж просто.

С кряхтением отбросив в сторону обломки камней, Цунаде метнула полный злости взгляд на противника.

— Ты как? — переместившись к жене, спросил Джирайя.

— К-ха! Паршиво, Джи, — кашляя, Цунаде пыталась избавиться от сгустков крови, оставшихся в легких после восстановления тела. — Проклятье! Да кто он такой, чтоб его?!

Ооцуцуки это, Цунаде. Твой родственник, в какой-то мере. Сильный и проблемный родственник. На первый взгляд, после нашей атаки у Джигена не было никаких травм. При внимательном осмотре можно заметить небольшие повреждения каналов чакры и царапины на коже. Царапины... Всего лишь царапины. Чувствую свою ущербность.

Он просто не нормален. Поглощает ниндзюцу и гендзюцу, в том числе созданные с применением сендзюцу-чакры. Может устранять не несущие чакру угрозы, как это было с камнями, которые метала Цунаде, и техниками тайдзюцу, применяемыми мною при первой нашей встрече. По всей видимости, он их каким-то образом уменьшает. Так же, как и себя, из-за чего он становится практически не уловим. Чудовищно силен и быстр. Имеет Бьякуган. Просто успешно атаковать его — уже непростая задача, но, кроме этого, атаки наносят до смешного мало урона. Из чего сделано его тело? Даже Кагую можно было ранить. Неужели мы настолько плохи?

Хотя у этого Ооцуцуки есть уязвимости. Похоже, он имеет небольшую практику боевых искусств, привык полагаться на свои способности. Несмотря на наличие Бьякугана, не показал ничего похожего на Джукен. И ниндзюцу не замечены. Скучный арсенал. Он не способен уменьшить живых существ. Кусанаги также не поддается его технике. Судя по движению чакры, техника уменьшения и призыва этих его каменных блоков основана на додзюцу. И это не Бьякуган. Можно попробовать ограничить его поле зрения техникой *Киригакуре*. Но Цунаде и Джирайя не учились работать в условиях нулевой видимости. Использовать гендзюцу *Кокуангё*? Будет поглощено. Уверен, что не смогу поддерживать в таких условиях технику долго.

И самое паршивое, что Ооцуцуки еще не начал драться всерьез.

Так дело не пойдет. Противник абсурдно силен. Нужно прибегнуть к крайним мерам.

— Тагицухиме забирай Цунаде, Тагорихиме — Джирайю, — обратился я к висящим у меня на ушах в облике серег змеям. — Поглотите и унесите их в Рьючидо. Ичикишимахиме, помощи им.

— Орочимару... — раздался в правом ухе боязливый голос молчавшей с самого начала битвы Тагицухиме.

— Выполняйте! — сорвав с себя браслет и серьги, приказал я.

Хоть раз сделаете что-то полезное, мысленно напутствовал я брошенных к моим друзьям змей, которые прямо в полете принимали свою истинную форму.

Тенсо!

Вспышка молнии, я оказываюсь за спиной Ооцуцуки. *Бьякко!* Левая рука задрожала от напряжения, сдвигая с места массу воздуха. Проявившийся образ тигра сразу же набросился на фигуру противника, унося ее прочь.

Тенсо!

Вновь вспышка молнии. Вновь спина Ооцуцуки. *Сузаку!* В этот раз взметнувшаяся волна пламени набрасывается на Ооцуцуки, но почти сразу же распадается бессильными лоскутами огня, не успев даже принять облик алой птицы. Направленный поток *сакки* заставляет противника замешкаться. Вспыхнувший клинок Кусанаги сверкнул в воздухе, рассекая рухнувший из ниоткуда на землю каменный куб в два моих роста высотой. Пинок ногой, и благодаря *Корью* многотонная каменюка летит вперед, едва не погребя под собой хозяина.

Кусанаги в моей руке вонзается в землю, чтобы прорасти частоколом сверкающих клинков впереди. Несущийся вперед блок врезался в них, рассыпаясь на осколки, разваливаясь на ровные каменные плитки, разрезанные острейшими лезвиями. И уже через мгновение Кусанаги вновь вспорхнул в воздух, отбивая рой мельчайших черных штырей.

Внезапный удар в спину я едва не пропустил, отмахиваясь от штырей. Движение природной энергии в этом измерении очень неестественное, я среагировал лишь в последний миг, когда чужая плоть уже почти коснулась моей сендзюцу-ауры. С натугой подхватив воздух, я сумел отбить в сторону прямой удар ногой Ооцуцуки. Второй виток — все же пропустил пару черных штырей, но техника создана. С ревом и треском грома вокруг меня выросла воронка *Сейрю*. Сотканый из молний дракон, извиваясь, начал крушить все вокруг, расшвыривая камни, валящиеся из ниоткуда блоки и черные колья.

Замерев на секунду я тяжело сделал вдох-выдох, пока всматривался в результат битвы.

Джирайя и Цунаде исчезли. Змеи справились с заданием. Хорошо. Плохо, что вихри вокруг меня начали стремительно распадаться, и *Сейрю* за считанные секунды рассыпался

на бегущие по небу ветвистые зигзаги молний. Мелькнувшая вблизи чужая чакра.

Хататагами!

Хлопок ладоней разорвал воздух оглушительным треском, раскаты которого покатались во все стороны, заставляя трепетать атмосферу. Волны искажения воздуха плыли в стороны, разбивая в пыль камень, пока не затихли с прекращением техники.

В наступившей оглушительной тишине было слышно, как шелестит осыпающийся песок, оставшийся от огромных каменных блоков. Ни дуновения ветра, ни дрожи земли — ничего в этом мертвом мире, кроме шороха песчинок.

— Спасти своих друзей. Как благородно, Орочимару, — вольготно усевшись на обломке скалы в паре десятков метров от меня, нарушил тишину по-прежнему невредимый Джиген. — Теперь попробуешь скрыться сам?

— Я твоя цель. Не думаю, что ты меняпустишь, — отшвырнув изъятые из тела штыри, ответил я.

— Великолепно. Хорошо, что ты это понимаешь, — пару раз хлопнув в ладоши, изображая аплодисменты, заметил Ооцуцуки. — Приятно, что ты не спешишь доставлять мне неудобства лишней беготней. Теперь у меня уже нет иного выхода, кроме как разобраться с тобой. Не хотелось бы начинать очищать планету от низших тварей, пытаюсь выманить тебя. Это слишком хлопотно.

— Беру свои слова назад, кем бы ты ни был, но ты мне не нравишься, — пытаюсь воспользоваться передышкой, сказал я.

Использование *Шичи Тенкохо* выматывает. Глаза жжет от активированного додзюцу. Несколько раз перемещался с помощью *Тенсо*, организм травмирован и требует времени на полное восстановление. Пока я в норме, но перевести дыхание будет не лишним.

— Исшики, — выхватив из воздуха бокал с красной жидкостью, внезапно сообщил мне противник. — Я Исшики Ооцуцуки.

Сделав глоток, судя по аромату, красного вина, назвавшийся Исшики смерил меня взглядом своих разномастных глаз.

— Немного жаль, что ты все забыл, — заметил Ооцуцуки.

— Опять ты об этом.

Мне даже в самом деле становится интересно, за кого он меня принимает. Понимаю, что это совершенно лишнее сейчас, но все равно любопытно. Этот день просто сводит с ума. Внезапное нападение, этот бред, который несет Ооцуцуки — все это словно какой-то глупый сон, странный поворот судьбы. Разобраться хотя бы в причинах, которые привели к текущим событиям, интересно.

— Знаешь, я на память не жалуясь, — поведал я Исшики. — Многое из своей жизни хотел бы забыть, но даже этого не могу сделать.

— Похоже, смерть подчистила память и тебе, — покачивая бокал в руках, произнес Ооцуцуки.

— Неужто в одной из прошлых своих жизней я успел как-то отметитья в этом мире? — с усмешкой уточнил я.

— Отметиться? — переспросил с холодной улыбкой Исшики. — О да, ты успел. Успел восстать против Ооцуцуки, уничтожить многих из нас, соблазнить носительницу крови главной ветви, породить ублюдков. Да, ты успел отметитья.

— Да ладно? Совсем не похоже на меня. С чего ты решил, что это я был?

— Я вижу твой рок. Ты тот самый демон.

— Ха...

Похоже, те подозрения насчет Коседжина приобретают новые подробности. Что бы там ни видел Ооцуцуки, но вряд ли он узрел мою душу и прошлую жизнь. Скорее, речь идет о реинкарнации по типу Ашуры и Индры. Я, что, и в самом деле вляпался в какую-то историю, набрав разных геномов? Подхватил чью-то реинкарнацию? Что за гадство...

— А прошлом меня, случайно, не собственная дочь убила? — припомнив передаваемые у Узумаки легенды, спросил я с безнадежностью, уже предвосхищая ответ.

— О, прорезаются воспоминания? Ты вспомнил про Хикаву? — удивленно вскинул бровь Исшики. — Но да, это достойно такого выроodka, как ты — быть убитым собственной дочерью. Вся ваша ублюдочная семейка проклята на убийство друг друга. Ты убит Хикавой, Хикава расчленена Кагуей, Кагуя запечатана сыновьями. И потомки Хагоромо и Хамуры бесконечно вырезали друг друга. Хоть одно светлое пятно в этом мире. Думаю, Кагую можно было убить и окончательно, но есть во всем этом что-то прекрасное, да и пригодится она еще. Главное, я доволен духом неминуемого возмездия.

— Кагуя... — непонимающе повторил я за Ооцуцуки, проигнорировав часть его словоблудия. — Кагуя?! Это ее я, что ль, соблазнил?

— Странно, что ты знаешь о ней, но не знаешь, на какую участь ее обрек, — хищно усмехнулся Исшики. — Впрочем, моя сестра не сгодилась даже для такой простой вещи, как быть сожранной Десятихвостым. Я почти погиб от ее рук, настолько она цеплялась за свою жалкую жизнь, что не приняла милость клана стать ростком Шинджу. Но судьба все расставляет по своим местам, сколько бы хаоса ты не вносил в мир, Орочимару. Я верну утраченное с помощью тебя, и Кагуя займет свое место.

Я, если честно, уже просто ничего не понимал. Какой росток Шинджу? Что там собрался возвращать Исшики? Да, проклятье, каким боком меня вообще так навязчиво приплетают к прошлому?! Ничего из этого мной не рассматривалось даже близко.

Ладно, разберусь позже. Пока нужно разобраться с Исшики.

Он собрался действовать. Ему нужно мое тело для восстановления. Его планы, похоже, связаны с Древо-Богом, это расходится с моими планами на будущее. Но он не знает о моих клонах. Нужно попробовать избавиться от него. В крайнем случае, уничтожить это тело. Угроза вряд ли самоустранится, но появится отсрочка. Что я потеряю при этом? Печать с Хакуджа Сеннином и Кусанаги. Очень неприятно, но пережить эту утрату можно.

— Очень интересно было бы узнать больше, Исшики, но в таком состоянии я не располагаю временем для разговоров, — разведя руки и демонстрируя охватившее меня пламя *Сеннинка* и *Шичи Тенкохо*, сказал я.

— Сдайся. И я отвечу на все вопросы, — с усмешкой предложил Ооцуцуки.

— Заманчиво, — я, правда, даже на мгновение задумался над предложением. — Ты как будто и в самом деле знаешь меня и мои слабости. Но сейчас я не на столько любопытен.

Хорошо. Раз враг так любезен и дал мне время на осмысление своего положения, то я отвечу ему своей любезностью. Выложусь на полную. Сейчас мне уже никто не будет мешать.

Секунды растянулись в минуты, когда я поднял руки к груди. Вместо обычной печати ладони сформировали иные формы. На кончиках пальцев медленно вспыхивали язычки пламени, формируя иероглифы. Дерево, Огонь, Металл, Земля, Вода. Чакра в теле взбунтовалась, безудержно циркулируя по каналам. От водоворота очага чакры она фонтаном ударялась в голову, где, не встречая сопротивления, омывала Врата открытия и

спокойствия. С грохотом обрушиваясь вниз, чакра рвалась по меридианам, проносясь по телу и сквозь Врата жизни, боли, предела, видения и проносясь мимо Врат удивления. Метод Семи Небесных Дыханий не отворял *Хачимон*, как это делал Майто Дай путем тренировок. Чакра лилась, словно просачиваясь сквозь Врата, задерживаясь в них, замедляясь. Третья активация затрагивала семь Врат *Хачимон*, но не была равна отворению их традиционным способом. Каждая активация сразу задействовала множество врат, из-за чего нагрузка на тело возрастала, и выдержать ее было сложнее.

Каждая активация — испытание для души и тела. Третья активация могла бы равняться при грубом сравнении отворению *Томон* или *Кеймон*, пятых Врат и шестых Врат. Следующая активация равнялась бы уже отворению сразу всех *Хачимон*. Пережить такое нереально. Но иногда и не нужно.

Шичи Тенкохо: Дайши Кассей.

Поток чакры устремился к сердцу, к Вратам смерти, преодолевая последнюю преграду на своем пути. Жидкий огонь проник в кейракукей, испепеляя плоть изнутри. Я чувствовал жар, но не чувствовал заблокированной в этом теле боли. Кости и мышцы зудели от борьбы техники регенерации с разрушающей тело чакрой. Незримая волна ударила от моего тела, поднимая в воздух песок, оставшийся после *Хатагами*. Я почувствовал, как стягивает кожу от внутреннего жара и преобразования наружных покровов в белоснежную чешую под действием природной энергии, тоже начавшей вырваться из-под контроля. Роговые плотные покровы сменили привычную для млекопитающих кожу. Сквозь исчезнувшие поры перестал выходить характерный для использования *Хачимон* пар, обычная зеленая аура *Сеннинка* тоже пропала, мое тело теперь покрывала только ставшая видимой пламенеющая белая аура Мудреца. Такое уже было, когда я только-только овладел природной энергией и сразился с Данзо.

Я провел языком по длинным заострившимся зубам на вытянувшихся вперед челюстях. Встретив холодный взгляд Исшики, хотел было улыбнуться, но трансформировавшаяся в змеиноподобную морду безгубое лицо могло лишь ощериться. Кусанаги, сверкнув в воздухе, взметнулся вверх. Секунда и сияющее лезвие пропало в моей распахнутой пасти.

Проглотить длинную острейшую железяку оказалось не так уж сложно. Не сложнее, чем живого ворона с Шаринганом или жабу-свиток. Пережить последовавший за этим взрыв в очаге чакры — вот что сложно. Терзающее меня изнутри пламя впилося в клинок, словно плавя его, пока поток жидкого металла не помчался по меридианам лазурной рекой. С хлопком сведя ладони в попытке обуздать чакру, слышу громоподобный грохот, вызванный собственным движением. Краем глаза замечаю пробежавшие по коже голубоватые всполохи. Так же, как было с Хакуджа Сеннином.

Значит, вот что имел в виду старый шанг. Истинные ножны для Кусанаги — это его владелец.

Долгая секунда потребовалась, чтобы прийти в себя. Мощь вскружила голову. Взбесившаяся чакра уничтожала тело, на мгновение меня повело, замутило, я едва не упал, с трудом поймав равновесие. До скрежета сжав зубы, я опустил голову и с силой сжал ладони. Белая чешуя на руках начала лопаться, из трещин вырвался кровавый пар с прожилками лазурного сияния, пока упрощенная техника регенерации Цунаде не залатала раны. Но они появлялись вновь.

Проклятое тело! Треклятая чакра! Подчиняйтесь же мне, чтоб вас! Хоть минуту! Если я просто помру сейчас, то какой тогда во всем этом смысл?!

Долгая секунда потребовалась, чтобы совладать с собой. Кейракукей все еще находилась в полном хаосе, тело разрушалось само по себе, но я нашел точку баланса, в которой мог контролировать протекающие в себе процессы.

Вскинув голову и вперив взгляд налитых багрянцем Кецуриягана глаз на Ооцуцуки, я увидел, как он с любопытством наблюдает за моими потугами. Словно за насекомым. Что ж, его право. Я бы и сам с интересом понаблюдал за собой. Но я не в том положении.

Легкое движение мышц, кажется, хватило лишь желанья, и мое тело проносится сквозь воздух, оказываясь возле противника едва ли не со скоростью *Тенсо*. Удар когтистой лапой вмял Ооцуцуки в камень. Движение ноги вспахало канаву в земле и выбило тело Исшики в воздух. После этого нужно было лишь топнуть по истерзанной поверхности планеты, чтобы взбесившаяся гравитация притянула противника вниз, вновь впечатывая в камень.

— Ах-ха-ха-ха! — донесся до меня смех, прорываясь сквозь бешеный стук сердца в ушах. — Вот он! Вот плод, который достоин быть поглощенным мной!

Сумеречное пустое небо померкло. Над головой из ниоткуда посыпались каменные блоки, колоны, стелы и черные колья. Белая когтистая лапа, заменившая мне ногу, вновь ударяет по земле. Подпрыгнувшие от пробежавшей по поверхности дрожи песчинки и камушки зависли и закружились в воздухе. Каменный блок, с большой скоростью падающий на меня, вместо того чтобы расплющить мое тело в лепешку, отскочил в полуметре от головы назад вверх.

Прыжок навверх подбрасывает меня метров на пять, руки с хрустом входят в камень блока. Поворот вокруг своей оси, и этот блок устремляется к новой цели. Толчок от воздуха к следующему каменному обломку, и вновь бросок. Брошенные, словно мелкие камушки, массивные блоки расшибались друг о друга, с грохотом рассыпаясь грудями щебня, разлетаясь в стороны. Или пропадая без следа, если грозили угодить по Исшики.

Сенно: Муки Тенсей!

Попробуй сжать оживленную моей энергией материю, Ооцуцуки!

Очередной каменный блок поплыл в моих руках, превратившись в гигантское копьё, и устремился к цели. Отпрыгнув от воздуха, я вновь устремился к земле. Каменная поверхность приняла меня, словно мягкая перина. Земля пошла волнами от моих ног. И вновь с помощью *Корью* локально увеличенная гравитация притягивает быстрее появляющиеся в воздухе камни, которые начали тонуть в иссушенной почве, словно в густом сиропе, оставляя лишь мелкую сетку ряби на выровнявшейся поверхности. Еще миг, и в воздух взметнулись бы бесчисленные каменные пики, но завершить технику не удалось.

Резкая, ослепляющая боль пронзила голову, заставив меня пошатнуться. Мягкая земля под ногами вновь застыла. Я ошеломленно отшатнулся назад. Зрение начало двоиться, мир перед глазами закружился, словно в калейдоскопе. Ноги неожиданно подкосились, через миг я с удивлением понял, что смотрю в неистово кружащиеся черные небеса мертвого мира.

Плотно зажмурившись, я мотнул головой, пытаюсь подавить странный приступ. В ответ новая волна боли затопила сознание. Отравление? Невозможно! Какая-то неизвестная техника? Гендзюцу? Схватившись руками за голову, я закрыл лицо руками, пытаюсь собрать кружащийся перед глазами и рассыпающийся на отдельные осколки мир вновь в единое целое. И из-за боли, я не сразу понял, что именно со мной не так.

— Ты прозрел, Орочимару, — просочился в уши голос Исшики.

Этот голос был слышен отчетливо, несмотря на грохот бешено колотящегося сердца.

Каждый шаг Ооцуцуки ощущался всем телом. Он приближался, но я уже не обращал на это внимания. Мои пальцы. Накрыв лицо руками, я едва не угодил пальцами в глаз. Третий глаз, который раскрылся на месте едва заметной вертикальной складки на лбу.

Боль разрывала сознание, но даже сквозь нее я смог испытать удивление. Но через миг все — и боль, и удивление — отошло на второй план. Надо мной появился Ооцуцуки. Он стоял, глядя на меня сверху вниз, совершенно не удивленный представшим ему зрелищем.

— У всего есть предначертанная судьба, она прописана в генах, — наблюдая за моими мучениями, возвестил Исшики. — Даже у тебя. Что в прошлый раз, что в этот. Ты ничего не изменишь, как не пытайся. Вновь прозрев, ты должен это понимать, как никто. Ты не сможешь победить, и ты уже это знаешь.

Скосив взгляд на Ооцуцуки, я ощутил новый приступ боли, сопровождавшийся подкатившим к горлу чувством тошноты. Поток информации хлынул сквозь сознание. Я не успевал сконцентрироваться на нем, удавалось лишь улавливать отдельные образы, мысли, настроения. Исшики. Во всех них был Исшики. В разном окружении. Живой, мертвый празднующий победу, терпящий поражение. Вот он пожинает плод чакры с высохшего Шинджу на истощенной земле. В ландшафте угадываются знакомые виды Страны Огня. Вот он запечатывает знакомо выглядящего шиноби в каком-то котле. Этот шиноби светловолос, на щеках по три параллельные линии, глаза голубые. Наруто? Но он взрослый. А здесь Исшики погибает, разлетевшись на осколки, словно керамическая марионетка на черепки, под ногами незнакомого парнишки.

Будущее?

Нога Ооцуцуки опустилась на мою грудную клетку. Хруст костей был отчетливым и громким. Из моего рта вырвался алый пар, вместо розовой пены. Из ран на груди также вырвалась не кровь, а нечто похожее на языки пламени. Раскрытые Восемь врат продолжали уничтожать тело, пока техника регенерации силилась исправить повреждения. Но это не имеет значения.

Исшики не прав. Не совсем прав. Я могу победить его. Я вижу его смерть. Но цена за нее... Он сам уже мертв. Он поставил на кон все. День-два и он труп, текущий сосуд не выдержит силы, если Исшики не поглотит меня или не сделает новым сосудом. Я могу скрыться, сбежать и переждать, пока Ооцуцуки не помрет сам. Для этого придется пожертвовать Ото, Конохой, Роураном, на которые Исшики нападет, желая выманить меня. Пожертвовать Сальмой и Микото. Сарой, Итачи и Саске. Я могу пожертвовать шиноби, попытаться дать Ооцуцуки бой на своих условиях, завалить трупами. И обесценить все труды по созданию новой эпохи, лишив свою страну обороноспособности. Я мог сделать многое, но не мог победить, не пожертвовав ничем.

Но проиграть я тоже не мог. Исшики должен умереть.

— Ты не прав, — уже не слыша слов нависшего надо мной мужчины, прошептал я, когда он протянул руку, чтобы собрать плод, сожрать меня.

Даже простейшую технику Дотона создать было сложно. Чувство, будто у меня сильнейшее опьянение. Мысли путались, образы будущего перемешались с извлекаемыми из памяти картинками, связь с реальностью ощущалась так слабо...

С трудом выбравшись на поверхность вновь, я жадно цеплялся руками за камень, вытаскивая свое тело из земли. Так и не осилив это, я свел руки. Дрожащие пальцы с трудом смогли сплестись в нужные три печати. Чакра... Я потерял точку равновесия. Чакра и природная энергия уничтожали меня. Нужно было срочно отменять усиливающие техники,

но пока еще рано.

Сенно: Хакугеки но Дзюцу.

Навстречу к вновь устремившемуся ко мне Исшики из моего рта вырвался, словно сотканный из алого кровавого пара, дракон с белесой жемчужиной в лапе. Стремительной молнией прочертив в воздухе красную линию, он свернулся вокруг жемчужины, породив ослепительную вспышку света. Яркие лучи проникали сквозь все преграды, прорываясь сквозь веки. Моя же атака не минула и меня самого. Через мгновение мир погрузился во тьму и бесконечный оглушающий звон. Я лишился додзюцу Кецурююгана. Но я же лишился и второго додзюцу.

Боль и головокружение пропали почти мгновенно, словно отрезало. Поток информации оборвался, оставив после себя лишь тошноту и разрозненные обрывки воспоминаний. Источаемый техникой Белой Ярости свет и звуковые волны глушили, мешая нормально соображать, но это была ерунда в сравнении с тем, что творил со мной мой же третий глаз.

Исшики оступился, также не избежав ослепления. Вибрация земли показала, как он остановился, едва не покотившись по земле. Свет и вызванная им слепота не задержит Ооцуцуки надолго, в текущем состоянии я не смогу поддерживать технику долго. Но мне хватит времени на парочку призывов.

На создание техник без нормального контроля чакры уходило просто чудовищно много энергии. С трудом завершив серию печатей, я уронил руку на землю. Поток чакры вырвался из тела. Земля вокруг дрогнула, благодаря чему я понял, что призыв удался. Больше не было нужды держаться.

Вздыхнув, я почувствовал, как стремительно покидают меня силы. Более не в силах поддерживать *Шичи Тенкохо* я едва не помер в то же мгновение. Из земли я выбрался только на силе воли. Руки дрожали и подгибались, ноги не слушались вовсе. Но давление на тело заметно уменьшилось. Земля словно растрескалась и рассыпалась, разъезжаясь в стороны, что позволило мне выбраться на ее поверхность и распластаться на ней.

Медленно начал угасать свет моей техники. Глаза начали улавливать смутные тени в мешанине цветных пятен. Я лежал, уткнувшись лицом в припорошенную песком, пахнущую гарью от сгоревшего жабьего масла землю. Этот запах ощущался мной давно, но сейчас он изменился. Я словно не мог вдохнуть его. После тяжелой нагрузки на тело я отчаянно пытался отдышаться, но не мог этого сделать, потому что вокруг не было воздуха как такового.

— Где мы? — впервые я услышал в голосе Исшики нотки тревоги. — Куда ты нас забросил?!

— В ад, — с трудом перевернувшись на спину, ответил я Ооцуцуки, улыбаясь.

Над головой вместо черного пустого неба открылась абсолютно беспросветная тьма. Она же была вокруг нас. Только небольшой островок земли метров в двадцать диаметром можно было разглядеть, а дальше лишь тьма.

Я сам не знал, где оказался. Никогда раньше я не использовал призыв *Хитокучи* без подготовки и в таком масштабе. Одиннадцатый демон из пантеона Узумаки поглотил не только меня, но и изрядный кусок планеты вместе, перенеся нас с Исшики в потусторонний мир.

— В чем-то ты прав, Исшики. Я не смогу тебя победить, — хрипло ответил я, чувствуя, что легкие после удара Ооцуцуки до сих пор не восстановились полностью. — Но мне и не нужно делать это лично.

— Что ты... — начал было говорить Исшики и уже сделал в мою сторону шаг, когда незримое давление заставило его остановиться.

Во тьме, которая начиналась за границами небольшого каменистого островка, вспыхнула пара горящих багрянцем глаз, вызывая едва ли не инстинктивный ужас. Миллионы лет кошки были естественными врагами приматов, человек, еще не будучи человеком, уже страшился ночной тьмы, в которой таились монстры с парой светящихся зеленою глаз. Похоже, несмотря на все свое высокомерие, Ооцуцуки не сильно отличались от людей в своих страхах.

Исшики замер, когда в него впиалась взглядом первая пара глаз. Он похолодел внутри, когда во тьме начали вспыхивать все новые и новые парные огоньки. Горящие багрянцем, блестящие подобно ртути, сверкающие зеленою, вспыхивающие желтым огнем. Здесь, в загробном мире, их можно было увидеть невооруженным взглядом. Более десятка могущественных демонов в сопровождении мелких монстров, вроде Доки.

— Убирайтесь! — в ярости заорал, пытаясь отогнать неестественный, проникший в мозг ужас, Исшики, широко взмахнув рукой и отправляя сонм черных стержней во тьму.

Небольшое искривление пространства — и рука Исшики отлетела в сторону. Ни капли крови не пролилось на принесенный Хитокучи из реального мира камень. Ооцуцуки даже не сразу заметил, что чего-то лишился. Вновь незримая сила промчалась сквозь пространство — Исшики зависает в воздухе и медленно падает на землю. Из перерубленных ног по-прежнему не течет кровь.

Только сейчас он осознал, во что угодил. Он закричал, когда его тело пронзили когтистые лапы, хватая не плоть — саму чакру и душу. Они рвали саму суть Ооцуцуки, тянули к себе куски силы, словно жадные, голодные собаки, набросились на мягкое мясо. Исшики еще пытался сопротивляться, но в этом месте у него было мало шансов. Он просто не успел вовремя среагировать, сейчас он уже упустил возможность спастись. А я... я просто смотрел во тьму над головой, пока рядом истошно орал терзаемый демонами Ооцуцуки.

В голове звенела пустота, тело не ощущалось, регенерация практически прекратилась, даже на естественную не хватало энергии организма. Было чувство, будто я плыву, мое сознание ускользает, словно я все засыпаю, но не могу уснуть окончательно. Все стало казаться таким странным, словно у меня просто сон наяву, из которого никак не получается вырваться. Я не мог пошевелиться, даже дышать становилось все тяжелее, сердце начало пропускать удары. Чакра была потрачена на призыв *Хитокучи* в той реальности и прочих демонов в этой. Я вновь истратил все свои резервы. Интересно, могу ли я умереть, будучи уже в мире мертвых? И с апатией, вызванной безграничной усталостью, я понимал, что, похоже, у меня есть все шансы узнать ответ на этот вопрос. Потому что покинуть это тело я почему-то не могу.

План дал сбой, я не мог перенести сознание в свои запасные тела.

Глава 65. Ворох забот

15 февраля 50 года от начала Эпохи Какурезато

Выглянув в окно, я тоскливо проследил, как краешек солнечного диска скрывается за окаймляющими Коноху стенами. Его красноватые лучи трепетали подобно пламени, пробиваясь сквозь голые, кольшущиеся на ветру и покрытые набухшими почками ветви деревьев. Вечерело и близилась тихая ночь, но за окном было беспокойно.

Уже сутки прошли с внезапного нападения, шиноби смогли локализовать эпицентр вспышки моей сакки и место появления чакры вероятного противника. Вернулись пропавшие было Джирайя и Цунаде. В произошедшем инциденте стала появляться хоть какая-то ясность, поэтому степень готовности войск была снижена, поэтому я мог позволить себе сейчас сидеть в коридоре больницы и любоваться закатом. Хотя всего часов шесть назад в Конохе было не то что беспокойно — она вся на ушах стояла, едва ль не целиком закрывшись барьером и ожидая атаки. Патрули, комендантский час, проверки и прочее. Внезапно появившаяся чакра напугала многих. Слишком она была могущественна и слишком было мое намерение убийства при ее появлении. Проблема только в том, что чакра как появилась, так и пропала. Как позже выяснилось, вместе со всей Легендарной троицей.

Для меня самого в теле Охеми мое собственное исчезновение в оригинальном теле тоже стало неожиданностью. Вернувшись из Шиккоцурин в Коноху, я оказался сразу же подряжен на защиту деревни. Правда, тогда было непонятно от кого и кого защищать, началась даже подготовка к эвакуации гражданских. Потом стало потише. И вот тогда я ощутил, что как-то странно себя чувствую в нынешнем теле. Навалилась резкая усталость. В целом, в этом нет ничего удивительного после посещения Шиккоцурин и полных суток, проведенных на ногах. Нужно было просто отдохнуть и поспать. Проблема была в том, что сон не принес облегчения. И я не смог во время сна синхронизироваться с самим собой, техника клонирования не обновилась. Я вообще не смог толком уснуть, просто провалился в странное забытие, в котором перемешались явь и сон.

Что-то было не так. И я был не в состоянии понять что. Это и привело меня в больницу. Может, я был отравлен в Шиккоцурин. Тогда ирьенины смогут помочь. Я, конечно, осмотрел сам себя, но надежда на то, что я что-то упустил, еще есть. Надеяться на собственную некомпетентность и отравление, конечно, глупо, но если я не отравлен и не заражен, тогда у меня могут быть более серьезные проблемы. И мне все равно с ними нужно было прийти сюда, потому что в госпитале сейчас находились Цунаде и Джирайя. От них, не имея возможности связаться с другими частями сознания, я надеялся получить информацию о том, что произошло со мной. С Орочимару.

— Охеми, — окликнула меня обладательница мягкого, глубокого голоса.

— Микото? — поднял я взгляд на неслышно подошедшую ко мне Учиха и медленно встал со скамьи, на которой сидел. — Как ты здесь... В смысле, ты ведь была здорова. Почему ты здесь?

Микото ответила не сразу. Долгие секунды она сверлила меня внимательным взглядом. Мне было сложно что-то прочитать в ее темных глазах. Кажется, она чем-то обеспокоена.

— Ты в порядке? — наконец спросила Микото, подойдя ближе и потрогав лоб, после чего, нахмурившись, констатировала: — Горячий.

— Может, отравление, — накрыв ладонь Учиха своей, ответил я. — Или болезнь. Тогда

тебе сейчас лучше поберечь себя.

— Ты и заболел? Отравился? — выразила сомнение Микото.

— Я был в Шиккоцурин. Там опасно, — устало ответил я, тоскливо покосившись на скамью. — Раз уж ты не думаешь поберечься, то давай сядем. И ты так и не сказала, что с тобой. Почему в больнице?

— Я искала тебя, — ответила Микото. — Нами подсказала, где ты. Я хотела спросить... Что случилось?

— Я и сам задаюсь тем же вопросом, — устало ответил я, прижавшись затылком к стене. — Я отправил древесного клона в Ото. Пока от него нет вестей, там тоже никто не в курсе, что произошло. Орочимару пропал вместе с Джирайей и Цунаде. Супруги вернулись уже без него. Они ранены и вымотаны битвой с неизвестным противником. Я надеялся попасть хоть к Цунаде на правах родственника и ученика, но пока никак.

Вновь взяв паузу на несколько секунд, Микото внимательно рассматривала меня, пока не спросила вновь:

— Так ты в порядке?

Я встретил взгляд женщины, грустно усмехнувшись. Она знает о клонах. Знает о связи разных тел, о том, что Охеми — это лишь один из моих, Орочимару, организмов. И если я не в курсе того, что происходит со мной самим, то ответ на ее вопрос очевиден.

— Нет, я не в порядке, Микото.

Молчаливый вопрос в глазах Учиха после моего ответа был красноречивее любых слов. Если не в порядке, то что же со мной не так? Да, это интересный вопрос. Я проводил опыты с клонами. Если даже один из них умрет, если даже погибнет оригинальное тело, то ничего катастрофического произойти не должно было. Когда основной организм доводился до состояния клинической смерти или когда его запечатывали, ядро сознания можно было перенести в любой из клонов. Это даже проще обычного перерождения. Так что могло помешать это сделать сейчас? Если сон не приносит отдыха сознанию в этом клоне, значит, техника клонирования не обновляется. Если она не обновляется, значит, нет синхронизации с ядром. Что мешает синхронизации?

Наиболее очевидный ответ — я по какой-то причине решил помереть в этом мире окончательно. Это значит, что истинной души уже более нет в пределах досягаемости, а все клоны просто доживают свое, как биоорганические роботы с искусственным интеллектом. Даже хуже Белых Зецу.

Ответ-то это очевидный, вот только... Я вновь посмотрел в глаза Микото. На черной радужке почти терялись зрачки. Прожилки более светлых участков почти не видны, они расходятся лучиками от центра, подобно темному солнцу. Эти глаза смотрят на меня с тревогой, с участием, с искренней любовью. И они видят не внешность, не внешнюю оболочку, они видят в Охеми, в Орочимару, во всех прочих клонах — меня. Я, честно, не понимаю этой безумной любви, страстной, горячей, преданной, хотя могу ощутить ее в мыслях при желании. И не понимаю, как и чем я смог заслужить ее в это мире. Да еще и не раз. Кроме Микото есть Сальма. Есть, не к ночи будет помянута, Кушина. Есть Мейро. Это не рационально, это не логично, это просто абсурдно. Если последняя — моя мать, чьи чувства я растоптал, извратил и был вынужден собирать вновь, то с остальными-то что?

Воля случая это или еще что, но я не мог оставить этот мир, пока в нем есть люди, которые смотрят на меня так, как смотрит Микото. Все-таки я же не настолько слаб, чтобы перестать быть человеком. Поэтому я дополнил свой ответ Микото:

— Я не в порядке, но я хотя бы жив. С остальным можно разобраться как-нибудь, — сказав это, я дополнил фразу, используя жесты: — Что бы ни случилось, но я не мог бы оставить тебя.

Это не в моем характере.

— Кстати, насчет этого, — взгляд Микото внезапно похолодел, — я хотела тебе сказать еще кое-что.

Что именно хотела сказать Мне Микото, я так и не узнал, потому что когда она начала открывать рот для следующей фразы, за окном сгущающиеся ранние по зимней поре сумерки были озарены яркой вспышкой. Почти в тот же миг стекла в окнах госпиталя задрожали от ударившей по ним волны грома. Невольно подскочив на месте, я быстро прильнул к окну и успел заметить, как во дворе перед больницей, прежде чем исчезнуть в Шуншине, на секунду помаячила фигура в белом кимоно.

— Орочимару?! — с надеждой воскликнула Микото, тоже, несмотря на положение, успевшая подскочить и разглядеть появившуюся после вспышки *Тенсо* фигурку.

— Похоже на то, — вслух не стал отрицать я, но жестом показав Микото, что пока радоваться рано.

Учитывая важность моей фигуры в нынешнем государстве и общую шаткость текущего состояния Унии Дракона, я совершил некоторые приготовления на случай непредвиденных обстоятельств. Потеря лидера в создаваемом ныне теократическом государстве, которое, по сути, пока спяно в первую очередь религией, чревато полным крахом всех моих трудов, поэтому Орочимару, Рюджин, никак не мог пропасть сейчас. То, что он отсутствовал сутки и об этом знало больше пары людей — уже проблема. Поэтому, он должен был появиться.

Только это либо одна из созданных мною с помощью имеющегося в одном из клонов кеккей генкай Ринха марионеток, либо сам тот клон, который, кроме генома Ринха, имел с трудом добытый мною геном Кедоин. Чода — благодаря заключенному в этом клоне Морё, он мог пережить Тенсо и появиться в Конохе.

— Охеми, — вновь, уже во второй раз за несколько минут, позвали меня по имени.

На этот раз, обернувшись на звук голоса, я увидел не Микото. На этот раз к нам тихо подкрался простой ниндзя-медик. Белые одежды, забавная белая же балаклава с протектором Листа на голове, оставляющая открытым только невыразительное лицо. Типичная форма ирьенина. В руках шиноби держал планшет с, по всей видимости, аналогом медицинской карты, которая хранилась в госпитале.

— Да, вид у тебя нездоровый, — пробежав глазами по мне, прокомментировал увиденное медик, после чего перевел взгляд на Микото. — Сопровождающий? М... Кажется, вы Учиха Микото, да? Помнится, вы учили этого парнишку. Проходите тогда.

Ирьенин открыл дверь кабинета, возле которого я и ожидал, собственно, приема, первым войдя внутрь, он, казалось, был полностью увлечен чтением информации в моей карте. Я же, поймав недоуменный взгляд Микото, просто махнул рукой и последовал за ирьенином. И стоило нам с Учиха пересечь порог кабинета, как мы оказались в компактном барьере.

— Быстро, однако, — оценил я оперативность.

— Древесный клон в Ото сообщил, где тебя искать, — пояснил «ирьенин», небрежно бросив планшет с медицинской картой на стол, — но про Микото мне не говорили.

— Охеми? — требуя пояснений, вопросительно произнесла Учиха, которая была недовольна внезапным попаданием в незнакомый барьер.

— Это я, — указал я на «ирьенина» рукой.

— Еще один клон, — догадалась Микото. — Ками, сколько же их у тебя? Этот совсем на тебя не похож.

— Достаточно у меня клонов, — мягко помогая своей бывшей ученице сесть на кушетку, уклончиво ответил я. — Этот образец носит название «Чода». У него есть геном, позволяющий очень качественно менять облик. Его истинное обличье я уж и сам забыл. Похоже, его мы и видели недавно во дворе.

— Угу, так и есть, — не сводя с меня взгляда, ответил я сам.

М-да, сейчас я начинаю испытывать легкий дискомфорт от этой ситуации. Клоны должны быть связаны, но связь утеряна. И я, глядя на Чоду, понимаю, что там тоже я. Но между мной в Охеми и мной в Чоде появилась незримая граница. Это неприятное ощущение.

— Есть информация? — постаравшись отогнать пока ненужные мысли, поинтересовался я, сев рядом с Микото.

— Угу, — подтвердил Чода, стягивая с головы балаклаву, обнажив короткий ежик черных волос, после чего указал пальцем на серьги в ушах. — Контракт. Кроме воронов у меня он есть еще и со змеями. Удалось призвать этих принцесс. Именно они вернули Джирайю и Цунаде в этот мир и были свидетелями всего происходящего.

Тагори и Тагицу, пара змей Рьючидо, вечно липнувших ко мне в основном теле. И Ичикишима тоже. Они смогли поведать достаточно много, пролив, наконец, свет на произошедшие вчера события.

— Ерунда какая-то, — выслушав пересказ Чоды, хмуро прокомментировал я услышанное.

— Так ты их опасался все время. Ооцуцуки? — озвучила свои мысли Микото. — Кто это?

— Не совсем их... Хотя, наверное, можно и так сказать, — закрыв лицо ладонями, ответил я, пытаясь понять, в какой момент какие мои поступки могли привести к подобному ходу событий и что теперь с этим делать?

Через секунду, подняв взгляд на себя в Чоде, я понял, что эти мысли мне уже приходили на ум, и нормального ответа на них получить не удалось.

— Нужно восстановить связь клонов, — мрачно заметил я, — крайне неудобно общаться с самим собой исключительно вербально.

— Есть идеи на этот счет, — согласился я-Чода. — Нужно попытаться совместить мое додзюцу, геном клана Азэ в Дайки, связь древесных клонов и феномен сопряжения с помощью волос Отохиме. Полгода-год и мы сможем получить что-то вроде тел Пейна... То есть... Я. Да, я смогу получить.

Молча переглянувшись с собой-Чодой, я понял, что нам на ум пришла одна мысль. Лучше всего справиться раньше полугода. То есть мне пришла эта мысль. Мне в двух телах.

— Орочимару, — устало сказала Микото, холодно глядя то на одного моего клона, то на другого, — не зли меня. Сенсей, почему... Проклятье, почему ты не можешь хоть год... Хоть месяц прожить нормально?! Не начинать хоть с ума сходить сейчас! Если ты продолжишь в том же духе, я решу проблему. И завтра останется только один клон, понятно?!

Меча глазами молнии, Микото, кажется, только и ждала повода, чтобы воплотить свою угрозу в жизнь. Я, неловко улыбнувшись, осторожно положил руку ей на плечо, стараясь успокоить.

— Спасибо, — тем временем искренне произнес я-Чода, — если понадобится, то так и

сделаем. Но оставим это на крайний случай. Может, скоро количество клонов уменьшится само по себе.

— Это из-за болезни этого тела? — спросил я. — Кажется, в Чоде прошлую ночь удалось пережить проще.

— В Чоде и Дайки, — кивнув, сообщил мой клон. — В остальных, похоже, наблюдаются нарушения со схожими симптомами. Усталость, нарушения сна, повышение температуры. Духовная энергия истощается и не восполняется. Сознание ослабевает, и тело начинает будто бы отторгать его. Пока нет вестей от Кёды и Омушимару, но вряд ли их состояние как-то выбивается из общей выборки.

— Отохиме? — еще уточнил я.

— Это особый случай, — покачал головой «ирьенин». — У нее не замечено никаких нарушений. Самочувствие лучше, чем у меня.

— Чода и Дайки, — задумавшись, повторил я. — Они джинчурики. Поэтому в них есть ресурсы для поддержания автономного существования?

— Похоже на то. Это наиболее очевидный вариант. Пока не было времени выяснить детали.

— Тогда пока мне стоит воздержаться от применения техник клонирования, — подумав, подытожил я, отменив действие древесного клона.

— Я бы сказал, что любыми ниндзюцу и, особенно, гендзюцу. Все техники, основанные на применении духовной энергии, становятся опасны.

Это плохие новости. Если сейчас я всего лишь раз пропустил сеанс обновления техники клонирования и в клоне Охеми уже испытываю такую усталость, то что будет через неделю? Значит, кроме связи клонов, нужно срочно решить и эту проблему.

— Если помогает запечатывание монстров в телах, то первым делом стоит задуматься об этом, — озвучил пришедшие мне в голову мысли я-Чода. — Я могу рассчитывать на силу некоторых из них. Однако их духовная энергия... Не думаю, что она подойдет.

Н-да, ее стоит рассматривать в крайнем случае. Духовная энергия биджу полна незамутненной ненависти и злобы Десятихвостого. Рисковать ее использованием можно только в крайнем случае. Еще варианты?

Роен. Поглощающий чакру монстр из Рококу. Его чакра тоже черна и полна злобы. Но он сам по себе — просто лишенный разума зверь, сгусток разнородной намешанной энергии, но если попытаться совместить его с имеющейся в одном из клонов меткой Стихии Тьмы... Теперь я, кажется, больше понимаю эту печать. Научившись ей пользоваться, можно будет поглощать чужую чакру и поддерживать нормальное существование еще одного клона. Кёда — Стихия Тьмы у него, и он в Кири. В таком случае, можно вернуть Туману часть их мечей. Если Самехада окажется в моих руках, это еще больше облегчит жизнь. Хотя это скорее можно будет назвать каким-то вампирским существованием.

Кто еще, кроме Роена?

— Если не подходят биджу, но нужен кто-то с большими запасами чакры, то я слышала о Трехглавом, — задумчиво приложив палец к подбородку, сказала Микото, глядя в белый потолок. — Это монстр, запечатанный в Юмегакуре. По рассказам, он был сильным. А! Еще в Стране Неба, вроде, была какая-то тварь.

— Нулехвостый сейчас у Кинохи. Трехглавый может подойти. Еще... Демоны Узумаки? Большая часть из них — это духовная энергия в чистом виде.

— Они в ином измерении... — с сомнением произнес Чода. — Изымать из того мира

демонов надолго — это не тот опыт, который стоит проводить в спешке.

— Тогда, может быть, Гьюки. По легендам Узумаки, он заточен в этом измерении, в районе Страны Горячих Источников либо в нагорье близ Страны Дождя. Опасный монстр, и про него мало известно, но его можно призвать и не тратить время на поиски.

— Сома — осколок Моомы, который находится под охраной Йоимура? — озвучил еще один вариант Чода. — Хотя сейчас это не лучший вариант. Если один из клонов потеряет память, то мы потеряем его. Тогда... Сатори?

— Все эти варианты слишком опасны в моем текущем состоянии. Может, для какого-нибудь клона и вовсе придется выбрать какой-нибудь обычный призыв для запечатывания, только для поддержания жизнедеятельности. Или использовать технику Химеры или Фуши Тенсей.

Замолчав, я тяжело вздохнул. В целом, варианты были разные. Но желательно, сохранить сейчас силу клонов. Без основного тела с ядром души я утрачу значительную часть силы, а я на силу делал большую ставку. В этом мире сила нужна. Особенно новому, амбициозному государству. Иронично то, что в молодости мне всегда не хватало физической составляющей чакры, и я нашел множество способов повысить свой уровень ян-энергии. Но теперь все перевернулось с ног на голову, мне не хватает духовной энергии. Хотя в последнее время тренировки по укреплению духа стали регулярной частью моего распорядка дня, но этого мало.

— Может, если запечатывание в клонах разных монстров опасно, тогда тебе проще просто найти себя самого, Орочимару? — недовольно сложив руки на груди, предложила Микото.

— Это было бы лучше, но не проще, — поморщившись, ответил я. — Я не владею пространственно-временной техникой, которая бы могла переместить меня хотя бы в то измерение, в котором произошло сражение с Джигеном. Глаза Юко переносят в то место, которое видят, для *Хирайшина* необходимо иметь дзюцушки в точке прибытия и ощущать ее, но ни одна сенсорная техника не дотянется до другой планеты или измерения.

— Если бы можно было попасть хотя бы в одно из связанных измерений, то появился бы шанс попытаться найти место сражения, но пока и это невозможно — заметил я-Чода.

— Пока для меня самая доступная пространственно-временная техника — это призыв, — добавил я. — Из-за особенностей техники, клоны не могут призывать клонов, но они, — я указал пальцем на серьги в ушах Чоды, — или Хиро могли бы совершить обратный призыв. И раз оригинальное тело еще не в этом мире, значит, этот способ не сработал.

— Тагори говорит, что призвать меня всегда было проблемой — на это уходит слишком много чакры. Даже Хакуджа Сеннин не использовал этот прием, — озвучил слова змеи Чода. — Несмотря на желание поглотить меня, он предпочел дожидаться подходящего случая, а не воспользоваться техникой.

— В основном теле сейчас как раз запечатан Хакуджа Сеннин. Можно было бы попробовать провести его призыв, но это почти наверняка не сработает, — Мадара же не смог призвать Кьюби, когда тот был запечатан в Наруто, вряд ли мне повезет больше.

— Классическая техника Призыва точно не сработает, но Хакуджа Сеннин — это же Нурэуба, демон Узумаки, — сложив ладони домиком, задумчиво произнес я-Чода. — А Хакуджа Сеннин теперь я. И Нурэуба тоже.

— Провести ритуал *Камигакари*? — уточнил я. — Сами Узумаки уже не помнят точно, как составлялись техники призыва демонов. Это киндзюцу, которым еще знают, как

пользоваться, но не как создавать. Призыв Нурэуба после смерти Хакуджа Сеннина не удался, ее маски разрушились, нужно было создавать новый ритуал.

— Я говорил не про призыв Нурэуба, — мрачно сказал я-Чода, прикрыв глаза. — Косенджин. Я с ним как-то связан. И этот Джиген все твердил о каком-то моем прошлом.

Скептически взглянув в глаза своего клона, я задумался. На первый взгляд, эта мысль кажется далекой от реальности. Я никак не могу быть связанным со всеми этими древними демонами и ками. Но есть нюанс. Не могу быть связан именно я, как личность. Но, родившись в этом мире, я обрел здесь тело, которое плоть от плоти этого мира. Если реинкарнации Ашуры и Индры могли возрождаться в поколениях своих потомков, то весьма вероятно, что есть какая-то закономерность в наследовании не только фенотипичных признаков, но и связанных с ними характеристик чакры. Новое тело ведь не только физические параметры мои изменило, но и на духовных качествах отразилось. Особенно ярко влияние организма проявилось при обновлении физической оболочки после смерти Наваки. Тогда я просто лишился разума под давлением гормонов.

Так почему не предположить, что совокупность набранных в основном теле кеккей генкай не привела к связи меня с прошлым этого мира? С Косенджином, кто бы это ни был. Если я ненароком вошел в список его наследников, как какой-нибудь Наруто наследовал Ашуре? Вообще, насколько вероятно такое событие? Феномен реинкарнации мне известен только в линиях Ашуры и Индры, и перерождались только эти двое. Почему могла бы она сработать в моем оригинальном теле? Ведь этот клон, Охеми, он обладает, например, совокупностью геномов Учиха и Сенджу. Но он не является реинкарнацией Хагоромо. Мне так кажется. И если клон схож по совокупности геномов с Кагуей, станет ли он ее реинкарнацией? Или это возможно только при полной и окончательной смерти реинкарнирующихся? Кагуя и Хагоромо в каком-то смысле все еще относительно живы.

— Призыв Косенджина опасен, — заметил после обдумывания я. — Я уже давно к нему готовился и всегда откладывал как раз из-за угрозы психическому здоровью призывающего. Но раз уж не так много остается вариантов, то можно попробовать этот. Время не ждет. Кстати, нужно сосредоточить больше усилий на Каре. Эта организация оказалась сложнее, чем выглядела на первый взгляд.

Однако, как же все резко изменилось. Еще позавчера мне казалось, что все идет более-менее согласно моим планам, но уже сегодня мир перевернулся с ног на голову. Я сам пропал, сознание разбито на несколько клонов и не может быть собрано.

Повернувшись к сосредоточенно хмурящейся Микото, я виновато улыбнулся.

— Прости. Некрасиво получилось. Я только попытался стать нормальным отцом и мужем, но тут же пропал.

— Орочимару, ты плохо себя знаешь. Ты вечно пропадаешь. Именно когда ты нужен.

— Да, ты права, — неохотно согласился я.

Удивительно, но Микото повторила почти в точности слова, которые я уже слышал. Причем не в этом мире. Примерно в том же духе высказывалась моя бывшая жена в прошлой жизни. Похоже, я не сильно-то изменился, да? Не сумев нормально умереть, я протащил с собою в новую жизнь все свои привычки. Это и называется кармой, наверное.

— Я постараюсь исправиться, — искренне пообещал я и вспомнил одну вещь. — Можно начать, например, с отмены планируемого брака Дайки с принцессой Страны Снега, если ты этого хочешь, Микото. Будет сложнее наладить дружественные отношения с северным государством, но это небольшая проблема.

— Постой, о той сделке уже можно забыть, — неожиданно сказал Чода. — Вчера вечером на северных берегах соседнего континента появились шиноби Кумо. Похоже, они прошли по территории Страны Снега и перебрались через пролив, который в этом году был почти полностью скован льдом. Я не успел узнать, что они там делают, но по слухам, дошедшим из северных стран, Страна Снега теперь находится под протекторатом Страны Молний. А Казахана Дото, с которым мы вели переговоры, погиб.

— Что?! Когда они успели?!

— Орочимару, — отвлек меня полный сдерживаемого гнева голос Микото.

Обернувшись к ней, я увидел грозно сведенные брови и холодный блеск темных глаз.

— Кушина беременна, Орочимару, — сухим тоном поведала Учиха, вставая с кушетки и направляясь к выходу из кабинета. — Если ты планируешь какие-то браки... Просто для начала разберись уже с тем, что имеешь.

Остановившись у дверей, Микото обернулась и секунду посмотрев то на одного моего клона, то на другого негромко сказала:

— Пожалуйста.

Сказав это, она решительно отвернулась и вышла, аккуратно закрыв за собой дверь. Я же переглянулся со своим клоном. Испустили тяжкий вздох мы почти одновременно.

— Ты же знал, что так будет, — с упреком предъявил мне я-Чода.

— Так не должно было быть, — упрямо ответил я-Охеми. — Лучше скажи-ка мне, кто мечтал завалить Микото и Кушину? Мол, я же злодей всея мира, оборву порочный круг, не будет Саске и Наруто. И еще ржал, как идиот. И что? Нет теперь Наруто и Саске, да?

— Я был молод... — опустив взгляд, ответил мой клон.

— Тогда мне было уже больше ста лет!

— Но организм-то молодой.

— Молодой, конечно, — сокрушенно повторил я. — Ох, беда точно не приходит одна.

Проведя ладонями по лицу, я попытался согнать с себя усталость и привести мысли в порядок. Не получилось, конечно, но что-то делать все равно надо.

— Пойду, поговорю с Микото и проведу Кушину, — решил я. — Остальное оставлю на тебя.

Уже шагая по коридору с тяжелой гудящей головой, я все четче понимал, во что опять вляпался. И что спокойная жизнь снова миновала меня стороной.

Эпилог. Храм Масок

17 февраля 50 года от начала Эпохи Какурезато

Не могу сказать, как долго я уже нахожусь здесь. Нет ничего, по чему можно было бы отслеживать время. Да и сознание сейчас не способно на это. Состояние чем-то напоминает то безвременье, между смертью в том мире и осознанием себя в этом. Тьма, гнетущее, наполненное то ли замкнутым самим с собой сознанием, то ли окружающей пустотой звуками безмолвья, зыбкая связь с самим собой и с окружением, а вокруг лишь бесконечная бездна небытия. Единственное отличие — я в пустоте не один. Надо мной почти неподвижно в темноте высились уродливые фигуры демонов. Костлявые, распухшие словно утопленники, неестественно вытянутые — они были разными. У всех по-разному горели глаза, были разные оскалы хищных пастей, разные рога торчали из голов. И настроены они были ко мне, похоже, по-разному тоже.

Мне не нравилось, что эти фигуры все еще маячат надо мной. Я призвал их, чтобы они растерзали Исшики, но после этого уходить они не собирались. Ждут платы? Призыв демонов без использования специальной маски всегда заканчивается фатально для призывателя. Интересно, а были ли до меня такие уникамы, которые догадались призвать сразу несколько демонов? Что происходит в этом случае? У меня есть уникальная возможность это узнать, однако пока я стараюсь отсрочить момент истины. Чакра в умирающем теле практически остановилась, но мне пока удается поддерживать технику Призыва. Есть ли в этом смысл? Не знаю. Это тело неумолимо умирало, и помочь себе я был не в состоянии. Система циркуляции чакры получила слишком серьезный урон, исцелить ее самостоятельно у меня не выйдет. Однако сдаваться пока я не собирался.

Нависающие над головой монстры с горящими глазами заставляли невольно тянуть время.

Не всех из них я узнавал, но вот Хашихиме стоит прямо надо мной. По ее бледному лицу катятся капельки слез, подобные шарикам ртути. Рядом в темном сумраке этого измерения терялись очертания гигантского чьего-то змееподобного тела. И тут же из пустоты выглядывала огромная демоническая морда и нависала неподалеку от меня, сияя блюдцами багряных глаз. Судя по схожести этих самых глаз с Кецурьюганом — это Оэчиноками. А эта аморфная туча, значит, Умибодзу. А коренастого, широкоплечего демона возле Хашихиме я не знал. Однако у меня возникало ощущение, что они стоят ближе ко мне, словно отталкивая в сторону часть других демонов.

Это странная мысль, но духовное давление, сакки демонов, если это можно так назвать, было настолько плотным, что можно было физически ощущать напряжение среди них. Сомнений в этом не было. Если здесь собрались разные группировки, и они уже начинают делить добычу, то это даже забавно. Забавно, что я здесь в роли добычи. Я отвык от подобных ситуаций и чувств, с ними связанных, но за последнее время мне пришлось их вспомнить сначала с Исшики, а теперь и здесь. Похоже, спасаясь от Ооцуцуки с помощью демонов, я нырнул из огня да в полымя.

Так или иначе, долго затишье продолжаться не может. Призыв демонов отличается от обычной техники призыва с жертвенной кровью и контрактом. Пока дзюцу связывает меня и призванных, я в относительной безопасности. Но стоит ему прерваться, и все преграды на пути демонов исчезнут. Похоже, все именно так и есть. А раз последние крохи чакры у меня

на исходе, значит, на исходе и мое время. За время, пока я лежу тут, пронзаемый горящими и хищными взорами потусторонних существ, в повисшем и замкнувшемся терминальном состоянии биологических систем организма и сознания, мне в терзаемую собственным разумом голову пришли идеи, как из текущего положения попытаться выйти.

Один раз уже погибнув, я испытывал знакомые ощущения помутнения сознания и заторможенности, в котором соображать просто не получается. Состояние шока и близкой агонии — организм уже почти мертв и цепляется за свое существование на последних резервах, системы и органы выходят из строя. Честно говоря, сейчас я уже не должен иметь способность хоть как-то воспринимать реальность. Однако погибает лишь тело. Носитель моего сознания. И пусть я не могу перенести его в другой носитель, но что если я смогу вырваться из оков физического организма?

Техника Като Дана или Тобирамы? Они слишком тесно связаны с телом. Нет, нужно более простое и вместе с тем сложное решение.

Если нужно избавиться от оков организма, то нужно дать ему погибнуть хотя бы на время.

Проблема в том, что я не уверен, удастся ли при этом совершить задуманное. Теоретически я понимаю, что нужно сделать и как действовать. Но получится ли на практике? Попытка лишь одна. Так или иначе, время на исходе, а мне ничего иного в голову не пришло. Скоро волей-неволей придется воплощать идею в жизнь. Не лучше ли это делать, оставив себе хоть шанс и сохранив чакру?

— Хватит рыдать, Хашихиме, — посмотрев вверх и увидев, как тают в нескольких сантиметрах от моего лица ртутные капельки слез киджо, слабо прохрипел я, выдавив из себя усмешку. — Ты уже большая девочка.

Если что-то пойдет не так, и я вовсе покину сей мир, то хотя бы попытаюсь сделать это не совсем уж уныло. Конечно, смерть никогда не бывает красивой, но покрасоваться напоследок это мне не мешает.

Через миг сознание накрыла тьма. Душа не имеет глаз и прочих органов чувств, покидая тело, привычное видение окружающей действительности остается позади. Весь материальный мир уже не имеет власти над душой. Остается только неумолимая бездна рока, тянущая вперед. И даже полный духовных сущностей потусторонний мир шиноби на самом деле более материальный, чем может показаться. Все жители в нем имеют тела, пусть и духовные. И у меня такое тоже должно быть, нужно только вытянуть, вырвать его из тела обыкновенного.

Это оказалось задачей нетривиальной. Наверное, обычным людям этого мира было проще, но я не сразу смог ухватиться за ту проекцию тела, за *рэй*, как это называю я, или *тамашу*, если говорить терминами местных аборигенов. С моим устройством души и сознания все было сложнее. И когда перед глазами вновь начали проявляться картины загробного мира, а я все же смог ухватиться и удержать зыбкое пограничное состояние духовного существования, то мое тело на вырванных каменных осколках из измерения Исшики уже замерло и перестало биться в агонии. Но, кроме этого, произошли и иные изменения.

Призрачное пространство вокруг меня сотрясилось от ударов духовной энергии. Подобно оглушающему грохоту, отголоски схватки обрушились на меня. Это было уже не просто проявление сакки, это были полноценные техники, в которых я с ходу не мог ничего понять. В этом мире вообще сложно ориентироваться, здесь не привычное трехмерное

пространство, здесь все иначе. Кто на кого напал, кто с кем сражался — ответить не могу. Но было понятно, что демоны сцепились с демонами. Их тела деформировались, атакуя и принимая урон. Из них изливалась энергия, формируя причудливые структуры, впивающиеся в противников или разрушающие чужую энергию. Диковинное сражение поражало и сбивало с толку, как и само бытие в новой форме. И поэтому я не сразу заметил, что возле моего застывшего физического тела крутится едва видимая сущность, постепенно вливающаяся в него.

Еще кто-то решил, что я могу послужить сосудом для чужой души? Как же вы меня за эти пару дней достали!

Порыв исторгнутой мной духовной энергии смел липнущую к моему физическому телу сущность, унеся ее в пустоту, где она быстро растаяла за выворачивающими восприятие изломами мерностей пространства.

Ну, кажется, теперь я не совсем беззащитен.

Затылком почувствовав угрозу сзади, рефлекторно отшагнул в сторону и подставил под возможный удар Кусанаги, не сразу сообразив, что меча у меня с собой нет. Осознав ошибку, уже собирался просто отступить, полностью уйдя от возможной атаки, но, к своему удивлению, услышал позади звон металла и скрежет соскальзывающего по пламенеющему мечу вражеского клинка. Волна сакки и быстрое движение ног — я оказываюсь за спиной парализованного намерением убийства противника. Но техника Сацуи но Яйба сработала не так эффективно — синекожая фигура в белом кимоно и с коротким танто в руках растаяла, ускользнув от широкого режущего удара.

Я попытался использовать все свои приемы, в которых задействовались чистые духовные атаки, но они против Шинигами оказались не особо эффективны. Печально. Что еще я могу сейчас применить?

Ответ на этот вопрос был дан почти в то же мгновение, когда пространство вокруг начало изменяться. Угроза ощущалась сразу со всех сторон. Боль, сначала слабая, но со временем все нарастающая, начала пронзать тело, вгрызаясь в сознание. Перед глазами выросли заросли колючих, сухих кустарников, на длинных колючках которых болтались гниющие ошметки кожи, жира и мяса. Они были словно содраны с людей хищными растениями, которые сжимали вокруг меня кольцо, подобно змеям.

Гендзюцу. Точнее, формирование некоего подобия реальности в этом нематериальном мире с помощью своей духовной энергии, но по сути это похоже на гендзюцу. Привычное движение свободной от меча руки для формирования ручной печати — гниющий сад начал тонуть в потоке размывающей его тьмы. Прикосновение ногтем к острейшей кромке лезвия рождает тонкий, на грани слышимости, металлический звук — новая иллюзия разрушила остатки колючих зарослей, разбив на осколки, словно отражение в зеркале.

Сражения демонов в их родной стихии — они имели свою специфику. Попытки расчленив духовное тело, поглотить энергию, из которого оно состоит, погрузить сознание в иллюзию, которая наносила реальный ущерб для нематериальных сущностей, разрушающие волны сакки. К этому нужно было привыкнуть, чего мне сделать не дали. Я был подобен слепому щенку в окружении стаи гиен. Сам мир был непривычен, я не мог ориентироваться в нем.

Да, проклятье, я даже сбежать не мог!

Неумело пытаясь отбивать атаки демонов, я пропустил несколько ударов. И без того неважное состояние ухудшилось. Потоки гендзюцу, болезненные уколы чужим сознанием,

стремящиеся уничтожить саму мою суть. Очередной выпад Шинигами заставил раздраженно оскалиться.

— Да вы бесите!

Демоны из недоделанного загробного мира, чтоб вас! Бог смерти! Да вы даже не знаете, что такое настоящая смерть!!!

Волна неудержимого сакки рванула от меня в стороны, но быстро словно забуксовала, начав обрушиваться сама в себя, уничтожая, пожирая само пространство духовного мира. Из формирующегося вокруг меня водоворота дышало так хорошо знакомое небытие. Формирующиеся образы чужих иллюзий начали рассыпаться, сталкиваясь раскручивающимся темным водоворотом вокруг меня. Он заставил отступить демонов, становясь разрывом в пространстве загробного мира. Из воронки словно выглядывала пустота, ничто. Его сложно описать, сложно осознать, не ощутив всем своим естеством и не принеся с собой частичку этой неумолимой роковой силы.

Почувствуйте, что значит смерть!

Они этого делать не пожелали. Сумрак этого ненормального измерения начал поглощать одного за другим демонов, их горящие глаза растворялись в пространстве, белые одежды сливались с ним. Остались лишь зеркально блестящие блюдца глаз Хашихиме да сияющие багрянцем очи Оэчиноками и еще одного демона. Я не был уверен, что прочие отступили надолго, поэтому еще некоторое время поддерживал напор духовного давления, наполненного воспоминанием о своем небытии. Но никто более не торопился атаковать, а я оказался более серьезно вымотан, чем думал изначально.

Пришлось успокоиться и осторожно подавить выплеснутые эмоции, внимательно следя за маячившими неподалеку фигурами.

Хашихиме — ее отношение ко мне давно было странным. И сейчас хоть я и не могу судить об этом с уверенностью, но она и еще несколько демонов как будто защищали меня. Без их поддержки, сомневаюсь, что прочая загробная братия отступила бы так легко. И то, что они не торопятся уходить — тоже о чем-то говорит. О чем вот только?

Странно это.

Наверное, с минуту простояв, просто обмениваясь взглядами с Хашихиме и прочими оставшимися демонами, я так и не понял, чего они ждут или чего хотят. По исковерканным лицам сложно что-то понять. Их эмоции вообще невозможно считать. Что скрывается за этими зеркально блестящими блюдцами глаз — поди разбери.

Не дождавшись никаких намеков или реакций, я осторожно, не сводя взгляда с демонов, шагнул в сторону, ко все еще распластанному на камнях своему телу. Нужно было оценить степень полученного урона и возможности его исцеления.

Первый осмотр не принес никаких хороших новостей. Досталось мне, конечно, крепко. Рваные раны по телу, открытые переломы, грудная клетка — вообще без слез не взглянешь, все кости в стороны и сквозь кожу торчат. Височные кости вмяты. Когда только успел схлопотать по черепушке?

Печальное зрелище. Системы и органы не функционировали. Отдельные ткани все еще можно считать живыми, но без питания они недолго протянут. Не уверен, что в этом месте могут начаться процессы гниения даже при наличии внутренней микрофлоры, но если оставить все, как есть, то неминуемы автолитические процессы, гидролиз клеток и тканей под действием собственных ферментов. Нужно хотя бы создать условия искусственного поддержания их жизнедеятельности. Что-то вроде условий в печати, в которой хранится

тело Хакуджа Сеннина.

В ней с помощью чакры и природной энергии в организме Змеи-Мудреца поддерживались прижизненные биохимические процессы, в которых микроэлементы, органика, кислород и прочие необходимые вещества заменялись чакрой, а сам организм Хакуджа сохранялся в неизменном состоянии. Этот процесс можно попытаться обратить вспять. Если раньше я питал Белого Змея в печати и получал от него бонусы в виде улучшения качества энергии, то теперь можно заставить уже мой собственный организм питаться запечатанной в нем змеей.

Пока я не знаю, во что вляпался и как мне из новой передряги выбраться, поэтому лучше сохранить все, что у меня при себе есть. Пригодится. Тем более не зря же к моему телу такая нездоровая тяга. Даже здесь к нему успела присосаться какая-то сущность, пока я приходил в себя. Кстати, надеюсь, ничего там внутри не сломалось.

Так. Интересно... Что-то странное. При прикосновении к поврежденным меридианам очага чакры моя призрачная рука словно проваливается куда-то. Именно здесь к моим бренным останкам присосался тот непонятный паразит. Что за ерунда?

Здесь таится слишком много опасных существ с самыми разными способностями. Я даже представить не могу, что могла сделать та сущность. Но... моей руки словно касается нечто знакомое. Ветерок? Живая природная энергия! Неужели...

Я всем своим призрачным телом устремился к этой аномалии в останках своего материального организма. В нем появилась словно узенькая щель, из которой сквозила знакомая энергия. Если та тварь смогла как-то пробиться через меня в мир живых, то это мой шанс! Нужно только...

Проклятье! Почему так узко?! Я ведь был уже почти там. Энергия просачивалась слишком неохотно, но я мог уцепиться за что-то. Горячие, осязаемые узелки, связывающие тот мир и этот. Проклятье! Я... уже... почти... здесь!!!

Я почти услышал треск, с которым оборвались эти тонкие нити с узелками, за которые отчаянно цеплялся. И захлопнувшаяся щель, созданная одним из местных жителей, отшвырнула меня назад. Поток природной энергии оборвался. А я остался все так же один на один с собственным трупом и несколькими демонами.

Гадство.

***

Подперев голову кулаком, в одном из помещений храма в Отогакуре юная девушка с огненно-рыжими волосами и в одежде мико перебирала свободной рукой россыпь деревянных маленьких табличек перед собой. На каждой из них с одной стороны был разного качества рисунок лисы, с другой — несколько строк либо старой записью, либо новой. Эма, таблички-подношения с прошениями и благодарностями ками, были давней традицией. Изначально на них ритуально изображались жертвы, приносимые богам, но с приходом Рюджина, рисунок зверей стал неким абстрактным символом, имеющим цель обозначить суть прошения и того, кому оно должно предназначаться.

И в последнее время лиса на эма означала просьбы помощи в любви.

— Просто признайся ей, идиот! — после прочтения мико очередного пожелания, раздалось в комнате раздраженное восклицание, а деревяшка с силой была брошена в корзину к прочим эма. — Скучно! Они все тупицы. Малолетние придурки. Если любишь — действуй и побеждай, или прими поражение. Зачем страдать самому и заставлять страдать меня?!

— Ты же знаешь, Курама, ты можешь просто отказаться от этой работы, — кинув взгляд на Кьюби поверх книги в руках, напомнила Мататаби.

— Для этого нужно будет признать свою неправоту с Кушиной, — сложив руки на груди, гордо ответил девятихвостый биджу. — А это, вообще-то, было простым следованием советам Орочимару. Самые потаенные желания Кушины исполнены. И попутно у Орочимару появилась влюбленная в него красотка.

— У людей это считается не очень-то правильным, — неуверенно заметила Мататаби. — Да и ты это понимаешь, раз сбегал от Орочимару, когда он обо всем узнал.

— Потому что они все тупицы, — ответ Курамы был бескомпромиссным. — И именно это я очень хорошо понимаю, поэтому не искал тогда встречи с Орочимару.

— Значит, он тоже тупица? — задала провокационный вопрос Мататаби.

— И он тоже! — получила Ниби вспльчивый ответ. — И старик Рикудо тоже был таким же. Все люди идиоты, просто потому что они люди! Иначе они не устраивали бы драм на пустом месте. Не совершали бы столько глупостей! И не пропадали бы внезапно!

— Орочимару еще не пропал, — строго напомнила Мататаби.

— Еще не пропал, ага.

— Если считаешь иначе, то почему сидишь здесь, перебирая идиотские, как ты говоришь, пожелания людей?

— Это просьба Орочимару, и я ее выполню, — был дан упрямый ответ. — Я делаю это по своей доброй воле, а не по принуждению.

— Ох, ну, конечно, — не стала спорить Мататаби, вновь возвращаясь к чтению.

Взгляд Курамы ожог Ниби, но той это было совершенно безразлично. И Кьюби пришлось вновь возвращаться к чтению табличек. Это и в самом деле была просьба Орочимару. Или, правильнее сказать, наказание для Курамы за то, что произошло между Орочимару и Кушиной. Как сказал Рюсей, если уж Девятихвостому так нравится лезть в личные дела людей, и он не считает себя виноватым, то его нужно вознаградить — дать возможность сводить пары на постоянной основе.

Возможно, Курама с радостью бы избавился от этой повинности сейчас, но Орочимару и в самом деле не совсем пропал.

— Мататаби, как ты можешь просто сидеть и читать книгу? — поняв, что уже минуту вертит очередную табличку в руках, спросил Курама и выронил из пальцев деревяшку на стол.

— Это лучшее, что я могу сейчас сделать, — ответила Ниби, перелистнув страничку. — Ждать, пока не понадобится моя помощь, и не мешать.

— Проклятье! Мы биджу! Мы должны суметь что-то сделать! — гневно воскликнул Кьюби, ударив изящным кулачком по столу и вскочив со стула.

— Не все проблемы можно решить силой и чакрой, — вздохнув, сказала Ниби, — иначе тебе не приходилось бы сидеть с этими табличками сутки напролет.

— Зачем тогда вообще нужна эта чакра? — с досадой задал риторический вопрос биджу. — Может, если мы попытаемся очистить свою чакру, то сможем помочь Орочимару? Как это делают джинчурики в Кумогакуре. Ты ведь знаешь, как они это делают.

— Очищает чакру джинчурики, а не биджу, — захлопнув книгу, ответила Ниби задумчиво. — Чтобы научиться этому, нам придется победить самих себя. Победить то, что кроется за нашими масками. Я пока не готова к этому. И ты, раз не в силах понять сути своей ошибки с Кушиной, тоже. Мы прокляты еще до рождения.

Курама без сил рухнул обратно на сидение и опустил на стол руки. Уставившись на свои ладони, биджу скривил губы. Эти тонкие кисти с перламутровыми ногтями, лощеные, благодаря усилиям мико, которым нравилось ухаживать за Кьюби — в них не видно никакой силы. Данное Орочимару тело выглядело слабым, и это всегда возмущало Кураму. А сейчас он начинал понимать, что слаб и он сам. Что толку в океане чакры, если он не поможет победить собственную слабость?

— Глаза Рикудо-сама, наверное, могли бы помочь Орочимару, — внезапно добавила Мататаби.

— Глаза старика? — брови на милом личике Курамы невольно взмыли вверх. — А что у него было с глазами?

— Ты не помнишь? — удивилась Ниби, но потом и сама нахмурилась, поняв, что и ее память не полна. — Хотя да, это было так давно. Я помню, что с помощью глаз он нашел путь в Рьючидо. Может, и иные...

Не успев договорить, биджу резко встала, развернувшись в сторону выхода. Словно кошка, она замерла, сконцентрировав внимание на одной точке. Но на это Курама внимания не обратил, почувствовав чудовищный поток сакки. Источник негативных эмоций был настолько силен, что его мог почувствовать каждый. Это давление заставило Кьюби на миг замереть, подобно испуганному зверю, прижать уши к черепу и оскалиться.

Только спустя долгую секунду оба биджу, не сговариваясь, сорвались с места в сторону источника сакки. Курама просто выпрыгнул в окно, разбив деревянную раму. Третий этаж ерунда, собирающиеся расцветать кусты сливы — сбить потоком воздуха. Несколько прыжков — и Кьюби оказывается возле небольшого храма с символом клана Узумаки над входом.

И в тот же момент из того входа с воплем, пятясь назад, вывалился красноволосый парень. Попытался вывалиться, потому что неведомая сила начала оплетать его незримыми путами. Недолго думая, Курама бросил свое тело к Узумаки. Вырвать его из объятий пустоты оказалось непростой задачей. Схватив парня за воротник кимоно, Кьюби, к своему удивлению, услышал только треск ткани, а в его руке оказался лишь обрывок традиционных одеяний жреца.

Это вывело биджу из себя.

— Да ты знаешь, с кем имеешь дело?! — огласил сотрясающийся изнутри от неведомой силы храм свирепый вопль.

Вспыхнувшая аура вокруг Курамы была темно-алого цвета, злой огонь ударил по деревянному полу и стенам. Сухая древесина с треском брызнула белой щепой. Хрипящего уже к этому времени Узумаки охватило пламя чакры Кьюби, вырывая из объятий незримой силы и с силой отбрасывая в сторону.

Потеряв свою жертву, невидимые щупальца потянулись уже к самому биджу. В ярости топнув ногой по деревянным ступеням, ведущим к храму, Курама разнес их в щепки. Волна силы отшвырнула почти физически ощущаемую угрозу, полную ненависти и жажды убийства сущность обратно в здание.

— Курама! — окликнула подоспевшая Мататаби. — Барьер! Шисеки Йоджин!

Техники шиноби. Сложные и скучные! Но Ниби права. Отпрыгнув назад, Кьюби еще в полете сложил печать клонирования. На землю приземлились уже две рыжеволосые девушки, тут же разбежавшиеся в стороны. Еще несколько ручных печатей, заставляющих чакру в теле идти замысловатым путем и изливаться в мир уже рвущимся в небеса столбом

алого света. Четыре световых столба взмыли в небеса почти одновременно, ало горящие стены меж ними замкнули барьер.

Замерев на месте, Курама с силой сжал ладони в печати. Прямо перед ним нечто невидимое продавало стену сантиметров на десять. Капелька пота скатилась по щеке Кьюби, когда барьер вернул свой первоначальный облик и его грани выровнялись.

Что бы ни пробудилось в сотрясаемом изнутри храме, но оно было очень сильно.

***

Поправив широкой кистью несколько неудачных мест, Кушина удовлетворенно полюбовалась делом своих рук. Кажется, получилось неплохо. Вдохнув полной грудью полный запах красок на основе олифы и древесных смол воздух, Узумаки оглядела весь облагораживаемый объект.

Храм Масок в Конохе заметно обветшал. Со времен Мито за ним ухаживал только Орочимару. Похоже, что им были заменены некоторые прогнившие стропила и доски кровли. Но и это было уже давно, а с тех пор храм новее не становился. Кушина помнила, что еще в ее детстве это мрачное здание на лесистой окраине деревни было покрыто облупившейся краской, сквозь которую проглядывало посеревшее от времени дерево. Тогда она побаивалась сюда приходить, да и потом к этому не стремилась. Но недавно в Коноху явилась Узумаки Акичи.

Глава клана оставить храм в непотребном виде не могла, и к восстановлению были привлечены все доступные для этого ресурсы, которые можно было мобилизовать на реставрацию семейной реликвии. Все Узумаки, иными словами, и Кушина не стала исключением. Территорию вокруг облагородили: вывели все вымощенные участки, выкосили старую сухую траву и выкорчевали начавшие прорастать сквозь щели в камнях деревца. Старую краску с самого здания частично содрали, частично спалили. Заодно огнем же обновили посеревшее дерево. Денек ушел на очистку и шпукатурку, потом сутки приводили в порядок внутреннее убранство, и вот сегодня пришел черед покраски наружных стен и крыши.

— Как новенький! — радостно воскликнула Кушина. — Даже лучше святилища Нака Учиха.

Столбы ворот, перила и каркас ярко сияли красным охристым цветом на фоне оштукатуренных и окрашенных известью белых стен. Инага и Ояма заканчивали покрывать крышу замешанной с соком лакового дерева олифой, тщательно пропитывая каждый желобок на досках, по которым должен был стекать дождь. На восстановление здания не жалели денег, поэтому на краску не скупилась, покрыв лаком почти весь храм. Снова заниматься покраской через пару лет ни у кого желания не было.

— Если бы кое-кто хоть немного ухаживал за клановой собственностью все эти годы, то зал и так выглядел бы отлично, — с упреком сказала Акичи, которая стояла рядом с Кушиной, контролируя весь процесс ремонта. — Уверена, что если бы из Учиха в Конохе остался бы лишь один ребенок — и то их святилище Нака было бы в более хорошем состоянии, чем этот храм Масок. Вот в чем с них нужно брать пример, а не в распутности.

— Кто тут распутный?! — возмутилась Кушина.

— Думаешь, я не вижу твоего живота? — посмотрела на джинчурики с жалостью глава клана. — Кстати, даже до меня уже дошли слухи о твоей подруге, о Микото. Говорят, она в обмен на интимную связь с тенгу получила невиданное могущество и мастерство в искусстве шиноби, но за это понесла двух детей от демонов же.

— Ну, это вообще полный бред, знаешь ли, — надувшись, высказалась Кушина, которая тоже эти рассказы слышала. — Эти идиоты! Сколько их не лупи, все равно никак не научатся, что о моих друзьях так говорить нельзя!

Хотя, если подумать, то этот слух еще не так уж плох, на фоне прочих. И, как выяснилось, он даже не далек от истины, если заменить в рассказах тенгу на Орочи...

— Люди всегда жаждут власти, а сила и знание — это и есть путь к ней, — неприязненно заметила Акичи. — Но лень часто больше этой жажды, поэтому они охотно верят в подобную ерунду. Переспи с тенгу — станешь мастером ниндзюцу и тайдзюцу. Или медитируй десять лет, и с просветлением придет грамотность, да ведь?

— Ну, ты и вспомнила, знаешь ли, — пристыженно отвела взгляд Кушина, которая когда-то, не в силах освоить иероглифику, мечтала получить грамотность от высших сил путем медитаций, как один сенин из легенд.

— Я во всякую ерунду про тенгу не верю, — не обратила внимания на невнятный лепет Кушины Акичи, — но я знаю, что там, — старшая Узумаки указала на храм, — есть несколько масок, которые могут дать силу. А за гранью есть еще тысячи и тысячи существ с самыми разными способностями. Но со всеми ними заигрывать очень опасно. А тебе и вовсе ни к чему — у тебя и так есть демон.

— Ты к чему это вообще? — не поняла Кушина.

— Да к тому, что не плоды полудемонов всяких, балда! — отвесив подзатыльник девушке, яростно воскликнула Акичи.

— Ай! Ты чокнулась, что ль?! — схватившись за голову, завопила Кушина больше от возмущения и неожиданности, чем от боли. — Сама же говоришь, что эти слухи ерунда!

— Может, и так, — легко согласилась Акичи, — но о банальной нравственности забывать нельзя. Тем более ты Узумаки, а не Учиха. Ты совсем забыла о наших правилах, оставшись одна в Конохе.

— Я бы с радостью этого не делала, будь моя воля, знаешь ли, — обиженно ответила Кушина.

— Что не делала? Блуду бы не предавалась?

— И это тоже! — запальчиво сказала Кушина. — Я бы хотела, чтобы все было красиво, и свадьба там, и кимоно белое, и чтоб церемония, а потом большую алую накидку — и я все, я жена. Но не получилось.

— Угу, не получилось.

— Да! И если бы ты только знала, что случилось! — гордо улыбнувшись, Кушина посмотрела на Акичи с превосходством, но тут же получила новую затрепину.

— Нашла, чем гордиться, — расстроено покачала головой глава клана и собиралась сказать что-то еще, но замерла, только раскрыв рот.

— Я... — хотела было сказать хоть что-то в свою защиту Кушина, но была остановлена резким жестом Акичи, требующей замолчать.

Глава Узумаки наклонила голову в сторону храма, словно прислушиваясь к чему-то.

— Ты... слышишь стук, Кушина? — осторожно спросила Акичи спустя несколько секунд, ненавязчиво отступив на несколько шагов назад и увлекая за собой младшего члена клана.

— Стук? — не поняла девушка. — Это не доски на место ставят, что ли?

— Всем отойти от храма на сто метров! Немедля! — громко приказала Акичи.

Практически только что вернувшись с войны шиноби отданный таким

непререкаемым тоном приказ был выполнен почти мгновенно и без лишних вопросов. Инага даже обронил емкость с краской, олифа потекла густым потоком по доскам кровли.

— Тихо всем! — снова резко приказала Акичи, вслушиваясь в звуки вокруг храма.

Тихо шелестел ветер между распахнутых окон и дверей, громко ударялись о пол энгавы капли густой олифы с крыши. И редкий, едва слышимый стук раздавался из темного чрева храма. Теперь этот звук был отчетливым и ясно различимым. Странная реакция на него Акичи и детские страхи наслоились друг на друга, вызвав табун мурашек вдоль спины. И вместе с этим начало медленно появляться чувство необъяснимой угрозы, исходящей от храма. Ощущение негативных эмоций.

— Барьер!

Кушина создала технику *Конго Фуса* еще до приказа Акичи, лишь осознав угрозу, о которой предрекали ощущения, даруемые Курамой. Ее Цепи Чакры взмыли в воздух на секунду раньше прочих и первыми замкнули барьер вокруг храма. Тут же с ее цепями начали переплетаться чужие, упрочняя барьер, чтобы вскоре встретить мощный удар чего-то незримого.

— Дерьмо! — от души прокомментировала Акичи зазвеневшие звенья Цепей Чакры и начавшие трястись стены храма.

— Что происходит? — напряженно спросила Кушина, раздумывая, открывать путь к чакре Кьюби или пока повременить.

Храм уже весь трясло, а внутри него клубилась уж совсем неестественная тьма, из которой доносился частый стук дерева по дереву. Почему-то он напоминал стук сухих костей.

— Сейчас разберемся, — решительно ответила Акичи. — Удерживайте барьер!

— Да держим, держим, — нервно ответила Кушина, когда барьер вновь пошел разрядами молний, а Цепи Чакры зазвенели от очередного удара.

Рядом с ней Акичи быстро складывала ручные печати. Хлопок по земле — и от ладони главы Узумаки вперед устремилась черная линия, извилистые письмена отпечатывались прямо на камне и траве, создавая сложный рисунок огромной печати, в центре которой поместился весь сотрясающийся храм целиком. Прямо под сваями здания, на которых оно и стояло, закрутилась спираль водоворота. Одна из мощнейших запечатывающих техник Узумаки, которая могла удержать даже биджу.

— Ха! — резко выдохнув, выкрикнула Акичи, не без труда завершая технику.

По ушам ударил частый треск и угрожающий рокот. Линии печати вспыхнули синеватым светом, над ними зазмеились молнии и вспыхнуло белесое пламя, которое тут же взметнулось вверх, начав облизывать стены храма, который затрясся еще сильнее. Начали отлетать заботливо уложенные доски кровли и крошиться белоснежная штукатурка. Кушина видела, как стекает пот по вискам Акичи, с трудом удерживающей технику, но не могла увидеть ее результат.

Наконец, выхватив из кармана разгрузки небольшой свиток, Акичи вцепилась зубами в его конец, разворачивая длинное пустое полотно из прочной бумаги. Отточенное движение рукой — продолжающая сверкать молниями и гореть пламенем печать начинает сворачиваться, заползая в свиток, отпечатываясь на бумаге. Всего несколько секунд и перед Акичи остались только черные линии на желтоватой бумаге, от которой вился тонкий сизый дымок.

Шумно выдохнув, Акичи осторожно подобрала свиток и аккуратно его свернула, не став

его возвращать в карман. Вместо этого она достала еще один кусочек бумаги и, обернув его вокруг свитка, наложила еще одну печать. И повторила процесс еще два раза. И только после этого она немного расслабилась, на выдохе дрожащим голосом сказав:

— Чёрт. Вроде, поймала...

— Молодец! — уважительно воскликнула Кушина, искренне восхитившись мастерством Акичи.

Так, наверное, даже Мито не смогла бы!

— Еще не все, — держа свиток на вытянутой руке, Акичи свободной смахнула пот со лба. — Нужно проверить, что там. Отправьте сообщение Хокаге! Нужно оцепить храм и установить постоянный барьер. Ояма, Кушина — со мной. Инага с остальными — держите барьер.

— Ты хочешь туда зайти? — не веря, спросила Кушина, опасливо, как и Ояма, вытягивая свои Конго Фуса из переплетения барьера. — Это опасно, знаешь ли. А я, вообще-то, мать почти...

— Идем! — упрямо приказала Акичи, первой шагнув в выбитые двери храма. — Ты джинчурики и куноичи! А там все еще хранятся маски. Если хоть одна из них взбунтовалась, и сквозь нее пролез Рейки, то это конец. Нужно ее уничтожить и срочно!

Кушина, сглотнув, последовала за главой Узумаки и Оямой, чутко вслушиваясь в даруемые Курамой ощущения. Цепи Чакры за ее спиной хищно звенели и, повинувшись воле куноичи, ворвались в пределы храма первыми, готовые наброситься на любую угрозу и отсечь ее от людей.

Только что восстановленные стены более не сотрясались от ударов изнутри, но тьма внутри них была подозрительно густой и плотной. Свет дня проникал внутрь здания неохотно, нужно было привыкнуть к сумраку. Наплевав на возможную опасность от Кьюби, Кушина зачерпнула его чакру, готовясь встретить любую угрозу. Однако, шагнув внутрь храма, они не были атакованы. Внутри была тишина, стук прекратился. И даже тьма словно отступила. Сквозь прорехи в потолке внутрь начал попадать свет.

— И которая? — мрачно поинтересовался Ояма, когда они подошли ближе к стене, на которой висели маски.

— Не знаю, — напряженно ответила Акичи. — Они шумели все. Сейчас посмотрю.

— Да спали их все и дело с концом! — нервно предложила Кушина.

— Ты знаешь, как долго их потом делать? — не оборачиваясь, язвительно спросила Акичи, протянув руку к первой из масок.

И испуганно вскрикнула.

— Что?! — синхронно крикнули Кушина и Ояма, не заметив никакой опасности.

Их Цепи Чакры устремились вперед, но замерли в воздухе, встретив неосязаемое сопротивление.

— Он... здесь... — хрипло ответила замершая Акичи.

— Проклятье! Да кто «он»?! — зло спросил Ояма, пытаясь продавить Цепями взметнувшуюся перед ними незримую стену.

Вместо ответа Акичи затряслась всем телом. Все двадцать семь масок за перед ними вновь затряслись, издавая раздражающую частую дробь. Чувствуя, что волосы на голове встают дыбом, Кушина заметила, как из черных провалов глаз деревянных демонических ликов полились слезы. Жидким металлом, кровью и черным дегтем они падали на пол с неестественно громким звуком. Неведомая сила подхватила тело главы Узумаки, приподняв

над полом. Ее швыряло в воздухе, словно марионетку. Кушина слышала о таком.

Камигакари. Танец одержимости! Это в конец плохо!!!

Конго Фуса с новой силой начали хлестать по незримой стене, вокруг Кушины вспыхнуло пламя ауры Демонического Лиса. Нужно было вырвать Акичи из лап ками! На ней даже нет маски! Никакой защиты. Одержимость против ее воли!!! Дерьмище!!!

Мечущееся в воздухе тело Акичи замерло и опустилось на пол. Ее руки безвольно упали, ее фигура напоминала пришпиленную к стене куклу, которая резко приподняла опущенную голову и устремила свой взгляд вперед, в пустоту. В глазах Узумаки вместо привычной зеленой радужки калейдоскопом кружились черные и белые дуги, а зрачок превратился в алеющую пламенем вертикальную щель.

— *Я здесь!*

Голос был совсем не похож на голос Акичи, хоть слова и вырвались из ее уст. Кушина почувствовала, как слабеют ее ноги. Нужно было бежать. Нет. Не нужно было вообще сюда лезть! Это конец...

И когда Кушина уже готовилась высвободить силу заключенного в ней биджу до полного доступного ей предела, все резко оборвалось. Сначала пропало незримое давление. Потом рухнула на пол обессиленная Акичи. Замерли маски. Последние капли слез упали на дерево пола, оставляя на белых ликах темные разводы. Искривленные в злых усмешках и распахнутые в яростном крике клыкастые рты теперь словно вопили от ужаса и дрожали от страха.

— Проклятье... — дрожащим голосом выдавила из себя Кушина, заставляя себя подойти к Акичи и проверить ее состояние. — Я-а так рожу раньше времени. Какого тут произошло, Ояма? Ояма?

Ответа Кушина не получила, потому что и второй Узумаки оказался лежащим на полу. Тоже без сознания. Без силы Курамы, похоже, перенести давление той стороны было сложно. Но и биджу не мог бы уберечь от всех угроз иного мира, поэтому, когда в зале раздался отчетливо различимый треск дерева, Кушина, без лишних раздумий, схватила Акичи и Ояму в цепи и вылетела из храма. А через секунду в наступившей звенящей тишине раздался тихий звук осыпающегося песка. Одна за другой почти все демонические маски в храме начали разрушаться, осыпаясь на пол горстками древесного праха.